6843

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

6843

БИБЛІОТЕКА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ АНГЛІИ

17684.

(Englische Verfassungsgeschichte)

Рудольфа Гнейста.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

подъ редакціею

С. А. Венгерова.

Цѣна 4 р. 50 к.

ИЗДАНІЕ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, у Ст. Тріумф. вор., д. Мартынова.
1885.

39

64322

Предисловіе.

Такъ называемыя „Constitutional History of England“ до сихъ поръ писались такъ, что обнимали лишь средніе вѣка и отдѣльныя столѣтія послѣ реформаціи. Настоящій трудъ, въ которомъ я отваживаюсь представить въ цѣльной картинѣ тысячелѣтнюю исторію государственныхъ учрежденій такой страны, какъ Англія, требуетъ предисловія, въ которомъ были бы объяснены недостатки и шероховатости изложенія и которое могло бы до извѣстной степени оправдать эти недостатки въ глазахъ благосклоннаго читателя.

Мои прежнія сочиненія объ англійскомъ государственномъ устройствѣ не исходили изъ одного предварительно составленнаго плана. Предметъ, надъ которымъ мнѣ приходилось спеціально работать по занимаемой мною каѳедрѣ—пандекты, не имѣлъ особенной связи съ подобнаго рода трудами, хотя я и по отношенію къ нимъ весьма многимъ обязанъ сочиненіямъ моего незабвеннаго учителя де Савиньи по исторіи права. Но ближайшимъ поводомъ, натолкнувшимъ меня на этого рода работы послужили тѣ проэкты преобразованій въ нѣмецкомъ судебномъ устройствѣ, о которыхъ зашла рѣчь въ началѣ 50-хъ годовъ. Будучи воспитанъ въ строгой школѣ прусскихъ юристовъ въ такую эпоху, когда на судьѣ лежала вся обработка процессуальнаго матеріала путемъ личныхъ объясненій со сторонами, я въ то же время имѣлъ въ теченіе своей жизни случай приходить въ самыя разнообразныя соприкосновенія съ людьми въ различныхъ странахъ,—въ восточной и западной Германіи, во Франціи и въ Англіи; такимъ образомъ я имѣлъ польную возможность съ одной стороны оцѣнить хорошія стороны нашего чиновничества, а съ другой—ознакомиться съ неповоротливымъ механизмомъ и другими недостатками нашего судебной и административной организаціи. Я какъ нельзя болѣе ясно сознавалъ необходимость преобразованійвъ этой области и въ теченіи многихъ лѣтъ выступалъ защитникомъ ихъ въ моихъ академическихъ лекціяхъ въ такую пору, когда большинство моихъ сотоварищей по профессіи относились къ реформамъ, нынѣ уже осуществленнымъ, холодно, или враждебно. И именно то разногласіе мнѣній, на которое мнѣ пришлось натолкнуться и привело меня къ убѣжденію, что такъ называемыя философскія построенія въ государственномъ правѣ главнымъ образомъ вытекаютъ изъ недостатка положительныхъ фактическихъ знаній, о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуетъ и собственное мое сочиненіе о судѣ присяжныхъ (Berlin, 1847 г.).

Лишь періодъ „бури и напора“, наступившій въ 1848 г. заставилъ меня перейти съ юридической на болѣе общую, политическую почву. Болѣе

близкое знакомство съ положеніемъ дѣлъ во Франціи и Англіи и, въ особенности, съ превосходными работами по этому предмету Лоренца Штейта заставило меня болѣе сдержано и скептически относится къ новѣйшимъ конституціоннымъ формамъ государственной жизни. Я отказался отъ представительства въ тогдашнемъ національномъ собраніи, депутатомъ котораго я былъ избранъ, и предпочелъ принять участіе въ управленіи дѣлами одной значительной общины; эта та дѣятельность придала мнѣ то политическое направленіе, которое держится исключительно реальной почвы; опытъ такимъ образомъ привелъ меня къ тому же результату, къ которому онъ ежедневно приводитъ и англійскія правящіе классы въ ихъ общинной дѣятельности.

Между тѣмъ конституціонная борьба въ Пруссіи вскорѣ приняла характеръ рѣшительнаго поединка между двумя основными формами общественной жизни и исходъ этой борьбы въ Пруссіи долженъ былъ окончательно рѣшить дѣло и для всей остальной Германіи. Это заставило меня заняться болѣе основательнымъ изученіемъ тѣхъ реальныхъ основъ, на которыхъ держатся сословныя отношенія въ средней Европѣ и за тѣмъ я попытался разсмотрѣть на примѣрѣ англійскихъ сословій на сколько правы и на сколько неправы, каждый съ своей стороны, какъ феодализмъ, такъ и демократія. (Adel, Ritterschaft in England, 2. Aufl. 1853). Одобреніе, съ которымъ книга эта была встрѣчена во многихъ кружкахъ, могло служить мнѣ достаточнымъ поощреніемъ для дальнѣйшихъ работъ.

За исключеніемъ времени только-чтоотмѣченной борьбы министерское управленіе въ Пруссіи приняло такое направленіе, которое, конечно, нужно было объяснить господствовавшими до сихъ поръ теоріями о конституціонномъ государствѣ, но которое именно въ примѣненіи къ Пруссіи всего нагляднѣе доказывало непригодность всѣхъ французскихъ и бельгійскихъ образцовъ для Германіи. Какъ разъ въ тотъ періодъ, когда эта путаница достигла своего апогея (1853—1856)—были написаны мои изслѣдованія объ англійскомъ административномъ правѣ; изъ всѣхъ моихъ работъ по исторіи англійскихъ государственныхъ учрежденій, это была наиболѣе трудная; ее можно бы было сравнить съ усиліями человѣка, прокладывающаго себѣ путь въ дебряхъ первобытнаго лѣса. Такъ какъ въ моемъ распоряженіи находился хорошій, хотя и недостаточно полный матеріалъ перво источниковъ, то мнѣ и удалось разобраться въ хаосѣ безсвязнаго антикварскаго матеріала, накопившагося вокругъ ядра, представляемаго толкованіями Блекстона; я могъ прослѣдить юридическую связь между всѣми отдѣльными законоположеніями вплоть до среднихъ вѣковъ, а такъ же набрасать, при помощи парламентскихъ документовъ, по возможности вѣрную дѣйствительности картину современнаго парламентскаго управленія (Geschichte und heutige Gestalt der Aemter in England. 1857). Сочиненіе это имѣло въ виду не одно прусское министерское управленіе; оно предназначалось къ тому, чтобы напомнить и другой сторонѣ то, что было позабыто въ конституціонныхъ теоріяхъ во время долгаго спора о формѣ народнаго представительства, наиболѣе соотвѣтствующей требованьямъ времени,—а именно, напомнить о необходимости строить зданіе управленія, начиная снизу. Сочиненіе мое, выполнявшее весьма важный пробѣлъ, осталось не безъ вліянія на Германію, а такъ

же, если не ошибаюсь, отразилось и на слѣдующихъ изложеніяхъ Constitutional History въ самой Англіи.

Однакоже, меня самого этотъ способъ изложенія не удовлетворялъ и потому я отважился приступить къ задачѣ, состоявшей въ томъ, чтобы на основаніи пополненнаго матеріала перво источниковъ написать исторію англійскаго парламента. Но ходъ развитія англійской государственной жизни таковъ, что у меня во время самаго процесса работы, вмѣсто задуманной мною исторіи парламента, вышла подробная исторія англійскаго административнаго права. (Englisches Verwaltungsrecht, II Aufl. 1867. Bd. I, Geschichtlicher Theil, 648 Seiten).

Между тѣмъ, начиная съ 1858 г. въ Пруссіи былъ возстановленъ монархически-конституціонный образъ правленія, при чемъ правительство было проникнуто искреннимъ желаніемъ вернутся къ управленію, основанному на строгой законности и приступить къ дальнѣйшему развитію внутреннихъ подробностей конституціонной организаціи. Въ ту пору я имѣлъ полнѣйшее основаніе вмѣстѣ со многими изъ моихъ политическихъ друзей предаваться надеждѣ, что настала пора, когда „отрицательное направленіе нашей національной политики будетъ замѣнено положительнымъ и когда безцѣльнымъ и безформеннымъ стремленіямъ будутъ противупоставлены ясныя цѣли, опредѣленныя формы и достижимые способы дѣйствія". Въ томъ, что касалось архитектуры государственнаго зданія, всѣ были согласны, что необходима система „самоуправленія"; только подъ этимъ словомъ обѣ политическія партіи и чиновничество по профессіи разумѣли три совершенно различныя и несогласимыя между собою вещи; подобное недоразумѣніе было совершенно естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей при которомъ чиновничество и двѣ различныя группы, образовавшіяся въ нѣдрахъ самого общества, въ теченіи цѣлаго поколѣнія пререкались между собою о конституціи. Не легкое дѣло было примирить господствующіе взгляды съ тою истиной, что въ современномъ государствѣ общинные и окружные союзы не могутъ болѣе быть автономными корпораціями, а могутъ играть роль лишь исполнительныхъ органовъ нашего административнаго права, успѣвшаго достигнуть полнаго своего развитія и что общинные налоги могутъ быть лишь органическою составною частью общегосударственнаго хозяйства, тоже успѣвшаго достигнуть полнаго своего развитія. Изъ этого вытекала необходимость органическаго законодательства, которое съумѣло бы стать выше партійныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, въ Англіи всѣ подробности внутренняго устройства конституціоннаго зданія были созданы въ свое время не парламентскимъ законодательствомъ, а органическими законами государственнаго совѣта, (Privy Council). Въ виду этого рода законодательныхъ работъ, или, по крайней мѣрѣ, для предотвращенія слишкомъ поспѣшныхъ попытокъ организовать общинное и окружное управленіе по французскому образцу, и было издано мною наскоро сочиненіе. „Die Englische Communal Verfassung oder das System des Selfgovernement". (1860). Между тѣмъ начатыя въ то время законодательныя работы были вскорѣ прерваны конституціонными пререканіями и политическими событіями, которыя, въ дальнѣйшемъ своемъ результатѣ привели къ созданію Гер-

манской имперіи. Я воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобы обработать болѣе тщательнымъ образомъ исторію англійскаго selfgovernement (Englische Communalverfassung, II Aufl. 1863. Bd. I S. 1—400), и до того момента, когда въ Пруссіи дѣйствительно начался періодъ органическаго законодательства, успѣлъ издать краткій обзоръ современнаго состоянія англійскаго selfgovernement. (Engl. Communal Verf. III Aufl. 1871).

Послѣ того, какъ вопросъ о прусской, а слѣдовательно и объ общегерманской конституціи былъ благополучно разрѣшенъ, настала пора приступить къ дѣйствительно созидательной дѣятельности и въ такое время необходимо было выступить съ положительными предложеніями реформъ въ системѣ управленія, преимущественно въ томъ, что касалось полицейскаго управленія, административной юрисдикціи, общинныхъ налоговъ, городскаго положенія и т. п. (Verwaltung, Justiz, Rechtsweg, etc. Berlin, 1869). При этомъ, въ примѣненіи къ Пруссіи я бралъ въ основу своего изложенія исключительно законодательство Штейна и Гарденберга, касавшееся соціальныхъ и административныхъ реформъ, а такъ же, городовое положеніе 1808 г. и существующія формы управленія въ сельскихъ и городскихъ общинахъ, при чемъ тщательно избѣгалъ упоминать о какомъ-нибудь имени или учрежденіи, взятомъ изъ англійской жизни, примѣнительно къ условіямъ, существующимъ въ Германіи; но при этомъ я считалъ позволительнымъ проводить параллели между нашими и англійскими порядками въ такихъ вопросахъ, относительно которыхъ наше чиновничество не располагаетъ достаточнымъ запасомъ практическихъ наблюденій для созданія новыхъ комбинацій въ административномъ правѣ и въ общинномъ управленіи. Послѣ этого я издавалъ ежегодно сочиненія, въ которыхъ разсматривалъ различные спорные вопросы нашей конституціи, а такъ же, вопросы, касавшіеся реформъ въ нашемъ судебномъ и административномъ вѣдомствѣ; при этомъ я обращалъ особенное вниманіе на законодательныя предложенія, касавшіеся прусскаго окружного управленія, организаціи школъ, общинныхъ налоговъ, административной юридикціи, а такъ же организаціи адвокатуры, судебныхъ должностей, уголовнаго, судопроизводства и т. п.; разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ не разъ заставляло меня возвращаться ко взглядамъ, которыхъ придерживается англійское законодательство и проводить параллели между этими взглядами и нашими.

Такимъ образомъ, рядомъ со связной исторіей англійскаго административнаго права и англійскаго selfgovernement набрался цѣлый рядъ параллелей по различнымъ отдѣльнымъ отраслямъ государственной жизни, при чемъ оказывалось, что англійское и прусское государственное устройство, по значительному развитію верховныхъ правъ государства, замѣчающемуся какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, имѣютъ между собою гораздо болѣе внутренняго сродства, нежели обыкновенно полагаютъ. Правда, вышеупомянутые мои труды, а такъ же та подготовительная работа, которая имъ предшествовала, относится къ такой эпохѣ, когда мое отечество было охвачено политическимъ движеніемъ, взволновавшимъ его до самыхъ сокровенныхъ нѣдръ; (послѣдніе годы царствованья Фридриха Вильгельма III: царствованье Фридриха Вильгельма IV, регенство, правленіе Вильгельма

какъ короля и затѣмъ, какъ императора). При томъ мнѣ приходилось удѣлять время на эти работы среди многообразныхъ занятій, лежавшихъ на мнѣ, какъ на университетскомъ преподавателѣ, среди занятій по должности моей, какъ судьи и члена общиннаго управленія, которую я занималъ въ теченій многихъ лѣтъ, а такъ же среди столь же многолѣтней дѣятельности въ парламентѣ и въ различныхъ ферейнахъ.

Если эти условія и вліяли благопріятно на мой трудъ въ томъ смыслѣ, что давали мнѣ возможность выработать себѣ болѣе разносторонній и безпристрастный взглядъ на положеніе дѣлъ, то съ другой стороны, они не могли не отозваться на формѣ изложенія ко вреду послѣдней; къ тому же, при обработкѣ того или другаго вопроса въ виду какой-нибудь ближайшей, практической цѣли, общая связь цѣлаго не могла быть сохранена и выражена надлежащимъ образомъ.

Обстоятельство это возбудило во мнѣ естественное желаніе разработать исторію англійскихъ государственныхъ учрежденій въ болѣе объемистомъ и цѣльномъ сочиненіи, въ основу котораго должна была войти моя исторія англійскаго административнаго права, какъ наиболѣе законченная изо всѣхъ моихъ предшествующихъ работъ; изъ этой же книги я могъ сохранить и дѣленіе на періоды и отдѣлы, такъ какъ по первоначальному плану она была задумана, какъ исторія парламентскаго права. Въ томъ, что касается собственно послѣдняго предмета, настоящая книга есть не что иное, какъ третье изданіе выше названнаго труда. При этомъ мнѣ пришлось извѣдать нѣчто подобное тому впечатлѣнію, которое хорошо знакомо изъ собственнаго опыта каждому нѣмецкому судьѣ: нерѣдко случается, что когда состязательный процессъ послѣ цѣлаго ряда частныхъ постановленій, состоявшихся во время разбирательства, подходитъ къ произнесенію окончательнаго приговора, передъ судьею выступаютъ различныя ошибки, односторонніе сужденія и пробѣлы, которые возникли при обсужденіи тѣхъ или другихъ предварительныхъ и частныхъ вопросовъ. По счастью, подобные промахи писателя не имѣютъ юридической силы и допускаютъ дополненіе, исправленіе и смягченіе тѣхъ взглядовъ, которые въ первоначальномъ своемъ выраженіи заходили слишкомъ далеко. Особенно много помогли мнѣ въ исправленіи сказанныхъ недостатковъ превосходныя историческія работы Фроуда, Фримана, Стеббса и др.

Съ другой стороны, мнѣ при изложеніи предмета настоящей книги приходилось бороться съ трудно преодолимымъ затрудненіемъ, а именно съ чрезмѣрнымъ обиліемъ матеріала. Въ исторіи государственныхъ учрежденій должна быть воспроизведена картина постоянныхъ взаимодѣйствій, происходящихъ между государствомъ и обществомъ, между государствомъ и церковью, между конституціей и администраціей, между крупными и мелкими явленіями; всѣ эти факторы вступаютъ между собою въ такія безконечно сложныя сочетанія, что дать связную картину ихъ, даже возвращаясь безпрестанно къ моментамъ, повторяющимся въ различныхъ комбинаціяхъ, можно лишь въ весьма несовершенномъ видѣ. Исторія государственныхъ учрежденій тѣмъ и отличается отъ исторіи права, указывающей на основаніи цитатъ изъ источниковъ права происхожденіе догматовъ частнаго и уголовнаго права,—что въ ней изслѣдователь

имѣетъ дѣло съ живымъ государственнымъ организмомъ и долженъ разсмотрѣть его происхожденіе, жизнь, развитіе, съ цѣлью прослѣдить вплоть до настоящаго времени не останавливающійся процессъ творчества во всей его совокупности.

Но и въ настоящемъ своемъ несовершенномъ видѣ моя исторія англійскихъ государственныхъ учрежденій, надѣюсь, дастъ понятіе читателю о той сплоченности отдѣльныхъ частей государства и общества, которая лежитъ въ основѣ историческаго развитія всѣхъ государственныхъ учрежденій и которая имѣетъ рѣшающее вліяніе на судьбы всѣхъ націй. При разсмотрѣніи вышеупомянутыхъ взаимодѣйствій передъ нами оживетъ исторія прошлыхъ вѣковъ и въ ней мы увидимъ, какъ въ зеркалѣ, отраженіе стремленій настоящаго; но прежде всего мы увидимъ въ ней дѣйствіе высшей силы, которая руководитъ судьбами націй какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Всякій, кто, приступивъ къ изученію тысячелѣтней исторіи Великобританіи съ неизбѣжною односторонностью политической, церковной, или соціальной точки зрѣнія, прослѣдитъ эту исторію, добросовѣстно стараясь уловить связь между ея явленіями, вынужденъ будетъ измѣнить или дополнить многія изъ предвзятыхъ мнѣній, съ которыми онъ приступилъ къ такому изученію. Къ подобному же результату приводитъ и самодѣятельность людей среди безконечно разнообразныхъ отношеній, возникающихъ въ публичной жизни, какъ на широкой аренѣ политической дѣятельности, такъ и въ болѣе тѣсныхъ сферахъ общественной дѣятельности; именно эта-та привычка къ общественной самодѣятельности сдѣлала англійскую націю и ея правящій классъ способными къ политической свободѣ и воспитала въ нихъ партіи, способныя управлять страною. Быть можетъ мнѣ въ послѣдующихъ моихъ работахъ въ той же области удастся изобразить эти взаимодѣйствія въ еще болѣе простой и наглядной формѣ; но какъ бы то ни было, только въ нихъ надо искать объясненія того загадочнаго явленія, которое мы замѣчаемъ въ жизни европейскихъ государствахъ, именно то, что между тѣмъ какъ въ иныхъ странахъ рядомъ съ измѣненіями къ лучшему, происходящими въ отдѣльныхъ членахъ государства и общества, замѣчается нѣкоторый регресъ въ цѣломъ, въ другихъ странахъ, наоборотъ, отдѣльные элементы не идутъ впередъ и, даже, по временамъ какъ бы регрессируютъ, между тѣмъ какъ въ цѣломъ проявляется мощное прогрессивное движеніе.

Берлинъ, апрѣль 1882 г.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

Англосаксонская эпоха.

§ 1.

Англосаксонскія основы. *)

Эгбертъ 800—836.
Этельвульфъ 836—857.
Этельбальдъ 857—860.
Этельбертъ 860—866.
Этельредъ 866—871.
Эльфредъ 871—901.
Эадвардъ Старшій 901—924.
Этельстанъ 924—941.
Эадмундъ 941—946.
Эадредъ 946—955.
Эадви 955—959.
Эадгаръ 959—975.
Эадвардъ Мученикъ 975—978.
Эадвардъ II Безпомощный 978—1016.
Эадмундъ Желѣзный Бокъ 1016.
Кнутъ 1016—1035.
Гарольдъ Заячья Нога 1035—1039.
Гартакнутъ 1039—1042.
Эадвардъ Исповѣдникъ 1042—1066.
Гарольдъ II. Январь—Октябрь 1066.

Съ половины пятаго столѣтія начинается постепенное завоеваніе Британскаго острова *Саксами*, *Англами* и *Ютами*. Враждующіе между собою, частью изнѣженные, частью одичавшіе бритты побѣждаются въ цѣломъ рядѣ упорныхъ сраженій; отъ городовъ временъ римскаго владычества остаются однѣ развалины, римскіе культурные элементы и христіанство исчезаютъ, туземное населеніе частью вытѣсняется въ горы, частью превращается въ крѣпостныхъ или же переходитъ въ разрядъ бѣднаго крестьянства. Вотъ отчего въ Англіи нѣтъ тѣхъ своеобразныхъ отношеній, которыя образовались

*) Объ источникахъ этого періода подробныя указанія можно найти у Lappenberg, Geschichte Englands, Bd. I. Введеніе. Срав. также Gneist, Geschichte der Communalverfassung стр. 7—9. Ниже цитируемые законы приводятся по изданію Reinhold'a Schmid'a, Die Gesetze der Angelsachsen, 2 изд. 1858. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ цитаты приводятся здѣсь по оффиціальному изданію Record-Commission (Thorpe) Ancient Laws and Institutes of England 2 vol. in 8. 1840. Отдѣльные королевскіе законы цитируются нами съ тѣми сокращеніями, которые употребляются у Шмида, а именно: Athlb. (Aethelbirht), Whtr. (Wihtraed), In (Ine), Alfr. (Aelfred), Edw. (Edward Старшій), Athlst. (Aethelstan), Edm. (Edmund), Edg. (Edgar), Athlr. (Aethelred), Cn. (Cnut). Изъ законовъ норманскаго періода Leges Guilelmi Conqu. тоже главнымъ образомъ заключаютъ въ себѣ англосаксонскія узаконенія. Точно также и такъ на-

въ Западной Европѣ благодаря смѣшенію германскаго элемента съ романизированнымъ провинціальнымъ населеніемъ, римскою культурою, римскимъ провинціальнымъ и церковнымъ устройствомъ.

Съ другой стороны завоеваніе повело за собою распаденіе родоваго быта, еще существовавшаго на родинѣ завоевателей. Собственно говоря, первоначальное заселеніе Британіи происходило путемъ сплошной эмиграціи небольшихъ племенъ (такъ именно было у Англовъ), съ женами, дѣтьми и батраками. Но дѣло въ томъ, что по мѣрѣ развитія колонизаціи въ Британію прибывали все новые и новые отряды переселенцевъ (подобно тому какъ это было при заселеніи мархій Восточной Германіи) вслѣдствіе чего старые роды все болѣе и болѣе раздвигались и родовые узы слабѣли.

Въ новой родинѣ переселенцы, повидимому, группировались главнымъ образомъ вокругъ крупныхъ и мелкихъ вождей своихъ, изъ среды которыхъ произошли позднѣйшіе королевскіе.

Послѣ завоеванія страны послѣдовалъ *дѣлежъ земли*. Нормою была принята hida, familia, mansus, равняющаяся, по изслѣдованіямъ Кембля, 33 саксонскимъ акрамъ=40 норманскимъ акрамъ. Къ этому присоединились: лугъ и пользованіе лѣсомъ въ той степени, въ которой оно необходимо для крестьянскаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завоеватели захватили обособленныя, подворныя земельныя владѣнія британскаго населенія. Кромѣ этого безконечныя междуусобія отдѣльныхъ королевствъ въ значительной степени содѣйствовали разрушенію родовыхъ узъ и развитію частнаго владѣнія со всѣми его вредными послѣдствіями для общественнаго устройства

зываемые Leges Henrici I въ существенныхъ своихъ частяхъ представляютъ собою ничто иное, какъ частную компилляцію англосаксонскихъ правовыхъ установленій позднѣйшаго времени, сдѣланную въ срединѣ 12 столѣтія. Наравнѣ съ ними и Leges Eduardi Confessoris скомпилированы частнымъ лицемъ (повидимому въ 12 столѣтіи) по различнымъ грамотамъ и извѣстіямъ объ англосаксонскихъ юридическихъ нормахъ. Англосаксонскіе первоисточники цитируются здѣсь по Кемблевскому Codex diplomaticus 6 vol. 1839—1846. 8.

Изъ англійскихъ историческихъ сочиненій мы преимущественно пользовались слѣдующими Kemble, The Anglo-Saxons in England. 1849. 2 vol. (переведено на нѣмецкій яз. Брандисомъ. По этому переводу мы и цитируемъ). Затѣмъ Sir Fr. Palgrave, the English Commonwealth 1831. 32. II. vol.; Sharon Turner, History of the Anglo-Saxons 1799—1835. 3 vol. съ дополнительнымъ томомъ: The history of the manners, landed property и т. д. Много новыхъ данныхъ для англо-саксонскаго періода заключаютъ въ себѣ Freeman, History of the Norman Conquest. vol. I. II. III. 2 изд. 1870 и Will. Stubbs, The Constitutional History. vol I. главы I—VIII. (1874). Очень искусно составленную и удобную для пользованія хрестоматію юридическихъ грамотъ и историческихъ свидѣтельствъ представляетъ собою W. Stubbs, Select Charters and Illustrations of Constitutional History (2 изд. Оксфордъ 1874 г.). Нѣмецкія сочиненія: Konrad Maurer'a въ „Münchener Kritische Ueberschau“ Bd. I. начиная со стр. 47 и далѣе, а также въ томахъ 2 и 3.—обозрѣніе главныхъ моментовъ исторіи англосаксонскаго права. Phillips, Geschichte des Angelsächsischen Rechts 1825. Lappenberg, Geschichte Englands Bd. I. 1838.

и простоты нравовъ. А между тѣмъ въ немногихъ странахъ Сѣверной Европы почва и климатъ въ такой степени располагали къ мирной земледѣльческой дѣятельности и спокойной жизни у семейнаго очага.

Уже въ началѣ X вѣка появляются выраженія Bôc-land и Folk-land, вполнѣ соотвѣтствующія понятіямъ ager privatus и ager publicus. Первоисточники англосаксонскаго періода не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно ранняго развитія частнаго владѣнія и легкости его отчужденія путемъ письменныхъ договоровъ. Точно также не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно крайне неравномѣрнаго распредѣленія владѣнія, установившагося очень рано. Причину этого надо, главнымъ образомъ, искать въ томъ, что многочисленные вожди большихъ и маленькихъ отрядовъ завоевателей, получали при распредѣленіи земель болѣе крупные участки, которые съ теченіемъ времени раздавались ими низшему классу на опредѣленныхъ условіяхъ личныхъ и натуральныхъ повинностей.

Эта неравномѣрность владѣнія уже очень рано значительно понижаетъ положеніе «свободныхъ людей» (Gemeinfreier). Хотя старинная привиллегія «свободнаго человѣка» — крупная вира и судебная защита, которыми пользуется всякій liber homo, остается въ неприкосновенности до самаго конца англосаксонскаго періода даже для безземельныхъ, но за то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ преобладаніе крупнаго землевладѣнія надъ крестьянствомъ и пониженіе общественнаго положенія безземельныхъ «свободныхъ людей» становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Именно устанавливается, благодаря неравномѣрности земельныхъ отношеній, цѣлая система *съемки земли* у крупныхъ владѣльцевъ и *личной службы* у нихъ. Для того и другаго устанавливаются термины Folgan и Hlâfäta, обнимающіе какъ поселившихся на господской землѣ для занятія земледѣліемъ, такъ и поступившихъ на личную службу. Образуется такимъ путемъ новый классъ, носящій общее названіе Gesith'a, хотя судьбы обоихъ подраздѣленій этого класса съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе становятся различными.

Положеніе тѣхъ, которые вступаютъ на личную службу, различно, смотря по значенію того вождя, къ которому служилый человѣкъ нанялся. Служилые люди короля напр. пріобрѣтаютъ такое значеніе, благодаря тѣсной связи ихъ службы съ дѣлами военнаго и судебнаго управленія, что на нее охотно поступаютъ безземельные сыновья самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а иногда такъ даже и совершенно обезпеченные землевладѣльцы. Гезитъ короля образуетъ, вслѣдствіе этого, особенно почетный *высшій* классъ, значеніе котораго увеличивается по мѣрѣ укрѣпленія королевской власти и расширенія государства.

Что-же касается тѣхъ, которые поселяются на господской землѣ, то хозяйственная зависимость отъ землевладѣльца даетъ имъ очень *низкое* общественное положеніе, значительно ниже того, которое они занимали прежде въ качествѣ независимыхъ «свободныхъ людей». Смѣшавшись съ крѣпостными, они образуютъ зависимое и обложенное тяжелыми оброками крестьянство. Дошедшіе до насъ договоры того времени указываютъ на крайнее разнообразіе условій, на которыя сдавалась такая господская земля: поселенцы берутъ ее на время или навсегда, на опредѣленный срокъ или пожизненно, съ оброкомъ изъ натуральныхъ продуктовъ или деньгами, съ обязательствомъ производить полевыя работы для господина въ неограниченномъ размѣрѣ, или-же опредѣленномъ.

Понятно, что приливъ поселенцевъ увеличивалъ цѣнность земельныхъ владѣній и обезпечилъ ихъ собственникамъ всѣ тѣ услуги, въ которыхъ они нуждались въ мирное и военное время. Съ теченіемъ времени эти услуги становятся наслѣдственными и самый размѣръ ихъ въ военное время увеличивается вслѣдствіе упадка, въ которое приходятъ независимыя крестьянскія хозяйства, а въ мирное—вслѣдствіе естественнаго прироста безземельнаго класса, которому нѣтъ другихъ способовъ прокормиться какъ отдавшись землевладѣльцу.

Общественная жизнь англосаксонскаго періода, чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣшительнѣе идетъ въ сторону упроченія соціальнаго неравенства. Составленныя въ болѣе поздній періодъ такъ называемыя **rectitudines singularum personarum**, представляющія собою родъ сельскаго Уложенія, даютъ намъ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, именно въ законахъ о танахъ, въ правѣ генеата и котсаета картину общественнаго строя, основаннаго *на рѣшительномъ* преобладаніи крупнаго землевладѣнія надъ низшими, первоначально вполнѣ свободными классами *).

Въ соотвѣтствіи съ этими имущественными отношеніями развивается и государственный строй, т. е. *военная организація*, *судебная* и *церковное устройство*. Войско, судъ и церковь на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ составляютъ тѣ три основы, изъ которыхъ развивается система общественной жизни Англіи.

I. Въ основѣ военной организаціи Англо-саксовъ лежитъ принципъ всеобщей воинской повинности. Всякій свободный человѣкъ

---

*) Объ имущественныхъ отношеніяхъ подробно трактуетъ Конрадъ Мауреръ въ Мюнхенской „Kritische Ueberschau“. См. также R. Schmid, Glossarium, слова Bôcland, Folkland, Hid. Kemble, Anglo-Saxons I с. 2. 4. и Добавленіе А. В. С. О древнемъ родовомъ бытѣ см. у R. Schmid въ Hermes Band. 32. (1829). Стр. 232—264. О средне-вѣковыхъ общинахъ ср. Nasse, Das Englishe Markensystem.

долженъ былъ лично участвовать въ войскѣ, снаряжать себя на с обственный счетъ и на собственный же счетъ прокармливать себя во время похода. Невозможность единовременнаго исполненія всѣхъ этихъ обязанностей есть главная причина всѣхъ измѣненій въ сословныхъ отношеніяхъ общественной жизни Англо-саксовъ. Небольшое крестьянское хозяйство, достаточное для прокормленія одного семейства, не могло выносить постоянной тягости снаряженія воина. Еще тяжелѣе это было для безземельнаго класса. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія нашелся, когда сейчасъ же послѣ прочнаго утвержденія владычества Англо-Саксовъ на британскомъ островѣ, послѣдовало раздѣленіе народнаго ополченія на сотни (hundreds). Во внутреннемъ устройствѣ этихъ сотенъ нашелся коррективъ для всѣхъ неудобствъ, связанныхъ съ всеобщею воинскою повинностью. Именно, прежде всего устроилось такъ, что сотни, номинально состоя изъ ста воиновъ, въ дѣйствительности заключали въ себѣ меньшій контингентъ. Затѣмъ при наборѣ принимался во вниманіе размѣръ земельнаго владѣнія; дозволялось также взамѣнъ себя выставлять сыновей своихъ или домашнихъ; наконецъ, самое регулированіе всѣхъ подробностей воинской повинности было предоставлено народному собранію, а впослѣдствіи представителямъ отъ короля на собраніяхъ графства. Такимъ образомъ, сотни стали только единицею измѣренія военныхъ силъ. И именно потому то мы видимъ постоянныя измѣненія въ устройствѣ сотенъ, какъ напр. это было при Альфредѣ Великомъ; замѣтимъ однакожъ, что прочной военной организаціи (какъ напр. та, которую вводили капитуляріи каролинговъ) англо-саксонскій періодъ англійской исторіи не выработалъ: внутренній распорядокъ былъ предоставленъ собранію графствъ, что, конечно, не могло не повести за собой крайне разнороднаго и несовершеннаго устройства народнаго ополченія.

Вслѣдствіе всего этого уже во времена гептархіи, отдѣльные вожди должны были прибѣгать для своихъ безпрестанныхъ войнъ, къ помощи другихъ силъ. Мы, именно, видимъ, что они организуютъ изъ своей свиты и домашней челяди—*вооруженныя дружины*, которыми и пользуются по своему *личному* усмотрѣнію. Отсюда то, что всѣ придворныя должности носятъ вначалѣ военный характеръ. Виды на добычу, почести, милости и денежное вознагражденіе побуждало многихъ свободныхъ людей временно присоединяться къ этимъ дружинамъ. Кромѣ добычи, заслуги подобнаго рода вознаграждались, по преимуществу, участками Folkland'а и раздачей разныхъ приближенныхъ должностей.

Такимъ то путемъ вокругъ всѣхъ мелкихъ королей образовалось хорошо обученное войско. Къ народному ополченію слѣдовательно можно было прибѣгать уже только въ случаяхъ крайней необходимости.

Впервые о дружинникахъ этого разряда (иные изъ нихъ имѣли, а иные и не имѣли собственной земли) упоминается въ законахъ Ины. Бо̀льшая вира указываетъ, что успѣлъ уже образоваться военный классъ высшаго разряда. При дальнѣйшемъ своемъ развитіи, этотъ классъ превращается въ еще болѣе привиллегированное «танство».

Аналогичныя причины привели къ тому, что въ позднѣйшія времена, когда отдѣльныя королевства объсоединились подъ одною властью, крупные землевладѣльцы завели вокругъ себя подобныя же военныя дружины изъ своей дворни, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ крестьянъ, а отчасти и изъ свободныхъ землевладѣльцевъ. Вотъ почему почти всѣ свободные люди, до извѣстной степени, были обучены военному искусству, въ разныхъ мѣстностяхъ, конечно, въ различной степени, хотя большею частью, отъ свободныхъ людей въ мирное время требовалась только сторожевая служба, исправленіе крѣпостей и исправное содержаніе дорогъ.

Измѣненіе военной организаціи, произведенное Альфредомъ, не было прочно и черезъ сто лѣтъ уже совершенно утрачиваетъ свое значеніе, причемъ перевѣсъ нѣкоторыхъ крупныхъ воинственныхъ тановъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи вооруженныя дружины придалъ концу англо-саксонскаго періода олигархическій характеръ [1]).

II. *Объ англо-саксонскомъ судебномъ устройствѣ*, не смотря на множество дошедшихъ до насъ отдѣльныхъ свѣдѣній, нельзя себѣ однако составить цѣльнаго представленія. Въ X столѣтіи, когда общественная жизнь значительно болѣе развилась, мы находимъ слѣдующія двѣ судебныя инстанціи:

1. *Судъ сотни* (hundred gemote). Собирается разъ въ мѣсяцъ для дѣлъ нѣсколькихъ общинъ (vicinetum), разбираетъ обыкновенные гражданскіе процессы, незначительныя уголовныя преступленія, служитъ мѣстомъ торжественнаго совершенія договоровъ и завѣщаній.

---

[1]) Относительно военной организаціи англо-саксонскаго періода, можно съ опредѣленностью сказать только то, что не было тогда точнаго распредѣленія военныхъ обязанностей. Воинская повинность есть личная повинность свободнаго человѣка, но не каждаго въ отдѣльности, а всей общины. Она опредѣляется размѣромъ земельнаго владѣнія. Споръ, еще и теперь продолжающійся о томъ, существовала ли уже въ англо-саксонское время „ленная система“ возникъ вслѣдствіе смѣшенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ элементовъ съ цѣлымъ. Дѣйствительно, раздача земель въ ленъ и въ замѣнъ ея военная служба всѣхъ тѣхъ, кому земля дана, существовала и въ англо-саксонское время. Точно также, существовала вотчинно-полицейская и судебная власть крупныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, были суверенныя отношенія между королемъ и главными дружинниками, между каждымъ господиномъ и его слугою, между Hlâford'ами и Hlâfaet'ами. Но соединеніе всѣхъ этихъ отношеній въ англійскую ленную систему произошло только въ нормандскій періодъ. О спеціальномъ вліяніи на ленную систему королевской власти см. § 2, отд. II.

2. *Судъ графства* (shir gemote) собирается два раза въ годъ. Ему то главнымъ образомъ принадлежитъ уголовная юрисдикція. Судъ графства разбираетъ споры между людьми, принадлежащими къ разнымъ сотнямъ и вообще разрѣшаетъ споры болѣе крупныхъ тяжущихся сторонъ. Для всѣхъ общественныхъ дѣлъ графства shir gemote представляетъ собою періодическое совѣщательное собраніе. На судъ обѣ стороны являются съ многочисленными соприсяжниками; довольно часто выступаютъ въ гражданскихъ процессахъ свидѣтели. Число судей, повидимому, значительно; нужно при этомъ добавить, что постоянное участіе въ подобныхъ судилищахъ, требуетъ извѣстной хозяйственной самостоятельности, которая не всегда могла имѣть мѣсто при небольшомъ земельномъ надѣлѣ въ одинъ гуфъ. А между тѣмъ такое постоянное участіе есть необходимое условіе пріобрѣтенія юридическихъ познаній; человѣкъ, изрѣдка являющійся въ судилище, не можетъ быть носителемъ правоваго сознанія и знатокомъ юридическихъ нормъ. Вотъ почему большіе суды графствъ, уже съ самаго начала своего существованія, являются собраніями крупныхъ землевладѣльцевъ, образующихъ изъ себя сословіе постоянныхъ, опытныхъ и знающихъ право судей. Они получаютъ названіе Witan'овъ. Древне-германскихъ крестьянскихъ судилищъ, т. е. всенародныхъ собраній подъ предсѣдательствомъ особо-избранныхъ судей, творящихъ судъ и расправу, англо-саксонскій періодъ англійской исторіи не знаетъ. Неравномѣрность земельнаго владѣнія отодвинула маленькаго человѣка на судѣ на степень простаго аксессуара. Даже въ низшемъ судѣ сотни, приговоръ обыкновенно произносится незначительнымъ числомъ witan'овъ. Эти начатки суда шефеновъ такъ и остались съ преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія. Шефены каролингской судебной организаціи, назначаемые разъ на всегда королевскимъ фахтомъ, чужды англо-саксонской жизни. Но за то необыкновенно сильно значеніе власти въ области карательной. Это видно изъ того, что кровавая месть допускается только въ случаяхъ преднамѣреннаго убійства и нарушенія супружеской вѣрности. Права и отвѣтственность семейныхъ и родовыхъ союзовъ при нарушеніяхъ общественнаго мира имѣютъ довольно второстепенное положеніе. Система композиціи, на сколько она касается виры и вознагражденія сторонъ, имѣетъ значеніе второстепенное. Смертная казнь и разныя другія уголовныя наказанія угрожаютъ въ случаяхъ тяжелыхъ преступленій, при чемъ какъ для крупныхъ, такъ и для легкихъ проступковъ правительству, подъ самыми разнообразными названіями, выплачивается значительный денежный штрафъ. Вотъ почему уже въ англо-саксонскій періодъ, карательная власть находится въ тѣсной связи съ финансовыми прерогативами короля, а въ болѣе

позднее время они составляютъ одну изъ прерогативъ вотчинной власти крупныхъ землевладѣльцевъ.

Изъ карательныхъ правъ власти въ области уголовныхъ преступленій впослѣдствіи образуется система пресѣкательныхъ и предупредительныхъ мѣръ въ цѣляхъ *сохраненія мира*. Господинъ отвѣчаетъ за проступки своихъ домашнихъ, землевладѣлецъ за проступки всѣхъ живущихъ на его землѣ и прежде всего онъ отвѣчаетъ за появленіе ихъ предъ судомъ. Безземельный, не принадлежащій къ дворнѣ какого нибудь землевладѣльца, принуждается вступать въ «десятки», которые являлись-бы отвѣтственными за его уклоненіе отъ суда. Къ концу англо-саксонскаго періода эта система «десятковъ» переходитъ въ рядъ союзовъ, какъ свободныхъ, такъ и зависимыхъ отъ землевладѣльцевъ людей, союзовъ, которые въ значительной степени облегчаютъ достиженіе цѣлей полиціи безопасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ это-же содѣйствуетъ тому, что даже безземельные присоединяются къ какой-нибудь опредѣленной, осѣдлой группѣ: они либо вступаютъ въ число дворни тановъ, либо поселяются на его землѣ, на условіяхъ зависимости, либо, наконецъ, присоединяются къ общинамъ свободныхъ землепашцевъ [1]).

III. Третья основа англо-саксонской жизни — *христіанская церковь*, представляетъ собою необходимое дополненіе военнаго и судебнаго устройства. Такъ какъ вліяніе языческихъ жрецовъ, повидимому, было незначительно послѣ переселенія англо-саксовъ въ Британію, то принятіе отдѣльными королевствами христіанской религіи, совершилось въ теченіе одного столѣтія (591—688) безъ особенной борьбы. Успѣшному распространенію христіанства съ сѣвера—шотландскими миссіонерами, придерживавшимися британскаго вѣроученія, шло на встрѣчу съ юга столь же успѣшное распространеніе римско-католическаго христіанства Григоріемъ Великимъ и Св. Августиномъ; не смотря на это первоначальное соперничество, христіанство нашло себѣ твердую почву въ мирныхъ наклонностяхъ англо-саксовъ. Характерно при этомъ для Англіи, что высшіе классы тогда уже охотно вступали въ духовное сословіе.

Значеніе средневѣковой церкви прежде всего проявляется въ защитѣ низшихъ классовъ; церковь первая стала оплотомъ противъ дурнаго обращенія съ женщинами, дѣтьми, крѣпостными; она же возстала противъ продажи людей. Она первая обезпечила холопу

---

[1]) О судебной организаціи англо-саксонскаго періода ср. Lappenberg'a, томъ I. 581 и слѣд. Phillips'a стр. 166—210. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда коснемся должностей и административныхъ дѣленій (§ 3. 4) мы еще вернемся къ разнымъ подробностямъ англо-саксонскаго судебнаго устройства. О позднѣйшемъ развитіи его при воздѣйствіи усиленія королевской власти см. § 2 отд. II. Ш.

день отдохновенія, возможность зарабатывать для себя, а иногда и получать вольную; она создала учебныя заведенія для высшихъ классовъ; низшіе же классы находили всегда совѣтъ и поученіе у низшаго духовенства и монаховъ. Церковь насаждала болѣе мягкіе нравы, содѣйствовала усовершенствованію ремесленнаго производства, способствовала мирному общенію между собой различныхъ мѣстностей Англіи, наконецъ положила прочное основаніе призрѣнію нищихъ. Она же облагородила бракъ и подняла положеніе женщины, сначала въ обычномъ правѣ, а потомъ и въ писанномъ. На судѣ церковь пріобрѣтаетъ вліяніе, благодаря постоянному примѣненію присяги и руководительству испытанія огнемъ и водою, которое при переходѣ изъ язычества выпало на долю христіанскаго духовенства. Въ администраціи графствъ, наравнѣ съ намѣстникомъ короля, участвуетъ епископъ.

Такимъ то образомъ церковь, проникая мало по малу въ общественную жизнь, получаетъ возможность выполнять задачи гуманности, о которой свѣтская власть въ средніе вѣка еще не привыкла заботиться. Во всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности clerici становятся необходимыми для письменной части; сроднившись со всѣми классами населенія и со всѣми интересами общественной жизни, англійская церковь, какъ въ личномъ своемъ составѣ, такъ и въ характерѣ своей дѣятельности, слѣдуетъ *болѣе національному пути*, нежели другія церкви континента.

По внутренней своей организаціи, англійская церковь становится какъ бы однимъ громаднымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ. Для такой обширной цѣли требовалось цѣлое сословіе умственныхъ работниковъ, которымъ для полной свободы дѣятельности необходимо было имѣть какой нибудь опредѣленный достатокъ. Въ средніе вѣка это значило, что церковь нуждалась въ земельномъ владѣніи. Безъ него она не была въ состояніи выполнить свою задачу; вотъ почему даже этотъ наиболѣе національный типъ изъ всѣхъ церквей, по внѣшности все таки, отливается въ тѣже формы, какъ и церкви остальной Европы [1]).

---

[1]) Къ другимъ подробностямъ церковнаго управленія мы еще возвратимся (§ 5). О внѣшнемъ ходѣ обращенія въ христіанство англо-саксовъ см. главнымъ образомъ Lappenberg I. 132—205. Распространеніе новаго ученія шло сверху внизъ. Прежде всего принялъ христіанство дворъ, а затѣмъ народное собраніе, рѣшившее этотъ вопросъ большинствомъ голосовъ. Обстоятельную характеристику англо-саксонскаго язычества см: у Kemble I; замѣчательно стремленіе по возможности скорѣй замѣнить иностранныхъ миссіонеровъ туземными епископами. „Именно благодаря привлеченію туземцевъ къ высшимъ духовнымъ должностямъ англо-саксонская церковь получила такой національный характеръ. Понятно, что литургія, ритуалъ, молитвы и проповѣди на родномъ языкѣ должны были привлечь къ себѣ сердца народа. Сохраненіе всѣхъ германскихъ собственныхъ именъ, свое-

Вотъ каковы тѣ элементы, взаимнодѣйствіе которыхъ вмѣстѣ, съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ земельной собственности, производитъ переворотъ въ *сословныхъ отношеніяхъ*. (Мы еще возвратимся къ нимъ въ § 5 а). Носящіе оружіе становятся владѣльцами земли; безземельные свободные люди попадаютъ въ продолжительную, по существу наслѣдственную, зависимость отъ крупнаго землевладѣнія; черезъ всю систему землевладѣнія проходитъ основная черта зависимости, которая стремится къ юридическому узаконенію и достигаетъ этого слѣдующимъ путемъ.

Зависимое отношеніе безземельныхъ классовъ формально санкціонируется *королемъ* и *земскимъ сеймомъ* и становится основою юридическаго быта англо-саксовъ. Отношенія между Hlâford'ами и Hlâfaet'ами прочно устанавливается англо-саксонскимъ законодательствомъ. Jn. 39, 50. Alfr. 37, 42. AthIr. I. 1. II 4, 7. III 5. IV 1. Edm. III. 7. Cn. II. 29, 32, 78, 79.

Постоянное участіе въ высшемъ военномъ и судебномъ управленіи приводитъ къ *юридическому обособленію высшаго сословія*— именно къ понятію о танствѣ. Вира за тана равняется 1200 шиллингамъ, за простаго же человѣка берется только 200. Такимъ образомъ мы видимъ, что танъ оцѣнивается въ шесть разъ дороже. Еще болѣе значительныя суммы берутся за Ealdorman'а и епископа. И такъ какъ вся правовая система того времени основывается на покровительствѣ личности посредствомъ денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ за причиненія ей вреда, то высшій размѣръ виры есть прямое установленіе высшаго сословія.

Въ соединеніи съ двумя этими факторами развивается понятіе о *вотчинной власти* землевладѣльца. Землевладѣлецъ имѣетъ фактическую возможность уволить своего гезита, отнять у съемщика данную ему въ пользованіе землю. Отсюда проистекаетъ право господина разрѣшать всѣ споры своихъ гезитовъ и съемщиковъ. Государство санкціонировало это право и такимъ образомъ изъ домашняго imperium возникаетъ полная юрисдикція. Съ возрастаніемъ могущества землевладѣльцевъ къ нимъ переходятъ и многія другія права, а въ позднѣйшія времена даже власть наказыванія за мелкія уголовныя преступленія.

Въ свою очередь и изъ *тановъ* выдѣляются нѣкоторые наиболѣе крупные, которые владѣя большими помѣстьями, имѣя въ своемъ распоряженіи военныя дружины, занимая высшія придворныя

образныя особенности англо-саксонскаго календаря и праздниковъ, малое вліяніе римскаго церковнаго права, культивированіе народнаго языка духовенствомъ, слабое вліяніе Рима на англійскихъ королей—вотъ тѣ своеобразныя преимущества англійской церкви, которыя вначалѣ ослабляли ея власть, но за то съ теченіемъ времени значительно ее усилили“ Lappenberg I. 163.

должности и мѣста эальдорменовъ, вмѣстѣ съ прелатами пріобрѣтаютъ вліяніе въ Witenagemôt'ѣ, рѣшающемъ наиболѣе важныя государственныя дѣла. Witenagemôte состоитъ изъ представителей землевладѣнія, администраціи и изъ членовъ по назначенію короля. Но вліятельнѣйшимъ элементомъ все-таки является крупное владѣніе. Оно ослабляетъ въ значительной степени королевскую власть и превращаетъ Witenagemôte въ орудіе землевладѣльческой олигархіи [1]).

§ 2.

Англо-саксонская королевская власть.

Одновремнно съ измѣненіемъ земельныхъ и сословныхъ отношеній возникаетъ королевская власть—этотъ несомнѣнно крупнѣйшій институтъ средневѣковаго свѣтскаго права. У родственныхъ англо-саксонцамъ племенъ континента, саксовъ, фризовъ, гольстовъ, гадлеровъ, дитмарховъ въ это время еще не было королевскаго достоинства. Слѣдовательно, если оно возникаетъ у англо-саксовъ, то причину такого возникновенія слѣдуетъ искать не въ національныхъ особенностяхъ германскаго племени, а въ тѣхъ соціальныхъ условіяхъ, которыя установились послѣ поселенія англо-саксовъ на завоеванной территоріи. Первыя поколѣнія еще не знали королевской власти, хотя несомнѣнно что во главѣ отрядовъ напавшихъ на Англію стояли предводители, происходившіе изъ наиболѣе прославленныхъ родовъ (nobiles). Такимъ образомъ, съ нѣкоторыми опредѣ-

---

[1]) О сословныхъ отношеніяхъ и подраздѣленіяхъ см. ниже § 5a, здѣсь же скажемъ самое необходимое для пониманія должностей того времени. Въ законахъ Ины раньше всего выдѣляется Gesithcundma. Только со временъ Альфреда достоинство тана соединяется съ обладаніемъ, по крайней мѣрѣ, пяти гуфовъ. Владѣющій такимъ количествомъ земли оцѣнивается въ 1200 шиллинговъ виры и получаетъ рангъ twelfhyndeman'a. Основываясь на множествѣ указаній, я полагаю, что это находится въ связи съ перемѣнами въ военной службѣ, когда король убѣдилъ большую часть крупныхъ владѣльцевъ вступить къ нему на личную службу, давъ имъ въ замѣнъ званіе королевскаго тана, должности shirgeref'a и другія, связанныя съ этимъ привиллегіи, почести и милости. Слово „танъ“ обозначаетъ всякаго королевскаго служителя, начиная съ высшихъ придворныхъ должностей и кончая низшими мѣстами въ администраціи графствъ и королевскихъ домэнъ. Крупные землевладѣльцы, которые пользуются вотчинною юрисдикціею надъ своими гезитами, принадлежатъ къ сословію тановъ, такъ какъ они пользуются своею вотчинною юрисдикціею полицейскою властью въ качествѣ чиновниковъ короля. Главное, что имѣетъ здѣсь значеніе, есть отправленіе общественной должности, а не простое владѣніе землею. Что именно это есть существенная сторона танства видно во 1) изъ этимологіи слова соотвѣтствующаго (вмѣстѣ со своимъ производнымъ thegnian—служить) понятію serviens, minister. Послѣднимъ словомъ и переводится въ древнихъ англо-

ленными именами связывалось воспоминаніе о завоеваніи новой родины. При дѣлежѣ земли, предводитель получалъ главную часть, точно также ему доставались знаки достоинствъ побѣжденныхъ, британскихъ вождей. Было совершенно естественно, чтобы одновременно съ имуществомъ къ наслѣдникамъ вождей переходило и предводительское достоинство ихъ. Подобный порядокъ вещей мы находимъ и у республиканскихъ племенъ континента, но о королевской власти только тогда можетъ идти рѣчь, если 1) предводитель не только военоначальникъ, но и вообще имѣетъ *высшую власть*, отправляетъ правосудіе, заботится о сохраненіи мира, имѣетъ высшее патронатство надъ церковью и вообще заправляетъ всѣмъ ходомъ общественной жизни. 2) Когда это достоинство становится въ понятіяхъ народа *семейнымъ правомъ* одного какого либо знатнаго *рода*.

Когда происходитъ соединеніе обоихъ этихъ условій въ одномъ лицѣ, тогда создается также необходимость въ новомъ титулѣ. И дѣйствительно мы видимъ, что Aella изъ Sussex'a (+514—519), послѣ того какъ онъ одержалъ цѣлый рядъ большихъ побѣдъ, принимаетъ титулъ «Cyning'a». Его примѣру слѣдуютъ мало по малу и остальные вожди, даже самые незначительные, владѣнія которыхъ не превышали пространство нынѣшнихъ графствъ. Съ перваго взгляда шагъ, сдѣланный предводителями для превращенія власти ввѣренной имъ только на время военныхъ дѣйствій, во власть постоянную надъ всѣми отраслями государственной жизни, не особенно значителенъ. Онъ заключается въ томъ, что глава войска во время войны становится главою государства во время мира, т. е. тотъ порядокъ, по которому воины собирались вокругъ своихъ вождей, становится постоянною формою государственной жизни.

Соціальныя отношенія, которыя играютъ при этомъ роль факторовъ намѣчены въ предъидущемъ. Съ окончательнымъ выдѣленіемъ

саксонскихъ грамотахъ „танъ“. 2) Даже въ позднѣйшія времена слово thegn до такой степени тѣсно связано со всякой должностью, что потеря Thegnship'a есть синонимъ увольненія отъ королевской должности. 3) Хотя владѣніе пятью гуфами всегда упоминается въ качествѣ основы танскаго достоинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда прибавляется, что необходимо также обладать: церковью, кухней, колокольней и кресломъ у воротъ бурга, (что надо полагать, означаетъ прерогативу самому творить судъ и расправу, saca et soca) и кромѣ того надо занимать должность во дворцѣ короля (см. Schmidt § 3, vom weltlichen Rang). 4) Что именно исправленіе извѣстной должности есть рѣшающій факторъ, видно еще изъ того, что до самаго конца англо-саксонскаго періода всѣ таны имѣли одинаковыя права. Крупнѣйшій изъ тановъ, обладающій огромными помѣстьями, такой же Twelfhyndeman, какъ и простой танъ, имѣющій всего пять гуфовъ. Англо-саксонскій судебный языкъ не имѣетъ особаго термина для обозначенія крупныхъ тановъ. Когда требуется подчеркнуть важное значеніе того или другаго магната, то употребляется выраженіе „танъ короля“, т. е. обращается особенное вниманіе на то, что извѣстное лицо занимаетъ важную королевскую должность.

личной собственности, главныя должности военнаго и судебнаго управленія переходятъ къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ, которые съ тѣхъ поръ и получаютъ значительное вліяніе на общественную жизнь. Благодаря своему имущественному превосходству, высшіе классы добиваются того, что за нихъ назначается бо̀льшая вира, они имѣютъ бо̀льшее значеніе въ войскѣ и на судѣ, присягѣ ихъ дается большое значеніе, наконецъ въ постановленіи судебныхъ приговоровъ рѣшающій голосъ принадлежитъ имъ же. Все бо̀льшая и бо̀льшая трудность добиться справедливости у крупныхъ людей, *сословные интересы*, которые проникаютъ въ войско, судъ, сохраненіе «общественнаго мира» (а впослѣдствіи и въ церковь), все это создаетъ у простаго человѣка чувство неудовлетворенности общественнымъ устройствомъ. Власти при подобномъ положеніи дѣлъ, когда преобладаніе во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни принадлежитъ высшимъ классамъ, волею неволею, становятся представителемъ этихъ классовъ и пользуются своими правами и прерогативами для угнетенія низшихъ классовъ и юридическаго умаленія правъ ихъ. Тягость воинской повинности, непосильная для мелкаго землевладѣнія, невыгодныя условія съемки земли и службы у крупныхъ владѣльцевъ, становятся орудіями, при посредствѣ которыхъ власти, склонныя радѣть только объ интересахъ высшихъ классовъ, все устраиваютъ къ невыгодѣ народа. Происходитъ война или обрушивается какой нибудь несчастный случай и множество самостоятельныхъ мелкихъ владѣльцевъ вытѣсняются изъ своихъ дворовъ потому что не имѣютъ возможности справиться съ малѣйшимъ неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Въ сердцевину свободныхъ «сотенъ» врываются господскіе дворы и находящіяся въ зависимости общины, уцѣлѣвшіе-же аллодіальные крестьяне все менѣе и менѣе въ состояніи защитить себя и выполнить лежащія на нихъ общинныя повинности.

Въ виду такого то положенія дѣлъ низшимъ классамъ гораздо лучше, чтобы высшая, внѣ всякихъ партій находящаяся сила, назначала бы и руководила бы военнымъ и судебнымъ дѣломъ. Только отъ такой силы можетъ исходить инціатива законовъ, клонящихся къ защитѣ угнетенныхъ и безгласныхъ классовъ. Необходимо вообще прибавить, что благодаря постепенному вытѣсненію мелкихъ владѣльцевъ изъ большихъ общественныхъ собраній, интересъ къ общественной жизни значительно умаляется въ массѣ и она предпочитаетъ подчиняться одному господину, гдѣ то далеко находящемуся, нежели многимъ господамъ, находящимся вблизи. Средніе вѣка руководствуются тутъ какимъ то эмпирическимъ тактомъ.

Но если высшій руководитель общественной жизни долженъ стоять выше отдѣльныхъ интересовъ ея, то необходимо, чтобы такое поло-

женіе стало *постояннымъ* въ одномъ семействѣ, независимомъ отъ господствующихъ классовъ, имѣющемъ поэтому возможность посвятить себя постоянной заботѣ объ общественномъ благѣ и вырабатывающимъ въ себѣ склонность стоять на высотѣ своего высокаго призванія. Въ противоположность античному міру, міръ германскій, создавшій наслѣдственное королевское достоинство, поставилъ государство *выше общества* и далъ высшимъ задачамъ государства постояннаго представителя. Оттого то королевское достоинство и у Англо-Саксовъ, главнымъ образомъ, держится привязанностью низшихъ классовъ, оттого оно находится въ такой тѣсной душевной связи съ народомъ и оттого то изъ всѣхъ институтовъ свѣтскаго права, королевская власть продержалась больше другихъ *).

Въ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ прежде всего возникаютъ *почетныя права* королевской власти. Лице, стоящее *выше* общества, должно быть во всѣхъ отношеніяхъ первымъ лицемъ, поэтому за короля взимался высшій размѣръ виры, именно въ Мерціи 30,000 Sceatten = 7200 Sh. = 120 фунтовъ серебра, что равняется вирѣ за 6 тановъ или 36 эорловъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи вира за короля съ перваго взгляда какъ бы не превышаетъ виру за архіепископа. Но въ дѣйствительности, оча вдвое больше, такъ какъ къ вирѣ присоединяется еще такого же размѣра Cynebot, который требуютъ себѣ не семейство, но весь народъ въ вознагражденіе за жизнь «своего короля» — выраженіе, указывающее на прочное установленіе понятія о томъ, что король не только принадлежитъ своему семейству и своему роду, но и всему народу, всей совокупности общественной и государственной жизни. Ближайшіе члены королевской фамиліи тоже оцѣнены выше прелатовъ и тановъ; за нихъ полагается и усиленная Mundbbird. Cn. II. 58. Приб. IV. 4. Они носятъ названіе Athelinge и составляютъ единственное юридически узаконенное потомственное дворянство англо-саксонской эпохи. Раннее установленіе смертной казни за убійство короля и пристанодержательство мятежныхъ королевскихъ дружинниковъ, несомнѣнно

---

*). О происхожденіи англо-саксонской королевской власти см. блестящую монографію J. Allen, Inquiry into the rise and growth of the Royal Prerogative in England 1830. 8. Историческія даты тщательно въ ней собраны. Написанное въ періодъ билля о реформѣ и проникнутое абстрактнымъ раціонализмомъ, монографія Аллена совершенно не признаетъ вполнѣ правильное развитіе королевской власти изъ общественныхъ отношеній того времени. Въ основѣ сочиненія Allen'a лежитъ идея узурпаціоннаго характера монархіи и постоянная вражда къ ней. Вотъ почему все незрѣлое и ненормальное въ развитіи королевской власти, выдвигается авторомъ на первый планъ. Въ противоположность Allen'у, мы находимъ полное безпристрастіе у Turner'a, Anglo-Saxons, дополнительный томъ (IV) ст. 262. Объ исторіи Аэллы изъ Суссекса см. Beda Hist. Eccl. I. 15. Chron. Sax. 449. 495. Lappenberg I. 556. Этимологія слова „Cyning“ не выяснена въ точности.

указываетъ на усилившійся авторитетъ власти. Бо̀льшая вира и штрафы за королевскаго *дружинника*, бо́льшее значеніе присяги такого дружинника тоже указываетъ на почетное положеніе королевской власти и усиленіе ея авторитета. Даже кумовья конюха короля и просто люди, которыхъ король почтилъ тѣмъ, что зашелъ въ ихъ домъ, пользуются большею защитою закона. Наконецъ высокое общественное положеніе королевской власти выражается въ появленіи придворнаго штата, главныя четыре должности котораго, какъ и въ прочихъ германскихъ королевствахъ суть: казначей (Kämmerer), маршалъ, гофмейстеръ и мундшенкъ *).

Гораздо медленнѣе почетныхъ правъ короля развиваются его *правительственныя права*. Обозначеніемъ высшей власти служитъ «Hlâford and Mundbora всего народа» (Cron. Sox. годъ 921 и подъ рубрикою «Эдуардъ Исповѣдникъ»). Слово Hlâford обозначаетъ власть надъ всѣмъ народомъ, который присягаетъ на вѣрность и повиновеніе. Mundbora же это—покровитель и защитникъ, defensor et patronus. Неопредѣленность терминовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ неопредѣленному положенію самой королевской власти.

---

*) Почетныя права королевской власти находятся въ несомнѣнной связи со всѣмъ соціальнымъ строемъ страны и нельзя считать случайностью то, что у кельтовъ Англіи и континента придворный штатъ играетъ гораздо болѣе значительную роль. Національныя особенности и еще бо́льшее преобладаніе крупнаго землевладѣнія у кельтовъ содѣйствуютъ тому, что у нихъ король является, по преимуществу, какъ бы главою значительнѣйшаго дворянскаго дома страны. Характерна педантическая важность, съ которою Валлійскіе законы опредѣляютъ всѣ права и преимущества 24 придворныхъ чиновъ, ихъ мѣсто за столомъ королевскимъ, за столомъ маршальскимъ и т. д. О придворномъ бытѣ см. Kemble, Anglo-Saxons II, глава 3. Казначей въ старыхъ грамотахъ называется Burthegn, Hordere, cubicularius, camerarius, thesaurius. Маршалъ носитъ названіе Steallere, Horsthegn, Stabulatur Strator regis. По буквальному значенію его титула, маршалу собственно принадлежитъ главный присмотръ за лошадьми, но обыкновенно онъ смотрѣлъ и за всѣми мелочами воинскаго снаряженія короля и его окружающихъ и потому имѣетъ довольно значительную власть надъ королевскими дружинниками. Частое упоминаніе маршала въ старыхъ грамотахъ свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи этой придворной должности. Гофмейстеръ или стольникъ извѣстенъ въ первоисточникахъ подъ именемъ Dapifer, discifer regis; англо-саксонское названіе стольника—Discthegn. Мундшенкъ въ латинскихъ грамотахъ называется pincerna, pincernus. Прочія придворныя должности упоминаются мимоходомъ, изъ чего видно, что значеніе ихъ довольно ничтожно. Король предоставляетъ почетныя должности своего двора крупнымъ танамъ, которымъ иногда, смотря по обстоятельствамъ, даетъ высшія мѣста въ войскѣ и въ своемъ совѣтѣ. Но ни съ какою придворною должностью, какъ таковою, не связано завѣдываніе опредѣленными, государственными дѣлами. Званіе „великаго тана“ и высокія государственныя должности очень часто соединялись въ одномъ лицѣ, но тѣмъ не менѣе оффиціальная подпись всегда гласитъ „Прелаты, Duces и Ministri (таны) такіе то“. Придворный титулъ только спородически встрѣчается въ соединеніи съ именами нѣкоторыхъ великихъ тановъ и то только у такихъ, которые не занимаютъ высшей должности Ealdorman'a (dux, comes), подпись котораго всегда ставится впереди.

Только съ теченіемъ времени это положеніе и вытекающія изъ него права и прерогативы яснѣе очерчиваются. Покамѣсть-же королевская власть еще на столько похожа на власть обыкновеннаго землевладѣльца, что даже одна и таже формула произносится какъ при присягѣ королю, такъ и при присягѣ всякому частному Hlâford'у. Но тѣмъ не менѣе королевская власть оказываетъ очень большое вліяніе на весь ходъ развитія общественной жизни,—на войско, судъ и церковь.

I. *Высшее начальство на войнѣ* есть принадлежность еще стараго герцогскаго достоинства и королямъ оно безспорно принадлежитъ въ продолженіе всего англо-саксонскаго періода. Какъ во времена гептархіи, такъ и тогда, когда всѣ королевства соединились въ одно, король стоитъ во главѣ войска. Главное начальство поручается иной разъ эальдормену, иной разъ маршалу (steallere) или другому крупному тану. Въ полномочіе эальдормена, какъ намѣстника короля, входитъ и главное начальство надъ войскомъ. Но за весь англо-саксонскій періодъ нельзя найти ни одного указанія, чтобы активное предводительствованіе войскомъ было связано съ какимъ нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ или крупнымъ владѣніемъ.

Отъ главнаго начальства надъ войскомъ, слѣдуетъ отличить рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, а также и опредѣленіе внутренняго распорядка войска. Рѣшеніе этихъ вопросовъ съ исконныгс времени принадлежитъ всему народу, безъ согласія котораго не можетъ быть начата никакая «народная война». Даже въ позднѣйшія времена король, по вопросамъ о войнѣ и мирѣ, совѣщается съ обще государственнымъ сеймомъ, (въ маленькихъ королевствахъ онъ совпадаетъ со собраніемъ графства). Когда установилось дѣленіе Англіи на болѣе крупныя государства, собранія графствъ разсуждаютъ о распредѣленіи кадровъ подъ руководствомъ королевскаго намѣстника [1]).

---

[1]) Принимая во вниманіе дальнѣйшее развитіе главнаго командованія надъ войскомъ, въ немъ нужно отличить три составныя части:

a) Рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ, когда дѣло шло о дѣйствительной „народной войнѣ“, съ незапамятныхъ временъ принадлежитъ самому народу.

b) Рѣшеніе вопросовъ внутренняго распорядка и снаряженія кадровъ всегда принадлежало отдѣльнымъ графствамъ, о чемъ королевскій намѣстникъ совѣщался съ собраніемъ графства. Административный характеръ этихъ совѣщаній, касавшійся количества и распредѣленія воиновъ, прямо выраженъ въ законахъ, какъ напр. въ Athlr. VI. 32. § 3.

c) Личное предводительствованіе войскомъ. Изъ главнаго командованія войскомъ проистекало право назначать второстепенныхъ военоначальниковъ. Наказаніе тѣмъ, кто уклонялся отъ службы или опаздывалъ, было различное, смотря по тому, находился ли самолично король въ войскѣ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ виновному угрожала потеря имущества и жизни. Athlr. V. 28. VI. 35. Сп. II. 77.

Только что указанныя ограниченія королевской власти въ пользованіи военными силами страны, не касаются однакожъ *личной дружины* короля, которая находилась въ полномъ его распоряженіи и снаряженіе котораго было дѣломъ steallere. Такимъ образомъ кромѣ приходящаго въ упадокъ стариннаго народнаго ополченія, появляются хорошо знающія военное дѣло дружины, снаряжаемыя и содержимыя на личныя средства короля. Подобныя-же дружины заводятъ себѣ нѣкоторые крупные землевладѣльцы, имѣющіе средства прокармливать дружинниковъ во время походовъ. Дружинники связаны со своимъ повелителемъ личною присягою, которая не находится ни въ какой связи съ какимъ нибудь леномъ, но дается «*подъ условіемъ чтобы онъ меня содержалъ*; по собственной волѣ, я соглашаюсь заслужить это и буду исполнять все то, что между нами было условлено, когда я рѣшился ему подчинится и стать исполнителемъ его воли». Такимъ образомъ, мы тутъ имѣемъ предварительную ступень позднѣйшей ленной системы. Дружинникъ можетъ быть свободнымъ землевладѣльцемъ, обладателемъ участка folkland'a, или съемщикомъ, можетъ быть даже вовсе безземельнымъ, вообще находиться въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, но содержаніе онъ всегда получаетъ изъ личныхъ средствъ своего господина. Уже съ тѣхъ поръ, какъ начались безчисленныя междоусобія маленькихъ королевствъ, веденіе войны при посредствѣ наемныхъ дружинъ, все больше и больше начинаетъ практиковаться и оттѣсняетъ на второй планъ старую милицію. Неудачная борьба съ датчанами до такой степени ясно подчеркнула негодность стариннаго народнаго ополченія, что во всѣхъ своихъ попыткахъ освободить Англію отъ иноземнаго владычества, Альфредъ Великій всегда снаряжаетъ войско на условіяхъ личнаго найма. Личныя служилыя отношенія къ королю, «танство» мало по малу, простирается на всѣхъ имѣющихъ 5 hidae.

Все это обусловливаетъ собою то, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ, народъ даже безъ постановленія народнаго собранія, охотно идетъ на зовъ короля [1а]). Такимъ образомъ, народное ополченіе и королев-

---

[1а]) Съ древнѣйшихъ временъ выдѣляется особое правовое положеніе личныхъ дружинниковъ и вооруженной придворной челяди. Уже непосредственно послѣ завоеванія страны, часть дружинъ, сражавшихся подъ предводительствомъ того или другого вождя, и на мирное время остается у него, въ качествѣ ближайшей свиты его (comites). Съ усиленіемъ королевской власти короли очень охотно увеличиваютъ эту свиту. (Kemble I. 142). Но такъ какъ король предпочитаетъ назначать на должности ealdormen'овъ и gerefas людей именно изъ этой свиты, какъ наиболѣе ему близкихъ и знакомыхъ, то съ теченіемъ времени смѣшеніе службы въ королевской свитѣ съ исправленіемъ административныхъ должностей создаетъ новое сословіе—танство. Все это не могло не измѣнить значенія народныхъ рѣшеній о томъ, вести-ли войну или нѣтъ. При томъ-же способъ веденія войны въ IX столѣтіи носитъ такой характеръ, что его чрезвычайно трудно

скія дружины, мало по малу, въ извѣстной степени сливаются въ одно. Рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ не зависитъ уже поэтому въ такой степени отъ рѣшенія народнаго собранія, хотя фактически объ этомъ его всегда спрашивали и его согласіе требовалось, когда дѣло шло объ измѣненіи обычныхъ сроковъ службы, о зимнихъ походахъ, морскихъ экспедиціяхъ, завоевательныхъ походахъ въ дальнія страны и вообще въ случаяхъ экстраординарныхъ. На собраніяхъ графствъ власть королевскихъ чиновниковъ при снаряженіи кадровъ тоже усиливается.

Однакоже, лѣтъ 100 послѣ Альфреда, миролюбивыя наклонности опять заставляютъ Англо-Саксовъ нѣсколько небрежно относиться къ военному дѣлу. Англія поэтому опять не въ состояніи противостать датскимъ хищникамъ. Энергическіе храбрецы изъ среды этихъ «сѣверныхъ людей» быстро достигаютъ положенія великихъ королевскихъ тановъ. Крупные землевладѣльцы крайне охотно уступаютъ обязанности военной службы вновь образовавшимся дружинамъ, привлекаемымъ раздачей разныхъ должностей и земель. Тяжело-вооруженныя, опытныя дружины—это теперь, большею частью, безземельные люди, подъ предводительствомъ датскихъ великихъ тановъ. При Канутѣ мы уже находимъ постоянную гвардію изъ 3000 Huskarl'овъ, представлявшую собою совершенно оторванную отъ землевладѣнія военную касту, съ своимъ собственнымъ военнымъ уставомъ. Но все-таки это учрежденіе находилось въ такомъ противорѣчіи съ земельными, финансовыми и общественными отношеніями того времени, что въ скоромъ времени оно распадается. Чувство безопасности, создаваемое островнымъ положеніемъ Англіи, не даетъ достаточныхъ стимуловъ для рѣшительной реформы военнаго дѣла. И это-то привело въ концѣ концовъ англо-саксонское государство къ гибели. Энергія, съ которою лангобарды регулировали воинскую службу сообразно земельному надѣлу и движимому имуществу, подраздѣливъ всю страну на центуріи, или принципы каролингскаго законодательства, требовавшаго вполнѣ снаряженнаго воина съ каждыхъ 5 или 4 гуфовъ, совершенно чужды англо-саксонскому періоду. Этимъ объясняются тѣ разнорѣчія, которыя возникали впослѣдствіи (напр. въ знаменитомъ 999 году), когда требовалось снаряженіе серьознаго ополченія: въ каждомъ округѣ, въ каждой общинѣ распредѣленіе кадровъ вызывало споры. Даже раздача folkland'а не вно-

---

соединить съ старою военною организаціею, требующей безчисленныхъ совѣщаній съ земскимъ сеймомъ и собраніями графствъ. Совершенный упадокъ государства, изъ котораго Альфредъ Великій вывелъ свой народъ, сдѣлалъ сохраненіе прежней военной организаціи невозможностью. Альфредъ завелъ смѣну дружинъ при дальнихъ походахъ, на государственный счетъ устроилъ провіантные магазины для войска, создалъ новую организацію для морской войны и защиты крѣпостей. Впрочемъ, въ точности вопросъ этотъ не былъ обслѣдованъ.

сила правильности въ отправленіе воинской повинности. Англо-саксонскій періодъ не знаетъ ни точно опредѣленной системы бенефицій, ни точно опредѣленнаго сеньората. Folkland отчасти дается какъ аллодъ, отчасти на различныхъ условіяхъ отдается во временное пользованіе съ условіемъ отправлять ополченскую и сторожевую службу, но безъ точнаго опредѣленія числа воиновъ, которое каждый участокъ долженъ выставить. Folkland въ огромныхъ количествáхъ раздается королями крупнымъ танамъ въ вознагражденіе за оказанныя услуги или въ ожиданіи таковыхъ въ будущемъ. Раздача эта есть знакъ благосклонности, но не обязываетъ получившаго опредѣленной воинской службою. На этомъ всего характеристичнѣе можно прослѣдить небрежность, съ которою было организовано англо-саксонское военное устройство [1b]).

II. Важнѣйшая прерогатива, отличающая королевское достоинство отъ стараго герцогскаго это — *судебное главенство* короля. Въ качествѣ mundbora своего народа король есть высшій судья страны и повелитель надъ тѣломъ, жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ. Съ формальной стороны судебная прерогатива короля все еще носитъ на себѣ германскій характеръ, т. е. королю принадлежитъ только право *устройства суда, направленія его и исполненія приговоровъ*, самое же постановленіе приговоровъ принадлежитъ членамъ общины. При томъ-же, послѣ соединенія всѣхъ маленькихъ королевствъ въ одно государство, король уже вслѣдствіе обширности пространства не можетъ одновременно присутствовать на всѣхъ судебныхъ засѣданіяхъ (хотя подобные примѣры бывали). При обыденномъ теченіи дѣлъ судебная власть короля выражается въ томъ, что онъ назначаетъ эальдорменовъ и ширгерефовъ въ качествѣ *представителей королевскаго правосудія* на народныхъ собраніяхъ а тѣ, въ свою очередь, завѣдуютъ выборнымъ общиннымъ судомъ.

Въ качествѣ защитника низшихъ классовъ, королевская власть заботится о безостановочномъ ходѣ правосудія и облегчаетъ воз-

---

[1b]) Изъ военныхъ прерогативъ короля проистекаетъ право его возводить бурги. Было очень удобно употреблять для такой цѣли низшихъ „свободныхъ людей“, услуги которыхъ въ случаяхъ войны рѣдко были нужны. Обязанность эта распредѣлялась по извѣстнымъ періодамъ времени. Подобную же замѣну настоящей воинской службы мы находимъ также и въ каролингскомъ законодательствѣ. Carol. II. Edict. Pistense a. 864. c. 27. (I. 495). ut illi qui in hostem pergere non potuerint, juxta antiquam et aliarum gentium consuetudinem ad civitates novas et pontes ac transitus paludium operentur, et in civitate atque in marcha wactas faciant. Но нужно замѣтить, что крѣпостная оборона англо-саксонскаго періода, вслѣдствіе недостаточныхъ гарнизоновъ, не приводила къ цѣли и все приходила въ упадокъ.

Было-ли право возводить крѣпости исключительно прерогативою короля доказать трудно.

можность добиться справедливости установленіемъ опредѣленныхъ судебныхъ дней въ судѣ «сотенъ» (hundreds). Появившійся въ Англіи въ X вѣкѣ судъ сотни установленъ спеціальнымъ распоряженіемъ королевской власти и есть отдѣленіе суда графства. Чтобы облегчить сторонамъ разрѣшеніе тяжбы, чтобы совладать съ огромнымъ количествомъ судебныхъ дѣлъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается и чтобы дать возможность отдѣльнымъ общиннымъ судамъ выносить тяжелыя судебныя обязанности менѣе важныя тяжбы предоставляются низшему мѣстному суду сотни, который собирается разъ въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ устанавливается не совсѣмъ точное разграниченіе компетенціи судовъ. Предсѣдательствуетъ въ обоихъ судахъ одинъ и тотъ-же Shirgerefa.

Точно также только король санкціонируетъ предоставленіе господскому суду низшей карательной власти и распространеніе владѣльческой юрисдикціи на нѣкоторыхъ свободныхъ владѣльцевъ аллодовъ, только король доставляетъ господскому суду авторитетность и регулируетъ отношенія его къ судамъ общегосударственнымъ. Важно при этомъ то, что землевладѣльцы пользуясь юрисдикціею надъ своими подданными, являлись при этомъ «танами короля», что воспрепятствовало превращенію этого права въ простую принадлежность землевладѣнія. Къ послѣднему стремилось крупное землевладѣніе, но, благодаря все болѣе и болѣе увеличивающемуся значенію королевской власти, стремленіе это не увѣнчалось успѣхомъ. Однакоже, крупнымъ землевладѣльцамъ удалось настоять и на нѣкоторыхъ ограниченіяхъ судебной власти короля. Такъ напр. только въ случаяхъ, когда подсудимый не могъ добиться суда или когда вліяніе противной стороны не давало возможности добиться справедливости,—только въ этихъ случаяхъ король являлся въ качествѣ непосредственнаго судьи. Это экстраординарное примѣненіе судебной власти короля всего яснѣе выражено въ Edg. III, 2. (Никто да не идетъ къ королю съ тяжбою, кромѣ только тѣхъ случаевъ, когда ему отказано въ судѣ или когда онъ не можетъ добиться своего права) и также Cn. II § 17. Тутъ мы видимъ проявленіе принципа, извѣстнаго и на континентѣ. Именно въ тѣхъ случаяхъ, когда низшая власть отказываетъ въ правосудіи тяжущимся предоставляется право обращаться къ власти высшей. Такой властью является *«король на собраніи земскаго сейма»*. Здѣсь высшая судебная инстанція страны, которая разбираетъ тяжбы въ случаѣ отказа въ правосудіи и судитъ тѣхъ, относительно которыхъ нельзя добиться справедливости. Процедура при этомъ такая: король назначалъ извѣстное число безпристрастныхъ witan'овъ, подобно тому какъ альдермэнъ и ширгерефа въ судахъ сотенъ назначаютъ судей изъ числа судебныхъ

мужей» графствъ. Въ болѣе позднихъ законахъ мы находимъ слѣдующее положеніе: «никто да не имѣетъ судебной компетенціи (Socne) надъ *танами короля*, кромѣ самого короля» (Athlr. III, 11.) что при разныхъ значеніяхъ слова Socne, можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что надъ крупными танами Witenagêmot'а (съ которыми трудно было тягаться въ судѣ графства) могъ чинить судъ только король въ Witenagêmot'ѣ-же.

Въ области уголовнаго права уже давно чувствовалась потребность въ ограниченіи кровавой мести и въ лучшемъ устройствѣ системы доказательствъ при посредствѣ соприсяжниковъ, которые при разрушеніи родоваго быта довольно безпорядочно набирались изъ сосѣдей, причемъ сильные находили ихъ очень легко, а бѣдный народъ съ большимъ затрудненіемъ. Въ этомъ отношеніи королевская власть уже рано является единственнымъ защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ. Многочисленныя королевскія распоряженія ограничиваютъ право междоусобій, этого ужаснаго зла средневѣковой жизни. Часть соприсяжниковъ назначается королевскимъ фогтомъ и имъ-же призывается на судъ, чѣмъ въ значительной степени ослабляется неравенство между сильными и слабыми въ дѣлѣ добыванія себѣ соприсяжниковъ. При нарушеніяхъ общественнаго спокойствія, уже очень рано, установилась цѣлая система наказаній, устанавливается очень обширная лѣстница разныхъ штрафовъ и виръ въ защиту тѣла, чести, домашней неприкосновенности, правособственности. Въ этой же области королевская судебная власть выражается въ томъ, что король имѣетъ право помилованія, хотя впрочемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ не задѣваются частные интересы. Wihtr. 26 In. 6 pr. § 1 Alfr. 7 pr. Athlst. VI. I. § 4. 5. Edm. II. 6. Edg. III. 7. Athlr. III. 216. Cn. II. 67. Въ Edg. III, 2, говорится вообще, что если кто нибудь находитъ приговоръ слишкомъ суровымъ, то онъ можетъ просить у короля смягченія. [2])

---

[2]) Судебная власть короля давно уже установилась въ маленькихъ королевствахъ, когда они соединились въ одно большое государство. Эта власть заключаетъ въ себѣ, впрочемъ, только право „держать судъ“. Самое же постановленіе приговора членами общины есть въ англосаксонскій періодъ принадлежность ordo judiciorum. Высшая же судебная власть короля проявляется въ слѣдующемъ:

а) Въ правѣ назначенія эальдормэновъ, ширгерефовъ въ качествѣ направителей правосудія. Эти чиновники оказываютъ рѣшительное вліяніе на назначеніе общинныхъ судей. Обыкновенно выборъ общинныхъ судей предоставляется соглашенію сторонъ; но если такого соглашенія не состоялось, то мы нигдѣ не находимъ указаній на то, чтобы выборъ этотъ былъ предоставленъ рѣшенію общины, что и не могло имѣть мѣсто при сословной розни, проникавшей всю общественную жизнь того времени. Впрочемъ въ уголовномъ судопроизводствѣ обвиненные имѣли право участвовать въ выборѣ.

III. *Высшая полицейская власть короля* вытекаетъ изъ его положенія «высшаго охранителя мира». Эта мирная власть является расширеніемъ власти короля во время войны и власти карательной, съ которой она и въ нынѣшней Англіи связана. Королевская защита въ такой степени освящаетъ нѣкоторыхъ *лицъ*, нѣкоторыя *мѣста и времена*, что нарушеніе мира по отношенію къ нимъ строго наказывается и онѣ находятся подъ покровительствомъ особеннаго «королевскаго мира».

Спеціальная защита «королевскаго мира» простирается 1) на нѣкоторыя *мѣста*, дома короля и его свиты Athlb. 3. 5. In. 6. Alfr. 7. Cn. II. 59, жилища высшихъ классовъ и, подъ другимъ названіемъ, также и на жилища низшихъ сословій, но въ особенности на церкви и монастыри (въ качествѣ Cirik—frith); 2) на извѣстныя *времена*: время созыва войска Alfr. 40. § 1. Cn. II 61. народныхъ и судебныхъ собраній Athlb. II. 8. Athlr. III. 1 Cn. II. 82, ярмарокъ, собраній гильдій In. 6. § 5. Athlr. III. 1, дня коронаціи короля, церковнаго поста Alfr. 5. § 5 etc; 3) на нѣкоторыхъ *лицъ*: вдовъ, Athlr. V. 21. VI. 26, монахинь Alfr. VIII. 8 и вообще на все духовенство а также, повидимому, и на все принадлежащее духовенству. Athlb. I. Edw. Conf. I. 91. Вступая на престолъ король дѣлаетъ *всеобщее объявленіе мира*, которое впрочемъ является только простымъ подтвержденіемъ уже существующихъ законовъ о сохраненіи общественнаго спокойствія. Связанное съ этимъ одобреніе земскаго сейма, торжественное обѣщаніе всѣхъ присутствующихъ магнатовъ и столь-же торжественное напоминаніе королевскимъ намѣстникамъ, фохтамъ и землевладѣльцамъ о точномъ исполненіи ихъ обязанностей,—все это придаетъ объявленію

---

b) Въ качествѣ высшаго судьи надъ liberi homines король предоставляетъ вотчинную юрисдикцію землевладѣльцамъ: всякій землевладѣлецъ пользуется этой юрисдикціей по своему званію королевскаго „тана“. Онъ налагаетъ штрафы за непослушаніе, Athlst. IV. 7; вмѣстѣ съ gerefa онъ упоминается въ числѣ лицъ, въ присутствіи которыхъ должны происходить сдѣлки по мѣнѣ Athlst. II. 10 pr. Land—Hlaford долженъ сохранять у себя краденный скотъ пока не найдется собственникъ. Edg. IV. II. Athlr. I. 3 и т. д. Юрисдикція (Socn) частнаго лица не можетъ однако распространяться на королевскаго тана, такъ какъ въ качествѣ королевскаго чиновника тотъ подлежитъ только суду короля—такое, по крайней мѣрѣ, заключеніе можно сдѣлать изъ неяснаго смысла выше-цитированнаго мѣста (Athr. III. II. nân man nâge sôcne ofer cynges pegen, buton cyng sylf).

c) Само собою разумѣется, что король назначаетъ мѣстныхъ судей для королевскихъ доменъ и для тѣхъ участковъ фолкланда, которые остались въ непосредственномъ распоряженіи короля.

d) Король, какъ глава юстиціи, самъ становится непосредственно судьею въ тѣхъ случаяхъ, когда назначенные имъ судьи не исполняютъ своихъ обязанностей. Cn. II. § 17 cit. Edg. II. § 2 cit. Athlst. II. 3. Такое же экстраординарное проявленіе королевской власти признается еще, въ качествѣ стараго обычая, также и въ началѣ норманскаго періода. Wil. I 43. L. Hen. I. 34, 6.

королевскаго мира необыкновенное значеніе, хотя въ смутныя времена обо всемъ этомъ и забываютъ.

Такимъ образомъ въ теченіи англо-саксонскаго періода «народный миръ« смѣняется «миромъ *королевскимъ*». Въ силу этого «королевскаго мира» король съ согласія сейма получилъ право измѣнить старую систему композиціи, установить цѣлый рядъ наказаній—лишеніе жизни, изгнаніе, конфискованіе имущества, искоренить кровавую месть, наконецъ обезпечить появленіе виновныхъ предъ судомъ посредствомъ поруки. Но кромѣ того, изъ положенія короля въ качествѣ высшаго защитника общественнаго спокойствія вытекало также право издавать разныя полицейскія приказанія безъ согласія земскаго сейма [3]).

Соединеніе въ одномъ лицѣ высшей власти надъ сохраненіемъ мира съ положеніемъ главнаго военоначальника приводитъ къ употребленію милиціи для цѣлей сохраненія мира. Именно начинаютъ въ мирное время пользоваться внутри графства народнымъ ополченіемъ противъ нарушителей мира. Сотни и десятки милиціи въ лицѣ своихъ представителей становятся отвѣтственными за сохраненіе мира, т. е., обязываются ловить, преслѣдовать, указывать нарушителей мира. (Edw. et G. 6. § 6. Cn. IV. 2 39. II. 48 § 6). Важнымъ шагомъ въ этомъ направленіи было то, что каждое лицо, опасное для общественнаго спокойствія должно было представить за себя поручителя (Edm. III. 7. § 1, Edg. III. 7. Athr. I. 4. Cn. II. 25, 30, 33). Еще болѣе значительный шагъ былъ сдѣланъ тѣмъ, что безземельные люди, подъ угрозою отказа въ судебномъ покровительствѣ, должны были присоединяться къ какому нибудь «десятку» имѣвшему всегда отвѣтственнаго Praepositus, Headborough или же присоединиться къ какому нибудь землевла-

---

[3]) Полицейская власть есть дальнѣйшее развитіе власти судебной и военной. Отъ послѣдней она заимствуетъ свое правовое основаніе, формы и способы принужденія. Изъ понятія о власти карательной прежде всего должна была развиться идея о власти предупредительной и пресѣкательной. Съ другой стороны въ верховномъ военномъ главенствѣ короля заключалось право его личнымъ приказаніемъ установить миръ. У воинственныхъ племенъ континента верховныя права военной власти налагать всякія наказанія за проступки непосредственно переходятъ къ судебной власти. Въ Англіи-же права по охраненію мира вытекаютъ изъ власти судебной и изъ обязанностей патронатства (mundium); въ Англіи mund и frith равнозначущи. А милиція употребляется только для исполненія мѣръ, принятыхъ для сохраненія мира.

Всеобщее объявленіе мира короли обыкновенно дѣлали при своемъ вступленіи на престолъ. Съ теченіемъ времени всѣ до такой степени привыкли основывать представленіе о гражданскомъ благоустройствѣ на этомъ объявленіи мира, постоянно потверждаемомъ земскимъ сеймомъ, постоянно приводимомъ въ судебныхъ приговорахъ, что неудивительно, если забывается старый „народный миръ“ и вырабатывается понятіе о мирѣ королевскомъ, предупреждающемъ и наказывающемъ преступленія.

дѣльцу, который взялъ бы на себя ручательство за него въ случаѣ какого нибудь судебнаго процесса. Въ качествѣ всеобщаго закона мы это впервые находимъ въ Edgar. III 6:

«Всякій человѣкъ да ищетъ себѣ поручителя и этотъ поручитель да имѣетъ руководительство надъ нимъ, и ежели кто нибудь нарушитъ законъ, то да понесетъ поручившійся то, что онъ нести долженъ. Но ежели то былъ воръ и если его можно схватить въ теченіе 12 мѣсяцевъ, то поручившійся да представитъ преступника къ суду и ему будетъ возвращено то, что онъ прежде заплатилъ».

Люди, не принадлежавшіе къ дворнѣ какого нибудь тана и не сидѣвшіе на его землѣ должны приписываться къ десяткамъ милиціи, такъ чтобы имѣлся спеціальный поручитель за нихъ, или же, если таковой не находился, то отвѣтственнымъ являлся praepositus.

Въ качествѣ всеобщаго закона мы это находимъ у Cn. II 20:

«Мы желаемъ, чтобы каждый свободный человѣкъ, который хочетъ, чтобъ за него взималась вира—въ случаѣ если его убьютъ, когда онъ будетъ имѣть болѣе двѣнадцати зимъ—приписывался къ какой нибудь сотнѣ или десятку, если же онъ этого не сдѣлаетъ, то кто бы онъ ни былъ—самостоятельный хозяинъ или слуга, онъ недостоенъ пользоваться правами свободнаго человѣка. Всякій да присоединится къ какой-нибудь сотнѣ и достанетъ себѣ поручителя, который да ручается за него и направляетъ его къ правосудію».

Такимъ образомъ мы видимъ въ англо-саксонскомъ полицейскомъ устройствѣ цѣлую стройную *систему*. Каждый танъ отвѣтственъ за своихъ домашнихъ, а староста его отвѣтственъ за поселившихся на земляхъ тана крестьянъ. Остальные еще свободные люди должны до такой степени заслужить довѣріе крестьянскихъ общинъ, чтобъ эти при посредствѣ своихъ Headborough взяли бы ихъ подъ свое ручательство.

Возникшая этимъ путемъ денежная отвѣтственность превратилась впослѣдствіи въ общинную обязанность, которая въ норманскія времена не очень точно для юридическаго термина выражается словомъ «взаимное ручательство». Понятно, что это затрудняло каждому безземельному человѣку возможность перемѣнять мѣсто жительства. Правда, по закону было признано право свободнаго перехода и всѣмъ Hlâfords вмѣнено въ обязанность не препятствовать ни какому liber homo отыскиваніе другаго господина (Hlâford-Socn). Athlst. III. 4. IV. 5. VI. Но всякій отходящій долженъ сначала доказать, что онъ вполнѣ исполнилъ всѣ свои обязательства по отношенію къ прежнему господину и получилъ отъ него позволеніе уйдти. Безъ этого новый господинъ не долженъ его принять.

Edw. II. 7, Athlst. II. 22 III. 4 V. 1. Edm. III. 3 Cn. II 28. Въ соединеніи съ этой системой мѣстной полиціи находится и дѣятельность сотни по изловленію воровъ и предоставленію своихъ сочленовъ суду. Есть одно единичное свидѣтельство о томъ, что, также какъ на континентѣ, изъ этого возникла обязанность сотни присяжными показаніями содѣйствовать *производству слѣдствія* (Aethelred III. c. 3. § 3). Но болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой слѣдственной обязанности мы въ англо-саксонскихъ законахъ не находимъ.

Островное положеніе и крайне миролюбивыя наклонности послѣднихъ столѣтій существованія англо-саксонскаго государства содѣйствовали тому, что сохраненіе мира было доведено до большаго совершенства, такъ что хронисты о временахъ Альфреда и нѣкоторыхъ его преемниковъ даютъ картину почти аркадскаго житья [3a]).

IV. *Доходы свои* англо-саксонскіе короли получали такъ же какъ и прочіе крупные землевладѣльцы,—именно съ *частнаго своего владѣнія*, которое какъ и всякое другое bôcland могло покупаться, отдавалось въ пользованіе и служило предметомъ завѣщанія.

Наравнѣ съ королемъ и королева также (не такъ какъ по те-

[3a]) Прежде очень преувеличенно представляли систему взаимной поруки какъ основу всей англо-саксонской государственной жизни. Многое возникшее въ норманскій періодъ, совершенно неправильно относили къ предъидущимъ столѣтіямъ. Въ такую ошибку впалъ, между прочимъ, Г. Л. Мауреръ въ своемъ сочиненіи „Ueber die Freipflege“ 1848 г. Поэтому необходимъ пересмотръ всѣхъ извѣстій объ англо-саксонской порукѣ, что и дѣлаетъ напр. Шмидъ, Glossarium стр. 644—649. Важныя услуги къ разъясненію этого вопроса оказалъ Marquardsen въ своемъ сочиненіи о порукѣ у Англо-саксовъ, 1851. Послѣ тщательнаго изслѣдованія съ выводами Marquardsen'а вполнѣ согласился Konrad Maurer (Kritische Zeitschrift Bd. I. стр. 87—96. Самый подробный обзоръ мнѣній по этому вопросу даетъ Waitz, Deutsche Verfassungs Geschichte, I, 424—473. Дѣйствительный смыслъ англо-саксонскаго закона о порукѣ такой же какъ и у законовъ континента (въ Edictum Pistense и въ Capitula Longobardorum) именно, что не владѣющіе опредѣленнымъ имуществомъ (sine proprietatibus in regno nostro degentes, atque non habentes res aut substantiam quibus constringi possint) должны достать себѣ поручителя, который представлялъ-бы ихъ къ суду. (ut eos praesentent aut pro eorum malefactis rationam reddant). Ср. Waitz, Deutsche Verf. IV. 363. Если та или другая деревенская община взяла на себя ручательство, то противникъ уже держится за praepositus'а, который и отвѣчаетъ въ случаѣ неуплаты виновнымъ наложенной пени. Praepositus-же, въ свою очередь, взыскивалъ съ крестьянъ, что практически и приводитъ къ ручательству десятка, юридически неправильно называемому въ норманскія времена „взаимною порукою“. Все это я нахожу выраженнымъ въ Leges Edw. Conf. Cap. 20 § 4. (Текстъ Harl.): Quod si facere non poterit (если praepositus не можетъ платить) restauret damnum, quod ipse fecerat, de proprio forisfactoris quantum duraverit, et de suo; et ergo justitiam emendent, secundum quod legaliter judicatum fuerit eis, а по тексту Говедена Cap. 19 § 4: Quidsi facere non posset, ipse cum Frithborgo suo damnum restauraret de proprio malefactoris quantum duraret. Quo deficiente, de suo et Frithborgi sui perficeret et ergo justitiam emendaret.

перешнему имущественному праву супруговъ) владѣла землею на свое собственное имя, завѣдывала имъ и имѣла право имъ распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Первоначально и очень значительно было право пользованія королемъ Folkland'омъ всѣми тѣми землями, которыя при завоеваніи страны не были розданы отдѣльнымъ лицамъ, а также тѣми землями, которыя по природѣ своей не годились для раздачи, или по какой нибудь причинѣ остались никому не розданными. Эти оставшіяся въ распоряженіи всего народа имущества были предоставлены въ распоряженіе высшаго Hlâford'а, но съ тѣмъ, однако же, что народное собраніе должно дать свое согласіе всякій разъ, когда folkland превращается въ bôckland, т. е. отдается кому нибудь въ вѣчное владѣніе. Нужно и то сказать, что значительная часть folkland'а была роздана эальдорменамъ, ширгерефамъ и прочимъ королевскимъ чиновникамъ вмѣсто жалованья. Извѣстные участки земель къ концу англо-саксонскаго періода образовали обычную дотацію нѣкоторыхъ должностныхъ мѣстъ.

Въ значительной степени folkland отчуждался для дареній церквамъ, монастырямъ и другимъ церковнымъ учрежденіямъ. Пользованіе тѣмъ, что осталось послѣ всѣхъ этихъ законныхъ раздачъ шло главнымъ образомъ на содержаніе вооруженнаго придворнаго штата и личныхъ слугъ короля.

Собственно говоря, раздачи этого рода производились на время, но въ большинствѣ случаевъ временное пользованіе превращалось въ вѣчное. Такимъ образомъ, король мало по малу терялъ непосредственное пользованіе свободными землями folkland'а. Съ теченіемъ времени постоянное усиленіе крупнаго землевладѣнія, возрастающая власть аристократіи, вліяніе фаворитовъ все болѣе и болѣе вело къ аллодификаціи, что можно прослѣдить по массѣ сохранившихся древнихъ грамотъ.

Изъ общаго права пользованія короля folkland'омъ проистекаетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ правъ, именно: король получаетъ право верховнаго распоряженія надъ гаванями, пристанями и большими дорогами, что становится источникомъ *пошлинъ* и поборовъ. Король также получаетъ право на соляныя и свинцовыя копи, на корабли, потерпѣвшіе крушеніе у береговъ Англіи и на клады. Изъ этого принципа пользованія общегосударственнымъ достояніемъ вытекаетъ право короля пользованія *лѣсами*. Во времена Кнута появляется цѣлая регламентація лѣсоистребленія и охоты, что̀ становится для королей источникомъ не малаго дохода [4]).

---

[4]) Финансовыя прерогативы короля подробно разбираются у Kemble'я II. стр. 42—87. Право короля пользоваться ager publicus, folkland'омъ длится

Если съ теченіемъ времени доходы, извлекаемые изъ folkland'а и безхозяйнаго имущества мало по малу исчезаютъ, за то тѣмъ значительнѣе становятся доходы, проистекающіе изъ верховнаго, судебнаго и полицейскаго главенства короля.

Изъ *военнаго главенства* прежде всего развивается право пользованія народнымъ трудомъ для постройки и ремонта королевскихъ *дворцовъ* и *крѣпостей*, что въ качествѣ всеобщей повинности исполняется простыми рядовыми земской милиціи.

Затѣмъ, изъ отношеній личныхъ дружинниковъ къ королю образуются права его наслѣдовать вооруженіе дружинника, или же получать выкупъ за него. Во времена Кнута, когда годарственные чиновники все болѣе и болѣе превращаются въ тановъ, появляется уже всеобщій законъ относительно этого, Сп. II § 72, по которому послѣ Эарла получаетъ восемь лошадей, 4 панцыря и т. д., и двѣсти манкусовъ золота. Послѣ меньшихъ тановъ идетъ въ пользу короля меньше. Сп. II § 74 и слѣдующіе, установляютъ право короля регулировать, за извѣстное вознагражденіе конечно, *опеку* и выходъ замужъ. Впрочемъ, это право должно быть касалось только вдовъ и дѣтей дружинника непосредственно снаряженнаго на счетъ короля [4a]).

вплоть до позднѣйшихъ временъ англо-саксонскаго періода. Изъ условій, при которыхъ происходило завоеваніе страны, мало по малу возникло право короля на большія дороги, на гавани и пристани. Всѣ эти мѣста, служащія мѣстомъ скопленія людей и товаровъ, служатъ предметомъ спеціальной защиты „королевскаго мира“. Съ иностранныхъ кораблей, пристающихъ къ берегамъ Англіи, а также съ иностранныхъ купцовъ, король беретъ пошлину. Тоже въ пользу короля идутъ выброшенные на берегъ остатки кораблей, которые разсматриваются какъ безхозяйный предметъ.

Лѣса первоначально составляли часть Folkland'а, слѣдовательно находились во всеобщемъ пользованіи. Но съ теченіемъ времени лѣса становятся регаліею. Древнѣйшая форма лѣсной регаліи не совсѣмъ ясна, но уже въ Кнутовскихъ Constitutiones de foresta права королей на пользованіе лѣсами, для столь любимой ими охоты и другихъ цѣлей, выражены очень ясно. Лѣсной уставъ Cnut'a выдѣляетъ регалію большой охоты отъ охоты простой. Впрочемъ существующій текстъ этого устава представляетъ собою позднѣйшій латинскій переводъ, такъ что судить по немъ о времени возникновенія отдѣльныхъ пунктовъ устава невозможно.

Всѣ только что перечисленные доходы короля можно назвать непосредственными въ отличіе отъ перечисляемыхъ ниже, имѣющихъ источникомъ положеніе короля, какъ главы власти.

[4a]) Военная организація англо-саксонскаго періода даетъ королю непосредственное право требовать услугъ милиціи при постройкѣ дворцовъ и возведеніи королевскихъ бурговъ. Какъ составная часть такъ называемой trinoda necessitas, эти услуги выговариваются въ грамотахъ, касающихся отдачи въ ленъ даже на наиболѣе льготныхъ условіяхъ. Изъ особыхъ условій, на которыхъ поступаютъ къ королю служилые люди, вытекаетъ право наслѣдованія вооруженія послѣ епископовъ, эальдорменовъ, тановъ. Оно часто упоминается уже въ грамотахъ 10 столѣтія (Codex. dipl. 492, 593, 699, 716, 957, 907, 979, 1173, 1223). Но есть-ли это общее правило для всѣхъ членовъ танскаго сословія, или же требуется только отъ такихъ дружинниковъ, которые получаютъ свое вооруженіе отъ короля—ска-

Изъ судебнаго главенства возникаетъ право на тѣ имущества (будь они bôcland или движимость), которыя за измѣну, воровство и другія преступленія переходятъ, по позднѣйшимъ законамъ, къ королю. Еще значительнѣе многочисленные денежные штрафы. Впрочемъ въ вотчинномъ судѣ они составляютъ собственность землевладѣльца, да и въ королевскихъ судахъ размѣръ ихъ значительно уменьшается долею получаемою изъ нихъ эальдорменами и ширгерефами [4b]).

Изъ полицейскаго *главенства* короля развивается кромѣ обширной системы денежныхъ пеней также *ярморочное право*, т. е. поборы, получаемые королемъ взамѣнъ нѣкоторыхъ услугъ, оказываемыхъ имъ торгующимъ. Точно также полицейская власть короля ведетъ къ расширенію системы пошлинъ, взимаемыхъ въ морскихъ гаваняхъ и по судоходнымъ рѣкамъ. Значительны доходы за защиту королемъ торговыхъ людей, евреевъ и другихъ иностранцевъ, въ такой защитѣ нуждавшихся [4c]).

Но за то англо-саксамъ совершенно неизвѣстны прямыя подати. Побѣжденные народы безъ сомнѣнія платили германскимъ вождямъ подати, но «отъ своего собственнаго народа они получали только

зать опредѣленно трудно. Въ законахъ Кнута (Cn. II. § 72) точно опредѣлено наслѣдованіе вооруженія послѣ эарловъ, послѣ „близко стоящихъ къ королю“ тановъ и менѣе высокопоставленныхъ тановъ. Въ Domesdaybook право наслѣдованія вооруженія тоже упоминается какъ постоянный источникъ королевскаго дохода. О доходахъ съ опеки и выхода замужъ ср. Kemble II. 80.

[4b]) Изъ судебнаго главенства вытекаютъ обширныя права короля на конфискованное имущество. Уже въ законахъ Ины за употребленіе оружія въ королевскомъ дворцѣ полагается конфискація имущества въ пользу короля In. § 6. Это-же наказаніе полагается за измѣну. Alfr. § 4. Athest. II. 4. Athlr. V. 30. VI. 37. Cn. II. 57, за пристано-держательство воровъ и содѣйствіе имъ. Athlst. I. § 3. и многіе др. законы. Англо-саксонскія грамоты даютъ много указаній относительно конфискаціи, какъ bôcland'a такъ и движимости, за воровство и другія преступленія. Еще значительнѣе былъ доходъ съ многочисленныхъ денежныхъ штрафовъ. Edg. II. 3. Athlr. VIII. 8. Cn. I. 8. Въ позднѣйшія времена всѣ денежные штрафы входятъ въ составъ ленной отдачи. Вотъ почему въ законахъ Кнута мы видимъ совершенно обратное явленіе: они перечисляютъ тѣ шесть проступковъ, пеня за которые еще идетъ въ пользу короля. Cn. II. 12—15. Въ Вессексѣ и Мерсіи въ этомъ отношеніи замѣчается одно и то же. По датскому же праву перечисленныя права нѣсколько ограничены.

[4c]) Изъ полицейской власти развивается ярмарочное право. Однородное съ нимъ право взимать пошлины въ морскихъ гаваняхъ и за провозъ по большимъ дорогамъ и судоходнымъ рѣкамъ даетъ королю непосредственно въ его пользу идущіе доходы. Несомнѣнно, что въ замѣнъ этихъ поборовъ король принималъ гавани подъ особую защиту королевскаго мира, gefrithod; часто таможенное право отдавалось на откупъ. Еще чаще встрѣчается освобожденіе отъ платежа пошлинъ, но, конечно, въ вознагражденіе за это король либо единовременно получалъ что-нибудь соотвѣтствующее, либо же устанавливалась разъ навсегда опредѣленная, правильная подать. Несомнѣнно, что изъ охраненія „королевскаго мира“ произошло покровительство иностраннымъ купцамъ, платившимъ, понятно, за это королямъ. За такую же защиту платятъ и евреи. Leg. Edw. Conf. § 25.

подарки, главнымъ образомъ скотъ и плоды». Эти почетные подарки нерѣдко отдавались вождями въ распоряженіе народнаго собранія. Впрочемъ, когда король путешествовалъ по своей землѣ, то онъ и его свита содержались на счетъ народа. Этотъ же обычай простирается и на королевскихъ намѣстниковъ, пословъ и свиту ихъ. Точно также не слѣдуетъ считать поборы и личныя услуги (Cyninges gofol), получаемые королемъ со своихъ доменъ и folkland'a, а крупными землевладѣльцами съ ихъ земель за подати, какъ это дѣлаютъ Кембель и другіе. Весь германскій общественный строй, какъ въ маломъ такъ и въ великомъ, какъ все государство, такъ и каждая община, организованъ по системѣ личнаго отправленія военныхъ и судебныхъ обязанностей и этотъ свой характеръ германская общественная жизнь удерживаетъ дольше, нежели въ кельтійскомъ и романскомъ государственномъ устройствѣ. Только въ періодъ глубочайшаго униженія, при Ательредѣ Безпомощномъ, земскій сеймъ могъ постановить наложеніе всеобщей дани, которой Англія откупалась отъ «войска» датскихъ морскихъ разбойниковъ. Эти дани, разложенныя на каждый гуфъ, много разъ уплачивались датскимъ пришельцамъ, а отъ времени до времени давались самому королю для того, чтобы онъ имѣлъ средства отвратить новыя нападенія. Такимъ путемъ установилась такъ называемая датская дань, равняющаяся 12 пфенигамъ за каждую hida. Но все это есть ни что иное, какъ выраженіе упадка, въ которомъ находилось англо-саксонское государство въ послѣднее столѣтіе своего существованія. Происхожденіе, названіе, неправильный способъ взиманія, освобожденіе отъ нее духовенства,—все это указываетъ, что датская дань была аномаліей [4d]).

Само собою разумѣется, что въ англо-саксонскій періодъ не было еще и рѣчи о правильной *финансовой отчетности*. Право короля

[4d]) Право облагать податями, какъ извѣстно, никогда не входило въ составъ германскаго представленія о королевской власти. О подаркахъ скотомъ и плодами говоритъ уже Тацитъ. Содержаніе короля и королевской свиты во время путешествій по странѣ изъ обычая мало по малу превратилось въ юридическое установленіе. Отсюда уже не труденъ былъ переходъ къ таковому-же гостепріимству по отношенію къ королевскимъ посламъ. Затѣмъ образовалось обязательство поставлять лошадей, перевозить королевскія вещи, содержать королевскихъ слугъ. Все это нерѣдко спеціально выговаривалось при ленныхъ отдачахъ. Но такъ какъ точной регламентаціи все-таки не было, то нерѣдко дѣло доходило до злоупотребленія. Для уничтоженія ихъ Кнутъ издалъ точныя правила. Сп. II. 69 § 1.

Объ исторіи происхожденія первой датской дани ср. Lappenberg I. 323. Позднѣйшія, по истинѣ позорныя дани достигли въ 1018 г. 82,500 фунтовъ серебра. Распредѣленіе по количеству гуфовъ было введено и при снаряженіи флота. (Въ 1008 г. спеціальное постановленіе обязываетъ каждыя 310 Hidae снарядить одинъ корабль). При Эдуардѣ, въ 1052 г. датская дань, какъ сообщаетъ англо-саксонская хроника, была уничтожена.

свободно распоряжаться государственными доходами явствуетъ изъ разсказа Ассера, изъ котораго видно, что Альфредъ одну половину своихъ доходовъ отдавалъ на церковь, а вторую половину назначалъ для свѣтскихъ цѣлей. Изъ «свѣтской» половины Альфредъ, по тому же разсказу Ассера одну треть отдавалъ своимъ воинамъ и дружинникамъ, одну треть расходовалъ на гостепріимство, одну треть на многочисленныхъ художниковъ и людей строительнаго дѣла, которыхъ онъ выписывалъ изъ чужихъ странъ.

V. Наконецъ послѣднюю прерогативу королевской власти составляетъ *патронатство надъ церковью*, возникшее изъ того, что принятіе новой вѣры и римскаго священства совершилось благодаря совмѣстному рѣшенію короля и земскаго сейма. Нѣсколько позже споры въ средѣ духовенства изъ за времени празднованія пасхи и другія церковныя несогласія рѣшались королемъ. Неудивительно, слѣдовательно, что въ такихъ маленькихъ королевствахъ, на которыя распалась Британія, нельзя было такъ легко забыть, что церковь всѣмъ обязана авторитету короля. Нельзя было также забыть, что богатство епископовъ и монастырей въ значительной степени обязано своимъ происхожденіемъ щедрости королей, раздававшихъ духовенству участки Folkland'a или даже своихъ собственныхъ имѣній. Римъ былъ слишкомъ далекъ, чтобъ предъявить какія-бы то ни было притязанія на рѣшающій голосъ въ такой странѣ, въ которой не привыкли и не были расположены признавать авторитетъ человѣка гдѣ то далеко, далеко находящагося. Съ другой стороны, туземные прелаты въ маленькихъ англо-саксонскихъ королевствахъ слишкомъ близко стояли къ туземному населенію, чтобъ предъявлять какія нибудь слишкомъ большія іерархическія требованія. Это не мѣшало однако же и англійской церкви стремиться, по общему примѣру средневѣковаго духовенства, къ самостоятельности своихъ членовъ, къ тому чтобъ внутренняя ея организація не смѣшалась бы въ одно съ свѣтскимъ, судебнымъ, военнымъ и полицейскимъ устройствомъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что королевское патронатство касалось только *внѣшнихъ рамокъ* церкви, не проникая во внутреннюю жизнь ея, въ частности ея управленія. Англо-саксонскіе короли пользовались правомъ *назначать* епископовъ, и стремленія церкви самой избирать, согласно каноническимъ правиламъ, своихъ сановниковъ, не могли быть приведены въ исполненіе, точно также какъ оставались безъ практическихъ послѣдствій назначенія, производимыя папскимъ престоломъ. Что касается монастырей, то и тутъ поддержка ихъ со стороны королей повела къ праву королевской власти назначать аббатовъ. Столь же неоспоримо королевская власть пользуется въ Англіи правомъ утвержденія *постановленій церковныхъ соборовъ*.

Связь свѣтской и духовной власти выражалась въ томъ, что прелаты вмѣстѣ съ танами засѣдали въ Witenagemôt'ѣ, а епископы совмѣстно съ эальдерменами, въ собраніяхъ графствъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что благодаря островной замкнутости Англіи, въ ней установилась идея тѣснаго союза между церковью и государствомъ [5]).

Совокупность всѣхъ вышеисчисленныхъ отдѣльныхъ правъ и прерогативъ съ теченіемъ времени создаетъ одно общее *наслѣдственное право королевскаго семейства*. Нѣтъ сомнѣнія, это понятіе главнымъ образомъ установилось благодаря тому, что король являлся *землевладѣльцемъ* и имѣлъ слѣдовательно право распоряжаться по своему усмотрѣнію своимъ имуществомъ и завѣщать его кому угодно. Но нельзя однакоже сказать, чтобъ этотъ элементъ наслѣдственности игралъ бы главную роль въ установленіи понятія о королевской власти. Гораздо болѣе значительную роль играетъ тутъ сознаніе необходимости постояннаго, *личнаго* авторитета, какъ противовѣса противъ мало по малу устанавливающагося сословнаго неравенства.

Прежде всего наслѣдственность королевской власти ведетъ къ тому,

---

[5]) Патронатство короля надъ церковью прежде всего заключается въ правѣ его назначать прелатовъ. Довольно безпристрастно это доказано у Lingard, History of the Anglo-saxon Church I 89. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ епископы назначаются и смѣняются по волѣ короля. Знаменательно тоже, что очень часто епископами назначались королевскіе капеланы. Palgrave I. 173, 174. По мнѣнію Stubbs'a въ спокойныя времена и на менѣе значительныя епископскія кафедры духовенство само выбирало владыкъ. Но при замѣщеніи архіепископскихъ и епископскихъ кафедръ большихъ діоцезій назначеніе производилось королемъ при содѣйствіи земскаго сейма, согласіе котораго на принятіе въ свою среду новаго сочлена считали необходимымъ. Консекрація епископовъ уже засѣдающихъ въ сеймѣ была выраженіемъ этого согласія.

Право короля утверждать постановленія духовенства проистекало изъ обстоятельствъ принятія дворомъ, съ согласія земскаго сейма, новой вѣры. Въ древнѣйшія времена встрѣчаются даже случаи того, что король предсѣдательствуетъ на собраніяхъ, имѣющихъ характеръ церковныхъ синодовъ. Cod. dipl. № 116. Willibald Vita Bonifacii стр. 338. Даже тогда, когда церковь и государство начали отдѣляться другъ отъ друга, измѣненіе внѣшняго устройства церкви все-таки должны были утверждаться королемъ и Witenagemôt'омъ. Вопросы о празднованіи субботы, о постахъ, праздникахъ, церковныхъ оброкахъ, подлежали рѣшенію Witan'овъ. Даже великій вопросъ о монашествѣ неоднократно обсуждался Witan'ами въ X столѣтіи, Kemble II. 189. Сеймовыя постановленія англо-саксонскаго законодательства часто заключаютъ въ себѣ двѣ рубрики: во первыхъ церковные, во вторыхъ свѣтскіе законы, какъ напр. законы Атльстана, Эдмунда, Кнута и т. д. Но и тѣ и другіе обнародываются подъ именемъ „законовъ короля". Вообще тогда господствовало убѣжденіе, что новыя обязательства можетъ наложить на мірянъ только король и земскій сеймъ. Могущество королевской власти обнаруживается также въ улаживаніи церковныхъ несогласій. Въ эпоху первыхъ споровъ между королевской властью и церковною іерархіею — во времена епископа Вильфрида и архіепископа Дунстана, королевская власть одерживаетъ побѣду и оставляетъ за собою право назначенія и смѣщенія прелатовъ, не обращая вниманія ни на протестаціи Рима, ни на протестаціи туземныхъ церковныхъ соборовъ.

что устраняются споры знатныхъ фамилій изъ за обладанія верховной властью. Эта цѣль достигалась только тогда, когда установились неоспоримыя права нѣкоторыхъ княжескихъ фамилій, «отъ Водана ведущихъ свой родъ». Единство престолонаслѣдія и извѣстныя преимущества первороженнаго устанавливаются какъ бы сами собою, хотя и не составляютъ нѣчто необходимое. Какъ при частномъ владѣніи послѣдняя воля владѣльца рѣшаетъ кому будетъ принадлежать имущество, такъ и при престолонаслѣдіи англо-саксонское общественное мнѣніе начинаетъ мало по малу уважать послѣднюю волю короля; но тѣмъ не менѣе старое народное представленіе, свойственное всѣмъ воинственнымъ народамъ,—что королемъ должно быть то лицо, которое наиболѣе способно доставить славу своему войску, играетъ и здѣсь роль. Отъ наслѣдника, которому завѣщается престолъ, требуются качества необходимыя для короля. Эпоха «королей-отроковъ» могла только тогда имѣть мѣсто, когда вессекская династія прочно установилась въ народномъ уваженіи послѣ послѣдовательнаго царствованія трехъ славныхъ королей этого рода. Но подобно тому какъ старогерманскія народныя собранія испытывали зрѣлость юношей и способность ихъ къ боевому дѣлу, такъ и вопросъ о томъ, можетъ ли вновь вступающій на престолъ монархъ быть предводителемъ войска, рѣшался голосованіемъ всего народа. Нельзя было обойти это народное признаніе. Оно требовалось вмѣстѣ съ согласіемъ церкви, которая всякій разъ рѣшала можетъ ли новый король вступить въ бракъ по закону божескому и можетъ ли отъ этого брака родиться надлежащій наслѣдникъ. Неудивительно, что необходимость удовлетворить всѣмъ этимъ условіямъ нерѣдко приводила къ тому, что младшій сынъ получалъ предпочтеніе предъ старшимъ, или же хорошо знающій военное дѣло братъ короля предпочитался незрѣлому и слабому тѣломъ сыну короля. Такимъ образомъ сохраняется *выборная* форма королевскаго достоинства; при чемъ не только оптиматы, но и весь народъ, то есть всѣ присутствующіе liberi homines, провозглашаютъ новаго короля. Тѣмъ не менѣе *наслѣдственный характеръ* королевской власти въ англосаксонскій періодъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. «The royal authority was never allowed to be separated from the royal race». Избраніе Кнута общимъ королемъ датчанъ и саксовъ и устраненіе отъ престолонаслѣдія малолѣтнихъ сыновей короля Эдмунда (1016 г.) было актомъ необходимости и состоялось вслѣдствіе давленія военной силы. Двадцать шесть лѣтъ спустя эта неправильность была заглажена единодушнымъ призваніемъ послѣдняго короля изъ рода Цердика (Edw. Conf. 1042 — 1066). И все таки, хотя и наслѣдственная, королевская власть всегда носитъ *личный характеръ*, то есть всякій разъ *народомъ* принимаются

во вниманіе личныя достоинства новаго короля. Царствовать онъ начинаетъ только съ момента коронаціи. Правильный титулъ его—не король надъ страною, но король надъ народомъ. Феодальная идея господства надъ землею и людьми есть созданіе позднѣйшей королевской власти норманскаго періода. Kings were the leaders of the people, not the lords of the soil (Palgrave, I. 62) [1]).

§ 3.

Соединеніе отдѣльныхъ королевствъ въ одно государство и его подраздѣленія.

Соціальныя условія, изъ которыхъ возникла королевская власть, первоначально повели къ образованію *многихъ маленькихъ государствъ*. Въ каждой изъ тѣхъ болѣе или менѣе замкнутыхъ областей, въ которыхъ небольшія племена и дружины селились подъ

[1]) Изъ 19 престолонаслѣдій Соединенной Монархіи, не менѣе какъ въ 8 случаяхъ первородство не было принято во вниманіе. Даже въ эпоху высшаго процвѣтанія западно-саксонской династіи Альфредъ вступаетъ на престолъ помимо своихъ старшихъ братьевъ, а Ательстанъ помимо законнорожденныхъ братьевъ. Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, вступленію на престолъ предшествовала легитимація Ательстана, какъ со стороны предшествовавшаго ему короля, такъ и со стороны земскаго сейма и духовенства. Всѣ эти такъ называемыя „неправильности“ англо-саксонскаго престолонаслѣдія имѣли мѣсто либо въ тѣхъ случаяхъ, когда на то была воля предшествовавшаго короля, либо когда корона переходила къ кому-нибудь по договору, либо наконецъ въ случаяхъ неспособности обойденныхъ. Альфредъ Великій въ своемъ завѣщаніи основываетъ свои права на корону: 1) на волѣ своего отца, 2) на соглашеніи со своимъ братомъ Аэтельредомъ и 3) на согласіи Witan'овъ Вессекса. Выраженія, указывающія на народный выборъ, сохраняются въ теченіи многихъ столѣтій. Такъ напр. о короляхъ говорится, что они „избраны и подняты“ (воспоминаніе о старинномъ обычаѣ поднимать новоизбранныхъ королей на щитъ). Сохранились также выраженія этого рода въ коронаціонныхъ формулахъ, хотя смыслъ ихъ былъ давно забытъ. (Напр. утвержденіе inchoate title'a суверена. Palgrave I. 562). Какъ прочно установилось понятіе о наслѣдственности королевскаго достоинства въ одномъ родѣ доказываетъ періодъ шести такъ называемыхъ королей-отроковъ и торжественное вторичное призваніе изгнаннаго Датчанами Этельреда Безпомощнаго, не смотря на то, что онъ многократно доказалъ свою неспособность царствовать. Вполнѣ несправедливо видятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда недовольные магнаты лишали королей престола (напр. Зигеберта въ Вессексѣ и Беорнреда въ Мерсіи) прецеденты какого-то конституціоннаго права Witenagemote'a „смѣщать короля“. Palgrave, впрочемъ, (I. 653. 655) держится другаго мнѣнія.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать короля правителемъ народа или же повелителемъ страны, не можетъ быть точно рѣшенъ на основаніи грамотъ, такъ какъ каждый Clericus, обыкновенно составлявшій эти грамоты, переводя англо-саксонскія выраженія на латинскій языкъ, выбиралъ каждый разъ термины по своему усмотрѣнію. Такъ напр. выраженія totius Britanniae Monarchus, rex, rector, basileus, встрѣчаются уже въ грамотахъ X ст. Но Альфредъ Великій на-

предводительствомъ своихъ вождей, одновременно возникали тѣ имущественныя отношенія, которыя повели къ возникновенію королевской власти. Вожди-же хотя не всѣ пользовались одинаковой властью, однакожъ всѣ одинаково смотрѣли на себя, какъ на «потомковъ Водана». Кромѣ того одно и тоже стремленіе къ самостоятельности одушевляло какъ ихъ, такъ и ихъ дружины.

Тѣсно соприкасаясь другъ съ другомъ, всѣ одушевленные однимъ и тѣмъ же стремленіемъ завоевывать новыя владѣнія и удовлетворять страсть къ треволненіямъ боевой жизни и захвату добычи, небольшія англо-саксонскія государства, при отсутствіи какихъ бы то ни было естественныхъ границъ, неизбѣжно должны были начать рядъ безконечныхъ междоусобій. Одновременно съ этимъ идутъ безконечныя войны съ иноплеменными сосѣдями на востокѣ и на сѣверѣ, съ бриттами и скоттами. Постоянная готовность отправиться на войну, которая требовалась подобнымъ положеніемъ дѣла, давала значительное преимущество хорошо обученнымъ и вооруженнымъ дружинамъ надъ мелкими крестьянами, которые не особенно охотно оставляли свое домашнее хозяйство, чтобы отправиться въ походъ противъ соплеменныхъ сосѣдей, къ тому же безъ всякихъ видовъ на добычу. Въ теченіи первыхъ столѣтій англо-саксонскаго поселенія въ Британіи эти небольшія войны уничтожили массу небольшихъ государствъ и вождей, о которыхъ въ исторіи не сохранилось ничего, даже имени.

Послѣ того, какъ границы англо-саксонскихъ государствъ установились болѣе или менѣе точно, то есть около начала VII столѣтія, мы находимъ въ Англіи отъ семи до восьми большихъ или меньшихъ королевствъ: Кентъ, Суссексъ, Эссексъ, Вессексъ, Истанглія, Мерція, Деира, Бернпція. Послѣднія два соединились очень рано въ большое Нортумберландское королевство. Историографы дали этому группированію королевствъ названіе *гептархіи*, почему-то не принимая во вниманіе раннее исчезновеніе Суссекса и существованіе многихъ меньшихъ королевствъ.

Но и такое группированіе не могло долго продолжаться. Общимъ связующимъ интересомъ этихъ маленькихъ государствъ было только противодѣйствіе внезапнымъ и очень опаснымъ нападеніямъ запад-

---

зываетъ себя въ своемъ завѣщаніи только королемъ западныхъ Саксовъ. Сынъ его Эдвардъ называется на монетахъ rex Anglorum. Своеобразенъ стиль Кнута. Въ Cn. I pr. онъ себя называетъ „король всей Англіи (eallas Engla-landes), король датчанъ и сѣверныхъ людей“; очевидно онъ этимъ хочетъ подчеркнуть фактъ завоеванія имъ англійской территоріи. Эдуардъ Исповѣдникъ опять себя называетъ rex Anglorum или „повелитель Англовъ“ (Saxon Chron. a. 1066). Первые норманскіе короли называютъ себя на монетахъ rex Anlgorum, а въ грамотахъ иногда rex Angliae. На большой королевской печати титулъ rex Angliae впервые появляются при королѣ Іоаннѣ (Allen, Prerogative. стр, 50, 51).

ныхъ и сѣверныхъ сосѣдей. Вотъ почему тотъ король, который былъ въ состояніи съ успѣхомъ взять на себя предводительство въ борьбѣ противъ общаго врага, естественнымъ путемъ выдвигался на первый планъ. У нѣкоторыхъ историковъ такой король, получаетъ названіе Bredwalda. Такимъ Bredwald'омъ, значеніе котораго могло быть только временное, является Aella изъ Суссекса. Въ болѣе позднія времена Нортумбрія даетъ нѣсколькихъ bredvald'овъ. Но въ концѣ концовъ дѣйствительная и прочная верховная власть надъ всѣми маленькими королевствами достается Вессексу. Рѣшающую роль при этомъ играетъ географическое положеніе отдѣльныхъ государствъ. Небольшія западныя королевства какъ бы полулунною заслонкою прикрывались Нортумберландомъ, Мерціей и Вессексомъ, которымъ и приходилось выдерживать войны съ валлійскими государствами, съ Стратклидомъ и Кумбріей, съ пиктами и скоттами. Маленькія западныя королевства шли всегда въ хвостѣ этихъ трехъ болѣе крупныхъ. Въ послѣднія-же два столѣтія англо-саксонской исторіи окончательное преобладаніе переходитъ въ руки Вессекса, гдѣ сосредоточиваются условія наиболѣе удобныя для образованія крупнаго государства. *)

Сравнительно хорошо и равномѣрно населенный, не защищаемый

---

*) О такъ называемой гептархіи ср. Lappenberg, I. стр. 203 и слѣд., 242 и слѣд., 277 и слѣд. Kemble, Anglo-Saxons cap. I. Подробное обозрѣніе судебъ отдѣльныхъ королевствъ даетъ Palgrave, Commonwealth. Т. II. въ формѣ хронологической таблицы. Подобная-же таблица всѣхъ королей находится въ концѣ 1 тома исторіи Lappenberg'a. Меньшія государства, упоминаемыя рядомъ съ такъ называемой гептархіей, суть: государство Ютовъ на островѣ Wight, Suthrige (Surrey), Hecana (Hereford), Mittelanglen, Elmete, страна Huricas'овъ, страна Lindiswaren'овъ и т. д.

Такъ называемое бредвальдство, временъ гептархіи, послужило предметомъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что слово это неправильно приводили въ связь съ „бритами“, между тѣмъ какъ дѣйствительное этимологическое значеніе его выражаетъ понятіе о могущественномъ, грозномъ. Беда перечисляетъ 7 бредвальдовъ: Aella изъ Суссекса, Ceawlin изъ Вессекса, Ethelbert изъ Кента, Redwald изъ Остъ-Англіи, Edwin, Oswald и Oswy изъ Нортумбріи. Англо-саксонская хроника по этому предмету говоритъ только, что Aella впервые пользовался „обширною властью.“ Подъ 827 годомъ она говоритъ о Эгбертѣ какъ о „восьмомъ королѣ, бывшемъ бредвальдомъ.“ Вполнѣ правильно разъяснена сущность бредвальдства у Kemble'я, Anglo-Saxons, с. I. стр. 7—19. Онъ въ немъ видитъ гегемонію de facto. Ср. также Freman Conquest. I. App. B.

Объединеніе страны Эгбертомъ есть будто-бы причина того, что соединенное государство получило общее названіе Англіи. Старый регистръ аббатства св. Леонарда въ Іоркѣ (приведенъ въ Dugdale's monasticon) заключаетъ въ себѣ слѣдующее, нѣсколько странное мѣсто: Memorandum quod anno Domini 800 Egbertus Rex totius Brittanniae, in Parlamento apud Wintoniam mutavit nomen Regni (de consensu populi sui) et jussit illud de caetero vocari Angliam. Вильгельмъ изъ Мальмсбэри говоритъ, что Эгбертъ привелъ всѣ отдѣльныя королевства подъ одно uniforme dominium и далъ этому названіе „Anglia“. Однакоже, самъ Эгбертъ только въ одной хартіи (отъ 828 г.) называетъ себя королемъ Англичанъ, вообще-же онъ титулуетъ себя королемъ Вессекса.

никакими естественными границами, а всегда хорошо вооруженный для отраженія нападеній валлійцевъ, Вессексъ имѣетъ по ходу развитія своего могущества нѣкоторое сходство съ большими марками Германіи. Строгая военная дисциплина, правильное престолонаслѣдіе, сравнительно правильный ходъ внутреннихъ отношеній, сохранили здѣсь англо-саксонское военное устройство въ лучшемъ видѣ. Ко всѣмъ этимъ преимуществамъ въ началѣ IX столѣтія присоединилось восшествіе на вессекскій престолъ *Эгберта* (800—836) воспитаннаго при дворѣ Карла Великаго. Энергичный и умный, онъ подчинилъ себѣ Мерцію и добился признанія своей *верховной власти* надъ всей страной англовъ и саксовъ южнѣе Humber'a. Только со временъ Эгберта государство англо-саксовъ вступаетъ въ рядъ государствъ европейскихъ. Съ него же начинается то внутренное спокойствіе и благоденствіе, которое было необходимо для укрѣпленія внутренней организаціи страны и духовнаго развитія англо-саксонскаго народа. Послѣ него хотя и начинается періодъ несчастныхъ войнъ съ датскими и норвежскими морскими разбойниками, которые своимъ способомъ веденія войны приводятъ въ замѣшательство народныя ополченія сосиненнаго королевства, но за то общее несчастіе пробудило съ новой силою въ западныхъ саксонскихъ государствахъ чувство единства. При *Альфредѣ Великомъ* весь саксонскій народъ поднимается какъ одинъ человѣкъ, чтобъ сбросить съ себя иго пришлецовъ и регулировать свои отношенія къ «сѣвернымъ людямъ». Поколѣніе спустя блестящее правленіе Аэтельстана снова подчиняетъ англо-саксонскому владычеству тѣ части Британіи, которыя были захвачены датчанами. При немъ государство и династія достигаютъ *высшей точки* своего самобытнаго развитія, хотя исторія преимущественно связываетъ это съ именемъ Альфреда. Ему, спасителю отечества отъ датскаго ига, соединявшему въ своемъ лицѣ военный талантъ, высокую нравственность и сильный умъ благодарный народъ приписываетъ въ позднѣйшія времена все то хорошее, что досталось въ наслѣдство отъ стараго времени. Три послѣдовательныя правленія Альфреда, Эдуарда и Аэтельстана, къ которымъ позднѣе присоединилось еще счастливое правленіе Эдгара, прочно установили понятіе о королевской власти, какъ представительницы идеи *государственнаго единства* Британіи. Правда, вслѣдъ за этимъ начинается второй періодъ борьбы съ датчанами, во время которой старый королевскій родъ точно также выродился какъ меровинги и позднѣйшіе каролинги. Правда, что послѣ полустолѣтія невѣроятной слабости и униженія, при Аэтельредѣ II народъ мѣняетъ старый королевскій родъ на энергическое господство датчанина Кнута. Но родъ Кнута очень скоро

угасъ и на престолъ снова вступаетъ Эдуардъ Исповѣдникъ, послѣдній представитель вессекскаго королевскаго рода.

Столѣтіе, протекающее отъ Альфреда Великаго до смерти Эдгара (871—975), должно такимъ образомъ разсматривать какъ время *окончательнаго укрѣпленія* англо-саксонскаго государства. Страна и люди группируются въ тѣхъ рамкахъ, которыя съ удивительной устойчивостью сохраняются до нашихъ дней. *Образованіе англійскихъ графствъ и ихъ подраздѣленій* даттируется главнымъ образомъ съ этого столѣтія.

I. Образованіе англійскихъ графствъ, Shires было продуктомъ позднѣйшаго государственнаго единства. При Эгбертѣ такое единство государственнаго управленія еще не установилось. Было только всѣми признанное главенство Эгберта, рядомъ съ которымъ продолжаетъ существовать власть прежнихъ королей, занимающихъ положеніе медіатизированныхъ «подкоролей». Но послѣ того, какъ эти медіатизированные «подкороли» вымерли или были вытѣснены, близкіе родственники царствующаго дома, (atelingi) или же великіе таны, находящіеся въ родствѣ съ королевскимъ домомъ и вообще люди близко къ нему стоявшіе, занимаютъ ихъ мѣста, пока наконецъ все болѣе и болѣе усиливающееся государственное единство низводитъ положеніе этихъ правителей просто на степень государственныхъ чиновниковъ. Съ другой стороны, въ наиболѣе крупныхъ королевствахъ гептархіи, которыя уже давно достигли болѣе или менѣе прочной государственной организаціи, существовало уже извѣстное административное раздѣленіе на *округи*. Періодическія собранія витановъ для держанія великаго земскаго суда становятся уже вещью невозможной при большой территоріи. Подобнымъ же образомъ и снаряженіе народнаго ополченія требовало группировки по округамъ не особенно большаго протяженія. Эта потребность была удовлетворена административнымъ дѣленіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Scire (происходитъ отъ sciran, dividere). При своемъ возникновеніи scire должно быть отчасти были такимъ-же произвольнымъ дѣленіемъ какъ и тѣ divisions графствъ, которые образовались въ наше время. Вотъ почему слово Scire, просто въ качествѣ термина для означенія дѣленія (gau, gà вовсе не встрѣчается въ англійскихъ законахъ) также примѣняется относительно большихъ округовъ *церковнаго управленія*, епископскихъ діоцезъ и т. д. Въ Эссексѣ, гдѣ сравнительно рано установилось правильное административное управленіе, уже въ законахъ Ины мы встрѣчаемъ представителей Shire'a In. 36 § 8. Въ In. 39 говорится о переселеніи изъ одного «Scir» въ другой. Точно также большое протяженіе королевства Мерсіи очень рано должно быть создало необходимость административнаго подраздѣленія. Спорадически мы уже и

раньше Альфреда встрѣчаемъ имена нѣкоторыхъ scires, какъ напримѣръ Hamtûnscir (755 г.) Defena-scir (851). Но когда, послѣ наводненія государства полчищами датчанъ и безграничнаго замѣшательства при Альфредѣ (послѣ 880 года) пришлось удѣлить часть территоріи «сѣвернымъ людямъ», тогда повидимому послѣдовало энергическое раздѣленіе государства на такія части, которыя содѣйствовали бы военнымъ и судебнымъ цѣлямъ, а также «сохраненію міра». Объ этомъ дѣленіи можно было бы догадаться и теоретически, даже въ томъ случаѣ еслибы оно не было подтверждено несомнѣнными доказательствами—до такой степени оно было необходимо. Хотя при Аэтельстанѣ, Эдгарѣ и Кнутѣ, именно вслѣдствіе обратнаго присоединенія къ государству уступленныхъ датчанами земель, и произошло нѣкоторое измѣненіе въ административномъ дѣленіи страны, но тѣмъ не менѣе *столѣтіе высшаго развитія англо-саксонской* монархіи есть въ тоже время эпоха, положившая основаніе теперешнему дѣленію страны на графства. Снова возникающее въ Англіи, при Аэтельредѣ, преобладаніе сѣверныхъ пришлецовъ доставило продолжительное вліяніе датскому элементу на развитіе внутренняго устройства графствъ, такъ что образуются три типа графства: графства съ *саксонскимъ правомъ*, графства съ *датскимъ правомъ* и графство съ *мерсійскимъ правомъ*. Къ концу англо-саксонскаго періода Англія распалась на слѣдующія 32 графства, имена которыхъ мы находимъ у Симона изъ Дургема и Мальмесбэри:

«Anglia habet triginta duo Sciras extra Cumberland et Cornwalas. (In Cornwalas sunt septem parvae Scirae). Sunt hae triginta duo Scirae divisae per tres leges: West Sexenalaga, Denelaga, Marchenelaga. 1) West Sexenalaga habet novem Scyras: Suthsexia, Suthwai, Kent, Berocscire, Wiltescire, Sudhamtescire, Somersetescire, Dorsetescire, Devenascire; 2) Denelaga habet quindecim Sciras: Eborascira, Snotinghamscire, Deorbiscira, Leorcestrescira, Lincolnescira, Northamtunscira, Huntedunescira, Grantebrigescira, Northfolc, Sudfolc, East-Saxe, Bedefordscira, Hertfordscira, Midlesexa, Bukingehamscira, 3) Merchenelaga habet octo Sciras: Herefordscira, Glaucestrescira, Wircestrescira, Scrobscira, Cestrescira, Steadfordscira, Warewicscira, Oxenefordscira.

Эти 32 графства распадаются на 3 группы:

а) *Историческое подраздѣленіе графствъ* идетъ съ южной и восточной границы государства, именно съ той стороны, которая, прилегая къ морю, раньше другихъ была завоевана, была сильнѣе населена англами и саксами и очень рано достигла болѣе правильной государственной организаціи. Изъ обоихъ королевствъ Кентъ и

Суссексъ образуются здѣсь позднѣйшія графства этого же имени. Королевство East-Saxons образуютъ графства Essex и Middlesex. East-Anglia дѣлилась на двѣ части, населенныя «сѣвернымъ народомъ» и «южнымъ народомъ», согласно чему и образуются графства Norfolk и Sufolk. Въ Эссексѣ поселенія Вильсаэтановъ, Дормсаэтановъ, Саморсаэтановъ образуютъ позднѣйшія графства Вильтсъ, Дорсетъ, Сомерсетъ.

b) Второе большое подраздѣленіе Англіи составляетъ **Mercia**, старая мархія на границѣ съ бриттами и въ то же время центральная часть англо-саксонскаго королевства. *Административное* образованіе Мерсійскихъ графствъ ясно обнаруживается здѣсь тѣмъ, что графства получаютъ свои названія по такой мѣстности, которая уже имѣла какое нибудь значеніе, годилось для народныхъ собраній и для того чтобы служить средоточіемъ административнаго управленія.

Всѣ имена графствъ образуются здѣсь изъ соединенія съ англійскими, саксонскими и «сѣверными» обозначеніями мѣстностей: **ham, ford, ton, byrig, wick, by, cester (castrum)** — **Herfordsh., Buckinghamsh., Northamptonsh.**, и т. д.

c) Сѣверная часть англо-саксонскаго государства, большое *Нортумберійское королевство* заселилось очень поздно. Сѣверная часть (Берниція и другія) впослѣдствіи отошли къ Шотландіи, въ южной же части образуются графства Линкольнъ, Іоркъ и Дургемъ, обозначенныя по своимъ *главнымъ городамъ*. Рутландъ и Кумберландъ напротивъ того получили свои названія отъ племенъ ихъ населившихъ, Нортумберландъ же и Вестмореландъ представляютъ собою обозначенія географическія и только впослѣдствіи входятъ въ число графствъ.

Понятно, что должна была существовать болшая разница между тѣми графствами, которыя представляютъ собою остатки медіатизированныхъ королевствъ и тѣми, которыя образовались въ силу административныхъ потребностей. Но съ теченіемъ времени эта разница изглаживается, хотя понятно долженъ былъ пройти достаточный промежутокъ времени, пока улеглись старыя воспоминанія и установилось представленіе о томъ, что компетенцію, обязанности и право эальдорменовъ и ширгерефовъ, а также границы графствъ и ихъ подраздѣленій опредѣляетъ *воля короля*: **Divisiones scirarum regis propriae sunt Edw. Cap. 13** [1]).

---

[1]) Подраздѣленіе на графства, Shires, въ позднѣйшія времена приписывалось Альфреду, причемъ игнорировалась разница между графствами историческаго происхожденія и графствами происхожденія административнаго. Что первоначально слова Shire, division примѣнялось ко всякому подраздѣленію той или другой отрасли общественнаго управленія видно изъ того, что впервые

II. *Сотни*, hundreds появляются въ законодательствѣ какъ подраздѣленія графствъ только въ X столѣтіи при Эдгарѣ, но должно быть, что происхожденіе ихъ было древнѣе, ибо Hundred есть старинное германское подраздѣленіе народнаго ополченія, которое мы находимъ у всѣхъ германскихъ племенъ, въ томъ числѣ и у саксовъ континента. Очень легко могло случиться, что послѣ окончательнаго поселенія англовъ-саксовъ въ Британіи названіе сотни перешло ко всякому округу, который долженъ былъ выставить сто воиновъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно догадываться на основаніи тацитовскаго: quod primo numerus fuit jam nomen et honor est. (Germania, cap. VI). А еще болѣе это ясно изъ самой природы вещей. Очень понятно, что система народнаго ополченія, требовавшая опредѣленныхъ контингентовъ, (причемъ воинская служба опредѣлялась сообразно земельному владѣнію) повела за собою соотвѣтствующее территоріальное подраздѣленіе. Но такъ какъ законодательство не могло предвидѣть сколько именно понадобится каждый разъ для военныхъ цѣлей и притомъ время было такое бурное, границы государства такъ неправильно устанавливались и на-

---

слово shire встрѣчается въ Саксонской Хроникѣ въ примѣненіи къ епископской эпархіи, biscopscira (Chr. Sax. a. 709). Въ законахъ англосаксонскихъ королей Shire тоже означаетъ церковный приходъ, какъ напр. въ Edm. II. 4. Edg. III 3, 5. Athlr. V. 6. VI. 1 § 3. 21. Только очень медленно Shire пріобрѣтаетъ значеніе исключительно административнаго дѣленія. Впервые Shire въ смыслѣ теперяшняго графства встрѣчается у In. 36. § 1. 39. Alfr. 37. pr. § 1. О томъ, что при Альфредѣ произошло коренное подраздѣленіе территоріи, свидѣтельствуетъ такой достовѣрный хронистъ, какъ Вильгельмъ Мальмсбэри въ de gest. Angl. II. 4, хотя, впрочемъ, онъ говоритъ только о подраздѣленіи in Centurias quas hundred dicunt. Очень опредѣленно говоритъ Ingulf, Historia Croyland. I. 41: totius Angliae pagos et provincias in comitatus primus omnium commutavit; comitatus in centurias, id est hundredas, et in decimas i. e. tritingas divisit. По новѣйшимъ критическимъ изысканіямъ (Palgrave, Quarterly Review 1829 I. 67. стр. 289—298) оказалось, что только-что цитированный хронистъ не есть извѣстный старый англосаксонскій аббатъ, но какой-то псевдо-Ingulf отъ конца 13 или начала 14 вѣка, черпавшій, впрочемъ, изъ древнихъ источниковъ. Въ данномъ случаѣ его свѣдѣнія вполнѣ совпадаютъ съ тѣми, которыя мы находимъ въ другихъ мѣстахъ. Саксонскія хроники эпохи предъ Альфредомъ знаютъ только старыя подраздѣленія по племенамъ и мѣстностямъ: Cantwaraland—Кентъ; Westseaxan, Suthseaxan, Eastseaxan, Middelseaxan, Eastengle, Northanhymbraland, Suthanhymbraland, Myrcnaland etc. Но послѣ Альфреда выраженія мѣняются и въ большинствѣ рукописей уже встрѣчается слово Scir. Kemble I. 63. Временемъ кореннаго административнаго подраздѣленія страны слѣдуетъ считать періодъ около 880 г., то есть послѣ заключенія мирнаго договора между Альфредомъ и Гутрупомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Вильгельмъ Мальмсбэри и др. цитированные выше. Точный списокъ графствъ, только съ измѣненной орѳографіею, даетъ Бромтонъ (X. Script. ed. Twisden. p. 956). Страна между Рибблемъ и Мерсеемъ (Ланкаширъ нашихъ дней) въ англосаксонскія времена еще не составляетъ особаго административнаго дѣленія. Нѣсколько маленькихъ Shires одно время существовавшихъ самостоятельно, были присоединены впослѣдствіи къ другимъ графствамъ, какъ напр. Винкелькомбширъ. Ср. о системѣ подраздѣленія на графства Palgrave I. 117 и введеніе къ переписи 1851 г.

шествія датчанъ такъ сильно видоизмѣняли всѣ соціальныя отношенія, то каждый разъ внутренній распорядокъ отбыванія сотнею воинской повинности подвергается *значительнымъ измѣненіямъ* на совѣщаніяхъ графствъ, всегда происходящихъ подъ предсѣдательствомъ королевскихъ намѣстниковъ и фохтовъ. Законамъ было опредѣлено только вотъ что: «divisions hundredorum et wapentagiorum comitibus et vicecomitibus cum judicio comitatus» (Edw. Conf. 13). Этимъ объясняется почему hundred сравнительно такъ поздно установляется въ качествѣ территоріальнаго дѣленія, почему Саксонская Хроника ничего не говоритъ о сотняхъ и почему англосаксонскія владѣнныя записи такъ рѣдко обозначаютъ положеніе помѣстій, сообразуясь съ дѣленіемъ на сотни. Какъ округи *старинной* милиціи и вслѣдствіе этого «сохраненія мира» hundred несомнѣнно существовалъ гораздо раньше Альфреда. Въ новѣйшемъ сочиненіи фонъ-Пейкера (Das Kriegwesen der Germanen, Berlin 1866) мы находимъ еще цѣлый рядъ новыхъ доказательствъ этого. Подраздѣленіе германскаго войска на сотни слѣдуетъ считать всеобщимъ, не знающимъ ни одного исключенія. Если же англосаксонскіе первоисточники первыхъ столѣтій утвержденія англосаксонскаго владычества въ Британіи ничего не говорятъ о подраздѣленіи на сотни, то это ничего не значитъ, потому что вообще эти первоисточники отличаются крайнею скудостью свѣдѣній относительно устройства военнаго дѣла. Но несомнѣнно, что при *реорганизаціи* государства Альфредомъ послѣдовали и *рѣшительныя реформы* въ устройствѣ военныхъ округовъ. Вильгельмъ Мальмсбэри II. 4, прямо называетъ эти новыя подраздѣленія centurias quas hundred dicunt. На языкѣ же Валлиса и Гиберніи употребляются слова Cantret hundred. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ встрѣчается названіе Wapentake, взятое отъ военнаго обычая при смотрахъ. Въ періодъ высшаго развитія могущество англо-саксонской монархіи hundred является въ англо-саксонскихъ законахъ строго опредѣленнымъ географическимъ подраздѣленіемъ shir'a, имѣющимъ свое отдѣльное собраніе для военныхъ и судебныхъ цѣлей, а также и «сохраненія мира». Въ этотъ позднѣйшій періодъ судъ сотни является правильно-организованнымъ судомъ для свободныхъ людей, правильно собирающимся каждый мѣсяцъ. Подраздѣленія графствъ на сотни, какъ они установились въ этомъ столѣтіи, такъ они и остались до нашихъ временъ. Но также какъ при раздѣленіи на графства, при раздѣленіи на сотни перемѣшались другъ съ другомъ историческіе и административные принципы, что привело къ большому неравенству въ установленіи пространства сотенъ. Въ южныхъ частяхъ государства издавна и густонаселенныхъ число сотенъ очень велико, такъ напр. Кентъ имѣетъ ихъ 62, Суссексъ 64; среднія графства какъ бы являются

переходною ступенью, такъ напр. Дорсетъ имѣетъ 43 сотни, Суфолькъ 21, Ессексъ 20. На сѣверѣ же, гдѣ населеніе рѣже, земледѣліе слабо развито, страна бѣднѣе и подраздѣленіе произошло позже, цифры значительно меньше; такъ напр. Варвикъ имѣеть 4 сотни, Кумберлендъ и Вестморелендъ 4 варда, Стафордъ, Ворчестеръ, Рутландъ 5 сотенъ, Лейчестеръ, Нотингамъ, Дерби, Ланкастеръ 6 сотенъ, Дургамъ, Нортумберландъ 6 вардовъ, Корнваллисъ 9 сотенъ.

Въ большихъ округахъ возникаетъ еще одно подраздѣленіе, среднее между графствомъ и сотнею, именно въ Іоркѣ мы находимъ trithings (треть) [2]).

III. *Раздѣленіе на десятки* teothings, tithings, deca-

---

[2]) Словомъ hundred въ древнихъ источникахъ часто обозначаются союзы 100 hidae или семействъ. Не разобравши хорошенько слово hidae по ошибкѣ говоритъ о 100 villae Бромтонъ (Ed. Twysd. p. 956), а также Ranulphus, Cestr. I. 50. Spelman говоритъ объ этомъ: Nusquam (quod scio) reperiuntur 100 villae in aliquo Hundredo per totam Angliam. Nescio an medietas. Magni habentur qui vel 40, vel 30 numerant. Multi ne 10: quidam duas tantum et nonnuli (ut Hundredi de Chetham, Warden etc. in Comitatu Cantii) unica sunt contenti. Достовѣрно можно сказать только то, что при первоначальномъ поселеніи владѣлецъ каждаго крестьянскаго хозяйства, familia, имѣвшій одинъ гуфъ долженъ былъ выставлять одного воина, такъ что въ началѣ колонизація Hundred дѣйствительно обнимала собою 100 hidae распаханной земли. Но такъ какъ округи милиціи представляли собою болѣе постоянную величину, чѣмъ степень сельско-хозяйственной культуры, то легко понять почему hundreds позднѣйшаго времени очень часто заключали въ себѣ гораздо больше 100 hidae распаханной земли. Иной разъ, впрочемъ, при упадкѣ хозяйства, сотни заключали въ себѣ не менѣе 100 гуфовъ. Поздно образовавшіяся сотни сѣвера страшно велики въ сравненіи со 100 гуфами (въ Ланкаширѣ среднимъ числомъ 300 □ анг. миль), между тѣмъ какъ нѣкоторыя маленькія сотни едва обнимаютъ $^1/_4$ □ мили. Вотъ почему болѣе поздніе хронисты прямо говорятъ о крайней неопредѣленности гуфа какъ полевой мѣры. Gervas. Tilb. cap. pen. Dialog. de Scaccario: Hundredus ex hydarum aliquod centenis, sed non determinatis constat quidam enim ex pluribus, quidam ex paucioribus constant. Эта неопредѣленность есть причина того, что въ нѣкоторыхъ графствахъ сотни были раздѣлены на полусотни, а въ нѣкоторыхъ, напротивъ того, 2 или $1^1/_2$ сотни соединялись, въ видахъ административныхъ въ одно. Долгое существованіе подраздѣленія на сотни объясняется тѣмъ, что судъ сотни правильно, каждыя 4 недѣли, собирался для разбора дѣлъ (Edw. II. 8. Edg. I. 1. III. 5), что придало также и сотнѣ тотъ консервативный характеръ, который свойственъ всѣмъ судебнымъ учрежденіямъ. Но что, все-таки, при первоначальномъ подраздѣленіи больше всего обращалось вниманія на административныя удобства видно изъ того, что сотню группировали обыкновенно вокругъ какой-нибудь мѣстности, годной къ тому, чтобы стать центральнымъ пунктомъ. Изъ 799 въ настоящее время существующихъ названій сотенъ, Wapentakes или Liberties не менѣе 362 еще и теперь тождественны съ названіемъ какой-нибудь мѣстности, занимающей центральное положеніе (Introduction къ Census of Great Britain. 1851. Вообще о сотняхъ ср. Landau, Territorien 215, 216).

Въ нѣкоторыхъ графствахъ мы встрѣчаемъ еще и другія, среднія подраздѣленія. Такъ, въ Кентѣ многія сотни соединялись въ Lathes, съ такою-же юрисдикціей, какъ и сотни. Въ Суссексѣ встрѣчается раздѣленіе на Rapes, но безъ юрисдикціи, которая, какъ и всюду, принадлежитъ сотнѣ. Іоркъ и Линкольнъ были раздѣлены на трети (thrithings), сохранившіяся до нашего времени подъ именемъ ridings.

niae несправедливо считается повсемѣстнымъ административнымъ дѣленіемъ англосаксонской эпохи. Такое мнѣніе возникло благодаря одному мѣсту изъ Псевдо-Ингульфа, разсказывающему, что Альфредъ графства «in Centurias id est hundredas et in decimas id est trithingas divisit». Въ этомъ извѣстіи уже въ словѣ trithing заключается недоразумѣніе. Несомнѣнно, что въ старо-германскомъ народномъ ополченіи существовало подраздѣленіе на десятки. Въ англосаксонской милиціи тоже несомнѣнно всегда существовало подраздѣленіе на десятки, но это не повлекло за собой никакого территоріальнаго дѣленія соотвѣтственно такимъ десяткамъ. Нужно замѣтить, что древнее дѣленіе кадровъ подвергалось весьма значительнымъ измѣненіямъ, такъ что тутъ опредѣленнаго типа никогда не могло установиться. То-же, что дѣйствительно заключается въ англосаксонскихъ законахъ относительно десятковъ, decania, theôthings ограничивается слѣдующимъ. По Athlst. VI. 4: воины десятка должны отправляться вмѣстѣ съ другими, когда ополченіе призывается для преслѣдованія преступниковъ. По Athlst. VI 8 § 1: представители *десятковъ* должны ежемѣсячно пріѣзжать въ Лондонъ, чтобъ тамъ совмѣстно съ Hyndermaennern обсуждать мѣры для сохраненія мира. По Edg. I 1, 2. всѣ заявленія о кражахъ должны быть сдѣланы представителямъ сотенъ и *десятковъ*. По Edg. I 1, 4: никто не долженъ имѣть у себя неизвѣстнаго имущества (скотъ) не заявивъ объ этомъ представителю сотни и *десятка*. По Cn. II 20: каждый свободный человѣкъ долженъ войти въ составъ какой нибудь сотни и *десятка*, для того чтобъ имѣть поручителя за себя. Во всѣхъ этихъ законахъ рѣчь несомнѣнно идетъ объ общественныхъ союзахъ, образованныхъ въ цѣляхъ полицейскихъ, но ни въ какомъ случаѣ объ административномъ подраздѣленіи.

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ англосаксонскаго періода положеніе земельныхъ владѣній не разъ опредѣляется по сотнямъ но *никогда*— по десяткамъ; значитъ такого территоріальнаго дѣленія и не было никогда. Въ массѣ техническихъ названій имѣющихся въ норманскомъ Domesdayboock'ѣ слова Decaniâ, Decenna, Teôthing, Tything *ни разу не встрѣчаются*.

Тѣ-же мелкія подраздѣленія, въ которыхъ нуждались англосаксонскіе администраторы производились, преимущественно, примѣнительно къ условіямъ крупнаго землевладѣнія. Значительныя поселенія колоновъ на ленныхъ земляхъ, отдача себя со стороны аллодіальныхъ крестьянъ подъ покровительство того или другаго Hlâford'a а также позднѣйшее распространеніе вотчинной власти на аллодіальныхъ крестьянъ сдѣлало типъ несвободныхъ общинъ преобладающимъ. Раздѣленіе же территоріи по крестьянскимъ деревнямъ сдѣлалось невозможностью. И какъ ни трудно создать себѣ пред-

ставленіе объ этихъ низшихъ территоріальныхъ единицахъ, но одно можно съ увѣренностью сказать, что подраздѣленія на десятки навѣрно не существовало [3]). Въ дѣйствительности низшія территоріальныя единицы, надо полагать, группировались слѣдующимъ образомъ:

Господскія имѣнія съ зависимыми отъ нихъ людьми — во главѣ ихъ королевскіе домены, въ которыхъ королевскій фохтъ соединялъ въ своемъ лицѣ хозяйственное завѣдываніе со сборомъ королевской подати, съ судебною властью надъ съемщиками и другія обязанности по полиціи. Подобное же положеніе занимали въ большихъ частныхъ помѣстьяхъ Gerêfa. Дворовые крестьяне и служилые люди селятся болѣе или менѣе близко отъ господскаго дома, (впослѣдствіи получающаго названіе manor). Число ихъ все увеличивается присоединеніемъ безземельныхъ людей, вступающихъ подъ защиту землевладѣльца. Цифра десяти семействъ есть минимумъ для того, чтобъ образовалась община въ полицейскомъ смыслѣ, имѣющая право выбирать старосту (praepositus). Впослѣдствіи такіе «десятки» связываются между собою системою поруки. Они подлежатъ юрисдикціи землевладѣльца, подъ которую съ теченіемъ времени, съ усиленіемъ могущества аристократовъ, подпадаютъ и многіе изъ аллодіальныхъ крестьянъ, живущіе рядомъ съ господскими «десятками». (Super omnes allodiarios, quos eis habeo datos. Cod. dip. №% 902).

Отдѣльно отъ этой низшей территоріальной единицы существовалъ *приходъ*, совершенно независимый отъ условій землевладѣнія, заключающій въ себѣ и богатыхъ и бѣдныхъ, земельныхъ и беззе-

---

[3]) Территоріальныя дѣленія англосаксонскаго періода не подаются, по памятникамъ того времени, точному опредѣленію. Старое заблужденіе относительно того, что англо-саксонское Theoting есть обозначеніе территоріальнаго дѣленія держится на одномъ свидѣтельствѣ Псевдо-Ингульфа, который разсказываетъ, какъ король Альфредъ завелъ Писцовую книгу (talem rotulum ediderat in quo totam terram Angliae in comitatus, centurias et decurias descripserat). Въ то время какъ Вильгельмъ Мальмсбэри просто сообщаетъ, что было такъ устроено „ut omnis Anglus haberet et centuriam et decimam“ Ингульфъ заявляетъ: ut omnis indegena in aliquot centuria et decima existeret. Такимъ образомъ Мальмсбэри говоритъ о союзѣ лицъ, а Ингульфъ о территоріальномъ подраздѣленіи—разница, конечно, огромная. Такъ какъ милиціонная организація XIV столѣтія дѣйствительно заключала въ себѣ мѣстныя Tithings, находящіяся подъ властью petty constable, то Псевдо-Ингульфъ цѣликомъ перенесъ этотъ порядокъ вещей въ англо-саксонскій періодъ, привелъ его въ связь съ системою поручительства, нѣсколько смутно описанной авторомъ Leges Eduardi Conf. 20, и затѣмъ уже далъ полный просторъ своей фантазіи, превративши decena въ сельскій судъ, засѣдающій подъ предсѣдательствомъ своего десятскаго. Ингульфъ устанавливалъ аналогію суда десятка съ судомъ сотни и судомъ графства, который представляли себѣ тогда такъ: нѣсколько тысячъ народомъ избранныхъ судей засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ Ширгерефа!

мельныхъ. Характеръ строго-опредѣленной земской единицы приходъ получаетъ только въ позднѣйшіе вѣка.

Затѣмъ слѣдуютъ *болѣе значительные союзы* людей болѣе или менѣе независимыхъ, которые, сплоченные общностью подчиненія *юрисдикціи* королевскаго или вотчиннаго Gerêfa, часто освобождались отъ обязанности являться въ судъ сотни въ качествѣ «судебныхъ мужей», въ общемъ все-таки, всецѣло или отчасти, были подчинены сотнямъ. Для членовъ этихъ союзовъ тутъ было извѣстное удобство: судебная повинность облегчалась для нихъ, когда они подъ руководствомъ своего герефа образовывали особый судебный округъ, съ компетенціею сотни. Точно также вольному земледѣльцу для его отношеній къ сосѣднимъ танамъ иной разъ было важно стать подъ покровительство какого-нибудь значительнаго магната; временами тутъ были замѣшаны и хозяйственныя выгоды, пользованіе лѣсами и лугами. Такая отдача себя подъ покровительство не заключала въ себѣ подчиненія имущественнаго и личнаго, а состояла исключительно въ подчиненіи себя юрисдикціи (soca); наслѣдственная собственность Socmann'овъ и непосредственное отправленіе воинской службы оставались неизмѣнными. Въ концѣ англосаксонскаго періода попадаются примѣры пожалованія на этихъ началахъ цѣлой сотни. Такъ при Эдуардѣ Исповѣдникѣ Абату Адингдонскому жалуется сотня въ Беркишрѣ, Абату Чертсейскому сотня въ Surrey'ѣ, жалуется такъ «чтобы никакой королевскій Schirgerêfa не держалъ-бы тамъ суда» или вообще проявлялъ судебную власть. Cod. dipl. 840. 849.

Аналогическую, но болѣе плотную формацію представляютъ собою многочисленныя королевскія и господскія Burhs, которыя подъ начальствомъ своего особаго герефа образуютъ отдѣльные судебные округи, въ которыхъ три раза въ годъ происходятъ Burhgemot, подчиненные суду сотенъ. Edg. III 5. Cn. II 18. Происхожденіе этихъ Burhs по всей вѣроятности находится въ связи съ цѣлями военной защиты противъ датчанъ. Холмъ, окруженный земляномъ валомъ или стѣною былъ достаточенъ для защиты противъ внезапныхъ нападеній хищническихъ ордъ датчанъ. Въ законахъ слово Burh, Byrig обозначаетъ какъ отдѣльное укрѣпленное зданіе, Edm. II 2. добавленіе IV 15, Athlr. III 6 такъ и городъ, Athlst. II 20 § 1. Edg. IV 2 pr. 3, 4, 5. Athlr. II 5 § 2 II 6. Cn. 34.

Осмотрительные короли, Альфредъ напр. употребляли остатки старыхъ civitates и castra и вообще удобные въ стратегическомъ отношеніи пункты для этихъ укрѣпленій, подъ покровительство которыхъ охотно шли свободные крестьяне и зависимые люди, а также безземельные и мелкіе ремесленники. Различное правовое положеніе всѣхъ этихъ случайно-столкнувшихся въ одномъ мѣстѣ людей

сдѣлало необходимымъ назначеніе особаго правителя (Gerêfa), нерѣдко облеченнаго весьма большими полицейскими военными и финансовыми полномочіями. Изъ этой основы произошли къ концу англосаксонскаго періода «burgenses» и развилось муниципальное устройство англійскихъ городовъ *).

Среди всѣхъ этихъ общественныхъ группъ, тѣсно связанныхъ съ преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія, тѣснились на своихъ наслѣдственныхъ участкахъ *остатки свободныхъ людей*, которымъ удалось сохранить за собою непосредственное подчиненіе государству въ дѣлахъ военныхъ, судебныхъ и «сохраненія мира».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такихъ свободныхъ людей было еще не на столько достаточно, чтобъ (изъ десятка или болѣе домовъ) образовать *свободную* Teothing. Но очень часто отдѣленные другъ отъ друга большимъ пространствомъ свободные землепашцы только съ трудомъ могли образовывать подобные Teothing: большинство изъ нихъ подпадало тѣмъ или другимъ путемъ подъ власть враждебныхъ ихъ свободѣ элементовъ.

Въ дѣлахъ внутренняго управленія компетенціи всѣхъ этихъ общественныхъ группъ *сталкивались* между собою такъ напр. юрисдикціи короля или землевладѣльца не исключаетъ подчиненія сотнѣ въ дѣлахъ отправленія воинской повинности; крестьяне, подчиненные вообще вотчинной власти землевладѣльца, въ своихъ спорахъ съ третьимъ лицомъ подлежали однако суду сотенъ. Полицейская компетенція обнимаетъ частью округи милиціи, а частью судебные округи. Это смѣшеніе компетэнціи доходило до того, что жившіе въ тѣсныхъ предѣлахъ одного и того же города или въ ближайшемъ сосѣдствѣ одного и того же господскаго mansus, могли быть тѣмъ не менѣе людьми самаго разнообразнаго правоваго положенія.

---

*) Возникновеніе Burhs, какъ это основательно доказываетъ Kemble, не находится ни въ какой непосредственной связи съ бриттско-римскими городами V столѣтія, которые по свидѣтельству Гильдаса уже въ VI столѣтіи были оставлены жителями и пришли въ упадокъ. Въ названіи нѣкоторыхъ мѣстностей осталось слово City какъ воспоминаніе о старой civitas. Внутренняя жизнь Burh'овъ складывается очень своеобразно, потому что здѣсь перемѣшиваются между собою свободные крестьяне, зависимые люди, служилые люди, дворня, крѣпостные. Всѣ они подчинены одному Burhgerefa, въ лицѣ котораго сосредоточена судебная, полицейская и финансовая власть. Что Burgensas не были все-таки освобождены отъ службы въ милиціи видно изъ многократныхъ указаній Domesdaybook'a (напр. Bury St. Edmunds 371). Многіе Burhs имѣли только ту льготу, что выставляли сравнительно незначительное количество воиновъ. Они приравнивались всего только 5, 15, 20 hidae. (Chester 50-ти, Shrewsbury 100 hidae). Но за то уже съ Burgenses были значительно увеличены поборы въ пользу короля. Вотъ почему съ теченіемъ времени, когда укрѣпленія Burh'овъ пришли въ упадокъ, они имѣютъ значеніе болѣе финансовое, нежели стратегическое. Kemble II стр. 470—478 извлекъ изъ англо-саксонской хроники названія 88 мѣстностей, которыя въ извѣстной степени служили крѣпостями.

Такимъ образомъ изъ всего выше сказаннаго можно сдѣлать только тотъ отрицательный выводъ, что *не было* строго-опредѣленной *мѣстной организаціи*, и что во всякомъ случаѣ низшей земской единицей не былъ «десятокъ».**)

---

§ 4.

Должность эальдормена и ширгерефа.

Въ соотвѣтствіи съ административнымъ, судебнымъ и полицейскимъ дѣленіемъ страны находится положеніе должностныхъ лицъ англосаксонской монархіи и прежде всего двухъ главнѣйшихъ должностей—эальдормена и ширгерефа.

Точно также какъ при установленіи разсмотрѣнныхъ нами различныхъ административныхъ дѣленій здѣсь сталкиваются два принципа: историческій и административный. Историческій принципъ играетъ главную роль при установленіи должности эальдормена, административный—при образованіи должности ширгерефа.

I. Ealdorman, Dux, Comes есть высшій государственный сановникъ англосаксонскаго періода. Послѣ присоединенія небольшихъ королевствъ къ болѣе крупнымъ, верховная власть новаго общаго повелителя вначалѣ выражалась только въ нѣкоторыхъ почетныхъ прерогативахъ и правахъ, причемъ прежнія самостоятельныя королевства, все-таки, сохраняли свои собственныя самостоятельныя земскія собранія и вмѣстѣ съ тѣмъ своего собственнаго «подкороля», въ качествѣ главы войска и суда. И дѣйствительно, древній эальдорменъ былъ въ полномъ смыслѣ слова вицекороль, subregulus—титулъ, часто попадающійся въ подписяхъ англосаксонскихъ грамотъ. Стиль предписаній эальдорменовъ совершенно коро-

---

**) Всѣ эти мѣстныя отношенія сталкиваются другъ съ другомъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Прежде всего важно подчеркнуть, что отправленіе воинской службы не находится ни въ какой связи съ подчиненіемъ чьей-либо юрисдикціи и что даже вполнѣ зависимые отъ вотчинника крестьяне при спорахъ съ третьими лицами обращаются къ королевскому суду. Общее законодательство, такимъ образомъ, построено на старой основѣ, на принципѣ общегражданскаго равенства и свободы. Собранія графствъ и сотень все еще продолжаютъ имѣть вліяніе въ дѣлахъ отправленія милиціонной службы, въ дѣлахъ судебныхъ и касающихся сохраненія мира, даже и на крупныя вотчины. Но de facto, все-таки, вотчинная власть дѣлается основнымъ факторомъ общественной жизни и преобладающимъ типомъ мѣстныхъ подраздѣленій является подраздѣленіе на вотчинные округи: „Вмѣсто прежняго раздѣленія на свободную земельную собственность и свободныхъ безземельныхъ людей наступаетъ раздѣленіе на господъ и зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ“ (K. Maurer, Münchener Krit. Ueberschau II. 59. 60).

левскій: «cum consilio episcoporum optimatumque meorum». Компетенція этихъ эальдорменовъ простирается на всю прежде самостоятельную территорію. Очень часто эальдорменъ былъ тотъ самый король, который счелъ нужнымъ отказаться отъ своей самостоятельности въ пользу соединеннаго королевства, или-же кто нибудь изъ его рода. Были также случаи, что на должность эальдормена назначался одинъ изъ Atheling'овъ, т. е. близкій родственникъ новаго короля.

Самое названіе «Ealdor» представляетъ собою остатокъ временъ патріархальнаго быта. Эальдорменомъ назывался тогда начальникъ племени; слово эальдорменъ означаетъ не человѣка преклонныхъ лѣтъ, но соотвѣтствуетъ понятію о superior, senior, т. е. человѣкѣ, занимающемъ почетное положеніе.

Съ теченіемъ времени власть эальдормена ослабѣваетъ. При гептархіи, при централизаціи военнаго, судебнаго и полицейскаго управленія, эальдорменъ тоже становится болѣе зависимымъ отъ центральной власти.

Новое административное дѣленіе государства на Shires является удобнымъ случаемъ назначить новыхъ намѣстниковъ, которые уже съ самаго начала являются просто высшими чиновниками того или другого округа, безъ всякихъ воспоминаній о прежней самостоятельности. Появленіе такихъ эальдорменовъ-чиновниковъ идетъ вполнѣ параллельно съ постояннымъ развитіемъ дѣленія государства на графства.

Въ Эссексѣ, раньше другихъ достигшемъ государственнаго благоустройства, эальдормены упоминаются уже въ законахъ Ины, въ законахъ, которые «были изданы королемъ въ совѣтѣ всѣхъ его эальдорменовъ» (In. pr.) По этимъ законамъ не исполняющимъ добросовѣстно своихъ обязанностей эальдорменамъ угрожаетъ потеря Shir'a. (In. 36). Небольшое королевство Кентъ повидимому еще въ началѣ VIII столѣтія не имѣло эальдорменовъ, но за то на земскомъ сеймѣ 814 года мы уже находимъ подписи трехъ duces изъ Кента и 16 duces изъ Мерціи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что уже раньше Альфреда потребности большаго государства создали необходимость имѣть крупныхъ чиновниковъ, которые являлись бы представителями короля. Нашествія датчанъ и реорганизація государственной жизни, происшедшая при Альфредѣ установили бо̀льшее единство въ характерѣ эальдорменской власти. Это подтверждается исландской Eigils-Saga глава 21. (K. Maurer, Kritische Ueberschau I. 86) которая гласитъ: «Альфредъ Могущественный отнялъ у всѣхъ подкоролей (Skatconunge) титулъ и власть, тѣ же, которые были когда то королями и королевскими сыновьями называются теперь ярлами».

Въ періодъ высшаго развитія англосаксонской монархіи эальдорменъ является намѣстникомъ короля въ трехъ отношеніяхъ:

1. Онъ имѣетъ главное наблюденіе надъ снаряженіемъ народнаго ополченія графства, приводитъ его къ королевской арміи. По порученію короля тотъ или другой эальдорменъ можетъ также получить главное начальство надъ всѣмъ войскомъ, случаи чего неоднократно встрѣчаются въ англосаксонской исторіи. Такъ напр. мы находимъ эальдорменовъ во главѣ ополченія того или другаго графства (837 г. 845, 851, 853, 905) а иной разъ и войска всего королевства (851 г. 871, 894, 992, 993 и т. д.).

2. Эальдорменъ предсѣдательствуетъ въ ширгемотѣ (In. 50 Alfr. 38. Edg. III 5): «два раза въ годъ да собирается Shirgemote и да присутствуетъ на schiergemot'ѣ епископъ и эальдорменъ и да разъясняютъ они здѣсь божественныя и свѣтскія права. (Все это буквально повторено у Cn. II § 16.)

3. Эальдорменъ является главнымъ охранителемъ мира своего округа, въ качествѣ представителя королевской власти. Къ нему главнымъ образомъ обращается король съ объявленіемъ «королевскаго мира». Право короля издавать разныя полицейскія распоряженія, въ цѣляхъ сохраненія королевскаго мира, даетъ и эальдормену такоеже право издавать въ своемъ округѣ разныя распоряженія въ этихъ цѣляхъ охраненія общественной безопасности. За нарушенія такихъ распоряженій эальдормена назначенъ особый штрафъ. Athlr. III c. 1. Къ эальдормену долженъ являться всякій желающій перемѣнить своего господина. Alfr. 37. Онъ же не долженъ допускать междуусобій и помогать болѣе слабой сторонѣ, Alfr. 42 § 3; эальдорменъ принимаетъ поруки за людей, обвиненныхъ въ нарушеніи королевскаго мира, Edm. III, 7 § 1 и оказываетъ дѣятельное содѣйствіе жителямъ королевскихъ бурговъ къ захвату нарушителей мира, Athlr. II 6.

Всѣ только что перечисленныя права и прерогативы эальдорменовъ создаютъ очень высокое общественное положеніе этой должности, которое по правовымъ понятіямъ того времени, выражается въ высокой вирѣ. Эта вира равняется таковой за епископа и въ четыре раза больше виры за обыкновеннаго тана (Доб. VII. 2. § 3). Точно также, высокое положеніе эальдорменовъ выражается въ большомъ штрафѣ за нарушенія порядка внутри бурга In. 6 45, Alfr. 40, въ большей Burgbryce и Mundbyrd, Alfr. 3. Cn. II 58, Доб. IV. II; въ большей пенѣ за обнаженіе оружія въ домѣ эальдормена Alfr. 15 38, Доб. IV. 12 въ спеціальномъ правѣ убѣжища Athlst. IV, 6 § 3 V 4 § 1, Добавленіе IV. 5. Доходы эальдормена заключаются въ пользованіи значительнымъ участкомъ Folkland'a, и въ

томъ что ему удѣляется *треть* всѣхъ штрафовъ и податей идущихъ въ пользу короля.

Въ силу всего этого, эальдорменъ есть высшій сановникъ государства и имѣетъ первое мѣсто въ совѣтѣ короля; но при этомъ нужно подчеркнуть, что права его продолжаются только до тѣхъ поръ, пока онъ облеченъ довѣріемъ короля, пока онъ является его представителемъ въ графствѣ. Всѣ эти права исчезаютъ, когда эальдорменъ отрѣшается отъ должности и король отнимаетъ у него полномочія. Первоначально, сейчасъ же послѣ присоединенія отдѣльныхъ королевствъ къ общей саксонской монархіи эальдорменъ являлся какъ бы наслѣдникомъ прежняго короля, поэтому при назначеніи его долгое время требовался также *выборъ* народнаго собранія. Но такъ какъ королевская власть старалась, во чтобы то ни стало, искоренить всѣ остатки прежняго самостоятельнаго существованія отдѣльныхъ англосаксонскихъ государствъ, то понятно, что она не могла примириться съ самостоятельнымъ положеніемъ эальдорменовъ. Вотъ почему она энергически проводитъ свое право смѣщать эальдорменовъ (In. cap. 3). Объ Альфредѣ лѣтопись разсказываетъ, что онъ неоднократно напоминалъ всѣмъ своимъ чиновникамъ, что они «отвѣтственны за свои дѣйствія предъ Богомъ *и королемъ*» [1]).

---

[1]) Хорошее изслѣдованіе о должности эальдормена и эарла мы находимъ у Heywod'a, an ranks стр. 55—117. Латинскія обозначенія для этихъ должностей сильно мѣняются, смотря по вкусу того духовнаго лица, которому было поручаемо составить ту или другую грамоту. Встрѣчается dux, princeps, comes, но нерѣдко также consul, patricius, praefectus. Сильно затемняется вопросъ, когда начинаютъ пользоваться аналогіей съ comes, dux senior каролингскаго государственнаго устройства. Тамъ эти должности вытекаютъ изъ совершенно иныхъ условій землевладѣнія, изъ совершенно инаго положенія страны и иныхъ чертъ національнаго характера.

Само собою разумѣется, что аристократическій характеръ англосаксонскаго государственнаго устройства долженъ былъ сказаться и относительно такого, уже само по себѣ, аристократическаго института, какъ должность эальдорменовъ: всѣ они назначаются изъ небольшой кучки наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, и притомъ почти всегда изъ среды однихъ и тѣхъ-же знатныхъ родовъ. Наслѣдственности, впрочемъ, не было. Были случаи, что въ одномъ и томъ же графствѣ отецъ и сынъ непосредственно другъ за другомъ занимали должность эальдорменовъ, но бывало это очень рѣдко. За то также очень рѣдко встрѣчаются случаи смѣщенія эальдормена. Чрезвычайно часты браки между эальдорменами и членами англосаксонскихъ королевскихъ фамилій. Все это, однако, есть проявленіе могущества нѣкоторыхъ большихъ родовъ и рѣзкаго установленія сословныхъ подраздѣленій, но не говоритъ еще вообще объ образованіи крупнаго, потомственнаго дворянства.

Совершенно неправильно мнѣніе, между прочимъ поддерживаемое также Kemble'емъ II. 126, о выборности эальдорменской должности. Есть, положимъ, въ „Законахъ Эдуарда Исповѣдника“ Cap. 32 a, § 2 (по тексту Ламбарда) слѣдующее удивительное свѣдѣніе de herotochiis: „Erant et aliae potestates et dignitates constitutae, qui Herotoches apud Anglos vocabantur, scilicet barones, nobiles etc. Latine vero dicebantur ductores exercitus: apud Gallos, capitales constabularii, vel marechalli exercitus. Isti vero viri eligebantur per

Нѣкоторыя измѣненія произвело вмѣшательство *датскаго элемента*. У сѣверныхъ авантюристовъ мы встрѣчаемъ должность Jarls, высшую послѣ королевской. Въ военномъ дѣлѣ Jarls занимаютъ мѣсто непосредственно послѣ короля. Это сѣверное слово одного происхожденія съ англосаксонскимъ Eorl, которое всегда обозначало человѣка высшаго класса, и по звуковому сходству легко могло слиться съ Earl—Eorl. Долгое время во всѣхъ извѣстіяхъ о битвахъ между датчанами и англосаксами, съ саксонской стороны всегда предводительствуютъ эальдормены, а съ датской Jarl'ы но уже въ законахъ Эдварда и Гутрума встрѣчается общее названіе Jarl'а. Тоже самое Edg. 9—15.

Понятно, что вліяніе датскаго элемента усилилось во второй періодъ датскаго владычества, съ Этельреда (Athlr. III. 12). Въ царствованіе Кнута исторія говоритъ исключительно о назначеніи Earl'овъ. Законъ Кнута о наслѣдованіи королемъ вооруженія дружинниковъ § 7. говоритъ только объ Eorl'ахъ; хотя въ Shirgemôt Cn. 1—18 опять рѣчь идетъ объ эальдорменѣ. Еще важнѣе въ этомъ отношеніи былъ переворотъ, произведенный въ положеніи знатнѣйшихъ англосаксонскихъ родовъ вслѣдствіе вторженія датскаго элемента. Датскія фамиліи, не рѣдко простые воины, выдвигавшіеся впередъ своею храбростью, вытѣсняютъ старинные роды эальдорменовъ, такъ что одновременно съ успѣхомъ датскаго оружія и судьба эальдорменской должности подвергается значительнымъ измѣненіямъ. Уже раньше было найдено удобнымъ въ стратегическомъ отношеніи много шировъ подчинять одному эальдормену. При Этельредѣ это стремленіе къ централизаціи увеличивается, очевидно въ тѣхъ цѣляхъ, чтобъ легче было собирать ополченіе для защиты противъ непріятельскихъ набѣговъ. Въ этихъ видахъ Кнутъ раздѣляетъ государство на четыре большія части; во главѣ каждой изъ нихъ назначается Великій Eorl; санъ такого Великаго Eorl'а соотвѣтствуетъ

---

commune consilium—et per singulos comitatus in pleno folcmote, sicut et vicecomites provinciarum et comitatuum eligi debent etc. Всѣ эти свѣдѣнія совершенно невѣрны и только этотъ одинъ разъ и встрѣчаются въ первоисточникахъ. И мнимый выборъ эальдорменовъ и самое слово Heretoches совершенно чужды англосаксонской жизни. Не нужно забывать, что „Законы Эдуарда Исповѣдника", представляютъ собою компиляцію частнаго лица, составленную въ 12 столѣтіи. Ученый авторъ ея постоянно примѣшиваетъ къ картинѣ дѣйствительнаго юридическаго быта англосаксонскаго періода тѣ свѣдѣнія, которыя у него были относительно государственнаго устройства другихъ европейскихъ странъ. Во времена автора „Законовъ Эдуарда Исповѣдника" норманскій гнетъ сдѣлалъ идею свободнаго народнаго избранія властей очень популярною и это есть источникъ происхожденія выше цитированнаго мѣста. Не только право смѣщенія эальдормена (In. c. 36. cod. dipl. № 1078) но и вся совокупность памятниковъ англосаксонскаго права и англосаксонской исторіи совершенно исключаютъ идею выборности эальдорменства.

герцогскому на континентѣ. При Эдуардѣ Исповѣдникѣ это группированіе графствъ опять измѣняется и опять нѣкоторое время идетъ по временамъ рѣчь то объ эальдорменѣ, то объ Eorl'ѣ. Но такъ какъ уже со временъ Кнута устанавливается понятіе объ Eorl'ѣ, какъ о санѣ болѣе высокомъ, то до тѣхъ поръ и стали этотъ титулъ ставить выше титула эальдормена. Начиная съ 1049 года всѣ англосаксонскія лѣтописи говорятъ только объ Erol'ахъ, а старинное почетное названіе «эальдорменъ» сохраняется уже только для низшихъ должностей *мѣстнаго* управленія (LL. Henr. 7. §. 2, 8, §. 1; 92, §. 1) [1a]).

II. *Наиболѣе значительной* должностью послѣ эальдорменской является должность *шифгерефа*, подчиненная эальдормену. Эта подчиненность ясно выражена въ законѣ (Ealdorrmannes gingra Alfr. 38. §. 2). Но тѣмъ не менѣе шерифъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значенія для дѣлъ непосредственнаго управленія и въ концѣ англосаксонскаго періода становится наиболѣе важнымъ чиновникомъ для текущихъ дѣлъ графства. Въ противоположность эальдорменству должность ширгерефа не имѣетъ никакой связи съ старинным королевскимъ достоинствомъ: она носитъ чисто административный характеръ и преимущественно даже хозяйственно-дѣловой, обусловленный отношеніями крупнаго землевладѣнія къ остальному народонаселенію. Каждый англосаксонскій вельможа получалъ оброки, натуральныя повинности и всякіе другіе поборы съ зависимыхъ отъ него людей, пользовался ихъ услугами, разрѣшалъ споры между ними и долженъ былъ смотрѣть за правильнымъ отправленіемъ подчиненными ему людьми воинскихъ, судебныхъ и полицейскихъ обязанностей. Но, конечно, самъ землевладѣлецъ рѣдко занимается всѣмъ этимъ. Обыкновенно оно поручалось управляющему—*герефѣ*, что означаетъ человѣка завѣдующаго всѣми дѣлами того или другаго лица. Въ свою очередь и король, который то же есть ни что иное, какъ крупный землевладѣлецъ нуждается, для правильнаго полученія своихъ доходовъ, въ главномъ герефѣ, который завѣдывалъ бы

[1a]) Въ ряду измѣненій, произведенныхъ вліяніемъ датскаго элемента на систему англосаксонской администраціи, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить измѣненіе названія главной должности англосаксонскаго государственнаго управленія. Но болѣе существенна перемѣна, происшедшая при Кнутѣ, именно раздѣленіе государства на 4 большія провинціи (1017 г.) Вессексъ Кнутъ оставилъ себѣ, Истъ-Англію далъ въ намѣстничество Туркиллю, Мерсію — Кадрикъ-Стреону (который въ качествѣ англосакса продолжаетъ носить названіе эальдормена), Нортумбрію—Эрику. Это измѣненіе имѣетъ значеніе только для военнаго управленія. Что же касается того, чтобы эальдорменъ предсѣдательствовалъ на судахъ графствъ, то обширность территоріи дѣлаетъ это теперь невозможнымъ. Предсѣдательствуетъ теперь на собраніяхъ графствъ ширгерефа. Такимъ образомъ происходитъ раздѣленіе военной и гражданской власти.

всѣми дѣлами королевскихъ имѣній и разными другими дѣлами, связанными съ королевской властью.

Институтъ герефовъ играетъ такую большую роль въ англосаксонской жизни, что въ норманскій періодъ когда строй жизни сильно мѣняется, судебные сборники и компиляціи считали необходимымъ разъяснять своимъ современникамъ первоначальное значеніе слова герефа: «Greve autem nomen est potestatis; apud nos autem nihil melius videtur esse, quam praefectura. Est enim multiplex nomen: greve enim dicitur de scire, de wapentagiis de hundredo, de burgis, de villis (L. L. Edw. Conf. c. 32).

Въ виду существованія множества герефовъ различныхъ родовъ, англосаксонскіе законы тщательно выдѣляютъ cyninges gerefa для отличія королевскаго герефа отъ герефовъ крупныхъ землевладѣльцевъ (Alfr. 22—34 Cn. I. 8. II. 33). По мѣрѣ расширенія королевскихъ правъ все болѣе и болѣе чувствовалась настоятельная необходимость въ назначеніи такихъ королевскихъ управляющихъ въ *каждомъ графствѣ.* (Отсюда и Shire-gerefa). Короли въ указахъ называютъ ихъ «*своими герефами*»; такъ въ Athlr. II 26 мы читаемъ: «Ежели же одинъ изъ *моихъ герефовъ* не хочетъ этого сдѣлать, то онъ виновенъ въ непослушаніи мнѣ и я найду другаго, который поступитъ согласно моей волѣ».

Понятіе о правахъ и обязанностяхъ ширгерефовъ даютъ намъ тѣ узаконенія, которыя опредѣляютъ имъ наказанія за преступленія по должности. Athlr. V—1 § 3 говоритъ о наказаніи герефа въ случаѣ, если онъ даетъ себя подкупить. Edg. III. 3 о томъ случаѣ когда герефа въ качествѣ судьи постановилъ неправильный приговоръ. Edg. II. 78 предвидитъ тотъ случай, когда герефа замедлилъ назначить день для судебнаго засѣданія. Edg. II. 2 говоритъ о томъ случаѣ, когда герефа не соберетъ штрафовъ за отказъ въ правосудіи. Athlr. II. 26 pr. V. 1 § 2 VI. 8 § 4. 11 опредѣляетъ наказаніе герефа въ томъ случаѣ, когда онъ не исполнилъ своихъ обязанностей по охраненію королевскаго мира. Частое упоминаніе наказаній за непослушаніе (Oferhnyrnes) и смѣщеніе герефовъ въ случаяхъ неправильнаго исполненія обязанностей, непосредственно указываетъ намъ, что должность *ширгерефа* имѣла частный характеръ, т. е. назначались они по личной волѣ короля. Хотя по мѣрѣ того, какъ значеніе должности герефа увиличивалось на нее назначался всегда человѣкъ уважаемый въ своемъ округѣ и хотя всегда при назначеніи ширгерефа принималось во вниманіе желаніе собранія графства, но тѣмъ не менѣе здѣсь не можетъ идти никакой рѣчи о томъ, чтобъ называть должность ширгерефа *выборной.* Ее еще меньше можно назвать выборной нежели должность эальдормена.

Въ *должностныхъ обязанностяхъ* ширгерефа всегда на пер-

вый планъ выступаетъ финансовая сторона и завѣдываніе личными дѣлами короля. Тамъ, гдѣ въ графствахъ имѣются королевскіе домэны (Athlst. II pr.) Folkland и другія регаліи, тамъ ими всегда завѣдуетъ ширгерефъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда назначаются особые спеціальные управляющіе. Помимо эальдормена отвѣтственность по счетной части всегда лежитъ на ширгерефѣ. Это непосредственное соприкосновеніе ширгерефа съ королевскими *доходами* приводитъ его также въ тѣсное отношеніе съ дѣлами военнаго, судебнаго и полицейскаго управленія.

1. Во время *призыва народнаго ополченія* ширгерефа собираетъ штрафы за позднее прибытіе. Онъ же собираетъ деньги для вооруженія дружинъ (tributa expeditionalia Cod. dipl. № 362). Вообще во все время снаряженія и распредѣленія воинскихъ частей ширгерефа дѣятельно помогалъ эальдормену. Въ тѣхъ случаяхъ, когда всякое замедленіе опасно, напр. при нападеніи морскихъ разбойниковъ, ширгерефъ принимаетъ начальство надъ войскомъ, если нѣтъ въ наличности эальдормена. Изъ того же побужденія не повредить дѣлу замедленіемъ, возникло право ширгерефа собирать воиновъ для преслѣдованія нарушеній мира Athlst. VI. 8. §. 4. Да и вообще употребленіе милиціи для полицейскихъ цѣлей требовало мѣстнаго чиновника. Въ позднѣйшія времена, когда должность Eorl'a все больше и больше пріобрѣтаетъ характеръ верховнаго намѣстничества, ширгерефъ съ танами суда графства получаетъ такое же непосредственное завѣдываніе текущими дѣлами по полиціи и милиціи, какъ и въ дѣлахъ судебныхъ.

2. *Въ судебныхъ дѣлахъ* ширгерефъ непосредственно завѣдуетъ взысканіемъ штрафовъ (Edw. II. 2) и конфискаціею имущества (Cod. dipl. № 328). На его же обязанности лежитъ приведеніе въ исполненіе приговоровъ Athlst. I. 4 pr. §1. Cn. II. 33; въ присутствіи ширгерефа заключаются сдѣлки по покупкѣ и мѣнѣ. Athlst. II. 10; Edm. III. 5. Предсѣдательство въ судѣ графства хотя и принадлежитъ эальдормену совмѣстно съ епископами, но ширгерефа при этомъ является непосредственнымъ помощникомъ эальдормена. (Cod. dipl. № 765). Да и вообще его присутствіе необходимо въ качествѣ завѣдующаго счетной частью. Уже въ древнѣйшихъ законахъ ширгерефа является единственнымъ представителемъ короля въ народномъ судѣ With. 22. Alfr. 22—34. Cod. I pr. Athlst. II—12. Тутъ его власть главнымъ образомъ касается налагаемыхъ штрафовъ. По мѣрѣ того какъ власть эальдормена становится значительнѣе, по мѣрѣ того какъ эальдорменъ становится главноначальствующимъ военныхъ силъ большихъ провинцій, тѣмъ все самостоятельнѣе дѣлается ширгерефа въ качествѣ руководителя ширгемота. Это усиленіе власти ширгерефа идетъ такъ быстро, и уста-

навливается такъ прочно, что въ норманскій періодъ о правѣ ширгерефа руководить судомъ графства говорятъ, какъ о древнемъ обычаѣ.

III. Въ дѣлѣ *сохраненія королевскаго мира* ширгерефа тоже является непосредственнымъ помощникомъ эальдормена. Онъ долженъ взять со всѣхъ жителей своего шира обязательство «что они всѣ будутъ сохранять миръ» Athlst. VI. 10. Но главнымъ образомъ на ширгерефа возлагаются всѣ тѣ полицейскія обязанности, которыя для высокаго положенія эальдормена слишкомъ низки. Эти обязанности суть: преслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ похитителей скота, Ahlst. VI. 8. §. 4, мѣры противъ пристанодержателей Athlst. VI. 8. §. 2, контроль надъ совершеніемъ сдѣлокъ по покупкѣ и мѣнѣ и т. д. Затѣмъ «если есть такой человѣкъ, который угрожаетъ безопасности всего народа, то королевскій герефа долженъ пойти и отдать его на поруки». Athlst. I. 4. Въ качествѣ представителя исполнительной власти ширгерефа долженъ помогать церкви при собираніи церковныхъ оброковъ и въ другихъ свѣтскихъ вещахъ, Athlst. I. pr. и § 4. Edg. I. 3. Athlr. VIII. 8. 32. Cn. I. 8 [2]).

---

[1]) Богатый матеріалъ о правахъ и обязанностяхъ ширгерефа заключаетъ въ себѣ Spelman, Glossarium, слово Grafio. Ср. также Kemble, Anglo-Saxons, II. с. 5. Также у Kemble, II. 146—141 см. списокъ ширгерефовъ XI столѣтія. Спорные пункты въ вопросѣ о ширгерефахъ суть:

1. Производство слова gerêfa (также какъ и нѣмецкаго Graf). Производство отъ grau, gravio въ смыслѣ senior, отвергнуто Гриммомъ. Но и собственная теорія Гримма о происхожденіи слова graf изъ râvo, tignum, tectum, domus, aula, такъ что оно, слѣдовательно, означаетъ comes, socius, (Deutsche Gram. II. 736. Rechtsalterht. стр. 753) тоже очень искуственна и мало вѣроятна. Столь же мало вѣроятны теоріи Ламбарда о gereccan, regere и Кембля о rôf, rêfan, clamor, clamare, bannire, bannitor. Спельманъ производитъ герефу отъ reâfan, грабить (въ смыслѣ позднѣйшаго феодальнаго distress, конфискація), такъ что герефа означаетъ сборщика королевскихъ штрафовъ и пеней. Съ этимъ объясненіемъ согласуется позднѣйшая форма reeve, а также дѣйствительныя функціи герефа, титулъ котораго на латинскомъ яз. передается словомъ exactor. Это же объясненіе соотвѣтствуетъ этимологіи „Schultheis“ а въ Германіи (ср. Max Müller, Vorlesungen. II. 231).

2. Былъ ли кромѣ ширгерефа еще другой крупный чиновникъ въ ширѣ? Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ законахъ иной разъ упоминается Ширманъ, именно In. с. 8. говоритъ о Shîrman'ѣ или другомъ судьѣ (Dêman). Въ Cod. dipl. встрѣчается Aethelwine Scîrman (№ 761), который впрочемъ въ другомъ мѣстѣ называется Aethelwine Shirgerêfa. Тамъ же встрѣчаются формы scirigman, sciresman, scireman. (№ 761, 732, 929, 972, 1288). Очень можетъ быть, что тутъ рѣчь идетъ о ширгерефѣ же, какъ это и полагаютъ Кембль и Шмидъ. Но возможно, что для завѣдыванія милиціей и для нѣкоторыхъ полицейскихъ функцій выбирался въ древнѣйшій періодъ особый scirman.

3. Распространенное прежде въ Англіи мнѣніе, что ширгерефа былъ первоначально выборнымъ отъ народа чиновникомъ, имѣетъ единственнымъ своимъ основаніемъ выше цитированное мѣсто изъ leg. Ed. Conf. de Heretochiis c. 32 a. (sicut et vicecomites provinciarum et commitatum eligi debent). Но уже самый слогъ этого мѣста указываетъ, что оно представляетъ собою только размышленія автора Leges Ed. Conf. Всѣ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ англо-саксонскихъ законовъ, грамотъ и хронистовъ указываетъ на то, что король совершенно по своему произволу назначалъ и смѣщалъ ширгерефовъ.

Такимъ образомъ всѣ административныя дѣла графства все болѣе и болѣе переходятъ въ руки ширгерефа. Но въ еще большей степени это имѣло мѣсто относительно дѣлъ *сотни*.

Въ періодъ высшаго развитія англо-саксонскаго государства судъ сотни собирался 12 разъ въ годъ, для разбора споровъ и тяжбъ между свободными людьми. Edw. II. 8. Edw. I. 1. Cn. II. 17. Затѣмъ мало по малу накопляются и другія обязанности сотенъ: содѣйствовать сохраненію общественнаго порядка, представлять своихъ сочленовъ къ суду, преслѣдовать воровъ Edg. I. 5. Cn. II. 20. Henr. I. 8. §. 2. Wil. I. 22. Ш. 3. и т. д. Казалось-бы, что для всѣхъ этихъ дѣлъ сотня должна-бы была получить отъ короля своего спеціальнаго сотеннаго герефу. Однакоже, о такомъ сотенномъ герефѣ *нигдѣ* не говорится въ древнихъ памятникахъ. Въ Constitutio de Hundredis Edg. I. 2, 4, 5 упоминается Hundredes-man, но въ непосредственной связи съ Tithing-man милиціи и для нѣкоторыхъ спеціальныхъ полицейскихъ цѣлей. Можно поэтому полагать, что тутъ рѣчь идетъ скорѣе объ особомъ чиновникѣ для милиціи, напоминающимъ Chiefconstable позднѣйшихъ столѣтій. Правда, что когда въ законахъ говорится вообще о предсѣдателѣ собранія сотни, то при этомъ называется не ширгерефа, но вообще герефа короля. Edw. II. 8. («я желаю, что каждый *герефа* каждые четыре недѣли собиралъ бы gemôt») Athlr. Ш. 3. («Да собирается gemôt въ каждомъ Wäpentake и да пойдутъ на него двѣнадцать старѣйшихъ тановъ и герефа съ ними»). При общихъ распоряженіяхъ касательно судебныхъ фохтовъ тоже рѣчь идетъ просто о герефахъ. Edw. I. 1. Edw. II. 2. Athlst. II. 26. IV. 7. V. 1. VI 11. Изъ этой терминологіи можно заключить только то, что не было однообразнаго типа управленія сотнями, такъ какъ нѣкоторыя сотни и подчиненныя сотнямъ мѣстности имѣли спеціальныхъ фохтовъ. Но затѣмъ, всѣ служебныя занятія ширгерефа, всѣ его крайне детальныя финансовыя, судебныя и полицейскія обязанности до такой степени тѣсно были связаны съ собраніями сотенъ, что только онъ одинъ и могъ быть дѣйствительнымъ представителемъ сотенъ. Такое утвержденіе вполнѣ согласуется съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, который мы находимъ въ норманскій періодъ и который считался тогда *наслѣдіемъ старины* [2a]).

[2a]) Былъ ли ширгерефа постояннымъ предсѣдателемъ суда сотни, или же существовали для этого особые подфохты—трудно рѣшить категорически. Одно только отрицательное доказательство можно привести: о сотняхъ и гемотахъ сотенъ говорится въ послѣднія времена англо-саксонскаго періода очень часто, а между тѣмъ никогда не говорится объ особомъ сотенномъ герефѣ. Еслибы имѣлся такой чиновникъ въ организаціи сотенъ, неужели же объ немъ никогда не было бы рѣчи? Можно сказать, что при большомъ количествѣ сотенъ одному человѣку было бы ужасно трудно держать каждыя 4 недѣли въ каждой

III. Наряду съ ширгерефами мы находимъ *герефовъ для менѣе значительныхъ территоріальныхъ дѣленій* и для пользованія всѣми тѣми правами и прерогативами королевской власти, которыя перечислены выше въ § 3. Отдѣлъ III.

Прежде всего, въ *сотняхъ* и даже болѣе значительныхъ подраздѣленіяхъ графствъ встрѣчаются спеціальные фохты. Такъ напр. назначался особый королевскій герефа для каждыхъ 5 бурговъ (особо устроенное для датскихъ поселенцевъ административное дѣленіе); Aethlr. III. c. I. подчиненный эальдормену.

Начальниками надъ королевскими лѣсными пространствами назначаются Swângerêfas, встрѣчающіеся уже при Эгбертѣ (Cod. dipl. 219). По позднѣйшей Constitio de foresta Кнута они являются главными чиновниками лѣснаго управленія.

Затѣмъ мы еще встрѣчаемъ цѣлый рядъ другихъ герефовъ для разныхъ отдѣльныхъ мѣстностей. Такъ имѣются особые бургерефы и просто герефы для тѣхъ поселеній, которыя образовались на прежнихъ королевскихъ домэнахъ, фолкландѣ или же (на основѣ спеціальной королевской защиты) кругомъ бурговъ.

Portgerêfa имѣлся въ такихъ мѣстахъ, которые въ качествѣ торговыхъ пунктовъ, имѣли особое значеніе для сборовъ въ пользу короля. Такими пунктами были напр. Лондонъ и Кентербэри. Въ Лондонѣ Portgerêfa занимаетъ такое же положеніе, какъ и ширгерефа въ своемъ графствѣ. Королевскія посланія пишутся на имя эальдормена, епископа и портгерефа. О значительности этой доходной должности свидѣтельствуетъ еще и то, что ее нерѣдко занимаютъ высокіе придворные чины (слѣд. Великіе таны). Cod. dipl. 872.

Въ менѣе значительныхъ мѣстностяхъ королевскій фохтъ носитъ названіе Wicgerêfa. Въ нѣкоторыхъ городахъ, даже достигшихъ впослѣдствіи довольно большаго значенія, королевскій фохтъ Burgemôte'a долго еще остается при скромномъ званіи Wicgerêfa. Даже въ Лондонѣ упоминается еще въ 7 ст. вицгерефа короля. Но въ скорости его замѣняетъ портгерефа.

Подобную же систему герефовъ, какъ уже было упомянуто, имѣло въ своемъ распоряженіи и частное землевладѣніе. Также, какъ

сотнѣ судъ. Но дѣло въ томъ, что въ большинствѣ графствъ число сотенъ было на столько умѣренно, что никакого изъ этого препятствія возникнуть не могло. Тамъ же, гдѣ число маленькихъ сотенъ было велико, онѣ для удобства суда были по нѣсколько соединены въ особые Lathes. Притомъ же, какъ видно по позднѣйшему времени, засѣданія многихъ сотенъ очень часто происходили вмѣстѣ. Точно также изъ позднѣйшаго положенія дѣлъ выясняется, что шерифъ подъ своею отвѣтственностью назначилъ вмѣсто себя замѣстителей. Судебные сборники норманскаго періода не разъясняютъ вопроса. Въ L. Henr. I. 8. § 1. говорится: Praesit Hundredo unus de melioribus et vocetur aldremannus. 91. § 1: Aldermanus hundredi. Въ Edg. IV. 8. 10. говорится объ Hundred's Ealdor, но очевидно тутъ рѣчь идетъ просто о лицѣ властномъ, а не объ опредѣленной должности.

и король, епископы, эальдормены, крупные и меньшіе таны должны были получать оброки со своихъ земель, разрѣшать споры между зависимыми отъ нихъ людьми, а также брать на себя отвѣтственность за правильное отправленіе ими воинской повинности и обязанностей по сохраненію мира. За всѣмъ этимъ самому присмотрѣть трудно было. И вотъ землевладѣльцы тоже обзаводятся герефами. Эти господскіе Tungerêfas просто обыкновенные управляющіе. Но при очень большихъ владѣніяхъ того или другаго землевладѣльца и если, вмѣстѣ съ пожалованіемъ земли, король тому или другому землевладѣльцу предоставлялъ и обширную юрисдикцію (saca et soca), Tungerêfas пріобрѣтали de facto значеніе королевскихъ wicgerefas. Тѣмъ не менѣе выраженіе socngerêfa только одинъ разъ и встрѣчается, именно въ корпораціонныхъ статутахъ Лондона. Отвѣтственнымъ лицомъ, все-таки, является тотъ танъ, которому юрисдикція предоставлена. Athlst IV. 7. [3]).

Система королевскихъ герефовъ проникаетъ все англо-саксонское государственное управленіе, по всѣмъ его направленіямъ и составляетъ наиболѣе характерную типическую черту его. Съ временъ Альфреда хотя и начинаютъ упоминаться разные judices, praefecti, praepositi, но все это ни что иное какъ латинизація различнаго рода герефовъ. Совокупность этихъ чиновниковъ составляетъ одно однородное цѣлое, что видно изъ того, что при Эдгарѣ король утверждаетъ сразу всю совокупность чиновниковъ своего отца. Edg. IV. 2 pr. Финансовыя прерогативы и весь ходъ развитія королевской власти повели къ тому, что всѣхъ этихъ чиновниковъ назначаетъ именно король. Уже королю Витреду на зем-

---

[3]) О спеціальныхъ герефахъ для отдѣльныхъ мѣстностей и отраслей управленія ср. Kemble, Anglo-Saxons II. с. 5. стр. 144—154.

Burhgerêfa рѣже упоминается въ законахъ и грамотахъ, нежели этого можно было ожидать при важномъ значеніи бургемота. Нѣкоторыя имена герефовъ королевскихъ Burhs даетъ Kemble II. 146.

Портгерефа встрѣчается въ Лондонѣ, Кентербэри, Батѣ и Бодминѣ, Kemble II. 148. Въ Лондонѣ оба портгерефа уже очень рано находятся въ извѣстной связи съ ширгерефомъ Мидльэссекса (въ такъ называемой libertas civitatum Добав. XXIII. 4).

Винцгерефа встрѣчается также въ Винчестерѣ, Chr. Sax. 897. Schmid, Glossarium 598.

Частные фохты епископовъ, эальдорменовъ и тановъ представляютъ собою простыхъ управляющихъ, иной разъ самаго ничтожнаго разряда. Гезиткундманъ, который по In. 63. ѣздитъ „со своимъ герефой, своимъ кузнецомъ и своею мамкою“, безъ сомнѣнія не чиновника, облеченнаго властью, бралъ съ собою, а просто на просто старшаго слугу. Что землевладѣльцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ посылали вмѣсто себя своихъ герефовъ для принесенія присяги предъ королевскимъ судомъ видно уже изъ Athlr. I. 1. § 2. Много совершенно недоказаннаго о выборности и служебныхъ обязанностяхъ господскихъ герефовъ разсказываетъ (по своему обыкновенію) Anstey, Guide Const. hist. стр. 125.

скомъ сеймѣ въ Баканцельдѣ англо-саксонская хроника влагаетъ въ уста слѣдующія слова:

«Дѣло короля назначать еорловъ (?), эальдорменовъ, ширгерефовъ и судей» (Monum. Hist. Britt. I. p. 324).

Точно также въ одной англо-саксонской грамотѣ (cod. dipl. 996) читаемъ: illius autem est, comites, duces, optimates, principes, praefectos, judices saeculares statuere. Эта грамота не достовѣрна и сочинена повидимому духовнымъ лицомъ, но тѣмъ не менѣе она, какъ и всѣ грамоты этого рода, очень древняго происхожденія и отражаетъ тѣ представленія, которыя считались исконними.

На самое «танство», тоже главнымъ образомъ, смотрѣли какъ на сословіе *чиновниковъ*. Преступленія по должности обыкновенно наказывались пенями и потерею thegnship'a (thegenscypes et omni judiciaria dignitate privatur. II. Henr. I. 34. § 1.) Въ тѣсной связи съ крупнымъ землевладѣніемъ это «танство» завладѣваетъ всѣмъ государственнымъ управленіемъ и уничтожаетъ древнія *народныя выборныя* должности. Ни въ общегосударственномъ управленіи, ни въ управленіи графствъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ выборнаго начала (Palgrave I. 148). Въ высшемъ своемъ развитіи англо-саксонское государство представляетъ собою систему совмѣстнаго дѣйствія крупнаго землевладѣнія и королевскаго чиновничества, что весьма мало соотвѣтствуетъ картинѣ германскаго быта, нарисованнаго Тацитомъ. Дѣйствительную государственную власть представляетъ собою сравнительно незначительное количество лицъ: назначенные королемъ епископы, эальдормены, ширгерефы. Мѣстное управленіе сосредоточивается въ рукахъ цѣлаго ряда герефовъ, и параллельно ему дѣйствуетъ такая-же система господскихъ герефовъ. Пониженіе соціальнаго и политическаго положенія свободныхъ землепашцевъ, безземельныхъ свободныхъ людей и всего трудящагося люда при этомъ несомнѣнно. Нѣсколько ослабляетъ преобладаніе богатаго класса организація суда. Въ судѣ сотни и даже въ судѣ вотчинномъ, приговоръ постановляется не однимъ герефомъ а «свободными людьми», являющимися тутъ въ качествѣ судей и соприсяжниковъ.

Въ судѣ графства власть королевскаго герефа ограничена вліятельными Witan'ами, которые и суть настоящіе судьи. Въ администраціи графствъ все касающееся военнаго дѣла и сохраненія мира обсуждается вмѣстѣ съ танами графства, а также должно быть и съ депутатами отъ сотенъ и другихъ административныхъ единицъ. На вершинѣ государственнаго управленія находится король и витенагемотъ, гдѣ засѣдаютъ наиболѣе могущественные прелаты и великіе таны.

Такимъ образомъ мы видимъ, что одновременно въ англо-саксонской государственной жизни существуетъ и сильное вліяніе аристократіи и значительная власть королевскихъ герефовъ. Это объясняется способомъ возникновенія англо-саксонскаго государства. Дѣло въ томъ, что хотя имѣлось значительное число крупныхъ землевладѣльцевъ, но владѣнія ихъ не были концертрированы. Кромѣ того съ древнѣйшихъ временъ существовали обширныя и замкнутыя домэны, нѣчто въ родѣ possessiones прежняго римскаго провинціальнаго устройства. На территоріи прежнихъ маленькихъ королевствъ образовалось многочисленное танство средняго пошиба, имѣвшее среднимъ числомъ по 5 гуфовъ земли. Но не было большихъ замкнутыхъ земельныхъ владѣній, безъ чего не можетъ создаться значительная вотчинная власть. Послѣ объединенія государства королевскія владѣнія и королевское могущество все-таки настолько сильно превосходили власть и владѣнія самыхъ крупныхъ тановъ, что королевской власти удается провести принципъ управленія государствомъ путемъ *ею* назначаемыхъ намѣстниковъ и герефовъ. Но опять-таки съ другой стороны прелаты и таны въ своей *совокупности* настолько многочисленны, настолько богаты и могущественны, что на эти должности намѣстниковъ и герефовъ приходится почти исключительно назначать только ихъ.

Соотвѣтственно такому положенію дѣлъ высшую государственную власть представляетъ собою «*король въ* Witenagemôt'ѣ, состоящемъ изъ чиновныхъ землевладѣльцевъ и изъ чиновниковъ имѣющихъ земельныя владѣнія (см. ниже § 5а.) Члены Witenagemôt'а большею частью назначаются королемъ-же изъ лицъ военной, судебной, полицейской и церковной администраціи, но все-таки въ своей совокупности таны и прелаты Witenagemôt'а пріобрѣтаютъ вліяніе на королевскую власть и дѣлаютъ ее зависимой отъ себя. Съ теченіемъ времени ни одно назначеніе на крупную должность не совершается безъ «совѣщанія» съ ними. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ англо-саксонскомъ государствѣ не было отдѣльныхъ могущественныхъ феодаловъ, но за то *корпоративное* вліяніе крупнаго землевладѣнія на королевскую власть было очень рѣшительно.

---

§ 5.

Англо-саксонская церковь.

Послѣ принятія языческими англо-саксами христіанства, путемъ совмѣстнаго рѣшенія королей и земскихъ сеймовъ, въ каждомъ изъ

отдѣльныхъ королевствъ основалось особое *епископство*. Въ концѣ 7 столѣтія всѣ такія епископства соединились подъ властью архіепископа Теодора, въ высшей степени удачно назначеннаго на это мѣсто папой. Этимъ было положено начало централизаціи, значительно подготовившей умы къ таковой-же централизаціи въ области политической, то есть къ соединенію отдѣльныхъ королевствъ въ одно государство. Централизованная такимъ путемъ церковь носила строго національный характеръ, чѣмъ значительно отличается отъ церкви древнихъ бриттовъ и церквей европейскихъ государствъ романскаго происхожденія. Введеніе христіанства и устройство англійской церкви было дѣломъ свободной воли государственной власти. Кромѣ того, по личному составу, англійская церковь за немногими исключеніями вся туземнаго происхожденія. Организація ея не была простымъ перенесеніемъ чужестранныхъ учрежденій, но вытекала изъ непосредственныхъ потребностей страны.

I. Учрежденія англо-саксонской церкви троякаго рода:

1. *Епископства*. Первоначально они совпадали съ границами маленькихъ королевствъ и въ этихъ своихъ границахъ они остаются и послѣ образованія соединеннаго королевства, но въ бывшихъ королевствахъ Эссексѣ и Мерсіи, обширность пространства вызываетъ съ теченіемъ времени увеличенія числа діоцезъ въ нихъ до 8. Вотъ почему къ концу англо-саксонскаго періода мы находимъ цѣлыхъ 17 діоцезъ. Уже во времена Теодора онѣ подъ предсѣдательствомъ архіепископа Кентербэрійскаго, собирались на провинціальные синоды.

Кромѣ Кентербэрійскаго епископства, образуется послѣ долгихъ колебаній еще другое архіепископство для маленькой группы сѣверныхъ діоцезъ. Но при непорядкахъ, господствовавшихъ въ сѣверной части англо-саксонскаго государства, это второе архіепископство никогда но могло сравниться по своему значенію съ архіепископствомъ Кентербэрійскимъ.

Каждый архіепископъ и епископъ, и по англо-саксонскому представленію также, есть то лицо, которому *одному* надлежитъ вѣдать церковныя дѣла, безъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти. Но въ дѣлахъ чисто свѣтскихъ онъ долженъ «принимать участіе въ судебныхъ собраніяхъ и въ союзѣ съ свѣтскими судьями улаживать *споры* и возстановлять *миръ*, предохранять неправду при *присягахъ* и *судахъ Божіихъ*, не мирволить невѣрной мѣрѣ и фальшивому вѣсу и вообще наблюдать за исполненіемъ божественнаго и свѣтскаго права.» Institutes of Eccles. Polity. Thorpe II. 312. [1])

---

[1]) Объ образованіи англо-саксонской церкви сравни главнымъ образомъ Palgrave, Commonwealth Cap. XI, Kemble II, cap. 8 и Henri Loames, the Anglosaxon Church 1845, 1846, 2 т. Lingard, History of the Anglosaxon Church 1845, 2 т. Dugdale, Monasticon Anlgicanum ed. Calley et

2. *Монастыри и духовныя корпораціи.* Они имѣютъ для этой эпохи особенно важное значеніе. Монастыри вообще имѣютъ въ первые вѣка утвержденія христіанства въ какой нибудь странѣ огромное значеніе, какъ центръ миссіонерства, служащій убѣжищемъ для обращающихъ и обращаемыхъ. Общіе интересы по пріобрѣтенію средствъ къ жизни, личная безопасность въ предѣлахъ монастырскихъ стѣнъ, взаимная помощь въ миссіонерскомъ дѣлѣ надолго сохранили эту форму общежитія. Къ тому же позднее возникновеніе приходскихъ церквей въ значительной степени придаетъ монастырямъ устойчивость. Вотъ почему число церквей и средства, въ ихъ распоряженіи находящіяся, все болѣе и болѣе увеличиваются. Въ особенности увеличивается число женскихъ монастырей.

---

cet. Lond. 1817, 6 vol. Lappenberg I, стр. 185, 195 (Церковная географія англо-саксонскаго періода). Исторически епископства сгруппировались слѣдующимъ образомъ:

Въ небольшомъ государствѣ Кентъ было и осталось: 1) архіепископство Кентербэри, митрополія всей Англіи. Рядомъ съ нимъ уже съ самыхъ древнихъ временъ существовало 2) епископство Рочестерское. Въ Эссексѣ образовалось 3) епископство Лондонское. Въ Суссексѣ 4) епископство Selsea, впослѣдствіи Чичестеръ. Въ East-Anglia первоначально было 5) епископство Дунвичъ въ Суффолькѣ. Отъ него съ теченіемъ времени отдѣлилось для Норфолька 6) епископство въ Эльгамѣ.

Въ обширной территоріи Вессекса первоначально образовалось 7) епископство Дорчестеръ, отъ котораго потомъ отдѣлилось 8) епископство Винчестеръ. Кромѣ того мы тутъ находимъ еще третье 9) епископство въ Шербурнѣ, перенесенное въ Альтзарумъ и затѣмъ въ Салесбэри. Отъ этого послѣдняго епископства съ теченіемъ времени отдѣлилось 10) епископство Вельсъ и 11) епископство Киртонъ, перенесенное затѣмъ въ Экзетеръ. Въ установленіи этихъ епископствъ мы видимъ принаровленіе къ дѣленію на Shires, именно, каждое изъ этихъ епископствъ обнимало отъ 1 до 3 графствъ. Въ Мерсіи отъ первоначальнаго 12) епископства Личфильдъ (позднѣе Честеръ и еще позднѣе Ковентри) отдѣляются: епископство 13) Ворчестеръ, 14) Герфордъ, 15) Линкольнъ.

Сѣверное королевство Деира первоначально имѣло 16) епископскую кафедру въ Іоркѣ, власть которой распространялась и на Бернпцію, а съ образованіемъ великаго Нортумберійскаго государства еще дальше. Но тѣмъ не менѣе возникаетъ отдѣльное 17) епископство Линдисфарнъ, впослѣдствіи Дургэмъ. Значительная часть большой Іоркской эпархіи позднѣе переходитъ къ шотландскимъ епископамъ. Совсѣмъ въ особенныхъ условіяхъ находился епископъ острововъ Содоръ и Man: съ начала норманскаго періода онъ былъ въ подчиненіи архіепископу Дронтгеймскому, а впослѣдствіи переходитъ подъ частное патронатство.

Доказать какую нибудь связь англо-саксонскаго епископства съ епископствами старой Британской церкви нѣтъ никакой возможности. Palgrave I, 152, 154. Аббатство Эли только впослѣдствіи при Генрихѣ I было повышено на степень епископства. Такимъ же путемъ въ 1109 году образовалось въ Кумберлендѣ епископство Карлейль. Четыре епископства Валлиса только много столѣтій спустя, послѣ того, какъ страна потеряла свою независимость, вошли въ общую систему англійской церкви. Процессъ образованія церковныхъ должностей совершенно обратный образованію должностей государственныхъ. Сначала образовались епископскія каѳедры, потомъ уже приходы и только долго спустя архидіаконаты и деканаты. Архидіаконаты совпадаютъ съ границами административныхъ подраздѣленій графства, діаконаты—съ границами сотенъ позднѣйшаго времени.

Уже очень рано мущины и женщины изъ королевскихъ родовъ и семействъ великихъ тановъ охотно начинаютъ поступать въ монастыри. Духовенство большихъ кафедральныхъ соборовъ и впослѣдствіи сохраняетъ первоначальный монастырскій характеръ, такъ что каноники продолжаютъ носить титулъ монаховъ (Monks). Условія англо-саксонской жизни были таковы, что образованіе высшихъ школъ было тѣсно соединено съ этими духовными корпораціями. Онѣ-же приняли на себя заботу о бѣдныхъ и вообще о всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, для чего, конечно, требовались матеріальныя средства: «вокругъ кафедральнаго собора собирались хромые, изувѣченные, слѣпые, бездомные, чтобы во имя любви къ Богу получить пищу, одежду и пріютъ.» (Kemble II, 440). Этой благотворительною дѣятельностью духовныхъ корпорацій объясняется то сильное поощреніе, которое оказывалъ имъ такой умный монархъ, какъ Альфредъ Великій, въ особенности въ тяжелую годину датскаго нашествія. Его же примѣру слѣдовали и другіе короли. Поэтому неудивительно, что къ концу англо-саксонскаго періода мы находимъ большое количество богато-одаренныхъ монастырей и кафедральныхъ соборовъ. Они были очень неравномѣрно распредѣлены по различнымъ частямъ государства. Также очень неравномѣрно были распредѣлены между ними матеріальныя средства. [2])

3. *Возникновеніе приходскихъ церквей* шло въ Англіи очень медленно и несовершенно. Долгое время, по свидѣтельству Беды, епископы и ихъ помощники странствовали по эпархіи для отправленія богослуженія. Еще въ серединѣ 7 столѣтія святой Кутбертъ

---

[2]) Образованіе монастырей (Kemble II, cap. 9) обусловливалось привычками первыхъ миссіонеровъ. Духовные устраивались общежитіями даже когда они не были монахами, и примыкали къ Бенедиктинскому или къ какому нибудь другому ордену. Короли поощряли образованіе монастырей, въ особенности женскихъ, отличавшихся всегда примѣрной нравственностью. Образовавшись вполнѣ естественнымъ путемъ, изъ потребностей эпохи, англо-саксонскіе монастыри носятъ національный характеръ. О томъ, что они составляли дѣйствительную потребность времени, должно судить не по позднѣйшему измѣнившемуся положенію дѣлъ, а по тому взгляду на нихъ, который имѣлъ такой просвѣщенный и желавшій своему народу добра государь, какъ Альфредъ Великій. Ассеръ разсказываетъ, что Альфредъ цѣлую половину королевскихъ доходовъ отдавалъ на церковныя цѣли и притомъ одну четверть на бѣдныхъ, одну четверть на оба имъ основанные монастыря, одну четверть на основанную имъ школу ученыхъ и одну четверть на сосѣднія церкви, монастыри и ихъ служителей. Для призрѣнія нищихъ, въ его первоначальной формѣ, много жертвовали какъ свѣтскіе, такъ и духовные магнаты. Кромѣ того, часть добычи и часть поборовъ, установленныхъ для церкви, тоже шли на призрѣніе нищихъ. Но всѣ эти благотворительныя учрежденія не могли составить предметъ постоянныхъ работъ свѣтской власти, которая въ скорости о нихъ забыла. Постояннымъ же радѣтелемъ о бѣдныхъ, устроительницею госпиталей и странноприимныхъ домовъ при монастыряхъ и каѳедральныхъ соборахъ является только одна церковь. (Kemble II, cap. 11).

шелъ изъ села въ село для требъ. Но со временъ архіепископа Теодора начинается возникновеніе постоянныхъ приходскихъ церквей. Число ихъ идетъ, уменьшаясь съ юга на сѣверъ. Щедрые таны часто дарятъ приходскимъ церквямъ землю, а послѣ того какъ установилась десятина, онѣ получаютъ постоянныя средства для существованія. Canones архіепископа Эгберта (excerpta Egb. Thorpe II, 100) указываютъ, къ чему стремилась церковь того времени. Приходская церковь должна имѣть гуфъ земли (mansus), и эта hîda должна быть свободна отъ всѣхъ общественныхъ повинностей. Но все сверхъ одного гуфа пусть носитъ всѣ господскія и государственныя повинности. Позднѣйшіе законы Эдгара и Кнута заключаютъ въ себѣ предписаніе, по которому каждый землевладѣлецъ, на бокландѣ котораго находится церковь, долженъ заплатить одну треть десятины въ томъ случаѣ, если при церкви есть мѣсто для погребенія. Если-же такого мѣста нѣтъ, то все-таки десятина должна уплачиваться «главной церкви», а для побочной основатель долженъ изыскать новые источники дохода. Всѣ эти заботы о приходскихъ церквахъ, одновременно съ которыми появлялись и предписанія такого-же рода Императора Людовика въ Германіи, (Perz II, 626) не увѣнчались, однако, полнымъ успѣхомъ и только къ концу англосаксонской эпохи приходскія церкви получаютъ болѣе или менѣе значительныя матеріальныя средства, хотя они и ничтожны въ сравненіи съ богатствами кафедральныхъ соборовъ и аббатствъ. Въ началѣ централизованные доходы церкви мало по малу распредѣляются между епископствами, монастырями и приходскими церквами. Опредѣленная дотація приходскихъ церквей становится въ 9 столѣтіи всеобщимъ явленіемъ. Въ Domesdayboock'ѣ Ecclesia sine terra составляетъ уже рѣдкое исключеніе. Изъ способа образованія приходскихъ церквей развилось широкое право патронатства надъ ними землевладѣльцевъ. Норманскій Domesdayboock, очень неточный въ перечисленіи церковныхъ имуществъ, называетъ не менѣе 1700 церквей съ земельными участками отъ 5 до 50 акровъ. Распредѣлены эти церкви по разнымъ частямъ государства крайне неравномѣрно. [3])

---

[3]) Правильное представленіе объ организаціи мѣстныхъ духовныхъ должностей англо-саксонской церкви можно получить только изъ Domesdayboock. Сравни Ellis, Introduction I, pag. 286, 295. Приходскій гуфъ пространствомъ болѣе, чѣмъ въ 50 акровъ (есть упоминаніе о 83, 100 и даже 120 акровъ луговой земли) представляетъ собою единичное явленіе; но съ другой стороны и церковь „безъ поля“ тоже крайне рѣдко встрѣчается въ Domesdayboock'ѣ. Нужно впрочемъ и то сказать, что церковь безъ земли вовсе не заносилась въ Domesdayboock, который представляетъ собою писцовую книгу англійскаго землевладѣнія. По законодательству можно прослѣдить какъ съ теченіемъ времени церкви начинаютъ подраздѣляться на разные разряды,—такъ напр. за нарушеніе мира по отношенію къ главной церкви (Hâefod Mynster) платится пени 5 £, по отношенію къ церквамъ средняго значенія—120 шиллин-

Всѣ эти церковныя учрежденія находятся въ тѣсной связи съ общимъ государственнымъ и соціальнымъ строемъ страны, какъ относительно *имущества*, такъ и относительно *личнаго состава*.

II. Церковныя имущества къ концу англо-саксонскаго періода до такой степени увеличились, что доходъ съ нихъ значительно превышалъ доходы королевскіе. Такое значительное имущество было необходимо духовенству, для того чтобы оно свободно могло дѣйствовать на избранномъ имъ поприщѣ умственной дѣятельности. Для того, чтобы быть вполнѣ самостоятельной въ своихъ дѣйствіяхъ, церковь должна была быть непремѣнно обезпеченною въ матеріальномъ отношеніи. Но въ средніе вѣка матеріальныя средства заключались исключительно въ землевладѣніи. И дѣйствительно мы видимъ, что англійская церковь въ достаточной степени владѣла земельной собственностью. Церковныя имущества слагались слѣдующимъ образомъ:

1. *Церковныя земли.* Извѣстно, что новообращенныя племена всегда отличаются чрезмѣрною щедростью по отношенію къ церкви. Ательбиртъ подарилъ свой дворецъ и прилежащія къ нему земли святому Августину и его примѣру послѣдовали многіе другіе англосаксонскіе короли и вельможи. Всѣ они богато одаряли церковь. Судя по англосаксонскимъ грамотамъ, можно утверждать, что всякій государь, умирая, обыкновенно что нибудь дарилъ церкви. Кромѣ того, вступавшіе въ монастырь, нерѣдко приносили съ собою все свое состояніе. Дѣти знатныхъ родителей при вступленіи въ монастыри дарили обители значительные земельные участки. Благополучный исходъ тяжкой болѣзни и счастливое миновеніе опасностей, вообще всякія радостныя событія влекутъ за собою подарки въ пользу церкви. Понятно также, что постоянное участіе духовенства въ составленіи духовныхъ завѣщаній должно было послужить источникомъ немаловажнаго обогащенія церкви. Подъ вліяніемъ страха смерти богатые грѣшники охотно одаряли церковь, надѣясь этимъ заслужить себѣ царство небесное.

Даже тѣ тяжелыя потери, которыя понесла церковь, благодаря неистовствамъ датскихъ морскихъ разбойниковъ, были очень скоро возмѣщены подарками обращенныхъ въ христіанство датскихъ вель-

---

говъ, по отношенію къ еще менѣе значительнымъ церквамъ—60 шиллинговъ; по отношенію къ полевымъ церквамъ—только 30 шиллинговъ (Aethlr. VIII, 5; Cn. I, 3, § 1 и 2; Henr. 79, § 6, Прибавленіе IV, 3). Необходимость поддерживать приходскую церковь даетъ поводъ прихожанамъ вмѣшиваться въ завѣдываніе церковнымъ имуществомъ. Что такое вмѣшательство прихожанъ въ церковныя дѣла дѣйствительно имѣло мѣсто, можно догадываться по аналогіи съ другими сѣверными странами, въ которыхъ община всегда принимаетъ участіе въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ и по тому еще также, что едва ли могущественная церковь позднѣйшаго періода среднихъ вѣковъ признала бы это вмѣшательство, еслибъ оно не было стариннымъ обычаемъ.

можъ. Одновременно съ землями, церковь конечно получала въ свое распоряженіе всѣ тѣ подати и повинности, которыя связывались въ то время съ землевладѣніемъ. Получала также церковь въ даръ права на разные другіе поборы, какъ напр. пошлины, ярмарочныя дани, лѣсные, рыбные, горные оброки, поборы за пользованіе гаванями, лугами,—словомъ всѣ тѣ доходы, которые извлекались землевладѣніемъ, были въ распоряженіи англосаксонской церкви. Увеличеніе церковнаго имущества шло такъ сильно, что многіе каѳедральные соборы и монастыри, по своимъ богатствамъ, не уступали богатствамъ великихъ тановъ. Но рядомъ съ этимъ, мы встрѣчаемъ и весьма бѣдныя церкви, которыя приблизительно также относились къ богатымъ соборамъ и монастырямъ, какъ маленькіе участки свободныхъ земледѣльцевъ къ обширнымъ помѣстьямъ Thain'овъ regis. a)

2. Важнѣйшимъ источникомъ церковнаго богатства становится *десятина*. Какъ и во всемъ христіанскомъ мірѣ, такъ и въ Англіи, соединенныя стремленія духовенства всей страны привели къ тому, что уже въ концѣ 8 столѣтія земскіе сеймы Мерсіи и Нортумберланда торжественно установили десятину. Повсемѣстнымъ же учрежденіемъ для всей страны десятина становится только въ «constitutio de decimis» Ательстана. По этому закону свѣтская власть, при помощи своихъ герефовъ, оказываетъ содѣйствіе правильному сбору десятины. Одна треть десятины идетъ на исправленіе церквей, вторая треть на служителей Божьихъ, третья на нищихъ и бѣдныхъ слугъ. Aethlrd. VIII. 6. Почти каждый изъ слѣдующихъ послѣ Ательстана королей, при своемъ вступленіи на престолъ, подтверждалъ, съ согласія витановъ, законъ о десятинѣ. Такимъ образомъ церковь раньше добилась прямыхъ податей въ свою пользу, нежели свѣтская власть b).

---

a) О церковныхъ имуществахъ говоритъ Kemble II, cap. 10. Примѣромъ неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ между отдѣльными церквами можетъ служить то, что Чилькомбъ (часть владѣній Винчестерскаго епископства) занималъ пространство въ 100 Hidae (cod. diplom. № 642). Но все-таки такая концентрація церковныхъ владѣній, также какъ и скопленіе земель свѣтскихъ тановъ (изъ пожертвованій которыхъ главнымъ образомъ и составились церковныя богатства) никоимъ образомъ не могло вести къ образованію самостоятельныхъ, замкнутыхъ владѣній. Хотя король Витредъ изъ Кента и Этельбальдъ изъ Мерсіи и выразили желаніе, чтобы церковныя имущества въ предѣлахъ ихъ королевствъ были освобождены отъ „свѣтскихъ повинностей, оброковъ и поборовъ“; но тутъ рѣчь шла только объ освобожденіи отъ землевладѣльческихъ повинностей. Что-же касается трехъ всеобщихъ повинностей: expeditio exercitus, burgorum constructio, pontium refectio, то прямо говорится, что церковныя имущества отъ нихъ не освобождены. Мало можно указать пожалованныхъ церквамъ имуществъ, которыя были бы освобождены отъ этихъ 3 всеобщихъ повинностей, извѣстныхъ въ позднѣйшей юриспруденціи подъ именемъ trinoda necessitas, Palgrave I. 156. 157. 160. 161.

b) Церковная десятина, впервые въ писанномъ правѣ, повидимому, упоминается въ одномъ синодальномъ декретѣ отъ 786 года (Selden cap. 8. § 2),

3. Сверхъ десятины церковь получаетъ и *разные другіе доходы*: за упокой души, за свѣчи, за погребеніе. Плата за все это первоначально зависѣла отъ щедрости каждаго отдѣльнаго лица, но затѣмъ мало по малу устанавливается опредѣленная плата, которая даже утверждается земскими сеймами.

Къ этимъ же побочнымъ доходамъ принадлежитъ такъ называемый Ciric-sceat, который брался въ день святаго Мартина съ очага каждаго свободнаго человѣка. Размѣръ Ciric-sceat'а устанавливался соотвѣтственно урожаю съ полей и числу очаговъ. Эту подать нельзя считать повсемѣстной, не смотря на то, что она неоднократно утверждалась постановленіями земскихъ соборовъ.

Сверхъ всѣхъ перечисленныхъ доходовъ, слѣдуетъ упомянуть о цѣломъ рядѣ *случайныхъ приношеній*, которыя вѣрующіе удѣляли церкви по самымъ разнообразнымъ случаямъ. Дарилась всякаго рода движимость, кресты, кольца, драгоцѣнности. Въ завѣщаніяхъ англосаксонскихъ вельможъ мы встрѣчаемъ даже подарки въ видѣ цѣлыхъ табуновъ лошадей, стадъ быковъ, овецъ и свиней, которыя давались pro salute animae c).

III. По своему *общественно-политическому положенію* англосаксонское духовенство находится въ болѣе полной и тѣсной связи

получившемъ утвержденіе свѣтской власти, именно согласіе короля Мерсіи и Нортумберланда, а также земскихъ сеймовъ этихъ королевствъ. Затѣмъ установленіе десятины также подтверждается законами Эдварда и Гутрума отъ 900 года (E. et G. cap. 6.) Кратко упоминаетъ о ней Athlst. III. 1. Подробно же говоритъ о десятинѣ Athlst. I, §, 1—5 (есть два не совсѣмъ согласныхъ текста этого закона). Позднѣйшія подтвержденія суть: Edm. I. 2; Edg. II. 1. 2. 3; IV. 1. § 3 и 4; Athlrd. V. II; VI. 17; VII. 1. § 2, 4, 7; VIII. 6—9, 14, 15; Cn. I. 8. 11; Ed. Conf. VII. 8. Что треть десятины идетъ на ремонтъ церквей, повторяетъ Athlrd. VII. 6. Впрочемъ на этотъ предметъ могутъ идти также уплачиваемыя церкви пени. Athlrd. V. 51.

Затѣмъ, объ исправности церковныхъ зданій долженъ заботиться епископъ (Edm. I. 5); и вообще всякій христіанинъ долженъ этому содѣйствовать. Cn. II. 65.

c) Ciric-sceat составляетъ предметъ большаго спора, находящагося въ связи съ спорнымъ положеніемъ нынѣшней Churchrate. Сущность этой подати никогда достаточно подробно не описывается въ первоисточникахъ, но по многимъ даннымъ можно судить, что она состояла изъ первыхъ полевыхъ плодовъ, отдаваемыхъ въ пользу духовенства по примѣру Моисеева законодательства. Упоминается Ciric-sceat въ законахъ очень часто In. 4, 61. Edg. II. 2, 3; IV. 1; Athlrd. VI. 18; VII. 4; VIII. 11; Cn. I. 10; II. 11. Обязанность правильнаго сбора Ciric-sceat'а особенно строго вмѣняется герефамъ. Athlst. I. 4; за небрежность въ этомъ отношеніи имъ грозитъ отлученіе отъ церкви. Edm. I. 2. Но не смотря на то, что законодательство всѣми мѣрами старалось установить эту подать въ пользу церкви, она встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны крестьянъ, такъ что собиралась крайне неравномѣрно. (Kemble II, 460; приложеніе Д заключаетъ въ себѣ очень искусственный взглядъ на этотъ предметъ). Хорошее изслѣдованіе вопроса даетъ Schmidt, Glossarium 545, 547.

Богатѣйшій источникъ доходовъ церкви представляютъ собою деньги за отпущеніе грѣховъ. Отпущенныя книги англосаксонскаго періода указываютъ, что этотъ первоначально нравственный обычай принялъ самыя уродливыя формы.

съ мірянами, нежели духовенство другихъ европейскихъ странъ. Въ то время, какъ въ другихъ странахъ Европы христіанство сначала утверждалось въ бѣднѣйшихъ классахъ общества, въ Англіи обращеніе въ христіанство началось съ королей, ихъ домашнихъ и дружинниковъ, ихъ Witan'овъ и Comites и затѣмъ уже мало по малу христіанство проникло также въ общинную и семейную жизнь народа. Такимъ образомъ получилась тѣсная связь англосаксонской церкви со всѣми классами населенія отъ короля до крѣпостнаго theow, съ семейной, общинной и государственной жизнью страны.

Что касается связи англосаксонской церкви съ *семейною жизнью* народа, то съ одной стороны нельзя отрицать того, что строгая монастырская жизнь разрывала семейные узы. Но за то большая часть бѣлаго духовенства состояла въ бракѣ. Правда, въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи, Дунстанъ старался и бѣлое духовенство подчинить строгимъ правиламъ монастырской жизни. Онъ полагалъ, что этимъ можно будетъ ослабить начинавшійся упадокъ церкви. Но сила обычая была такъ сильна въ англосаксонской церкви съ ея національнымъ характеромъ, что нѣсколько десятилѣтій спустя все устраивается по старому и целибатство такъ таки не упрочивается въ англосаксонской церкви.

Связь церкви съ *общинной жизнью* выражается въ томъ, что и на ней, въ качествѣ землевладѣльца, лежатъ всѣ связанныя съ землевладѣніемъ повинности. За самыми ничтожными исключеніями въ дарственныхъ записяхъ даже наиболѣе поощряемыхъ монастырей всегда выговаривается обязанность ихъ отправлять Brycgbote, Burhbote и Fyrd—эти составныя части уже извѣстной намъ trinoda necessitas, съ которой связаны еще и нѣкоторыя другія повинности въ пользу короля. Но за то, въ свою очередь, и церковь пользуется всѣми правами и преимуществами, связанными съ землевладѣніемъ. Такимъ образомъ церковь вошла въ тѣсное общеніе съ интересами общественной жизни. Canones свидѣтельствуетъ намъ, что церковь даже и не стремилась къ тому, чтобы добыть себѣ освобожденіе отъ общихъ повинностей, хотя, конечно, попадаются и такія грамоты, въ которыхъ нѣкоторые монастыри стараются выговорить себѣ значительныя льготы.

Не трудно будетъ понять изъ всего вышеизложеннаго, что во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ церковь, какъ и остальныя сословія, *подчинена* военному, судебному, полицейскому и финансовому *главенству короля*.

1. *Воинская повинность* никакимъ англосаксонскимъ закономъ не отмѣнена для духовенства, хотя высшіе ordines силою къ ней не принуждались. Но на практикѣ дѣло устраивалось такъ, что собранія графствъ и сотень охотно позволяли духовенству выстав-

лять вмѣсто себя наемныхъ ратниковъ. При этомъ, однакоже, сосѣди духовныхъ владѣній строго слѣдили за тѣмъ, чтобы духовенство выставляло наемниковъ приблизительно pro rata, такъ чтобы льготы клирикамъ не увеличивали-бы ихъ собственныхъ тяготъ по отправленію воинской повинности [1]).

2. Въ *судебномъ* отношеніи духовенство, въ своихъ спорахъ съ міранами, подлежало, какъ и міряне, суду сотни и ширгемоту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ духовные являются въ числѣ витановъ, постановляющихъ приговоръ. Alfr. 38, § 2. Но главнымъ образомъ участіе духовенства проявлялось при принесеніи присяги и Судахъ Божіихъ Edw. Conf. c. 9. Духовные-же лица также исполняютъ должность нотаріусовъ при договорахъ, составленіи дарственныхъ записей, завѣщаніяхъ (quoniam tabellionum usus in regno Angliae non habetur. Matth. Paris. hist. Henr. III). Подъ ихъ наблюденіемъ заключается бракъ. Приб. VI. 8. Къ нимъ обращаются для совѣта въ спорныхъ юридическихъ вопросахъ. Они-же всегда всюду исполняютъ должность судебныхъ секретарей и писарей. Есть отдѣльные случаи того, что духовные занимали даже должность ширгерефа. То что церковные canones запрещаютъ духовнымъ быть ширгерефами именно указываетъ, что свѣтскіе законы это допускали.

При присягѣ духовные пользовались нѣкоторымъ облегченіемъ, такъ какъ предполагалось, что служители Божьи отличаются бо̀льшею правдивостью. Очистительная присяга духовныхъ урегулирована и облегчена особыми законами. Aethlr. VIII. 15.

Но гораздо важнѣе такихъ маленькихъ привиллегій—это *собственная юрисдикція*, которою церковь пользовалась in causis ecclesiasticis и относительно духовныхъ проступковъ. Спеціальная церковная юрисдикція не была ограниченіемъ компетенціи общаго суда, такъ какъ она простиралась только на тѣ *спеціальные* проступки, которые проистекали изъ спеціально-церковныхъ постановленій и потому не могли разсматриваться народнымъ судомъ въ его тогдашнемъ видѣ. Edw. et G. 12. Cn. II, 48, 53. Помимо-же

---

[1]) Освобожденіе духовенства отъ воинской службы нигдѣ прямо не выражено. Palgrave I. 156, 157. Въ бурныя времена мы находимъ духовныхъ въ числѣ сражающихся и убитыхъ. Но за то нигдѣ и не сказано, что Clerici должны лично отправлять воинскую повинность. Точно выговорено только, сколько каждое духовное владѣніе, при томъ или другомъ объемѣ своемъ, должно выставлять ратниковъ. Иной разъ прямо въ дарственныхъ записяхъ обозначено, сколько тотъ или другой монастырь долженъ выставить воиновъ. Такъ напр. въ 821 г. (Cod. dipl. 272) одному монастырю было подарено много земли съ условіемъ: expeditionem cum duodecim vassallis et cum tantis scutis exerceant. Смотрѣть за правильностью отправленія воинской повинности духовенствомъ было дѣло ширгерефа.

этого, мы въ англосаксонскій періодъ не замѣчаемъ никакого исключенія духовенства изъ общей, свѣтской юрисдикціи [2]).

3. *Полицейскому главенству короля* духовенство было подчинено наравнѣ съ общимъ своимъ подчиненіемъ свѣтской юрисдикціи. Само собою разумѣется, что обязанности по сохраненію мира распространяются, и даже въ еще большей степени, также на духовенство. Въ предѣлахъ своихъ владѣній оно отвѣтственно за своихъ крестьянъ и дворовыхъ, въ ихъ проступкахъ противъ сохраненія мира. Въ охраненіи мира установилась вообще совокупная дѣятельность свѣтской и духовной власти, именно духовенство смотрѣло за охраненіемъ мира относительно духовныхъ лицъ, духовныхъ владѣній и особенно священныхъ дней. Въ этомъ спеціальномъ охраненіи мира не слѣдуетъ видѣть какой либо привиллегіи: охраненіе мира по отношенію къ духовенству есть часть общаго, королевскаго мира, заботящагося о спокойствіи всѣхъ классовъ населенія. Wil. I. 2 [3]).

Постоянная взаимная помощь свѣтской и духовной власти повела къ *совмѣстной дѣятельности* ихъ по многимъ отраслямъ управленія. Такъ на собраніяхъ графства епископъ предсѣдательствуетъ совмѣстно съ эальдорменомъ и шерифомъ, при чемъ, однакоже, чисто-духовныя дѣла, большею частью, обсуждаются отдѣльно. При такомъ положеніи вещей епископъ получалъ вліяніе и на чисто-мірскія дѣла, напр. относительно надзора за правильностью мѣръ и вѣсовъ, въ регулированіи наслѣдствъ и т. д., что съ теченіемъ времени необычайно расширяетъ въ Англіи компетенцію духовенства. Точно также

---

[2]) Относительно подсудности духовенства свѣтской власти справедливо замѣчаетъ Kemble II. 378, что достаточнымъ доказательствомъ подчиненія духовенства свѣтской юрисдикціи служатъ многочисленныя предписанія законовъ на тотъ случай, когда въ процессѣ фигурируютъ духовные. Онъ цитируетъ Athlr. 18, 19. Athlr. VIII. 19—24, 27, Cn. I. § 5. II. § 41. Ср. также Henr. I. 64, § 8; 5, § 7. и слѣд. 57. § 9. Но стремленіе освободиться отъ свѣтской юрисдикціи видно изъ слѣдующаго. Уже очень рано церковь настаиваетъ на томъ, чтобы при спорахъ духовныхъ между собою, тяжущіеся обращались исключительно къ духовной власти (Can. Edg. 7). Священникъ, убившій кого-нибудь, духовною властью лишается духовнаго званія и уже въ качествѣ мірянина отдается свѣтскому суду. Alfr. 21. Athlr. VIII, 26; Cn. II. 41. Духовные, кромѣ штрафовъ уплачиваемыхъ свѣтской власти, должны вмѣстѣ съ тѣмъ платить особенную церковную пеню. Edw. et G. 3; Athlr. VIII, 27; Cn. II. 5, § 3. Если духовное лицо совершитъ преступленіе, наказываемое смертью, оно „до суда епископа“ содержится въ тюрьмѣ. Edw. et G. 4. § 2. Cn. II. 43. Но вполнѣ спеціальная духовная юрисдикція устанавливается только въ норманскій періодъ. L. Wil. IV, § 4, и Henr. I, 57, § 9.

[3]) Въ дѣлѣ охраненія мира на епископахъ лежала спеціальная обязанность возстановлять миръ и совокупно съ свѣтскими судьями предупреждать несправедливость. Institutes of Eccles. Polity Thorpe II. 312. У епископовъ есть особое право убѣжище, также какъ и у эальдорменовъ. Наряду съ королевскимъ миромъ особенное значеніе придается и „церковному миру“, установленному самимъ Богомъ. Athlr. V. 10. 21. VI. 13. 26. „Церковный миръ“ ставится даже выше королевскаго. Cn. II. I. § 1. Прив. IV. I. 31.

какъ ширгерефу вмѣняется въ обязанность поддерживать духовную власть (Athlst. I. pr. § 4. Edg. I. 3. Athlr. VIII. 8. 32. Cn.I. 8), такъ, съ другой стороны, епископы обязаны наблюдать за ширгерефами и поддерживать ихъ. Штрафы за непослушаніе съ герефовъ, отказавшихъ кому либо въ правосудіи или произнесшихъ несправедливый приговоръ, собираетъ епископъ. Athlst. I. 26. Edg. III. § 3. Насколько эта взаимно другъ друга дополняющая совмѣстная дѣятельность духовенства и свѣтской власти простиралась и на *низшую* администрацію, на управленіе сотенъ, опредѣлить трудно. Что же касается высшей администраціи земскаго сейма, то тамъ епископы и болѣе значительные аббаты засѣдаютъ въ Witenagemôte'ѣ между танами короля, при чемъ они всегда поименовываются раньше тановъ.

Участіе духовенства въ общественныхъ обязанностяхъ опредѣлило положеніе его среди *сословныхъ отношеній* того времени. Въ англосаксонскомъ танствѣ общественныя обязанности и исправленіе извѣстной должности въ соединеніи съ земельнымъ владѣніемъ создаютъ особое высшее сословіе. Это же повторяется и съ высшими ordines духовенства. Какъ въ свѣтской администраціи владѣніе ведетъ къ полученію должности, такъ здѣсь должность ведетъ къ пріобрѣтенію владѣнія и приравниваетъ епископовъ и болѣе значительныхъ аббатовъ Великимъ танамъ, а приходское духовенство танамъ графства. Устанавливается безусловное равенство съ эальдорменами, слѣдовательно съ высшими сановниками свѣтской власти, именно: одна и таже вира Приб. VII. 2. § 3.; Henr. I. 68. § 6. Ed. Conf. 12. § 5. одна и таже Borg и Mundbyrd Alfr. 3. Cn. II. 58. Приб. IV. 11. Одна и таже Burhbryce In. 45. Alfr. 40. Одна и таже вира за обнаженіе оружія въ домѣ, принадлежащемъ духовному лицу Alfr. 12. Приб. IV. 12. Епископъ равенъ эальдормену въ правѣ убѣжища Athlst. V. 4. Приб. IV. 5. въ наказаніи за непослушаніе Henr. 35. § 1; 87. § 5. Точно также прочно устанавливается правовое положеніе священника, служащаго обѣдню. Онъ получаетъ особое названіе «танъ мессы» и «достоинъ правъ тана и виры за него» Athlr. V. 2; VI. 5; 5III. 28. Cn. I. 6. § 2. Размѣръ виры у «сѣверныхъ людей» одинаковъ какъ для «тана мессы», такъ и для свѣтскаго тана, именно=2000 Thryms'амъ, Приб. VII. 2. § 5. Соотвѣтственно этому придается бóльшее значеніе присягѣ священника, Withr. 16, 17, 18. Приб. VIII. 2. Но размѣръ виры впрочемъ становится предметомъ спора, Dialogus Ecg. 12 (Thorpe II. 92) и позднѣе устанавливается мнѣніе, что вира устанавливается смотря по происхожденію духовнаго лица. Henr. I. 68. § 3. Низшіе ordines духовенства равняются по вирѣ обыкновенному liber homo (ceorl).

Земскій сеймъ, наконецъ, образуетъ центральный пунктъ, въ которомъ свѣтское государство тѣсно сплетается съ духовною властью. Подъ личнымъ руководствомъ короля здѣсь окончательно рѣшаются духовныя дѣла государства, при чемъ въ обсужденіи ихъ принимаютъ участіе почти исключительно прелаты. Но въ обсужденіи дѣлъ свѣтскихъ прелаты участвуютъ наравнѣ съ танами. Тутъ церковь наравнѣ съ королевскою властью является противовѣсомъ крупному землевладѣнію. Королевская власть всегда отстаиваетъ на земскомъ сеймѣ свободу низшихъ классовъ, духовенство же всегда защищаетъ права гуманности.

Періодическія личныя совѣщанія короля съ прелатами и танами укрѣпляютъ идею *единства свѣтской и духовной власти* въ человѣческихъ вещахъ. Обѣ власти стремятся единодушною совмѣстною дѣятельностью содѣйствовать государству въ достиженіи высокихъ цѣлей его. На постоянное усиленіе покровительства, оказываемаго церкви королевскою властью, духовенство отвѣчаетъ тѣмъ, что все болѣе и болѣе напираетъ на необходимость повиноваться священной и неприкосновенной особѣ короля—«священнаго намѣстника Христа», какъ его называетъ одна англосаксонская **Homilie**, «**Christus Domini**», какъ его назвало одно духовное собраніе въ **Cealchyte**'ѣ въ 785 г. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и свѣтскіе законы смотрятъ на короля какъ на замѣстителя Христа, **Cristes gespelia Athlr. VIII. 2. 42.**, какъ на **vicarius Summi Regis Ed. Conf. 17.** Уже Ина изъ Вессекса именуетъ себя **mid Godes gife West Seaxena Cyning. In. pr.** Въ свою очередь и короли, стремившіеся къ улучшенію нравовъ своего народа, къ насажденію искусства и науки, къ водворенію мира въ странѣ, къ исправленію администраціи, въ свою очередь и короли находили нужнымъ всячески поощрять церковь, и слушаться ея совѣтовъ, подобно тому, какъ это дѣлали Альфредъ и Карлъ Великій *).

---

*) Общее число духовныхъ, въ особенности низшихъ ordines и монаховъ, было необыкновенно велико. Мирныя наклонности англо-саксонскаго населенія послѣ того, какъ оно прочно осѣло и прилежно занялось земледѣліемъ, исчезновеніе страсти къ приключеніямъ и стремленія къ добычѣ, все болѣе и болѣе возрастающее уваженіе къ церкви, богатства ея—все это такъ сильно привлекало низшіе классы въ ряды служителей церкви, что можно было бы даже усомниться въ почти невѣроятномъ числѣ англо-саксонскихъ клириковъ, еслибы это не было подтверждено достовѣрными свидѣтельствами. Самъ Бэда Достопочтенный признаетъ, что чрезмѣрная раздача духовенству государственнаго достоянія нанесла вредъ военной защитѣ страны и поставила короля внѣ возможности въ достаточной степени вознаградить храбрыхъ воиновъ.

Сословное положеніе духовенства (срав. ниже § 5 а) выражается въ томъ, что размѣръ виры, по закону „сѣверныхъ людей“, прямо опредѣляется въ 2000 тримзъ, также какъ и за свѣтскаго тана Приб. VII. 2. § 5. За епископа

Нѣтъ сомнѣнія, что англо-саксонская церковь не была чистымъ выраженіемъ ученій Св. Писанія, но въ значительной степени была смѣшеніемъ христіанства съ *суевѣріемъ и наружнымъ благочестіемъ*. Несомнѣнно также, что почитаніе святыхъ и мощей, покорность духовенству и щедрость по отношенію къ нему, исполненіе наложенныхъ церковью покаяній и пощеній—были главными пунктами вѣры въ англо-саксонскій періодъ. Невѣжество, суевѣріе и стремленіе поскорѣе успокоить нечистую совѣсть доставили этому наружному благочестію очень скорое распространеніе. Все это несомнѣнно. Но тѣмъ не менѣе нравственное значеніе церкви было громадное. Въ вѣкъ кулака и подавляющаго преобладанія собственности, церковь была единственною нравственною силою. Англо-саксонская церковь была представительницею того христіанства, которое было въ уровень тому времени, все равно какъ и свѣтская власть настолько была представительницею идеи свободы, насколько къ этому была способна та эпоха. Несомнѣнно, однакоже, что и это христіанство соединило въ VI столѣтіи Саксовъ, Англовъ и Ютовъ въ одинъ мирный и честный народъ, смягчило нравы его, развило любовь къ труду, придало мягкость всѣмъ учрежденіямъ общественной жизни, подняло интеллектуальный уровень страны и этимъ подготовило возможность появленія такихъ первостепенныхъ личностей, какъ Бэда и Альбуинъ. Когда, вслѣдъ затѣмъ, послѣдовали двѣ долгія эпохи наводненія государства ордами сѣверныхъ морскихъ разбойниковъ, когда только что объединенное упроченное государство подверглось жесточайшимъ бѣдствіямъ и, казалось, должно было снова вынести всѣ ужасы переселенія народовъ, церковь во второй разъ совершила великое дѣло обращенія и этимъ кладетъ основаніе мирному и изумительно-быстрому сліянію двухъ народовъ, изъ которыхъ одинъ до того коснѣлъ въ грубомъ варварствѣ и жилъ морскимъ разбоемъ.

Это положеніе церкви и національная окраска внутренней организаціи ея опредѣлили *отношенія англо-саксонской церкви къ римскому престолу*. Національная изолированность англо-саксон-

---

и архіепископа полагается 8000 и 15,000 тримзъ, Приб. VII. 2. § 2, 3. О бракахъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ и самого епископа Вильфрида, См. Kemble II. 383. Что касается злоупотребленій духовенства своимъ положеніемъ и упадка нравовъ его, то сохранились, тѣмъ не менѣе, о духовенствѣ англо-саксонскаго періода слѣдующія воспоминанія, резюмируемыя Кемблемъ. (II. 325) „Къ какимъ бы поступкамъ по временамъ не побуждали духовенство сословные интересы, все-таки всегда нужно помнить, что оно представляло собою посредствующій элементъ между богатымъ и бѣднымъ, между сильнымъ и слабымъ, и что, къ непреходящей славѣ своей, оно хорошо поняло и выполнило обязанности своего почетнаго положенія. Никто, кромѣ духовенства, не былъ въ состояніи остановить руку сильнаго, смягчить строгость закона, подать рабу лучъ надежды позаботиться о немъ также и на этомъ свѣтѣ, о немъ безпомощномъ и лишенномъ какой бы то ни было правовой защиты“.

ской церкви, выразившаяся въ томъ, что въ литургіи и молитвахъ былъ удержанъ языкъ страны, давала римскому престолу самое ничтожное вліяніе. И хотя усердныя старанія Вильфрида установили общность важнѣйшихъ пунктовъ вѣры, но все-таки курія не имѣла постояннаго вліянія на англійскія церковныя дѣла. Только со временъ архіепископа Дунстана и Одо начинается (при сопротивленіи большой части духовенства) *романизирующее направленіе*, дающее римскому престолу извѣстную верховную власть надъ англо-саксонской церковью, власть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма значительную. Это направленіе является въ послѣднее столѣтіе англо-саксонскаго періода преобладающимъ, но, впрочемъ, большею частью такъ и остается стремленіемъ, безъ практическихъ результатовъ. Сравнительно съ большимъ числомъ англо-саксонскихъ законовъ, даже конецъ англо-саксонскаго періода указываетъ на незначительное вліяніе папскихъ декреталій. Англо-саксонское церковное право до самаго конца остается болѣе *національнымъ*, чѣмъ въ остальныхъ странахъ Европы.

Отношенія къ римскому престолу долгое время ограничивались простымъ уваженіемъ къ учрежденію, столь тѣсно связанному съ дорогими англо-саксонскому народу воспоминаніями о Григоріи Великомъ и Св. Августинѣ. Британская же церковь, которая съ сѣвера распространялась шотландскими миссіонерами, вовсе не признавала главенства римскаго епископа и соборовъ, имъ однимъ созванныхъ. Она имѣла свои воззрѣнія на время празднованія пасхи, на духовное освященіе брака и др. Заслуги и вліяніе этой церкви на общественную жизнь гептархіи столь же значительны, какъ и заслуги римско-католической церкви. Впервые только въ концѣ 8 столѣтія *Вильфридъ*, со всею страстностью и энергіею своей натуры, сталъ защищать главенство римскаго престола и въ нѣкоторыхъ вещахъ, какъ напр. относительно празднованія пасхи, ему удалось это отстоять. Неутомимому рвенію этого человѣка, нерѣдко прибѣгавшаго къ безчестнымъ средствамъ, англо-саксонская церковь обязана тѣмъ, что вошла въ европейскую вѣроисповѣдную систему. И это имѣло очень важныя послѣдствія. Уже въ 9 столѣтіи одинъ континентальный писатель называетъ англичанъ **maxime familiares apostolicae Sedis.** И дѣйствительно, самыми энергическими и счастливыми миссіонерами Рима были англо-саксы. Но все таки римская курія была слишкомъ отдаленнымъ авторитетомъ. Она и сама довольствовалась тѣмъ, что въ томъ или другомъ случаѣ *спрашивали* ея мнѣнія. Выразительнѣе всего объ этомъ свидѣтельствуютъ жалобы духовнаго сословія на то, что никакая церковь не на-

ходится въ такомъ рабствѣ, какъ англійская — «признакъ національнаго характера ея, политическаго смысла народа и мощи государства» (какъ замѣчаетъ Кембль II. 324).

Новая эпоха начинается съ *датскаго нашествія*. Съ страшною яростью накинулись датчане на мирныя поселенія англо-саксовъ, а съ особенною ненавистью на богатыя жилища презираемыхъ воинами «лѣнивыхъ» монаховъ. Но, какъ всегда вообще, худшія времена выдвигаютъ лучшихъ христіанъ, такъ и англійская церковь снова оправляется отъ безграничнаго раззоренія и бодро принимается за обращеніе датчанъ, которые только послѣ принятія христіанства вступаютъ въ болѣе или менѣе мирныя отношенія съ англо-саксонскимъ населеніемъ. Съ обращеніемъ датчанъ въ христіанство, не только эгоистичный, вѣроломный духъ прежнихъ почитателей Одина мало по малу исчезаетъ, но изъ ихъ среды даже выходятъ самые ревностные священники новой религіи, а черезъ нѣсколько времени и высшіе прелаты англо-саксонской церкви. Въ этотъ періодъ появляется *Дунстанъ*, который, одновременно съ своими извѣстными стремленіями къ усиленію власти духовенства, настаиваетъ на подчиненіи папскому престолу. Съ появленіемъ датскаго элемента новый духъ оживляетъ церковные споры. Съ свойственною имъ энергіею потомки старыхъ викинговъ страстно бросаются въ церковную борьбу. Нарождающійся духъ аскетизма есть выраженіе глубокаго разлада народныхъ умовъ, образовавшагося подъ вліяніемъ датскаго нашествія и все увеличивающейся разницы между богатствомъ и бѣдностью. Несомнѣнно, что нельзя считать случайностью то, что два столѣтія послѣ Вильфрида стремленіе къ единству и могуществу церкви подъ главенствомъ папы, безбрачіе духовенства, освобожденіе церковнаго персонала отъ свѣтскихъ узъ становятся предметомъ пламенныхъ желаній не только извѣстной части духовенства, но даже свѣтскихъ вельможъ, и въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій служатъ партійнымъ лозунгомъ. Невѣроятный упадокъ нравовъ, вскорѣ наступающій при Этельредѣ II, долженъ убѣдить всякаго безпристрастнаго историка, что вся эта необузданность, грубость и чувственность настоятельно требовали энергическаго воздѣйствія. Іерархическое направленіе въ этотъ періодъ сдѣлало шагъ впередъ. Но формальное признаніе папскаго главенства есть, все таки, дѣло норманскаго завоеванія.

§ 5а.

Англосаксонскія сословныя отношенія и земскіе сеймы.

Образовавшееся при вышеизложенныхъ условіяхъ соотношеніе между землевладѣніемъ и государственными повинностями легло въ основаніе англійскаго сословнаго устройства.

Военная, судебная, полицейская и даже церковная организаціи страны до такой степени были принаровлены къ повинностямъ которыя несло землевладѣніе, что безземельный какъ-бы даже и не существовалъ вовсе для непосредственныхъ потребностей общественной жизни. И не только вовсе земли не имѣющіе, но даже тѣ, которые имѣли всего по одному гуфу, въ весьма несовершенной степени могутъ удовлетворять государственнымъ и общественнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ съ развитіемъ частнаго землевладѣнія все уменьшается кругъ людей, имѣющихъ значеніе для государства. Большинство свободныхъ людей переходитъ въ распоряженіе землевладѣльцевъ и теряютъ этимъ непосредственное подчиненіе государству. Черезъ всю систему землевладѣнія начинаетъ проходить *черта зависимости*, стремящаяся къ *юридическому узаконенію*. Сила *владѣнія*, собственности даетъ *возможность*, а услуги, оказываемыя государству—*правовое основаніе* для образованія сословныхъ подраздѣленій. Онѣ устанавливаются слѣдующимъ образомъ:

I. *Зависимость* безземельныхъ классовъ отъ землевладѣнія санкціонируется королемъ и земскимъ сеймомъ: такимъ образомъ существующія уже de facto отношенія зависимости, нѣсколько патріархальныя, становятся *юридическою нормою*. Повиновеніе и вѣрность становятся обязательными. Защита господина тоже становится теперь непосредственнымъ долгомъ служилаго человѣка. Измѣна господину считается теперь такимъ-же страшнымъ преступленіемъ, какъ измѣна королю. Присяга на вѣрность господину теперь такая-же какъ и присяга на вѣрность королю: «sicut homo debet esse fidelis domino suo, sine omni contraversia et seditione, in manifesto, in occulto, in amando quod amabit, nolendo quod nolet». Необходимость оказать ту или другую услугу господину оправдываетъ всякое замедленіе по другому дѣлу. За убіеніе зависимаго человѣка господинъ такимъ-же образомъ получаетъ пеню, какъ король за убійство свободнаго человѣка. Зависимый человѣкъ находится подъ особою защитою «мира» своего господина. Третье лицо, имѣющее споръ съ зависимымъ человѣкомъ, сперва должно обратиться къ господину, а потомъ уже въ судъ короля. Но зато господинъ долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы зависимый человѣкъ исполнялъ свои

обязанности по отношенію къ другимъ и по отношенію къ государству. Точный размѣръ той отвѣтственности, которую несъ господинъ за зависимаго отъ него человѣка и, обратно, то вознагражденіе, которое онъ получалъ въ случаѣ убіенія его, трудно установить по дошедшимъ до насъ законамъ. Притомъ-же законы говорятъ обо всемъ этомъ только въ примѣненіи къ ближайшимъ, личнымъ служилымъ людямъ. А что въ такія-же отношенія попали и поселившіеся на господской землѣ, cotsaeten, geburen, чиншевые люди на ленной землѣ (между которыми могли быть и крѣпостные) —надо полагать, вытекаетъ само собою. Но во всякомъ случаѣ, полицейскія права и обязанности господина простирались на всѣхъ поселившихся на его землѣ, будь-то лично-служилые люди, ленники или крѣпостные *).

2. Отправленіе военныхъ и судебныхъ повинностей высшаго разряда ведетъ къ юридическому установленію высшаго *сословія*, къ образованію понятія о *танствѣ*—англосаксонскомъ gentry, и дальнѣйшихъ подраздѣленій. Еще раньше Альфреда дружинники, употребляемые королями и крупнѣйшими изъ землевладѣльцевъ для военной службы и придворныхъ должностей военнаго характера, выдѣляются изъ общей массы свободныхъ людей и составляютъ болѣе почетный общественный классъ. Былъ-ли танъ вмѣстѣ съ тѣмъ также и землевладѣльцемъ, или-же онъ былъ только надѣленъ фолкландомъ и ленною землею, или-же, наконецъ, получалъ свое содержаніе отъ королевскаго двора — все-же таки честь нести службу въ дружинѣ и огромное значеніе въ тѣ времена тяжело-вооруженныхъ людей, въ общемъ привели къ тому, что весь классъ тановъ, во всей своей совокупности, занимаетъ болѣе высокое общественное положеніе, нежели обладатели земельныхъ участковъ въ одинъ гуфъ и безземельные. Большое значеніе для государственной жизни услугъ, оказываемыхъ танами, даетъ основаніе для установленія *юридическаго* отличія ихъ въ системѣ виры, въ участіи на судѣ и др.

Въ тѣ времена непосредственнымъ выраженіемъ значенія человѣка была *вира*, за него взыскиваемая. И вотъ за тана она равнялась 1200 шиллингамъ, между тѣмъ какъ за простаго свободнаго человѣка платили 200. Такимъ образомъ танъ ставится въ шесть разъ выше. У Сѣверныхъ Англовъ за обыкновеннаго свободнаго человѣка берется 266 тримзъ (равняется 200 шиллингамъ), а за тана 2000.

---

*) О юридическомъ санкціонированіи зависимыхъ отношеній всѣхъ поселившихся на чужой землѣ ср. K. Maurer, Krit. Zeitschr. II. стр. 331—365. Совершенно несправедливо приводятъ въ связь чисто-личную присягу англосаксонскаго періода (ср. формулу у Шмида, приб. стр. 405) съ позднѣйшею ленною системою. Англосаксонская зависимость носитъ еще личный характеръ и сравнима съ батрачествомъ и прислугою новѣйшаго времени.

Послѣдняя сумма удвоивается, если пострадавшій — ширгерефъ и опять удвоивается за эальдормана или епископа.

Послѣ того, какъ при Альфредѣ и его преемникахъ на владѣющихъ болѣе чѣмъ 5 гуфами земли была наложена обязанность являться тяжело-вооруженными на войну, танство становится правомъ каждаго владѣльца пяти гуфовъ *какъ таковаго* и достоинство тана, такимъ образомъ, является кумуляціею ранга и владѣнія, отправленія повинности и исправленія должности, такъ что въ общемъ тутъ есть сходство съ позднѣйшими barones, вассалами. Если въ законахъ встрѣчаются два подраздѣленія высшаго сословія — люди за которыхъ платится виры 1200 (than) и люди за которыхъ берется 600 (gesithcundman), то надо полагать, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ объ обязанныхъ нести военную службу владѣльцахъ 5 гуфовъ, а во второмъ о воинѣ, неимѣющемъ такого владѣнія.

Соотвѣтственно съ этимъ устанавливается *вознагражденіе*, которое получаетъ король или господинъ за убитаго (30, 80, 120 шил.), а пеня за нарушеніе «мира бурга», являющаяся нарушеніемъ домашней неприкосновенности (5, 15, 30 шиллинговъ; если пострадалъ епископъ 60, архіепископъ 90 шил.), пени за оскорбленіе дѣвической чести и Mundium вдовъ. И такъ какъ основою всего юридическаго быта того времени была система виръ и пеней, то понятно, что высшій размѣръ виры есть *узаконеніе существованія высшихъ сословій*. Притомъ, такъ какъ государственныя повинности отправляются только землевладѣніемъ, то понятно, что *болѣе крупная* собственность является правовымъ основаніемъ для бо́льшаго значенія въ общественной жизни. И если, затѣмъ, установился довольно крупный размѣръ того minimum'а, съ котораго начинается отправленіе государственныхъ повинностей, то, конечно, государственное значеніе маленькаго человѣка этимъ почти совершенно уничтожается. Вотъ почему общественное положеніе большинства простосвободныхъ людей мало по малу понижается пока наконецъ, оно прямо не образуетъ *низшее* сословіе **).

**) Распредѣленіе сословій по вирѣ, такая-же градація во всей системѣ пеней и штрафовъ и въ опредѣленіи значенія соприсяжниковъ общи, какъ англосаксонскому праву, такъ и праву другихъ народовъ континента. Но у англосаксовъ мы замѣчаемъ очень раннее развитіе крайне неравномѣрнаго распредѣленія владѣнія и соотвѣтственно этому огромную разницу въ сословномъ положеніи (200 шиллинговъ виры для просто свободнаго человѣка и 1200 и болѣе для высшихъ сословій). У континентальныхъ народовъ такой огромной разницы нѣтъ. Норма виры въ 200 шиллинговъ за ceorl'а (соотвѣтствуетъ twyhyndeman'у) впервые встрѣчается въ Alfr. 10. 18. § 1. 2. 29. 39. 40 и довольно часто впослѣдствіи. Очень спорно положеніе Syxhyndemen'а, занимающаго въ Вессексѣ средину между twelfhyndeman'омъ и ceorl'омъ и въ тоже время какъбы равнаго gesithcundmen'у. Впрочемъ, это сословное подраздѣленіе не долго

3. Подъ вліяніемъ только-что разсмотрѣнныхъ двухъ факторовъ развивается понятіе о *вотчинной власти* землевладѣльца. Прежде всего, землевладѣлецъ имѣетъ *фактическую* власть отпустить своего гесита и отнять у крестьянина-съемщика данную въ пользованіе землю. Изъ этого de facto образуется то, что всѣ споры геситовъ и ленныхъ людей *между собою разрѣшаются* землевладѣльцемъ. Обращеніе къ королевскому суду, безъ согласія на то господина, крайне тяжело отозвалось-бы на экономическомъ положеніи строптиваго. Даже споры съ третьими лицами представляются на судъ господина, за что онъ получаетъ часть той wite, которая при спорахъ между независимыми людьми идетъ королевскому шерифу. Когда-же, впослѣдствіи, полицейская организація установила отвѣтственность землевладѣльца за всѣхъ поселившихся на его землѣ, то соотвѣтственно этой полицейской обязанности, землевладѣлецъ получаетъ также разныя полицейскія права, именно арестовывать и вообще принимать мѣры пресѣченія (въ свою очередь, землевладѣлецъ, отвѣчая за зависимыхъ отъ него людей, заставлялъ ихъ подъискивать лицъ, которые-бы *ему* поручились за нихъ).

Санкціонированіемъ всего этого со стороны государства изъ домашняго imperium образуется jurisdiction землевладѣльца, которая при обычномъ ходѣ жизни и представляетъ собою для зависимаго человѣка *единственный дѣйствительный судъ*. По мѣрѣ усиленія могущества знати, къ землевладѣльцамъ, мало по малу, переходятъ и другія королевскія права, а со временъ Кнута даже право налагать наказанія за небольшія преступленія. Когда въ крупныхъ замкнутыхъ вотчинахъ спорадически еще попадались свободные аллодіальные крестьяне, то въ концѣ концевъ, не оставалось никакого другаго выхода, какъ путемъ особаго королевскаго пожалованія подчинить ихъ юрисдикціи землевладѣльца (Cod. dipl. № 902); иначе являлись большія практическія неудобства. И если принять во вниманіе, что крупные землевладѣльцы, благодаря своимъ вооруженнымъ дружинамъ, имѣли фактическую возможность поддерживать «миръ» въ ближайшемъ своемъ сосѣдствѣ, что вотчинная, полицейская и судебная власть ихъ съ каждымъ поколѣніемъ все возрастала и возрастала, то нельзя будетъ не усмотрѣть въ этомъ зародыша тѣхъ самостоятельныхъ, феодальныхъ владѣній, которыя покрыли поверхность континента какъ-бы сѣтью маленькихъ госу-

---

удержалось. Ср. Schmid, Glossarium, слова Gesith и Thegn. Maurer, Krit. Zeitschr. II. 60—62. 396—413. Lappenberg. I. 569—73. Въ заключеніе я могу вообще указать на достаточно извѣстныя воззрѣнія на этотъ предметъ народнаго германскаго права и на сопоставленія, находящіяся у Lappenberg I. стр. 601 и слѣд. Schmid, Glossarium и K. Maurer, Ueber das Wesen des ältesten deutschen Adels, München 1876. стр. 123—198.

дарствъ. Большіе господскіе округи, съ многочисленными господскими старостами занимаютъ равностепенное мѣсто съ *сотнями*. Что касается подчиненія администраціи графства, то по закону ей подлежатъ всѣ такіе вотчинные округи. Но въ виду подобной закругленной saca et soca, вмѣшательство шерифа въ дѣйствительности есть только исключеніе, королевскій резерватъ ***).

Такимъ-то образомъ различіе имущественное повело за собою *юридическое обособленіе сословій* ****), причемъ много тутъ есть схожаго съ образованіемъ сословій на континентѣ.

Первымъ сословіемъ являются *великіе таны*, т. е. обладатели большихъ вотчинъ и вооруженныхъ дружинъ. Судя по памятникамъ число ихъ, какъ оно, впрочемъ, и само собою понятно, не велико въ сравненіи съ числомъ позднѣйшихъ barones majores. Они обыкновенно имѣютъ собственную юрисдикцію—saca et soca, по объему компетенціи равную юрисдикціи суда сотни. Судя по одному указанію въ Chron. Eliense владѣніе 40 гуфами считалось minimum'омъ для такого великаго тана. De facto они занимаютъ высшія придворныя должности и изъ ихъ среды назначаются эальдормены. Они-же всегда являются во главѣ вооруженныхъ отрядовъ. Но что, все-таки, сословное положеніе великихъ тановъ не установилось окончательно видно изъ того, что по вирѣ они такіе-же twelfhyndemen, какъ и меньшіе таны, и бо́льшая вира берется за великаго тана только въ томъ случаѣ, если онъ занимаетъ мѣсто эальдормена или другую высокую должность.

Въ духовной іерархіи равное положеніе занимаютъ епископы и нѣкоторые болѣе значительные аббаты. Но выдвигаясь одновременно и саномъ и владѣніемъ, епископы относительно виры стоятъ на болѣе высокой ступени, нежели прочіе таны [1]).

***) Означеніи англосаксонской вотчинной власти ср. статью Цепфля, (Alterthümer des deutschen Reiches und Rechts, Bd. I. 1860 № V. стр. 170—211). Впрочемъ, аналогіями, которыя онъ устанавливаетъ съ континентальными порядками, нужно пользоваться осторожно. Ср. затѣмъ обсужденіе вопроса на основаніи источниковъ у K. Maurer'a II. стр. 49—56. Lappenberg I. 572. Schmid, Gloss. слово socn. Указанная выше тѣсная связь экономическаго и правоваго положенія зависимаго класса была такъ неизбѣжна, что даже грозный Кнутъ не могъ тутъ ничего измѣнить. Даже какъ разъ съ него начиная, королевскія верховныя права по отношенію къ господскимъ округамъ являются только въ качествѣ резервата. Cn. I. cap. 12.

****) Относительно англосаксонскихъ сословныхъ отношеній см. обширную монографію Sam. Heywood, Dissertation upon the distinction in society and ranks of the people under the Anglosaxon government, London 1818. 8. Ср. Hallam, Middle Ages. App. III. K. Maurer, Ueber das Wesen des ältesten deutschen Adels, München 1846. стр. 123—196. и Krit. Zeitschr. II. 415. 31. II. 30—68. 388 и слѣд. Kemble, Anglo-Saxons c. 7. (Служилое дворянство). Stubbs, Const. History I. c. 8.

[1]) Юридически т. е. относительно виры и другихъ пеней и штрафовъ положеніе великихъ тановъ ничѣмъ не возвышается надъ положеніемъ обыкновенныхъ

Средній классъ землевладѣнія (въ извѣстной степени вообще среднее сословіе того времени) представляютъ собою тысячи *обыкновенныхъ тановъ графствъ*, т. е. владѣльцы земельныхъ участковъ больше, чѣмъ въ 5 гуфовъ и несущіе военную службу министеріалы (twelf-hyndemen и six-hyndemen). Первые (въ качествѣ witan'овъ) составляютъ главный контингентъ собранія графства, а гдѣ они многочисленны, такъ и суда сотни. Исправленіе всѣхъ королевскихъ должностей танами составляетъ такое постоянное явленіе, что выраженіе танъ является синонимомъ для королевскаго чиновника, королевскаго воина и болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца. Въ духовной іерархіи къ этому классу причисляются ординированные священники, въ качествѣ «тановъ мессы» [2]), хотя впослѣдствіи вира за нихъ опредѣляется смотря по происхожденію. LL. Henr. I. c. 68.

тановъ. Точно также вотчинная власть ихъ, (soca et saca) надъ большими округами, за исключеніемъ случаевъ особыхъ пожалованій, ничѣмъ не отличается по судебной компетенціи отъ saca et soca обыкновеннаго тана въ предѣлахъ одного помѣстья. Точно также наслѣдственность эальдорменскаго достоинства (развѣ за исключеніемъ графства Честеръ) есть только фактическое преимущество, но не юридически признанное. Даже за семействомъ маіордома Годвина, жившимъ въ концѣ англосаксонскаго періода, нельзя признать наслѣдственности сана. Позднѣйшія смутныя времена, именно въ періодъ борьбы съ датчанами, были, какъ и всюду, благопріятны для усиленія аристократическаго элемента. Датская эпоха потому такъ мало оставила слѣдовъ въ устройствѣ страны, что она главнымъ образомъ ограничилась только частичною перемѣною въ личномъ составѣ танства и мѣстною колонизаціею.

[2]) О положеніи тановъ графства ср. Schmid, Glossar. стр. 664—68. Повидимому полная неясность вопроса разъясняется позднѣйшею организаціею войска, которое со временъ Альфреда состоитъ изъ 1) владѣльцевъ 5 гуфовъ какъ таковыхъ; 2) тяжело-вооруженныхъ министеріаловъ, состоящихъ на службѣ у короля или кого-нибудь изъ крупныхъ вотчинниковъ. Кромѣ того важно, что государственныя должности при дворѣ короля и знатныхъ вельможъ суть въ тоже время военныя должности. Такимъ образомъ танство есть смѣсь землевладѣнія, отправленія военной службы и исправленія должности. Многозначущее слово танъ также хорошо соотвѣтствуетъ всему этому какъ позднѣйшее слово Baro. Въ извѣстной степени оно обнимаетъ всѣ существовавшія въ то время отношенія къ государству. Между прочимъ становится понятнымъ прямое упоминаніе о танахъ безъ земли (Aethelstan VI. II. ср. In. 45. 51) и многократное упоминаніе въ Domesdaybook'ѣ о Thaini безъ земли или съ малымъ владѣніемъ. Объясняется затѣмъ также полуустановившаяся наслѣдственность танства, именно вполнѣ установившаяся, когда опирается на земельную собственность и только начинающая устанавливаться, когда имѣетъ источникомъ службу въ министеріалахъ. Что уже укрѣпилась идея о правящемъ классѣ видно изъ того, что ceorl, пріобрѣтая 5 гуфовъ, не сразу становится таномъ, а только тогда, „когда онъ имѣетъ церковь и кухню, колокольню и кресло у воротъ бурга и особую должность (sunder-note) во дворцѣ короля“ (Schmid, приб. V; о свѣтскихъ рангахъ, § 2). Съ другой стороны также въ отдѣлѣ о вирѣ гл. 2, владѣніе, повидимому, составляетъ необходимое условіе для взысканія виры: (§ 9) „И ежели кеорлъ достигаетъ того, что имѣетъ 5 hidae и несетъ за нихъ военную службу короля и его убиваютъ, то за него возмѣщается 2000 тримзъ (§ 10). „И ежели онъ того достигаетъ, что имѣетъ шлемъ и латы и выложенный золотомъ мечъ, (но) земли не имѣетъ, то все таки онъ кеорлъ (по тексту Ламбарда: „хотя онъ земли не

Третье сословіе образуютъ *мелкіе землевладѣльцы*, все еще составляющіе главный контингентъ судовъ сотни. Затѣмъ слѣдуетъ уже infra classem безземельные люди, отчасти находящіеся на господской службѣ, отчасти снимающіе господскую землю. Законъ о порукѣ ставитъ ихъ въ необходимость стать подъ защиту какого-нибудь тана или войти въ составъ десятка. Всѣ они хотя и liberi homines, но только въ *частномъ смыслѣ*, въ отличіе отъ крѣпостныхъ. Они хотя еще отправляютъ военную службу, но большею частью въ дружинѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Общая-же воинская повинность для мелкихъ владѣльцевъ существуетъ почти только по имени, къ ней прибѣгаютъ только въ случаяхъ большой нужды. Весь этотъ классъ обозначается въ позднѣйшія времена англосаксонскаго періода общимъ названіемъ ceorls. Такъ какъ обычная вира за нихъ равняется 200 шиллингамъ, то они называются twy-hyndemen. Характерно при этомъ для Англіи, что зависимость низшихъ классовъ отъ крупнаго землевладѣнія основывается, не такъ какъ во Франціи, на сеніоратѣ (т. е. на томъ, что за маленькаго человѣка несетъ военную службу крупное землевладѣніе), а на *полицейской* защитѣ Hlâford'омъ всѣхъ сидящихъ на его землѣ. Извѣстная небрежность въ военномъ дѣлѣ свойственная англосаксонскому періоду уже тогда болѣе выдвигаетъ на первый планъ полицейскую организацію, чѣмъ военную и кладетъ ее въ основу сословныхъ отношеній, такъ что англосаксонскіе аристократы скорѣе могутъ быть названы представителями полицейскаго главенства, чѣмъ seigneur'ами въ континентальномъ значеніи этого слова [3]).

имѣетъ, онъ sithcund"). Все это представляетъ собою переходныя и смѣшанныя формы, подобно тому какъ оно наблюдается и на континентѣ въ исторіи развитія низшаго дворянства. Прямое упоминаніе того, что таны въ свою очередь могли имѣть у себя на службѣ тановъ-же, встрѣчается въ отдѣлѣ о свѣтскихъ рангахъ (Schmid Anhang V. § 3.) Ср. Edg. II. 3; Aethelr. VIII. 8; Cn. I. a. E.; II. 32, § 1.

[3]) Положеніе свободныхъ кеорловъ только тѣмъ еще связывается съ политическою жизнью, что ceorl участвуетъ въ качествѣ судьи въ судѣ сотни. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ большинство кеорловъ становятся совершенно пассивными членами государства. Еще болѣе infra classem находятся безземельные, вэлы, вольноотпущенники, крѣпостные. „Зависимый классъ составляется изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: изъ свободныхъ людей, нанятыхъ для домашнихъ потребностей, услуженія и полевыхъ работъ; изъ арендаторовъ, снимающихъ чужую землю, наконецъ изъ наслѣдственныхъ лично-зависимыхъ людей, каковыми являются laeti и вольноотпущенные. Безземельные, бездомные, безсемейные всѣ должны были искать защиты какого-нибудь землевладѣльца, который ручался-бы за ихъ появленіе предъ судомъ, за что они обязывались добровольною службою и въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти полнымъ подчиненіемъ юрисдикціи его" (Stubbs, Const. Hist. I. 80). Все третье сословіе англосаксонской эпохи къ концу этого періода почти исчезаетъ въ политическомъ смыслѣ. Но совершенно несправедливо отрицаютъ многіе частную свободу ceorl'овъ. Кембль сильно ошибается, разсматривая всякую частную зависимость какъ „несвободу". За

Всѣ эти сословныя градаціи отчасти обусловливаются земельнымъ владѣніемъ, отчасти исправленіемъ извѣстныхъ должностей. Владѣніе, конечно, переходитъ по наслѣдству и такимъ образомъ съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе усиливается наслѣдственный характеръ высшаго сословія. Крупныя должности и прелатуры не наслѣдственны; но de facto онѣ обыковенно переходятъ къ наслѣдникамъ тѣхъ великихъ тановъ, которые занимали эти должности. Еще болѣе многочисленнымъ наслѣдственнымъ классомъ являются меньшіе таны, какъ при посредствѣ владѣнія, такъ и благодаря тому, что сыновья ихъ тоже вступаютъ въ служилыя отношенія; сыновья получаютъ такимъ образомъ «танское право» раньше вступленія во владѣніе отцовскимъ состояніемъ. Всего-же сильнѣе наслѣдственный характеръ прививается ceorl'амъ въ ихъ низкомъ, почти презрѣнномъ общественномъ положеніи. Въ противоположность ceorl'амъ высшіе, политически-вліятельные классы называются въ совокупности «eorls». Появляются также выраженія, указывающія на наслѣдственность, въ родѣ ceorliscman, ceorlborn, thegenborn, ethelborn.

Впрочемъ, на всѣ эти сословныя отношенія существовали двѣ точки зрѣнія. Болѣе древняя разсматриваетъ еще какъ основу государственнаго быта просто свободнаго человѣка и на высшій классъ смотритъ только какъ на болѣе почетное сословіе. Но со временъ Канута настоящимъ «liberalis homo» является уже танъ, въ противоположность чему ceorl обозначается какъ illiberalis (L. L. Cnuti III. 21. 25), при чемъ однакоже у кеорла не оспаривается свобода въ частномъ, неполитическомъ смыслѣ. Вотъ почему мы видимъ, что мѣстами танъ является только liberalior чѣмъ liberalis homo. И въ этомъ несомнѣнно заключается свѣтлая сторона англосаксонской государственной жизни. Прежде всего, церковь была открыта для всѣхъ классовъ, всѣмъ давала закономѣрную возможность достигнуть высшихъ званій. Но и свѣтское государство даетъ низшимъ классамъ доступъ къ возвышенію. Такъ по закону наслѣдственный кнехтъ могъ быть отпущенъ на волю. Вэлъ становится таномъ, когда пріобрѣтаетъ 5 гуфовъ. Кеорлъ получаетъ танство, когда пріобрѣтаетъ 5 гуфовъ и т. д. Точно также и купецъ долженъ считаться таномъ, если онъ три раза ѣздилъ за море. Если король пожалуетъ простаго тана высокою должностью (и само собою разумѣется еще скорѣе въ томъ случаѣ, если ему дарили большое помѣстье) онъ можетъ возвыситься до королевскаго тана и графа. Какъ и при дворѣ Каролинговъ придворныя должности были ближайшимъ путемъ для уравниванія старыхъ родовъ съ новыми. Имѣя въ виду такое уравниваніе законы говорятъ: «да будетъ поощреніемъ къ честному и хорошему образу дѣйствій то, что чрезъ милость Божью крѣпостной

рабъ можетъ стать таномъ, ceorl—eorl'омъ, также какъ пѣвчій священникомъ, а писецъ епископомъ».

Всѣ выше намѣченные элементы и ихъ градація по юридически узаконеннымъ классамъ (сословіямъ) въ своей совокупности обусловливаютъ ту долю участія, которую принимаетъ народъ въ проявленіи общей воли, т. е. обусловливаетъ *политическое устройство* англосаксонскаго періода. Нужно при этомъ добавить, что народное представительство проходитъ у англосоксовъ тѣже стадіи развитія, по которымъ на континентѣ первоначальныя *народныя собранія германцевъ* перешли въ *собранія оптиматовъ* *).

1. Древнѣйшій видъ *народнаго собранія* вытекаетъ изъ того основнаго германскаго представленія о правѣ и судѣ, по которому долгимъ временемъ установившееся обычное право, (т. е. обычный ходъ гражданскаго и уголовнаго процесса) какъ прирожденное право свободнаго человѣка не можетъ быть измѣнено простымъ распоряже-

---

ceorl'а платится самостоятельная вира, онъ носитъ оружіе, имѣетъ право пріобрѣтать землю въ собственность и пріобрѣвши 5 гуфовъ можетъ стать членомъ высшаго сословія. Правда, что впослѣдствіи большинство трудящагося класса de facto прикрѣпляется къ землѣ, на которой поселились, но этимъ еще не устанавливается частная „несвобода". Нельзя впрочемъ отрицать, что слово ceorl получаетъ нѣсколько презрительное значеніе.

*) По свидѣтельству Тацита было у германцевъ такое время, когда всѣ свободные люди несли однѣ и тѣже военныя и судебныя повинности и потому всѣ принимали одинаковое участіе въ обсужденіи общихъ дѣлъ. У небольшихъ племенъ большія судебныя собранія совпадали съ этимъ обсужденіемъ общихъ дѣлъ. Но все это должно было измѣниться, когда небольшія племена соединились въ болѣе крупное цѣлое, что происходитъ довольно рано подъ вліяніемъ необходимости вести общую войну или общими силами защищать страну. Большимъ военнымъ предпріятіямъ эпохи переселенія народовъ, основаннымъ на общемъ боевомъ планѣ, должны были предшествовать многочисленныя соглашенія отдѣльныхъ племенъ. Повидимому, большею частью эти соглашенія состояли въ томъ, что выбирался общій военоначальникъ и устанавливалось совѣщательное собраніе вождей отдѣльныхъ племенъ. Соединеніе всѣхъ отдѣльныхъ племенъ въ одно общее собраніе было невозможно уже вслѣдствіе территоріальныхъ условій и притомъ предполагало уже такое тѣсное единеніе, къ которому никто и не стремился. И дѣйствительно существуетъ всего только одно достовѣрное свидѣтельство о такомъ общемъ парламентѣ у саксовъ континента. На него явилось 36 пословъ (по 12 изъ Остфаліи, Энгерна и Вестфаліи. Ex vita S. Lebuini auctore Hucboldo Elnonensi Pertz II. 361). У англосаксовъ подобное республиканское собраніе делегатовъ уже съ самого начала не могло образоваться. Ихъ завоевательныя экспедиціи съ самаго начала обусловливали прочное положеніе маленькихъ вождей. Отсюда раннее возникновеніе наслѣдственныхъ герцогствъ, образовавшихся на мѣстѣ поселенія того или другаго племени, которыя послѣ безконечныхъ междоусобій подчиняются болѣе крупнымъ королямъ, а со временъ Эгберта (821) и Эдварда Старшаго одному королю. При Эдвардѣ, однакоже, продолжаютъ еще собираться отдѣльные земскіе сеймы прежде самостоятельныхъ государствъ. Съ достовѣрностью о періодическомъ сборѣ общаго для всего государства парламента изъ optimates можно говорить только начиная съ временъ Эдуарда Старшаго. Если тутъ съ чѣмъ можно установить аналогію, такъ это съ монархіею Карла Великаго.

ніемъ власти. Въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ находится и судебная организація: такъ какъ приговоръ постановляется свободными людьми изъ народа, то никакая внѣшняя сила не можетъ принудить судей отступить отъ установившихся правовыхъ обычаевъ. Должно поэтому послѣдовать измѣненіе всей «lex terrae», (народнаго права), чтобы заставить судей принять новое право. А при такомъ измѣненіи роль власти, по германскому представленію, можетъ состоять только въ томъ, чтобы она стояла во главѣ рѣшающаго собранія. Но эти первоначальныя основы видоизмѣняются:

2. *Вліяніемъ землевладѣнія* вскорѣ послѣ того, какъ отдѣльныя племена прочно осѣли. Мало по малу правильное отправленіе военной службы и постановленіе судебныхъ приговоровъ концентрируются въ рукахъ средняго и высшаго класса землевладѣльцевъ, которые и образуютъ *болѣе тѣсный* кругъ изъ boni, probi, legales homines (witan), какъ ихъ называетъ техническая латынь. А простые свободные люди отступаютъ на задній планъ, составляютъ теперь только «обстановку». Интересъ къ общественнымъ дѣламъ обусловливается участіемъ, которое въ нихъ принимаешь. Вотъ отчего онъ и ослабѣваетъ у маленькихъ людей. Вскорѣ послѣ переселенія народовъ народныя собранія даже у незначительныхъ племенъ всюду, главнымъ образомъ, являются собраніями boni homines. Не то чтобы народныя собранія *только* изъ boni homines и состояли, но они-то собственно даютъ направленіе всему.

3. *Съ соединеніемъ отдѣльныхъ племенъ* (civitates) *въ болѣе крупные государственные организмы прекращаются вообще всенародныя собранія.* Подобныя собранія становятся при большой территоріи невозможными уже изъ-за тогдашнихъ очень дорогихъ способовъ передвиженія. Поэтому даже представительство народа boni homines'ами сокращается на представительство еще болѣе тѣснымъ кругомъ meliores seu optimates terrae, т. е. самыхъ выдающихся представителей военнаго дѣла, суда и церкви. Рука объ руку съ возрастающимъ такимъ образомъ могуществомъ земельнаго владѣнія идетъ возникновеніе наслѣдственной королевской власти, которая и становится во главѣ этого consilium optimatum.

4. *Королевская власть* вслѣдствіе всего этого получаетъ право не только назначать время и мѣсто собранія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *лично приглашать* meliores terrae, при чомъ она принимаетъ во вниманіе уваженіе, которымъ то или другое лице пользуется и значеніе того совѣта, которое оно можетъ подать при обсужденіи военныхъ, судебныхъ или церковныхъ дѣлъ, нуждающихся въ содѣйствіи всѣхъ вліятельныхъ элементовъ страны. На-

родное собраніе превращается, такимъ образомъ, въ consilium regis, король въ—«arbiter» для приглашаемыхъ лицъ, причемъ, однакоже, желаніе достичь какихъ-нибудь практическихъ результатовъ, кладетъ существенную преграду произволу и дѣлаетъ невозможнымъ неприглашеніе такихъ лицъ, которыхъ въ силу вещей пригласить слѣдуетъ.

Установился обычай, что кромѣ спеціально приглашенныхъ лицъ принимали участіе и ближайшіе жители, при созывѣ войска—созванные воины, при коронаціонныхъ и вообще придворныхъ празднествахъ—еще болѣе обширный кругъ лицъ, но не въ качествѣ полноправныхъ членовъ consilium'а, а какъ «обстановка». Только въ тѣхъ случаяхъ, когда прекращается царствующій родъ, когда на престолъ всходитъ человѣкъ неспособный или узурпаторъ, снова оживляется духъ всенароднаго обсужденія, и снова всѣ принимаютъ участіе въ рѣшеніи судебъ страны.

Всѣ эти стадіи пережили и folkmotes англосаксовъ.

Послѣ соединенія отдѣльныхъ племенъ въ болѣе или менѣе крупныя королевства вокругъ короля собираются *земскіе сеймы* (concilia). Правда, въ такихъ маленькихъ королевствахъ, какъ Кентъ, судебныя собранія совпадали съ всенародными. Но въ болѣе значительныхъ королевствахъ земскіе сеймы могли обнимать собою только тѣсный кругъ изъ meliores terrae. Въ еще болѣе сильной степени это должно было имѣть мѣсто послѣ того, какъ такъ называемая гептархія превратилась въ одно государство. Теперь уже на долю короля выпадаетъ не только опредѣленіе мѣста, но и личный призывъ optimates terrae, *соотвѣтственно цѣли совѣщанія съ ними*, т. е. съ каждымъ общественнымъ классомъ по его спеціальности.

О дѣлахъ *военной* организаціи и военныхъ предпріятій слѣдовало совѣщаться съ военноначальниками. Но военное начальствованіе находилось въ рукахъ великихъ тановъ, составляющихъ, благодаря многочисленнымъ вооруженнымъ дружинамъ своимъ, активную силу арміи. Еще болѣе важное значеніе въ военномъ дѣлѣ имѣютъ *назначенные* королемъ изъ числа великихъ тановъ эальдормены. Вотъ почему къ совѣщанію о военныхъ дѣлахъ должны привлекаться эальдормены, великіе таны и тѣ изъ обыкновенныхъ тановъ, которые имѣютъ боевую опытность.

Обо всемъ, касающемся измѣненій и дополненій въ дѣйствующемъ *правѣ* и *судебной организаціи* слѣдовало совѣщаться съ тѣми, которые стоятъ во главѣ судебнаго дѣла, и обыкновенно руководятъ имъ. Такими руководителями опять являются назначаемые королемъ эальдормены. Кромѣ нихъ ширгерефы, и затѣмъ также великіе таны, какъ имѣющіе вотчинную юрисдикцію надъ

зависимыми отъ нихъ людьми. Такъ какъ военная организація съ теченіемъ времени теряетъ свое опредѣляющее для государственнаго устройства значеніе и это значеніе пріобрѣтаетъ организація судебная, то обозначеніе witan (знающій право) становится вслѣдствіе этого обычнымъ названіемъ для членовъ земскаго сейма.

О церковныхъ дѣлахъ слѣдовало совѣщаться съ тѣми, которые руководятъ вѣрою и спасеніемъ души. Такими руководителями являются назначенные королемъ епископы, а послѣ того какъ приходятъ въ цвѣтущее состояніе большіе монастыри, и нѣкоторые изъ аббатовъ. Крупныя богатства и безъ того приравниваютъ прелатовъ великимъ танамъ, а съ присоединеніемъ къ этому еще и духовнаго сана даютъ имъ первенствующее мѣсто. По своей организаціи церковь болѣе зависитъ отъ земскихъ сеймовъ, чѣмъ отъ отдѣльныхъ собраній графствъ; въ земскомъ сеймѣ концентрируется духовное вліяніе, здѣсь устанавливается связь между свѣтскимъ и духовнымъ государствомъ. И дѣйствительно вліяніе духовенства ясно чувствуется въ тѣхъ постановленіяхъ, гдѣ дѣло идетъ о смягченіи сословныхъ подраздѣленій. Духовныя-же дѣла большею частью обсуждаются исключительно прелатами **).

Всѣ эти предположенія, вытекающія изъ существа вещей, подтверждаются свѣдѣніями объ англосаксонскихъ земскихъ сеймахъ, имѣющимися со временъ Эдуарда Старшаго въ большомъ количествѣ. «Witenagemotes» составляются изъ вліятельныхъ элементовъ военной, судебной и церковной организаціи. Они собираются отъ времени до времени, чтобы разрѣшать столкновенія между различ-

---

**) Свѣдѣнія о 147 witenagemotes (съ 698 г. по 1066) собраны у Кембля т. I. стр. 207—280. Названіе witenagemotes здѣсь условное. Въ памятникахъ они называются какъ и всѣ англосаксонскія судебныя собранія gemotes— commune concilium, curia magna, assisa generalis, placitum omnium liberorum et hominum etc.

Предметомъ совѣщанія, судя по дошедшимъ до насъ англосаксонскимъ законамъ, были: рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, постановленія по вопросамъ судебнымъ, но главнѣе всего заботы о сохраненіи мира, слѣд. полицейскія распоряженія. Въ сторонѣ стоятъ церковныя дѣла. Дошедшія до насъ постановленія земскихъ сеймовъ составляютъ, конечно, только часть того, что имѣло значеніе для того времени. Текущими дѣлами были: разрѣшеніе споровъ между могущественными танами и прелатами, аппелляціонныя жалобы всякаго рода и, главнѣе всего, жалобы на отказъ въ правосудіи. Witenagemote является не столько аппеляціоннымъ судомъ, сколько судомъ для тѣхъ, которые не могутъ добиться справедливости въ графствѣ.

Рѣшающая сила земскихъ сеймовъ выражается въ слогѣ постановленій: (Ina) per commune concilium et assensum omnium episcoporum et principum, comitum et omnium sapientum et populorum totius regni.—Edgardus rex consilio sapientum, — sapientes consilio regis Athelstani instituerunt, rex Edmundus et episcopi sui cum sapientibus constituerunt etc. При заключеніи договоровъ, призывѣ милиціи, церковныхъ распоряженіяхъ, а чаще всего при аллодофикаціи фольканда всегда прямо говорится о согласіи сейма.

ными элементами общественной жизни, чтобы совокупными силами обсудить различныя мѣры для настоящаго и будущаго. Приглашеніе на сеймъ происходитъ чрезъ *призывныя письма* (writ). Такъ какъ не было признаннаго главнаго города, который считался-бы исконнымъ пребываніемъ земскаго сейма, то всякій разъ мѣсто собранія особо назначается, смотря по времени и обстоятельствамъ, такъ что уже по одному этому всякій разъ должны были дѣлаться спеціальныя приглашенія. Такъ какъ всякое выдающееся положеніе обусловливается въ англосаксонской жизни владѣніемъ (съ тою только разницею, что въ свѣтской организаціи владѣніе ведетъ къ полученію должности, а въ духовной—должность къ владѣнію), то земскіе сеймы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и представительство землевладѣнія, но не землевладѣнія какъ таковаго, а землевладѣнія, *несущаго повинности для общаго блага*, землевладѣнія на сколько оно помогаетъ государству выполнить свою задачу. Но именно потому-то нѣтъ ни малѣйшаго слѣда *выборности* членовъ сейма, ея нѣтъ, потому что ни въ военной, ни въ судебной, ни въ церковной организаціи англосаксонскаго періода нѣтъ примѣненія выборнаго начала въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ также слѣдовъ особаго представительства отъ *городовъ*, такъ какъ они ни для суда, ни для войска, ни для церкви не имѣютъ самостоятельнаго значенія и въ административномъ отношеніи сливаются въ одно съ графствомъ. Точно также нѣтъ и слѣдовъ представительства *вотчинной власти*. Это оттого, что хотя крупные таны фактически въ милиціи образуютъ свои собственные отдѣлы, а въ судебной имѣютъ свой собственный вотчинный судъ, но de jure все таки военная и судебная повинности все еще лежатъ на каждомъ отдѣльномъ подданномъ.

Оттого также нѣтъ слѣдовъ юридически признаннаго *наслѣдственнаго дворянства*, хотя, конечно, фактическая наслѣдственность владѣнія и вліянія вполнѣ устанавливаютъ въ общественномъ сознаніи понятіе о высшемъ наслѣдственномъ сословіи ***).

***) О составѣ witenagemote'а даютъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія сохранившіяся подъ сеймовыми постановленіями подписи. Онѣ обыкновенно начинаются именами членовъ королевской фамиліи и епископовъ. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторые principes, duces и придворные чины, т. е. ealdormen и другіе великіе таны. Далѣе до 30, 40 и болѣе milites т. е. таны, получившіе особыя приглашенія. Наибольшее число подписей, до сихъ поръ найденное есть 106; довольно часто цифры колеблются между 90 и 100; но часто и меньше—до двадцати и менѣе. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что для надобностей большихъ частей государства (прежде составлявшихъ самостоятельныя королевства) очень часто отдѣльно собирались спеціальные сеймы. Какъ и на собраніяхъ графствъ здѣсь имѣлись свои „окружающіе“ своя „обстановка“. Люди того графства, гдѣ собирался сеймъ, большею частью присутствовали на немъ, а кромѣ того крупные сановники и землевладѣльцы приводили съ собою свиту изъ тановъ, священниковъ и другихъ. Однакоже,

Неясность всѣхъ этихъ отношеній и смѣшеніе съ позднѣйшими учрежденіями придали представленію объ англосаксонскомъ витенагемотѣ совсѣмъ не тотъ характеръ, который онъ имѣлъ въ дѣйствительности. На него смотрятъ то какъ на палату лордовъ, то какъ на палату общинъ, но во всякомъ случаѣ какъ на собраніе законодательное и устанавливающее подати. Въ дѣйствительности оно не было ни палатой лордовъ, ни палатой общинъ, а также и не утверждающимъ подати собраніемъ *позднѣйшаго* типа. Витенагемотъ былъ скорѣе всего **consilium regis**, составленный изъ вліятельныхъ элементовъ войска, суда и церкви. Но несомнѣнно, что великіе таны получаютъ въ этихъ собраніяхъ рѣшительный перевѣсъ, который и принуждаетъ болѣе слабыхъ королей совѣтоваться съ великими танами при замѣщеніи значительныхъ должностей и постановленіи важныхъ мѣропріятій. Перевѣсъ этотъ все ярче и ярче выступаетъ наружу по мѣрѣ того какъ упадокъ общенародной милиціи сосредоточиваетъ силу оружія въ рукахъ великихъ тановъ и опытныхъ служилыхъ людей. Противовѣсъ церкви впослѣдствіи теряетъ свое значеніе. Въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ датчане обратились въ христіанство, прелатуры все больше и больше переходятъ къ членамъ тѣхъ-же знатныхъ родовъ, которые въ свѣтскомъ государствѣ занимаютъ доминирующее положеніе въ качествѣ великихъ тановъ. Взгляды и способъ назначенія все болѣе и болѣе становятся общими обоимъ элементамъ. Въ безцѣльномъ замѣшательствѣ государственной жизни при Аэтельредѣ ярко выразился аристократическій характеръ государственной жизни. При Кнутѣ это совершившійся фактъ. При Эдвардѣ Исповѣдникѣ королевская власть совершенно призрачна.

предъ перевѣсомъ епископовъ и королевскихъ тановъ умолкали голоса простыхъ свободныхъ людей и людей свиты. Только при провозглашеніи новаго короля выраженію удовольствія или неудовольствія „окружающихъ“, по традиціямъ старыхъ временъ, еще придается значеніе. Выборное начало имѣетъ примѣненіе только въ низшихъ областяхъ общественнаго управленія. Относительно-же всѣхъ значительныхъ должностей, съ одной стороны и самыя потребности военной, судебной и церковной организаціи большаго государственнаго тѣла обусловливаетъ собою королевское назначеніе, а съ другой проявляется дѣйствіе соціальнаго закона, по которому перевѣсъ землевладѣнія ослабляется тѣмъ, что назначеніе на важныя должности производится королемъ. Безъ этого аристократія, опираясь на имущественную силу свою, захватила-бы въ свои руки, какъ на континентѣ, и всѣ должности. Документально справедливы слова Пэльгрева (т. I. стр. 118): „Должно подвергнуть сомнѣнію, существовали-ли когда-либо у Англосаксовъ народные выборы въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Тщательно искалъ я въ старыхъ памятникахъ англосаксонскаго періода какихъ-либо слѣдовъ выборнаго начала. Когда я впервые приступилъ къ занятіямъ нашей конституціонной исторіей, я былъ твердо убѣжденъ, что всѣ ограниченія выборнаго права составляютъ узурпацію. Но всякій годъ моихъ изслѣдованій все болѣе и болѣе опровергалъ этотъ взглядъ“ и т. д.

§ 6.

Упадокъ и паденіе англосаксонскаго государства.

Государство и церковь должны соединять то, что раздѣляетъ общество. Значеніе извѣстной государственной организаціи слѣдуетъ поэтому оцѣнивать по той *розни и противоположности* интересовъ, которую она смогла побѣдить. Въ Англіи эта рознь была менѣе рѣзка, чѣмъ та съ которой пришлось вступить Германцамъ въ борьбу на опасной почвѣ римскихъ провинцій. Но все таки англамъ, саксамъ и ютамъ пришлось натолкнуться въ Британіи на весьма значительную *національную, соціальную и церковную* рознь, которую въ концѣ концевъ они побороть не могли.

I. Національная рознь прежде всего заключалась въ отношеніяхъ къ *кельто-британскому* элементу. Варварскій способъ веденія войны первыхъ временъ завоеванія частью совершенно истребилъ романизированныхъ британовъ, частью прогналъ и вытѣснилъ ихъ изъ страны, но частью и оставилъ. Высокомѣріе побѣдителей доходитъ до того, что даетъ этимъ уцѣлѣвшимъ остаткамъ прежнихъ обладателей страны названіе «Waelen» (чужіе). Образованіе англійскаго языка, въ которомъ многія слова, касающіяся домашняго хозяйства и жизни женщины—старобритскаго происхожденія, показываетъ, что англосаксы брали себѣ и туземныхъ женъ, не стараясь при этомъ уничтожить ихъ болѣе устойчивыя національныя особенности. Часть британовъ была удержана въ качествѣ холоповъ. Тамъ гдѣ завоеватели могли заселить только часть территоріи, многіе бриты-землевладѣльцы остались собственниками своихъ участковъ, или-же получали землю въ пользованіе. Присоединеніе британскихъ частей страны послѣ принятія христіанства совершалось при лучшихъ для британовъ условіяхъ. Въ позднѣйшія времена даже повышается сословное положеніе вэловъ, если они владѣютъ 5 гуфами. Христіанство и совмѣстная жизнь въ теченіи столѣтій побѣдили національную рознь. Но все таки слѣдствіемъ этого смѣшенія было то, что въ большой территоріи Мерсіи германская національность не могла такъ равномѣрно и прочно провести свою государственную организацію.

Менѣе значительна, но все таки не безъ вліянія, была рознь между *отдѣльными племенами* завоевателей—германцевъ. Англы, саксы и юты хотя и мало отличались, первоначально, другъ отъ друга языкомъ, обычаями и правовыми понятіями, но послѣ образованія небольшихъ, отдѣльныхъ государствъ отношенія между ними обострились. Больше двухъ столѣтій такъ называемая гептархія представляетъ собою картину безпрерывной борьбы. Не меньше какъ

о ста сраженіяхъ и походахъ говорятъ хронисты. Слѣдствіемъ всего этого было то, что менѣе воинственныя маленькія королевства подчинились тремъ болѣе значительнымъ и болѣе воинственнымъ. Очень важно, что уже къ концу 7 столѣтія большая часть англо-саксонской церкви соединилась подъ властью архіепископа Теодора. Послѣ того, какъ церковное объединеніе подготовило, такимъ образомъ, объединеніе политическое, оно дѣйствительно и совершилось въ 827, когда страна до Гумбера признала верховную власть Эгберта. Общее несчастіе датскаго нашествія и общее спасеніе страны Альфредомъ закончили сліяніе всѣхъ отдѣльныхъ племенъ. Блестящее царствованіе Ательстана показываетъ намъ, что старая племенная рознь дѣйствительно исчезла. При Эдвардѣ Старшемъ удается даже осуществить общее соединеніе прежде отдѣльныхъ земскихъ сеймовъ.

Но къ этому времени возникаетъ новая національная рознь, именно благодаря вторженію *датскихъ и норвежскихъ морскихъ разбойниковъ*, которые, каждый разъ все бо̀льшими и бо̀льшими полчищами, страшно опустошаютъ Англію, а около 878 года становятся даже господами страны. Правда, южная часть государства собирается съ силами и подъ предводительствомъ Альфреда оказываетъ побѣдоносное сопротивленіе. Но, все таки, дорого достающійся миръ между Альфредомъ и Гутруномъ ведетъ къ *раздѣленію государства*, причемъ датчане получаютъ Норфолькъ, Суффолькъ, Кэмбриджъ, Эли, часть Бедфорда, а также значительную часть Мерсіи, подчиненной Вессексу. Сравнительно незначительное число датскихъ воиновъ старается создать себѣ стратегическую опору въ «пяти датскихъ бургахъ»—Линкольнѣ, Нотингамѣ, Дэрби, Лейчестерѣ, Стамфордѣ, (къ нимъ иногда также причисляются Іоркъ и Честеръ). Въ другихъ мѣстностяхъ отдѣльные пришлецы завладѣвали большими имѣніями. Какъ и всегда, главнымъ образомъ, завоеваніе коснулось *владѣющаго* класса. Но въ общемъ, все-таки, первое поселеніе датчанъ было настолько мало устойчиво, что до смерти Эдгара династія Цердика снова получаетъ господство надъ доставшейся датчанамъ частью страны. Вліяніе мирнаго заселенія, браки, и больше всего вліяніе церкви почти повсемѣстно ассимилировали, въ этотъ періодъ наивысшаго развитія англосаксонскаго государства, датскій элементъ. Независимый союзъ датскихъ городовъ послѣ подчиненія Лейчестера и Іорка распался (918 г.).

Но при Аэтельредѣ Безпомощномъ наступаетъ *второй періодъ* наводненія государства болѣе многочисленными *датскими дружинами*, которыя по своему значенію и нравамъ стоятъ выше дикихъ датскихъ полчищъ первой эпохи ихъ набѣговъ на Англію. Результатомъ ожесточенной борьбы съ датчанами является раздѣленіе государства въ 1016 году между Эдмундомъ Желѣзнымъ Бокомъ и Кну-

томъ, по которому сѣверная часть государства была предоставлена датчанамъ. Послѣ убіенія Эдмунда и южная часть подчиняется могущественному королю датчанъ, подчиняется, впрочемъ, не какъ завоевателю, а какъ «выбранному» витанами верховному главѣ всего государства. Четверть-вѣковое царствованіе этой датской династіи имѣло весьма важныя послѣдствія. Хотя общее число сѣверныхъ пришлецовъ составляло едва десятую часть всего населенія, но все-таки въ господствующій классъ была внесена глубокая рознь, тѣмъ болѣе значительная, что Кнутъ счелъ возможнымъ утвердить свое могущество только убійствомъ, изгнаніемъ и притѣсненіемъ старыхъ, народомъ любимыхъ родовъ. Съ этихъ поръ большія собранія витановъ государства являютъ собою странную смѣсь датскихъ великихъ тановъ и англосаксонскихъ вельможъ и прелатовъ, взаимное настроеніе которыхъ хотя и не передается лаконическою исторіографіею того времени, но легко можетъ быть выведено изъ хода дѣлъ. Менѣе всего эта рознь разъѣдала старую родину Вессекской династіи. Но огромная Мерсія, въ которой и безъ того издавна жило смѣшанное населеніе, благодаря англодатскому танству стала такою частью государства, на которую нельзя было разсчитывать въ случаѣ серьезной опасности для страны. Всего менѣе надежны были сѣверныя мѣстности, въ которыхъ, почти лишенная какого-либо основнаго характера, смѣсь разныхъ племенъ вводила честолюбивыхъ намѣстниковъ въ искушеніе объявить себя независимыми. При Эдуардѣ Исповѣдникѣ преобладаніе датскаго элемента (соединенное съ борьбою противъ іерархическаго направленія въ церкви) проявляется въ семействѣ эарла Годвина, которое завладѣвъ большими намѣстничествами сдѣлало королевскую власть почти призрачною [1]).

---

[1]) Національная рознь прежде всего проявляется въ борьбѣ изъ за дальнѣйшаго существованія британско-кельтскаго національнаго элемента (Lappenberg I. 122 и сл. 104 и слѣд.). Статистически опредѣлить силу кельтскаго элемента нѣтъ никакой возможности. Но изъ анализа языка, въ которомъ Whitaker насчитываетъ до 3000 словъ британскаго происхожденія, ясно слѣдуетъ, что многочисленныя гэльскія слова для обозначенія предметовъ и понятій домашней жизни указываютъ на браки съ британскими женщинами или имѣніе въ домѣ британской прислуги. Болѣе всего смѣшеніе съ кельтскимъ элементомъ имѣло мѣсто въ графствахъ, лежащихъ ближе къ Валисской границѣ. Преобладаніе кельтскаго элемента замѣчается въ графствахъ, присоединенныхъ только при Альфредѣ Великомъ—Дорестѣ, Сомерсетѣ, Уильтеѣ, Дэвонѣ, а также Кумберлэндѣ.

О племенной розни Англовъ, Саксовъ и Ютовъ обстоятельно говоритъ Lappenberg. I. 85—103. По англосаксонскимъ законамъ почти невозможно прослѣдить ее.

Племенная рознь между Англосаксами и Датчанами въ договорѣ между Эдуардомъ и Гутруномъ проявляется еще не особенно замѣтно. Edw. et. G. 3. 6—9. Во времена Кнута штрафъ за замедленіе trinoda necessitas различенъ, смотря по національности провинившагося. Cn. II. 65. Это же повторяется въ случаяхъ отказа въ правосудіи Cn. II. 15. § 1, и за Hâmsôcn. Cn. II. 62. Различіе въ правахъ той и другой національности существуетъ относи-

Рознь національностей была вредна какъ династіи, такъ и государству, потому что перекрещивалась еще другою рознью, именно:

II. Соціальною рознью сословій, уже много столѣтій разъѣдавшей основы англосаксонскаго государства. Въ нѣкоторыхъ частяхъ страны уже съ самаго начала элементъ свободнаго землепашества былъ очень слабо развитъ. Во времена гептархіи, съ ея постоянными войнами отдѣльныхъ королевствъ между собой, какъ военная такъ и судебная организаціи сильно понизили соціальный уровень мелкихъ землевладѣльцевъ. Во времена Эгберта значительная часть страны уже подраздѣлена только на помѣстья и господскія владѣнія. Страшныя бѣдствія, причиненныя странѣ обѣими эпохами датскаго нашествія, повели за собою, почти полное уничтоженіе уцѣлѣвшаго мелкаго свободнаго землевладѣнія, результатомъ чего и можно прослѣдить по законамъ Кнута и вотчиннымъ пожалованіямъ. Сознаніе своей свободы, сознаніе собственнаго достоинства и боевая способность англосаксонскаго ceorl—все это съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе падаетъ, не смотря на защиту со стороны королевской власти. Даже счастливый періодъ единоймонархіи только задержалъ на время этотъ процессъ разложенія народной

тельно королевскихъ привиллегій. Сп. II. 15, при освобожденіи отъ обвиненія въ измѣнѣ королю. Athlr. VI. 37, при порукѣ за воровство Wilh. I. 3. § 3; I. 21. § 2. Уже въ первый періодъ датскаго владычества Эдгаръ гарантировалъ Датчанамъ сохраненіе ихъ спеціальнаго права. Edg. IV. 12—13. Въ еще большей степени эта обособленность имѣла мѣсто во второй періодъ датскаго владычества, именно въ царствованіе Кнута, когда существовало особое „датское право“ (Danelage), отличное отъ особаго права, которымъ пользовались нѣкоторыя провинціи, именно отъ West-Sexenalage и Merchenalage. Впрочемъ, коренной разницы всей системы частнаго права здѣсь не было. Оно и понятно, въ виду того, что существовало вѣдь племенное родство между пришельцами изъ скандинавской земли и Англами и Ютами. Въ новѣйшее время вопросъ этотъ сталъ предметомъ тенденціознаго спора, при чемъ пытались доказать, что причину германскаго склада Англіи слѣдуетъ искать не въ Англахъ и Саксахъ (когда-то обитателей Шлезвигъ-Голштейна) но въ датчанахъ изъ Даніи: E. I. H. Worsaae, An Account of the Danes and Norwegians in England. 1852. „Сѣверные люди“, съ 8 по 11 столѣтіе тревожащіе миръ и спокойствіе Европы, суть представители великаго тевтонскаго племени въ его совокупности, которые изъ Норвегіи, Даніи и Швеціи напускаются на Европу. Англосаксонское населеніе звало ихъ „датчанами“ по наиболѣе близкому отъ Англіи побережью, не справляясь при этомъ о тѣхъ болѣе отдаленныхъ странахъ, изъ которыхъ пришли „датчане“. И если всѣ словообразованія и слоги, которые въ собственныхъ именахъ и названіяхъ мѣстностей въ такой-же степени англскіе какъ и датскіе, превращать въ признаки датскаго происхожденія, то, конечно, можно сдѣлать половину Англіи датскою, а англосаксонскій элементъ свести на роль второстепеннаго фактора. Ср. напротивъ того Donaldson, English Ethnography, Cambridge Essays 1856. Дѣйствительно преобладаетъ датскій элементъ въ Норфолькѣ и Суффолькѣ и по побережью между Гумберомъ и Forth'омъ. Сѣверъ и Сѣверозападъ былъ приблизительно равномѣрно распредѣленъ между обѣими національностями. Исчисленіе общаго числа оставшихся „Сѣверныхъ людей“ въ 200,000 человѣкъ, скорѣе слишкомъ преувеличено, нежели уменьшено.

свободы, но не излѣчилъ его. Что-же касается городской и промысловой жизни, которыя могли-бы создать почву для развитія новыхъ соціальныхъ отношеній и народной свободы, то она еще не существовала. Не была также найдена такая новая основа воинской повинности, которая отвратила-бы отъ мелкаго землевладѣнія гибельное экономическое вліяніе отправленія воинской службы. Рѣшительная реформа военнаго дѣла, (вродѣ попытки сдѣланной законодательствомъ каролинговъ) казалась въ Англіи не такой настоятельной необходимостью, такъ какъ островное положеніе вело къ безпечности. Мягкіе короли изъ дома Цердиковъ, къ тому-же постоянно совѣщавшіеся съ духовными и свѣтскими танами, всегда были противъ всякихъ рѣзкихъ перемѣнъ и заботились только о правильномъ управленіи, не трогая установившихся основъ военной организаціи (т. е. института служилыхъ людей и системы народнаго ополченія). Когда воцарился грозный и рѣшительный Кнутъ, онъ предпочелъ поддержать свой шатающійся престолъ наемнымъ отрядомъ въ 3000 гускарловъ, которые, понятно, не могли пріобрѣсти себѣ точки опоры ни въ народныхъ обычаяхъ, ни въ имущественныхъ отношеніяхъ, ни въ финансахъ того времени. Впрочемъ, система милиціи продолжала при немъ существовать своимъ чередомъ; Кнутъ счелъ нужнымъ и относительно этого заключить миръ съ церковью. Точно также даетъ онъ безпрепятственно развиваться вотчинной власти. Вотъ почему царствованіе грознаго короля «сѣверныхъ людей» пронеслось метеоромъ, не разрѣшивъ ни одной изъ насущныхъ задачъ англійской государственной жизни. Еще менѣе годилось для такого разрѣшенія слабое царствованіе послѣдняго представителя стараго Вессекскаго королевскаго дома [2]). Въ слабое царствованіе Эдуарда является даже еще новая рознь, новая противоположность интересовъ, подготовленная послѣдними столѣтіями, именно:

---

[2]) Относительно соціальной розни и сословной противоположности интересовъ отсылаю къ данной въ § 3 картинѣ распредѣленія землевладѣнія. Въ этомъ распредѣленіи лежало то главное зло, освободиться отъ котораго англосаксонское государственное устройство, въ силу основнаго характера своего, никакъ не могло. Справедливо замѣчаетъ Кембль I. 252: „Нападенія сѣверныхъ людей не объяснили-бы въ достаточной степени тѣ разбойничьи безобразія, на которыя такъ жалуется въ своихъ законахъ Аэтельредъ и его совѣтники. Насильственное исчезновеніе свободныхъ землепашцевъ и постоянное возрастаніе могущества аристократовъ—вотъ гораздо болѣе вѣроятныя причины этого“. О земскихъ сеймахъ этого времени разсказываетъ Вильгельмъ Мальмсбэри: „когда эорлы сходились для совѣщанія, то одинъ говорилъ объ одномъ, другой о другомъ. Рѣдко сходились они на какомъ-нибудь хорошемъ мнѣніи. Они больше совѣщались объ измѣнахъ, чѣмъ объ общественныхъ надобностяхъ“. Нѣсколько слишкомъ рѣзко говоритъ объ этомъ Lappenberg I: 460. Ср. также Stubbs C. Hist. I. 211: „Сплоченность націи всего сильнѣе проявлялась въ низшихъ слояхъ ея. Отдѣльные роды, извѣстныя мѣстности, сотни, графства еще дѣйствовали сообща, но эальдормены всегда спо.

III. Противоположность интересовъ *церковной власти* и интересовъ власти королевской. Въ началѣ церковь, напротивъ того, была скорѣе соединяющимъ элементомъ. Такъ, она помогла уничтоженію отдѣльныхъ маленькихъ государствъ. Въ періодъ перваго датскаго нашествія она опять явилась по отношенію къ государству примиряющей и созидающей силой. Но это могущественное положеніе церковь могла занять только опираясь на землевладѣніе. И дѣйствительно, въ позднѣйшія времена англо-саксонскаго государства треть всѣхъ земель принадлежала церкви. Высшіе, духовные интересы ея тѣсно переплелись, такимъ образомъ, съ интересами землевладѣнія, которое, въ рукахъ духовенства, въ двухъ отношеніяхъ противорѣчили интересамъ государства. Прежде всего, церковь была главнымъ препятствіемъ къ осуществленію все болѣе и болѣе становящейся настоятельной реформы военной организаціи, такъ какъ увеличеніе богатства церкви, путемъ пріобрѣтенія принадлежащаго государству фолкланда, отнимало у королевской власти средства содержать нужное число опытныхъ въ ратномъ дѣлѣ дружинъ, что уже признано самимъ Бедой. Умѣренное участіе церкви въ тяготахъ пришедшей въ упадокъ милиціи не было въ данномъ случаѣ достаточнымъ. Военныя условія того времени требовали сильнаго расширенія «танства». Но интересамъ церкви противорѣчило всякое новое распредѣленіе тяготъ воинской службы. И въ самомъ дѣлѣ, всякое болѣе справедливое распредѣленіе воинской повинности, примѣнительно къ размѣру землевладѣнія, прежде всего затрагивало духовенство, весьма мало расположенное нести жертвы для такихъ цѣлей и еще меньше согласное на секуляризацію церковныхъ имуществъ. А между тѣмъ никакая серьезная военная организація не была мыслима безъ серьезной поддержки церковныхъ владѣній. Недоставало поэтому рѣшительной личности, которая сломила-бы противодѣйствіе духовныхъ витановъ такой реформѣ. Недоставало, словомъ, англосаксонской монархіи Пипина или Карла Мартелла.

Съ другой стороны, въ судебной организаціи церковь значительно содѣйствуетъ расширенію *вотчинной власти*. Сама владѣя значительными помѣстьями и вотчинами, церковь усиленно стремится къ увеличенію своей вотчинной юрисдикціи и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ аристократіею все больше и больше низводитъ вольныхъ земледѣльцевъ на степень зависимаго крестьянства.

Вступленіе знатныхъ людей въ лоно церкви было очень благодѣтельно въ тѣ времена, когда церковь грубому и жестокому эгоизму

рили другъ съ другомъ и король оставался одинъ со своимъ саномъ. У Кэнта, Дэвоншира, Нортумберлэнда была корпоративная жизнь, у Англіи нѣтъ. Wit tenagemote представлялъ собою совѣтъ мудрыхъ, но онъ ни выражалъ воли націи, ни являлся представителемъ могущества ея."

противополагала великую задачу воспитанія народа. Но съ тѣхъ поръ какъ она стала крупнѣйшею представительницею землевладѣнія, и въ особенности начиная съ датской эпохи, церковь все больше и больше становится причастной интересамъ танства, въ партійной борьбѣ котораго она принимаетъ участіе очень свѣтскимъ образомъ. Правда, что противъ этого мірскаго характера церкви зарождается протестъ внутри ея-же строго-аскетическое направленіе одной части духовенства. Но это новое направленіе—*романизирующее*, видящее своего верховнаго главу въ Римѣ, и въ спорѣ между Дунстаномъ и Эдви не отступившее предъ тѣмъ, чтобы унизить королевскую власть. Римскіе взгляды и стремленія, традиціи имперіи и міроваго города, законодательство императоровъ и папъ—все это начинаетъ входить въ стремленія англосаксонскаго духовенства, въ чемъ имъ значительно содѣйствуютъ личныя наклонности Эдуарда Исповѣдника.

Около половины 11 столѣтія вся эта рознь, достигаетъ такой степени, что справиться съ нею можетъ только очень выдающаяся личность. Правда, Альфредъ Великій и его ближайшіе наслѣдники намѣтили во всѣхъ областяхъ общественной жизни тотъ путь, по которому должны направиться реформы, способныя возвратить государству его слабѣющую силу. Но династіи Цердиковъ только одно столѣтіе высшаго развитія ея силы и блеска и было суждено быть созидающей силой англійскаго государственнаго устройства. Въ тотъ критическій періодъ, когда со всѣхъ сторонъ надвигались на общественную жизнь раздоры и насилія и исчезло стремленіе безкорыстно служить общему благу, англосаксовъ постигаетъ несчастіе имѣть на престолѣ цѣлый рядъ неспособныхъ королей. Упроченіе воинственныхъ датскихъ тановъ разорвало тѣ узы, которые когда-то связывали англосаксонскихъ вельможъ съ королевскимъ домомъ. Рядомъ съ ними выдвигается могущественное, интригующее прелатство, которое, тѣсно переплетаясь съ фамильными и землевладѣльческими интересами аристократіи, внутри страны заботится о томъ, чтобы укрѣпить свое могущество и обезпечить свои привиллегіи, а внѣ страны, отчасти связями съ Римомъ, отчасти сношеніями съ нормандскимъ герцогомъ, старается о расширеніи своего и безъ того могущественнаго положенія. Съ упадкомъ старой организаціи графствъ, съ усиленіемъ гнета и униженія «вольныхъ людей», падаетъ также чувство *національнаго самосознанія* и *національной мощи*, что и подготовляетъ Англію къ тому, чтобы стать добычею иноземнаго завоевателя. Слабѣйшимъ мѣстомъ англосаксонской государственной жизни, по прежнему, является дурная организація ратнаго дѣла, что очень рѣзко проявляется въ томъ, что и объединенное королевство никогда не могло вполнѣ совладать съ британскими и шотландскими

пограничными жителями. Лучшія учрежденія военной организаціи скоро приходятъ въ упадокъ, бурги и укрѣпленныя мѣста содержатся крайне небрежно, солдатская «гильдія» Кнута вскорѣ распускается. Нѣсколькихъ десятилѣтій спокойствія и непоявленія врага извнѣ, было достаточно для того, чтобы впасть въ прежнюю беззаботность, при чемъ всѣ умы сосредоточиваются на спорахъ въ средѣ аристократіи и духовенства. Гармонія и довѣріе къ самому себѣ исчезаютъ изъ церкви и государства. [3])

Но какъ ни печальна картина нравственнаго состоянія послѣднихъ лѣтъ англосаксонскаго государства, изъ нея все таки выдѣляются *двѣ свѣтлыя, характерныя черты*, уничтожить которыя не могли никакія превратности англосаксонской общественной жизни.

Первая изъ нихъ есть сохраненіе *германскаго судебнаго устройства*, которое все еще составляло гарантію личной свободы. Постановленіе приговора юридически свѣдущими согражданами (pares) и формы соприсяги могли дѣйствительно помогать сильному въ его спорахъ со слабымъ, но все-таки тутъ заключалась сильная защита противъ произвола королевскихъ и господскихъ фогтовъ. Даже въ періодъ начинающагося упадка англосаксонская судебная организація производитъ впечатлѣніе fair trial'я. И оттого-то даже тяжко обложенный всякими повинностями ceorl такъ ревниво оберегаетъ основной принципъ суда равныхъ. При существованіи такого суда еще имѣетъ нѣкоторую цѣнность та свобода, которая осталась у cəorl'а въ области частнаго права. Даже въ большихъ вотчинныхъ судахъ повидимому сохранился старый ordo judiciorum. Правда, въ одномъ памятникѣ отъ 996 г. (Cod. dipl. 1258) говорится о судебномъ

---

[3]) О розни между церковью и государствомъ въ позднѣйшія времена см. § 5 примѣч. **. Правда, при Эдгарѣ еще разъ наступаетъ спокойствіе и порядокъ въ странѣ, но очевидно потому, что правитъ въ сущности архіепископъ Дунстанъ, только прикрываясь именемъ короля. Въ долгое бѣдственное царствованіе Этельреда II большая часть прелатства была невысокаго уровня и ненадежна. По законамъ того времени можно прослѣдить нравственное состояніе духовенства, именно по частымъ напоминаніямъ ему объ обязанностяхъ его. Athelr. V. 4 и слѣд. VI. 2; Cn. I. 6. 26. Эдуардъ Исповѣдникъ и Годвинъ со своею воинственною свитою, являются воплощеніемъ двухъ противоположностей, розни двухъ враждебныхъ другъ другу элементовъ позднѣйшей англосаксонской жизни. Воспитанному во Франціи, въ изгнаніи, Эдуарду были ненавистны пьяныя пиршества и нравы англо-датской знати (клерикальные и въ пользу норманновъ настроенные хронисты тоже любятъ говорить о грубыхъ нравахъ того времени и представляютъ ихъ какъ сплошное пьянство и распутство). Эдуардъ старается отъ свѣтскаго high life своего времени убѣжать въ тихую монастырскую жизнь, гдѣ, однакоже, онъ наталкивается на новое огорченіе—именно на національное направленіе англійскаго духовенства, выражающееся въ малой приверженности къ Риму. Эдуардъ по всѣмъ своимъ привычкамъ былъ чужеземецъ и окружаетъ себя друзьями дѣтства и французскими капелланами, которыхъ онъ произвелъ въ епископы. Придворнымъ языкомъ сталъ французскій.

собраніи служилыхъ людей (theningmanna gemôt), но это говорится только о королевскихъ служилыхъ людяхъ. Въ общемъ нужно признать, что духъ англосаксонскаго танства вовсе не былъ наклоненъ въ сторону произвола и жестокости и, по крайней мѣрѣ, позднѣйшія извѣстія указываютъ, что и въ вотчинномъ судѣ установились опредѣленные юридическіе обычаи, въ каждой мѣстности свои. Сохраненію «мира» тоже оказывалъ извѣстную помощь товарищественный элементъ въ десяткахъ и нѣкоторыхъ добровольныхъ союзахъ (гильдіяхъ) жителей бурговъ.

Вторая свѣтлая черта англосаксонской жизни — это воздѣйствіе *національно-настроенной церкви* на развитіе *семейной жизни* и *народнаго характера*. Ни въ одной странѣ Европы обращеніе въ христіанство не было такъ серьезно, какъ въ Англіи. Нигдѣ не оказало оно такого важнаго и продолжительнаго вліянія. Этотъ несомнѣнный фактъ нѣсколько ослабляется позднѣйшимъ образомъ дѣйствій высшаго духовенства и вѣроломствомъ датскихъ тановъ, въ которыхъ новое христіанское вѣроученіе не могло вытѣснить старый духъ поклоненія Одину. Но все-таки христіанство настолько прочно слилось съ національнымъ духомъ англосаксовъ, что во всѣхъ классахъ посѣяло сѣмяна благоволѣнія къ ближнему, правдивости и вѣрности, что́ и выразилось въ противо-

---

Французская лейбъ-гвардія и французскіе бургфогты до того раздражаютъ датское танство, что они оказываютъ открытое сопротивленіе, которое кончается побѣдою Годвина и тѣмъ, что королевская власть съ этихъ поръ переходитъ подъ опеку свѣтскихъ вельможъ.

Въ смертный часъ свой бездѣтный Эдуардъ по довольно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ назначилъ шурина Гаральда своимъ преемникомъ. Норманскіе писатели опускаютъ или отрицаютъ это рѣшающее обстоятельство. За то выдвигается болѣе раннее устное обѣщаніе, данное Эдуардомъ въ пользу нормандскаго герцога Вильгельма и подъ тяжкою клятвою признанное Гаральдомъ, когда случай отдалъ его во власть этого норманскаго герцога. Послѣдніе годы царствованія Эдуарда представляютъ собою сѣть интригъ въ средѣ олигархіи, причемъ часть знатнаго духовенства уже направляла свои взоры въ сторону нормандскаго герцога и новаго французскаго образованія. Часть духовныхъ вельможъ давно уже обратилась къ восходящему свѣтилу и этимъ подготовила свой позднѣйшій открытый переходъ на сторону завоевателя. Въ рѣшительной борьбѣ за національную независимость государства Гаральдъ могъ опереться почти исключительно только на старый Вессексъ, въ которомъ церковь и государство, танство и народъ были болѣе сплочены, чѣмъ въ другихъ частяхъ края. Когда большое войско нормандскаго герцога уже находилось на англійской территоріи, ополченіе Мерціи и большая часть свѣтскихъ магнатовъ, сохраняя вѣроломный нейтралитетъ, удерживалась отъ боя. Въ рѣшительной битвѣ при Гастингсѣ (Senlac) принимало участіе только крестьянское ополченіе Вессекса, множество дружинниковъ и наемники. Но вслѣдъ за тѣмъ „мужи Кента“ и народное ополченіе, отстаивали свою національную зависимость съ выдержкою и храбростью, которыя могутъ служить доказательствомъ того, что развращенность правящаго класса не коснулась народной сердцевины. Потрясающую картину послѣдней рѣшительной борьбы даетъ Freeman, Norman Conquest. III. 450—507.

положности между мягкимъ правленіемъ англосаксонскихъ властителей и правленіемъ ихъ корыстолюбивыхъ преемниковъ.

Несомнѣнно, что на этихъ основахъ можно было снова упрочить могущественное монархическое государственное устройство. Но то, чего не могла сдѣлать жалкая, вымирающая династія Цердиковъ, выпало, по волѣ Провидѣнія, на долю *иноземнаго завоевателя*.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

§ 7.

Англо-норманское ленное государство.

1.

Основы землевладѣнія въ норманскомъ ленномъ государствѣ *).

Вильгельмъ I, 1066—1087.
Вильгельмъ II, 1087—1100.
Генрихъ I, 1100—1135.
Стефанъ, 1135—1154.
Генрихъ II, 1154—1189.
Ричардъ I, 1189—1199.
Іоаннъ I,199—1216.
Генрихъ III, 1216—1272.

Въ этотъ періодъ общество и государство вступаютъ въ новый фазисъ. Обычный ходъ англосаксонской общественной жизни нарушается вторженіемъ завоевателей, первоначально сѣвернаго происхожденія, заимствовавшихъ французскій языкъ и нравы на нормандской почвѣ, принесшихъ съ собою своеобразныя начала военнаго и юридическаго быта. Герцогъ Нормандіи превращается въ англійскаго короля, признаннаго и утвержденнаго формально-созваннымъ народнымъ сеймомъ.

---

*) Изъ источниковъ и литературы предмета особенное значеніе имѣютъ:

1) Такъ называемые Leges et Consuetudines (I) quas Willelmus rex post adquisitionem Angliae omni populo Anglorum concessit tenendos.—Большею частью это не новые законы, но англосаксонское-же право, на сколько оно признано завоевателемъ (съ нѣкоторыми добавленіями, напр. с. 22. 31). Текстъ латинскій и французскій. Къ этому присоединяется (II) краткій законъ о ходѣ судопроизводства въ случаяхъ столкновеній между Англичанами и Франками; текстъ англосаксонскій и латинскій (III). Carta legis Wilhelmi Conquisitoris de quibusdam statutis. Текстъ латинскій съ сильными слѣдами интерполяціи. (IV) Carta Wilhelmi объ отдѣленіи духовной юрисдикціи отъ свѣтской относится по Спельману къ 1085 г. Ср. Schmid, Gesetze der Angelsachsen LVI и стр. 322—357. Обозначенные подъ I, leges Wilhelmi несомнѣнно содержатъ въ себѣ дѣйствительные ордонансы, которымъ, однакоже, только впослѣдствіи придана форма правильнаго статута. Все достовѣрное отпечатано теперь у Stubbs'a Select Charters, стр. 83—58.

Завоевалъ-ли Вильгельмъ-Незаконнорожденный Англію, или-же она ему досталась на какомъ-нибудь другомъ основаніи—этотъ старый споръ былъ разрѣшенъ самимъ-же завоевателемъ въ томъ смыслѣ, что онъ принялъ во владѣніе страну, какъ *законный* по завѣщанію короля Эдварда *преемникъ и наслѣдникъ* англійскаго престола. Это былъ единственно-пригодный образъ дѣйствій, которымъ новый монархъ могъ удержать въ повиновеніи своихъ новыхъ подданныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствовать безмѣрнымъ притязаніямъ своихъ собственныхъ дружинниковъ. Такимъ образомъ страна перешла въ руки не всего народа норманскаго, а герцога *Вильгельма*, опиравшагося на какое-то завѣщаніе Эдуарда, на согласіе высочайшаго авторитета церкви, на согласіе земскаго сейма, на многочисленныхъ союзниковъ и на наемные отряды. Вотъ почему не только на практикѣ, но и по закону, стало возможнымъ отношеніе къ странѣ, какъ къ *личному* пріобрѣтенію, вотъ почему выраженія—Seigneury, Dominion, Terra Regis Anglica, Terra mea—суть выраженія столь нерѣдко встрѣчающіяся въ различныхъ грамотахъ. «Gulielmus I. conquestor dicitur, qui Angliam conquisivit, i. e. acquisivit (purchased), non quod subegit». (Spelm., Glossar.).

Такъ называемые Leges Henrici I и Eduardi Confessoris представляютъ собою частные сборники 12 столѣтія, заключающіе въ себѣ англосаксонское право, по сколько оно примѣнялось подъ норманскимъ владычествомъ, и потому приведенное уже выше въ числѣ источниковъ англосаксонскаго права.

2) Судебные своды норманской юридической формаціи суть: Glanvilla, Tractatus de LL. et Consuetudinibus Angliae tempore Henrici II compositus (напечатано между проч. у Филипса, въ его исторіи Англійскаго права т. II, разсматриваетъ ходъ процесса въ Curia regis.—Bracton, de LL. et consuetudinibus Angliae (London 1640), обстоятельное изложеніе частнаго права и судопроизводства въ періодъ времени между 1240—1255 г. (a new edition by Travers Twiss). Britton (ed. Nicholts 1865) и Fleta, два краткихъ свода изъ временъ Эдуарда I. Общій обзоръ источниковъ для этого періода даетъ Biener, Engl. Geschwornen-Gerichte. Bd. II. Anh. VI. Обстоятельное разсмотрѣніе исторіи источниковъ французскаго, норманскаго и англійскаго права находимъ у Brunner'a, въ энциклопедіи ф. Гольцендорфа. II. 4. Новое добавленіе къ собранію источниковъ.—M. M. Bigelow, Placita Anglo-normannica from Wil. I. to Rich. I. London 1879.

3) Государственные договоры и административные акты норманскаго періода у Rymer, foedera, conventiones, litterae etc. New edition 1816—1830. 3 vol. in 6 Parts. A. D. 1066—1391 fol. Административные акты, которые, начиная съ короля Іоанна, хронологически инротулированы, въ новѣйшее время частью описаны Recordcommission, частью изданы ею и распадаются на слѣдующія три главныя группы: 1) Patent—rolls, съ 1200 по 1483 г., находятся въ Tower'ѣ. Содержатъ въ себѣ правительственные акты, касающіеся юридическихъ предметовъ, внѣшнихъ договоровъ, пожалованія должностей, привиллегій и т. д. A description of the Patent-rolls in the Tower of London, by Duffus Hardy 1835. Rotuli Litterarum Clausarum in Turri Londinensi asservati. 2 vol. 2) Судебные протоколы и акты, сохранившіеся со временъ Генриха II. Частью отпечатаны: Placitorum abbreviatio, London 1811. Rotuli curiae regis, ed. Palgrave. 3) Счеты и протоколы засѣданій казначейства, Exchequer; частью напечатаны: (Rotuli

Однако, отношенія *Саксовъ* и образъ дѣйствій такъ называемыхъ Francigenae были враждебныя, и вражда эта долго переходила изъ рода въ родъ. Не разъ попытки къ возстанію служили отвѣтомъ побѣжденныхъ на высокомѣріе побѣдителей, а неудачный исходъ этихъ попытокъ оставлялъ затаенную горечь и злобу противъ новыхъ повелителей съ ихъ французскими правами. Ближайшимъ результатомъ такихъ отношеній было установленіе какъ-бы *постояннаго* военнаго положенія, что повлекло за собою коренныя преобразованія въ военномъ устройствѣ края, рядомъ съ построеніемъ безчисленныхъ укрѣпленій и содержаніемъ многочисленныхъ наемныхъ отрядовъ. Преобразованія эти, однако, обусловливались также и потребностями страны: англосаксонское государство пало вслѣдствіе внутренней розни, дурной организаціи народнаго ополченія и неравномѣрнаго распредѣленія военныхъ тягостей. Чтобы возстановить утраченную силу и единство, нужно было уничтожить двойственную систему милиціи и личной службы дружинниковъ, замѣнивъ ее постояннымъ контингентомъ тяжело вооруженныхъ воиновъ, выставляемыхъ каждымъ изъ земельныхъ собственниковъ, смотря по количеству его доходовъ съ земли.

Потребность въ подобномъ войскѣ проявлялась почти равномѣрно во всѣхъ германскихъ государствахъ, возникавшихъ на развалинахъ древняго міра, такъ что отдѣльныя черты вѣками сложившагося англійскаго феодализма начинаютъ проявляться еще въ отдаленную

---

oblationum et finium, Magnus Rotulus Pipae etc.) Сверхъ того Dialogus de Scaccario у Madox'a, the History and Antiquities of the Exchequer of the Kings of England. 2 vol. 4 London 1769—благодаря тщательному воспроизведенію древнихъ грамотъ представляетъ собою чрезвычайно цѣнное сочиненіе. О Domesday book'ѣ см. ниже.

4) Обработка исторіи англійскаго права: Sir M. Hale's History of the Common Law, 2 vol. 8. ed. Rimmington 1794. Reeves, History of the English Law, third Edition 1814. (Сюда имѣетъ отношеніе т. I, а II т. отчасти). Странный, но много эксплуатированный и дѣйствительно годный для пользованія сводъ представляетъ собою Henrici Spelmanni, Codex legum veterum statutorum regni Angliae ab ingressu Guilelmi I usque ad a. 9 Henr. III. Извлеченъ изъ бумагъ Спельмана и напечатанъ у Вилькинса стр. 284 и слѣд. и у Houard, anciennes loix des François, Rouen 1766. vol. II. стр. 180—428. Отличную хрестоматію источниковъ съ примѣчаніями къ нимъ представляетъ собою: W. Stubbs, Select Charters 1874. стр. 79—425. По судопроизводству: M. M. Bigelow, History of the procedure in England from the Conquest. Lond. 1880. Forsyth, History of the trial by jury, new. edit. 1857. Brunner, Entstehung der Schwurgerichte 1872 г.

5) Общая исторія Англіи: Lyttleton, History of Henry II, Lond. 1767. 3 vol. Hallam, Middle Ages, cop. III. Lappenberg—Pauli, Geschichte von England (т. 2 и 3). Всего важнѣе для этого періода Edward A. Freeman, History of the Norman Conquest of England, vol. I—VI (первые 2 т. въ III изданіи), дополненное теперь особымъ томомъ—указателемъ (VI-й). 1879. Важныя данныя для норманскаго періода содержитъ также въ себѣ W. Stubbs, Constitutional History (1874) vol. I. II.

эпоху англосаксонскаго господства. Но не доставало еще тогда тѣхъ установившихся впослѣдствіи правильныхъ и опредѣленныхъ отношеній, при которыхъ служебныя обязанности связывались съ личною свободой вассала и съ сохраненіемъ чувства собственнаго достоинства, основаннаго на его сознаніи, что онъ свободный землевладѣлецъ; вотъ откуда столь многочисленныя колебанія, попытки и отступленія по пути образованія феодализма. Полное развитіе ленной системы относится только къ той порѣ, когда на земельную собственность начинаютъ смотрѣть главнымъ образомъ съ точки зрѣнія военныхъ тягостей, причемъ пожалованіе землею принимаетъ характеръ военнаго вознагражденія, что и обязываетъ надѣленнаго къ постоянному отправленію военной службы. Англія была единственная страна, гдѣ благодаря особенно-сложившимся обстоятельствамъ стало возможнымъ *систематическое* проведеніе того порядка вещей, по которому «государство» дѣлается единственнымъ собственникомъ и землевладѣльцемъ, а отъ него ужъ идетъ дальнѣйшее распредѣленіе земельнаго владѣнія.

Рѣшающимъ моментомъ и въ этомъ вопросѣ явилось утвержденіе Вильгельма, что онъ *законный наслѣдникъ* короля Эдварда. Король Гаральдъ и всѣ сражавшіеся съ нимъ заодно, а потомъ возстававшіе Саксы разсматривались какъ мятежники, что и давало законный поводъ къ обширнымъ конфискаціямъ земель. Наслѣдіе Эдварда, владѣнія семьи Гаральда, остатки стараго фольклэнда, все это было захвачено и стало королевскимъ резерватомъ. Предводители побѣдоноснаго войска были пожалованы землями принадлежавшими мятежнымъ великимъ танамъ; точно также и дружинники, состоявшіе непосредственно подъ властью герцога, были пожалованы свободными землями въ различныхъ частяхъ государства. Крупные ленники, обязанные выставлять извѣстное число воиновъ могли либо сами непосредственно снаряжать ихъ, либо-же отъ себя отдавать часть своихъ земель въ ленъ, обязавши этихъ подвассаловъ выставлять надлежащее количество воиновъ.

Не скомпроментированная часть саксонскихъ тановъ осталась на своихъ старыхъ владѣніяхъ въ качествѣ такихъ подвассаловъ. За церковью и монастырями были на такихъ-же основаніяхъ оставлены, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже расширены ихъ земельныя владѣнія. Цѣль, къ которой съ этой поры въ теченіи цѣлаго столѣтія стремится королевская власть, состоитъ въ равномѣрномъ обложеніи военными обязанностями всѣхъ старыхъ и новыхъ землевладѣльцевъ, причемъ за среднюю мѣру принимается пространство приблизительно въ пять гуфовъ англосаксонской эпохи, съ болѣе точнымъ, однако, распредѣленіемъ налоговъ и обязанностей, соотвѣтственно современному состоянію земельныхъ доходовъ. Такой ленъ въ пять

гуфовъ долженъ былъ, по требованію короля, поставлять вооруженнаго всадника на сорокъ дней втеченіи года (servitium unius militis).

Отдѣльныя правовыя частности этихъ новыхъ земельныхъ отношеній **) впервые занесены въ писанное право только со времени Генриха II. Тѣмъ не менѣе, съ помощью обратныхъ заключеній и интерполяціи можно вывести, что, принесши изъ Нормандіи свои ленныя наклонности, королевская власть старалась, однако, согласовать ихъ съ *существующимъ* порядкомъ англосаксонскихъ поземельныхъ отношеній: illis (т. е. англосаксонскимъ законамъ) transmarinas leges Neustriae quae ad regni pacem tuendam efficacissimae videbantur adiecit (Dialogus de Scaccario). Изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ слагается англійская ленная система. При этомъ образуется пять правовыхъ отношеній, рѣзко опредѣлившихся и не вполнѣ сходныхъ съ леннымъ правомъ континента:

1) *Условная наслѣдственность пожалованія.* Согласно норманно-французскому обычаю, вмѣстѣ съ первоначальнымъ распредѣленіемъ леновъ, между англонорманнами утверждается и право передачи ихъ по наслѣдству [1]), но уже въ самой формулѣ, употребляемой при награжденіи леномъ: dedi et concessi tibi et heredibus tuis—въ самой этой формулѣ заключается представленіе о наслѣдованіи лена, какъ о продолженіи платы за военную службу. Наслѣдникъ полу-

---

**) Изслѣдованія Littleton'a, Selden'a, Coke'a, Blackstone'a о правовыхъ отношеніяхъ ленной системы въ области частнаго права сжато изложены въ обширномъ примѣчаніи Hagrawe'a къ Coke, y Littleton 191. О томъ, какъ происходилъ актъ присяги на сеймѣ въ Салисбэри, очень согласно съ извѣстіемъ англосаксонской хроники, разсказывается и въ Annales Waverlienses подъ 1086 г.: ibique venerunt coram eo barones sui, et omnes terrarii hujus regni, qui alicujus pretii erant, cujuscunque feodi fuissent; et omnes homines sui effecti sunt, et juraverunt illi fidelitatem contra omnes homines (I. Report Dign. Peer 34). Ленная терминологія—feod, feudum, barones, vavassores, felony, relief etc. употребляется въ Domesdaybook не въ строгой системѣ, перемѣшанная съ старыми обозначеніями. Слово feudum до того не встрѣчается ни въ одномъ источникѣ англосаксонскаго права того времени. Слово baron впервые, будто-бы, встрѣчается въ одномъ письмѣ папы Николая II къ Эдуарду Исповѣднику. Heywood, on Ranks, 210.

[1]) Palgrave, I. 385, сомнѣвается чтобы наслѣдственность англійскихъ леновъ установилась раньше короля Іоанна. По его мнѣнію только тогда появился writ de terris liberandis. А до этого инвеститура наслѣдника лена разсматривалась, по словамъ Пэльгрева, какъ предметъ новаго compact. Правда, уже въ такъ называемой Carta Wilhelmi (Ш. 5) прямо говорится: Prout statutum est eis, et illis a nobis statutum et concessum jure hereditario in perpetuum, per commune consilium totius regni nostri. Но это мѣсто принадлежитъ къ числу сомнительныхъ и съ полнымъ правомъ исключено Стёбсомъ изъ его Charters. Несомнѣнно, однакоже, и то, что въ норманно-французскомъ правѣ наслѣдственность леновъ такъ прочно укоренилась, что королевская власть не могла ее игнорировать, не рискуя возстановить противъ себя всѣхъ

чаетъ землю въ томъ предположеніи, что онъ человѣкъ способный къ военному дѣлу; въ случаѣ отсутствія сына дочь получаетъ наслѣдство съ тѣмъ, чтобы онъ вышла замужъ за человѣка способнаго носить оружіе и пріятнаго ленному главѣ. Само собой разумѣется, что право ленника располагать своей землей весьма ограничено,—безъ согласія своего господина онъ не можетъ ни продать ее, ни заложить, ни отдать за долги, ни завѣщать по своему желанію; отсюда вытекаютъ послѣдующія правовыя отношенія:

2) Relevium, Relief—плата за полученіе лена. Какъ-бы въ подтвержденіе того, что ленникъ можетъ владѣть леномъ только подъ условіемъ обязательной военной службы, каждый разъ при переходѣ лена въ новыя руки, согласно норманскому обычаю, вносится нѣкоторое количество оружія и одежды или-же просто отдѣльная денежная сумма, размѣры которой, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, прочно установились практикой въ 100 шиллинговъ за каждый рыцарскій ленъ; придачей къ этому служила въ нѣкоторой степени Prima Seisina, Primer Seisin. Для большей вѣрности, въ случаѣ смерти вассала король, какъ главный ленный владѣлецъ, забираетъ землю въ свои руки, до тѣхъ поръ пока не объявится наслѣдникъ, который долженъ доказать свои права, обязаться къ исполненію relevium, а потомъ, согласно старому ленному обычаю, можетъ потребовать себѣ дохода за цѣлый годъ (ll. feud. 24) [2]).

3) *Ленная опека и бракъ.* Если ленный глава оставляетъ ленъ за лицомъ не способнымъ къ отправленію воинской службы, то это считается милостью съ его стороны, почему онъ и имѣетъ право, въ случаѣ несовершеннолѣтія наслѣдника, взять имѣніе себѣ, поль-

---

вассаловъ (крупные феодалы и безъ того были готовы поднять знамя возстанія при каждомъ удобномъ случаѣ). Поэтому наслѣдственность леновъ съ самаго начала никогда серьезно не оспоривалась; только что все это не было обставлено юридическими гарантіями, и именно нельзя было жаловаться куда-нибудь на короля въ случаѣ его отказа оставить ленъ въ рукахъ новаго наслѣдника.

[2]) Reliefs основаны на норманно-французскомъ юридическомъ обычаѣ. По отношенію къ англосаксонскимъ танамъ король, впрочемъ, могъ ссылаться и на законы Сн. II. 70. 71. Въ этомъ смыслѣ и составленъ LL. Wilhelmi I. 20., гдѣ съ незначительными отступленіями переведенъ законъ Кнута; также и Henr. I. c. 14. Въ настоящее время вопросъ существенно разъясненъ Фриманомъ и Стёбсомъ. Heriot въ англосаксонскомъ смыслѣ состоялъ въ томъ, что наслѣдникъ принималъ на себя обязательства своего предшественника, но вмѣстѣ съ тѣмъ за васалломъ признается наслѣдственность владѣнія. Подъ эти отношенія была теперь подставлена норманно-французская феодальная идея, по которой настоящимъ собственникомъ лена считается ленный глава, предоставляющій наслѣднику того или другаго ленника dominium utile только de novo (ср. Stubbs I. 261). Платежъ лошадьми и оружіемъ при вступленіи во владѣніе прекращается съ Assize of arms 27 Henry II, по которой оружіе умершаго всегда остается за его наслѣдникомъ. Съ этихъ поръ устанавливается такса въ 100 шиллинговъ за каждый рыцарскій ленъ.

зуясь при этомъ связанными съ нимъ правами самъ лично или чрезъ custos'а; это опекунство остается за нимъ безконтрольно до достиженія леннымъ наслѣдникомъ двадцати - однолѣтняго возраста (Glanvilla VII. 9; § 6). Какъ tutor legitimus, онъ имѣетъ право, по достиженію совершеннолѣтія своего питомца, женить его, извлекая при этомъ для себя денежныя выгоды—обычай вполнѣ гармонировавшій съ тѣмъ порядкомъ вещей, при которомъ бракъ питомца обыкновенно обращался въ денежную аферу для его ближайшаго агната. За отсутствіемъ сыновей та-же прибыльная опека учреждается надъ *дочерью - наслѣдницей*. По достиженіи совершеннолѣтія она вступаетъ въ бракъ по выбору леннаго главы, и съ этихъ поръ настоящимъ леннымъ владѣльцемъ дѣлается ея мужъ. Согласно духу старинной опеки бракъ опекаемой наслѣдницы также представляется дѣломъ имущественной сдѣлки. По документамъ того времени, за замужество опекаемой взималось такъ-же, какъ и въ Нормандіи, 100, 600 или 700 livr. Anjouv. (Madox I. 520; Glanvilla VII. 12. § 1.) [1]).

4) *Вспомогательныя деньги*, Auxilia, Aids. Основное назначеніе ленника—служить своему господину обязываетъ вассала оказывать экстраординарную помощь, въ экстраодинарныхъ случаяхъ особой *нужды* или *радостныхъ событій* въ жизни леннаго главы, именно ему и для выкупа его изъ плѣна, для снабженія приданымъ старшей его дочери и для посвященія въ рыцари его старшаго сына (pour faire Fitz—Chevaler). Эти три случая, упоминаемые какъ самые обычные и въ Grand Coutumier, а также у Норманновъ въ Неаполѣ и Сициліи, не исключаютъ однако-же и многіе другіе непредвидѣнные случаи; въ особенности часто требуется помощь подвассала при уплатѣ его господиномъ верховному ленному головѣ reliefs и aids, а также для уплаты его долговъ [2]).

5) *Возвращеніе лена*, Escheat, Forfeiture, есть послѣдній моментъ, всего яснѣе подчеркивающій временное значеніе права пользованія леномъ. Этотъ моментъ наступаетъ, когда вассалъ умираетъ, не оставляя наслѣдниковъ, способныхъ къ отправленію

---

[1] Ленная опека и браки тоже, главнымъ образомъ, основаны на норманно-французскихъ ленныхъ обычаяхъ. Опираться-же на Кнутовское танское право Сп. II. 72—75 было-бы для казначейства менѣе выгодно. Болѣе подробныя данныя можно найти у Glanvilla VII. 12, гдѣ выдаваніе замужъ дочерей коронныхъ вассаловъ выводится изъ tutela legitima леннаго главы, а согласіе его на бракъ каждой наслѣдницы лена изъ того, что иначе тотъ или другой вассалъ могъ-бы быть насильно навязанъ ленному главѣ. Въ этомъ согласіи не должно быть отказано безъ justa causa. Но если обойтись безъ него, то въ наказаніе отнимается ленъ.

[2]) Вспомогательныя деньги, auxilia, aids будутъ разсмотрѣны ниже, при обзорѣ финансовъ.

ленныхъ обязанностей (escheat); случаи эти должны были нерѣдко имѣть мѣсто, такъ-какъ до Генриха VIII не существовало право завѣщать земельныя владѣнія. Еще чаще такое лишеніе лена являлось слѣдствіемъ felony — понятія, включающаго въ себѣ всѣ важныя преступленія касательно неповиновенія ленному господину, причемъ крайняя строгость англійскаго леннаго права включаетъ въ число случаевъ влекущихъ за собою формальный приговоръ (attainder) за treason и felony—порчу крови, т. е. негодность потомковъ для пользованія наслѣдствомъ [6]).

Таковы тѣ пять моментовъ феодальнаго права, вокругъ которыхъ втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ вращаются, главнымъ образомъ, всѣ отношенія съ вассалами. Древнѣйшіе источники поразительнымъ образомъ умалчиваютъ объ ихъ происхожденіи. Нѣтъ такого закона, который ввелъ въ Англію ленное устройство, или организовалъ какія-нибудь его частности; хартіи Вильгельма содержатъ только общее подтвержденіе существующихъ земельныхъ отношеній.

Точно также нѣтъ никакихъ слѣдовъ какихъ-либо ленныхъ договоровъ, посредствомъ которыхъ саксонскіе таны искали или получали-бы новое пожалованіе на «ленномъ правѣ». Невозможно выводить что-либо и изъ изложенія ленныхъ грамотъ, такъ-какъ вполнѣ ясно и подробно формулированными онѣ встрѣчаются только впослѣдствіи. Скорѣе практика финансовой и судебной организаціи вырабатываетъ частности феодальной системы, и именно изъ слѣдующей комбинаціи.

Когда Завоеватель давалъ инвеституру кому-нибудь изъ своихъ приближенныхъ, то при этомъ произносилась извѣстная формула, заключавшая въ себѣ выраженіе правовыхъ отношеній, какъ касательно одаряемаго лица, такъ и предмета даренія. Словами «devenio homo vester» 1) *одаряемое лицо* подчиняется ленному праву, какъ оно установилось въ Нормандіи и практиковалось по тамошнимъ обычаямъ; съ этой стороны Англосаксы не могли претендовать на то, чтобы къ нимъ были примѣнены другіе принципы, чѣмъ къ норманамъ. 2) *Даруемое*, само собой разумѣется, давалось на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ пользовался имъ предшествующій владѣтель, слѣдовательно съ тѣми-же налогами и повинностями какими обложены были англосаксонскій фолькландъ и ленландъ, а

---

[1]) Право на безнаслѣдственныя земли встрѣчается уже въ англосаксонскомъ правѣ. (Cod. dipl. № 1035), но, благодаря тому, что у ленника отнимается право завѣщать свою землю, оно достигаетъ невѣроятнѣйшаго развитія. Конфискація за преступленія не ограничивалась въ англосаксонское время исключительно случаями измѣны, какъ обыкновенно полагаютъ, но имѣетъ мѣсто и при другихъ тяжкихъ преступленіяхъ (ср. выше стр. 27). Въ ленномъ же правѣ примѣняется еще болѣе строгое понятіе о felony.

также бокландъ. Въ этомъ отношеніи права норманновъ не превышаютъ правъ саксовъ. Понятно, что въ этихъ случаяхъ, когда оба эти вида взаимныхъ отношеній власти къ ленникамъ не были равнозначущи, власть склонялась въ пользу того, который былъ для нея болѣе выгоденъ. Съ другой стороны, являлось необходимымъ, по возможности, уравнять положеніе всѣхъ ленныхъ владѣльцевъ, вслѣдствіе чего въ **Exchequer** и **Curia Regis**, т. е. въ финансовой и судебной организаціи устанавливаются новые принципы, занимающіе средину между норманнскими и англосаксонскими взглядами и съ теченіемъ времени сливающіе и норманское и англосаксонское право въ одну цѣлостную правовую систему. На основаніи этого-то можно возстановить ленное право во всѣхъ его подробностяхъ.

Значительное отличіе англійской ленной системы отъ континентальной заключается въ положеніи *подвассаловъ*. Такъ какъ завоеваніемъ и смѣшеніемъ національностей была нарушена естественная связь между крупными вассалами и ихъ дружинниками, то для завоевателя явилась возможность съ успѣхомъ провести принципъ по которому каждый подвассалъ и болѣе значительный свободный землепашецъ (**Freisass**) обязаны приносить присягу въ ленной вѣрности непосредственно самому королю; такимъ образомъ, всѣ подданные въ дѣлѣ отправленія воинской службы подчиняются непосредственно государству. Отсюда понятно, что всякая присяга, принесенная частному землевладѣльцу, исключаетъ выраженіе покорности королю (**salva fide debita domino et heredibus ejus**, Bracton II. 35. § 8). Установленіемъ этого принципа, получившаго въ Англіи такое полное примѣненіе, былъ положенъ послѣдній камень въ зданіи феодальнаго государства; и наконецъ заключительная санкція имѣетъ мѣсто около конца царствованія Завоевателя на большомъ чрезвычайномъ сеймѣ въ Салисбэри, во время смотра ленной милиціи. Въ такихъ словахъ говоритъ объ этомъ саксонская хроника: **Omnes praedia tenentes, quot-quot essent notae melioris per totam Angliam ejus homines facti sunt et omnes se illi subdidere ejusque facti sunt vasalli ac ei fidelitatis juramenta praestiterunt, se contra alios quoscunque illi fides futuras** (Chron. Sax. a. 1086). Тутъ свершился актъ великой присяги, явившійся оффиціальнымъ провозглашеніемъ феодализаціи, распространенной на всю территорію государства. Несомнѣнно, то былъ крупный моментъ въ англійской исторіи, когда вся дружина отъ знатнаго господина и до послѣдняго рыцаря, не имѣющаго даже пажа, а также всѣ вольные земледѣльцы, колѣнопреклоненные предъ Вильгельмомъ, съ руками сложенными въ рукахъ царственнаго господина, приносили ему клятвенную присягу въ вѣрномъ и

честномъ храненіи его земельныхъ интересовъ. Ужь одинъ этотъ актъ, долженъ былъ дать англійской государственной жизни совершенно иное направленіе, чѣмъ то, по какому шла жизнь континентальныхъ государствъ.

Въ связи съ систематическимъ проведеніемъ ленной системы появляется между 1083—1086 годами всеобъемлющая *книга государственныхъ земель*, Domesdaybook **), отличающаяся безпримѣрною тщательностью, подробностью и точностью изложенія, а потому послужившая норманскому правительству весьма полезнымъ руководствомъ въ дѣлѣ государственнаго управленія, и также представляющая собою прекраснѣйшее подспорье для историческихъ изслѣдованій. Въ этой книгѣ еще не существуетъ раздѣленія страны на *рыцарскіе лены*; но въ ней кладется ужь прочная основа будущей ленной матрикулѣ обозначеніемъ мѣстности и гуфовъ не только съ точки зрѣнія опредѣленія земельныхъ владѣній, но и съ перечисленіемъ всѣхъ относящихся сюда повинностей, налоговъ и пошлинъ. Установившіеся земельные порядки остаются пока неизмѣнными по отношенію къ низшимъ классамъ, но ужь образуютъ основу для будущихъ новыхъ видовъ землевладѣнія (tenures) на основѣ леннаго права.

Во главѣ всего землевладѣнія стоитъ король съ своимъ *резерватомъ*, простиравшимся первоначально болѣе чѣмъ до 1000 manors, съ присоединеніемъ безчисленныхъ «охотъ», парковъ и лѣсовъ, образовавшихся изъ тѣхъ владѣній, резервація которыхъ имѣла свою юридическую основу въ правахъ стараго саксонско-королевскаго дома и условіяхъ пользованія старымъ фолькландомъ. Смерть, бѣгство и опала *англосаксонскихъ* великихъ тановъ и тановъ графства освобождаютъ достаточное количество земель для обезпеченія королевскихъ дружинниковъ; оставшихся-же при своихъ владѣніяхъ саксонскихъ тановъ, надо искать большей частью между subtenentes норманскихъ вельможъ. Владѣнія *епископовъ* и монастырей были введены въ новую систему землевладѣнія обязатель-

---

***) О происхожденіи Domesdaybook'а ср. Lappenberg, II. 143—154. Оффиціально онъ былъ изданъ въ 1783 г. 2 vol. fol. Сюда принадлежатъ 4 дополнительныхъ регистра и указатели содержанія, помѣщенные въ 2 дополнительныхъ томахъ, изданныхъ Record—Commission въ 1816 г. Объяснительныя обработки: Kelham'a отъ 1788 г. Sir H. Ellis, Introduction to the Domesdaybook 1833. Касающееся до отдѣльныхъ графствъ недавно отпечатано (съ латинскимъ текстомъ) безъ сокращеній in extenso (London 1862 и слѣд.). Описаны 34 графства; не описаны графства Нортумберлэндъ, Кумберлэндъ, Вестморелэндъ, Дургэмъ, очевидно не совсѣмъ еще перешедшіе во власть Норманновъ. Ланкастеръ, повидимому, только при Генрихѣ III организовался какъ графство. Недостаетъ также Лондона, Винчестера и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Общее число регистрированныхъ мужчинъ равняется 283,242, число занесенныхъ гуфовъ приблизительно 225,000.

ствомъ поставлять своихъ людей въ ленную милицію. Существовавшіе еще остатки вольныхъ *землепашцевъ* sochemani, а также burgenses, оставлены совсѣмъ почти на старомъ положеніи; неизмѣнными остаются и *помѣщичьи крестьяне*, ceorls, villani такъже, какъ и помѣщичья челядь (bordarii), число которой пополняется привезенными съ собою холопами норманскихъ господъ. Относительно немногочисленныхъ крѣпостныхъ (servi) незамѣтно никакой перемѣны. Такъ-какъ въ Domesdaybook'ѣ мы одновременно имѣемъ данныя относящіяся къ концу англосаксонской эпохи (tempore R. Eduardi), къ правленію Вильгельма, и ко времени составленія Domesdaybook'а, то по немъ можетъ быть наглядно представлена происшедшая перемѣна въ земельныхъ надѣлахъ въ видѣ слѣдующей таблицы:

Tempore Eduardi:		Tempore Wilhelmi:	
Chief-and other proprietors	1,599		
King's thanes	326	Коронныхъ вассаловъ	600
Milites	213	Subtenentes	7,871
Tenentes et Subtenentes	2,899	Liberi homines	10,097
Ecclesiastici	1,564	Ecclesiastici	996
Sochemanni	23,404	Sochemanni	23,072
Burgenses	17,105	Burgenses	7,968
Villani	102,704	Villani	108,407
Bordarii	74,823	Bordarii	82,119
Cottarii	5,497	Cottarii	5,054
Servi	26,552	Servi	25,156

Такимъ образомъ поразительную перемѣну мы видимъ только въ *крупномъ землевладѣніи*; еще при жизни Завоевателя вытѣсняются послѣдніе саксы изъ своихъ владѣній, низлагаются великіе таны и епископы съ своего высокаго положенія. Теперешняя новая система землевладѣнія представляется въ слѣдующей градаціи:

1. *Около 600* лицъ и корпорацій являются свѣтскими и духовными *коронными вассалами* (tenentes in capite), — не всѣ конечно съ одинаковыми правами и обязанностями. Около 40 ленниковъ получили помѣстья, равныя владѣніямъ саксонскихъ великихъ тановъ, но разсѣянныя въ различныхъ графствахъ (позднѣйшіе Barones majores). Около 400 воиновъ, служившихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ самого герцога были награждены одиночными рыцарскими ленами или manors (позднѣйшіе т. наз. Barones minores); разница между обѣими этими формами леновъ весьма неопредѣленная и только фактическая. Что касается духовныхъ землевладѣльцевъ, то надѣлы большинства епископовъ и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ аббатовъ равнялись крупнѣйшимъ надѣламъ свѣтскихъ владѣльцевъ; и тутъ, однакожъ, большинство получило мелкіе лены. Опредѣляемое Эллисомъ число въ 1400 tenentes in

capite можетъ быть насчитано въ дѣйствительности, развѣ только съ зачисленіемъ многихъ мелкихъ и сомнительныхъ земельныхъ владѣній. [1])

2. *Вторую* ступень образуютъ 7871 subtenentes. Такъ какъ ленники, получившіе крупные надѣлы, должны были поставлять цѣлыя роты тяжеловооруженныхъ воиновъ, то раздѣленіе земель между подвассалами и было принаровлено къ поставкѣ этихъ воиновъ, хотя нельзя сказать, чтобъ это былъ единственный способъ поставки надлежащаго числа ихъ. Для норманскаго солдата тутъ заключалось заново произведенное пожалованіе со стороны его полководца; для саксонскихъ-же тановъ, которыхъ оставили при ихъ владѣніяхъ это было условнымъ признаніемъ ихъ правъ на владѣніе, съ обложеніемъ, однако, новыми повинностями. Ко времени Domesday раздѣленіе крупныхъ владѣній на подвассальства только что въ весьма ограниченной степени начиналось. Тѣмъ не менѣе ужь попадаются коронные вассалы и корпораціи состоящіе въ тоже время и подвасалами [2]).

3. Остальное населеніе, не обязанное *ленной военной службой*, присоединяется, если не поголовно, то большей частью, къ крупнымъ

---

[1]) Число tenentes in capite Эллисъ опредѣляетъ въ 1400, но зачисляя при этомъ множество владѣній весьма неяснаго правоваго положенія. Именные эксцерпты у Кельгэма даютъ намъ слѣдующія цифры:

a) Духовныя владѣнія: архіепископовъ и епископовъ 19 (въ томъ числѣ нѣсколько норманскихъ), Canonici (20), абаты, абатесы, абатства (56), Ecclesiae (38), Presbyteri (11), Diaconi (2), Capellani (3). Всего 153.

b) Свѣтскіе владѣльцы: 10 Comites, 394 другихъ господъ (въ томъ числѣ 214 имѣютъ владѣнія въ одномъ графствѣ, 180 въ двухъ и болѣе мѣстахъ), 10 Comitissae, 20 другихъ женщинъ и дѣвушекъ, затѣмъ нѣсколько разъ попадаются коллективныя обозначенія, Homines Liberi R. etc.

На основаніи всего этого, я и принимаю круглую цифру въ 600 коронныхъ вассаловъ. Изъ большихъ владѣній англосаксы были уже тогда вытѣснены: какъ послѣдній эальдормэнъ называется Вальтеофъ, какъ послѣдній епископъ Вульфстанъ. Между менѣе значительными коронными вассалами встрѣчается, однакоже, извѣстное число англо-саксонскихъ именъ.

[2]) Изъ именъ 7871 Subtenentes половина—имена англосаксонскія Domesday Book почти во всѣхъ графствахъ насчитываетъ tainos. Heywood стр. 120, 135, 200; Heywood 85, 208 (ср. также Ellis I. 143). Раздача земель подвассаламъ надолго отнимала у крупныхъ феодаловъ пользованіе своею собственностью и потому по возможности избѣгалась. Но духовныя корпораціи силою вещей были болѣе или менѣе настоятельно поставлены въ необходимость отдавать отъ себя свои земли въ ленъ. Относительно архіепископа Ланфрана прямо доказано, что по приказанію короля онъ арендаторовъ своихъ земель (threnges) сдѣлалъ подвасалами, отдавши имъ, слѣдовательно, свои вотчины на ленныхъ условіяхъ (praecepit rex, ut de eis milites fierent ad terram defendendam). Изъ владѣній соборнаго капитула 10 рыцарей получили земель въ ленъ на 200 Ф. стерл. Но съ другой стороны абату Рамзейскому, при Вильгельмѣ Рыжемъ, дозволяется выставить 3 рыцарей въ ленную милицію, безъ формальной отдачи имъ земли въ ленъ (Stubbs I. 262. 263). Изъ многихъ примѣровъ ясно, что духовные и крупные вассалы, съ позволенія короля, въ общемъ освобождали свои владѣнія отъ обя-

владѣніямъ на какомъ нибудь непрочномъ или обложенномъ тяжкими повинностями надѣлѣ, къ чему еще прибавляются разныя другія тягости, имѣющія источникомъ ленныя обязанности вотчинника. Всегдашней спутницей ленной системы является извѣстная система налоговъ (tallagium), которымъ подчинены всѣ сельскіе и городскіе жители, не обязанные ленной военной службой. Это городское и сельское населеніе можетъ быть подведено подъ слѣдующіе разряды:

10,097 liberi homines, названіе которыхъ не доказываетъ еще, что они, дѣйствительно, владѣютъ свободными землями. [3])

23,072 Sochemanni, наслѣдственные владѣльцы своихъ участковъ, подчиненные вотчинной юрисдикціи (soca) помѣщика, не будучи, однако, подвластны ему, какъ крестьяне. [4])

7,968 Burgenses, число которыхъ значительно уменьшилось вслѣдствіе опустошительной войны. [5])

108,407 Villani; этимъ словомъ называются теперь поселившіеся на господскихъ земляхъ ceorls или крестьяне въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. [6])

занности поставлять воиновъ въ ленную милицію, именно тѣмъ, что они разъ на всегда отдавали свои земли опредѣленному числу подвасалловъ. Въ особенности часто упоминаются, въ связи съ этимъ, земли абатовъ, которыя прежде отдавались въ пользованіе англійскимъ танамъ, а при Вильгельмѣ отдавались подвасалламъ на основахъ норманскаго леннаго права (Freeman IV. 479).

[3]) 10,093 liberi homines и 2,041 l. h. commendati главнымъ образомъ находятся въ Норфолькѣ (4487) и Суффолькѣ (7470), слѣд. въ датскихъ графствахъ. По Danelage вира за liber homo равняется 3 маркамъ, за socmannus только 12 oras. Судя по этому можно предположить, что liberi homines представляютъ собою болѣе высокую общественную ступень, чѣмъ sochemanni, но есть однакоже указанія, которыя дѣлаютъ сомнительнымъ такое предположеніе. Старую commendatio норманы тоже истолковываютъ въ смыслѣ подвасальности. Старая commendatio означала только исканіе защиты вотчинника и являлась договорнымъ актомъ между господиномъ и отдавшимся подъ защиту. Въ Domesdaybook эти отношенія разсматриваются какъ oblatio feudi, слѣдовательно какъ переносное реальное право леннаго главы. (Freeman V. 463 и регистръ s. v. commendatio).

[4]) 23,072 sochemmanni почти въ этомъ-же количествѣ были и tempore Eduardi. Очевидно, значитъ, что въ основѣ понятія о socheman'ахъ лежало точное юридическое представленіе.

[5]) Прежнее количество burgenses (17,105) сильно уменьшилось благодаря войнѣ. Domesdaybook говоритъ объ упадкѣ многихъ городовъ и даетъ число покинутыхъ домовъ.

[6]) Понятіе villani (108,407) обнимаетъ собою англосаксонскихъ ceorls въ ихъ положеніи вотчинныхъ крестьянъ, но около времени Domesday'я также и извѣстное количество старыхъ крестьянъ-собственниковъ и наслѣдственныхъ владѣльцевъ. Трудно допустить, чтобы въ средѣ все еще столь храбраго вессекскаго крестьянскаго ополченія и „мужей Кента“ совершенно исчезла всякая наслѣдственная крестьянская собственность. О пониженіи общественнаго уровня villani въ этотъ періодъ ср. ниже § 18a, отд. III. На сословное положеніе liber homo владѣніе земельнымъ участкомъ не оказывало, впрочемъ, опредѣленнаго вліянія: Item tenementum non mutat statum liberi, non magis quam servi. Poterit enim liber homo tenere purum villenagium, faciendo quicquid ad villenagium pertinebit, et nihilominus liber erit, cum hoc faciat ratione villenagii, et non ratione personae suae. Bract. II, c. 8.

82,119 Bordarii, т. е. сельскохозяйственная челядь, прислуга и рабочіе, часто владѣющіе домами и небольшими участками земли.[7])

Изъ того направленія, какое приняла новая система земельныхъ отношеній явствовало, что Саксы не могли предъявлять притязаній болѣе обширныхъ чѣмъ тѣ, какими пользовались Норманны; что касается низшихъ классовъ, то (кромѣ обязанности нести ленную военную службу) они вообще подвергались сильнымъ притѣсненіямъ и тягостямъ, налагаемымъ высшими классами. Благодаря распространенію присяги въ вѣрности, затѣмъ различныхъ reliefs, escheats и forfeitures и на эти классы, юриспруденція чрезъ нѣсколько поколѣній могла констатировать слѣдующее: «король есть всеобщій повелитель и первоначальный владѣлецъ всѣхъ земель въ своемъ государствѣ, и никто не обладаетъ и не можетъ обладать ни однимъ клочкомъ земли, если клочекъ этотъ посредственно или непосредственно не будетъ ему пожалованъ самимъ королемъ». Итакъ, основныя проявленія новаго общественнаго устройства это—рѣзкое разграниченіе классовъ общества соотвѣтственно ихъ военнымъ обязанностямъ, непосредственное строгое подчиненіе высшихъ классовъ королю въ дѣлѣ военной дисциплины и проистекающее отсюда еще болѣе строгое подчиненіе низшихъ классовъ. *Такимъ образомъ вся совокупность землевладѣнія равномѣрно подчиняется нуждамъ государства, въ каковомъ положеніи она остается до настоящаго времени.*

Эти основы англійскаго леннаго устройства выведены авторомъ настоящаго сочиненія во второмъ изданіи его книги объ англійскомъ общинномъ устройствѣ и англійскихъ государственныхъ учрежденіяхъ (1863. 1867.) *изъ имѣющихся первоисточниковъ права и печатныхъ грамотъ;* съ тѣхъ поръ, свѣдѣнія эти были многократно провѣрены и пополнены обширными изслѣдованіями Freeman'a въ его Norman Conquest. Vol. IV, V, VI (1871—1879), а также W. Stubbs'a—Const. History, Vol. I, II. Основные результаты этихъ почтенныхъ трудовъ (съ немногими пополненіями съ моей стороны) суть слѣдующіе:

---

[7]) 82,119 Bordarii постоянно ставятся Domesdaybook'омъ ниже Villani. По du-Cange'y Bordarii—это батраки, которымъ, кромѣ жилья не рѣдко предоставлялся огородъ и нѣсколько акровъ земли.

Уясненіе себѣ всѣхъ этихъ общественныхъ подраздѣленій затрудняется тѣмъ, что латинскіе термины Domesdaybook'a очень часто произвольно передаютъ англосаксонскія выраженія, тѣмъ, что въ разныхъ графствахъ относительно однѣхъ и тѣхъ-же правовыхъ отношеній существовала различная терминологія, тѣмъ, что однимъ и тѣмъ-же терминомъ передавались различныя правовыя понятія и vice versa, и, наконецъ, вообще тѣмъ, что наши свѣдѣнія о мелкомъ земельномъ владѣніи того времени крайне скудны. О положеніи дѣлъ въ концѣ норманскаго періода см. ниже § 18a.

До сихъ поръ распространенное мнѣніе, заимствованное у Сельдена и старой антикварной школы о томъ, будто уже Вильгельмъ I раздѣлилъ всю земельную собственность *на военные лены*, ошибочно и основано на перенесеніи назадъ явленій позднѣйшей эпохи; ошибочно также утвержденіе, что было время, когда вся англійская поземельная собственность дѣлилась на *60,215 рыцарскихъ леновъ*, изъ которыхъ 28,015 были въ рукахъ духовныхъ владѣльцевъ, остальные-же въ рукахъ свѣтскихъ. Эти данныя произвольно выведены позднѣйшими историками изъ числа hidae и преувеличены, по крайней мѣрѣ, вдвое; число это есть одно изъ многихъ преувеличеній, въ какія нерѣдко впадали старые историки. *) Вообще Domesdaybook не заключаетъ въ себѣ никакихъ *ленныхъ* матрикулъ, а лишь однѣ матрикулы *земельнаго владѣнія*, на основаніи которыхъ только впослѣдствіи образовались матрикулы ленныя. Уже Пэльгрэвъ совершенно основательно обращаетъ вниманіе на то, что въ Domesdaybook ничего не говорится о «рыцарскихъ ленахъ», какъ особенной формѣ землевладѣнія; выраженіе feudum на языкѣ этой книги государственныхъ земель, вообще, обозначаетъ свободное земельное владѣніе эпохи господства новаго повелителя. Выраженіе miles является обыкновенно простымъ переводомъ англосаксонскаго Thegn. Domesdaybook регистрируетъ земельныя владѣнія только съ *прежними* налогами и повинностями на нихъ лежащими, но безъ всякаго упоминанія о *новыхъ* тягостяхъ и повинностяхъ, налагаемыхъ новымъ леннымъ устройствомъ; въ ней нѣтъ даже намека на то, чтобы новая военная служба отличалась отъ старой. Страна тутъ дѣлится не на рыцарскіе лены, а на hidae. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о «людяхъ» того или другого крупнаго землевладѣльца, имѣются въ виду, большею частью, только старый англосаксонскій служилый классъ или-же commendatio какому нибудь Hlâford'у на основѣ требованій англосаксонскаго полицейскаго права. Только въ послѣдующія поколѣнія *на основаніи* Domesdaybook'а устанавливается строгое распредѣленіе ленныхъ военныхъ обязанностей, а также разныя другія требованія царственнаго сюзерена, проводимыя въ жизнь при посредствѣ королевскаго казначейства.

Владѣніе страною началось послѣ битвы при Гастингсѣ съ тѣхъ

---

*) Цифра 60,015 рыцарскихъ леновъ, приводимая Hygden'омъ въ Polychronikon (I. c. 49) противорѣчитъ тому факту, что Казначейство никогда не было въ состояніи въ точности опредѣлить число рыцарскихъ леновъ. Изъ Hygden'а цифра 60,015 перешла въ такъ называемый Eulogium, изъ котораго ее опять взялъ Сельденъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Fortescue и этимъ превратилъ ее въ tralatitium. Ср. Stubbs, I. 424. Къ концу разсматриваемаго нами періода Stephan Segrave, министръ Генриха III, опредѣлилъ число рыцарскихъ леновъ въ 32,000. Но и съ этого числа никогда нельзя было собрать причитающихся „щитныхъ денегъ“.

графствъ, изъ ополченій которыхъ образовалось войско Гаральда; это подало поводъ къ обширнымъ конфискаціямъ земель «мятежниковъ», такъ что въ этихъ графствахъ едва-ли можно встрѣтить хоть одно англосаксонское имя въ числѣ tenentes in capite. Отсюда ужь завоеваніе распространяется далѣе на сѣверъ и западъ, пока, наконецъ, въ 1070 г. все было захвачено. При этомъ дальнѣйшемъ захватѣ страны все такъ-же строго проводится принципъ, по которому всякое участіе въ войнѣ противъ Вильгельма, какъ сопротивленіе законному наслѣднику короны, влечетъ за собой конфискацію. И вотъ эти-то конфискованныя земли безъ дальнихъ разсужденій жалуются норманамъ и нѣкоторымъ избраннымъ Angli. Что касается Angli не замѣшанныхъ въ дѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, менѣе скомпрометированныхъ, то въ видѣ милости имъ разрѣшалось сохранить свои владѣнія при посредствѣ redemption, о чемъ такому владѣльцу выдавалось королевское Breve (writ), которое съ этихъ поръ становится главнымъ документомъ, удостовѣряющимъ права на извѣстное помѣстье; техническое выраженіе для такой королевской милости—inbreviare. Смотря по обстоятельствамъ «inbreviatio» дается за небольшую, болѣе высокую, а иногда и весьма высокую плату, redemption-же распространяется на все владѣніе или только на часть его; вдовы и бѣднѣйшіе родственники въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже получали изъ милости маленькую часть владѣній своихъ мужей и близкихъ. Судя по Domesdaybook'y, redemption должно разсматривать какъ королевскій даръ, заключающійся въ томъ, что новый повелитель страны *оставляетъ* часть земли за старыми владѣльцами. Позднѣйшая юриспруденція имѣла такимъ образомъ почву подъ собою, когда старалась придать этимъ redemption смыслъ условныхъ пожалованій (tenure). Только церковныя земли были оставлены ихъ владѣльцамъ безъ унизительной формы inbrevatio, такъ-какъ къ нимъ не была примѣнима теорія *личнаго* лишенія имущества; однако въ послѣдующія царствованія и на церковныя владѣнія была всецѣло распространена система tenures.

По плану завоевателя такое дарованное или выкупленное владѣніе должно было быть привлечено въ *равномѣрной* поставкѣ тяжеловооруженныхъ ленныхъ милиціонеровъ. Для вновь пожалованныхъ норманскихъ землевладѣльцевъ въ этомъ не было ничего новаго: они привыкли у себя на родинѣ, къ леннымъ порядкамъ; для Angli-же, получившихъ новыя надѣленія или выкупленныя старыя владѣнія свои, это было вполнѣ законнымъ подведеніемъ ихъ подъ одинъ общій уровень. Однако, до осуществленія на практикѣ дѣло еще не дошло при жизни Вильгельма I; когда-же началось это осуществленіе, то вмѣстѣ съ нимъ возвратились и тѣ трудности,

противъ которыхъ вѣками боролось прежде англосаксонское правительство. Недоставало правильнаго мѣрила, для опредѣленія того, сколько кто долженъ выставить воиновъ. Хотя со временъ Альфреда и установилось приблизительное правило, по которому на пять hidae поставлялся одинъ вполнѣ вооруженный воинъ, но изъ этого не слѣдуетъ (какъ въ каролингскомъ законодательствѣ), чтобъ правило это обратилось въ законный принципъ,—распредѣленіе оставалось большей частью дѣломъ администраціи, принимавшей въ разсчетъ доходы съ имѣній въ тотъ или другой годъ и разныя другія обстоятельства, что и подавало поводъ къ постояннымъ пререканіямъ съ шерифомъ и вообще администраціей графствъ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ развивается обычная опредѣленная норма, которая впослѣдствіи и вносится старательно въ Domesdaybook **).

Кромѣ того, къ еще болѣе крупнымъ неудовольствіямъ и пререканіямъ должно было повести при новыхъ земельныхъ отношеніяхъ распредѣленіе конной службы, которая обходилась теперь еще дороже. Затѣмъ, большіе споры вызвала оцѣнка земельныхъ владѣній по доходамъ, которые послѣ всѣхъ многочисленныхъ *превратностей* и опустошительныхъ войнъ значительно измѣнились. Послѣ первой-же серьозной попытки собрать милицію (по поводу нападенія, угрожавшаго въ 1085 г.), король тотчасъ-же отъ нея отказался и предпочелъ, обложивъ высокой податью каждый гуфъ (hydagium), наскоро набрать наемное войско на эти деньги и на средства своей

**) Въ своей „Geschichte der Communalverfassung“ стр. 17, я уже подчеркнулъ, что въ англо-саксонскій періодъ отправленіе воинской повинности не было точно опредѣлено з а к о н о м ъ, пропорціонально числу гуфовъ владѣнія. Поэтому и въ Domesday только спорадически встрѣчается такое точное опредѣленіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при королевскихъ пожалованіяхъ устанавливалось въ качествѣ привилегіи число воиновъ, б о л ь ш е котораго нельзя было требовать. Такъ, при одномъ большомъ пожалованіи, около 800 г., говорится: verum etiam in expeditionis necessitatem viri quinque tantum mittantur. (Coenuulf 799—802 у Kemble, Codex, Introd. p. LI). Вскорѣ затѣмъ опять: expeditionem cum duodecim vasallis et cum tantis scutis exerceant (idem 821). Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о большомъ дареніи 20 селеній одному монастырю (cod. dipl. I. 272). Что при большихъ дареніяхъ церквамъ и монастырямъ прямо выговаривалось число имѣющихъ ими быть поставленными воиновъ—это понятно, такъ какъ общее число воиновъ съ той или другой сотни оставалось тоже самое, слѣдовательно недостающіе, непоставленные духовными владѣніями воины должны были-бы быть возмѣщены сосѣдями. Точно въ такомъ-же родѣ должно себѣ представить привилегіи городовъ въ позднѣйшій англо-саксонскій періодъ. Военная повинность отправлялась ими какъ-бы за 5, 10, 15, 20 hidae. Нѣкоторые откупаются отъ нея, при чемъ Честеръ платитъ за 50 hidae, Shrewsbury за 100 (Lappenberg I. 613). Послѣ завоеванія такая организація, въ качествѣ мѣстнаго обычая, встрѣчается въ нѣкоторыхъ графствахъ, какъ напр. въ Berkshire I. 56 b.: si rex mitteбat alicubi exercitum de V hidis tantum unus miles ibat, et ad ejus victum vel stipendium de unaquaque hida dabantur ei IV solidi ad II menses. Такъ какъ единица измѣренія въ 5 hydae была установлена только самою-же администраціею, то на практикѣ это часто видоизмѣнялось и какъ нѣчто прочное утвердилось только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ графствахъ.

собственной казны. Благодаря такому положенію дѣлъ и возникъ хорошо обдуманный планъ завести книгу государственныхъ земель, *регистрирующую всѣ факторы, которыми должно было руководствоваться въ послѣдующихъ наборахъ при вычисленіи количества требуемыхъ „щитовъ“, и вообще при опредѣленіи разныхъ ленныхъ повинностей.* Съ 1086 г. въ казначействѣ опредѣляется величина земельнаго владѣнія, обязаннаго доставлять одного тяжеловооруженнаго воина (servitium unius militis); эти feuda militum не были «рыцарскими помѣстьями» съ опредѣленнымъ пространствомъ, а просто представляютъ собою извѣстное количество земли. «Рыцарскій ленъ не есть какая-нибудь усадьба или гуфа опредѣленныхъ размѣровъ, а только извѣстный размѣръ владѣнія (Besitzquantum) налагающій обязанность на его обладателя поставлять одного вполнѣ вооруженнаго воина на время похода. Въ составъ такого владѣнія входитъ не только пахатная земля и луга, но также и зданія, лѣса, мельницы, рыбныя ловли, солеварни и рудники, пошлины, ярмарочный сборъ, десятины и пр.; сюда-же въ качествѣ принадлежности земли относится и вся масса населяющихъ ее крестьянъ; крупнѣйшіе города и ничтожнѣйшія деревушки, даже отдѣльные дворы, крестьяне, бывшіе нѣкогда свободными аллодіальными владѣльцами, челядь,—все это входитъ въ составъ лена съ присоединеніемъ всѣхъ относящихся сюда повинностей, податей, и налоговъ. Во весь періодъ среднихъ вѣковъ обычнымъ мѣриломъ рыцарскаго лена является не полевая мѣра, а поземельная рента въ 15, позже почти всегда въ 20 фунтовъ серебра»***). Ни въ какой связи со всѣмъ предыдущимъ не стоятъ судебныя и полицейскія права manor'a; manor можетъ быть и больше и меньше рыцарскаго лена, почему и не имѣетъ отношенія къ военной службѣ. Только съ теченіемъ времени, и то только отчасти, устанавливается опредѣленный объемъ для рыцарскаго лена.

Установивъ такимъ образомъ на будущія времена книгой государственныхъ земель принципы распредѣленія военныхъ тягостей, Вильгельмъ задумалъ *увѣнчать* зданіе своей системы, именно ввести

***) Я позволяю себѣ привести эти слова изъ 2 изд. моей „Englisch. Verwaltungsrecht“, потому что они передаютъ сущность дѣла. И при Генрихѣ II, послѣ полнаго развитія рыцарскихъ леновъ въ liber nigrum встрѣчаются feuda militum въ 2, $2^1/_2$, 4, 5, 6 hydae. Такъ напр. Geoffrey Ridel показываетъ, что отецъ его владѣлъ 184 Carucatae (=100 acres), за которое обязанъ былъ поставлять 15 всадниковъ, но изъ которыхъ не были сформированы отдѣльные рыцарскіе лены; просто обязательство, при круговой порукѣ, лежало на каждой carucata. Такимъ образомъ и тогда еще дѣло было такъ устроено, что производилась общая оцѣнка всего помѣстья по приносимому имъ доходу, но не дѣлалось раздѣленія на отдѣльные рыцарскіе лены. (Stubbs I. 264). Весьма хорошо воспользовался выдержками изъ Domesdaybook'a Freeman, V. Append. A. B. C. D.

всеобщую, непосредственную присягу въ ленной вѣрности, къ которой привлекаются не только коронные вассалы, но и ихъ подвассалы, и всѣ крупнѣйшіе вольные земледѣльцы страны (omnes praedia tenentes, quotquot essent notae melioris per totam Angliam). Современники понимали все важное значеніе этого акта (milites eorum sibi fidelitatem contra omnes homines jurare coegit. Florence).

Послѣдующіе норманскіе короли во всемъ объемѣ пользуются плодами установленной Вильгельмомъ системы. Въ качествѣ наслѣдницы англосаксонскаго правительства новая королевская власть сохраняетъ всѣ права и доходы своихъ предшественниковъ; въ качествѣ верховнаго леннаго сюзерена, она присоединяетъ къ нимъ еще и новыя ленныя права и преимущества; оба положенія даютъ ей возможность предъявлять свои притязанія на всеобщее повиновеніе, военную службу и наложеніе податей. Всѣ homines суть вассалы *короля*, онъ можетъ требовать ихъ въ *свое* войско, призывать ихъ въ *свое* судилище, налагать подати въ пользу *своей* казны, и все это безъ посредства какихъ-либо третьихъ лицъ. Трудно сказать, какія громадныя послѣдствія могло-бы породить это двойственное положеніе, еслибъ судьба человѣческая не имѣла обыкновенія всему класть предѣлъ, который явился и на этотъ разъ въ видѣ тѣхъ сомнительныхъ и спорныхъ правъ, съ какими вступали на престолъ *всѣ* короли этого періода, а также и въ той борьбѣ, которую должны были вести *всѣ* правительства перваго столѣтія противъ опасныхъ бунтовъ крупнѣйшихъ васаловъ, постоянно возстававшихъ то въ Англіи то на материкѣ единовременно, или поочередно. Тотчасъ послѣ завоеванія Англіи, начинается опасный мятежъ Ральфа Гвадера и Рожера, сына Фитца Оборна. Сто лѣтъ, до самой смерти Генриха II, продолжаются эти возмущенія крупныхъ васаловъ противъ невыносимыхъ притязаній англійской ленной системы и кончаются только съ устраненіемъ или упадкомъ *всѣхъ* значительнѣйшихъ родовъ, стоявшихъ въ эпоху завоеванія во главѣ военной аристократіи. Впродолженіе всей этой борьбы національный англосаксонскій элементъ сохраняетъ непоколебимую вѣрность королю, почему и получаетъ значительное расширеніе правъ, данное ему не только изъ нравственныхъ побужденій, въ благодарность, но и изъ политическихъ. Юридическое уравненіе англосаксовъ съ норманнами, прочная организація центральнаго управленія, расширеніе самоуправленія графствъ, городовъ, гильдій и всѣхъ тѣхъ элементовъ которые могли служить противовѣсомъ крупнымъ вассаламъ,—все это само собою диктуется англонорманской королевской власти, все это является самой подходящей къ положенію вещей политикой, которой

королевская власть и держится безъ всякаго пристрастія къ какой-либо одной національности †).

Уже *Вильгельмъ Рыжій*, ища опоры противъ мятежныхъ вельможъ въ своихъ Anglis, даетъ имъ широковѣщательныя обѣщанія, не думая, конечно, осуществить ихъ на практикѣ. Въ это правленіе проявляется вся грубая насильственность и жадность королевской власти въ ея пользованіи своими верховными ленными правами. Нѣкій изворотливый клирикъ этой эпохи, Ранульфъ Фламбардъ, въ качествѣ великаго юстиціарія, безпощадно попираетъ интересы церкви и свѣтскихъ землевладѣльцевъ въ пользу королевскаго фиска; онъ первый даетъ толчокъ неумѣренному стремленію англійскаго казначейства все обращать на пользу фиска.

Этотъ именно образъ дѣйствій вызвалъ многообѣщающую хартію, съ которою выступаетъ *Генрихъ I* вначалѣ своего правленія, чѣмъ и пріобрѣтаетъ расположеніе націи въ пользу своихъ недостаточныхъ правъ. Каждая фраза этой хартіи бросаетъ свѣтъ на принципы, руководившіе поступками предшествовавшаго царствованія. Обѣщанія, на этотъ разъ, дѣйствительно сдерживаются въ существенныхъ своихъ чертахъ, что и составляетъ возвращеніе на путь благоразумной политики Завоевателя. Подобно этому послѣднему и Генрихъ избѣгаетъ пожалованій крупнымъ вассаламъ земель и юрисдикцій въ большихъ размѣрахъ. Финансовое управленіе онъ сосредоточиваетъ въ рукахъ казначейства, облегчаетъ доступъ къ curia regis; съ другой стороны онъ расширяетъ значеніе судовъ графства и льготныхъ хартій, дарованныхъ городамъ и гильдіямъ. Объѣздами своихъ юстиціаріевъ и казначейскихъ коммиссаровъ онъ приводитъ въ непосредственную связь королевскую юрисдикцію съ провинціальнымъ управленіемъ, такъ что устраняется всякая возможность къ тому, чтобы владѣнія земельной аристократіи приняли характеръ замкнутости и обособленности, подобно континентальнымъ, почти самостоятельнымъ отъ королевской власти феодальнымъ владѣніямъ.

Послѣ Генриха престолъ переходитъ по нисходящей линіи въ руки *узурпатора Стефана*, устранившаго отъ правленія императрицу Матильду, дочь Генриха. Рыцарское легкомысліе Стефана ищетъ расположенія вассаловъ посредствомъ неразумной раздачи коронныхъ земель и медлительнаго выполненія законовъ; но какъ только истощается это средство для пріобрѣтенія приверженцевъ, тотчасъ же начинается упорное возстаніе бароновъ. Даже мирные магнаты и епископы чувствуютъ себя вынужденными прибѣгнуть къ укрѣпленію своихъ замковъ и военнымъ приготовленіямъ ради самозащиты. Въ

---

†) Для нижеслѣдующаго обзора могу указать на превосходный очеркъ правительственныхъ эпохъ въ Stubbs, Select Charters.

этотъ критическій моментъ Стефанъ совершаетъ безумный шагъ арестомъ своего великаго юстиціара—епископа Александра, что страшно возстановило духовенство. Теперь исчезаетъ всякій порядокъ въ государствѣ, ни Стефанъ, ни императрица Матильда не пользуются прочными симпатіями страны, а происходящая во имя этихъ двухъ претендентовъ борьба рыцарей и бароновъ преслѣдуетъ на самомъ дѣлѣ только личные, феодальные интересы мятежниковъ. На мѣстѣ прежняго государственнаго благоустройства воцаряются обычныя всякому феодальному строю смуты и неурядицы: частныя междоусобія, укрѣпленные замки, насильственное присвоеніе крупными и мелкими баронами судебной власти и права чеканить монету, дикія распри между собою дружинниковъ; все это, подъ предлогомъ защиты интересовъ Стафана или Матильды, продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, при посредствѣ духовенства, совершается компромиссъ въ пользу Генриха, сына Матильды.

Генрихъ II всходитъ на престолъ, не вызывая протеста и ничѣмъ не обязываясь ни одной изъ партій. Онъ принимаетъ рѣшеніе управлять Англіей и своими обширными владѣніями на французской почвѣ, какъ *англійскій* король. Положенныя Вильгельмомъ I и Генрихомъ I основы государственнаго управленія и администраціи графствъ подвергаются теперь систематической передѣлкѣ. Установленіемъ связи между центральнымъ королевскимъ правительствомъ и національными судами графствъ, власть крупныхъ васаловъ приводится въ достодолжныя границы; благодаря дѣльной и преданной коронѣ чиновничьей аристократіи, начало которой положилъ епископъ Рожеръ изъ Салисбёри при Генрихѣ I, вырабатывается превосходная техника норманскаго государственнаго управленія. Не смотря даже на несчастныя семейныя обстоятельства и неблагопріятныя внѣшнія условія позднѣйшаго царствованія Генриха II, внутренняя организація казначейства, curiae regis, суда, войска и финансовъ продолжаетъ послѣдовательно развиваться.

По вступленіи на престолъ странствующаго рыцаря *Ричарда I*, благодаря разумной дѣятельности чиновниковъ, стоявшихъ во главѣ управленія, развитіе государственнаго устройства продолжаетъ идти своимъ обычнымъ чередомъ до тѣхъ поръ, пока въ царствованіе недостойнаго его преемника *Іоанна* не наступаетъ кризисъ, приводящій къ Magna Charta.

Таковы внѣшнія рамки *внутренняго образованія* государственнаго строя, единственнаго въ своемъ родѣ среди европейскихъ государствъ средневѣковаго міра.

§ 8.

Норманская администрація графствъ.

Завоеватель нашелъ въ Англіи благоустроенное дѣленіе страны на графства, сотни, вотчинные округи и соотвѣтствующую этому административную систему эрловъ, ширгерефовъ, королевскихъ и вотчинныхъ герефовъ. Для легитимнаго наслѣдника корсля Эдуарда сохраніе всего этого казалось болѣе или менѣе обязательнымъ. Но помимо такой вынужденности, нѣсколько лѣтъ пребыванія въ Англіи были достаточны для того, чтобы убѣдить Завоевателя, что нѣтъ болѣе выгоднаго способа упроченія его владычества, чѣмъ та система герефовъ, которую онъ засталъ. Такимъ образомъ внѣшнія рамки администраціи страны остаются неизмѣнными и расширяются только нѣкоторыми компетенціями, вытекшими изъ установленія ленной системы. Но кое въ чемъ замѣтно и ограниченіе, именно благодаря рано начавшейся централизаціи.

I. *Должность эрла* уже въ послѣднее столѣтіе англосаксонскаго періода приняла характеръ *верховнаго намѣстничества*, причемъ замѣчается перемѣна въ группировкѣ шировъ и довольно частыя измѣненія въ личномъ составѣ. Званіе эрла есть въ это время высшій свѣтскій санъ, соотвѣтствующій герцогскому достоинству на континентѣ, чѣмъ оно и остается вплоть до Эдуарда III, такъ какъ duces Нормандіи, понятно, избѣгали давать своимъ подданнымъ титулъ dux'a. Нѣсколько англосаксонскихъ эрловъ сохранили на нѣкоторое время свое Earldom. На мѣсто-же мятежныхъ эрловъ были назначены крупные ленники изъ норманновъ. Нѣкоторые феодалы, повидимому, получили титулъ эрла только потому, что въ Нормандіи они были графами. Обыкновенно, но не всегда, къ званію эрла присоединялся высокій *военный* рангъ и за тѣмъ самый актъ возведенія въ это званіе совершался чрезъ церемонію опоясыванія мечемъ (gladio comitatus cingi), не связывая однако-же, съ этимъ активнаго командованія. Обычное право эрла получать треть съ непосредственныхъ поборовъ графства сначала осталось въ своей силѣ. Но уже заговоръ графовъ 1074 года достаточно ясно показалъ ту опасность, которая угрожаетъ королевской власти, если оставить графовъ во главѣ администраціи. Съ этихъ поръ назначенія совершаются съ большою осторожностью, и притомъ назначаются только лица, которыя и въ Нормандіи носили графскій титулъ. Позднѣе, эрлами, большею частью, назначаются члены королевской фамиліи, причемъ ихъ, по возможности, отстраняютъ отъ дѣйствительнаго завѣдыванія дѣлами графства. Прежняя административная должность превращается въ высшее *по-*

четное званіе, связанное съ многими почестями, но, по возможности, съ малымъ количествомъ административныхъ функцій. Въ Domesdaybock еще занесены десять Comites и десять Comitissae. Такимъ образомъ, большинство графствъ, вообще, не имѣютъ никакого Comes. Тамъ-же гдѣ имѣется графъ, онъ не пользуется правомъ юрисдикціи, не имѣетъ военнаго командованія, не завѣдуетъ судомъ графства и вообще ничѣмъ спеціально не завѣдуетъ. Съ графствомъ, имя котораго онъ носитъ, эрлъ связанъ исключительно tertius denarius'омъсъ годовой откупной суммы шерифа. Уже древнѣйшія казначейскія записи заключаютъ въ себѣ отмѣтки платежей въ 11, 16, 20, 23 ф. стерл. и т. д. подъ рубрикою tertius denarius. Но это есть только donatio sub modo, текущая рента «fore th better support of the dignity of on Eorl»; она основывается на простомъ платежномъ приказѣ (precept) шерифу и не есть слѣдовательно, опредѣленное право, не есть опредѣленное феодальное право, и потому для него и не полагается никакой инвеституры. При случаѣ эрлъ назначается также шерифомъ—даже въ своемъ собственномъ графствѣ, какъ Коспатрикъ при Вильгельмѣ I. Такой эрлъ, какъ и всякій другой шерифъ, отдаетъ отчетъ казначейству, причемъ казначейскимъ рескриптомъ (Warrant) за нимъ оставляется только tertius denarius (Madox II. 164). Графское достоинство имѣетъ уже слѣдовательно характеръ позднѣйшаго дворянскаго титула, также какъ и неопредѣленность имени, которое дается то по какому-нибудь городу (Salisbury, Winchester, Carlisle), то по какой-нибудь мѣстности (Striguil, Clare), то по фамильному имени (Warenne, de Ferrers). Произведенному въ графы либо дается tertius denarius, либо опредѣленная рента, но позднѣе ни то, ни другое. Графское достоинство вскорѣ начинаетъ переходить по наслѣдству къ женщинамъ, а то бываетъ, что оно и не переходитъ къ женщинамъ, смотря по редакціи пожалованія, которое съ самого начала, повидимому, совершается путемъ дачи патента.

Изъ этого отношенія норманскаго правительства къ эрламъ есть нѣсколько исключеній, именно такъ наз. Counties Palatine пограничныхъ марокъ, но они, однакоже, не оказали опредѣленнаго вліянія на всю систему администраціи графствъ [1]).

---

[1]) *О званіи норманскаго эрла* ср. Spelman, Glossarium слова Comes; Selden, Titles of Honor III. 638 и слѣд.; Heywood, Ranks стр. 95 и слѣд.; Madox, Exchequer II. 400; Baronia Anglica I. c. 1.; Hallam, Middle Ages; Ellis, Introduction; Peerage Reports III. 178, 211 и слѣд. Споръ о томъ, съ какого времени званіе эрла стало просто титуломъ, больше представляетъ собою споръ о словахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы званіе это было только почетнымъ званіемъ для тѣхъ Comites, которымъ еще жаловалась треть судебныхъ пошлинъ, fines и другихъ доходовъ (о размѣрѣ ихъ ср. Heywood 100, 101, 108). Рѣшающимъ, въ данномъ случаѣ, является вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ Со-

Дѣйствительно завѣдуетъ дѣлами графства, послѣ устраненія отъ нихъ эрла, ширгерефа, но уже зависящій не отъ эрла, но отъ личныхъ приказаній короля и органовъ норманской центральной администраціи.

II. Важная *должность норманскаго* Vicecomes тождественна съ старою должностью *ширгерефа*, съ тою только разницею, что назначаются на нее надежные норманны. На французской почвѣ у норманновъ существовало нѣчто подобное подъ именемъ Bailiffs, которые въ качествѣ намѣстниковъ пожалованнаго каролингскимъ графскимъ достоинствомъ герцога, носятъ титулъ Vicecomes. Латинскій дѣловой языкъ усвоилъ себѣ въ норманской Англіи это слово—Vicecomes, но англосаксонскому народному языку оно не привилось. Норманское обозначеніе bailiff, приблизительно соотвѣтствующее саксонскому герефа, употреблялось позднѣе болѣе въ примѣненіи къ подфогтамъ Vicecomes'а. А завѣдующимъ дѣлами графства туземное населеніе оставило старое, привычное названіе ширгерефа, шерифа, которое поэтому и становится съ теченіемъ времени преобладающимъ. Соотвѣтственно англосаксонской системѣ администраціи, обязанности Vicecomes'а состоятъ изъ слѣдующихъ четырехъ основныхъ функцій:

1. Въ качествѣ *военнаго фохта* короля онъ, вмѣстѣ съ собраніемъ графства, завѣдуетъ распредѣленіемъ кадровъ и вообще разными дѣлами по отправленію воинской повинности. Эти дѣла нѣ-

---

mes, какъ таковой, имѣетъ военное командованіе, въ какой мѣрѣ онъ *руководитъ* собраніемъ графства и дѣломъ сохраненія мира. И вотъ на это-то можно, на основаніи всѣхъ имѣющихся грамотъ, касающихся административнаго управленія, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣчать отрицательно. Относительно тѣхъ случаевъ, когда Comes въ качествѣ Vicecomes'а завѣдуетъ графствомъ, ср. Madox II. 400.

Мѣстнымъ исключеніемъ является, послѣ завоеванія, графство *Честеръ*, въ которомъ, сообразно потребностямъ пограничной защиты, назначался намѣстникъ съ непосредственнымъ правомъ пользованія jura regalia. Со временъ Генриха II, такія исключительныя графства нерѣдко назывались *пфальцграфствами*. Такою-же обширною властью пользуются графы въ Шрусбери на границѣ *Вельса*, въ Дургэмѣ, на границѣ *Шотландіи*, въ Кентѣ, гдѣ могло произойти нападеніе со стороны Пикардіи. Два изъ этихъ пфальцграфскихъ мѣстъ нарочно соединены съ *духовнымъ* саномъ, для того чтобы не могло образоваться наслѣдственное право одного какого-нибудь рода. Такіе намѣстники обыкновенно называются графами, но чаще, однако, и не называются такъ (Marchers of Wales); ежели они уже имѣютъ графское достоинство, то только оно одно наслѣдственно; намѣстничество-же разсматривается какъ отдѣльное отъ этого пожалованіе. II. Peerage Report 255. При Стефанѣ, повидимому, было назначено много новыхъ Comites и съ болѣе обширною властью; но эти псевдо-графы были при Генрихѣ II опять смѣщены. Возникновеніе позднѣйшаго пфальцграфства Ланкастеръ произошло благодаря личнымъ видамъ этого дома, который старался, рядомъ съ узурпированной короной, оставить себѣ родовыя владѣнія. Всѣ эти сравнительно незначащія колебанія не имѣли рѣшающаго вліянія на всю систему. Что званіе эрла съ самаго начала носитъ характеръ личнаго сана признаетъ и Peerage Report III. 178. 211. 212.

сколько упрощаются, съ тѣхъ поръ какъ съ помощью Dome-day-book можно было составить призывные списки. На основаніи ихъ шерифъ долженъ исполнять приказы короля о созывѣ ленниковъ, приказы адресованные ему какъ представителю исполнительной власти. Тамъ, гдѣ въ графствѣ есть королевскій бургъ, шерифъ заботится о снаряженіи рыцарей (knights), всадниковъ (serjeants) и пѣшихъ солдатъ, также и о снабженіи ихъ провіантомъ, издержки на который опредѣляются казначействомъ. Въ случаѣ надобности, шерифъ также заботится о снаряженіи кораблей. Въ пограничныхъ провинціяхъ шерифъ руководитъ также и защитою страны, если не имѣется особый намѣстникъ съ болѣе или менѣе обширными полномочіями. Съ тѣхъ поръ, какъ при Генрихѣ II снова оживаетъ старая система милиціи, шерифъ также руководитъ милиціею графства. И вообще всегда, когда въ цѣляхъ военныхъ, судебныхъ и финансовыхъ требуется содѣйствіе военной силы, ее доставляетъ шерифъ.

2. Въ качествѣ *представителя королевскаго правосудія* Vicecomes является преемникомъ англосаксонскаго ширгерефа: онъ предсѣдательствуетъ въ судѣ графства, и вообще руководитъ періодическими судебными днями графства и сотень. Вмѣсто тановъ и свободныхъ земледѣльцевъ, контингентъ судебныхъ мужей составляется теперь изъ вассаловъ, подвассаловъ и свободныхъ земледѣльцевъ, норманновъ и саксовъ. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи судебная организація могла и дальше существовать въ старыхъ рамкахъ своихъ. Но недостаточно ревностное отношеніе судебныхъ мужей къ своимъ обязанностямъ и другія обстоятельства ведутъ мало по малу къ централизаціи судебнаго дѣла при дворѣ, которая отнимаетъ у Vicecomes'а много судебныхъ обязанностей. А съ другой стороны полицейскій духъ новаго правительства выдвигаетъ судебные дни сотень на первый планъ. Приведеніе приговоровъ въ исполненіе, взысканіе штрафовъ и конфискація составляютъ непосредственную обязанность Vicecomes'а.

3. Въ качествѣ *полицейскаго фота* короля, Vicecomes завѣдуетъ всѣми дѣлами по охраненію мира, преслѣдованію нарушителей его, для чего въ случаѣ надобности пользуется ополченіемъ всего графства. Онъ-же принимаетъ поручительства за доброе поведеніе того или другого лица и контролируетъ всю систему ручательства десятковъ. Потребности времени значительно расширили всѣ эти полицейскія функціи и превратили ее въ почти необъятную систему наложенія полицейскихъ штрафовъ. Для практическаго осуществленія этой полицейской организаціи вскорѣ учреждаются подъ именемъ turnus vicecomitis и visus frankplegii періодическія полицейско-судебныя собранія для каждой сотни. Чѣмъ больше отпадаетъ отъ

должности шерифа ея судейскій характеръ, тѣмъ сильнѣе выступаетъ на первый планъ ея полицейское значеніе.

4. Наконецъ исправленіе шерифомъ должности *завѣдующаго королевскими домэнами* (gerêfa, bailif) пріобрѣтаетъ, благодаря организаціи норманской администраціи, весьма важное значеніе. Какъ и въ англосаксонское время Vicecomes'y ввѣряется управленіе королевскими домэнами, которыми онъ въ предѣлахъ своего округа завѣдуетъ также всецѣло, какъ завѣдуетъ управляющій имѣнія всякимъ частнымъ помѣстьемъ. Онъ принимаетъ домэны со всѣмъ инвентаремъ, дополняетъ недостающее, и расходы, нужные для этого, возмѣщаетъ, по опредѣленной таксѣ, изъ откупной суммы (Madox II. 152). Въ нѣкоторыхъ графствахъ къ домэнамъ присоединяются остатки земель, которые были предоставляемы англосаксонскому ширгерефу въ качествѣ вознагражденія за его службу (reeveland). Совокупность всѣхъ этихъ земель образуетъ corpus comitatus, соразмѣрно которому опредѣляется откупная сумма за годъ. Въ позднѣйшее время, когда благодаря раздачамъ (terrae datae) corpus comitatus значительно уменьшился, онъ заключаетъ въ себѣ только, «remanens firmae post terras datas», но и это часто было отягощено разными пенсіями и т. п. Значительную часть доходовъ съ домэнъ составляютъ повинности съ крестьянъ, которыми король пользуется въ качествѣ землевладѣльца. Натуральныя повинности зерномъ, съѣстными припасами, подводами, ручнымъ трудомъ уже въ Domesdaybook часто переведены на деньги. Съ учрежденіемъ казначейства это превращеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя все больше и больше развивается и уже при Генрихѣ I становится общимъ явленіемъ.

Сюда-же относятся издавнія права короля на суда, потерпѣвшія крушеніе, на клады и другіе доходы прежнихъ финансовыхъ регалій; точно также права королевской власти на выморочныя и конфискованныя имѣнія, многочисленные поборы и штрафы, конфискація движимаго имущества (catalla) казненныхъ и спасшихся бѣгствомъ преступниковъ. Благодаря феодальной системѣ доходы, имѣющіе своимъ источникомъ верховныя права королевской власти, чрезвычайно увеличиваются въ норманскій періодъ, и это увеличеніе норманскіе короли прочнѣе удерживаютъ за собою, нежели ихъ преемники. Ленная система прибавляетъ къ общей системѣ королевскихъ доходовъ еще relevia и другіе случайные доходы, причемъ уже очень рано устанавливается, что слѣдующій королю платежъ производится непосредственно королевскому двору. Около времени возникновенія Domesdaybook'a существовало правило, что только васалы (taini), которые владѣютъ шестью или менѣе maneria, платятъ свой relevium Vicecomes'y. Имѣющіе-же болѣе шести

maneria платятъ непосредственно казначейству (по крайней мѣрѣ относительно двухъ графствъ этотъ принципъ прямо выраженъ. Do. 280. b. 298. b.) [1])

Необходимость управиться со всѣми этими многочисленными финансовыми и судебными дѣлами уже очень рано создаетъ *чиновничество*, казначейскихъ писцовъ, Clerici, Clerks, между которыми слѣдуетъ искать родоначальниковъ подшерифовъ нашего времени. Для собиранія поборовъ и рентъ, для конфискаціи и залоговъ шерифъ назначаетъ для сотенъ подфогтовъ—Ballivi Hundredorum затѣмъ служащихъ людей для прислуживанія и разсылки въ качествѣ гонцевъ,—они также называются bailiffs или-же servientes; наконецъ разъѣздныхъ подфогтовъ—bailiffs errant. Вообще положеніе шерифа въ качествѣ посредника финансовыхъ дѣлъ между казначействомъ и плательщиками стало до того запутаннымъ, что (подобно тому, какъ это установилось во многихъ германскихъ государствахъ) въ концѣ концовъ возникла «отдача на откупъ» должности шерифа, для того, чтобы неопредѣленная и шаткая сумма поборовъ превратилась для государства въ точно опредѣленный доходъ. Правда, мы между шерифами, поперемѣнно, встрѣчаемъ то откупщиковъ (fermors), то администраторовъ (custodes), разница между которыми заключается въ томъ или другомъ способѣ сведенія счетовъ. Но преобладающимъ типомъ становится отдача на откупъ, и при нѣкоторыхъ короляхъ это можно прослѣдить почти относительно всѣхъ графствъ. Отдача на откупъ бываетъ иногда на четверть года, иногда на полгода, но всего чаще на годъ. Нерѣдко и на цѣлый рядъ лѣтъ, но откупная сумма высчитывается королемъ и, по желанію короля, сдѣлка можетъ быть уничтожена. Откупная сумма часто равняется той, которую платилъ предшественникъ (antient ferm), или же къ старой суммѣ дѣлается прибавка (increment). По докумен-

---

[2]) О норманскомъ Vicecomes въ качествѣ военнаго коммиссара мы еще будемъ говорить въ § 9. Спеціальныя обязанности его при снаряженіи гарнизоновъ бурговъ обусловливались тѣмъ, что 40-дневной ленной службы было для этого недостаточно, и явилась потребность въ болѣе постоянномъ гарнизонѣ, получающемъ жалованье. Отсюда частые платежи производимые milites'амъ и servientes'амъ, всадникамъ и пѣхотинцамъ во время нахожденія ихъ въ бургахъ, и во время походовъ. Dialogus de Sc. Madox II, 422. Ср. Madox I. 220, 370 etc. (гдѣ тоже встрѣчается платежъ въ 1228 L.)

О vicecomes'ѣ, какъ о руководителѣ правосудія будемъ еще говорить въ § 10, о его положеніи въ качествѣ полицейскаго фохта въ § 11.

Въ судебныхъ сводахъ и сборникахъ того времени о полицейскихъ функціяхъ vicecomes'а говорится одинаковымъ образомъ, какъ объ этихъ-же функціяхъ англосаксонскаго ширгерефа, напр. относительно установленія имъ мира Henr. 79. § 4, о вызовахъ, дѣлаемыхъ имъ Henr. 41. § 5, о залогахъ Henr. 6. 51. § 4, обвиненіяхъ въ воровствѣ Henr. 66. § 9. Leges Wilelmi, подтвердили прежнія полицейскія права и обязанности ширгерефа. Къ финансовымъ функціямъ Vicecomes'а мы еще возвратимся въ § 12.

тамъ казначейства можно прослѣдить, что происходили формальные торги, такъ напр. разъ канцлеръ, епископъ Элійскій, предлагаетъ за графства Іоркъ, Линкольнъ и Нортгамптонъ 1500 марокъ серебра впередъ и 100 марокъ прибавки; архіепископъ-же Іоркскій только за одинъ Іоркъ 3000 марокъ серебра впередъ и 100 марокъ серебра прибавки. Генеральный откупщикъ долженъ представить казначейству надежныхъ лицъ въ качествѣ поручителей, которые обезпечивали-бы строго опредѣленное теперь *сведеніе счетовъ*. Два раза въ годъ, къ пасхѣ и главному термину — дню св. Михаила, шерифъ лично является въ казначейство. Это и есть тѣ duo scaccaria, два платежныхъ термина, о наступленіи которыхъ всѣ должники короля въ графствѣ своевременно предувѣдомляются. Въ каждый изъ этихъ терминовъ шерифъ привозитъ часть откупной суммы и вообще всѣ слѣдующія съ него другія деньги (summonces). И то и другое являются платежемъ впередъ (profer); затѣмъ слѣдуетъ (съ приложеніемъ квитанцій) visus compoti; и наконецъ summa. Часто для провѣрки и разслѣдованія дѣйствій шерифовъ, взимавшихъ платежи безъ выдачи квитанцій и вообще заподозрѣнныхъ въ неправильностяхъ, посылаются спеціальные коммиссары 2a).

Общее значеніе шерифа, какъ военнаго коммисара, призывающаго рыцарей подъ знамена, какъ казначея, чрезъ руки котораго проходятъ всѣ государственные платежи маленькихъ провинцій, какъ судебнаго фохта, который въ качествѣ представителя королев-

---

2a) Объ отчетности Vicecomes'a въ томъ видѣ, какъ она установилась при Генрихѣ II даетъ намъ свѣдѣнія Dialogus de Scaccario, II. c. 1, 2, 4, Madox II. 407—16. Приглашеніе отъ казначейства представить отчетъ гласитъ: „Vide sicut te ipsum et omnia tua diligis, quod sis ad Scaccarium ibi vel ibi, in crastino Sancti Michaelis, et habeas ibi tecum quidquid debes de veteri firma vel nova, et nominatim haec debita subscripta“ (слѣдуютъ отдѣльныя платежныя статьи). Иной разъ это приглашеніе прибавляетъ очень рѣзко: „Alioquin sic te castigabimus, quod poena tua aliis Ballivis nostris dabitur in exemplum“. Madox I. 356. Замѣстительство при дачѣ отчета допускается только въ томъ случаѣ, если на это имѣется спеціальный королевскій мандатъ; въ позднѣйшія времена для этого требуется только спеціальное согласіе президента казначейства. Обращается, при этомъ, вниманіе на то, чтобы между замѣстителями находился по крайней мѣрѣ одинъ miles, а не только clerici, „quia non decet eos pro pecunia vel ratiociniis comprehendi“. Madox II. 415. Если обязанный представить отчетъ— коронный вассалъ, то залогомъ за него, въ случаяхъ недостачи, служитъ его ленъ или-же онъ подвергается личному задержанію, но такое задержаніе miles'a должно быть соотвѣтственно его званію. Предоставленіе всѣхъ должностныхъ функцій замѣстителямъ можетъ быть дозволено только спеціальнымъ указомъ короля. Въ Rotuli 5 Jo. мы находимъ въ этомъ положеніи Subvicecomes'a pro Cancellario. Но и разныя другія уступки дѣлаются за извѣстную плату, такъ въ 12 Ioh. мужи графства Дорсетъ и Сомерсетъ платятъ 1200 марокъ серебра, quod rex constituat eis Vicecomitem de se ipsis talem, qui residens sit in comitatibus illis excepto W. Brieverre et suis etc. Подобныя просьбы о томъ, чтобы такое-то и такое лицо не назначалось шерифомъ встрѣчаются не рѣдко. Такимъ-же путемъ возникаютъ первые случаи разрѣшенія за извѣстную плату самимъ выбирать себѣ шерифовъ.

скаго мира имѣетъ право приговора надъ самыми могущественными людьми, все это, по понятіямъ того времени, должно было создать убѣжденіе, что такую должность можетъ занимать только коронный васалъ или свѣдущее духовное лицо. Норманская аристократія не брезгаетъ доходными мѣстами. Вотъ почему мы временами находимъ въ числѣ шерифовъ королевскихъ сыновей (при Генрихѣ III — Ричардъ, сынъ короля), Великихъ судей государства и другихъ важныхъ придворныхъ сановниковъ, затѣмъ Кентербёрійскихъ и Іоркскихъ архіепископовъ, множество епископовъ, иногда высокопоставленнаго королевскаго капеллана. Но всего чаще встрѣчаются имена такихъ норманскихъ землевладѣльцевъ, которымъ было очень выгодно быть шерифами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились ихъ помѣстья. Система назначенія шерифовъ въ разныя царствованія была различная. Болѣе беззаботные короли не препятствовали наплыву магнатовъ на шерифскія мѣста; въ нѣкоторыхъ случаяхъ должность шерифа стала даже наслѣдственной, хотя и съ личной отвѣтственностью. Только при Генрихѣ II начинаютъ систематически замѣщать должность шерифа лицами изъ ново-образовавшейся должностной Gentry, а въ послѣдніе годы этого царствованія изъ *того-же* класса чиновниковъ, изъ котораго назначаются бароны казначейства и странствующіе коммиссары. Несмотря на высокое общественное положеніе шерифовъ должность эта, все-таки, всегда носитъ чисто *личный* характеръ, она дается непосредственною волею короля и потому можетъ всегда быть отнята обратно. Само собою, поэтому, разумѣется, что король всегда можетъ отдѣлить отъ шерифской должности разныя отдѣльныя отрасли управленія. Такъ, мы уже очень рано встрѣчаемъ особыхъ лѣсныхъ чиновниковъ Foresters, таможенныхъ чиновниковъ — Customers, управляющихъ упалыми имѣній — Escheaters, спеціальныхъ откупщиковъ городовъ, гильдій и т. д., спеціальныхъ рендантовъ для tallagia, для «пятнадцатой доли» и др. Затѣмъ король можетъ также поручить свои бурги особымъ бургфогтамъ съ предоставленіемъ имъ или безъ предоставленія судебнаго и финансоваго управленія въ предѣлахъ округа бурга. Король можетъ раздѣлить въ нѣкоторыхъ округахъ судебную власть между различными лицами, можетъ давать городамъ и др. права управляться на особыхъ основаніяхъ. Всѣмъ этимъ спеціальнымъ отраслямъ управленія шерифъ долженъ оказывать военную помощь, когда дѣло идетъ о задержаніи, оштрафованіи и вообще приведеніи въ исполненіе. Король можетъ также опредѣлять способъ отправленія должностныхъ обязанностей, именно можетъ дозволить въ исключительныхъ случаяхъ исправлять должность чрезъ замѣстителей (напр. духовнымъ въ дѣлахъ военныхъ). Наконецъ, король можетъ *смѣщать* шерифовъ, въ одиночку или многихъ за-

разъ, какъ это неоднократно практиковалось въ 12 и 13 столѣтіи. Онъ можетъ во всякое время отрѣшить шерифа отъ должности, одновременно назначить къ нимъ **Custodes**, контролировать дѣйствія шерифа посредствомъ особыхъ коммиссаровъ, давать имъ инструкціи, требовать новой присяги для того, чтобы заставить шерифа тщательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ. Какъ и въ англосаксонское время нельзя найти даже и намека о какомъ-нибудь правѣ на должность шерифа. Точно также нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы собраніе графства участвовало въ назначеніи шерифа или-же выбирало его 2b).

III. *Мѣстное управленіе меньшихъ округовъ* графства остается такимъ-же, какимъ оно было при системѣ англосаксонскаго герефства. По прежнему, оно существенно опредѣляется землевладѣніемъ. Вслѣдствіе завоеванія и введенія ленной системы измѣнился личный составъ землевладѣльцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произошла новая группировка помѣстій, но въ общемъ все-таки старая система землевладѣнія удержалась. Описаніе земель въ **Domesdaybook'ѣ** даетъ намъ, въ сущности, хотя отчасти и подъ новыми названіями (**manors**, **honors**, **burghs**) картину землевладѣнія, какую мы находимъ и въ концѣ англосаксонскаго періода.

1 **Manor**, **manerium** или господскій дворъ—тождественненъ съ **mansus** англосаксонскаго періода и живущими вокругъ него керлами и слугами которые большею частью образуютъ сосѣдски-связанную между собою **villa**, **villata**. Новымъ способомъ владѣнія землей (**tenure**) на ленныхъ основаніяхъ, реальныя права землевладѣнія сами по себѣ не измѣнились. Вновь пожалованный норманъ, также какъ и оставшійся при своихъ владѣніяхъ англосаксонскій танъ,

---

2b) О томъ какъ высоко было личное положеніе шерифа мы находимъ многочисленныя доказательства у Madox'a. Въ Dialogus II. c. 4. Madox II. 417. прямо, однакоже говорится, что Vicecomes не долженъ быть коронным васаломъ.

Очень многочисленны въ позднѣйшія времена должностныя инструкціи Vicecomites'амъ. Такъ въ 42. Henr. III. помѣщена общая должностная присяга, которая бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на общій духъ этой отрасли администраціи. Шерифъ присягаетъ въ томъ, что скоро и безпристрастно будетъ облегчать, какъ богатымъ такъ и бѣднымъ, возможность добиться правосудія; что ни самъ, ни чрезъ другихъ не станетъ брать что-либо, кромѣ питья и ѣды; что во время объѣздовъ не будетъ ни у кого останавливаться больше чѣмъ съ 6 лошадьми; что не остановится никогда у того, кто имѣетъ меньше 40 ф. земельной ренты, что не станетъ ни у кого останавливаться больше одного раза въ годъ, или-же, если остановится maximum второй разъ, то по спеціальному приглашенію и не превращая это въ прецедентъ. Присягаетъ также шерифъ въ томъ, чтобы не принимать подарка дороже 12 пфениговъ, не возить прислужниковъ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ того требуетъ безопасность того или другого шерифскаго округа; эти прислужники не станутъ обременять чрезмѣрнымъ требованіемъ ѣды и питья, а также забирать у жителей овецъ, зерно, шерсть, движимость, деньги и вообще что-либо цѣнное (Madox, II. 147).

пользуется всѣми правами своего предшественника, собираетъ слѣдовательно чрезъ своихъ старостъ, Praepositi villae, Reëves, Bailiffs, Stewards всѣ обычные оброки. Въ системѣ полицейской поруки villa образуетъ вотчинный «десятокъ», по скольку она заключаетъ въ себѣ 10 или болѣе семействъ. Землевладѣлецъ пользуется, какъ и прежде, юрисдикціею надъ своими людьми съ тѣми расширеніями ея, которыя вытекаютъ изъ леннаго пожалованія. Въ болѣе подробныхъ ленныхъ грамотахъ они обозначаются словами saca, soca, infangtheft и outfangtheft. Обозначеніе всего этого, на языкѣ норманскихъ феодаловъ, названіемъ manor было только введеніемъ новаго слова. Самое слово manor появляется, впрочемъ, еще при Эдуардѣ Исповѣдникѣ, въ числѣ другихъ стараній его ввести въ англосаксонскую жизнь норманскій элементъ. Большая часть manors находилась въ рукахъ коронныхъ васаловъ; но значительное число было и во владѣніи прежнихъ англосаксонскихъ тановъ (Ellis I. 90). Норманское правительство старалось всю эту вотчинную власть (ср. ниже § 10) привести въ одну систему и ни въ какомъ случаѣ не расширять ее. Правда послѣ составленія Domesdaybook'a возникло чрезъ раздробленіе еще много новыхъ manors, но вышедшій въ 1290 г. статутъ Quia emptores положилъ разъ навсегда конецъ образованію новыхъ manors а).

2. *Образованіе крупныхъ вотчинъ*, Honors тоже идетъ еще съ англосаксонскихъ временъ. Это совокупность близко-расположенныхъ другъ отъ друга имѣній одного и того-же владѣльца. Для осуществленія закона о полицейской порукѣ каждая изъ такихъ большихъ вотчинъ имѣетъ множество господскихъ старостъ, praepositi. Владѣльцамъ honors часто предоставляется болѣе значительная saca et soca, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соотвѣтствующая компетенціи сотенъ. Преемниками саксонскихъ великихъ тановъ являются теперь норманскіе аристократы. И вотъ полные еще старыхъ стремленій, которые они преслѣдовали у себя на родинѣ, норманы-вотчинники стараются образовать изъ своихъ вотчинъ отдѣльныя замкнутыя феодальныя владѣнія. Вотъ почему мы и въ Англіи находимъ вокругъ нѣкоторыхъ аристократовъ небольшой придворный штатъ, стьюарда-гофмейстра (Dapifer), бутлера (Pincerna), мар-

---

а) О manors Глоссарій Сэмнера говоритъ: ante Normannorum tempora vox apud nos, in chartis aut aliis nostris bonae fidei monumentis, frustra queritur. A Normannis (inter alia ejus farinae verba) e Gallia huc adductum conjicio, quorum in Anglia praecessoribus Hida, Familia, Villa, Sulinga, Casata, Mansura, Manens (ut Mansus, Mansio, Mansum, Colonia, et eis, et exteris simul) idem significarunt, ac ipsis et aliis posterioris aevi populis Manerium. Ellis I. 224, 225. О техническомъ значеніи словъ saca, soca, infangtheof, team, toll въ ленныхъ грамотахъ ср. изслѣдованіе Zöpfl'я, Alterthümer des deutschen Rechts (Leipzig 1860) I. стр. 170—211.

шала, Chamberlain'а и т. д. Иногда эти должности даже наслѣдственны. Многочисленные Venatores и полсотня всякихъ другихъ высшихъ и низшихъ министеріаловъ, перечисленныхъ въ Domesdaybook'ѣ, указываютъ на то, что даже менѣе значительные коронные вассалы переняли придворные обычаи. По стремленію къ роскоши нарманны-вотчинники соперничали съ государями континента. Вильгельмъ позаботился, однако-же, такъ распредѣлить земли наиболѣе крупныхъ ленниковъ своихъ, чтобы въ каждомъ округѣ графства владѣнія того или другого крупнаго феодала не превышали средняго размѣра владѣній короннаго вассала. Къ тому-же положеніе феодаловъ уже потому не могло особенно сильно укрѣпиться, что законъ объ escheat'ѣ примѣнялся съ большою строгостью, такъ что однѣ и тѣ же вотчины въ теченіи одного столѣтія нѣсколько разъ переходили обратно къ коронѣ. Да и вообще въ интересахъ королевской финансовой администраціи было по возможности стѣснять развитіе крупныхъ вотчинныхъ владѣній. При удобномъ случаѣ это всегда ею и дѣлается. Вотъ почему главная резиденція крупнаго феодала, такъ назыв. Caput baroniae, могла стать мѣстомъ сборища подвассаловъ для праздниковъ, инвеституръ, разныхъ юридическихъ дѣлъ, но не могла стать центромъ замкнутаго и самостоятельнаго феодальнаго владѣнія на французскій образецъ. Норманскія крупныя вотчины представляютъ собою только совокупность имѣній, являющихся однимъ цѣлымъ только въ силу общаго пожалованія, общаго завѣдыванія, а не потому, чтобы владѣлецъ ихъ имѣлъ какія-либо спеціальныя верховныя права. Часто Honors, послѣ возвращенія своего въ казну, вновь жаловались не въ полномъ своемъ объемѣ, такъ что позднѣйшія казначейскія записи строго различаютъ вотчины стараго и новаго пожалованія. Запрещеніе образованія новыхъ manors въ концѣ концовъ задержало и возникновеніе новыхъ Honors b).

3. Точно также и *Норманскіе* Burghs являются тѣми-же общинными и судебными округами, обнимающими собою укрѣпленное зданіе или бургъ съ окрестностями, какими они были въ

b) Слово Honor есть только новое названіе для стараго понятія. Справедливо замѣчаетъ Heywood, что въ Domesdaybook'ѣ словомъ Honor обозначаются и владѣнія обыкновенныхъ васаловъ. Только позднѣе оно преимущественно употребляется для обозначенія большихъ леновъ—Henry Huntingdon, de contemptu mund., c. 23: Possessiones magnas, quas vulgo vocant honores. Это выраженіе должно быть стало техническимъ въ бумагахъ казначейства. Насколько я могу судить, слово Honor, начиная съ Генриха II, употребляется въ записяхъ казначейства для обозначенія крупныхъ владѣній earl'овъ, владѣній high constable'я и нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ вассаловъ. Составленный около этого времени судебный сборникъ—такъ назыв. L. L. Henrici I. опредѣленно употребляетъ слово Honor относительно такихъ владѣній, къ которымъ принадлежатъ многія maneria (H. c. 55).

англосаксонское время. Многіе изъ этихъ бурговъ были сильно раззорены норманскимъ нашествіемъ. Вильгельмъ I оставилъ имъ старое ихъ правовое положеніе, а наиболѣе важные были непосредственно включены въ составъ королевскихъ домэнъ. Списокъ ихъ, числомъ около-80, даетъ Ellis I. 190. Многіе изъ нихъ, которые еще въ римскія времена были civitates, продолжаютъ носить названіе City, но это не имѣетъ никакого значенія для правоваго положенія ихъ.

Въ составѣ графства они часто образуютъ сотню, а иной разъ и нѣсколько сотень, какъ напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая city распадается на «Старый» и «Новый городъ». Какъ и графства въ совокупности, такъ и королевскіе cities, burghs, towns въ отдѣльности отдаются на откупъ и либо присоединяются къ corpus comitatus, либо-же, по желанію короля, отдаются спеціальнымъ откупщикамъ, Fermors, или-же особымъ городскимъ фогтамъ, Custodes, Provosts etc. Такъ напр. императрица Матильда отдаетъ на откупъ Лондонъ за 300 фунт. Geoffrey'ю изъ Эссекса. Въ тѣхъ болѣе значительныхъ городахъ, гдѣ имѣлись разныя гильдіи, онѣ въ свою очередь могли быть въ отдѣльности отданы на откупъ. Такъ въ 5 Henr. II. ткачи Лондона платятъ откупной суммы за свою гильдію 5 марокъ серебра за 2 года; пекари 1 марку и 6 унцій золота; въ 11 Henr. II. ткачи платятъ 12 фунтовъ серебра, пекари 6 фунтовъ серебра pro gilda sua, тоже самое гильдіи Оксфорда и другихъ мѣстъ. Далѣе мы увидимъ, что феодальная система начинаетъ привлекать владѣніе, не обязанное военною службою, къ платежу періодическихъ *сборовъ*, именно въ случаяхъ особенно-радостныхъ событій въ жизни леннаго главы или-же когда онъ находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Такіе сборы назывались tallagium и обыкновенно повторялись только послѣ многихъ лѣтъ. Tallagium взимался либо съ каждаго въ отдѣльности, либо оптомъ (in gross) съ многихъ. Въ послѣднемъ случаѣ обязанные платить tallagium въ собственныхъ-же интересахъ соединялись вмѣстѣ для большей скорости сбора. Часто уже существующая *гильдія* купцовъ, ремесленниковъ, домо- и землевладѣльцевъ брала на себя за извѣстное вознагражденіе сборъ tallagium'а. Но еще проще устроивалось дѣло, когда вмѣсто шерифа, чьи финансовыя обязанности и безъ того были достаточно сложны и запутаны, откупъ брали на себя «мужи бурга». Въ этомъ случаѣ король требуетъ свою taille отъ совокупности гражданъ или-же отъ какой нибудь гильдіи, взявшей на себя сборъ, но уже не отъ каждаго въ отдѣльности; каждое отдѣльное владѣніе вслѣдствіе этого, опять становится свободнымъ отъ таксаціи. Въ такихъ случаяхъ представляютъ казначейству соотвѣтственное лицо, которое назна-

чается городскимъ фогтомъ и принимаетъ на себя отвѣтственность за исправный платежъ откупной суммы и уже въ свою очередь собираетъ деньги съ каждаго отдѣльнаго жителя. Этотъ фогтъ продолжаетъ по прежнему носить имя reeve, bailiff, но впослѣдствіи принимаетъ норманское названіе mayor. Долгое время откупъ на перебой стараются заполучить горожане, Vicecomes или какой-нибудь другой аристократъ, считающій возможнымъ предложить бо̀льшую сумму. Но съ теченіемъ времени большинство городовъ начинаютъ брать на откупъ самихъ себя (firma burgi, feefarm), и это составляетъ первую ступень по пути къ самостоятельности городовъ. Хартіей Генриха I городу Лондону отдается даже, по этой системѣ, на откупъ шерифская должность графства Мидльэсексъ (ad firmam pro CCC libris ipsis et heredibus suis ita, quod ipsi cives ponent vicecomitem, quem voluerint de se ipsis. Select Charters ст. 103). Уже въ англосаксонское время по населенію и занимаемому пространству земли равный графству, City Лондонъ чрезъ присоединеніе графства Мидльэсексъ и юридически добился признанія за нимъ положенія графства. Его городскія округи (wards) можно сравнить съ сотнями. При вступленіи на престолъ Ричарда Львиное Сердце вмѣсто Portreeve мы встрѣчаемъ двухъ Bailiffs въ качествѣ городскихъ фогтовъ, а вскорѣ затѣмъ Mayor'a, собственный выборъ (Nomination) котораго былъ предоставленъ гражданамъ хартіей 10 Jo. Съ Ричарда I и другимъ городамъ предоставляются разныя привилегіи, ярмарочное право, образованіе новыхъ гильдій, собственная юрисдикція, выборъ чиновниковъ. Изъ firma burgi въ связи съ собственной юрисдикціей образуется англійское городовое право, которое къ концу норманскаго періода обрисовывается въ довольно рѣзкихъ контурахъ, но которое, однакоже, представляетъ собою только извѣстное число иммунитетовъ и не даетъ никакого особеннаго права на участіе въ общемъ управленіи графствомъ.

Отдѣльное управленіе городовъ существовало уже въ англо-саксонскій періодъ, когда они входили въ составъ королевскихъ домэнъ. Рядомъ съ ними существуютъ *города безъ собственной юрисдикціи*, правда въ менѣе значительномъ количествѣ и менѣе значительнаго размѣра. Это города, входившіе въ составъ владѣній крупныхъ феодаловъ, которые и получали съ нихъ обычные доходы и сборы и имѣли ихъ подъ своею вотчинною властью. Обязанность платить tallagium для удовлетворенія нуждъ господина лежитъ и на жителяхъ этихъ городовъ. Ее можно прослѣдить, когда вслѣдствіе возвращенія въ казну или поступленія въ ленную опеку, такіе города временно попадаютъ «въ руку короля» и вносятся въ вѣдомости и записи казначейства. Какъ и всюду, право господина взимать сборы

повело къ разнымъ притѣсненіямъ, жалобамъ и волненіямъ. Какъ пользовались норманскіе феодалы этимъ правомъ своимъ можно судить по тому, что города часто оспориваютъ право на нихъ того или другого феодала и стараются доказать, что они обязаны платить tallagium королю. Короли, повидимому, рано начинаютъ защищать такіе города противъ притѣсненій феодаловъ; необыкновенно-частое упоминаніе о томъ, что tallagium налагается съ спеціальнаго согласія короля указываетъ на то, что королевское казначейство имѣло общій контроль надъ сборомъ tallagia. При частыхъ возвращеніяхъ вотчинъ въ казну, вторичное пожалованіе совершалось всегда подъ условіемъ «что такія мѣста должны только тогда платить tallagia, когда король облагаетъ своихъ» (Madox I. 756). Затѣмъ всякія другія права вотчинниковъ производить сборы въ концѣ концовъ исчезаютъ, такъ какъ отъ нихъ обыкновенно откупаются. [1])

Несомнѣнно, что главнымъ образомъ организація мѣстнаго управленія сложилась подъ вліяніемъ взгляда на этотъ предметъ *финансовой администраціи*. Въ интересахъ цѣлостнаго финансоваго завѣдыванія *королевскіе* Manors и большія вотчины подчиняются власти ширгерефовъ бо́льшой степени, чѣмъ въ англосаксонское

---

[1]) О норманскихъ burghs и постепенномъ возникновеніи городоваго права изъ взаимодѣйствія новыхъ податныхъ отношеній и пожалованія полицейской юрисдикціи (court leet) болѣе обстоятельныя свѣдѣнія см. у Gneist'a, Geschichte des Selfgovernment 104—112 и Stubbs, I. cap. 11. § 131. Основываясь на большомъ числѣ грамотъ и первоисточниковъ, находящихся у Merewether и Stephen, History of the Boroughs, 3 vol. 1853, я остаюсь при своемъ мнѣніи (въ чемъ отчасти расхожусь со Стёбсомъ), что въ основу городоваго права легло пожалованіе городамъ собственнаго городскаго суда, такъ что, слѣдовательно, пользованіе городскимъ правомъ распространяется на всѣхъ тѣхъ домовитыхъ гражданъ, которые принимаютъ участіе въ несеніи должностныхъ обязанностей и платежѣ городскихъ податей (resident householders, paying scot, bearing lot). Любимая идея новѣйшаго времени, выводить политическія формы изъ спеціальнаго группированія интересовъ, придала гильдіямъ англійскихъ городовъ слишкомъ большое значеніе. Такъ называемые iudicia civitatis Lundoniae, также какъ и гильдіи Кэмбриджа, Кентербёри, Экзетера и др. суть добровольные союзы для опредѣленныхъ и ограниченныхъ цѣлей, которые дѣйствительно имѣютъ значеніе при первоначальномъ возникновеніи firma burgi. Но установленіе городскаго суда (court leet) со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями не могло быть базировано на частной гильдіи и ограничено ею. Что города безъ собственной юрисдикціи представляютъ собою сравнительно второстепенное явленіе можно судить по тому, что они рѣдко упоминаются и весьма незначительны; затѣмъ нельзя не обратить вниманія и на ничтожность количества baronial charters въ сравненіи съ тѣми 1500 королевскими хартіями, на основаніи которыхъ образовалось англійское городовое право. Въ конечномъ выводѣ соглашаясь со мною, Stubbs (III. 559) говоритъ: „Въ періодъ Magna Chatra наиболѣе развившіеся англійскіе города получили свою хартію съ правомъ имѣть свой собственный судъ подъ руководствомъ ими-же избранныхъ судей, съ правомъ самимъ собирать слѣдующія съ нихъ подати, самимъ выбирать bailiffs (въ нѣкоторыхъ случаяхъ Mayor'a), образовывать купеческія и ремесленныя гильдіи".

время. Manors и Honors представляютъ собою владѣнія, находящіяся въ рукахъ *частныхъ* вотчинниковъ. Напротивъ того, въ Burghs, которые были для королевскаго казначейства источникомъ богатыхъ доходовъ, преобладаетъ непосредственное королевское завѣдываніе дѣлами, причемъ все больше и больше замѣтно стремленіе давать городамъ, за достаточно богатый выкупъ, разныя вольности и льготы въ области самоуправленія.

§ 9.

I. Развитіе норманскихъ понятій о военномъ верховенствѣ.

На основѣ только-что представленной системы управленія графствъ произошло теперь преобразованіе правъ и прерогативъ королевской власти,—преобразованіе, которое изумительно рано дало англійской верховной власти тотъ видъ, который она имѣетъ въ новѣйшей государственной жизни. Прежде всего измѣненіе происходитъ относительно военнаго верховенства короля. Подъ вліяніемъ норманской ленной системы это верховенство во всѣхъ отношеніяхъ принимаетъ другой видъ. Нѣкогда слабѣйшая сторона англосаксонскаго государственнаго устройства, оно теперь становится одной изъ прочнѣйшихъ основъ норманскаго государства.

1) *Вопросъ о войнѣ и мирѣ* очень часто рѣшался въ концѣ англосаксонскаго періода витенагемотомъ, а въ случаяхъ требованія отъ народнаго ополченія экстраординарныхъ услугъ королевская власть должна была обязательно испрашивать у витенагемота его согласіе. Все это, однакоже, не было точно опредѣлено (см. выше § 2). Что касается танства въ тѣсномъ смыслѣ слова, то тутъ собственно король могъ по праву требовать себѣ военныхъ услугъ тановъ, когда ему лично заблагоразсудится. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ каждый коронный вассалъ и каждый подвассалъ сталъ homo короля, это право становится прочнымъ и незыблемымъ. Военная присяга приносится теперь *особѣ* короля, и потому простирается и на его владѣнія внѣ страны, extra regnum, какъ это непосредственно и выговорено въ Charta Will. (III): Statuimus ut omnis liber homo foedere et sacramento affirmet, quod intra et extra Angliam Willelmo regi fideles esse volunt, terras et honores illius etc. defendere. Въ этой хартіи какою-то постороннею рукою сдѣланы позднѣе кое-какія добавленія, но сущность ея несомнѣнно подлинна. (Select Charters, стр. 83, 84). Но какъ-бы то ни было, всѣ норманскіе короли пользовались услугами своихъ ленниковъ extra regnum, и только послѣ отдѣленія Нормандіи, съ Іоанна встрѣчаются случаи непосредственнаго отказа нести служ-

extra regnum. Обязательству служить королю intra et extra regnum, норманнъ долженъ былъ подчиняться въ собственныхъ интересахъ своихъ владѣній, въ интересахъ своихъ норманскихъ соотчичей и наконецъ какъ условію полученія новаго владѣнія въ Англіи. Точно также и англосаксонскій танъ былъ радъ подчиниться такому условію, если только его оставляли при прежнемъ владѣніи. Правда, это было наиболѣе тяжелымъ требованіемъ новаго порядка вещей, и вызывало, поэтому, противодѣйствіе всѣхъ вассаловъ. Этимъ объясняются обильныя послѣдствіями событія въ концѣ правленія Вильгельма I. Когда въ 1085 г. серьезно угрожало нашествіе датскаго войска, король, обложивши поборомъ каждый гуфъ, собралъ на эти деньги огромнѣйшее наемное войско и такимъ усиленнымъ обложеніемъ, а также военными постоями уничтожилъ послѣдніе остатки какого бы то ни было сопротивленія. Вотъ почему въ слѣдующемъ году все крупное землевладѣніе охотно явилось на смотръ возлѣ Салисбёри, чтобы актомъ Великой присяги признать, что всѣ коронные вассалы и подвассалы стали дружинниками короля (см. выше стр. 108). Такимъ образомъ было установлено, что вновь устроенная ленная милиція не есть народное ополченіе, но дружина короля, призываемая къ службѣ смотря по его надобностямъ. Этимъ самымъ была установлена навсегда прерогатива короля относительно рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ. Какъ добавленіе къ ней устанавливается и исключительное право короля *строить бурги*. Castellatio sine licentia есть теперь преступленіе, наказываемое misericordia regis и тяжелыми пенями, Henr. 13. §. 1; 10. §. 1. Королевская власть въ такой мѣрѣ воспользовалась этимъ своимъ правомъ, что и въ дѣлѣ стратегической обороны Британіи царствованіе Вильгельма является знаменательною эпохою. [1])

---

[1]) О норманской военной организаціи въ цѣломъ ср. Gneist, Geschichte des Selfgov. 61—68. Кое-какой годный матеріалъ заключаетъ Grose, Military Antiquities. London, безъ обозначенія года 2 vol. 4°. Нѣкоторыя свѣдѣнія можно найти и въ British Military biography, 2-nd Ed. 1846. 8. Новое въ норманской военной организаціи—это строго проведенный принципъ личной службы за полученную землю, равномѣрное распредѣленіе, смотря по количеству земли, и усиленіе обязанности послушанія наказаніями за Felony и другія отступленія отъ правилъ ленной службы. Эта болѣе суровая военная организація принесена изъ Нормандіи. Правда, нѣтъ такого военнаго кодекса, который послужилъ-бы источникомъ писаннаго норманскаго леннаго права. Но распоряженія герцоговъ и вліяніе рано урегулированной судебной и финансовой организаціи точно устанавливаютъ ленную систему во всѣхъ ея подробностяхъ. Точно также несомнѣнно, что изъ ленной іерархіи и болѣе высокаго положенія норманновъ, какъ завоевателей, въ Нормандіи образовалось дѣленіе на сословія. Франко-норманское ленное устройство этого времени основывается на сеніоратѣ, по которому крупный ленникъ является наслѣдственнымъ начальникомъ (seigneur) своихъ подвассаловъ. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ землевладѣнія и ра-

2) *Снаряженіе* воиновъ и *распредѣленіе кадровъ* было въ англосаксонскій періодъ предметомъ совѣщанія между шерифомъ и собраніемъ графства. Это совѣщаніе принимаетъ теперь другой видъ. Книгою государственныхъ земель были установлены основы матрикулы для коронныхъ вассаловъ. Сообразно съ объемомъ и физическою природою того или другаго помѣстья можно было вычислить сколько щитовъ должно было выставить каждое земельное владѣніе (согласно мало по малу установившемуся масштабу въ 20 ф. земельной ренты). Эта обязанность лежала, съ круговой порукой, на всей совокупности земельныхъ владѣній коронныхъ вассаловъ. Но такъ какъ со времени составленія Domesdaybook'a значительно развилась отдача коронными вассалами земель въ ленъ отъ себя, то круговая порука отчасти перешла на подвассаловъ. Эти многочисленныя вторичныя ленныя отдачи, затѣмъ перемѣны владѣльцевъ, потеря владѣній и дробленіе выяснялись изъ сохранявшихся при дворѣ хартій и writs, которыя и придавали спискамъ текущій характеръ. Впрочемъ *постоянную* ленную матрикулу нельзя было устроить вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ и споровъ. Поэтому число имѣющихъ быть выставленными щитовъ никогда не могло быть оффиціально опредѣленно. Изъ позднѣйшихъ данныхъ можно приблизительно вывести, что оно равнялось 30,000 щитовъ. *)

Но vicecomites несомнѣнно имѣли въ своемъ распоряженіи списки для своего графства (они составлялись Казначействомъ). Для

венства интересовъ, эта связь легко превращается въ болѣе тѣсную, нежели связь подвассаловъ съ верховнымъ леннымъ главою. Въ Англіи-же послѣднее не могло имѣть мѣста. Здѣсь фактъ владѣнія норманскихъ ленниковъ—явленіе новое; національность и интересы ихъ саксонскихъ подвассаловъ противоположны имъ; а норманскіе homines ихъ — это большею частью всякій сбродъ. Вотъ почему сеніоратъ и не могъ прочно установиться. Укрѣпленныя мѣста Вильгельмъ предусмотрительно оставилъ за собою. При всякомъ дальнѣйшемъ шагѣ завоеванія возведеніе крѣпости въ завоеванномъ городѣ было первою заботою завоевателя. Исключительное право королевской власти на у к р ѣ п л е н і е б у р г о в ъ сомнительно относительно англосаксонскаго періода (см. выше § 2), но не подлежитъ никакому сомнѣнію относительно норманскаго. Изъ 49 бурговъ, упоминаемыхъ въ Domesdaybook, только про Arundel говорится, что она существовала tempore Eduardi. Не упомянуты тамъ существовавшіе кромѣ того бурги Доверъ, Нотингэмъ, Дургэмъ и бѣлая башня въ Лондонскомъ tower'ѣ. Эта масса укрѣпленныхъ мѣстъ, съ ихъ большею частью п о с т о я н н ы м ъ гарнизономъ, производила понятно тяжелое давленіе на окружающую мѣстность. Воспоминаніе о норманскихъ Castle-men не изгладилось въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ.

[1]) Ср. выше § 7 примѣчаніе *) (вторичное съ этимъ знакомъ въ § 7) данныя Segrave'a относительно времени Генриха III. Въ liber niger количество рыцарей, которые могли быть поставляемы коронными вассалами 10 графствъ на югъ отъ Темзы и Эвона, вычисляется всего только въ 2047, а эти графства повидимому заключали въ себѣ $^1/_4$ всего населенія. Оффиціальное вычисленіе, по которому взимались въ срединѣ 13 столѣтія „щитныя деньги“, равняется 32,000 рыцарскимъ ленамъ; но въ дѣйствительности этихъ денегъ собиралось гораздо меньше (Stubbs, I. 432).

сбора войска теперь требуется личный приказъ короля коронным вассаламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и подвассаламъ, которые въ военномъ отношеніи тоже представляютъ собою homines regis. Но такъ какъ поставка, снаряженіе и провіантировка отрядовъ зависѣла отъ отдѣльныхъ помѣстій, то все это и должно было идти чрезъ администрацію графства. Нельзя было издать тысячи приказовъ, лично для каждаго отдѣльнаго васала; а еслибы обращаться только къ крупнымъ ленникамъ, то цѣль тоже не достигалась-бы, потому что ихъ владѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно ихъ подвассалы и конныя дружины, были разсѣяны по разнымъ графствамъ. По записи Domesdaybook'a владѣнія 130-ти свѣтскихъ коронныхъ вассаловъ находились въ 2—5 графствахъ, 29-ти феодаловъ въ 6—10 графствахъ, а 12-ти крупныхъ ленниковъ даже въ 10—21 графствѣ. Точно также были разбросаны владѣнія крупныхъ духовныхъ коронныхъ вассаловъ (30-ти въ 2 графствахъ, около 30 въ 3 графствахъ, 6 въ 3—11 графствахъ). Вотъ почему вырабатывается слѣдующая формула приказа о мобилизаціи, посылаемаго Vicecomes'y: Vicecomiti Kanciae salutem. Praecipimus tibi quod sine dilatione summoneri facias per totam ballivam tuam Archiepiscopos, Episcopos, Abbates, Priores, Comites, Barones, Milites, et libere tenentes, et omnes alios qui servitium nobis debent sive servitium militare vel serjantiae: quodque similiter clamari facias per totam ballivam tuam, quod sint apud Wigorniam as crastino S. Trinitatis anno regni nostri septimo, omni dilatione et occasione postpositis, cum toto hujus modi servitio quod nobis debent, parati cum equis et armis eundum in servitium nostrum quo eis praeceperimus. (Eodem modo scribitur omnibus Vicecomitibus Angliae. Cl. 7. Henr. III. 3). Шерифы за тѣмъ уже отъ себя пускали воззванія по всѣмъ burghs и ярмарочнымъ городамъ съ приказаніемъ явиться на службу; ослушнику «грозитъ лишеніе лена или тяжкое наказаніе по усмотрѣнію короля». Для большей настоятельности и изъ вѣжливости могли, безъ сомнѣнія, посылаться и быть переданы чрезъ Vicecomes'a и *спеціальныя* приглашенія коронным вассаламъ и прелатамъ. Но за то уже каждый коронный васалъ долженъ былъ самъ позаботиться о томъ, чтобы отъ его владѣній было столько поставлено тяжеловооруженныхъ, сколько это требовалось ленной матрикулой. Приготовленія къ снаряженію и провіантировкѣ должны были быть сдѣланы въ каждой вотчинѣ заранѣе, и уже всякій крупный ленникъ отъ себя назначалъ въ каждомъ изъ графствъ, гдѣ были расположены его имѣнія, какого нибудь подвассала или особаго довѣреннаго человѣка, который отвѣчалъ-бы ему за исправное выполненія всего нужнаго. Такъ какъ вся совокупность коронныхъ вассаловъ

и подвассаловъ составляла только часть «щитовъ», имѣвшихъ быть выставленными, то большая часть нужнаго количества составлялась снаряженіемъ сыновей, людей принадлежащихъ къ дому и свободныхъ служилыхъ людей (servientes, всадники). Такъ какъ, затѣмъ, норманское войско во всѣ времена соотояло не только изъ конницы, но нуждалось также и въ пѣхотѣ, то вассалы очень охотно соглашались, когда имъ позволяли вмѣсто лишнихъ всадниковъ поставлять соотвѣтственное число стрѣлковъ или галлебардщиковъ. Вслѣдствіе этого дѣло поставки воиновъ опять усложнилось и для бо̀льшаго удобства должно было быть распредѣлено по графствамъ. Такимъ образомъ, ни при первоначальномъ снаряженіи, ни на полѣ сраженія, ни даже на смотру воины того или другого великаго васала не составляли чего нибудь цѣлаго. Потому-то онъ и не могъ стать наслѣдственнымъ предводителемъ, капитаномъ (senior, seigneur) своихъ воиновъ, какъ это было во Франціи.

Обо всѣхъ подробностяхъ отправленія военной службы, вассалу теперь приходится сговариваться не съ танами графства, какъ въ англосаксонское время, а съ королевскимъ чиновникомъ, который и смотритъ за точнымъ исполненіемъ обязанностей, исчисленныхъ въ ленной матрикулѣ. [2])

3) *Главное командованіе надъ созваннымъ леннымъ войскомъ*, какъ и въ англосаксонское время, принадлежитъ королю. Всякое активное командованіе тою или другою частью войска получается чрезъ личное порученіе короля (commission). Потребности конной службы ведутъ къ тому, что ленное войско получаетъ своего Comes

---

[2]) Объ отправленіи ленниками военной службы ср. Grose, Military Antiquities I. 65. Thomas, Exchequer p. 53. Приказы шерифу о сборѣ войска пишутся въ разъ навсегда установленной формѣ. Madox, I. 653. 654. Неявка, если провинившійся принадлежитъ къ высшему духовенству, большею частью наказывается значительнымъ штрафомъ (amerciaments), напр. въ 100 марокъ серебра. Что касается свѣтскихъ вассаловъ, то повидимому они непосредственно лишаются леновъ за неявку. Madox I. 662, 663. Кромѣ личной своей службы коронные вассалы должны были поставлять, согласно матрикулѣ, извѣстное число тяжеловооруженныхъ воиновъ, для которыхъ мало по малу устанавливается терминъ servientes. Heywood 129. Удостовѣреніемъ выполненія воинской обязанности служить либо цертификатъ главнокомандующаго или Constable'я, или маршала и намѣстника его, или-же наконецъ Rotuli маршальской канцеляріи. Madox I. 656. 657. Лица, владѣющіе не полнымъ рыцарскимъ леномъ, обязаны службою въ теченіи сравнительно меньшаго срока; такъ напр. за половину рыцарскаго лена должно служить 20 дней въ году. Уже въ 12 столѣтіи дробленіе идетъ до одной двадцатой лена, причемъ, очевидно, дѣло идетъ уже только о почетныхъ правахъ коронаго вассала, а не о личной службѣ. Что иной разъ даже духовенство лично призывается на службу видно еще изъ напечатаннаго у Rymer'a writ'a къ епископамъ (eo quo singuli, tam praelati quam allii in propriis personis venire debean, ad defensionem coronae et regni nostri. 41. Henr. III). Но обыкновенно говорится только, что прелаты должны послать milites suos.

Stabuli и Marescalcus, все равно какъ въ наше время является необходимость въ генералъ-адъютантѣ и генералъ-квартирмейстрѣ. Констэбль и маршалъ распредѣляютъ собравшихся воиновъ на отряды и роты, разрѣшаютъ споры о первенствѣ, раздаютъ на полѣ сраженія, какъ на турнирѣ, военные значки, ведутъ списки явившихся и даютъ удостовѣренія въ этомъ, на основаніи которыхъ ведутся въ казначействѣ списки. Изъ всего этого развивается нѣкоторая военная юрисдикція маршала и констэбля. Но извѣстно, что всякое постоянное войско стремится къ тому, чтобы учрежденія военнаго времени сохранить и во время мира. А тѣмъ болѣе это стремленіе проявляется въ ленной милиціи, основанной на землевладѣніи. Чѣмъ сильнѣе вассалы стали себя чувствовать большою военною кастою и господствующимъ классомъ, тѣмъ живѣе было у нихъ желаніе имѣть своего констэбля и маршала всего леннаго войска и въ *мирное время*, подобно тому какъ это давно уже было въ ленной милиціи Нормандіи. Послѣ долгаго колебанія королевская власть уступила въ этомъ. При Стефанѣ, а можетъ быть и раньше, появляется Constabularia и маршальство всего леннаго войска, то и другое связанное съ извѣстными почетными правами и доходами. Но для военнаго времени король оставлялъ всегда за собою право личнаго начальствованія, также какъ и назначеніе активнаго констэбля и маршала. Такой-же должностной, отъ короля зависимый, характеръ имѣютъ и всѣ второстепенныя командованія, для которыхъ, отъ самыхъ высокихъ до самыхъ низшихъ ступеней, устанавливается общее названіе Constabularia, Constable.

Но ленная іерархія ставила извѣстныя ограниченія королевскимъ назначеніямъ на военныя должности, именно чтобы эти назначенія не оскорбляли сословно-іерархическаго духа феодальной аристократіи. Ограниченія эти обусловливались тѣмъ, что каждый изъ крупныхъ военачальниковъ является со свитою, которая была необходима въ цѣляхъ военныхъ, но въ значительной степени они обусловливались также все болѣе и болѣе развивающимся *корпоративнымъ и сословнымъ духомъ* ленныхъ милиціонеровъ. Тяжелая конная служба требовала долголѣтняго упражненія, долголѣтней привычки, по возможности начиная съ юношескаго возраста. Рыцарскій корпоративный духъ, съ его подраздѣленіями на рыцарей (knight), щитоносцевъ (esquire) и пажей, начиная съ крестовыхъ походовъ мало по малу прививается и въ Англіи. При Стефанѣ и Ричардѣ Львиное Сердце начинаютъ процвѣтать турниры. Изъ обязанности нести рыцарскую службу выводилось обязательство достиженія рыцарскаго достоинства и отъ времени до времени коронным вассаламъ посылались королевскіе writs такого содержанія: «ut arma capiant et se

militеs fieri faciant, sicut tenementa sua quae de nobis tenent diligant». (Rot. cl. 19; Henr. III). [3])

Въ твердыхъ рукахъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ монарха эта норманская ленная милиція *въ общемъ* являетъ собою нѣчто очень импонирующее и становится руководящимъ элементомъ государственной и сословной жизни. Благодаря такой организаціи войска норманскіе короли, впервые послѣ ухода римскихъ легіоновъ, становятся господами всей страны. Въ связи съ многочисленными и сильными крѣпостями и укрѣпленіями она даетъ возможность покорить западныхъ бритовъ и сѣверныхъ сосѣдей, разъ навсегда положить конецъ датскимъ нашествіямъ, и дѣйствительно превратить Англію въ единое государство, которому со стороны военнаго могущества предстояло великое будущее.

Не смотря, однако, на весь свой внѣшній блескъ и личную храбрость, и норманское ленное войско имѣетъ недостатки всѣхъ ленныхъ милицій, именно страдаетъ отсутствіемъ строгой дисциплины, тактики, хорошаго снабженія продовольствіемъ, хорошаго обоза и метательнаго оружія. Затѣмъ оно, повидимому, не употреблялось въ дѣло въ полномъ своемъ составѣ, но всегда только частями.

Что въ особенности недоставало англо-норманскому ленному войску и отличаетъ его отъ ленной милиціи континента, это *территоріальная* связь между *подвассалами* и *крупными ленниками*. Тутъ рѣчь идетъ не только о разбросанности по разнымъ графствамъ владѣній крупныхъ ленниковъ, но о другомъ, внутренномъ раздвое-

---

[3]) О военачальствѣ въ ленной милиціи ср. ниже § 16 о „Коронныхъ должностяхъ“ и Peerage Rep. III. 199 b. Начатки корпоративнаго устройства рыцарства и подраздѣленій его можно прослѣдить еще въ англосаксонскій періодъ. Turner, History of the Anglo-Saxons III. 73—75. Въ англосаксонскихъ памятникахъ слово cniht есть довольно частое обозначеніе для опытныхъ въ военномъ дѣлѣ служилыхъ людей. Встрѣчается даже одинъ случай пожалованія рыцарскаго достоинства, но это, конечно, не можетъ служить доказательствомъ существованія цѣлой выработанной системы. Рѣшительное вліяніе на военное дѣло и сословныя отношенія рыцарская корпорація получаетъ только начиная съ крестовыхъ походовъ. О регулированіи турнировъ королевскою властью при Ричардѣ Львиное Сердце ср. Lappenberg-Pauli III. 280. Но изъ этого дѣлается предметъ доходовъ, также какъ и изъ обычая ударомъ меча жаловать въ рыцари. На основаніи королевскихъ хартій первыхъ временъ норманскаго владычества (armis et equis se bene instruant), казначейство вывело въ срединѣ правленія Генриха III правило, что каждый васалъ и даже подвассалъ долженъ, за извѣстную плату, получать при дворѣ производство въ рыцари или-же платить штрафъ въ случаѣ замедленія этой платы. Madox I. 510. Изъ этого проистекаетъ странное явленіе, что въ Англіи полученіе пожалованія въ рыцари разсматривается какъ тягостное требованіе, отъ котораго большинство старается ускользнуть, довольствуясь положеніемъ scutarii (esquires) въ ленной іерархіи. Въ данномъ случаѣ они руководствуются принципомъ „sufficiens honor est homini, qui dignus honore est. Coke, Inst. I. 231, 233.

ніи. Впродолженіи многихъ поколѣній бывшій англосаксонскій танъ и свободный землевладѣлецъ могли только очень неохотно служить подвассалами насильно навязанному имъ норманскому господину. Не многимъ дружелюбнѣе были отношенія большинства норманскихъ подвасаловъ—этого франкскаго сброда, въ Англіи внезапно превратившагося въ помѣщиковъ. «То были грубые выскочки, почти спятившіе съ ума отъ внезапнаго возвышенія своего, сами пораженные своимъ внезапнымъ могуществомъ и потому полагающіе, что они могутъ дѣлать, что имъ вздумается» (Ordericus IV. c. 8). О дѣйствительномъ союзѣ *вѣрности* между мелкими и крупными вассалами не могло быть и рѣчи въ первыя времена англо-саксонскаго періода. Съ упадкомъ королевскаго авторитета, при узурпаторѣ Стефанѣ, мелкіе вассалы разрываютъ всѣ старыя связи и превращаются въ орду дикихъ насильниковъ, воображающихъ себя рыцарями. Недоставало еще этому военному государству національнаго единства.

Всѣ эти недостатки ленной милиціи и постоянно возобновляющіеся заговоры и возмущенія крупныхъ феодаловъ повели къ тому, что лѣтъ чрезъ сто послѣ завоеванія снова *воскресаетъ старая англосаксонская народная милиція*. Раздоры въ нѣдрахъ королевскаго семейства, вліяніе крестовыхъ походовъ, дурной примѣръ, представляемый Нормандіей и Франціей, споры съ Церковью—все это сошлось тогда вмѣстѣ, чтобы подчеркнуть ненадежность леннаго войска, противъ котораго самъ король ищетъ противовѣса. Притомъ-же норманская королевская власть никогда не отказывалась отъ своего стариннаго права созыва народнаго ополченія (Fyrd). Этотъ созывъ былъ уже разъ сдѣланъ при Вильгельмѣ Рыжемъ, хотя ближайшею цѣлью его и было вынужденіе денегъ (Huntingdon a. 5. Will. II). На сѣверѣ страны народное ополченіе подъ предводительствомъ архіепископа Турстана выиграло сраженіе противъ Шотландцевъ и затѣмъ еще разъ въ 1173 г. Іоркширское народное ополченіе отразило подъ предводительствомъ вѣрныхъ бароновъ шотландское нашествіе. На принципѣ созыва народнаго ополченія основана новая военная организація Assize of Arms, 27 Henry II (1181). Она состоитъ въ слѣдующемъ. Каждый владѣлецъ рыцарскаго лена (не только въ качествѣ ленника, но и въ силу общегражданской обязанности) долженъ имѣть всегда на готовѣ одно желѣзное вооруженіе, шлемъ, щитъ и желѣзное копье. Сколько у кого леновъ, столько-же должно быть и вооруженій. Всякій свободный однодворецъ, владѣющій въ движимомъ имуществѣ или рентѣ 16 марками, также долженъ держать на готовѣ вооруженіе, шлемъ, щитъ и копье. Всякій землевладѣлецъ, имѣющій 10 марокъ въ земляхъ или рентѣ, долженъ заготовить грудной панцырь безъ на-

плечниковъ и наручниковъ, желѣзный шишакъ и копье. Всѣ горожане и прочіе свободные люди должны имѣть стеганную фуфайку, желѣзный шишакъ и копье. Всякій приноситъ присягу въ томъ, что онъ все это оружіе вѣрноподданнически будетъ употреблять по приказанію короля. Оружіе не должно быть отчуждаемо или заложено. Въ сотняхъ и селеніяхъ должны быть назначены общинныя коммиссіи (состоящія изъ людей, имѣющихъ не меньше 16 марокъ въ земляхъ или 10 марокъ движимымъ имуществомъ), которыя опредѣляютъ, какой у каждаго достатокъ и какимъ образомъ, слѣдовательно, онъ долженъ принять участіе во всеобщемъ ополченіи. Королевскіе коммиссары должны записывать во время объѣздовъ имена лицъ, обязанныхъ нести всеобщую воинскую службу и отобрать у нихъ присягу относительно исполненія королевскаго **Assize**. Рѣчь, при этомъ, всегда идетъ о **freemen**'ахъ. Настоятельно подчеркивается, что *только свободные люди* должны быть допущены къ воинской присягѣ. Повидимому, для этихъ независимыхъ отъ леннаго владѣнія милиціонеровъ были назначаемы въ отдѣльныхъ сотняхъ особые офицеры (**Constables**).

Если, такимъ образомъ, снова была возстановлена система народнаго ополченія, всеобщаго призыва всѣхъ **liberi homines**, то это все-таки не исключало одновременнаго созыва какъ ленной милиціи, такъ и народнаго ополченія, что дѣйствительно и случилось въ тяжкую годину войны 1217 г. (**Select Charters** 343). Но съ другой стороны около этого-же времени островное положеніе страны, климатъ и образъ жизни очень сильно проявляютъ свое вліяніе на часть ленниковъ. Завоеватели давно уже чувствовали, что прочно сѣли на новомъ владѣніи. Что-же касается продолжительныхъ походовъ на континентъ, то какъ-то не считалось подходящимъ употреблять для этого англійскую ленную милицію, да этого и нельзя были сдѣлать при короткомъ срокѣ службы. Въ виду такого положенія дѣлъ уже съ Генриха II ленники начинаютъ откупаться деньгами отъ обязательной службы. Сначала колеблясь, мало по малу устанавливается точный размѣръ такъ-называемыхъ щитныхъ денегъ (**Scutagia**), посредствомъ которыхъ феодализмъ вступаетъ какъ основа новой системы податей въ область финансовыхъ прерогативъ королевской власти (§ 13) [1]).

---

[1]) О возникновеніи, съ Генриха II, щитныхъ денегъ, scutagia взамѣнъ воинской службы тщательныя свѣдѣнія даетъ Madox I. 625 и слѣд., 642 и слѣд. Ср. ниже § 12, отдѣлъ VI. Впервые, во второй годъ царствованія Генриха II, прелатамъ дозволяется при походѣ на Вельсъ уплатить по 20 Solidi съ каждаго рыцарскаго лена взамѣнъ одного всадника. Въ 5. Henr. II и свѣтскіе вассалы тоже получаютъ дозволеніе платить по двѣ марки съ каждаго щита взамѣнъ дѣйствительнаго отправленія военной службы. Съ этого времени замѣна ленной

§ 10.

II. Развитіе норманскаго судебнаго верховенства.

Судебная организація, какъ наиболѣе прочная часть всякаго государственнаго устройства, перешла въ англосаксонскій періодъ въ неизмѣненномъ почти видѣ. Уже тотчасъ-же послѣ того, какъ государственная жизнь пришла въ нѣкоторый порядокъ, Вильгельмъ на 4 году своего царствованія торжественно обязался «*сохранить хорошіе и испытанные законы Эдуарда Исповѣдника*», сдѣлавши только тѣ измѣненія, которыя стали необходимыми въ силу новаго положенія вещей. (Sax. Chron. a. 1070). По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ онъ назначилъ 12 мужей, свѣдущихъ въ правѣ, которые должны были собирать тѣ законы и обычаи, которые были въ употребленіи при саксонскихъ королякъ. Англосаксонское населеніе тѣмъ сильнѣе ухватилось за обѣщаніе Вильгельма, что увидѣло въ этомъ, помимо уступки національному чувству его, гарантію противъ произвола завоевателей. И дѣйствительно, исторически достовѣрно, что Вильгельмъ оставилъ прежнее судебное устройство, что онъ не хотѣлъ отказывать въ правосудіи, что онъ видѣлъ въ этомъ средство укрѣпить свое владычество. Съ Генриха I, обѣщаніе Вильгельма періодически повторяется. Такимъ образомъ удерживается lex tergae, т. е. весь юридическій бытъ англосаксонскаго періода *).

службы scutagia'ми становится все чаще. При незначительныхъ размѣрахъ своихъ scutagia являются льготою. Долгое время не было надобности навязывать ихъ. Позднѣе однакоже такса возрастаетъ и требованія щитныхъ денегъ становятся все чаще и чаще. Но съ наступленіемъ періода Magnae Chartae, королевская власть вынуждена вступить въ переговоры относительно размѣра scutagia. Отъ scutagia нужно отличать значительно раньше и значительно позднѣе встрѣчающееся замѣстительство въ случаяхъ рѣшительныхъ препятствій къ выполненію воинскихъ обязанностей. Въ такихъ случаяхъ, по соглашенію, производится плата (fine) за каждый разъ въ отдѣльности, подъ рубрикою: ne transfretent, pro remanendo ab exercitu, ne abeat cum rege etc. Madox I. 657—658.

*) Сочиненіе Dugdale'я, Origines juridiciales, объ англонорманской судебной организаціи даетъ только сырой матеріалъ .Столь-же мало выясняютъ вопросъ запутанныя отдѣльныя свѣдѣнія Глоссарія Спельмана. Болѣе дѣльный очеркъ мы находимъ у Spence'a, Equitable Jurisdiction Vol I. 1846. стр. 99—127, но нѣкоторыя положенія слишкомъ смѣлы. Основательная разработка вопроса начинается съ Edward Foss'a, The Judges of England, London 1848—64. 9 томовъ 8. Тѣмъ значительнѣе въ виду всего этого заслуги нѣмецкаго сочиненія Biener'a, Das Englische Geschwornengericht, 1852. 1855. 3 тома, сочиненій Брунера, Гундермана и др. Въ настоящее время можно, кажется, съ увѣренностью сказать, что король Эдуардъ никогда не обнародовалъ особаго кодекса, а что касается Leges Eduardi, то этимъ обозначаются обычныя юридическія нормы конца англосаксонскаго періода, какъ о томъ прямо говоритъ Вильгельмъ Момсбёри Gest. Reg. II, 11 (non quod ille statuerit, sed quod observaverit).

Отправленіемъ правосудія, слѣдовательно, завѣдуютъ *тѣ-же лица*, т. е. норманскій Vicecomes, замѣнившій англосаксонскаго ширгерефа. Онъ періодически собираетъ суды графствъ и сотень. Судьями, какъ и прежде, являются свободные землевладѣльцы графства. Распоряженіе Генриха I (Charters 103) подтверждаетъ этотъ порядокъ: Sciatis quod concedo et praecipio, ut a modo comitatus mei et hundredo in illis locis et iisdem terminis sedeant, sicut sederunt in tempore regis Edwardi, et non aliter. Et si amodo exurgat placitum de divisione terrarum, si est inter barones meos dominicos, tractetur placitum in curia mea. Et si est inter vavassores duorum dominorum, tractetur in comitatu. Et hoc duello fiat, nisi in eis remanserit. Et volo et praecipio, ut omnes de comitatu eant ad comitatus et hundreda, sicut feceruut in tempore regis Edwardi.

Въ такъ наз. leges Henrici I составъ судовъ графства тотъ же самый, какъ и въ англосаксонскій періодъ. Судъ сотень состоялъ тогда изъ свободныхъ землевладѣльцевъ, а въ судѣ графствъ настоящими судьями были таны; простые свободные люди были только слушателями и зрителями. Теперь-же мѣсто *тановъ* занимаютъ *коронные васалы*, *подвасалы* и болѣе значительные однодворцы. Сохраненіе старой судебной организаціи дѣлаетъ ихъ, слѣдовательно, судьями: Regis judices sunt barones comitatus, qui liberas in eis terras habent; villani vero vel cocseti, vel qui sunt hujus modi viles et inopes personae, non sunt inter judices numerandi. L. Henr. I. c. 29 **).

Одни и тѣже процессы разбираются теперь предъ норманскимъ Viesomes'омъ, какъ прежде предъ саксонскимъ эрломъ и ширге-

---

**) Этимъ прежде всего утверждался старый составъ судовъ, именно въ судѣ сотенъ—изъ свободныхъ земледѣльцевъ, а въ судѣ графствъ (соотвѣтственно танамъ) — изъ коронныхъ васаловъ (ихъ было нѣсколько больше 400) и subtenentes Domesday'я. Утвержденіе, будто суды состояли только изъ коронныхъ васаловъ совершенно неосновательно: ни какой судъ сотни, и даже не всякій судъ графства не имѣлъ-бы надлежащаго количества судей, еслибы ими могли быть только tenentes in capite. Subtenentes Domesday'я только въ меньшей своей части представляютъ собою инвеститурованныхъ подвасаловъ, но они несомнѣнно liberi tenentes, въ томъ смыслѣ какъ это понималось англосаксонскимъ законодательствомъ. Ленная іерархія только въ томъ отношеніи оказала вліяніе на судебную организацію, что подвассалъ не могъ быть судьею въ процессѣ своего леннаго господина, Henr. 32. §. 2. Но именно это-то исключеніе и указываетъ, что въ общемъ коронные васалы и подвасалы были въ судѣ графства pares. И въ самомъ дѣлѣ, въ области судебнаго быта избѣгаютъ дѣлать какое-либо различіе даже въ словахъ и выраженіяхъ между коронными васалами и подвасалами. Болѣе употребляются, напротивъ того, выраженія, равномѣрно обнимающія всѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ (libere tenentes et qui sequuntur curiam de comitatu in comitatu etc.: coram baronibus, militibus et omnibus libere tenentibus ejusdem comitatus).

рефомъ: omnis causa terminetur in comitatu vel hundrdo vel halimoto sacam habentium (Henr. c. 9. § 4). Точно также постановленія о составѣ суда указываютъ на то, что судъ графства есть судъ для всѣхъ классовъ, самыхъ высшихъ и самыхъ низшихъ: Intersint autem episcopi, comites, vicedomini, vcarii, centenarii, aldermani, praefecti, praepositi, baronsi, valvasores, tungrevii et caeteri terrarum domini diligenter intendentes. (Henr. 7. § 2.). Являться въ судъ для отправленія судейскихъ функцій (secta) одновременно вмѣнялось васалу въ обязанность и леннымъ правомъ и англосаксонскимъ. Но уже очень рано допускается и замѣстительство:—Si dapifer ejus legitime fuerit; si uterque necessario desit, praepositus, et sacerdos, et quatuor de melioribus villae adsint pro omnibus, qui nominatim non erunt ad placitum submoniti. (LL. Henr. I. l. cit. § 7.).

Судопроизводство, соотвѣтствовавшее идеаламъ англосаксонскаго свободнаго землевладѣльца, заключало въ себѣ судебный вызовъ, объявленіе внѣ закона, поруку, соприсяжниковъ, Божій судъ. Норманъ, напротивъ того, стремился къ суду, обставленному разными сутяжническими тонкостями, но большею частью кончавшимися поединкомъ, какъ ultima ratio. Королевской власти, такимъ образомъ нужно было рѣшить, какому изъ этихъ идеаловъ дать фактическое преимущество. Одинъ изъ главныхъ пунктовъ судопроизводства—систему доказательствъ уже Вильгельмъ поставилъ на почву ius aequum, Carta Will. c. 6. (Charters 84). Но это было именно только главнымъ цунктомъ, а не опредѣленіемъ всей системы судопроизводства. Въ общемъ-же судебное разбирательство, обставленное такими фогтами, «судебными мужами», тяжущимися сторонами и соприсяжниками, изъ которыхъ каждый требовалъ, чтобы судили по его юридическимъ понятіямъ и которые даже не понимали языка друга друга,—въ общемъ такое разбирательство должно было представлять собою большую путаницу, при чемъ, понятно, пристрастіе и подкупъ должны были получить широкое развитіе. Благодаря такому смѣшенію юридическихъ нормъ, произволъ vicecomites относительно судопроизводства, способа доказательствъ и приговора былъ очень силенъ, также какъ велика была и продажность, доходившая до того, что можно было откупаться даже отъ ордалій. Съ маленькими людьми при судебныхъ разбирательствахъ не особенно церемонились.

Точно также были различны взгляды тяжущихся сторонъ и судебныхъ мужей относительно того, *какое право слѣдовало примѣнять* при рѣшеніи тяжбъ,—норманское или англосаксонское. Послѣ долгихъ колебаній настоятельная необходимость соглашенія привела

къ среднему пути, именно устанавливается, что относительно движимаго имущества преобладающее значеніе получаетъ англосаксонское право, относительно недвижимаго — норманское ленное право. Что-же касается семейнаго права, то оно формируется подъ вліяніемъ церкви. Гдѣ въ особенности сильно было перекрещиваніе правовыхъ системъ—это въ наслѣдственномъ правѣ. По англосаксонскому взгляду, всѣ сыновья имѣютъ одинаковыя права на наслѣдство; норманскіе-же обычаи и потребности владѣнія рыцарскаго лена вели къ праву первородства. Средній путь лежалъ въ принципѣ, провозглашенномъ Legg. Henr. I. c. 70: Primum patris feodum primogenitus filius habeat; emptiones vero et deinceps acquisitiones suos det cui magis velit. Въ концѣ концовъ, относительно земельнаго владѣнія устанавливается норманское право; только тамъ, гдѣ саксонскіе землевладѣльцы составляютъ одну сплошную массу, напр. въ Кентѣ, остается въ качествѣ мѣстнаго обычая (gavelkind) равное распредѣленіе наслѣдства между всѣми сыновьями.

Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ не воззрѣнія судебныхъ мужей, но только правительственныя указанія (впослѣдствіи постановленіе приговоровъ королевскими юстиціарами) могли создать въ эту эпоху основы англійскаго common law, общаго для всѣхъ классовъ населенія ***).

Вмѣстѣ съ удержаніемъ законовъ Эдуарда eo ipso были удержаны и *вотчинные суды*. Но и кромѣ того они непосредственно признаются Carta Henrici I. Эта вотчинная судебная власть совпадала съ обычными феодальными правами норманскихъ ленниковъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ послѣднія шли дальше. Въ образовавшемся изъ этого смѣшанномъ правѣ преобладаніе получаетъ феодальная терминологія, именно выраженіе curia baronum. Но тутъ,

---

***) Всего труднѣе рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ сложилось судопроизводство предъ норманскими Vicecomes'ами (Biener, Geschwornengericht I. стр. 52—56). Несправедливо во всякомъ случаѣ старое мнѣніе о томъ, что Завоеватель вытѣснилъ англосаксонскій языкъ изъ судовъ. Хартіи первыхъ норманскихъ королей писаны на аглосаксонскомъ языкѣ. Самъ Вильгельмъ учился ему. Официальнымъ-же языкомъ, рядомъ съ этимъ, является только латинскій. Все дѣловое производство казначейства, всѣ судебные рескрипты, всѣ reports о древнѣйшихъ процессахъ, всѣ records curiae Regis, еще при Ричардѣ I излагаются на латинскомъ языкѣ. Очевидно, завоеватель не имѣлъ намѣренія признать своихъ норманскихъ ленниковъ господствующимъ классомъ, сдѣлавши ихъ языкъ официальнымъ. Только много времени спустя французскій языкъ тоже начинаетъ становиться официальнымъ языкомъ королевскихъ распоряженій. Если въ судахъ говорили по французски, то изъ необходимости, именно вслѣдствіе того, что Vicecomites и другіе крупные свѣтскіе чиновники были большею частью норманскіе рыцари. Этимъ было обусловлено важное значеніе clerks и низшихъ чиновниковъ въ качествѣ переводчиковъ и ходатаевъ, чѣмъ объясняется раннее развитіе класса мелкихъ адвокатовъ. Понятно, что вести

все таки, необходимо выдѣлить вновь народившіяся отношенія отъ старыхъ, уже ранѣе существовавшихъ.

1) Само собою разумѣется, что всякій владѣлецъ manor'a предъявлялъ притязанія на юрисдикцію надъ Villani, сидящими на его земляхъ. Позднѣйшій юридическій языкъ называетъ эту господскую юрисдикцію, по скольку она касается гражданскаго права, customary court. Прошли столѣтія прежде чѣмъ судебная практика создала право нѣкоторой части крестьянъ обращаться къ королевскимъ судамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о защитѣ владѣнія.

2) Уже англосаксонскій періодъ (главнымъ образомъ при Кнутѣ) распространилъ господскую юрисдикцію на allodiarii. Ленная же система ввела тотъ принципъ, что ленному владѣльцу принадлежитъ судебная власть надъ всѣмъ пожалованнымъ ему леномъ. Какъ слѣдствіе изъ этого, норманскіе вотчинники, повидимому, выводили требованіе подчиненія имъ свободныхъ земледѣльцевъ, которые, по аналогіи съ подвасалами, были предоставлены тому или другому васалу въ качествѣ обязанныхъ платить ему какіе-нибудь оброки, охранныя деньги или-же оказывать личныя услуги. Казначейство, повидимому, смотрѣло на «право юрисдикціи и услугъ» надъ зависимыми, мелкими земельными собственниками какъ на нѣчто такое, что само собою вытекало изъ пожалованій коронныхъ леновъ.

«Но какъ только кто-нибудь видѣлъ себя вынужденнымъ подчиниться юрисдикціи своего болѣе могущественнаго сосѣда и оказывать ему разныя услуги, этимъ онъ дѣлалъ шагъ къ полному, практическому и теоретическому, установленію того взгляда, что онъ *только потому* владѣетъ своею землею, что согласился подчиниться вотчинной юрисдикціи и оказывать разныя услуги вотчиннику». (Stubbs I. 189). Такимъ путемъ возникшая вотчинная юрисдикція надъ libere tenentes получаетъ теперь названіе curia baronum, court baron, и изъ позднѣйшей исторіи видно, что норманская администрація признаетъ такой порядокъ вещей, по крайней мѣрѣ относительно споровъ зависимыхъ людей *между собою*. Въ

на судѣ съ подвасаломъ и крестьяниномъ—англосаксами разговоръ по французски было столь-же трудно въ XI столѣтіи, какъ было бы оно трудно въ XIX. Вотъ почему судоговореніе въ судахъ графствъ и сотень должно было происходило на какомъ-то удивительномъ жаргонѣ, соотвѣтствовавшемъ тому смѣшенію правовыхъ нормъ, которое образовалось благодаря взаимнодѣйствію норманскаго и англосаксонскаго элементовъ. Только въ центральныхъ учрежденіяхъ техника дѣла и составъ чиновниковъ уже очень рано доставляютъ перевѣсъ французскому языку, который затѣмъ мало по малу, начиная съ curia Regis, становится судебнымъ языкомъ. Какой видъ въ концѣ XII ст. приняло судопроизводство въ верховномъ королевскомъ судѣ подъ вліяніемъ судебныхъ писцовъ и ходатаевъ, наглядно показываетъ намъ судебникъ Гланвилы. Ср. Phlip, Englische Rechtsgeschichte. II. 97—334.

каждой мѣстности, при этомъ, примѣнялось свое обычное право, Glanvilla XII. 6: «placita cujusque secundum consuetudines suas agitantur. Solent autem placita ista in curiis dominorum deduci secundum rationabiles consuetudines ipsarum curiarum, quae, tot et tam variae sunt ut, in scriptum de facili reduci non possunt". Судебные своды обходятъ, поэтому, судопроизводство въ court baron молчаніемъ, но устанавливаютъ тотъ фактъ, что онъ, аналогично суду сотни, имѣетъ компетенцію разрѣшать гражданскія тяжбы, какъ по предметамъ вещнаго права, такъ и по долговымъ обязательствамъ. При личныхъ жалобахъ, только впослѣдствіи установилось ограниченіе, что онѣ могутъ обнимать споры на сумму не свыше 40 шилл. При большомъ процессѣ относительно liberum tenementum жалобщикъ долженъ былъ запастись сначала breve de recto отъ королевской канцеляріи, въ знакъ признанія высшей судебной власти короля надъ liberi homines и того, что король есть верховный обладатель всѣхъ земельныхъ владѣній.

3) Вотчинная судебная власть позднѣйшаго англосаксонскаго періода заключаетъ въ себѣ и *уголовную* юрисдикцію. Объемъ этой юрисдикціи неодинаковъ для всѣхъ вотчинныхъ судовъ, но часто весьма значителенъ. Съ другой стороны, и согласно принципамъ феодализма, ленные владѣльцы предъявляли требованія предоставленія curiae feudali извѣстной уголовной юрисдикціи надъ подвасалами или по крайней мѣрѣ, права конфискаціи движимаго имущества, въ цѣляхъ поддержанія военной дисциплины. Оба эти принципа, англосаксонскій и норманскій, слились въ однообразную для всѣхъ вотчинниковъ низшую уголовную юрисдикцію curiae baronum надъ подвассалами, libere tenentes и крестьянами, но эта уголовная юрисдикція ограничивается только мелкими проступками и кражами in flagranti. Изъ финансовыхъ соображеній король оставляетъ себѣ юрисдикцію надъ всѣми тяжкими преступленіями, а тѣхъ вотчинниковъ, которые, на основаніи пожалованій англосаксонскаго времени, пользуются болѣе обширною уголовною юрисдикціею, норманскіе короли по возможности ограничиваютъ въ пользованіи ею †).

---

†) О норманскихъ curiae baronum ср. Biener, Geschichte der Geschw. Ger. I. 48—56. Позднѣйшая юриспруденція установленіемъ разныхъ техническихъ терминовъ старалась выдѣлить составныя части понятія о вотчинной юрисдикціи. Court baron'омъ называли гражданскую юрисдикцію надъ подвасалами и свободными земледѣльцами, имѣющую свое правовое основаніе въ зависимости ихъ земельнаго владѣнія. Customary court называли судъ вотчинника, въ его первоначальной формѣ юрисдикціи надъ ленными villani и челядью. Наконецъ Court leet есть королевскій полицейскій судъ надъ всѣми живущими на ленной землѣ, судъ установившійся только относительно вотчинъ позднѣйшаго пожалованія. Leges Henrici I употребляютъ для обозначенія вотчиннаго суда выраженіе Hallimotum, Henr. 9. § 4; 20. § 1. 2; 57. § 8; 78. § 2. Повидимому оно принадлежитъ позднѣйшей феодальной терминологіи. Наиболѣе часто упо-

Но если съ наружной стороны вся эта судебная организація кажется очень стройной, то за то крайне непривлекательную картину представляетъ собою *внутренняя жизнь ея.* Корыстолюбіе и своеволіе норманскихъ фогтовъ и феодаловъ сдѣлали судъ мѣстомъ произвола и угнетенія. Въ теченіи многихъ поколѣній не могло установиться единообразіе судебныхъ формъ и юридическихъ нормъ: англосаксонскія и норманскія правовыя понятія сталкивались между собою, производя путаницу; «судебные мужи» были раздѣлены между собою національными антипатіями. Завоеватель имѣлъ намѣреніе упрочить при посредствѣ королевскихъ коммисаровъ наиболѣе важные юридическіе обычаи того или другаго графства; но это намѣреніе было слишкомъ трудно привести въ исполненіе. Составленные на ряду съ этимъ частные судебные своды не могли тутъ оказать особенной пользы. Коллизія норманскихъ и англосаксонскихъ правовыхъ представленій давала широкій просторъ личному усмотрѣнію, которое, при пристрастіи норманскихъ фогтовъ и вотчинныхъ управителей къ своимъ единоплеменникамъ и людямъ одного съ ними сословія, всегда направлялось въ эту сторону, если только не предлагались большія выгоды за противоположное рѣшеніе. Если исторія и умалчиваетъ о безчисленныхъ случаяхъ несправедливости норманскихъ направителей правосудія, то объ этомъ достаточно ярко свидѣтельствуетъ часто встрѣчающееся вмѣшательство въ судебныя дѣла самого короля, ненависть къ должности vicecomes и многіе разсказы современниковъ, въ которыхъ пристрастіе vicecomites

---

требляется выраженіе Saca et Soca. Въ Leges Henrici I. c. 20. мы находимъ слѣдующее общее положеніе: Archiepiscopi, episcopi, comites et aliae potestates, in terris propriae potestatis suae, sacam et socam habent, tol et theam et infangentheaf; in caeteris vero per emptionem, vel cambitionem, vel quoquo modo perquisitis sacam et socam habent, in causis omnibus, et hallemotis pertinentibus, super suos et in suo, et aliquando super alterius homines. Само собою разумѣется, что такою-же вотчинною властью пользуется король въ своихъ доменахъ, c. 19: omnium terrarum, quas rex in dominio suo habet socnam habet; quarundam terrarum maneria dedit, sed socnam sibi retinuit singularem et communem. Ne sequitur socna regis data maneria, sed magis est ex personis. Позднѣйшія англо-саксонскія грамоты пожалованія заключаютъ въ себѣ такую формулировку: concedo ei libertatem plenariam, id est sacam et socam, tol et team, et infangenethef, monbrich, hemsokne, forstell (для примѣра такой формулировки можно указать cod. dipl. IV. 167). То, что перестали уже ясно понимать смыслъ этихъ словъ не составляло никакого препятствія, напротивъ того, это именно послужило поводомъ къ тому, чтобы сохранить ихъ въ видѣ формулы. Норманскіе короли, которые подобно Генриху I, должны были при своемъ вступленіи на престолъ привлечь къ себѣ коронныхъ васаловъ какими-нибудь обѣщаніями, прежде всего должны были начать съ обѣщанія сохранить ихъ вотчинныя права. (Sacam in terra et in aqua, in silvis et in campis, tolnetum et team, grithbrecam et hamsocnam, forestellum et infangthief, et in fugitivorum receptionem super eorum proprios homines intra burgos et extra, tam plene et tam directe, quam mei proprii ministri, ipsum exquirere deberent et super tam multos tanopum quot ego eis concessi, Lye's Saxon Dict. App. Chart. № 6).

является чѣмъ-то такимъ, что само собою разумѣется. Эти-то внутренніе недостатки англосаксонской судебной организаціи и приводятъ мало по малу *къ централизаціи* правосудія, что́ совершается слѣдующимъ путемъ.

I. *Мѣстные частные суды* мало по малу ограничиваются. Правда, въ предѣлахъ customary court, то-есть по скольку простирается вытекающая изъ правъ земельной собственности вотчинная власть надъ villani того или другаго помѣстья, частная юрисдикція не ограничивается. Но юрисдикція curiae baronum разсматривается какъ предметъ спеціальнаго, личнаго пожалованія, слѣдовательно ее можно и не предоставить: non sequitur sokna Regis data maneria, sed magis est ex personis Henr. c. 19. Изъ финансовыхъ и политическихъ соображеній королевская власть (не такъ какъ на континентѣ) старалась задерживать развитіе court baron и не уничтожая его въ принципѣ, постепенно парализуетъ, все-таки, судебную юрисдикцію ленниковъ. Многія обстоятельства содѣйствуютъ этому:

а) *Разбросанность* ленныхъ владѣній, при которой уже вслѣдствіе отдаленности другъ отъ друга отдѣльныхъ имѣній того или другаго ленника становится почти невозможнымъ образованіе большихъ ленныхъ центровъ (Henr. I. c. 55.). Главная резиденція ленника, caput baroniae, могла правда, стать мѣстомъ сборища подвасаловъ для празднествъ, инвеституръ и. т. п., но не могла стать центральнымъ судебнымъ мѣстомъ для всей совокупности вассаловъ, не могла стать cour de baronie во французскомъ смыслѣ. Весь матеріалъ грамотъ указываетъ намъ, что юрисдикція самыхъ крупныхъ ленниковъ была только простою суммою отдѣльныхъ вотчинныхъ юрисдикцій (manorial jurisdictions), качественно не отличаясь отъ юрисдикціи владѣльца единичнаго manor'a ††).

---

††) Правда, владѣльцы большихъ вотчинъ, окруженные домашними людьми своими, торжественно держали верховный ленный судъ (Madox I. 101) и на манеръ королевскихъ судебныхъ грамотъ тоже выпускали грамоты съ такимъ слогомъ: „Dapifero meo et omnibus baronibus meis et hominibus meis francis et anglis". Такія грамоты во множествѣ встрѣчаются въ Monasticum Anglicanum и въ Formulare Anglicanum. Но крайняя разбросанность отдѣльныхъ владѣній крупныхъ вотчинниковъ на практикѣ вела къ тому, что судебная власть ихъ не была больше судебной власти коронныхъ вассаловъ средней руки. Подвасалы не могли являться за 20 или 100 миль ко двору своего леннаго господина, чтобы тамъ, на подобіе суда сотни, ежемѣсячно участвовать въ судебныхъ засѣданіяхъ. Въ caput baroniae часто сосредоточивалась судебная власть многихъ близъ лежащихъ manors, Heywood 148; но самый объемъ юрисдикціи отъ этого не увеличивался. (Although an honour consists of many manors, and there is for all the manors one court only held, yet are the quasi several and distinct courts for several manors. Scroggs 81. 82, цитировано у Scriven'a, on Copyholds 6). О недостаточности средствъ приведенія въ исполненіе рѣшеній вотчинныхъ судовъ ср. Scriven, vol. II. 737. Объ отдачѣ въ пользованіе „судебныхъ мужей", кото-

b) Къ этому присоединялась *верховная надзирающая власть короля* и то, что онъ является верховнымъ судьею всего государства, каковыми правами своими королевская власть уже потому крайне охотно пользуется, что получаетъ за это судебныя пошлины. Изъ грамотъ казначейства видно, что огромнѣйшее количество мандатовъ посылалось королевскимъ дворомъ вотчиннымъ судамъ съ напоминаніемъ, что если они будутъ отказывать въ правосудіи, то послѣдуетъ вмѣшательство верховной власти. Writs of right, посылаемыя менѣе значительнымъ патримоніальнымъ судамъ, открыто обнародываются въ качествѣ letters patent и идутъ чрезъ Vicecomes'a, причемъ вотчиннику напоминаютъ—«et nisi feceris, vicecomes hoc faciat, ne amplius clamorem audiamus pro defectu recti». Королевская власть пользуется всякимъ недостаткомъ вотчиннаго суда, чтобы дѣйствовать въ этомъ направленіи. Принадлежащее леннымъ владѣльцамъ право конфискаціи, distres, будетъ правильнѣе назвать правомъ секвестраціи, такъ какъ оно не заключаетъ въ себѣ права продавать арестованное имущество. Такимъ образомъ, когда дѣло доходитъ до приведенія въ исполненіе вотчинныхъ приговоровъ, является необходимость обратиться къ королевской власти и дѣло чрезъ посредство writ'a идетъ къ шерифу для дальнѣйшаго разбора. Каждая жалоба на то, что вотчинный судъ отказываетъ въ правосудіи или не надлежаще постановляетъ приговоръ, переноситъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла въ королескій судъ; точно также призываніе королевской власти посредствомъ writs of false judgement. При не надлежащемъ составѣ вотчиннаго суда (что при разбросанности отдѣльныхъ помѣстій феодаловъ часто должно было имѣть мѣсто) дѣло тотчасъ-же переходитъ въ королевскій судъ. Всякія попытки установить высшую судебную власть болѣе крупныхъ вотчинныхъ судовъ надъ приговорами меньшихъ вотчинныхъ судовъ совершенно уничтожаются слѣдующимъ пунктомъ статута Marlebridge: Nullus de caetero (excepto fdomino regio) teneat placitum in curia sua de falso judicio acto in curia tenentium suorum; quia hujus modi placita specialiter spectant ad coronam et dignitatem domini regis).

c) Важнымъ факторомъ является вопросъ о надлежащемъ примѣненіи *законовъ*. Уже чрезъ столѣтіе послѣ норманскаго завоеванія

рая впослѣдствіи уже не встрѣчается болѣе, ср. Ellis, I. 236. 237. Появленіемъ Stat. Quia emptores 18. Edw. I. дальнѣйшее развитіе вотчинной юрисдикціи было пріостановлено. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда король жалуетъ наслѣдственное управленіе сотнею, при этомъ всегда выговаривается юрисдикція королевскихъ судей и шерифа. Точно также, въ связи съ St. Merton отказано вотчинникамъ въ ихъ желаніяхъ завести собственныя тюрьмы: magnates petierunt propriam prisonam de illis. quos caperent in parcis et vivariis suis. Quod quidem dominus rex contradixit, et ideo differtur.

пришли къ тому, чтобы предоставить постановленіе судебныхъ приговоровъ свѣдущему судейскому персоналу. Понятно, что составъ частныхъ судовъ не могъ удовлетворить такому требованію. Кромѣ того система доказательствъ, и въ особенности система соприсяжниковъ (legis vadiatio), становилась все неисполнимѣе. Тогда какъ въ королевскихъ судахъ происходитъ соотвѣтствующая требованіямъ времени реформа, ведущая къ установленію гражданскаго и уголовнаго жюри, въ частныхъ судахъ ничего подобнаго не могло быть уже изъ-за незначительнаго состава ихъ. Такимъ образомъ, уже одно то должно было привести въ упадокъ частные суды, что они остались въ старомъ видѣ своемъ, между тѣмъ какъ неутомимая законодательная дѣятельность королей вноситъ значительныя улучшенія въ дѣятельность судовъ королевскихъ.

d) Наконецъ, когда съ теченіемъ времени большія вотчины, вслѣдствіе escheat'a или конфискаціи, возвращались во власть короля, то, при вторичной отдачѣ ихъ, королевская власть очень часто оставляла за собою болѣе значительную судебную юрисдикцію, и подвасаловъ обыкновенно дѣлали непосредственными васалами короля. Благодаря этому и послѣдовавшему впослѣдствіи запрещенію раздавать ленныя земли подвасаламъ, courts baron лишились наиболѣе уважаемыхъ «судебныхъ мужей» своихъ. Установилось теперь, что судебная компетенція ихъ прекращается, если они не имѣютъ въ своемъ составѣ по крайней мѣрѣ 2 свободныхъ земледѣльцевъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вотчинный судъ замѣняется судомъ графства или королевскимъ †††).

II. *Суды графствъ*, какъ обычная форма судовъ для liberi homines государства, переходятъ, сначала въ неизмѣнномъ видѣ, въ норманскую эпоху съ сохраненіемъ обѣихъ своихъ инстанцій hundred—gemote и shir—gemote. Однако и относительно этихъ судовъ замѣчается сокращеніе компетенціи.

1). *Сотенный судъ* является намъ со своими ежемѣсячными засѣданіями въ L. Henr. c. 51. § 2: Debent autem ad singulos menses, i. e. per annum duodecies congregari hundreta; а также c. 7, §. 4: Debent autem hundreta vel wapentagia

---

†††) Въ противовѣсъ крупнымъ ленникамъ поощряются привилегіи городовъ, о чемъ мы будемъ говорить дальше. Лондонъ и нѣкоторые другіе большіе города получаютъ привиллегію имѣть Mayor'a или городскаго фохта, который, повидимому, пользуется всею гражданскою и уголовною юрисдикціею Vicecomes'a и дѣлаетъ его совершенно лишнимъ. Но и другіе города, чтобы облегчить судебную повинность, постоянно стремятся къ тому, чтобы добиться для себя спеціальнаго суда, что и безъ того вызывалось потребностями болѣе густо живущаго городскаго населенія. Подобныя пожалованія посредствомъ хартій производятся королемъ (въ качествѣ владѣльца городской земли) смотря по надобности, ходатайству, и уплатѣ пошлинъ.

duodecies in anno congregari, et sex diebus ante summoniri. Въ Henr. 41, § 6 повторяется, что hlâford обязанъ, въ случаѣ обвиненія одного изъ его подданныхъ, представить его предъ судъ hundred'a. Нельзя, однако, не замѣтить того ущерба, который нанесенъ былъ суду сотни вслѣдствіе расширенія компетенціи court baron'a, пріобрѣвшаго для подвасаловъ и libere tenentes значеніе суда сотни. Почти повсемѣстно въ сердцевину сотень врѣзываются вотчинные суды, почему онѣ и представляютъ плохія гарантіи слабому предъ сильнымъ при образовавшейся теперь розни между «судебными мужами». Даже очень удивительно, какъ при большомъ количествѣ сотенныхъ судовъ теперь еще находилось достаточное число судебныхъ мужей, но очень понятно, что обремененный дѣлами Vicecomes весьма мало былъ расположенъ двѣнадцать разъ въ году засѣдать въ каждомъ судѣ сотни для разрѣшенія мелкихъ гражданскихъ процессовъ, совершенно ничтожныхъ съ точки зрѣнія судебныхъ пошлинъ. Вслѣдствіе дополнительнаго значенія, которое искони судъ графства имѣетъ по отношенію къ суду сотни, многочисленные гражданекіе процессы переносятся въ судъ графства. Если, не смотря на ихъ очевидную для всѣхъ ничтожную судебную дѣятельность, на нихъ все еще продолжаютъ смотрѣть какъ на обычный мѣстный судъ, то это можно объяснить только упорнымъ стремленіемъ народа удержать тѣ формы суда, которыя служили послѣдней опорой независимости низшаго класса свободныхъ людей. Участіе въ засѣданіяхъ сотеннаго суда служитъ юридическимъ признакомъ «liberi et legales homines», которые уцѣлѣли рядомъ съ рыцарствомъ и образуютъ главный контингентъ для пріобрѣтающихъ впослѣдствіи столь важное значеніе судовъ присяжныхъ.

2) *Судъ графства*, теперь Curia comitatus, издавна служитъ мѣстомъ разбирательства важнѣйшихъ процессовъ, жалобъ противъ тановъ (теперешнихъ milites) и процессовъ болѣе значительныхъ тяжущихся сторонъ. Уже въ англосаксонскій періодъ значеніе этого суда было дополнительное по отношенію къ суду сотенъ; теперь-же къ нему переходитъ множество гражданскихъ процессовъ изъ суда сотенъ и изъ courts baron. Изъ уголовныхъ преступленій всего чаще упоминаются кражи и мелкіе проступки (metletae, verbera, plagae, transgressiones). Накопленіе дѣлъ приводитъ къ тому, что впослѣдствіи (по Magna Charta) бываетъ ежегодно до 12 засѣданій. Уже въ LL. Henr. 51, § 2 говорится: Comitatus bis, si non sit opus amplius, congregari. И такъ, кромѣ законныхъ двухъ засѣданій—«Shirgemotes», введены были еще экстренныя засѣданія, къ которымъ призывались только прикосновенныя.

Однако, и такимъ путемъ суды графства не успѣваютъ разрѣшить всѣхъ мелкихъ уголовныхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего изъ судовъ графства выдѣляется Turnus Vicecomitis, Sheriff—tourn. Это—учрежденіе совершенно новое, свойственное только норманскому періоду, заключающеося въ томъ, что по крайней мѣрѣ два раза ежегодно vicecomes объѣзжаетъ отдѣльныя сотни и въ качествѣ *королевскаго коммиссара* тутъ-же на мѣстѣ разрѣшаетъ мелкія уголовныя дѣла. Этотъ turnus vicecomitis считается уже выдѣленіемъ не суда сотни, но суда графства въ силу *королевскаго порученія*, о чемъ и говорится въ Henr. c. 8 § 1: Speciali tamen plenitudine si opus est, bis in anno conveniant in hundretum suum quicunque liberi, tam hudefest, quam folgarii ad dinoscendum scilicet, si decaniae plenae sint etc. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и въ Нормандіи. На эти объѣзды являлось для полицейскихъ цѣлей все мужское населеніе того или другаго небольшаго округа, такъ что стало обычнымъ примѣнять къ этимъ судебнымъ собраніямъ per dalegationem названіе народнаго суда, court leet. При норманской системѣ судебныхъ пеней и пошлинъ учрежденіе это вскорѣ превращается въ мѣстный полицейскій судъ (§. 11), который въ такой формѣ и становится новымъ предметомъ для пожалованій землевладѣльцамъ и общинамъ. Такъ-какъ vicecomes играетъ роль королевскаго коммиссара, то весьма понятно, почему tourn имѣетъ значеніе королевскаго court of record, въ то время какъ старый судъ графства такого значенія не имѣетъ. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ дѣлахъ высшіе bailiffs по временамъ замѣняютъ vicecomes'овъ, а низшіе bailiffs служатъ имъ для приглашенія въ судъ, для приведенія въ исполненія приговоровъ и вообще для различныхъ услугъ въ дни судебныхъ засѣданій [1]).

Какъ важны и многочисленны ни были процессы, разсматривавшіеся теперь въ судахъ графствъ, тѣмъ не менѣе вскорѣ замѣчается *умаленіе ихъ компетенціи*, вслѣдствіе присвоенія себѣ королевской властью процессовъ относительно коронныхъ леновъ и тяжкихъ уголовныхъ преступленій, о чемъ рѣчь еще впереди. Въ самихъ судахъ графства также замѣчаются аристократическія тенденціи, что нельзя объяснить одною только сословною партійностью шерифа, но и причинами болѣе глубокими, именно общимъ духомъ

[1]) Суды графства и сотни остаются въ томъ-же видѣ, въ какомъ были въ англо-саксонское время, что можно прослѣдить по Legs Henrici c. 7, 8, 14, 41, 91 и др. Съ тѣхъ поръ какъ шерифъ начинаетъ держать два раза въ годъ turnus vicecomitis, въ сотняхъ появляются двоякаго рода суды, констатируемые уже въ leges Henr. I, именно большой судъ—„scheriffs tourn", происходящій два раза въ годъ, и меньшій, curia parva hundredi, происходящій каждыя 3 недѣли подъ предсѣдательствомъ bailiff'a сотни для разбора мелкихъ гражданскихъ тяжбъ.

этой эпохи. Постановленіе приговора общиною (соотвѣтствующее нѣмецкимъ шефенамъ) прекращаются всюду, гдѣ вмѣсто болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія собственности возникаютъ сложныя имущественныя и сословныя отношенія. Въ англонормансской Англіи право собственности должно было образоваться изъ примѣненія норманскаго леннаго права къ саксонскимъ земельнымъ отношеніямъ, слѣдовательно съ самаго начала въ основу его легли разнородные элементы. Въ то-же время нарушается единство правовыхъ взглядовъ, по мѣрѣ того какъ развивается рознь національностей и сословій. Все усиливающееся различіе интересовъ и взглядовъ отдѣльныхъ элементовъ общества ведетъ къ тому, что за выработку правоваго единства должно взяться государство. Является необходимость въ «интерпретаціи», такъ-какъ руководствоваться правовымъ сознаніемъ общины было-бы невозможно: обычное право было различно почти въ каждомъ графствѣ, въ каждой сотнѣ, въ каждомъ городѣ, смотря по составу національностей и сословій. Еще болѣе все это примѣнимо къ уголовному праву и уголовному судопроизводству: основныя положенія его, необходимыя для поддержанія общественнаго порядка исходятъ теперь отъ верховной власти. Этимъ процессомъ внутренняго разложенія объясняются:

III. Прерогативы *королевской юрисдикціи*, носящей норманское названіе Curia regis. Вѣроятно еще при утвержденіи англосаксонскаго государственнаго устройства, королевская власть нѣкоторые судебные случаи, вытекающіе изъ ленныхъ отношеній, оставила за собою. Изъ *гражданскихъ дѣлъ* всѣ недоразумѣнія по поводу коронныхъ леновъ были переданы на личный судъ и усмотрѣніе короля; сюда-же отнесены были распри изъ-за advocatiae и пр. Кромѣ того, уже съ давнихъ поръ королевская власть могла привлечь къ себѣ всякій процессъ изъ низшей инстанціи, либо вслѣдствіе defectus recti, либо когда тяжущійся не могъ въ низшихъ инстанціяхъ добиться безпристрастнаго приговора. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы для всѣхъ такихъ случаевъ при дворѣ короля существовалъ-бы *особый* судъ изъ компетентныхъ судей. Большинство такихъ дѣлъ по порученію короля передавалось суду графства, мѣстному или ближайшему, въ качествѣ экстраординарнаго дѣла не принадлежащаго къ firma vicecomes. Только въ случаѣ процесса противъ крупнѣйшихъ вельможъ король назначалъ временами коммиссію изъ прелатовъ и коронныхъ васаловъ для разрѣшенія дѣла при дворѣ. Однако-же внушающій мало довѣрія составъ судовъ графства, а также потребность въ однообразныхъ юридическихъ принципахъ въ области имущественнаго права, вызываютъ обращеніе къ непосредственной юрисдикціи короля, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ назначаются особенные коммиссары—Justiciarii,

свободные отъ всякихъ пристрастій и корыстныхъ разсчетовъ шерифа. Послѣ того, какъ въ царствованіе Генриха II путь былъ открытъ для такого непосредственнаго обращенія къ королю, цѣлая масса гражданскихъ процессовъ устремилась къ королевскому двору, взимавшему извѣстныя пошлины за такое отправленіе имъ правосудія. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ можно найти въ судебномъ сводѣ Glanvill'ы I, cap. 3, гдѣ помѣщена длинная таблица гражданскихъ процессовъ разсматриваемыхъ верховной властью, послѣ чего слѣдуетъ прибавка: quodlibet placitum de libero tenemento vel feodo potest rex trahere in curiam suam, quando vult. (c. s.) *)

Тѣмъ-же путемъ слѣдуетъ и *уголовное судопроизводство*. И здѣсь, первоначально, верховная власть оставляетъ за собой нѣкоторыя тяжкія преступленія, изъятыя изъ частнаго суда и предоставленныя королю въ законахъ Кнута. Henr. 1. 10. Тѣмъ не менѣе множество изъ такихъ изъятыхъ дѣлъ вначалѣ передается въ судъ графства. Только жалобы на прелатовъ и крупнѣйшихъ коронныхъ васаловъ, и то въ весьма немногихъ упоминаемыхъ исторіею случаяхъ, заставляютъ короля воспользоваться своимъ правомъ и чрезъ посредство коммиссіи, созванной изъ прелатовъ и коронныхъ васаловъ творить свой верховный судъ, причемъ приговоры большей частью состоятъ въ отнятіи леновъ или конфискаціяхъ. Мало по малу, однако, число предоставленныхъ коронѣ дѣлъ возрастаетъ и уже Glanvilla причисляетъ къ нимъ всѣ feloniae contra pacem regis, даже драки и буйства, если только они нарушаютъ общественную тишину, si accusator adjiciat de pace regis infracte Glanvilla I, c. 2. Тяжкія преступленія являются здѣсь въ качествѣ feloniae contra pacem domini Regis, а въ процессуальномъ отношеніи какъ placita coronae. Лучшій духъ начинаетъ проникать и въ эту область правосудія благодаря отдѣленію откупныхъ интересовъ отъ содержанія приговоровъ, т. е. благодаря назначенію королевскихъ Justiciarii на мѣсто Vicecomes'овъ. Итакъ, оставлен-

*) О юрисдикціи curia regis мы еще будемъ говорить далѣе въ связи съ разсмотрѣніемъ системы центральной администраціи (§ 15. 16). Королевская юрисдикція первоначально, можетъ быть, ограничивалась тѣмъ, что отмѣчено въ Carta Henrici I, именно юридическими вопросами, касающимися тропныхъ леновъ Glanvilla I. 3. перечисляетъ вопросы, предоставляемые королевской власти: placitum de baroniis, pl. de advocationibus, questio status, pl. de dotibus unde nil, querela de fine facto, de homagiis faciendis, de releviis recipiendis, de pur presturis, pl. de debitis laicorum. О позднѣйшемъ расширеніи королевской юрисдикціи свидѣтельствуютъ слова Glanvill'ы I. 5: Quodlibet placitum de libero tenemento vel feodo potest rex trahere in curiam suam, quando vult. Только съ Генриха II начинаются многочисленные случаи взиманія пошлинъ за разбирательство процессовъ при дворѣ, подъ рубрикою: ne placitet nisi coram Rege de tenementis suis; ne ponatur in placitum nisi coram Rege vel ejus capitali justiciario etc. Madox I. 117 и слѣд.

ное первоначально за королемъ право вмѣшательства приняло теперь видъ періодическихъ назначеній уполномоченныхъ судей по уголовнымъ дѣламъ. **)

Время Генриха II есть *переходная эпоха*, которая при помощи странствующихъ судей привлекаетъ разсмотрѣніе всѣхъ наиболѣе важныхъ процессовъ къ королевскому двору (ad curiam), и образованіемъ сословія ученыхъ судей кладетъ начало болѣе правильной постановкѣ дѣла правосудія и выработкѣ единства правовыхъ принциповъ во всемъ государствѣ. Система королевскихъ Justiciarii около средины этого періода до такой степени образуетъ одно стройное цѣлое, что нуждается въ особомъ разсмотрѣніи въ связи съ системой центральной администраціи (§ 16). Переходъ суда въ руки спеціально-назначаемыхъ ученыхъ судей, который въ Германіи совершается только столѣтія спустя, благодаря заимствованію изъ чужеземнаго права, въ Англіи имѣетъ мѣсто уже въ 12 столѣтіи. При крѣпкой привязанности англосаксонскаго населенія къ своему старому праву, этотъ переходъ былъ-бы почти непонятенъ, еслибы крайне неудовлетворительное состояніе судовъ графства не дѣлало-бы его дѣломъ первой необходимости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ идетъ рука объ руку съ преобразованіемъ стариннаго участія судебныхъ мужей въ постановленіи приговора, которое уже при Генрихѣ II принимаетъ внѣшнія очертанія гражданскаго жюри, а при Генрихѣ III—жюри уголовнаго.

Рѣзкій переворотъ этотъ, большею частью, совершается путемъ королевскихъ *указовъ*. Только при нѣкоторыхъ рѣшительныхъ нововведеніяхъ Генрихъ II счелъ нужнымъ посовѣтываться съ нотаблями, путемъ такъ называемыхъ assizes. Большинство нововведеній соотвѣтствовали дѣйствительнымъ потребностямъ и нуждамъ и испра-

---

**) Первоначально оставленные за собою королевскою властью уголовные дѣла такимъ образомъ опредѣлены въ LL. Henrici I. c. 10: Haec sunt jura, quae rex Angliae solus et super omnes homines habet in terra sua: infractio pacis regiae per manum vel breve datae; danegildum; placitum brevium vel praeceptorum ejus contemptorum; de famulis suis ubicunque occisis vel injuriatis; infidelitas et prodicio; quicunque despectus vel maliloquium de eo; utlagaria; furtum morte impunitum; murdrum; falsaria monetae meae; incendium; hamsocna; forestel etc. etc. Это мѣсто есть отчасти переводъ leges Cnuti II. 12—15 и важно только опредѣлить, когда появились въ пестромъ порядкѣ прибавленныя новыя рубрики. Въ концѣ, составитель, впрочемъ, прибавляетъ: смыслъ этой королевской резерваціи тотъ, что юрисдикція надъ этими уголовными преступленіями не входитъ въ откупъ Vicecomes'a: haec sunt Dominica placita Regis, nec pertinent Vicecomitibus vel Apparitoribus vel Ministris ejus sine definitis praelocutionibus in firma sua. Такимъ образомъ не исключалась возможность чрезъ особыхъ коммиссаровъ отдавать всѣ эти дѣла на разсмотрѣніе судовъ графствъ, что обыкновенно и бывало до Magna Charta. Болѣе достовѣрны указанія Гланвилы I. 2., но относительно времени расширенія королевской юрисдикціи никакихъ указаній изъ нихъ нельзя вывести.

шивались обращающимися къ Curia Regis какъ милость. Они были столь спеціальнаго, техническаго характера, что лучшая постановка дѣла правосудія только медленно и эмпирически вырабатывается изъ лучшаго состава судейскаго персонала.

Хотя многія подробности еще не выяснены до сихъ поръ изданными грамотами и документами, но все таки можно установить слѣдующую картину судебнаго дѣла въ концѣ норманскаго періода.

Судебная организація преобразована *указами и распоряженіями* короля; произведены значительныя измѣненія въ юридическихъ нормахъ, судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

Во всѣхъ важныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ снаряженія суда перешло *лично* къ королю: in curia domini Regis ipse in propria persona jura decernit. (Dial. I. c. 4).

Судьями въ этихъ случаяхъ являются уже не судебные мужи графства, а назначенные королемъ Justiciarii—большею частью юридически образованные люди, которымъ, какъ непосредственнымъ органамъ королевской юрисдикціи, подчинены, въ качествѣ низшей инстанціи, суды графства.

Прежнее участіе народа въ судѣ ограничивается теперь тѣмъ, что члены общины чрезъ особенно назначенныя общинныя комиссіи (въ формѣ гражданскаго и уголовнаго жюри) принимаютъ участіе въ *установленіи* questio facti. Употреблявшійся при составленіи Domesdaybook'a, при установленіи королевскихъ поборовъ, при назначеніи податей, при опредѣленіи, согласно assize of arms, степени несенія воинской повинности и вообще при всякомъ установленіи разнаго рода общественныхъ и государственныхъ отношеній, употреблявшійся во всѣхъ этихъ случаяхъ обычный способъ inquisitio посредствомъ общинныхъ выборныхъ употребляется и теперь, чтобы устарѣвшую систему доказательствъ соприсяжниками, судами божьими и поединками замѣнить болѣе цѣлесообразными способами. ***

***) Развитіе jury въ гражданскомъ судопроизводствѣ во всѣхъ деталяхъ своихъ подробно разработано и выяснено въ большихъ трудахъ Biener'a, Brunner'a, Forsyth'a и др., такъ что совершенно достаточно познакомиться только съ окончательными выводами ихъ. Для исторіи государственныхъ учрежденій важна связь этихъ техническихъ деталей судопроизводства съ государственнымъ организмомъ. Тамъ, гдѣ энергическая центральная власть, какъ напр. правительство Карла Великаго и норманскихъ королей, при своемъ примитивномъ чиновничествѣ нуждается въ содѣйствіи мѣстныхъ элементовъ для констатированія фактовъ, она, въ силу самой природы вещей, должна обратиться къ свидѣтельству vill'ы, hundredum'a или comitatus'a. Но практически такое свидѣтельство не можетъ быть даваемо всею vill'ою, всѣмъ hundredum, всѣмъ comitatus, а только ихъ представителями, слѣдовательно старостою и 4 мужами для villata, 12 legales homines для сотни, 12 или болѣе milites и т. д. для comitatus. Для сотенъ и burghs представительство двѣнадцатью установилось уже съ англо-саксонскаго періода. Связь государственнаго управленія съ дѣйствіемъ мѣстныхъ союзовъ до такой степени обусловливалась самою природою вещей, что церковь со своими

Къ концу англо-саксонскаго періода гражданское и уголовное судопроизводство представляетъ собою систему совмѣстной дѣятельности королевскихъ судей и общинныхъ выборныхъ людей и уже въ судебномъ сводѣ Bracton'a высказывается новѣйшій принципъ правосудія: Veritas in juratore, justicia et judicium in judice. Bracton fol. 186 b. Постановленіе приговора—теперь, главнымъ образомъ, примѣненія общихъ для всего государства юридическихъ нормъ—отъ общины переходитъ къ спеціально назначеннымъ судьямъ. Прежнее участіе общины въ постановленіи приговора, соприсягѣ, общинномъ свидѣтельствованіи низводится на установленіе, фактовъ question of fact, выборными отъ сотни.

Ясно, что судебная власть норманскихъ королей стала чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, чѣмъ имѣющая формальное и только дополнительное значеніе судебная власть королей англо-саксонскихъ. Король становится теперь «источникомъ правосудія» *въ обширнѣйшемъ смыслѣ* этого слова; судебная власть его достигаетъ размѣровъ, до того неизвѣстныхъ среднимъ вѣкамъ.

§ II.

III. Развитіе норманскаго полицейскаго верховенства короля.

Точно также какъ англосаксонскій король, въ качествѣ верховнаго охранителя мира, при своемъ вступленіи на престолъ возвѣщаетъ королевскій миръ, это дѣлаютъ и норманскіе короли. Объявленіе королевскаго мира считается (во всякомъ случаѣ съ Генриха II) дѣйствительнымъ для всего царствованія того или другаго короля; но въ теченіи даже одного и того же царствованія представлялись случаи повторенія провозглашенія королевскаго мира. Уже древнѣйшія грамоты казначейства заключаютъ въ себѣ отмѣты пеней въ 5 марокъ, 11 марокъ, 20 £ pro face fracta, главнымъ образомъ противъ норманскихъ феодаловъ. Древнѣйшіе указы по этому предмету представляютъ собою только повторенія уже прежде су-

---

синодальными судами, Карлъ Великій со своими попытками свѣтскихъ слѣдственныхъ судовъ и recognitiones должны были идти однимъ и тѣмъ-же путемъ. Сущность нововведенія состояла, какъ это вполнѣ справедливо доказываетъ Брунеръ, въ томъ, что власть с а м а уже заботится о системѣ доказательствъ, между тѣмъ какъ прежде о доказательствахъ заботятся только тяжущіеся стороны. Какъ только устанавливается принципъ, что власть заботится о доказательствахъ (inquisitio), степень выполненія его зависитъ уже отъ организаціи дѣла. Въ какомъ направленіи совершается (сомногими измѣненіями) перенесеніе существовавшихъ уже прежде въ Нормандіи франкскихъ учрежденій, которые теперь были приноровлены къ англійскимъ Comitatus, hundreda, Villatae и технически разработаны юристами curiae regis. О жюри въ уголовныхъ дѣламъ будетъ еще сказано дальше.

ществовавшаго, но въ рукахъ норманскихъ королей оно принимаетъ все большіе и большіе размѣры *).

I. Прежде всего *подтверждается* основной принципъ *англо-саксонской полицейской поруки* Will. Ш., c. 8 (Charters 84): omnis homo qui voluerit se teneri pro libero sit in plegio, ut plegius lum habeat ad justiciam, si quid offenderit. Et (si) quisquam evaserit talium, videant plegii, ut solvant quod calumpniatum est, et purgent se, quia in evaso nullam fraudem noverint. Requiratur hundredus et comitatus, sicut antecessores stateirunt, rel. Также подтверждается въ LL. Edw. c. 21. ручательство тана за своихъ людей: коронные васалы должны взять подъ свое ручательство своихъ milites и servientes, а тѣ въ свою очередь своихъ armigeros vel alios servientes.

Для установленія дѣйствительнаго контроля норманская администрація вводитъ ежегодно повторяющіяся *ревизіи*—visus francplegii, view of francpledge. Онѣ связываются съ объѣздомъ vicecomes'a около дня св. Михаила и держутся въ теченіи столѣтій, а по имени существуютъ даже и понынѣ (Henr. I. c. 7: Bis in anno conveniant in hundretum suum quicunque liberi, tam hundefest quam folgarii, ad dinoscendum, si decaniae plenae sint, vel qui, quomodo, qua ratione recesserint vel super accreverint). Въ этихъ законахъ говорится только о самомъ существѣ поруки, но норманская финансовая администрація здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, на основаніи ихъ усилила средства взысканія причитающихся денегъ. Чуждый общинѣ норманскій чиновникъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, обращаетъ взысканія прямо ко всей общинѣ tributim (in gross), представляя ей вѣдаться самой относительно внутренняго распредѣленія. Практически такой образъ

*) Изъ обстоятельныхъ изысканій Пэльгрева, П. 105 и слѣд. видно, что норманское полицейское устройство примкнуло къ англо-саксонской системѣ сохраненія мира. Въ Henr. 79. § 3, 4 выясняется разница между Pax data manu Regis и pax a vicecomite data; въ Edw. 12. § 1. 27 pr.—равное значеніе всѣхъ непосредственныхъ и посредственныхъ объявленій мира. Объ дѣйствіи ихъ на частныя междоусобія см. Bracton I. 2. c. 35. § 5; Fleta I. 3. c. 16. § 16; Britton 68 и Allen, Prerogative 121. Оставленіе въ силѣ англо-саксонской системы полицейскаго ручательства, въ особенности благодаря спутанному изложенію въ LL. Eduardi c. 20, вызвало множество спорныхъ вопросовъ (подробнѣе см. у Waitza, Deutsche Verfassungs Geschichte. 2. Auflage 1865 стр. 426—457). Составитель LL. Eduardi приводитъ не подлинныя слова закона, говоритъ описательно, для того, чтобы по возможности ясно представить своимъ современникамъ картину старой полицейской организаціи страны. Встрѣчающееся тамъ слово Frithborg (по Lambard'y Freoborg), скорѣе заимствовано изъ обыденной рѣчи, чѣмъ изъ законовъ. Francplegium, по всей вѣроятности, есть норманскій переводъ этого слова на дѣловомъ языкѣ этого времени. Измѣненія, внесенныя норманскимъ періодомъ, состояли развѣ въ измѣненіи способовъ, которыми казначейство и королевскіе намѣстники, опираясь на военную и полицейскую силу, собирали причитающіяся суммы съ „непокорныхъ и злонамѣренныхъ, общинъ" (см. выше § 2. разд. III).

дѣйствій ведетъ къ тому, что полицейская порука превращается во *взаимную* поруку десятковъ и этимъ объясняется, почему въ 12 столѣтіи частный составитель LL. Eduardi понимаетъ полицейскую поруку какъ взаимную: ita quodsi unus ex decem forisfacit, ad rectitudinem novem haberent decimum (Edw. c. 20. § 1); онъ, впрочемъ, прибавляетъ, что если находится дѣйствительный виновникъ, то возмѣщаетъ убытокъ (§ 2); если онъ скрывается или не имѣетъ средствъ, то платитъ представитель десятка de suo et frithborgi (§ 4). Вотъ тѣ мѣста изъ LL. Eduardi, которые привели науку къ ложному выводу о томъ, что въ англосаксонскія времена существовала «круговая порука». И въ позднѣйшихъ судебныхъ сводахъ, мы съ этимъ встрѣчаемся въ качествѣ *общинной* обязанности, напр. Bracton 124: de eo autem qui fugam ceperit, diligenter inquirendum, si fuerit in francplegio et decenna, tunc erit d e c e n n a in misericordia coram justitiariis nostris, quia non habent ipsum malefactorem ad rectum (Ср. Fleta I. 27. § 4). Требованіе англосаксонскихъ законовъ, чтобы каждый неосѣдлый человѣкъ примкнулъ-бы къ какой нибудь общинѣ лучше всего приводилось въ исполненіе этой отвѣтственностью общины и въ теченіи многихъ столѣтій оставалось лучшимъ средствомъ противъ бродягъ и подозрительныхъ лицъ [1]),

II. Къ этой строгой отвѣтственности десятковъ примыкаетъ распространеніе отвѣтственности на цѣлую *сотню*. Опасность, которой подвергалась жизнь каждаго норманна со стороны озлобленнаго населенія вызвало указъ Вильгельма, по которому сотня, въ предѣлахъ которой будетъ найденъ трупъ норманна, должна платить 46 марокъ, если въ теченіи 5 дней не будетъ найденъ убійца. (Charters, стр. 84). Въ данномъ случаѣ ярко выступаетъ наружу сила норманской королевской власти. Въ англосаксонскія времена Witenagemote не позволилъ-бы, чтобы подобное распоряженіе было издано безъ его согласія. Но теперь угрожаемымъ столь сильною

---

[1]) Что съ самаго начала, по вопросу о полицейской порукѣ, были оставлены а н г л о-с а к с о н с к і я у ч р е ж д е н і я, ясно видно изъ записей казначейства. Въ безконечномъ числѣ случаевъ разныя мѣстности наказываются за „принятіе къ себѣ въ домъ неизвѣстнаго, не взявши съ него francplegium“; за принятіе кого-либо „безъ Tething“ и т. д. (Madox. I. 546 и слѣд. 555). Gervase, Рекгэмская сотня наказывается за то, что завѣдомо дозволяла жить въ своей средѣ одному человѣку безъ Francplegium (I. 365). Ежегодно повторявшіяся р е в и з і и были хорошимъ средствомъ контроля, но для всей системы полицейской не особенно существеннымъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ страны не примѣнимымъ. Позднѣйшее пользованіе имъ видно изъ Magna Charta; Fleta II. 52, 72; Britton c. 29. Horne's Miror c. 1. § 16. Въ мѣстностяхъ сѣвернѣе Трента это учрежденіе не было введено (Palgrave II. 123), изъ чего можно заключить, что инціатива его принадлежитъ самому завоевателю и относится къ тому времени, когда эти сѣверныя мѣстности не подпали еще подъ власть норманской администраціи.

опасностью норманнамъ не приходило, конечно, въ умъ и мысль о протестѣ противъ такого распоряженія, а англосаксы не были въ состояніи чѣмъ-нибудь проявить его. Чрезъ нѣкоторое время, норманская администрація распространяетъ отвѣтственность еще дальше, такъ что, судя по записямъ казначейства, отвѣтственность сотень in gross переходитъ вообще in subsidium, когда мѣстность не имѣетъ средствъ выплатить наложенныхъ полицейскихъ штрафовъ [2]).

III. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эти начала приводятъ къ организаціи *обязательнаго участія въ слѣдственномъ производствѣ*. Потребность не предоставлять преслѣдованіе нарушеній мира исключительно произволу потерпѣвшей стороны, но преслѣдовать его ex officio въ интересахъ общаго блага (короля), привело уже въ англосаксонскія времена къ распоряженію Этельреда III. 3. § 3, которое говоритъ о производствѣ слѣдствія относительно нарушенія мира «12 танами графства». Это распоряженіе повидимому осталось единичнымъ и скоро пришло въ забвеніе. Но норманскій Vicecomes, въ своемъ затруднительномъ положеніи среди чужаго ему населенія, съ самаго начала долженъ былъ прибѣгнуть для констатированія фактовъ къ присяжнымъ показаніямъ сосѣдей. Когда это началось и есть-ли тутъ какая нибудь связь съ англосаксонскими учрежденіями, опредѣлить трудно. Но когда послѣ бурныхъ временъ Генриха II снаряженіе дворомъ странствующихъ коммиссаровъ (justiciarii) стало постояннымъ явленіемъ, то нашлись подходящіе элементы, которые, рука объ руку съ vicecomes'ами создаютъ и поддерживаютъ систему слѣдственнаго производства. Впервые слѣды такого слѣдственнаго производства появляются въ Кларендонской ассизѣ въ 1166 г.

---

[2]) Распространеніе отвѣтственности на всю сотню въ тѣхъ случаяхъ, когда совершилось Murdrum, основано на непосредственномъ распоряженіи Завоевателя. Wil. I. c. 2. (Charters 84). Новъ здѣсь принципъ всеобщей отвѣтственности, вмѣстѣ и порознь, всѣхъ членовъ сотни и страшно высокая пеня въ 46 марокъ серебра. На практикѣ это усиливалось еще тѣмъ, что относительно каждаго трупа неизвѣстнаго человѣка дѣлалось предположеніе, что онъ принадлежитъ норманну и сотня только тогда освобождалась отъ отвѣтственности, когда ей удавалось доказать, что убитый былъ туземецъ. Leges Eduardi c. 15 такъ представляютъ дѣло, будто бы по англо-саксонскимъ законамъ 46 марокъ должны были непосредственно выплачиваться виновною Villa и что норманское законодательство, чтобы не раззорять маленькія селенія, разложило отвѣтственность на всю сотню. Сама Carta Wilhelmi принципіально устанавливаетъ отвѣтственность вотчинника, рядомъ съ которой отвѣтственность сотни является дополнительною (ubi vero substantia domino defecirit, totus hundredus in quo occisio facta est, communiter soluat, quod remanet). Изъ этихъ распоряженій и стараго обычая практика вывела дополнительную отвѣтственность сотни и при другихъ полицейскихъ взысканіяхъ. (Ср. относительно частаго привлеченія къ отвѣтственности сотни у Madox I. 565 и вообще весь отдѣлъ объ amerciaments). Графство Salop и нѣкоторые привилегированные города, какъ Ворчестеръ и Бристоль, были освобождены отъ этой системы отвѣтственности.

Изъ capitula placitorum coronae отъ 1194 и 1198 г. (Statutes of the Realm I. 233 и слѣд.) видно, что странствующимъ судьямъ давали съ собою цѣлый рядъ вопросныхъ пунктовъ, по которымъ они производятъ допросъ общинъ относительно преступленій и нанесенія ущерба верховнымъ правамъ королевской власти. Въ дни, когда *шерифъ* держитъ судъ въ сотнѣ, онъ въ числѣ прочихъ своихъ обязанностей занимается и этимъ допросомъ. Какъ и въ Кларендонской Ассизѣ позднѣе въ St. Marlebridge (1267) c. 25 и въ St. Westminster I. c. II. 15; St. Westminster II. (1285) c. 13 говорится подробно объ inquisitiones coram Vicecomitibus, причемъ даже прежде исключенные округи подводятся подъ общую норму. Въ срединѣ XIII столѣтія судебный сводъ Брактона даетъ намъ картину вполнѣ развивавшагося слѣдственнаго производства; еще обстоятельнѣе она у Fleta I. c. 19, 20. II. 52; у Britton c. 2—21. 29; въ Miror и Statutum Walliae (1284): послѣ предварительнаго извѣщенія странствующіе судьи собираютъ представителей сотень и приступаютъ къ образованію слѣдственнаго жюри: изъ каждой сотни назначаются 4 рыцаря, а уже эти выбираютъ двѣнадцать milites *или* liberos et legales homines. Прежде всего общины, чрезъ своихъ представителей, обязываются по предъявленіи имъ вопросныхъ пунктовъ, заявить о всѣхъ произошедшихъ преступленіяхъ. Объ этой «indictatio» 12 присяжныхъ должны затѣмъ произнести свой вердиктъ, а также о томъ, не промолчали ли что-нибудь. Присяжные сообщаютъ то, что они знаютъ о совершенныхъ преступленіяхъ и ихъ предполагаемыхъ виновникахъ, о нарушеніяхъ королевскихъ правъ, преступленіяхъ по должности и вымогательствахъ намѣстниковъ и ихъ помощниковъ, о нарушеніяхъ полицейскихъ узаконеній касающихся мѣръ и вѣса, хлѣба, пива и вина. Съ позднѣйшими добавленіями число вопросовъ достигло цифры 138. Двѣнадцать присяжныхъ, выставляемые каждою сотнею, приводятся къ присягѣ слѣдующею формулою: quod veritatem dicam de hoc, quod a me interrogabitis ex parte domini regis. Утвержденное 12 присяжными слѣдственное производство служитъ оффиціальнымъ обвинительнымъ актомъ (indictment presentment) и дѣло поступаетъ послѣ этого на окончательное рѣшеніе. До самого конца среднихъ вѣковъ странствующіе судьи, шерифы и мѣстные суды наперерывъ усердствуютъ въ производствѣ слѣдствія, которое, благодаря однообразнымъ инструкціямъ, всюду развивается однимъ и тѣмъ-же путемъ. Сообразно всему этому періодически собираютъ все мужское населеніе, не для того, чтобы они въ качествѣ судей постановляли приговоръ, а для того, чтобы они дали *отчетъ* относительно сохраненія спокойствія и порядка, для того чтобы, если власть того пожелаетъ, принести вѣрноподданническую

присягу или возобновить, для того, чтобы подвергнуться формальному полицейскому смотру.

Система оффиціальнаго обвиненія, въ своемъ естественномъ развитіи, повела къ измѣненію системы доказательствъ, такъ какъ при обвиненіи, предъявляемомъ *властью*, не могло уже болѣе идти рѣчи о соприсяжникахъ и поединкѣ. А суды Божьи, вслѣдствіе постановленій церковныхъ соборовъ, уже съ 1219 не практиковались больше. Устанавливается теперь новый порядокъ, по которому обвиняемаго спрашиваютъ, хочетъ-ли онъ вмѣсто ордалій и поединка подчиниться приговору своихъ сообщинниковъ (patria). Если онъ выражаетъ согласіе на послѣднее, то jury предлагается вопросъ въ окончательной формѣ, an culpabilis sit, vel non. Вначалѣ слѣдственное жюри, дѣлавшее indictatio могло также стать и окончательнымъ, хотя обвиняемому предоставлялось право отвода отдѣльныхъ присяжныхъ. Но въ слѣдующій періодъ это право становится требованіемъ закона: обвиняемый можетъ всегда потребовать полную перемѣну жюри. Это новое жюри, носящее названіе petty jury, и выноситъ окончательный вердиктъ о виновности или невиновности. Точно также какъ распоряженія Генриха II ведутъ къ образованію слѣдственнаго жюри, судебная практика въ царствованіе Генриха III ведетъ къ тому, что вопросъ о виновности разрѣшаютъ jurata [3]).

---

[3]) Развитіе слѣдственныхъ обязанностей сотенъ и общинъ обыкновенно связываютъ съ Athlr. III. 3., говорящемъ объ обязанности 12 тановъ съ каждой сотни принимать участіе въ производствѣ слѣдствія. Однакоже въ этомъ видѣ организація слѣдственнаго производства не сохранилась, а можетъ быть даже никогда и во исполненіе не была приведена. Объясняется это тѣмъ-же какъ и относительно континентальныхъ странъ въ послѣ-каролингскій періодъ. Такъ какъ недоставало постояннаго, опредѣленнаго руководительства королевскихъ чиновниковъ, то новое учрежденіе распалось, а если и продолжало существовать то (какъ и на континентѣ) только въ ничтожной степени, такъ напр. въ Сп. П. С. 30 говорится: „И если какой нибудь человѣкъ изъ сотни столь вѣроломенъ и столь часто обвиняется, и три человѣка вмѣстѣ его обвиняютъ, то ему ничего больше не остается, какъ идти на троекратныя ордаліи“ (ср. LL. Will. с. 51). Новая система норманскаго слѣдственнаго производства, несомнѣнно, вытекала изъ новой системы администраціи, которая со своими чиновниками—норманнами стояла изолированная среди чуждаго, враждебнаго населенія и потому съ самаго начала должна была прибѣгнуть къ констатированію мѣстныхъ фактовъ посредствомъ мѣстныхъ жителей, обязанныхъ подъ присягою показывать все имъ извѣстное. Споренъ вопросъ, что древнѣе—inquisitis производимый vicecomes'ами или производимый юстиціаріями. Но прочнымъ новое учрежденіе во всякомъ случаѣ стало только съ тѣхъ поръ, какъ руководство слѣдственнымъ производствомъ перешло въ руки королевскихъ юстиціаріевъ. Тѣсная связь суда присяжныхъ съ этою системою слѣдственнаго производства (послѣ того какъ были устранены ордаліи) достаточно установлена обширною литературою по вопросу о происхожденіи суда присяжныхъ, въ особенности въ сочиненіяхъ Bruner'a, Biener'a, Forsyth'a. Необходимость спросить indictatus'a о томъ, желаетъ ли онъ подчиниться приговору членовъ своей общины (partia), несомнѣнно вытекаетъ изъ того, что новый судебный порядокъ

IV. Заключительный камень этой полицейской системы кладетъ *преобразованіе* turnus vicec mitis въ *слѣдственную коммиссію и полицейскій судъ*, а также возникновеніе соотвѣтственнаго ему courts leet. Странствующіе судьи и все усиливающаяся централизація уголовной юрисдикціи все болѣе и болѣе превращаютъ судъ сотни въ *низшую* уголовную инстанцію. Новая слѣдственная система вполнѣ подходила къ этому. Начиная съ 13 ст. turnus Vicecomitis является очень дѣятельною передаточною инстанціею, которая переноситъ утвержденные сотнею обвинительные акты, касающіеся *тяжкихъ* преступленій, въ высшую инстанцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ turnus остается уголовнымъ судомъ за *легкіе* проступки, число которыхъ, благодаря новымъ распоряженіямъ, въ особенности ордонансамъ относительно мѣры и вѣса, хлѣба, пива и вина увеличивается съ каждымъ годомъ. Созывъ сотень для подобныхъ непопулярныхъ дѣлъ и неизбѣжные при всякомъ вмѣшательствѣ шерифа судебныя пошлины и поборы дѣлаютъ для населенія tourn большею тягостью. При томъ же часто мѣняющіеся шерифы и ихъ baillifs не имѣли тѣхъ мѣстныхъ свѣдѣній, которыя необходимы для разбора подобныхъ дѣлъ. Вотъ почему въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ проявляется стремленіе образовать изъ себя для такихъ созывовъ всего мужскаго населенія (которыхъ опять, по преимуществу, называютъ народными судами, courts leet) самостоятельный судебный округъ и покрайней мѣрѣ избавиться при отправленіи этой тяжелой обязанности отъ судебныхъ пошлинъ Vicecomes'a.

Прежде другихъ, это стремленіе удается привести въ исполненіе епископскимъ кафедрамъ и аббатствамъ, а со временъ Іоанна подобныя-же льготы, за значительныя суммы, получаютъ очень часто и burhs (см. выше стр. 153). Но и въ интересѣ меньшихъ селеній и manors лежало образовать изъ себя свой собственный судебный

ни въ какомъ случаѣ не могъ быть названъ judicium parium secundum legem terrae. Существуетъ мнѣніе, неоднократно встрѣчающееся у Bracton'a, что обвиняемый долженъ былъ подчиниться новому порядку, все равно какъ прежде онъ былъ обязанъ подчиниться Суду Божьему. Какъ и тамъ здѣсь отыскались разные „tenetur", „compellitur", „cogendus est", въ силу которыхъ отказавшійся подчиниться indefensus et per hoc quasi convictus reamnebit. Согласно этому къ отказывавшемуся должно было быть вполнѣ примѣняемо in contumaciam и наказаніе. Но все-таки, въ общемъ такой порядокъ вещей былъ сомнителенъ. Все-таки новый порядокъ не былъ тѣмъ judicium, который обезпечивался всякому Великою Хартіею. Только непосредственное согласіе обвиняемаго дѣлало безспорной замѣну прежняго способа доказательствъ. Однакоже для полученія этого согласія считали себя въ правѣ прибѣгать къ разнымъ административнымъ принудительнымъ мѣрамъ, къ prison fort et dure, хотя, впрочемъ, безъ кровопролитія и тѣлеснаго поврежденія—чтобы выполнить букву требованія Magna Charta. Въ 1275 это узаконяется и тѣмъ самымъ косвенно утверждается (посредствомъ St. Westminster I. cap. 12) и весь новый порядокъ.

округъ, такъ какъ гнетъ господскаго фохта былъ теперь менѣе тяжелъ и ненавистенъ, нежели гнетъ Vicecomes'a и подфохтовъ его, съ ихъ постоянными поборами судебныхъ пошлинъ. Съ другой стороны и вотчиннику было очень выгодно, вмѣсто прежней ограниченной юрисдикціи court baron'a, которая нарушалась постояннымъ вмѣшательствомъ Vicecomes'a и постоянными взысканіями и придирками за мнимое превышеніе власти, получить королевское пожалованіе, которое давало ему компетенцію полицейскаго суда, именно въ объемѣ компетенціи turnus шерифа. Этимъ путемъ пожалованная вотчинникамъ власть была значительнѣе обычной вотчинной власти, и притомъ границы ея были точно опредѣлены и не оставляли почвы для какихъ-бы то ни было споровъ и пререканій. Съ теченіемъ времени это превращеніе совершилось относительно такого громаднаго количества старыхъ manors, что court leet становится почти постояннымъ спутникомъ всякаго court baron. Различаютъ теперь private leets отъ public leet шерифа. Private leet, именно, есть только *порученный* вотчиннику судъ; онъ имѣетъ своимъ источникомъ королевскую власть, и представляетъ собою court of record, который отъ имени короля приглашаетъ жителей къ отправленію судебныхъ обязанностей (secta regis, suit royal). Вслѣдствіе этого неявка въ судъ для отправленія судебныхъ обязанностей не можетъ быть прощена однимъ вотчинникомъ. Предметомъ пожалованія является право держать полицейскій судъ (tourn) въ предѣлахъ маленькаго округа, собирать штрафы и пошлины (amerciaments, fines, essoign pence) и кромѣ того еще одинъ небольшой судебный поборъ — certum letae, certmoney. Вотчинникъ, однакоже, имѣетъ право только на profit of the court; само же судебное засѣданіе, судебный «день», принадлежитъ, по юридическому выраженію королю: the day is to the king. Держащій судъ, Steward, представляетъ собою особу короля, такъ что самъ по себѣ вотчинникъ держать судъ не можетъ. Непользованіе предоставленною судебною властью, ненадлежащій составъ суда или небрежность въ веденіи и держаніи его могутъ повести къ тому, что корона пріостанавливаетъ тотъ или другой leet, секвестрируетъ или вовсе упраздняетъ. Юрисдикція въ этомъ случаѣ опять переходитъ къ sherifstourn'y.

Мѣстный полицейскій судъ есть развѣтвленіе sherifstourn'a, слѣдовательно имѣетъ точно такую же компетенцію, именно разбираетъ проступки, которые наказываются по обычному праву и простыми штрафами или тѣ, которые были отданы на разсмотрѣніе leet'a новѣйшими распоряженіями. Но разсмотрѣнію его не подлежатъ проступки относительно placita coronae. Въ этомъ случаѣ leet какъ и sherifstourn, только производитъ слѣдствіе и чрезъ indictment

составляетъ публичное обвиненіе. Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ, говоря новѣйшимъ языкомъ, соединеніе суда слѣдственнаго съ полицейскимъ [4]).

V. Рука объ руку съ этимъ новымъ учрежденіемъ идетъ развитіе сокращеннаго, *суммарнаго правосудія*, которое одно только и доставляетъ полицейскимъ распоряженіямъ дѣйствительную силу. Уже англосаксонскій періодъ знаетъ недопускающее возраженій наказанія за неисполненіе приказаній короля (oferhyrnes) именно

---

[4]) О возникновеніи мѣстныхъ полицейскихъ судовъ, courts leet, см. подробнѣе у Gneist'a Geschichte des Selfgovernement. 90, 91, 100—103. Вотчинный судъ землевладѣльца (Court baron) имѣлъ только ограниченную исполнительную власть и никакой юрисдикціи относительно введенныхъ королевскими распоряженіями полицейскихъ штрафовъ, amerciaments. Такимъ образомъ, вотчинникъ, который хотѣлъ имѣть для своего manor'a настоящій полицейскій судъ, долженъ былъ добиваться у королевской власти пожалованія ему court leet'a. Съ теченіемъ времени, почти всѣ вотчинники обзаводятся такими пожалованіями. Патримоніальный элементъ и здѣсь обладаетъ меньшими судебною и полицейскою властью, нежели государство. Обладаніе manor'омъ не есть необходимое условіе для полученія court leet'a. Бываетъ такъ, что court leet жалуется сельской общинѣ или какому-нибудь отдѣльному дому. Какъ и при церковномъ патронатствѣ, court leet очень часто отдѣляется отъ землевладѣнія и становится предметомъ совсѣмъ особаго порядка наслѣдованія.

Судопроизводство въ leet и теперь еще является неисчерпаемымъ источникомъ для средневѣковой процедуры мѣстныхъ судовъ (главное сочиненіе по этому предмету—Scriven, on Copyhold ed. Stallman). Обычные судебныя засѣданія происходятъ два раза въ году, въ первый мѣсяцъ послѣ пасхи и послѣ дня св. Михаила. Призываемые для произнесенія приговора выборные отъ общинъ въ позднѣйшія времена называются Juries, но только въ смыслѣ juries of inquiry, такъ же какъ въ Sheriffstourn'ѣ. Отправленіе судебныхъ обязанностей вытекаетъ не изъ повиновенія вотчинной власти землевладѣльца, а есть долгъ всякаго верноподданнаго, представляетъ собою отправленіе королевскихъ судебныхъ обязанностей, suit real, слѣдовательно должно быть отбываемо лично—за исключеніемъ лордовъ и духовныхъ (по 52 Henry III. c. 10). Изъ „судебныхъ мужей", назначаются затѣмъ, выборные, которые и держатъ судъ. (Въ шерифстурнѣ впослѣдствіи должны были назначаться судебные мужи, имѣющіе въ годъ 20 Sh. съ freehold'a или $26^2/_3$ Sh. съ copyhold'a (1. Ric. III. c. 4.); но это правило явилось въ концѣ среднихъ вѣковъ и къ Privatleets не примѣнялось). Образованіе court leet совершенно независимо отъ принциповъ феодализма; оно не имѣетъ никакой связи съ землевладѣніемъ и вытекаетъ изъ проживанія въ той или другой мѣстности: по буквѣ закона судебныя обязанности распространяются на всѣхъ мужчинъ отъ 12—60 лѣтъ, которые прожили въ томъ или другомъ судебномъ участкѣ одинъ годъ и одинъ день (Scriven II. 823, 824). Представителю вотчиннаго суда—steward'y подчиненъ bailiff, завѣдующій приглашеніемъ въ судъ. Этотъ подфохтъ самостоятельно и безъ вмѣшательства steward'a выбираетъ жюри и приглашаетъ его въ судъ. (Scriven II. 837). Steward открываетъ судебное засѣданіе, что во всѣхъ королевскихъ судахъ провозглашается троекратнымъ выкрикомъ bailiff'a: oyes, oyes, oyes. Затѣмъ слѣдуетъ составленіе leet jury изъ 12—23 лицъ, которыя въ нѣкоторыхъ leets выбираются сразу на цѣлый годъ, а въ нѣкоторыхъ вновь выбираются на каждый изъ судебныхъ „дней". При легкихъ уголовныхъ преступленіяхъ court leet постановляетъ окончательный приговоръ и приговариваетъ къ штрафамъ (fine, amerciament), а также къ нѣкоторымъ болѣе легкимъ наказаніямъ. Преступленія, входящія въ область вѣдѣнія court leet'a, такъ же какъ и Sheriffstourn'a, суть: драки, проступки противъ правилъ о пивныхъ и домовъ терпимости, обвѣши-

120 sh. (Edw. II, 1, II. 2). Въ LL. Henr. I, это наказаніе за оставленіе безъ вниманія королевскихъ приказаній, overseunessa regis, повторяется и распространяется на нѣкоторые другіе случаи. Норманская ленная система съ своей стороны принесла съ собою судопроизводство, вытекавшее изъ военной дисциплины, именно: глава войска могъ за нѣкоторыя незначительныя преступленія наложить извѣстный ленный штрафъ (emenda) на движимое имущество подъ именемъ misericordia, merci. Это извѣстно норманнскимъ судебнымъ сводамъ, хотя, повидимому, ему не придается особеннаго значенія. Но такъ какъ въ Англіи вся *совокупность* землевладѣльцевъ стали homines короля, то изъ этого образуется обширная карательная система за непослушаніе, отчасти примѣняемая къ прежнимъ случаямъ overhyrnes, а отчасти распространенная и на новые случаи. Обыкновенно тутъ совершается двойной актъ:

а) прежде всего виновный со своимъ движимымъ имуществомъ отдавался на милость короля: in misericordia regis est de pecunia sua, т. е. онъ виновенъ въ нарушеніи закона и за это долженъ платить штрафъ.

в) затѣмъ слѣдуетъ актъ приведенія въ исполненіе, именно заарестованное имущество оцѣнивается, смотря по положенію лица, въ опредѣленную сумму, admensatur, adforatur и затѣмъ за извѣстный amerciament освобождается отъ запрещенія. Послѣдній актъ есть слѣдствіе общаго принципа норманской финансовой системы, которая стремится къ полной замѣнѣ натуральныхъ повинностей деньгами, а потому и конфискованіе движимаго имущества тоже сводитъ на денежную уплату**).

ваніе, нарушенія полицейскихъ правилъ установленныхъ для пекарей, пивоваровъ, мясниковъ и другихъ ремеслъ, неисправленіе дорогъ, отказъ принять на себя ту или другую общественную должность и т. д. — вообще все касающееся поддержанія общественнаго спокойствія и устраненія public nuisances.

Послѣ постановленія обвинительнаго приговора (in misericordia est) слѣдуетъ опредѣленіе размѣра полицейскаго штрафа, affeerment of the amerciament, которое производится двумя или тремя оцѣнщиками, впослѣдствіи избираемыми, согласно основнымъ принципамъ Magna Charta, изъ pares, обыкновенно изъ числа присяжныхъ. Размѣръ наложеннаго штрафа не подлежитъ уже спору, ибо такъ наз. writ de moderata misericordia относится только къ судамъ not of record (Scriven II. 852, 853).

**) Норманская система amerciaments'овъ удерживаетъ слѣдующіе пункты англосаксонскаго законодательства:

а) взысканіе **съ королевскаго герефа** неисполнившаго своихъ прямыхъ, точно опредѣленныхъ обязанностей. Athlst. I. § 5. Это взысканіе въ особенности грозитъ: при постановленіи несправедливаго приговора Edg. III. 3., при подкупѣ Athlst. V. I. § 3. при отсрочкѣ дня судебнаго засѣданія Edw. II. 7, 8, при медленномъ взыскиваніи штрафовъ Edw. II. 2. при неисполненіи должностныхъ обязанностей по сохраненію мира Athlst. II. 26. pr., V. I. § 2. VI. 8. § 4 и т. д. Такъ какъ всякій протестъ противъ этихъ взысканій со стороны ви-

Практика казначейства опять слила здѣсь въ одно англосаксонское и норманское ленное право, слила такъ, какъ это было всего удобнѣе для королевскихъ финансовъ. Наказаніе не является уже единообразнымъ для всѣхъ классовъ, для высшихъ оно больше, для низшихъ обыкновенно меньше 120 sh. старой монетной системы, смотря по предполагаемой цѣнѣ движимаго имущества. Штрафъ съ герефа въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно было его упущеніе, уже въ англосаксонскія времена былъ опредѣляемъ brevi manu. Теперь этого рода штрафъ распространяется на всѣхъ васалловъ, а также на всѣхъ libere tenentes, при отправленіи ими судебной повинности (secta regis). Требовать, въ такихъ случаяхъ, судебнаго приговора было весьма рискованно, такъ какъ судебныхъ мужей, постановляющихъ приговоръ, назначаетъ королевскій администраторъ и такъ какъ въ случаяхъ нежеланія подчиниться сумарному наказанію, штрафъ уже значительно увеличивался. Благодаря такому положенію дѣлъ amerciaments очень рано попадаютъ на скользкій путь административнаго благоусмотрѣнія. Мало внушающій къ себѣ довѣрія, благодаря норманской администраціи, составъ суда есть главная причина чрез-

---

новнаго долженъ былъ-бы повести за собою отрѣшеніе его отъ должности, то отсюда очень легко могло развиться сумарное правосудіе.

b) Система не допускающихъ возраженія наказаній распространяется также на всѣхъ подданныхъ за неисполненіе ими ихъ прямыхъ, точно опредѣленныхъ судебныхъ и полицейскихъ обязанностей, именно за неявку въ судъ для отправленія судебной повинности Athlst. II. 20 pr., за неявку на призывъ привести въ исполненіе приговоры относительно непослушныхъ и преслѣдовать нарушителей мира Athlst. II. 20. § 2, VI. 7; Edg. II. 7, за нарушеніе полицейскаго закона, запрещающаго принять къ себѣ зависимаго человѣка раньше чѣмъ онъ представитъ отпускную бумагу отъ прежняго своего господина. Edw. II. 7; Athlst. II. 22, V. 1; Edm. III. 3; Cn. 28; затѣмъ, за неисполненіе судейскаго приговора, за покупку внѣ ярмарочныхъ мѣстъ, находящихся подъ покровительствомъ королевскаго мира и т. д. Штрафъ во всѣхъ этихъ случаяхъ равняется 120 шиллингамъ. Leges Henr. I. повторяютъ эти узаконенія, называя overhyrnes—overseunessa, Henr. 34. § 3, 35. § 1, 36, 38, 41. § 1, 48. § 1, 51. § 7, 52. § 1, 53. § 1, 60. § 1, 80. § 9, 81. § 2, 3, 87. § 4, 5. При этомъ прямо прибавляется, что старая пеня въ 120 шиллинговъ равняется 50 шиллингамъ по новой монетной системѣ.

c) Позднѣйшая система ленныхъ штрафовъ есть самъ собою понятный атрибутъ верховной ленной власти короля. Повидимому, относительно этого не было обнародовано особаго закона. Скорѣе она выдвинута практикою казначейства, именно въ томъ видѣ, какъ это изображается въ Dialogus de Scaccario II. c. 16. Madox II. 439: quisquis in regiam majestatem deliquisse deprehenditur, uno trium modorum juxta qualitatem delicti sui regi condempnatur (1) aut enim in universo mobili suo reus judicatur pro minoribus culpis (2), aut in omnibus immobilibus, fundis scilicet et reditibus, ut eis exhaeredetur, quod si (3) pro majoribus culpis aut pro maximis quibuscunque vel enormibus delictis in vitam suam vel membra. Dialogus возвращается, затѣмъ, къ первому случаю: cum igitur aliquis de mobilibus in bene placito regis judicatur, lata in eum a judicibus sententia per haec verba: Iste est in misericordia regis de pecunia sua: idem est ac si de tota dixissent.

мѣрнаго развитія полицейской власти. Большею частью обвиняемый самъ себя отдаетъ на misericordia regis и затѣмъ уже размѣръ штрафа устанавливается въ Казначействѣ низшими чиновниками, а при болѣе значительныхъ штрафахъ крупными. При очень важныхъ и сложныхъ случаяхъ для таксаціи посылается въ графство спеціальный коммиссаръ.

Сліяніе emenda feudalis съ англосаксонскими узаконеніями по данному предмету повело за собою слѣдующія измѣненія:

1) Правомъ на amerciaments пользуются также *всѣ ленные владѣльцы*, по отношенію *къ своимъ подвасалламъ*, пользуются въ различной степени, смотря по своему положенію въ ленной іерархіи, Эорлъ иначе, Baro иначе, Танъ иначе. Въ Henr c. 35, 87 и Henr. c. 41, прямо говорится: unusquisque dominus plenam overseunessam s u a m habeat secundum locum et modum culpae de homine s u o, et qui sunt ejus super terram suam [1]).

2) Новые amerciaments не имѣютъ *точно опредѣленнаго* размѣра, а взимаются смотря по предполагаемой цѣнности движимаго имущества, слѣдовательно смотря по сословному положенію. Стали теперь смотрѣть какъ на королевскую милость (mercі) на то, что виновный отдѣлывался извѣстною денежною суммою, которая, конечно, была меньше чѣмъ всѣ catalla. По буквѣ закона, собственно, налагался арестъ на все движимое имущество (est in misericordia regis de pecunia sua, idem est ac si de tota dixissent). Замѣна конфискаціи опредѣленной таксой является, такимъ образомъ, актомъ милости [2]).

---

[1]) Это новое право отчасти вытекаетъ изъ прежняго, именно изъ того, что эальдормены, ширгерефы и вотчинники поддерживали свой должностной авторитетъ небольшими сумарными штрафами. Henr. 34. § 4, 35. § 1, 41. § 1, 53. § 1, 87. § 5 — соотвѣтствуютъ сумарнымъ штрафамъ, которые прежде нужно было платить эорламъ и сотнѣ. Cn. II. 15. § 1. Эта misericordia vicecomitis и вотчинниковъ играетъ, однако, очень незначительную роль въ записяхъ казначейства, такъ какъ обыкновенно она не становилась предметомъ отчетности, а съ упадкомъ вотчинныхъ судовъ и судовъ графства, понятно, уменьшилось значеніе amerciaments, выплачиваемыхъ низшимъ инстанціямъ.

[2]) И здѣсь есть преемственная связь съ англосаксонскимъ законодательствомъ, которое при извѣстныхъ проступкахъ отнимало движимое имущество. Точно также можно найти въ англосаксонскій періодъ градацію наказанія, смотря по состоянію виновнаго. Этого принципа именно придерживалась церковная администрація, что можно прослѣдить уже въ Athlr. VI. 52: „и если кто на этомъ свѣтѣ принадлежитъ къ болѣе могущественнымъ или имѣетъ высшій санъ, то онъ долженъ тѣмъ сильнѣе быть наказанъ за свои грѣхи и тѣмъ больше платиться за каждый свой проступокъ,—и потому пусть тщательно да различаютъ при духовныхъ и свѣтскихъ наказаніяхъ богатыхъ и бѣдныхъ, а также положеніе“. Послѣ этого становятся понятными слова Carta Henr. I. 1. § 8, касающіяся смягченія права администраціи налагать взысканія: Siquis baronum vel hominum meorum forisfecerit, non dabit vadium in misericordia t o t i u s pecuniae suae sicut faciebat tempore patris mei; sed secundum modum forisfacti ita emendabit sicut emendasset retro — in tempore a l i o r u m antecessorum meorum.

3) *Число случаевъ*, которые подлежали сумарной юстиціи, стало совершенно безграничнымъ, съ тѣхъ поръ какъ кромѣ того, что было установлено англосаксонскимъ законодательствомъ, стали взыскивать за каждое ослушаніе королевскихъ распоряженій, такъ что создалась власть принуждать къ исполненію какихъ угодно мѣропріятій. Уже LL. Henr. c. 13 даютъ очень пестрый перечень подъ рубрикою: quae placita mittunt homines in misericordia regis; здѣсь, впрочемъ, перемѣшаны уголовныя наказанія и полицейскіе штрафы [3]).

4) Обвиненному собственно предоставлялось на выборъ или *отдать себя* на misericordia regis или предстать въ обычномъ порядкѣ предъ судомъ. По Dialogus de Scaccario объявленіе кого нибудь in misericordia regis можетъ стать, въ случаѣ протеста, предметомъ судебнаго разбирательства. Но какъ уже и въ англосаксонскія времена взысканія съ королевскихъ чиновниковъ дѣлались brevi manu, такъ и норманская ленная система привела всѣхъ васалловъ въ такую же зависимость отъ короля и искать себѣ защиты отъ взысканія въ обычномъ порядкѣ судопроизводства было довольно непрактично [4]).

Такимъ образомъ создается отъ *произвола* короля зависящая карательная власть главы государства. Ни одинъ государь средневѣковой Европы не пользовался подобной властью. Разница ея отъ старой системы полицейскихъ взысканій заключается въ томъ, что признаніе проступка и размѣръ взысканія устанавливается не всею общиною, а только личнымъ произволомъ повелителя или его уполномоченныхъ. Мы тутъ уже не имѣемъ болѣе дѣла съ прежней ограниченной юрисдикціей королевской власти, но съ огромной, отъ личнаго произвола зависящей, полицейской и дисциплинарной властью, значеніе которой въ исторіи образованія англійскихъ учрежденій прежде не было достаточно оцѣнено. Выше намѣчено, насколько она воспользовалась этимъ, чтобы расширить свою ограниченную англосаксонскою полицейскою организаціею компетенцію. А затѣмъ объ объемѣ ея можно судить изъ записей и счетовъ Казначейства, которыя характеризуютъ королевскую юрисдикцію съ трехъ сторонъ:

---

[3]) Перечень, заключающій въ себѣ 15 рубрикъ Amerciaments, даетъ Madox I. 526; болѣе краткій, но не полный перечень находимъ у Hardy, Rotuli finium pag. XVII и слѣд. О числѣ случаевъ, подлежащихъ сумарной юстиціи, можно судить по тому, что въ позднѣйшее время одному Baron of the Exchequer было однажды предложено сразу таксировать 50 Rotuli. Madox II. 65, 66.

[4]) Ссылаться на англосаксонскіе законы, т.-е. искать защиты въ обычныхъ формахъ судопроизводства было вещью очень рискованною, такъ какъ гарантіи добиться справедливости противъ разгнѣваннаго повелителя были очень слабы. Dialogus очень ясно намекаетъ на это въ I. c. 8: Regi, cui militatur, in pecuniam reus judicabitur, nisi festinaverit postulando misericordiam praevenire judicium.

Система Amerciaments значительно *расширяетъ карательную власть* короля. Счеты казначейства показываютъ намъ, что ей подлежатъ: дача денегъ и оружія врагамъ короля, отказъ работать при постройкѣ королевскихъ бурговъ и мостовъ, арестованіе королевскихъ слугъ, оскорбленіе королевскихъ чиновниковъ бранными словами, удержаніе чужаго имущества и мн. др. Болѣе обстоятельнаго перечисленія нѣтъ возможности дать, такъ какъ misericordia очень часто заносится безъ упоминанія мотивовъ. Особую область представляетъ собою misericordia de foresta. За болѣе тяжелыя преступленія противъ лѣсныхъ законовъ полагалось тѣлесное наказаніе и даже лишеніе жизни, а болѣе легкія подлежали misericordia. При этомъ свѣтскіе вельможи, епископы, аббаты и др. наказываются amerciaments въ 500 марокъ, 100 фунтовъ серебра и тому подобными суммами. Между тѣмъ какъ люди низшихъ сословій за эти же преступленія караются тѣлесными наказаніями и смертною казнью. Рубрика Infractio Pacis и Contemptus Brevium Regis съ формальной точки зрѣнія была настолько растяжима, что впослѣдствіи, при посредствѣ amerciaments, можно было привести въ исполненіе всякое распоряженіе короля. Въ еще бо́льшей степени это относится къ тѣмъ распоряженіямъ, которые впослѣдствіи издавались съ согласія сословій. Нарушенія ихъ, за отсутствіемъ спеціально для этого установленныхъ наказаній, въ качествѣ breach of assize тоже попадаетъ въ туже рубрику. Отсюда безчисленные amerciaments за лишеніе владѣнія (novell disseisin), которымъ именно подвергаютъ абатовъ и свѣтскихъ вельможъ, ихъ clerks и оруженосцевъ и что́ кладетъ основаніе энергической защитѣ собственности и новой теоріи владѣнія.

Система Amerciaments служитъ затѣмъ къ *огражденію судебнаго порядка* отъ неповиновенія, въ обширномъ смыслѣ этого слова (default, non appearance); такъ напр., amerciament угрожаетъ даже той опекаемой владѣтельницѣ леннаго помѣстья, которая не послѣдовала приглашенію выдти замужъ; угрожаетъ за недостаточное изслѣдованіе поданной жалобы, за самовольную отлучку изъ судебнаго засѣданія, за совершеніе примирительныхъ сдѣлокъ безъ достаточнаго на это полномочія (concordia de pace Regis sine licentia Regis); за нарушеніе правилъ о судебныхъ доказательствахъ, за отказъ отъ поединка, за неявку въ срокъ, назначенный для поединка, за допущеніе кого-либо имѣть двѣ дуэли въ одинъ и тотъ-же день; за quia posuerunt hominem ad aguam sine warranto, sine visu servientium Regis etc. Впослѣдствіи, когда въ слѣдственномъ судѣ начинаютъ принимать участіе выборные отъ общины, amerciament угрожаетъ за ненадлежащій составъ: pro rusticis adductis ad faciendam juratam; quia elegit rusti-

cos ad assisam; quia recepit hominem ad juratam, qui non fuit de hundredo; угрожаетъ тѣмъ, кто разговариваетъ съ присяжными; за ложное свидѣтельство и неправильный приговоръ; за ненадлежащее приведеніе въ исполненіе приговора pro latrone suspenso sine visu servientium Regis etc; угрожаетъ шерифамъ и Provosts за ненадлежащій арестъ имущества и др. Благодаря этому вырабатывается система производить реформы въ судопроизводствѣ простыми распоряженіями королевскаго двора.

Система Amerciaments служитъ также для *защиты королевскихъ правъ* противъ притязаній частныхъ лицъ, напр. противъ неправильнаго взиманія кѣмъ нибудь пошлинъ, противъ неправильнаго присвоенія себѣ королевскихъ владѣній (purpestura), противъ притязаній кого-либо на общественныя дороги и рѣки, — вообще Amerciaments являются весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ превышенія компетенціи. Такъ, напр. W. de-Friston наказывается за то, что счелъ себя въ правѣ рѣшить своею властью одно дѣло объ robbery; milites Curiae Comitissae de Coupland, quia fecerunt judicium de placito, quod non pertinuit ad eos etc. Рядомъ съ этой системой безконечнаго числа штрафовъ существуетъ еще королевское право *секвестраціи* (capere in manum Regis), тоже вытекающее изъ основнаго принципа ленныхъ пожалованій и часто наступающая по самому ничтожному поводу. Въ какой мѣрѣ секвестрація примѣняется къ крупнымъ людямъ (за defaults въ казначействѣ за неисполненіе королевскихъ декретовъ и др.) можно видѣть изъ безчисленныхъ записей казначейства. Разъ даже вся City of London была взята «въ руку» короля за trespass of the assize и custodia была передана коммиссару.

Въ предъидущихъ главахъ мы ознакомились съ фактическимъ могуществомъ норманскихъ королей. Разсмотрѣніе полицейскаго верховенства королевской власти знакомитъ насъ съ *правовымъ могуществомъ* ея, показываетъ намъ, что норманскіе короли съ помощью этого могущества имѣли возможность водворить въ странѣ миръ и порядокъ, а также имѣли дѣйствительныя средства поддержать авторитетъ власти противъ своихъ чиновниковъ, противъ самыхъ крупныхъ вельможъ и даже противъ церкви. Тысячекратныя записи въ счетахъ казначейства показываетъ, что полицейское могущество короля простирается на лица, общины и корпораціи, на духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, на знатнѣйшихъ господъ и на ничтожнѣйшихъ крестьянъ, на жителей цѣлыхъ графствъ и сотень. Она юридически не ограничена ни числомъ случаевъ, подлежащихъ ея юрисдикціи, ни размѣромъ взысканія. Изъятія изъ этой юрисдикціи касаются только освобожденія отъ участія въ платежѣ обычныхъ полицейскихъ штрафовъ, налагаемыхъ на графства (common amerciaments). Таки-

ми изъятіями пользуются королевскіе домэны, помѣстья королевы и высшіе чиновники казначейства, а по спеціальнымъ привилегіямъ также нѣкоторые отдѣльные вельможи. Очень рѣдко нѣкоторымъ землевладѣльцамъ, напр. епископу Батскому, жалуются доходы съ amerciaments. Но и въ этомъ случаѣ размѣръ ихъ устанавливается королемъ, собираются они королевскими чиновниками и лицо, пожалованное ими, получаетъ ихъ изъ Казначейства (Madox. II. 66).

Amerciaments являются наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ приводить въ исполненіе полицейскія распоряженія и вообще всякія другія распоряженія королевской власти. Благодаря этой системѣ стало возможнымъ замѣнить простыми распоряженіями прежнюю законодательную дѣятельность, зависимую отъ Witenagemote'а и установить механизмъ самодержавнаго государства съ его административною юстиціею. Когда возникала система полицейскихъ штрафовъ, въ основѣ ея лежала практическая необходимость. Высокомѣріе Francigen'овъ, ихъ солдатская грубость и своеволіе, столкновеніе норманновъ другъ съ другомъ и съ саксонскими танами, сдѣлали строгую военную дисциплину необходимой и хронисты хвалятъ завоевателя за введеніе ея. Но чрезъ нѣсколько поколѣній обнаруживается, какъ и въ новѣйшемъ полицейскомъ государствѣ, другая сторона дѣла, именно безграничный произволъ, и беззащитность подданныхъ противъ злоупотребленій власти. Не только превышеніе своей юрисдикціей, но даже простое пользованіе ею, обходилось очень дорого вотчинникамъ и корпораціямъ. Малѣйшее нарушеніе формъ и границъ ихъ jurisdictions и franchises подвергало ихъ произвольному наказанію и вело за собою секвестрацію владѣній, мотивированную trespasses'ами, contempts, defaults, false claims всякаго рода. Въ полную и рѣзкую противоположность съ континентальными порядками, мы постоянно видимъ въ Англіи, какъ крупныя вотчины и большіе города попадаютъ подъ королевскій секвестръ за преступленія по должности и ошибки своихъ Bailiffs, за оставленіе безъ позволенія королевскаго суда, за неисполненіе королевскихъ приказаній и т. д. Точно также рѣзко бросается въ глаза, какому безграничному произволу подвержены въ Англіи личность и имущество. Первыя попытки Magna Csarta установить основныя права гражданина заключаются въ томъ, чтобы вывести amerciaments на *судебный* путь: Comites et Barones non amercientur nisi per pares suos, et nonnisi secundum modum delicti, — liberi homines, nonnisi per sacramentum proborum et legalium hominum de vicineto.

§ 12.

IV. Развитіе Финансовыхъ прерогативъ норманской королевской власти.

Доходы норманскихъ королей могутъ быть подведены подъ слѣдующія 4 группы:

1) *Непосредственные доходы* съ королевскихъ домэнъ, заново образованныхъ послѣ завоеванія резерватомъ прежнихъ домэнъ и лѣсовъ и постоянно увеличивающихся ленами, обратно возвращающимися въ корону. Древнѣйшія изъ получаемыхъ съ домэнъ и фольклэнда натуральныхъ повинностей, начиная съ Генриха I, согласно общему направленію норманской финансовой администраціи, превращаются въ повинности денежныя. Но нѣкоторыя права пользованія съ фольклэнда норманская королевская власть оставляетъ за собою въ первоначальномъ видѣ. Оставляетъ она за собою регалію кладовъ, потерпѣвшихъ крушеніе кораблей, безхозяйныхъ вещей, а также прежнюю пошлину съ шерсти, шкуръ и кожи (custumae).

2) *Права пользованія, вытекающія изъ верховной власти.*

Изъ *военнаго верховенства* короля вытекаютъ права его на услуги жителей при постройкѣ мостовъ и бурговъ, услуги очень дѣятельно вынуждаемыя теперь посредствомъ сумарныхъ Amerciaments. Кромѣ этого, королевская власть извлекаетъ теперь еще новыя выгоды, именно изъ леннаго права, посредствомъ reliefs, опеки и выдачи замужъ.

Получаемыя королевскою властью на основаніи *судебнаго верховенства*, ея судебныя пошлины и штрафы теперь значительно увеличиваются благодаря централизаціи важнѣйшихъ процессовъ при дворѣ. Столь-же выгодно расширеніе права конфискаціи на основаніи понятія о Felony и конфискаціи движимаго имущества.

Наконецъ обширны выгоды, извлекаемыя изъ *полицейскаго верховенства* короля посредствомъ необозримаго числа полицейскихъ Amerciaments.

3) *Начатки прямаго обложенія*, именно:

Auxilia, aids, получаемыя съ коронныхъ васалловъ (впрочемъ, только въ трехъ опредѣленныхъ случаяхъ торжественныхъ событій въ жизни короля и особенно-затруднительныхъ положеній его).

Scutagia, щитныя деньги, установились съ Генриха II, когда началось освобожденіе за деньги отъ ленной воинской службы.

Tallagia—съ необязанныхъ ленной военной службой жителей

городовъ и селъ. Tallagia—этотъ постоянный спутникъ ленной системы привился и въ Англіи *).

Уже съ перваго взгляда можно видѣть, что доходы норманскихъ королей значительно превышаютъ доходы королей англосаксонскихъ. Норманское государственное управленіе умѣетъ въ каждой области государственной жизни находить источникъ доходовъ для фиска. Административный произволъ, проходя со своими безчисленными полицейскими штрафами и поборами, amerciaments и fines чрезъ всѣ области государственной жизни, дѣлаетъ систематизацію финансоваго управленія вещью невозможной. Только благодаря учрежденію королевскаго Казначейства, все финансовое управленіе централизуется въ одномъ учрежденіи и принимаетъ совсѣмъ другой видъ. И вотъ на основаніи грамотъ Казначейства великій знатокъ исторіи англійскихъ финансовъ Мэдоксъ устанавливаетъ слѣдующія 7 рубрикъ, характеризующія духъ норманскаго финансоваго управленія.

I. *Королевскіе домэны и лѣса.* Основу ихъ составляютъ занесенные въ Domesdoybook болѣе 1000 manors, земель, парковъ и лѣсовъ (antient demesne). Число ихъ постоянно увеличивается, благодаря возвращенію въ корону леновъ и конфискаціямъ, но и уменьшается вслѣдствіе новыхъ ленныхъ пожалованій (а иной разъ и простыхъ раздачъ фаворитамъ и другимъ лицамъ). Только часть домэнъ, именно тѣ, которыя были расположены вблизи резиденцій, обыкновенно находились въ непосредственномъ вѣдѣніи короля, т.-е. его придворныхъ чиновниковъ и личныхъ слугъ; разсѣянныя-же по графствамъ домэны входятъ въ составъ corpus comitatus и потому тоже входятъ въ откупную сумму графствъ [1]).

---

*) Для выясненія финансовой организаціи норманской и слѣдующей послѣ нея эпохи имѣютъ значеніе: Thomas Madox, the History and Antiquities of the Exchequer of the Kings of England 2-е изд. 2 vol. London 1769, 4. Цитаты приводятся здѣсь по этому изданію. Sinclair, Hist. of the Revenue, 1803. 1804. 3 vol. 8. (для средневѣковаго періода не имѣетъ въ сущности значенія); Cunningham, Hist. of customs, aids, subsidies etc. 1764. Важное значеніе имѣютъ изданные въ новѣйшее время Record Commission—Казначейскія записи, именно Hunter, Magnus Rotulus (1833). Hunter, Great Roll of the Pipe for 1155—1158, 1189—1190 (1844); Rotulus Cancellarii de 3. Io. (1833); Rotuli de Liberate regn. Ioh. cur. D. Hardy; Rotuli finium, cur. D. Hardy.

[1]) По Cowell'ю и др. Королевскія домэны состоятъ изъ 1422 Manors, 30 „охотъ“, 781 парковъ, 67 лѣсовъ. Но легко понять, что при составленіи Domesdaybook'a эти цыфры были нѣсколько иныя. Объ образованіи домэнъ изъ владѣній короля Эдуарда и семейства Годвина, остатковъ фолькланда и др. сравни Ellis, Introduction I. 228. 229. Вмѣсто обыкновеннаго обозначенія terra regis мы находимъ въ Exon Domesdaybook болѣе точное обозначеніе dominicatus regis ad regnum pertinens. Основное назначеніе землевладѣнія—отправлять военную службу, обусловливаетъ собою и взглядъ на королевскія домэны. По вытекающему изъ этого основнаго назначенія землевладѣнія правовому воззрѣнію, домэны принадлежатъ королю въ силу правъ короны и переходитъ къ наслѣднику престола, какъ таковому, даже въ томъ случаѣ, когда та или другая земельная собственность пріобрѣтена королемъ въ качествѣ частнаго лица или наслѣдована

II. *Возвращающіеся въ казну лены*, благодаря частымъ случаямъ вымиранія—escheat, и конфискаціи—forfeiture. При позднѣйшемъ отдѣленіи Нормандіи, владѣніе нормандскихъ феодаловъ въ Англіи, также какъ англійскихъ въ Нормандіи, были конфискованы въ большомъ количествѣ. Пока такіе владѣнія остаются in manu Regis онѣ, съ относящимися къ нимъ земельными рентами, reliefs, опеками и правами на выдачу замужъ, составляютъ часть домэнъ. Прежніе подвасаллы становятся теперь васаллами коронными, но, впрочемъ, васаллами не короля, какъ таковаго, ut de corona, а короля какъ владѣльца той или другой вотчины, ut de honore. Бо́льшія помѣстья этого разряда отдаются на откупъ отдѣльнымъ откупщикамъ (fermors) или предоставляются управляющимъ (custodes); къ концу правленія Генриха I всѣ эти выморочныя помѣстья составляютъ особый департаментъ Escheatry. Только меньшія escheats отдаются еще позднѣе, шерифу на дополнительный откупъ.

Когда епископская кафедра или аббатство становились вакантными, казначейство приравнивало это освободившему лену и брало себѣ доходы до новаго замѣщенія. Вильгельмъ Руфусъ, руководствуясь такими соображеніями оставлялъ незамѣщеннымъ архіепископство Кентербэрійское и отдѣльныя епископства въ продолженіи цѣлыхъ 5 лѣтъ. Эти Temporalia сначала находились въ завѣдываніи особыхъ custodes, а позднѣе перешли къ Escheatry[2]).

III. *Случайные доходы съ леновъ*, Reliefs, опеки, выдачи замужъ. Relevia вначалѣ произвольны, но съ Генриха II фиксируются, именно за каждый отдѣльный рыцарскій ленъ взимается 5 фунтовъ серебра или 100 шиллинговъ. За совокупность рыцарскихъ леновъ, образующихъ одну вотчину со временъ Magna Charta платится 100 марокъ, за вотчину Эорла 100. *Опека* обыкновенно предоставляется тому изъ коронныхъ васалловъ, который больше за нее даетъ; при большихъ ленахъ эта плата за предоставленіе опеки часто равняется многимъ сотнямъ или тысячамъ марокъ се-

---

отъ предка, который никогда не носилъ короны. Comyn, Digest, Prerogative D. 64. Allen, Prerogative 154. 155. Точно также отражается на коронѣ принципъ неотчуждаемости леновъ. Все равно, какъ ленникъ долженъ оставлять родовое имѣніе своему первенцу и можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію только имуществомъ благопріобрѣтеннымъ, такъ и относительно королей позднѣйшіе парламенты наклонны смотрѣть на отчужденіе ancient demesne какъ на неправильность; ни чѣмъ не мотивированныя раздачи и даренія земель по желанію сословій отнимаются обратно посредствомъ acts of resumption. О переложеніи встрѣчавшихся еще натуральныхъ повинностей на денежный оброкъ, см. Madox. I, 272.

[2]) Возвращеніе леновъ происходитъ очень часто главнымъ образомъ потому, что первые норманскіе короли рѣдко примѣняли къ короннымъ вассаламъ тѣлесныя наказанія и смертную казнь, но за то тѣмъ безпощаднѣе производили секвестрацію и конфискацію коронныхъ леновъ.

ребра, въ одномъ случаѣ даже десяти тысячамъ марокъ. Еще разнообразнѣе плата, получаемая королемъ при вступленіи въ бракъ опекаемыхъ ими сиротъ—владѣльцевъ леновъ. Такъ напр. Жофрей де-Мандевиль платитъ за бракъ съ графиней Изабеллой Глоучестерской и полученіе ея владѣній—20,000 марокъ. (Hardy, Rot. XXX). Разнообразные поборы платятся за то, ut Rex concederet ei ducere uxorum; ut ducat uxorum ad velle suum, ne capiat virum nisiquem voluerit.—Lucia Comitissa Cestriae платитъ 500 марокъ, ne capiat virum infra quinque annos (Mog. Rot. 31 Henr. I); Gundreda Comitissa—100 фунтовъ серебра, ne maritetur invita; Alicia Comitissa Warewic 1000 фунтовъ серебра и 10 иноходцевъ, quod sit vidua, quamdiu sibi placuerit, ita quod per Regem non esforcietur ad se maritandam, et pro habenda custodia puerorum suorum (7, Jo); А напротивъ того R. de Seinsperia платитъ 9 фунтовъ серебра, quia renuit filiam Hasculphi Musard и т. д.[3])

IV. *Откупныя деньги съ* Vicecomites и меньшихъ откупщиковъ. Онѣ представляютъ собою совокупность всякаго рода мѣстныхъ доходовъ, съ домэнъ, съ поборовъ, судебныхъ пошлинъ и конфискацій, незначительныхъ регалій, которая для удобствъ финансоваго управленія сдается одному лицу на общій откупъ. Гдѣ вмѣсто откупщика завѣдуетъ Custos, онъ ведетъ точную отчетность и остатокъ доходовъ, остающійся за вычетомъ расходовъ, сдаетъ по назначенію [4]).

---

[3]) Reliefs за отдѣльные рыцарскіе лены были фиксированы уже около времени Dialogus de Scaccario (II с. 10) именно 100 шиллинговъ (Madox II. 426). Reliefs за большія вотчины опредѣляется еще по Dialogus II. 24, еще ex bene placito и только позднѣе устанавливается плата въ 100 марокъ за баронію (Madox I. 318); границу между этими разнаго рода reliefs установила, очевидно, практика Казначейства.

Какъ пользовалась королевская власть своимъ правомъ ленной опеки станетъ яснымъ изъ нѣкоторыхъ примѣровъ. Такъ, Вильгельмъ de St Marie Church платитъ 500 марокъ за опеку надъ Р. Фицъ-Гардингъ „вмѣстѣ со всѣмъ его наслѣдствомъ, рыцарскими ленами, выдачами за мужъ“ и т. д. Симонъ де Монфоръ, платитъ даже 10,000 марокъ за custodia до совершенолѣтія наслѣдника terrarum et heredis Гильберта де Унфранвиль „вмѣстѣ съ заключеніемъ брака, церковными патронатствами, рыцарскими ленами и другими относящимися сюда правами и доходами“. Часто опека отнимается, именно когда впослѣдствіи является кто-нибудь, больше за нее дающій, Hardy Rot. XXXI. Еще разнообразнѣе собранные Мэдоксомъ и Гарди примѣры выдачи за мужъ опекаемыхъ. Кстати не будетъ лишнимъ напомнить, что относительная цѣнность денегъ въ XI столѣтіи должна быть приблизительно принята въ 10 разъ больше нынѣшней. Такимъ образомъ при вступленіи во владѣніе небольшимъ рыцарскимъ леномъ платилось 100 Sh.=$7^1/_2$ марокъ=100 талерамъ серебряннымъ=1000 талерамъ примѣнительно къ нашему времени. Вступающій во владѣніе большой вотчиной платитъ 100 марокъ=приблизительно 13,000 талеровъ по нынѣшнимъ цѣнамъ. Максимумъ платы за опеку доходилъ до 10,000 марокъ серебра, а при заключеніи браковъ даже вдвое больше.

[4]) Откупная сумма, Firma, вносимая шерифомъ, опредѣляется совокуп-

V. Fines и Amerciaments. Послѣднія уже разсмотрѣны нами при обозрѣніи системы полицейской администраціи (§ 11). Fines суть королевскіе поборы въ обширномъ смыслѣ этого слова, столь же характеристичные какъ и amerciaments, съ которыми они часто сливаются въ одно. Власть короля была настолько обширна, что по своему произволу, онъ могъ почти все дозволить и все не дозволить, почти все разрѣшить и все не разрѣшить. Рядомъ съ этимъ прочно устанавливается принципъ, что все, въ чемъ можно отказать, должно оплачиваться—принципъ, остатки котораго можно прослѣдить еще и въ нынѣшнемъ административномъ правѣ. Современники смотрѣли на такую систему больше какъ на тяжкую повинность, чѣмъ на нѣчто противозаконное. И дѣйствительно король имѣлъ на это формальное право, онъ точно такимъ-же образомъ поступалъ и въ Нормандіи. Въ свою очередь и ленные владѣльцы, гдѣ только могли проводили этотъ принципъ въ свою пользу. Необозримый рядъ fines можно нѣкоторымъ образомъ разбить на слѣдующія 4 главныя группы:

1) Fines за liberties и franchises. Право вотчинниковъ на ленную и патримоніальную юрисдикцію часто было спорно, именно спору подвергался объемъ ея. Всякую такую спорную юрисдикцію можно дополнить, заплативши за это fine. Такъ графиня Лючія Честерская платитъ 100 марокъ за право рѣшать въ своей Curia дѣла между своими васаллами (Madox I. 397, 398). Отдѣльныя графства этимъ же путемъ добиваютъ себѣ при Генрихѣ III право выбора т. е. право предложенія своихъ кандидатовъ въ шерифы. Такъ жители Девоншира платятъ $23^1/_2$ фунтовъ серебра, Commoners графство Дорсетъ и Сомерсетъ платятъ такія же суммы за позволеніе самимъ выбирать себѣ шерифовъ (Madox I, 417 и слѣд.) Такимъ же образомъ города получаютъ начатки самоуправленія. Лондонъ платитъ 100 марокъ за право самому выбирать шерифа (31, Henr, I). Карлейль—10 марокъ за право выбирать коронера; Кэмбриджъ—300 марокъ серебра и одну марку золота за отдачу ему самого себя на откупъ и освобожденіе отъ вмѣшательства шерифа графства; Линкольнъ—200 марокъ за firma burgi и однократное освобожденіе отъ tallagium. Временами разныя льготы и изъятія за большую fine даются на долгое время, но затѣмъ платятся новыя деньги за возобновленіе и подтвержденіе

ностью среднихъ и мелкихъ доходовъ, которые получаются съ того или другаго графства. Уже въ древнѣйшихъ счетахъ казначейства отмѣчаются откупныя суммы въ 400 или 500 марокъ, изъ чего, между прочимъ, можно видѣть какъ обширна должна была быть въ то время юрисдикція судовъ графства. Объ опредѣленіи отдѣльныхъ статей Firma Vicecomitis ср. Thomas Exchequer 51.

этихъ льготъ, въ особенности при наступленіи каждаго новаго царствованія.

2) Fines *за процессуальныя льготы*; съ Генриха II число ихъ становится безконечнымъ. Король дозволяетъ вмѣсто дурно устроенныхъ судовъ графства переносить дѣла въ королевскій придворный судъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться улучшенною системой доказательствъ (recognitio, jury). Но такое разрѣшеніе дается только за деньги. Отсюда безконечныя fines „ut haberet justitiam et rectum“ т. е. за позволеніе вести свой процессъ въ придворномъ судѣ, вмѣсто суда графства. Всякій отдѣльный процессуальный мандатъ (writ) покупается за деньги, иной разъ даже выговаривается особая плата въ случаѣ выигрыша процесса. Каждое измѣненіе въ ходѣ процесса, каждая замѣна одного суда другимъ, а главнымъ образомъ каждый inquest посредствомъ jury покупается за деньги. Такъ R. de Luci платитъ 15 марокъ и одного иноходца за то, чтобы добиться изслѣдованія «посредствомъ присяги 12 хорошихъ людей», какія оброки и услуги обязаны ему доставлять его съемщики въ Коупландѣ; W. de Mahurdin даетъ 20 шиллинговъ за inquest о томъ владѣетъ-ли онъ своею землею какъ sergeanty или какъ рыцарскимъ леномъ. Разъ были уплочены 4 марки за то, чтобы 6 будто бы подкупленныхъ рыцарей въ assize'ѣ были замѣнены 6 другими. Многочисленныя fines выплачиваются также за то, чтобы король «помогъ жалобщику добитсся своего права», напр. однажды платится 200 марокъ за то, чтобы король помогъ противъ евреевъ въ одномъ долговомъ обязательствѣ. Еще болѣе многочисленны fines за ускореніе процесса. Часто стороны предлагаютъ впередъ четверть, треть, даже половину суммы иска. Иной разъ такое предложеніе становится двухстороннимъ sponsio, именно либо обѣ стороны предлагаютъ одну и туже сумму, чтобы добиться одного и того же (concurrent fine), либо каждая бьется объ закладъ на противоположный исходъ рѣшенія (counterfine). Точно также возможно добиться посредствомъ большихъ fines «милости» короля, его протекцій, посредничества, ut Rex juvet cum versus N., ut Rex manuteneret eum etc. При Іоаннѣ можно было даже добиться за деньги пріостановки судебнаго производства (stopping, delay). Robertus de Amouesdal debet V marcos pro habendo brevi de protectione; ne ponatur in placitum de aliquo tenemento suo nisi coram Rege vel per breve Regis; et ut sit quietus de sectis et hundredis et de omnibus placitis et querelis, excepto murdro etc. (Rot. 2 Io.). Decanus et capitulum Londoniae II palefridos, pro protectione, ne vexentur contra libertates cartarum suarum (Rot. 2 Io.). Даже въ уголовныхъ преступленіяхъ строгость

наказанія часто смягчалась уплатою fine. Примѣры этого какъ разъ относятся къ норманскимъ вельможамъ: O. de Lerec debet XX marcas argenti, ut rex perdonaret ei et Osberto clerico suo malevolentiam suam (Mag. Rot. 31 Henr. I). R. c. de CLXX marcis argenti, ut rex perdonet ei malivolentiam suam pro filia Geldewini de Dol (Ib. 31 Henr. I). Встрѣчаются еще и другіе платежи pro habenda gratia et benevolentia regis etc. Графства, сотни и шерифы платятъ суммы въ 100 марокъ за «милостивое обращеніе», за то, чтобы внимательно ихъ выслушали и т. п. Къ этому премыкаютъ поборы за освобожденіе изъ тюрьмы или другія послабленія. Деканъ Элійскій платитъ 100 марокъ за освобожденіе своей наложницы и ея дѣтей; жена Гуго Невильскаго даетъ 200 куръ за разрѣшеніе провести одну ночь съ мужемъ. Сюда же относится fine pro licentia comedendi. Вмѣсто тѣлеснаго наказанія дозволяется за извѣстную сумму вступить въ монастырь, ut liceat trans ferre se ad habitum religionis (Rot. 5 Jo.).

3) Fines *за разрѣшенія и пожалованія;* за пожалованіе должностей, за разрѣшеніе образовать гильдію, за оставленіе кого нибудь въ той должности, которую занималъ его отецъ, за пожалованіе должности шерифа, за оставленіе прежняго размѣра откупной суммы. Даже должности канцлера и Казначея Казначейства часто отдаются за большія вкупныя деньги. Съ другой стороны взыскиваются деньги и за увольненіе отъ какой нибудь должности, за освобожденіе отъ отвѣтственности, за то ut Rex faciat recipi compotum sine ira et indignatione. Затѣмъ взимаются деньги за разрѣшеніе производить торговлю и ремесла, въ особенности за возобновленіе gildae, за разрѣшеніе вывозить зерновой хлѣбъ и т. д. Съ 19 Henr. III, но вѣроятно и раньше еще, періодически предписывается шерифамъ, quod omnes illi, qui de nobis tenent in capite feudum unius militis vel plus, et milites non sunt, arma capiant et se milites fieri faciant. Но за извѣстную плату можно быть освобожденнымъ отъ этого; отсюда многочисленные fines pro habendo respectu de militia.

4) Fines *за возобновленіе ленныхъ пожалованій и отчужденія ихъ.* Грамоты казначейства, касающіяся этого, отчасти напечатаны подъ заглавіемъ Rotuli Finium и заключаютъ въ себѣ весьма важныя данныя относительно наслѣдованія и отчужденія коронныхъ леновъ.

Уже одна надобность въ той детальной классификаціи, по которой выше распредѣлены fines, показываетъ, какой богатѣйшій источникъ доходовъ они представляли собою для королевскаго казна-

чейства. Коронныя васаллы въ видѣ прибавки платили еще кромѣ того aurum Reginae [5]).

VI. Aids Tallages, Scutages [6]). Собственно, рыцарскія владѣнія свободны отъ всякаго обложенія, quietum ab omnibus gildis et omni opere, какъ это торжественно подтверждено хартіею Генриха I. Но все-таки король можетъ по ленному праву требовать себѣ auxilia въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, именно при посвященіи въ рыцари сына, при выдачѣ замужъ дочери и наконецъ, если его постигнетъ такое несчастіе, для выкупа изъ плѣна [a]).

Непосредственныя подати, Tallagia, смотря по надобности, періодически взимаются съ королевскихъ городовъ и домэнныхъ крестьянъ. Перемѣны въ военномъ дѣлѣ повели къ тому, что мелкіе вольные земледѣльцы были освобождены отъ участія въ ленной милиціи. Но одинъ видъ участія остался въ формѣ періодически взимаемыхъ tallagia. Какъ постоянный спутникъ ленной системы, tallagium, taille вводится и въ Англіи тотчасъ послѣ завоеванія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ленная система, съ ея рѣзкимъ характеромъ государственности, устанавливаетъ по возможности *равномѣрное* распредѣленіе тяготъ между сословіями. Такъ какъ собственно старая народная милиція никогда не переставала совсѣмъ существовать,

---

[5]) Мэдоксъ (I, 395, 425, 456) распредѣляетъ fines на множество рубрикъ; но я предпочелъ менѣе сложную классификацію. Hardy, въ Rotuli finium устанавливаетъ три разряда: 1) Fines за разрѣшеніе и подтвержденіе Liberties и Franchises 2) Fines за процессуальныя льготы; этотъ разрядъ подраздѣляется здѣсь на 5 подвидовъ, 3) смѣшанные fines съ 10 подрубриками. Объ раздѣленіи на добровольные fines или oblations и недобровольные fines ср. Hardy, Introd. XVIII. О платежахъ за дозволеніе графству самому выбирать шерифа, ср. у Madox. I, 416, 417, 420; Hardy, Introduction pag. XXIX. Объ aurum reginae см. Ellis I, 172.

[6]) Aids, Tallages, Scutages сводятся Мэдоксомъ вмѣстѣ, какъ начало прямаго обложенія. Дѣлаетъ онъ это отчасти потому, что оно вытекаетъ изъ существа дѣла, отчасти потому, что всѣ эти названія уже очень рано начинаютъ сливаться другъ съ другомъ. Мэдоксъ присоединяетъ еще къ этой группѣ Custumae—давно существовавшія пошлины съ шерсти, шкуръ и кожи, которыя уже приведены нами выше въ качествѣ стариннаго королевскаго дохода. Пошлины взимались съ вина, general merchandise и шерсти. Старая пошлина на вино называлась prisage; она состояла въ томъ, что бралась съ каждаго корабля, привозившаго вино десятая бочка, цѣною въ 20 шиллинговъ. Пошлина съ general merchandise бо́льшею частью взималась въ формѣ одной пятнадцатой всей стоимости, или около этого, что̀ является платою за позволеніе производить торговлю. Пошлина съ шерсти до Эдуарда взималась очень неправильно. (Stubbs. II. 523).

a) Собственно, Auxilia, Aids были ограничены вышеназванными тремя опредѣленными случаями. Но такъ какъ ленники охотно сами расширяли число этихъ случаевъ, и такъ какъ вслѣдствіе аналогичнаго примѣненія auxilia къ королевскимъ городамъ и домэннымъ деревнямъ понятіе объ этихъ aids было расширено еще бо́льше, то отсюда возникло всеобщее стремленіе распространить aids и на разные другіе случаи. Со временъ Magna charta сословія добиваются права утверждать эти auxilia.

а съ Генриха II даже мало по малу опять призывается къ жизни, то практика казначейства относилась къ крестьянскому и городскому владѣнію нѣкоторымъ образомъ по аналогіи съ леннымъ владѣніемъ, именно tallagia взимались, также какъ и auxilia съ ленниковъ, только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ экстренныхъ случаяхъ, хотя, конечно, понятіе этой экстренности подвергалось тутъ болѣе распространительному толкованію, чѣмъ по отношенію къ леннымъ владѣльцамъ. Вотъ почему Aids и Tallages часто сливаются въ одно и обозначаются словами dona, auxilia или другими столь-же вѣжливыми выраженіями. Города, чтобы отвратить скорое повтореніе обложенія, часто уплачивали добровольныя dona, pro bono adventu Regis, pro dono novi anni, для умилостивленія короля и т. д. Всѣ эти дачи сливаются въ одно съ системою fines [b]).

Еще болѣе значенія пріобрѣтаютъ позднѣе *щитныя деньги*, Scutagia. Основы ленной милиціи, перенесенныя изъ Нормандіи, не могли надолго привиться при островномъ положеніи Англіи. Когда внутреннія дѣла пришли въ порядокъ, ленная милиція перестаетъ приносить прежнюю пользу, такъ какъ мѣсто короткихъ походовъ во внутрь страны заступаютъ теперь продолжительная окупація крѣпостей и долгіе походы противъ Валиса, Шотландіи, Ирландіи, Франціи. Для обѣихъ этихъ цѣлей ленная милиція, съ ея короткимъ срокомъ службы не годилась. Норманскіе короли во всѣ времена, поэтому, содержали отряды наемныхъ солдатъ и разрѣшали нѣкоторымъ ленникамъ, обязаннымъ военною службою, откупаться отъ этого на время нѣкоторыхъ походовъ. По достовѣрному свидѣ-

---

b) Tallagia (Madox I. 693 и слѣд. 732—751) представляютъ собою специфическій продуктъ ленной системы. Крупное землевладѣніе, которое взяло на себя защиту страны, требовало, чтобы всякое владѣніе, не несущее военной службы, принимало соотвѣтствующее участіе деньгами. Во Франціи, высокомѣріе владѣющихъ оружіемъ классовъ давало остальнымъ названіе taillables, а съ вотчинной точки зрѣнія—corvèables. И въ Англіи Taille такъ прочно и скоро устанавливается, что даже великій и могущественный Лондонъ платитъ въ 7 Henr. III—1000 марокъ Tallagia, 26 Henr. III—1000 марокъ, 37 Henr. III—1000 марокъ и 20 марокъ золота, 16 Io.—2000 марокъ. Тягостная сторона Tallagia заключалась въ неопредѣленности случаевъ и періодовъ, при которыхъ производилось обложеніе. Въ Англіи, два важныхъ мотива сошлись вмѣстѣ, которые давали платящимъ taille классамъ основаніе требовать болѣе мягкаго къ себѣ отношенія. Одинъ изъ этихъ мотивовъ заключался въ удержаніи и позднѣйшемъ обновленіи ленной милиціи указами Генриха II; taillables никогда не были въ Англіи невооруженнымъ классомъ, и во всѣ времена оказывали хорошія услуги, какъ противъ мятежныхъ бароновъ, такъ и противъ шотландскихъ нашествій. Другой изъ вышеупомянутыхъ мотивовъ лежалъ въ firma burgi; именно, чтобы увеличить откупныя деньги съ городовъ, короли, нуждаясь въ деньгахъ, давали нѣкоторымъ городамъ увѣренія въ томъ, что подати, ими уплачиваемыя, никогда не будутъ увеличены; благодаря этимъ увѣреніямъ, возникаютъ постоянныя пререканія, также какъ и споры относительно высоты обложенія.

тельству, впервые въ 2 Henr II было разрѣшено прелатамъ давать по 20 шиллинговъ pro ленъ, вмѣсто того чтобы выставить ратника для похода въ Валисъ. Первая всеобщая контрибуція, какъ замѣна личнаго участія, подъ именемъ Donum послѣдовала 5, Henr II. при походѣ на Тулузѣ и равнялась 2 маркамъ pro ленъ со всѣхъ коронныхъ васалловъ. Въ 18 Henr. II для похода въ Ирландію васаллы отчасти призываются для личнаго участія, отчасти же это замѣняется имъ платежомъ Scutagia. Точно также въ 33 Henr. II для похода въ Валисъ взимается 20 шиллинговъ pro ленъ a militibus, qui non abierunt cum rege. Съ этихъ поръ взиманіе щитныхъ денегъ въ замѣнъ натуральной повинности устанавливается все болѣе и болѣе; щитныя деньги теперь выплачиваются всѣми tenentes in capite, какъ тѣми, которые de corona, такъ и тѣми, которые de honore. Платящимъ scutagia коронным васалламъ дозволяется за то взымать таковую-же сумму pro ленъ со своихъ подвасалловъ (ut haberent scutagia sua). Въ исключительныхъ случаяхъ королевская власть непосредственно сама взимаетъ съ подвасалловъ щитныя деньги in manum suam. Взиманіе этой новой ленной подати становится одной изъ обязанностей шерифа, который долженъ также оказывать дѣятельное содѣйствіе и коронным васалламъ для сбора scutagia съ ихъ подвасалловъ [c]).

VII. *Заключительная рубрика—случайные доходы* заключаетъ въ себѣ нахожденіе кладовъ (treasure trove), брошенныя воромъ вещи (waifs), потерпѣвшіе крушеніе корабли (wrecks), движимое имущество felons'овъ, казненныхъ, бѣглыхъ, опальныхъ, deodands и многія другія мелкія регаліи, которыя, если они не отданы въ пользованіе частному лицу, собираются чрезъ шерифа. Продолжаетъ затѣмъ существовать перешедшая изъ англосаксонскихъ временъ всеобщая обязанность жителей проводить и содержать въ исправности дороги, мосты и крѣпости (trinoda necessitas), а также снабженіе фуражемъ путешествующихъ слугъ короля (purveyance), что̀ позднѣе становится постоянною повинностью. Наконецъ, такъ называемая *датская дань*, несмотря на отмѣну ея при Ed-

---

c) Мэдоксъ даетъ полный матеріалъ по вопросу о Scutagia, показывающій весь ходъ постепеннаго развитія ихъ. Dialogus de Scaccario говоритъ въ концѣ объ Scutagia, какъ о чемъ-то такомъ, что уже прочно установилось въ финансовой практикѣ: Fit interdum, ut imminente vel insurgente in regnum hostium machinatione, decernat rex de singulis feodis militum summam aliquam solvi, marcam scilicet, vel libram unam; unde militibus stipendia vel donativa succedant. Mavult enim princeps stipendiarios quam domesticos bellicis exponere casibus. Haec itaque summa, quia nomine scutorum solvitur, scutagium nominatur. О раннемъ слитіи въ одно выраженій auxilia, scutagia, tallagia, hydagia, dona ср. Madox I. 580, 680.

ward Conf. и позднѣе взимается съ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ земельныхъ владѣній [7]).

Понятно, какимъ образомъ, при такомъ обиліи источниковъ дохода, могла возникнуть легенда, что Вильгельмъ Завоеватель ежедневно получалъ податей и поборовъ 1060 L. 30 sh. 3 d. (Ordericus. Vit. IV pag. 523). Это одно изъ многихъ преувеличеній позднѣйшихъ историковъ. На самомъ дѣлѣ даже въ позднѣйшія царствованія, самые благопріятные финансовые балансы достигали едва $^1/_6$ такого дохода.

Между этими источниками дохода королевской власти самое важное значеніе *для будущности Казначейства и государственнаго устройства Англіи* несомнѣнно имѣетъ возникшая при Генрихѣ II денежная замѣна ленной службы—*щитныя деньги* (Scutagium). Значеніе щитныхъ денегъ состоитъ въ томъ, что съ теченіемъ времени изъ нихъ естественнымъ путемъ развивается равномѣрный поземельный налогъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ равномѣрный подоходный налогъ, начатки котораго, начиная съ этого времени можно прослѣдить чрезъ весь почти норманскій періодъ.

Разъ привиллегированное землевладѣніе было привлечено къ тяжелымъ, дѣйствительнымъ расходамъ по отправленію ленной службы соотвѣтствующимя денежными дачами, въ Англіи было устранено то препятствіе, которое на континентѣ мѣшало всякому уста-

---

[7]) Въ числѣ случайныхъ доходовъ (Madox I. 432) датская дань упоминается еще въ судебныхъ сборникахъ. Edw. Conf. II Henr. 10 §1,15 cart. civ. Eund. § 2. Madox I, 686—694. Thomas Exchequer p. 41. Sinclair, Revenue I, 69, 70, 72. Датская дань была при Эдуардѣ Исповѣдникѣ прямо отмѣнена и въ Domesdaybook'ѣ упоминается только въ одномъ мѣстѣ (Stamford 336 b.). Тѣмъ не менѣе она чрезвычайно часто упоминается въ счетахъ казначейства, именно при Генрихѣ I, въ качествѣ подати, взимаемой съ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Это странное обстоятельство, которое ставитъ въ тупикъ даже Фримэна и Стэбса, по всей вѣроятности объясняется слѣдующимъ путемъ. Датская дань, какъ всеобщій поборъ, былъ и остался отмѣненнымъ. Но старая оцѣнка дохода, приносимая тѣмъ или другимъ участкомъ, произведенная при наложеніи датской дани, часто удерживалась при позднѣйшемъ взиманіи tallagia, dona, auxilia, чтобы не дѣлать каждый разъ новой оцѣнки. Но эта старая *таксація* земельнаго дохода обозначалась выраженіемъ датская дань. Правда, положимъ, что вновь потомъ введенные всеобщіе налоги съ земли, carucagia, hydagia etc. по размѣру своему соотвѣтствуютъ старой датской дани. Но легко понятно, что въ законахъ и распоряженіяхъ тщательно избѣгали употреблять ненавистное слово „датская дань“, чтобы не вызвать связанныхъ съ нимъ унизительныхъ воспоминаній. Кромѣ того всякое возстановленіе Danegildum имѣла бы также обратное дѣйствіе, именно снова ожили-бы безчисленныя освобожденія отъ платежа датской дани. Но во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ своемъ Казначейство не имѣло основанія стѣсняться обозначать старыя оцѣнки земельнаго дохода словомъ датская дань. Новѣйшіе англійскіе историки, называющіе постепенное образованіе въ эту эпоху новой системы земельныхъ налоговъ замаскированнымъ возстановленіемъ датской дани ни въ какомъ случаѣ не правы. Это не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ, которое, думаемъ, болѣе вѣрно представлено нами.

новленію какого бы то ни было поземельнаго и подоходнаго налога. Разъ правящій классъ привлеченъ во всей своей податной силѣ къ несенію государственныхъ тяготъ, нѣтъ уже тогда препятствій къ установленію справедливой и раціональной системы налоговъ. Прежде всего получилась возможность установить *равномѣрный налогъ на гуфы*. И въ самомъ дѣлѣ не могло же непривиллегированное землевладѣніе уклониться отъ равномѣрнаго обложенія гуфовъ, когда къ этому обложенію *въ полной мѣрѣ* было привлечено землевладѣніе привиллегированное. Домэнные крестьяне и города платили подати подъ именемъ tallagia, dona, auxilia, столь-же часто и даже чаще чѣмъ владѣльцы рыцарскихъ леновъ; несомнѣнно, что владѣнія ихъ столь же высоко таксировались, какъ и владѣнія рыцарскія. Затѣмъ также и всѣ крестьяне ленныхъ владѣній стали въ подобное-же положеніе, потому что ленному владѣльцу не оставалось никого инаго пути для вознагражденія себя за scutagia, auxilia, relevia, какъ самому брать съ зависимыхъ отъ него людей разные поборы, охранныя деньги, арендныя деньги, и заставлять ихъ работать на себя. Вотъ отчего уже въ царствованіе Вильгельма Завоевателя, при великой опасности, угрожавшей государству въ 1084 г., пришли къ мысли сдѣлать всеобщее равномѣрное обложеніе по гуфамъ всѣхъ земель государства. Это произошло въ такое время, когда еще не было заведено государственной книги земель (Domesdaybook) и распредѣленіе ленныхъ повинностей было обставлено непреодолимыми трудностями. Обложеніе, произведенное въ виду угрожавшаго датскаго нашествія, было неслыхано высоко для того времени—72 d. съ каждаго гуфа. Благодаря этому-то землевладѣніе постаралось поскорѣе принять (1086 г.) присягу на вѣрность, со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями. Аналогичное положеніе повторилось столѣтіе спустя, именно когда «саладиновская десятина» для крестоваго похода (въ 1188 г.) и освобожденіе изъ плѣна Ричарда I, (1193 г.) потребовали сбора огромнѣйшихъ, неслыханныхъ дотолѣ суммъ. За это столѣтіе Казначейство точно установило размѣръ ленныхъ повинностей и ленники, какъ всегда это дѣлаетъ землевладѣніе, когда платятъ поземельные налоги, старалось по возможности долго держаться того размѣра налога, который былъ установленъ ленными матрикулами. Поэтому, хотя при упомянутыхъ нами случаяхъ дѣлается *прибавочное* обложеніе, однакоже auxilia съ рыцарскихъ леновъ опредѣляется по матрикулѣ щитныхъ денегъ, а съ остальнаго землевладѣнія соразмѣрно гуфамъ и оттого-то послѣднее обложеніе обозначается какъ carucagium. Но уже въ 1198 г., при Ричардѣ I, опять происходитъ генеральное обложеніе всего землевладѣнія, по которому съ каждаго carucagium (= 100 acres земли) взимается по 5 sh. (Stubbs I, 510).

Такое обложеніе не было чрезмѣрнымъ, но тѣмъ не менѣе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны крупнаго землевладѣнія, а въ особенности со стороны духовенства и взималось не безъ трудностей. Понятно, что ленные владѣльцы не могли быть довольны такою внезапною перемѣною масштаба (по количеству земли, а не согласно леннымъ матрикуламъ); поэтому и позже стали нѣкоторое время опять взымать scutagia отдѣльно отъ carucagium, взымаемаго съ рыцарскихъ помѣстій. Всеобщее обложеніе землевладѣнія, по естественному ходу вещей, должно было привести и къ *обложенію движимаго имущества*. Дѣло въ томъ, что tallagia съ домэнныхъ крестьянъ, городовъ и зависимыхъ людей взимались не только соотвѣтственно земельному владѣнію, но и соотвѣтственно общей податной способности подданныхъ, слѣдовательно къ обложенію было привлечено и движимое имущество (personal property), которое въ городахъ, благодаря развитію ремеслъ и торговли, было очень значительно. Весьма законное стремленіе и это обложеніе распредѣлить равномѣрно между всѣми классами населенія повело къ процентному обложенію всего дохода, именно къ установленію, начиная съ Ричарда I сбора *десятинъ*, *одинадцатыхъ*, *тринадцатыхъ*, *седьмыхъ и иныхъ долей*, съ движимаго имущества взимаемыхъ наряду съ поземельными налогами. «Саладиновская десятина» 1188 г. есть первый прецедентъ равномѣрнаго обложенія personal property; она взималась вмѣстѣ съ поземельнымъ налогомъ. Для выкупа Ричарда I одновременно берется scutagium съ рыцарскаго лена, carucagium съ землевладѣнія, *процентъ съ общаго дохода*—съ городовъ и остальнаго населенія страны. Все это несомнѣнно представляетъ собою улучшеніе системы взиманія tallagia и только духовенство протестуетъ противъ него при дальнѣйшихъ повтореніяхъ.

Король *Іоаннъ*, какъ того и можно было ожидать съ его стороны, злоупотребилъ установившейся такимъ путемъ податной системой. Уже въ первый годъ своего царствованія Іоаннъ повысилъ carucagium съ 2 на 3 sh., scutagium съ 1 на 2 марки, и послѣднюю подать повышалъ *съ каждымъ годомъ* все больше и больше. Въ 1203 г. онъ предписываетъ сборъ $^1/_7$ части съ движимаго имущества коронныхъ васалловъ, въ 1204 г. auxilium съ рыцарей, въ 1207 г.—$^1/_{13}$ съ движимаго имущества всей страны. Противъ этихъ нововведеній, понятно, запротестовали всѣ коронные васаллы, а косвенно и вся страна. Прежде всего дѣйствіями Іоанна былъ нанесенъ ущербъ *короннымъ васалламъ*, которые ими были оскорблены въ своемъ правѣ собственности. Взиманіе щитныхъ денегъ до тѣхъ поръ могло безпрепятственно производиться, пока оно представляло собою посильную денежную замѣну ленной военной

службы. Но теперь это взиманіе производится *независимо* отъ того желаетъ-ли ленникъ служить или нѣтъ, *независимо* отъ того, предпринимается-ли походъ или нѣтъ, *независимо* отъ того, наступилъ-ли одинъ изъ тѣхъ экстраординарныхъ случаевъ, который обязываетъ ленника давать auxilium. Такимъ образомъ мы тутъ видимъ рѣшительное измѣненіе первоначальныхъ условій, при которыхъ ленники получали и владѣли своими ленами. Дѣйствіями Іоанна ленное владѣніе было сравненно съ простымъ землевладѣніемъ, платящимъ carucagium. Но всего оскорбительнѣе, несомнѣнно, было для коронныхъ васалловъ грубое взиманіе седьмой части съ personal property, которое поставило tenentes in capite на одну ногу съ talliables. Требованія этого рода не были имъ предъявляемы со временъ Вильгельма Рыжаго и его ловкаго казначея Фламбара; напротивъ того имѣлась хартія Генриха I, торжественно обѣщавшая, что ленныя владѣнія, помимо своихъ обязательствъ по несенію военной службы, останутся свободны отъ всякихъ другихъ налоговъ и поборовъ (Charters p. 101). Все это создаетъ для коронныхъ васалловъ настоятельную необходимость настаивать на томъ, чтобы при взиманіи auxilia и scutagia требовалось ихъ согласіе. Податной вопросъ, такимъ образомъ, мало по малу подготовляетъ Magna Charta (§ 17).

---

§ 13.

Норманское Казначейство, EXCHEQUER.

Соотвѣтственно тому, какъ центромъ тяжести верховныхъ правъ норманской королевской власти являются финансы, первою основою *прочнаго установленія системы должностей* становится въ Англіи финансовая организація. Норманская королевская власть пріобрѣла новую огромную силу, благодаря обладанію домэнами и верховному обладанію всей ленной землею, на чемъ основывается теперь система военной обороны государства. Но и далеко въ бо́льшей степени, чѣмъ оно вызывается этой потребностью, вся норманская правительственная система проникнута фискальнымъ духомъ, который безъ всякихъ стѣсненій даже правосудіе подчиняетъ финансовымъ интересамъ. Пока въ англійской исторіи господствуетъ духъ норманской королевской власти, финансы составляютъ центръ тяжести всего правленія. Понятно поэтому, что въ государствѣ, гдѣ

провинціи, и города принимаютъ форму откупныхъ округовъ, главнымъ центромъ государственнаго управленія должно было стать учрежденіе, завѣдующее финансами, которое можно приравнять «придворной, военной и домэнной палатѣ» или «генеральной директоріи» въ позднѣйшихъ государственныхъ учрежденіяхъ континента.

Громадно значеніе норманскаго Казначейства, Echiquier, Exchequer. Эта его первостепенная важность и обязываетъ насъ непосредственно послѣ разсмотрѣнія финансовыхъ правъ и прерогативъ королевской власти заняться исторіею возникновенія и развитія Exchequer, его внѣшнею организаціею, дѣлопроизводствомъ и личнымъ составомъ.

I. Возникновеніе Exchequer. Было-бы довольно правдоподобно предположить, что Завоеватель устроилъ свое казначейство по Нормандскому образцу. Въ Нормандіи былъ Echiquier, который въ качествѣ самаго высшаго государственнаго учрежденія и верховнаго суда занимаетъ въ XII столѣтіи выдающееся положеніе. Несомнѣнно, однакоже, что англійскій Exchequer составляетъ только часть верховнаго королевскаго управленія (curia Regis) и поэтому на дѣловомъ языкѣ называется Curia ad Scaccariam. Въ отличіе отъ прочихъ, только временныхъ и періодическихъ, функцій Curia Regis Echequer образуетъ единственное *прочно организованное* государственное учрежденіе, Curiarum omnium apud Anglo-Normannos antiquissima (Hickes, Diss. Epist. p. 48), въ которомъ сосредоточиваются всѣ текущія административныя дѣла. Названіе Scaccarium объясняется въ Dialogus I, 1 клѣточнымъ сукномъ, которое при производствѣ разсчетныхъ операцій разстилалось надъ столомъ засѣданія, образуя какъ-бы шахматную доску: Scaccarium tabula est quadrangula, quae longitudinis quasi decem pedum, latitudinis quinque, ad modum mensae circumsedentibus apposita, undique habet limbum altitudinis quasi quatuor digitorum, ne quid appositum excidat. Superponitur autem Scaccario Superiori pannus in Termino Paschae emptus, non quilibet, sed niger, virgis distinctus, distantibus a se virgis vel pedis vel palmae extentae spacio.

Изъ года въ годъ находимъ мы за этимъ счетнымъ столомъ множество крупныхъ сановниковъ и васалловъ короля вмѣстѣ съ многочисленными чиновниками Казначейства, занятыхъ пріемомъ платежей шерифовъ, откупщиковъ отдѣльныхъ частей и custodes; провѣркою счетовъ ихъ; дѣлами по періодическому взиманію податей, aids, tallages, scutages; назначеніемъ шерифовъ и другихъ fermors и custodes и привлеченіемъ ихъ къ отвѣтственности; разборомъ различныхъ споровъ, возникающихъ въ области финансоваго управленія; затѣмъ изысканіемъ суммъ для потребностей королев-

ской фамиліи, ея свиты и слугъ, для военной аммуниціи и содержанія гарнизоновъ, для удовлетворенія кредиторовъ короля, для расходовъ всякаго рода по управленію страны. Всѣ эти дѣла разбираются либо подъ личнымъ предсѣдательствомъ короля, либо отъ его имени.

Согласно разсмотрѣннымъ нами функціямъ Казначейства, уже очень рано въ немъ образуются два отдѣленія: 1) *Счетное*, Scaccarium majus и 2) *пріемное*, Scaccarium de Recepta, Recepta Scaccarii, Scaccarium inferius. Одно отдѣленіе позднѣе помѣщалось на правой половинѣ, второе на лѣвой половинѣ Westminster-Hall. Часто встрѣчаются упоминанія объ отдѣльныхъ залахъ засѣданій: тронной залѣ, малой совѣщательной залѣ, Thalamus Baronum. Помѣщеніе, въ которомъ дѣйствительно помѣщались деньги, въ металлѣ, называется спеціально Thesaurus Regis[1]).

---

[1]) Главнѣйшимъ источникомъ для исторіи возникновенія и внѣшняго устройства Exchequer составляетъ Dialogus de Scaccario, разсужденіе о правахъ Exchequer, отпечатанное Мэдоксомъ (II т.) и снабженное многочисленными примѣчаніями и объясненіями. Діалогъ этотъ свидѣтельствуетъ намъ о раннемъ развитіи административной техники и представляетъ собою замѣчательный документъ чиновничьихъ понятій о государствѣ. Напрасно стали-бы мы искать въ средневѣковой литературѣ что-нибудь подобное этому документу. Авторомъ его прежде считался Gervasius Tilburgensis. Мэдоксъ (II, 334—345) считаетъ авторомъ Діалога Ricordus, filius Nigelli, придворнаго капеллана Генриха II, позднѣе бывшаго епископомъ Лондонскимъ, внучатнаго племянника великаго министра Генриха I Рожера Салисбэрійскаго. Временемъ написанія Діалога довольно точно можно считать 1178 г. Въ новѣйшее время устройство казначейства стало предметомъ обстоятельной монографіи: F. S. Thomas, History of the Exchequer 1846. 8. и другаго сочиненія Thomas'a, Notes of Materials for the History of Public Departments. 1846. fol. Отдѣльныя грамоты казначейства напечатаны Record—Commission (см. выше § 12 примѣчаніе *). Древнѣйшій изъ имѣющихся Rotul'овъ, до сихъ поръ называвшійся Rotulus 5. Stephen (ed. Hunter 1833) слѣдуетъ въ силу очевиднѣйшихъ доказательствъ отнести еще къ 31 году Henr. I.

Объ устройствѣ норманскаго Exchiquier ср. Madox I. 162—165; Warnkönig, Französische Reichs-und Rechtsgeschichte I. 346; Schäffner, Französische Staats- und Rechts geschichte II, 408, 409. О заимствованіи изъ Нормандіи Казначейства свидѣтельствуетъ Dialogus de Scaccario: ab ipsa regni conquisitione per Regem Willelmum facta coepisse dicitur, sumpta tamen ipsius ratione a Scaccario transmarino (Dial. I, 4), а также и романское названіе Exchequer. Во всякомъ случаѣ только что приведенное свидѣтельство указываетъ намъ на то, что Exchequer существовалъ еще при Вильгельмѣ Завоевателѣ. Но непосредственнаго перенесенія изъ Нормандіи все-таки нельзя доказать. Мое прежнее предположеніе (основанное на Floquet, Histoire de parlement de Normandie pag. 8), что уже въ 1066 имѣлась норманская Казначейская запись (Rotulus), несомнѣнно основана на недоразумѣніи (Stubbs I. 377). Но ошибочно также утвержденіе г. Стэбса, что Echiquier острова Сицилій перенесенъ изъ Англіи чиновникомъ казначейства Томасомъ Броуномъ (ср. протоколы Academia Reale въ Римѣ отъ 28 Апрѣля 1878 г.). Всѣ дошедшіе до насъ первоисточники права и записи казначейства Нормандіи настолько позднѣйшаго происхожденія, что позднѣйшая организація норманскаго Echiquier ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ того, что англійское казначейство устроено по норманскому образцу (ср. также Libermann, введеніе къ Dialogus de Scaccario Göttingen 1865). Въ концѣ концевъ весь споръ идетъ о

II. *Операціи* Exchequer очень скоро распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Платежи.* Они вносятся въ кассу (office of tellers) золотою или серебряною монетою. Фунтъ (livre) норманской эпохи есть дѣйствительный фунтъ серебра въ 24 лота и равняется 20 шиллингамъ, шиллингъ 12 пфенигамъ. Правильно отчеканенный, серебрянный пфенигъ (denarius) представляетъ собою обычную монету. Такимъ образомъ марка серебра=13 sh. 4 d.; шиллингъ приблизительно равняется прусскому талеру. Марка золота считается равной 9 маркамъ серебра. Эта монетная валюта довольно устойчива; только при Генрихѣ VI англійская монета утратила одну треть процентнаго содержанія серебра. Но и помимо этого, неправильности чеканки, также какъ и стираніе и поддѣлки, вызываютъ особыя мѣры предосторожности. При платежахъ ad scalam требуются 6 d. на фунтъ въ качествѣ дополнительнаго вѣса; при платежахъ ad pensum болѣе 6 d. Если содержаніе фейна кажется сомнительнымъ, то наступаетъ провѣрка посредствомъ расплавленія; но, заплативши по 1 шиллингу съ фунта, можно это предотвратить (nominal combustion). Произведенный платежъ заносится въ кассовую книгу, а изъ нея переносится на полосу пергамента, носящую названіе bill или tellers bill. Эта пергаментная полоса чрезъ трубообразное отверстіе падаетъ въ бирочное отдѣленіе (Tally Court), гдѣ для нея изготовляется бирка. Такая бирка, tally, представляетъ собою кусочекъ сухаго дерева, на которомъ Cutter of the tallies дѣлаетъ соотвѣтственные внесенной суммѣ надрѣзы, а Writer of the taly съ своей стороны надписываетъ сумму на обѣихъ сторонахъ дерева Смотря по длинѣ надрѣза бирка означаетъ 1000 L, или 100 L; 20 L, 20 sh. и т. д. Казначей раскалываетъ бирку пополамъ, такимъ образомъ, что на каждой половинѣ остаются надписанныя суммы и половинки намѣченныхъ отмѣтокъ. Полученныя такимъ образомъ двѣ равныя части обозначаются именемъ tally и countertally, или-же tally и foil (folium); одну изъ нихъ Казначей сохраняетъ у себя, другую получаетъ плательщикъ въ качествѣ росписки, служившей свидѣтельствомъ при разсчетахъ съ счетнымъ отдѣленіемъ казначейства. (Только въ 1783 г. уничтожаются въ казначействѣ эти бирки и замѣняются check'ами по 23 Geo. III c. 82).

словахъ. И въ самомъ дѣлѣ связь судебнаго и финансоваго дѣла была настолько тѣсна въ средніе вѣка, что если названіе Echiquier и возникло раньше въ Нормандіи, то все-таки англійское казначейство настолько тѣсно связано съ системою управленія графствъ и самая административная техника, благодаря искусному чиновничеству, настолько шагнуло впередъ при Генрихѣ I и II, что *сущность* организаціи англійскаго Exchequer есть, во всякомъ случаѣ, продуктъ англо-норманскаго государства.

2) *Выдача изъ казначейства* совершается на основаніи королевскаго приказа (writ или mandate) за большой или малой печатью адресованною обыкновенно казначею и каммергерамъ, Treasurer and Chamberlains. Обычная форма этого приказа носитъ названіе liberate. Росписка, на основаніи которой производятся періодическія выдачи суммъ, какъ напр. жалованье, называется liberate current или dormant; содержаніе ея приблизительно такого рода: Rex Thesaurario etc. salutem. Liberate de thesauro nostro singulis annis quinque Capellanis nostris ministrantibus in capellis S. Iohannis et S. Stephani Westmonastrii duodecim libros et decem denarios pro stipendiis suis. (29 Henr. Ш). Съ теченіемъ времени, въ видахъ контроля, прибавляется новая форма мандатовъ. Королевскій приказъ вносится, собственно, въ счетное отдѣленіе казначейства; тутъ ужь на основаніи этого приказа Treasurer или какой-нибудь членъ изъ коллегіи казначейства выдаетъ рескриптъ на полученіе суммы (treasury warrant). По этому рескрипту слѣдуетъ снова выдача росписки на полученіе (order to one of the tellers) отъ ревизора счетнаго отдѣленія (Auditor) и по этой только роспискѣ, еще разъ помѣченной рукою одного изъ членовъ коллегіи казначейства, можно наконецъ получить слѣдуемую сумму.

3. *Бухгалтерія* Exchequer'a распадается на Rotulus annalis, Memoranda и разныя другія вѣдомости; техническая сторона ея веденія была вполнѣ устроена еще въ весьма раннюю пору. Главная книга Rotulus annalis, the Great Roll of the Exchequer можетъ служить самымъ крупнымъ и важнымъ документомъ по дѣламъ казначейства, «въ который счеты королевскихъ доходовъ вступали по разнымъ каналамъ подобно тому какъ со всѣхъ сторонъ стекаются рѣки въ одинъ океанъ» (Madox II, 112). Эти Magni Rotuli Pipae, свертывавшіеся обыкновенно въ видѣ трубки — откуда и получили свое названіе, заключали въ себѣ распредѣленіе по графствамъ; они сохранились цѣликомъ, начиная съ перваго года царствованія (за исключеніемъ двухъ лѣтъ) Генриха II. Отчасти отпечатанные Record Comissi'ей они представляютъ самый подробный источникъ для ознакомленія съ администраціей норманской эпохи.

4. *Финансовая отчетность* въ Exchequer. Самыя значительныя получки и выдачи совершались чрезъ посредство шерифовъ. Чрезъ ихъ руки проходила большая часть сборовъ и пошлинъ поземельныхъ, ленныхъ и судебныхъ; съ другой стороны, они же совершали громадныя выдачи на военную аммуницію, вооруженіе и жалованье. Такимъ образомъ дѣло тутъ не ограничивается простой получкой и передачей въ казначейство, а осложняется еще разными

запутанными счетами по росписками и документамъ, вслѣдствіе чего проходили обыкновенно цѣлые мѣсяцы отъ предварительной расплаты (profer) до окончательнаго разсчета (summa). Многія статьи дохода, какъ напримѣръ, конфискованныя catalla, доходы съ секвестрованныхъ имѣній, являвшіеся въ счетахъ въ видѣ круглыхъ суммъ, опредѣлялись только по приблизительному разсчету. Денежныя выдачи совершаются только по предъявленіи мандата (warrant of discount) и пріобрѣтаютъ законную силу по королевскому кабинетному приказу (King's writ); на издержки по текущимъ государственнымъ расходамъ требуется, по крайней мѣрѣ рескриптъ отъ казначейства. Часто для погашенія королевскаго долга выдавали росписки на полученіе изъ суммъ годовой откупной суммы шерифа, именно writs of allacate ex computate. Имѣющій свести счеты долженъ явиться лично и прежде всего принести присягу въ fideli compoto red dendo; иногда отъ него принимается счетъ per fidem или per verumdictum. Въ видѣ исключенія допускается иногда представленіе отчета замѣстителемъ (attorney) именно особымъ clerk'омъ, уполномоченнымъ на то королевскимъ кабинетнымъ приказомъ. Въ послѣдствіи было достаточно уполномочія казначейства. Окончательное сведеніе счетовъ было часто такъ трудно и запутано, что имѣвшіе въ этомъ надобность платили нерѣдко суммы въ нѣсколько сотъ марокъ, лишь бы избавить отъ отвѣтственности себя и своихъ servientes. Такимъ же точно образомъ должны представлять свои счеты и спеціальные откупщики или правители городовъ, управляющіе отчужденныхъ имѣній (Escheators) сборщики пошлинъ и податей (Customers) и всѣ лица, облеченные королемъ особенной правительственной властью (bailwyck). Въ послѣдствіи въ число лицъ, обязанныхъ отчетностью, входятъ и странствующіе судьи [2]).

---

2) *О дѣятельности* Exchequer'a и въ особенности о размѣщеніи членовъ за столомъ засѣданія сравни Thomas, Exchequer p. и слѣд.

Взносы въ казначейство разсматриваетъ Thomas, Materials 5. Для знакомства съ монетной системой англосаксонской эпохи ср. Schmid, Glossarium слова Deldrechnung.

О выдачахъ изъ Казначейства см. у Madox I, 348—350, 362—389, особенно важны: Dialogus I c. 6 (Madox II, 373) Въ позднѣйшее время къ безчисленнымъ формальностямъ контроля, присоединяются еще новыя; выдачи въ эпоху Стюартовъ letter of discretion, которыми казначей опредѣляетъ изъ какого спеціальнаго фонда должна совершаться уплата; сюда-же впослѣдствіи присоединяется парламентскій контроль надъ выдачами.

О бухгалтеріи см. у Madox II, 456 и слѣдующія. Hunter, Introduction p. I. О т. наз. Rotulus 5 Stephen см. Madox II, 462. Относительно большей правильности даты 31 Henr I, см. Reeves History I, 218 и Introduction къ Rotulus pipae de anno 31. Henr I edid. Hunter 1833.

Сведеніе отчетовъ спеціально разсматриваетъ Thomas, Exchequer стр. 49—58. Примѣры отчетовъ, представляемыхъ откупщиками и финансовыми чинов-

Судебныя засѣданія казначейства. Для разрѣшенія спорныхъ и юридическихъ вопросовъ при разсчетахъ, высшіе чины Exchequer періодически собираются въ коллегіальныя засѣданія, носящія названіе scaccaria. Вотъ что говоритъ объ нихъ Dialogus II. c. I. Praecedente namque brevi summonitionis, quod Regiae auctoritatis signatur imagine, convocantur ad locum nominatum qui necessarii sunt. Accedunt autem quidam ut sedeant et judicent, quidam ut solvant et judicentur. Sedent et judicant ex officio vel ex principis mandato Barones, quarum supra meminimus. Solvunt autem et judicantur Vicecomites et alii plures in regno, quarum quidam voluntariis oblationibus quidam necessariis solutionibus obnoxii sunt rel.

Имѣющіе сдать отчетъ приглашаются сюда поодиночкѣ съ предупрежденіемъ: «sicut te ipsum et omnia tua diligis», съ перечисленіемъ всѣхъ отдѣльныхъ суммъ, подлежащихъ выплатѣ (annotatis omnibus debitis seriatim cum causis) и съ слѣдующимъ заключеніемъ: Et haec omnia tecumhabeas in denariis taleis et brevibus et quietantiis, vel capientur de firma tua. Неявляющіеся вызываются чрезъ шерифа или Huissier (Usher of the Exchequer), причемъ за каждый просроченный день подвергаются взысканію, amerciament, въ случаѣ же надобности арестовываются и все ихъ имущество секвестрируется посредствомъ writ of nomine districtionis. За обнаруженіемъ какихъ-либо недочетовъ слѣдуетъ немедленный арестъ. Вотчинники и корпораціи, претендующіе на franchise, обязаны являться ежегодно въ Exchequer въ то время, когда шерифъ представляетъ отчетъ и должны сами дать отчетъ о доходахъ, изъ которыхъ имъ потомъ и представляется (allowed), сколько по размѣрамъ ихъ привиллегій каждому надлежитъ. Непредставленіе отчета или какія нибудь уклоненія влекутъ немедленную секвестрацію имущества. Если случается, что въ видѣ исключенія король принимаетъ счетъ лично или in Camera sua то объ этомъ увѣдомляется коллегія казначейства посредствомъ writ [2a]).

никами встрѣчаются у Мадокса въ большомъ количествѣ (напримѣръ счетъ завѣдывающихъ монетой Madox II, 132).

[2a]) Судебныя засѣданія казначейства, какъ они характерно представлены въ Dialogus de Scaccario (см. Thomas и Madox II. cit) въ существенныхъ своихъ чертахъ оказали значительное вліяніе на позднѣйшія формы дѣлопроизводства въ общегосударственныхъ судахъ. Продолжительную силу пріобрѣли privilegia fisci, выработанныя практикою Exchequer'a. Если кредиторами одного и того-же должника являлись король и частный человѣкъ, то прежде всего долженъ былъ выплачиваться regis debitum. Королевскій должникъ не можетъ завѣщать свое движимое имущество помимо короля; наслѣдники, имѣющіе законныя права и безъ завѣщанія, не могутъ однако вступить во владѣніе движимаго имущества безъ разрѣшенія Exchequer'a. Если платежная способность оставшагося имущества сомнительна, то король беретъ на себя опись и, потомъ выплачиваетъ всѣ

Обширныя права, данные казначейству породили тѣ значительныя привиллегіи государственной казны, откуда происходятъ и нынѣшнія privilegia fisci въ Англіи. Рѣшеніе Exchequer'a являются древнѣйшей формой *административной юстиціи*. Собственно Exchequer не представляетъ еще собою главной судебной инстанціи, — онъ служитъ только ad discernenda jura et dubia determinenda quae frequenter ex incidentibus quaestionibus oriuntur (Dial. I, 4). Но дѣло-то въ томъ, что норманнское финансовое устройство тѣсно переплетается со всѣми другими отраслями общественнаго и частнаго права. Установленіе fines, amerciaments, рѣшеніе споровъ и протестовъ противъ наложенія tallagia и другихъ пошлинъ, все это заключаетъ въ себѣ *юрисдикцію касательно правъ* верховной *власти* во всевозможныхъ направленіяхъ. Тутъ же находятъ себѣ разрѣшеніе споры, возникающіе по поводу значенія и размѣровъ какихъ-либо правъ и привиллегій, какъ-то права городовъ и частныхъ вотчинныхъ судовъ, разныхъ liberties и franchises. Въ каждомъ недоразумѣніи по поводу короннаго лена государственная казна является участницей, также какъ въ каждомъ пожалованіи ленамъ и наслѣдованіи его. Debita Regis прежде всего требуютъ своего удовлетворенія при каждомъ наслѣдованіи, при каждомъ регулированіи оставленнаго покойникомъ имущества. При обыкновенныхъ спорахъ частныхъ лицъ (communia placita— въ противоположность тѣмъ, гдѣ король заинтересованъ непосредственно) фискъ старается также извлекать свои выгоды, тѣмъ напримѣръ, что казначейство оказываетъ поддержку фискальнымъ должникамъ противъ другихъ лицъ, стараясь дать имъ возможность расплатиться съ королемъ. Такимъ образомъ объясняется, почему административная юстиція Exchequer'a привлекаетъ предъ свое судилище обыкновенные гражданскіе процессы. Правда, согласно leges Eduardi всѣ юридическіе споры о правахъ должны были разрѣшаться посредствомъ judicium pariurn, но это требованіе и было формально удовлетворено тѣмъ, что высшіе чиновники Exchequer'a выбирались изъ коронныхъ вассаловъ—Barones Scaccarii, въ лицѣ которыхъ даже крупнѣйшіе ленные владѣльцы должны были видѣть судъ, надлежащимъ образомъ составленный.

Ш. *Персоналъ* Exchequer'a распадается на высшихъ чиновниковъ и низшихъ. Такъ какъ всѣ отрасли государственнаго управленія имѣютъ отношеніе къ финансамъ, то всѣ крупнѣйшіе чинов-

---

причитающіеся за нихъ долги путемъ управленія, причемъ прежде всего удовлетворяетъ свои претензіи, заплативъ однако, ранѣе расходы по погребенію. Фискальные должники получаютъ writ of aid на требованіе со своихъ должниковъ, чтобы ускоренной такимъ образомъ получкой расквитаться съ фискомъ. Къ этому примыкаетъ впослѣдствіи цѣлый рядъ статей въ Magna Charta.

ники государства и засѣдаютъ тутъ лично или черезъ своихъ представителей. Предсѣдательство предоставляется самому королю, который отъ времени до времени и пользуется имъ лично; иногда-же король назначалъ главнаго намѣстника, Capitalis Iusticia, который и заступалъ его мѣсто. При Генрихѣ II этотъ великій судья дѣлается постояннымъ чиновникомъ, почему въ Dialogus de Scaccario онъ и представляется въ качествѣ *предсѣдательствующаго*, а высшіе рѣшающіе чиновники называются тутъ Barones Scaccarii, и изображаются весьма важными сановниками, но подлежащими, однакоже, смѣщенію.

Illic enim residet Capitalis Domini Regis Iusticia, primus post Regem in regno ratione fori, et majores quique de regno, qui familiarius Regis secretis assistunt; ut quod fuerit sub tantorum praesentia constitutum vel terminatum, inviobabili jure subsistat. Verum quidam ex officio, quidam ex sola jussione principis resident. Ex officio principaliter residet imo et praesidet primus in regno, Capitalis scilicet Iusticia. Huic autem assident ex sola jussione Principis, momentanea scilicet et mobili auctoritate, quidam, qui majores et discretiores videntur in regno, sive de clero sint sive de Curia. Assident inquam ad discernenda jura et dubia determinanda, quae frequenter ex incidentibus quaestionibus oriuntur (Dial. I. 4).

Чтобы понять положеніе Barones of the Exchequer, нужно припомнить, что они представляли высшую власть для главныхъ откупщиковъ, Wicecomites, слѣдовательно имъ были подчинены первые мужи государства, епископы, крупнѣйшіе ленники и разныя другія лица, приговоръ ихъ разрѣшалъ споры даже между прелатами и коронными вассалами. Само собой разумѣется, что лица, облеченныя такою властью должны были занимать приличествующее положеніе въ вассальной или церковной іерархіи. Barones состояли изъ вельможъ, наиболѣе свѣдущихъ въ дѣлахъ и наиболѣе приближенныхъ къ королю. Высшіе придворные чины имѣли своихъ представителей среди Barones Scaccarii; также находимъ мы здѣсь канцлера и казначея, которые вскорѣ сдѣлались первыми лицами среди бароновъ казначейства. Эти высшіе чиновники, взятые всѣ вмѣстѣ обозначались общимъ именемъ Sedendi ad Scaccarium; позднѣйшее же названіе Residentes ad Scaccarium обнимаетъ ужь и низшихъ чиновниковъ.

Низшихъ чиновниковъ весьма трудно разсмотрѣть, такъ-какъ въ старѣйшихъ документахъ цѣлая группа лицъ встрѣчается подъ общимъ именемъ Clericus Scaccarii. Мэдоксу, однако, удалось, съ большимъ трудомъ, выдѣлить среди нихъ отдѣльные классы и

распредѣлить ихъ на двѣ группы. Важнѣйшіе изъ низшихъ чиновниковъ *счетнаго отдѣленія* слѣдующіе: Remembrancer—дѣлопроизводитель и секретарь, Ingrossator Magni Rotuli, Constable и Marshal — представители сановниковъ того же наименованія въ казначействѣ, Usher (Huissier) и впослѣдствіи Auditores Compotum какъ ревизоры счетовъ. Важнѣйшіе изъ низшихъ чиновниковъ *отдѣленія приходовъ*: Clericus Brevium, Chamberlains—главные завѣдывающіе кассой, Clerici Thesaurii, Tellers—кассиры и наконецъ чиновники для взвѣшиваня монеты и провѣрки чекана [3]).

Духъ централизаціи группируетъ всѣ финансовыя дѣла въ Exchequer'ѣ. Являющіеся рядомъ съ нимъ *спеціальныя казначейства* возникаютъ большей частью временно и носятъ характеръ подчиненности. Для личныхъ издержекъ короля существуетъ отдѣльная придворная касса со своими особенными Clerici и своимъ Thesaurarius Camerae. Временами возникаютъ *спеціальныя* или мѣстныя казначейства для преходящихъ нуждъ; таковы Scaccarium Redemptionis и Scaccarium въ Ворчестерѣ. Болѣе важное значеніе среди

---

[3]) *О персоналѣ чиновниковъ* въ Exchequer см. у Madox I 197, о низшемъ персоналѣ у Madox II 263 и слѣд. Къ первому разряду—низшихъ чиновниковъ *счетнаго отдѣленія* принадлежатъ: 1) Remembrancer, Rememorator, регистраторъ, дѣлопроизводитель, секретарь. 2) ingrosser, Ingrossator Magni Rotuli Pipae и еще два чиновника этого-же рода, часто лица знатныхъ фамилій. 3) Usher, привратникъ, заботящійся о безопасности зданія кассы и регистратуры, кромѣ того, Huissier, который за установленную плату приглашаетъ шерифовъ въ засѣданіе казначейства. При Генрихѣ II эта должность дѣлается наслѣдственной, причемъ она можетъ переходить даже къ женщинамъ, а также можетъ быть и раздѣлена между наслѣдниками. Лицо, получившее Serjeanty поставляетъ Huissier'овъ—странность сохранившаяся вплоть до XIX в. 4) Constable, низшій чиновникъ, назначавшійся Connetable'мъ Англіи все время, пока эта должность существовала. Dial. I c. 5. 5). Marshal, низшій чиновникъ, представляемый маршаломъ Англіи для нѣкоторыхъ обязанностей при сведеніи счетовъ (forulus marescalciae), беретъ подъ стражу лицъ подлежащихъ арестованію. Dial. I c. 5. 6) Auditores Compotum, Madox II. 290, 291, ревизоры счетовъ, упоминаемые впервые въ 9. Edw. II; первоначально-же этимъ дѣломъ завѣдывали Clerks pro hoc vice или даже сами Barons, Thomas, Exch. 122, 123, 7) Clerks of estreats, также явившіеся впослѣдствіи, для сбора amerciaments, fines etc.

Второй разрядъ низшихъ чиновниковъ принадлежитъ *отдѣленію доходовъ*, Recepta Scaccario, Scaccarium inferius: 1) Clericus brevium, Clerk of the writs. 2) казначей, Chamberlains, высшій классъ среди низшихъ чиновниковъ завѣдывающій кассой; они назначаются великимъ казначеемъ и придворнымъ казначеемъ короля, и какъ ихъ представители собственно должны носить рыцарское званіе; текущія дѣла возлагаются на особыхъ лицъ, clerici Camerariorum. 3) Clerici Thesaurarii, Treasurer's Clerks, между которыми особеннымъ значеніемъ пользуется Clerk of the Pells, завѣдывающій книгой Magnus Rotulus de Recepta, упоминается въ Henr III, 4) Tellers, собственно кассиры или завѣдывающіе суммами, обыкновенно въ числѣ 4-хъ и болѣе. 5) Pesours и Fusours, низшіе чиновники для взвѣшиванія монеты и провѣрки пробы; эта должность рано дѣлается наслѣдственной, Sergeanties, связана съ земельнымъ пожалованіемъ, можетъ быть передаваема по наслѣдству и раздѣляема между нѣсколькими лицами. Кромѣ того временно нанимаютъ за плату золотыхъ дѣлъ мастеровъ для пробы металла, Essayers, и другихъ нужныхъ лицъ.

этихъ казначействъ имѣетъ *еврейское казначейство*, Scaccarium Iudaeorum, гдѣ засѣдаютъ Custodes или Justiciarii Iudaeorum съ безчисленными низшими чиновниками и множествомъ канцелярій для завѣдыванія разными вопросами въ дѣлахъ judaism'a. Спеціальныя формы дѣлопроизводства и суда, представляемыя намъ этимъ органомъ управленія такъ характерны, что мы не можемъ ярче обрисовать правительственные порядки болѣе поздней поры, именно царствованія короля Іоанна, какъ тѣмъ, что мы скажемъ что все государственное управленіе приняло характеръ еврейскаго казначейства [4]).

---

[4]) О еврейскомъ казначействѣ, Exchequer of Iews, говоритъ Madox I, 221 и слѣд. Онъ высказываетъ предположеніе о первоначальномъ безправіи Евреевъ, которые, аналогично нѣмецкому взгляду на нихъ, какъ на „придворныхъ слугъ“ государя, подлежали всѣмъ тягостямъ безпощаднаго tallagia, сверхъ которыхъ еще изъ нихъ высасывали и выжимали соки всѣми способами, то называя это охраннымъ правомъ, то оккупаціоннымъ. Этотъ фискальный взглядъ прямо выраженъ въ LL. Edw. Conf. § 25: „ipsi Iudaei, et omnia sua regis sunt. Quodsi aliquis detinueritillos vel pecuniam eorum, rex requirat tanquam suum proprium, si vult et potest“. Не будучи persona standi in judicio, не имѣя поземельной собственности, не пользуясь правомъ наслѣдованія, они вполнѣ подлежатъ произволу короля; вотъ почему всякое ихъ домогательство всегда связывается съ цѣлымъ рядомъ произвольныхъ поборовъ и вымогательствъ. Право обжалованія сдѣлокъ съ христіанами тогда только признавалось, если въ архивѣ еврейскаго писца (Chirographer) находился какой нибудь слѣдъ письменнаго договора. Наслѣдованіе имущества разрѣшалось имъ только за уплатой крупнаго fines (такъ, Генрихъ III требуетъ 6000 марокъ съ одной вдовы за наслѣдованіе ею движимаго имущества ея мужа). Поводы и предлоги къ взиманію amerciament безчисленны, каковы, напр. браки безъ разрѣшенія короля. Случалось, что всѣхъ Евреевъ засаживали въ тюрьму, а потомъ отпускали только за тяжкія пени; однажды, напримѣръ, за 66000 марокъ; въ другой разъ, Евреи были отданы въ залогъ графу Корнваллійскому за заемъ на сумму въ 5000 марокъ. Отсюда въ еврейскомъ управленіи безчисленные ransoms, compositions, fines for protectionlicenses. За огромныя суммы они получали крупныя *привиллегіи*. Такъ напр. во второй хартіи Іоанна: ut si Christianus habuerit querelam adversus Iudaeum, sit judicata per p a r e s I u d a e i. Et Iudaei non intrabunt in placitum, nisi coram Nobis etc. На пятомъ году царствованія Іоанна учреждается формальный судъ, изъ legales Christiani et Iudaei. Для этого-то учрежденія выдѣляется особое казначейство, состоящее изъ Custodes или Justiciarii Iudaeorum, въ числѣ которыхъ первоначально Евреи и христіане засѣдаютъ рядомъ, а впослѣдствіи преобладающимъ элементомъ являются христіане, назначаемые грамотами съ большой печатью. Имъ принадлежитъ рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ „Iudaism'a“, какъ-то: провѣрка счетовъ, разрѣшеніе по поводу жалобъ возникающихъ изъ еврейскихъ договоровъ и контрактовъ, споры и недоразумѣнія, касающіеся ихъ участковъ, движимаго имущества, таксаціи, денежныхъ пеней и всякихъ взысканій. Въ числѣ Justiciarii находятся мѣстные чиновники, назначаемые въ округахъ наиболѣе изобилующихъ еврейскимъ населеніемъ. Это такъ наз. Chirografarii и Coffrarii обязаны хранить въ своихъ сундукахъ всякіе документы и письменные договоры, возникающіе изъ сношеній Евреевъ съ Христіанами. Изъ практики этого спеціальнаго казначейства развивается впослѣдствіи спеціально еврейское финансовое право, Low, Assize или Custom of Iudaism; при Ричардѣ I странствующіе судьи начинаютъ также получать соотвѣтствую-

§ 14.

V. Развитіе и упадокъ церковнаго верховенства въ норманскій періодъ.

Совсѣмъ иной ходъ развитія приняла послѣдняя изъ пяти отраслей государственнаго верховенства. Насколько консолидировалась свѣтская государственная власть подъ управленіемъ абсолютнаго короля, настолько же и церковь въ норманскій періодъ подвинулась далѣе въ направленіи римской централизаціи, которая, противопоставивъ королевской власти, какъ равносильную ей, власть папства, уже въ срединѣ указаннаго періода нарушила цѣльность абсолютистской системы.

Вильгельмъ Завоеватель вполнѣ оцѣнилъ значеніе церкви, которая играла до него, при Эдуардѣ Исповѣдникѣ, такую рѣшительную роль и которой тогда принадлежало около трети всѣхъ доходовъ съ земли. Не только при ея содѣйствіи достигалось обладаніе тропомъ, на что́ неоспоримое право давала единственно только санкція папы, но и послушаніе или противодѣйствіе народныхъ массъ въ сильной мѣрѣ зависѣло отъ низшаго духовенства. Для достиженія высшей точки своего значенія ленному государству, съ одной стороны, и церкви, съ другой, было еще необходимо оставаться пока въ союзѣ другъ съ другомъ. Признаніе такого взаимнаго соотношенія выразилось со стороны Завоевателя въ цѣломъ рядѣ уступокъ въ пользу церкви.

Англія приняла *римское богослуженіе* и подчинилась предписаніямъ римскаго престола относительно церковныхъ обрядовъ. Желаннымъ даромъ для Куріи было также обезпеченіе сбора обильной лепты св. Петра въ опредѣленные сроки. Только безбрачіе духовенства встрѣтило еще нѣкоторый пассивный отпоръ, преодолѣть который постепенно удалось лишь начиная со времени Генриха I.

Весьма щедрое *обезпеченіе* церкви, въ лицѣ ея архіепископскихъ и епископскихъ каѳедръ, капитуловъ, монастырей и разныхъ цер-

---

щія инструкціи касательно этого предмета, Capitula de Iudaeis. Въ короткій промежутокъ времени отъ 50 Henr. III до 2 Edw. I (a. 1265—1273) представленъ былъ счетъ въ 420,000 L. de exitibus Iudaismi. Coke Inst II, 89. Всему устройству, однако, кладется неожиданный конецъ съ изгнаніемъ всѣхъ Евреевъ изъ Англіи 19 Edw. I, послѣ чего они въ теченіи 364 лѣтъ считаются изгнанными изъ страны. Число изгнанныхъ Евреевъ простирается до 15060. D'Blessier Tovey, Anglia Iudaica Oxf. 1738, 4., ср. I. M. Iost, Geschichte der Israeliten, Berlin 1820—28, т. 7, стр. 102 — 171. Объ остальныхъ особыхъ казначействахъ и текущихъ выплатахъ въ другихъ мѣстахъ ср. Madox I 262—71.

ковныхъ учрежденій, не только было сохранено за нею, но даже увеличилось благодаря нѣкоторымъ новымъ пожалованіямъ и основанію новыхъ монастырей. Число послѣднихъ умножилось особенно въ правленія Генриха I, Стефана и Генриха II, такъ что въ Notitia Monastica ихъ насчитывается до 300. Въ концѣ періода говорится уже о томъ; что церкви принадлежитъ почти половина земель (т. е. конечно половина земельной ренты съ крупнѣйшихъ ленныхъ участковъ).

Церковная юрисдикція надъ духовными лицами и церковнымъ имуществомъ была признана въ объемѣ, установленномъ обычаемъ, и съ этихъ поръ она и внѣшнимъ образомъ обособляется отъ свѣтскихъ судовъ. Существовавшее, въ англосаксонскій періодъ, совмѣстное присутствованіе епископа и эальдормана на общихъ судебныхъ засѣданіяхъ какъ по дѣламъ духовенства, такъ и мірянъ, въ сильнѣйшей степени противорѣчило духу римскаго церковнаго управленія. Такъ какъ теперь эарлъ уже пересталъ руководить судомъ графства, то совмѣстная дѣятельность епископа и ширгерефа тѣмъ болѣе не могла удовлетворять ни мірянъ, ни духовенство. Внутренній контрастъ между духомъ народнаго суда, съ одной стороны, и церковно-приказнаго, съ другой, постоянно развиваясь, все болѣе давалъ себя чувствовать; вотъ почему на этомъ пунктѣ прежде всего можно было достигнуть желаннаго отдѣленія церкви отъ государства. Этотъ характеристичный для законодательной власти того времени шагъ выразился, подъ конецъ правленія Завоевателя,въ особомъ циркулярномъ предписаніи (writ) къ vicecomites (Charters p. 85), хотя и съ опредѣленною оговоркой, что это должно произойдти «communi concilio et consilio archiepiscoporum et episcoporum et abbatum et omnium principum regni»,

§ 2. Propterea mando et regia auctoritate praecipio, ut nullus episcopus vel archidiaconus de legibus episcopalibus amplius in hundret placita teneant, nec causam quae ad regimen animarum pertinet, ad judicium secularium hominum adducant, sed quicunque secundum episcopales leges de quacunque causa vel culpa interpellatus fuerit, ad locum quem ad hoc episcopus elegerit vel nominaverit veniat, ibique de causa vel culpa sua respondeat, et non sècundum hundret, sed secundum canones et episcopales leges rectum Deo et episcopo suo faciat (Judicium vero in nullo loco portetur, nisi in episcopali sede, aut in illo loco quem ad hoc episcopus constituerit).

Вызовъ сторонъ въ духовные суды, получившіе съ этихъ поръ самостоятельное устройство, производится подъ угрозою церковнаго отлученія: et si opus fuerit ad hoc vindicandum, fortitudo et justitia regis vel vicecomitis adhibeatur. Съ другой же стороны

vicecomes'амъ и королевскимъ фогтамъ воспрещается всякое вмѣшательство въ кругъ дѣятельности названныхъ судовъ. При такомъ раздѣленіи къ этимъ curiae Christianitatis отошли и тѣ свѣтскія дѣла, которыя при прежней совмѣстности суда предоставлялись духовнымъ судьямъ больше изъ чисто внѣшнихъ мотивовъ. Leges episcopales образуютъ здѣсь контрастъ съ Leges Eduardi, обнимая собою все, что до тѣхъ поръ обыкновенно рѣшалось согласно съ правомъ и обычаями духовной власти. Въ самостоятельныхъ отнынѣ духовныхъ судахъ подразумѣвалось само собою руководствованіе jus canonicum, какъ декреталіями, такъ и соборными постановленіями, за исключеніемъ лишь очень немногихъ случаевъ. Такимъ образомъ возникло независимое отъ государственной власти право суда по брачнымъ дѣламъ, по завѣщаніямъ (посредственнымъ образомъ, слѣдовательно, также и по вопросу о законности владѣнія движимымъ имуществомъ и о наслѣдованіи въ немъ), по словеснымъ сдѣлкамъ, по десятинѣ и другимъ сборамъ въ пользу церкви, а также и относительно распредѣленія церковныхъ приходовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникла, съ одной стороны, карательная власть съ цѣлію поддержанія во всей чистотѣ церковнаго ученія, и дисциплины, равно какъ и по отношенію къ двоеженству, кровосмѣшенію, распутству и инымъ проступкамъ противъ нравственности, и, съ другой, все болѣе обособляющаяся начальственная власть надъ всѣмъ духовнымъ персоналомъ въ его совокупности. Оставалось присоединить къ этому лишь право аппелляціи на рѣшенія духовныхъ судовъ въ Римъ и активное вмѣшательство папскихъ легатовъ, чтобы въ предѣлахъ государственнаго устройства выдѣлилась особая власть, обладающая почти суверенными правами *).

Возможность такого исхода хорошо понялъ Завоеватель и попытался предотвратить его посредствомъ слѣдующихъ, старыхъ и новыхъ мѣръ.

I. Унаслѣдованныя отъ англосаксонскаго періода суверенныя пра-

---

*) Выдѣленіе *духовной юрисдикціи* въ вѣдѣніе *особыхъ судовъ* послѣдовало во время внѣшняго разлада въ странѣ, когда провозглашеніе норманнскаго военноленнаго права въ качествѣ основнаго закона государства встрѣчало еще отпоръ. Отсюда становится понятнымъ, что Завоеватель рѣшился на уступку, которая удовлетворяла настоятельнѣйшему требованію его высшаго духовенства и сдѣлала возможнымъ вскорѣ за этимъ послѣдовавшій въ Салисбери великій актъ принесенія присяги въ вѣрности. Содержаніе королевскаго постановленія объ отдѣльномъ духовномъ судоустройствѣ само по себѣ ясно. Слово hundret, конечно, должно обозначать мѣсто засѣданія свѣтскаго суда, въ которомъ происходили также и судебныя разбирательства суда графства. Но самостоятельность этой curia christianitatis не исключала обязанности духовенства, въ качествѣ коронныхъ вассаловъ, принимать участіе въ отправленіи правосудія (secta regis). То, что содержится по этому поводу въ LL. Henr. 7 § 2, соотвѣтствовало ленному обычному праву.

ва государственной власти относительно церкви были удержаны, въ особенности же утвержденіе королемъ соборныхъ постановленій. Такъ мы знаемъ, что еще въ 1108 г. canones церковнаго собора въ Лондонѣ были приняты «въ присутствіи короля съ согласія его вассаловъ». Въ 1127 г. король Генрихъ даетъ свое согласіе на всѣ принятыя на одномъ изъ церковныхъ соборовъ постановленія и утверждаетъ ихъ въ силу своей верховной королевской власти (Stubbs I, 374). Въ силу королевскаго права давать предписанія, воспрещается духовнымъ лицамъ удаляться за предѣлы государства безъ разрѣшенія отъ короля, признавать папу помимо королевскихъ указаній, обнародовать получаемыя изъ Рима посланія, прежде чѣмъ онѣ будутъ разсмотрѣны и одобрены королемъ, и наконецъ подвергать церковному отлученію кого бы то ни было изъ коронныхъ вассаловъ безъ дозволенія короля. Также и право назначенія въ епископы и аббаты осталось нетронутымъ. Самыя назначенія происходятъ теперь обыкновенно во время торжественныхъ собраній при дворѣ, по выслушаніи мнѣнія знатныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, лицъ. Весьма часто въ епископы назначается королевскій капелланъ и, во всякомъ случаѣ, лицо пользующееся личнымъ довѣріемъ короля. Въ придачу къ этому старинному порядку вещей Завоеватель создалъ еще слѣдующее новое и весьма важное нововведеніе:

II. Соотвѣтственно верховной власти короля, какъ феодальнаго сюзерена надъ всей землей въ государствѣ, *крупное землевладѣніе* духовенства считается пожалованнымъ на одинаковомъ владѣльческомъ правѣ, *какъ и баронскія и рыцарскія помѣстья*, или, другими словами, со всею тяжестью ленной службы, участія въ отправленіи леннаго правосудія и, наконецъ, платежа ленныхъ податей. Сказанное нашло себѣ приложеніе относительно земельныхъ владѣній почти ста пятидесяти епископствъ, капитуловъ, аббатствъ и значительнѣйшихъ приходскихъ церквей (но не касалось священнической земли, десятины, приношеній на церковь и ставленническихъ пошлинъ въ обыкновенныхъ приходахъ). Такимъ образомъ была разрѣшена старая проблема англо-саксонскаго военнаго устройства (см. выше 95 стр.). Включеніе обширнаго землевладѣнія духовенства, въ видѣ нѣсколькихъ тысячъ земельныхъ участковъ, въ ленный списокъ было шагомъ чрезвычайной важности и тѣмъ болѣе популярнымъ, что значительнѣйшіе епископства и монастыри были этимъ вынуждены къ раздачѣ леновъ отъ себя подвассаламъ, и въ этой формѣ были сохранены нѣкоторыя старыя владѣльческія отношенія саксонскихъ тановъ, иныя же возникли за ново. Такое уравненіе настоятельно требовалось интересами свѣтскихъ землевладѣльцевъ. А церковь и не могла домогаться

бо́льшаго, чѣмъ равенства съ наиболѣе привиллегированнымъ видомъ землевладѣнія. Правительство же въ свою, очередь, старалось съ нѣкоторою осторожностью осуществить этотъ новый порядокъ. Такъ нѣкоторые монастыри удержали за собой свои унаслѣдованныя иммунентныя права въ качествѣ tenures of frankalmoign. Часть ленныхъ повинностей оставалась обыкновенно въ недоимкахъ, но къ этому относились снисходительно. Въ продолженіе довольно долгаго времени въ счетныхъ дѣлахъ казначейства причитавшіяся съ прелатовъ щитныя деньги дѣлились на два разряда— на «quae recognoscunt» и на «quae non recognoscunt», при чемъ послѣднія обыкновенно вовсе не взыскивались. При обычномъ ходѣ дѣлъ отъ землевладѣльцевъ изъ духовенства вообще не требовалось личной службы въ войскѣ, и для нихъ именно впервые было допущено право откупаться деньгами отъ обязательной для ленника военной службы. Также замѣчается стремленіе щадить духовенство и въ отношеніи aids, amerciaments и наложеніе секвестра **).

Ш. Благодаря указанной мѣрѣ, *также и всѣ прочія верховныя королевскія права пріобрѣтаютъ силу по отношенію къ духовенству.*

Призывъ къ военной службѣ всѣхъ церковныхъ вассаловъ производится въ обычной формѣ т. е. обыкновенно чрезъ вице-комеса и сопровождается одинаковыми послѣдствіями. Такъ изъ счетныхъ дѣлъ казначейства явствуетъ, что епископы и аббаты, въ случаѣ неисполнительности съ ихъ стороны, также подвергались пенѣ и ихъ имѣнія секвестрировались. При Генрихѣ III встрѣчаются случаи привлеченія духовныхъ лицъ даже къ личной службѣ въ войскѣ (ср. § 24, прим. 6).

Судебному верховенству короля высшее и низшее духовенство также было подчинено, въ той мѣрѣ, въ какой оно было обязано

**) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Фримана и Стеббса, такое перенесеніе всей совокупности норманнскихъ ленныхъ отношеній на церковное землевладѣніе совершалось, впрочемъ, далеко не такъ просто, такъ какъ теорію утраты правъ на владѣніе землей со стороны „мятежниковъ“ и „выкупа“ (redemption) конфискованныхъ земель прочими землевладѣльцами нельзя было примѣнить къ землевладѣнію церковныхъ корпорацій. Только со времени великаго принесенія присяги въ Сольсбери, изъ правоваго акта пожалованія лена и изъ приносимой ленникомъ присяги былъ сдѣланъ выводъ о *всеобщей* обязательности соблюденія ленникомъ вѣрности, уплаты ленныхъ повинностей и ленныхъ пошлинъ; также многое указываетъ на то, что при Вильгельмѣ Рыжемъ пресловутый Фламбардъ *всѣ* вытекавшія изъ леннаго права послѣдствія примѣнилъ и къ церковнымъ владѣніямъ. Вся дѣятельность казначейства, кларендонскія постановленія, наконецъ вполнѣ развитая теорія англійскаго леннаго права, какъ оно является въ сводѣ Гланвиллы, указываетъ на полное подведеніе церковнаго землевладѣнія подъ общій типъ (Stubbs I, 298, 299; III, 357 и др.). Въ связи съ этимъ стоитъ энергическое стараніе удержать право инвеституры относительно крупнаго землевладѣнія духовенства, что было одинаково въ интересѣ, какъ короны, такъ и свѣтскихъ вассаловъ.

участвовать при отправленіи правосудія (secta regis), какъ въ судахъ графствъ, такъ и въ судебныхъ коммиссіяхъ, назначаемыхъ непосредственно королемъ. И только вслѣдствіе большей снисходительности на практикѣ, для духовныхъ допускалась замѣна себя особыми представителями на съѣздахъ графства, а обязательность личнаго участія въ постановленіи судебныхъ рѣшеній ограничивалась одною curia Regis, хотя и въ этой послѣдней прелаты освобождаются въ случаяхъ приговора къ смертной казни. Они пассивно, въ качествѣ *коронныхъ вассаловъ*, остаются подчиненными королевскому суду. «Я осуждаю не духовное лицо и не служителя Господа, а моего графа, котораго я поставилъ надъ моимъ царствомъ», сказалъ Вильгельмъ I, собственноручно арестуя своего брата, епископа Одо.

Вслѣдствіе судебнаго верховенства свѣтской власти духовенство съ его подвассалами подчиняется послѣдней и въ *полицейскомъ* отношеніи; изъ документовъ казначейства видно, что всѣ новѣйшія полицейскія постановленія и мѣры по взысканію денежныхъ штрафовъ (amerciaments) приводились въ исполненіе даже и противъ членовъ высшаго духовенства.

Въ тѣхъ же документахъ изъ норманнскаго періода сильно сказывается и *финансовое верховенство* короля въ отношеніи къ духовенству. Денежныя претензіи короля къ лицамъ духовнаго сана удовлетворяются прежде всего взятіемъ въ залогъ соотвѣтствующей доли лена; а за неимѣніемъ таковаго власть обращается къ епископу съ требованіемъ о представленіи въ залогъ церковнаго beneficium, съ оговоркою, что «въ противномъ случаѣ король удержитъ за собой баронію епископа». На церковь распространены также и всѣ побочные ленные повинности—relevia, auxilia, scutagia. Естественно отсутствующіе здѣсь доходы съ опекъ и браковъ король восполняетъ, удерживая за собой доходы (temporalia) не занятыхъ епископскихъ каѳедръ, которыя при Вильгельмѣ Рыжемъ оставались вакантными иногда въ продолженіи пяти лѣтъ. Само собой разумѣется, что на духовенствѣ остается также и старинное общинное бремя, такъ назыв. trinoda necessitas, вновь получившая значеніе вслѣдствіе возстановленія земской милиціи при Генрихѣ II.

Завоеватель разсчитывалъ, что, благодаря сказаннымъ мѣрамъ, сила королевскаго авторитета была обезпечена, не смотря на допущенную отдѣльность церковной юрисдикціи, и, дѣйствительно, первые три государя норманнскаго періода, имѣя такого рода опору, сохранили свое господство надъ церковью. Споръ за инвеституру при Генрихѣ I завершился взаимнымъ соглашеніемъ въ томъ смыслѣ, что король вполнѣ удержалъ за собой значеніе сюзерена, хотя и отказался отъ пожалованія кольца и жезла.

Но похищеніе престола Стефаномъ повело къ глубокому потрясенію королевской власти. Въ вынужденной присягѣ короля ясно выражена исключительность епископской юрисдикціи; вмѣшательство же папскихъ легатовъ и аппеляціи въ Римѣ достигаютъ неслыханныхъ прежде размѣровъ, такъ что преемнику Стефана предстояла нелегкая задача возстановленія прежняго порядка вещей.

Спустя сто лѣтъ по завоеваніи, въ царствованіе Генриха II, церковь и государство оказались на *поворотномъ пунктѣ* ихъ взаимоотношеній, при чемъ церковь являлась въ гораздо выгоднѣйшемъ положеніи и была несравненно популярнѣе, чѣмъ въ началѣ норманнскаго періода. Все то, что церковь утратила вслѣдствіе своей подчиненности норманнской ленной монархіи, она успѣла снова вернуть себѣ на почвѣ нравственнаго вліянія, такъ какъ къ прежнимъ задачамъ, составлявшимъ, признаніе церкви, присоединилась теперь еще новая. При раздорѣ, существовавшемъ между отдѣльными національностями въ странѣ она являлась ихъ естественною посредницей, ближайшею заступницей угнетеннаго саксонскаго элемента, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла собою единственную силу, съ которой норманскіе короли на придворныхъ съѣздахъ и сеймахъ иногда вынуждены были считаться и вступать на путь переговоровъ. Если высшія должности прелатовъ и доставались лицамъ норманнскаго происхожденія, то тѣмъ не менѣе главная масса духовенства по прежнему принадлежала къ саксонскому населенію. Саксонскіе clerks главнымъ образомъ составляли наличный персоналъ норманнской канцелярской администраціи. Необходимые для владѣвшихъ однимъ французскимъ языкомъ бароновъ въ качествѣ переводчика они были нелишенные вліянія ходатаи за униженные слои народной массы. Сословный духъ духовенства достаточно развился для того, чтобы при всей племенной розни церковь являлась какъ прочное и единое цѣлое, которое потому и не могло предоставить себя въ распоряженіе преобладающаго дворянскаго сословія. Въ виду такихъ обстоятельствъ получаетъ глубокое значеніе тотъ фактъ, что Генрихъ II призвалъ на архіепископскую каѳедру человѣка, подобнаго Томасу Бекету, не принадлежавшаго по своему происхожденію ни къ норманнской національности, ни къ господствующему классу ***).

***) Нѣкоторое время вліяніе духовенства ослаблялось вслѣдствіе возникшаго въ средѣ самого духовенства внутренняго разлада. Съ 1070 г. Завоеватель замѣстилъ сперва лишь обѣ архіепископскія каѳедры, кэтерберійскую и іоркскую, лицами изъ норманнскаго духовенства; но постепенно тоже самое произошло и съ важнѣйшими аббатствами. Возникло весьма странное положеніе, при которомъ высшіе представители духовенства не въ состояніи были объясняться съ своею паствой на понятномъ для нея языкѣ. Нерасположеніе саксонскаго населенія къ иноземнымъ правамъ и языку сказалось теперь и относительно высшаго духовенства. Между многочисленными parvenus того времени встрѣчались также и

Среди столь измѣнившихся обстоятельствъ Генрихъ II увидѣлъ себя вовлеченнымъ въ рѣшительную борьбу съ церковною властью, къ концу которой ему, однакожь, не удалось вновь возстановить полнаго господства государства надъ церковью. Всюду послѣдняя, съ своимъ собственнымъ правосудіемъ и отдѣльною администраціей (jurisdictio), противостояла суду и администраціи свѣтской власти. Принципъ «отдѣленія» церкви отъ государства имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ продолженіи трехъ поколѣній низшее духовенство во всѣхъ правовыхъ и дисциплинарныхъ вопросахъ руководилось исключительно каноническимъ правомъ, идеалъ же свой видѣло въ полномъ обособленіи отъ мірянъ, при чемъ весьма значительная доля духовенства, преимущественно въ средѣ монашескихъ орденовъ, рѣшительно перешла на сторону Рима. Между тѣмъ какъ свѣтское правительство было ненавидимо за свои фискальныя мѣры, церковь, не опасаясь ничего подобнаго, пользовалась напротивъ популярностью на равнѣ съ прочими опозиціонными силами, направленными противъ абсолютистской системы правленія. Генрихъ II не надѣялся, при подобныхъ обстоятельствахъ, возстановить королевскія права иначе, какъ при содѣйствіи могущественнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ особъ свѣтскаго званія. Поэтому въ 1164 г. всѣ безъ исключенія знатнѣйшіе коронные вассалы и прелаты были собраны имъ въ Кларендонъ и Норсамптонъ на чрезвычайный придворный совѣтъ, формально созванный въ качествѣ cour de baronie. При открытіи перваго собранія, въ январѣ 1164 г., было внесено и принято 16 статей, предметъ которыхъ составляли установленныя обычаемъ права королевской власти, касающіяся ея церковнаго верховенства. Важнѣйшая—XI-я статья гласила:

Archiepiscopi, episcopi et universae personae regni, qui de rege tenent in capite, habeant possessiones suas de rege, sicut baroniam; et inde respondeant justitiariis et minist-

---

искатели приключеній изъ духовнаго званія. Тѣмъ не менѣе важнѣйшія духовныя должности были занимаемы, на сколько можно судить, лицами вполнѣ достойными своего сана. Въ англо-норманнской церкви также вполнѣ ясно замѣчаются и обыденная дѣятельность духовенства въ церковной сферѣ, и сознаніе солидарности по отношенію къ своеволію и насиліямъ воинственныхъ вассаловъ, и могучій сословный духъ. Но рядомъ съ этимъ, въ первое столѣтіе, чувствуется также и сильное личное вліяніе короля на его прелатовъ, назначавшихся большею частію изъ придворныхъ капелановъ и королевскихъ секретарей. „Сплоченность церкви въ продолженіе поколѣній служила замѣной недоставшей племенной сплоченности, достигнуть которой еще не могли Angli и Franci. Церковь была національною какъ въ томъ, что она возсоединяла, такъ и въ томъ, что она исключала. Употребленіе родной рѣчи въ молитвѣ и проповѣди, соблюденіе національныхъ праздниковъ, равно какъ и почитаніе національныхъ святыхъ продолжаются неизмѣнно, сохраняя необыкновенную устойчивость, сломить которую не въ силахъ былъ никакой норманнскій деспотизмъ.“ (Stubbs I, 245).

ris regis et sequantur et faciant omnes consuetudines regias, et sicut caeteri barones debent interesse judiciis curiae domini regis, cum baronibus, usque preveniatur in judicio ad diminutionem membrorum vel mortem.

Такимъ образомъ здѣсь 1) снова провозглашалась какъ *ленная юрисдикція, такъ и всѣ ленныя обязанности* духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ признавалось въ принципѣ и карательное право свѣтской власти надъ духовными лицами. При допросѣ лицъ, обвиняемыхъ въ духовномъ преступленіи церковнымъ судомъ, долженъ находиться также представитель свѣтскаго правосудія, и по изобличеніи въ преступленіи подсудимый уже не могъ долѣе пользоваться защитою церкви. Ленники короля могутъ быть подвергнуты церковному отлученію не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго судебнаго слѣдствія и согласія королевскаго суда. 2) Кромѣ того подтверждается во всей силѣ *значеніе короля какъ высшей аппелляціонной судебной инстанціи* въ предѣлахъ англійскаго королевства и воспрещается тяжущимся сторонамъ ulterius procidere т. е. аппеллировать къ папскому престолу безъ спеціальнаго на то разрѣшенія: art. VIII: De appellationibus, si emerserint, ab archidiacono debent procedere ad episcopum, et ab episcopo ad archiepiscopum. Et si archiepiscopus defecerit in justicia exhibenda, ad dominum regem perveniendum est postremo, ut praecepto ipsius in curia archiepiscopi controversia terminetur, ita quod non debet ulterius procedere absque assensu domini regis. 3) Въ особенности же теперь получаютъ формальное признаніе королевскія права при назначеніи на *вакантныя епископскія и аббатскія мѣста*. Доходы вакантныхъ каѳедръ поступаютъ въ королевское казначейство до тѣхъ поръ пока не послѣдуетъ новое избраніе. Формально это послѣднее происходитъ въ королевской капеллѣ и съ согласія короля, и тамъ же electus обязанъ, прежде своего посвященія въ санъ, присягнуть въ вѣрности королю, какъ своему сюзерену за полученный отъ него свѣтскій ленъ.

Эти и подобныя имъ основныя начала были выработаны на основаніи соотвѣтственныхъ прецедентовъ и, въ качествѣ «установленнаго обычаемъ» права, казались настолько неоспоримыми, что ихъ не колеблясь признали какъ епископы, такъ и свѣтскіе коронные вассалы. Томасу Бекету также были извѣстны эти основные принципы, примѣнявшіеся имъ въ продолженіе его многолѣтняго канцлерства; поэтому и онъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, былъ вынужденъ, хотя и не безъ внутренняго отвращенія, признать ихъ и обѣщать соблюдать сказанныя статьи legitime и bonafide.

Но когда, тѣмъ не менѣе, онъ не прекратилъ своей оппозиціи, опираясь на оговорку «salvo jure ecclesiae» и на авторитетъ папы, король съумѣлъ создать рѣшительный по своему значенію прецедентъ, добившись того, что составленный изъ многочисленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ коронныхъ вассаловъ судъ, 17 октября 1164 г., присудилъ примаса государства къ mesericordia regis, которая въ обычномъ порядкѣ и была смягчена королемъ до степени amerçiament въ 500 фунтовъ. Однакожъ плоды этой съ трудомъ достигнутой побѣды были утрачены вслѣдствіе слишкомъ страстнаго и придирчиваго образа дѣйствій короля и въ особенности вслѣдствіе насильственнаго исхода спора, завершившагося мученическою смертью Бекета. Такъ что по окончательномъ примиреніи были сдѣланы церкви уступки по главнѣйшимъ пунктамъ, и именно относительно аппелляціи къ римскому престолу. Въ позднѣйшихъ статьяхъ, между прочимъ, папскому легату была сдѣлана та важная уступка, что съ этихъ поръ *ни одно духовное лицо* уже не можетъ предстать *предъ свѣтскимъ судьей* ни за какое *преступленіе*, хотя бы оно стояло въ связи съ его владѣніемъ свѣтскимъ леномъ или съ нарушеніемъ правъ охоты. Свѣтская власть отступилась и отъ многаго другого, что составляло предметъ недовольства церкви. При дальнѣйшемъ своемъ развитіи уступка относительно отдѣльнаго судопроизводства привела къ привиллегіи смягченнаго способа наказанія или къ такъ назыв. benefit of clergy.

При королѣ Іоаннѣ римская курія идетъ еще дальше и, пользуясь споромъ между королемъ и кентэрберійскимъ капитуломъ, успѣваетъ даже провести назначеніе примаса одной папской властью, а при дальнѣйшемъ ходѣ упомянутаго столкновенія добивается права свободнаго каноническаго избранія епископовъ, равно какъ и получаетъ верховное сюзеренство надъ англійской короной.

Такимъ образомъ ахиллесовой пятой абсолютизма явилось занятое имъ положеніе въ отношеніи церкви. Въ исходѣ разсматриваемаго періода прежнее положеніе высшаго духовенства совершенно измѣняется. Между тѣмъ какъ прежде король могъ быть увѣреннымъ, что епископскія мѣста будутъ заняты лично ему извѣстными и преданными прелатами, съ этаго времени контингентъ лицъ, стоящихъ во главѣ церковнаго управленія, опредѣляется исключительно церковно-сословнымъ духомъ посредствомъ строго-каноническаго способа избранія. Въ особенности грамота отъ 15 января 1214 г. (Charters 288) о свободѣ церковныхъ выборовъ оказывала непрерывное вліяніе въ продолженіи послѣдующихъ столѣтій. Въ ней сказано:

«Что на будущее время, въ предѣлахъ нашего англійскаго королевства, должна быть свобода всякаго рода выборовъ какъ выс-

шихъ, такъ и низшихъ прелатовъ, съ оставленіемъ за нами обычной custodia тѣхъ изъ вакантныхъ церквей и монастырей, которыя составляютъ нашу собственность. Мы обѣщаемъ также, что *никто* не долженъ мѣшать сказаннымъ выборамъ, и никакія помѣхи тому не должны быть допускаемы нами, и не будемъ мы возбуждать о томъ никакихъ споровъ; но во всѣхъ упомянутыхъ церквахъ и монастыряхъ, съ наступленіемъ ваканціи въ прелатурѣ, *избиратели должны свободно выбрать кого бы они ни пожелали*, испросивъ предварительно у насъ и у нашихъ преемниковъ licentiam agendi, въ которой мы не будемъ ни отказывать имъ, ни дѣлать проволочекъ. Буде же мы въ этомъ случаѣ уклонимся или откажемъ или замедлимъ въ нашемъ соизволеніи, то избиратели *тѣмъ не менѣе могутъ приступить* къ своимъ каноническимъ выборамъ и, по совершеніи оныхъ, тѣмъ же порядкомъ обратятся къ намъ за полученіемъ нашего согласія, въ которомъ точно также *не будемъ отказывать*, если только противъ этого нами не будетъ представлена и, сообразно съ закономъ, доказана rationalis causa, въ силу которой мы не могли бы дать наше согласіе.» Эта-то Charter of liberty, снова подтвержденная въ 25 Edw. I. st. 6 § 2, оказывала весьма значительное вліяніе на измѣненіе характера англійской прелатуры до самаго конца среднихъ вѣковъ. Вскорѣ за тѣмъ, при Генрихѣ III, папское могущество въ Англіи достигаетъ своей высшей точки развитія, что, правда, благодаря чрезмѣрному наплыву чужеземнаго духовенства, въ свою очередь вызвало реакцію со стороны землевладѣльческой gentry, выступившей въ качествѣ церковныхъ патроновъ. Вліяніе же короля сводится теперь на пользованіе доходами (temporalia) епископскихъ каѳедръ за все время пока онѣ остаются не замѣщенными и на чистонравственное значеніе ленной присяги, съ помощью которой посредствомъ удержанія помянутыхъ temporalia дѣлалось возможнымъ дать отпоръ «тѣмъ положеніямъ и пунктамъ въ папскихъ буллахъ, которыя оказались бы несовмѣстными съ прерогативами короля и съ законами страны». Но все вмѣстѣ, однако, наноситъ сильный ударъ идеѣ абсолютизма. Ослабленіе церковнаго верховенства создало первую брешь, чрезъ которую, вмѣстѣ съ Magna Charta, вступили зачатки права народнаго представительства.

Ходъ развитія церковныхъ несогласій въ норманнскій періодъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошимъ мѣриломъ внутренней силы королевскаго абсолютизма, и поэтому его послѣдовательное изложеніе является здѣсь вполнѣ цѣлесообразнымъ.

При *Вильгельмѣ I* уступки относятся только до ближайшихъ желаній церкви: отдѣленія духовнаго суда, лепты св. Петра, умѣреннаго примѣненія безбрачія. Вильгельмъ также ничего не имѣлъ

возразить и противъ догмата о пресуществленіи. Но за то онъ гордо и рѣшительно отклонилъ заявленное Григоріемъ VII притязаніе на верховное сюзеренство и на принесеніе ему присяги въ вѣрности. Онъ поддерживалъ во всей ихъ неприкосновенности свои верховныя права относительно церкви во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ, обезпечивъ себѣ пользованіе сказанными правами обязательностью какъ королевскаго placet для обнародованія всякаго рода папскихъ посланій, такъ равно и согласія короля относительно постановленій соборовъ, различныхъ духовныхъ каноновъ и также случаевъ отлученія отъ церкви кого-либо изъ королевскихъ вассаловъ. Eadmer, Hist. p. 6; Wilkins, Concilia I, 199.

Вильгельмъ II злоупотреблялъ своими фискальными правами также и противъ церкви,—такъ, между прочимъ, при немъ архіепископская каѳедра въ Кентэрбери остается не занятой около пяти лѣтъ, а вскорѣ за тѣмъ у него возникаетъ споръ съ архіепископомъ Ансельмомъ изъ-за ленной присяги, при чемъ и духовные и свѣтскіе вассалы одинаково становятся на его сторону. На соборѣ 1097 г. состоялось рѣшеніе, въ силу котораго «архіепископъ былъ обязанъ выѣхать изъ предѣловъ государства въ одиннадцатидневный срокъ».

Генрихъ I, хитростью завладѣвшій короной, помимо своего старшаго брата Роберта, нуждался въ поддержкѣ духовенства и потому призвалъ обратно архіепископа Ансельма, который вторично отказался отъ принесенія ленной присяги. Послѣ продолжительнаго спора, на соборѣ 1107 г. Генрихъ I, въ силу верховной королевской власти, объявляетъ, что инвеститура жезломъ и кольцомъ, бывшая символомъ передачи *духовной* должности со стороны короля или иного свѣтскаго сюзерена, на будущее время отмѣняется.

При *Стефанѣ* произвольное присвоеніе имъ короны и въ послѣднемъ вопросѣ произвело путаницу. Широковѣщательными обѣщаніями Стефанъ успѣваетъ привлечь на свою сторону высшее духовенство, нарушившее всѣ свои обязательства, принятыя имъ уже прежде въ пользу императрицы Матильды; но въ послѣдствіи оно совершенно также отступается и отъ короля Стефана. Уже въ 1138 г. дошло до того, что на синодѣ въ Вестминстерѣ папскій легатъ обнародываетъ 16 каноновъ и забираетъ въ свои руки руководство выборами для замѣщенія кентэрберійской архіепископской каѳедры. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ папскій престолъ становится аппелляціонной инстанціей для всѣхъ судящихся сторонъ.

Генрихъ II, видя себя въ затруднительномъ положеніи, надѣялся обезпечить королевскія прерогативы избраніемъ своего любимца и канцлера, Томаса Бекета, но тотчасъ же встрѣтилъ въ немъ честолюбиваго, энергичнаго и равносильнаго противника. Въ 1164 г.,

на съѣздахъ въ Кларендонѣ и Норсамптонѣ принципіальный споръ былъ улаженъ подъ условіемъ особаго соглашенія, при чемъ магнаты, свѣтскіе и духовные, опять оказались на сторонѣ короля. Въ 16 кларендонскихъ постановленіяхъ сжато формулируются королевскія верховныя права въ духѣ леннаго государственнаго устройства. Но во время дальнѣйшихъ несогласій, вслѣдствіе возбужденности страстей, полученныя выгоды были въ значительной степени снова утрачены. Одно необдуманное выраженіе короля послужило поводомъ къ умерщвленію архіепископа. Подъ нравственнымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ этой мученической смертью, Генрихъ II, для возстановленія мира съ церковью, былъ вынужденъ въ 1172 г., въ присутствіи папскихъ легатовъ и множества собравшихся свѣтскихъ и духовныхъ ленныхъ владѣльцевъ, дать клятвенное обѣщаніе «впредь дозволить bona fide аппеллировать къ папѣ и устранить установившіеся въ его правленіе дурные обычаи и порядки, противные церкви.»

Первое столѣтіе норманскаго періода привело обѣ враждовавшія другъ съ другомъ власти въ состояніе приблизительнаго равновѣсія. Но послѣ Генриха II могущество королевской власти также прогрессивно падаетъ, какъ, съ другой стороны, возростаетъ власть папства до высшей всемірноисторической точки ея развитія при Иннокентіи III, совпадающей съ жалкимъ царствованіемъ короля Іоанна. Вслѣдъ за унизительнымъ подчиненіемъ Іоанна и послѣдовавшимъ за тѣмъ утвержденіемъ его власти уже въ качествѣ папскаго вассала, положеніе разрѣшается при помощи Magna Charta (1215 г.).

Приведемъ теперь сжатый обзоръ хода развитія *существеннѣйшихъ спорныхъ пунктовъ* этого періода:

I. *Безбрачіе бѣлаго духовенства.* При Вильгельмѣ I оно признается сначала лишь подъ условіемъ предоставленія права уже женатымъ лицамъ духовнаго званія продолжать сожительствовать съ ихъ женами (1076 г.) Но съ этого времени церковныя постановленія становятся все строже и строже, и число canones касающихся безбрачія чрезмѣрно увеличивается. Такъ каноны 1107 г. содержатъ положительное предписаніе женатымъ духовнымъ разлучиться съ женами, равно какъ и распоряженіе о томъ, чтобы сыновья священниковъ ни въ какомъ случаѣ не могли «наслѣдовать» священническія мѣста своихъ отцовъ. Но уже въ слѣдующемъ году папа Пасхалисъ II издаетъ посланіе, освобождающее отъ исполненія постановленія о расторженіи брака, «такъ какъ его осуществленіе въ Англіи было бы весьма неумѣстно, въ виду того, что тамъ наилучшая и большая часть духовенства именно такова» (т. е. женатые). Въ 1126 г. на великомъ церковномъ соборѣ въ Вестминстерѣ (на которомъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ пап-

скій легатъ) съ особеннымъ усердіемъ отстаивалъ «immaculata castitas» легатъ Іоаннъ изъ Кремы, хотя по причинѣ скандальнаго нарушенія цѣломудрія имъ же самимъ, онъ вскорѣ былъ вынужденъ тайкомъ поспѣшно убраться изъ Англіи. Huntingdon 219; Hoveden 274; Knyghton 2382. Въ 1129 г. думали было наконецъ провести запрещеніе духовенству вступать въ бракъ, предоставивъ приведеніе въ дѣйствіе этой мѣры самому королю; однакожь Генрихъ I ограничился въ данномъ случаѣ лишь тѣмъ, что дозволилъ каждому clericus сожительствовать съ женой, если имъ будетъ уплачена особая пошлина (fine). И только въ XII-мъ вѣкѣ Римъ, пользуясь своимъ все возроставшимъ могуществомъ, успѣлъ, наконецъ, дѣйствительно добиться безбрачія духовенства.

II. *Споръ за инвеституру* возникъ при Вильгельмѣ II вслѣдствіе отказа архіепископа Ансельма принять отъ короля жезлъ и кольцо, которыми до тѣхъ поръ король же обыкновенно жаловалъ прелатовъ. На совѣщательномъ собраніи 1095 г. даже сами епископы явились сторонниками установленнаго обычая. Но именно по этому поводу уже въ 1098 г. былъ торжественно обнародованъ церковный канонъ, направленный противъ инвеституры мірянами, и Генрихъ I, вслѣдствіе совершеннаго имъ захвата трона, не былъ въ состояніи отклонить вмѣшательство папы въ этотъ вопросъ. Не смотря на противорѣчіе свѣтскихъ вассаловъ, король удовольствовался тѣмъ, что Ансельмъ изъявилъ согласіе отмѣнить отлученіе отъ церкви, объявленное противъ прелатовъ получившихъ королевскую инвеституру. Когда же, наконецъ, этотъ вопросъ былъ подвергнутъ принципіальному рѣшенію на соборѣ въ Лондонѣ, то король положилъ конецъ спору, объявивъ въ силу личной верховной власти: «что впредь ни король, ни иной свѣтскій сюзеренъ не долженъ никому жаловать епископство или аббатство посредствомъ врученія ему *перстня* и *пастырскаго жезла*, но съ другой стороны и никому изъ достигшихъ избранія въ прелаты не должно быть отказываемо въ посвященіи по причинѣ homagium, принесеннаго имъ королю». Такимъ образомъ произошло дробленіе права инвеституры, до тѣхъ поръ принадлежавшаго исключительно королю. Согласно состоявшемуся теперь компромиссу *избраніе* перешло въ руки капитуловъ, *посвященіе въ санъ* — въ руки архіепископа съ участіемъ епископовъ, пожалованіе *свѣтскихъ* помѣстій и свѣтской власти осталось за королемъ. Выборы съ этихъ поръ производятся въ помѣщеніи капитула каѳедральной церкви, куда и сообщаются королевскія желанія въ формѣ посланія или чрезъ особаго посланца (а не въ видѣ прямого «приказанія», какъ прежде). Если electus получалъ королевскій «assent», то выборы, послѣ предварительной повѣрки, утверждались архіепископомъ. Прежде или послѣ посвященія епископъ по-

лучалъ отъ короля право на присвоенные ему доходы (temporalia) и приносилъ ему присягу въ вѣрности, замѣнявшую homagium и fealty лорда изъ мірянъ. (Stubbs III, 295.-296.)

III. *Назначеніе епископовъ* королемъ составляло до такой степени не допускавшій сомнѣній, твердо установившійся обычай, что въ первое столѣтіе едва ли и могъ бы возникнуть противъ него какой-либо протестъ. Только при избраніи примаса Англіи вступаетъ въ свои права завершившаяся теперь, въ своихъ характеристическихъ чертахъ, государственная самостоятельность церкви, причемъ вѣроятно ссылались на прецеденты, свидѣтельствовавшіе, что при назначеніи главы англійской церкви одинаково выслушивались голоса капитула и епископовъ. При избраніи архіепископовъ Ланфранка, Ансельма и Радульфа (1070—1121 г.) инициатива принадлежала еще королямъ, которые уже потомъ только освѣдомлялись о мнѣніи пріора и всего избирательнаго конвента. Начавшійся при Генрихѣ I жаркій споръ «монаховъ» (канониковъ) съ епископами длится за тѣмъ цѣлое столѣтіе. По умерщвленіи Томаса Бекета выборъ падаетъ на двухъ лицъ, и возникшее отсюда несогласіе разрѣшается папой, который на основаніи этого прецедента заявляетъ притязаніе на утвержденіе вообще всѣхъ епископскихъ выборовъ. Въ заключеніе этотъ избирательный вопросъ разрѣшается Иннокентіемъ III, на перекоръ епископамъ, въ пользу кентэрберійскихъ канониковъ. Въ теченіи спора королевское право все болѣе сводилось на простое утвержденіе избраннаго лица въ его епископскомъ званіи, такъ что въ концѣ XII столѣтія участіе обѣихъ сторонъ довольно опредѣленно регулируется именно въ этомъ смыслѣ. Согласіе короля считается безусловно необходимымъ; но въ тоже время формально признается избирательное право капитула и утвержденіе со стороны архіепископа. Право папы давать рѣшеніе въ спорныхъ случаяхъ пріобрѣтаетъ силу благодаря многимъ прецедентамъ; однакожь при спорныхъ выборахъ въ епископы — только въ смыслѣ аппелляціонной судебной инстанціи. И только относительно архіепископовъ куріи удалось при помощи провозглашенной ею теоріи о палліумѣ (Stubbs III, 304) провести признаніе и утвержденіе въ санѣ непосредственно самимъ папой. До полученія палліума архіепископу возбраняется посвящать другихъ въ санъ епископа; при полученіи же его онъ обязанъ присягнуть въ покорности папѣ, при чемъ самая форма присяги съ теченіемъ времени становится все въ большей мѣрѣ связующей (Stubbs III, 297). Послѣ того какъ грамотой короля Іоанна было установлено право свободныхъ церковныхъ выборовъ, утратило силу, наконецъ, также и право королевской санкціи. Королевское вліяніе ограничивается съ этихъ поръ нравственнымъ значеніемъ ленной присяги и тѣмъ, что король, удерживая доходы

(temporalia), во всякомъ случаѣ могъ вынудить отреченіе отъ «всѣхъ статей въ папскихъ буллахъ, несовмѣстныхъ съ прерогативами короля и съ законами страны». Только въ слѣдующемъ періодѣ было возстановлено косвеннымъ путемъ болѣе сильное вліяніе короля въ дѣлѣ назначенія на епископскія мѣста.

IV. Исключительность *духовной юрисдикціи* и ея независимость отъ королевской судебной власти составляетъ *центръ тяжести* всего церковнаго спора въ Англіи. Генрихъ I еще съ рѣшительностью оборонялся отъ претензій церкви въ указанномъ отношеніи. Аппелляція въ Римъ допускалась не иначе какъ съ разрѣшенія короля и то лишь по дѣламъ, въ рѣшеніи которыхъ королевскій судъ оказывался «не компетентнымъ». Но уже при Стефанѣ провозглашается исключительность епископской юрисдикціи надъ духовными лицами и надъ церковнымъ имуществомъ, и какъ только (при папскомъ легатѣ и вмѣстѣ епископѣ винчестерскомъ) началась система аппеллированія къ римскому престолу, такъ уже въ нѣсколько лѣтъ стало правиломъ по всѣмъ важнѣйшимъ судебнымъ дѣламъ обращаться за окончательнымъ рѣшеніемъ въ Римъ. Генрихъ II засталъ именно такое положеніе дѣла и имъ же обусловленное, въ извѣстной мѣрѣ, одичаніе духовенства, которое, подъ покровомъ привиллегированнаго суда, въ теченіи 10 лѣтъ оставило безнаказанными болѣе ста случаевъ смертоубійства. Въ борьбѣ съ подобными нарушеніями закона Генрихъ II могъ конечно разсчитывать на поддержку не только своихъ коронныхъ вассаловъ, но также и большинства епископовъ. При возникшихъ несогласіяхъ съ Томасомъ Бекетомъ король поручилъ двумъ изъ королевскихъ юстиціаріевъ, Роберту де-Люси и Жослэну де-Бальоль, редижировать такъ называемые 16 кларендонскихъ статей, въ сущности не заключавшихъ въ себѣ ничего, кромѣ королевскихъ прерогативъ, которыя, на основаніи прецедентовъ, были съ такой ясностью установлены въ нихъ, что на придворномъ сеймѣ 1164 г. королевское право было признано также и всѣми епископами. Тщетно старался Томасъ Бекетъ найти юридическое обоснованіе для новаго положенія церкви; онъ могъ найти для него основаніе только въ авторитетѣ папскаго престола. При такихъ обстоятельствахъ являлось рѣшительною побѣдой, когда король на совѣщательномъ собраніи въ Норсамптонѣ (17 окт. 1164 г.) достигъ осужденія примаса, а слѣдовательно и признанія обычая, установившагося для подобныхъ случаевъ въ Англіи. Тѣмъ не менѣе Генрихъ II повредилъ своему дѣлу неумѣренностью въ преслѣдованіи и личною придирчивостью, только возбудившими въ саксонскомъ населеніи симпатіи къ архіепископу. Благодаря духу вѣка дѣло короля не могло быть выиграно вполнѣ побѣдоносно противъ мученика, уже вскорѣ по умерщвленіи объявленнаго святымъ. По этому не смотря

на все благоразуміе и настойчивость, споръ въ его главномъ пунктѣ былъ проигранъ при окончательномъ замиреніи сторонъ въ 1174 г. Король разрѣшаетъ теперь аппеллировать къ папѣ и, выражая папскому легату Петролеонэ свое согласіе, онъ ограничиваетъ сферу королевскаго суда въ дѣйствительности лишь процессами о ленахъ и проступками противъ законовъ объ охотѣ. Постепенно король состарѣлся и одряхлѣлъ, удрученный борьбою, съ одной стороны, противъ собственныхъ взбунтовавшихся сыновей и, съ другой, противъ симпатій англосаксонскаго населенія, которыя оно питало къ дѣлу церкви. Въ правленіе королей Ричарда и Іоанна, благодаря вліянію крестовыхъ походовъ и внутреннимъ замѣшательствамъ въ странѣ, папская власть все болѣе и болѣе приближается къ высшей точкѣ своего могущества, достигнутой наконецъ при Иннокентіи III.

V. Важный пунктъ въ спорѣ за церковную юрисдикцію составляетъ также *признаніе королемъ папскихъ легатовъ*. Генрихъ I долго противился допущенію ихъ; но при дальнѣйшей запутанности спора онъ и тутъ былъ вынужденъ уступить. Но едва состоялось допущеніе легатовъ, какъ уже въ 1126 г. одинъ изъ нихъ, именно въ силу своихъ правъ папскаго легата, созвалъ церковный соборъ и обнародовалъ 17 canones исключительно съ разрѣшенія одного папы. При Стефанѣ претензіи разростаются до того, что самъ король призывается къ отвѣту передъ легатомъ и церковнымъ соборомъ. Въ послѣдствіи, правда, церковная власть отступилась отъ этого, какъ отъ явной нелѣпости. Но тѣмъ не менѣе легатство успѣло уже привиться; въ особенности же неблагопріятно для самостоятельности англійской церкви было то обстоятельство, что архіепископы кентэрберійскіе получили вмѣстѣ и значеніе легатовъ. Соединеніе легатскихъ полномочій съ должностью кентэрберійскаго архіепископа косвенно вынуждало короля признавать за папой, верховное право суда, такъ какъ нельзя же было отнимать у папы право надзирать за своимъ представителемъ. Со времени Гонорія III (1221 г.), по видимому, начинается *правильное* исполненіе архіепископами роли легета въ качествѣ legati nati, съ момента ихъ утвержденія въ санѣ папской властью, при чемъ послѣдняя оставляетъ за собой право присылки особыхъ legati a latere, которыми временно отмѣнялись полномочія постоянныхъ legati residentes. Своей высшей точки легатство достигло также во время неурядицъ при королѣ Іоаннѣ.

VI. Другимъ не лишеннымъ значенія эпизодомъ было *изъятіе монастырей* изъ-подъ власти епископовъ. Это началось съ вступленіемъ на престолъ Генриха II, и съ того времени политика папскихъ легатовъ и здѣсь оказывается систематически направлен-

ною на ослабленіе епископской власти. На основаніи одного печальнаго прецедента богатѣйшія изъ аббатствъ подводятся одно за другимъ подъ сказанное изъятіе, и такимъ образомъ, въ сущности, непосредственно подчиняются папскому престолу и его легатамъ. Наконецъ послѣднимъ эпизодомъ является *споръ архіепископовъ кентэрберійскаго и іоркскаго изъ-за примата*, окончательное разрѣшеніе котораго, среди превратностей этого столѣтія, также досталось папскому престолу.

Положеніе, занятое обѣими борющимися силами относительно указанныхъ спорныхъ пунктовъ, особенно характеризуютъ употреблявшіяся ими *средства борьбы*. *Королевская власть* ведетъ борьбу при помощи своихъ верховныхъ правъ въ области ленныхъ отношеній, полиціи и финансовъ, а также посредствомъ удержанія духовныхъ доходовъ, секвестра цѣлыхъ ленныхъ владѣній, конфискаціи движимаго имущества, взиманія полицейскихъ штрафовъ, примѣненія административнаго права въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ въ самомъ разгарѣ борьбы Генрихъ II предписываетъ наложить арестъ на все движимое имущество и на доходы архіепископа и его сторонниковъ изъ духовенства, послѣ чего переходитъ къ конфискаціи леннаго помѣстья, къ изгнанію родственниковъ, подчиненныхъ и ближайшихъ друзей Томаса Бекета, въ количествѣ 400 человѣкъ. Въ другой разъ, за ввозъ въ предѣлы страны папской буллы объ отлученіи отъ церкви, королевскимъ указомъ предписывается для духовныхъ лицъ кастрація, а для мірянъ смертная казнь. Обыкновенно королевская власть является при этомъ настолько сильной, что всякій разъ повеленіе объ изгнаніи оказываетъ свое дѣйствіе, такъ что даже могущественнѣйшіе изъ прелатовъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь въ бѣгствѣ находятъ средство уклониться отъ явнаго столкновенія. При Іоаннѣ всѣ эти мѣры примѣняются безъ всякаго разбора и усиливаются въ ужасающей степени. Но и такое могущество нерѣдко встрѣчаетъ себѣ преграду въ настроеніи народныхъ массъ, въ угрожающемъ положеніи французскаго короля, по просьбѣ папы вмѣшавшагося въ несогласія въ качествѣ верховнаго сюзерена, наконецъ въ опасности, которая грозитъ континентальнымъ владѣніямъ англійскаго короля, и во внутреннихъ смутахъ, а при Генрихѣ II въ возстаніи даже его собственныхъ сыновей. Когда же наконецъ король увидѣлъ себя покинутымъ и своими свѣтскими коронными вассалами, какъ это случилось съ Іоанномъ, королевская власть, очевидно, проиграла свое дѣло окончательно. — *Церковь*, съ своей стороны, ведетъ борьбу посредствомъ интердикта и церковнаго отлученія, которыми первоначально она грозитъ прелатамъ и мірянамъ, оказывающимъ покорность велѣніямъ королевской власти, но которыя за тѣмъ все съ большею смѣлостью она

направляетъ и противъ особы короля. Однакожь пока настроеніе и интересы высшихъ классовъ оставались на сторонѣ короля, даже такіе государи, какъ Стефанъ и Іоаннъ, могли безъ труда противиться всякой легкомысленной попыткѣ примѣненія къ нимъ духовныхъ средствъ борьбы. Различные фазисы самой борьбы совпадаютъ съ папской схизмой, со стороны церкви, и съ усобицами изъ-за престолонаслѣдія, со стороны свѣтской власти. Въ общемъ, можно сказать, та и другая сторона взаимно уравновѣшивалась. Окончательный же исходъ борьбы зависѣлъ, въ концѣ концовъ, отъ внутренней силы, заключавшейся въ свѣтской власти и въ духовной.

VII. *Окончательное крушеніе церковнаго верховенства короля при Іоаннѣ* обусловливается многими, издавна подготовлявшимися обстоятельствами и самою личностью короля. Толчкомъ опять послужили раздоры по поводу избранія архіепископа кентэрберійскаго. 21 декабря 1206 г. Иннокентій III, диктаторски и вопреки каноническимъ правиламъ, пожаловалъ прибывшихъ въ Римъ послами канониковъ, назначивъ имъ въ архіепископы своего друга и школьнаго товарища Стефана Лангтона. Въ отвѣтъ на протестъ короля противъ подобнаго рода избранія послѣдовало 24 марта 1208 г. наложеніе интердикта. Однакожь населеніе страны отнеслось къ этому пассивно, а свѣтскіе вельможи приняли сторону короля. Три года спустя (1211 г.) раздоръ принимаетъ болѣе широкіе размѣры: легатъ обнародываетъ приговоръ объ отлученіи, освобождаетъ подданныхъ отъ присяги и объявляетъ короля лишеннымъ королевскаго достоинства. Тѣмъ не менѣе свѣтскіе вассалы все еще продолжаютъ стоять за короля. Какъ разъ въ это время Іоаннъ совершаетъ два удачные похода, единственные увѣнчавшіеся успѣхомъ во все его царствованіе. На самомъ королѣ лежитъ тяжелая вина, приведшая къ окончательному кризису. Никогда еще, ни въ Англіи, ни на континентѣ, дѣло королевской власти не отстаивалось съ помощью такихъ грубо-насильственныхъ мѣръ, къ какимъ прибѣгалъ въ это время король Іоаннъ, страннымъ образомъ соединявшій жестокость азіатскаго деспота съ пріемами, вынесенными изъ практики управленія еврейскимъ казначействомъ. Въ слѣдующемъ году (1212) появилось формальное постановленіе папы о низложеніи короля: Papa sententialiter definivit, ut Rex Anglorum Iohannes a solio regni deponeretur, et alius, Papa procurante, succederet, qui dignior haberetur. Ad hujus quoque sententiae executionem scripsit Dominus Papa potentossimo Regi Francorum Philippo, quatenus in remissionem omnium suorum peccaminum hunc laborem assumeret (Matthaeus Paris 162). Король Филиппъ, за одно

съ французскимъ дворянствомъ, съ восторгомъ ухватились за это порученіе, и во Франціи начались военныя приготовленія, обѣщавшія повтореніе событій, случившихся при Вильгельмѣ Завоевателѣ. Съ другой стороны, въ Англіи, послѣдовавшій отъ короля Іоанна призывъ его вассаловъ далъ въ результатѣ армію въ 60,000 человѣкъ (M. Paris 163), которые только за недостаткомъ провіанта частію должны были быть снова распущены. Но за то, подобно электрической искрѣ, проникло въ собравшіяся массы ясное сознаніе *полнаго ничтожества этого короля*. Это почувствовалъ и самъ Іоаннъ. Страхъ предъ французской военной силой и предъ настроеніемъ своихъ собственныхъ вассаловъ побудилъ его къ безусловному подчиненію. 13 мая 1213 г., согласно съ папской инструкціей, былъ заключенъ формальный договоръ съ папскимъ легатомъ Пандульфомъ (Rymer I, 2 p. 54). Черезъ два дня, 15 мая 1213 г., Іоаннъ отказывается отъ своей короны и отъ своихъ королевствъ, поручая ихъ папѣ (Rymer I, 2 pag. 57; M. Paris 164), «передаетъ церкви и папѣ свои королевства Англію и Ирландію съ тѣмъ, чтобы вновь получить ихъ отъ церкви въ качествѣ ея ленника.» Архіепископъ-примасъ Стефанъ Лангтонъ совершаетъ торжественный въѣздъ въ Англію, вступаетъ во владѣніе архіепископской каѳедрой и разрѣшаетъ короля отъ кары отлученія. Переговоры о снятіи духовнаго запрещенія и о вознагражденіи церкви за понесенные ею утраты продолжаются еще нѣкоторое время, пока кризисъ не разрѣшается Magna Chart'ою.

---

§ 15.

CURIA REGIS. Крупнѣйшіе сановники.

Въ норманнскій періодъ государственное управленіе основывалось на *объединеніи* вышеизложенныхъ отношеній военнаго, судебнаго, полицейскаго, финансоваго и церковнаго верховенства и поэтому должно было получить свой центръ тяжести въ *особѣ* короля. Въ связи съ этимъ въ норманнско-феодальномъ языкѣ, со времени завоеванія проникающемъ во всѣ сферы, существуетъ выраженіе «Curia Regis», которое, соотвѣтствуя соціальному, военному, судебному и административному положенію королевской власти, можетъ быть понимаемо трояко:

Curia въ смыслѣ норманнскихъ *придворныхъ съѣздовъ*;
Curia въ смыслѣ королевскаго *придворнаго суда*;
Curia въ смыслѣ вобще *государственнаго управленія*.

I. Curia *въ смыслѣ норманнскихъ придворныхъ съѣздовъ.* Завоеватель былъ государь весьма склонный къ пышности. «Трижды въ году возлагалъ онъ на себя корону, всякій разъ какъ находился въ Англіи: на пасхѣ надѣвалъ онъ ее въ Винчестерѣ, въ Троицу въ Вестминстерѣ и на Рождествѣ въ Глочестерѣ. И тогда присутствовали съ нимъ всѣ вельможи со всей Англіи, архіепископы и епископы, аббаты и графы, таны и рыцари» (Chron. Sax. 1086 г.). Это свѣдѣніе саксонской хроники, не разъ варіируемое современниками, составляетъ основное ядро всего, что намъ извѣстно о подобной Curia Regis. Если же торжество почему либо не состоялось, то и это также отмѣчается въ хроникѣ: hoc anno corona sua non indutus est (Chron. Sax. 1111 г.), или же, что торжественный съѣздъ ко двору состоялся только на рождествѣ, а въ другіе праздники на этотъ разъ съѣзда не было (1114 г.).— Великолѣпіе норманнскаго двора, естественно, усилилось со времени завоеванія. Но мы знаемъ, что и герцоги норманнскіе, трижды въ году, на пасхѣ, въ Троицу и на рождествѣ, устраивали съѣзды ко двору, съ чѣмъ соединялись также занятія по сведѣнію государственныхъ счетовъ и разбирательству судебныхъ дѣлъ. Слѣдовательно такіе придворные съѣзды были для норманновъ установленныя обычаемъ празднества, почему они въ Англіи и называются также Curiae de more. Для современниковъ они составляютъ то предметъ гордости и тщеславія, то—національной антипатіи и горестныхъ воспоминаній о прошломъ. Завоеватель хотѣлъ незамѣтно пріучить населеніе своего королевства къ личному управленію его новаго «законнаго повелителя». Первое время покоренное племя еще видало нѣкоторыхъ изъ своей среды на этихъ придворныхъ собраніяхъ, такъ что могло признавать въ нихъ свои вѣковыя стародавнія витенагемоты, и въ общемъ приглашенія, въ формѣ королевскаго writ, адресовывались, можетъ быть, къ владѣльцамъ почти тѣхъ же самыхъ владѣній и прелатуръ, что и въ англосаксонскій періодъ. (Chron. Sax. 1023 г.), между тѣмъ какъ иной гордый норманнъ, окруженный княжеской свитой, видѣлъ въ нихъ ничто иное, какъ норманнское cour de baronie. Но Завоеватель позаботился о томъ, чтобъ на самомъ дѣлѣ они не были ни тѣмъ, ни другимъ. По всѣмъ достовѣрнымъ извѣстіямъ Curia была скорѣе просто придворнымъ праздникомъ, блескъ котораго долженъ былъ вознаградить получившихъ наилучшіе лены за недостатокъ политической власти и значенія (политика напоминающая позднѣйшія времена французскаго ancien regime). «Королевскимъ указомъ, говоритъ Вильгельмъ изъ Мальмсбери, были созваны на Curia de more всѣ знатныя лица, съ тѣмъ чтобы иностранные послы могли подивиться блеску всей этой собравшейся толпы и пышности этихъ празднествъ».

На первый взглядъ подобное явленіе, дѣйствительно, можетъ показаться нѣсколько страннымъ.

Вильгельмъ Завоеватель перешелъ изъ герцогства, въ которомъ существовали сеймы съ правомъ рѣшающаго голоса, въ королевство съ обладающими такимъ же правомъ витенагемотами. Въ обѣихъ странахъ власть короля была значительно ограничена могущественнымъ народнымъ представительствомъ. Но основою для этихъ сеймовъ служили не писанныя и октроированныя властью конституціи, а извѣстные судебные порядки и обычай страны. Примемъ теперь во вниманіе то, что съ одной стороны норманнскіе коронные вассалы встрѣтили при своемъ появленіи въ Англіи, совсѣмъ чуждое имъ *государственное устройство*, а съ другой стороны окружавшіе норманнскаго короля приближенные вовсе не составляли въ глазахъ англосаксонскихъ тановъ ихъ прежняго *народнаго собранія*. Для англосаксовъ не нашлось болѣе мѣста въ совѣтѣ короля, и ихъ не больше какъ терпѣли въ качествѣ подвассаловъ, причемъ, согласно ленно-іерархической системѣ, они исключались даже изъ круга непосредственной подчиненности государству. Затѣмъ также, для норманновъ тѣ прецеденты, на которыхъ покоилось древнее право витенагемотовъ, не имѣли значенія «унаслѣдованныхъ отъ ихъ предковъ правъ и гарантированныхъ вольностей». Обѣимъ національностямъ, однакожь, было обѣщано сохраненіе наслѣдованнаго народнаго права; но изъ совмѣстнаго существованія двухъ племенъ и двухъ видовъ государственнаго устройства проистекала ихъ взаимная нейтрализація и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость ихъ преобразованія. Какъ старинное устройство заключалось лишь въ объединеніи тѣхъ отношеній, въ которыхъ королевская власть, чрезъ посредство войска, суда, охраненія общественнаго спокойствія, финансовъ и церкви, стояла къ землевладѣльческому классу, такъ новое государственное устройство могло составиться только изъ *новыхъ* отношеній, которыя, въ свою очередь, во всѣхъ сферахъ вели съ неуклонною послѣдовательностью къ управленію исключительно посредствомъ королевскихъ распоряженій, или, другими словами, къ неограниченному верховному праву короля. Прослѣдимъ еще разъ указанный ходъ вещей.

Въ области *военнаго устройства* вмѣсто постановленій сеймовъ относительно войны и мира является личный призывъ короля. Благодаря ленной системѣ, вассалы ленники несутъ свою службу **intra ex extra regnum** по личному приказу короля.

Въ области *судебнаго устройства* Завоеватель началъ съ обезпеченія дальнѣйшаго существованія **leges Eduardi**. Это была уступка, которую даже самъ могущественный императоръ **Carolus Magnus** фактически и юридически долженъ былъ сдѣлать народамъ

своего государства. сохраненіе ихъ наслѣдственнаго народнаго права, которое не могло подвергаться никакимъ измѣненіямъ простымъ повелѣніемъ власти. По поводу сказаннаго обезпеченія Вильгельмъ, вѣроятно, не обошелся безъ совѣта своихъ норманнскихъ вельможъ, но какъ *законный* преемникъ Эдуарда онъ не могъ ставить въ зависимость отъ ихъ согласія подтвержденіе правъ своихъ подданныхъ. Тоже самое положеніе наблюдается при всѣхъ столкновеніяхъ между правомъ обѣихъ національностей, которыя на томъ же основаніи и разрѣшаются королемъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе накопляются прецеденты, возникавшіе изъ подобнаго положенія вещей.

Въ области *охраненія общественнаго спокойствія* Завоеватель дебютируетъ указомъ, въ которомъ жизнь его норманнскихъ подданныхъ ограждается пеней въ 46 марокъ, — возражать противъ этого норманны, конечно, ничего не имѣли; а англосаксы не были въ состояніи. И такъ какъ подобныя ситуаціи повторялись и дальше, то къ обладателю абсолютной военной и судебной власти сама собой переходитъ и власть полицейская.

Въ области *финансовъ* король столь же мало нуждался въ согласіи норманновъ относительно старинныхъ доходовъ англо-саксонской церкви, какъ и въ согласіи англо-саксовъ относительно новыхъ ленныхъ доходовъ. Но самое главное заключалось въ томъ, что новый видъ дохода поступалъ въ изобиліи, что благодаря auxilia, tallagia и scutagia періодически, по мѣрѣ надобности, притекали новые доходы, которыхъ на цѣлыя поколѣнія хватило бы для покрытія всѣхъ потребностей короля.

Въ области *церкви* англосаксонскому королю принадлежало право назначенія прелатовъ и право утвержденія соборныхъ постановленій: въ силу же леннаго устройства эти лица подпали еще многообъемлющему праву военной дисциплины, взятія подъ секвестръ и даже полнаго лишенія земельныхъ владѣній.

Если, такимъ образомъ, всѣ правовыя отношенія вели къ абсолютистскому режиму, то, съ другой стороны, тотъ же результатъ получался изъ всѣхъ общественныхъ положеній, взятыхъ каждое въ отдѣльности, и изъ розни, существовавшей между двумя національностями. Эта рознь, дѣйствуя снизу вверхъ, насквозь разъѣла связь, соединявшую графства, и, вполнѣ послѣдовательно, лишила и крупныхъ вассаловъ всякой опоры снизу. Правда, это были почти тѣже самые крупные землевладѣльцы, что и въ англосаксонскія времена, съ внѣшней стороны даже блестящѣе и притязательнѣе; но имъ не доставало внутренней взаимной связи, составляющей корень политическаго могущества и свободы. Это былъ самый пышный дворъ всего христіанскаго міра, при которомъ отъ времени до времени появлялись длиннымъ блестящимъ рядомъ всадниковъ богатые

норманнскіе бароны и прелаты, въ сопровожденіи своихъ подвассаловъ и служителей, одѣтыхъ въ платье съ значками и цвѣтовъ ихъ господина. Это были тѣ же владѣтельные элементы, которые нѣкогда въ формѣ витенагемотовъ, свели до призрачности королевскую власть Эдуарда. Но тѣмъ не менѣе норманнскіе короли правятъ страной при помощи кабинетскихъ указовъ и грамотъ, изъ году въ годъ назначаютъ въ графства своихъ фогтовъ, и собираютъ своихъ васалловъ и прелатовъ на парады и придворные праздники ограничивая, однако, все предоставленное имъ вліяніе смѣняемыми должностями и временными коммиссіями. Напротивъ того, норманнской знати не достаетъ устойчивости, столь сдерживавшихъ континентальныхъ династическихъ властителей, вслѣдствіе обусловленной разбросанностью разъединенности и дробности, ихъ владѣній съ одной стороны, и, съ другой, вслѣдствіе разъединенія ихъ военныхъ силъ, обусловленнаго національнымъ антагонизмомъ. Ихъ норманнскіе подвассалы состояли въ началѣ изъ разнаго сброда, саксонскіе же противъ воли служили навязанному имъ господину, и вообще еще въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній вся масса саксонскаго населенія не чувствуетъ ни малѣйшаго расположенія къ пришельцамъ. Совпаденіе всѣхъ этихъ отношеній произвело непреодолимо развивавшееся разложеніе старинныхъ правъ народнаго представительства, какъ бы ни были они исторически обоснованы [1]).

---

[1]) Норманнскіе придворные съѣзды сдѣлались предметомъ пристрастныхъ споровъ съ различнѣйшихъ точекъ зрѣнія. Въ эпоху Стюартовъ было весьма важно противопоставить взвинченному праву „королевской власти jure divino“ по крайней мѣрѣ столь же стародавнюю родословную парламента. Поэтому безъ всякой связи выхваченныя изъ исторіографическихъ источниковъ неопредѣленныя свидѣтельства были сопоставлены такимъ образомъ, что слова curia, concilium и consilium должны были пониматься въ смыслѣ законодательныхъ и разрѣшающихъ налоги правительственныхъ собраній. Съ другой стороны, для геральдическаго искусства или, пожалуй, науки также уже сами по себѣ представляли интересъ эти „парламенты во всеоружіи“ съ ихъ блестящими шлемами, щитами и парадными костюмами. Извѣстно, что одну изъ обязанностей герольдіи составляетъ подысканіе для каждаго новоиспеченнаго лорда родоначальника, который хотя бы и былъ на дѣлѣ, можетъ быть, простымъ подвассаломъ или, ужь въ лучшемъ случаѣ, мелкимъ коронным вассаломъ съ ничтожнымъ участкомъ земли, но, въ духѣ герольдики, непремѣнно долженъ быть „лордомъ, потомственнымъ государственнымъ чиномъ и коронным совѣтникомъ“, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ онъ можетъ стоять, какъ истинно-знатный предокъ, во главѣ родословной. Не меньше заинтересованы и современныя политическія партіи въ созданіи стараго родословнаго древа парламентовъ. Въ эпоху билля о реформѣ было весьма распространено воззрѣніе, по которому норманнская королевская власть представлялась вполнѣ парламентарною. Такъ напримѣръ въ встрѣченномъ „съ большой похвалой“ изслѣдованіи Allen'a въ Edinb. Rev. томъ 25, находимъ такой выводъ: „названіе, а вѣроятно также и составъ англосаксонскаго собранія государственныхъ чиновъ, съ прибытіемъ норманновъ подверглись измѣненію; но его функціи остались тѣми же и въ непрерывной преемственности перешли къ нынѣшнему парламенту“. — Отстаиваемая археологами теорія феодально-представительнаго значенія корон-

Въ соотвѣтствіи съ вышеизложеннымъ представляется и *документальная* исторія. Дѣйствительно ни одинъ изъ законовъ той эпохи не возникъ по иниціативѣ и изъ свободныхъ совѣщаній государственныхъ чиновъ. Къ формулѣ, попадающейся въ двухъ или трехъ случаяхъ, «consilio et consensu baronum meorum» мы еще возвратимся. Совсѣмъ не относятся сюда такъ наз. законы Вильгельма I, воззванія, грамоты, оффиціальныя предписанія, какъ уже видно изъ самого ихъ слога: praecipio, prohibeo, король желаетъ, повелѣваетъ, предписываетъ. А если порой и встрѣчаемся съ множественнымъ числомъ—statuimus, volumus, praecipimus, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать о существованіи собранія съ рѣшающимъ голосомъ. Но уже при Вильгельмѣ II не встрѣчаются и такого рода предписанія; онъ, повидимому, не устроилъ придворнаго съѣзда даже для подтвержденія своихъ сомнительныхъ правъ на корону. Генрихъ I, правда, открываетъ, свое правленіе многообѣщающей грамотой, суть которой заключается въ словахъ: «я снова дарую вамъ законы моего отца, т. е. законы Эдуарда, съ тѣми измѣненіями, которыя нѣ-

---

ныхъ вассаловъ прежде всего не замѣчаетъ соціальнаго различія отдѣлявшаго какую-нибудь полутысячу мелкихъ коронныхъ вассаловъ отъ княжественныхъ арловъ и знатныхъ бароновъ, которыхъ Вильгельмъ пожаловалъ ленами въ качествѣ tenentes in capite. Далѣе, не обращается вниманія на то, что зависимость короля отъ большинства его норманнскихъ вассаловъ должна бы была привести къ самымъ крайнимъ рѣшеніямъ, направленнымъ противъ національнаго права саксонскаго населенія, составлявшаго между тѣмъ все еще значительную часть леннаго войска, преобладающую долю церковнаго персонала и крупное большинство всей массы народонаселенія. И пока продолжалась рознь между Francigenae и Angli, данныя англосаксонскому населенію гарантіи не могли бы удержаться при существованіи состоящаго изъ норманновъ законодательнаго собранія.—Въ самомъ дѣлѣ, благодаря роли третейскаго судьи, ни одинъ государь, со времени Карла Великаго, не находился въ столь выгодныхъ условіяхъ, какъ Завоеватель, для того, чтобъ такъ радикально направить государственную жизнь на пользу единоличной власти. Разъ начавшись, эта правительственная система все болѣе утверждала и развивала свои основныя начала съ помощью чиновничества, вполнѣ отвѣчавшаго возложеннымъ на него обязанностямъ. При этомъ правовой обычай Нормандіи, конечно, принимался во вниманіе, но отнюдь не имѣлъ рѣшающаго значенія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось отношеній королевской власти или же финансовыхъ интересовъ. Норманнскій Echiquier соединялъ, правда, придворные съѣзды съ государственными занятіями. Такъ съ окончаніемъ празднествъ тамъ было въ обычаѣ за счетнымъ столомъ приводить въ ясность доходы, слѣдуемые по закону въ королевскую казну. Однакожъ въ Англіи такой правильной связи не замѣчается. Exchequer съ самаго начала былъ постояннымъ чиновническимъ вѣдомствомъ съ самостоятельнымъ дѣлопроизводствомъ, и оба главные термина его дѣятельности не совпадаютъ съ періодомъ придворныхъ съѣздовъ и нигдѣ не говорится о приглашеніи чиновниковъ счетнаго вѣдомства на придворныя празднества. Также и позднѣйшіе четыре періодическіе срока (law terms) англійскихъ судовъ не согласуются съ періодами curia de more и, слѣдовательно, даже внѣшнимъ образомъ свидѣтельствуютъ, что установившійся въ послѣдствіи порядокъ въ отправленіи судебныхъ занятій возникъ не изъ норманнскихъ придворныхъ съѣздовъ.

когда совершилъ въ нихъ мой отецъ съ согласія вассаловъ», но здѣсь-то и выступаетъ вполнѣ опредѣленно односторонній характеръ этого королевскаго воззванія. При Стефанѣ была издана лишь одна грамота въ томъ же родѣ. При Генрихѣ II кларендонскіе и норсамптонскіе ассизы содержатъ первые зачатки законодательства съ собраніемъ нотаблей, но за тѣмъ послѣднія снова исчезаютъ, и изъ временъ Ричирда и Іоанна опять имѣются только оффиціальныя распоряженія и грамоты. Внимательное разслѣдованіе, произведенное въ новѣйшее время коммиссіей верховной палаты, относительно пэрства сводится въ своемъ заключеніи къ тому, что не удалось открыть рѣшительно ничего указывающаго на существованіе и организацію какого-либо законодательнаго собранія при Вильгельмѣ I и II, хотя изъ грамотъ Генриха I, Стефана и Генриха II, по видимому, слѣдуетъ, что въ обезпеченіи дальнѣйшаго сохраненія законовъ Эдуарда современники видѣли признаніе «національнаго права», изъ чего можно бы также заключать, что все таки существовала своего рода законная конституція, часть которой, по крайней мѣрѣ ради извѣстныхъ цѣлей, составляло созывъ законодательнаго собранія, и что въ особенности неравномѣрные и произвольные налоги разсматривались какъ нарушеніе правъ подданныхъ (I. Peers Rep. 36. 42). Существенно важный вопросъ о томъ, какъ было составлено и чѣмъ ограничено такое собраніе, равно какъ и вопросъ объ отмѣняемости или неотмѣняемости королевскихъ постановленій и жалованныхъ грамотъ оставлены здѣсь безъ отвѣта. Тѣмъ не менѣе настоящій смыслъ приведеннаго воззрѣнія заключается, по всей вѣроятности, въ томъ-что даже и Завоеватель не могъ и не желалъ отмѣнять тотъ наивысшій принципъ всѣхъ видовъ германскаго государственнаго устройства, что lex terrae не можетъ быть измѣняемо однимъ велѣніемъ власти, а *только съ согласія представителей страны.* lex ex consensu populi fit et consensu et constitutione regis (Ed. Pistense § 6); ut neque principes nec alii quilibet constitutiones vel nova jura facere possint, nisi meliorum et maiorum terrae consensus primitus habeatur. (Вормскій сеймъ 1231 г.). Въ трудныя, сопряженныя съ опасностью времена и самъ Завоеватель долженъ былъ считаться съ этой національной идеей, которая красной ниткой проходитъ чрезъ всю нашу тысячелѣтнюю исторію. Поэтому, когда имъ былъ сдѣланъ въ существующемъ національномъ правѣ глубоко захватывавшій надрѣзъ, заключавшійся въ отдѣленіи духовныхъ судовъ отъ свѣтскихъ и въ подведеніи ихъ подъ canones et leges episcopales, онъ изъ почтенія къ націи и церкви присовокупилъ, что это было совершено communi concilio episcoporum et abbatum et omnium principum regni. Такая, фактически абсолютная власть

короля, конечно, не исключала возможности того, что по поводу особенно важныхъ распоряженій выслушивались собравшіеся на придворный съѣздъ оптиматы или, иначе *выспрашивалось ихъ мнѣніе*. Естественно, это случалось при болѣе радикальныхъ мѣропріятіяхъ, касавшихся всего національнаго права въ его совокупности, какъ въ 4 Wil. I по поводу распоряженія, подтверждавшаго и вмѣстѣ модифицировавшаго законы Эдуарда Исповѣдника. Генрихъ I, въ многообѣщающей грамотѣ, изданной при его воцареніи, выражается въ томъ смыслѣ, что сказанныя добавленія были сдѣланы его отцомъ consensu baronum. Но *совѣщательный* характеръ государственныхъ чиновъ этого времени замѣтенъ уже и съ чисто формальной стороны. Сверхъ единственнаго сохранившагося государственнаго акта, въ которомъ Вильгельмъ Завоеватель говоритъ о «consensus episcoporum et principum», онъ обыкновенно ограничивается лишь присовокупленіемъ *увѣренія* о томъ въ своихъ указахъ къ должностнымъ лицамъ. Также и въ Charta Генриха I все сводится на *увѣреніе* въ томъ, что до сихъ поръ «emendationes legum Eduardi» производились «consensu baronum». Въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія не встрѣчается уже тѣхъ сотнями насчитываемыхъ подписей прелатовъ и магнатовъ, которыми нѣкогда конфирмировались и удостовѣрялись постановленія народныхъ собраній. Теперь никто уже не въ правѣ спрашивать и допытываться, кто именно былъ приглашенъ на такой consilium, также какъ никто не имѣетъ болѣе права удостовѣрять состоявшіяся постановленія. Признается вполнѣ достаточнымъ, по формѣ и по существу, одного удостовѣренія верховной королевской власти въ томъ, что рѣшенія были приняты въ присутствіи meliores terrae. Обязательства въ томъ, что магнаты *должны* будутъ подавать свой голосъ, равно какъ и относящіяся сюда гарантіи, начинаются лишь съ Magna Charta.—Лица, собиравшіеся на придворный съѣздъ, выслушивались на правахъ *совѣщательнаго* голоса. Также и относительно назначенія высшихъ прелатовъ если современники и говорятъ о преніяхъ въ Curia de more, то это, вообще не рѣдко встрѣчающееся у нихъ, замѣчаніе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что король назначалъ прелатовъ по выслушаніи мнѣній за и противъ. Такъ на пасхѣ 1136 г. король Стефанъ собираетъ Generale Consilium, въ которомъ принимаютъ участіе 18 епископовъ и столько же свѣтскихъ бароновъ, при чемъ въ грамотѣ о назначеніи епископа Базскаго сказано: «audientibus et collaudantibus omnibus fidelibus meis his subscriptis». По случаю вступленія на престолъ или посвященія въ рыцари старшаго королевскаго сына собраніе при дворѣ отличалось, конечно, особеннымъ блескомъ и поэтому могло считаться вполнѣ экстраординарнымъ придворнымъ съѣздомъ. Та-

кимъ же точно былъ и съѣздъ 1086 г., собранный Вильгельмомъ I, подъ конецъ его царствованія, для смотра ленной милиціи и для принятія отъ вассаловъ ленной присяги. Такія совѣщательныя собранія государственныхъ чиновъ могли бы, впрочемъ, превратиться снова въ собранія съ рѣшающимъ голосомъ посредствомъ простаго измѣненія въ отношеніяхъ власти; но и для этого все-таки не доставало внѣшней организаціи съ тѣхъ поръ, какъ норманнскіе короли стали отказываться отъ періодическаго устройства придворныхъ съѣздовъ, можетъ быть именно изъ опасенія указаннаго исхода. Уже при Генрихѣ I Curia de more не отличается регулярностью, а среди тягостной неурядицы въ правленіе Стефана эти собранія и вовсе прекращаются: Jam quippe Curiae solemnes et ornatus Regii scematis ab antiqua serie descendens prorsus evanuerant (Huntingdon и Chron. Norm. 1139 г.). И въ послѣдствіи они уже никогда болѣе не имѣли прежней періодичности. Такимъ образомъ для совѣщаній короля съ его оптиматами должны были позже образоваться особаго рода учрежденія, примыкавшія ко всей государственно-*правительственной* системѣ и къ существующимъ въ ней высшимъ должностямъ. Конституціонныя права англійскихъ парламентовъ были пріобрѣтены въ теченіе столѣтій столь законнымъ и почетнымъ образомъ, что они вовсе не нуждаются въ вымышленныхъ родословныхъ *).

---

*) Соединеніе государственныхъ занятій съ большими торжественными собраніями при дворѣ обусловливалось, правда, тогдашнимъ характеромъ государства, и объ этомъ фактѣ иногда прямо упоминается въ источникахъ: Peractis igitur festivioribus diebus, diversorum negociorum causae in medium duci ex more coeperunt (Eadmer стр. 37, 39, 102.). Но всѣ подобнаго рода указанія доказываютъ лишь одно, что у съѣхавшихся ко двору знатныхъ лицъ выспрашивались ихъ мнѣнія, обсуждались съ ними военныя и церковныя дѣла, и, наконецъ, изъ ихъ же среды выбирались члены судныхъ коммиссій; но ровно ничего не встрѣчается относительно конституціоннаго права подачи голосовъ по поводу законодательныхъ актовъ. Если же при вступленіи на престолъ и при коронованіи короля удержалась даже извѣстная форма избранія посредствомъ единодушныхъ привѣтственныхъ кликовъ, то это была просто исконная церемонія, значившая теперь, конечно, не болѣе, чѣмъ въ англосаксонскій періодъ (см. выше стр. 32). Прочіе примѣры совмѣщенія государственныхъ занятій съ придворными съѣздами, главнымъ образомъ, суть слѣдующіе: въ 1070 г., когда земельныя владѣнія духовенства были объявлены подлежащими леннымъ повинностямъ (Matth. Paris подъ 1070 г., хотя Стеббсъ весьма резонно сомнѣвается въ достовѣрности этого свидѣтельства). Въ томъ же году разбирался споръ между архіепископомъ іоркскимъ и епископомъ ворчестерскимъ. Въ 1096 г. разсматривалась жалоба, по поводу дуэли, нѣкоего Джоффрея Бэнарда на Вильгельма графа Э. Въ 1106 г. по поводу возсоединенія Нормандіи. Въ 1107 г. съ цѣлью улаженія церковныхъ несогласій. Въ 1223 г. по поводу назначенія примаса. (Въ 1224 г. „витенагемотъ“, присудившій 44 воровъ къ висѣлицѣ, но это не былъ, вѣроятно, придворный съѣздъ, а экстренное судебное собраніе). Въ 1136 г. при Стефанѣ для утвержденія епископа Базскаго; составленная объ этомъ грамота оканчивается словами: audientibus et collaudantibus omnibus fidelibus meis his subscriptis, apud Westmonasterium in generalis con-

II. Curia regis, *какъ законномѣрный государственный судъ*, несомнѣнно примкнулъ бы къ норманнскому парламенту, еслибъ послѣдній представлялъ собой сходство съ англо-саксонскимъ витэнагемотомъ. Ядромъ, изъ котораго развились всѣ германскія конституціи, послужило именно судебное значеніе всякаго народно-представительнаго собранія, текущія занятія котораго и заключались въ судебномъ разбирательствѣ. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ для этого не было недостатка въ объектѣ, такъ какъ къ leges Eduardi принадлежали также старыя рѣшенія «короля въ витэнагемотѣ» въ случаѣ какого-либо defectus justiciae, отказа въ искѣ или претензій, предъявленныхъ къ слишкомъ могущественному противнику. Этотъ кругъ дѣятельности теперь даже расширяется вслѣдствіе поступленія коронныхъ леновъ въ исключительное вѣденіе королевской юрисдикціи, а также и дальнѣйшихъ изъятій какъ въ

---

cilii celebratione, et Paschalis festi solennitate hoc actum est etc.; при этомъ присутствовало 13 англійскихъ прелатовъ, 5 норманнскихъ, канцлеръ, 3 графа, 2 констебля, 4 придворныхъ чиновника, 6 бароновъ. Въ 1155 г., по поводу провозглашенія обоихъ сыновей Генриха II наслѣдниками престола. Только въ 1164 г. экстренные придворные съѣзды въ Кларендонѣ и Норсамптонѣ впервые являются экстренными собраніями нотаблей вслѣдствіе особеннаго осложненія церковныхъ несогласій. Въ болѣе старыхъ изслѣдованіяхъ, какъ Petyt, Reghts of the Commons assterted или Brady, Tracts и citt. всѣ такія concilia разсматриваются какъ законодательные норманнскіе парламенты. Въ позднѣйшее время особенно Edinburgh Review не разъ возвращалось къ подобному способу доказательствъ. Напротивъ, не столь рѣшителенъ Hallam, Middle Ages, Note X. Съ критической осторожностью и съ знаніемъ права разсматривается вопросъ въ Peer's Report on the dignity of a Peer. Всѣ подлинныя данныя о Concilia, отъ завоеванія до Magna Charta, сопоставленъ у Parry, The Parliamentes and Councils of England, Lond. 1849, стр. 1—23, и въ нихъ рѣзко обнаруживается весь неустановившійся и лишенный опредѣленныхъ формъ характеръ этихъ собраній и происходившихъ въ нихъ совѣщаній. Новѣйшій изслѣдователь. W. Stubbs, трактуетъ о придворныхъ съѣздахъ I, 356—58, 369, 376 и въ другихъ мѣстахъ какъ своей Const. History, такъ и Select Charters. Но между тѣмъ, какъ въ одномъ мѣстѣ онъ признаетъ только „номинальный“ характеръ такого соучастія вассаловъ въ постановленіи правительственныхъ рѣшеній, при чемъ удерживалась только „теорія и форма народно-представительнаго собранія“, въ силу воспоминанія о древнегерманской государственной идеѣ (Hist. I, 356; Charters 17); онъ въ другихъ мѣстахъ повторяетъ, почти безъ измѣненій, традиціонныя представленія о норманнскихъ парламентахъ (Hist. I, 276; Charters II, 23 и т. д.). Такой знатокъ государственнаго права, какъ авторъ обширнаго доклада верхней Палатѣ о пэрскомъ званіи, можетъ быть, и могъ бы попытаться отвергнуть еще прежде высказанныя обстоятельныя доказательства того, что въ норманнскій періодъ право королевской регламентаціи исчерпывающимъ образомъ господствовало надъ всѣми сферами государственнаго верховенства; но не можетъ же считаться такимъ опроверженіемъ простое повтореніе ходячихъ взглядовъ. Еще менѣе разрѣшаютъ вопросъ изящно написанныя статьи въ журналахъ и газетахъ, встрѣчающія очень „благосклонный“ пріемъ. Дѣйствительно, прагматическая исторія англонорманскаго періода останется невыполнимою до тѣхъ поръ, пока ученые будутъ стоять на той фикціи, которая предполагаетъ уже имѣвшимися на лицо всѣ тѣ права народнаго представительства, которыя, на самомъ дѣлѣ, лишь по частямъ и съ крайними трудностями постепенно пріобрѣтались съ теченіемъ времени.

гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Но только обычный нѣкогда способъ отправленія суда королемъ въ *витэнагемотѣ сдѣлался теперь уже непримѣнимымъ*. Витэнагемота въ прямомъ смыслѣ болѣе не существовало. Хотя норманнскіе бароны, собиравшіеся теперь при особѣ короля, и могли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являться представителями страны, но они отнюдь не были прежними witan'ами, высшими носителями и хранителями англосаксонскаго національнаго права. По leges Eduardi они оказывались какъ разъ неправоспособными для произнесенія всѣхъ высшихъ и важнѣйшихъ постановленій. Король не могъ создать никакой корпораціи изъ норманнскихъ бароновъ, не провозгласивъ тѣмъ самымъ въ принципѣ jus iniquum по отношенію къ странѣ. Стольже не примѣнимъ былъ и способъ, установленный обычаемъ на *французской* почвѣ. Конечно, было бы въ интересѣ коронныхъ вассаловъ, еслибъ былъ учрежденъ верховный ленный судъ, на подобіе тѣхъ, которые возникли во Франціи около значительнѣйшихъ родовыхъ герцоговъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ изъ такого cour de Baronie вскорѣ же образовался бы политическій институтъ весьма важнаго значенія, о рѣшеніяхъ котораго много интереснаго сообщила бы намъ исторія того времени. Но на это рѣшительно не годились англійскіе коронные вассалы, численность которыхъ достигла свыше пятисотъ. Норманскихъ Eorls и крупнымъ вассаламъ, находившимся почти въ положеніи суверенныхъ правителей, не могло придти въ голову въ лицѣ нѣсколькихъ сотъ норманнскихъ рыцарей и разнаго рода выскочекъ признать равныхъ имъ самимъ пэровъ только ради того, что, владѣя всего однимъ помѣстьемъ, они сдѣлались tenentes in capite, солдатами непосредственно подчиненными королю. Даже въ 13-мъ вѣкѣ все еще не удавалось создать подобнаго рода «пэрію». Къ тому же такому уродливому организму, все равно, не доставало бы качествъ, необходимыхъ представителямъ правосудія, такъ какъ требовавшіяся рѣшенія касались бы не только однихъ ленныхъ порядковъ, но также труднѣйшихъ вопросовъ стараго народнаго права и другихъ еще съ бо́льшими трудностями связанныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ случаѣ коллизіи между leges Eduardi и вступившимъ теперь въ силу феодальнымъ правомъ.

Поэтому для постановленія судебныхъ рѣшеній, основанныхъ на дѣйствительномъ знаніи закона, не оставалось ничего, кромѣ *выбора* судей въ болѣе ограниченномъ количествѣ. Для отдѣльныхъ случаевъ, конечно, всегда было можно подыскать, между многочисленными духовными и свѣтскими вассалами, извѣстное число лицъ, удовлетворительныхъ по своей опытности въ дѣлахъ. Но при количествѣ вассаловъ, заходившемъ за полутысячу, — вассаловъ,

бывшихъ во всякомъ случаѣ, по праву леннаго владѣнія, формально равноправными между собою (pares), самый выборъ участниковъ въ судѣ принялъ форму *коммиссій, назначаемыхъ для каждаго даннаго случая*. Въ этомъ случаѣ назначеніе самимъ королемъ придавало даже и незначительнѣйшимъ вассаламъ требуемый авторитетъ, и въ лицѣ, получившемъ такое назначеніе, крупный вассалъ по неволѣ долженъ былъ признавать полноправнаго судью, хотя бы онъ отнюдь не признавалъ его равнымъ себѣ въ общественномъ отношеніи. Такое положеніе крупныхъ ленныхъ владѣльцевъ среди нѣсколькихъ сотенъ мелкихъ ленниковъ, навѣрное, не могло быть пріятнымъ для нихъ, и этимъ объясняется, почему крупные феодалы охотнѣе подчинялись третейскому суду короля, нежели подобной произвольно и какъ бы случайно составленной коммиссіи, никогда не могшей внушить достаточно довѣрія къ своему приговору. И это коммиссіонное judicium pariun имѣло столь мало практическаго значенія, что въ важнѣйшей изъ статей Magna Charta, а именно въ 39-й, хотя и говорится о judicum pariun вообще всѣхъ liberi homines, но вовсе не упоминается объ особомъ judicius pariun однихъ коронныхъ вассаловъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что знатные норманнскіе бароны, по всей вѣроятности, были не особенно склонны къ разбирательству тѣхъ вопросовъ судебной практики, которые касались не ихъ издавна наслѣдованнаго права и ленныхъ порядковъ, а чуждыхъ имъ мѣстныхъ и правовыхъ отношеній. Поэтому, вѣроятно, большинство изъ нихъ предпочитало дѣятельности вершителей судебныхъ дѣлъ военный блескъ придворныхъ съѣздовъ; а для нѣкоторыхъ изъ высшихъ феодаловъ новыя отношенія казались столь несносными, что они покидали свои прекрасныя участки на почвѣ Англіи и уѣзжали обратно на континентъ. — Для *королей* же представляло еще *менѣе интереса* создавать при дворѣ формальныя судебныя собранія изъ вассаловъ. Цѣлыхъ два столѣтія они систематически трудились съ цѣлію помѣшать возникновенію вліятельныхъ ленныхъ судовъ въ графствахъ, пока имъ удалось достигнуть цѣли, воспретивъ посредствомъ такъ наз. St. Marlebridge всякаго рода аппеляціи къ только что названнымъ нами судамъ. Тѣмъ менѣе могли они, изъ политическихъ причинъ, дать возникнуть какой-либо центральной cour de baronie. Гораздо охотнѣе предоставляли они уступчивой административной юстиціи рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, какія только могли быть направлены къ ней въ той или иной законной формѣ. Когда въ дѣло замѣшивалось непосредственное королевское право на какое-нибудь феодальное помѣстье или debitum Regis, то навѣрное въ Exchequer оно рѣшалось всего скорѣе въ пользу короля, и такъ какъ Sedentes ad Scaccarium были *также* коронные вассалы, разбирали дѣла *также*

въ извѣстныхъ формахъ судопроизводства и *также* были свѣдущими въ законахъ судьями, то значеніе королевскаго казначейства какъ judicium pariurn и не могло быть оспариваемо съ точки зрѣнія формальнаго права. Можетъ быть даже, что оффиціальный титулъ Barones scaccarii съ самаго начала былъ выбранъ съ цѣлію оттѣнить ихъ право постановлять приговоры также и надъ коронными вассалами. Если же дѣло не касалось финансовыхъ вопросовъ, то, съ другой стороны, было гораздо удобнѣе предоставлять *суду графствъ* и тѣ судебныя дѣла, которыя въ сущности подлежали королевской юрисдикціи; вѣдь и безъ того, въ продолженіе первыхъ поколѣній, нельзя было обойтись безъ содѣйствія судовъ графствъ, когда рѣчь шла о мѣстныхъ отношеніяхъ и о саксонскомъ обычномъ правѣ. Въ такихъ случаяхъ vice comes разбиралъ дѣло, на основаніи королевскаго writ, вмѣстѣ съ своими товарищами по суду, обыкновеннымъ порядкомъ, но только въ силу даннаго ему спеціальнаго порученія: haec dominica placita regis non pertinent Vicecomitibus sine diffinitis praelocutionibus in firma sua (Hen. I. 10. § 3). Только современи Генриха I, съ введеніемъ системы странствующихъ судей, начинается грандіозная и все болѣе усиливающаяся централизація королевской юстиціи также и относительно *персонала* судей.**)

**) Высшій ленный судъ долженъ былъ существовать и въ Англіи, но сколько каждый коронный вассалъ можетъ требовать, чтобы его судили только лица равноправныя съ нимъ (pares). Подвассалъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть въ числѣ судей своего сюзерена, Henr. I. c. 32. Но если на континентѣ изъ этого права развился постоянный т. е. по крайней мѣрѣ періодическій ленный судъ, то это было послѣдствіемъ иначе сложившихся тамъ территоріальныхъ условій. Въ Англіи образуется judicium pariurn благодаря дробленію крупнаго леннаго землевладѣнія на многочисленныя графства, такъ что каждый коронный вассалъ находилъ равноправныхъ съ нимъ лицъ въ предѣлахъ графства, а также и королевскаго вице графа или коммиссара изъ ряда коренныхъ вассаловъ въ качествѣ представителя короля. При существованіи такихъ данныхъ, судъ графства былъ обычнымъ forum'омъ для коронныхъ вассаловъ въ судѣ графства L. L. Henr. I, c. 7. § 2, и значительное большинство судебныхъ дѣлъ, въ дѣйствительности, еще долгое время разсматривалось именно въ судахъ графства. Сообщеные у Palgrave, vol. II, судебные процессы показываютъ, что на ряду съ сказанными судами особыя судныя коммиссіи составляли сравнительно рѣдкій способъ судопроизводства, допущеніе котораго при постоянномъ организованномъ ленномъ судѣ было бы рѣшительно непонятно.—Столь же несовмѣстны съ постояннымъ cour de baronie были бы, какъ административная юрисдикція Exchequer'a, такъ и вся сложившаяся система административнаго права, полицейскій произволъ, выразившійся въ amerciaments, и, наконецъ, все позднѣйшее развитіе правосудія, въ которомъ только спустя цѣлыя столѣтія и послѣ безконечныхъ трудностей и колебаній выступаетъ на видъ особый судъ пэровъ. Справедливо, что такое состояніе высшаго государственнаго суда, отправляемаго посредствомъ коммиссій и Exchequer'a, представляетъ собою довольно плохой видъ правосудія, который въ соединеніи съ лишенными всякой цѣльности судами графствъ слагается въ одну уже вовсе непривлека-

Съ приведенными соображеніями вполнѣ согласуются и *историческія свидѣтельства*. Изъ нихъ мы видимъ, что королевская юрисдикція практикуется только при посредствѣ коммиссій, въ свою очередь назначаемыхъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, по поводу процессовъ особенно могущественныхъ или наиболѣе покровительствуемыхъ крупныхъ вассаловъ. Во всѣхъ случаяхъ, засвидѣтельствованныхъ документами, сказанныя коммиссіи носятъ такой неустойчивый характеръ относительно ихъ персонала, формы и правовыхъ принциповъ, что на основаніи однихъ этихъ историческихъ свидѣтельствъ никогда не могло бы возникнуть представленіе о постоянномъ судѣ, состоящемъ изъ нормальныхъ пэровъ, еслибъ не было сочтено цѣлесообразнымъ интерполировать недостаточныя свидѣтельства при помощи заимствованій изъ континентальныхъ и болѣе позднихъ англійскихъ учрежденій послѣдующихъ столѣтій. При Вильгельмѣ I рѣшеніе процесса между епископомъ рочестерскимъ и однимъ шерифомъ было предоставлено суду графства, на этотъ разъ подъ предсѣдательствомъ епископа бойёсскаго. Для разбора жалобы архіепископа кентэрбёрійскаго, по поводу, отчужденія нѣкоторыхъ изъ его полевыхъ угодій, назначается особый судъ, въ составъ котораго входятъ, подъ предсѣдательствомъ епископа кутанскаго, нѣсколько епископовъ и коронныхъ вассаловъ; одинъ шерифъ, «все графство» кентское и нѣкоторыя почетныя лица изъ другихъ графствъ. При Генрихѣ I королевскимъ приказомъ предписывается лондонскому епископу разобрать дѣло вестминстерскаго аббата, при чемъ говорится, что «въ противномъ случаѣ дѣло будетъ разсмотрѣно въ Exchequer'ѣ». На одномъ изъ придворныхъ съѣздовъ Вильгельмъ I арестуетъ даже собственнаго своего своднаго брата безъ всякаго пэрскаго суда. Также и король Стефанъ арестуетъ, въ 1137 г., своего племянника канцлера Роджера съ двумя епископами et commisit eos custodiis, donec dederent castella. Такимъ образомъ, въ ожиданіи окончательнаго приговора надлежащими судьями, король рѣшаетъ дѣло въ экстренныхъ случаяхъ самолично, или посредствомъ writ, или же назначивъ особую судную коммиссію. При Генрихѣ I высшіе прелаты отправляются по-ту сторону канала, чтобы представить

тельную картину. Но эта картина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, которая только со времени Magna Charta становится болѣе отрадною. Отправленіе правосудія, въ самомъ дѣлѣ, составляло самую слабую сторону всей норманнской системы правленія, и одного сохраненія въ силѣ прежнихъ leges Eduardi было недостаточно, чтобъ исправить внутренній вредъ, возникавшій при такихъ условіяхъ, неблагонадежный составъ суда и вообще фискальный духъ, которымъ была проникнута вся система. Въ корыстолюбивомъ Exchequer и въ небрезгавшемъ взятками ландфоггѣ каждый изъ норманновъ видѣлъ, по крайней мѣрѣ, своего земляка, соратника, товарища по сословію. Но что должны были думать, не такіе счастливцы, саксонскіе Тань и Кеорль?

на усмотрѣніе короля разныя судебныя дѣла, и рѣшенія постановляемыя королемъ въ Нормандіи въ формѣ «writs de ultra mare» еще совершенно обычны при Генрихѣ II и Ричардѣ I. Акты, напечатанныя у Palgrave, во 2-мъ томѣ, важны по отношенію къ дѣлопроизводству въ королевско-судныхъ коммиссіяхъ въ томъ смыслѣ, что они констатируютъ тотъ вполнѣ чуждый правильныхъ формъ способъ дѣйствія коммиссаровъ, который былъ бы совершенно немыслимъ, еслибъ при дворѣ короля существовала ленная палата съ опредѣленнымъ персоналомъ въ качествѣ постояннаго, или по крайней мѣрѣ періодически открывавшагося суда, который, подобно вообще всѣмъ леннымъ куріямъ, непремѣнно выработалъ бы у себя прочный и строго формальный порядокъ дѣлопроизводства.**)

**) Я здѣсь ограничусь слѣдующими примѣрами того, какъ въ разныхъ Constitutional History представляется происхожденіе aula Regis или curia Regis „Въ составъ Aula Regis входили, обыкновенно, находившіеся при особѣ короля и потому имѣвшіе свое пребываніе при дворѣ высшіе государственные сановники, какъ то Lord High Constable, Lord Marshal, High Steward и пр., лордъ-канцлеръ, лордъ главный казначей. Въ помощь этимъ высшимъ должностнымъ лицамъ назначались нѣкоторые ученые юристы, Justiciarii Regis, и важнѣйшіе бароны въ парламентѣ, — всѣ они засѣдали (!) въ Aula Regis, образуя какъ бы аппелляціонный судъ или, вѣрнѣе, королевскій совѣтъ для особенно важныхъ и затруднительныхъ дѣлъ“. (Bowyer Const. Law. 243). „Засѣданія этого суда происходили каждый данный разъ въ мѣстѣ пребыванія короля. Ему принадлежала таже юрисдикція, что парламенту (!) Предсѣдательствовалъ обыкновенно Lord High Steward, превратившійся потомъ въ capitalis justiciarius. При гражданскихъ уголовныхъ процессахъ засѣданія происходили въ королевской палатѣ, при разбирательствѣ же фискальныхъ дѣлъ въ Echequer“(Millar, Engl. Constitution, J. II, гл. 3). „Отправленіе правосудія въ послѣдней инстанціи принадлежало первоначально большому совѣту. Это былъ baronial court короля, а его tenentes in capite были въ немъ судьями“ (Allen въ Edinburgh Review XXVI, стр. 364). Докладъ коммиссіи верхней палаты ограничивается тѣмъ, что принимаетъ просто ordinarium concilium короля, членами котораго были высшіе сановники и незначительное число назначенныхъ прелатовъ, бароновъ и свѣдующихъ въ законахъ Justiciari-евъ“. „Этотъ Select council былъ въ тоже время и высшимъ судомъ, подъ именемъ Curia Regis, собиравшимся обыкновенно трижды въ году—на Пасхѣ, въ Троицу и на Рождествѣ“. (Peer's Report стр. 20). Подобная путаница происходитъ оттого, что впослѣдствіи при Генрихѣ II возникла коллегія изъ должностныхъ Justiciarii; почему въ позднѣйшихъ юридическихъ сводахъ Гланвиллы и Брактона и трактуется о Curia Regis какъ о постоянной коллегіи. Эти должностныя судьи ошибочнымъ образомъ и превратились въ непосредственныхъ преемниковъ высшихъ бароновъ норманнской ленной куріи. Въ доказательство же того, что подобный постоянный судъ пэровъ дѣйствительно образовался со времени завоеванія, приводятся отрывки ленныхъ конституцій континента. — Но только куда же могла дѣваться впослѣдствіи это могущественное представительное собраніе? Въ такъ назыв. „исторіи“ англійскаго права и на это имѣется готовый отвѣтъ. „Неудобства, связанныя съ появленіемъ въ большомъ ленномъ судѣ, побуждали многихъ коронныхъ вассаловъ вовсе не показываться на его засѣданіяхъ; вѣроятно являлись на нихъ только тѣ, которые спеціально вызывались для принятія участія въ дѣлѣ правосудія“. (Parry, Parliaments, стр. XII). „Бароны хотя и обладали правомъ на занятія мѣстъ въ Curia Regis, тѣмъ не менѣе не выказывали особаго расположенія къ занятію юридическими дѣлами, вслѣдствіе чего незначительное число тѣхъ, ко-

И такъ, полученный нами *отрицательный результатъ* заключается въ томъ, что подъ именемъ Curia Regis существовало широкозахватывавшее судебное верховенство короля, заключавшееся въ правѣ, по поводу весьма многочисленныхъ и важныхъ дѣлъ, лично опредѣлять и назначать судъ; но что, съ другой стороны, эта Curia Regis не состояла изъ *всѣхъ коронныхъ вассаловъ въ ихъ совокупности*, вовсе не составлявшихъ, при ихъ тогдашнемъ положеніи, какой-либо замкнутой корпораціи; не состояла она также изъ опредѣленнаго количества однихъ *крупныхъ вассаловъ*, такъ какъ въ то время не было еще никакой точки опоры для правоваго разграниченія крупныхъ вассаловъ отъ мелкихъ; не состояла она и изъ опредѣленнаго количества *важнѣйшихъ и должностныхъ лицъ*, такъ какъ главнѣйшія государственныя должности имѣли тогда вовсе не такой характеръ, чтобъ изъ нихъ могъ образоваться постоянный судъ пэровъ.

При разсмотрѣніи вопроса въ указанной связи, становится понятнымъ, какимъ образомъ судебная власть короля въ Англіи могла такъ далеко раздвинуться сравнительно съ средневѣковымъ германскимъ государственнымъ устройствомъ и концентрироваться въ столь высокой степени; какимъ образомъ, вопреки всѣмъ принципамъ германскаго ordo judiciorum, англійскій король такъ часто самъ засѣдаетъ въ судѣ и принимаетъ личное участіе въ рѣшеніи дѣлъ; какимъ образомъ, при посредствѣ writ, возникаютъ процессуальныя формы, опредѣляемыя королевскимъ рескриптомъ, а при посредствѣ этихъ послѣднихъ даже и прямо кабинетская юстиція; наконецъ, какимъ образомъ этотъ *въ высшей степени личный характеръ* придворнаго суда еще на цѣлыя столѣтія удерживается, не нарушая установленнаго государственнаго строя, какъ судъ «ubicumque fuerimus in Anglia». Отсюда объясняется также, почему у Брактона, Флеты и въ позднѣйшихъ юридическихъ трактатахъ обязанности короля понимаются не въ строго-формальномъ смыслѣ суда и расправы, а какъ прямой долгъ постановлять самыя рѣшенія: nec potest aliquis judicare in temporalibus, nisi solus rex vel subdelegatus. Fleta I. гл. 17,

---

торые преимущественно занимались ими, постепенно пріобрѣло руководящую роль въ дѣлѣ судопроизводства". (Foss, Judges I, 20). Изъ сознанія ли собственной неспособности въ отношеніи къ возникавшей наукѣ права, или же вслѣдствіе усиленія самыхъ занятій предлежавшихъ суду, — все равно, „значительнѣйшіе изъ бароновъ постепенно стали сторониться". Такимъ образомъ оказывается, что между тѣмъ какъ позднѣйшее баронство 14 и 15 вѣка стремится пріобрѣсти себѣ политическое вліяніе при помощи того безпримѣрнаго рвенія, съ которымъ оно старается забрать въ собственныя руки государственныя и судебныя дѣла, такъ что подъ конецъ оно достигаетъ привиллегіи суда пэровъ, напротивъ, бароны 12 и 13 столѣтія начинаютъ свою политическую роль какъ разъ на оборотъ съ того, что сами отстраняются отъ участія въ судебномъ дѣлѣ!

§ 1.—Только со временемъ изъ этой сконцентрированной въ особѣ короля юстиціи возникаетъ впослѣдствіи, при Генрихѣ II, изъ *должностныхъ* лицъ сформированный судъ, который, какъ видно изъ документовъ, произошелъ совершенно инымъ путемъ, а отнюдь не былъ продолженіемъ предполагаемаго представительнаго суда пэровъ.***).

III. Curia Regis *въ смыслѣ высшаго правительственнаго учрежденія*, совмѣщающаго въ себѣ центральное завѣдываніе государственными дѣлами, могла бы, также какъ и на французской почвѣ, развиться изъ постояннаго леннаго суда, еслибы только въ Англіи таковой дѣйствительно существовалъ. Но такъ какъ придворные съѣзды были просто праздничныя собранія у короля, и такъ какъ королевская судебная власть проявляла себя чрезъ посредство коммиссій, то уже съ самаго начала недоставало элементовъ для подобнаго *сформированнаго* королевско-государственнаго совѣта. Конечно и во время придворныхъ празднествъ съ особою и достоинствомъ монарха были нераздѣльны заботы и труды по управленію государствомъ. Но уже сами крайне запутанныя правовыя отношенія дѣлами для короля неизбѣжною потребность въ постоянныхъ совѣщаніяхъ и помимо придворныхъ съѣздовъ. Навѣрное можно сказать, что уже съ самого начала существовалъ Consilium Regis, но только не въ смыслѣ прочнаго, объусловленнаго *владѣльческимъ* или *должностнымъ* правомъ, корпоративнаго учрежденія, а лишь въ томъ смыслѣ, что изъ среды духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ короля имъ избирался болѣе тѣсный кружокъ приближенныхъ совѣтниковъ, своего рода consilium, составъ котораго, равно какъ и способъ занятій, оставались еще довольно неопредѣленными, и, смотря по личнымъ свойствамъ короля, могли значительно измѣняться. Въ *каждый*

***) Въ приведенномъ фантастическомъ представленіи объ Aula Regis фактически вѣрно лишь то, что разбирательство исключительныхъ коронныхъ дѣлъ, производившееся особыми комисарами, равно какъ и дѣлопроизводство посредствомъ writs и согласное съ обычаемъ отправленіе обязанностей шерифа свѣтскими коронными вассалами создали въ средѣ прелатовъ и бароновъ, болѣе или менѣе тѣсный кругъ законовѣдовъ, которымъ обыкновенно и поручалось отправленіе правосудія. Кружокъ такихъ лицъ былъ естественнымъ переходнымъ звеномъ къ позднѣйшимъ Justiciarii и къ еще позднѣе возникшей цѣлой коллегіи юстиціаріевъ. Всего ближе къ истинѣ, по обыкновенію, стоитъ Madox I, 6, всегда весьма трезво пользующійся документами казначейства:

„Съ своими ленниками король совѣщался о важныхъ дѣлахъ, а также и каждый торжественный правительственный актъ исполнялся въ ихъ присутствіи и при ихъ дѣятельномъ соучастіи. Тѣ изъ нихъ, которые по его призыву обыкновенно являлись при дворѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми епископами и прелатами, участвовали также и въ завѣдываніи доходами и въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, поступавшихъ на судъ короля, и съ теченіемъ времени они стали именоваться Consiliarii или Consilium Regis. Нѣкоторыя изъ нихъ занимали Ministeria или высшія придворныя должности“.

данный моментъ существовалъ въ своемъ родѣ conseil du roi, который на феодальномъ языкѣ хотя и назывался Curia Regis, но ежедневно могъ подвергнуться перемѣнамъ въ своемъ составѣ по волѣ короля, какъ это по буквѣ закона, имѣетъ мѣсто и въ наше время по отношенію къ privy council. [3]) Это предположеніе подтверждается убѣдительнымъ образомъ изъ изслѣдованія характера *высшихъ должностей*, которыя въ своей норманнской формѣ могли столь же мало образовать постоянный королевскій совѣтъ, какъ и постоянный судъ. Правда, мы встрѣчаемся съ названіями семи высшихъ должностей, но всѣ онѣ частію лишены *непрерывно-преемственнаго* характера, частію же ограничены весьма опредѣленною *единичною* дѣятельностью.

1) Уже довольно рано встрѣчается Justiciarius totius Angliae, но только какъ представитель короля, временно назначаемый на правахъ коммиссара, всего чаще вмѣстѣ съ другими. Въ продолженіе долгаго времени не достаетъ установившагося обозначенія для этого, такъ сказать, генеральнаго намѣстника, для чего, смотря по вкусу и терминологіи разныхъ авторовъ, употреблялось то одно, то другое выраженіе. Повторяющіяся отлучки короля въ Нормандію часто дѣлали необходимымъ подобное намѣстничество. Но только при Генрихѣ II, Р. де-Бьюмонтъ, потомъ Р. де-Люси и въ 1180 г. Р. де-Глэнвилль, впервые носятъ титулъ «Summus Justiciarius totius Angliae». Ричардъ I, при своемъ вступленіи на престолъ, назначаетъ одного епископа и одного графа, при чемъ даетъ имъ въ товарищи по управленію (associat eis in regimine) 5 бароновъ. За тѣмъ, отправляясь въ Нормандію, онъ назначаетъ еще двухъ епископовъ и четырехъ бароновъ; во время своего пребыванія въ Палестинѣ, онъ присоединяетъ къ нимъ архіепископа руанскаго. Позже въ званіи «Summus Justiciarius» встрѣчаемъ архіепископа Губерта. Изъ 15 Jo. еще сохранился королевскій патентъ, которымъ епископъ винчестерскій назначался въ «Justiciarius noster Angliae, quamdiu nobis placuerit ad custodiendam loco nostro terram nostram Angliae». И такъ только со времени Гейнриха II эта должность

---

[3]) Curia regis *въ смыслѣ высшаго правительства* также не возможно свести на коллегіальную форму, какъ и высшій ленный судъ. Только несовершеннолѣтіе короля Генриха III по необходимости вызвало образованіе „Consilium Regis“, облеченнаго правами регенства и состоявшаго изъ прелатовъ, вассаловъ и законовѣдовъ. Составленный въ послѣдствіи по этому образцу Permanent Council внушилъ ошибочное представленіе о существованіи въ этомъ періодѣ постояннаго совѣта конституціоннаго характера. Для опроверженія и въ данномъ случаѣ прочно укоренившихся представленій ничего не остается, какъ послѣдовательно разсмотрѣть всѣ высшія государственныя должности, какъ онѣ существовали на самомъ дѣлѣ, именно какъ они безпорядочно сложились изъ обязанностей временныхъ намѣстниковъ и придворныхъ и феодальныхъ должностныхъ лицъ.

получаетъ значеніе государственной, но это снова прекращается послѣ Генриха III. a)

2) Seneschallus totius Angliae, Lord High Steward, Majordomus *или первый* гофмейстеръ. Первоначально это была, кажется наслѣдственная должность. Норманнскіе короли были богатѣйшими государями во всемъ христіанскомъ мірѣ, и уже вслѣдствіи своего общественнаго значенія они должны были окружать себя извѣстнымъ количествомъ придворныхъ чиновъ, изъ которыхъ нѣкоторые, по тогдашнимъ сословнымъ понятіямъ, должны были быть также наслѣдственными, какъ и корона, которой они служили. Сенешалъ, маршалъ, каммергеръ, Butler (кравчій) были тѣмъ неразрывнѣе связаны съ королевскимъ достоинствомъ, что и знатнѣйшіе васалы имѣли при себѣ подобныхъ же должностныхъ лицъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ Нормандіи существовала наслѣдственная должность Majordom'a; но ея политическое значеніе было настолько ничтожно, что даже съ точностью неизвѣстно, кто былъ сенешаль Вильгельма I. При Вельгельмѣ II объ Eudo говорится: Majordomus regiae, quem nos vulgariter Senescallum vel Dapiferum vocamus; и въ одной старинной грамотѣ у Кока читаемъ: Senescalcia Angliae pertinet ad comitivam de Leicester et pertinuit ab antiquo. Вслѣдствіе осужденія Симона де Монтфорта, въ концѣ этого періода, наслѣдственный характеръ должности снова утрачивается. b)

---

a) O Capitalis justiciarius y Spelman, стр. 405—418 говорится такимъ образомъ, что, повидимому, слѣдуетъ сдѣлать выводъ объ извѣстной преемственности этой должности. Но при первыхъ короляхъ рѣчь можетъ быть только о временномъ замѣстительствѣ короля. Въ 1067 г. Вильгельмъ I назначаетъ епископа Одо и В. Фитцъ-Осбёрна въ Custodes Angliae (Hoveden I, 450). Саксонск. хроника говоритъ объ Одо: Cum Rex in Normannia, fuit ille primus in hac terra. 1073 г. W. de Warenne и R. de Benefacta упоминаются какъ Vicarii Regis или Praecipui Angliae justiciarii. При Вильгельмѣ II Flambard, королевскій капелланъ, именуется Placitator et Exactor totius Angliae или Regiarum opum Procurator et justiciarius. При Генрихѣ I епископъ Роджеръ носитъ титулъ justiciarius totius Angliae et Secundus a Rege. Но при томъ же королѣ и R. Basset и другіе упоминаются въ томъ же званіи.—Въ 1153 г. Стефанъ назначаетъ своего, условленнаго договоромъ наслѣдника престола въ justiciarius, какъ, по крайней мѣрѣ, утверждать Hoveden, хотя въ самомъ договорѣ объ этомъ ничего не сказано. Foss I, 145. Удовлетворительный обзоръ этихъ первыхъ генеральныхъ намѣстниковъ даетъ Foss, стр. 11, 20 и слѣд. При этомъ онъ указываетъ на то весьма важное обстоятельство, что лица, называемые историками summi justiciarii, подписываются въ грамотахъ, въ качествѣ свидѣтелей, не обозначая этого титула (Foss, I. 65), какъ и вообще титулъ justiciarius совсѣмъ не встрѣчается въ грамотахъ Вильгельма II и весьма рѣдко въ царствованіе Вильгельма II (Foss I, 90). При Генрихѣ же II, вмѣстѣ съ радикальной реформой государственнагоуправленія,функціи Summus justiciarius уже неоспоримо принимаютъ характеръ формальной государственной должности. (Foss I. 169). Начиная съ этого времени перечень ихъ находимъ у Foss I, стр. 170 и сл.; II, стр. 23 и слѣд.

b) Данныя о Seneschallus totius Angliae приведены у Madox. Сенешалемъ

3) Lord Great Chamberlain, *первый камергеръ*. Съ самого начала для королевскаго хозяйства существовало отдѣльное управленіе, въ вѣденіи котораго находились разныя помѣстья, поземельныя подати, натуральныя повинности и личные расходы короля (Camera). Завѣдывавшіе всѣмъ этимъ лица (Camerarii) состояли на частной службѣ короля; но должность перваго между ними (Magister Camerarius?), согласно съ общимъ характеромъ придворной службы, была наслѣдственна. Такъ Вильгельмъ I жалуетъ Альберту де Веръ Magistram Camerariam totius Angliae in feodo hereditarie tenendam; и это продолжалось до самаго Henry de Ver, 18-го графа оксфордскаго. Но такъ какъ, современемъ, и эта наслѣдственная должность превратилась, по обыкновенію, просто въ почетное званіе, то для дѣйствительнаго управленія камерой возникаетъ новая, съ частнымъ характеромъ, должность—Camerarius Regis, Kings Chamberlain, придворный камергеръ, имѣющій почетное мѣсто въ Exchequer, въ которомъ подчиненные какъ его самого, такъ и перваго камергера, съ званіемъ Chamberlains of the Exchequer, исполняютъ обязаности кураторовъ или попечителей кассы. При Плантагенетахъ эта должность придворнаго каммергера переходитъ къ дежурнымъ оберъкаммергерамъ. c)

4) Constabularius totius Angliae, Lord High Constable, коннэтабль Англіи. Относительно существованія такой должности при первыхъ норманнскихъ короляхъ доказательствъ не имѣется. Въ Нормандіи она, повидимому, существовала; но въ Англіи введеніе ея противорѣчило бы всѣмъ принципамъ правительственной системы. Впрочемъ Constabularii упоминаются довольно часто, но дѣло въ томъ, что каждая военноначальническая должность составляетъ constabularia,—командованіе частью войскъ, крѣпостью, какимъ-либо постомъ, кораблемъ (constabularia navígii Regis). Только въ періодъ правительственныхъ уступокъ, начиная съ Стефана, появляется con-

---

Вильгельма I называютъ то Грентисменилля, то другихъ лицъ. Послѣ временнаго перерыва въ существованіи этой должности, которую въ послѣдній разъ передъ тѣмъ занималъ Симонъ де Монтфортъ, она перешла вслѣдствіе новаго пожалованія, къ Ланкастерскому дому, затѣмъ снова угасла со вступленіемъ одного изъ Ланкастеровъ на англійскій престолъ, и съ тѣхъ поръ возобновлялась лишь въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ pro hac vice, главнымъ образомъ при торжественномъ коронованіи короля. Подробное описаніе придворнаго штата при Генрихѣ II находится въ Liber niger Scaccarii (изд. Hearne).

c) Относительно Great Chamberlain и Camerarii см. указазанія у Madox. Со смерти Henry de Ver, 18-го графа оксфордскаго, эта должность, раздѣлившаяся путемъ наслѣдства по женской линіи, сохраняется до нашего времени, будучи связана съ опредѣленными доходами и съ извѣстными обязаностями при коронаціи короля.

stabularia какъ родовая, наслѣдственная должность, и при Генрихѣ II встрѣчаются одна или двѣ constabulariae, несомнѣнно связанныя большими земельными владѣніями. Служебныя обязанности однакожь заключались, повидимому, лишь въ слѣдующемъ:

а) почетное званіе главнаго коннэтабля ленной милиціи на мирномъ положеніи,—безъ права командованія, а скорѣе соединенное съ правомъ военной юрисдикціи, веденія призывныхъ списковъ и съ тому подобными административными обязаностями, исполняемыми лицомъ, заступающимъ мѣсто самого коннэтабля. Дѣйствительное же командованіе предоставляется всегда по особому порученію короля.

в) почетное званіе члена казначейства, съ обязанностями, тоже исполняемыми замѣстителемъ. Такимъ образомъ возникаетъ constabularia въ Exchequer, а при позднѣйшемъ раздѣленіи также и въ судѣ Common Pleas. Активнымъ членомъ Exchequer'а коннэтабль могъ быть только по особому назначенію.

Въ этомъ смыслѣ наслѣдственная должность принадлежала роду Bohuns до 1371 г., когда она, въ видѣ дочерняго приданаго, перешла къ королевской фамиліи, а потомъ въ родъ Стаффордовъ, вмѣстѣ съ которымъ она и прекращается въ 1521 г. d)

5) Marescallus Angliae. Должность наслѣдственнаго военнаго маршала также — происхожденія позднѣйшаго, какъ и наслѣдственная должность Constable'я. Правда въ арміи Завоевателя былъ свой маршалъ (R. de Montgomery). Но идея подобной родовой должности возникаетъ не прежде, какъ при королѣ Стефанѣ, когда (рядомъ съ Милономъ Глечестерскимъ въ качествѣ High Constable) Gilbert Clare именуется уже Marshal, и затѣмъ самая должность наслѣдственно передается въ его потомствѣ. Что повидимому, уже съ самаго начала періода существовало—это наслѣдственная должность *придворнаго маршала*, которая, сообразно съ важностью, придаваемой, по тогдашнимъ понятіямъ, главной конюшнѣ даже всякаго аристократа, конечно составляла принадлежность и каждаго дворцоваго хозяйства. Правда, что значеніе этого титула весьма неопредѣленно. Каждое вѣдомство,

---

d) Разнообразныя, но безъ всякой системы подобранныя данныя о Constabularius Angliae сообщаются у Spelman, Glossarium, стр. 183—86. Изъ нихъ видно, что только со временъ Стефана упоминается о наслѣдственной constabularia въ лицѣ Милона Глочестерскаго. Его отецъ Вальтеръ, въ исторіи одного стариннаго аббатства именуется Constabularius princeps militiae domus regiae (Foss, I, 123),—наименованіе, опять-таки, допускающее разнообразныя толкованія. Фамильнаго права на военно-начальническія должности, дѣйствительно, никогда не существовало въ Англіи. И въ докладѣ коммиссіи верхней палаты Constabularia разсматривается, какъ совокупное понятіе разныхъ видовъ службы, право принятія или отмѣны которыхъ всегда оставалось за королемъ.

завѣдывающее содержаніемъ извѣстнаго количества лошадей и заготовленіемъ фуража для нихъ зовется marescalcia; встрѣчается даже marescalcia avium, marescalcia mensurae Regis. Но не подлежитъ сомнѣнію существованіе *стариаго* придворнаго маршала, на обязанности котораго лежали заботы о безопасности королевской особы, о распредѣленіи жилыхъ помѣщеній во дворцѣ, и о поддержаніи тишины и порядка въ дворцовомъ хозяйствѣ. Вѣроятно этотъ старшій маршалъ и называется, Magister Marescallus или прямо маршалъ, названіе, переходящее даже въ фамильное прозвище—Marshal,—что̀ указываетъ на наслѣдственный характеръ самой должности. Но такъ какъ чрезъ замужество одной изъ дочерей родъ, прозывавшійся Marshals (придворные маршалы), вступилъ въ родственныя связи съ родомъ Clares—графовъ Пемброкскихъ (военные маршалы), то съ этихъ поръ, намѣренно-ли или случайно, обѣ должности сливаются въ одномъ званіи Earl-Marshall. Съ этого времени его функціи были троякого рода:

а) почетное мѣсто въ ленной милиціи, непосредственно за Constable'мъ съ правомъ веденія призывныхъ списковъ и т. п., правомъ передаваемымъ исправляющему должность;

в) почетное мѣсто въ казначействѣ, съ формальными обязанностями, исполняемыми также чрезъ исправляющаго должность. Такъ возникла должность маршала въ Exchequer'ѣ съ правомъ арестовать лицъ, обязанныхъ дать казначейству отчетъ; отсюда, при дальнѣйшемъ дробленіи государственныхъ должностей, произошли маршалы нынѣшнихъ судовъ;

с) въ качествѣ высшаго придворнаго чина, до настоящаго времени сохраняющаго наслѣдственный характеръ. Это званіе соединено съ правомъ пользоваться извѣстными доходами и получать назначеніе на извѣстныя должности. е)

б) *Канцлеръ*, Cancellarius Regis.—важная духовная персона въ средневѣковомъ придворномъ штатѣ короля, а также и въ штатѣ королевы, высшихъ сановниковъ и значительнѣйшихъ

е) О Marescallus Angliae Madox приводитъ цѣлый рядъ достовѣрныхъ указаній, на которыхъ основываются всѣ позднѣйшія данныя. Здѣсь произошла аномалія: графскій титулъ фамиліи Пемброкъ въ періодъ, когда подобный титулъ принадлежалъ къ самымъ высшимъ и весьма рѣдкимъ, слился, въ соединеніи съ наслѣдственною въ названномъ родѣ гофмаршальскою должностью, въ общій титулъ Earl-Marshal, встрѣчающійся уже при Генрихѣ III и позднѣе также употреблявшійся въ грамотахъ. Путаницу здѣсь производитъ одновременное существованіе нѣсколькихъ маршальскихъ должностей. При Henry I маршалъ Wigan получаетъ въ ленное владѣніе нѣсколько помѣстій именно за свою должность. Другая и повидимому низшая маршальская должность принадлежала фамиліи Venuz, которая, по болѣе позднимъ свидѣтельствамъ, претендовала на присвоеніе себѣ magistra marescalcia, но ей было въ этомъ отказано (Charte Jo.).

васалловъ, почему онъ для отличія и называется Regis Cancellarius. По своему первоначальному положенію это былъ первый капелланъ короля, chef de la Chapelle le Roi. А такъ какъ первоначально вся письменная часть составляла принадлежность духовенства, то канцлеръ, въ качествѣ частнаго королевскаго секретаря, велъ всѣ письменныя сношенія государя съ Exchequer, съ низшими чинами и съ частными лицами. Поэтому канцлеромъ бывалъ обыкновенно придворный капелланъ, впослѣдствіи большею частію епископъ или аббатъ; ему принадлежитъ право засѣдать въ Exchequer, со времени же Генриха II онъ дѣлается лицомъ, играющимъ главную роль въ дѣлѣ подготовки государственныхъ чиновниковъ къ ихъ оффиціальной дѣятельности. Занятіе этой должности всегда обусловливается особымъ довѣріемъ короля, и потому она всегда была смѣняемою; иногда же она пріобрѣталась съ уплатой извѣстной пошлины (fine), при чемъ постоянно возрастающая сумма ясно указываетъ на все болѣе усиливающееся значеніе самой должности. Уже при Стефанѣ канцлеръ уплачиваетъ 3,000 марокъ. Въ 7 Jo. Вальтеръ де Грей заплатилъ 5,000 марокъ за пожизненное канцлерство,—но такой способъ достиженія этой должности продержался не долго. По временамъ упоминается о вице-канцлерѣ; за тѣмъ, далѣе, Clericus Magister Scriptorii, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности clerk'a въ казначействѣ; Scriptor Rotuli de Cancellaria и другіе [f]).

---

f) О канцлерѣ, Cancellarius Regis, подробно трактуется у Spellman, h. v. стр. 127 — 135, съ поименнымъ спискомъ лицъ, занимавшихъ эту должность до времени Іакова I. Но и здѣсь, впрочемъ, ихъ родословную авторъ возводитъ къ слишкомъ раннему времени, приравнивая capellani regis англосаксонскаго періода къ государственнымъ канцлерамъ. Только въ памятникахъ, современныхъ послѣднему поколѣнію обозначеннаго періода Capellanus, Sigillarius, Notarius regis упоминается столь часто, что приходится предположить уже прочно установившіяся канцелярскія занятія въ кабинетѣ государя. Kemble, Anglo-Saxons II, 97. Со времени Эдуарда Исповѣдника засвидѣтельствована въ памятникахъ также и дарованная канцлеру большая печать, имѣвшая потомъ собственную исторію. Въ новѣйшее время (1843 г.) Hardy впервые сдѣлалъ болѣе точное изданіе, въ формѣ таблицъ, списковъ какъ лордъ - канцлеровъ, такъ и хранителей печати; а около того же времени, лордомъ Campbelle'мъ составлены ихъ жизнеописанія (Лондонъ, 1845—47). Старательно составленный списокъ первыхъ по времени канцлеровъ у Foss, Iudges, т. I и II.—Въ правленіе первыхъ норманнскихъ государей канцлеръ является еще въ значеніи второстепеннаго сановника и, слѣдуя по порядку, подписывается за епископами и Earls и занимаетъ мѣсто между barons of the Exchequer. Канцлеры этого болѣе ранняго періода только со временемъ достигаютъ повышенія на епископскія мѣста. Однакожь уже и тогда это была важная должность въ которой именно канцлеръ, въ качествѣ совѣтника въ кабинетѣ короля, большею частію велъ дѣла касавшіяся сношеній съ папскимъ престоломъ, а также и вообще требовавшія юридической учености. Въ срединѣ періода положеніе канцлера выросло на столько, что эту должность уже исправляютъ значительнѣйшіе между епископами и даже архіепископы. Не смотря на это, канцлеръ остается членомъ Exchequer'а и еще при Генрихѣ III исполняетъ обязанности странствующаго судьи. Однажды при Ген-

7) *Казначей*, Treasurer, обыкновенно изъ духовныхъ, уже при Генрихѣ II, а вѣроятно и раньше, фигурируетъ въ средѣ Barons of the Exchequer, между которыми за нимъ признается особенно выдающееся значеніе. Епископъ Нигелль пріобрѣтаетъ эту должность за 400 фунтовъ для своего сына, автора «Dialogus». Съ теченіемъ времени эта должность выростаетъ наравнѣ съ развитіемъ финансовъ, такъ что въ заключеніе преобразуется въ должность министра-премьера g).

Изъ обзора этихъ главнѣйшихъ государственныхъ должностей слѣдуетъ, что онѣ не были *ни одновременнаго происхожденія, ни однородны*. Скорѣе ихъ характеръ ясно указываетъ на то, что всѣ онѣ объединялись въ рукахъ высшей правительственной власти. Такъ при обсужденіи важныхъ военныхъ вопросовъ король, естественно, не обходился безъ совѣтовъ High Constable'я; по поводу отношеній къ иностраннымъ державамъ, въ особенности къ папскому престолу, онъ совѣщался съ своимъ канцлеромъ, онъ же иногда и примасъ,— и, наконецъ, по финансовымъ вопросамъ — съ своимъ Treasurer. Но какъ на вліятельныхъ совѣтниковъ современные историки обыкновенно указываютъ лишь на опредѣленныя *отдѣльныя* личности,

---

рихѣ былъ назначенъ канцлеръ, которому однакожь король не могъ или не желалъ довѣрить дѣйствительное веденіе подлежавшихъ его вѣденію дѣлъ, и для выхода изъ такого положенія былъ назначенъ особый custos sigilli, который исполнялъ всѣ главныя занятія по должности, не пользуясь титуломъ канцлера. Foss II, 137 и слѣд. Къ этому времени относится, такъ и оставшаяся не вполнѣ выясненною, разница между канцлеромъ и „хранителемъ печати". — Временно вице-канцлеръ встрѣчается уже при Генрихѣ II. Foss, I, 160. При Ричардѣ I эта должность получаетъ формальное значеніе, Foss, II, 21, но за тѣмъ опять упраздняется. Въ Dialogus de Scaccario I, 6 Clericus cancellarii, какъ лицо замѣняющее канцлера, упоминается уже въ качествѣ важнаго чиновника.

g) O Thesaurarius Regis полныя указанія находятся у Madox, и къ нимъ мы еще возвратимся при изложеніи слѣдующаго періода.

Какъ ни недостаточны, въ ихъ общей сложности, извѣстія о разсмотрѣнныхъ главнѣйшихъ государственныхъ сановникахъ, тѣмъ не менѣе ими доказывается, что вліятельныя въ правительственныхъ дѣлахъ лица, которымъ принадлежала администрація въ собственномъ смыслѣ, были или смѣняемыми исполнителями королевской воли, или назначавшимися въ качествѣ спеціальныхъ коммиссаровъ чиновниками. Наслѣдственнымъ должностямъ принадлежало лишь второстепенное мѣсто въ финансовой, военной и судебной отрасляхъ государственнаго управленія, и онѣ были менѣе многочисленны, чѣмъ въ другихъ странахъ, и распадаются на двѣ категоріи:

1) Grand Serjeanties, соотвѣтствующія высшимъ министеріаліямъ на континентѣ (High Steward, Great Chamberlain, Constable, Marshal, Butler и нѣкоторые другіе), всегда сопровождавшіяся пожалованіемъ рыцарскихъ леновъ.

2) Низшія Serjeanties, соотвѣтствующія низшимъ министеріаліямъ въ разной градаціи и связанныя не только съ рыцарскими ленами, но также и съ иными владѣніями, свободными отъ личной службы и отъ уплаты щитныхъ денегъ.

Впрочемъ, изъ экономіи норманнскіе короли не давали возникать Serjeanties въ слишкомъ большомъ количествѣ и не допускали для нихъ ни владѣнія особенно значительными имѣніями, ни чувствительнаго вліянія на управленіе государствомъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ, можетъ быть, бо̀льшее число serjeanties было обращено въ лены съ обязательной военной службой, нежели сколько ихъ было учреждено вновь.

хотя и ихъ вліяніе не отличалось устойчивостью. Вообще же всѣ перечисленныя должности до такой степени носятъ характеръ смѣняемости, съ другой же стороны немногія изъ нихъ, наслѣдственно переходившія изъ однѣхъ рукъ въ другія, отличаются сравнительно столь незначительными въ реальномъ смыслѣ обязанностями, что изъ нихъ отнюдь не могла развиться постоянная коллегіальная система правленія. Предполагать существованіе перманентнаго королевскаго совѣта подъ именемъ «Concilium ordinarium» или Select Council, скорѣе значило бы приписывать тому времени отношенія, которыя лишь въ болѣе позднюю эпоху выработались слѣдующимъ путемъ:

При *Вильгельмѣ Завоевателѣ* все указываетъ на «gouvernement personel», которое обусловливалось полнѣйшимъ измѣненіемъ прежнихъ отношеній въ странѣ и при которомъ этотъ король чувствовалъ себя на столько сильнымъ, что на время своего отсутствія смѣло оставлялъ вмѣсто себя штаттгальтера изъ крупныхъ васалловъ.

При *Вильгельмѣ II* стараются избѣгать этого и во главѣ управленія государственными дѣлами является капелланъ короля, между тѣмъ какъ, въ тоже время, дѣятельность казначейства получаетъ рѣшительный фискальный характеръ и самый строгій бюрократизмъ.

При *Генрихѣ I* и его, много лѣтъ остававшемся въ своей должности, главномъ юстиціаріи епископѣ Роджерѣ Сольсбёрійскомъ, Exchequer прочно устанавливается въ качествѣ генеральнаго директоріума (который можно сравнить съ нашими генеральными военными и доменными камерами), будучи въ то время единственнымъ постояннымъ центральнымъ вѣдомствомъ (curiarum omnium antiquissima); между тѣмъ какъ, на ряду съ нимъ, управленіе прочими дѣлами государства принадлежало самому королю при содѣйствіи временно назначаемыхъ совѣтниковъ.

При *Генрихѣ II* Exchequer превращается въ коллегіально-организованное вѣдомство съ періодическими засѣданіями, завѣдующее какъ управленіемъ финансами, такъ и иными связанными съ нимъ дѣлами; въ это же время является уже и коллегіальный судъ; прочими же государственными дѣлами все еще продолжаетъ управлять король съ своими временными совѣтниками.

При *Генрихѣ III* въ первый разъ организуется совѣтъ регентства въ качествѣ администраціонной коллегіи по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія, во всей ихъ совокупности, и эта коллегія послужила основаніемъ позднѣйшихъ постоянныхъ councils въ смыслѣ администраціонныхъ коллегій ****).

****) Тѣмъ не менѣе, вопреки указанному характеру этихъ должностей, нови-

§ 16.

Переходные моменты. Странствующіе судьи. Судейскія коллегіи. Зачатки государственныхъ чиновъ.

Хотя норманское государство и признавалось современниками за очень сильное своими учрежденіями, однако вскорѣ обнаружилась непрочность чисто-личнаго правительства, которое со смертью правителя всегда теряетъ подъ собою почву. Для такого правительства необходимъ законный, всѣми признанный монархъ и энергическій человѣкъ. Ни тѣмъ, ни другимъ не былъ Стефанъ; совершенный

димому, никакъ не хотятъ отказаться отъ взгляда, что уже въ то время существовалъ постоянный королевскій совѣтъ. Каждое совѣщаніе короля по текущимъ дѣламъ управленія, хотя бы въ самомъ тѣсномъ кружкѣ его сановниковъ, понимается въ смыслѣ формальнаго Concilium ordinarium или Select council. Каждая судная коммиссія, назначаемая королемъ, опять таки превращается въ Concilium ordinarium, то отождествляясь съ предъидущимъ, то какъ нѣчто отдѣльное. Если королю случится когда-либо обсуждать какія-нибудь важныя мѣры въ совѣщательномъ собраніи прелатовъ и бароновъ, то изъ этого уже дѣлаютъ цѣлый magnum concilium, въ родѣ позднѣйшей верхней палаты. Говорится ли историками того времени о большомъ придворномъ съѣздѣ, по поводу какого нибудь празднества или въ виду особенно-затруднительнаго положенія государства, то въ этомъ случаѣ опять видятъ commune concilium, въ которомъ будто бы принимали участіе болѣе или менѣе всѣ коронные вассалы въ ихъ совокупности. Даже самъ Parry, вообще отличающійся въ своемъ изложеніи разсудительной осторожностью, не можетъ отдѣлаться отъ этого традиціоннаго взгляда на предметъ,—см. его Parliaments, стр. X.

The First was the King's Ordinary Council, consisting of Prelates, Earls and Barons, selected by himself, and assisted by the Chancellor, Chief Iusticiar, the Iudges and other Officers of State. It was not only a Council of State, but the supreme Court of Iustice, and met three thimes every year at the great Festivals of Easter, Whitesuntide and Christmas: sometimes at Michaelmas, and at othertimes also, by adjournement.

The Magnum Concilium was a larger assembly of Persons of Rank and Property, convened on extraordinary occasions.

The Commune Concilium was a still more numerous body, collected together for more general purposes.

Все это, вообще, не отличается особенной точностью. Но сходное дѣленіе также находимъ и у Hallam, Middle Ages II, cap. 8, not. XIII, гдѣ выдѣляется commune concilium, состоящій изъ всѣхъ коронныхъ вассаловъ; select council съ судебными и административными цѣлями, и court of Kings bench, при Генрихѣ II выдѣлившійся изъ select council (ср. также Stubbs, Register подъ: Council). Ошибку здѣсь составляетъ педантически построенный выводъ, въ которомъ королевское правительство съ перемѣнными личными совѣтниками является подъ видомъ конституціонныхъ собраній или корпорацій.— Отсутствіе прочныхъ, опредѣленныхъ формъ въ норманнскомъ государственномъ управленіи также поставило позднѣйшихъ изслѣдователей въ затрудненіе, какимъ образомъ выразить отношеніе такого постояннаго чиновническаго вѣдомства, какъ Exchequer, къ такъ называемой Curia Regis. Madox I, 154 выражается крайне осторожно, называя Exchequer частью или какъ бы членомъ королевской Curia, нѣчто въ родѣ Subaltern Court,—что вполнѣ справедливо, если подъ curia разумѣть вообще все государственное правительство, но еще не выработавшее себѣ строго опредѣленныхъ формъ.

имъ захватъ власти имѣлъ слѣдствіемъ борьбу, которая, съ небольшими перерывами, наполняетъ собою все его царствованіе. Этотъ періодъ былъ для Англіи эпохою кулачнаго права, подобно періоду междуцарствія въ Германіи. Бѣдное сельское населеніе было на барщинѣ не у королевскихъ бурговъ, а у мелкихъ феодальныхъ владѣльцевъ. «Erant in Anglia fere tot tyranni quot domini castellarum». Поэтому однимъ изъ важнѣйшихъ условій заключеннаго, наконецъ, мира было уничтоженіе вновь построенныхъ бурговъ, число которыхъ доходило до 126, а по другимъ свѣдѣніямъ до 375 и даже до 1115. Понятно то удовольствіе, съ какимъ народъ, переживъ это смутное время, привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Генриха II, никѣмъ не оспариваемаго въ своихъ правахъ, понятны и тѣ добрыя отношенія, въ какія стало правительство этого государя къ странѣ.

Генрихъ II, повидимому, съ самаго начала своего царствованія считалъ надежнѣйшею опорою трона реформу мѣстнаго управленія, принявшую болѣе широкій характеръ, когда началась его борьба съ церковью. Спустя почти 100 лѣтъ послѣ завоеванія вводятся, почти одновременно, *три реформы*, которыя будутъ разсмотрѣны въ подробностяхъ при изложеніи правъ государственной власти, здѣсь же должны быть представлены въ ихъ взаимной связи: 1) централизація управленія при помощи странствующихъ судей; 2) учрежденіе оффиціальной судейской коллегіи въ видѣ надворнаго суда, 3) зачатки государственныхъ чиновъ въ представительствѣ крупныхъ бароновъ.

I. *Появленіе странствующихъ судей* было вызвано столько же нуждами государственной администраціи, сколько и необходимостью удовлетворить настоятельной потребности населенія. Администрація графствъ, во главѣ которой стояли Vicecomites, издавна страдала отъ тяжкихъ злоупотребленій. Поэтому еще при Генрихѣ I отдѣльныя судебныя дѣла, подлежавшія вѣдѣнію этихъ Vicecomites, стали передаваться королевскимъ коммиссарамъ. Достовѣрное извѣстіе объ этомъ находится въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ счетовъ казначейства, относящемся по розысканіямъ Гарди, къ 31 году царствованія Генриха I (1131). Въ этомъ счетѣ или свиткѣ (Rotulus) указывается, какія суммы причитались съ судебныхъ засѣдателей по постановленіямъ (placita) коммиссаровъ, напр., «Robertus filius Toli debet XXX marcas argenti de placitis G. de Clinton». Общее число названныхъ коммиссаровъ—9, въ томъ числѣ трое придворныхъ, которые извѣстны также и по другимъ источникамъ, какъ чины казначейства и совѣтники короля: Рольфъ Бэссетъ, Ричардъ Бэссетъ, Джоффри Клинтонъ. Остальные шестеро—крупные коронные вассалы, жившіе по сосѣдству съ тѣми

графствами, куда они командировались въ качествѣ коммиссаровъ при трехъ вышеупомянутыхъ сановникахъ. Суммы, подлежащія взносу въ казначейство, ставятся на счетъ *одного* только коммиссара, и ни откуда не видно, чтобы одновременно дѣйствовало нѣсколько коммиссаровъ. Итакъ, изъ этихъ записей можно заключить, что въ концѣ царствованія Генриха I начали поручать разсмотрѣніе дѣлъ, подлежавшихъ королевскому рѣшенію (placita Regis) не мѣстнымъ шерифамъ, а особо назначенной съ этою цѣлью коммиссіи, которая, по заранѣе установленному правилу, распредѣлялась по графствамъ такимъ образомъ, что королевскій коммиссаръ, заступая мѣсто вице-комеса, держалъ судъ вмѣстѣ съ представителями графства. При Стефанѣ, впрочемъ, это учрежденіе, какъ и вся вообще администрація, пришла въ упадокъ. Но Генрихъ II счелъ необходимымъ придать этимъ коммиссіямъ болѣе широкое значеніе, тѣмъ болѣе, что при Стефанѣ два претендента назначали шерифовъ изъ числа своихъ сторонниковъ, и зависимость ихъ отъ казначейства, а равно и надзоръ послѣдняго за ними, уничтожились. Съ этихъ поръ система странствующихъ Barones или Justiciarii вводится въ гораздо болѣе широкомъ объемѣ, съ цѣлью какъ административною, такъ и судебною, насколько обѣ эти цѣли различались между собою при норманскомъ образѣ правленія [1]).

Учрежденіе коммиссій было необходимо, прежде всего, для цѣлей *административныхъ*, *въ особенности—финансовыхъ*: королевскія привилегіи и доходы въ продолженіе смутнаго періода, благодаря различнымъ злоупотребленіямъ, утратили свое прежнее значеніе, производить равномѣрную раскладку tallages и другихъ повинностей на плательщиковъ при помощи пристрастныхъ и продажныхъ ше-

---

[1]) Происхожденіе странствующихъ судей не имѣетъ иного источника, кромѣ практики центральной администраціи и королевскаго права учреждать извѣстныя установленія, существованіе ихъ подтверждается документально едва ли не одними только счетами казначейства. На этихъ-то документахъ и основываются сопоставленія, весьма старательно сдѣланныя Мэдоксомъ. Въ позднѣйшихъ сборникахъ законовъ говорится объ Iusticiarii errantes, какъ о давнишнемъ установленіи, напр. Bracton III, cap. 11—13. Пересмотръ всѣхъ относящихся сюда извѣстій сдѣланъ въ сочиненіи Edward Foss, the Iudges of England, London 1848 и сл., первые два тома котораго посвящены этому періоду. Авторъ собралъ извѣстія о личности не менѣе 580 юстиціаріевъ этой эпохи. Главные результаты его розысканій заключаются въ слѣдующемъ: При Генрихѣ I изъ Magnus Rotulus 31 Henr. I, видно лишь ограниченное примѣненіе этого принципа въ placita Regis. При Генрихѣ II, въ теченіе первыхъ 11 лѣтъ царствованія (какъ и при Стефанѣ), существованіе правильнаго учрежденія этого рода не можетъ быть доказано, Foss I, 171. Только церковная распря съ Томасомъ Бекетомъ, повидимому, дала толчекъ великимъ и популярнымъ реформамъ. Съ 1166 г. до конца царствованія странствующіе коммиссары представляютъ правильный рядъ, почти безъ перерывовъ, Foss I, 174. Цѣли судебной администраціи выступаютъ на первый планъ уже съ 12 года царствованія Генриха II.

рифовъ, было затруднительно; между тѣмъ, требованія платежей становились все сильнѣе и настойчивѣе. Коммиссіи назначались также и для періодическихъ ревизій административныхъ дѣлъ вицекомесовъ. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ примѣнялся этотъ принципъ уже въ 15 годъ царствованія Генриха II, когда были учреждены коммиссіи изъ бароновъ и прелатовъ, съ опредѣленными полномочіями (articuli), для разслѣдованія должностныхъ злоупотребленій шерифовъ, подчиненыхъ имъ байльи, землевладѣльческихъ старшинъ, лѣсничихъ и др. Члены этихъ коммиссій, какъ делегаты отъ казначейства, назывались странствующими баронами (barones errantes).—Съ цѣлями финансовыми могли соединяться также и *военныя*, касавшіяся отчасти бурговъ и ихъ гарнизоновъ, отчасти другихъ временныхъ мѣропріятій. Съ 1181 г. въ кругъ этихъ мѣропріятій вошло преобразованіе земской милиціи: снова была возстановлена старая саксонская система земскаго ополченія, которая могла быть правильно введена въ дѣйствіе только при участіи странствующихъ коммиссаровъ. Послѣдніе должны были собирать рекрутъ для обученія (assisa de armis habendis) и наказывать уклонявшихся отъ воинской повинности.

Еще настоятельнѣе чувствовалась потребность въ коммиссарахъ *для цѣлей судебныхъ*, и въ особенности—для уголовнаго судопроизводства. Подъ вліяніемъ кулачнаго права, королевская привилегія, въ силу которой разбирательство тяжкихъ уголовныхъ преступленій производилось при дворѣ, получила иное значеніе. «Королевскій миръ» провозглашался нѣсколько разъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда шерифы не могли или не хотѣли его поддерживать, вводился въ дѣйствіе коммиссарами, нерѣдко суммарнымъ способомъ. Въ силу такого положенія дѣлъ, всѣ преступленія противъ личности, возстанія, убійства, поджоги, грабежи, похищенія, подлоги «et si quae sunt similia», дѣйствительно судились при дворѣ (Glanvilla I, c. 2), т. е. права короля производить судъ выражалось въ періодическихъ командировкахъ судей отъ королевскаго двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненъ былъ также и порядокъ слѣдственнаго производства въ сотняхъ, и на странствующихъ коммиссаровъ возложено руководство учреждаемыми съ этою цѣлью общинными комитетами, на основаніи однообразныхъ инструкцій, capitula coronae (см. выше, стр. 164).

Съ другой стороны, странствующіе коммиссары употребляются также и для цѣлей *гражданскаго судопроизводства*, что объясняется характеромъ дѣйствовавшаго въ то время права. Во многомъ другъ другу противорѣчившія постановленія графскихъ и вотчинныхъ судовъ относительно наслѣдованія леновъ, вдовьихъ правъ, обязанностей частнаго леннаго владѣльца по отношенію къ подчи-

ненным ему вассаламъ, требовали единообразной кодификаціи, равно какъ и государственныя постановленія о составѣ рыцарскаго сословія и сословія свободныхъ земледѣльцевъ (quaestiones status). Въ силу этихъ и другихъ причинъ длинный рядъ гражданскихъ процессовъ переходитъ въ вѣдѣніе двора (Glanvilla I, c. 3), съ общею оговоркою: quodlibet placitum de libero tenemento vel feodo potest rex trahere in curiam suam, quando vult (c. 5). Съ открытіемъ этого новаго пути, цѣлая масса подобныхъ процессовъ переносится на разсмотрѣніе двора, который, впрочемъ, принимаетъ ихъ не иначе, какъ по уплатѣ извѣстной пошлины (fine). Наиболѣе обычной суммой въ такихъ случаяхъ является 5 марокъ; одинъ разъ встрѣчается пошлина въ *одну* марку по дѣлу объ одной гуфѣ земли; далѣе, встрѣчаемъ пошлину въ 100 марокъ по дѣлу объ одномъ помѣстьѣ, 100 фунтовъ по дѣлу аббата съ гражданами Уигби и т. д. Иногда король даетъ знатнымъ лицамъ или монастырямъ привилегію, въ силу которой они могутъ быть судимы только или самимъ королемъ, или его великимъ судьею. Паралельно съ этимъ идетъ извѣстное уже намъ преобразованіе системы слѣдствія и судебныхъ доказательствъ въ гражданскомъ процессѣ,—преобразованіе, предоставляющее тяжущимся сторонамъ въ дѣлахъ о собственности, наслѣдствѣ и владѣніи, право требовать, чтобы вмѣсто поединка споръ разрѣшался коммиссіей судебныхъ мужей (recognitio). Такъ какъ это было уклоненіемъ отъ обычной системы доказательствъ, то для этого требовался особенный королевскій указъ (writ), который выдавался за извѣстную пошлину, сначала даже только *благонамѣреннымъ* рыцарямъ и свободнымъ земледѣльцамъ.

Эта система странствующихъ коммиссаровъ, назначаемыхъ въ виду столь разнообразныхъ цѣлей, долгое время представляла *измѣнчивую форму*. Мэдоксъ собралъ имена коммиссаровъ, упоминаемыя въ Rotulus 12, 13, 15—17, 20—26 Henr. II. Но составить ясное понятіе о нихъ еще не легко, такъ какъ они еще долго назначались смотря по временной надобности. На первый планъ все болѣе и болѣе выступаетъ, однако, цѣль *судебная*, къ которой по временамъ, присоединяются цѣли финансовыя и военныя. Часто мы встрѣчаемъ коммиссаровъ, которымъ поручается только возстановленіе порядка въ опредѣленной мѣстности (Justices of oyer and terminer), не рѣдко—общія уголовно-судебныя коммиссіи (Justices of gaol de livery), не рѣдко—спеціальныхъ Justices of dower, Justices of assize, затѣмъ снова Justiciarii ad omnia placita или вообще Justiciarii itinerantes (Bracton III, c. 11—13. На государственномъ сеймѣ въ Нортгэмптонѣ 22 Henr. II 1176 г., это учрежденіе получаетъ болѣе прочную форму, съ раздѣленіемъ страны на шесть округовъ, circuitus, предѣлы которыхъ уже

совпадаютъ съ границами нынѣшнихъ графствъ. На коммиссаровъ возлагается судопроизводство какъ гражданское, такъ и уголовное, руководство судебнымъ слѣдствіемъ, охрана королевскихъ правъ на коронныя земли, escheats, ленные доходы, ленныя опеки и пр. Впрочемъ, хотя это распоряженіе и состоялось по рѣшенію большого собранія нотаблей, однако въ 25 Henr. II оно было снова измѣнено и сдѣлана была попытка новаго раздѣленія на округа. Въ 1194 г. были опять учреждены новыя коммиссіи, съ болѣе широкимъ участіемъ общинныхъ выборныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ (juries) и съ правомъ раскладки tallagia и коронныхъ налоговъ. Раздѣленіе на шесть circuits сохранилось и до настоящаго времени; но еще долгое время существовали параллельно коммиссіи общія и спеціальныя, постоянныя и назначаемыя ex tempore [1a]).

1a) Новая эпоха начинается со времени чрезвычайнаго придворнаго сейма въ Нортгэмптонѣ, 1176 г., который раздѣлилъ графства на 6 circuits, и для каждаго округа назначилъ по 3 justiciarii. Здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду новое органическое учрежденіе, для котораго, спустя долгое время, снова потребовалось согласіе „лучшихъ людей“ (meliores terrae). При всей растяжимости верховныхъ правъ королевской власти, учрежденіе странствующихъ коммиссаровъ, все-таки, заключало въ себѣ опасное новшество въ сравненіи съ leges Eduardi, противорѣчіе принципу, въ силу котораго существовало право обращаться къ judicium parium. Palgrave I, 295 полагаетъ (и для перваго періода существованія этого учрежденія—справедливо), что странствующіе судьи назначались только для разслѣдованія фактической стороны дѣла, самое-же рѣшеніе предоставлялось самому королю въ собраніи двора. Своеобразная форма норманскаго придворнаго суда въ Англіи имѣла слѣдствіемъ такую уступчивость сторонъ, какой мы не встрѣчаемъ на континентѣ. Спеціальный королевскій коммиссаръ являлся представителемъ власти самого короля, и апелляція на его постановленія въ curia regis, т. е. къ самой верховной власти, не могло имѣть успѣха. Этимъ и объясняется, почему коммиссары уже довольно рано являются не слѣдователями только, но и судьями, произносящими приговоръ, который, по крайней мѣрѣ на практикѣ, считается за окончательный. Довольно рано также судебнымъ коммиссарамъ предоставляется постановленіе, отъ имени королевской куріи, и окончательнаго приговора по уголовнымъ дѣламъ, — „ad audiendum et terminandum“. Если къ этимъ коммиссарамъ присоединялось еще нѣсколько лицъ изъ суда графства, то это было лишь воспоминаніемъ о прежнемъ значеніи судебныхъ мужей, и вскорѣ обратилось въ простую формальность. Это было нѣчто подобное позднѣйшему процессу упадка суда присяжныхъ на европейскомъ континентѣ. Но когда такое положеніе дѣлъ, обусловленное нуждами правосудія, обращалось въ постоянное государственное учрежденіе, тогда понятно, что даже и самодержавное правительство сочло нужнымъ спросить предварительно согласія коронныхъ вассаловъ, особенно въ эпоху церковной распри. Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго хода дѣлъ видно, какъ мало обязательны были эти постановленія собранія нотаблей. Три года спустя, на сеймѣ въ Виндзорѣ 25 Henr. II, эти постановленія были въ значительной степени измѣнены. Въ обыкновенныхъ королевскихъ совѣщательныхъ совѣтахъ участвовало лишь небольшое число прелатовъ и коронныхъ вассаловъ (Parry, Parliaments 16). Страна была раздѣлена теперь на 4 округа и составъ коммиссій подвергся измѣненію. Foss I, 171. Въ позднѣйшее время первое мѣсто въ спискахъ странствующихъ судей занимаютъ, обыкновенно, justiciarii, бывшіе въ тоже время, членами учрежденной въ ту пору судебной придворной коллегіи. Затѣмъ слѣдуютъ простые Justitiae

Но переходъ такой массы дѣлъ въ непосредственное вѣдѣніе двора долженъ былъ оказать значительное *вліяніе на организацію центральнаго правительства*. До сихъ поръ казначейство, Exchequer, было единственнымъ прочнымъ учрежденіемъ съ организованнымъ бюро; всѣ прочія государственныя дѣла вѣдались частью въ неимѣвшихъ опредѣленной формы «совѣтахъ», conseils, частью—въ особо назначаемыхъ судебныхъ коммиссіяхъ съ традиціонными судебными формами. Изъ этого безформеннаго броженія образуется теперь нѣчто вродѣ прочнаго осадка:

II. *Учрежденіе коллегіальнаго придворнаго суда подъ общимъ наименованіемъ* curia regis,—второе постоянное вѣдомство на ряду и въ связи съ казначействомъ. Судебныя дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію короля и ранѣе передававшіяся въ вѣдѣніе казначейства или суда графства, теперь уже по закону переходятъ въ вѣдѣніе странствующихъ коммиссаровъ, которыми могли быть члены казначейства, но часто бывали и другіе, способные къ этому занятію, прелаты и бароны, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи низшихъ чиновниковъ казначейства или другихъ clercs. Эти коммиссары, съ одной стороны, должны были постоянно сноситься съ казначействомъ по вопросамъ о доходахъ, денежныхъ штрафахъ, escheats, пеняхъ, tallages и по другимъ финансовымъ и военнымъ дѣламъ; но съ другой стороны, странствующіе судьи имѣли цѣлый рядъ дѣлъ, относительно которыхъ нужно было выработать *новыя идеи*, новые принципы, какъ для способа дѣйствій, такъ и для примѣняемаго въ этихъ случаяхъ закона. При Генрихѣ II *для обсужденія этихъ, по преимуществу юридическихъ, вопросовъ былъ учрежденъ родъ коллегіи* (bancum), которая состояла въ первое время, по видимому, изъ странствующихъ судей, а отчасти и изъ лицъ, занимавшихъ должности въ казначействѣ. Summus Justiciarius является

---

itinerrantes, не рѣдко низшіе чиновники, которые впослѣдствіи производились въ ординарные justiciarii. Часто къ нимъ присоединяются землевладѣльцы и духовенство графства, въ особенности когда дѣло касалось раскладки tallagia или другихъ налоговъ. Foss I, 334, 335 — При Іоаннѣ разъѣзды на нѣсколько лѣтъ прерываются, особенно въ то время, когда король самъ объѣзжалъ страну, при чемъ его сопровождало нѣсколько юстиціаріевъ, Foss II, 27. При Генрихѣ III во главѣ коммиссіи стоитъ обыкновенно епископъ или аббатъ, и одинъ или двое ординарныхъ юстиціаріевъ изъ коллегіи, остальными членами являются крупные или мелкіе коронные вассалы или духовныя лица изъ графства, Foss II, 191, 192. Въ половинѣ XIII столѣтія, въ сводѣ Брактона находимъ формулу спеціальнаго указа (writ) о назначеніи странствующаго судьи: „constituimus vos justiciarium nostrum, una cum dilectis et fidelibus nostris A. B. C. ad itinerandum per comitatum W. de omnibus assisis et placitis, tam coronae nostrae quam aliis secundum quod in Brevi nostro de generali summonitione inde vobis directo plenius continetur“. Какимъ образомъ учрежденіе страствующихъ судей соединилось съ новымъ учрежденіемъ recognitiones и слѣдственныхъ судовъ разъяснено нами выше (§ 10, 11).

одновременно во главѣ и казначейства, и этой коллегіи, и въ Англіи долгое время существуетъ явленіе, замѣчаемое и нынѣ: большая часть правительственныхъ учрежденій наполняется однимъ и тѣмъ же персоналомъ. Одно и то же лицо можетъ, въ качествѣ странствующаго судьи, быть Justice in Eyre, въ качествѣ члена коллегіи казначейства—Baron of the Exchequer, въ качествѣ члена придворнаго суда — Justice in Banco. Поэтому трудно указать опредѣленный годъ, когда начинается организація судебной коллегіи. Во всякомъ случаѣ, важное значеніе для этого вопроса имѣетъ постановленіе 24 Henr. II, которымъ назначается пять коммиссаровъ «не для разъѣздовъ, но для выслушиванія *жалобъ при дворѣ*». Дѣла распредѣляются теперь такимъ образомъ, что бо́льшая масса ихъ разрѣшается странствующими судьями, важнѣйшіе же случаи разсматриваются въ коллегіи, т. е. или въ казначействѣ, или въ придворномъ судѣ (in banco) [2]). И такъ, для второй половины царствованія Генриха II, получаются слѣдующіе опредѣленные результаты:

1) Значительное число лицъ съ титуломъ justiciarii образуетъ постоянный судебный персоналъ, которому въ королевскихъ указахъ этотъ титулъ придается, какъ оффиціальный. Вскорѣ послѣ Ген-

---

[2]) Учрежденіе коллегіальнаго придворнаго суда является точно также продуктомъ административной практики. Въ извѣстный моментъ оно упоминается въ административныхъ документахъ; затѣмъ, въ сборникахъ законовъ, о немъ говорится уже, какъ о существующемъ установленіи, и, наконецъ, оно выводится изъ common law. Слѣдовательно, моментъ его происхожденія долженъ быть опредѣляемъ на основаніи признаковъ, въ числѣ которыхъ важное мѣсто занимаетъ самое слово justiciarius. Прежде такъ назывался всякій королевскій коммиссаръ, напр. тѣ, кому былъ порученъ пріемъ Domesdaybook, и королевскіе коммиссары въ войскѣ, и даже капитаны кораблей, justiciarii navigii Regis. Только со временъ Генриха II это названіе получаетъ болѣе спеціальное значеніе—постояннаго коммиссара по судебнымъ дѣламъ. Въ болѣе раннее время этихъ судей-комиссаровъ не было, точно такъ же, какъ и судебныхъ коммиссій. Равнымъ образомъ и summus justiciarius только со временъ Генриха II становится постояннымъ судейскимъ чиномъ. Въ 1165 и 1177 г. Говеденъ даетъ назначеннымъ отъ короля судьямъ неопредѣленное названіе fideles, familiares, barones curiae. Впрочемъ, существовалъ болѣе тѣсный кругъ приближенныхъ къ королю прелатовъ и бароновъ, которые, въ качествѣ людей, знающихъ законы, назначались обыкновенно въ казначейство и въ коммиссіи; но они не составляли коллегіи и не имѣли опредѣленныхъ, постоянныхъ должностей. Поворотнымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи были, повидимому, государственные сеймы въ Кларендонѣ 1164 г. Съ этого года идутъ правильные списки странствующихъ судей. Необходимость дать коммиссарамъ однообразныя инструкціи, необходимость взаимныхъ сношеній между ними и отчетовъ въ примѣненіи принциповъ права, привела вскорѣ къ коллегіальному порядку, который и упрочился на практикѣ. Дальнѣйшимъ доказательствомъ существованія такого порядка въ это время служатъ пошлины, платимыя тяжущимися сторонами за право подачи жалобъ въ curia regis; древнѣйшіе примѣры такихъ пошлинъ (fine) находятся въ счетахъ казначейства 15 Henr. II, Madox I, 96, 429. Изъ всѣхъ данныхъ слѣдуетъ, что періодъ, отъ 1165 до 1179 г. былъ временемъ возникновенія и упроченія коллегіальнаго придворнаго суда.

риха II появляются королевскіе патенты къ «Главному судьѣ» (Chief Justice) и другимъ судьямъ Англіи, въ которыхъ формально выражается оффиціальный характеръ *ординарныхъ* юстиціаріевъ. Въ качествѣ юстиціарія выступаетъ еще канцлеръ и, въ случаѣ надобности, всѣ высшія должностныя лица, являющіяся во главѣ коммиссій странствующихъ судей. Что именно духовенство, члены котораго были людьми компетентными и свѣдущими въ законахъ, постоянно принимало въ этомъ учрежденіи значительное участіе, — видно изъ списка (Foss I, 161), въ которомъ въ числѣ канцлеровъ и юстиціаріевъ того времени названо 5 архіепископовъ, 8 епископовъ, 3 аббата, 8 архидіаконовъ и 2 королевскихъ капеллана. Въ эпоху коллегіальныхъ учрежденій члены коллегіи являются высшимъ классомъ ординарныхъ юстиціаріевъ, которые стоятъ впереди простыхъ justices itinerant. Но и послѣдніе, въ позднѣйшее время, часто производились въ ординарные члены коллегіи [a]).

2) Что въ концѣ царствованія Генриха II существовали уже вполнѣ *выработанныя правила судопроизводства въ судебной коллегіи* при королевскомъ дворѣ, — это видно изъ сборника законовъ Глэнвиллы. Это судопроизводство разработано здѣсь съ такою опредѣленностью и искусственностью, которая предполагаетъ существованіе *продолжительной* коллегіальной *практики*. Съ учрежденіемъ придворнаго суда у Глэнвиллы поставлены въ связь важныя преобразованія въ системѣ судебныхъ доказательствъ по гражданскимъ дѣламъ (recognitio), въ отношеніи тѣхъ же самыхъ вопросовъ, о владѣніи, собственности и наслѣдствѣ, которые въ это время и въ Нормандіи разрѣшались также общинными коммиссіями, составляя тамъ болѣе давнюю форму enquêtes, основанныхъ на обычномъ правѣ [b]).

---

a) Извѣстія о личностяхъ старательно собраны у Foss, Vol. I и II, но все еще указываютъ на довольно пестрое распредѣленіе служебнаго персонала; такъ, напр., при Генрихѣ II въ составѣ ассизовъ — въ Кентѣ являются канцлеръ и констебль. При Ричардѣ I въ ассизахъ графства предсѣдательствуетъ великій судья архіепископъ Губертъ, и присутствующіе съ нимъ коммиссары рѣшаютъ вопросы о placita coronae, о лишеніи владѣній, о наслѣдствахъ и т. п. Королевское распоряженіе 24 Henr. II, которымъ назначаются 5 коммиссаровъ, qui a curia non recederent, но должны выслушивать жалобы при дворѣ (Bened. Petr. 266 a. 1178) не заключаетъ въ себѣ ни учрежденія, ни свидѣтельства о прежнемъ существованіи судебной коллегіи.

b) Относительно судопроизводства ср. Glanvilla VII. 9. § 7; XIII. 15. § 6; II. 6. § 4; V, 4; Spence, Equitable jurisdiction I, 101, 112, 128. Такъ какъ допущеніе гражданскихъ дѣлъ къ разбирательству при дворѣ и дозволеніе recognitionis являются королевскою милостью, и такъ какъ во всѣхъ спеціальныхъ случаяхъ назначеніе суда предполагаетъ личный актъ короля, то гражданскій процессъ при дворѣ принимаетъ форму близкую къ римскому рескриптіонному процессу. Истецъ долженъ исходатайствовать королевское повелѣніе (writ) о назначеніи суда, и для этого обращается къ королевскому секретарю,—канцлеру.

3) По господствовавшему прежде мнѣнію, въ царствованіе Ричарда I отъ коллегіальнаго придворнаго суда обособилось *гражданское отдѣленіе для* communia placita, такъ что съ этого времени стали существовать двѣ судебныя коллегіи, bancum Regis или собственно придворный судъ и bancum commune. Это мнѣніе основывалось, главнымъ образомъ, на предисловіи Кока (Coke) къ его 8-му отчету (Report), который здѣсь противорѣчитъ показанію лорда Бэкона. Обстоятельныя доказательства Фосса (II, 161—179) заставляютъ отвергнуть это мнѣніе [c]).

Но, все таки, во всей организаціи коллегіальнаго придворнаго суда нельзя не видѣть первоначальной и долго существовавшей связи съ казначействомъ (Exchequer), объясняемой тѣмъ, что казначейство издавна существовало въ видѣ организованнаго правительственнаго учрежденія, а также и тѣмъ, что правительство пользовалось однимъ и тѣмъ же персоналомъ для замѣщенія должностей по финансовому и судебному вѣдомствамъ. Эта долговременная связь обнаруживается въ слѣдующихъ фактахъ:

a) Summus justiciarius является общимъ президентомъ какъ надворнаго суда, такъ и казначейство, и Exchequer, какъ старѣйшее учрежденіе, до такой степени уравнивается въ правахъ съ судомъ, что лишь нѣсколько столѣтій спустя дозволяется аппелировать на его постановленія, между тѣмъ какъ для bancum ad communia placita, съ самаго его учрежденія, высшею инстанціею служитъ bancum Regis.

При частомъ повтореніи однородныхъ случаевъ королевскій указъ вскорѣ становится обычнымъ дѣломъ, a matter of course, и получается отъ канцлерскихъ клерковъ за извѣстную плату. Указы о назначеніи суда обращаются въ formulae actionum и сообщаются черезъ канцлера, какъ officina justitiae. Вслѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія странствующихъ судей и мѣстныхъ судовъ въ графствахъ возникаетъ новый ordo judiciorum: назначеніе суда по указу (writ), вызовъ тяжущихся шерифомъ, младшимъ чиновникомъ надворнаго суда, litiscontestatio и судоговореніе по норманскимъ судебнымъ правиламъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ—назначеніе присяжныхъ (recognitio), которое на практикѣ мало по малу обращается въ общее примѣненіе суда присяжныхъ къ гражданскому процессу. Эти древнѣйшіе судебные процессы напечатаны въ Placitorum abbreviatio 1811, fol.; подробно у Palgrave Rotuli curiae Regis, Vol. I. from 6 Rich. I. Vol. II, a. 1 Jo Lond. 1835. 8°. Разъясненіе этой формы судопроизводства сдѣлано въ книгѣ Гундерманна, Besitz und Eigenthum in England, Tübingen 1864, и въ особенности у Бруннера, Entstehung der Schwurgerichte.

c) Замѣчательно, что въ тѣхъ трехъ мѣстахъ у Глэнвиллы, гдѣ говорится о justiciarii in banco, ничего не сказано о двойномъ bancum, что другихъ доказательствъ существованія его не имѣется, и что цѣлый рядъ данныхъ доказываетъ, скорѣе, противное. И въ самомъ дѣлѣ, до появленія M. Charta существовала только одна судебная коллегія. Судебныя разбирательства, въ ней происходившія, отмѣчаются у Глэнвиллы какъ „coram justiciariis in banco residentibus“. Такія выраженія, какъ „diem habet in banco“ со временъ Ричарда I попадаются довольно часто; королевскіе указы также адресуются къ justiciae in banco, или къ justiciae de banco. Foss II, 171. Слово bancum (bench) для обозначенія судебной коллегіи становится общеупотребительнымъ только въ слѣдующемъ періодѣ.

b) *Всѣ высшіе чиновники*, бывшіе ex officio членами казначейства и имѣвшіе тамъ замѣстителей, пользуются тѣми же самыми правами и въ придворномъ судѣ. Такимъ образомъ, констэбль и маршалъ имѣютъ замѣстителей, съ тѣми же титулами, и въ придворномъ судѣ, и въ образовавшихся впослѣдствіи его отдѣленіяхъ. Такія же права были предоставлены этимъ лицамъ и тогда, когда отъ главнаго казначейства было отдѣлено еврейское казначейство. Подобнымъ же образомъ распредѣлялись обязанности наслѣдственныхъ ushers.

c) *Личныя права и преимущества* чиновниковъ казначейства присваиваются также и юстиціаріямъ придворнаго суда, какъ напр. освобожденіе отъ common amerciaments графства, освобожденіе отъ scutagia, привилегированная подсудность,—и эти исключительныя права прямо объясняются старыми привилегіями казначейства: «per libertatem sedendi ad scaccarium».

d) Бюро обоихъ учрежденій были до извѣстной степени общія, точно такъ же, какъ и помѣщеніе ихъ. Большая печать хранилась обыкновенно въ Treasury казначейства (Foss II, 9). Придворный судъ, по своему назначенію, обязанъ сопровождать короля; обыкновенное же его помѣщеніе находилось въ Уэстминстерѣ, вмѣстѣ съ помѣщеніемъ казначейства (Foss II, 168).

e) Вслѣдствіе первоначальной связи обоихъ учрежденій, канцелярія суда состояла изъ клерковъ казначейства, слѣдовательно, была устроена по прежнему образцу. Отсюда—сходство между rotuli и records надворнаго суда и формами дѣлопроизводства въ казначействѣ. И впослѣдствіи, послѣ отдѣленія судовъ, fines, amerciaments, tallages, aids, scutages по прежнему вносились странствующими судьями въ казначейство. Старинное правило recordationem curiae Regis nulli negare licet, LL. Henr. 31. 49. § 4, было исконнымъ правиломъ центральной королевской администраціи; оно явилось гораздо ранѣе учрежденія коллегіальнаго придворнаго суда, а какъ раньше, такъ и позже, было обязательно для казначейства, относительно котораго оно случайно было занесено въ постановленія при Эдуардѣ I (Madox II, 25) **).

**) Exchequer, какъ финансовая коллегія, при Ричардѣ I отдѣляется отъ судебной коллегіи curia Regis. Но и послѣ этого, казначейство вѣдаетъ юридическіе вопросы, и король все еще пользуется своимъ правомъ предоставлять рѣшеніе обыкновенныхъ гражданскихъ дѣлъ, по усмотрѣнію, членамъ казначейства (barones scaccarii). Но по главной своей функціи казначейство, все таки, остается центральнымъ вѣдомствомъ для государственныхъ доходовъ и расходовъ, счетною палатою для шерифовъ и другихъ accountants. Въ казначействѣ все еще производятся назначенія (отдата на откупъ) на должности шерифовъ. Шерифы, escheators и нѣкоторые изъ низшихъ чиновниковъ приносятъ здѣсь служебную присягу. Отсюда же исходятъ и распоряженія о смѣнѣ отдѣльныхъ шерифовъ, а при Эдуардѣ III казначейство даже сразу смѣняетъ множество шерифовъ. Принесеніе ленной

Оба эти учрежденія все еще можно разсматривать какъ органы личнаго управленія. In curia Domini Regis ipse in propria persona jura decernit (Dial. de Scac. I. c. 4). Король самъ является, по желанію, странствующимъ судьею и лично предсѣдательствуетъ на судѣ. Пэльгревъ собралъ случаи этого рода до Эдуарда II. Нерѣдко также рѣшеніе отсрочивается вслѣдствіе отсутствія короля. Первоначальная организація королевскаго суда имѣетъ поэтому перемѣнчивый характеръ, свойственный всѣмъ новымъ формамъ правительственной практики. Съ возникновеніемъ судебной коллегіи наступило время, когда и въ Англіи спеціальное чиновничество могло играть великую роль. Уже со времени Генриха I возникаетъ чиновное дворянство, черезъ посредство котораго отдѣльные мелкіе вассалы и клерки вступали въ ряды крупныхъ бароновъ. Духовенство сохраняетъ еще латинскій дѣловой языкъ; но на ряду съ послѣднимъ выступаютъ, однако, норманская рѣчь и техническія познанія, въ которыхъ свѣтскіе люди успѣшно конкуррируютъ съ духовенствомъ, причемъ выдвигается классъ юристовъ, пріобрѣвшій на практикѣ большое значеніе. Не смотря на нѣкоторое соперничество, выработался уже извѣстный ésprit de corps въ обширномъ персоналѣ духовнаго и свѣтскаго чиновничества, имѣвшаго своимъ средоточіемъ государственную канцелярію и государственное казначейство. Самое достоинство призванія и укрѣпляющее вліяніе ежедневнаго занятія судебнымъ дѣломъ содѣйствовали возникновенію почетнаго судебнаго сословія и при абсолютномъ правительствѣ, подобно тому, какъ нѣкогда римское императорство создало уважаемый классъ юристовъ изъ спеціальныхъ судебныхъ дѣятелей. Со времени установленія коллегіальнаго устройства въ curia Regis, односторонній фискальный духъ Exchequer нашелъ себѣ противовѣсъ. Въ судебной книгѣ Гланвиллы, написанной уже подъ конецъ правленія Генриха II, замѣтенъ явный успѣхъ не только въ тонкости юридической техники, но въ вѣрности пониманія королевскихъ обязанностей въ области правосудія. Еще сильнѣе проявляется этотъ судейскій духъ полувѣкомъ

присяги, раздѣлъ ленныхъ владѣній, полюбовныя сдѣлки ad Scaccariam составляютъ обычныя явленія. Изъ казначейства исходятъ также распоряженія о созывѣ земскаго ополченія, адресуемыя шерифамъ. Административная коллегія состоитъ теперь изъ великаго судьи и бароновъ, среди которыхъ Treasurer занимаетъ все болѣе и болѣе выдающееся положеніе, и послѣ удаленія великаго судьи занимаетъ предсѣдательское мѣсто. При Генрихѣ III является должность канцлера казначейства (Jo. Maunsell 18. H. III, ср. Thomas, Materials 9. 10); по крайней мѣрѣ начиная съ этого времени она чаще упоминается; при Эдуардѣ I является еще treasurer's lieutenant. Засѣданія казначейства происходятъ, иногда, подъ личнымъ предсѣдательствомъ короля, который, въ случаѣ отсутствія, передаетъ свои приказанія письменно, за своею частною печатью, или даже устно, черезъ посланныхъ, безъ всякихъ формальностей. — О положеніи канцлера, государственной канцеляріи и о системѣ Rotuli еще будетъ рѣчь въ слѣдующемъ періодѣ (§§ 20, 21).

позже въ судебномъ сводѣ Брактона, съ его свободными воззрѣніями на королевскія права и на господство законовъ надъ временною волею короля.

Старая безформенная curia regis воплощается, такимъ образомъ, по двумъ главнымъ разрядамъ государственныхъ дѣлъ, въ двухъ коллегіальныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, королевскомъ судѣ и государственномъ казначействѣ. Письменныя дѣловыя сношенія съ ними короля происходятъ при посредствѣ его кабинетскаго совѣтника, канцлера и его клерковъ. Будучи самъ членомъ обоихъ учрежденій, канцлеръ образуетъ между ними особенный департаментъ, officina justiciae, въ которомъ вѣдаются процессуальныя дѣла и судебные акты, основанные на королевскихъ распоряженіяхъ и представленныя въ надлежащее мѣсто въ силу приказа — writ. Во всякомъ случаѣ съ конца правленія Ричарда I канцлеръ ведетъ особую регистратуру, Rotuli Cancellariae, распадающіеся на Charter, — Patent, — Fine и Close-Rolls и теперь частью напечатанные.

Одновременно съ этими многозначительными перемѣнами въ управленіи выступаютъ и первые признаки перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ, значеніе которыхъ не нужно еще впрочемъ, ставить слишкомъ высоко. Это были:

III. *Первые зачатки государственныхъ чиновъ, состоящихъ покамѣсть изъ крупныхъ бароновъ.* Не смотря на все развитіе верховныхъ правъ государства, Генрихъ II находился въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ первые три норманскіе короля. Господствующія представленія каждой эпохи опредѣляются непосредственнымъ прошлымъ, а послѣднее сильно пошатнуло вѣру въ всемогущество королевской власти. Короли сдѣлали рядъ уступокъ и терпѣли униженія; титулъ и права короля подвергались обсужденію двадцать лѣтъ сряду въ каждой избѣ. Генриху II не легко было послѣ такихъ обстоятельствъ возстановить старый образъ правленія. Со способностью вѣрнаго пониманія, свойственнаго его націи, онъ съумѣлъ прежде всего найти дѣльныхъ, лично преданныхъ ему должностныхъ людей, чтобъ возстановить прежній порядокъ управленія. Массу саксонскаго народонаселенія онъ привлекъ на свою сторону строгимъ наблюденіемъ за шерифами, охраненіемъ поселянъ отъ произвольныхъ tallagia земельныхъ владѣльцевъ, разными привиллегіями городамъ, распространеніемъ законной защиты на всѣхъ вообще жителей и ограниченіями поединковъ. Смягченіе въ исполненіи законовъ относительно лѣсовъ и постановленій о ленныхъ повинностяхъ, а также строгая правильность всего управленія вызывала сочувствіе всѣхъ классовъ населенія.

Но всего затруднительнѣе устанавливались отношенія къ церкви. Въ періодъ кулачнаго права, привиллегированное судебное сословіе духовенства разширилось на столько, что стало въ противорѣчіе съ системою единства въ англо-норманскомъ государственномъ управленіи. Генрихъ II охранялъ свои верховныя права, съ такою-же твердостью, съ какою его честолюбивый примасъ Томасъ Бенетъ старался съ своей стороны ввести въ жизнь новые принципы того вѣка о высшей церковной власти. Церковныя замѣшательства и образуютъ тотъ поворотный пунктъ, съ котораго королевская власть нашла выгоднымъ для себя, подвигаться впередъ только при *положительномъ согласіи королевскихъ вассаловъ.* Это произошло, какъ выше изложено, (§ 14), такимъ образомъ, что король *приглашалъ на чрезвычайные придворные съѣзды значительнѣйшихъ прелатовъ и бароновъ*, чтобъ обсуждать съ ними важнѣйшія мѣры духовнаго судебнаго управленія.—Первый шагъ въ этомъ направленіи заключался въ томъ, что въ январѣ 1146 года король предложилъ 16 такъ называемыхъ кларендонскихъ «статей», относительно подчиненія духовенства королевской, ленной и судебной власти, и добился *признанія, утвержденія и формальной регистраціи* этихъ постановленій со стороны главнѣйшихъ бароновъ и епископовъ. Основная національная идея о высшей распорядительной (законодательной) власти consensu meliorem terrae вызвана была такимъ образомъ, къ новой жизни. Вслѣдствіе постоянной оппозиціи со стороны архіепископа, король вскорѣ затѣмъ въ первый разъ созываетъ уже не обыкновенную судебную коммиссію, а *всѣхъ* крупныхъ прелатовъ и бароновъ съ тѣмъ, чтобъ обвинить государственнаго примаса посредствомъ формальнаго судебнаго приговора и признать его подлежащимъ misericordiae Regis. Съ этимъ возрождается идея о судебномъ рѣшеніи «короля въ собраніи представителей страны» †).

---

†) Несомнѣнно, что за половину столѣтія съ 1164 — 1214 г. церковныя дѣла подготовили основанія новаго сословнаго строя. Если попытки духовныхъ соборовъ при Стефанѣ не составляли еще признанныхъ прецедентовъ, въ нихъ все таки ясно выступаетъ идея, что церковныя дѣла не могутъ окончательно рѣшаться авторитетомъ короля, что церковь представляетъ собою особый государственный организмъ съ самостоятельными правами и что англійская церковь есть неразрывная часть общей католической церкви, глава которой совсѣмъ не англійскій король. Чтобъ устранить эти притязанія, Генрихъ II рѣшился въ 1164 году созвать въ Кларендонѣ и Нортгамптонѣ экстраординарные съѣзды всѣхъ крупныхъ бароновъ въ государствѣ, всѣхъ епископовъ и значительнѣйшихъ аббатовъ, образовавшихъ нѣчто цѣлое въ массѣ tenentes. Названіе „assisae“, возникающее съ этого времени у судебныхъ писцовъ и въ судебныхъ сборникахъ, выражаетъ начало новаго взгляда, составляющаго предварительную ступень къ законодательному парламенту.

Постепенное обостреніе церковнаго спора впослѣдствіи не разъ еще вызывало экстраординарные придворные съѣзды, на которыхъ, вмѣстѣ съ церковными вопросами, обсуждались и утверждались *важныя реформы свѣтскаго суда*. При этомъ дѣло идетъ о существенныхъ уклоненіяхъ отъ judicium pariиm, отъ норманскаго судебнаго обычая поединковъ,—о началахъ, хотя и введенныхъ уже въ практику, но нуждавшихся еще въ одобреніи коронныхъ вассаловъ для того, чтобъ придать этимъ рѣшительнымъ нововведеніямъ, несогласнымъ съ старинными правовыми воззрѣніями обѣихъ націй, характеръ постоянныхъ учрежденій государства. Такъ какъ король сильно нуждался въ одобреніи своихъ вассаловъ въ дѣлѣ церковнаго спора, то онъ обращался къ нимъ и по поводу другихъ мѣропріятій, что̀ всегда пользуется популярностью въ начальный періодъ образованія сословій. Король не отказывается также, какъ въ англосаксонскія времена, провозгласить, при участіи своихъ вассаловъ, «королевскій миръ», какъ объявлено было и въ такъ называемыхъ кларендонскихъ «Assise» съ прибавленіемъ: quam dominus Rex Henricus consilio archiepiscoporum et abbatum ceterorumque baronum suorum constituit. (Palgrave I. 257). При этомъ поворотѣ выступаютъ два нововведенія, въ которыхъ выразилась вновь основная національная идея о законодательной власти.

1) На мѣсто безформенныхъ совѣщательныхъ собраній приглашаются собранія крупныхъ прелатовъ, Earl'овъ и бароновъ; въ рѣшеніяхъ прямо упоминается объ этихъ consilium archiepiscoporum, episcoporum, abbatum, comitum et baronum (optimatum, procerum). Въ осужденіи Бекета это собраніе является судомъ пэровъ, въ видѣ великой ленной куріи, а не судебной коммиссіи, назначенной королевской властью.

2) Къ совѣщаніямъ о важнѣйшихъ дѣлахъ приглашаются по временамъ и извѣстное число мелкихъ коронныхъ вассаловъ. По крайней мѣрѣ на придворный съѣздъ въ 1176 году въ Нортгамптонѣ приглашены были и «milites et homines Regis» на ряду съ barones, а по другимъ свѣдѣніямъ также vicecomites и barones secundae dignitatis (††).

(††) Необходимость заручиться содѣйствіемъ свѣтскихъ вассаловъ посредствомъ уступокъ заставила Генриха II въ критическія 12 лѣтъ совѣщаться съ собраніями нотаблей и о другихъ пунктахъ свѣтскаго правленія, которые содержали въ себѣ существенныя измѣненія старой правовой системы (lex terrae). Кларендонскіе „Assise“ 1166 г. о сохраненіи мира въ странѣ (Palgrave, Commonwealth I. 257; II. 178; Select Charters pag. 143) заключали въ себѣ признаніе учрежденій, выработанныхъ судебною и полицейскою практикою. По представленію короля, это были собранія только совѣщательныя, которыя не должны наносить ущерба его верховнымъ правамъ. Полагали, что когда властные люди въ государствѣ дали свое согласіе на какую нибудь своевременную мѣру, то дѣло этимъ покончено, и новое учрежденіе имѣло уже за собою общее правовое признаніе.

Въ связи съ этими обстоятельствами, впервые въ торжественномъ государственномъ актѣ выступаетъ отличіе Barones Majores отъ Minores, отличіе, до сихъ поръ служащее предметомъ оживленныхъ споровъ. Слово «Baro» первоначально обозначало вообще человѣка (Baron and feme, Barones civitatis London, Court-Baron, Baron of the Cinque Ports). Со времени завоеванія оно вытѣсняетъ мало-по-малу англосаксонское обозначеніе «танъ», повидимому для того, чтобъ, какъ и латинское «homo», выразить ленную зависимость подданныхъ отъ короля. Подъ Barones преимущественно понимались на первыхъ порахъ Barones Regis, слѣдовательно tenentes in capite, которые съ самаго начала раздѣляются, по размѣрамъ ихъ владѣній, на крупныхъ и мелкихъ коронныхъ вассаловъ. Этотъ владѣльческій классъ снова связывается съ системою государственныхъ учрежденій. Barones majores и minores давно различались въ *ленной милиціи*. Какъ на предводителей или офицеровъ смотрѣли на тѣхъ въ ленномъ войскѣ, которые являлись съ своими собственными отрядами. На континентѣ полагалось 50 milites или 25, по крайней мѣрѣ, на одного предводителя, а въ Англіи, по болѣе мелкому масштабу леновъ, достаточно было и меньшаго числа для constabularia. Въ дѣйствующихъ войскахъ король, конечно, назначалъ предводителей; но нельзя было ничего сдѣлать противъ того, что крупные вассалы, доставлявшіе, въ силу своихъ ленныхъ владѣній, цѣлыя constabulariae, смотрѣли на себя, какъ на начальниковъ, какъ на офицеровъ «по рожденію» ленной милиціи (seigneurs).

Государственное казначейство всегда различало Barones majores и minores. Разные налоги, опеки, браки наиболѣе надѣленныхъ ленами составляли главныя доходныя статьи въ финансовомъ управленіи. Тогда какъ налогъ со всякаго рыцарскаго имѣнія былъ прочно установленъ въ 100 шиллинговъ, налогъ съ большихъ владѣній только позже былъ фиксированъ 100 марками. Вслѣдствіе этого мы часто встрѣчаемъ споръ, слѣдуетъ ли взимать relevium со всего владѣнія, какъ baronia, или съ каждаго отдѣльнаго лена. При опредѣленіи amerciaments крупные владѣльцы таксировались выше другихъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые коронные вассалы

Государственная власть оставалась при этомъ представленіи еще цѣлое поколѣніе. Послѣ 1176 нѣтъ больше рѣчи объ „ассизахъ“ при Генрихѣ II; тоже и при Ричардѣ Львиное Сердце. Только въ 5 Jo. упоминается о королевскомъ распоряженіи (Patent Rolls 5 Jo.), которое „communi concilio baronum nostrorum“ регулировало „Assize of bread“. Можетъ быть, что принуждены были связать съ формальностью assisa de pace servanda при Генрихѣ II важную народохозяйственную мѣру—установленіе цѣнъ на жизненныя потребности. Ни въ чемъ не замѣтно, впрочемъ, чтобъ въ то время, 25 Апрѣля 1204 года, было созвано большое собраніе (Selden, Titles of Hon. 735), а было скорѣе обыкновенное совѣщательное собраніе, о согласіи котораго на мѣропріятіе нашли нужнымъ упомянуть при публикаціи закона.

жаловались на обложеніе ихъ податью, какъ «бароновъ», тогда какъ они владѣли только отдѣльными ленами; такъ напримѣръ было въ дѣлѣ Кройландскаго аббатства (19. Edw. II.).

При дворѣ всегда отличали Barones majores отъ minores. Только крупные вассалы, конечно, могли пріѣзжать въ сопровожденіи свиты на блестящіе королевскіе съѣзды. Имъ всегда посылались приглашенія; имъ всегда оказывали совсѣмъ другое вниманіе, чѣмъ рыцарямъ, не имѣвшимъ оруженосцевъ.

Вслѣдствіе этого и по народному воззрѣнію также какъ и въ обыкновенной рѣчи дѣлалось различіе между Barones majores и minores.

При такомъ положеніи дѣлъ, становится понятнымъ, почему современные писатели употребляли выраженія barones majores и minores въ такомъ смыслѣ, что въ позднѣйшее время можно было понять это различіе, какъ различіе сословное, не существовавшее однако, въ правовомъ смыслѣ. Сословное различіе предполагало бы, что характеръ владѣнія большими имѣніями былъ не такой, какъ при владѣніи простымъ рыцарскимъ леномъ, а на правахъ особенной tenure. Въ большой записи исковъ времени Генриха III и Эдуарда I, напечатанной подъ именемъ Testa de Nevill (1807), обозначенія honors, baroniae и feuda употребляются такъ смѣшано, что не существуетъ очевидно никакого твердаго правоваго различія между ними. Компетентный въ этомъ дѣлѣ авторъ, писавшій при Генрихѣ IV о вассальномъ владѣніи, Littleton on tenures, сочиненіе, легшее въ основаніи позднѣйшихъ изслѣдованій Кока и Блекстона,—не дѣлаетъ никакого различія между tenure by barony и tenure by Knight's service, а этотъ юридическій авторитетъ имѣетъ рѣшающее значеніе *). Столь же мало отличаются

*) Въ гражданско-юридическихъ отношеніяхъ не было, такимъ образомъ, различія между рыцарскими ленами и баронствами. Всѣ черты различія основываются скорѣе на правительственной практикѣ; но и въ казначейскихъ спискахъ разница въ взиманіи relevia долго не вела еще къ какому-нибудь твердому отличію, какъ въ Rot. Q. Henry III: per inquisitionem, quam Rex precepit fieri, idem Walterus tenuit de Rege in capite per foedum militis, et non per baroniam. Madox I. 318. 681, гдѣ встрѣчаются также и другіе примѣры употребленія словъ baronia и honor относительно владѣній, платившихъ всего 100 марокъ relevium Тотъ смыслъ, въ какомъ Dialogus de Scaccario II cap. 10 говоритъ о barones majores и minores, показываетъ, что и въ самой казначейской практикѣ того времени не установилась еще въ этомъ отношеніи опредѣленная терминологія. Только юридическій сборникъ Bracton'a II. 39. § 6. показываетъ, что судебныя учрежденія того времени начали дѣлать различіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между baronia и vasoria (quod dicitur de baronia non est observandum in vasoria, vel aliis minoribus feodis quam baronia, quia caput non habent sicut baronia). Такое распредѣленіе, однакоже, начинается только съ половины 13 столѣтія. Только съ Генриха III, когда уже имѣлся прецедентъ въ M. Charta и различныхъ другихъ явленіяхъ этого рода въ разговорной рѣчи стали употреблять „Baronage“ въ смыслѣ совокупности крупнѣйшихъ коронныхъ вассаловъ (Parry. Parliaments XI).

крупные и мелкіе коренные вассалы какими нибудь фамильными обозначеніями. Наиболѣе надѣленные обозначены то просто по имени, то по фамиліи съ прибавкою de, или безъ такой прибавки. Тоже самое повторяется и съ мелкими коронными вассалами и съ подъ-вассалами. При немногихъ фамиліяхъ (Baro Stafford, Baro de Preystock) употребляется по извѣстнымъ основаніямъ слово Baro. Эти фамиліи, однакоже, вовсе не принадлежатъ къ крупнымъ вассаламъ. Важность этого обстоятельства привела комитетъ Верхней Палаты къ признанію, что пэры не представляли собою ранѣе Magna Charta, особаго «государственнаго чина». Фактическое и общественное различіе все еще не было юридическимъ; оно не было государственно-правовое, такъ какъ не существовало cour de baronie; оно не было и граждански-правовое, такъ какъ крупные и мелкіе tenentes in capite пользовались одинаковыми владѣльческими правами.

Если положеніе государства все же не разъ принуждало Генриха II, предоставить значительнѣйшимъ духовнымъ и свѣтскимъ вассаламъ совѣщательный голосъ въ дѣлахъ, то, понятно, что король при созывѣ нотаблей былъ также свободенъ, какъ и при возникновеніи всѣхъ Consilia optimatum. Призывъ совершался по личному довѣрію, особенно по отношенію къ тѣмъ, которые занимали важные государственные посты; онъ совершался по обычаю двора, который всегда обращался съ личнымъ приглашеніемъ (writ) къ извѣстнымъ крупнымъ вассаламъ; онъ совершался, наконецъ, сообразно величинѣ ихъ владѣній, занесенныхъ въ списки казначейства, отдаленности ихъ мѣстожительства, а также сообразно личному значенію и уваженію со стороны ихъ сословія. Именно вслѣдствіе этого такія собранія не были «ленными парламентами», а только большими совѣщательными собраніями нотаблей, которыя поэтому именно вновь прекращаются и исчезаютъ больше чѣмъ на цѣлое поколѣніе.

Форма и послѣдствія призыва на собраніе не были въ то время точно опредѣлены. Но были случаи, въ которыхъ король совѣщался съ своими вассалами Super arduis negotiis regni и получалъ ихъ согласіе. Если такое согласіе желательно было королю, то тѣмъ желательнѣе оно было вассаламъ. Для рѣшеній подобнаго рода является теперь имя assisae, заимствованное илъ леннаго суда на континентѣ, и уже сборникъ Гланвиллы придаетъ большое значеніе тому, были ли существенныя правовыя и судебныя измѣненія введены черезъ assisa generalis, или нѣтъ. Королевская власть преслѣдовала при этомъ только временныя цѣли, но въ первый разъ, послѣ долгаго времени, крупные бароны собрались опять для обсужденія государственныхъ дѣлъ. Лѣтописцы говорятъ о королѣ, какъ

о «cum principibus suis de statu regni e de pace confirmanda tractans». Сословное право опять пріобрѣло ясно очерченный образъ, и поэтому придворные съѣзды при Генрихѣ II были важными прецедентами въ пользу Magna Charta и послужили однимъ изъ основаній позднѣйшаго парламентаризма †††).

---

§ 17.

Magna Charta.

Послѣ твердаго, но подъ конецъ все же измѣнчиваго правленія Генриха II на престолъ вступаетъ Ричардъ Львиное Сердце, любитель приключеній, не имѣвшій опредѣленныхъ плановъ, но, какъ вѣрное выраженіе своего времени, любимый народомъ. Регентство, замѣщавшее его во время крестоваго похода, скоро поссорилось съ крупными баронами и съ братомъ короля Іоанномъ. Въ отсутствіи короля Англія опять увидѣла одну часть бароновъ въ междоусобной борьбѣ съ другой недовольной частью. Съ возвращеніемъ изъ плѣна возвращается и личное правленіе короля, который созываетъ по старому обычаю придворный съѣздъ (colloquium), засѣдаетъ въ судѣ надъ своимъ братомъ и однимъ епископомъ, назначаетъ налогъ въ 2 sh. съ каждой гуфы земли и наконецъ въ непрерывныхъ вой-

---

†††) Препятствіе къ дальнѣйшему движенію въ этомъ направленіи заключалось въ то время въ самомъ характерѣ класса коронныхъ вассаловъ, который въ сотняхъ мелкихъ владѣльцевъ не заключалъ элементовъ для созданія пэрства. Это препятствіе усилилось какъ разъ во время крестовыхъ походовъ вслѣдствіе многочисленныхъ отчужденій отдѣльныхъ рыцарскихъ имѣній и мелкихъ участковъ, такъ что бывали tenentes in capite, съ $^1/_{20}$, $^1/_{100}$, $^1/_{300}$ рыцарскихъ владѣній. При невозможности твердаго разграниченія между крупными и мелкими вассалами, правовое полномочіе собраній опредѣлялось только королевскими призывами. Какъ только послѣдніе прекращались, такъ прекращались и большіе королевскіе съѣзды. Такъ и случилось, когда послѣ „ассизовъ“ въ Кларендонѣ и Нортгамптонѣ не было съѣздовъ цѣлое поколѣніе сряду. Въ новѣйшее время запутанная тема о barones majores и minores опять подробно разобрана была въ Hallam, Midles Ages и съ особенною осторожностью въ Peers Report III 87, 97 ff., 109 ff., 254. Если въ Peers Report признается, что созывъ Consilium Regis въ этотъ періодъ зависѣлъ т о л ь к о отъ королевскаго акта, то этимъ отрицаются какія-бы то ни были законодательныя прерогативы коронныхъ вассаловъ, такъ какъ выборъ между сотнями лицъ зависѣлъ только отъ королевскаго writ. Англійская nobility была бы въ невыгодномъ положеніи, еслибы руководилась неясной идеею о „мѣстѣ, принадлежащемъ каждому коронному вассалу въ норманской „curia regis“, такъ какъ претензіи на мѣсто въ нынѣшней Верхней Палатѣ были бы неисчислимы, еслибъ всякій потомокъ владѣльца трехъ-четырехъ гуфъ, принадлежавшаго нѣкогда къ числу tenentes in capite, могъ бы претендовать на baronage by tenure.

нахъ на континентѣ погибаетъ при осадѣ одного города. Постоянное отсутствіе этого странствующаго рыцаря, прерываемое только на немногіе мѣсяцы, оказалось вообще благодѣтельнымъ для Англіи, такъ какъ оно дало возможность продолжать правильное внутреннее управленіе.

Послѣдующее правленіе Іоанна опять соединяетъ въ себѣ, повидимому, всѣ дурныя качества норманства. Этотъ король, нѣкогда вѣроломный сынъ и измѣнническій братъ, лишается, вслѣдствіе убійства племянника своего Артура, французскихъ ленныхъ владѣній и приводитъ этимъ къ отдѣленію Нормандіи отъ Англіи. Онъ впутывается въ борьбу съ папствомъ и кончаетъ ее унизительнымъ подчиненіемъ. Онъ хозяйничаетъ въ государственномъ управленіи еще болѣе безцѣльно, чѣмъ Ричардъ, съ большей суровостью и жадностью, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ и постепенно отталкиваетъ отъ себя трусостью и жестокостью, корыстолюбіемъ и произволомъ всѣ классы населенія. Онъ вызываетъ, наконецъ, кризисъ, въ которомъ всѣ элементы оппозиціи противъ абсолютизма соединяются для общаго дѣйствія.

Впереди всѣхъ этихъ оппозиціонныхъ силъ стояла церковь, которая уже при Генрихѣ II оказалась силою равною власти королевской. Теперь наступилъ моментъ, когда Иннокентій III, на высотѣ своего могущества, на великомъ Латеранскомъ соборѣ 1215 г. провозглашаетъ церковь универсальной монархіей среднихъ вѣковъ. Въ разрывѣ съ этой властью Іоаннъ достигъ того, что, вмѣстѣ съ отлученіемъ отъ церкви, онъ объявленъ былъ лишеннымъ королевскаго достоинства, а его подданные на англійской почвѣ — свободными отъ принесенной ему присяги на вѣрность.

Но и въ средѣ **свѣтскихъ вассаловъ** многое измѣнилось со времени завоеванія. Сознаніе важности военнаго призванія сильно возрасло съ періода крестовыхъ походовъ. Могучая рука тяжело вооруженнаго воинства рѣшала каждую борьбу въ теченіи поколѣній; все могущество правителей опиралось на численность такихъ рукъ. Одинаковость этихъ обстоятельствъ во всемъ христіанскомъ мірѣ и церковное посвященіе создали корпоративный духъ, выработавшій подъ стѣнами Іерусалима особый кодексъ чести, которому подчинялись и правители и который находилъ дальнѣйшую опору и развитіе въ турнирахъ и общественныхъ обычаяхъ. Въ то время какъ бароны и «рыцари» стали такимъ образомъ чувствовать себя единымъ цѣлымъ, они были глубоко раздражены произвольно собираемыми налогами и подоходными податями. Одновременно съ тѣмъ, какъ въ государственномъ казначействѣ и въ администраціи мѣстныхъ старшинъ прозаическая система amerciaments и fines достигла высшей точки своего развитія, Іоаннъ распоряжался своими ленами съ без-

примѣрнымъ произволомъ и смотрѣлъ на женъ и дочерей крупныхъ вассаловъ, какъ на предметы для удовлетворенія его грязныхъ наклонностей.

Точно также измѣнилось кое-что въ англійскихъ городахъ и въ вольномъ землепашествѣ. Распространеніе леннаго права на все землевладѣніе, при неподвижности правилъ о неотчуждаемости и первородствѣ, привело, въ своемъ преувеличеніи, къ неестественному порядку вещей, съ которыми сталкивались законы народнаго хозяйства и семейной жизни. Но путемъ королевскаго разрѣшенія, оплачиваемаго извѣстнымъ взносомъ (fine), отчужденіе и дѣленіе ленныхъ владѣній возобновились въ значительной мѣрѣ. Бракъ и смерть, наслѣдованіе дочерьми въ равныхъ частяхъ, возвращеніе и новая передача въ меньшихъ частяхъ, переходъ части леновъ во вторыя руки, даже прямое дробленіе черезъ продажу, какъ оно практиковалось въ крестовые походы уѣзжавшими рыцарями съ содѣйствіемъ самой коронной власти—все это создало новыя вольныя поселенія среди поземельныхъ владѣній. Торговые и денежные обороты, значительно развившіеся со временъ крестовыхъ походовъ, придали большую силу городамъ, cities, burghs, и многіе англійскіе города, со времени Ричарда I, достигли высокой степени самостоятельности. Но и этотъ классъ, не смотря на прирожденную лояльность, готовъ былъ въ союзѣ съ духовными и свѣтскими коронными вассалами, вступить въ борьбу съ деспотизмомъ *).

---

*) Исторія происхожденія Magna Charta описывается историками съ особенною, вполнѣ понятною, любовью. Такъ и Лаппенбергъ-Паули III. 293—487. Для цѣли такого описанія важно относительное положеніе силъ, соединившихся въ актѣ 15 іюня 1215 г. противъ королевской власти и потерпѣвшихъ въ послѣдующее полустолѣтіе такія неожиданныя и разнообразныя перемѣны. Противодѣйствіе церкви было въ то время наиболѣе могущественнымъ. Подъ вліяніемъ настроенія, господствовавшаго въ странѣ, самъ архіепископъ Стефанъ Лангтонъ, не смотря на то, что его назначеніе исходило отъ папы, не только стоялъ нѣкоторое время во главѣ этого движенія, но твердо защищалъ правое дѣло и доказалъ здѣсь свое національно-патріотическое направленіе. Но непосредственно за достигнутымъ успѣхомъ самовластный образъ дѣйствій куріи противъ бароновъ живо напоминалъ, что на ряду со свѣтскимъ абсолютизмомъ надо бороться съ абсолютизмомъ духовнымъ.

Большинство коронныхъ вассаловъ того времени возвысилось только при Генрихѣ II и своимъ вліятельнымъ положеніемъ обязано было новой системѣ государственнаго правленія. Во главѣ вооруженной оппозиціи стоятъ преимущественно сѣверные бароны. Вліяніе образовавшагося при Генрихѣ II чиновнаго дворянства отражаются на редакціи Magna Charta. Всѣ партіи дворянства того времени проявляютъ мало интереса къ обладанію Нормандіею, и нигдѣ не проявляется стремленіе къ ея возвращенію. Сила противодѣйствія коронныхъ вассаловъ укрѣплялась, правда, духомъ рыцарства, а также симпатіями подъ-вассаловъ и вольныхъ землепашцевъ. Но, по силѣ привычки, вассальныя милиціи повиновались только королевскому военному приказу и легко разъединялись, когда сами выбирали предводителя. Разбросанность военныхъ леновъ и особенно недостаточность финансовъ дѣлали неисполнимымъ продолжительное сопротивленіе. Этимъ объясняется то обстоятельство, что бароны уступили финансовому прево-

Но самое главное—корни абсолютизма незамѣтнымъ образомъ были подорваны **сліяніемъ** нормано-франкской и англо-саксонской національностей. Пять поколѣній прожили совмѣстно подъ властью единой церкви, единой королевской власти, при общей системѣ управленія, при одинаковомъ мирѣ и подъ равнымъ гнетомъ. Періодъ кулачнаго права при Стефанѣ, и особенно церковный споръ при Ѳомѣ Бекетѣ выдвигали на первый планъ другіе вопросы, стоявшіе выше національнаго разлада. Общинная и семейная жизнь сдѣлала браки между Angli и Francigenae ежедневнымъ явленіемъ. Подъ твердою государственною и церковною властью, выработалась новая островная народность, достигшая черезъ отдѣленіе Нормандіи, сознанія своей особности. Но англо-саксонскій элементъ является преобладающимъ въ этой народности не только по численности, но и по свойственнымъ ему качествамъ характера, неуклонно сохранявшимъ англо-саксонскія черты въ семьѣ, обычаяхъ и языкѣ. Трезвый, нравственный характеръ этой семейной жизни въ сравненіи съ блестящими и подвижными нравами франковъ, оказался болѣе прочнымъ элементомъ, который ассимилировалъ все франкское въ церкви, въ государствѣ, въ общинѣ и семьѣ и который, не смотря на продолжавшееся различіе въ языкѣ и сословномъ духѣ, окончательно восторжествовалъ надъ всѣми особенностями французской жизни. Большая часть могущественныхъ классовъ въ странѣ была еще, правда, по имени и происхожденію, Francigenae, но съ каждымъ поколѣніемъ населеніе острова все больше приближалось по характеру къ германской націи **).

сходству короля, его наемникамъ и гарнизонамъ уже по прошествіи немногихъ мѣсяцевъ. Возрастающее значеніе вольныхъ землепашцевъ и городовъ оцѣнено было Spelman, on Parliaments (ср. Peer. Report. I p. 32, 35 и § 18).

**) Важнѣйшая новая основа государственной жизни несомнѣнно заключается въ примиреніи національной противоположности, на что указываетъ слѣдующее часто цитируемое указаніе Dialogus de Scaccario: jam cohabitantibus Anglicis et Normannis et alterutrum uxores ducentibus vel nubentibus, sic permixtae sunt nationes, ut vix discerni possit hodie, quis Anglos quis Normannus sit genere. Если прежде придавали слишкомъ большое значеніе національной вражды нормано-франкской и англійской народностей, то новыя изслѣдованія Freeman'a (vol. V Append.W.) идутъ слишкомъ далеко въ умаленіи ея значенія. „То, что случилось съ англо-саксонскимъ населеніемъ, говоритъ Фриманъ, основано на неправильномъ, часто ненамѣренномъ давленіи, которое неизбѣжно, когда примѣненіе законовъ покореннаго народа попадаетъ въ руки его завоевателей“ (Freeman IV. p. 14“). „Успѣхъ нашествія былъ рѣшительной побѣдой одного языка надъ другимъ, одной системы веденія войны надъ другою, одного соціальнаго и политическаго строя надъ другимъ“. (Freeman IV. p. 17). Вѣрна также точка зрѣнія Стэббса, что норманская королевская власть поддерживала съ достойною послѣдовательностью начало правоваго равенства обѣихъ націй и что давленіе норманской національности заключалось преимущественно въ томъ, что она овладѣла высшими должностями въ государствѣ и захватила крупныя владѣнія. Эта соціальная противоположность примѣшивается къ національной, и національныя антипатіи скорѣе обостряются, чѣмъ смягчаются. Не

Таковы элементы, соединившіеся въ міровомъ историческомъ событіи 15 іюня 1215 г., которое подъ именемъ **Magna Charta** справедливо считается главною основою англійской конституціи. Съ того времени, какъ Іоаннъ въ своемъ церковномъ спорѣ собралъ все войско страны для борьбы съ французскимъ королемъ, въ населеніи пробудилось сознаніе своего отношенія къ *этой* королевской власти. Папскій делегатъ представилъ королю доказательства существованія соглашенія между баронами и королемъ Филиппомъ и этимъ привелъ Іоанна къ униженной покорности папскому престолу, покорности, возбудившей въ странѣ болѣе сильное движеніе, чѣмъ отлученіе. На собраніи крупныхъ бароновъ въ церкви св. Павла 25 августа 1213 г. образовалась конфедерація, которая, при поддержкѣ большей части прелатовъ, выставила свои требованія отъ королевской власти. Только къ пасхѣ 1215 г. собралась въ Стамфордѣ армія изъ 2000 рыцарей въ сопровожденіи многочисленной конной и пѣшей свиты, въ томъ числѣ крупные вассалы, особенно-же младшіе сыновья первыхъ фамилій страны. Они избираютъ Роберта Фицвальтера предводителемъ «войска Господня и святой Церкви», освобождаютъ себя, черезъ епископа въ Дургамѣ, отъ ленной присяги, но пріобрѣтаютъ выгодную позицію противъ короля и его осаднаго войска только тогда, когда, по соглашенію съ гражданами Лондона, получаютъ господство надъ этимъ важнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ. При такихъ обстоятельствахъ возникли переговоры о мирѣ въ долинѣ Руннимеде 15 — 19 іюня 1215 г.,

---

только достовѣрныя историческія свидѣтельства говорятъ о глубокой національной розни, но, прежде всего, образъ дѣйствій англо-саксонскаго населенія при всякой попыткѣ къ возстанію норманскихъ крупныхъ вассаловъ и по всюду замѣтное распаденіе мѣстнаго строя графствъ вслѣдствіе внутренней неурядицы, которая могла быть вызвана только національными вліяніями. Только въ этой неурядицѣ лежали корни абсолютизма. Это доказывается уже тѣмъ, что только со времени сліянія обнаруживается постоянное усиленіе свободнаго направленія. Не смотря на всѣ перемѣны въ положеніи власти и партій въ ближайшія поколѣнія, прогрессъ былъ безповоротный; онъ усиливался съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ и до самаго конца среднихъ вѣковъ доставлялъ побѣду сословной свободѣ. Но при этомъ сліяніи германскій элементъ сдѣлался преобладающимъ, какъ и самое происхожденіе Magna Charta соотвѣтствуетъ германскому духу, а не нормано-франкскому. Твердость и упорство саксонской національности спасли свободу Англіи. Тогда какъ на континентѣ представители романскаго населенія и романизированные кельты тѣснились при дворахъ вельможъ, въ Англіи саксонскій танъ и поселянинъ въ трудное время крѣпко держались на своихъ земляхъ. Тогда какъ податливые скандинавскіе норманы, поселившись въ Нормандіи, уже послѣ немногихъ поколѣній усвоивали языкъ своихъ женъ и принимали франкскій духъ и нравы, въ Англіи, напротивъ, офранцуженные норманы, не смотря на то, что они были въ теченіи столѣтій правящимъ классомъ, не внесли въ нынѣшнюю англійскую рѣчь и десятой доли ея иностранныхъ словъ и только три слова въ англійское Отче нашъ. Hickes Thesaur. Praex. p. VI. Въ національномъ вопросѣ качества **національнаго характера** имѣли рѣшающее значеніе.

въ которыхъ участвовали съ одной стороны король съ небольшою свитою, съ другой — возставшіе бароны въ полномъ вооруженіи, причемъ графъ Пемброкъ игралъ роль посредника. Бароны, въ томъ числѣ, можетъ быть, самъ архіепископъ Лангтонъ изложили народныя жалобы въ статьяхъ, которыя были вновь пересмотрѣны и дополнены, утверждены королемъ посредствомъ приложенія большой печати и получили окончательную форму *королевской хартіи* ***).

Magna Charta приводитъ насъ обратно къ частностямъ норманской системы управленія, такъ что изложенное выше можетъ служить комментаріемъ къ ней. Но нужно прежде выдѣлить отношеніе къ церкви. Только въ тѣсномъ союзѣ съ англійскимъ высшимъ духовенствомъ бароны въ состояніи были вступить въ борьбу съ королевской властью. Ранѣе изданная Charta о свободѣ церковныхъ выборовъ подтверждается такимъ образомъ и признается подлежащей точному исполненію. «Отдѣленіе» церкви отъ государства пользуется еще

***) Первоначальныя изданія и юридическая обработка M. Charta разсматривались не съ той заботливостью, какой можно было ожидать по важности предмета. Всегда медлительная въ государственно-правовыхъ вопросахъ, юриспруденція долгое время обращала мало вниманія на M. Charta. Сборники Bracton'a, Britton'a и Fleta касаются ея только мимоходомъ; для судебной практики нужно было еще спеціальное развитіе ея основныхъ принциповъ въ цѣломъ рядѣ парламентскихъ постановленій. Со временъ Стюартовъ только наука занялась серьезно M. Charta, особенно возстановленіемъ ея подлиннаго текста. Оригиналъ Magna Charta описанъ Blackstone'омъ, The Great Charter род. XV, XVI. Онъ хранится теперь въ Британскомъ музеѣ. (Ср. Лаппенбергъ-Паули III. 424). Изъ списковъ ея, распространенныхъ баронами, найдены особою коммиссіею только два экземпляра въ Линкольнѣ и Салисбюри. Одинъ изъ нихъ положенъ въ основаніе текста у Rymer I. 131 и въ Statutes of the Realm I. 9. (Лаппенбергъ-Паули III. 436). Изъ обработокъ M. Charta можно упомянуть о трехъ:

1. Blackstone, the Great Charter, Oxford 1759 fol., гдѣ исторія ея составленія подтвержденія до конца правленія Эдуарда I передана съ большою критическою тщательностью. Затѣмъ слѣдуетъ перепечатка 39 статей, лежащихъ въ основаніи M. Charta (стр. 1—9); затѣмъ точный текстъ хартіи въ 63 статьяхъ d. d. 15 іюня 1215 г. (стр. 10—24). Къ этому прибавлена перепечатка позднѣйшихъ редакцій M. Charta, особенно M. Charta a. 1217, 9. Henr. III.

2. Coke II Inst. стр. 1—78 даетъ комментарій къ статьямъ Magna Charta по редакціи 9. Henr III. Нѣкоторыя полезныя прибавленія къ этому содержитъ Barrington'a Observations on the more ancient Statutes, from Magna Charta to the 21 James 15-ое изданіе 1796 г.

3. Прекрасную, легко доступную перепечатку ея даетъ Stubbs въ своей Select Charters, и именно первоначальнаго проекта бароновъ на стр. 289, первую редакцію на стр. 296, а позднѣйшія измѣненія текста при Генрихѣ III на стр. 339, 344, 353, 365 и 377.

Въ обыкновенныхъ изданіяхъ англійскихъ парламентскихъ статутовъ находится только M. Charta въ позднѣйшей редакціи 9. Henr. III. Оригиналы ея представлены только въ оффиціальномъ изданіи Statutes of the Realm, причемъ къ важнѣйшимъ изъ нихъ прибавлены facsimile. Дальнѣйшее распредѣленіе сдѣлано сообразно развитію верховныхъ государственныхъ правъ, но въ частности сохраняется первоначальный порядокъ статей. Распредѣленіе статей по мѣрѣ выгодъ, предоставляемыхъ ими сословіямъ и классамъ, даетъ—Dawid Rowland, a Manual of the Englisch Constitution, London 1859. Стр. 50—60.

популярностью въ виду абсолютизма; ни бароны, ни англійское населеніе не помышляли еще о протестѣ противъ тогдашняго положенія церкви. Статьи **Magna Charta** содержатъ, такимъ образомъ, только правовое ограниченіе *свѣтскихъ* верховныхъ правъ; поэтому для разсмотрѣнія ихъ порядокъ, которому мы прежде слѣдовали въ своемъ изложеніи представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ.

I. Первая группа статей опредѣляетъ *правовыя границы леннаго военнаго верховенства*, преимущественно съ финансовой стороны: относительно случаевъ опеки, брака и размѣра вспомогательныхъ и случайныхъ взносовъ. Старинныя права короны признаны при этомъ, но фискальныя толкованія и чрезмѣрныя требованія прекращены установленіемъ опредѣленныхъ размѣровъ. **Relevium** съ владѣнія **Comes** опредѣлено въ 100 фунтовъ серебра, съ владѣнія короннаго вассала въ 100 марокъ серебра, а съ отдѣльныхъ рыцарскихъ леновъ — въ 100 шиллинговъ. (Ст. 2). Ленный опекунъ несовершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ получаетъ опредѣленные доходы и услуги, обязанъ держать владѣніе въ хорошемъ состояніи, а не запускать его (ст. 5 и 6). Ленные наслѣдники должны вступать въ бракъ, соотвѣтствующій ихъ состоянію (ст. 7). Вдова получаетъ опредѣленную часть владѣнія и не можетъ быть принуждаема къ новому вступленію въ бракъ (ст. 8 и 9). Статьи 12 и 14 касаются **scutagia** и **auxilia**, какъ это изложено будетъ подъ рубрикою V. Подъ-вассаламъ не должно быть предоставлено право взимать съ его свободныхъ вассаловъ другія **auxilia**, кромѣ опредѣленной вспомогательной суммы въ традиціонныхъ трехъ случаяхъ (ст. 15). Никто не можетъ быть принужденъ, путемъ какого-либо залоговаго акта, отбывать больше повинностей за рыцарское или свободное помѣстье, чѣмъ полагалось ему раньше (ст. 16). Никакой фактъ того или другаго бурга не долженъ заставлять рыцаря платить за охрану бурга, если онъ охраняетъ его самъ и проч. (ст. 29). Всѣ эти постановленія должны быть исполняемы и частными ленниками по отношенію къ ихъ вассаламъ, что слѣдующимъ образомъ выражено въ ст. 60: «**Omnes autem istas consuetudines predictas et libertates, quas nos concessimus in regno nostro tenendas, quantum ad nos pertinet erga nostros, omnes de regno nostro tam clerici quam laici observent quantum ad se pertinet ergo suos**». Большая часть этихъ статей, относящихся къ ленникамъ, сходна съ старыми постановленіями **Charta Henrici I**, но отличается отъ нея гораздо большею точностью, а также заботою о подъ-вассалахъ и о практическомъ исполненіи хартіи [1]).

---

[1]) Правовыя ограниченія военнаго верховенства содержатъ особенно статьи 2—8, 12, 14, 15, 16, 26, 29, 43 и 60. Такъ, nullum scutagium vel auxilium ponatur in regno nostro, nisi per commune consilium regni nostri, nisi ad cor-

II. *Правовыя границы судебнаго верховенства* касаются, во-первыхъ, *гражданской юстиціи:* разсмотрѣніе обыкновенныхъ гражданскихъ дѣлъ не должно болѣе слѣдовать за дворомъ, а должно совершаться въ опредѣленномъ мѣстѣ (ст. 17). Гражданскіе ассизы должны происходить ежегодно въ каждомъ графствѣ подъ руководствомъ странствующихъ судей (ст. 18 и 19). Не должны быть вообще назначаемы Iusticiarii, судьи въ графствахъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ, незнакомые съ «правомъ» страны и не желающіе въ точности исполнять его (ст. 45). Произвольные и непропорціональные поборы съ судебныхъ дѣлъ должны быть прекращены: nulli vendemus, nulli negabimus aut differemus rectum vel justitiam (ст. 40). И дѣйствительно съ этого времени изъ казначейскихъ счетовъ исчезаютъ большія процессуальныя fines и пошлины за прекращеніе тяжбъ. 2) **По уголовной юстиціи:** ни одинъ vicecomes, фохтъ бурга или мѣстный фохтъ не можетъ пользоваться судебною властью въ уголовныхъ дѣлахъ и рѣшать placita coronae (ст. 24).—Отсюда видно, какой популярностью пользовалась идея судебной централизаціи, въ ущербъ фохтамъ графства и городовъ). Но многозначительнѣе другихъ статей, касающихся гражданской юстиціи, монументальная статья 39: Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur aut dissaisiatur aut utlagetur aut exuletur aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale judicium parium suorum, vel per legem terrae». Это—подтвержденіе leges Eduardi съ ихъ старыми судебными началами и съ заключающеюся въ нихъ правовою охраною личности и имущества. Подъ judicium parium разумѣется здѣсь не жюри, которое въ 1215 г. состояло только въ зачаткахъ jurata по гражданскимъ дѣламъ, а постановленіе приговоровъ равноправными людьми. Прибавка vel per legem terrae замѣнена въ одномъ экземплярѣ выраженіемъ et per legem terrae, какъ вообще въ разговорной рѣчи этого времени «vel» часто замѣняется словомъ «et». Дѣло идетъ, такимъ образомъ, о сдѣланномъ уже не разъ подтвержденіи стариннаго земскаго права и судебнаго порядка. Это подтвержденіе здѣсь точнѣе выражено; оно требовалось въ теперешней его формѣ самими норманскими вельможами, которые въ свою очередь гарантировали его всѣмъ liberi homines государства ([2]).

---

pus nostrum redimendum et primogenitum filium nostrum militum faciendum et ad filiam nostram primogenitam semel maritandam, et ad hoc non fiat nici rationable auxilium. (12). Созваніе всѣхъ коронныхъ вассаловъ на commune consilium въ такихъ случаяхъ въ ст. 14 (ниже примѣчаніе 5). Всѣ эти libertates частные ленники должны обезпечить своимъ подъ-вассаламъ (ст. 60).

([2]) Правовыя ограниченія судебнаго верховенства заключаются въ

III. *Правовыя ограниченія полицейскаго верховенства.* Практическій вопросъ заключался въ системѣ amerciaments, такъ какъ путемъ полицейскихъ взысканій можно было сдѣлать призрачною всякую судебную защиту личности и имущества. M. Charta ставитъ противъ этого слѣдующія правила: 1) Полицейскія взысканія должны соотвѣтствовать важности проступка: Liber homo non amercietur pro parvo delicto nisi secundum modum delicti, et pro magno delicto amercietur secundum magnitudinem delicti. 2) Приведѣніе въ исполненіе по полицейскимъ взысканіямъ должна имѣть мѣсто съ beneficium competentiae, такъ что предоставляется каждому liber homo необходимое содержаніе (contenementum), купцу его товаръ (marcandisa) и поселянину его хозяйство (waignagium). 3) Въ назначеніи полицейскаго взысканія участвуютъ **члены общины**, такъ что совершается суммарный судъ: et nulla predictarum misericordiarum ponatur, nisi per sacramentum proborum hominum de visneto. Этотъ повидимому незначительный, часто незамѣчаемый пунктъ подрывалъ самые корни полицейскаго произвола и противозаконныхъ распоряженій; потомъ, въ конституціонный періодъ онъ былъ вполнѣ проведенъ, при участіи парламента. Writ de moderata misericordia принципіально установилъ и въ мѣстныхъ судахъ обжалованіе полицейскихъ взысканій и административныхъ экзекуцій. Основное право свободнаго передвиженія, на которое могло ссылаться и духовенство въ своихъ сношеніяхъ съ Римомъ,—содержится въ статьѣ 42: liceat unicuique de cetero exire de regno nostro et redire salvo et secure per terram et per aquam, salva fide nostra, nisi tempore guerre per aliquod breve tempus propter communem utilitatem regni, exceptis imprisonatis et utlagatis secundum legem regni, et gente de terra contra nos guerrina et mercatoribus, de quibus fiat sicut predictum est ([3]).

статьяхъ 17—19, 24, 34, 38—40, 45, 54, а именно: communia placita non sequantur curiam nostram, sed teneantur in aliquo certo loco (17) nullus vicecomes, constabularius, coronatares vel allii ballivi nostri teneant placita corone nostre (24) nihil detur vel capiatur de cetero pro brevi inquisitionis de vita vel membris, sed gratis concedatur et non negetur (36) Nullus liber homo capiatur vel imprisonetur etc. (39. см. выше. Эта важная правовая прибавка имѣла уже прецедентъ. Уже во время борьбы между баронами и регенствомъ, учрежденнымъ Ричардомъ I, сдѣлано было такое постановленіе въ цѣляхъ правильнаго отправленія правосудія: Sed et concessum est, quod Episcopi, et Abbates, Comites et Barones, Vassassores et libere tenentes non ad voluntatem justiciariorum vel ministrorum Domini Regis, de terris et catallis suis dissaisientur, sed Judicio Curiae Domini Regis secundum legitimas consuetudines et assisas tractabantur vel per mandatum Domini Regis). Nulli vendemus, nulli negabimus aut differemus rectum aut justitiam (40). Статья 42 опредѣляетъ, чтобъ судъ въ графствахъ совершался ежемѣсячно, а Sherifftourn два раза ежегодно. Ежегодныя засѣданія странствующихъ судей должны происходить, вмѣсто 4 разъ, только одинъ разъ.

([3]) Ограниченія полицейской власти содержатся въ статьяхъ 20—22, 24, 32,

IV. Правовыя *ограниченія финансоваго верховенства* заключаются уже въ опредѣленіяхъ о ленной власти. Но такъ какъ послѣднія служатъ только въ пользу высшихъ классовъ, то остается еще рядъ жалобъ свободныхъ землепашцевъ и городовъ противъ фискальнаго управленія. Auxilia (собственно tallagia) города Лондона должны быть также регулированы, какъ и поборы съ ленныхъ вассаловъ (12). Лондонъ и всѣ другіе cities, burghs, villae и portus должны имѣть свои libertates и liberas consuetudines (ст. 13); купцы свободны въ ихъ торговлѣ и дѣятельности и не должны подвергаться произвольному обложенію податями и пошлинами (ст. 41). Во всемъ государствѣ принимается одинаковая единица мѣры и вѣса (ст. 35). *Ни одинъ городъ и ни одинъ свободный* земледѣлецъ не могутъ быть принуждаемы къ постройкѣ плотинъ и мостовъ, если такая обязанность не существовала ранѣе (ст. 23). Обязательная фуражировка (purveyanse) и обязательная поставка лошадей могутъ имѣть мѣсто по отношенію къ свободнымъ землепашцамъ только при условіи наличнаго вознагражденія, или-же по вольному желанію землепашца (ст. 28. 30). Ни король, ни королевскіе чиновники, ни кто-либо другой не могутъ пользоваться чьимъ-либо лѣсомъ для королевскихъ бурговъ или дѣлать изъ него другое употребленіе безъ согласія владѣльца (ст. 31). Живущіе за предѣлами лѣса не могутъ быть призваны въ судъ лѣсничаго (ст. 44). Вновь насажденные лѣса не должны считаться лѣсами (ст. 47). Всѣ злоупотребленія, касающіяся лѣсовъ, охоты, лѣсничихъ, шерифовъ и ихъ чиновниковъ должны быть изслѣдуемы въ каждомъ графствѣ двѣнадцатью присяжными рыцарями графства, которые избираются лучшими жителями этого-же графства (ст. 48).—Леннымъ вассаламъ и liberi homines одинаково предоставлено регулированіе движимаго наслѣдства и платежа долговъ, особенно по отношенію къ privilegia fisci (ст. 26. 27). Дѣлопроизводство по debita Judaeorum изъяты изъ сферы компетенціи Exchequer of Jews (ст. 10,

---

39, 42, 54, 56, касаясь прежде всего системы полицейскихъ взысканій. Liber homo non amercietur pro parvo delicto nisi secundum modum delicti etc. (Ст. 20 см. выше); для коронныхъ вассаловъ было еще прибавлено: Comites et barones amercientur nisi per pares suos, et non nisi secundum modum delicti, (ст. 21). Для духовныхъ (ст. 22)—Nos non tenebimus terras illorum, qui convicti fuerint de felonia, nisi per unum annum et unum diem, et tum reddantur terre dominis feodorum (ст. 32). Устраненіе незаконныхъ полицейскихъ взысканій: omnia amerciamenta facta injuste et contra legem terre omnino condonentur, vel fiat inde per judicium XXV baronum etc. (ст. 55. 56). Проведеніе этихъ началъ зависѣло прежде всего отъ Exchequer и придворнаго суда, какъ высшей инстанціи Sheriffs tourn'a и остальныхъ королевскихъ courts of record. Для вотчиннаго суда и прочихъ courts of non record, въ которыхъ существовали еще старые пріемы, составился впослѣдствіи особый writ de moderata misericordia, направленный къ равномѣрному проведенію упомянутаго принципа. Scriven on Copyhold II 852. 853.

11). Здѣсь проявляется разумное вниманіе къ низшимъ классамъ населенія, вытекающее вѣроятно изъ совѣтовъ духовенства. Вольности, предоставленныя короннымъ вассаламъ, распространяются, понятнымъ образомъ, и на отношенія частныхъ ленниковъ erga suos. Ограниченія, касающіяся налоговъ, распространены также на городъ Лондонъ. Напротивъ того, мѣры для облегченія тяготъ среднихъ сословій, (проистекавшихъ главнымъ образомъ изъ фискальнаго произвола), принесли ближайшую пользу среднимъ классамъ населенія, но распространяются и на высшія сословія. Военные вассалы и liberi tenentes фигурируютъ рядомъ въ этихъ статьяхъ. Многія постановленія касаются liberi homines безъ различія характера ихъ владѣнія и въ такой-же мѣрѣ распространяются на зависимыхъ крестьянъ. Нѣсколько статей имѣютъ въ виду прямую пользу villani (4).

V. *Правовая санкція* всѣхъ этихъ вольностей и обѣщаній находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ *временныхъ* постановленій хартіи. Въ тоже время санкція эта связана съ другими статьями, такимъ образомъ кладется первая основа представительной формы правленія. Форма привиллегій или жалованныхъ грамотъ, существовавшая до этого времени, не могла удовлетворить бароновъ, такъ какъ въ судебной практикѣ не былъ даже твердо установленъ вопросъ о степени прочности такихъ актовъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было придать хартіи характеръ акта о заключеніи мира посредствомъ торжественной присяги по ленному обычаю: «Juratum est autem tam et parte nostra, quam ex parte Baronum, quod haec omnia supradicta

---

(4) Правовыя ограниченія финансоваго верховенства заключаются въ статьяхъ 9—11, 61, 25—33, 37, 41, 43, 44, 48, 60, о менѣе строгомъ взысканіи фискальныхъ требованій (ст. 9), о долгахъ евреямъ (ст. 10—11), объ ограниченіи auxilia тремя старыми случаями: Simili modo fiat de auxiliis de civitate London (ст. 12), et civitas London habeat omnes antiquas libertates et liberas consuetudines suos, tam per terras, quam per aquas. Preterea omne alie civitates et burgi et ville et portus habeant omnes libertates et liberas consuetudines suos (ст. 13). Въ этомъ пунктѣ нельзя не видѣть вліянія соединившагося съ баронами лондонскаго City, которое потомъ провело въ жизнь и дальнѣйшія постановленія о торговлѣ, мѣрѣ и вѣсѣ, а также спеціальный законъ противъ заложенія плотинъ на Темзѣ. Nullus distringatur ad faciendum majus servitium de feodo militis nec de alie libero tenemento, quam inde debetur (ст. 16). Omnes comitatus et hundredi, threthingii et wapentachii sint ad antiquas firmas absque nulle incremento, exceptis dominicis maneriis nostris (ст. 25). Una mensura vini sit per totum regnum nostrum et una mensura cerevisie et una mensura bladi etc. (ст. 35), регулированіе опеки tenentes per feodifirmam, per socagium, per burgagium, per parvam serjanteriam (ст. 37); omnes mercatores habeant salvum et securum exire ab Anglia et venire in Anglia, morari et ire per Angliam tam per terram, quam per aquam, ad emendum et vendendum sine omnibus malis toltis per antiquas et rectas consuetudines etc. (ст. 41); болѣе мягкое примѣненіе правилъ о королевскихъ лѣсахъ (ст. 44, 47 и 48). Послѣднія статьи составляютъ главное содержаніе выдѣленной впослѣдствіи Charta de foresta.

bona fide et sine malo ingenio servabantur». Хартія получаетъ такимъ образомъ значеніе двухсторонняго мирнаго договора. Но такъ какъ присяга короля Іоанна не имѣла силы, могла быть уничтожена папою, а всѣ предоставленныя права не могли-бы держаться противъ суверенной Curia и Exchequer, то прибѣгли также къ образованію постоянной **коммиссіи** *представителей* съ законно установленными правами сопротивленія, что́ въ связи съ нѣкоторыми предшествующими статьями составляетъ сущность значенія Magna Charta какъ основы конституціи (5).

1) **Комитетъ сопротивленія** учреждается, согласно ст. 61, на слѣдующихъ началахъ: 25 бароновъ, въ томъ числѣ мэръ Лондона, избираются въ качествѣ охранителей хартіи. Они рѣшаютъ дѣла большинствомъ голосовъ и замѣняются въ случаяхъ надобности посредствомъ выбора новыхъ членовъ. Еслибы король нарушилъ какую-нибудь статью хартіи, то четыре барона обращаются къ королю или къ главному судьѣ съ предложеніемъ устранить нарушеніе. Въ случаѣ отказа, они вызываютъ communa (не всѣхъ-ли вассаловъ?) для полученія отъ нихъ присяги на повиновеніе:

«и эти бароны со всею совокупностью страны (cum communa totius terrae) могутъ обратиться противъ насъ (distringent et gravabunt) всѣми доступными имъ средствами, именно черезъ отнятіе у насъ нашихъ замковъ, земель, владѣній, и всякимъ другимъ возможнымъ способомъ, пока не будетъ удовлетворено ихъ требованіе по ихъ опредѣленію, не касаясь только нашей личности, королевы и нашихъ дѣтей. Когда-же это будетъ исполнено, то они вновь обязаны намъ повиновеніемъ, какъ и прежде».

Эта статья настолько соотвѣтствуетъ существу средневѣковаго леннаго государства, насколько это послѣднее было основано на соотношеніи леннаго патронатства и ленной вѣрности то есть на договорѣ. Вассалы выражаютъ этимъ основную идею своихъ отношеній къ власти въ такомъ духѣ, какъ это было въ Нормандіи и во Франціи, но съ однимъ значительнымъ измѣненіемъ. Тогда какъ на континентѣ каждый **отдѣльный** вассалъ считалъ себя судьею въ вопросѣ о нарушеніи со стороны леннаго господина его обязанностей, отказываясь часто по незначительному поводу отъ вѣрности, въ

(5) Временныя постановленія Magna Charta начинаются съ ст. 49—52, затѣмъ ст. 55—59, 61 и 62. Они касаются возвращенія obsides, удаленія нѣкоторыхъ поименно названныхъ лицъ отъ извѣстныхъ королевскихъ должностей, увольненія чужестранныхъ наемниковъ, возвращенія земель, sina legali judicio parium, отнятыхъ, уничтоженія незаконныхъ fines и amerciamentes, отдачи отнятыхъ земель въ Валлисѣ, отношеній къ шотландскому королю Александру, всеобщей амнистіи (omnes malas voluntates, indignationes et rancores remisimus, omnes transgressiones factos occasione ejusdem discordie a Pascha a regni nostri XVI usque ad pacem reformat am).

Англіи, напротивъ, дворянство выступаетъ въ качествѣ корпораціи. Только бароны въ ихъ *совокупности*, представляемой опредѣленными органами, объявлены имѣющими право сопротивленія; но не санкціонируется возстаніе отдѣльнаго ленника противъ королевской власти. Въ этой рѣзкой статьѣ заключается на самомъ дѣлѣ только признаніе права леннаго взысканія (distress), права, принадлежащаго въ обыкновенномъ порядкѣ королю,—въ обратномъ приложеніи: въ пользу совокупности ленныхъ вассаловъ противъ короля. Договорное допущеніе права взысканія настолько связано съ юридическими понятіями среднихъ вѣковъ, что этимъ измѣнялся отчасти кажущійся революціонный характеръ Комитета Сопротивленія [a]).

2) **Второе конституціонное постановленіе** имѣло цѣлью, установить правильный **созывъ** коронныхъ вассаловъ и предоставить имъ **право голоса** въ **двухъ** опредѣленныхъ случаяхъ. Если требуется дополнительный ленный взносъ, auxilium, **сверхъ** извѣстныхъ трехъ случаевъ, то требованіе можетъ быть заявляемо только per commune consilium regni nostri (ст. 12), и это относится также къ auxilia города Лондона. Точно также должно быть созываемо commune consilium, когда король требуетъ scutagia, **вмѣсто** военной ленной службы. Къ этому commune consilium бароны приглашаются по ст. 14 на слѣдующихъ основаніяхъ:

Et ad habendum commune consilium regni de auxilio assidendo, aliter quam in tribus casibus predictis, vel de scutagio assidendo, summoneri faciemus archiepiscopos, episcopos, abbates, comites et majores barones sigillatim per litteras nostras. Et preterea faciemus summoneri in generali per vicecomites et ballivos nostros omnes illos, qui de nobis tenent in capite, ad certum diem, scilicet ad ter-

---

a) Постановленіе о комитетѣ сопротивленія гласитъ слѣдующее въ подлинной ст. 61: Et si nos excessum non emendaverimus, intra tempus quadraginta dierum, predicti quattuor barones referant causam illam ad residuos de illis viginti quinque baronibus, et illi viginti quinque barones cum communa totius terre distringent et gravabunt nos modis omnibus, quibus poterunt, scilicet per captionem castrorum, terrarum, possessionum et aliis modis, quibus poterunt, donec fuerit emendatum secundum arbitrium eorum, salva persona nostra et Regine nostre et liberorum nostrorum, et cum fuerit emendatum, intendent nobis sicut prius fecerunt. Et quicunque voluerit de terra, juret, quod ad predicta omnia exequenda parebit mandatis predictorum viginti quinque baronum, et quod gravabit nos pro posse suo cum ipsis; et nos publice et libere damus licentiam jurandi cuilibet, qui jurare voluerit, et nulli umquam jurare prehibemus. Omnes autem illos de terra, qui per se et sponte sua noluerint jurare viginti qninque baronibus de distringendo et gravando nos cum eis, faciemus jurare eosdem de mandato nostris, sicut predictum est.—Англійскіе юристы и историки не кстати цитируютъ при этой статьѣ рѣзкія правила о сопротивленіи феодаловъ на континентѣ, конституцію Аррагоніи и под., между тѣмъ какъ ст. 61 Magnae Chartae по формѣ и духу имѣетъ характеръ, совершенно отличный отъ индивидуальнаго насильственнаго сопротивленія континентальныхъ вассаловъ.

minum quadraginta dierum ad minus et ad certum locum, et in omnibus litteris illius summonitionis exprimemus: et sic facta summonitione negotium ad diem assignatum procedat secundum consilium illorum, qui praesentes fuerint, quamvis non omnes summoniti venerint.

Больше этого и не желали себѣ, на высотѣ своихъ успѣховъ, англійскіе вооруженные бароны, въ союзѣ съ церковью, городомъ Лондономъ и при согласіи всей страны. Они не добивались ни права участія въ королевскихъ распоряженіяхъ, ни права созывать Cour de Baronie, ни права собираться для обсужденія земскихъ жалобъ или для назначенія налоговъ; единственное, чего они добивались — это права регулированія двухъ основныхъ измѣненій въ правовыхъ условіяхъ леннаго владѣнія b). Нѣкоторый зародышъ особаго суда пэровъ содержится наконецъ,

3) въ постановленіи относительно amerciaments (ст. 21): comites et barones non amercientur, nisi per pares suos et nonnisi secundum modum delicti — слова напоминающія принципъ образовавшагося впослѣдствіи суда пэровъ. Но такъ какъ правовое разграниченіе между крупными и мелкими коронными вассалами еще не существовало, то въ этомъ заключалось не больше, какъ общее признаніе старинныхъ судебныхъ правъ, въ видѣ judicium parium, которое по ст. 39 предоставлено всѣмъ свободнымъ людямъ въ государствѣ c).

Magna Charta содержитъ, такимъ образомъ гораздо меньше, чѣмъ искали въ ней, формальныхъ конституціонныхъ правъ. Но она уже заключаетъ въ себѣ главныя черты англійскаго характера

---

b) Также неправильно оцѣнивалось часто политическими партіями постановленіе о собраніи Magnum Consilium для чрезвычайныхъ вспомогательныхъ взносовъ и для опредѣленія военныхъ сборовъ. Эта статья направлена только противъ произвольныхъ поборовъ короля Іоанна, противъ возвышенія подати съ гуфы земли съ 2 на 3 шиллинга въ началѣ его царствованія, противъ возвышенія scutagium съ 1 марки на 2 марки и противъ продолжавшагося взиманія этого налога безъ всякаго повода къ войнѣ, а въ особенности противъ взиманія подати съ движимаго имущества коронныхъ вассаловъ (въ 1203) въ противность леннымъ договорамъ и торжественнымъ обѣщаніямъ его предшественниковъ. Согласіе бароновъ требуется только въ случаяхъ, содержащихъ положительныя перемѣны въ условіяхъ леннаго владѣнія. Ни однимъ словомъ не упоминается о правѣ давать согласіе на королевскія распоряженія или законы. Ни однимъ словомъ не упоминается также о правѣ созыва Cour de Baronie съ судебною властью надъ коронными вассалами. Ни однимъ словомъ не упоминается, наконецъ, о старинномъ земскомъ собраніи для обсужденія земскихъ жалобъ или для разрѣшенія податей. Подобно тому какъ всякое основательное изслѣдованіе разрушаетъ популярную традицію о „вооруженномъ ленномъ парламентѣ“, о постоянной ленной куріи, о государственномъ представительствѣ „гордыхъ бароновъ 12 столѣтія“, такъ же точно изложенный способъ установленія Magnae Chartae уничтожаетъ выдуманныя представленія о curia regis.

c) Такъ понималось это постановленіе и на практикѣ (см. ниже стр.)

и государственнаго устройства. Норманскіе крупные вассалы были теперь принуждены сдѣлать выборъ между островомъ и материкомъ. Въ Англіи они не могли защищаться отъ королевской власти въ стѣнахъ своихъ замковъ, а при невозможности отдѣльнаго сопротивленія, должны были во всей своей совокупности, въ союзѣ съ духовенствомъ и опираясь на народныя симпатіи сбросить господство произвола, добиться правъ и гарантій для себя и для народа, и такимъ образомъ основать государственный строй на личной свободѣ, на равномѣрной законной защитѣ личности и имущества. Это дворянство, выносившее прежде всего на самомъ себѣ произволъ самовластнаго короля и бремя государства впродолженіе поколѣній, научилось сочувствовать страданіямъ народа и начало сознавать свое призваніе—стать во главѣ націи въ дѣлѣ возникавшей конституціи. Въ этомъ смыслѣ Magna Charta была и залогомъ примиренія между сословіями. Ея возникновеніе и утвержденіе поддерживали въ теченіе столѣтій живое чувство общности извѣстныхъ основныхъ правъ для всѣхъ классовъ,—сознаніе, что дворянство не можетъ имѣть и отстаивать какія-либо права и привиллегіи, безъ гарантіи личной свободы для болѣе слабыхъ классовъ населенія. Такъ какъ имущественныя и семейныя права liberi homines сложились уже одинаково, и такъ какъ немыслимо уже было особое право для дворянства, горожанъ и крестьянъ, то вся борьба направлена теперь къ прочному ограниченію личнаго произвола правителей, и пока ведется борьба въ этомъ направленіи, до тѣхъ поръ мы находимъ народъ и духовенство постоянно на сторонѣ дворянства. На пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ основахъ, всѣ дальнѣйшія стремленія не имѣли цѣлью создать для себя особое замкнутое право, а только желаніе регулировать закономъ права государственнаго верховенства и добиться конституціоннаго участія въ послѣднихъ. Благодаря M. Chartae англійская исторія безповоротно направляется къ тому, чтобы выработать конституціонное право изъ права управленія. Въ этомъ смыслѣ справедливо замѣчаніе Галлама:

«M. Charta все еще служитъ истиннымъ основаніемъ англійской свободы. Все достигнутое позднѣе составляетъ немногимъ болѣе простаго подтвержденія, комментарія къ ней, и еслибъ всѣ дальнѣйшіе законы уничтожены были, то все еще остались бы эти смѣлыя черты, отдѣляющія свободную монархію отъ деспотической».

Такъ какъ Magna Charta есть начало живыхъ конституціонныхъ правъ, т. е. правъ, которыхъ всегда можно вытребовать у правителей, правъ охраняемыхъ прочными учрежденіями, то Англія всегда возвращалась къ ней какъ при лучшихъ, такъ и при худшихъ монархахъ. На мѣсто прежняго подтвержденія «законовъ Эдуарда»

возникаетъ теперь постоянное требованіе населенія объ утвержденіи M. Chartae. Практическій духъ націи придавалъ такой вѣсъ писанному акту, что до конца среднихъ вѣковъ 38 разъ требовалось и давалось утвержденіе Magnae Chartae *).

§ 18.

Первыя попытки конституціоннаго правленія.

Едва-ли въ какой-либо другой странѣ Европы представительный образъ правленія имѣлъ такое продолжительное и тяжкое рожденіе, какъ въ Англіи. Главная причина этой тягости—національный раз-

*) Въ Европѣ нѣтъ вѣроятно ни одной страны или землицы, которая не получала бы своей Magnae Chartae во время нужды правителей въ деньгахъ или при опасномъ положеніи государства; но эти длинные списки обѣщаній обыкновенно забывались очень скоро. Только практическое стремленіе регулировать верховныя государственныя права, право сословное и гражданское, могло сдѣлать англійскую M. Charta живымъ основаніемъ конституціи и придать ей творческую силу для выработки сотенъ позднѣйшихъ парламентскихъ статутовъ. Замѣчательное практическое пониманіе государственнаго управленія, свойственное тогдашнимъ свѣтскимъ и духовнымъ вельможамъ, объясняется развитіемъ класса служебнаго дворянства со времени Генриха I. Наиболѣе важное уклоненіе отъ сословныхъ Magnae Chartae на континентѣ заключается въ реальной правовой защитѣ *всѣхъ классовъ народа*, безъ нарушенія или уменьшенія выработанныхъ уже верховныхъ правъ государства. И съ этой стороны подтверждается, что личная и политическая свобода можетъ возникнуть и держаться только при умѣренности и духѣ общности, а не при эгоистической замкнутости высшихъ классовъ. Въ этомъ смыслѣ Питтъ произнесъ нѣкогда въ Верхней Палатѣ часто цитируемыя слова:

„Вашимъ предкамъ, лорды, англійскимъ баронамъ мы обязаны нашими законами, нашимъ правовымъ порядкомъ. У нихъ были добродѣтели грубыя и неразвитыя, но великія и искреннія. Ихъ разсудокъ не былъ утонченъ, какъ и ихъ нравы, но у нихъ было довольно сердца, чтобъ отличить правое отъ неправаго, довольно ума, чтобъ отличить справедливое отъ фальшиваго; они уразумѣли права человѣка и у нихъ хватило мужества постоять за эти права. Лорды! я полагаю, что исторія еще не воздала имъ должнаго за ихъ дѣятельность, когда они добились великаго признанія народныхъ правъ; они думали не о себѣ только, они предоставили это благодѣяніе всему народу“.

Одинъ остроумный историкъ XIX столѣтія могъ по праву сказать, что „Англія, создавъ этотъ великій актъ, сохранивъ и поддержавъ его, пріобрѣла себѣ вѣчное право на уваженіе со стороны человѣчества. Ея Бэконъ и ея Шекспиръ, ея Мильтонъ и ея Ньютонъ со всѣми истинами, ими высказанными, не представляютъ еще явленій такого великаго значенія, какъ тотъ единодушный актъ, въ которомъ народъ и его правители подчинились праву и справедливости. Но скажутъ, можетъ быть, еще съ бо̀льшимъ правомъ, что тѣ могучіе умы могли явиться только тамъ, гдѣ господствовало равенство передъ закономъ, только тамъ могли пріобрѣсть полную силу для дѣятельности, гдѣ господствовалъ духъ, внушившій предкамъ великій актъ свободы. (Mackintosh, History, т. II, 1215 г.).

доръ—исчезла, правда, въ 13-мъ столѣтіи. Но государственное управленіе пріобрѣло между тѣмъ характеръ замкнутости, затруднявшій приспособленіе къ нему системы представительства государственныхъ чиновъ. Королевская власть въ преждевременномъ развитіи своемъ, успѣла свести финансовыя, военныя, судебныя и полицейскія дѣла къ бюрократической системѣ, которая могла направляться только единичною волею, а подъ вліяніемъ разлада немедленно приходила въ замѣшательство. Прелаты и свѣтскіе вельможи сами чувствовали это. Magna Charta не посягала еще поэтому на непосредственное участіе сословій въ управленіи, а только ставила правовыя границы королевской верховной власти и, въ крайнемъ случаѣ, допускала временное устраненіе личнаго управленія, пока не уничтожены причины недовольства.

Успѣхъ вполнѣ доказалъ необходимость этого скромнаго начала. Сословная коммиссія изъ 25 бароновъ была избрана, имена ихъ дошли до насъ; точно также и writs для присяги всей communitas. Между тѣмъ король Іоаннъ только потому принялъ Magna Charta, что никогда не имѣлъ желанія сохранить ее. Хартія нигдѣ не была регистрирована, и она была бы совсѣмъ уничтожена, еслибъ бароны не распространили ее въ копіяхъ, переданныхъ для храненія въ церкви и монастыри. Папа, имѣя въ виду только интересы церкви, тотчасъ освободилъ короля, согласно его желанію, отъ данной имъ присяги; въ особой буллѣ былъ также осужденъ весь процесъ установленія M. Chartae. Соглашеніе бароновъ названо было «противозаконнымъ, несправедливымъ и постыднымъ договоромъ», а сами бароны объявлены еще болѣе дурными людьми, чѣмъ Сарацины. Королевская власть застигнута была врасплохъ, но и въ лицѣ недостойнаго монарха все еще была полна могущества. Іоаннъ поэтому удаляется и, имѣя въ своемъ распоряженіи финансовую власть и укрѣпленные замки, собираетъ при помощи государственнаго казначейства наемную армію, съ которою не можетъ справиться дворянство, хотя привда была на его сторонѣ. Отчаяваясь въ успѣхѣ, возставшіе бароны призываютъ на помощь французскаго принца съ иноземнымъ войскомъ, и начинается сомнительная борьба, во время которой Іоаннъ внезапно (7 октября 1216 г.) умираетъ (*).

(*) Тотчасъ-же послѣ утвержденія M. Charta Іоаннъ отправилъ къ папѣ посольство для того, чтобъ освободиться отъ клятвы и данныхъ имъ обѣщаній. Уже 24 августа 1215 г. послѣдовала осуждающая бароновъ булла. Папа, какъ верховный глава церкви и верховный ленный господинъ, не признаетъ дѣйствія бароновъ, объявляетъ все случившееся необязательнымъ, Rymer I. 2 p. 67 ff. и вслѣдъ затѣмъ отлучаетъ бароновъ отъ церкви. Положеніе послѣднихъ оказалось крайне затруднительнымъ, такъ какъ баронамъ недоставало денегъ и единства. Только съ прибытіемъ принца Людвига 21 мая 1216 г. борьба принимаетъ другой оборотъ. Въ это время внезапно умираетъ король Іоаннъ. Обстоятельства, указы-

Законнымъ преемникомъ его былъ *девятилѣтній* ребенокъ. Въ первый разъ, со времени завоеванія, личное правленіе оказалось въ рукахъ несовершеннолѣтняго. Правленіе принялъ на себя великій графъ Пемброкъ, въ качествѣ замѣстителя (протектра). Это былъ въ англійской исторіи первый примѣръ, что государственный человѣкъ, стоявшій во главѣ побѣдоносной партіи, былъ призванъ примѣнить принципы, провозглашенные въ M. Charta и которые онъ самъ, хотя и не установилъ, но принялъ и одобрилъ, какъ посредникъ между боровшимися сторонами. Результатомъ было, что M. Charta утверждается на одномъ собраніи въ Бристолѣ съ общаго согласія, не исключая и папскаго легата, но съ *опущеніемъ нѣкоторыхъ статей*. «Первая хартія, сказано было, содержитъ нѣкоторыя важныя и сомнительныя правила, (gravia et dubitabilia), касающіяся scutagia и наложенія податей, долговъ евреямъ, иноземныхъ купцовъ и тому подобнаго которыя король временно уничтожаетъ, пока они не обсуждены будутъ въ полномъ составѣ совѣщательнаго собранія».

На ряду съ прекраснымъ и могучимъ стремленіемъ народнаго духа къ свободѣ выразившемся въ M. Charta она представляетъ собою и первое проявленіе ничѣмъ не смягченной противоположности между государствомъ и обществомъ, что создавало большое затрудненіе. Жертвою этого затрудненія сдѣлались 3 статьи, содержавшія первыя основанія представительнаго устройства.

1) Статья 61 объ образованіи *коммиссіи представителей государственныхъ чиновъ* для охраны M. Chartae. «Комитетъ сопротивленія» вступилъ въ дѣйствіе; но назначеніе его состоялось во время гражданской войны, въ которой бароны стояли на сторонѣ иностраннаго принца. Первый актъ примѣненія хартіи имѣлъ на себѣ такимъ образомъ пятно, которое, при измѣнившихся обстоятельствахъ послѣ смерти Іоанна, немедленно повело къ раздору между баронами. Потому-то эта статья, какъ потерявшая свое основаніе, была молчаливо выпущена. Въ послѣдующія десятилѣтія дворянская партія невольно вернулась къ практикѣ комитета сопротивленія и только позднѣйшему періоду суждено было выработать конституцію, которая могла держаться безъ грубой помощи насилія.

вающія на возможное, но невѣроятное отравленіе, были вновь изслѣдованы Р. Томсономъ, On M. Charta 1829, стр. 535—554. Со смертью Іоанна положеніе такъ измѣнилось, что часть бароновъ тотчасъ покинула дѣло французскаго принца. На собраніи въ Бристолѣ 11 ноября 1216 г. папскій легатъ освобождаетъ бароновъ отъ присяги, принесенной принцу, и тогда совершается первое утвержденіе Magna Chartae (1 Henr III) съ опущеніями, которыя собралъ Блекстонъ, стр. XXIX—XXXI (теперь также Sel. Charters pag. 339). Положеніе французскаго принца было таково, что, добившись кое-какихъ мирныхъ условій онъ удалился 11 сент. 1217 года.

2) Статьи о **разрѣшеніи щитныхъ денегъ и чрезвычайныхъ денежныхъ пособій** черезъ commune concilium regni (ст. 12 и 14) были выпущены, какъ и распространеніе ихъ на auxilia города Лондона. Бароны занимали теперь вмѣстѣ съ протекторомъ *мѣсто* короля и не могли отказаться отъ нѣкоторыхъ удобныхъ источниковъ дохода (какъ домэны, лѣса, охрана евреевъ) въ видахъ успѣшнаго хода управленія страны. Самому же правителю и его друзьямъ созваніе собранія для разрѣшенія налоговъ какъ этого требовала статья 14 Magnae Chartae казалось неисполнимымъ по причинамъ, которыя не трудно понять. Здѣсь подтвердилось постоянно повторяющееся явленіе, что первыя конституціонныя идеи, вытекающія непосредственно изъ сопротивленія государственной власти, неосуществимы. Такъ какъ созваніе общаго государственнаго собранія должно было имѣть мѣсто только для утвержденія scutagia и auxilia короля, то при этомъ могла идти рѣчь только о вассалахъ, платящихъ коронѣ, слѣдовательно о tenentes in capite и именно о *всѣхъ*. Но могли-ли быть созваны безъ различія крупные и мелкіе вассалы, когда первые не хотѣли признать право равенства за сотнями отдѣльныхъ рыцарей и владѣльцами мелкихъ земельныхъ участковъ. Крупные вассалы не могли исключить своихъ pares по ленному владѣнію изъ участія въ правѣ обсужденія, а чтобъ ограничить ихъ право голоса—на это не имѣлось основанія въ прошломъ. Поэтому возвратились къ старому придворному этикету, по которому знатнымъ лицамъ посылались особыя письменныя приглашенія ко двору (sigillatim per litteras nostros). Когда же всѣ остальные приглашались collective черезъ мѣстнаго вице-комеса, то можно было разсчитывать, что большинство вовсе не явится. Правда, и при такомъ порядкѣ могъ бы возникнуть польскій парламентъ съ сотнями мелкихъ владѣльцевъ одного дворика. Крупные прелаты имѣли еще менѣе охоты стоять на одной доскѣ съ мелкими аббатами, священниками и массою мелкихъ рыцарей. Отсюда объясняется, почему предположенное собраніе не состоялось и почему упомянутая статья не была включена ни *въ одну изъ позднѣйшихъ* редакцій M. Chartae.

3) Статья объ amerciaments бароновъ per pares suos (ст. 21) была, правда, буквально сохранена, но истолкована на практикѣ въ томъ смыслѣ, что эти amerciaments опредѣлялись въ казначействѣ или въ дворцовомъ судѣ: per Barones de Scaccario, vel coram ipso Rege (Bracton), или coram consilio Regis, какъ значится въ одномъ writ 3 Henr. III. Опекунское правленіе бароновъ, признаетъ, слѣдовательно, что требованія права удовлетворены, когда дѣло было на разсмотрѣніи учрежденія или коммиссіи, состоящей изъ коронныхъ вассаловъ. Результатъ борьбы заключался,такимъ образомъ, здѣсь въ томъ, что подтверждено было право обращаться къ высшему учрежденію въ спорныхъ вопросахъ.

Точно также и **дальнѣйшій ходъ конституціонной борьбы** доказываетъ ту истину, что и самое справедливое сопротивленіе деспотизму и благороднѣйшій порывъ народнаго духа не могутъ еще непосредственно вести къ политической свободѣ, а что нужна еще упорная работа и положительное преобразованіе государственнаго устройства, къ чему M. Charta могла дать только толчокъ. Послѣ возстановленія порядка M. Charta опять утверждена была осенью 1217 года, причемъ выпущены были статьи о государственныхъ чинахъ и прибавлена за то особая Charta de foresta, касающаяся смягченія лѣсныхъ законовъ. Въ 9 Henr. III M. Charta утверждается вновь и уже въ этомъ видѣ она потомъ вошла въ собраніе законовъ **).

Два года спустя, на земскомъ собраніи въ Оксфордѣ, въ 1227 году, Генрихъ III лично принимаетъ на себя управленіе, которое и начинается безъ утвержденія обоихъ освободительныхъ актовъ. Пока-же продолжается, однако, прежнее управленіе, которое и по смерти великаго графа Пемброка (1219) идетъ довольно правильнымъ ходомъ. Первыя 16 лѣтъ этого режима въ сущности могли считаться временемъ дворянскаго правленія подъ прикрытіемъ имени Генриха III. Регенству удалось устранить господствующее вліяніе куріи черезъ отозваніе папскаго легата Пандульфа (въ 1221 г.) и осворродиться въ 1224 г. отъ чужеземныхъ наемныхъ отрядовъ. Для полученія чрезвычайнаго дохода въ видѣ вспомогательныхъ и щитныхъ денегъ, неоднократно созывались въ это время собранія прелатовъ и бароновъ, не по буквѣ, правда, статьи 14 Magnae Chartae,—а просто, по соображенію регента и прелатовъ собира-

---

) **Вторичное утвержденіе M. Chartae (2 Henr. III) послѣдовало съ измѣненіями, собранными Blockst. XXXVI — XXXVIII (нынѣ Chartres 344). Въ числѣ прибавленій есть одна статья объ устраненіи adulterine castles бароновъ и другая—противъ отчужденія имуществъ мертвой руки. При новомъ утвержденіи въ 9 Henr. III 11 февраля 1224 г. опять послѣдовали нѣкоторыя измѣненія (Charters 353). Принятіе послѣдней редакціи въ англійское собраніе законовъ объясняется тѣмъ, что съ тѣхъ поръ не было сдѣлано никакихъ измѣненій въ текстѣ. Всѣ позднѣйшія утвержденія ея относятся къ **принятому** уже тексту. Нѣкоторыя неправильности явились только вслѣдствіе того, что отпечатали не оригиналъ, 9 Henr. III (Blackts. 60—67), а текстъ изъ одного Inspeximus Эдуарда I-го. Въ февралѣ 1226 г. Генрихъ III номинально принимаетъ на себя лично управленіе безъ новаго утвержденія M. Chartae (см. ниже прим. 1). Блекстонъ говоритъ при этомъ, однакоже, не объ отмѣнѣ, а только: the King is said to have revoked all the charters of the forest (Matth. Paris). При утвержденіи 49 Henr. III a. 1264, когда король находился въ плѣну у бароновъ, опять принята 31 статья о Комитетѣ Сопротивленія, причемъ была даже выпущена оговорка относительно безопасности короля и его семьи. На это не обратили вниманія и послѣ освобожденія короля. Отъ 28 Edw. I до послѣдняго утвержденія 4 Henr. V насчитываютъ еще 29 подтвердительныхъ парламентскихъ рѣшеній, въ томъ числѣ не менѣе 14-ти при Edw. III.

лось достаточное число знатныхъ бароновъ, которые, послѣ недолгихъ преній, соглашались на требуемыя субсидіи [1]).

Послѣ постыднаго увольненія верховнаго судьи Уберта де Бургъ начинается *вторая эпоха—личнаго правленія* Генриха III (съ 1232 по 1252 г.), представляющая въ продолженіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ картину смутной, нерѣшительной борьбы между королемъ, его иноземными любимцами и личными приверженцами съ одной стороны, и крупными баронами, а иногда и прелатами — съ другой. Забывъ о печальномъ опытѣ, сдѣланномъ съ иностранцами при Стефанѣ и Іоаннѣ, слабый и легкомысленный король скоро отдался совершенно въ руки чужеземныхъ любимцевъ. Передача управленія государствомъ въ руки епископа Петра де Рошъ изъ Пуату вызываетъ бурю въ средѣ свѣтскихъ вельможъ. На собраніи въ Оксфордѣ (17 Henr. III) графы и бароны отказываются лично явиться и объявляютъ, «что они никогда не станутъ повиноваться королевскому приглашенію и изберутъ новаго короля, если онъ не увольнитъ епископа Винчестерскаго и господъ изъ Пуату». Когда-же, послѣ третьяго приглашенія, бароны явились вооруженные, то король грозитъ имъ опалою и отобраніемъ имѣній. На слѣдующемъ собраніи въ Вестминстерѣ примасъ однако угрожаетъ королю отлученіемъ,

---

[1]) Общую исторію этого времени безпристрастно изложилъ Лаппенбергъ-Паули III, стр. 489—875. Report комитета верхней палаты on the Dignity of a Peer содержитъ трезвую критику прежнихъ представленій. Достовѣрный сводъ извѣстій о 135 Concilia и подобныхъ съѣздахъ при Генрихѣ III даетъ Parry, the Parliaments and Councils, стр. 24—29. Въ эту первую шестнадцатилѣтнюю эпоху обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія обстоятельства. Въ 2 Henr. III (consilium въ de St. Pauli): второе утвержденіе M. Chartae, причемъ прелаты Earls, Barons, Knights „et libere tenentes omnes de regno“ предоставили пятнадцатую часть доходовъ. Въ 9 Henr. III. (curia въ Вестминстерѣ 25 декабря 1224 г.: торжественное подтвержденіе обѣихъ хартій, вмѣстѣ съ предоставленіемъ пятнадцатой части доходовъ въ распоряженіе короля. Въ 11 Henr. III, на съѣздѣ въ Оксфордѣ въ январѣ 1227 г. король лично вступаетъ въ роль правителя. The King declares himself of age, and by his own authority cancels the two Charters, „as made and signed when hy was not his own master, and he was not bound to Keep what he was forced to promise“. Parry 27 и citt. M. Paris. Hody 304). Достовѣрность этого нигдѣ не подтвержденнаго указанія справедливо подвергается сомнѣнію, такъ какъ продолжавшееся еще дворянское правленіе навѣрно не имѣло интереса устранить M. Charta. Въ 15 Henr. III (Colloquium въ Вестминстерѣ) требуется auxilium de quolibet scuto. Свѣтскіе магнаты соглашаются, а прелаты утверждаютъ, что духовныя особы не обязаны подчиняться рѣшеніямъ свѣтскихъ людей. Рѣшеніе о денежномъ пособіи было, однакоже, принято позже, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ отсрочки засѣданія.—Въ 16 Henr. III (colloquium въ Вестминстерѣ 7 марта 1232 г.) требуется auxilium generale. Свѣтскіе коронные вассалы объявляютъ, что не обязаны дѣлать денежныхъ взносовъ, такъ какъ они лично отбыли воинскую службу за предѣлами государства. Прелаты уклончиво отвѣчаютъ, что многіе изъ ихъ приглашенныхъ членовъ отсутствуютъ. 14 сентября послѣдовало, однакоже, разрѣшеніе субсидіи (Colloquim въ Ламбетѣ) отъ имени духовенства, и Earls, Barons, Knightsli, beri homines et villani (Foedera 16 Henr. III).

если онъ не измѣнитъ своего образа правленія. Король уступаетъ на этотъ разъ, увольняетъ епископа Винчестерскаго и непопулярныхъ совѣтниковъ, объявляетъ амнистію мятежнымъ баронамъ, и на нѣсколько лѣтъ устанавливаются сносныя отношенія съ крупными баронами, которые съ своей стороны, соглашаются на требуемыя отъ нихъ субсидіи [2]).

Но неспособность и неисправимое легкомысліе Генриха III скоро ухудшаютъ положеніе. Дядя короля и его родственники образовали опять придворное правленіе; франкскіе роды завладѣли главными должностями и ленами, и, чтобъ устранить неизбѣжное противодѣйствіе магнатовъ министрамъ короны, главныя должности оставляются незанятыми, а центральное управленіе ведется обыкновенными чиновниками. При такихъ обстоятельствахъ имѣло лишь случайное значеніе новое подтвержденіе M. Chartae. Въ 21 Henr. III король, крайне нуждаясь въ деньгахъ, вынужденъ былъ торжественно признать M. Charta, но и въ этотъ разъ опущены были статьи, касавшіяся государственныхъ чиновъ. Короткое время спустя (какъ это было во Франціи столѣтіемъ раньше) впервые появляется названіе Parliamentum (Chron. Dunst. 1244; Motth. Paris 1246), и замѣчательно, что Генрихъ III въ одномъ writ къ шериффу въ Нортгамптонѣ этимъ именемъ называетъ то собраніе, которое вынудило у Іоанна Magna Charta (Rot. Claus. 28 Henr. III. Parliamentum Runemede, quod fuit inter Dom. Ioh. Regem patrem nostrum et Barones suos Angliae). Названіе Parliament употребляется съ этихъ поръ все чаще, не вытѣсняя, однако, менѣе опредѣленныхъ выраженій Concilium, Colloquium etc. Отношенія къ иностраннымъ государствамъ, между тѣмъ, усложнились родствен-

---

[2]) Авторитетными прецедентами за это время были: въ 19 Henr. III собраніе прелатовъ, бароновъ и „всѣхъ другихъ коронныхъ вассаловъ“, которые разрѣшаютъ значительное auxilium. (cl. Rolls 19 Henr. III).—Въ 20 Henr. III curia въ Мертонѣ 20 января 1236 г., въ которой присутствовавшіе духовные и свѣтскіе бароны разрѣшили Provisiones, Assisae или Statuta, извѣстные подъ именемъ мертонскихъ, „которые издавна разсматривались, какъ стариннѣйшій актъ статутнаго права (Parl. History I. 32), Coke 2. Inst. 96. Peers Report I. 460 признаетъ, что авторитетъ ограниченнаго числа такимъ путемъ созванныхъ бароновъ долженъ еще считаться достаточнымъ для законодательныхъ актовъ. Самое распоряженіе называется provisio; употребляемое еще раньше выраженіе „Statuta“ часто объясняютъ тѣмъ, что въ первый разъ имѣла мѣсто редакція формальнаго „государственнаго постановленія“. Скорѣе причина лежитъ только въ норманской рѣчи, согласно которой стали мало-по-малу называть важнѣйшія законодательныя опредѣленія—établissements, statuta. —Въ 21 Henr. III (собраніе въ Вестминстерѣ): прелаты, Earls, Barons, Milites et liberi homines pro se et suis villanis разрѣшаютъ взносъ тринадцатой части движимаго имущества. — Въ 22 Henr. III. (собраніе въ Лондонѣ) бароны являются вооруженные и, послѣ долгихъ дебатовъ, король подъ присягою обѣщаетъ управлять при участіи извѣстнаго числа уважаемыхъ лицъ.—Въ 24 Henr. III (собраніе въ Лондонѣ) епископы выставляютъ 30 статей противъ короля, касающихся случаевъ нарушеній M. Charta, Hody 320.

ными связями матери короля и его жены, а также вслѣдствіе корыстолюбія папскаго посла. Безумная уступчивость короля всѣмъ этимъ требованіямъ и трата денегъ на напрасныя попытки удержать могущество Англіи на континентѣ все болѣе побуждаютъ духовныхъ вельможъ къ сопротивленію, во главѣ другихъ, противъ короля и папы. Въ 1224 году не назначены были ни верховный судья, ни канцлеръ, ни казначей; все управленіе велось при дворѣ черезъ второстепенныхъ чиновниковъ. Собранія вельможъ отвѣчаютъ на это жалобами, отказомъ въ субсидіяхъ, неоднократнымъ требованіемъ замѣщенія должностей при ихъ участіи и, наконецъ, обвиненіемъ юстиціарія Генриха де Батъ въ измѣнѣ (2a).

Съ 1252 года начинается *третья эпоха* этого 56-лѣтняго правленія (г. 1252—1266), въ продолженіе которой король подпадаетъ подъ вліяніе бароновъ. Недовольнымъ магнатамъ недоставало до сихъ поръ надлежащаго руководства, которое они пріобрѣли теперь въ лицѣ

(2a) Рѣшающими precedents въ этомъ періодѣ были въ 26 Henr. III. (1242) собраніе въ Лондонѣ, гдѣ присутствовали „omnes Angliae Magnates“. Многозначителенъ для этого собранія королевскій writ, содержащій положительное приглашеніе къ обсужденію государственныхъ дѣлъ: ad tractandum nobiscum, una cum caeteris Magnatibus nostris, quos similiter fecimus convocari, de arduis negotiis nostris, statum nostrum et totius regni nostri specialiter tangentibus. Послѣ долгихъ дебатовъ собраніе отказало королю въ субсидіи для войны съ Франціею и прислало письменный протестъ. 3. Peers Report Append I. Въ 28 Henr. III (собраніе въ West minsterhall прелаты обсуждаютъ дѣла отдѣльно отъ бароновъ. Съ обоюднаго согласія назначается коммиссія для выработки опредѣленныхъ постановленій, подлежащихъ одобренію цѣлаго собранія и регулирующихъ дѣйствія короля при замѣщеніи главныхъ должностей и проч. Но король отклонилъ общее заявленіе сословій и отсрочилъ собраніе. Въ созванномъ вновь собраніи король обѣщаетъ не нарушать вольностей, которымъ онъ присягнулъ при своей коронаціи въ 1220 г. Scutagium въ 20 шилл. разрѣшается по случаю брака его старшей дочери. Hody 322.—Въ 29 Henr. III магнаты отказываютъ въ субсидіи на войну противъ Валиса. Въ 30 Henr. III (1246) большое собраніе въ Лондонѣ, впервые названное Parliamentum у Matth Paris, a. 1246; ср. Rot. cl. 28 Henr. III (ближайшій примѣръ употребленія этого слова въ *оффиціальномъ* документѣ—это 42 Henr. III. Peers Report I. 91, 99, 461). Въ 32 Henr. III собраніе въ Лондонѣ отказываетъ въ субсидіи и представляетъ жалобы, которыя король обѣщаетъ принять во вниманіе. Въ 33 Henr. III (собраніе въ Лондонѣ) магнаты требуютъ, чтобъ канцлеръ, верховный судья и управляющій казначействомъ назначались съ ихъ согласія. Генрихъ III пытается въ это время устроить противовѣсъ противъ недовольныхъ бароновъ при помощи популярныхъ правительственныхъ мѣръ. Онъ лично собираетъ шерифовъ въ управленіи казначейства, поручая имъ защиту церкви, вдовъ и сиротъ; постановляетъ, что имущественная отвѣтственность поселянъ за долги владѣльца допускается только въ крайнихъ случаяхъ, что отношенія землевладѣльцевъ къ поселянамъ должны быть контролированы въ цѣляхъ обереганія послѣднихъ отъ несправедливостей и насилій, что, наконецъ, шерифы не должны отдавать въ аренду земли въ hundreds и въ другихъ bailwicks за rack ferm etc. Въ 35 Henr. III собраніе въ Лондонѣ, на которомъ юстиціарій Генрихъ де Батъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ. Въ 36 Henr. III (въ собраніи парламента въ Вестмистерѣ) папское требованіе о десятинѣ отъ manors прелатовъ для крестоваго похода не удовлетворяется, такъ какъ прежде должны быть удовлетворены ихъ требованія.

могущественнаго графа Глочестерскаго и опытнаго графа Симона де Монфора, зятя короля. Къ внутреннимъ и внѣшнимъ осложненіямъ прибавилось теперь безумное желаніе пріобрѣсти корону Сициліи для сына короля. Послѣ долгихъ переговоровъ заключается договоръ, которымъ Генрихъ беретъ на себя тяжкія обязательства по отношенію къ папѣ. Запутанное внутреннее управленіе соединено съ того времени съ хроническимъ недостаткомъ въ деньгахъ, при которомъ сословія отказываются доставлять неслыханныя дотолѣ суммы. Непостоянство и вѣроломство короля, его неспособность управлять внутренними и внѣшними дѣлами, его нежеланіе найти себѣ подходящаго совѣтника— все это понятнымъ образомъ приводитъ недовольныхъ магнатовъ къ идеѣ, объ опекунскомъ управленіи или регенствѣ, какое существовало съ нѣкоторымъ успѣхомъ въ первое шестнадцатилѣтіе этого короля. Они теперь уже не стѣсняются навязать королю главныхъ дѣятелей администраціи. (3). Не затрогивая правительственныхъ прерогативъ короля, борьба, однакоже, непосредственно направляется на замѣщеніе главныхъ должностей въ королевскомъ совѣтѣ. Въ 1248 г. бароны вновь жалуются на «любимцевъ» и особенно на то, что ни верховный судья, ни канцлеръ, ни управляющій казначействомъ не назначены «въ парламентѣ». Для успокоенія недовольныхъ въ

---

(3) Precedents этого времени суть: въ 37 Henr. III духовенство разрѣшаетъ десятину для крестоваго похода, а рыцари—scutagium на походъ въ Гасконію. Обѣ Charters of Liberties опять утверждаются. Въ 38 Henr. III (28 января 1254 г.) собраніе въ Лондонѣ при формальномъ приглашеніи къ обсужденію государственныхъ дѣлъ (ad ardua negotia nostra). Свѣтскіе вассалы отказываютъ въ субсидіи, а епископы и аббаты обѣщаютъ субсидію на случай нужды, но только за себя, а не за остальное духовенство. Peers Report I. 93. 94. Въ собраніи въ Вестминстерѣ 26 апрѣля 1254 года во время регентства по случаю отсутствіи короля, магнаты обязались cum equis et armis слѣдовать за королемъ въ Гасконію, шерифамъ приказано было призвать на службу всѣхъ остальныхъ коронныхъ вассаловъ, которые владѣютъ 20 libratas terrae in capite, и прислать затѣмъ въ собраніе по два legales et discretas milites. Въ 39 Henr. III (парламентъ въ Лондонѣ) король требуетъ auxilium. Сословія требуютъ строгаго исполненія хартій и назначенія верховнаго судьи, канцлера и управляющаго казначействомъ, которыхъ нельзя было бы смѣнить nisi de communi regni convocati concilio et deliberatione. Собраніе было отсрочено. По возобновленіи собранія магнаты отвѣчаютъ на требованіе субсидіи для войны въ Сициліи слѣдующимъ образомъ: король затѣялъ это предпріятіе sine concilio suo et consensu baronagii. Они не были приглашены *всѣ*, согласно постановленію M. Chartae, и не дадутъ ни отвѣта, ни субсидіи *безъ участія* остальныхъ. Въ 40 Henr. III (парламентъ въ Вестминстерѣ) магнаты и духовенство опять отказываютъ въ субсидіи для войны съ Сициліею. Въ 41 Henr. III (парламентъ въ Лондонѣ) король получаетъ отъ духовенства экстраординарную субсидію подъ условіемъ ненарушимаго исполненія хартій; три недѣли спустя оба сословія въ Вестминстерѣ отказываютъ въ auxilium для войны съ Сициліею. Въ 42 Henr. III (парламентъ въ Лондонѣ 10 апрѣля 1258 г.) бароны обѣщаютъ commune auxilium, если только король согласится преобразовать государственное управленіе. Король клятвенно обѣщаетъ, что это будетъ исполнено черезъ 12 fideles *изъ его совѣта* и 12 другихъ fideles, которые должны быть *избраны* самими proceres.

1253 г. происходитъ опять утвержденіе M. Chartae съ участіемъ прелатовъ въ большой вестминстерской залѣ, съ великою церковною торжественностью, съ возглашеніемъ угрозъ и проклятій на всякаго нарушителя M. Chartae. Генрихъ присягаетъ «какъ мужъ, христіанинъ, рыцарь, помазанный и коронованный король». Среди разныхъ замѣшательствъ и военныхъ событій домогательства бароновъ достигаютъ своего апогея на собраніи въ Оксфордѣ въ 1258 г., въ такъ названномъ впослѣдствіи «бѣшеномъ парламентѣ», въ которомъ недовольные магнаты рѣшили назначить извѣстнаго рода опеку надъ правительствомъ. Затрудненіе заключалось при этомъ, главнымъ образомъ, въ розни, партій среди самыхъ магнатовъ, а также въ притязаніи мелкихъ коронныхъ вассаловъ (bachellaria Angliae) на участіе въ этихъ мѣрахъ. Нужно было вслѣдствіе этого изобрѣсть родъ избирательной системы, при которой возможно было бы участіе какъ обѣихъ партій, такъ и мелкихъ tenentes in capite. И дѣйствительно дошли до очень сложной системы избирательства, повидимому заимствованной изъ обычаевъ, практиковавшихся при заключеніи договоровъ, при судебныхърѣшеніяхъ и церковныхъ собраніяхъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ когда имѣлись двѣ враждующія стороны. (Стэббсъ. II. 77). Двѣнадцать лицъ изъ совѣта короля и двѣнадцать бароновъ должны собраться и составить постоянный совѣтъ изъ 15 членовъ, который на самомъ дѣлѣ стягиваетъ къ себѣ на нѣкоторое время всю правительственную власть. Конституціонныя идеи этого времени выражаютъ собою сущность желаній бароновъ относительно участія ихъ, какъ сословія, въ управленіи: три ежегодныя собранія (парламента), *ежегодное* назначеніе верховнаго судьи, канцлера и управляющаго казначействомъ при содѣйствіи парламента; бароны принимаютъ на себя и охрану королевскихъ замковъ, шерифы должны избираться графствами, а бароны не обязаны уже являться къ шерифу, въ качествѣ судебныхъ засѣдателей и т. д. (3а). Состав-

---

(3а) 11 іюня 1258 г. прелаты, графы и „около 100 бароновъ“ являются на это *собраніе въ Оксфордѣ*, названное Parliamentum въ королевскомъ letter of save conduct отъ 2 іюня. Обѣ стороны избираютъ по 12 членовъ въ комитетъ изъ 24; эти 24 должны избрать затѣмъ 4 изъ ихъ числа, а эти уже 4 составляютъ королевскій совѣтъ изъ 15 лицъ. Избранный такимъ способомъ комитетъ 24 прежде всего требуетъ точнаго соблюденія хартій, столь часто уже обѣщаннаго подъ присягою. Назначеніе верховнаго судьи, канцлера, управляющаго казначействомъ и другихъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ на одинъ годъ, должно всегда зависѣть отъ комитета. Три раза въ годъ долженъ собираться парламентъ: 6 октября, 3 февраля и 7 іюня. На этихъ собраніяхъ должны присутствовать (по приглашенію или и безъ приглашенія) избранные совѣтники короля для обсужденія *общихъ государственныхъ дѣлъ* по указанію короля. Для этой цѣли назначаются 12 человѣкъ (2 епископа, 1 графъ, 9 бароновъ) какъ представители communitas при этихъ обсужденіяхъ, особенно при опредѣленіи повинно для communitas. Эти „12 proÞes hommes, совмѣстно съ королевскимъ совѣтомъ, обсуждаютъ въ трехъ парламентахъ всѣ публичныя обстоятельства стра-

ленное по этимъ началамъ регентство заставляетъ присягать себѣ въ вѣрности, прогоняетъ ближайшихъ къ королю лицъ и увеличиваетъ срокъ своихъ должностей. Вслѣдствіе этого снова возникаетъ раздоръ въ средѣ дворянства. Примирительная попытка французскаго короля Людвига кончается въ пользу короля, который опять получаетъ перевѣсъ на короткое время. Но дворянскій союзъ подъ предводительствомъ Симона де Монфоръ берется за оружіе, король попадаетъ въ плѣнъ въ сраженіи при Льюисѣ (12 мая 1264), M. Charta вновь подтверждается, назначается новое регентство именемъ короля и созывается собраніе изъ 23 бароновъ дворянской партіи, въ качествѣ «Parliamantum». Побѣдившая партія, однакоже, встрѣчаетъ съ самаго начала сомнительное повиновеніе. Назначенныя ею должностныя лица въ графствахъ держатъ себя высокомѣрно и произвольно. Во время вновь наступившей реакціи и розни между предводителями, принцу Эдуарду удалось (28 мая 1265 г.) бѣжать изъ плѣна бароновъ и съ собраннымъ наскоро войскомъ напасть на возставшихъ. Послѣ сраженія при Эвешатѣ, въ которомъ былъ убитъ самъ Симонъ де Монфоръ, партія бароновъ была совершенно разсѣяна въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. (3b).

ны, и communitas должна подчиниться постановленіямъ 12". Постановляются еще другія правила;—собраніе избираетъ особую коммиссію изъ 24 лицъ (3 епископовъ, 8 графовъ и 13 бароновъ) для обсужденія auxilium, но объ этомъ не состоялось однако никакого рѣшенія. Постановлено также, чтобы въ каждомъ графствѣ избирались 4 discreti et legales milites для обсужденія и подачи земскихъ жалобъ въ ближайшій парламентъ. Таковы главныя, наиболѣе характерныя рѣшенія названнаго впослѣдствіи „бѣшенаго парламента", которымъ подробно занимается Peers Report I 101—127. Вслѣдствіе примѣненія избирательнаго начала, государственное управленіе переходитъ въ руки *выборнаго министерства* изъ 15 лицъ, большинство которыхъ враждебно относилось къ королю, и такимъ образомъ начинается систематическое правленіе партій.

(3b) Оксфордскія рѣшенія показали на практикѣ, что невозможно было приложить избирательный принципъ къ безформенному и разнородному сословію англійскихъ коронныхъ вассаловъ. Въ Оксфордѣ присутствовало около 100 бароновъ, но достаточно было и сравнительно незначительнаго числа мелкихъ вассаловъ, чтобы создать слишкомъ рѣзкія рѣшенія. Избранные мелкими коронными вассалами являются только представителями притязаній феодальнаго дворянства. При выборахъ мало позаботились о церкви, на первыхъ порахъ. Но и большинство мелкихъ рыцарей было совсѣмъ недовольно постоянною коммиссіею 12-ти, которые должны были разъ навсегда быть представителями ихъ. Уже въ слѣдующемъ парламентѣ, 6 октября 1258 г. „communitas bachellariae Angliae" подаетъ на имя наслѣднаго принца Эдуарда адресъ съ выраженіями своей преданности вмѣстѣ съ жалобою на новый порядокъ вещей. Разладъ между баронами увеличивается. Въ 45 Henr III (парламентъ въ Винчестерѣ въ 1261 г.) король представляетъ папскую буллу, которой онъ освобождается отъ присяги на вѣрность оксфордскимъ постановленіямъ, а прелаты и свѣтскіе люди отъ присяги на исполненіе постановленій, невыгодныхъ для короля. Ворчестерскій епископъ и Симонъ де Монфоръ созываютъ въ виду этого къ 21 сентября 1261 г. собраніе въ Сентъ-Албонѣ, на которое приглашены были также по 3 рыцаря изъ каждаго графства. На тотъ-же день король назначаетъ совѣщаніе въ Виндзорѣ и приказываетъ шерифамъ прислать этихъ рыцарей къ нему и ни къ кому другому, supra promissis colloquium habituri.

Четвертая, *заключительная эпоха* этого періода принимаетъ повидимому спокойное направленіе, съ заключеніемъ мира, съ амнистіею и третейскими рѣшеніями (dictum of Kenilworth). Король опять пріобрѣтаетъ право замѣщенія должностей. Оксфордскія постановленія, не противорѣчащія королевскимъ прерогативамъ, утверждаются королемъ съ согласія парламента и, въ 1267 г. опять встрѣчаемъ Генриха, послѣ тяжкихъ испытаній, въ парламентѣ въ Марльбриджѣ, регулирующаго въ качествѣ законодателя государственнаго дѣла, но уже съ устраненіемъ иноземныхъ любимцевъ и при неоднократномъ утвержденіи M. Chartae. (4).

Слѣдующіе за этимъ собранія напрасно добиваются соглашенія. Въ 48 Henr III (парламентъ 13 декабря 1263 г.) споръ между королемъ и баронами представляется на третейское рѣшеніе французскаго короля. Послѣдній объявляетъ оксфордскія постановленія неимѣющими силы. Въ 48 Henr. III (парламентъ въ Оксфордѣ 30 марта 1264 г.) бароны настаиваютъ на томъ, что закрѣпленныя торжественною присягою постановленія основаны на M. Charta и что они будутъ держаться ихъ до конца жизни. (Hody 359). Непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ война бароновъ; въ сраженіи при Люисѣ 12 мая 1264 г. король побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. 25 мая обнародовано заключеніе мира; въ 29 графствахъ назначаются охранители мира, а 4 іюня 1264 посылаются writs на парламентское собраніе, на которое приглашаются также „quatuor de legalioribus et discretioribus Militibus Comitatus, nobiscum tractaturi de negotiis praedictis“. На этомъ парламентѣ въ Лондонѣ присутствующіе прелаты, бароны и „communitas terrae“ издаютъ распоряженія pro pace regni. Между Монфоромъ и графомъ Глочестерскимъ происходитъ, между тѣмъ, разрывъ. Въ 49 Henr. III (20 января 1265 г.) происходитъ парламентское собраніе въ Лондонѣ, на которое посылаются приглашенія архіепископу Іорка, 12 епископамъ, 65 аббатамъ, 36 пріорамъ, главѣ ордена тампліеровъ, затѣмъ 5 графамъ и 17 баронамъ. Послѣдніе были, вѣроятно, всѣ изъ партіи Симона де Монфора. (Peers Report I 141—145). Есть, кромѣ того, прибавка, что вицекомесы должны присылать на собраніе по 2 рыцаря изъ каждаго графства; cities и burghs—по 2 гражданина, 5 приморскихъ городовъ — по 4 человѣка. (См. въ концѣ §).

(4) Рѣшающими precedents этой эпохи были слѣдующія. Въ 49 Henr III (парламентъ въ Винчестерѣ 8 сент. 1265 г.) приглашаются епископы за исключеніемъ 4 епископовъ изъ партіи Монфора. Приглашается также нѣкоторое число свѣтскихъ коронныхъ вассаловъ, въ томъ числѣ вдовы графовъ, бароновъ и рыцарей, убитыхъ въ сраженіи или попавшихъ въ плѣнъ. Поземельныя владѣнія „мятежниковъ“ отбираются и распредѣляются между „друзьями короля“. Крутой образъ дѣйствій и вѣроломство короля побудили графа (earl) Оксфордскаго взяться снова за оружіе и принять на себя роль, которую въ болѣе позднія времена и въ другомъ мѣстѣ взялъ на себя Морицъ Саксонскій. Въ 50 Henr. III (24 августа 1266, парламентъ въ Кенильвортѣ) коммиссія изъ 3 епископовъ и 3 бароновъ назначается королемъ и a baronibus consiliaribus Angliae, чтобы принять мѣры для улучшенія состоянія страны вообще и положенія людей, лишенныхъ своихъ владѣній (disinherited) въ частности. Выбранные шесть членовъ должны были отъ себя назначить еще шесть другихъ. Папскій легатъ и принцъ Генрихъ имѣютъ рѣшающій голосъ, въ качествѣ старшинъ. Принимается такъ назыв. кенильвортское Dictum (award). Въ парламентѣ въ Нортгамптонѣ, 26 октября, было обнародовано и утверждено постановленіе двѣнадцати. Приверженцы Монфора возстановляются въ своихъ владѣніяхъ, съ уплатою пятилѣтняго или меньшаго дохода съ имѣній, смотря по тяжести вины. 18 ноября 1367 происходитъ парламентъ или commune concilium regni въ Марльборо, „ad meliorationem regni et expeditionem justitiae“. Сверхъ Magnates et discreti при-

Парламентское движеніе въ этомъ сплетеніи событій касается 2 пунктовъ:

1) Право участія коронныхъ вассаловъ въ *назначеніи* scutagia и экстраординарныхъ пособій утверждается болѣе чѣмъ двадцатью прецедентами, причемъ право это относится какъ къ разрѣшенію, такъ и къ отказу.

2) Въ связи съ собраніями для разрѣшенія податей возбуждается и вопросъ объ участіи магнатовъ въ изданіи *королевскихъ постановленій*. Нѣкоторое число законодательныхъ рѣшеній того времени поставлено позднѣйшею судебною практикою наравнѣ съ парламентскими статутами и принято въ собранія законовъ, именно provisiones въ Мертонѣ (Rotuli cl. 20 Henr. III) и такъ назыв. Statutum de Maleberge (Rotuli cl. 44 Henr. III etc.). Этотъ послѣдній обозначается вначалѣ какъ provisiones, ordinationes et statuta subscripta и сходно по формѣ и содержанію съ статутами, изданными еще при Эдуардѣ I. (***).

Стремленіе коронныхъ вассаловъ къ *конституціонному строю* очевидно во всѣхъ перипетіяхъ этой борьбы. Послѣ многократныхъ утвержденій достигли того, что даже во времена сильнѣйшей реакціи не было уже и рѣчи объ отмѣнѣ или сокращеніи M. Chartae. Опущенныя 12 и 14 статьи о разрѣшеніи auxilia и scutagia продолжали существовать *на практикѣ*. Всѣ обстоятельства содѣйствовали, повидимому, возникновенію сословнаго государственнаго устройства. Слабохарактерный и вѣроломный король старается освободиться отъ невыгодныхъ для него постановленій M. Charta, и тѣмъ не менѣе онъ послѣдовательно пять разъ принуждается къ торжественному признанію ихъ. Онъ пытается, по старой системѣ, возстановить

сутствуютъ также главный судья, канцлеръ, судьи и другіе изъ совѣта короля. Рѣшенія, подъ именемъ statuta въ Марльбиржѣ, „всегда разсматривались какъ часть законодательства страны“ Peers Report I, 159. Въ 53 Henr. III (парламентъ въ Вестминстерѣ): къ торжественному перенесенію тѣла Эдуарда-исповѣдника въ Вестминстерское аббатство приглашены, кромѣ магнатовъ, также „Potentiores“ изъ cities и burghs. По окончаніи торжества „Nobiles“ образуютъ парламентъ и разрѣшаютъ двадцатую часть доходовъ съ согласія „regni majores“. Peers Report, I, 161. Въ 55 Henr. III, 13 января 1271, въ парламентѣ изъ Magnates въ Лондонѣ вполнѣ возстановляются въ правахъ лорды и другія лица, лишенныя своихъ владѣній, per communem assensum. Въ слѣдующемъ году умираетъ Генрихъ III.

(***) Изъ прецедентовъ, перечисленныхъ въ прим. 1—4 вытекаетъ приведенный выше результатъ, а именно: 1) право baronage на разрѣшеніе экстраординарныхъ субсидій и 2) право на участіе въ важнѣйшихъ королевскихъ распоряженіяхъ. Начиная съ такъ назыв. статута Merton извѣстное число этихъ распоряженій было включено въ позднѣйшія собранія законовъ, а съ наибольшой полнотою въ Statutes of the Realm (1810), редижированныя Record Commissione, именно Мертонскія постановленія (Statutes p. I), Statutum Hiberniae (p. 7), распоряженія о високосномъ днѣ (p. 7), Кенильвортское dictum (p. 12) и Statutum de Marleberge (p. 19).

личное правленіе при посредствѣ своихъ любимцевъ и чиновниковъ, но прелаты и бароны заставляютъ его уволить или изгнать этихъ совѣтниковъ и замѣстить главныя должности навязанными ему лицами. Постоянная нужда въ деньгахъ заставляетъ его прибѣгать къ постояннымъ созывамъ представителей страны, но почти со всякимъ его требованіемъ соединяются и жалобы страны на тяготы и правительство вынуждено ихъ удовлетворить. Прелаты и бароны соперничаютъ между собою въ сопротивленіи, основанномъ на M. Charta, на общемъ интересѣ, на усиливающемся сословномъ и корпоративномъ духѣ, а также на слабости и порочности короля. Недовольные бароны находятъ, наконецъ, такого предводителя, какъ Симонъ де Монфоръ, зятя короля, магната, выдающагося какъ государственный человѣкъ и какъ полководецъ. Подъ такимъ предводительствомъ дворянству въ первый разъ удается побѣдить королевскую власть въ открытомъ сраженіи и взять въ плѣнъ короля вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола.

И тѣмъ не менѣе великія успѣхи бароновъ уничтожаются съ удивительною быстротою; они не служатъ еще къ созданію государственно-сословнаго строя въ смыслѣ феодальныхъ конституцій континента, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ все еще не доставало существенныхъ предварительныхъ условій такого устройства, какъ въ формахъ государственной власти, такъ и въ ходѣ образованія сословій.

Королевское правленіе все еще имѣло, съ одной стороны, характеръ *абсолютизма*. Всѣ верховныя права казались еще вытекающими изъ личной воли. Владѣніе и права господствующаго класса, положеніе вассаловъ и городовъ, всѣ нормальныя и исключительныя формы начальственнаго права (liberties, franchises) основывались еще на личныхъ распоряженіяхъ короля. Границы королевской власти были, правда, въ общихъ чертахъ обозначены въ M. Charta, но не существовало еще законовъ, которые ввели-бы эти начала въ практику государственнаго казначейства и въ управленіе графствъ и округовъ. Ни придворный судъ, ни бюрократическій Exchequer не давали надежной защиты противъ рѣшительной личной воли короля. Какъ-же могли недовольные бароны, при подобномъ строѣ, положить предѣлъ расхищенію государственныхъ средствъ и злоупотребленіямъ произвольной военной, финансовой и судебной власти, если они сами не пользовались такою властью? Правленіе устроено было такъ, чтобы всѣ импульсы получались непосредственно отъ короля и его личныхъ совѣтниковъ. Такая бюрократическая система направляла всякое дѣйствіе магнатовъ только на замѣщеніе высшихъ должностей и мѣстъ шерифовъ. Такимъ способомъ они скорѣе всего достигли обладанія властью, но авторитетъ и контроль самаго опытнаго предводителя не могли помѣшать непосредственному злоупотреб-

ленію этой властью, которое тотчасъ-же давало себя чувствовать какъ противной партіи, такъ и низшимъ классамъ и вызывало ихъ сопротивленіе. Всякое примѣненіе права верховенства разсматривалось ревнивыми союзниками какъ произволъ, а всякій отказъ въ какой нибудь милости — какъ оскорбленіе и какъ поводъ для отпаденія. Безъ вины великаго предводителя, неограниченная власть въ рукахъ побѣдоносной, политически неопытной партіи, превращается въ орудіе частныхъ интересовъ. Недовольство и реакція, слѣдующія за этимъ, возвращаютъ на прежнее мѣсто такъ называемыхъ «друзей короля», т. е. иноземныхъ искателей приключеній, корыстолюбивыхъ приверженцевъ и услужливыхъ бюрократовъ. Такъ какъ королевская власть ни въ какомъ отношеніи не стояла на должной высотѣ, то и возникаетъ борьба повидимому безцѣльная, склоняющаяся то въ ту, то въ другую сторону.

Но и для дѣйствія снизу вверхъ короннымъ вассаламъ все еще недостаетъ формъ для соотвѣтственнаго *представительства ихъ, какъ цѣлаго сословія*. Ихъ ленное состояніе исключало равенство съ ними подъ-вассаловъ и всѣхъ другихъ вольныхъ поселенцевъ. Коронные вассалы все еще считали себя въ это время communitas terrae, и считали вполнѣ добросовѣстно, такъ какъ сознавали за собою всю страну. Духъ общности интересовъ и сознаніе военной чести поддерживали однако въ средѣ мелкихъ коронныхъ вассаловъ идею равенства, тогда какъ высшія, родственныя съ дворомъ фамиліи и прелаты не хотѣли признать такого равенства, при которомъ они оказались-бы, по численности, скромнымъ меньшинствомъ. Избраніе представителей отъ мелкаго дворянства въ Consilium Regis могло имѣть тогда не больше успѣха, чѣмъ теперь. Если должны быть представляемы дѣйствительныя государственные интересы, то тысячи подъ-вассаловъ, свободные поселяне и города значили, во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ мелкіе бароны. Попытка на собраніи въ Оксфордѣ, привлечь только сто «бароновъ» къ участію въ выборахъ сословной земской коммиссіи, привела къ крайнему развитію феодальныхъ притязаній. За личнымъ правленіемъ слѣдуетъ личное-же контръ-правленіе съ конфискаціями, изгнаніями и кровавыми раздорами, при которыхъ болѣе всего страдаютъ служилые люди, тогда какъ господа для себя вводятъ отказныя письма и весь уклончивый церемоніалъ рыцарства. Понятно, что этотъ порядокъ вещей столь-же мало нравился, какъ и слабое и порочное правленіе короля.

Было еще что-то недодѣланное въ новыхъ конституціонныхъ порядкахъ, съ чѣмъ не могли справиться ни духовные, ни свѣтскіе бароны. Въ односторонности всякаго сословнаго интереса лежала причина того, что каждая партія бароновъ, достигнувъ побѣды, не

дѣлала другого употребленія изъ своей абсолютной государственной власти, какъ только для выгодъ и обогащенія ея членовъ и ея партіи. Изъ этой борьбы партій не могла также выработаться такая форма, при которой мелкіе бароны могли-бы занять надлежащее положеніе на ряду съ крупными баронами, а свободнымъ поселянамъ предоставлено было-бы соотвѣтственное участіе на ряду съ тѣми и другими. Только отрицательнымъ путемъ убѣдились, что изъ мелкаго дворянства не слѣдуетъ дѣлать избирательную корпорацію. Умный предводитель дворянской партіи нашелъ, правда, форму представительства для болѣе обширной communitas, но она затерялась въ борьбѣ партій. Только преемнику Генриха III удалось выдвинуть и третій элементъ населенія, который не участвовалъ еще въ государственномъ представительствѣ.

Этотъ третій элементъ была — *совокупность подъ-вассаловъ и свободныхъ людей Англіи*, Communitates графствъ и городовъ, которые до сихъ поръ исключались феодальнымъ строемъ изъ непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Совершенно непроизвольно всѣ партіи начинаютъ сознавать ихъ значеніе. Съ самаго начала правленія Генриха III имъ оказываютъ все больше вниманія. Ихъ приглашаютъ представлять черезъ уполномоченныхъ жалобы на шерифовъ, имъ даютъ участіе при назначеніи и взиманіи податей, имъ предлагаютъ выбирать шерифовъ. Въ 1258 году ихъ приглашаютъ избрать двухъ рыцарей vice omnium et singulorum съ тѣмъ, чтобъ они участвовали въ совѣщаніяхъ объ auxilia corum consilio Regis. Въ 1261 г. Симонъ де Монфоръ созываетъ по три рыцаря изъ каждаго графства для обсужденія «государственныхъ дѣлъ», а король приглашаетъ этихъ самыхъ депутатовъ въ свой совѣтъ въ Виндзоръ. Послѣ плѣненія короля Симонъ де Монфоръ созываетъ его именемъ *двухъ рыцарей каждаго графства, двухъ гражданъ отъ извѣстнаго числа населенныхъ мѣстъ* на общегосударственный совѣтъ, 28 января 1265, и такимъ образомъ этотъ періодъ заключается въ нѣкоторомъ смыслѣ днемъ рожденія *нижней палаты*.

Зародыши представительства графствъ и городовъ черезъ выборныхъ членовъ проявляются уже, какъ первыя попытки, въ концѣ этого періода. Въ старыхъ политическихъ памфлетахъ и полемическихъ сочиненіяхъ напрасно выдвигали прецеденты, въ сущности ничего не говорящіе объ участіи графствъ и городовъ въ разрѣшеніи податей и обсужденіи новыхъ законовъ такъ, указывали, что старѣйшій прецедентъ имѣлъ мѣсто уже въ 15 году правленія Іоанна, именно въ военномъ призывѣ въ словахъ: 4 discreti milites отъ каждаго графства должны быть избраны въ первомъ county court ad loquendum nobiscum de negotiis regni nostri". Но тутъ дѣло идетъ о довѣренныхъ людяхъ, съ которыми король хочетъ поговорить, въ виду угрожавшаго нападенія Франціи. Неизвѣстно, имѣло-ли мѣсто это собраніе, но въ немъ не должна была идти рѣчь ни о новыхъ законахъ, ни о разрѣшеніи auxilia.—Въ 10 Henr. III (1226 г.) по-

сылаются writs шерифу въ Глочестерѣ и 7 другимъ графствамъ съ приказаніемъ избрать quatuor milites de legalioribus et discretioribus черезъ „milites и probi homines графства". Но 4 milites являются только обвинителями vice-comites, по поводу нарушенія M. Charta.—Въ 58 Henr. III (собраніе въ Вестминстерѣ) шерифамъ приказываютъ прислать по два legales et discretos milites въ собраніе, vice omnium et singulorum eorundem ad providendum, quale auxilium nobis in tanta necessitate impendere voluerunt. Посылаются также writs и епископамъ съ распоряженіемъ, собрать въ ихъ діоцезахъ archidiaconos, viros religiosos et clerum для совѣщанія о субсидіи. Низшее духовенство должно прислать затѣмъ своихъ proxies и сообщить свои рѣшенія. Peers Report I. 56 признаетъ это первою документально доказанною попыткою прислать на собраніе представителей отъ общественныхъ группъ. Но тутъ дѣло идетъ только объ участіи мелкихъ коронныхъ вассаловъ въ обсужденіи чрезвычайныхъ субсидій. Въ первый разъ дѣлается попытка дать имъ опредѣленное участіе черезъ избранныхъ въ ихъ средѣ двухъ представителей на ряду съ крупными баронами, вмѣсто коллективнаго приглашенія всѣхъ черезъ шерифовъ, какъ этого требовала M. Charta. Поэтому эти 2 рыцаря приглашаются въ writ не прямо на собраніе, а только для появленія coram consilio nostro, Parry, Parliaments XIII. Важно это обстоятельство, какъ первая форма представительства, хотя тутъ только одни коронные вассалы представляются и только ради одного частнаго случая.—Въ 42 Henr. III въ „бѣшеномъ парламентѣ" въ Оксфордѣ этотъ избирательный принципъ получаетъ новое примѣненіе, а именно въ самый парламентъ приглашаются 100 бароновъ, въ большинствѣ, слѣдовательно, мелкихъ, съ тѣмъ, чтобъ изъ числа присутствующихъ въ парламентѣ избрать коммиссію изъ 12 членовъ,—что повело къ гражданской войнѣ. Но и тутъ дѣло идетъ только о коронныхъ вассалахъ. Въ 45 Henr. III (лѣтомъ 1261 г.) епископъ Ворчестерскій и графъ Симонъ де Монфоръ назначили на 21 сентября 1261 г. собраніе въ Сентъ-Албанѣ съ тѣмъ, чтобъ явились по три рыцаря изъ каждаго графства для обсужденія государственныхъ дѣлъ. Король назначаетъ напротивъ, тотъ-же день для собранія въ Виндзорѣ и приказываетъ шерифамъ прислать этихъ рыцарей къ королю „Supra promissis colloquium habituri". Это была во всякомъ случаѣ попытка собрать представителей графствъ на совѣщательное собраніе, Peers'Report I 133, но она сопровождалась такимъ безпорядкомъ и раздоромъ и окончилась такъ безрезультатно, что ее нельзя считать прецедентомъ.—Въ 48 Henr. III въ парламентъ въ Лондонѣ 24 іюня 1264 г., когда король находился въ плѣну у бароновъ, приглашаются черезъ охранителей мира въ 29 графствахъ, по 4 рыцаря изъ каждаго, по слѣдующей формулѣ: „Vobis mandamus quatenus quatuor de legalioribus et discretioribus Militibus dicti Comitatus, per assensum ejusdem Comitatus ad hoc electas, ad nos pro toto Comitato illo mittatis. Ita quod sint od nos Londoni, in octavis etc. nobis cum tractaturi de negotiis (nostris et regni nostri) praedictis." Но дѣло тутъ идетъ только о возстановленіи мира въ государствѣ и о совѣщаніи по этому предмету съ довѣренными людьми. Такъ какъ при этомъ говорится ofideles nostri, то очевидно имѣются въ виду только коронные вассалы. Доказано также, что разрѣшеніе двадцатой части доходовъ состоялось въ этомъ году только при участіи „praelati et magnates". Parry, Parliaments XIII. Только состоявшееся въ 49 Henr. III собраніе парламента въ Лондонѣ 20 января 1265 г. есть первый прецендентъ относительно приглашенія депутатовъ отъ графствъ и городовъ. Содержавшійся еще въ плѣну король посылаетъ прежде всего личныя приглашенія къ 122 духовнымъ и къ 23 свѣтскимъ баронамъ, ad tractandum nobiscum et cum concilio nostro nec non et aliis arduis regni nostri negotiis. Но далѣе говорится: Item mandatum est singulis Vicecomitibus per Angliam, quod venire faciant Duos Milites, de legalioribus et discretioribus Militibus singulorum Comitatuum, ad Regem London, in Octabis praedictis in forma supradicta. Item in forma praedicta scribitur civibus Lincoln, et caeteris Burgis Angliae, quod mittant in forma praedicta Duos et discretioribus

tam civibus quam Bargensibus suis. Item mandatum est Baronibus de probis Hominibus Quinque Portuum quod mittant Quatuor de legalioribus et discretioribus etc". Текстъ приглашеній къ шерифамъ и городамъ не сохранился, но вѣроятно совпадаетъ съ содержаніемъ призыва, обращеннаго къ пяти приморскимъ городамъ: Ita quod sint ibi in Octs. praeds. nobiscum et cum praelatis et Magnatibus regni tractaturi et super praemissis auxilium inpensuri etc.". Начиная съ этого акта входитъ въ употребленіе форма призыва „communitates regni", съ слѣдующими двумя нововведеніями:

a) Приглашаются не только представители мелкихъ коронныхъ вассаловъ, но и графствъ и извѣстнаго числа городовъ, какъ таковыхъ, причемъ 2 члена представляютъ собою всю совокупность каждаго графства и городскаго населенія.

b) Эти представители прямо приглашаются для обсужденія государственныхъ дѣлъ, а не какъ прежде для военнаго набора, для заключенія мира или для опредѣленныхъ судебныхъ и правительственныхъ цѣлей.

Въ этомъ заключается, слѣдовательно, актъ зарожденія позднѣйшей нижней палаты. Уже многіе старѣйшіе историки конституціи хорошо это поняли, какъ, напримѣръ, Спельманъ въ его Glossarium v. Parliamentum и въ отдѣльномъ трактатѣ on Parliaments. Такой-же выводъ получается изъ перепечатки Parliamentory writs Принна (1659—64), изъ Дугдаля Summons, особенно-же изъ Repports комитета верхней палаты on the Dignity of a Peer 1819 и сл., vol. I и V. Изъ новыхъ историковъ признаютъ это Hallam, Middle Ages и Parry, Parliaments XII. Но указанный ходъ дѣла еще не заключаетъ въ себѣ опредѣленія, въ какой мѣрѣ необходимо по закону созваніе представителей графствъ и городовъ для изданія общихъ распоряженій и для обсужденія денежныхъ нуждъ. Обстоятельства, при которыхъ дѣлался призывъ, были такъ необычайны, что изъ него не вытекала еще необходимость повторенія. Тутъ происходитъ приблизительно тоже, что и съ собраніями нотаблей при Генрихѣ II. Это совѣщательныя собранія, прекращающіяся просто потому, что король не созываетъ ихъ больше. Послѣ побѣды надъ Симономъ де Монфоръ и его партіею, вездѣ идетъ рѣчь только о возстановленіи стараго устройства и земскихъ правъ. Дальнѣйшіе concilia Генриха III созываются обыкновеннымъ порядкомъ личными writs къ извѣстному числу прелатовъ и магнатовъ; только отъ нихъ исходятъ затѣмъ разрѣшенія субсидіи и только отъ нихъ также Статуты въ Марлебраджѣ. Важное значеніе имѣли событія 1265 г., но все-же только такое, какое имѣли столѣтіемъ раньше придворныя собранія въ Кларендонѣ и Нортгамтонѣ: мелкіе вассалы и вольные поселяне въ первый разъ образовали одно цѣлое и въ первый разъ прониклись сознаніемъ, что имъ принадлежитъ въ извѣстныхъ случаяхъ самостоятельный голосъ къ королевскомъ совѣтѣ.

---

§ 18a.

Сословныя отношенія англо-норманскаго времени.

Къ концу разсматриваемой нами теперь эпохи вліяніе ленной системы на характеръ англо-норманскихъ сословій опредѣляется еще отношеніями, изложенными выше въ отдѣльности. По истеченіи перваго столѣтія, англійское ленное право является законченнымъ въ своей технической обработкѣ, если судить по законнику Глэнвилля. Liber Niger (ed. Hearne) представляетъ обзоръ большихъ

ленныхъ владѣній за это же время, а сборникъ Testa de Nevil (ed. 1807)— за конецъ этого періода.

Въ началѣ періода норманскіе коронные вассалы считали себя, очевидно, правящимъ классомъ; на подъ-вассаловъ смотрѣли, какъ на среднее сословіе, а на остальное населеніе, какъ на rôture, подобно тому, какъ смотрѣли на податной классъ во Франціи. Ленная система имѣла повсюду стремленіе создать наслѣдственный классъ господъ и наслѣдственный классъ подвластныхъ людей, посредствомъ сліянія должности съ владѣніемъ и превращенія всякихъ отношеній зависимости въ матеріальное подчиненіе. Въ Англіи королевская власть остановила развитія подобнаго порядка вещей. Государство было здѣсь достаточно сильно, *чтобъ держать въ границахъ, сообразныхъ съ ихъ назначеніемъ*, духовныя и свѣтскія, военныя и гражданскія должности, права личной чести и наслѣдственнаго владѣнія, чтобы ставить всякое увеличеніе правъ въ зависимость отъ высшихъ услугъ государству, и помѣшать, такимъ образомъ, обращенію дворянства и рыцарства въ наслѣдственныя сословія, а напротивъ того, придать имъ характеръ «общественнаго класса». Неполное развитіе сословныхъ правъ составляетъ именно сильную сторону этихъ общественныхъ формъ, давшихъ въ ближайшемъ періодѣ возможность органическаго образованія прочныхъ парламентскихъ учрежденій. Благодаря вліянію королевской власти, въ Англіи соединеніе владѣнія съ государственными обязанностями и правами получило другое направленіе, чѣмъ на континентѣ, и образовало слѣдующія общественныя формаціи.

I. *Классъ крупныхъ вассаловъ*, подвергавшійся наибольшимъ перемѣнамъ, обнималъ, при первоначальномъ распредѣленіи послѣ завоеванія, тѣхъ лицъ, которыя уже на континентѣ были графами или доставляли цѣлые отряды въ составъ войска. Владѣнія 20 наиболѣе одаренныхъ ленами въ Domesday обнимаютъ по обыкновенному исчисленію: 793, 439, 442, 298, 280, 222, 171, 164, 132, 130, 123, 119, 119, 118, 107, 81, 47, 46, 33 господскихъ дворовъ съ различными принадлежностями. Въ аналогичномъ положеніи по отношенію къ владѣнію находились епископы и нѣкоторыя аббатства. Принимая однако во вниманіе относительную незначительность рыцарскихъ леновъ и постоянное дробленіе цѣльныхъ имѣній между дальнѣйшими ленниками, можно замѣтить, что они уже съ самаго начала были гораздо меньше герцогствъ и графствъ континента. Еще важнѣе была въ этомъ отношеніи унаслѣдованная еще отъ англо-саксонскаго времени разбросанность владѣній, вслѣдствіе которой помѣстья 4-хъ наиболѣе одаренныхъ лицъ были разсѣяны въ 6—21 графствахъ. Между ними находились королевскіе домэны и владѣнія мелкихъ коронныхъ вассаловъ во

всѣхъ графствахъ. Владѣльцы помѣстій не могли укрѣпиться, такимъ образомъ, ни по мѣсту, ни во времени, такъ какъ при строгихъ правилахъ относительно возвращенія владѣній, вслѣдствіе недостатка леннаго наслѣдника или вслѣдствіе конфискаціи одно и тоже владѣніе часто возвращалось коронѣ по нѣсколько разъ въ теченіи одного только столѣтія. Крупнѣйшіе ленные владѣльцы временъ завоеванія были въ первомъ столѣтіи въ числѣ мятежныхъ вассаловъ. Три наибольшія владѣнія были отобраны уже самимъ завоевателемъ. Въ общемъ, однакоже, старѣйшія владѣнія остались нераздробленными и были внесены въ списки государственнаго казначейства подъ обозначеніемъ (capital) honors. Подчиненные имъ вассалы, разсѣянные въ графствахъ, призывались въ ряды войска королевскимъ вицекомесомъ. Образованіе замкнутой военной силы устранялось, такимъ образомъ, фактически и по праву, запрещеніемъ частныхъ закрѣпленій и присягою подъ-вассаловъ на вѣрность королю. Такія-же препятствія встрѣчало образованіе большихъ вотчинныхъ и ленныхъ судовъ, которые впослѣдствіи были все болѣе стѣсняемы системою странствующихъ судей и постоянными государственными судами, а при новыхъ раздачахъ земель ограничивалось еще сильнѣе. При всемъ томъ норманская эпоха не лишена была внѣшняго блеска. Нѣкоторыя ленные владѣнія имѣли цѣлый придворный штатъ съ придворными должностями, которыя иногда даже были наслѣдственными. Многіе ленники были собственниками парковъ; иные владѣли съ королевскаго позволенія укрѣпленными замками. Въ хартіяхъ къ сподвижникамъ и подвластнымъ людямъ они пользуются стилемъ королевскихъ заявленій: «Dapifero meo et omnibus hominibus meis, tam Francis quam Anglis». Всему этому блеску недоставало, однако, твердой почвы, особенно надежной опоры въ преданныхъ ленныхъ людяхъ. Высокое положеніе этихъ господъ было вообще болѣе фактическое, чѣмъ правовое. Правда, въ войскѣ barones majores являлись въ качествѣ предводителей. Правда также, что ихъ денежные взносы, опекунства и заключенія браковъ занимали въ спискахъ казначействъ важное мѣсто (Dialogus de Scacc. II c. 10). Точно также при установленіи размѣровъ relevia и amerciaments barones majores пользовались не особенно пріятно честью высокаго обложенія. Само собою разумѣется, что на королевскихъ придворныхъ съѣздахъ barones majores имѣли преимущество предъ рыцарями, являвшимися безъ свиты; имъ посылались именныя приглашенія ко двору. Если-же, не смотря на это, въ Англіи не возникаютъ наслѣдственные династическіе роды и положеніе крупныхъ вассаловъ остается на почвѣ простаго сословнаго права, какъ въ англо-саксонское время (когда великіе таны были уравнены, относительно платежа виры, съ та-

нами графствъ), то причины этого заключаются въ совпаденіи слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Въ различіи основнаго начала — такъ какъ въ Англіи положеніе крупныхъ вассаловъ основано не на сеніоратѣ (переходѣ военныхъ обязанностей отъ мелкаго землевладѣнія къ крупному) а на полицейской охранѣ, Hlâford'. Королевская власть, далѣе, не допускала разширенія судебныхъ и полицейскихъ правъ землевладѣльцевъ, мѣшала установленію привиллегированной подсудности передъ палатою пэровъ, устраняла исключительность военной службы, а заботилась, напротивъ о народномъ ополченіи, которое въ сѣверныхъ графствахъ оставалось всегда вооруженнымъ и черезъ assize of armes возведено было на степень первостепеннаго значенія военнаго учрежденія. Это ставило дѣйствительную преграду надменности владѣющихъ оружіемъ передъ остальными классами населенія.

2) Въ *неравномѣрномъ развитіи* сословія. Со временъ Генриха I, великій епископъ Рожеръ Салисбюри, родъ котораго 100 лѣтъ сряду занимаетъ выдающееся мѣсто въ государственномъ управленіи, былъ нѣкоторымъ образомъ основателемъ новаго должностнаго дворянства, видные представители котораго вступали не только въ число епископовъ, но и въ ряды высшаго дворянства посредствомъ пожалованія помѣстій и брачныхъ союзовъ (какъ, напримѣръ, Бассеты, Клинтоны, Труссебуты и друг.). Черезъ каждыя два поколѣнія большая часть крупныхъ баронствъ переходила въ этомъ періодѣ во владѣніе другихъ фамилій. Уже въ началѣ XII столѣтія высшее дворянство завоевательнаго войска было вытѣснено изъ своихъ первоначальныхъ крупныхъ владѣній вслѣдствіе неудачнаго сопротивленія королевской власти. При Генрихѣ II новое должностное дворянство образуетъ уже большинство крупнаго баронства, потомки котораго берутъ на себя предводительство въ средѣ бароновъ Magnae Chartae. Опять другія фамиліи выступаютъ на первый планъ во время войны бароновъ. Точно также англійскіе прелаты суть не мѣстные властители въ родѣ французскихъ и нѣмецкихъ курфюрстовъ и епископовъ, а только должностное дворянство, которое съ тѣмъ бо̀льшею однородностью ведетъ вмѣстѣ съ свѣтскимъ должностнымъ дворянствомъ общія государственныя дѣла.

3) Стремленіе къ наслѣдственной роли направлено поэтому у правящаго класса Англіи не на образованіе независимыхъ мѣстныхъ владѣній, но на *участіе* въ *высшемъ коронномъ совѣтѣ*. Такое личное участіе по природѣ вещей можетъ быть предоставлено только старшему, первородному сыну фамиліи. Въ тоже время сильное отягченіе военною повинностью и податями ведетъ къ тому, что преимущества высокаго положенія ограничиваются только первород-

ными, и это-же служитъ фундаментомъ для образованія въ слѣдующія эпохи наслѣдственнаго перства [1]).

II. Второй классъ образуютъ *менѣе замѣчательные коронные вассалы* въ ихъ постепенномъ сліяніи съ *подъ-вассалами* [2]).

Мелкіе *коронные* вассалы ничѣмъ не отличаются въ ихъ правѣ владѣнія (tenure) отъ крупныхъ владѣльцевъ. Они также получили свои лены непосредственно отъ короля и имѣютъ право, какъ члены curia regis, засѣдать въ судѣ надъ каждымъ короннымъ вассаломъ, когда они къ тому призываются. Многіе изъ нихъ, посредствомъ вліятельныхъ должностей пріобрѣтаютъ также внѣшнее положеніе, равное крупнымъ вассаламъ. Въ первоначальномъ числѣ 400 barones minores большинство состояло изъ лицъ, уже быв-

---

[1]) Относительно сословнаго образованія высшаго дворянства (и потомъ рыцарства) см. мое сочиненіе о дворянствѣ и рыцарствѣ въ Англіи, Берлинъ, 1853, 8. Въ немъ, правда, авторитету Галлама и Аллена, а также изъ прежнихъ Селдену и Дугдалю, придано кое-гдѣ слишкомъ большое значеніе. О первыхъ раздѣлахъ земли Вильгельмомъ-Завоевателемъ сравни выше, стр. 110—112. Ellis, Introduction I, 226 и слѣд. Въ какой степени границы помѣстій отличались чрезполосностью—это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго исчисленія гуфъ (hidae) въ Суссексѣ, въ которомъ находилась наибольшая масса дворянскихъ владѣній: графъ Рожеръ 818 дворовъ, Вилліамъ Варенъ 620, графъ Моретонъ 520, Вильямъ Брайозъ 452, епископъ Кентерберійскій 214, графъ Оро 196, епископъ Кичестеръ 184, епископъ Осбернъ 149, аббатъ Фекамъ 135, Ботль Черчъ 60, король 59, епископъ св. Петра 39, аббатъ св. Эдварда 21, Одо и Эльредо 10, аббатъ Вестминстерскій 7.

[2]) Образованіе англійскаго рыцарства въ его окончательномъ видѣ уясняется изъ Testa de Nevil sive Liber Feodorum in curia Scaccarii temp. Henr. III and Edw. I. 1 Vol. folio 1807 (Record — Commission). Исчисленіе всѣхъ мелкихъ коронныхъ леновъ, церковныхъ владѣній, свободныхъ отъ налоговъ (tenure in frankalmoign), суммы scutagia и auxilia каждаго короннаго вассала доказываетъ, что на почвѣ такихъ раздробленныхъ помѣстій не могло образоваться замкнутое сословіе и что мелкіе коронные вассалы должны были потеряться въ массѣ подъ-вассаловъ, которые часто владѣли 2, 3, 4 и большимъ числомъ рыцарскихъ леновъ и которые заключали въ себѣ, кромѣ того, старосаксонское танство. Насколько сомнительно было разграниченіе во многихъ пунктахъ, показываетъ графство Іоркъ, гдѣ въ числѣ 105 коронныхъ вассаловъ было только 29 владѣльцевъ большихъ помѣстій; остальные большею частью обозначались названіемъ королевскихъ тановъ и владѣли только запустѣвшими землями, которыя во времена Domesday не давали возможности нести рыцарскую службу. Слово miles означаетъ то простаго всадника, то значительнаго владѣльца большихъ рыцарскихъ помѣстій. Уже такое употребленіе слова miles показываетъ, что владѣнію землею и исполненіе общественныхъ обязанностей разсматривались отдѣльно и что, слѣдовательно, не образовалась еще сословная замкнутость изъ сліянія личныхъ правъ и обязанностей съ владѣніемъ. Homagium также не выражаетъ этого. Несомнѣнно, что и частному лицу можно было приносить присягу въ вѣрности за ленное или служебное владѣніе, но безъ послѣдняго условія, конечно, только королю. (Bracton II. c. 35. § 6). Напрасно было-бы, впрочемъ, переносить техническое различіе между homagium ligium и simplum съ континента въ Англію. Ligium вообще обозначаетъ ленную присягу (Glanvilla IX. c. I. Bracton II. c. 35. 37. Fleta III. c. 16. § 16. Britton c. 68). Честь служенія королю принадлежитъ прежде всего большимъ владѣльцамъ, а тѣмъ болѣе считалось это честью для мелкихъ владѣльцевъ. Быть „liege subject ея величества“—считается честью и для нынѣшняго англичанина.

тихъ владѣльцами рыцарскихъ леновъ въ Нормандіи, или изъ ихъ младшихъ братьевъ и сыновей. Затѣмъ, въ числѣ ихъ были незначительныя должностныя лица при дворѣ, какъ напр. младшій камергеръ Гербертъ, 4 повара, плотникъ, лѣсничій, сокольничій, дворецкій, привратникъ. Только у немногихъ имя указываетъ на саксонское происхожденіе, таковы Освальдъ, Эльредъ, Альбертъ, Гримбальдъ, Эдгаръ, Эдмундъ и Аллуредъ.

Значительное число subtenentes (7871) Domesdaybook'a повидимому состоитъ менѣе чѣмъ на половину изъ дѣйствительныхъ подъ-вассаловъ, а на самомъ дѣлѣ главнымъ образомъ изъ саксонскихъ тановъ и вольныхъ служилыхъ людей, въ средѣ которыхъ формальное пожалованіе леномъ медленно распространяется (см. выше стр. 111—112). При такой инвеститурѣ, насколько она имѣла мѣсто церковные второстепенные лены были среднимъ числомъ немного значительнѣе свѣтскихъ. Подъ-вассалы, получившіе болѣе одного рыцарскаго лена, могутъ въ свою очередь имѣть subtenentes. Большинство норманскихъ подъ-вассаловъ состояло изъ лицъ, бывшихъ при завоеваніи въ свитѣ крупныхъ вассаловъ, изъ ихъ братьевъ или сыновей, слугъ наемниковъ и вообще безземельныхъ людей. Около половины ихъ, (насколько можно заключить по именамъ) составляли саксонскіе таны, оставшіеся при своихъ прежнихъ владѣніяхъ, но сдѣлавшіеся теперь противъ воли подвластными норманскимъ господамъ.

Оба класса пользуются съ самаго начала одинаковыми правами относительно мѣры владѣнія. Ленное владѣніе обнимало почву съ связанными съ нею обычными правами, т. е. при владѣніи, соединенномъ съ патримоніальными правами, владѣтель помѣстья взималъ черезъ старостъ своихъ praepositi, reeves, bailiffs, stewards, установленные налоги и, большею частью, черезъ нихъ-же отправляли судъ по дѣламъ, подлежащимъ court baron и customary court, а по позднѣйшимъ пожалованіямъ, также королевскій мѣстно-полицейскій судъ, court leet. Обладаніе manor было независимо отъ военнаго пожалованія, и встрѣчаются также manors, во владѣніи Socmanni. Точно также и положеніе судебнаго мужа (liber et legalis homo) было независимо отъ владѣнія рыцарскимъ леномъ.

Равномѣрно гнетъ, который королевская власть производила на крупныхъ и мелкихъ вассаловъ, должно было при такомъ положеніи вещей, все болѣе объединять всю массу мелкихъ вассаловъ и создавать изъ нихъ одно цѣлое. Притомъ-же, такъ какъ вторичная раздача леновъ, отъ себя представляло собою единственную форму самостоятельнаго распоряженія, леннымъ владѣніемъ то это и практиковалось въ обширныхъ размѣрахъ. Во многихъ случаяхъ королевскіе вассалы были въ то-же время и подъ-вассалами относительно новоприобрѣтенныхъ

помѣстій. Даже крупнѣйшіе ленники и прелаты не отказывались получать лены отъ другихъ лицъ и отъ церкви. Землевладѣльческія отношенія становятся поэтому такими запутанными, особенно со временъ крестовыхъ походовъ, что самое представленіе о второстепенныхъ вассалахъ, какъ о низшемъ общественномъ классѣ,— утратилось. Выработка общаго понятія о рыцарствѣ сдѣлало рыцарское достоинство соединительнымъ звеномъ для всѣхъ вассаловъ. Воспитаніе, жизненное призваніе, военная честь, участіе въ собраніяхъ графствъ — одинаковы для всей массы мелкихъ вассаловъ. Преимущества мелкаго короннаго вассала передъ подъ-вассаломъ все болѣе и болѣе стушевывались по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе королевская власть превращала прежнихъ второстепенныхъ вассаловъ въ своихъ непосредственныхъ вассаловъ, посредствомъ новыхъ пожалованій, и по мѣрѣ того, какъ новые пріобрѣтатели вступали, съ согласія короля, вовладѣніе мелкими коронными ленами. Когда-же, наконецъ, статутомъ Quia Emptores (18. Edward I.) воспрещены были вторичныя раздачи леновъ отъ себя, воспрещены для того, чтобъ положить конецъ дальнѣйшему усложненію владѣльческихъ отношеній, и когда вслѣдствіе этого каждый новый пріобрѣтатель дѣлался непосредственнымъ вассаломъ верховнаго владѣльца, то было-бы неразумно давать мелкимъ короннымъ вассаламъ преимущество предъ старыми подъ-вассалами, сидѣвшими въ своихъ владѣніяхъ впродолженіе цѣлыхъ поколѣній. Со временъ Генриха II, присоединилось еще то важное нововведеніе, что натуральная военная служба все болѣе замѣнялась денежными взносами, и отличіе въ этомъ отношеніи заключалось только въ томъ, что мелкій баронъ вносилъ слѣдующія съ него деньги шерифу, а подъ-вассалъ—иногда чиновнику своего господина, а иногда шерифу.

Сравненіе съ порядками континента показываетъ, что рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ имѣло право *отчужденія и раздѣленія рыцарскихъ помѣстій*, неотчуждаемость которыхъ была на континентѣ главною основой низшаго дворянства. Въ Англіи неотчуждаемость леновъ не могла удержаться потому, что ленныя отношенія обнимали всеземлевладѣніе страны. Отчуждаемость даже прямо хоощрялась фискальными правилами казначейства, для котораго былъ порошъ всякій пріобрѣтатель, могущій платить правильно; притомъ, посредствомъ денежныхъ взносовъ легко получалось королевское согласіе на всевозможныя дѣла. Время крестовыхъ походовъ особенно вызывало многочисленныя и значительныя отчужденія, закладыванія и дробленія. Съ замѣною ленной службы денежнымъ платежомъ, пожалованіе и дальнѣйшая раздача леновъ отъ себя становятся вообще очень тягостнымъ способомъ отчужденія, такъ акъ новый пріобрѣтатель вмѣстѣ съ владѣніемъ бралъ на себя

денежное бремя relevia, уплату періодическихъ auxilia, ограниченія въ случаяхъ ленной опеки, вступленія въ бракъ и проч. Такимъ образомъ получается рядъ новыхъ *случайныхъ* поземельныхъ рентъ, относительно которыхъ законодательству крайне необходимо было упростить правовыя отношенія. Рядомъ съ этимъ идутъ и *дробленія* леновъ, въ связи съ частыми перемѣнами владѣнія и еще съ тѣмъ, что судебная власть не могла прочно слиться съ поземельнымъ владѣніемъ. Часто корона раздѣляла на отдѣльные участки тѣ имѣнія, которыя доставались ей обратно вслѣдствіе утраты правъ на нихъ владѣльцами; допускался также раздѣлъ между многими сонаслѣдниками; за хорошій взносъ разрѣшалась и продажа участковъ, такъ что встрѣчаются даже сотыя части рыцарскихъ леновъ. Оттого число мелкихъ ленныхъ владѣльцевъ замѣтно увеличилось уже въ серединѣ этого періода. Многіе изъ нихъ суть младшіе члены фамилій коронныхъ или подъ-вассаловъ; другіе—земледѣльцы, одаренные помѣстьемъ за оказанныя ими военныя услуги или просто по милости; третьи—зажиточные люди, именно изъ городовъ, пріобрѣвшіе во время Ричарда I въ формѣ леннаго пожалованія такія земли, которыя отдавались предлагавшимъ наибольшую цѣну.

Совокупность этихъ обстоятельствъ помѣшала англійскому рыцарству въ средніе вѣка превратиться въ замкнутое наслѣдственное сословіе. Не владѣніе само по себѣ, а рангъ, достигнутый въ военной службѣ доставляетъ почетный титулъ господина, dominus, sir, какъ выраженіе личнаго почета, пріобрѣтеніе котораго составляетъ повинность коронныхъ вассаловъ. Этотъ почетный титулъ дается въ средніе вѣка также и лицамъ высшаго духовенства и получившимъ ученую степень въ университетѣ. Болѣе спеціально обозначаетъ рыцарскій служебный рангъ слово Knight. Но такъ какъ съ этимъ не связаны особенныя сословныя права и такъ какъ отъ этого не зависятъ права владѣнія, вліяніе въ графствахъ и проч. то на полученіе рыцарскаго достоинства, вслѣдствіе соединенныхъ съ нимъ высокихъ пошлинъ, рано уже начинаютъ смотрѣть какъ на бремя, и противъ такого взгляда отъ времени до времени издаются королевскіе указы. Уже въ то время въ спискахъ казначейства отмѣчались безчисленныя пошлины, подлежащія взысканію за отсрочку (pro respectu militiae). Владѣльцы рыцарскихъ помѣстій, не пріобрѣвшіе формально-рыцарскаго званія, называются съ этихъ поръ Scutarii, escuires. Въ своемъ графствѣ каждый escuire и Knight, былъ достаточно извѣстенъ, благодаря своему положенію въ county court. Усвоеніе фамильныхъ гербовъ становится съ крестовыхъ походовъ все болѣе распространеннымъ обычаемъ, который притомъ обратился въ необходимость вслѣдствіе характера тогдашняго вооруженія.

Рѣшающій моментъ — совокупность служебныхъ обязанностей по отношенію къ государству, — сдѣлалась такимъ образомъ въ концѣ концовъ одинаковою для всѣхъ и *рыцарство* образуетъ къ концу этого періода *одно цѣлое*. Благодаря этому нормальному ходу вещей, не было въ Англіи никакой разницы между дворянскими и недворянскими владѣльцами помѣстій, за исключеніемъ только бо́льшихъ притязаній на общественный почетъ, предъявляемыхъ старыми владѣльцами и ихъ семействами.

III. Масса остальныхъ *свободныхъ и несвободныхъ земледѣльцевъ*, жившихъ на чужихъ земляхъ, являлась съ точки зрѣнія норманскаго рыцарства податною силою, taillable, «покровомъ почвы» въ нѣкоторомъ родѣ. Королевскія завѣренія, данныя послѣ завоеванія, гарантировали, правда, защиту *всѣхъ* существовавшихъ формъ владѣнія. Но масса ceorls, villani, была въ этомъ періодѣ еще болѣе принижена норманскимъ высокомѣріемъ, а также устройствомъ мѣстной полицейской власти, такъ что она оказывалась по отношенію къ поземельнымъ владѣльцамъ въ положеніи ничѣмъ необезпеченномъ, безъ защищенныхъ правъ владѣнія. Королевская власть предоставляла этотъ низшій общественный классъ патримоніальному распоряженію рыцарей, точно также какъ на континентѣ она создала «подданство» крестьянъ господамъ. Притомъ казначейство хорошо понимало что огромные денежные взносы леннаго владѣнія въ пользу короны добываются въ концѣ концовъ крестьянствомъ и падаютъ на него всею своею тяжестью.

Но попрежнему въ Domesdaybook'ѣ пользуются *бо́льшими правами* liberi homines, sochemanni и burgenses. Многіе изъ нихъ были прежніе аллодіальные владѣльцы, которые все равномѣрнѣе подчиняются тягостямъ ленной системы, по мѣрѣ того, какъ утверждается взглядъ, что и такое владѣніе получается только посредствомъ redemption и что низшее владѣніе должно носить на себѣ тяготы вассальнаго владѣнія, т. е. саксонецъ—бремя нормана. Распространеніе ленныхъ правовыхъ началъ на эту область есть очевидно продуктъ развивающейся практики, которая, исходя отъ государственнаго казначейства и curia regis, пришла къ тому общему правилу, что «всякое землевладѣніе въ странѣ» принадлежитъ, въ смыслѣ лена, королю, непосредственно или посредственно черезъ лицо, стоящее между нимъ и фактическимъ владѣльцемъ почвы. Частно-правовыя подробности этихъ отношеній едва-ли можно будетъ когда-либо установить съ точностью (3). Въ публичномъ же

(3) Частно-правовыя отношенія сельскихъ обывателей, лицъ, живущихъ на чужихъ земляхъ и крѣпостныхъ, опредѣляются отчасти судебными сборниками и законниками, причемъ остаются чувствительные пробѣлы относительно позднѣй-

правѣ являются слѣдующія обстоятельства, которыя ведутъ къ постепенному улучшенію ихъ положенія.

1) Возрожденіе *милицій графствъ*, со времени assisa de armis Генриха II. Уже въ ленной милиціи военная служба этихъ лицъ, въ качествѣ запаса, практиковалась и была необходима. Новооруженные такимъ образомъ (servientes) являлись тамъ только какъ слуги своихъ господъ, тогда какъ assisa de armis дѣлаетъ ихъ народнымъ ополченіемъ, въ силу ихъ собственной обязанности и значитъ въ силу спеціальныхъ правъ своихъ.

2) Устройство *гражданскаго суда* требовало по прежнему участіе всѣхъ libere tenentes, въ качествѣ судебныхъ засѣдателей, въ устарѣвшемъ уже hundred court. Съ возникновеніемъ института присяжныхъ это участіе разширилось. Въ судебныхъ коммиссіяхъ, задача которыхъ все болѣе сводится къ установленію фактовъ, требовалось участіе мѣстныхъ, осѣдлыхъ почетныхъ лицъ. На ряду съ рыцарями обыкновенно упоминаются поэтому и другіе liberi tenentes,—но только не простые villani и rustici.

3) *Уголовный судъ и полицейское управленіе* черезъ turnus vicecomitis привлекали въ качествѣ court leet все взрослое населеніе, чтобъ выяснить состояніе общественнаго спокойствія и чтобъ разъ въ годъ дѣлать полицейскій смотръ, view of francpledge. Этимъ вырабатывалась во всемъ населеніи привычка къ общественной службѣ. При разроставшихся все болѣе развѣтвленіяхъ мѣстныхъ полицейскихъ судовъ, дѣйствовавшихъ по образцу turnus viecomitis, приходилось часто привлекать къ судебной службѣ и villani за недостаткомъ свободныхъ людей.

4) Въ бо́льшемъ масштабѣ и систематично имѣло мѣсто все пред-

---

шаго англосаксонскаго времени. Для времени, слѣдовавшаго непосредственно за завоеваніемъ, служатъ точкою опоры упомянутыя списки Domesdaybook (стр. 112). Изрѣдка встрѣчающіеся liberi homines (ad nullam firmam pertinentes) суть старые аллодіальные крестьяне, къ которымъ нельзя было придраться, и которые только мало-по-малу, путемъ судебной и финансовой практики, подчинены были феодальной системѣ. Liberi homines въ болѣе значительныхъ массахъ являются только въ графствахъ Лайчестеръ, Линкольнъ, Норфолькѣ и Суффолькѣ. Liberi homines commendati встрѣчаются въ духовныхъ владѣніяхъ. Какъ смотрѣла бюрократія на простыхъ крестьянъ (villani) показываетъ слѣдующее мѣсто въ Dialogus decretum est, ut quod a dominis exigentibus meritis interveniente practione legitima poterant obtinere, illis inviolabili jure concederetur; caeterum autem nomine successionis a temporibus subactae gentis nihil sibi vendicarant, de caetero studere tenentur devotis obsequiis Dominorum suorum gratiam emercari ets. (Dial. de Scacc. I. c. 10). Въ сборникѣ Гланвиллы и Брактона отягченіе villani представляется настолько сильнымъ, что прежніе крѣпостные и свободные по рожденію крестьяне сливаюсь уже въ общемъ понятіи villenagium (Ellis I. 81). Они составляютъ съ того времени „villeins regardaut“ въ противоположность безземельнымъ „villens in gross“ (остатка крѣпостнаго состоянія). Несомнѣнно что и здѣсь несправедливый гнетъ и отказъ въ правосудіи были причиною подчиненія крестьянства.

идущее въ courts leet городовъ, въ которыхъ значительное податное бремя распредѣлялось равномѣрно, чѣмъ поддерживалась идея гражданскаго равенства. Различіе рожденія и имущественнаго положенія исчезаютъ здѣсь совершенно. Всѣ участвующіе въ scot и lot обозначаются только какъ «liberi homines» freemen, какъ люди, несущіе всѣ обязанности и имѣющіе, слѣдовательно, всѣ права. Города становятся ядромъ новаго сословнаго устройства, вышедшаго изъ смѣшенія общественнаго положенія прежнихъ liberi homines, socmani и villani. Въ общей картинѣ этихъ сословныхъ отношеній лежатъ многозначительные зародыши будущаго, несмотря на весь гнетъ фискальнаго и полицейскаго режима. Какъ ни скромна была мѣра политическихъ правъ, пріобрѣтенныхъ общественными союзами въ городахъ и графствахъ, съ нею положенъ былъ главнѣйшій фундаментъ парламентскаго устройства,—установленіе обычая лично сходиться для управленія общественными дѣлами и совмѣстная дѣятельность государственнаго чиновничества и общинъ.

Третій періодъ.

ЭПОХА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЧИНОВЪ.

§ 19.

Вѣкъ организующихъ законовъ. — Соединеніе государственнаго управленія съ устройствомъ графствъ. *)

Эдуардъ	I	1272—1307	Генрихъ	V	1413—1422
Эдуардъ	II	1307—1327	Генрихъ	VI	1422—1461
Эдуардъ	III	1327—1377	Эдуардъ	IV	1461—1483
Ричардъ	II	1377—1399	Эдуардъ	V	1483
Генрихъ	IV	5399—1413	Ричардъ	III	1483—1485

Почти три поколѣнія прошло со времени послѣдняго года правленія Генриха II, а страна все еще не могла успокоится. Правленіе Іоанна оставило неизгладимое убѣжденіе въ томъ, что даже Magna Charta еще недостаточно охраняетъ личность и имущество противъ деспотическихъ наклонностей. Съ другой стороны сдѣлалось очевиднымъ, что само дворянство и прелаты еще не были подготовлены къ новой задачѣ: Magna Charta тотчасъ же вызвала партійную борьбу. Во время измѣнчиваго правленія Генриха III обѣ партіи невольно сошлись на одномъ и томъ же политическомъ принципѣ: именно посредствомъ среднихъ сословій, въ его группировкѣ по коммунальнымъ союзамъ, дать стойкость и равновѣсіе возникающему государственному строю.

---

*) Какъ на источники и пособія, касающіяся этого времени, можно указать на государственные акты, именно: на Statute Rolls, которые имѣютъ прочное значеніе въ качествѣ оффиціальной редакціи парламентскихъ постановленій со времени 6 Edw. I. до 8 Edw. IV, и которые также лежатъ въ основаніи оффиціальнаго сборника законовъ 1810 г. и слѣд. (Statutes of the Realm). Какъ ближайшіе источники ихъ, заслуживаютъ вниманіе Parlamentary Rolls т. е. записи чиновниковъ канцеляріи о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ парламентѣ; онѣ напечатаны теперь подъ заглавіемъ: „Rotuli parliamentorum ut et petitiones et placita in parliamento“, Vol. I—VI. 1832 folio.

Совѣщанія „Countinual Council“ напечатаны у Sir H. Nikolas, Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England, commencing 10 Rich. II to 33 Henr. VIII. 7 Vols 8. 1834—1837; сюда же относится монографія сэра Fr.

На ряду съ крупными вассалами, которые со временъ Генриха III неизмѣнно принимали участіе въ государственномъ управленіи, теперь, вслѣдствіе улучшившагося положенія подвассаловъ и зажиточныхъ свободныхъ земледѣльцевъ, образовалось въ *рыцарств среднее сословіе*. Положеніе рыцарства въ судахъ графство, мѣсто жительство и семейныя связи были причиною распространенія значительнаго вліянія его даже и на города, въ которыхъ также возникало, на другихъ началахъ, новое среднее сословіе, покамѣсть еще уступая въ значеніи рыцарству. Король долженъ былъ открыть доступъ этимъ среднимъ сословіямъ къ государственному управленію, если не хотѣлъ уступить свою власть комитетамъ бароновъ, какъ это было во время безславнаго царствованія Генриха III. Опыты Provisions въ Оксфордѣ и войны бароновъ были предъ глазами. Благодаря Magna Charta, благодаря вытекающимъ изъ нея значительнымъ ограниченіямъ власти, благодаря большимъ уступкамъ, сдѣланнымъ церкви, благодаря возрастающему значенію рыцарства и городовъ, немыслимо было болѣе управленіе въ такомъ видѣ, въ какомъ оно нѣкогда практиковалось англійскими королями съ ихъ казначействомъ и нѣсколькими довѣренными совѣтниками.

Укрѣпленіе этихъ отношеній посредствомъ ряда органическихъ законовъ сдѣлалось задачею времени, начиная съ Эдуарда I, величайшаго монарха Англіи послѣ Альфреда Великаго, правленіе котораго составляетъ наиболѣе блестящую эпоху въ исторіи дома Плантагенетовъ. Горькіе опыты отца показали ему, что нѣтъ возможности отстранить отъ управленія участіе сословій. Онъ твердо и разумно рѣшился дать новую силу и крѣпость престолу при помощи тѣхъ самыхъ учрежденій, которыя были гибельны для его предшественниковъ. Марлебриджескимъ статутомъ начинается длинный рядъ законодательныхъ мѣръ; въ теченіи всей эпохи среднихъ вѣковъ не было столько издано законовъ и не было столько создано положи-

---

Palgrave's Essay upon the Authority of the King's Council. I Vol. 8 1834. О положеніи казначейства за этотъ періодъ сообщаетъ свѣдѣнія Madox, Exchequer. О судебномъ устройствѣ: Foss, the Judges of England 1834—64 vol. III. IV. Общее собраніе государственныхъ документовъ Rymer'a, Foedera, Conventiones etc., доходитъ до 1391.—Изъ юридическихъ сборниковъ, къ началу этого времени относятся Brriton и Fleta, а также Horne's Myrrour aux Justices (см. Biener, Englische Geschw. Geri II. 387. и слѣд.) Но главный, болѣе или менѣе обязательный авторитетъ для судебной практики представляютъ собою такъ назыв. Jearbooks, т. е. начинающееся со времени Эдуарда II собраніе преюдицій государственныхъ судовъ. Изъ сочиненій по исторіи права относятся сюда: Reeves, History of the English Law. m. II и III. Изъ сочиненій по исторіи англійской конституціи: Hallam, Middle Ages cap. VIII и относящіяся сюда прибавленія; Lappenberg-Pauli, Geschichte Englands, томъ IV и V; но предпочтительно всѣмъ: Will. Stubbs, Constitutional History (1874) Vol. II и III, главная заслуга и значеніе которой состоитъ въ разработкѣ именно этого періода.

тельнаго, какъ въ вѣкъ трехъ Эдуардовъ. Эта законодательная дѣятельность простирается на всѣ случаи, какъ большей такъ и меньшей важности. Верховный судья лордъ Галь восторженно утверждаетъ, что англійское право въ первыя тринадцать лѣтъ Эдуардова правленія сдѣлало большіе успѣхи чѣмъ во всѣ столѣтія послѣ того. **)

Величіе и оригинальность всего этого законодательства состоитъ въ постоянномъ проведеніи одной основной мысли: *передача всѣхъ функцій свѣтской власти общиннымъ союзамъ*, передача вслѣдствіе которой населеніе проникается сознаніемъ государственныхъ обязанностей, исполняется сознаніемъ государственнаго единства и привыкаетъ къ тому, чтобы самому поддерживать гражданскій порядокъ. Въ этомъ глубоко придуманномъ законодательствѣ, также какъ и въ Magna Charta, видно участіе того хорошо организованнаго, дѣльнаго чиновничества, которое съ конца правленія Генриха III возвратившись къ своей нормальной дѣятельности, продолжаетъ организацію государственной жизни и (несмотря на застой при Эдуар. II) заканчиваетъ далѣе, при Эдуардѣ III, въ теченіи одного столѣтія, новое устройство государства.

Необходимая *внутренняя связь* графствъ, округовъ (hundreds) и городовъ уже имѣлась, благодаря сохраненію англосаксонскаго судопроизводства, благодаря полнѣйшему сліянію національныхъ различій, благодаря расширенію участія общинъ въ jury. Суровому правленію норманновъ страна была обязана однимъ весьма важнымъ фактомъ государственной жизни: владѣтельные классы всегда были готовы являться когда нужно для несенія военной, судебной и полицейской службы.

---

*) Слѣдующій сокращенный перечень можетъ дать представленіе о б ъ у с и л е н н о й д ѣ я т е л ь н о с т и з а к о н о д а т е л ь с т в а этого времени. Относятся къ правленію Эдуарда I: 3 Edw. I Statut. Westminster,—4 Edw. I. St. de Extenta Manerii, St. de Officio Coronatoris 6 Edw. I Глочестерскій статутъ 7 Edw. I объ отчужденіяхъ „мертвой рукѣ“, 10 Edw. I Рутландскій статутъ 11 Edw. I St. de mercatoribus, 13 Edw. I St. Westminter II, Винтонскій статутъ, St. Civitatis Londini, St. Circumspecte Agatis, Confirmatio chartarum, 14 Edw. I St. Exoniae, 18 Edw. I st. Quia Emptores (Westminster III), st. de Judaismo, st. Quo Warranto, st. Modus levandi fines, 20 Edw. I St. of Vaste. St. de Defensione Juris, St. de Moneta, 21 Edw. I St. de jis qui ponendi sunt in Assisis. St. de Malefactoribus in Parcis, 25 Ed. I, St. Confirmationis chartarum. 27 Ed. I St. de Finibus levatis de Libertatibus Perquirendis, St. de Falsa Moneta, 28 Ed. I St. объ опекунствѣ и Reliefs, статутъ объ обвиняемыхъ, St. Articuli super chartas, 29 Ed. I St. amoveas manum, 33 Ed. I de Protectionibus, ordinatio Forestae, St. о межеваніи, ord. of Inquests, 34 Ed. I St. de Conjunctione Feoffatis, статутъ объ амортизаціи, ord. Forestae, 35 Ed. I St. de Asportatis Religiosorum, и т. д. Еще больше относится ко времени правленія Ed. III. Эта необыкновенная интенсивность станетъ намъ вполнѣ понятной, если принять во вниманіе, что полувѣковое бездарное правленіе Генриха III создало во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни потребность въ законодательныхъ мѣрахъ. Заслуги Едуарда I вполнѣ оцѣнены также Блэкстономъ IV 425—427.

Съ другой стороны имѣлось необходимое единство и сила *правительственной воли*, благодаря сильному развитію королевскихъ правъ, благодаря строгому порядку Exchequer, благодаря коллегіальному придворному суду и появляющимся съ Генриха III зачаткамъ государственнаго совѣта.

Но была тутъ одна весьма слабая сторона: *недостаточность связи* обоихъ элементовъ государственной жизни, которая не могла установиться ни чрезъ посредство системы Shirgerêf'овъ и мѣстныхъ фохтовъ, ни посредствомъ странствующихъ судей, такъ какъ при деспотическомъ правленіи они дѣлались слѣпымъ орудіемъ произвола, а при господствѣ магнатовъ такимъ же слѣпымъ орудіемъ то той, то другой партіи.

Впрочемъ отчасти этотъ недостатокъ единства былъ устраненъ еще въ прежній періодъ, именно посредствомъ назначенія общинныхъ коммиссій, на сколько къ этому побуждала *временная* потребность, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда королевскій чиновникъ, чуждый народонаселенію, не иначе могъ добывать нужныя ему фактическія свѣдѣнія, какъ при содѣйствіи допрошенныхъ подъ присягой сосѣдей, при посредствѣ старосты и 4 сельчанъ и представительства 12 или большаго количества лицъ отъ большихъ общинныхъ союзовъ. *Такимъ путемъ* составлялась Книга Государственныхъ земель, *такимъ путемъ* отъ времени до времени выяснялись права короны (inquests of office ad quod damnum etc). *Такимъ путемъ* совершались ежегодно повторяющіяся полицейскія слѣдствія, устанавливались спорные пункты въ гражданскомъ процессѣ, разрѣшался вопросъ о виновности въ уголовныхъ процессахъ, *такимъ путемъ* устанавливался внутренній распорядокъ отправленія тою или другою общиною милиціонной службы, производилась оцѣнка поземельнаго налога и подоходнаго. Итакъ все это уже было и прежде. Но теперь дѣло идетъ о *прочномъ*, *равномѣрномъ единеніи* всѣхъ этихъ элементовъ въ одномъ «органическомъ» союзѣ центральнаго управленія съ провинціальнымъ, сельскимъ и городскимъ,—органическомъ союзѣ, который и понынѣ составляетъ великую задачу Германской государственной жизни. Для достиженія такой цѣли требовалось:

1) возможно *спеціальное установленіе административныхъ нормъ*, такъ какъ основныя статьи Magna Charta были недостаточны для установленія прочнаго порядка въ управленіи и для защиты каждаго отдѣльнаго человѣка.

2) Установленіе системы *общиннаго представительства* (juries) для постояннаго равномѣрнаго и органическаго регулированія судебнаго, военнаго и финансоваго дѣла.

3) Учрежденіе надлежащихъ высшихъ и низшихъ *общинныхъ должностей* (мировые судьи, Coroners, Constables etc.) для

всѣхъ тѣхъ распоряженій и предписаній государственной власти, которыя для успѣха дѣла должны исполняться не общинными представителями, а спеціальными чиновниками.

Только выполненіе всего этого и могло создать «органическое» единеніе англійской государственной власти съ графствами, округами (hundreds) и городами. Произошло же это такимъ путемъ: свои верховные права, во всемъ ихъ объемѣ, ни чѣмъ не ограниченныя, правительство передаетъ выборнымъ людямъ общины и спеціальнымъ чиновникамъ. Такимъ-то образомъ и создается всемірно извѣстная система *англійскаго* Selfgovernment'а, разрозненые элементы котораго, несомнѣнно существовали и возникли еще въ прежніе періоды ***).

I. *Соединеніе военнаго дѣла съ устройствомъ графствъ*, начавшееся при Генрихѣ III посредствомъ учрежденія ополченія, обусловливалось въ это время какъ потребностью внѣшней обороны, такъ и внутренней безопасности королевской власти противъ военнаго могущества бароновъ. Личная воинская обязанность владѣльцевъ рыцарскихъ леновъ, правда, все еще служила основаніемъ для военной организаціи; но число ленниковъ значительно сократилось. Возрастающее сопротивленіе духовенства значительно ограничило участіе духовныхъ коронныхъ вассаловъ въ военныхъ призывахъ. Заботы казначейства при раздачѣ новыхъ леновъ были направлены болѣе на расширеніе доходовъ, чѣмъ на защиту страны; раздавались подъ именемъ barony нѣсколько леновъ одному лицу сразу за тѣмъ, чтобъ получить relevium въ 100 марокъ, не смотря на то, что число „щитовъ“ отъ этого уменьшалось. Раздробленіе рыцарскихъ леновъ сдѣлало положеніе ихъ непригоднымъ для дѣйствительной военной цѣли; частыя же отчужденія привели ихъ въ полнѣйшій безпорядокъ. Островное положеніе страны снова стало оказывать вліяніе, съ которымъ мы уже знакомы. Въ Англіи не существовало

***) Подробнѣе объ отдѣльныхъ, запутанныхъ деталяхъ См. Gneist, Geschichte des Selgovernment (1863) Стр. 144—204. Новѣйшая англійская исторіографія склонна, повидимому, согласиться съ этимъ взглядомъ на развитіе англійскихъ государственныхъ учрежденій. Такъ Стэбсъ говоритъ: „Сращеніе обоихъ національныхъ правовыхъ воззрѣній, посредствомъ наложенія лучше устроенной нормандской верхней части зданія на лучше заложенный англійскій фундаментъ проходитъ чрезъ все правовое развитіе этого времени. Англійская система была крѣпка *нижней* частью государственнаго организма, мѣстною связью сотни и графства. Нормандскій элементъ былъ силенъ въ своихъ высшихъ слояхъ, былъ силенъ тою тѣсною связью съ короной, въ которой находились всѣ коренные вассалы, награждаемые королемъ помѣстьями „(Stubbs I. 278)“. „Система Эд. I. стремится къ тому, чтобы каждый членъ государственнаго тѣла привести въ связь съ королевскою властью и во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни: въ судѣ, на войнѣ, при несеніи повинностей. Осуществленіе этой системы находится въ образованіи парламента“ (Stubbs II. 292).

континентальнаго устройства войскъ, не было сотенъ ведущихъ постоянную междоусобную войну феодаловъ и укрѣпленныхъ городовъ, безчисленныхъ замковъ, краткосрочныхъ походовъ и небольшихъ осадъ. Незначительное число замковъ и укрѣпленныхъ городовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ находились во владѣніи или въ распоряженіи короля. При такомъ положеніи дѣла ленную милицію стали созывать только для смотровъ. Владѣльцы рыцарскихъ леновъ берутся, смотря по наклонности каждаго, или за земледѣліе, или вступаютъ въ военную службу ради жалованья или занимаютъ важные государственные посты. Вассальная милиція является активною только на границахъ, гдѣ поэтому получаетъ нѣсколько иное военное устройство. Вслѣдствіе всего этого уже со времени Генриха II возникла здѣсь система освобожденія отъ военной службы посредствомъ уплаты *щитныхъ денегъ*. Такое освобожденіе постепенно входитъ въ правило; со времени же Эдуарда II щитныя деньги сливаются съ общими поземельными податями.

Въ замѣнъ же ленной милиціи создается *милиція графствъ*, которая была возобновлена чрезъ assize of arms (1181), но еще не въ окончательномъ видѣ. При Эдуардѣ I она организуется окончательно. Съ согласія парламента, Винчестерскій статутъ 13. Edw. I cap. 6. обязываетъ всѣхъ способныхъ носить оружіе liberi homines *съ 15 по 60 лѣтній возрастъ* службою въ ополченіи. Учреждены теперь на подобіе римскихъ центурій 5 категорій, по которымъ ополченцы распредѣляются, смотря потому сколько каждый получаетъ доходу, 15, 10, 5, или 2—5 и ниже фунтовъ серебра. Всякій землевладѣлецъ съ годовой доходностью отъ 15 Фун. Ст. или владѣлецъ движимаго имущества цѣнностью въ 40 марокъ обязанъ имѣть панцырь, желѣзный шлемъ, мечъ, ножъ и лошадь; имѣющій отъ 10—15 Фун. Ст. то же самое, кромѣ лошади; владѣльцы земли, дающей доходъ отъ 5—10 Фун. Ст.—теплую фуражку, желѣзный шлемъ, мечъ и ножъ; имѣющіе отъ 40—100 Sh.—мечъ, лукъ, стрѣлы и ножъ; имѣющіе меньше 40 Sh. дохода съ земли—саблю, пику и мелкое оружіе; лица, имѣющія менѣе 20 марокъ движимаго имущества обязаны имѣть подобное же вооруженіе. Такимъ образомъ, мы получаемъ слѣдующій рядъ, распредѣленный сообразно имущественному состоянію: владѣльцы рыцарскихъ леновъ, горожане, свободные крестьяне, домовладѣльцы; наконецъ зажиточные городскіе freemen разсматриваются безотносительно къ владѣнію недвижимымъ имуществомъ. Рядомъ съ этимъ для лучшаго снаряженія милиціи продолжаютъ практиковаться детальнѣе разработанныя предписанія assize of arms Henr. II; сообразно съ ними король чрезъ своихъ комиссаровъ приказываетъ переписывать подлежащихъ военной повинности, опредѣлить въ какой мѣрѣ ей кто подлежитъ, не

повинующихся наказывать. Въ каждую сотню назначается констабль (Chief Constable); въ старыхъ десяткахъ м. villat'ахъ Petty Constable'емъ назначаются по большей части деревенскіе старосты и такимъ образомъ къ прежней полицейской службѣ прибавляются еще новыя обязанности по снаряженію милиціи. Смотры, view of armour должны обязательно происходить по два раза въ годъ. Для охраны внутренняго спокойствія шерифъ въ правѣ созывать отряды во всякое время года. Если предвидится война, то король посылаетъ свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ коммиссаровъ для того чтобы милиція „была приведена въ военный порядокъ".

Такимъ образомъ корона вдвойнѣ пользуется: и на основаніи леннаго права и на основаніи закона о всеобщемъ ополченіи. И пользуется долгое время довольно произвольно и не обращая вниманія на то, что собственно говоря снаряженіе и содержаніе общинами милиціонныхъ дружинъ было—обремененіе очень несправедливое при безъ того тяжкихъ налогахъ, уплачиваемыхъ городами и свободными земледѣльцами. При Генрихѣ II и Ричардѣ I тяжесть милиціонной службы часто облегчалась, именно: два подлежащихъ службѣ вооружали и содержали третьяго, а то и три четвертаго или же даже 8 девятаго. Но когда магнаты были у власти, въ началѣ царствованія Генриха III, правительство ничѣмъ не стѣсняясь, разъ за разомъ требовало 40 дневной службы на счетъ отдѣльныхъ «мѣстностей» или «на счетъ графствъ» или же поставку аммуниціи и жизненныхъ припасовъ. При Эдуардѣ I и II такія отбыванія службы на собственный счетъ неоднократно практикуются [1]). *Противъ этого*, а въ особенности противъ употребленія народнаго ополченія для службы

---

[1]) Въ одномъ изъ оффиціальныхъ донесеній своихъ сэръ Робертъ Коттонъ разсказываетъ про тѣ способы, посредствомъ которыхъ создавались военные отряды въ это переходное время, (находится въ рукописи Cotton Library, Julius f. 6) При Генр. III должны были быть поставляемы для 40 дневной службы по человѣку съ *двухъ пашенъ* на счетъ каждой мѣстности. (Dors. Claus. 14 Henr. III). Въ слѣдующемъ году владѣльцы рыцарскихъ леновъ имѣющіе не менѣе 20 Sh. дохода, принимаются на службу съ тѣмъ, чтобы они на счетъ графства запаслись муниціею и жизненными припасами на 40 дней (Dors, Claus. 15 Henr. III т. 8). Въ 27 H. III требовалась подобная же служба для похода въ Гасконію (Rot. Vasc. 27 H. III) Въ 1 Edw. I призывъ тяжело вооруженныхъ и жизненные припасы отъ графства. Въ 4 Edw. I—одинъ человѣкъ отъ каждаго поселенія и амуниція на 7 недѣль. При Edw. II частыя мобилизаціи sumptibus propriis. Въ 10 Edw. III призывъ рыцарства и опредѣленнаго числа всадниковъ изъ графствъ, съ предоставленіемъ освобожденія отъ службы по установленной таксѣ. Въ 11 Edw. III призывъ ленныхъ вассаловъ и отрядовъ изъ городовъ и селеній (отъ 16 по 60 лѣтній возрастъ). Неспособные и престарѣлые должны дѣлать взносъ на расходы; возраженіе парламента по этому поводу были отклонены. Въ 16 Edw. III каждый владѣлецъ земли на 5 ф. ст. дохода долженъ былъ доставлять королю стрѣлка. Въ 20 Edw. III призывъ отъ городовъ и селеній. Въ 24 и 25 Edw. III Лондонъ доставляетъ 300 стрѣлковъ. Но вслѣдъ за этимъ послѣдовало постановленіе парламента. 25 Edw. III.

внѣ страны, возникаетъ наконецъ вполнѣ понятный протестъ. По I. Эдуар. III St. 2, сар. 5 и 7 никто не долженъ быть принуждаемъ къ службѣ внѣ графства, за исключеніемъ случаевъ особой необходимости и внезапнаго вторженія внѣшняго врага въ государство. По 25 Эд. III St. 5, сар. 8. никто не долженъ быть ни въ какомъ случаѣ принуждаемъ, безъ согласія парламента, идти за предѣлы государства и за предѣлы своего графства, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости. Этимъ постановленіемъ военная служба была ограничена потребностями графства и обороны страны, во всемъ же дальнѣйшемъ она была въ зависимости отъ согласія парламента. Оба статута были подтверждены 4 Генр. IV, сар. 13, и Commision of Array была редактирована именно такъ, чтобы предотвратить введеніе новыхъ штрафныхъ статей. По статуту Эдуарда III милиція содержалась теперь по большей части на счетъ правительства, за исключеніемъ только случаевъ обороны противъ набѣговъ со стороны Шотландіи и Валиса. Съ этого же времени въ военной сферѣ, какъ и въ остальныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, замѣчается постепенный переходъ отъ системы *натуральныхъ* повинностей къ *денежной системѣ*, именно посредствомъ образованія наемныхъ войскъ, навербованныхъ изъ отборной части вассальной милиціи и милиціи графствъ [1a]).

Составъ войска для *внѣотечественной службы* былъ слѣдующій. Кавалерія главнымъ образомъ все еще состояла изъ вассальнаго дворянства и ихъ свиты. Они носятъ названіе barons, knights, esquires, men-at-arms; но послѣднее названіе носятъ всѣ безъ различія состоянія, которые тяжело вооружены. Обязанность распредѣлять тяжелую конницу на отряды, constabulariae, лежитъ по прежнему на маршалѣ. Напротивъ того пѣхота, которой обыкновенно бывало въ 5 или 8 разъ больше, состоитъ изъ отрядовъ въ 100 человѣкъ подъ начальствомъ Constables или Centenaren и распадается на копьеносцевъ и алебардщиковъ, на тяжелыхъ и легкихъ стрѣлковъ изъ лука. Между валисцами появляются уже обмундированные отряды; новымъ элементомъ являются отряды ма-

---

[1a]) Относительно начала правленія Эдуарда I нетрудно прослѣдить ясные признаки несовершенства вассальной милиціи и вытекавшія отсюда затрудненія для короля. напр. въ 5 Ed. I Parl. Writs I 213. Въ началѣ правленія Эд. II былъ введенъ такъ наз. Statutum de militibus, изданный еще по старому какъ приказъ главнокомандующаго, но подтвержденный парламентомъ и по приказанію короля регистрированный, Reewes II 288. Содержаніе статута касается главнымъ образомъ обязательности посвященія въ рыцарское званіе и финансовыхъ соображеній, а не военнаго строя вассальной милиціи. Главный прогрессъ этого времени составляетъ развитіе *милиціи графствъ*. Еще при Генрихѣ III появляются ея Constables; названіе petty constables для представителей полицейскихъ десятковъ введено только при Эдуардѣ III.

стеровыхъ, минеровъ и канонировъ. Со времени парламентскаго постановленія 25 Ed. III нашли болѣе сообразнымъ организовать такія войска или при посредствѣ Commissions для вербовки охотниковъ въ графствахъ, или же король договаривается съ однимъ достойнымъ довѣрія лицомъ, который въ качествѣ Condottiere беретъ на себя поставку большихъ или меньшихъ отрядовъ съ опредѣленной поденной платой за человѣка, лошадь, кормъ и вооруженіе. Упадокъ *ленной* милиціи на ряду съ этой новой системой вовсе не доказываетъ, чтобы съ прекращеніемъ ленныхъ призывовъ исчезли-бы воинственныя наклонности и воинское умѣніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Наступаетъ только раздѣленіе труда, именно за тяжелую конную службу берутся люди чувствующіе къ ней призваніе; всего охотнѣе берутся за нее, въ виду получаемаго жалованія, младшіе сыновья дворянскихъ семействъ. Это распаденіе снова способствуетъ увеличенію могущества крупныхъ бароновъ. Снова часть мелкихъ вассаловъ и младшихъ сыновей, склонныхъ къ военной службѣ начинаетъ собираться въ качествѣ свиты (retinue) вокругъ дворовъ en miniature графовъ и крупныхъ бароновъ. Изъ подвассаловъ и другихъ безземельныхъ людей рыцарскаго званія, далѣе изъ арендаторовъ и служителей образуются снова опытные въ военномъ дѣлѣ отряды, носящіе цвѣта и отличія вотчинника (liveries). Въ новомъ видѣ возрождаются прежніе комитеты. Исторія войнъ съ французами показываетъ, что превосходство тактическихъ знаній, подвижность дисциплины и вооруженіе этихъ войскъ побѣдили неповоротливыя ленныя войска французовъ. Одновременное существованіе ленной милиціи и милиціи графствъ дало возможность соединить сильныя стороны старой и новой системы и выбрать для кавалеріи и пѣхоты самые способные и опытные элементы. Свиты крупныхъ бароновъ съиграли роль постоянныхъ Cadres, вполнѣ пригодныхъ къ тому, чтобы образовать изъ себя хорошую тяжелую кавалерію. И это не только постояннымъ упражненіемъ, но и общимъ пріученіемъ къ тактическимъ пріемамъ, такъ что и съ этой стороны англійская кавалерія несмотря на свою малочисленность могла справиться съ неуклюжей французской конницей [1b]).

[1b]) Въ сравненіи съ континентальнымъ, пришедшимъ въ упадокъ, леннымъ войскомъ, гдѣ помѣщикъ ведетъ подвластныхъ ему поселянъ (со всѣми недостатками, которыя связаны съ разнокалиберностью и отсутствіемъ дисциплины), эта система, возникшая изъ смѣшенія вассальной милиціи и всеобщаго ополченія представляла рѣшительныя преимущества. Указанные-же недостатки сглаживались на тѣмъ, что непріятель страдалъ тѣми же недостатками. Медленныя усовершенствованія дальнострѣльнаго оружія давали вооруженію одностороннее направленіе, основанное на увеличеніи массивности доспѣховъ, которые, не смотря на всѣ опыты крестовыхъ походовъ, оставались все въ прежнемъ

Къ концу періода взаимное отношеніе обѣихъ системъ радикально *перемѣнилось*. Постоянною и обычною формою народной обороны сдѣлалась милиція графствъ. Старая ленная милиція продолжаетъ теперь свое существованіе главнымъ образомъ въ видѣ свиты (liveries) крупнѣйшихъ коронныхъ вассаловъ, слѣдовательно въ видѣ очень нестройномъ; активною военною силою она остается только въ сѣверныхъ графствахъ, на шотландской границѣ. Необходимые военные запасы со временъ Генриха III были сложены въ Лондонскомъ Тоуерѣ подъ завѣдываніемъ балистарія; въ этомъ періодѣ учреждается для завѣдыванія военными снарядами должность Attiliator'a. ballistarum, а также Galeator'a, Amourer'a, Bowier'a, Fletcher'a, должности, которыя въ XV стол. были соединены въ званіи фельдцехмейстера, Master of the Ordance.

II. Единеніе *судебнаго верховенства короны съ графствомъ* происходитъ въ этотъ періодъ посредствомъ *суда присяжныхъ*. Въ концѣ прошлаго періода были выдвинуты принципы судопроизводства, которыя теперь получаютъ прочное значеніе:

видѣ и доходили въ своей неуклюжести рѣшительно до безобразія. Король Яковъ справедливо могъ сказать для характеристики этого оружія: „оно не только защищаетъ своего хозяина, но и мѣшаетъ ему нанести какой-либо вредъ другимъ". Однако для пѣхоты все еще остается неодолимымъ натискъ кавалеріи, до тѣхъ поръ пока не была открыта новая тактика для пѣшаго войска. На континентѣ она впервые выразилась въ новой системѣ фаланги во время славныхъ войнъ швейцарцевъ противъ Австріи и Бургундіи, въ Англіи—въ образованіи легкой инфантеріи, которая будучи составлена изъ немногихъ рядовъ, задерживала первый натискъ кавалеріи при помощи палисадовъ, затѣмъ, благодаря усовершенствованію лука выпускала убійственный градъ стрѣлъ, послѣ чего съ быстротою стрѣлы вторгалась въ образовавшіяся расщелины. При столкновеніи обѣихъ системъ во время большихъ французскихъ войнъ, англійская оказалась въ безусловномъ превосходствѣ.

Договоры о поставкѣ отрядовъ заключенные съ лордами и рыцарями, начиная съ Эдуарда III до конца этого періода, во множествѣ находятся въ архивахъ, Grose Military Antiquitiis Vol. I. 71. Я ограничусь слѣдующими примѣрами составленія такого войска. При переправѣ войскъ 1346 г.: 2500 рыцарей и 30,000 прислужниковъ и пѣхоты (Villani pag. 948). Предъ Калэ: 13 графовъ, 44 барона и Bannerets, 1046 рыцарей, 4022 эсквайра, констабля, центенара, 5104 винтенаровъ и конныхъ стрѣлковъ изъ лука, 19954 пѣхоты и валлійцевъ (Archaeiol. Brit VI. 213. Pauli V 657). По требованію Генриха V, должны были явиться: герцогъ съ 50-ю лошадьми, графъ съ 25, баронъ съ 16, рыцарь съ 6, эсквайръ съ 4, стрѣлокъ съ 1 лошадью (Rymer 227). Въ протоколахъ, государственнаго совѣта при Генрихѣ V и VI, составъ небольшихъ отрядовъ полевой и гарнизонной службы весьма измѣнчивъ, смотря по надобности. Въ кавалеріи получали ежедневно жалованье: баннеретъ 3 s., рыцарь 2 s., эквайръ 12 d.; пѣхота, стрѣлки, плотники и другіе ремесленники 6 d. и менѣе. Пѣхотинецъ является здѣсь вездѣ отдѣльно, отношеніе легко и тяжело вооруженныхъ,—кавалериста и пѣхотинца не было отношеніемъ хозяина къ слугѣ, но офицера къ солдату. Изъ призыва въ writs 9. Ed. II видно, что число готовыхъ къ ратному дѣлу поименно призываемыхъ коронныхъ вассаловъ все еще достигаетъ до 200. О разныхъ деталяхъ военнаго устройства этого времени смотри еще у N. Harris Nicolas, the siège of Carlaverock въ 23 Edw. I. Lond. 1828. 4., съ оттискомъ Rolls of Arms Th. Wright'a Lond. 1864; White, History of the battle of Atterburn in 1388, London 1857.

Отдѣленіе постановленія приговора отъ веденія слѣдствія; Передача *постановленія окончательнаго приговора* въ руки образованныхъ, назначаемыхъ королемъ, *судей*.

Образованіе института *выборныхъ* отъ сотенъ и графствъ людей, призываемыхъ королевскимъ чиновникомъ, для *констатированія фактовъ*.

Коллегіи судей, составъ которыхъ со времени Генриха III уже нѣсколько болѣе постояненъ, чѣмъ Court of Kings Bench, Court of Common Pleas, Court of Exhequer, вступаютъ теперь въ тѣсную связь съ графствами при посредствѣ спеціально командированныхъ членовъ. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ этотъ союзъ былъ сперва вызванъ вслѣдствіе тѣхъ затрудненій, которыя были связаны съ явкою безсчисленныхъ свидѣтельскихъ коммиссій въ центральный судъ. Для облегченія возникавшихъ вслѣдствіе этого проволочекъ и расходовъ Mag. Charta обѣщала, что отнынѣ, въ противоположность прежнему, государственные судьи будутъ являться въ графства. Однако въ дѣйствительности это не совсѣмъ было выполнено. Окончательная организація была выработана Вестминстерскимъ статутомъ. II. 13 Эдуардъ I cap. 3: «Ассизными судьями да будутъ двое присяжныхъ государственныхъ судей, къ которымъ должны присоединиться одинъ или двое изъ знатныхъ рыцарей графства». Шерифъ pro forma приглашаетъ присяжныхъ въ Вестминстеръ на будущую сессію «если только» ассизные судьи не явятся уже въ графство «ранѣе» (nisi prius) назначеннаго дня, что теперь и происходитъ регулярно. Дальнѣйшимъ ходомъ законодательства (27. Ed. I cap. 4; 12 Ed. II cap. 3; 14 Ed. c. 16) весь этотъ порядокъ утрачивается и такимъ образомъ персоналъ государственныхъ судовъ вступаетъ въ органическій союзъ съ гражданскими ассизами посредствомъ періодически отряжаемыхъ коммиссій.

Аналогическое направленіе принимаетъ *уголовное судопроизводство*, которое еще долго остается въ неорганизованномъ видѣ. Отправленіе особыхъ коммиссаровъ для уголовнаго судопроизводства, justices of oyer and terminer, часто еще практикуется, такъ-какъ политическая борьба, равно какъ и сплетеніе уголовнаго судопроизводства съ полицейскою властью и финансовыми интересами, ведетъ въ этой области къ болѣе сильнымъ перемѣнамъ. Но мало по малу поручаемыя государственнымъ судьямъ commissions of oyer and terminer и commissions of gaol delivery дѣлаются постоянною формою, въ которой уголовное судопроизводство государственнаго суда вступаетъ въ связь съ выборными органами уголовной юстиціи въ графствѣ (juries). Правильнымъ соединеніемъ между собою гражданскаго и уголовнаго судопроизводства устанавливается

теперь новый ordo judiciorum. Отдѣленіе постановленія приговора отъ констатированія фактовъ является теперь основнымъ типомъ англійскаго правосудія и это совсѣмъ не то, что judicium parium, которое подразумѣвала M. Charta. Вотъ почему для этихъ реформъ, какъ отступленій отъ M. Charta потребовалось спеціальное составленіе парламента.

Пѳслѣ того какъ все это создало въ государственныхъ судахъ органы для выработки прочныхъ и общихъ всему государству юридическихъ нормъ, наступаетъ очередь организаціи и упроченія возникшихъ уже въ прошломъ періодѣ Juries. Совершается это по тремъ направленіямъ:

1) *Гражданское жюри* возникло на основаніи assissae Генриха II, слѣдовательно ему подлежали только первоначально перечисленные этимъ закономъ случаи. Дѣло было тогда устроено такимъ образомъ, что назначенные отъ графства рыцари рѣшали всю сущность дѣла вмѣстѣ съ 12 призванными ими присяжными. Мы имѣемъ здѣсь, значитъ, рѣшеніе «per judicium parium vel per legem terrae». Но практическія потребности распространили систему судебнаго слѣдствія посредствомъ коммиссій изъ 12 jurata на всю область гражданскаго процесса. Этимъ весьма доступнымъ (и дешевымъ) способомъ сводится ихъ участіе въ приговорѣ на question of fact. И оказалась эта система на столько удобною, что къ тяжелымъ на подъемъ assissa съ 4 рыцарями все рѣже и рѣже прибѣгаютъ. Уже очень рано начинаетъ встрѣчаться соприкосновеніе *судебнаго слѣдствія* съ гражданскимъ жюри; сперва такимъ образомъ, что призываемые для провѣрки касающихся дѣла документовъ свидѣтели, составляя одно цѣлое съ жюри, давали ему свои показанія; но затѣмъ они стали давать свои показанія въ судебномъ засѣданіи, отдѣлившись отъ состава жюри. Переходъ къ выслушиванію всѣхъ вообще свидѣтельскихъ показаній, а также и разбору другихъ элементовъ судебнаго слѣдствія выработывается самъ собою практикою. Вся система производства судебнаго слѣдствія предъ присяжными уже въ концѣ среднихъ вѣковъ вырабатывается почти въ окончательномъ видѣ (Fortescue de laud. c. 26).

2) *Обвинительное жюри* первоначально было соединено съ собраніями графства, которыя все въ болѣе и болѣе правильные періоды созывались королевскими justiciarii. Слѣдственный процессъ состоялъ здѣсь въ томъ, что ими сзывались отдѣльные hundreds и добытые presentments должны были разсматриваться выбраннымъ отъ hundred жюри; но вскорѣ оказалось, что эта система отнимаетъ много времени и связана съ многими затрудненіями. Кромѣ того наростало стремленіе къ большему концентрированію дѣла. И вотъ уже въ 1368 г. замѣчаются первые слѣды измѣненія поло-

женія вещей. Именно, нашли цѣлесообразнымъ приспособить большія собранія графства къ этимъ inquisittones въ качествѣ graund inquest т. е. *большаго* жюри. Благодаря этому слѣдственныя жюри отдѣльныхъ сотенъ мало по малу приходятъ въ упадокъ. Собраніе выборныхъ графствъ поглощаетъ низшую инстанцію и пользуется praesentments'ами общинъ только какъ слѣдственнымъ матеріаломъ (Information). Такимъ-то образомъ принимаетъ на себя теперь большое жюри задачу обвиненія и на ряду съ этимъ все больше и больше исчезаетъ частное обвиненіе. Подобная же организація Graund Inquest'а прививается устанавливающемуся около этого-же времени институту мировыхъ судей, именно она примѣняется къ трехмѣсячнымъ съѣздамъ мировыхъ судей.

3) *Жюри для постановленія приговора по уголовнымъ дѣламъ*, которое Брактонъ и Флета считаютъ за слѣдующую ступень слѣдственнаго жюри съ нѣсколько измѣненнымъ персоналомъ, выдѣлилось путемъ практики. Принципіальное раздѣленіе воспослѣдовало на основаніи 25 Ed. III, c. 3, по которому присяжный слѣдственнаго жюри (Indictor) не могъ принимать участія во второмъ жюри (жюри для произнесенія приговора). И такъ какъ функціи слѣдственнаго жюри все болѣе и болѣе переходятъ къ большему, образовавшемуся изъ собраній графства жюри, то обѣ формы суда присяжныхъ рѣзко различаются теперь подъ именемъ «большаго» и «малаго» жюри. Относительно того, чтобы въ средніе вѣка спросъ свидѣтелей и разборъ другихъ доказательствъ происходилъ предъ *этимъ* жюри не имѣется никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Все это по прежнему является дѣломъ общинно-слѣдственныхъ коммиссій, которыя въ силу данной ими присяги, должны были разслѣдовать утвержденное большимъ жюри обвиненіе и на основаніи сосѣдскихъ показаній и развѣдокъ закончить слѣдствіе постановленіемъ «an culpabilis sit vel non». Вотъ почему опросъ сосѣдей попрежнему практикуется. Во времена Эдуарда III требовалось, чтобы въ рѣшающемъ жюри засѣдало 6 hundredors, а во времена Фортескью 4 hundredors [2]).

---

[2]) Давно уже существуетъ весьма ошибочное мнѣніе, усматривающее въ установленіи этой организаціи выполненіе M. Charta, тогда какъ сохраненіе judicium parium въ ст. 39 M. Charta, напротивъ того, составляло преграду къ реформѣ. Какъ сильна не была практическая необходимость, говорившая за реформу, однако общественное мнѣніе все еще твердо стояло за англосаксонскіе принципы. Самое сильное противодѣйствіе, что вполнѣ понятно, встрѣчала реформа уголовнаго судопроизводства и этимъ объясняется болѣе продолжительная выработка постановляющаго приговоръ жюри. На практикѣ старались помочь дѣлу тѣмъ, что обвиненныхъ уговаривали добровольно покориться приговору Jurata, вмѣсто обычнаго способа представленія доказательствъ. Если подсудимый отказывался, то прибѣгали къ административной мѣрѣ, именно какъ наз. peine forte et dure (выше стр.). Тутъ, значитъ, совершался обходъ принципа при помощи той-же софистики, которая на континентѣ приводила къ пыткамъ, тогда какъ въ

Въ этомъ то видѣ былъ проведенъ въ жизнь принципъ Veritas in juratore, justicia et judicium in judice (Bracton 186b). Въ основѣ всѣхъ трехъ видовъ новаго суда лежитъ равенство сторонъ и увѣренность въ безпристрастіи присяжныхъ (fair trial). Такой взглядъ сдѣлался лучшимъ и прочнѣйшимъ основаніемъ англійскаго юридическаго быта.

Съ широкимъ проведеніемъ въ жизнь новой системы суда, потребовалась прочная организація этой *судебной повинности*.

Сначала присяжные брались изъ прежнихъ «судебныхъ мужей», слѣдовательно legales milites, liberi et legales homines. Но институтъ присяжныхъ по существу своему заложенъ на болѣе широкомъ фундаментѣ. Затѣмъ, имѣетъ тутъ значеніе, что для правильнаго постановленія приговора, требовался *навыкъ*, *постоянное участіе въ судѣ*, что слѣдовательно, возможно было только для людей болѣе крупнаго достатка. При установленіи question of fact требовалось только знаніе мѣстныхъ условій въ предѣлахъ vicinetum и личная честность, а потому самые мелкіе собственники были для этого столь же пригодны какъ и необходимы. Вмѣстѣ съ тѣмъ участіе въ постановленіи приговора могло явиться важнымъ политическимъ правомъ. Привлеченіе къ новымъ слѣдственнымъ коммиссіямъ явилось службою новаго рода и потому участіе въ нихъ едва ли могло быть предметомъ сословныхъ домогательствъ. Опасность тутъ съ одной стороны состояла въ тягости этой службы для бѣднѣйшихъ людей, съ другихъ же сторонъ въ малой надежности, подкупности и робости этихъ элементовъ. Являлось поэтому необходимымъ опредѣлить среднюю имущественную норму, при которой возможно было бы несеніе присяжной повинности. Въ отвращенія того, что «богатые освобождаются, а бѣдняки наполняютъ всѣ жюри»

Англіи она ограничивается промежуточною стадіею; въ такомъ видѣ она была въ послѣдствіи признана парламентскими актами (ср. Palgrave II 189—190). Желаніемъ не отступать отъ стараго ordo judiciorum объясняется, почему постоянно въ уголовныхъ ассизахъ придавалось значеніе тому, чтобы въ судейскія коммиссіи включалось нѣкоторое число рыцарей графства, въ качествѣ pares. Основной смыслъ суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, чтобы установленіе фактовъ въ процессѣ (значитъ установленіе посылокъ для судейскаго приговора) совершалось чрезъ выборныя коммиссіи, назначенныя отъ окружныхъ и общинныхъ союзовъ, такъ-какъ невозможно было обойтись безъ знаній мѣстныхъ условій. Въ особенности эти мѣстныя знанія были необходимы въ виду того, что предсѣдательствующіе судьи только періодически являются и изъ отдаленныхъ мѣстностей, чужды графству. Еще въ концѣ разсматриваемаго періода Фортескью смотритъ въ своихъ Laudes Legum Angliae на уголовное жюри только какъ на цѣлесообразное судебное и слѣдственное учрежденіе. Но на самомъ дѣлѣ тутъ есть и политическая сторона: ежегодное участіе тысячей лицъ въ практическомъ примѣненіи правовыхъ нормъ и введеніе равномѣрнаго распредѣленія судебой повинности между рыцарями, свободными земледѣльцами и городами, вырабатываетъ основы парламентскаго періода англійской исторіи.

Stat. Wenstminter II, c. 38, постановляетъ, чтобы къ assisa были привлекаемы только лишь собственники съ имущественнымъ цензомъ отъ 20 шилинговъ. Затѣмъ на основаніи 21 Edu. I. st. I; 2 Ген. V с. 3., эта сумма была удвоена: могли быть привлекаемы только лица получающіе 40 шилинговъ ренты (—$^1/_{10}$ таксы за рыцарскій ленъ) [2a]).

Благодаря предсѣдательству королевскихъ ассизныхъ судей, *судъ графства* все еще сохраняетъ первенствующее значеніе. Въ отличіе отъ обыкновенныхъ засѣданій county court предъ королевскими ассизными судьями являются прелаты, бароны, рыцари и собственники, изъ каждаго мѣстечка по 12 гражданъ, изъ каждаго села староста съ 4 сельчанами. Эта обязанность прелатовъ и бароновъ, которая точно была опредѣлена Клорендонскими ассизами, воспрепятствовала образованію отдѣльныхъ судовъ для дворянства, рыцарства, горожанъ и крестьянъ, и хотя высшіе классы упорно стремились освободиться отъ судебной повинности въ судѣ графства, и хотя Мертоновскій статутъ допускалъ замѣстительство чрезъ уполномоченныхъ, и хотя Мальбороускій статутъ освобождалъ лицъ *выше* рыцарскаго званія отъ присутствованія въ Sheriffstourn'ѣ, однако и тутъ остается обязанность являться въ случаяхъ особыхъ, личныхъ приглашеній. Образованіе отдѣльнаго суда ограничилась въ Англіи возникновеніемъ при Эд. II суда перовъ.

Вслѣдствіи всѣхъ этихъ измѣненій старая юрисдикція *шерифа* въ значительной степени съуживается. Онъ теперь становится простымъ органомъ суда для функцій, при которыхъ необходимъ мѣстный чиновникъ именно: для приглашеній, взысканій, составленія жюри. Относительно гражданскихъ дѣлъ дѣятельность шерифа ограничена при Эдуар. I незначительными процессами, въ которыхъ искъ не превышаетъ 40 шилинговъ; но его слѣдственныя, полицейскія, фискальныя и административныя функціи остаются за нимъ. Благодаря полицейской власти, почестямъ и поборамъ, связаннымъ съ шерифскимъ званіемъ, оно продолжаетъ быть предметомъ большаго исканія. Очевидно по желанію рыцарства, были сдѣланы двѣ попытки сдѣлать шерифскую должность выборной. Первый опытъ, въ 1258 г. на основаніи статута временныхъ правителей, далъ такіе пристрастные

[2a]) Во всѣ періоды въ этомъ заключалась практическая старона вопроса. Зажиточные подкупали шерифовъ, чтобъ избавиться отъ повинности. Стороны старались угощать и подкупать бѣднѣйшихъ присяжныхъ. Въ мотивахъ къ I Edw. IV с. 3; I Ric. III с. 4 говорится о злоупотребленіяхъ, происходящихъ отъ того, что въ слѣдственномъ судѣ шерифа засѣдаютъ бѣдные и не имѣющіе совѣсти люди. Въ другихъ мѣстахъ рѣчь идетъ о насиліяхъ, которыми стороны угрожаютъ присяжнымъ, 22 Ass. pl. 44. Все рѣже встрѣчающіеся случаи magna assisa съ полнымъ комплектомъ рыцарей (примѣры ихъ встрѣчаются еще въ 1348 г.) находятся въ связи съ трудностями отправленія присяжной повинности.

выборы, что они потомъ были кассированы. Второй опытъ 28 Эд. I кончился тѣмъ, что семь лѣтъ спустя весь персоналъ шерифовъ былъ отставленъ и на ихъ мѣсто должны были быть назначены новые. Выборная система оказалась непригодной для замѣщенія судейскихъ и полицейскихъ должностей. Такимъ образомъ шерифъ остается чиновникомъ Exchequer'a и придворнаго суда и представляется на утвержденіе короля чрезъ главнаго казначея, канцлера, бароновъ казначейства и justiciarii (9 Edu. II st. 2) какъ это водится и понынѣ. Онъ долженъ имѣть достаточное количество недвижимой собственности, чтобы обезпечить ею свою добросовѣстность; ему воспрещалось отдавать свою должность въ аренду [2b]).

Косвеннымъ слѣдствіемъ, вытекавшимъ изъ всего вышеизложеннаго было постепенное уничтоженіе *сотенныхъ и вотчинныхъ судовъ*. Новыя юридическія нормы и реформы не распространились на нихъ; доказательная сила судебныхъ документовъ ограничивается обыкновенно только Courts of record; уже отсутствіе жюри, неимѣніе права конфискаціи и карательной власти, должны были сдѣлать ихъ непрактичными и все болѣе переносить юрисдикцію надъ villani (copyholders) въ общіе суды. Даже тамъ гдѣ землевладѣльцу въ качествѣ franchise предоставлено еще право назначать bailif'a, шерифъ все таки приводитъ въ исполненіе приговоръ суда, если байлифъ этого не дѣлаетъ какъ слѣдуетъ (на основаніи clausula non omittas 13 Edu. I cap. 29). Но спорадически остатки стараго порядка вещей все еще встрѣчаются. Infagtheft и Outhfangtheft еще при Эд. I при случаѣ практиковались вотчинными судами и еще въ 1285 г. одинъ Court baron постановилъ два смертныхъ приговора за felony.

III. *Пользованіе полицейскимъ верховентвомъ и внутренняя жизнь графствъ* приводятся теперь въ связь посредствомъ установленія, послѣ длиннаго ряда промежуточныхъ опытовъ, института *миро-*

[2b]) Назначеніе шерифа по представленію главнаго казначея, канцлера и судей, 9 Edw II st II, было утверждено въ то время, когда король враждовалъ съ крупными баронами изъ-за замѣщенія высшихъ должностей. Съ одной стороны должно было быть обезпечено, согласно конституціи, значеніе Continual Council; съ другой же стороны—извѣстное безпристрастіе въ назначеніяхъ. Держались того мнѣнія, что высшіе чиновники Continual Council'a должны пользоваться правомъ представленія кандидатовъ. Въ 14 Эд. III st. I c. 7; 23. Hen. VI c. 8 упоминается по этому лордъ-канцлеръ, лордъ-казначей, президентъ совѣта и три предсѣдателя государственныхъ судовъ. Во времена Фортескью всѣ государственные судьи обыкновенно совѣщались съ высшими сановниками и членами государственнаго совѣта. Все это повтореніе порядка вещей установившагося въ государственномъ совѣтѣ; обыкновеніе предлагать королю трехъ кандидатовъ возникло изъ практики. Относительно все еще значительныхъ доходовъ должности шерифовъ см. Thomas, Exchequer 51.

выхъ судей. Парламентскія засѣданія этого времени открывались жалобами на заносчивость вельможъ, на раздоры и грабежи, которые со времени войны бароновъ опять начинаютъ практиковаться. Вотъ почему одновременно съ организаціей ополченія, Винчестерскій статутъ вводитъ прочную полицейскую организацію. Статутъ этотъ, 13 Edw. I, начинается слѣдующими словами. «Въ виду того, что изо-дня въ день все чаще учиняются разбои, убійства, поджоги, грабежи, чѣмъ это прежде было»; поэтому вновь вводится въ случаяхъ поимки на мѣстѣ преступленія (hue and crye) старая полицейская система; хозяинъ гостинницы отвѣчаетъ теперь за остановившихся у него гостей, сотня за причиненный въ ея предѣлахъ убытокъ. Затѣмъ вводится усиленная ополченская служба и система ночной стражи (watch and ward). Но кромѣ того явился еще цѣлый рядъ *соціальныхъ мотивовъ* для расширенія и увеличенія полицейской власти. Городская и сельская жизнь въ Англіи не были сильно обособлены и свободное передвиженіе существовало въ такой мѣрѣ, что общины (подозрительныя вслѣдствіе того что на нихъ лежало возмѣщеніе убытковъ) часто должны были представлять ручательство относительно хорошаго обращенія съ заподозрѣнными личностями. При довольно раннемъ исчезновеніи крѣпостничества и съ возникновеніемъ вольнонаемнаго труда и аренды во многихъ мѣстахъ пошатнулся прежній союзъ труда и собственности. Благодаря свободѣ передвиженія и занятій образовались легко-подвижныя отношенія между собственностью и трудомъ и потому ихъ пришлось урегулировать гораздо раньше, чѣмъ на континентѣ. Безчисленные *промысловые регламенты*, которые составляютъ у насъ въ городахъ предметъ полицейскихъ распоряженій и цеховыхъ уставовъ, являются здѣсь предметами общаго законодательства: сначала въ видѣ королевскихъ предписаній, Assisae и ordinances, далѣе въ видѣ парламентскихъ постановленій. Сюда принадлежатъ *установленіе таксъ* на хлѣбъ, пиво, отопленіе и другія жизненныя потребности, assisae venalium (одновременно съ предписаніями противъ фальсификаціи); важнѣйшими изъ нихъ считается assisa panis et cerevisiae. 51 Henr. III cap. 5, періодически добавляемая. Регламенты пекарнаго промысла, приготовленія и обработки кожъ и шерстяныхъ издѣлій, приготовленія солода, кирпичнаго производства, угольной и дровяной торговли, базарныя правила, а также общія постановленія о промышленности образуютъ весьма сложное законодательство [3]). Сюда-

[3]) Насколько все это было детально разработано можно судить по тѣмъ законамъ, которые отмѣняютъ старые. Такъ напр. 49 Georg III отмѣняетъ 40 законовъ относительно шерстянной промышленности, установленныхъ 2 Edw III (ср. 19 и 20 Vict. c. 6). Нѣчто въ родѣ общаго устава промышленности и ремеслъ послѣдовало еще 3 Edw. IV c. 4.

же примыкаетъ *законодательство о рабочихъ*, которое замѣняетъ собою континентальную подчиненность цеху и разнымъ полицейскимъ предписаніямъ. Первый Statute of labourers 23 Edw. III c. 1, былъ послѣдствіемъ большаго народнаго несчастія, которое уменьшило число рабочихъ рукъ и увеличило заработную плату. Статутъ предписываетъ рабочимъ служить за обычное вознагражденіе. Въ связи съ этимъ выработалось, съуженною практикою, понятіе о combinations, т. е. запрещенныхъ стачекъ для возвышенія заработной платы. Въ болѣе отдаленной связи находится запрещенія давать подаяніе способнымъ къ работѣ нищимъ. По 12 Ric. II c. 7 каждому рабочему воспрещено оставлять мѣсто своего жительства безъ свидѣтельства отъ начальства о существованіи достаточнаго основанія къ этому. Пойманный въ бродяжничествѣ безъ этого свидѣтельства можетъ быть арестованъ и засаженъ въ тюрьму. Неспособные къ работѣ должны возвратиться въ мѣсто своего рожденія, чтобы искать себѣ поддержки. Смотря по силѣ или слабости дальнѣйшихъ царствованій мѣняется и строгость рабочей полиціи 13 Rich. II c. 3; 14 Ric. II, c. 1, 2; 2 Henr. IV c. 5; 4 Henr. IV, c. 15; 5 Henr. IV, c. 9; II Henr. IV, c. 8; 9 Henr. V, c. 9 st. 2, 8 Henr. VI, ст. 24; 27 Henr. VI, c. 3; 17 Edw. IV, c. 1; 1 Henr. VII, c. 2; 3 Henr. VII, c. 8.— Впрочемъ крестьянская война при Ричардѣ II напоминала объ умѣренности въ стѣсненіяхъ; нѣкоторымъ противовѣсомъ этихъ стѣсненій были установленіе опредѣленныхъ таксъ на хлѣбъ и пиво.

Начало *полиціи нравовъ* лежитъ въ понятіи о common nuisances, которыми преслѣдуются шумные и развратные притоны; въ законахъ о роскоши въ платьѣ, пищѣ и другихъ предметахъ. (Послѣднее въ связи съ авантюристскими привычками, вынесенными солдатами изъ французскихъ войнъ). Сюда-же относятся законы о столѣ 10 Edw. III st. 3 de cibariis utendis, которыя запрещали имѣть къ обѣду и къ ужину болѣе двухъ блюдъ; обширныя узаконенія о предметахъ роскоши 37 Edw. III, c. 8—14 объ одеждѣ и пищѣ, хотя въ слѣдующемъ году и уничтоженныя, но при Эдуардѣ IV были отчасти снова возобновлены. Ко всему этому присоединилась карательная власть Kings Bench, какъ custos morum; затѣмъ также и полицейская власть имѣла право требовать ручательство въ хорошемъ поведеніи отъ лицъ, замѣченныхъ въ оскорбленіи общественной нравственности. Содержаніе понятія о nuisance съ теченіемъ времени все расширяется, между прочимъ сюда входитъ начало *дорожнаго благоустройства*, дорожной полиціи. Затѣмъ сюда примыкаютъ правила объ охотѣ и рыболовствѣ, предусматривающія самыя детальныя случайности.

Для завѣдыванія всею этою многочисленною организаціею имѣлись

до сихъ поръ Sheriffs tourn и Courts leet. M. Charta хотя и отняла у Vicecomes'а обвиненіе по уголовнымъ дѣламъ, но все-таки за нимъ осталось возбужденіе дѣла, принятіе поручительства, полицейское Inquisitio, и юрисдикція мелкихъ проступковъ. Что касается «слѣдствія», оно въ Sheriffstourn'ѣ и Courts leet было нѣчто иное чѣмъ при теперешнихъ процессахъ. Оно не только происходило въ присутствіи общины, но даже *и при посредствѣ ея*, съ постояннымъ вызовомъ старостъ и судебныхъ мужей, съ отбираніемъ присяжныхъ показаній относительно того, что кто знаетъ, не знаетъ или предполагаетъ. Неудобство такого порядка вещей, заключалось не только въ томъ, что нужно было привлекать такую массу лицъ; главный недостатокъ былъ тутъ тотъ, что *судъ* не годился для цѣлей пресѣченія преступленій, требовалась большая подвижность. Мѣстные cours leet были для этихъ задачъ также мало пригодны какъ и шерифъ съ своими подфогтами. Опытъ яснѣе и яснѣе показывалъ, что ни общинныя собранія in pleno, ни выборныя отъ нихъ комиссіи не въ состояніи исполнять тѣ полицейскія обязанности, которыя явились вслѣдствіе осложненія общественной жизни, вслѣдствіе развитія ремеслъ и промышленности, вслѣдствіе большой трудности сохранять общественное спокойствіе и общественную нравственность. Когда патріархальный порядокъ замѣняется законномѣрнымъ полицейскимъ то завѣдываніе имъ должно происходить чрезъ *отдѣльныхъ чиновниковъ*, снабженныхъ правомъ извѣстной суммарной юрисдикціи.

Уже при Ричардѣ I дѣлаются попытки присоединить къ шерифу окружныхъ депутатовъ, custodes placitorum coronae, coroners, которые въ capitula отъ 1194 г. названы custodes placitorum coronae. Ихъ обязанность состояла въ зоркомъ наблюденіи за взыманіемъ королевскихъ податей и поборовъ и по всей вѣроятности они тождественны съ позднѣйшими такъ наз. Coroners. Эдуардъ I даетъ этимъ чиновникамъ точную инструкцію относительно того какъ они должны относиться къ слѣдственнымъ комиссіямъ, составляемымъ изъ выборныхъ сосѣднихъ общинъ при необычайныхъ смертныхъ случаяхъ. По 28 Edw. III, c. 6 они были выбираемы судомъ графства изъ числа достойнѣйшихъ землевладѣльцевъ и представлялись на утвержденіе короля. Однако въ такомъ видѣ новый институтъ не получилъ дальнѣйшаго развитія. Дѣятельность custodes главнымъ образомъ ограничивалась участіемъ въ слѣдствіяхъ о смертныхъ случаяхъ, похищеніяхъ имущества и оказываніемъ содѣйствія шерифу въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Королевская власть вовсе не была склонна расширять права этихъ выборныхъ чиновниковъ. По всей вѣроятности, они очень скоро

оказались непригодными чиновниками: не умѣста былъ здѣсь выборный принципъ [3a]).

Къ концу правленія Эдуарда I начали устраивать въ безпокойныхъ провинціяхъ особые быстро дѣйствующіе суды, Justices of trail baston, которые, при случаѣ, устраивались и въ послѣдствіи, но вслѣдствіе суммарнаго характера своего они возбуждали неудовольствіе. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Эдуарда II, въ каждомъ графствѣ были назначены conservatores pacis, которые обязаны были жить въ предѣлахъ своего графства и визитировать его во всѣхъ частяхъ, «чтобы наблюдать за исполненіемъ Винчестерскаго полицейскаго статута и относящихся къ нему королевскихъ указовъ». Однако и эта попытка осталась безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

При *вступленіи на престолъ Эдуарда III* явилось довольно основательное побужденіе къ тому, чтобы завести мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Послѣ низверженія Эдуарда II, его преступная жена съ своими сообщниками очень боялась народнаго волненія. Поэтому они особымъ указомъ (I Edw. III, c. 16) назначили во всѣхъ графствахъ начальниками полиціи лицъ изъ господствовавшей партіи: Bonnes gens et loyaux assignèes à la garde de la paix въ качествѣ помощниковъ шерифа и странствующихъ судей. Въ слѣдующемъ году эти начальники полиціи назначаются уже съ Commission of oyer and terminer, слѣдовательно съ значительною властью, которая однако вскорѣ исчезаетъ вмѣстѣ съ вызвавшей ее причиной и перемѣною господствующей партіи. Но принципъ назначенія полицейскихъ чиновниковъ изъ жителей графства сдѣлался между тѣмъ популярнымъ. Въ 18 и 20 Edw. III дѣлаются новыя попытки въ этомъ родѣ. Въ 21 Edw. III Commoners сдѣлали королю предложеніе назначать въ каждое графство 6 полицейскихъ чиновниковъ,—2 лордовъ, 2 рыцарей и 2 законниковъ. Разногласіе

[3a]) Несомнѣнно, что впервые coronators появляется при Іоаннѣ и въ M. Charta, затѣмъ подробно о нихъ говорится у Брактона, Флеты и Бриттона c. I. подробная инструкція дается въ 4 Edw. I de officio coronatoris и въ statutum Walliae 12 Edw. I, c. 5. На ряду съ странствующими комиссарами казначейства, контролемъ и охраною коронныхъ и фискальныхъ интересовъ завѣдуютъ представляемые на утвержденія короля *выборные отъ графства*; отсюда выработалось inquisitio по образцу Sheriffstourn и общинныхъ коммиссій, которое имѣетъ мѣсто въ промежуткѣ между періодически происходившими судебными засѣданіями, когда была нужда въ быстромъ слѣдствіи *на мѣстѣ происшествія*. Случай насильственной смерти и находки кладовъ становятся поэтому главнымъ предметомъ дѣятельности coroner'a. Уже по древнѣйшимъ указаніямъ этотъ чиновникъ чрезъ канцлера утверждается королемъ. Призываемое coroner'омъ жюри бралось изъ ближайшихъ мѣстностей для Inquisitio (per eorum sacramentum inquisitionem faciant de homine occiso), при чемъ полагалось, чтобы присутствовало по крайней мѣрѣ 12 присяжныхъ и чтобы всѣ 12 были единодушны въ своемъ рѣшеніи.

при этомъ вертѣлось, главнымъ образомъ, на томъ, что король и совѣтъ настаивали на королевскомъ правѣ назначенія, тогда какъ сословія хотѣли предоставить выборъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Между тѣмъ поднялась распря съ рабочими классами, которая вызвала statutes of laboureurs 23 Edw. III. c. 1, 25 Edw. III. c. 8. Для точнаго выполненія ихъ потребовались коммиссары съ чрезвычайными полномочіями, которые 4 раза въ годъ должны были держать въ графствѣ свои засѣданія. О примѣненіи выборнаго принципа при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи. Эти-то *назначенные* полицейскіе чиновники удержались, въ связи съ чѣмъ устанавливается наконецъ *окончательно*, послѣ разныхъ промежуточныхъ попытокъ, институтъ окружныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Произошло это въ 1360 г. по 34 Edw. III. c. 1:

«Въ каждое графство для поддержанія спокойствія назначается *одинъ Лордъ и съ нимъ 3 или 4 достойнѣйшихъ лицъ графства а также нѣсколько законовѣдовъ;* они имѣютъ власть усмирять непокорныхъ закону, бунтовщиковъ и другихъ нарушителей спокойствія, преслѣдовать ихъ, арестовать и наказывать по мѣрѣ ихъ виновности, сажать ихъ въ темницу, достойнымъ образомъ карать по закону, по обычаямъ страны и т. д., также выслушивать, производить и рѣшать всѣ сдѣланныя въ графствѣ felonies и нарушенія именемъ короля и на основаніи законовъ и обычаевъ» [3b]).

3b) *О возникновеніи института мировыхъ судей* подробно трактуетъ Reeves, History II. 472; III 216, 242, 265, 290; IV. 154. Еще теперь пользуются старымъ сочиненіемъ Ламберта: Eirenarchia, or the Office of Justices of the Peace, въ различныхъ его изданіяхъ съ 1581—1619 г. Еще подробнѣе Дальтонъ, Justice, 1618 и въ концѣ 1697, fol. съ историческими указаніями и богатымъ, хотя спутаннымъ матерьяломъ. Историческіе эксцериты изъ Гарди заключаетъ въ себѣ First Report on Constabulary Force 1830, p. 192—202. Историческія данныя Блэкстона заимствованы изъ Ламбарда, а именно неясное и запутанное выраженіе: „существовали по обычному праву conservatores pacis, назначаемые или по праву рожденія или по праву леннаго владѣнія, для охраненія спокойствія; или же они выбирались народомъ въ судѣ графства, (Lambard 15—17). Вслѣдствіе примѣненія 1 Edw. III c. 16 право выборовъ было сперва отнято у народа и затѣмъ отдано королю (Lambard 20).“ Это постоянно заимствуемое свѣдѣніе и создало то ошибочное мнѣніе, что когда-то въ Англіи существовали выборныя или патримоніальные мировые судьи. Но на самомъ дѣлѣ выборныхъ чиновниковъ, съ такою обширною, *начальствующей* властью какъ мировые судьи, не были въ Англіи послѣ завоеванія. Легенды подобнаго рода, которые повторены также у Coke II Inst. 459, 558, 559, создались благодаря англосаксонскому общинному устройству. Для норманскаго періода онѣ безусловно невѣрны и несогласны съ общимъ ходомъ развитія законодательства о мировыхъ судьяхъ. Выборные custodes pacis этого времени—частью coroners, частью чиновники для осматриванія миллиціи, частью constables полицейскаго управленія, частью чиновники временно назначаемые во время гражданскихъ войнъ на короткій срокъ. Все это чиновники съ правомъ перваго преслѣдованія, представленія presentment въ судъ, и, самое большее, съ правомъ вынуждать поручительство; но это не королевскіе justices of record, съ правомъ постановленія приговоровъ и разнообразными полномочіями и дискреціонною властью мировыхъ судей. Точно также никогда не су-

Въ числѣ многихъ другихъ новыхъ требованій парламентъ, вскорѣ выражаетъ желаніе, чтобы полицейскіе чиновники собирались четыре раза въ годъ на общія засѣданія: это было принято и по 36 Edw. c. 12 возведено въ законъ. Въ слѣдующемъ году слѣдуетъ петиція, чтобы король разрѣшилъ собраннымъ въ парламентѣ рыцарямъ и гражданамъ, *избирать* Justices of the Peace и Justices of labourers and artificers и чтобы избранные не были болѣе отставляемы. Отвѣтъ гласитъ: парламентъ можетъ предлагать кандидатовъ, но король будетъ назначать изъ числа ихъ по собственному усмотрѣнію. Еще разъ въ 50 Edw. III послѣдовала петиція, въ которой парламентъ добивался права назначать Justices и того чтобы они не были отставляемы безъ согласія парламента. Отвѣтъ гласитъ: судьи назначаются королемъ и его совѣтомъ (continual council), отвѣтъ, которымъ вопросъ былъ рѣшенъ въ окончательномъ видѣ. Въ это же время болѣе почетный титулъ Justices сдѣлался употребительнымъ на ряду и вмѣсто стариннаго custodes pacis. Сущность ихъ обязанностей уже съ начала правленія Ричарда II такая-же какъ въ наше время. Задача мировыхъ судей теперь двоякая: 1) Охраненіе мира по common law, т. е. арестованіе, требованіе поручительства и всѣ прочія полицейскія дѣла, прежде составлявшія предметъ обязанностей норманскихъ фохтовъ, 2) аналогичныя обязанности по Винчестерскому статуту, по Вестминстерскому и позднѣйшимъ законамъ о ремесленной и рабочей полиціи, число которыхъ съ каждымъ поколѣніемъ все увеличивались. Дѣйствительныя уголовныя взысканія они опредѣляютъ только колегіально въ своихъ четвертныхъ засѣданіяхъ съ участіемъ суда. Ихъ обязанности въ этомъ отношеніи настолько общеформулированы, что уголовная юрисдикція ихъ конкуррируетъ съ юрисдикціей странствующихъ судей. Съ другой стороны въ ихъ, по преимуществу, обязанности, благодаря особенностямъ формулировки статутовъ, входитъ юрисдикція массы мелкихъ проступковъ противъ правилъ промышленныхъ и рабочихъ уставовъ и полиціи нравовъ.

ществовали въ Англіи и патримоніальные мировые судьи. Правда, притязанія дворянства въ правленіе дома Ланкастеровъ и въ періодъ войны Алой и Бѣлой розы создали туманныя представленія этого рода и въ нѣсколькихъ случаяхъ дѣйствительно были сдѣланы нѣкоторыя скороспѣлыя пожалованія, несогласныя съ законами. Но когда случай такого пожалованія права назначать мировыхъ судей, выраженный въ граммотѣ аббата St. Albans (20 Henr. VII) обсуждался предъ Kings Bench, то судъ вмѣстѣ съ представителемъ государственной власти пришли къ единодушному рѣшенію, что король не въ правѣ подобнаго рода пожалованіемъ давать частнымъ лицамъ право назначенія королевскихъ судей, такъ какъ эта прерогатива неразрывно связанная съ короною. Ламбардъ самъ признаетъ (I c. 3): „что всѣ должности для охраненія мира идутъ отъ короля и никакой герцогъ, графъ или баронъ какъ таковой не имѣетъ большихъ правъ по охраненію мира, чѣмъ каждый частный человѣкъ“.

Здѣсь еще не видать поползновенія существенно ограничить дѣятельность суда присяжныхъ. Но все таки новые полицейскіе статуты даютъ мировымъ судьямъ большую единоличную власть, которою они могутъ пользоваться безъ всякаго жюри. Съ теченіемъ времени эта единоличная власть все растетъ въ объемѣ [3c]).

Персоналъ мировыхъ судей долженъ составляться, по смыслу парламентскихъ петицій, изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, тогда какъ король и совѣтъ отдаетъ предпочтеніе законовѣдамъ. На практикѣ происходитъ компромиссъ между обоими элементами сообразно съ мѣстными потребностями. Вліяніе дворянства въ правленіе Ланкастерскаго дома вводитъ опредѣленный цензъ, 18. Henr. VI. c. II. Мировой судья долженъ владѣть землями ежегодной доходности въ 20 Z (тогдашняя такса рыцарскаго лена) но вмѣстѣ съ тѣмъ лорду-канцлеру предоставляется право, если въ графствѣ имѣются личности, не владѣющіе достаточнымъ количествомъ земли, но свѣдущіе въ правѣ и управленіи, назначить такихъ свѣдущихъ людей мировыми судьями. На основаніи этой оговорки соперничество между землевладѣльцами и свѣдущими въ правѣ мировыми судьями (quorum) тянется вплоть до восемнадцатаго столѣтія. Отреченіе отъ законно присвоенныхъ суточныхъ, которое все болѣе входило въ привычку и повело къ тому, что профессіональные чиновники окончательно исчезаютъ изъ персонала мироваго института [3d]).

[3c]) Къ оговоркѣ по которой власть раздѣляется между „двумя или большимъ числомъ“ мировыхъ судей для произведенія слѣдствія и приговора, прибавляется еще Proviso: въ этомъ числѣ одинъ или большее число должны быть точно поименованы: „quorum aliquem vestrum A. B. C. D. unum esse volumus“. Эти-то поименованные суть свѣдущіе въ законахъ члены, которые технически зовутся Quorum. Въ позднѣйшихъ статутахъ спеціально обозначено, самостоятельно или съ участіемъ свѣдущихъ товарищей-юристовъ долженъ приниматься мировой судья за дѣло.

[3d]) Эта должность мироваго судьи, замѣщаемая людьми, свѣдущими въ законахъ и имѣющими недвижимую собственность, въ сущности является лишь сочетаніемъ на новый ладъ такихъ элементовъ, которые давно уже были на лицо. То было лишь новое соединеніе землевладѣнія и судебной власти. Король уже съ давнихъ поръ пользовался правомъ назначить Justices of oyer and terminer для исполненія обязанностей уголовнаго правосудія; съ введеніемъ же новыхъ порядковъ онъ видитъ себя вынужденнымъ назначить должностныхъ лицъ этого рода преимущественно изъ среды землевладѣльцевъ, имѣющихъ постоянное жительство въ графствѣ. Между тѣмъ, какъ для странствующихъ судей точкою опоры служили общегосударственные центральные суды и Королевскій совѣтъ, мировые судьи имѣютъ эту точку опоры въ самомъ графствѣ и образуютъ въ своихъ засѣданіяхъ, происходящихъ черезъ опредѣленные промежутки времени, коллегіальное учрежденіе, которое вступаетъ въ прочную связь съ упомянутыми окружными комитетами (juries) и такимъ образомъ устанавливается преобразованнное управленіе округовъ во всемъ, что касается полиціи въ широкомъ значеніи этого слова. Въ полномочіяхъ, которыми снабжались путешествующіе судьи, упоминались такъ же и лорды и рыцари графства, но болѣе въ качествѣ второстепенныхъ лицъ, участіе которыхъ въ отправленіи правосудія уже въ ранній періодъ становится чисто номинальнымъ: въ полномочіяхъ же мировыхъ судовъ, наоборотъ, должностныя лица изъ профессіональныхъ юристовъ,

Эта новая система полицейскаго управленія съ большимъ успѣхомъ отодвинула назадъ старую и въ особенности *окружной полицейскій судъ шерифа*. Правда Turnus vicecomitis остается, на ряду съ мировыми судьями. Такимъ образомъ въ рукахъ шерифа все еще остается право начинать слѣдствіе, inquisition, уголовная юрисдикція въ мелкихъ дѣлахъ при содѣйствіи общины и слѣдовательно власть его покамѣсть конкуррируетъ съ властью мировыхъ судей, но въ концѣ концевъ непопулярные шерифы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе. По 1 Edw. IV. c. 2. 3 (1461 г.) у нихъ отнята весьма важная функція предварительнаго слѣдствія. Власть ихъ ограничивается возбужденіемъ дѣла и пріемомъ indictments, окончательныя-же предписанія объ арестѣ и дальнѣйшій ходъ дѣла предоставляется ближайшему четырехмѣсячному съѣзду. Но за то за шерифомъ остается приведеніе въ исполненіе наказаній и взысканій, что вполнѣ соотвѣтствовало административному и финансовому характеру шерифской должности.

Таже участь постигаетъ составляющіе развѣтвленіе Sheriffstourn'a городскіе и деревенскіе courts leet. Они еще довольно долгое время соперничаютъ съ мировымъ институтомъ, слѣдовательно продолжаютъ собирать общины для цѣлей in quest и наложенія полицейскихъ взысканій. Они продолжаютъ существовать, но сфера дѣятельности common law, въ практикѣ. вслѣдствіе такого соперничества courts leet (за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ болѣе случайныя обстоятельства сохранили за ними значеніе) мало-по-малу были побѣждены и задавлены институтомъ мировыхъ судей. Къ послѣднимъ доступъ былъ во всякое время, тогда какъ courts leet былъ открытъ только лишь два раза въ году на короткое время. Все болѣе и болѣе расширялась съ теченіемъ время уголовная

являются лишь товарищами мировыхъ судей, ассистентами, помогающими имъ своими спеціальными познаніями; вліяніе ихъ постепенно отступаетъ на второй планъ передъ упрочивающимся могуществомъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Такъ какъ отказъ отъ суточнаго содержанія выдаваемаго за участіе въ парламентахъ уже на 14 году царствованія Ричарда II былъ объявленъ дѣломъ чести для лордовъ и баронетовъ, то мало по малу стали смотрѣть на отказъ отъ жалованья вообще какъ на своего рода долгъ чести. Вслѣдствіе этого наплывъ адвокатовъ и другихъ лицъ менѣе достаточныхъ сословій въ должность мировыхъ судей значительно уменьшился. Крупное землевладѣніе, въ рукахъ котораго мало по малу монополизировались должность мироваго судьи, нашло въ этомъ вознагражденіе за постепенно исчезавшіе патримоніальные, помѣстные суды. Въ тоже время такого рода устройство придавало мировымъ судамъ ту авторитетность и устойчивость, которыя представлялись желательными съ чистопрактической точки зрѣнія, въ видахъ поддержанія тишины и порядка. Такъ какъ мировые судьи назначались для всего графства, и власть ихъ съ самаго начала считалась равно дѣйствительною „какъ въ предѣлахъ, такъ и за предѣлами ихъ помѣстій“, то передъ мировой юстиціей вскорѣ стушевалась раздробленность помѣстныхъ правъ и уже это одно объясняетъ въ достаточной мѣрѣ, почему мировые судьи мало по малу вытѣснили старинные courts leet.

юрисдикція мировыхъ судей, тогда какъ дѣятельность courts leet ограничилась тяжелой Inquisition и уголовными наказаніями по common law. При концѣ правленія Эдуарда III (51 Edw. III) парламентъ еще разъ проситъ не поручать мировымъ судьямъ уголовныхъ дѣлъ, которыя рѣшаются на leets помѣщиковъ и горожанъ. Отвѣтъ гласитъ: «установленные до сихъ поръ законы (полицейскія установленія) не могутъ быть болѣе поддерживаемы, если будетъ уважена эта петиція. Съ этого момента паденіе leets безмолвно совершается само собою.

Наконецъ остается упомянуть еще о *нисшемъ разрядѣ* обязанностей по охраненію тишины и спокойствія,—обязанностей, которыя въ сельскихъ общинахъ, десяткахъ и villatae исполнялись старостами и судебными мужами, образовавшими изъ себя нѣчто въ родѣ общиннаго комитета; этого рода служба, которая заключалась въ принятіи первыхъ мѣръ по преслѣдованью проступковъ и въ подачѣ куда слѣдуетъ служебныхъ извѣщеній, все болѣе и болѣе становится исключительно принадлежностью должности общиннаго старосты, который занимаетъ относительно мироваго судьи приблизительно то же подчиненное положеніе, въ какомъ онъ прежде стоялъ къ Sheriffstourn. Организація этихъ нисшихъ родовъ службы видоизмѣняется въ томъ же направленіи, какъ и организація высшихъ. Общину, во всемъ что касается донесеній и слѣдствія, замѣняетъ на сессіяхъ мировыхъ судей судебный староста, tithingman, которому со временъ Эдуарда III присвоивается названіе constable, заимствованное изъ терминологіи его обязанностей и снаряженію милиціи. Констэбль представляетъ съѣздамъ мировыхъ судей свои донесенія (presentments) и охраняетъ общественную тишину и спокойствіе въ предѣлахъ подвѣдомственной ему общины, подобно тому, какъ chief-constable дѣлаетъ это въ предѣлахъ своей сотни, Къ прежнимъ обязанностямъ, лежавшимъ на блюстителѣ тишины и спокойствія, присоединяются и многія новыя, наростающія постепенно по мѣрѣ того, какъ издаются новые законы о ремеслахъ, о рабочихъ и о полиціи нравовъ [3e]).

[3e]) Обязанность представлять донесенія судьямъ и арестовать нарушителей общественной тишины была возложена исключительно на одного констэбля въ видахъ раздѣленія труда. По Марльбрижскому статуту, (52 Henr. III) къ обязаности этой привлекается вся община данной мѣстности лишь въ случаѣ смертоубійства; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ шерифъ долженъ довольствоваться тѣмъ содѣйствіемъ, которое оказываютъ правосудію provost и съ нимъ четыре человѣка изъ обывателей. Въ случаяхъ такъ называемыхъ private leets тоже не особенно строго слѣдили за тѣмъ, чтобы въ необходимыхъ мѣропріятіяхъ непремѣнно участвовали судебные мужи данной общинны. Такимъ образомъ текущія дѣла все болѣе и болѣе сосредоточиваются въ рукахъ одного старосты, а этого послѣдняго все чаще и чаще входитъ въ обычай называть констэблемъ въ виду тѣхъ обязанностей, которыя онъ исполняетъ по милиціи. Въ законодательствѣ

IV. Связь *финансоваго верховенства* съ самоуправленіемъ графства устанавливается посредствомъ системы общинныхъ налоговъ, успѣвшей возникнуть еще въ болѣе ранній періодъ. Правда, повинности, лежавшія на графствахъ съ ихъ болѣе мелкими подраздѣленіями, еще долгое время оставались личными и натуральными повинностями, между тѣмъ какъ центральное государственное управленіе уже въ довольно ранній періодъ перешло къ правильному денежному хозяйству. Но при всемъ томъ, уже въ норманскій періодъ существовали дополнительные денежные платежи, источникомъ которыхъ служили безчисленные amerciaments и fines. Между этими денежными взносами первыми по давности своего происхожденія были штрафы, взыскивавшіеся за неявку къ исполненію личныхъ или общественныхъ повинностей; за тѣмъ слѣдовали различныя обложенія на поддержаніе необходимыхъ учрежденій и на матеріалы, требовавшіеся для исполненія той или другой общинной повинности. Итакъ, денежная подать прямо или косвенно являлась замѣною судебной, полицейской, или военной службы, обязательной для крупныхъ и мелкихъ группъ, на которыя было раздѣлено населеніе; при этомъ прототипомъ по которому производится распредѣленіе повинностей и на нисшихъ ступеняхъ, служить ленное обложеніе, другими словами—повинности эти нормируются сообразно съ размѣрами недвижимой собственности и падаютъ какъ на дома, такъ и на земли и разныя другія доходныя статьи. Практика управленія выработала три ступени податей, о которыхъ въ наиболѣе старинныхъ законахъ упоминается лишь случайно, какъ о фактѣ, уже существующемъ.

1) *Подать, взымается съ отдѣльныхъ населенныхъ мѣстностей*, Tithing или Town ley (levy) служили для покрытія различныхъ amerciaments и fines, штрафовъ и уплатъ по проторямъ и убыткамъ, возлагавшимся на общину данной населенной мѣстности. Подать эта соотвѣтствовала тѣмъ обязательствамъ, которыя норманское государственное устройство налагало на десятки въ видѣ уплаты пеней за бѣжавшихъ преступниковъ, за укрывательство нарушителей общественнаго спокойствія, а такъ же за держанье у себя лицъ, изгнанныхъ изъ предѣловъ государства, или же не приписанныхъ

это наименованіе появляется впервые на 12 году царствованія Эдуарда III. По видимому оно считалось въ наставшій вслѣдъ за этимъ періодъ войнъ наиболѣе почетнымъ титуломъ, и, начиная съ этого времени, вытѣсняетъ изъ народнаго языка старыя названія. Въ XIV столѣтіи оно стало обычнымъ оффиціальнымъ терминомъ для обозначенія должности старосты. (См. II Edw. III c. 3; 3 Edw. III c. 14; 25 Edw. III st. 1. c. 6; 36 Edw. III st. 1. c. 2). Впрочемъ, на западѣ Англіи попадаются еще мѣстности въ которыхъ имѣются но два tithingmen; изъ этихъ tithingmen одинъ называется Constable for the king, а другой—просто судебнымъ старостой, headborough, (Lambard, Constables, p. 9, 10).

ни къ какому обществу. Сюда же входили штрафы за неисправное содержаніе дорогъ, рѣкъ и мостовъ на проселочныхъ дорогахъ и за уклоненіе отъ наказаній, наложенныхъ судомъ. Если данной мѣстности былъ дарованъ особый court leet, то къ этому присоединялись еще суммы на покупку колодокъ и разные другіе расходы на обстановку суда. Нѣсколько позднѣе были введены штрафы за неисполненіе законовъ, касающихся милиціи, за недоставку положеннаго контингента людей для войска, за неисправное содержаніе оружія, и т. п. Всѣ эти взносы, какъ оно вытекало изъ самой сущности ихъ, собирались начальствомъ той мѣстности, съ которой они слѣдовали, т. е. такъ называемымъ Provost и четырьмя помощниками, состоявшими при немъ. Послѣ того, какъ Provost въ XIV столѣтіи былъ замѣненъ констэблемъ, подати этого рода получаютъ названіе Constable's Tax. Распредѣлялись онѣ между тѣми же лицами, которыя несли судебную, полицейскую и миллиціонную повинности, слѣдовательно между свободными владѣльцами поземельныхъ участковъ и судебными мужами court leet'a тамъ, гдѣ таковые имѣлись.

2) Hundret-rate служила для покрытія разныхъ fines и amerciaments, слѣдовавшихъ съ сотни для содержанія сотеннаго суда, для возмѣщенія издержекъ, которыя падали на Chief Constable со времени введенія миллиціонной системы, для содержанія мостовъ, по сколько таковое лежало на обязанности сотни и, наконецъ, для нѣкоторыхъ расходовъ графства, о которыхъ будетъ упомянуто ниже. Распредѣленіемъ этой подати между отдѣльными населенными мѣстами завѣдывалъ, повидимому, въ началѣ Bailif, а впослѣдствіи Chief Constable. Такимъ путемъ она тоже пріобрѣтаетъ характеръ *мѣстнаго взноса*, (называется она Town cess) и входитъ въ составъ остальныхъ налоговъ, уплачиваемыхъ общиной. Впервые упоминается она 13 Edw. I. c. b.

3) County Rate служитъ для покрытія тѣхъ fines and amerciaments, которыя уплачиваются графствами, а также идетъ на нѣкоторые расходы по содержанію судовъ графства, мостовъ и милиціи. Взыманіе Countyrate повидимому производилось первоначально черезъ шерифовъ, которые распредѣляли ее между сотнями. Правда, на 3-мъ году царствованія Эдуарда I было издано постановленіе (c. 16. 18), которымъ распредѣленіе этихъ платежей между единичными обывателями возлагалось на странствующихъ судей; но такъ какъ подобная раскладка оказалась, повидимому, невыполнимой, то на практикѣ продолжали въ большинствѣ случаевъ придерживаться стараго способа; платежи распредѣлялись по сотнямъ, а эти послѣднія перераспредѣляли ихъ между отдѣльными населенными мѣстностями, при чемъ устанавливалась разъ на всегда опредѣленная пропорція обложенія для данной мѣстности. Но именно вслѣд-

ствіе того, что пропорція эта не измѣнялась, на мѣстную общину падала обязанность производить оцѣнку платежныхъ силъ своихъ отдѣльныхъ членовъ. Раскладки денежныхъ повинностей, которыя общинѣ такимъ образомъ то и дѣло приходилось производить, развивали практическую наметанность въ дѣлѣ о взаимной оцѣнки имущественной состоятельности между сосѣдями, чему еще ранѣе не мало способствовали норманскіе inquests. Постепенно возраставшіе расходы по содержанію дорогъ, милиціи, а также возложенная впослѣдствіи на общины поставка вооруженныхъ людей, вызвали образованіе мѣстныхъ комитетовъ, спеціально завѣдывавшихъ раскладкою повинностей и называвшихся Comitees of assessment [4]).

Между тѣмъ приближалось время когда услуги *общинныхъ комитетовъ* должны были понадобиться и для цѣлей *общегосударственнаго податнаго обложенія*. Взысканіе scutagia при посредствѣ vicecomes, правда, все еще производилось на основаніи данныхъ, имѣвшихся въ ленныхъ росписяхъ, но при этомъ частые переходы ленныхъ владѣній изъ однихъ рукъ въ другія, а также дробленіе ихъ на болѣе мелкіе участки вызывали безпрестанныя пререканія и давали большой просторъ произволу. По этому, уже въ довольно ранній періодъ, переговоры объ этомъ предметѣ съ рыцарями и городами были возложены вмѣсто шерифа на чиновниковъ казначейства, совершавшихъ объѣзды. Для разрѣшенія наиболѣе крупныхъ споровъ нерѣдко созывались juries of inquiry. Но послѣ того, какъ на Assize of arms въ 1181 г. была введена милиціонная повинность съ градаціями, сообразовавшимися съ имущественною самостоятельностью лицъ подлежавшихъ ей, Генриху II волей неволей

---

[4]) Главными источниками по исторіи возникновенія этой системы налоговъ въ графствахъ, сотняхъ и отдѣльныхъ населенныхъ мѣстностяхъ послужили автору Report on Local Taxation 1843, p. 5—7, и записка бюро, завѣдующаго примѣненіемъ закона о бѣдныхъ, составленная въ 1846 по вопросу о мѣстныхъ налогахъ, (On Local Taxes, p. 45). Отсутствіе законодательныхъ постановленій о распредѣленіи податей доказываетъ только, что въ дѣлѣ этого распредѣленія руководились общими началами, положенными въ основу ленныхъ обязательствъ и судебной повинности. Въ вышеупомянутомъ Report указаны нижеслѣдующіе законы, предполагающіе существованіе денежныхъ повинностей въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ: St. 52 Henr. III. c. 24, касающійся тѣхъ взносовъ, которые общины должны были дѣлать за неявку судебныхъ мужей на слѣдствія чинимыя шерифомъ или коронеромъ; за тѣмъ законъ 25 Edw. I c. 12, 22 (Magna Charta), по которому воспрещается понуждать общины къ сооруженію мостовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта обязанность не была на нихъ возложена со времени Генриха II. Изъ приведенныхъ цитатъ явствуетъ, что средневѣковые законы касались этого предмета лишь случайно, на сколько это было нужно для устраненія единичныхъ злоупотребленій. Между тѣмъ ни одна податная система не выростаетъ сама собою, какъ результатъ однихъ только данныхъ естественныхъ условій. Въ настоящемъ случаѣ двигающею пружиной, подъ дѣйствіемъ которой сложились милиціонныя, судебныя и полицейскія повинности, была норманская система управленія, съ присущимъ ей началомъ пеней.

пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію извѣстнаго числа присяжныхъ рыцарей и legales homines, образовавшихъ изъ себя нѣчто, въ родѣ общиннаго комитета. Когда же вслѣдъ за этимъ сборъ «Саладиновой десятины» 1187 г., сборъ съ населенія суммы, требовавшейся на выкупъ Ричарда I изъ плѣна и, наконецъ, введенная въ тоже царствованіе (1198 г.) всеобщая подать carucagia повлекли за собою совсѣмъ новые способы раскладки податей, при чемъ нормою обложенія принималось *количество гуфеновъ и доходность земель*,—тогда привлеченіе къ этому дѣлу рыцарей графства и другихъ личностей стало необходимо уже просто въ видахъ чисто практическихъ соображеній. Система эта продолжала существовать и при Генрихѣ III. Для распредѣленія carucagium 1221 года., постановлено было, чтобы два рыцаря были избраны въ судѣ графства, при полномъ составѣ его членовъ «сообразно съ желаніемъ и по совѣту онаго суда.» При собираніи подоходнаго налога въ 1225 г. ($\frac{1}{15}$) обложеніе производилось на основаніи показанія самихъ плательщиковъ, даваемаго подъ присягой. Спорные вопросы разрѣшались присяжными, самый сборъ былъ возложенъ въ каждой общинѣ на старосту и его четырехъ помощниковъ, а собранныя деньги вручались въ каждой сотнѣ четыремъ рыцарямъ графства (Charters 355). Подоходный налогъ 1232 г. ($\frac{1}{10}$) распредѣлялся старостою и четырьмя выборными отъ общины, носившими названіе essessors, а собранныя суммы сдавались комиссіи изъ четырехъ рыцарей и одного духовнаго лица (Charters 366). Въ этомъ видѣ раскладочныя комиссіи продолжаютъ существовать во все царствованье Эдуарда I почти не измѣняясь въ существеннѣйшихъ своихъ чертахъ; между прочимъ онѣ служатъ и въ городахъ для раскладки введеннаго въ то время налога на соль. Начиная съ 25 года царствованія Эдуарда I общинные комитеты становятся постояннымъ учрежденіемъ. Было издано королевское повелѣніе, требовавшее, чтобы въ каждой общинѣ выбирались четыре человѣка, которые обязаны были представлять произведенныя ими раскладки на разсмотрѣніе властей графства, а эти послѣднія, въ свою очередь, обязаны были объѣзжать сотни и отдѣльныя общины, чтобы выслушивать жалобы и исправлять ошибки, которыя могли вкрасться въ оцѣнку имущественной состоятельности плательщиковъ. Девять лѣтъ спустя въ (1306 г.) издается новое повелѣніе, по которому каждая сотня должна была выбирать комиссію изъ двѣнадцати присяжныхъ, а эти послѣдніе—составлять раскладки и препровождать ихъ къ оцѣнщикамъ графства. Съ этою цѣлью члены коммиссіи, избранной сотнею, должны были объѣзжать всѣ общины и, при содѣйствіи provost и четырехъ выборныхъ отъ общины производить правильную оцѣнку имущественной состоятельности плательщиковъ. За тѣмъ, комиссія, завѣдующая раскладкой

въ цѣломъ графствѣ, снова объѣзжаетъ всѣ сотни и общины и удостовѣряется въ томъ, что оцѣнка произведена справедливо. Чѣмъ чаще графства и сотни, въ видахъ упрощенія дѣла, условливались между собою установить постоянные размѣры взноса для общинныхъ налоговъ, тѣмъ ближе придвигалось установленіе такого порядка, при которомъ соотвѣтствующіе размѣры долженствовали быть перенесены и на государственные подати. На восьмомъ году царствованія Эдуарда III было произведено въ обширныхъ размѣрахъ распредѣленіе податей между отдѣльными общинами въ видѣ опредѣленныхъ, постоянныхъ суммъ, и съ этой поры вошло въ обычай оцѣнивать платежную состоятельность городовъ и сельскихъ обществъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ той пропорціи, которую причитающіеся съ нихъ налоги представляютъ по отношенію къ остальнымъ. Распредѣленіе же налоговъ между отдѣльными плательщиками и взысканіе съ этихъ послѣднихъ наложенныхъ суммъ, было по прежнему предоставлено самой общинѣ [4a]).

[4a]) О тѣхъ пріемахъ, которые употреблялись при первоначальныхъ попыткахъ обложенія общей суммы доходовъ съ движимой собственности смотри у Пальгрева, Commonwealth I. 275. При этихъ первыхъ попыткахъ придерживались слѣдующихъ трехъ способовъ: 1) Всѣхъ обывателей, жившихъ на землѣ данной мѣстности (за исключеніемъ коронныхъ вассаловъ) заставляли подъ присягою показывать о размѣрахъ ихъ доходовъ, какъ то, напр. было сдѣлано въ восьмомъ году царствованія Іоанна. 2) Назначалась комиссія изъ членовъ общины, (inquest) на которую возлагали обязанность производить провѣрку обывательскихъ показаній въ случаѣ, если показанія эти, данныя подъ присягой, возбуждали споры или сомнѣнія въ ихъ достовѣрности; такого рода пріемъ былъ употребленъ на девятомъ году царствованья Генриха III. 3) Или же наконецъ, оцѣнка доходовъ производилась непосредственно чрезъ inquests, въ составъ которыхъ входили представители отдѣльныхъ населенныхъ мѣстностей и сотенъ; послѣдній способъ былъ употребленъ на шестнадцатомъ году царствованья Генриха III и за тѣмъ къ нему неоднократно прибѣгали вплоть до воцаренія Эдуарда II. За этотъ промежутокъ времени пришлось совершенно упразднить участіе vicecomes при раскладкахъ, такъ какъ не было конца жалобамъ, раздававшимся противъ нихъ. Что касается странствующихъ судей, то они, по незнанію мѣстныхъ условій и личностей, не могли удовлетворительно исполнять этого рода обязанности. Такимъ образомъ, потребность, дававшая себя чувствовать въ теченіи долгаго промежутка времени, заставила по необходимости обратиться къ системѣ inquests. Жалобы на то, что состоятельность однихъ плательщиковъ оцѣнена слишкомъ высоко, а другихъ—слишкомъ низко, восходили даже до государственнаго казначейства, которое издало такъ называемый writ of aequaliter taxandum. (Coke II. Inst. 77.) Община же, съ своей стороны, могла производить взысканіе причитающейся съ нея общей суммы налоговъ посредствомъ заклада движимыхъ имуществъ, или же при помощи гражданскихъ исковъ. (Heyburn v. Keulow. Mich. 14 Edw. II B. R. Rot. 60). Наиболѣе существенными указаніями относительно раскладки налоговъ при Эдуардѣ I мы обязаны сочиненію Т. Смита, (T. Smith, Parish 1857) въ которомъ авторъ особенно тщательно разработалъ матеріалъ, представляемый такъ называемыми inquisitiones nonarum. Эти inquisitiones nonarum (см. Cooper, Account I. 286—293) были вызваны закономъ, который былъ изданъ на 14-мъ году царствованья Эдуарда III (st. l. c. 20) и предоставлялъ королю право взымать на чрезвычай-

V. Послѣ того какъ болѣе мелкія группы, входившія въ составъ графства, образовали изъ себя прочное органическое цѣлое во всемъ, что касается воинской службы, судебной и полицейской организаціи, а также налоговъ, подобная-же *система группировки по округамъ распространяется и на значительное число городовъ;* тутъ она, въ большинствѣ случаевъ, примѣняется въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, но принципъ остается тотъ же и организація городовъ представляетъ въ малыхъ размѣрахъ сколокъ съ организаціи графствъ.

1) Въ томъ, что касается *милиціи*, города являются составною частью того графства въ которыхъ они находятся; точно такъ же, какъ и сельскіе округа они поставляютъ свой контингентъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, приходамъ и сотнямъ. Только въ Лондонѣ устройство милиціи отличалось нѣкоторыми особенностями, которыя обусловливались тѣмъ, что графство Мидльсэксъ было соединено съ городскимъ управленіемъ. Небольшое число другихъ городовъ въ описываемый нами періодъ получило хартіи, даровавшія имъ «права отдѣльнаго графства» вслѣдствіе чего они обязаны были имѣть и особую городскую милицію.

2) Что касается *устройства судебной части*, то уже въ предшествующій періодъ главной отличительной чертой городской организаціи сдѣлалось обладаніе особымъ court leet. Нѣкоторымъ городамъ была дарована и гражданская юрисдикція по новому образцу, съ особыми судьями и присяжными. Но наиболѣе крупныя гражданскія и уголовныя дѣла обыкновенно разбирались странствующими судьями при содѣйствіи присяжныхъ, которые брались изъ совокупности всего населенія графства.

3) Въ *полицейскомъ управленіи* городовъ такъ же, какъ и въ графствахъ, замѣчается постепенное вытѣсненіе Court leet мировыми судьями. Число городовъ, въ которыхъ Court leet игралъ еще

ныя военныя и государственныя надобности $^1/_{0}$ и $^1/_{15}$ съ доходовъ обывателей; при этомъ муниципальные доходы были обложены въ размѣрѣ $^1/_{9}$ съ приплода овецъ и со сбора шерсти; бѣднѣйшіе изъ жителей были изъяты отъ обложенія. Въ тоже время духовенство согласилось давать одну десятую со своихъ доходовъ по оцѣнкѣ 1292 г. Все это повлекло за собою весьма сложную раскладку, для чего и были назначены послѣдовательно одна за другой три коммиссіи. Въ каждомъ графствѣ раскладкою завѣдывали такъ называемые assessors и venditors, избиравшіеся изъ среды наиболѣе уважаемыхъ личностей и назначавшіеся поименно; подъ наблюденіемъ этихъ должностныхъ лицъ присяжные опредѣляли девятую долю зерноваго хлѣба, овецъ и шерсти, а такъ же цифру старинной церковной подати и ея отношеніе къ девятой долѣ дѣйствительныхъ церковныхъ доходовъ. Въ англійскомъ государственномъ казначействѣ до сихъ поръ еще хранятся отчеты о разслѣдованіяхъ этого рода, произведенныхъ въ 27 графствахъ и эти то отчеты и были напечатаны въ 1807 году подъ названіемъ „nonarum inquisitiones“.

видную роль, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ концу среднихъ вѣковъ было незначительно. Всѣ наиболѣе важныя дѣла, вѣдавшіяся этимъ учрежденіемъ переходятъ въ руки мировыхъ судей, избираемыхъ для всего графства и власть которыхъ, по категорическому выраженію закона, дѣйствительна какъ *въ районѣ мѣстностей, подлежавшихъ прежнему патримоніальному суду* (liberties) *такъ и за ихъ предѣлами*; а слѣдовательно распространялось и на городскіе особые округа. Отсутствіе возраженій противъ такого порядка вещей со стороны городовъ объясняется добрымъ согласіемъ, установившимся между рыцарями и городами, а такъ же соображеніями практическаго удобства и цѣлесообразности. Къ тому же въ составъ коммиссіи мировыхъ судей входили полноправными членами наиболѣе уважаемые владѣльцы недвижимой собственности и наиболѣе свѣдущіе юристы города. Начиная съ царствованья Ричарда II во всѣхъ позднѣйшихъ городскихъ хартіяхъ упоминается объ *особыхъ* коммиссіяхъ мировыхъ судей, періодическія собранія которыхъ, происходящія чрезъ каждые три мѣсяца, получаютъ характеръ регулярнаго суда, съ особымъ спискомъ присяжныхъ, составляющимся отъ города. Но рядомъ съ этимъ учрежденіемъ обыкновенно удерживалась и юрисдикція мировыхъ судей графства, которые по отношенію къ спеціально городскимъ мировымъ оудамъ, являлись соперничеющей властью. Для надобностей торговой полиціи существовала должность базарнаго клерка; это было особсе судебное учрежденіе, которое подъ названіемъ court fo the clerk of market налагало наказанія за извѣстные проступки противъ торговаго устава, а подъ названіемъ court of piepowder, занималось разбирательствомъ различныхъ торговыхъ споровъ и слѣдило за правильностью мѣръ и вѣсовъ.

4) Въ дѣлахъ касающихся *раскладки и взиманія налоговъ*, лишь самые небольшіе города приравнены по своему значенію къ отдѣльному населенному мѣсту; нѣсколько болѣе значительные города соотвѣтствовали приходу, а большинство городовъ стояло на положеніи сотни; Лондонъ и нѣкоторые другіе большіе центры считались за цѣлое графство.

При этой системѣ число мѣстечекъ (boronghs) значительно возросло. Въ царствованье Эдуарда I насчитываютъ до 54 новыхъ boroughs; при Эдуардѣ II ихъ прибавилось еще 16, при Эдуардѣ III—28, при Генрихѣ IV—3, при Генрихѣ VI—4, при Эдуардѣ IV—2, такъ, что уже къ концу среднихъ вѣковъ насчитывалось болѣе двухъ сотъ мѣстностей, имѣвшихъ нѣчто въ родѣ городскаго устройства [5]).

[5]) О распространеніи самоуправленія на городскія общины см. Gneist, Geschichte der Communalverfassung 194—204. Съ точки зрѣнія государственнаго

Таковы основы англійскаго selfgovernment, благодаря которымъ центральное управленіе образовало *одно, прочно сплоченное цѣлое съ мѣстными учрежденіями графствъ;* при помощи этихъ то началъ землевладѣльческіе и промышленные классы общества, не взирая на интересы, обособлявшіе ихъ другъ отъ друга, соединились для исполненія общихъ своихъ обязанностей передъ государствомъ и, проникнувшись чувствомъ общихъ своихъ обязанностей и духомъ солидарности, сдѣлались способными принять участіе въ государственной дѣятельности. Признаніе свободы личности, заключав-

---

управленія эти общины представляютъ уже вторую ступень. Для того, чтобы общины могли сдѣлаться органомъ государственной власти въ дѣлѣ примѣненія послѣднею ея верховныхъ правъ, необходимо было, чтобы образовались болѣе крупные союзы общинъ. По этому въ основѣ англійскаго самоуправленія лежитъ не община отдѣльной населенной мѣстности, другими словами союзъ округовъ, а административный округъ. Собственно говоря изо всѣхъ городовъ только Лондонское City представляло вполнѣ всѣ признаки союза округовъ. Разсматривая организацію городскаго управленія въ нисходящемъ направленіи вплоть до мелкихъ мѣстечекъ, которыя въ то время были такъ многочисленны, мы видимъ что организація эта по всюду представляла лишь весьма неполное примѣненіе къ мѣстному союзу системы союзовъ между округами (selfgovernment). Основныя *юридическія начала, на которыхъ было построено управленіе городовъ*, можно свести, какъ то и дѣлаютъ Стефенъ и Мервезеръ, на тѣ же самые принципы, которые были приняты и въ предыдущемъ періодѣ, а именно:

1) Города образуютъ особый court leet или какой либо другой самостоятельный судебный округъ. Но при этомъ изслѣдователи обыкновенно недостаточно принимаютъ во вниманіе, что введеніе института присяжныхъ и мировыхъ судей существенно измѣнило какъ характеръ судебныхъ учрежденій въ предѣлахъ общины, такъ и вообще роль городскихъ классовъ населенія. Строго говоря, жизненный пульсъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденій слѣдуетъ искать въ ассизахъ, мировыхъ судьяхъ и присяжныхъ. Но leet jury сохраняло право предлагать кандидатовъ на должность mayor и provost, что впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ видоизмѣнилось въ томъ смыслѣ, что leet jury стало прямо избирать упомянутыхъ должностныхъ лицъ; въ другихъ же мѣстахъ роль упомянутаго учрежденія по прежнему ограничивалась простымъ предложеніемъ кандидатовъ. (Scriven, Carpyhold II 860). Судебные мужи, входящіе въ составъ leet пользуются правомъ въ дѣлахъ, касающихся исполненія возложенныхъ на нихъ полицейскихъ обязаностей, издавать постановленія, такъ называемыя byelaws, которыя въ предѣлахъ данной мѣстности имѣютъ обязательную силу.

2) Мѣстечки (boroughs) все еще остаются на положеніи firma burgi. Но Мервезеръ недостаточно подчеркнулъ тотъ фактъ, что право утвержденія налоговъ, присвоенное графствамъ и городамъ, существенно измѣнило это положеніе мѣстечекъ.

3) Городское сословіе по прежнему состоитъ изъ домохозяевъ (hauseholders) имѣющихъ въ городѣ недвижимую собственность и участвующихъ въ Scot и Lot. Въ королевскихъ повелѣніяхъ изъ эпохи дома Ланкастеръ перечисляются все еще старые признаки принадлежности къ городскому сословію, а именно: being sroorn to the king and the town; living by their livelihood, merchandise or crafts; householding in their own persons und names; bearing also tax and talliage, lot and scot.

Изслѣдователями было не разъ замѣчено, что англійскіе города не пріобрѣли того значенія, какое они имѣли на континентѣ. Ихъ стремленіе къ обособленію продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ старый режимъ областныхъ начальниковъ. Но какъ скоро, со введеніемъ общегосударственныхъ центральныхъ

шееся въ хартіи вольностей, естественно вытекаетъ изъ той политической свободы, которая привлекала среднія сословія, по сколько они входили въ составъ графства и городскихъ союзовъ, къ участію въ общегосударственномъ управленіи. Государство, укрѣпленное такимъ образомъ связью съ народнымъ элементомъ, отнынѣ твердо начало вступать на путь своеобразнаго національнаго развитія, рѣзко отличающагося отъ того пути, которому слѣдовали культурныя государства европейскаго материка ***).

судовъ и съ измѣненіемъ въ положеніи шерифовъ, исчезли причины, пораждавшія это стремленіе, города безъ всякаго протеста вступаютъ въ общую организацію графства во всемъ что касается милиціи и другихъ отраслей управленія, сохраняя за собою лишь нѣкоторыя льготы. Ихъ участіе въ жюри и въ мировыхъ судахъ, а такъ же равенство податнаго обложенія, поддерживало живое общеніе между ними и рыцарями; съ другой стороны торговля и ремесла съ поконъ вѣка существовали и въ селахъ, а многіе землевладѣльцы, наоборотъ, имѣли дома и въ городахъ. Землевладѣльцы, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась высшая полицейская власть, съумѣли пріобрѣсти себѣ своимъ управленіемъ популярность и почетъ. Словомъ, здѣсь отсутсвовали всѣ тѣ мотивы, которые въ Германіи вынуждали города превращаться фактически и юридически въ укрѣпленные пункты, такъ какъ безъ этого имъ пришлось бы подпасть незавидной долѣ сельскаго населенія. Поэтому то въ Англіи, въ противоположность Германіи, собственно городское управленіе является наиболѣе слабою стороною self-guvernment'a и этимъ отчасти объясняется то подчиненное положеніе, которое представители городовъ занимали въ парламентахъ, не взирая на свой численный перевѣсъ.

***) Незамѣтное для поверхностнаго взгляда, но чрезвычайно важное значеніе этого періода вполнѣ вѣрно оцѣнено въ Исторіи Маколэя, (гл. I, med.). „Какъ ни темна (?) и ни суха эта часть нашихъ лѣтописей, говоритъ упомянутый авторъ, все же именно въ этой эпохѣ должны мы искать колыбель нашей свободы, нашей славы и нашего благополучія. Именно въ ту пору слагался великій англійскій народъ, начинали выработываться особенности національнаго характера и отцы наши сдѣлались островитянами въ полномъ значеніи этого слова, не только по географическому своему положенію, но и по своей политикѣ, складу чувствъ и нравамъ. Тутъ только впервые обрисовалась въ опредѣленныхъ чертахъ та конституція, которая не взирая на цѣлый рядъ послѣдующихъ перемѣнъ, всегда оставалась вѣрна самой себѣ въ основныхъ своихъ началахъ; та конституція, которая послужила прототипомъ для всѣхъ другихъ свободныхъ государственныхъ учрежденій цѣлаго міра и которую, не взирая на нѣкоторые свои недостатки, мы все-таки должны признать лучшею изъ всѣхъ организацій, когда либо сплачивавшихъ большое государство и дававшихъ ему возможность существовать въ теченіи многихъ вѣковъ. Именно въ ту пору, о которой мы говоримъ, палата общинъ, этотъ первообразъ всѣхъ современныхъ представительныхъ собраній стараго и новаго свѣта, имѣла свои первыя засѣданія. Именно въ ту пору общее право возвысилось до значенія науки и сразу стало достойнымъ соперникомъ римской юриспруденціи. То была пора, когда благодаря отвагѣ моряковъ, пускавшихся въ плаванье на неуклюжихъ баркахъ изъ гаваней пяти главныхъ портовыхъ городовъ, впервые флагъ Англіи сталъ наводить ужасъ на моряхъ. То была пора когда въ обоихъ національныхъ центрахъ учености основывались древнѣйшія изъ нынѣ существующихъ коллегій. То была пора, когда выработывался англійскій языкъ, менѣе музыкальный, чѣмъ языки юга, но по силѣ, богатству и способности выражать самые высокіе порывы поэта, мыслителя и оратора, не уступающій языку Греціи. Наконецъ, то была пора, когда появились первые зачатки той благородной ли-

На этихъ то основахъ возникаетъ вмѣсто правленія, проникнутаго началами абсолютизма, *конституціонное правленіе руководящееся законами.* Новый режимъ создаетъ рядъ прочныхъ государственныхъ учрежденій, которыя осуществляютъ гарантіи, дарованныя Magna Charta какъ въ томъ, что касается правъ отдѣльныхъ личностей, такъ и въ томъ, что относится до участія общества въ дѣлахъ государства. Средства, которыми была достигнута эта цѣль, сводятся на нижеслѣдующее:

1) Постановленіе судебныхъ приговоровъ сосредоточивается въ постоянныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ коллегіальный характеръ, а именно, въ *общегосударственныхъ центральныхъ судахъ*, которые являются самымъ прочнымъ созданіемъ эпохи первыхъ парламентовъ (§ 20).

2) Руководство высшими государственными дѣлами сосредоточивается въ коллегіальномъ *государственномъ совѣтѣ*, такъ называемомъ Continual Councіl (§ 21).

3) Участіе высшаго духовенства и бароновъ въ управленіи государствомъ получаетъ болѣе правильную форму благодаря періодическому призыву тѣхъ и другихъ въ королевскій совѣтъ; совокупно съ этимъ послѣднимъ они образуютъ Parlimaentum и Magnum Concilium, который къ концу этого періода превращается въ наслѣдственное совѣщательное учрежденіе (§ 22).

4) Участіе Communitates въ управленіи государствомъ оформливается въ Hause of Commoners (§ 23).

Но весь этотъ процессъ постепенной выработки представительнаго правленія ограничивается чисто свѣтской стороной государственной дѣятельности; система же *церковнаго* управленія за этотъ періодъ все болѣе и болѣе изолируется отъ новыхъ учрежденій.

---

§ 20.

Центральные общегосударственные суды.

Courts of Common Law.

При Эдуардѣ I забота объ обезпеченіи отправленія правосудія начинаетъ проявляться въ духѣ, совершенно согласномъ съ началами истиннаго монархизма. Основою правосудія служатъ въ эту эпоху

тературы, одной изъ самыхъ блестящихъ и долговѣчныхъ, какія мы только знаемъ, которая составляетъ гордость Англіи".

Что касается „темноты", на которую, жалуется Маколей, то знакомство съ основами, на которыхъ возникъ этотъ государственный строй, проливаетъ достаточно свѣта на большинство неясныхъ мѣстъ.

три коллегіальныя учрежденія, составленныя изъ коронныхъ чиновниковъ и извѣстныя подъ названіемъ «Court of King's Bench» «Court of Common Pleas» и «Court of Exchequer.» Эти три учрежденія мы можемъ назвать обще государственными судами и юрисдикція ихъ распространяется на все королевство; но рядомъ съ ними продолжаютъ существовать и нѣкоторые спеціальные суды, ведущіе свое начало отъ норманскаго феодальнаго строя; къ этимъ послѣднимъ мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи.

1. Court of King's Bench успѣлъ уже при Генрихѣ III сложиться въ коллегіальный королевскій судъ съ довольно постояннымъ составомъ членовъ, при чемъ король оставлялъ за собою право лично предсѣдательствовать въ засѣданіяхъ, буде онъ того пожелаетъ. Сообразно съ этимъ, «Court of King's Bench» долженъ былъ всюду слѣдовать за особой короля, въ качествѣ Curia coram Rege ubicunque fuerimus in Anglia. Въ составъ суда входятъ 4 или 5 Justiciarii, предсѣдатель которыхъ со временъ Эдуарда I носитъ названіе Capitalis Justiciarius ad placita coram Rege tenenda, и является въ нѣкоторомъ родѣ преемникомъ стариннаго верховнаго судьи, при чемъ власть его однако простирается лишь на судебныя дѣла. Этотъ королевскій судъ совмѣщаетъ въ себѣ нижеслѣдующіе аттрибуты:

1) Онъ вѣдаетъ такъ называемыя placita coronae, т. е. уголовныя дѣла, со включеніемъ и болѣе мелкихъ проступковъ, при чемъ, однако, дѣла этого послѣдняго рода могутъ быть разбираемы и на періодическихъ сессіяхъ мировыхъ судей, происходящихъ черезъ каждые три мѣсяца.

2) Въ рукахъ его сосредоточивается полицейская власть, которая искони была связана съ отправленіемъ уголовнаго правосудія. Судьи, въ силу самой должности, занимаемой ими, считаются высшими conservatores paces.

3) Ему же присвоивается на основаніи органическихъ законовъ государства значеніе высшей инстанціи по отношенію къ второстепеннымъ судамъ. Въ этомъ то смыслѣ Брэктонъ называетъ судей «capitales, generales, perpetui et majores, a latere Regis residentes, qui omnium aliorum corrigere tenentur, injurias et errores,—т. е. высшей инстанціей для остальныхъ судовъ страны, за исключеніемъ Exchequer (казначейства), который сохраняетъ характеръ верховной счетной палаты *).

---

*) Возникновеніе королевскаго суда King's Bench находится въ связи съ упраздненіемъ должности Capitalis Justiciarius Angliae. Послѣ битвы при Ивесгэмѣ Генрихъ III никого уже болѣе не назначалъ на эту должность. Но въ 52 Henr. III мы видимъ, что Робертъ де Брьюзъ назначается королевскимъ патентомъ въ должность Capitalis Justiciarius ad placita coram Rege tenenda и на-

II. Court of Common Pleas представляетъ собою постоянное судебное учрежденіе для разбора такихъ гражданскихъ дѣлъ между частными лицами, въ которыхъ не затрогивается никакое королевское право. Это судебное учрежденіе, начиная съ царствованія Эдуарда I, тоже имѣетъ своего особаго президента, носящаго названіе Capitalis Justiciarius и обычнымъ мѣстомъ его засѣданій служитъ Уэстминстеръ. Для противодѣйствія черезмѣрной централизаціи глостерскимъ статутомъ, изданнымъ на 6-мъ году царствованія Эдуарда I с. 8, было запрещено Королевскимъ центральнымъ судомъ, общимъ для всего государства, принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла по долговымъ обязательствамъ на суммы ниже 40 шиллинговъ. Остальныя же, болѣе мелкія дѣла остаются въ вѣдѣніи суда, существу-

---

именованіе это съ той поры становится оффиціальнымъ титуломъ президента королевскаго суда, который отнынѣ уже не играетъ роль королевскаго намѣстника въ общихъ государственныхъ дѣлахъ, а лишь заступаетъ мѣсто короля въ области правосудія см. Foss, the Judges of England. II. 135. III. 18. Что касается судей, участвующихъ въ засѣданіяхъ помимо президента, то ихъ при Эдуардѣ I бывало обыкновенно 4, но въ послѣдніе годы его царствованія только три; при Эдуардѣ III ихъ полагается въ началѣ трое, но за тѣмъ число ихъ снова увеличивается до четырехъ см. Foss, III. 19, 342. Фортескью въ половинѣ XV столѣтія говоритъ, что въ судѣ King's Bench засѣдаютъ четыре судьи, а иногда пять. О компетенціи суда King's Bench ср. Reeves II, 227, 248. Если король находился въ предѣлахъ государства, то судъ по норманскому обычаю все еще обязанъ всюду слѣдовать за королемъ. Эдуардъ I и Эдуардъ III продолжали настаивать на этомъ, не взирая на петиціи парламента см. Foss. III. 339. Даже при Ричардѣ II судъ все еще перекочевывалъ въ Ковентри и Уорчестеръ. Но во второй половинѣ этого періода на практикѣ устанавливается правило, чтобы судъ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Уэстминстерѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ будетъ вынужденъ войною или какимъ нибудь общественнымъ бѣдствіемъ перенести свои засѣданія въ другое мѣсто. Отъ традиціоннаго права лично предсѣдательствовать въ судѣ короли никогда формально не отказывались. Король Іоаннъ часто присутствовалъ на засѣданіяхъ въ промежутокъ временъ между пятымъ и шестымъ годомъ его царствованія, (см. Foss. II. 4.) — такъ же лично совершалъ объѣзды въ сопровожденіи нѣкоторыхъ своихъ совѣтниковъ. Генрихъ III въ иныхъ, особенно важныхъ, случаяхъ тоже принималъ личное участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ; такъ было, напримѣръ, въ процессѣ, начатомъ противъ уинчестерскихъ гражданъ, которыхъ король подвергъ наказанію по всей строгости законовъ. См. Palgrave I. 292. При Эдуардахъ I и II еще встрѣчаются нѣкоторые единичные случаи личнаго предсѣдательствованья короля, (см. Palgrave, Privy Council 62). Королевскіе объѣзды, пока странствующіе судьи продолжаютъ существовать въ видѣ отдѣльнаго института, тоже совершаются отъ времени до времени вплоть до вступленія на престолъ Эдуарда III. Palgrave, Commonwealth I. 292. Даже послѣ того, какъ спеціальная должность странствующихъ судей была упразднена, король иногда еще принималъ участіе въ объѣздахъ, circuits, своихъ коронныхъ судей. Но при Генрихѣ VI, по свидѣтельству Фортескью, уже вывелось изъ обычая для королей Англіи самолично творить судъ и произносить приговоры. (Foss. IV. 215). Разсказываютъ, правда, что Эдуардъ IV однажды провелъ три дня на засѣданіяхъ King's Bench но сдѣлалъ онъ это лишь для того, „чтобы посмотрѣть, какъ примѣняются его законы“. (Allen, Prerogative 93). И такъ, на практикѣ, въ концѣ концовъ возстановляется то формальное положеніе, которое королевская власть занимала въ старину въ области отправленія правосудія.

ющаго въ каждомъ отдѣльномъ графствѣ и другихъ мѣстныхъ судовъ. Тѣмъ не менѣе, количество дѣлъ, разбиравшихся въ Court of Common Pleas, такъ возросло, что уже въ царствованіе Эдуарда II число судей пришлось увеличить съ 3 до 6, а порой ихъ назначалось до 7 человѣкъ. На жалобы, приносимыя со стороны государственныхъ чиновъ получаются многократныя обѣщанія, что communia placita впредь будутъ разсматриваться уже не въ судѣ казначейства. Личное участіе короля въ отправленіяхъ правосудія по дѣламъ этого рода тоже прекращается *).

III. Court ef Exchequer въ разсматриваемый нами періодъ выдѣляется изъ центральнаго административнаго управленія казначейства и образуетъ судебное учрежденіе по финансовымъ дѣламъ. Для того, чтобы основныя права, обезпеченныя Magna Charta могли осуществиться, необходимо было ввести для значительной части дѣлъ казначейства видоизмѣненный порядокъ производства. Magna Charta требовала, чтобы дѣла, касающіяся свободныхъ людей и свободной недвижимой собственности, рѣшались во всякое время «сообразно съ законами страны и при соблюденіи издавна устано-

---

*) Организація Court of Common Pleas, какъ самостоятельнаго учрежденія, ведетъ свое начало, по превосходнымъ изслѣдованьямъ Фосса (см. Foss. II. 160), лишь со времени изданія Magna Charta. Германское представленіе о должности судьи и стремленіе устранить вліяніе королевской милости или немилости, начинаютъ съ той поры оказывать болѣе сильное вліяніе на дѣла. Необходимость прочнаго установленія судопроизводства въ спорахъ по гражданскимъ и имущественнымъ дѣламъ особенно сильно ощущалось при системѣ правленія, господствовавшей при королѣ Іоаннѣ, которому на одинадцатомъ году его царствованья случилось творить судъ и расправу не менѣе, какъ въ 24-хъ различныхъ мѣстахъ. Это-то и заставило включить въ Magna Charta слѣдующую статью: „Communia placita non sequantur curiam Regis, sed teneantur in aliquo certo loco“. При Генрихѣ III это обѣщаніе было до извѣстной степени исполнено тѣмъ, что для разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ было учреждено особое отдѣленіе королевскаго суда, имѣвшее свое пребываніе въ Уэстминстерѣ. Но не ранѣе, какъ по вступленіи на престолъ Эдуйрда I. Жильбертъ де Престонъ формально возводится въ званіе Capitalis Justiciarius этого отдѣленія. (см. Foss. III. 20). Число судей, участвующихъ въ засѣданіяхъ помимо президента, колебалось при Эдуардѣ I между 4 и 6. При Эдуардѣ II ихъ было обыкновенно 6, но въ періодъ между шестымъ и девятымъ годомъ царствованія этого короля былъ прибавленъ еще седьмой судья. При Генрихѣ VI число ихъ сразу возросло до 8. На оффиціальномъ языкѣ судъ этотъ обозначается какъ „Commune Bancum“, въ противуположность суду King's Bench, который называется „bancum regis“ или „bancum nostrum“. Обѣщаніе, данное въ Magna Charta, что судъ по гражданскимъ дѣламъ будетъ имѣть постоянное мѣстопребываніе, не соблюдалось буквально: засѣданія суда неоднократно переносились изъ одного мѣста въ другое а именно изъ Уэстминстера въ Іоркъ. (См. Фоссъ II. стр. 135, 175, 177. III. стр. 1, 16 343. IV. стр. 13). Но во второй половинѣ этого періода пребываніе суда въ Уэстминстерѣ становится правиломъ, которое соблюдается, можно сказать, постоянно. Постановленіе, ограничившее компетенцію суда of Common Pleas исками свыше 40 шиллинговъ, на практикѣ было малодѣйствительно; его обходили при помощи различныхъ фикцій (см. Blackstone III. 36). О разграниченіи дѣлъ, относящихся къ разряду communia placita, сравн. Foss II. 135.

вившихся формъ судопроизводства». Поэтому извѣстное число бароновъ казначейства (Barons of the Exchequer) образуетъ изъ себя для дѣлъ этого рода Коллегіальное судебное учрежденіе, въ родѣ юридическаго отдѣленія, возникшаго въ послѣдующія столѣтія при нѣмецкихъ военныхъ палатахъ и палатахъ государственныхъ имуществъ. Для того, чтобы это судебное учрежденіе могло постановлять свои приговоры независимо отъ вліянія лица, стоящаго во главѣ общаго финансоваго управленія, сказанное учрежденіе, начиная съ царствованія Эдуарда II, получаетъ особаго пресѣдателя, Chief Baron, который выбирается изъ среды лицъ, наиболѣе способныхъ къ исполненію обязанностей судьи и нерѣдко въ категорическихъ выраженіяхъ назначается на свою должность пожизненно. Тѣмъ не менѣе судъ этотъ нѣкоторое время продолжаетъ еще занимать до извѣстной степени подчиненное положеніе; члены его обыкновенно выбирались изъ среды высшихъ чиновниковъ казначейства, а потому изъ нихъ было трудно выкурить фискальный духъ. Въ виду этого вполнѣ понятно, что сохраненіе прежняго порядка, при которомъ обыкновенные процессы отдавались на разсмотрѣніе казначейства, стали порождать сильное недовольство. Въ пятомъ году царствованія Эдуарда I состоялось королевское повелѣніе баронамъ казначейства, воспрещавшее имъ принимать къ своему разсмотрѣнію communia placita, такъ какъ это противорѣчитъ постановленіямъ Magna Charta. Запрещеніе это повторяется и въ Рутлэндскомъ Статутѣ, изданномъ на 10-мъ году царстованія Эдуарда I, при чемъ было прибавлено замѣчаніе, что вслѣдствіе такого порядка происходятъ проволочки въ разрѣшеніи исковъ, предъявленныхъ, какъ со стороны короля, такъ и со стороны народа. Но такъ какъ упомянутое постановленіе (вѣроятно благодаря взяточничеству) зачастую обходилось, то оно снова подтверждается въ Articuli Super Chartas 28 Edw. I, и затѣмъ мы еще разъ встрѣчаемъ его въ 5 Edw. II. Это не помѣшало, однако, и впослѣдствіи обходить правило посредствомъ юридическихъ фикцій. Тѣмъ не менѣе, разграниченье компетенціи различныхъ судовъ въ общемъ все таки внесло значительныя улучшенія въ уголовное и гражданское судопроизводство и создало такое положеніе дѣлъ, которое и въ сравненіе не идетъ съ порядками, существовавшими въ предыдущемъ періодѣ *).

---

*) Управленіе дѣлами собственно казначейства сосредоточивалось въ эту эпоху въ рукахъ двухъ должностныхъ лицъ, которыя носили названіе Chancellor of the Exchequer и Treasurer; для дѣлъ же, которыя подлежали рѣшенію въ состязательномъ порядкѣ, нѣсколько бароновъ казначейства образовали изъ себя коллегіальную судебную палату. Назначеніе королевскимъ патентомъ пресѣдателя изъ среды этихъ бароновъ, Chief Baron, впервые состоялось 31 мая 1317 года.

IV. Прогрессъ, благодаря которому коллегіи судей получаютъ *строго опредѣленную* организацію, какъ по своему составу, такъ и по порядку дѣлопроизводства, сказывается, далѣе, въ нижеслѣдующихъ перемѣнахъ: Коллегіальные суды поглощаютъ постепенно персоналъ особо назначаемыхъ путешествующихъ судей. По постановленію, изданному на 13 году царствованія Эдуарда I с. 30, какъ Justices of Assise, такъ и Nisi prius должны быть назначаемы изъ числа присяжныхъ королевскихъ судей. За тѣмъ слѣдуетъ рядъ постановленій 27 Edw. I. c. 3, 4; 12 Edw. II. c. 3; 14 Edw. III. c. 16, въ силу которыхъ каждый Justice, принадлежащій къ составу центральныхъ общегосударственныхъ судовъ, а такъ же каждый баронъ казначейства, если онъ только имѣетъ ученую юридическую степень, могутъ засѣдать, въ качествѣ странствующихъ судей, при разбирательствѣ рѣшительно всякаго дѣла, независимо отъ того, въ какомъ судѣ разсматривается это дѣло. Странствующіе судьи, которые въ началѣ были уполномоченными государя, delegati principis, становятся мало по малу уполномоченными центральныхъ государственныхъ судовъ, имѣющихъ

см. Foss III, 196, 198 Thomas, Exchequer 107, 108) Число членовъ, участвующихъ въ засѣданіяхъ подъ предсѣдательствомъ Chief Baron, колебалось между 4, 5 и 6. (Foss. III. 196. IV 233). Эти члены обыкновенно назначались изъ среды низшихъ чиновниковъ. Содержаніе, получаемое ими, за весь этотъ періодъ было гораздо ниже того, которымъ пользовались Justiciarii (Foss III. 44). Лишь должность Chief Baron замѣщалась, обыкновенно, людьми, изъ числа такъ называемыхъ Servientes ad legem; вотъ почему даже послѣ изданія 14. Edw. III c. 16, Chief Baron могъ быть назначаемъ въ число ассизныхъ судей, „если только онъ принадлежалъ къ присяжнымъ королевскимъ Sergeants“. Лишь при Тюдорахъ бароны казначейства были вполнѣ уравнены по правамъ и достоинству съ судьями въ собственномъ значеніи этого слова (Justices) Foss. V 409. VI. 17. Въ виду всего вышесказаннаго, становится вполнѣ понятно, что, какъ публикѣ, такъ и адвокатурѣ весьма не нравилось разсмотрѣніе гражданскихъ дѣлъ въ казначействѣ. Уже въ Statutum de Scaccario, 51. Henr. III 1266 было постановлено, чтобы казначей (Treasurer) и бароны давали клятвенное обязательство не заниматься дѣлами частныхъ лицъ пока они бываютъ заняты королевскимъ дѣломъ; отступленіе отъ этого правила допускалось лишь для жалобъ на чиновниковъ казначейства, сохраняющихъ свое исключительное положеніе въ качествѣ судей при сказанномъ учрежденіи. (Foss. II, 196). Но не ранѣе, какъ при Эдуардѣ I было признано, что право сторонъ уклоняться отъ подобной юрисдикціи вытекаетъ изъ самой Magna Charta, (Foss. III. 22). Когда за тѣмъ въ позднѣйшій періодъ изъ должностнаго положенія, занимаемаго лордомъ канцлеромъ, выработалась новая Equity Jurisdiction, въ которой дѣлопроизводство было основано на началахъ суда административнаго и совершалось безъ участія присяжныхъ, въ отправленіяхъ этого рода правосудія стали принимать участіе, кромѣ судей, такъ же и лица, состоявшія во главѣ административной части, а именно казначей и канцлеръ казначейства (см. Thomas, Materials 11). Съ той поры старый Exchequer распадается на четыре отдѣленія, персоналъ которыхъ однако же состоитъ отчасти изъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Отдѣленія эти нижеслѣдующія: 1) Счетная палата, Court of Accounts; 2) Палата доходовъ, Court of Receipt, 3) Палата тяжбъ, Court of Pleas, и 4) Equity Court.

свое постоянное мѣстопребываніе. Тѣ полномочія, которыя прежде выдавались имъ, каждое порознь, теперь выдаются имъ во всей своей совокупности и все болѣе и болѣе подводятся подъ разъ установленныя формулы. При Генрихѣ VI считалось за правило, что каждый ассизный судья долженъ быть разсматриваемъ какъ представитель полнаго состава того суда, рѣшенію котораго данное дѣло подлежитъ. Этимъ была устранена наиболѣе неудобная особенность прежнихъ судебныхъ полномочій. Въ половинѣ царствованія Эдуарда III особо назначаемые странствующіе судьи исчезаютъ и мѣсто ихъ заступаютъ штатные суды центральныхъ государственныхъ судовъ. При этомъ, конечно, мѣстнымъ судьямъ продолжаютъ выдаваться отдѣльныя Comanissions of oyer and terminer, смотря по мѣрѣ надобности, во времена смутъ и неурядицъ. Но съ учрежденіемъ должности мировыхъ судей мѣстныя коммиссіи по уголовнымъ дѣламъ принимаютъ тоже форму постоянныхъ судебныхъ учрежденій и этимъ завершается организація судебнаго вѣдомства въ одно правильное цѣлое [a]).

---

a) Законъ 13 Edw. I, cap. 3, стремится къ тому, чтобы доставить персоналу всѣхъ центральныхъ судовъ участіе въ ассизахъ по гражданскимъ дѣламъ; эту же цѣль имѣютъ въ виду и нѣкоторыя послѣдующія постановленія, а именно: 27 Edw. I, cap. 3, 4; и 14 Edw. III, c. 16. Но въ тоже время все болѣе и болѣе входило въ обычай связывать съ объѣздами ассизныхъ судей общее полномочіе of oyer and terminer, выдававшееся на имя лорда Канцлера, тѣхъ или другихъ государственныхъ сановниковъ, бароновъ, ассизныхъ судей и ихъ замѣстителей. Такое полномочіе давало упомянутымъ лицамъ право вѣдать дѣла по всѣмъ преступленіямъ, а такъ же по многимъ изъ проступковъ, буде таковые были совершены въ данномъ графствѣ и совершившіе ихъ привлечены къ законной отвѣтственности. Это не мѣшало, однако же, оставаться въ полной силѣ тому правилу, установленному II Уэстминстерскимъ статутомъ, по которому король могъ назначать спеціальныя коммиссіи для исключительныхъ случаевъ. Только при Эдуардѣ III было издано постановленіе (2 Edw. III, c. 2) обѣщавшее, что впредь такія спеціальныя полномочія будутъ выдаваться преимущественно на имя судей центральныхъ государственныхъ судовъ и лишь въ видѣ исключенія, въ случаяхъ настоятельной необходимости, на имя другихъ лицъ (см. Coke II, Inst. 419, IV Inst. 152). Къ этого рода полномочіямъ присоединяются другія, еще болѣе обширныя, извѣстныя подъ названіемъ comission ad gaolas deliberandas, и касающіяся эвакуаціи тюремъ въ графствахъ, причемъ въ полномочіяхъ, скрѣпленныхъ большею государственной печатью, перечисляются и самыя тюрьмы по имени. Такимъ образомъ полагается начало новому forum deprehensionis, тогда какъ полномочія предшествующаго разряда заключали въ себѣ лишь forum delecti commissi. И такъ уже при Эдуардѣ III персоналъ особыхъ путешествующихъ судей мало по малу исчезаетъ. Послѣднее упоминаніе о должностныхъ лицахъ этого разряда попадается въ 1333 и 1349 гг. Такому результату способствовали такъ-же установившіяся правила объ окладахъ жалованья, такъ какъ каждый чинъ того или другаго центральнаго государственнаго суда получалъ въ качествѣ ассизнаго судьи значительную прибавку въ 20 ф. ст. къ своему содержанію. Что касается особо выдаваемыхъ commissions of oyer and terminer, то онѣ, какъ уже было упомянуто выше, приберегались лишь для исключительныхъ случаевъ, при чемъ было оговорено, что выборъ лицъ, которымъ полномочія эти выдавались, долженъ производиться безпристрастно, и назначенія должны

Высшій персоналъ судей представляетъ въ эту эпоху *корпорацію ученыхъ юристовъ*, состоящихъ на государственной службѣ и получающихъ опредѣленное жалованье. Большинство этихъ лицъ имѣетъ почетные титулы, какъ-то: Knight-Bannerets, Knights или кавалеровъ ордена Бани. Предложеніе, сдѣланное парламентомъ въ томъ смыслѣ, чтобы ему было предоставлено выдавать жалованье судьямъ, было отклонено [b]). Судьи разсматривались, какъ личные слуги короля и, какъ таковые, получали жалованье изъ личныхъ его доходовъ и были подчинены личной его карательной власти. Такъ, напримѣръ, Эдуардъ I отрѣшаетъ отъ должности своего верховнаго судью Генгама и облагаетъ его 7000 марками штрафа; другіе судьи были наказаны штрафами отъ 3 до 4 тысячъ марокъ за вымогательство и взятки. Эта карательная власть короля въ царствованія Эдуардовъ I, II и III никѣмъ не оспаривается и неоднократно примѣняется на дѣлѣ. Еще знаменательнѣе по вытекавшимъ изъ него дальнѣйшимъ выводамъ былъ прецедентъ, возникшій въ царствованіе Ричарда II, когда судьи приняли участіе въ распрѣ, раздѣлявшей высшее дворянство на двѣ партіи, и высказали свое мнѣніе объ одномъ королевскомъ декретѣ, при чемъ содержаніе этого мнѣнія не могло не возбуждать

исходить не отъ высшихъ сановниковъ и не отъ заинтересованныхъ сторонъ, а отъ самихъ судовъ 2 Edw. II, cap. 2. (См. Coke II, Inst. 419 IV Inst. 152). На основаніи 20 Ric. II, c. 3 никто не имѣлъ права быть ассизнымъ судьею или пользоваться полномочіями of the goal delvery въ своемъ собственномъ графствѣ, а такъ-же никто изъ „государственныхъ высшихъ сановниковъ“ не имѣлъ права засѣдать вмѣстѣ съ судьями на ассизахъ.

[b]) По условіямъ личнаго своего положенія судьи были поставлены на одну ступень съ высшими государственными сановниками. Неуваженіе, оказанное особѣ судьи, влекло за собой самыя строгія наказанія (см. Foss. III, 43). Содержаніе, которое судьи получали въ этотъ періодъ равняется: для Chief Iustice—40 ф. ст. для Puisne judge и для Chief Baron—40 марокъ. Кромѣ того Chief justices и Chief Baron получали прибавку въ 20 ф. ст. въ качествѣ ассизныхъ судей, а многимъ судьямъ лично выдавались добавочныя награды. При Генрихѣ IV верховный судья, предсѣдательствующій въ King's Bench, получаетъ 180 марокъ, а предсѣдатель Commun Pleas—140 марокъ (см. Foss. IV, 227). *Одежда*, носимая при исполненіи должностныхъ обязанностей, была для всего судебнаго персонала одинаковая. О формулѣ *присяги* которая требовалась отъ судей и отличалась большою торжественностью, см. у Foss. III. 360. Персоналъ судей обыкновенно выбирался изъ среды адвокатовъ, получившихъ ученыя степени, такъ называемыхъ „King's Sergeants“. Уже въ предшествующій періодъ, по вычисленію Фосса, изъ 206 судей 125 принадлежали къ адвокатскому сословію. При Генрихѣ III тотъ же авторъ насчитываетъ между 100 justiciarii только одиннадцать человѣкъ, относительно которыхъ можно предположить, что они до своего назначенія на судейскую должность не занимались адвокатской практикой въ томъ или другомъ видѣ. Въ этотъ періодъ нѣтъ почти ни одного судьи, относительно котораго нельзя бы было прослѣдить его принадлежность къ такъ называемой legal profession. Чтобы не нарушать стародавняго принципа judicium parium, судьи возводятся въ рыцарское достоинство, въ большинствѣ случаевъ, даже, получаютъ степень офицера „tanquam Baneretti“. (см. Foss. III, 362, 364).

тревоги въ той партіи, противъ которой оно было направлено. Послѣ того, какъ попытки произвести государственный переворотъ потерпѣли неудачу, всѣ участвовавшіе въ составленіи вышеупомянутаго протеста были приговорены парламентомъ къ смертной казни, за государственную измѣну. Въ числѣ осужденныхъ былъ Chief Justice Трезиліанъ, котораго дѣйствительно и казнили; остальнымъ смертная казнь была замѣнена изгнаньемъ. Правильность была признана и по вступленіи на престолъ Генриха IV. Важный прецедентъ этотъ создалъ и для позднѣйшаго времени такого рода воззрѣніе, что для суда надъ государственными преступниками необходимо усиливать обыкновенный судебный персоналъ представителями землевладѣльческаго элемента, который съ теченіемъ времени сталъ олицетворяться въ Верхней Палатѣ [c]).

---

[c]) *Личная отвѣтственность* судей выводилась изъ положенія ихъ, какъ уполномоченныхъ личной судебной власти короля. Поэтому они не только смѣняемы и состоятъ въ должности лишь до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно королю (durante bene placito), но и подчинены личной карательной власти короля, который, повидимому, принималъ относительно ихъ свои мѣры, не дожидаясь производства слѣдствія черезъ особо назначенную для того коммиссію. Такъ, напримѣръ, Эдуардъ III въ 1340 г. распорядился чрезвычайно круто и поспѣшно отставкою и заарестованіемъ нѣсколькихъ судей (Foss III, 341); подобная же мѣра была принята пять лѣтъ спустя по одному очень серьезному поводу (Foss III, 365). Въ позднѣйшемъ періодѣ дисциплинарныя взысканія, производимыя помимо правильнаго суда и слѣдствія, почти совсѣмъ исчезаютъ. Но уже съ 10-го года царствованія Ричарда II для судей вводится иного рода, болѣе серьезная, отвѣтственность. Въ этомъ году двое судей были умерщвлены во время народнаго возстанія, а третій—казненъ, какъ государственный преступникъ. Робертъ Трезиліанъ, въ угоду личнымъ желаніямъ короля, согласился способствовать осуществленію контръ-революціи, планъ которой былъ задуманъ партіей, потерпѣвшей передъ этимъ пораженіе. Упомянутая партія, чтобы достигнуть своихъ цѣлей, хотѣла заручиться отъ высшихъ судебныхъ авторитетовъ приговоромъ, который объявилъ-бы противузаконнымъ одно распоряженіе, изданное до этого съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ и признавалъ-бы „виновниковъ сказаннаго распоряженія государственными преступниками, подлежащими смертной казни“. Лордъ верховный судья, который и ранѣе выказывалъ большую угодливость передъ властью, поспѣшно и въ великой тайнѣ созвалъ своихъ судей, чтобы добиться отъ нихъ заявленія, желательнаго для заговорщиковъ. Между тѣмъ затѣвавшійся государственный переворотъ не удался, лордъ верховный судья бѣжалъ, но былъ пойманъ, признанъ парламентомъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ и казненъ 19 февраля 1388 г. Остальные судьи тоже были преданы суду Нижней Палатой, и, не взирая на ихъ стараніе оправдать себя тѣмъ, что они дѣйствовали по принужденію, ихъ равнымъ образомъ приговорили къ смертной казни и къ конфискаціи ихъ имущества; приговоръ этотъ впрочемъ былъ смягченъ и замѣненъ изгнаніемъ. (См. Foss. IV, 3, 4, 102—108) Позднѣйшій персоналъ судей до такой степени держался въ сторонѣ отъ борьбы политическихъ партій, что при перемѣнахъ династіи, въ царствованія Генриха VI, Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха VII прежніе судьи утверждались въ своихъ должностяхъ. При Эдуардѣ IV были отрѣшены отъ должности только двое верховныхъ судей, изъ которыхъ одинъ и безъ того уже успѣлъ бѣжать. (См. Foss IV, 380) До какой степени судьи опасались всякихъ столкновеній съ парламентомъ, можно видѣть изъ того, что при Генрихѣ VI они отказались высказать свое мнѣніе по вопросу о размѣрѣ личныхъ привилегій въ High Court of Parliaments.

Что касается обыкновеннаго теченія гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, то уже въ этотъ періодъ успѣли выработаться тѣ прочные и постоянные порядки, которые соотвѣтствуютъ духу Magna Charta. Право, примѣняемое теперь, представляетъ всѣ характеристическія черты юридическаго права. Начиная съ XIII столѣтія, прочно устанавливается различіе между common law и statute law. Послѣднее есть ничто иное, какъ право, вытекающее изъ декретовъ позднѣйшаго происхожденія и изъ постановленій парламента; что же касается common law, то право это произошло отъ сліянія англо-саксонскаго обычнаго права съ норманскою феодальною системою и постановленіями болѣе ранняго періода, выработывавшимися судебною практикою curia Regis и мѣстныхъ судовъ въ отдѣльныхъ графствахъ. Органомъ дальнѣйшей разработки права становятся отнынѣ центральныя общегосударственныя судебныя учрежденія. «Общее право заключено въ груди судей, засѣдающихъ въ общихъ судахъ»; оно уже съ самаго начала этого періода есть ничто иное, какъ judge-made-law (законодательство, созданное юристами) и эта черта проявляется въ немъ съ такою опредѣленностью, что авторитетъ частныхъ судебныхъ сборниковъ постепенно стушовывается и живымъ источникомъ правосудія становятся собранія преюдицій, такъ называемые year-books. Для сохраненія единства выработываются принципы, аналогичные съ тѣми, которые были приняты въ практикѣ германскаго общаго права: никакое обычное право не признается въ тѣхъ случаяхъ, когда оно идетъ въ разрѣзъ съ формальнымъ закономъ; обычай, для того, чтобы быть признаннымъ передъ лицемъ закона, долженъ быть legitime prescripta, т. е. долженъ принадлежать къ числу тѣхъ, которые существовали еще до Ричарда I; кромѣ того требуется, чтобы онъ былъ rationabilis, другими словами, судебная практика отвергаетъ тѣ обычаи, которые логически несогласимы съ началами, лежащими въ основѣ общаго права.

Рядомъ съ коллегіальными общегосударственными судами и въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ ними, вырабатывается особое сословіе юристовъ. Приблизительно въ ту самую эпоху, когда общегосударственные судьи прекращаютъ свои судебныя путешествія и основываютъ свое постоянное мѣстопребываніе въ Уэстминстерѣ, возникаютъ и первые зачатки корпорацій юристовъ; въ началѣ корпораціи эти по своему составу представляютъ довольно пестрое смѣшеніе учениковъ, еще только подготовляющихся къ юридической профессіи, практикующихъ адвокатовъ и чиновниковъ, занимающихъ второстепенныя должности на государственной службѣ; но и тутъ уже они, подобно судебнымъ учрежденіямъ, ведутъ свое дѣло на широкую ногу и отличаются сильнымъ сословнымъ духомъ. На 20 году цар-

ствованія Эдуарда I состоялось первое постановленіе корпораціи адвокатовъ, ходатайствовавшее передъ верховнымъ судьей о допущеніи извѣстнаго числа (около 140) дѣльныхъ Attornati et Apprentitii qui curiam sequantur и объ исключеніи нѣкоторыхъ другихъ изъ адвокатскаго сословія. За тѣмъ подъ названіемъ Inns of Chancery возникаютъ небольшія семинаріи для подготовки молодыхъ людей къ юридической профессіи; нѣсколько позднѣе практикующіе адвокаты образуютъ ассоціаціи, извѣстныя подъ названіемъ Inns of Court. Въ судебномъ сборникѣ Флета мы уже встрѣчаемъ подраздѣленія лицъ юридической профессіи на различныя степени, какъ то: Servientes, Narratores, Attornati, Apprentiti,—подраздѣленія, указывающія на корпоративную организацію этого сословія. Одно постановленіе, изданное при Генрихѣ IV (4 Henr. IV c. 18) требуетъ, чтобы адвокаты сдавали экзаменъ. Около этого же времени высшій разрядъ адвокатовъ начинаетъ рѣзче обособляться отъ нисшаго класса ходатаевъ по дѣламъ и образуетъ въ четырехъ Inns of Court нѣчто въ родѣ университета. Съ развитіемъ корпоративнаго устройства вводится степень магистра, Serviens ad legem, Sergeant-at-Law, Doctor juris, на которую выдается королевскій патентъ (writ) и которая служитъ подготовительною ступенью къ возведенію въ должность судьи. Лица, имѣющія званіе Sergeants назначаются замѣстителями судей на ассизахъ и, какъ таковые, уже получаютъ жалованье, и впослѣдствіи повышаются на судейскія мѣста. Уже въ царствованіе Эдуарда I мы встрѣчаемъ двухъ Attornati Regis, на обязанность которыхъ возложено охраненіе королевской прерогативы. Къ концу разсматриваемаго нами періода, начиная съ перваго года царствованія Эдуарда IV, вводится наименованіе King's Attorney и King's Sollicitor, для обозначенія двухъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства, исполняющихъ должность прокуроровъ. На одиннадцатомъ году царствованія Эдуарда впервые вводится въ употребленіе торжественный титулъ: Attornatus Generalis in Anglia cum potestate deputandi clericos ac officiarios sub se in qualicunque Curia de Recordo [d]).

---

d) *Возникновеніе особаго сословія юристовъ* состоитъ въ связи съ выработкою техники самаго процесса. Вести такой процессъ самолично тяжущіяся стороны были не въ состояніи. Въ прежнія времена обыкновенными совѣтниками, какъ въ домашнихъ, такъ и въ тяжебныхъ дѣлахъ, были духовные: „nullus clericus, nisi causidicus". По многимъ причинамъ папская курія теперь не желала, чтобы услугами духовенства слишкомъ часто пользовались въ мірскихъ дѣлахъ. Уже Ричардъ I вынужденъ былъ уволить архіепископа кентерберійскаго отъ должности верховнаго судьи, и на провинціальныхъ соборахъ духовенства было постановлено: „ne advocati sint clerico vel sacerdotes in foro seculari". Въ томъ же направленіи дѣйствовало и сословное соперничество. Между знатными норманнами уже до этого извѣстныя практическія познанія по юрисдикціи были вовсе не рѣдкость; не мало также людей изъ низшихъ сословій пріобрѣтало юри-

Какъ ходъ судопроизводства, такъ и персоналъ центральныхъ общегосударственныхъ судовъ все еще находятся въ эту эпоху въ формальной зависимости отъ *канцлера*. Изъ его канцеляріи, какъ изъ officina justiciae исходятъ тѣ writs, которые необходимы для вчинаній процесса, а такъ же и всѣ полномочія, commissions, за государственной податью. Вслѣдствіе этого государственная канцелярія, какъ clavis regni во всякое время остается открытой. Число постановленій о вчинаніи разбирательства, такъ называемыхъ writs de cursu, такъ возрасло, что на 12 году царствованія Генриха III ихъ до 51 было препровождено въ Ирландію. Уже въ царствованіе короля Іоанна верховный судья могъ выдавать такія formulae actionum въ пяти случаяхъ, (de recto, mordauncestor, novell disseisin, de nativis, de divisis faciendis) не дожидаясь допроса. Это указываетъ, что упомянутые writs утрачиваютъ характеръ произвольной милости и превращаются просто въ исковыя прошенія, которыя обязательно должны быть выдаваемы ищущимъ правосудія, какъ скоро они того потре-

---

дическія свѣдѣнія и опытность, состоя клерками въ казначействѣ или на службѣ подъ начальствомъ разныхъ justices, sheriffs, baillifs и т. п. Что свѣтскимъ юристамъ, вырабатывавшимся такимъ образомъ, уже почти нечему было учиться у духовенства, это уже можно видѣть изъ норманскаго административнаго права. И такъ, около того времени, когда центральные государственные суды окончательно установились въ Уэстминстерѣ, возникаютъ первые зачатки корпораціи юристовъ, не принадлежащихъ къ духовному званію. Въ царствованіе Эдуарда IV студентъ, занимавшійся въ одномъ изъ, Inns, расходовалъ ежегодно 28 ф., и дворянство посылало туда своихъ сыновей „дабы предохранить ихъ отъ пороковъ и дать имъ возможность научиться музыкѣ, танцамъ, исторіи, а такъ же и другимъ искусствамъ и наукамъ.“ Изъ сочиненій позднѣйшаго времени, мы находимъ у Фосса рядъ историческихъ данныхъ о происхожденіи корпораціи адвокатовъ (См. Foss. II. 200. III. 46. 370—390. IV. 195, 251.) Но всѣ эти свѣдѣнія такъ отрывочны, что изъ нихъ невозможно составить себѣ цѣльное представленіе о положеніи дѣла. Въ 18 Edw. I st. 4 мы встрѣчаемъ лишь выраженіе: Countour. Въ 33 Edw. I — Countours, Attournees, Apprentis; въ 28 Edw. I c. 11—Countours e Sages gentz. Въ st. 14 Edw. III, c. 16 лица принадлежащія къ разряду Sergeants-at-Law призываются въ качествѣ замѣстителей коронныхъ судей на ассизахъ. Лишь къ концу этого періода мы встрѣчаемъ у Фортескью болѣе связныя извѣстія. Въ это время успѣло образоваться до десяти маленькихъ Inns of Chancery и рядомъ съ ними—четыре большія, а именно: Lincolns Inn, Inner Temple, Midle Temple и Grays Inn; эти послѣднія представляли высшую ступень знанія, служившаго подготовкой къ юридической практикѣ. Степень Sergeant-at-Law никто не могъ получить, qui non in praedicto legis studio sexdecem annos ad minus antea complevit. (Fortescue). Полученіе этой степени сопровождалось такими дорого стоющими церемоніями и она налагала на адвокатскую практику такія стѣснительныя ограниченья въ видахъ огражденія чести сословія, что многіе отъ нея отказывались, (См. Coke II Inst. 214. Foss. IV. 223.) но она составляла необходимое условіе для полученія должности судьи въ King's Bench и Common Pleas. Первое упоминаніе о должности Attornatus Regis мы встрѣчаемъ въ началѣ царствованія Эдуарда I; такіе Attornati Regis обыкновенно назначаются по двое, при чемъ имъ полагается скромное жалованье въ 10 ф. (См. Foss. III 44, 45.)

буютъ. При Эдуардѣ I членомъ совѣта при государственномъ канцлерѣ, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе докладовъ, разрѣшается въ случаяхъ, не возбуждающихъ сомнѣнія, выдавать новые actiones utiles (writs in consimili casu), но въ случаяхъ затруднительныхъ они могутъ это дѣлать лишь съ согласія тѣхъ членовъ парламента, которые обладаютъ спеціальными познаніями по юриспруденціи [e]).

Сложившаяся такимъ образомъ juridictio ordinaria не мѣшаетъ, однако же, дальнѣйшему существованію, въ извѣстныхъ тѣсныхъ предѣлахъ,

V. Цѣлой *системы спеціальныхъ судовъ*, которые продолжаютъ дѣйствовать на основаніи норманскаго принципа административной юстиціи. Таковы военные суды, судъ гофмаршала и суды по дѣламъ, возникающимъ изъ законовъ о лѣсахъ.

1) Право *военнаго суда и расправы*, присвоенное должности High Constable и Marshall, возникло изъ самой организаціи ленныхъ милицій и, съ тѣхъ поръ какъ были созданы наслѣдственныя феодальныя должности, право это удерживалось постоянно, хотя сфера дѣйствія его и была ограничена. Еще въ настоящее время въ архивахъ можно найти рядъ документовъ относящихся къ такъ называемымъ placita exercitus Regis, отъ 24 Edw. I, въ которыхъ предсѣдательствовалъ отъ имени короля High Constable или Marshall. Само собою разумѣется, что о примѣненіи въ этихъ судахъ въ военное

---

[e]) *О вчинаніи исковъ посредствомъ этихъ* writs см. у Палгрэва, Privy Council, p. 16, 17. Къ концу среднихъ вѣковъ число случаевъ, въ которыхъ допускалось выдача writs de cursu уже значительно возросло, какъ о томъ свидѣтельствуетъ появившееся при Эдуардѣ IV сочиненіе: „De natura brevium“. При Эдуардѣ III издано было постановленіе, по которому для устнаго объясненія на судѣ и для судебныхъ приговоровъ долженъ былъ употребляться англійскій языкъ, но оффиціальнымъ языкомъ для всѣхъ записей и протоколовъ оставался латинскій языкъ. (36 Edw. III c. 15). Довольно цѣльную картину судебной практики при Эдуардѣ I можно найти въ судебномъ сборникѣ Бриттона, написанномъ на французскомъ языкѣ. Въ наши дни онъ появился въ новомъ изданіи съ критическими примѣчаніями (Fr. Nichols. Britton. London 1865 II, Vol. 8). По мнѣнію упомянутаго новаго издателя этого сочиненія, книга Бриттона есть ничто иное, какъ вызванная потребностями времени сокращенная передѣлка Брэктона, появившаяся, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣ 1290 г. и нѣсколько ранѣе сочиненія Флета. О другихъ юридическихъ источникахъ того времени см. у Бинера (Biener, das Engl. Geschw.-Gericht. II 286—298). Со времени Эдуарда II начинаютъ такъ же выходить собранія рѣшеній центральныхъ общегосударственныхъ судовъ, и эти сборники, подъ названіемъ Yearbouks, тянутся безъ перерыва въ теченіи цѣлыхъ 200 лѣтъ, при чемъ они почти совершенно вытѣсняютъ употребленіе прежнихъ судебныхъ сборниковъ въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ болѣе раннему періоду и были изданы до появленія книги Бриттона. Уголовное судопроизводство, въ сравненіи съ судебной процедурой по гражданскимъ дѣламъ, отличается большею простотою. Служебныя занятія судей центральныхъ судовъ въ эту эпоху брали у нихъ лишь предобѣденное время—съ 8 часовъ утра и до 11. (См. Foss. IV 226.)

время формъ суда присяжныхъ, въ томъ видѣ въ какомъ они существовали въ отдѣльныхъ графствахъ, не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, въ царствованье Ричарда II, палата общинъ пытается распространить постановленія, содержащіяся въ Magna Charta, и на эту область правосудія. Она ходатайствовала, чтобы военные судьи лишены были права произносить приговоры по дѣламъ, касающимся государственной измѣны и по нѣкоторымъ другимъ тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь или конфискацію имуществъ. Ходатайство мотивировалось тѣмъ, что «судьи эти дѣйствуютъ на основаніи Law of arms, а не на основаніи общепринятыхъ обычаевъ страны». Въ 13 Rich. II c. 2. королевская власть обѣщала, что впредь военные суды не будутъ разбирать такихъ дѣлъ, которыя могутъ быть разбираемы въ обыкновенныхъ судахъ сообразно съ правовыми обычаями, установившимися въ странѣ и что вѣдѣнью ихъ будутъ подлежать лишь «контракты и дѣла касающіяся геральдическихъ споровъ и войны, какъ внутри государства, такъ и за его предѣлами», причемъ аппеляція на рѣшенія ихъ должна быть обращаема къ королю. Но приэтомъ оставалось внѣ спора право короля назначать въ военное время военные суды съ ускореннымъ производствомъ по всякаго рода преступленіямъ и чинить въ нихъ судъ и расправу черезъ верховнаго конетабля или маршала, или же черезъ ихъ уполномоченныхъ. О подобной curia militaris мы находимъ неоднократныя упоминаніе при Генрихѣ IV; она то и дѣло назначалась въ предѣлахъ Франціи и еще при Эдуардѣ IV въ полномочіи, выданномъ на имя верховнаго конетабля, при его назначеніи, король предоставляетъ ему plenam potestatem ad cognoscendum et procedendum in omnibus causis de et super crimine laesae majestatis, caeterisque causis quibuscunque, summarie et de plano, sine strepitu et figura judicii. Если откинуть противозаконное примѣненіе военно-суднаго производства въ эпоху войнъ Алой и Бѣлой Розы, эпоху вообще богатую всякаго рода насиліями, то суды этого рода во время регулярныхъ войнъ были совершенно согласны съ конституціей и оставались таковыми вплоть до петиціи правъ при Карлѣ I [1]).

---

[1]) Военные суда заключали въ себѣ нѣкоторые такіе элементы, которые при благопріятствующихъ условіяхъ могли-бы повести къ образованію особаго сословнаго рыцарскаго права. Но равноправность всѣхъ сословій въ дѣлахъ частнаго права съ одной стороны, а съ другой стороны и разрозненность интересовъ самого рыцарства, не дали этому рыцарскому праву развиться до особой сословной юрисдикціи. Тѣмъ не менѣе многіе признаки явственно указываютъ на то, что, подъ вліяніемъ французскихъ войнъ и соприкосновеній съ дворянствомъ континента, въ Англіи возникъ антагонизмъ между сословнымъ духомъ и законодательствомъ общимъ для всѣхъ. Дворянство и ры-

2) Другой разрядъ дѣлъ, подлежащихъ спеціальной юрисдикціи, это дѣла, касающіяся охраненія тишины и спокойствія *въ резиденціи* короля и въ ближайшихъ ея окрестностяхъ, а такъ же дѣла, касающіяся лицъ, которыя состоятъ въ штатѣ королевской домашней прислуги. Для дѣлъ этого рода существуетъ особый судъ, въ которомъ разбирательство производится дворовымъ домоправителемъ (Stevard of the Household) и маршаломъ дѣйствующимъ въ качествѣ гофмаршала. Юрисдикція этого суда въ районѣ, на который оно распространяется, первенствуетъ надъ всякимъ другимъ судебнымъ учрежденіемъ. Принципъ суда присяжныхъ примѣняется въ разбирательствахъ подобнаго рода въ такомъ видѣ, что для гражданскихъ процессовъ, въ которыхъ обѣ стороны принадлежатъ къ штату дворцовой прислуги, составъ присяжныхъ тоже избирается изъ среды этой послѣдней, въ остальныхъ же случаяхъ берется обыкновенное жюри (5 Edw. III c. 2). Аппеляціи на приговоры этого суда должны быть подаваемы на имя «короля въ его дворцѣ» но затѣмъ онѣ препровождаются на разсмотрѣніе суда King's Bench [2]).

царство требовали, чтобы рыцарскій судъ былъ оставленъ, по крайней мѣрѣ, „*для вопросовъ чести и для поддержанія надлежащихъ рановыхъ градацій*“; подъ этими послѣдними разумѣются споры о гербахъ, о первенствѣ и о разныхъ другихъ фамильныхъ отличіяхъ; общее законодательство и суды, какъ мѣстные въ отдѣльныхъ графствахъ, такъ и общегосударственные, игнорировали вопросы этого рода и не принимали къ своему разсмотрѣнію споровъ, возникавшихъ изъ за простаго оскорбленія чести. Въ теченіи нѣкотораго времени еще рыцарскій судъ продолжаетъ пользоваться дѣйствительной судебной властью; особенно видное мѣсто въ его дѣятельности занимаютъ поединки, назначаемые для рѣшенія вопросовъ чести въ тѣхъ случаяхъ, когда „за недостаткомъ свидѣтелей нельзя рѣшить споръ иначе“, какъ то было, напримѣръ, въ спорѣ между Норфолькомъ и Генрихомъ Ланкастерскимъ при Ричардѣ II. Даже въ половинѣ XV столѣтія мы встрѣчаемъ два случая этого рода: въ 1446 году по распоряженію верховнаго конетабля и маршала происходилъ поединокъ между однимъ лондонскимъ оружейникомъ и его подмастерьемъ, въ 1453 г. былъ поединокъ между Джономъ Лейальтономъ и Робертомъ Норесъ, изъ за обвиненія въ государственной измѣнѣ, причемъ предсѣдательствовалъ верховный конетабль и дѣло происходило на Смитфильдѣ при большомъ стеченіи публики. Но въ видѣ jurisdictio extraordinaria судъ этотъ вмѣшивается въ споры лишь in subsidium, по спеціальному повелѣнію (writ) и въ этомъ ослабленномъ видѣ называется Court of Honour. (Судомъ чести). Съ прекращеніемъ французскихъ войнъ и послѣ того какъ притязанія дворянства потонули въ крови, пролитой въ битвахъ Алой и Бѣлой Розы, этотъ Court перестаетъ существовать какъ судебное учрежденіе. Онъ былъ противенъ духу какъ парламентской конституціи, такъ и той мѣстной организаціи, которая установилась въ графствахъ. Послѣ войнъ Алой и Бѣлой Розы о вышесказанныхъ writs нѣтъ болѣе и помину и прежній судъ превращается въ простое геральдическое учрежденіе. Наконецъ, со временъ Генриха VIII упраздняется и наслѣдственная должность верховнаго конетабля. (См. Coke IV. Inst. 124).

[2]) Компетенція *гофмаршальскаго суда* распространяется на споры между лицами, состоящими въ штатѣ дворцовой прислуги, на правонарушенія (trespasses) совершенныя въ районѣ дворцоваго вѣдомства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда хоть одна изъ сторонъ служитъ во дворцѣ и, наконецъ, на дѣла по долговымъ

3) Наконецъ, третій разрядъ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ порядкѣ особаго административнаго судопроизводства, это дѣла по нарушеніямъ законовъ о лѣсахъ. Уступки, сдѣланныя въ Charta de Foresta касались лишь болѣе мягкаго примѣненія традиціонныхъ правъ короля, но не распространяли на эту область права, обезпеченныя въ Magna Charta. Поэтому дѣла, возникавшія по нарушеніямъ лѣсныхъ законовъ, вѣдались административнымъ судомъ, безъ присяжныхъ. Черезъ каждые сорокъ дней низшіе чиновники лѣснаго вѣдомства собирались и образовывали изъ себя съѣздъ, на которомъ заявляли о всѣхъ открытыхъ ими случаяхъ нарушенія законовъ о лѣсахъ и объ охотѣ; заявленія эти записывались лѣсничимъ; (такого рода съѣзды назывались court of attachment или woodmote). За тѣмъ, три раза въ годъ лѣсничіе (verderors) собирались и образовывали изъ себя судъ, на которомъ расматривались, какъ вышеупомянутыя заявленія о проступкахъ, такъ и спорныя дѣла, возникавшія изъ за права пользоваться лѣсными пастбищами. Судъ этотъ назывался court of swanimote. Особенно тяжкія преступленія противъ лѣсныхъ законовъ подлежали верховной юрисдикціи двухъ странствующихъ судей, изъ которыхъ одинъ объѣзжалъ мѣстности, лежащія на сѣверъ отъ Трента, а другой—мѣстности, расположенныя на югъ отъ этой рѣки. (Court of justice seat или Court of the Chief justice in Eyre [3]).

обязательствамъ и договорамъ, если обѣ стороны принадлежатъ къ штату королевской прислуги. Районъ дворцовой юрисдикціи простирался на всѣ мѣстности, отстоящія не далѣе 12 миль отъ резиденціи короля. Эта юрисдикція первоначально не была подчинена контролю суда King's Bench пока при Эдуардѣ III не было введено право обжалованья рѣшеній дворцоваго суда посредствомъ такъ называемыхъ writs of error, подаваемыхъ на имя „короля въ его дворцѣ". См. Thoms, Book of the court 302—303.

[3]) Для *административнаго суда по нарушеніямъ лѣсныхъ законовъ* до царствованья Ричарда I существовалъ Summus Justiciarius omnium forestarum, за тѣмъ была учреждена коммиссія, состоявшая изъ 4 Justiciarii, при которыхъ состоялъ персоналъ низшихъ должностныхъ лицъ. Со введеніемъ Charta de Foresta персоналъ лѣснаго вѣдомства становится чрезвычайно многочисленнымъ. Въ каждомъ болѣе крупномъ лѣсномъ участкѣ полагалось 4 Verderors, которые управляли участкомъ и, въ тоже время, являлись судьями по дѣламъ о нарушеніяхъ лѣсныхъ законовъ. Затѣмъ имъ были подчинены 12 надсмотрщиковъ. Regarders, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за нарушеніями лѣсныхъ законовъ, за порубками и т. п. и производить разслѣдованія по всѣмъ дѣламъ этого рода. Надсмотрщикамъ, въ свою очередь, были подчинены лѣсные сторожа, foresters, которые должны были оберегать лѣса и дичь отъ истребленія, указывать на нарушителей законовъ о лѣсахъ и охотѣ и преслѣдовать этихъ нарушителей. Кромѣ того существовали еще особые сторожа для дичи (Rangers) надсмотрщики надъ лугами (agistors) кораульщики дровъ (woodwards) и, наконецъ, такъ называемые stewards и beadles, служившіе разсыльными и приставами при судѣ по лѣснымъ закононарушеніямъ. Во главѣ административнаго персонала лѣснаго вѣдомства стоялъ главный лѣсничій (Chief Warden of the Forests). Вся эта область управленія считалась въ среднія вѣка изъятою отъ дѣйствія общихъ законовъ и подчинненою исключительно распоряженіямъ, исходящимъ отъ

Кромѣ этихъ спеціальныхъ судовъ древнѣйшаго происхожденія, возникаютъ еще нѣкоторые новые суды такого-же рода. Такъ пріобразованія въ организаціи королевскаго Continual council повлекли за собою учрежденіе новаго вида административной юстиціи; нѣкоторыя дѣла становятся подсудны такъ называемому Court of Equity въ которомъ рѣшенія предоставляются единолично лорду канцлеру; возникаютъ такъ же суды адмиралтейства и Звѣздная Палата, которой присваивается уголовное правосудіе по нѣкоторымъ дѣламъ. Эти-то учрежденія мы и разсмотримъ подробнѣе въ нижеслѣдующемъ, 21-мъ параграфѣ.

---

§ 21.

Правительствующій государственный совѣтъ—Continual council. Государственная канцелярія.

Коллегіальная организація центральныхъ общегосударственныхъ судовъ заключала въ себѣ первые зачатки новаго правоваго государства; оно было остовомъ, вокругъ котораго наростало мало по малу тѣло вырабатывавшейся въ то время конституціи. На встрѣчу этому процессу организаціи государственныхъ судовъ идетъ снизу вверхъ другой процессъ—сплачиванье графствъ и городовъ въ прочные союзы. Не подлежитъ сомнѣнію, что между обоими этими процессами и основными нравами, обезпеченными хартіей вольностей (Magna Charta) существуетъ внутренняя связь. Одно было вызвано другимъ, одно другое обусловливало и поддерживало на пути практическаго осуществленія. Но всѣ эти окрѣпшія начала государственнаго устройства пока еще только замыкались въ крѣпкое кольцо, внутри котораго весь обширный кругъ собственно правительственныхъ дѣлъ былъ предоставленъ на усмотрѣніе короля. Изъ совѣтниковъ короля по такимъ дѣламъ образуется теперь такъ называемый

короля. Между тѣмъ уже въ Charta de Foresta, изданной при Генрихѣ III, сословія освобождаются въ дѣлахъ, касающихся нарушенія лѣсныхъ законовъ, отъ обязательнаго участія въ судебныхъ разбирательствахъ—повинности, лежавшей тяжелымъ бременемъ на населеніи. Еще ранѣе, при Генрихѣ II, на общемъ совѣщаніи сословій (assizes) созванномъ королемъ въ Вудстокѣ въ 1184 г. были введены нѣкоторыя смягченія кровавыхъ каръ, угрожавшихъ за нарушеніе лѣсныхъ законовъ; (такъ, напримѣръ, наказаніе смертною казнью было ограничено лишь тѣми случаями, когда данное преступленіе совершено въ третій разъ, и т. д.). Жалобы населенія на произвольное включеніе новыхъ участковъ въ число коронныхъ лѣсовъ еще продолжаются нѣкоторое время, хотя недовольство крупныхъ вассаловъ было въ позднѣйшій періодъ до извѣстной степени смягчено тѣмъ, что имъ самимъ была предоставлена нѣкоторая доля участія въ выгодахъ лѣсной регаліи.

Continual Council, или Permanent Council, который первоначально возникъ въ видѣ коллегіальнаго учрежденія съ высшею правительственною властью въ то время, когда при Генрихѣ III впервые понадобилось регентство. Когда впослѣдствіи Генрихъ III на мѣсто этого совѣта поставилъ личное управленіе, орудіями котораго служили любимцы изъ иноземныхъ пришельцевъ и второстепенные чиновники, бароны и высшее духовенство стали требовать замѣщенія важнѣйшихъ государственныхъ должностей «наиболѣе пригодными для того личностями» и, послѣ долгой и ожесточенной борьбы, успѣли таки взять дѣло въ свои руки. Это учрежденіе, которое благодаря обстоятельствамъ своего возникновенія приняло характеръ правленія партіи, дѣйствовавшаго насиліемъ, было впослѣдствіи признано Эдуардомъ I за нѣчто, вытекающее изъ самыхъ справедливыхъ требованій и воскрешено имъ въ интересахъ самой монархической власти. По сознательному почину этой власти, для болѣе основательнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ, рядомъ съ казначействомъ и съ центральными судами, возникаетъ *постоянный государственный совѣтъ*, именуемый Continual или Permanent Council, который на общихъ совѣщаніяхъ своихъ членовъ разрѣшаетъ важнѣйшіе государственные вопросы и становится ядромъ парламентской организаціи, начинающей съ этихъ поръ выработываться *).

I. *Дѣла, разсматривавшіяся въ государственномъ совѣтѣ*, приблизительно однородны съ тѣми, которыя въ настоящее время вѣдаются совѣтомъ министровъ. Но при этомъ не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду сравнительную простоту тогдашнихъ условій, отдѣленіе церковной власти отъ государственной и личный характеръ, свойственный правительству норманскихъ королей во весь предшествую-

---

*) На исторію возникновенія постояннаго государственнаго совѣта былъ пролитъ новый свѣтъ напечатаньемъ его протоколовъ въ сочиненіи, озаглавленномъ: Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England from 10 Ric. II to 33 Henr. VIII, by Sir H. Nicolas, 7 Vol. 8—vo. 1834—1837. Этими протоколами воспользовался сэръ Франсисъ Пэльгревъ для своей монографіи „An Essay upon the Authroity of the King's Council", въ которой на основаніи историческихъ источниковъ впервые пытается дать цѣльную картину дѣятельности разсматриваемаго государственнаго учрежденія и его отношенія къ парламентамъ въ средніе вѣка; недостатокъ монографіи Пэльгрева заключается въ томъ, что она мѣстами слишкомъ далеко заходитъ въ выводахъ, которые дѣлаетъ изъ даннаго историческаго матеріала. Галламъ воспользовался этими новыми работами. (О Пэльгревѣ см. Middle Ages, с. VIII 3. Note). Изъ старинной литературы по этому предмету сочиненіе М. Гэля: Jurisdiction of the Lords House of Parliament. 1796 4°, до сихъ поръ еще не утратило свою цѣну. Современное намъ изслѣдованье Dicey, Privy Council (Oxford Essays) въ книжной торговлѣ, за распродажею всего изданія, въ настоящее время стало библіографическою рѣдкостью. Недавнее происхожденіе государственнаго совѣта сказывается въ тѣхъ неустановившихся названіяхъ, подъ которыми онъ обозначается во времена Эдуарда I; его называютъ то Continual Conseil (Nicolas I. 3), то Secretum Concilium (Hemingb. II), то Familiare Consilium (M. Paris).

щій періодъ. Съ приблизительной точностью можно сказать, что дѣятельность государственнаго совѣта распадалась на слѣдующія группы предметовъ:

Совѣты королю при декретированіи *постановленій*, касавшихся той или другой части общегосударственнаго управленія.

Рѣшенія о *войнѣ и мирѣ*, о договорахъ съ иностранными державами, о призывѣ ополченій, поставленныхъ графствами или отдѣльными вассалами, о мѣрахъ къ формированью наемныхъ армій и къ управленію послѣдними.

Рѣшенія о различныхъ *мѣропріятіяхъ* по случаю общественныхъ бѣдствій или возстаній; назначеніе чрезвычайныхъ коммиссій и составленіе инструкцій для руководства этихъ послѣднихъ.

Совѣты королю въ дѣлахъ, касающихся той jurisdictia extraordinaria, право которой было предоставлено ему въ исключительно важныхъ случаяхъ.

Постановленіе рѣшеній на *петиціи*, поступившія отъ частныхъ лицъ, корпорацій, или цѣлыхъ графствъ и содержавшихъ въ себѣ жалобы на фискальныя притѣсненія, на злоупотребленія должностныхъ лицъ и на неудовлетворительное отправленіе правосудія; сюда же относилось разсмотрѣніе просьбъ о помилованьи и дарованіе особыхъ милостей. Дѣла, входящія въ эту рубрику собственно и составляли предметъ текущихъ занятій совѣта. При тѣхъ дурныхъ привычкахъ, которыя издавна усвоили себѣ vicecomites и низшіе агенты, при неизбѣжныхъ перемѣнахъ, появившихся въ общемъ строѣ жизни подъ вліяніемъ той неурядицы, которою все еще отзывалась предшествующая конституціонная борьба, наконецъ, при заносчивости безпокойнаго высшаго дворянства, было вполнѣ понятно, что государственный совѣтъ былъ заваленъ отовсюду поступавшими жалобами; особенно усилилась эта сторона его дѣятельности съ тѣхъ поръ, какъ commoners въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ сдѣлались органомъ, къ которому обращались со всевозможными жалобами. Въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ на парламенты смотрѣли, какъ на собранія «for the redress of wrongs and remedy of abuses». Каждый парламентъ, какъ только онъ открывался, былъ заваленъ не только петиціями по общественнымъ дѣламъ, но и просьбами отъ частныхъ лицъ различныхъ сословій, обращавшихся къ нему нерѣдко съ разными мелкими дѣлами и искавшихъ у него защиты и помощи по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Обыкновеннымъ мотивомъ всѣхъ такихъ ходатайствъ является «бѣдность просителя», могущество и многочисленность его противниковъ, безсиліе обыкновеннаго правосудія помочь въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ этихъ мотивахъ явственно слышится отголосокъ того представленія, по которому «король съ своимъ совѣтомъ является

послѣднимъ прибѣжищемъ для каждой обиды, не могущей получить удовлетворенія отъ существующихъ регулярныхъ судовъ» [1]).

Для регулированья всей этой массы дѣлъ въ 1 Edw. I было издано слѣдующее постановленіе. Всѣ петиціи, поступающія въ государственный совѣтъ должны быть предварительно разсматриваемы членами тѣхъ судовъ, къ вѣдомству которыхъ онѣ по содержанію своему относятся; до короля и его совѣта доводятся лишь особенно важныя дѣла. Въ 21 Edw. I были назначены королемъ для пріема петицій особыя должностныя лица, называвшіяся Receivers of Petitons; при этомъ всѣ поступавшія ходатайства предписано было сортировать на пять разрядовъ: 1) ходатайства, подлежащія разрѣшенію канцлера; 2) такія, которыя препровождались въ государственное казначейство; 3) такія, которыя должны были поступить

---

[1]) Тогдашній государственный совѣтъ, *по кругу дѣлъ*, подлежащихъ его вѣдѣнью, всего ближе подходитъ къ теперешнему совѣту министровъ; въ немъ сосредоточиваются всѣ отправленія правительственной дѣятельности, по сколько послѣдняя не предоставлена судамъ, руководящимся въ своихъ рѣшеніяхъ закономъ, и церкви, распоряжающейся въ своей сферѣ самостоятельно. У сэра Г. Николаса (т. I, стр. 1). мы встрѣчаемъ лишь нижеслѣдующую характеристику государственнаго совѣта: „Писатели, занимавшіеся изслѣдованьемъ англійской конституціи, крайне затруднялись опредѣлить границы власти, присвоенной государственному совѣту и найти то руководящее начало, изъ котораго вытекали лежавшія на немъ обязанности. Пока королевская прерогатива не была ограничена постепенно возраставшимъ могуществомъ парламента и пока не установилось точнаго разграниченія между юрисдикціей обыкновенныхъ судовъ и юрисдикціей Equity court, не существовало почти ни одной отрасли государственной жизни, которая не была бы подчинена въ большей, или меньшей степени, непосредственному контролю государственнаго совѣта. Не было общественнаго положенія, какъ бы высоко или низко ни было, которое могло бы считаться изъятымъ отъ бдительности этого учрежденія, не было такого предмета, который по своей незначительности признавался бы недостойнымъ его вмѣшательства“. Словомъ, сфера дѣятельности государственнаго совѣта обнимаетъ тѣ же предметы, которыя при норманскихъ короляхъ вѣдались, помимо всякихъ оформленныхъ учрежденій, людьми, пользовавшимися личнымъ довѣріемъ короля и состоявшими при немъ въ качествѣ, то и дѣло мѣнявшихся, совѣтниковъ. Прогрессъ, успѣвшій совершиться въ разсматриваемую нами эпоху, сказывается въ томъ, что государственный совѣтъ принялъ форму *коллегіальнаго* учрежденія. Пэльгревъ (Privy Council p. 34) совершенно правъ, когда говоритъ, что учрежденіе это все еще продолжало считаться нормальнымъ по своему составу судомъ для коронныхъ вассаловъ. Что на него дѣйствительно такъ смотрѣли явствуетъ, между прочимъ, изъ того, что статья хартіи вольностей, требовавшая, чтобы пени на коронныхъ вассаловъ налагались не иначе, какъ per pares suos, считалась вполнѣ соблюденной, если пеня была наложена государственнымъ совѣтомъ. Въ дѣлахъ, касавшихся финансовыхъ вопросовъ, равнымъ образомъ не было строгаго разграниченья между компетентностью совѣта и компетентностью государственнаго казначейства и случалось нерѣдко, что весьма важныя финансовыя дѣла рѣшались въ совѣтѣ. Такъ напримѣръ, во время регенства при Генрихѣ VI лордамъ совѣта было предоставлено вѣдать дѣла о наложеніи опекъ на ленныя помѣстья, о брачныхъ разрѣшеніяхъ, о сдачѣ статей на аренду; доходило до того что даже помѣшанные приводились въ совѣтъ для освидѣтельствованья! Но, съ другой стороны, если засѣданія государственнаго совѣта иногда происходили въ *помѣщеніи* казначейства, то это было чисто дѣло случая.

на разсмотрѣніе судей; 4) подлежавшія рѣшенію короля и государственнаго совѣта, и, наконецъ, 5) ходатайства, по которымъ рѣшенія уже состоялись. Разсортированныя такимъ образомъ, петиціи докладывались королю. Докладчики, назначаемые съ этою цѣлью, вскорѣ образуютъ нѣчто въ родѣ постояннаго государственнаго учрежденія, которое Флета въ свой книгѣ характеризуетъ словами: Curia coram auditoribus specialiter a latere Regis destinatis, добавляя: «ихъ дѣло не рѣшать, а лишь докладывать о томъ, что было выслушано ими, дабы онъ (король) могъ постановить свое рѣшеніе о томъ, чему быть надлежитъ между заинтересованными сторонами». При Ричардѣ II, когда уже успѣла установиться болѣе прочная связь между Council и Magnum Consilium перовъ, петиціи стали дѣлиться на три разряда: 1) bilies of grace and offices, на которыя отвѣтъ долженъ былъ получаться отъ особы самого государя; 2) bills of council, по которымъ рѣшенія могли постановляться совѣтомъ; 3) bills of parliament, по которымъ отвѣтъ могъ быть данъ только съ согласія парламента. Резолюціи по петиціямъ, по выслушаньи изложенія докладчика, постановлялись тремя различными способами.

1) Либо такая резолюція постановлялась *немедленно*, и тогда она подписывалась съ верхняго края петиціи кѣмъ нибудь изъ членовъ совѣта (при Генрихахъ V и VI это дѣлалъ обыкновенно Chamberlain.

2) Или же для удовлетворенія просителя, потерпѣвшаго какую нибудь изъ ряду выходящую обиду въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась быстрая помощь, назначался *спеціальный коммиссаръ*. Такой коммиссаръ назывался delegatus a latere и ему выдавалось commission of oyer and terminer по особому повелѣнію (writ) изготовлявшемуся въ государственной канцеляріи, или же просто по письменному приказанію короля.

3) Въ иныхъ случаяхъ дѣло препровождалось въ государственное казначейство, или въ другое какое нибудь правительственное учрежденіе, всего чаще въ *государственную канцелярію*. Уже начиная съ царствованія Эдуарда I весьма употребительною формою резолюцій становится: «Sequatur in cancellariam». Такія резолюціи скрѣплялись личною печатью короля.

Регламентъ, которымъ государственный совѣтъ руководился въ своихъ занятіяхъ, устанавливался, собственно говоря королевскими повелѣніями, но для большей торжественности онъ при короляхъ изъ дома Ланкастеръ объявлялся черезъ посредство парламента. Такъ, регламентъ 1406 г. былъ изданъ въ парламентѣ и занесенъ въ списокъ въ числѣ прочихъ парламентскихъ актовъ. Въ 1434 онъ былъ приложенъ въ видѣ особаго прибавленія къ актамъ о различ-

ныхъ назначеніяхъ. Регламентъ 1439 г. былъ составленъ въ самомъ государственномъ совѣтѣ, принятъ палатою лордовъ, прочтенъ въ присутствіи всѣхъ трехъ сословій и затѣмъ уже подписанъ членами совѣта. (Stubbes III, 251 a).

---

a) О той *регламентаціи*, которая относится къ болѣе раннему періоду, въ особенности же о группировкѣ петицій, см. Palgrave. p. 23, 79. Что же касается вышеисчисленныхъ формъ, въ которыхъ принимались резолюціи, то о нихъ необходимо замѣтить слѣдующее:

1) Въ формѣ *немедленной и личной резолюціи* рѣшенія принимаются, сравнительно говоря, уже рѣдко, но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, въ надписяхъ, которыя дѣлаются на поляхъ петицій, упоминается, что рѣшеніе состоялось въ совѣтѣ, по выслушаніи доклада. Генрихъ V нерѣдко писалъ резолюціи собственноручно. Но не мало встрѣчается и такихъ резолюцій совѣта короля, подъ которыми нѣтъ никакой подписи. (Nicolas VI p. CCXIV).

2) *Назначеніе особаго уполномоченнаго* посредствомъ commission of oyer and terminer являлось еще продолженіемъ той стародавней юстиціи, которая прямо исходила отъ короля и ближайшихъ его совѣтниковъ; порядокъ этотъ вызывалъ безпрестанныя нарушенія компетенціи центральныхъ государственныхъ судовъ, и парламенты уже въ раннюю эпоху протестовали противъ такихъ нарушеній. Уже въ Уэстминстерскомъ статутѣ, II 13 Edw. I мы встрѣчаемъ обѣщаніе, что впредь не будетъ выдаваемо ни одного Writ ad audiendum et terminandum помимо судей того или другого королевскаго суда; исключеніе допускается лишь для тѣхъ случаевъ, когда будетъ совершено какое нибудь исключительно гнусное злодѣяніе (heinous tresspass) требующее безотлагательныхъ мѣропріятій. Но всѣ обѣщанія этого рода даются въ такой двусмысленной и неопредѣленной формѣ, (см. примѣчаніе 3 a), что они оставляютъ еще достаточно простора для вмѣшательства личной власти.

3) Препровожденіе дѣлъ въ *государственную канцелярію* (см. Hardy, Introduction to Close Rolls, p. XXVIII) имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что должность Лорда канцлера получила, собственно говоря, характеръ судебнаго учрежденія.

Особенною обстоятельностью и поучительностью отличаются свѣдѣнія, имѣющіяся относительно регламентаціи существовавшей въ позднѣйшій періодъ, при Генрихѣ VI. Въ регламентѣ, изданномъ для государственнаго совѣта во второй годъ царствованья Генриха VI между прочимъ постановлено: Государственный совѣтъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла, которыя могутъ быть рѣшаемы на основаніи общихъ законовъ. Исключеніе допускается для такихъ только случаевъ, когда одна изъ сторонъ слишкомъ могущественна для того, чтобы другая могла отстоять противъ нея свое право обыкновеннымъ путемъ, или когда имѣются другія настоятельныя причины, требующія вмѣшательства. Клеркъ совѣта долженъ отбирать петиціи бѣднѣйшихъ просителей и эти петиціи должны прочитываться первыми и резолюціи по нимъ должны быть постановлены ранѣе другихъ. Одинъ изъ королевскихъ Sergeants долженъ быть приведенъ къ присягѣ въ томъ, что будетъ помогать жалобщикамъ своими юридическими познаніями по мѣрѣ силъ и разумѣнія, не взимая за это никакой платы, подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности. (Nicolas III p. 149—152). Подобный же духъ сказывается и въ регламентѣ, изданномъ въ восьмой годъ царствованія Генриха VI. Государственный совѣтъ долженъ вмѣшиваться въ тѣхъ только случаяхъ, когда „Лорды, члены его, находятъ одну сторону слишкомъ сильной, а другую—слишкомъ слабой“. На обязанности совѣта лежитъ выслушивать дѣла, поступающія на его разсмотрѣніе, обсуждать, постановлять по нимъ свои заключенія, сообщать о нихъ куда слѣдуетъ и назначать, въ случаѣ надобности, уполномоченныхъ. Прошеніи о помилованіи, назначеніе бенефицій и должностей, а такъ же и другія дѣла, имѣющія характеръ милости, зависятъ отъ *личнаго* усмотрѣнія короля. О предметахъ особенной важности государственный совѣтъ можетъ только совѣщаться, но не долженъ постановлять окончательныхъ рѣшеній безъ совѣта advice) короля. Въ тѣхъ слу-

II. *Личный составъ* государственаго совѣта соотвѣтствуетъ характеру его дѣятельности. Членами его состоятъ тѣ личности, совѣтъ которыхъ можетъ быть наиболѣе полезенъ королю въ дѣлахъ высше государственной важности, или же, выражаясь современнымъ языкомъ, сюда входятъ лица, стоящія во главѣ государственныхъ учрежденій и, кромѣ того, извѣстное число лицъ, которыхъ король считаетъ нужнымъ привлечь къ обсужденію дѣлъ. Къ персоналу государственнаго совѣта прежде всего принадлежатъ:

Лордъ канцлеръ и нѣкоторыя состоящіе при немъ чиновники, а именно: правитель его канцеляріи, Master of the Rolles и нѣкоторые изъ старшихъ клерковъ (докладчики); присутствіе этихъ лицъ въ совѣтѣ важно потому, что они въ разсматриваемую нами эпоху являются представителями наиболѣе разносторонняго юридическаго знанія и обладаютъ обширной опытностью въ дѣлахъ.

Главные члены центральныхъ судовъ, слѣдовательно верховные судьи и другіе Justicies.

Должностныя лица, заправляющіе дѣлами въ государственномъ казначействѣ, лордъ-казначей (Treasurer) и канцлеръ казначейства. Высшіе чиновники придворнаго вѣдомства, и, прежде всѣхъ, королевскій камергеръ, King's Chamberlain, который въ теченіи многихъ столѣтій остается однимъ изъ главныхъ членовъ государственнаго совѣта. За тѣмъ слѣдуетъ the stewerd of the Household, а далѣе нѣкоторыя другія лица, завѣдующія различными отрослями придворнаго хозяйства: дворцовый казначей (Treasurer of the Household) контролеръ и Maître de Garderobe.

Хранитель личной печати короля. Съ тѣхъ поръ, какъ канцлеръ сталъ высшимъ государственнымъ чиновникомъ, королю снова понадобилось имѣть при себѣ довѣренное духовное лицо въ качествѣ ближайшаго домашняго совѣтника. При Эдуардѣ III лицо это, подъ названіемъ Keeper of the Privy seal, уже занимаетъ положеніе ми-

---

чаяхъ, когда голоса въ совѣтѣ распредѣляются по ровну, дѣло должно быть докладываемо королю, который и постановляетъ то или другое рѣшеніе. (Nicolas VI p. CLXXXV). Въ коттоніанскихъ рукописяхъ имѣются оригиналы постановленій государственнаго совѣта (по всѣмъ вѣроятіямъ, относящіяся къ 22 году царствованія Генриха VI) въ которыхъ, между прочимъ, читаемъ: „Въ виду того, что всякія дѣла, прошедшія черезъ многія руки, имѣютъ менѣе вѣроятій быть разрѣшенными къ ущербу короля, или какого либо другаго лица, найдено умѣстнымъ, чтобы всѣ bills, разрѣшаемыя королемъ, были передаваемы его секретарю, дабы послѣдній составлялъ о нихъ письма, кои за ручною королевской печатью препровождаются къ хранителю личной печати короля, а отъ него, съ наложеніемъ личной печати,—къ канцлеру". Когда петиціи касаются предметовъ, входящихъ въ область правосудія, то заключеніе короля должно быть переслано въ совѣтъ, а совѣтъ препровождаетъ его въ тотъ судъ, который въ данномъ случаѣ является компетентнымъ; отступленія отъ этого порядка допускаются лишь тамъ, гдѣ „жалобщики не въ состояніи отыскивать свое право на основаніи общихъ законовъ" (Nicolas VI p. XCII).

нистра, отъ него требуется формальная присяга, подобная той, которую приносятъ и остальныя должностныя лица. (14 Edw. III c. 5). Впослѣдствіи хранителю личной королевской печати присвоивается титулъ **Lord Privy seal.**

Архіепископъ кентеберійскій, какъ примасъ, въ виду высокаго положенія занимаемаго церковью въ государственномъ строѣ, является такимъ вліятельнымъ лицомъ въ государственномъ совѣтѣ, что на десятомъ году царствованія Ричарда II онъ подаетъ торжественный протестъ, въ которомъ требуетъ для себя и для своихъ преемниковъ право присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, не исключая и тайныхъ засѣданій (Rot. Parl. III 223).

Таковы *главнѣйшіе элементы*, входящіе въ составъ государственнаго совѣта, насколько вообще этотъ предметъ поддается изслѣдованію историка. Необходимо замѣтитъ, что строгаго разграниченья во времена Эдуардовъ I, II и III не существовало. По мѣрѣ надобности въ совѣтъ призывались и второстепенныя должностныя лица, какъ то: **King's sergeants**, клерки государственной канцеляріи, **Escheators**, путешествующіе судьи и т. д. Лица эти призывались для подачи мнѣнія по вопросамъ, спеціально имъ извѣстнымъ, для справокъ и для указаній. Ограниченіе постояннаго состава государственнаго совѣта лицами извѣстныхъ категорій настаетъ лишь послѣ того, какъ соперничающая сила парламентовъ начинаетъ обращать вниманіе на то, изъ какихъ элементовъ образуется персоналъ совѣта. При первыхъ столкновеніяхъ этого рода, обязательными членами совѣта, въ силу самой должности, занимаемой ими, **virtute officii**, признаются: лордъ канцлеръ, казначей государственнаго казначейства, лордъ **Privy seal**, каммергеръ и **Steward** (Rot. Parl. III. 73). Эти пятеро лицъ считаются главными членами государственнаго совѣта и играютъ руководящую роль въ текущихъ дѣлахъ. Собственно *президента* совѣта во все продолженіе среднихъ вѣковъ, не существовало. Предсѣдательство принадлежало королю, который, конечно, могъ иногда по своему усмотрѣнію возлагать на одного изъ членовъ почетную обязанность руководить занятіями совѣта. Такъ, въ позднѣйшій періодъ, при Эдуардѣ III, мы встрѣчаемъ упоминовеніе о епископѣ Уинчестерскомъ, какъ о **Capitalis secreti consilii ac Gubernator Magni Consilii.** Въ тѣхъ случаяхъ, когда король лично не могъ почему либо принимать участія въ дѣлахъ правленія, президентомъ совѣта, само собою разумѣется, становился регентъ, заступившій его мѣсто,—такъ, напримѣръ, въ первый годъ царствованія Генриха VI президентомъ былъ герцогъ Бедфордскій, впослѣдствіи Герцогъ Іоркскій.

Но эта нѣсколько неопредѣленная организація государственнаго

совѣта видоизмѣнилась послѣ того, какъ представители сословій при Ричардѣ II и при королях изъ дома Ланкастеръ начали принимать болѣе рѣшительное участіе въ дѣлахъ правленія. Въ этотъ позднѣйшій періодъ въ числѣ членовъ совѣта рѣдко бываетъ менѣе десяти свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ; большею частью даже ихъ бываетъ и болѣе. Съ ними вмѣстѣ засѣдаютъ и высшія должностныя лица государства, но уже въ качествѣ *постоянныхъ* членовъ совѣта и не перемѣшанные съ случайно призванными второстепенными чиновниками. Это объясняется тѣмъ, что парламенты, по мѣрѣ того, какъ возрастало ихъ могущество, стремились подчинить лорда канцлера и хранителя частной королевской печати опредѣленной отвѣтственности, какъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находились обѣ государственныя печати, имѣвшія такое рѣшающее значеніе для правительственныхъ актовъ. Цѣль эта въ существеннѣйшихъ чертахъ была достигнута при Ланкастерской династіи. На восьмомъ году правленія Генриха IV король изъявилъ парламенту свое согласіе на то, «чтобы въ видахъ охраненія государственныхъ законовъ канцлеру и хранителю личной королевской печати было вмѣнено въ обязанность не выпускать ни одного warrant, а такъ же ни одной жалованной грамоты, и вообще ни одного постановленія за ввѣреной ихъ храненію печатью, если таковыя противны существующимъ законамъ и правамъ; въ тоже время они обязываются не задерживать безъ надобности такихъ распоряженій, которыя съ законами согласны». Попытки привлеченія хранителя личной печати къ судебной отвѣтственности, были сдѣланы еще при Ричардѣ II. Въ царствованья Ричарда II и Генриха IV члены государственнаго совѣта назначались ежегодно, но каждый разъ назначались одни и тѣ же лица, если только противъ нихъ не было обвиненій въ предосудительныхъ дѣйствіяхъ, или сами они не просили объ увольненіи. Годовые оклады членовъ совѣта были различны, смотря по мѣсту, занимаемому ими въ служебной іерархіи; точно такъ же соразмѣрялись и денежные штрафы, налагавшіеся на нихъ за неявку на засѣданія. Таковъ былъ процессъ, которымъ прежній чисто личный conseil du roi норманскихъ королей мало по малу выработывался въ правильно огранизованное *государственное учрежденіе* [2]).

---

[2]) Въ книгѣ Николаса *личный составъ* совѣта опредѣленъ на основаніи протоколовъ государственнаго совѣта съ бо́льшею точностью, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ изслѣдованіяхъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, во всемъ, что касается формальнаго дѣлопроизводства, является лордъ канцлеръ, хотя онъ и не предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ и далеко не всегда пользуется наибольшимъ нравственнымъ вліяніемъ. Одну изъ особенностей позднѣйшаго періода представляетъ видное положеніе, занимаемое королевскимъ камергеромъ, King's Chamberlain, который повидимому обязанъ этимъ усиленьемъ своего значенія вліянію высшихъ сановниковъ въ совѣтѣ. На 15 году царствованья Эдуарда III ка-

Но такъ какъ учрежденіе это для извѣстныхъ разрядовъ дѣлъ представляло нѣкоторыя неудобства, по многочисленности своихъ членовъ и по разнородности своего состава, то въ средѣ его возникали делегаціи и коммиссіи, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ зародышь будущихъ самостоятельныхъ учрежденій.

III. Образованіе *коммиссій и делегацій* государственнаго совѣта было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что на разсмотрѣніе совѣта нерѣдко поступали вопросы спеціально юридическаго и техническаго свойства; въ виду этого представлялось необходимымъ назначить небольшое число лицъ, которыя могли бы обсуждать и разрѣшать эти вопросы, или вѣрнѣе, формулировать по нимъ мнѣнія, которыя представлялись на усмотрѣніе короля. Наиболѣе подходящимъ лицамъ для этого рода обязанностей являлся, какъ по своему служебному положенію, такъ и по персоналу подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ, *канцлеръ*. По этому въ составъ упомянутыхъ субкоммиссій всего чаще входятъ канцлеръ и судьи обоихъ центральныхъ общегосударственныхъ судовъ, — послѣдніе, иногда вмѣстѣ, а иногда порознь; при этомъ издаются decreta per curiam cancellariae et omnes justiciarios, или же, decreta cancellarii ex assensu omnium justîciarium et aliorum de Regis Consilio. Въ первомъ столѣтіи разсматриваемаго нами періода нерѣдко передъ канцлеромъ и судьями въ залѣ Уэстминстерскаго дворца происхо-

---

мергеръ формально обязанъ былъ приносить присягу въ вѣрности законамъ страны и хартіи вольностей. Въ 1-мъ году царствованья Ричарда II онъ былъ членомъ регентства. Онъ дѣлаетъ надписи на петиціяхъ, составляетъ резолюціи по дѣламъ, восходящимъ на непосредственное усмотрѣніе короля, сносится съ парламентами. На 11 году царствованья Ричарда и въ позднѣйшіе годы онъ неоднократно привлекается парламентами къ судебной отвѣтственности. Другимъ нововведеніемъ является роль *хранителя частной печати*, Keeper of the Privy Seal, какъ онъ впервые названъ въ 13 Edw. III c. 5. Позднѣе тоже должностное лицо обозначается различными наименованіями: Clerk of the Privy Seal въ 2 Ric. II, Guardian de Privy Seal въ парламентскихъ спискахъ при Генрихѣ IV, и, наконецъ, Lord Privy Seal въ 34 Henr. VIII. Но при всемъ томъ, иногда случалось, что свѣтскія и духовныя лица состояли при особѣ короля въ качествѣ секретарей, вели его переписку и употреблялись имъ для порученій, требовавшихъ особаго довѣрія; таково было положеніе, которое нѣкоторые клерки занимали при королѣ Іоаннѣ и при Генрихѣ III.—О составѣ государственнаго совѣта въ болѣе ранній періодъ, см. у Палгрева, стр. 20 и у Николаса I стр. 3. У послѣдняго особенно тщательно составлены указанія, относящіяся къ царствованью Генриха VI. Королевскій совѣтъ во 2 году царствованья этого государя состоялъ изъ 23 лицъ: герцога Глостерскаго, архіепископа Кентерберійскаго, 4-хъ епископовъ, канцлера, лорда казначея, хранителя частной печати, герцога Эксцетерскаго, 5-ти графовъ, 4 Sires 2-хъ Messieurs, Томаса Чосера и Уильяма Элингтона. (Nicolas III p. 148). Жалованье этимъ лицамъ, сообразно съ значеніемъ въ государственной іерархіи и съ продолжительностью ихъ службы было назначено въ слѣдующихъ размѣрахъ: для архіепископа Кентерберійскаго и для епископа Уинчестерскаго—по 300 марокъ; для каждаго изъ остальныхъ епископовъ, для графовъ и для лорда казначея—по 200 марокъ; для бароновъ и для Bannerts—по 100 ф., для Эсквайра—по 40 ф. (Nicolas III. 155).

дятъ даже формальныя судебныя пренія. Подобнаго рода коммиссіи занимаютъ приблизительно то же положеніе, которое въ предъидущій періодъ занимали судебныя коммиссіи изъ бароновъ и представителей высшаго духовенства, назначавшіяся норманскими королями въ случаяхъ, подлежавшихъ юрисдикціи королевской власти.

Изъ вышеупомянутыхъ делегацій и коммиссій государственнаго совѣта вскорѣ возникло постоянное учрежденіе, нѣчто въ родѣ *апелляціоннаго комитета казначейства*. Такъ какъ это послѣднее не было подчинено общегосударственнымъ судамъ, а стояло съ ними на равной ногѣ, то противъ него можно было аппеллировать только къ королю, слѣдовательно въ тотъ періодъ, который мы теперь разсматриваемъ, подобныя аппелляціи должны были поступать на имя «короля и его совѣта». При этомъ рѣчь обыкновенно шла о сложныхъ финансовыхъ вопросахъ, которые всего удобнѣе могли разсматриваться въ болѣе малочисленномъ собраніи спеціалистовъ. Поэтому въ началѣ обыкновенно назначалась коммиссія изъ канцлера, казначея государственнаго казначейства и двухъ рыцарей; но затѣмъ на 31-мъ году царствованья Эдуарда III въ st. I c. 12 было постановлено: канцлеръ и казначей должны дѣйствовать совокупно, вытребовать себѣ акты, привлекать къ совѣщанію рыцарей и другихъ свѣдущихъ людей по своему усмотрѣнію, требовать разъясненій отъ бароновъ казначейства и затѣмъ, смотря по тому, что окажется изъ разсмотрѣнія дѣла, видоизмѣнять декретъ казначейства и препровождать послѣдній въ казначейство для соотвѣтствующихъ распоряженій.

Еще большее значеніе имѣлъ такъ называемый Court of Equity, возникшій изъ той же системы делегацій. Нѣкоторыя изъ петицій, касавшіяся имущественныхъ отношеній, по своеобразному характеру затрогиваемыхъ ими вопросовъ, были неудобны для разсмотрѣнія ихъ судьями общегосударственныхъ судовъ и наиболѣе подходящимъ авторитетомъ для ихъ разрѣшенія былъ государственный канцлеръ, который въ эту эпоху все еще могъ считаться главнымъ представителемъ *болѣе общаго* юридическаго образованія. Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени въ гражданскомъ законодательствѣ оказались пробѣлы и черезъ чуръ суровыя постановленія; какъ тѣ, такъ и другія не могли быть устраняемы путемъ обыкновеннаго судебнаго разбирательства, такъ какъ они либо не подлежали суду присяжныхъ, либо представляли неразрѣшимыя затрудненія съ точки зрѣнія основныхъ началъ общаго права; (fraud, accident, trust, т. е. actio и exceptio doli). Поэтому-то въ назначенный нами періодъ возникаетъ, supplendi et corrigendi juris civilis causa, особая remedial jurisdiction, однородная съ преторскимъ правосудіемъ, при которой государственный канцлеръ судилъ по такъ назы-

ваемому equitas, т. е. руководился на первыхъ порахъ принципами римско-каноническаго права, слѣдствіе производили секретари (masters), состоявшіе при канцлерѣ въ качествѣ докладчиковъ, а рѣшеніе постановлялось канцлеромъ, per decretum. Наиболѣе обыкновенные случаи, поступавшіе на разрѣшеніе этой equitable jurisdiction, начиная съ царствованія Ричарда II и до 37 года царствованія Генриха VI были случаи неоформленнаго назначенія душеприкащиковъ inter vivos (uses); но уже въ то время область дѣлъ, обнимаемыхъ юрисдикціей этого рода суда, были, по всѣмъ вѣроятіямъ, обширнѣе, и уже самый характеръ этихъ дѣлъ требовалъ вплоть до конца среднихъ вѣковъ, чтобы должность государственнаго канцлера замѣщалась лицами духовнаго званія [3]).

---

[3]) *Делегаціи* государственнаго совѣта и *юрисдикція* of Equity, сосредоточившаяся въ рукахъ лорда канцлера, имѣютъ одно и тоже происхожденіе. Образованіе подкомиссій въ государственномъ совѣтѣ было въ началѣ мѣрою административною, а отнюдь не конституціоннымъ учрежденіемъ. Лишь съ теченіемъ времени, благодаря постоянной потребности, вызывающей этого рода мѣры, делегаціи превращаются въ правильное правительственное учрежденіе. Лишь одинъ юридическій педантизмъ могъ видѣть въ этихъ подвижныхъ коммиссіяхъ при самомъ возникновеніи ихъ формальныя подраздѣленія государственнаго совѣта. Иные, основываясь на авторитетѣ М. Гэля, принимаютъ даже такъ называемый concilium ordinarium, или legale, который, по словамъ упомянутаго изслѣдователя, состоялъ „изъ членовъ Privy Council, нѣкоторыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, судей и другихъ лицъ“. Но ни въ одномъ изъ оффиціальныхъ источниковъ того времени мы не встрѣчаемъ выраженія „concilium legale“ или „concilium ordinarium“, а равнымъ образомъ не имѣется никакихъ постановленій о составѣ этого совѣта и о порядкѣ дѣлопроизводства въ немъ, а потому столь же неумѣстно придавать ему характеръ правильнаго правительственнаго учрежденія, какъ и подвижнымъ судебнымъ коммиссіямъ норманскаго періода. При Эдуардѣ III нерѣдко разбирательство дѣлъ возлагается „на канцлера, казначея и другихъ лицъ изъ совѣта короля“ (Reeves III. 386). На 44 году царствованія Эдуарда III одинъ затруднительный судебный случай разбирался передъ лордомъ канцлеромъ и передъ всѣми судьями King's Bench и Common Pleas. (Foss, III. 337). Еще ранѣе, при Эдуардѣ II, о Вэстминстерскомъ дворцѣ упоминается, какъ о мѣстѣ, въ которомъ засѣдаетъ лордъ канцлеръ; это мѣсто носитъ названіе magnum bancum, (Foss III. 137) и про засѣданія, происходящія въ немъ, выражаются, что они происходятъ in plena cancellaria. (Rot. cl. 25. Ediv. III). Какъ на весьма важный примѣръ подобныхъ делегацій, образующихся изъ среды совѣта, можно указать на *судъ адмиралтейства*, дѣйствовавшій на основаніи спеціальныхъ полномочій, выдававшихся королемъ и юрисдикція котораго распространялась на портовыя города, а такъ же на преступленія, совершенныя въ открытомъ морѣ; судъ этотъ существовалъ еще при Эдуардѣ II; позднѣе, при Ричардѣ I дѣятельность его вслѣдствіе представленій парламента ограничивается болѣе тѣсными предѣлами. Другую делегацію представляетъ Court af Requests, подъ предсѣдательствомъ лорда хранителя частной печати. (Spence, Equitable Jurisdiction I. 351). Практическая необходимость смягчить недостатки common law повлекла за собою включеніе въ кругъ дѣль, разсматриваемыхъ помимо общихъ судовъ, и тѣ дѣла, которыя впослѣдствіи стали извѣстны подъ названіемъ equitable obligations; исполненіе обязательствъ этого рода по первоначальнымъ законамъ страны предоставлялось на совѣсть каждаго; между тѣмъ и жизнь, и установившіяся въ позднѣйшее время юридическія воззрѣнія повлекли за собою въ дѣлахъ этого рода вмѣшательство власти, имѣвшее

Но понятно, что полномочія, присвоенныя государственной канцеляріи часто давали поводъ къ *столкновеніямъ съ парламентами*. Послѣдніе въ особенности возставали противъ юрисдикціи лорда канцлера въ гражданскихъ дѣлахъ, а такъ же частью противъ той уголовной власти, которою пользовался король съ своимъ совѣтомъ, при чемъ оказывалось невозможно ограничить эту власть строго обозначенными предѣлами. На 25 году царствованія Эдуарда Commons требуютъ, чтобы никто не былъ призываемъ къ отвѣту передъ королевскимъ совѣтомъ по дѣламъ, касающимся помѣстій, или же по такимъ, которыя возникали изъ-за причиненія кому нибудь смерти или увѣчья; одновременно съ этимъ палата требовала, чтобы не налагалось пеней на основаніи простыхъ informations, произведенныхъ передъ совѣтомъ или передъ однимъ изъ министровъ, такъ какъ подобный способъ суда и расправы «въ прежнія времена былъ не въ обычаѣ». Въ отвѣтѣ короля на это представленіе палаты, чрезвычайная судебная процедура по уголовнымъ дѣламъ въ категорическихъ выраженіяхъ удерживалась на будущее время; но при этомъ давалось обѣщаніе, что de chose que touche Vie ou membre, contempt ou excesses, отнынѣ опять все будетъ такъ, какъ было изстари заведено (Palgrave, Council, 35). Повидимому всѣ были согласны въ томъ, что при передачѣ обыкновенныхъ споровъ на разсмотрѣніе судовъ, всегда слѣдуетъ разумѣть оговорку: salvo iure Regis, т. е. предоставленіе чрезвычайныхъ causae maiores суду короля; парламенты не желали только, чтобы этого рода уклоненія отъ обычнаго хода дѣлъ происходили помимо ихъ участія. На 27 году царствованія Эдуарда III сама Палата Общинъ дала свое формальное согласіе на то, чтобы духовныя лица, позволяющія себѣ обращаться съ аппеляціями къ папскому престолу, были судимы чрезвычайнымъ судомъ; постановленіе состоявшееся по этому поводу, угрожаетъ даже тюремнымъ заключеніемъ на не-

---

принудительный характеръ. (Reeves III, 188). Уже начиная со 2-го года царствованія Эдуарда формула sequntur in cancellaria все чаще и чаще употребляется для упомянутаго рода дѣлъ; позднѣе, къ этой формулѣ прибавляется еще слѣдующее поясненіе: fiat ulterius justicia in cancellaria; non potest juvari per communem legem, veniat in cancellaria et ostendat jus suum; fiat ei justicia secundum legem cancellariae, (Foss III. 178; Hardy, Introduction to Close Rolls p. XXVI. Съ царствованія Ричарда II, или, по крайней мѣрѣ при короляхъ изъ дома Ланкастеръ, главнымъ предметомъ, на которомъ сосредоточивается судебная дѣятельность лорда канцлера являются вышеупомянутые uses. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что особая юрисдикція лорда канцлера тоже изображаетъ изъ себя делегацію королевскаго совѣта. (Palgrave, Privy Council, 25; Spence. Equitable Jurisdiction I. 709—716; Hallam, M. Ages. Note X). Англія такимъ образомъ ввела то необходимое дополненіе къ частному праву, которое въ Германіи явилось только какъ результатъ заимствованія чужеземныхъ юридическихъ началъ.

опредѣленное время (during King's pleasure) за отказъ держать отвѣтъ за подобнаго рода contempt передъ королемъ, или его совѣтомъ, или его канцеляріей, или судьями. (Palgrave, 39). Правда, на 42 году царствованія Эдуарда, въ отвѣтъ на жалобу Палаты общинъ издается постановленіе (с. 3), которымъ дается обѣщаніе, что никто не будетъ привлекаемъ къ суду помимо обыкновенной установленной для этого процедуры. Но чрезвычайной власти государственнаго совѣта это постановленіе не коснулось и въ тревожныя времена, въ родѣ тѣхъ, которыя вскорѣ послѣ того настали при Ричардѣ II, совѣтъ широко пользовался своею властью для поддержанія общественнаго спокойствія. Только гражданская юрисдикція государственнаго канцлера вызвала на 13 году царствованія Ричарда II новую жалобу, поводомъ къ которой послужилъ writ sub poena. Въ этой жалобѣ было выражено желаніе «чтобы ни канцлеръ, ни совѣтъ по окончаніи сессіи парламента не издавали никакихъ повелѣній, противорѣчащихъ общимъ началамъ законодательства или изстари установившимся обычаямъ страны, или прежде состоявшимся законоположеніямъ, или законамъ, изданнымъ въ теченіи настоящей сессіи,—чтобы общее право примѣнялось обычнымъ порядкомъ, не взирая на лица и чтобы ни одинъ уже состоявшійся приговоръ не отмѣнялся помимо установленнаго законнаго порядка». Отвѣтъ на эту жалобу гласитъ съ обычною двусмысленностью выраженій: «старые обычные порядки должны и впредь соблюдаться, такъ, чтобы достоинству короля (Reglity) никакого ущерба не было, если же кто себя чувствуетъ обиженнымъ, то онъ можетъ monstre en spécial et droit lui soit fait.» (Palgrave 70). Протесты были направлены не противъ чрезвычайной судебной власти короля вообще, а противъ вмѣшательства королевскаго совѣта въ отправленіи правосудія помимо парламента. Такъ въ st. 17 Ric. II протестъ ограничивается лишь тѣми случаями, когда лица призываются къ суду королевскаго совѣта и государственной канцеляріи на основаніи невѣрныхъ показаній. (Reeves III 194). Въ первомъ году царствованія Генриха VI Палата Общинъ жалуется на то, что людей призываютъ къ суду совѣта и канцеляріи въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ правосудіе можетъ быть оказано путемъ обыкновеннаго судопроизводства; при этомъ палата настаиваетъ на томъ, чтобы writ sub poena издавался лишь послѣ того какъ судьи того или другаго центральнаго общегосударственнаго суда разсмотрѣли дѣло и удостовѣрили, что жалобщикъ въ данномъ случаѣ не можетъ получить справедливаго удовлетворенія на основаніи общихъ законовъ. (Palgrave 50, 51.) На 8-мъ году царствованія Генриха VI компетентность совѣта была ограничена въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ, такими слу-

чаями, «когда лорды усмотрятъ слишкомъ много силы на одной сторонѣ, и слишкомъ много безсилія на другой», или же когда они найдутъ какую нибудь другую reasonable cause для вмѣшательства. (Palgrave 81). Наконецъ, въ st. 31 Henr VI c. 2, перечисляются тѣ преступленія, по которымъ государственный совѣтъ призывалъ отвѣтчиковъ къ своему суду, а такъ же процедура, которая при этомъ соблюдалась, и, въ особенности, тѣ строжайшія наказанія, которыя надлежало налагать за ослушаніе распоряженій изданныхъ за частною королевскою печатью или въ формѣ writ sub poena, при чемъ ослушаніе такого рода преслѣдовалось какъ contemptus Regis. (Palgrave 84, 86.). Эти чрезвычайные уголовные суды позднѣе же имѣли свои засѣданія въ залѣ Звѣздной палаты, Star-chamber, а потому нерѣдко и обозначаются именемъ этой послѣдней [3a]).

IV. Должность *лорда канцлера*, какъ главы государственной канцеляріи является, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ всей организаціи государственнаго совѣта. Подобно тому, какъ канцелярія этого сановника служила связующимъ звеномъ между всѣми центральными государственными судами, точно такъ же она являлась clavis regni и для всѣхъ прочихъ дѣлъ государственнаго совѣта. Всѣ важнѣйшія рѣшенія короля и его совѣта скрѣпляются въ канцеляріи. На обязанности protorotarius'a лорда-канцлера лежитъ подготовленіе, составленіе и занесеніе государственныхъ договоровъ въ такъ называемые Treaty Rolls. Остальные государственные акты регистрируются въ Charter-Patent-Close и Fine-Rolls. Наиболѣе многочисленными изо всѣхъ административныхъ актовъ являются тѣ, которые относятся къ разряду такъ называемыхъ Rotuli literarum clausarum (Close Rolls); названіе это было имъ присвоено потому, что они препровождались въ запечатанныхъ пакетахъ, въ

[3a]) *Оппозиція парламентовъ противъ юрисдикціи короля и его совѣта*, начинается съ той поры, когда парламентъ успѣлъ сплотиться въ корпоративное цѣлое. (См. Hallam, Note XI; Spences Equit. Jurisdiction 1. 343—351). Въ одномъ рѣшеніи, получившимъ впослѣдствіи громкую извѣстность, въ такъ называемомъ Chamber Case (Croke's Report V. c. 1. p. 168) судьи признали, что „судъ Звѣздной Палаты существовалъ за долго до декларацiи, изданной въ 3-мъ году государствованія Генриха VII и, какъ судилище, занималъ весьма высокое и авторитетное положеніе". Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что дѣйствительность вполнѣ совпадала съ мнѣніемъ судей. Такимъ образомъ, въ этой сферѣ не взирая на успѣхи въ дѣлѣ регулированія верховныхъ правъ государства путемъ закона, *оставалось еще достаточно простора для административнаго произвола*. Въ области гражданскихъ дѣлъ практика успѣла лучше установить предѣлы для юрисдикціи государственной канцеляріи (объ этомъ предметѣ весьма обширныя свѣдѣнія можно найти у Спенса, (The Equitable Jurisdiction of the Court of Chancery 1846 I, 334, 420, 435—683, 692—716). Въ этой ограниченной сферѣ споръ о преимуществахъ коллегіальной или бюрократической организаціи успѣлъ окончиться уже въ средніе вѣка.

противуположность literae patentes, которыя обращались ко всѣмъ вѣрноподданнымъ. Какъ и вездѣ, мы замѣчаемъ здѣсь тѣсную связь между централизаціей и письменнымъ дѣлопроизводствомъ. Въ прежнія времена королевскія повелѣнія даже въ вопросахъ судебныхъ, давались большею частью изустно, въ казначействѣ. Теперь *письменность* становится мало по малу обязательной для всѣхъ правительственныхъ распоряженій, а одновременно съ этимъ возрастаетъ и значеніе *большой государственной печати*. За исключеніемъхартій, которыя давались публично, на собраніяхъ государственныхъ чиновъ, и для которыхъ еще долгое время считается достаточнымъ приложеніе просто ручной печати короля, для всѣхъ прочихъ Writs признается необходимымъ приложеніе большой печати. Въ этой послѣдней символизируется выростаніе англійскаго государства изъ періода gouvernement personnel. Со временъ Генриха III большая печать дѣйствительно играетъ роль clavis regni и является неразлучной спутницей короля, даже за предѣлами государства. Такъ какъ исторія большой печати совпадаетъ такимъ образомъ съ исторіей всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ документовъ, то сэръ Г. Николасъ задумалъ написать біографію большой печати. «Рѣдко, говоритъ, встрѣчаемъ мы въ историческихъ источникахъ упоминаніе о томъ мѣстѣ, гдѣ въ данную пору находилась королевская корона; но что касается государственной печати, то едва ли она пробыла въ рукахъ того или другаго лица хотя бы одинъ только день, безъ того, чтобы объ этомъ не было документально засвидѣтельствовано» (Nicolas VI p. CXLVIII. seq.) Приказаніе о приложеніи большой печати можетъ быть дано изустно или письменно, но во всякомъ случаѣ данный документъ получаетъ значеніе торжественнаго государственнаго акта лишь послѣ того, какъ онъ скрѣпленъ этою печатью. Въ случаяхъ отлучки короля государственному канцлеру для Writs de cursu, издаваемыхъ имъ, оставлялся второй экземпляръ большой государственной печати, который онъ однако же обязанъ былъ каждый разъ возвращать, по миованіи въ немъ надобности. Для неоффиціальной корреспонденціи употреблялась частная печать короля (Privy Seal), а когда и эта послѣдняя получила государственное значеніе, то ее замѣнили ручной печатью. (Signet). Уже въ 28 Edw. I c. 2, мы находимъ обѣщаніе не издавать за частною печатью никакихъ writs, по предметамъ, касающимся общаго законодательства. Борьба противъ частной печати, начинающаяся съ этой поры, знаменуетъ собою борьбу противъ личнаго правленія [4]).

---

[4]) Значеніе *лорда канцлера, какъ главы государственной канцеляріи* начинаетъ возрастать именно съ тѣхъ поръ, какъ начинается правильное употребленіе печатей при изданіи государственныхъ актовъ. (См. Nicolas Proceedings VI. p.

Въ этотъ же періодъ опредѣляется и *персоналъ должностныхъ лицъ*, необходимыхъ для исполненія такой массы судебныхъ и канцелярскихъ дѣлъ; персоналъ этотъ состоитъ изъ начальника канцеляріи и извѣстнаго числа совѣтниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе докладовъ (Masters in Chancery) а такъ же не малое число клерковъ. Среди многочисленнаго персонала клерковъ начальникъ канцеляріи занимаетъ положеніе Custos Rotulorum Cancellariae Domini Regis. Впервые титулъ этотъ дается ему въ Patent Roll, изданномъ въ 14 году царствованья Эдуарда I. При Эдуардѣ III Master of the Rolls назначается спеціально королемъ, приноситъ при вступленіи въ должность особую присягу и водворяется въ должности съ большею торжественностью. (Foss III 327). Назначенія на эту должность бываютъ обыкновенно пожизненныя, или же quamdiu bene et fideliter se gesserit in officio, но иногда при назначеніи встрѣчается оговорка: quamdiu nobis placuerit. (Foss IV. 4). Master of the Rolls, начиная съ этого періода, считается вице-канцлеромъ, а должность

CPL). Наиболѣе важные Rotuli, часть которыхъ была напечатана въ изданіи Record Commission, суть нижеслѣдующіе.

Charter Rolls, содержащіе въ себѣ королевскія льготы, даруемыя различнымъ городамъ, мѣстечкамъ и корпораціямъ, торговыя права, и т. п. Собраніе этихъ документовъ начинается съ 1 года царствованья Іоанна и заканчивается 7 годомъ царствованья Генриха VIII, такъ какъ съ этой поры подобныя льготы давались въ формѣ патентовъ. (См. Rotuli Chartarum a. 1199—1206 ed. D. Hardy 1837).

Patent Rolls, содержащіе въ себѣ назначенія на должности, пожалованье земель, дворянскаго достоинства и т. п. Документы этого рода публикуются во всеобщее свѣдѣнье и къ нимъ прилагается большая печать. Начинаются они съ 3 года царствованья Іоанна. (См. Duffus. Hardy, et description of the Patent Rolls in the Tower of London 1835).

Close Rolls, содержащіе въ себѣ королевскія повелѣнія, рескрипты и writs, вообще документы, адресуемые къ частнымъ лицамъ; они препровождаются куда слѣдуетъ въ закрытыхъ конвертахъ, запечатанныхъ печатью. Коллекція ихъ начинается съ 6 года царствованья Іоанна. (См. Rotuli literarum clausarum cur. D. Hardy, a. 1204—1227. Vol. I. II).

Fine Rolls, содержащіе въ себѣ документы, о пожалованьи коронныхъ ленныхъ участковъ, а такъ же о взиманіи пошлинъ за продажу земель, за relevia, за брачныя разрѣшенія и т. п. (См. Rotuli finium cur. D. Hardy a. 1204—1227.

За немногими исключеніями большая печать не можетъ быть употребляема иначе, какъ по формальному повелѣнію короля, которое дается: 1) либо изустно; 2) либо письменно съ приложеніемъ ручной королевской печати; 3) либо письменно, на имя канцлера, съ приложеніемъ частной печати; 4) либо письменно за ручною печатью на имя хранителя частной печати, который затѣмъ сообщаетъ королевское повелѣніе канцлеру въ формѣ такъ называемаго warrant за частной печатью. О происхожденіи письменнаго дѣлопроизводства съ употребленіемъ большой печати смотри Palgrave, Commonwealth I. 147; Privy Council 13. Послѣдовательную исторію большой печати при различныхъ правительствахъ даетъ Foss, Judges, Register v. Seal. Юридическій обзоръ королевскихъ writs съ распредѣленіемъ ихъ по особенностямъ характера ихъ и содержанія, можно найти у Coke, 2. Inst. 40.

послѣдняго по St. Ric. II. c. 2, приравнена къ должности Justices государственныхъ судовъ [5]).

---

§ 22.

Парламентъ прелатовъ и бароновъ.

Къ постоянному совѣту, въ которомъ сосредоточивается правительственная власть, начиная съ царствованія Эдуарда I присоединяются періодическія собранія нотаблей изъ высшаго духовенства и бароновъ. Собранія эти образуютъ, совокупно съ королевскимъ совѣтомъ такъ называемый «великій совѣтъ» и впослѣдствіи обособляются, въ качествѣ верхней палаты отъ того, что позднѣе получило названіе «House of Commons» (палата Общинъ). Эдуардъ I при своемъ вступленіи на престолъ засталъ такой порядокъ вещей,

---

[5]) По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ значеніе государственной канцеляріи въ дѣлахъ общегосударственнаго управленія, *персоналъ канцеляріи* получаетъ болѣе опредѣленную организацію. Списокъ всѣхъ лордовъ канцлеровъ этого періода можно найти у Фосса, Judges. Vol. III. Уже въ документахъ, относящихся къ царствованью Эдуарда II, два раза встрѣчается выраженіе Cancellarius Angliae; съ этого же времени начинаетъ мало по малу входить въ употребленіе и почетный титулъ: Лордъ-канцлеръ. Обыкновенно на должность канцлера все еще назначаются лица изъ высшаго духовенства; при Эдуардѣ III, изъ 17 канцлеровъ 4 были архіепископами, 8—епископами, изъ остальныхъ, однако, одинъ принадлежалъ къ рыцарскому сословію, а четыре были ученые юристы. Попытки парламента устранить духовныхъ отъ занятія этихъ должностей долгое время неудавались. Канцлеры свѣтскаго званія, по прошествіи небольшихъ промежутковъ времени, снова замѣнялись духовными. (Foss. III. 320). Старшимъ клеркамъ государственной канцеляріи въ разсматриваемый періодъ былъ присвоенъ титулъ Magistri, Masters of the Chancery. (Spence I. 359). Это объясняется тѣмъ, что, такъ какъ всѣ эти клерки безъ исключенія принадлежали къ нисшему духовенству, то вошло въ обычай примѣнять наименованіе magistri, которое они носили въ средѣ своего собственнаго сословія, и къ должности, занимаемой ими. Уже къ концу царствованья Эдуарда III титулъ Magistri употребляется и въ оффиціальныхъ документахъ, касающихся о назначенія лицъ на эту должность. (Foss. III. 334). Magistri, состоя при лордѣ канцлерѣ, принимаютъ вмѣстѣ съ нимъ участіе и въ парламентской дѣятельности; тутъ обыкновенно на нихъ возлагается обязанность принимать петицію; разрядъ же такъ называемыхъ Triers пополнялся изъ среды прелатовъ, бароновъ и судей.—Персоналъ младшихъ клерковъ, Clerici de secundo gradu, какъ они назывались въ отличіе отъ Magistri, или Clerici de primo Gradu, былъ, само собою разумѣется, еще многочисленнѣе. Во главѣ особаго отдѣленія государственной канцеляріи, завѣдывавшаго регистрированіемъ государственныхъ договоровъ, стоялъ Protonotarius и такъ называемые Treaty Rolls, которые велись этого рода должностными лицами, сохранились и понынѣ за весь промежутокъ времени отъ Эдуарда I и до 22 года царствованья Іакова I. Всѣ клерки жили въ особомъ корпоративномъ помѣщеніи, (Ynn) находившемся недалеко отъ королевскаго дворца и получали содержаніе деньгами и припасами изъ хозяйства короля.

при которомъ высшее духовенство и коронные вассалы пользовались правомъ утверждать своимъ согласіемъ взыманіе денегъ на военные и нѣкоторые другіе расходы, право это они успѣли за собой отстоять уже за цѣлое поколѣніе передъ этимъ; кромѣ того они призывались къ совѣщанію по всѣмъ важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ короля. Убѣдившись, что подобное участіе сословій въ дѣлахъ правленія стало отнынѣ дѣломъ неустранимымъ, Эдуардъ призналъ это право безусловно и даже расширилъ его въ теченіи своего царствованія за тѣ предѣлы, въ которыхъ оно первоначально замыкалось. Дѣятельность и персоналъ этихъ парламентскихъ собраній, сложились въ такомъ видѣ, что изъ нихъ впослѣдствіи выработался институтъ наслѣдственнаго свѣтскаго перства.

I) Совѣтъ прелатовъ и бароновъ, становится со временъ Эдуарда I *органическою составною частью государственнаго управленія*. Это періодическій сеймъ, созываемый обыкновенно четыре раза въ году, при чемъ магнаты сходятся съ королевскимъ совѣтомъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ образуютъ, на все время сессіи, великій совѣтъ. Право на призваніе въ этотъ совѣтъ, обусловливается либо должностью, занимаемой въ государственномъ управленіи, либо положеніемъ въ церковной іерархіи, либо землевладѣніемъ; всѣ призванные, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, участвуютъ въ засѣданіяхъ на равныхъ правахъ. Собранія этого рода имѣютъ не столько характеръ простаго созыва государственныхъ чиновъ, при которомъ представители привиллигированнаго землевладѣнія добиваются возможности возвышать свой голосъ въ дѣлахъ, сколько характеръ постояннаго и правильно организованнаго участія магнатовъ въ управленіи государствомъ, причемъ главенство парламента въ военныхъ, судебныхъ, полицейскихъ и финансовыхъ вопросахъ представляется уже вполнѣ выработаннымъ и оформленнымъ. Изъ этихъ-то верховныхъ правъ и вытекаетъ компетентность Великаго Совѣта. Словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ полномочіями неограниченной королевской власти, которыя примѣняются при содѣйствіи магнатовъ, содѣйствіи, успѣвшемъ сдѣлаться обязательнымъ условіемъ и войти въ основные законы государства. То, что въ этихъ собраніяхъ представляется еще неоформленнымъ и неопредѣленнымъ, есть ни что иное, какъ остатокъ унаслѣдованный отъ прежняго единоличнаго правленія. Но и въ такихъ уже не совсѣмъ точно обозначенныхъ предѣлахъ, можно распознать главнѣйшія изъ тѣхъ отправленій, на которыя распадается въ настоящее время дѣятельность верхней палаты. Дѣятельность эта и въ то время, какъ и теперь, обнимаетъ четыре цикла дѣлъ: великій совѣтъ выступаетъ въ качествѣ *судебнаго учрежденія*, въ качествѣ собранія, *утверждающаго налоги*, въ качествѣ *совѣта*, завѣдующаго дѣлами выс-

шаго государственнаго управленія и въ качествѣ *законодательнаго* собранія.

1) На первомъ планѣ при Эдуардѣ I выступаетъ дѣятельность великаго совѣта, какъ *судебнаго* учрежденія. Въ ту эпоху парламентъ преимущественно имѣлъ значеніе суда и всѣ прочія отрасли его дѣятельности лишь примыкали къ этому главному его занятію. Такъ понималъ дѣло Эдуардъ I (совершенно согласно со взглядами бароновъ, высказавшимися въ оксфордскихъ постановленіяхъ) когда онъ четыре раза въ году созывалъ парламентъ; отъ этого правила онъ уклонился лишь впослѣдствіи, во время сильныхъ неурядицъ въ государствѣ. Въ этомъ же смыслѣ и при послѣдующихъ короляхъ неоднократно высказывалось требованье, чтобы созывался, по крайней мѣрѣ *одинъ разъ* въ году парламентъ, т. е. судебное собраніе магнатовъ, и короли, удовлетворяя это требованіе, смотрѣли на дѣло съ той-же точки зрѣнія. Очевидно, тутъ сказывается еще вліяніе французской парламентской системы, которая послужила первообразцомъ для норманскаго Echiquier, а такъ же вліяніе германской идеи, по которой свѣтская власть имѣетъ преимущественно характеръ суда. Компетентность этого суда опирается на королевское право привлекать наиболѣе важныя и затруднительныя дѣла къ «суду королевскаго двора». Текущія судебныя дѣла, правда, были уже предоставлены въ разсматриваемый періодъ вѣдѣнью центральныхъ обще-государственныхъ судовъ, а ранѣе вѣдались судами въ графствахъ. Но такая передача судебной власти спеціальнымъ учрежденіямъ не упраздняла право короля издавать личныя распоряженія въ чрезвычайныхъ судебныхъ случаяхъ поэтому, какъ и въ германской имперской организаціи, придворный судъ существовалъ рядомъ съ обще-государственнымъ судомъ и государственные чины пользовались правомъ контроля надъ дѣятельностью коронныхъ судей. Конституціей никогда не было въ точности опредѣлено, какія именно судебныя дѣла подлежатъ суду парламента; да такого разграниченія и не могло состояться, потому что королевская власть никогда не отказывалась отъ своего права подвергать по своему личному усмотрѣнію наиболѣе важныя и чрезвычайныя дѣла такъ называемому judicium parium, а кромѣ того и сами сословія были заинтересованы въ сохраненіи этой привиллегіи, послѣ того, какъ ихъ участіе въ ней было обезпечено конституціей. Поэтому-то парламентъ является то первой инстанціей, то аппеляціоннымъ судомъ для дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, если только самый предметъ этихъ дѣлъ представлялся достаточно важнымъ. Къ разряду подобныхъ важныхъ и исключительныхъ дѣлъ обыкновенно причислялись:

а) Жалобы на неправильныя рѣшенія общегосударственныхъ цен-

тральныхъ судовъ. Для признанія такихъ жалобъ уважительными требовался королевскій writ of error, по изданіи котораго дѣла поступали на разсмотрѣніе короля и его совѣта, при чемъ высшимъ, наиболѣе авторитетнымъ и уважаемымъ мѣстомъ для разбирательства подобныхъ дѣлъ явился Magnum Concilium. Въ Yearboak относящемся къ 29 г. царствованья Эдуарда III. (Hale urisd. 41) судьи прямо высказываютъ взглядъ, преобладавшій въ то время и сводившійся къ тому, что постоянный королевскій совѣтъ не есть подобающее мѣсто для кассированія рѣшеній общегосударственныхъ судовъ. Необходимость пріискать болѣе авторитетное учрежденіе для подобныхъ кассацій, сама собой заставила привлечь къ разсмотрѣнію дѣлъ великій совѣтъ [1]).

b) Жалобы на членовъ самого парламента. Съ той самой поры, когда великій совѣтъ сталъ болѣе прочнымъ учрежденіемъ, возникло требованье, чтобы онъ былъ признанъ judicium pariurn для собственныхъ своихъ членовъ. Требованье особаго judicium pariurn для коронныхъ вассаловъ до сихъ поръ не могло быть оформлено единственно потому, что существовало слишкомъ большое неравенство въ положеніи сотенъ мелкихъ коронныхъ вассаловъ. Теперь, когда уже имѣлось на лицо вполнѣ организованная корпорація и когда внѣшнія разграниченія были точно установлены, требованье суда равныхъ. по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ этого, *болѣе тѣс-*

---

[1]) Парламентъ становится такимъ образомъ *судомъ изъ сословныхъ представителей*; то была цѣль, къ которой уже давно стремились магнаты. Выраженіе „парламентъ“ къ концу разсматриваемаго нами періода употребляется преимущественно въ этомъ смыслѣ (Parry, Parliaments XI., Peer's Report I 169—171) Совершенно согласно съ опредѣленіемъ, которое мы встрѣчаемъ въ судебной книгѣ Флеты, парламентъ въ царствованье Эдуарда II опредѣляется, какъ судебное учрежденіе, существующее въ силу органическихъ законовъ государства: coram Rege et concilio suo in presentia Domini Regis, Procerum et Magnatum regni, in Parliamento suo“. Единственная перемѣна, которая при этомъ произошла по сравненію съ прежними порядками, заключалась въ томъ, что измѣнился выборъ лицъ, на которыхъ возлагалась обязанность; между тѣмъ какъ въ прежнія времена составъ судебныхъ коммиссій опредѣлялся личнымъ выборомъ короля изъ среды множества людей, теперь король призываетъ къ роли судей классъ магнатовъ, организовавшійся въ правильную корпорацію. То, что когда то, во время процесса Томаса Бекета представлялось чрезвычайнымъ назначеніемъ, теперь становится правиломъ. Въ Peer's Report тоже подтверждается, что эта перемѣна произошла какъ-бы по молчаливому соглашенію, что уже въ Rotulo I, Edw. III предполагается само собою разумѣющимся, что всѣ духовные и свѣтскіе лорды являются судебными мужами этого судилища; упомянутый источникъ оговариваетъ только, что нельзя опредѣлить съ точностью время, когда произошла эта перемѣна. (Report V. 296. VI. 376). Исключительно въ *такомъ* смыслѣ на 4-мъ году царствованья Эдуарда III и было дано обѣщаніе, что парламенты будутъ созываемы ежегодно, или же и *чаще въ случаѣ надобности*, (Peer's Report I. 302). И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ болѣе частомъ созывѣ собраній для *утвержденія налоговъ*, ни лорды, ни члены палаты общинъ не были заинтересованы.

наго круга, сдѣлалось исполнимо и уклоняться долѣе отъ его удовлетворенія было нельзя. Перемѣна эта была до извѣстной степени уже подготовлена указомъ Генриха III, освободившимъ наиболѣе именитыхъ бароновъ отъ обыкновенной подсудности суду графства. Возраженія, какія могли быть сдѣланы противъ сказаной перемѣны, ослаблялись по мѣрѣ того, какъ великій совѣтъ сталъ все чаще и чаще привлекать судей общегосударственныхъ судовъ къ совѣщательному участію въ рѣшеніяхъ, принимаемыхъ имъ по юридическимъ вопросамъ. Весьма было естественно, что лорды не желали признавать въ ученыхъ юристахъ, которые играли при нихъ лишь роль помощниковъ и совѣтодателей,—представителей сословнаго суда надъ собственными ихъ особами. Новое выраженіе, Piers de la terre, впервые появляется въ оффиціальномъ языкѣ въ приговорѣ, произнесенномъ противъ Деспенсеровъ на 15 году царствованья Эдуарда II.: «А потому мы перы земли, графы и бароны, въ присутствіи короля объявляемъ...» и т. д. Въ процессѣ, веденомъ противъ Мортимера и въ спорѣ архіепископа Іоанна Кентерберійскаго требованье это выступаетъ съ еще большею опредѣленностью. На 15 году царствованья Эдуарда III по предложенію бароновъ издается законъ, удовлетворящій до извѣстной степени, сказанному стремленію. Закономъ этимъ постановляется, «что ни одинъ пэръ земли не можетъ быть приговариваемъ къ лишенію своего свѣтскаго имущества, къ аресту или заключенію въ тюрьмѣ иначе, какъ по рѣшенію *пэровъ въ парламентѣ*. [1a]) Вмѣстѣ съ правомъ суда надъ собственными членами парламенту было присвоено

c) право обвиненія противъ высшихъ сановниковъ королевской службы,

---

[1a]) Когда за сто лѣтъ передъ этимъ, во время суда надъ графомъ Маршаломъ, было заявлено требованье суда пэровъ, епископъ Петръ де Рошъ совершенно основательно возразилъ, что въ Англіи пэровъ не существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ Франціи и что король имѣетъ полное право предавать враговъ своихъ суду своихъ судей. Но послѣ того, какъ въ теченіи цѣлаго длиннаго ряда годовъ, духовные и свѣтскіе лорды привыкли постоянно являться на эти судебныя собранія, естественно, что они стали смотрѣть на себя, какъ на пэрство замкнувшееся въ болѣе тѣсномъ кругѣ, какъ, на Piers de la terre. Притязаніе членовъ великаго совѣта на подобный судъ пэровъ, опиралось къ тому же и на старинныхъ норманскихъ законахъ о правахъ службы; законы эти всегда признавали за членами высшихъ судебныхъ мѣстъ право судиться не иначе, какъ передъ исключительнымъ составомъ судей; подобныя судилища назначались при томъ учрежденіи, въ которомъ служилъ подсудимый, при государственномъ казначействѣ, и т. д. На 15 году царствованья Эдуарда III баронами было внесено категорическое предложеніе въ томъ же смыслѣ и по разсмотрѣніи этого предложенія комиссіею изъ 4-хъ епископовъ, 4-хъ графовъ, бароновъ, совокупно съ sages de la iey, въ эту же сессію былъ изданъ законъ, гласившій, что ни одинъ пэръ земли, коронный чиновникъ или другое какое лицо не могутъ за преступленія по должности быть привлекаемы къ суду, приговариваемы къ лишенію свѣтскаго своего имущества, къ аресту, или тюремному заключенію, иначе, какъ по рѣшенію (award) пэровъ въ парламентѣ". Peers Report I. 314. 315.

которые по причинѣ ихъ высокаго іерархическаго положенія и особыхъ правовыхъ условій, связанныхъ съ этимъ послѣднимъ, не могутъ быть судимы обыкновенными судьями. Дѣла этого рода, какъ чрезвычайныя placita восходятъ «къ королю въ его совѣтѣ»; а такимъ совѣтомъ для сказанныхъ случаевъ могъ считаться только Великій совѣтъ; этотъ же послѣдній, какъ и слѣдовало ожидать, уже съ самой ранней поры своего существованія, вносилъ въ свои рѣшенія по громкимъ процессамъ, разбиравшимся въ немъ, всю страстность, свойственную борьбѣ партій. По мѣрѣ того, какъ возрастало могущество этого государственнаго учрежденія, оно расширяло и судебную свою компетентность во всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ направленіяхъ и, сохраняя форму совѣщательнаго собранія, въ сущности стало верховнымъ судомъ государства [1b]).

2) Это же учрежденіе является собраніемъ, *разрѣшающимъ налоги*, а именно scutagia, и чрезвычайныя auxilia, взымаемыя съ бароновъ. Прецедентами, бывшими въ царствованье Генриха III, было установлено, что коронные вассалы (Baronage) утверждаютъ эти налоги при посредствѣ комитета состоящаго изъ наиболѣе выдающихся представителей, какъ высшаго духовенства, такъ и свѣтской аристократіи. Комитетъ созывался королевскимъ writ и члены его, какъ несущіе наибольшую податную тягость, являлись представителями интересовъ болѣе мелкихъ плательщиковъ. Эдуардъ I уважалъ это право вассаловъ. Но сильное недовольство, вызванное

[1b]) Но при этомъ верховный совѣтъ все-таки унаслѣдовалъ отъ норманской Curia Regis недостатокъ опредѣленности въ границахъ своей компетентности. Такъ, въ дѣлѣ Мортимера, разбиравшемся въ 3-мъ году царствованья Эдуарда III, магнаты заявили, что они не обязаны судить Симона де Бересфорда, такъ какъ онъ имъ не равный (не пэръ). Съ другой стороны, относительно Томаса де Беркели они поступили какъ разъ на оборотъ и предали этого короннаго вассала, призваннаго, по изстари заведенному обычаю, особымъ writ, суду присяжныхъ, состоявшему изъ milites corum Rege in pleno Parliamento. См. Report I. 300. Другое наслѣдіе старыхъ норманскихъ судебныхъ коммиссій—неопредѣленность процессуальныхъ формъ, тоже долгое время даетъ себя чувствовать. Въ 11 году царствованья Ричарда II, пятеро такъ называемыхъ Lords Appelant составляютъ обвинительный актъ о государственной измѣнѣ. (См. подробности этого дѣла въ Parliamentary History I. 410—440). Въ воспоминаніе о формахъ старой административной юстиціи, судъ этотъ былъ названъ „Council“. (Peers. Report. App. IV. 729), а приговоръ его обозначался терминомъ award и, какъ таковой, получалъ окончательную силу лишь съ согласія короля. Но послѣ того, какъ противная партія очутилась у кормила правленія, съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ выступила, наоборотъ, палата общинъ, и архіепископъ Томасъ Арундель, противъ котораго было направлено это обвиненіе, былъ приговоренъ къ изгнанію. (21 Ric. II). Многіе другіе пэры были обвинены лордами Appllant, и приговорены къ смертной казни, или изгнанію. Старыя рѣшенія, постановленныя въ 11-мъ году царствованья Ричарда, были по большей части отмѣнены; но за тѣмъ, въ 1-мъ году по вступленіи на престолъ Генриха IV, эти послѣднія постановленія были объявлены недѣйствительными и отмѣненныя ими рѣшенія возстановлены въ прежней силѣ.

нарушеніемъ сказаннаго права на 25-мъ году царствованья упомянутаго монарха, отказъ духовенства въ уплатѣ податей, финансовыя затрудненія, причиненныя войною и общее недовольство страны, все это побудило короля издать такъ называемую Confirmatio Chartarum, (25 Edw. I. c. 6) которымъ королевская власть шла еще на дальнѣйшія уступки и обусловливала взысканіе всякихъ auxilia, scutagia и tallagia согласіемъ всей совокупности прелатовъ, бароновъ и членовъ палаты общинъ, составляющихъ парламентъ. (§ 23).

При каждомъ изъ послѣдующихъ правительствъ, уступленное такимъ образомъ право снова подтверждалось, расширялось и обезпечивалось отъ нарушеній новыми гарантіями. Это то право періодическаго утвержденія налоговъ создаетъ отнынѣ Великому Совѣту неприступную позицію и доставляетъ ему точку опоры для остальныхъ его притязаній. Но только свѣтской и духовной аристократіи пришлось уже очень скоро раздѣлить это право съ палатою общинъ, которая мало по малу именно въ дѣлѣ разрѣшенія налоговъ получаетъ преобладающее вліяніе [2]).

3) Magnum Concilium служитъ въ тоже время *высшимъ совѣщательнымъ учрежденіемъ*, въ которомъ обсуждаются важнѣйшія мѣры по государственному управленію. Его голосъ, прежде всего, принимается во вниманіе при рѣшеніи вопросовъ войны и мира, что объясняется тою важною ролью, которую крупные бароны играютъ въ военной организаціи государства, но за тѣмъ и въ дѣлахъ внутренняго управленія мнѣнія Великаго совѣта имѣютъ вѣсъ и значеніе. Такимъ образомъ сфера его дѣятельности въ принципѣ та же, какъ и у постояннаго королевскаго совѣта. При этомъ само собою разумѣется, наиболѣе важныя дѣла предоставляются на рѣшеніе наиболѣе значительнаго изъ этихъ двухъ собраній, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мелкія дѣла были вовсе изъяты изъ его вѣдѣнья. Въ виду такой то неопредѣленной сферы дѣятельности упомянутое собраніе чаще обозначается названіемъ Concilium, а не Parliamentum. Но правильное возобновленіе подобныхъ собраній, черезъ извѣстные промежутки времени, придаетъ магнатамъ все болѣе и болѣе усиливающееся вліяніе на дѣла правленія, преимущественно въ нижеслѣдующихъ вопросахъ.

Магнаты являются дѣятельными участниками въ той отрасли те-

---

[2]) На 25 году царствованья Эдуарда I въ виду усиленныхъ военныхъ расходовъ, вызванныхъ походомъ во Фландрію, было издано повелѣніе отъ имени короля и его совѣта, облагавшее всѣхъ землевладѣльцевъ взносомъ на военныя надобности въ размѣрѣ 20 ф. (Peers Report I. 220. 221). Общій протестъ противъ этой мѣры имѣлъ своимъ результатомъ такъ называемый Statutum de tallagio non concedendo. 25 Edw. c. 5. 6. Подробности о происхожденіи новаго закона читатель найдетъ ниже въ §§ 23, отд. I.

кущей правительственной дѣятельности, которая состоитъ *въ разсмотрѣніи петицій и въ постановленіи рѣшеній по нимъ*. Созывъ парламентовъ каждый разъ ознаменовался усиленнымъ наплывомъ петицій и обстоятельство это естественнымъ образомъ породило требованье, чтобы докладчики по петиціямъ, receivers and triers of petitions, выбирались изъ среды самихъ представителей сословій. Въ бурный періодъ такъ называемыхъ Ordinances of Ordainers (въ 5-мъ году, царствованья Эдуарда II) парламенту удалось добиться удовлетворенія этого требованья; но формы, въ которыхъ примѣнялось на практикѣ сдѣланная такимъ образомъ уступка, видоизмѣнялись, смотря по настроенію правительственной власти въ данный періодъ. На 14-мъ году царствованья Эдуарда III было постановлено, что отнынѣ въ каждомъ парламентѣ будутъ выбираться по два прелата, по два графа и по два барона и что на нихъ, отъ имени короля, будетъ возлагаться сопровождаемое надлежащими полномочіями порученіе изслѣдовать всѣ жалобы на медленность или неправильность въ отправленіяхъ правосудія, буде таковыя жалобы поступятъ въ парламентъ въ формѣ петицій; затруднительные случаи, могущіе встрѣтиться при этомъ, упомянутыя лица должны были представлять на усмотрѣніе слѣдующаго парламента. Такимъ образомъ было установлено нѣчто въ родѣ постояннаго парламентскаго комитета, подобнаго тому, который и теперь существуетъ при Верхней палатѣ. Однако еще до половины царствованья Эдуарда III, клерки государственной канцеляріи, королевскіе судьи и пэры продолжали существовать бокъ о бокъ въ качествѣ triers and auditors, при чемъ первые играли роль докладчиковъ, на обязанности вторыхъ лежало лишь предварительное разслѣдованье дѣла.

Вліяніе государственныхъ чиновъ распространялось такъ же и на *назначеніе тѣхъ или другихъ лицъ на высшія государственныя должности*. Уже въ ранній періодъ существованія парламентовъ случается, что король заявляетъ о своемъ желаніи назначать на государственныя должности лишь такихъ лицъ, которыя будутъ «угодны» Великому совѣту, но при этомъ оговаривается, что право назначеній онъ все-таки сохраняетъ за собою. (Rot. Parl. III. 258. 349). Нерѣдко высшіе сановники государственной службы приносятъ присягу въ самомъ совѣтѣ. При этомъ у наиболѣе вліятельныхъ и свѣдущихъ въ дѣлахъ членовъ Великаго совѣта естественнымъ образомъ является притязаніе быть призванными въ болѣе тѣсный кругъ ближайшихъ совѣтниковъ короля. Само собою разумѣется, во время малолѣтства короля, Великій совѣтъ имѣетъ рѣшающее вліяніе на составъ правящаго совѣта, какъ то было при вступленіи на престолъ Эдуарда III, Ричарда II и Генриха VI. Но и при государяхъ,

правящихъ самостоятельно, во время конституціонныхъ столкновеній, магнатамъ неоднократно удавалось навязывать королю такой составъ административнаго государственнаго совѣта, какой имъ былъ желателенъ. Такъ, на 9-мъ году царствованья Эдуарда II, графъ Ланкастеръ становится у кормила правленія въ качествѣ президента совѣта и при этомъ даетъ клятвенное обѣщаніе, что «не будетъ рѣшать никакихъ государственныхъ дѣлъ помимо членовъ совѣта и что всякій членъ совѣта, который предложитъ что либо, клонящееся во вредъ государству, будетъ удаленъ въ слѣдующемъ же парламентѣ». На 12 году царствованья Эдуарда II было постановлено, что король долженъ постоянно имѣть при себѣ одного графа, одного барона или баннерета графа Ланкастерскаго; при этомъ «всѣ дѣла, какія могутъ дѣлаться помимо парламента, должны быть рѣшаемы не иначе, какъ съ согласія этихъ лицъ и все сдѣланное безъ ихъ согласія должно считаться недѣйствительнымъ и подлежитъ исправленію пэрами въ слѣдующемъ же парламентѣ». Начиная съ Генриха VI великія битвы между партіями ознаменовываются преимущественно тѣмъ, что наиболѣе вліятельные члены Continual Council періодически назначаются, смѣщаются и предаются суду членами Верховнаго совѣта. При короляхъ дома Ланкастеръ большинство постояннаго государственнаго совѣта состоитъ изъ лицъ, обязанныхъ своимъ положеніемъ тому кредиту, которымъ они пользуются среди Великаго совѣта [3]).

---

3) Какъ *совѣщательное собраніе*, состоящее при особѣ короля, совѣтъ магнатовъ имѣетъ такую же неопредѣленную компетентность, какъ и правительствующій Continual Council. Всѣ государственныя дѣла могутъ вѣдаться имъ въ извѣстныхъ случаяхъ, смотря по тому, въ какомъ положеніи находится въ данную минуту государство. При этомъ временами случаются тѣ же превышенія власти и столкновенія, какія мы видимъ у земскихъ чиновъ въ германскихъ владѣніяхъ. Уже въ 4-мъ году царствованья Эдуарда I, „прелатами, графами, баронами и другими совѣтниками короля, Justices и Regis fideles, собранными въ парламентѣ“ была рѣшена война противъ Уэльса. Во время позднѣйшихъ войнъ и столкновеній съ папскимъ престоломъ, королевская власть безпрестанно обращалась къ нимъ за одобреніемъ. При обсужденіи петицій государственные чины призывались на помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось изданіе законодательнаго постановленія или нужно было прибѣгнуть въ какой нибудь исключительной мѣрѣ, тѣ же петиціи, по которымъ дѣло могло быть рѣшено обыкновеннымъ административнымъ или судебнымъ путемъ, проходили только черезъ руки канцлера, судей и членовъ постояннаго совѣта. (Peers Report I. 245). Въ этомъ же смыслѣ Великій совѣтъ участвовалъ и въ делегаціяхъ. Чрезвычайная гражданская и уголовная юрисдикція постояннаго совѣта нерѣдко встрѣчала поддержку со стороны Magnum Concilium, при чемъ однако же у магнатовъ неоднократно возникали споры съ постояннымъ совѣтомъ изъ за ихъ притязанія участвовать въ этой судебной дѣятельности. Въ одномъ адресѣ, поданномъ королю недовольными магнатами въ 10-мъ году царствованья Ричарда II, мы читаемъ: „Да соблаговолитъ король единожды въ году созывать своихъ лордовъ, дворянство и общины въ парламентъ, какъ наивысшее судилище

4) Этимъ-то путемъ Magnum Concilium становится наконецъ законодательнымъ собраніемъ государства. Марльбриджскій статутъ, состоявшійся въ концѣ царствованія Генриха III, имѣлъ наиболѣе рѣшающее вліяніе на установленіе правильныхъ совѣщаній короля съ магнатами по важнѣйшимъ законодательнымъ актамъ; а этотъ законъ опирается на нѣкоторые единичные случаи, бывшіе до него и создавшіе для него прецедентъ. Такъ, Эдуардъ I, не отказываясь отъ своего традиціоннаго права издавать повелѣнія единолично, ввелъ съ самаго начала своего царствованія совѣщанія съ Великимъ совѣтомъ по всѣмъ важнѣйшимъ законодательнымъ измѣненіямъ, касающимся частнаго и уголовнаго права, а также судебной процедуры. Начиная съ изданія перваго Уэстминстерскаго статута и вплоть до позднѣйшихъ годовъ царствованія Эдуарда III, Великій совѣтъ является совѣщательнымъ собраніемъ, въ которомъ разсмотрѣніе предполагаемыхъ законодательныхъ мѣръ происходитъ, какъ дѣло обычное; это не мѣшаетъ королю отъ времени до времени издавать повелѣнія со старой формулой, отъ имени «Короля и его совѣта»; но уже съ конца царствованія Эдуарда III королевскія повелѣнія не могутъ имѣть законной силы, если ими отмѣняются законы, изданные въ полномъ составѣ парламента. Эта законодательная власть, соотвѣтственная глубоко вкоренившемуся національному представленію о законодательствѣ consensu meliorum terrae сама собою очутилась въ рукахъ прелатовъ и бароновъ, какъ скоро было прочно установлено ихъ положеніе, какъ членовъ учрежденія, совмѣщавшаго въ себѣ верховный Государственный совѣтъ и собраніе, разрѣшающее налоги. На сколько вліяніе ихъ было уже сильно, въ этомъ можно убѣдиться по той перемѣнѣ, которая, какъ въ это время, происходитъ въ языкѣ законодательныхъ постановленій; французскій языкъ, бывшій въ ту пору живымъ языкомъ всего высшаго англійскаго общества, начинаетъ вытѣснять изъ законодательства латынь, бывшую до того въ употребленіи. Начиная съ 3-го года царствованія Эдуарда II настаетъ видоизмѣненіе и въ той терминологіи, по которой подъ словомъ Parliament разумѣлось

ще государства, въ коемъ правда и правосудіе должны сіять подобно солнцу и которое какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ должно служить надежнѣйшимъ оплотомъ и защитою черезъ возстановленіе тишины и спокойствія и черезъ устраненіе всякой неправды". На 21-мъ году царствованья Ричарда II по предложенію палаты общинъ былъ назначенъ комитетъ изъ 12 лордовъ, на обязанности котораго лежало по закрытіи парламентской сессіи подвергать разсмотрѣнію петиціи и другія дѣла, оставшіяся неоконченными, постановлять по нимъ рѣшенія и извѣщать о состоявшихся рѣшеніяхъ заинтересованныя стороны. Но произвольныя дѣйствія именно этого комитета повлекли за собою паденіе короля. (Parl. Hist. I, 482—498). При Генрихѣ VI настаетъ ненормальный періодъ ознаменовывающійся революціонными захватами.

то высшее судебное, то законодательное собраніе государства. При послѣдующихъ правительствахъ слово это употребляется преимущественно въ послѣднемъ смыслѣ. Но рядомъ съ Великимъ совѣтомъ уже Эдуардъ I началъ привлекать представителей графствъ, городовъ, торговаго сословія и т. п. къ совѣщанію о законахъ, касавшихся ближайшихъ интересовъ такъ называемыхъ Commons (§ 23). По мѣрѣ того, какъ нижняя палата пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вліятельный голосъ въ дѣлѣ разрѣшенія налоговъ магнаты видятъ себя вынужденными раздѣлить свои права съ нижней палатой [4]).

Между тѣмъ въ теченіе этого періода все болѣе и болѣе усиливается преобладаніе великаго совѣта надъ постояннымъ государственнымъ совѣтомъ по всѣмъ отраслямъ, на которыя распадалась дѣятельность этихъ учрежденій, такъ что къ концу періода Continuas

---

[4]) На 3-мъ году царствованья Эдуарда I былъ изданъ 1-й Уэстминстерскій статутъ „съ согласія свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ присутствовавшихъ въ Communitas“ (этимъ послѣднимъ словомъ обозначалась еще и въ то время, такъ же, какъ при Генрихѣ III вся совокупность людей, созванныхъ въ парламентъ) см. Report I. 173, 174. Затѣмъ въ теченіи очень долгаго времени, важнѣйшіе законодательные акты издаются отъ имени Великаго Совѣта все еще безъ содѣйствія представителей графствъ и городовъ. Такъ напримѣръ на 13-мъ году царствованья Эдуарда I 2-й Уэстминстерскій статутъ de donis conditionalibus и подтвержденіе хартіи вольностей „habito super hoc cum suo concilio tractatu“, см. Report I 194. Равнымъ образомъ удерживалась и терминологія, по которой собраніе прелатовъ и бароновъ безъ привлеченія Commons, все же называлось Perliamentum какъ то было, напр., на 27-мъ году царствованья Эдуарда I. См. Rep. I 237. На 28-мъ году царствованья Эдуарда I *не взирая на то, что* Commons *были созваны*, къ совѣщанію объ издаваемыхъ законахъ привлекается только Великій Совѣтъ. См. Rep. I. 238. 239. На 3-мъ году царствованья Эдуарда II упоминается объ общемъ согласіи всѣхъ епископовъ, графовъ и бароновъ „in pleno parliamento“, въ слѣдующемъ году упоминается о согласіи тѣхъ же лицъ данномъ „въ полномъ составѣ парламента“ не взирая на то, что какъ разъ передъ этимъ представители графствъ и городовъ были *отпущены* См. Report I. 261. Еще на 6-мъ году царствованья Эдуарда III былъ такой примѣръ, что по распущеніи нисшаго духовенства, представителей графствъ и городовъ, прелаты и члены совѣта остались въ сборѣ для дальнѣйшихъ совѣщаній. (Parry 97); позднѣе, въ томъ же году, по распущеніи представителей общинъ, прелаты и бароны снова остались (Parry 99. 100). Но уже съ этого времени созывы парламента безъ приглашенія представителей общинъ становятся рѣже. Собраніе, происходившее на 20 году царствованья Эдуарда III, 27 марта 1346, было еще Magnum Concilium, но знаменательно то, что оно было названо не парламентомъ, а конвокаціей. (см. Peers. Rep. App. IV. 557). Затѣмъ снова было одно такое собраніе на 27-мъ году царствованья Эдуарда III и, какъ кажется, еще одно на 45-мъ году царствованья того же короля. Наконецъ, магнаты еще разъ собираются безъ участія представителей общинъ на 2-мъ году царствованья Ричарда II. (См. Rot. Parl. III. 55 Peers Report I. 320). Но въ промежуткахъ все еще издаются законы, въ обсужденіи которыхъ участвуютъ только судьи или постоянный совѣтъ короля. Таковъ былъ напримѣръ такъ называемый статутъ Эктона Бернелля, изданный на одинадцатомъ году царствованья Эдуарда I. (Report. I 190.—206—208), законъ de prisonibus, 23 Edw. I (Report. I. 217). Королевскія повелѣнія, касающіяся Ирландіи и законъ de prerogativa Regis, изданный на 11-мъ году царствованья Эдуарда II. (Rep. I. 286).

Council порою просто играетъ роль комитета Великаго совѣта. Борьба между королевскою властью и магнатами, которая при Генрихѣ III разрѣшилась вооруженнымъ возстаніемъ бароновъ, превращается теперь въ борьбу между королевскимъ совѣтомъ и парламентомъ.

II. Составъ парламента магнатовъ къ концу царствованья Генриха III успѣлъ установиться въ общихъ чертахъ на основаніи цѣлаго ряда предыдущихъ примѣровъ, создавшихъ нѣчто въ родѣ однообразнаго правила для собраній этого рода. Послѣ того, какъ парламентъ Симона де Монфора потерпѣлъ неудачу, Генрихъ III возстановилъ традиціонный способъ созыва на совѣщаніе посредствомъ королевскаго writ епископовъ и аббатовъ, графовъ и бароновъ, или вѣрнѣе, избранныхъ лицъ между послѣдними и этотъ порядокъ продолжалъ держаться и въ теченіе всего столѣтія, занятаго царствованьями трехъ Эдуардовъ. Но самый характеръ собранія, понятнымъ образомъ, всегда зависѣлъ отъ выбора лицъ, приглашаемыхъ въ него.

Въ парламентъ, дѣйствовавшій въ качествѣ судебнаго собранія, могли быть призываемы только духовные и свѣтскіе коронные вассалы, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, былъ бы нарушенъ принципъ judicium parium.

Въ парламентъ, разъ онъ выступалъ въ роли собранія, разрѣшающаго взысканіе налоговъ опять такихъ приглашались tenentes in capite. Но именно въ такомъ дѣлѣ, какъ разрѣшеніе налоговъ, крупнѣйшіе плательщики могли считаться представителями плательщиковъ, болѣе мелкихъ.

Въ парламентѣ, по сколько онъ имѣлъ характеръ совѣщательнаго собранія, участниками являлись, кромѣ ближайшихъ совѣтниковъ короля, еще сановники церкви по установившемуся изстари обычаю и наиболѣе именитые между коронными вассалами,—такъ сказать по праву рожденія. Впрочемъ и здѣсь большое значеніе придавалось опытности въ военномъ и государственномъ дѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія ничто не препятствовало призывать къ участію въ совѣтѣ выдающихся людей, хотя бы они и не имѣли никакого лена, полученнаго непосредственно отъ короны, и даже, принадлежало къ чужеземнымъ дворянскимъ фомиліямъ, какъ, напримѣръ, Бомоны и Грандисоны,—и точно,—извѣстны доподлинно два или три случая, когда такъ и дѣлалось. Впрочемъ для иностранца не трудно было пріобрѣсти законное право на участіе въ совѣщательномъ парлементѣ, стоило ему получить непосредственно отъ короны рыцарскій ленъ.

Наконецъ въ парламентъ, какъ законадательное собраніе изстари было заведено призывать лучшихъ людей (meliores terrae). Но чѣмъ

болѣе съ теченіемъ времени дѣятельность и составъ парламента принимали прочныя формы, тѣмъ болѣе ощущались необходимость строгихъ юридическихъ опредѣленій, основанныхъ но извѣстной, тщательно обдуманной и установленной нормѣ, сообразной съ тѣми началами, въ которымъ въ концѣ концовъ приходитъ всякое сословное представительство *).

Сообразно съ этою потребностью, къ участію въ Великомъ Совѣтѣ приглашаются три группы: духовные лорды, свѣтскіе лорды и члены Permanent Council. Къ первой группѣ принадлежатъ духовные лорды, которымъ по изстари заведенному обычаю присвоивается первое мѣсто. Сюда относятся архіепископы, епископы, аббаты, пріоры и магистры орденовъ. При этомъ, изъ документовъ можно видѣть, что уже съ самаго начала парламентовъ 2 архіепископа и 19 епископовъ неизмѣнно приглашались, какъ лица, имѣющія двоякое право на участіе въ парламентахъ: въ качествѣ высшихъ сановниковъ церкви и въ качествѣ коронныхъ вассаловъ. Если въ этихъ приглашеніяхъ и попадаются нѣкоторые пробѣлы, то это объясняется или вакантностью каѳедры въ данную минуту, или личнымъ отсутствіемъ, или какимъ нибудь временнымъ препятствіемъ, или же, наконецъ, незначительностью самаго собранія, такъ какъ по дѣламъ второстепеннымъ совѣтъ созывался въ менѣе многочисленномъ составѣ. Что касается аббатовъ, то число ихъ долгое время колебалось, смотря по цѣли, для которой созывался парламентъ. Многіе изъ нихъ не очень то дорожили убыточною и обременительною честью присутствовать на этихъ собраніяхъ и выставляли на видъ, что они по имущественному своему положенію вовсе не обязаны являться для участія въ Curia Regis. Начиная съ 15-го года царствованья Эдуарда III, на практикѣ устанавливается правило освобождать отъ участія въ парламентахъ тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ землею не «by barony, а лишь in

---

*) Способы, которыми производились *созывы въ парламентъ*, начиная съ 23-го года царствованья Эдуарда I извѣстны почти во всѣхъ подробностяхъ, благодаря парламенскимъ writs, служившимъ для этого рода созывовъ; всѣ данныя, относящіяся до этого предмета напечатаны и разработаны въ замѣчательныхъ сочиненіяхъ Принна (1650—1664) и Дугдэля (1685) а такъ же въ Reports on the dignity of a Peer. Первый Report, въ виду чрезвычайной важности этого документа былъ перепечатанъ четыре раза (въ 1819, 1820, 1823 и 1829 гг.) Приложенія и дополненія къ томамъ II—V содержатъ въ себѣ тоже чрезвычайно важный матеріалъ и заканчиваются именнымъ спискомъ всѣхъ вновь пожалованныхъ перовъ. Парри въ своемъ сочиненіи Parliaments даетъ таблицу лордовъ, впрочемъ только свѣтскихъ. Полная таблица всѣхъ сановниковъ церкви, магнатовъ и членовъ Permanent council, призывавшихся въ каждый изъ парламентовъ начиная съ 11 года царствованья Эдуарда I и до 1-го года парствованья Ричарда III была приложена мною ко второму изданію настоящаго сочиненія. (Engl. Verwaltungsrecht. 1867, 1 стр. 382—387).

frankalmoign». Съ этихъ поръ число аббатовъ, присутствующихъ на каждомъ парламентѣ, мало по малу останавливается на постоянной цифрѣ—25. Но при этомъ, общее число аббатовъ различныхъ монастырей, которымъ при тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствахъ разсылались приглашенія, простирается до—122. Еще большія колебанія замѣчаются въ числѣ *пріоровъ и магистровъ* трехъ духовныхъ орденовъ. Что касается пріоровъ, то изъ ихъ среды во всѣ времена лишь немногіе были приглашаемы въ парламенты, а съ 15-го года царствованья Эдуарда неимѣнье пріоромъ короннаго лена признается достаточнымъ оправданіемъ для неявки на призывъ. Но вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ въ персоналѣ приглашаемыхъ лицъ, общее число ихъ простиралось до 41, хотя изъ этого числа не болѣе двухъ, трехъ человѣкъ могутъ считаться регулярными участниками въ собраніяхъ представителей [1]).

Вторая группа— свѣтскіе лорды, состоитъ въ столѣтіе трехъ Эду-

---

[1]) Между *прелатами*, призывавшимися въ парламентъ, на первомъ планѣ стоятъ архіепископы и епископы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о наложеніи платежей въ помощь государственной казнѣ при какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, заботились о томъ, чтобы эти іерархи являлись въ парламентъ по возможности въ полномъ своемъ составѣ. Тамъ, гдѣ каѳедры временно пустовали, приглашенія высылались на имя лицъ, временно исправлявшихъ должность архіепископа, или епископа, такъ называемыхъ Keepers of the Spiritualities (генеральныхъ викаріевъ). Случайно, былъ одинъ разъ приглашенъ и архіепископъ Дублинскій. Число призываемыхъ аббатовъ повидимому остановилось съ теченіемъ времени на 23—25. Лишь изрѣдка, въ такихъ случаяхъ, когда предстояло разрѣшеніе вопроса о субсидіяхъ правительству, о крестовомъ походѣ и т. п., они призывались въ большемъ количествѣ.

На 15-мъ году царствованья Эдуарда III, два аббата и два пріора были освобождены отъ призыва на томъ основаніи „что они не владѣли ни by barony, ни in capite такою недвижимою собственностью, которая обязывала бы ихъ являться въ парламенты и въ совѣтъ“. (Parry 112) Въ томъ же году еще нѣсколько другихъ аббатовъ были освобождены въ виду того, что „они владѣютъ поземельною собственостью лишь in frankalmoigh“ Parry 113. (Подобнаго же рода случай былъ еще ранѣе, въ 12-мъ году царствованья Эдуарда). Съ этого времени упомянутая причина неявки стала, повидимому, неизмѣнно считаться вполнѣ уважительною.

Еще бо́льшія колебанія замѣчаются въ тѣхъ соображеніяхъ, которыми руководились при разсылкѣ приглашеній пріорамъ и магистрамъ орденовъ. Что касается лицъ послѣдней категоріи, то они вслѣдствіе упраздненія духовныхъ орденовъ, и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, вскорѣ совсѣмъ исчезаютъ, такъ что подъ конецъ постоянный контингентъ второстепенныхъ духовныхъ сановниковъ, присутствующихъ въ парламентѣ, органичивается двумя пріорами.—Въ теченіи перваго столѣтія разсматриваемаго нами періода приглашенія въ парламентъ составлялись въ томъ смыслѣ, что приглашаемый могъ являться самолично, или же присылать за себя *замѣстителя*. Такъ, напримѣръ, аббаты увольнялись отъ присутствованья въ парламентахъ разрѣшавшихъ налоги, если они вмѣсто себя присылали уполномоченнаго. Parry 68. Но иногда въ разсылаемыхъ приглашеніяхъ спеціально дѣлалась оговорка, что присылка вмѣсто себя замѣстителей не допускается. Такъ было, напримѣръ, на 6-мъ году царствованья Эдуарда III. Вообще съ теченіемъ времени требованье личной явки на собранія Великаго Совѣта становится все строже и строже.

ардовъ, изъ графовъ и бароновъ. Графы (Earls) все еще являются признанными главами всего сословія коронныхъ вассаловъ, хотя достоинство ихъ основано не на ленномъ владѣніи «графствомъ», а на королевскомъ патентѣ. Немногочисленный контингентъ лордовъ этого разряда, повидимому, съ самаго начала регулярно получалъ приглашенія въ парламентъ наравнѣ съ епископами, такъ что пропускъ того или другого имени въ этихъ приглашеніяхъ объясняется просто несовершеннолѣтіемъ, отсутствіемъ, или какими нибудь личными причинами, ставящими данное лицо въ невозможность участвовать въ собраніи. Въ позднѣйшій періодъ къ графамъ присоединяются, на тѣхъ-же правахъ въ дѣлѣ участія въ собраніяхъ парламента, и тѣ герцоги, маркизы и виконты, которые получили свое достоинство путемъ королевскихъ патентовъ и число которыхъ было очень невелико. Что касается *приглашеній, разсылаемыхъ баронамъ*, то весьма трудно опредѣлить, какимъ правиломъ руководствовались при этихъ приглашеніяхъ. Въ царствованіе Генриха III придерживались обычая, (имѣвшаго, безъ сомнѣнія свои корни въ самомъ происхожденіи всѣхъ consilia optimatum),—по которому король призывалъ наиболѣе уважаемыхъ между баронами и такихъ, на которыхъ лежали наибольшія податныя тягости, дабы они въ дѣлѣ суда, совѣта и утвержденія налоговъ являлись представителями всѣхъ остальныхъ. Но этого рода мѣрило оставляло еще достаточно простора для уклоненій въ ту, или другую сторону. Такъ Эдуардомъ I было приглашено на собраніе государственныхъ членовъ, происходившее въ Шрьюсбери 1283 г. 110 графовъ и бароновъ, а на Уэстминстерское собраніе въ 1295 г. только 49 лицъ этого разряда. Число приглашеній колеблется при Эдуардѣ I между 40 и 111, при Эдуардѣ II—между 38 и 123, при Эдуардѣ III—между 24 и 96, при Ричардѣ II—между 29 и 48, при Генрихѣ IV—между 24 и 37, при Генрихѣ V—между 20 и 32, при Генрихѣ VI—между 15 и 42, при Эдуардѣ IV—между 23 и 37. Въ теченіи перваго столѣтія этого періода перемѣны въ персоналѣ приглашенныхъ бываютъ такъ часто, что 98 лордовъ были приглашены не болѣе одного раза, 50 лордовъ не болѣе двухъ, трехъ, или четырехъ разъ, и затѣмъ имена ихъ исчезаютъ на всегда изъ списковъ призываемыхъ въ парламентъ. Иные, правда, получали приглашенія въ теченіе всей своей жизни, но за тѣмъ наслѣдники ихъ не призываются ни разу. При томъ важномъ значеніи, которое въ дѣятельности парламентовъ имѣло разрѣшеніе налоговъ, не подлежитъ сомнѣнію, что *финансовые мотивы* играли не малую роль въ выборѣ членовъ для этихъ собраній и что по этому прежде всего заботились привлечь такихъ коронныхъ вассаловъ, которые взносили наивысшую норму relevium, уплачиваемую при переходѣ поземельной собственности изъ

однихъ рукъ въ другія—100 марокъ. Затѣмъ, очевидно необходимо было оказывать особенное вниманіе лицамъ, занимавшимъ наслѣдственныя высшія должности, хотя что касается верховнаго конетабля и Earls Marshal, то лица, занимающія эти двѣ должности получаютъ спеціальныя приглашенія, лишь начиная съ 51 года царствованія Эдуарда Ш. Равнымъ образомъ нельзя было обходить приглашеніями представителей нѣкоторыхъ, наиболѣе именитыхъ фамилій. Такимъ образомъ набиралось около тридцати бароновъ, призваніе которыхъ во всѣ парламенты были до извѣстной степени обязательно. Но вокругъ этого ядра постоянныхъ членовъ, могло группироваться, смотря по цѣли и мѣсту собранія, а такъ-же по степени внушаемаго довѣрія, гораздо большее число случайно приглашаемыхъ членовъ; иногда численность послѣднихъ вдвое и, даже, втрое превышала постоянный составъ бароновъ въ парламентъ и за все время среднихъ вѣковъ не было примѣра, чтобы бароны *отказались* дать мѣсто въ своей средѣ такому случайно призванному члену. Какъ-бы то ни было, владѣніе большимъ леннымъ помѣстьемъ, полученнымъ непосредственно отъ короны, и значеніе, которое владѣлецъ такого имѣнья получилъ во всемъ, касающемся военной службы, налоговъ, вліянія на второстепенныхъ вассаловъ и почета въ графствѣ,—таковы факторы, которыхъ нельзя было не принимать во вниманіе при выборѣ лицъ для участія въ парламентахъ, такъ какъ и сама королевская власть была заинтересована въ томъ, чтобы привлечь въ свой совѣтъ людей, голосъ которыхъ имѣлъ рѣшающее вліяніе среди коронныхъ вассаловъ. Мужья наслѣдницъ баронскихъ помѣстій обыкновенно тоже получали приглашеніе въ парламентъ; лица, владѣвшія не полнымъ леномъ, а лишь извѣстнымъ участкомъ его въ раздробленномъ помѣстьи, въ иныхъ случаяхъ приглашались, а въ другихъ нѣтъ. Таковы были общія правила, которыхъ придерживалось столѣтіе трехъ Эдуардовъ и далѣе которыхъ оно не пошло [2]).

---

[2]) *Въ группѣ свѣтскихъ лордовъ* въ теченіи перваго столѣтія причисляются только графы и бароны. При Эдуардѣ Ш впервые было создано герцогское достоинство для лицъ королевской крови и, начиная съ 24-го года царствованія этого короля, входитъ въ обычай ставить подобнаго герцога королевской крови во главѣ лицъ, приглашаемыхъ въ парламентъ. Начиная съ 10-го года царствованья Ричарда II списокъ приглашаемыхъ увеличивается еще однимъ, или двумя маркизами, а въ 23-мъ году царствованія Генриха VI—еще однимъ виконтомъ; на 31 году царствованія этого короля къ участію въ парламентѣ были приглашены три виконта. Всего затруднительнѣе опредѣлить число приглашаемыхъ бароновъ. Дѣло въ томъ, что и въ разсматриваемый періодъ, такъ же, какъ и въ предшествующій, въ составъ коронныхъ вассаловъ входили, въ весьма неравномѣрной пропорціи, и крупные магнаты, и простые владѣльцы помѣстій, и владѣльцы небольшихъ участковъ. Общее приглашеніе всѣхъ этихъ лицъ въ парламентъ было непримѣнимо; равнымъ образомъ невозможно было и примѣненіе избирательнаго

Третьимъ элементомъ, входящимъ въ составъ Великаго Совѣта являются чины Council. Не только древнѣйшія формы приглашеній и самыя цѣли, ради которыхъ созывались эти собранія, но и документальныя свѣдѣнія, имѣющіяся объ ихъ засѣданіяхъ,

---

начала при этихъ условіяхъ; а потому ничего болѣе не оставалось, какъ предоставить выборъ приглашаемыхъ лицъ королю. На бурное собраніе государственныхъ чиновъ, происходившее въ 49 году царствованія Генриха III, Симономъ де Монфоромъ были приглашены только собственные его сторонники, а именно: пять наиболѣе именитыхъ графовъ и восемнадцать бароновъ, между которыми, по всѣмъ вѣроятіямъ было не мало и мелкихъ коронныхъ вассаловъ. (III. Peerage Report. 106). Послѣ того, какъ королевская власть была возстановлена, Генрихъ III созвалъ новое собраніе, которое, какъ и слѣдовало ожидать, состояло на этотъ разъ только изъ *его* приверженцевъ. Нижеслѣдующее описаніе, принадлежащее перу одного стариннаго писателя и цитируемое Кокомъ изъ Комдена, вполнѣ вѣрно передаетъ характеръ этого собранія. Statuit et ordinavit, quod omnes illi comites et barones Angliae, quibus ipse Rex dignatus est brevia summonitionis dirigere, venirent ad Parliamentum et non alii, nisi forte Dominus Rex alia brevia eis dirigere voluisset. Невѣрно только то, чтобы такой порядокъ являлся нововведеніемъ; напротивъ въ этомъ описаніи мы встрѣчаемъ черты, свойственныя тому порядку, который существовалъ искони. (См. Peers Rep. I 395. III. 114.). Въ такомъ видѣ продолжается дѣло въ теченіи всего столѣтія трехъ Эдуардовъ. Если откинуть небольшія собранія совѣта, которыя въ счетъ не идутъ, то число приглашаемыхъ въ царствованія Эдуардовъ I—III, колеблется между 24 и 123. Судя по этому, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что приглашеніе посредствомъ королевскаго writ отнюдь не давало въ теченіи перваго столѣтія право на наслѣдственное мѣсто въ парламентѣ. (См. Peers Rep. I. 325. 326. III. 117. 265.). Но при этомъ такъ и остается неразрѣшеннымъ затруднительный вопросъ о томъ, какими же собственно соображеніями руководились при разсылкѣ приглашеній? Воинское значеніе того или другаго барона не могло тутъ играть рѣшающей роли. Юридическія различія ленныхъ владѣній равнымъ образомъ не годились, какъ мѣрило. Судя по тому, что разрѣшеніе налоговъ составляло одну изъ главныхъ задачъ парламентовъ и что въ примѣненіи къ аббатамъ неоднократно упоминается о способѣ владѣнія by barony, слѣдуетъ полагать, что въ выборѣ бароновъ, приглашаемыхъ въ парламенты, руководились преимущественно *финансовой* точкой зрѣнія, т. е. что особенное вниманіе обращалось на владѣльцевъ тѣхъ помѣстій, которыя по оцѣнкѣ государственнаго казначейства были обложены наивысшей цифрой relevium и при переходѣ въ другія руки должны были уплачивать 100 марокъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ столѣтіе трехъ Эдуардовъ было среднимъ числомъ до 30 бароновъ, удовлетворявшихъ этому цензу и они-то и должны были входить въ составъ представителей, регулярно приглашаемыхъ въ парламентъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, во 1-хъ, что такъ называемое tenure by barony еще не давало юридическаго права на участіе въ парламентѣ а во 2-хъ, что по личному довѣрію короля могли быть приглашаемы въ парламентъ и болѣе мелкіе землевладѣльцы, и, даже, такія лица, которыя не имѣли никакого лена, полученнаго непосредственно отъ короны. Обыкновенно приглашенія редактируются въ томъ смыслѣ, что тѣ, къ кому они обращены, обязаны являться самолично; но иногда и для свѣтскихъ лордовъ такъ же, какъ и для духовныхъ, допускается замѣстительство, а именно, при обсужденіи вопросовъ о налогахъ, и такого рода послабленія продолжались довольно долгое время. На два чрезвычайныя собранія бывшія въ 35-мъ и 36-мъ году царствованія Эдуарда III, были даже, приглашены 7 графинь и 3 баронессы съ тѣмъ, чтобы онѣ вмѣсто себя прислали довѣренныхъ людей. На собраніяхъ этихъ, по крайней мѣрѣ на второмъ изъ нихъ, шла рѣчь о поставкѣ вооруженныхъ людей для похода въ Ирландію.

свидѣтельствуютъ, что члены постояннаго совѣта, какъ таковые, имѣли право голоса въ парламентѣ. Такъ, напримѣръ изъ Rotuli, относящихся къ 20-му году царствованія Эдуарда I, явствуетъ, что въ составъ Concilium Procerum et Magnatum были включены, *на основаніи занимаемыхъ ими должностей* государственный канцлеръ, justiciarii и высшія должностныя лица постояннаго совѣта. (см. Peers Report I. 206—208). Даже въ такихъ дѣлахъ, какъ утвержденіе налоговъ и judicium pariun самые мелкіе между коронными вассалами, разъ они занимали одну изъ вышеупомянутыхъ должностей, получали въ парламентѣ право голоса, которое у нихъ никто и не оспаривалъ. Но съ другой стороны цѣлый рядъ фактовъ съ не меньшею очевидностью свидѣтельствуютъ, что въ собраніяхъ Великаго Совѣта *соединенное* вліяніе прелатовъ и свѣтскихъ лордовъ вскорѣ получило перевѣсъ надъ чисто чиновничьимъ элементомъ. Первый толчокъ, пошатнувшій положеніе этого послѣдняго элемента въ Великомъ Совѣтѣ, былъ данъ такъ называемыми Statutes of Ordainers, изданными въ 5-мъ году царствованія Эдуарда II. За тѣмъ, начиная съ 15 года царствованія того-же короля, между приглашаемыми лордами все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе начинаетъ выступать идея пэрства, пока, наконецъ, эта идея не получаетъ при Эдуардѣ III право гражданства въ законодательствѣ. По мѣрѣ того, какъ совершился этотъ процессъ, все болѣе и болѣе входитъ въ обычай разсылать тѣмъ изъ прелатовъ и владѣльцевъ большихъ ленныхъ помѣстій, которые въ данную минуту состоятъ членами постояннаго совѣта, приглашенія наравнѣ съ прочими пэрами, такъ какъ званіе пэра уже считается въ этотъ періодъ и въ политическомъ и въ соціальномъ отношеніи выше званія члена постояннаго совѣта. Это послѣднее мало по малу поглощается тѣмъ единствомъ, которое связываетъ членовъ Великаго совѣта. Поэтому, только верховный судья, судьи и второстепенные и третьестепенные члены Continual Council продолжаютъ еще получать приглашеніе по особой формулѣ, спеціально предназначенной для лицъ, принадлежащихъ къ постоянному совѣту. Что касается судей, то они въ большинствѣ вопросовъ играютъ роль простыхъ ассистентовъ, помогающихъ лордамъ, своими познаніями. Въ вопросахъ, касающихся утвержденія налоговъ и юридиксціи пэровъ, сліяніе между пэрами постояннаго совѣта и пэрами парламента, повидимому, было полное. Дѣло, само собою разумѣется, обстояло нѣсколько иначе въ совѣщательныхъ и законодательныхъ собраніяхъ; тутъ Continual Council все еще являлся Concilium in Concilio, какъ его называетъ Гэль, другими словами, административнымъ учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ по указаніямъ короля. Предметы совѣщаній подготовлялись въ постоянномъ совѣтѣ, преніями

руководили чиновники этого совѣта, всѣ conclusa заносились въ протоколы тѣми же чиновниками, всѣ принятыя рѣшенія окончательно редактировались въ постоянномъ совѣтѣ, (такъ по крайней мѣрѣ, было до Генриха VI) всѣ засѣданія происходили въ королевскомъ дворцѣ, въ тѣхъ комнатахъ, которыя были отведены для засѣданій постояннаго совѣта, и прислуга бралась изъ домашняго штата Короля, какъ то дѣлается и понынѣ. Регулярныя засѣданія постояннаго совѣта просто лишь прерывались періодически этими собраніями государственныхъ чиновъ „ad ardua negotia". Такимъ образомъ, по мѣткому выраженію Пэльгрева, созывъ нотаблей можетъ быть названъ вакаціоннымъ временемъ для постояннаго совѣта, подобно тому, какъ и засѣданія судовъ прерываются вакаціями (terms). Что таковъ былъ взглядъ и самихъ современниковъ на Великій совѣтъ въ царствованье Эдуарда I, это явствуетъ между прочимъ и изъ книги Флета II. 2, которая, проводя аналогію между этимъ совѣтомъ и другими правительственными учрежденіями, Curiae, называетъ его Curia Regis in Parliamento. [3])

III. Возникновеніе изъ этихъ условій начала *наслѣдственности среди класса свѣтскихъ пэровъ*, сложившагося вышеописаннымъ обра-

---

[3]) Первоначально правящій постоянный совѣтъ являлся необходимою составною частью парламента. Такъ, напримѣръ, у Парри (Parliaments. 116.)мы читаемъ слѣдующее замѣчаніе, относящееся къ 18-му году царствованья Эдуарда III и вполнѣ совпадающее съ данными, которыя находятся „въ Peers Report": постоянный совѣтъ, по видимому всегда, присутствовалъ въ парламентѣ и каждый важный актъ Королевской власти въ парламентѣ совершался не иначе, какъ съ одобренія совѣта. Собранія парламента все еще считались собраніями избраннаго королевскаго совѣта, на которыя призывались лорды и общины въ качествѣ Великаго Совѣта короля для законодательныхъ цѣлей, для разрѣшенія налоговъ и для подачи своего совѣщательнаго голоса въ чрезвычайныхъ случаяхъ." (Сравн. Report. I. 317). Но данныя о приглашаемыхъ членахъ постояннаго совѣта въ большинствѣ случаевъ отличаются большой неопредѣленностью; высшіе, средніе и нисшіе чиновники въ нихъ перемѣшаны какъ попало. На 23-мъ году царствованья Эдуарда I въ этихъ данныхъ упоминается о судьяхъ обоихъ королевскихъ судовъ, о странствующихъ судьяхъ, о баронахъ казначейства и „о другихъ лицахъ, принадлежащихъ къ составу постояннаго совѣта". Въ 1-мъ году царствованья Эдуарда II мы встрѣчаемъ упоминаніе о 30-ти судьяхъ и другихъ лицахъ изъ членовъ совѣта; на 2-мъ году того-же царствованья говорится „о 35 членахъ совѣта;" въ другой разъ, въ томъ же году, упоминается о 16-ти Justices et Ministri; въ слѣдующемъ за тѣмъ году—о „семи членахъ совѣта и другихъ лицахъ;" три года спустя—о 16 Justices и 16-ти Clerks of the Council; въ томъ же году еще разъ—о 42-хъ членахъ совѣта. На 14-мъ году царствованья того же короля говорится о приглашеніи 32-хъ судей и совѣта. „Въ ряду приглашаемыхъ лицъ всего чаще спеціально упоминается о Justices, Masters and Clerks of the Council; начиная съ царствованья Эдуарда III къ этимъ должностнымъ лицамъ присоединяется такъ же извѣстное число King's Sergeants (Foss III. 370) между тѣмъ какъ приглашенія къ магнатамъ содержали въ себѣ слова: „cum caeteris prealatis tractaturi", въ приглашеніяхъ, разсылаемыхъ судьямъ слово „Caeteris" выпускалось и этимъ выражалось, что лица, призываемыя только въ качествѣ чиновниковъ, не стоятъ на одной ногѣ съ пэрами.

зомъ, становится замѣтнымъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ признакамъ, начиная со вступленія на престолъ ланкастерской династіи. Въ этомъ процессѣ участвуютъ внутреннія причины, которыя, при каждомъ новообразованіи, появляющемся въ государственной жизни, создаютъ въ концѣ концовъ соотвѣтствующую форму, какъ скоро имѣется на лицо содержаніе для этой формы. Вопросъ о превращеніи пэрства въ наслѣдственное достоинство, былъ уже предрѣшенъ тѣмъ важнымъ *личнымъ* значеніемъ, которое крупные вассалы имѣли для государства. Въ томъ, что касается воинскихъ надобностей государства, каждый такой вассалъ съ своими дружинами, испытанными въ бояхъ, стоилъ цѣлаго небольшаго графства и это значеніе особенно явственно выступило во время войнъ съ Франціей и Шотландіей. Въ дѣлѣ налоговъ каждое крупное помѣстье, обложенное 100 марками Relevium и 100 фунтами налога (при чемъ еще надо считать все, что получается съ такого помѣстья въ видѣ періодическихъ субсидій, доходовъ съ опекъ и случайныхъ ленныхъ взносовъ) такое помѣстье, говоримъ мы, по своей доходности для государственной казны можетъ быть приравнено къ небольшому графству и даетъ больше, чѣмъ тѣ многочисленныя мелкія мѣстечки, которыя въ разсматриваемый нами періодъ уже посылаютъ своихъ представителей въ парламентъ. Въ военномъ дѣлѣ, какъ и въ совѣтѣ, магнаты *лично* становятся выдающимся элементомъ и такое положеніе ихъ все болѣе и болѣе упрочивается благодаря ихъ личному общенію между собою на собраніяхъ, въ которыхъ они сходятся для обсужденія ardua negotia regni. Эти собранія, на которыхъ они встрѣчаются ежегодно, и постоянное участіе въ разработкѣ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, придаютъ ту опытность, тѣ нравственныя качества и тотъ авторитетъ, изъ которыхъ, въ свою очередь, вырабатывается въ нихъ нелишенное основанія чувство *прирожденной* принадлежности къ правящему сословію; чувство это, къ тому же, имѣетъ корни и въ томъ мѣстномъ положеніи, которое они занимаютъ. Съ развитіемъ системы милиціи въ графствахъ, они становятся, благодаря своей боевой опытности, вождями народной обороны. Со введеніемъ въ 34-мъ году царствованія Эдуарда III системы мировыхъ судовъ, они становятся во главѣ полицейскаго управленія и судебно-мировыхъ съѣздовъ, происходящихъ четыре раза въ годъ, а черезъ это въ ихъ руки переходитъ значительная часть уголовнаго правосудія и административной власти въ странѣ. Это-то выдающееся личное положеніе, занимаемое ими въ мѣстѣ своего жительства и въ тѣхъ округахъ, гдѣ находятся ихъ помѣстья, еще болѣе усиливается тою выдающеюся ролью, которую они играютъ, въ качествѣ наиболѣе высокообложенныхъ плательщиковъ налоговъ, каждый разъ, какъ рѣчь заходитъ объ уплатѣ поземельной

подати, подоходнаго налога и платежей, причитающихся съ графствъ и мѣстечекъ. То мѣстное уваженіе, которымъ они пользуются, отражается на ихъ положеніи въ Великомъ Совѣтѣ и, обратно, положеніе ихъ въ совѣтѣ увеличиваетъ ихъ почетъ въ графствѣ. Всѣ эти особенности ихъ общественнаго положенія тѣсно связываются съ ихъ званіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ. По общимъ понятіямъ о правѣ наслѣдства, какъ обязанности, такъ и почетъ, связанные съ званіемъ владѣльца большаго помѣстья переходятъ на его старшаго сына или инаго наслѣдника его помѣстья и никому другому передаваемы быть не могутъ. Право королей призывать посредствомъ своихъ Writs кого имъ угодно изъ сотенъ коронныхъ вассаловъ, не могло уже долѣе въ своемъ примѣненіи игнорировать этого рода притязанія. Чувство сословной солидарности и равенства между лицами, занимавшими такое привиллегированное общественное положеніе, успѣло съ такою силою развиться еще во время борьбы партій при Эдуардѣ II, что въ St. 15 Edw. III магнаты, приглашаемые посредствомъ королевскаго writ, формально признаются какъ Pares regni и черезъ это устанавливается юридическое разграниченіе между ними и прочими tenentes in capite. Фактическое различіе, существовавшее между крупными и мелкими вассалами во всемъ, касающемся военной службы, судебной власти, роли въ мѣстномъ управленіи и платимыхъ налоговъ, неизбѣжно должно было повлечь за собою послѣ столѣтій борьбы, и юридическое признаніе этого факта. Ланкастерская династія увидѣла теперь возможность опереться, для упроченья похищенной его власти, прежде всего на согласіе образовавшейся такимъ образомъ корпораціи. Законность новаго правительства устанавливается рядомъ обоюдныхъ уступокъ между королевскою властью, лордами и представителями общинъ; но для того, чтобы такое признаніе правительства законнымъ не возбуждало никакихъ пререканій, оно должно было исходить отъ собранія, имѣющаго *установившуюся организацію*, а не отъ толпы произвольно созванныхъ приверженцевъ. Поэтому то, со вступленіемъ на престолъ династіи Ланкастеръ, совѣтъ прелатовъ и бароновъ пріобрѣтаетъ прочную и опредѣленную форму. Число призываемыхъ, въ среднемъ выводѣ, становится все ограниченнѣе и въ тоже время личный составъ дѣлается менѣе измѣнчивымъ; элементъ новыхъ членовъ, принимаемыхъ просто по личному довѣрію короля, мало-по-малу исчезаетъ. Часто встрѣчающаяся надобность въ совѣщаніяхъ о военныхъ дѣлахъ и военныя заслуги нѣкоторыхъ лицъ, не принадлежащихъ къ классу магнатовъ, заставляютъ еще призывать въ Великій Совѣтъ извѣстное число «баннеретовъ», но и тутъ въ разсылкѣ приглашеній этимъ новымъ членамъ, устанавливается большая правильность и постоянство. Формально, право короля призы-

вать ту или другую личность по своему усмотрѣнію, не было упразднено, но состоялось нѣчто въ родѣ молчаливаго соглашенія, по которому личности, призываемыя на основаніи этого права, призывались на *долго* въ это собраніе, имѣвшее свою собственную постоянную организацію *). Теперь оставалось только придать юридическую форму тому, что совершилось уже фактически.

Но эту *юридическую форму* нельзя было заимствовать ни изъ того порядка, который до сихъ поръ былъ принятъ для раздачи ленныхъ помѣстій короннымъ вассаламъ, ни изъ способа призванія пэровъ въ Великій совѣтъ. Призваніе посредствомъ королевскаго writ, какъ единовременное приглашеніе, не могло служить выраженіемъ или опорою для постояннаго права. Столь-же невозможно было связывать пэрское достоинство съ тѣми или другими опредѣленными помѣстьями, такъ какъ во 1-хъ, въ такомъ случаѣ каждый изъ мелкихъ коронныхъ вассаловъ могъ бы заявить притязаніе быть уравненнымъ въ правахъ съ крупными вассалами; въ 2-хъ каждый новый покупщикъ такого помѣстья или каждое лицо, въ руки котораго оно перешло бы инымъ какимъ способомъ, благодаря англійскимъ законамъ, допускавшимъ отчуждаемость ленныхъ владѣній, могли бы заявлять притязаніе на пэрское достоинство; и, наконецъ, въ 3-хъ потому, что при этихъ условіяхъ королевское право призывать постороннихъ лицъ подверглось бы слишкомъ существенному ограниченію. Такіе результаты отнюдь ни для кого не были желательны. Государство въ своемъ развитіи уже успѣло перерости идею стараго феодализма, которая при королѣ Стефанѣ заставляла еще связывать Constabularia и Marescalcia Angliae съ обладаньемъ извѣстными помѣстьями. Уничтоженье верховной власти владѣльца въ предѣлахъ его помѣстій и равное подчиненіе всѣхъ сословій общему законодательству дѣлали невозможнымъ возвратъ къ прежнему порядку. Единственною новою формою, въ которой могло осуществиться наслѣдственное сословное представительство и родовое дворянство, являлась форма *королевскаго патента*, или такъ называемой Charta. Со времени нормандскаго завоеванія, единственный высшій дворянскій титулъ, который въ то время существовалъ, титулъ графа, получался посредствомъ королевскаго патента. Въ царствованье Эдуарда III было учреждено герцогское достоинство, на которое тоже выдавался патентъ. Всѣ тѣ титулы, которые, начиная съ десятаго года царствованья этого короля, были розданы принцамъ королевскаго дома, имѣли чисто личное значеніе, такъ какъ принцы королевской крови вообще не-вла-

*) См. въ концѣ настоящаго параграфа приложеніе о наслѣдственности пэрскаго достоинства.

дѣли коронными помѣстьями. Этотъ то образъ дѣйствій, примѣнявшійся въ началѣ только къ королевской фамиліи и высшимъ вельможамъ, сталъ примѣромъ, который самъ собою напрашивался на подражаніе и въ примѣненіи къ нисшимъ ступенямъ пэрства. И вотъ мы видимъ, что согласно съ началомъ, положеннымъ въ основаніе высшихъ дворянскихъ титуловъ, въ 11-мъ году царствованья Ричарда II впервые нѣкій John de Beauchamp of Holt, коронный вассалъ рыцарскаго помѣстья Киддерминстеръ получаетъ «въ уваженіе его заслугъ и благороднаго происхожденія титулъ господина Бошана *барона Киддерминстерскаго* съ правомъ наслѣдственной передачи этого титула для себя и для его наслѣдниковъ мужескаго пола, со всѣми правами и т. д. баронскаго званія». Послѣ того какъ уже въ теченіи цѣлаго столѣтія передъ этимъ, извѣстные бароны преимущественно передъ другими получали приглашенія въ парламентъ, подъ «правами» слѣдовало, конечно, разумѣть прежде всего право на такое приглашеніе. Такимъ образомъ титулъ Baron, наравнѣ съ другими наслѣдственными дворянскими титулами, юридически признается за отличіе, оправдывающее притязаніе на доступъ въ парламентъ. Какъ ни непріятно было магнатамъ это первое пожалованье баронскаго достоинства, оно имѣло рѣшающее значенье для обособленія пэрства въ особое сословіе; коронные вассалы, призывавшіеся до сихъ поръ посредствомъ королевскаго writ, очутились теперь въ новомъ положеніи. Такъ какъ отнынѣ любимцы, недавно возведенные въ баронское достоинство, пользовались *наслѣдственнымъ* правомъ участія въ парламентской дѣятельности, то въ этомъ же правѣ нельзя было отказывать древнѣйшимъ и наиболѣе уважаемыхъ баронамъ, которые обыкновевно приглашались въ парламенты. Поэтому выраженіе баронъ становится юридически признаннымъ дворянскимъ титуломъ для обозначенія бароновъ, участвующихъ въ парламентскомъ представительствѣ. Начиная съ XV столѣтія устанавливаются два способа призванія. 1) Призваніе *посредствомъ патента*, существующее для герцоговъ, маркизовъ, графовъ, виконтовъ и пожалованныхъ бароновъ, за которыми, въ силу ихъ патента, достоинство это признается наслѣдственнымъ; такой способъ, начиная съ половины царствованья Генриха VI и вплоть до нашихъ дней стоновится все болѣе и болѣе обычнымъ. 2) Признаніе *посредствомъ* writ, употребляющееся для бароновъ, которые имѣютъ это достоинство не по королевскому патенту, а по *установившемуся обычаю*. Баронское достоинство этого послѣдняго разряда въ иныхъ, наиболѣе древнихъ и уважаемыхъ родахъ, было въ XV столѣтіи наслѣдственно, а въ другихъ нѣтъ. Чисто личныя приглашенія при короляхъ изъ дома Ланкастеръ становятся рѣдки; при Тюдорахъ же они со всѣмъ прекращаются и уже въ царствованье Елизаветы суды

истолковываютъ приглашеніе посредствомъ королевскаго writ въ томъ смыслѣ, что оно «по установившемуся обычаю» даетъ наслѣдственное право. Въ двадцатомъ году царствованья Генриха VI, совершенно согласно съ принципомъ, въ силу котораго дворянское достоинство является личнымъ отличіемъ, право пэровъ быть судимыми только въ верхней палатѣ распространяется такъ же на *женъ и вдовъ* пэровъ; но на этомъ и ограничивается участіе лицъ женскаго пола въ привиллегіяхъ пэрскаго званія. Изъ всѣхъ наслѣдственныхъ аристократій Европы нарожденія англійскаго наслѣдственнаго дворянства было самое трудное, но за то это была аристократія, наиболѣе заслужившая свои привиллегіи, а потому и наиболѣе прочная.

Происхожденіе наслѣдственности въ сословіи свѣтскихъ пэровъ служитъ предметомъ стараго и постоянно возобновляющагося спора; это объясняется тѣмъ, что въ процессѣ, которымъ слагаются государства, живое *взаимодѣйствіе* многочисленныхъ факторовъ играетъ рѣшающую роль, а между тѣмъ, юридическая наука, геральдика и воззрѣнія различныхъ политическихъ и соціальныхъ партій на государства обращаютъ вниманіе лишь на частности и на внѣшнія стороны даннаго явленія. Peers Report совершенно справедливо считаетъ признаніе права *судиться судомъ равныхъ* (пэровъ) первымъ шагомъ къ образованію наслѣдственнаго дворянскаго сословія въ государствѣ; такой первый шагъ былъ сдѣланъ приговоромъ противъ Деспенсеровъ въ 15 году царствованія Эдуарда II, приговоромъ, въ которомъ, однако же не принялъ участія ни одинъ изъ епископовъ, что впослѣдствіи, на ряду съ другими поводами, было выставлено какъ основаніе для признанія приговора недѣйствительнымъ (Parry. 85). Точно также поступили въ 4-мъ году царствованія Эдуарда III графы и бароны въ качествѣ пэровъ королевства въ процессѣ противъ Мортимера и его сообщниковъ. Рука объ руку съ этимъ идетъ протестъ пэровъ, заявляющихъ, „что они не обязаны держать судъ надъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ *равныхъ себѣ*“. Между тѣмъ, какъ Magna Charta признаетъ judicium pariurn лишь въ смыслѣ права каждаго судиться людьми равными ему по общественному положенію (въ этомъ смыслѣ король Іоаннъ даровалъ judicium pariurn даже евреямъ) теперь предъявляется новое требованіе со стороны pares terrae, т.-е. со стороны государственнаго сословія, отличнаго отъ pares графства. Законодательное признаніе этого требованія состоялось въ St. 15 Edid. III; законъ этотъ является рѣшающимъ актомъ, посредствомъ котораго парламентскіе бароны были выдѣлены въ качествѣ особаго дворянскаго сословія изъ среды остальныхъ tenentes in capite. Новое сословное право распространяется и на тѣ промежутки, когда парламентъ не засѣдаетъ, а впослѣдствіи оно распространяется также на женъ и вдовъ пэровъ. Peers Report. I. 313. 314 признаетъ вполнѣ это значеніе вышеупоминутаго законодательнаго акта. Затѣмъ тотъ же Report придаетъ большой вѣсъ другому постановленію, состоявшемуся въ 5-мъ году царствованія Ричарда II; постановленіе это касалось того порядка, въ которомъ должно было производиться перекличка представителей, присутствующихъ въ собраніи парламента и требовало, чтобы при этомъ свѣтскіе и духовные лорды, какъ закономъ признанное, отдѣльное сословіе, назывались ранѣе простыхъ Knigts. Но во всякомъ случаѣ фактически болѣе рѣшающее вліяніе имѣлъ переходъ престола къ династіи Ланкастеръ, такъ какъ права этой династіи основывались на *признаніи ея со стороны корпораціи пэровъ*. При Генрихѣ IV въ процессѣ противъ графа Гентингдона, была сдѣлана еще новая формальная уступка, состоявшая въ томъ, что король для участія въ судѣ пэровъ

отрядилъ своего великаго сенешаля, Lord High Stuvard, который долженъ былъ представлять особу самого короля; такимъ образомъ въ судъ пэровъ былъ введенъ одинъ изъ тѣхъ обрядовъ, которые входили въ церемоніалъ феодальнаго cour de baronie. Рядомъ съ этими нововведеніями, составъ верхней палаты при короляхъ изъ дома Ланкастеръ становится все болѣе и болѣе постояннымъ и вслѣдствіе ограниченья его лишь самыми уважаемыми членами, – все болѣе и болѣе малочисленнымъ, что вполнѣ соотвѣтствовало стремленіямъ привиллегированнаго класса. Число пэровъ, приглашаемыхъ въ этотъ періодъ въ парламентъ, бываетъ иногда очень не велико, но тутъ не надо забывать, что большинство ихъ зачастую бывали отвлечены отъ парламентской дѣятельности войною. Нужно, кстати, замѣтить, что воинственное направленіе этой эпохи ввело наименованія, употреблявшіяся для обозначенія различныхъ чиновъ вассальной милиціи, также и въ парламентскія пригласительныя грамоты. Въ 51-мъ году царствованья Эдуарда III и во 2—5-мъ годахъ правленія Ричарда II рядомъ съ баронами встрѣчаются упоминовенія и объ одномъ или нѣсколькихъ „Chivaliers.“ Рѣже встрѣчается выраженіе „Sieur“. При Генрихѣ VI вообще входитъ въ употребленіе новая терминологія. Въ 3-мъ году его правленія тѣ 19 бароновъ, которые были призваны на этотъ разъ въ парламентъ, обозначаются слѣдующими наименованіями: 17 Chivaliers, 1 Miles и 1 Magister. Въ періодъ съ 6-го до 9-го года царствованья Генриха VI всѣ бароны назывались Chivaliers; въ 14 году того же царствованья были приглашены 23 Chivaliers, Baron de Greystock и „другіе“. Одиннадцать лѣтъ спустя приглашенія были разосланы двадцати пяти barons chivaliers, девяти barons milites и четыремъ barons domini de. Это различіе между Chivaliers, milites armigeri и domini de продолжается до конца царствованья Генриха VI и во все царствованье Эдуарда IV. И такъ, юридическое и политическое равенство свѣтскихъ бароновъ между собою не мѣшало существованію въ ихъ средѣ различныхъ степеней отличія по положенію, занимаемому ими въ военной организаціи и лишь съ большою постепенностью титулъ барона становится, подобно титулу графа, маркиза и т. п., постояннымъ дворянскимъ титуломъ въ теперешнемъ значеніи этого слова. Что же касается титула „лордъ“, то онъ, наоборотъ, не обозначаетъ какого либо пожалованнаго достоинства, а служитъ лишь почетнымъ прибавленіемъ, ставящимся передъ названіемъ различныхъ должностей и званій. Вообще оффиціальное признаніе юрисдикціи суда пэровъ не исключало вполнѣ примѣненіе привиллегій королевской власти и бывали примѣры, что въ исключительныхъ случаяхъ надъ пэрами произносились приговоры королевскими судьями съ участіемъ присяжныхъ, причемъ законность такого суда никѣмъ не оспаривалась. Очевидно королевская власть и по отношенію къ магнатамъ отстаивала свое право назначать при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ судъ по личному желанію короля. Всего чаще назначались такого рода суды надъ представителями высшаго духовенства. Въ 25-мъ году царствованья Эдуарда III, правда, была подана примасомъ отъ имени всего духовенства петиція, въ которой выставлялось на видъ, что архіепископы и епископы владѣютъ свѣтскими своими помѣстьями in capite, получивъ ихъ въ ленъ отъ короля, и что слѣдовательно они такіе же Piers de la terre, какъ прочіе графы и бароны. Но духовное пэрство не успѣло развиться въ прочное учрежденіе, и это объясняется тѣмъ, что духовенство обладало другимъ еще болѣе цѣннымъ правомъ судиться своимъ духовнымъ судомъ и заявляло притязаніе на privilege of clergy, еще болѣе обширное, чѣмъ привиллегіи свѣтскихъ пэровъ; вообще въ эту эпоху духовенство совершенно обособилось отъ свѣтской организаціи государства.

Юридической формой для установленія наслѣдственности свѣтскаго пэрскаго достоинства являлось пожалованье посредствомъ патента или грамоты, причемъ въ документахъ этого рода категорически упоминалось о передачѣ жалуемаго званія по наслѣдству. Лишь начиная съ этой эпохи можетъ быть рѣчь о „созваніи“ новыхъ бароновъ, такъ какъ до сихъ поръ „приглашенія“ посредствомъ королевскаго writ на каждую отдѣльную сес-

сію не имѣли характеръ жалуемаго достоинства. Произвольная современная терминологія, которая говоритъ о „*созданіи*“ пэровъ посредствомъ королевскаго writ порождаетъ лишь путаницу понятій и лишніе споры. Необходимо однако замѣтить, что въ теченіе извѣстнаго періода времени пожалованья высшими титулами провозглашались „*въ парламентѣ*“. Такъ, напримѣръ, было въ 6-мъ году царствованья Эдуарда III, когда принцу Уэльскому былъ пожалованъ титулъ герцога Корнвалисскаго, или когда въ томъ же году было создано шесть новыхъ графовъ „съ общаго согласія и совѣта прелатовъ, графовъ, бароновъ и другихъ лицъ, засѣдающихъ въ нашемъ королевскимъ, совѣтѣ и парламентѣ“. Здѣсь рѣчь идетъ не о раздачѣ новыхъ ленныхъ владѣній, а о пожалованьи личнаго титула, какъ то было и въ 36-мъ году царствованья Эдуарда III, когда одинъ изъ принцевъ королевскаго дома былъ сдѣланъ герцогомъ Кларенсъ, хотя такого герцогства никогда и не существовало. (Rep. I 326). Въ промежуткѣ между 1338 и 1414 г. было не мало совершено актовъ этого рода и позднѣйшая юриспруденція утверждала, что на такого рода назначенія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на акты, исходившіе „отъ всей совокупности представителей законодательной власти“, но при этомъ упускалось изъ виду, что въ такомъ случаѣ пэрство превратилось бы въ замкнутую касту. Дѣло въ томъ, что провозглашеніе въ cour de baronie важнѣйшихъ актовъ, совершаемыхъ королемъ въ качествѣ сюзерена, было стариннымъ феодальнымъ обычаемъ и такъ называемое „согласіе“ упоминаемое при этомъ, является лишь остаткомъ того порядка, при которомъ рѣшенія королевской власти, объявлявшіяся на народномъ судѣ, принято было встрѣчать одобрительными возгласами (acclamation) со стороны собранія, хотя подобное одобреніе вовсе не считалось непремѣннымъ условіемъ для приданія распоряженію законной силы. Изъ этого становится вполнѣ понятнымъ, что пожалованье именно наивысшихъ титуловъ должно было совершаться въ парламентѣ и что другія пожалованья могли совершаться и дѣйствительно совершались такъ же и внѣ парламента, причемъ о согласіи послѣдняго вовсе не упоминалось въ жалованныхъ грамотахъ; впослѣдствіи этотъ обычай провозглашать въ парламентѣ о состоявшемся назначеніи вовсе исчезъ. Болѣе подробныя указанія объ обсужденномъ предметѣ можно найти у сэра Гарриса Николаса въ его Report on Proceedings on the Earldom of Devon. App. IX. Позднѣйшія событія во всякомъ случаѣ доказываютъ, что короли отнюдь не желали ограничивать свое право возводить въ пэрское достоинство кого имъ вздумается подчиненіемъ этого права одобренію парламента. Въ жалованныхъ грамотахъ опредѣлялся также и способъ передачи пэрскаго достоинства по *наслѣдству*; способъ этотъ былъ не для всѣхъ одинаковый; въ иныхъ случаяхъ право наслѣдованья титула единокровными понималось шире, въ другихъ уже. Этимъ-то обстоятельствомъ объясняются тѣ различія въ порядкѣ наслѣдованья пэрства, которыя встрѣчаются и понынѣ. Но послѣ того, какъ наслѣдственность достоинства превратилась вообще, благодаря патентамъ, въ правило и послѣ того, какъ число новыхъ Barons by patent стало возрастать съ каждымъ поколѣніемъ, нельзя было, въ виду принципа равенства всѣхъ пэровъ между собою, оставить старыхъ членовъ этого сословія въ худшемъ положеніи, чѣмъ новыхъ. Для тѣхъ изъ пэровъ болѣе стараго происхожденія, которые постоянно призывались въ парламентъ, королевскій writ, посредствомъ котораго происходили эти приглашенія, могъ обосновывать притязанія на наслѣдственность въ силу права давности (by prescription); этотъ взглядъ высказываетъ и Peers Report I. 342, присовокупляя справедливое замѣчаніе, что новое пожалованье посредствомъ патента никоимъ образомъ не могло бы считаться лучшимъ и наиболѣе выгоднымъ способомъ вступить въ сословіе пэровъ, если бы когда-либо существовало пэрство, сопряженное съ владѣніемъ извѣстными помѣстьями (barony by tenure) См. Rep. III. 119. Лишь по мѣрѣ того, какъ могущество дворянства усиливается при короляхъ изъ дома Ланкастеръ, воскресаетъ это старое феодальное представленіе, воскресаетъ настолько, что въ 11-мъ году царствованья Генриха VI графы Арундель предъявляютъ притязаніе на barony by tenure

и притязаніе это удовлетворяется; заходитъ даже рѣчь о такомъ способѣ владѣнія помѣстьями, который будто бы связанъ съ обязательствомъ принимать участіе въ законодательныхъ собраніяхъ (by service of attending the legislative assemblies)—воззрѣніе, которое вмѣстѣ со всѣми дѣлаемыми изъ него выводами, невѣрно и исторически и юридически. (IV Peerage Report 269, 270). Является уже въ эту эпоху установившіеся обычаи, дѣйствующія *въ средѣ самой корпораціи*, возникаетъ нѣчто въ родѣ корпоративнаго обычнаго права (law of Parliament). На основаніи этого въ 11-мъ году царствованья Ричарда II духовные и свѣтскіе пэры требуютъ, „какъ своего законнаго преимущества (liberty and franchise) чтобы всѣ важнѣйшія дѣла касающіяся пэровъ земли, какія когда-либо будутъ разсматриваться въ будущихъ парламентахъ, вносились на разсмотрѣніе и обсуждались не иначе, какъ согласно съ парламентскимъ обычаемъ, а не на основаніи гражданскаго или общаго права, дѣйствующаго въ странѣ, какъ то дѣлается въ низшихъ судахъ“;—и это требованье было охотно удовлетворено королемъ, хотя никакихъ принципіальныхъ уклоненій отъ частнаго права, общаго для всѣхъ, при этомъ не было допущено. На основаніи всѣхъ этихъ прецедентовъ судьи въ 7-мъ году царствованья Генриха IV установили различіе между правомъ на *фамильное имя* и титулъ пэра, и правомъ *на мѣсто въ парламентѣ*. По мнѣнію судей, только послѣдній вопросъ (т. е. вопросъ о правѣ на мѣсто въ парламентѣ) подлежитъ разсмотрѣнію *короля и пэровъ*; вопросъ же о правѣ на имя и титулъ (какъ касающійся семейныхъ отношеній и входящій въ область частнаго права) подлежитъ разрѣшенію на основаніи общихъ законовъ и долженъ быть разсматриваемъ обыкновенными судами. (Nicolas. Proceedings III. p. LVIII). Но относительно пэровъ, приглашаемыхъ посредствомъ королевскаго writ, парламентской практикой было установлено то важное ограниченье, что writ ни въ какомъ случаѣ не даетъ права на наслѣдственное пэрство и наслѣдственное мѣсто въ парламентѣ, если призываемый этимъ способомъ не занялъ дѣйствительно въ парламентѣ своего мѣста; правило это было окончательно установлено въ дѣлѣ Эдуарда Невиля, разбиравшемся въ 8-мъ году правленія Іакова I. Съ другой стороны судьи неоднократно признавали въ самыхъ категоричныхъ выраженіяхъ, что назначеніе посредствомъ патента даетъ лишь личный титулъ и не имѣетъ никакой реальной связи съ извѣстнымъ помѣстьемъ; такъ, между прочимъ, верховнымъ судьею Гольтомъ было высказано мнѣніе, что баронское званіе, пожалованное посредствомъ патента, составляетъ title of dignity and parcel of the name. Весь длинный рядъ позднѣйшихъ пэровъ былъ созданъ королевскими патентами и призваніе посредствомъ простаго writ давно вышло изъ употребленія, за исключеніемъ одного только разряда случаевъ: начиная съ 22-го года правленія Эдуарда II впервые вошло въ обычай приглашать изъ вѣжливости старшаго сына герцога, маркиза, или графа еще при жизни его отца; въ подобныхъ приглашеніяхъ обыкновенно выставлялся титулъ втораго баронскаго помѣстья, которымъ отецъ приглашаемаго владѣлъ дѣйствительно, или номинально. Обычай этотъ сохранился и до нашихъ дней. Но призваніе сына въ парламентъ вмѣстѣ съ отцомъ считалось лишь личною честью, оказываемою ad interim; подобное пэрское достоинство сливалось съ главнымъ пэрскимъ титуломъ, какъ скоро наслѣдникъ, по смерти отца, вступилъ въ свои права, а потому оно и не могло перейти въ наслѣдственное достоинство.

Не прекращающійся и до нынѣ споръ о томъ, не было ли англійское пэрство въ самомъ началѣ непосредственно связано съ barony by tenure, вытекаетъ изъ извѣстныхъ предвзятыхъ идей, существующихъ въ обществѣ. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ классовъ общества не желаетъ *пріобрѣтать* свои права и предпочитаетъ *имѣть* ихъ въ силу имущественнаго своего положенія и по праву рожденія. Эта-то склонность и заставляла постоянно возвращаться къ излюбленной идеѣ сословнаго представительства, основаннаго на одномъ только землевладѣніи, между тѣмъ, какъ англійское пэрство основано вовсе не на голомъ фактѣ владѣнья извѣстными привиллегированными помѣстьями, а на *личныхъ приглашеніяхъ* въ парламентъ, приглаше-

ніяхъ, которыя лишь при взаимодѣйствіи, существовавшемъ между ними и обычными услугами государству, лежавшими на обязанности крупныхъ землевладѣльцевъ, превратились, опять таки въ силу обычая, въ наслѣдственное право. Излюбленная извѣстнымъ общественнымъ классомъ предвзятая идея никакъ не можетъ помириться съ этимъ воззрѣніемъ и подъ ея то вліяніемъ еще въ среднихъ вѣкахъ было сфабриковано сочиненіе озаглавленое: Modus tenendo Parliamentum; сочиненіе это имѣетъ претензію разсказать, на основаніи какой-то рукописи, „о томъ, какъ Вильгельмъ завоеватель перенялъ способъ созванія парламента отъ Эдуарда Исповѣдника". По увѣренію автора упомянутаго сочиненія владѣлецъ $13^1/_2$ рыцарскихъ ленныхъ участковъ имѣлъ право на призваніе въ парламентъ, въ качествѣ барона, а владѣлецъ 20-ти такихъ участковъ—въ качествѣ графа; другими словами: владѣльцы той и другой категоріи пользовались правомъ сословнаго представительства,—мнѣніе, очевидно основанное на простомъ вычисленіи денежныхъ суммъ даваемыхъ налогомъ relivia. Между тѣмъ сэръ Эдуардъ Кокъ не на шутку принялъ это сочиненіе за подлинный юридическій источникъ, а позднѣйшіе изслѣдователи стараются доказать, что оно относится къ еще болѣе древней эпохѣ и было написано въ царствованье Эдуарда I. Но если бы оно и дѣйствительно такъ было, то это только доказывало бы, что и въ ту пору существовали идеологи феодализма. Указанія автора, на сколько они имѣютъ характеръ достовѣрности, воспроизводятъ приблизительно тотъ порядокъ, который существовалъ въ парламентахъ XIV столѣтія, и этотъ-то порядокъ авторъ старается по возможности изобразить, какъ нѣчто, созданное обычаемъ съ незапамятныхъ временъ. (Sel. Charters 502). Но, встрѣчая въ этомъ „Modus" на каждомъ шагу изумительныя указанія, совершенно расходящіяся съ данными подлинныхъ источниковъ по исторіи права, мы не имѣемъ непремѣнной надобности принимать всю эту фабрикацію за феодальныя псевдо-Исидоровскія декреталіи; мы скорѣе имѣемъ тутъ дѣло съ тѣми удивительными превращеніями, которыя и понынѣ случаются при составленіи разныхъ родословныхъ: превращенія этого рода объясняются различіемъ между точкою зрѣнія какого нибудь геральдическаго бюро и тою точкою зрѣнія, съ которой разсматриваются факты исторіей и государственнымъ правомъ. Дѣльныя замѣчанія объ этомъ предметѣ можно найти у Паули: Bilder aus der Englischen Vorzeit. стр. 65. (Тотъ же авторъ воспроизводитъ въ живомъ изложеніи картину преній въ прежнихъ парламентахъ).

---

§ 23.

Участіе Commoners въ парламентской дѣятельности.—Происхожденіе Нижней Палаты.

Рядомъ съ собраніями прелатовъ и бароновъ для совѣта, суда и разрѣшенія налоговъ, *Эдуардъ I.* неоднократно созывалъ *депутатовъ* отъ Communitates, хотя и не обязывался формально слѣдовать тому примѣру, который былъ поданъ Генрихомъ III въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Воинственному королю, вѣчно нуждавшемуся въ деньгахъ, войны, которыя онъ велъ для расширенія могущества своей островной державы, служили ближайшимъ поводомъ для обращенія къ своимъ вѣрнымъ его Communitates съ приглашеніемъ «нести

общія опасности общими силами» и принять участіе въ совѣтѣ короля для пріисканія усиленныхъ денежныхъ средствъ на военные расходы. Первыя, несомнѣнныя, указанія на такого рода обращеніе къ общинамъ мы встрѣчаемъ въ 11 году царствованія Эдуарда I (24 ноября 1282 г.) когда, послѣ завоеванія Уэльса, были приглашены изъ каждаго графства по четыре рыцаря и по два депутата «для выслушанія и исполненія тѣхъ дѣлъ, которыя будутъ предложены имъ королемъ». За тѣмъ въ слѣдующемъ году (30 сентября 1283) въ парламентъ, собравшійся въ Шрьюсбери вмѣстѣ съ 110 графами и баронами, а такъ же рыцарями, приглашенными на дѣла изъ каждаго графства, были вызваны для совѣщанія о дѣлахъ новозавоеваннаго графства Уэльскаго по два представителя отъ 21 города. Въ 18-мъ году царствованія того же короля (1290) шерифамъ было предписано прислать по два или по три рыцаря изъ каждаго графства «ad consulandum et consentiendum his, quae comitis barones et proceres tum duxerint concordanda;» но депутатовъ отъ городовъ на этотъ разъ не вызывалось. Въ парламентѣ этомъ шла рѣчь о важныхъ законодательныхъ мѣрахъ, а именно о законѣ Quia Emptores, касавшемся отчужденія ленныхъ помѣстій. Въ 23 году правленія того же короля (30 сентября 1295) въ критическихъ обстоятельствахъ, вызванныхъ войною, были приглашены по два рыцаря изъ каждаго графства и по два представителя городскаго сословія изъ каждаго города, ad faciendum, quod tunc de communi consilio ordinabitur; результатомъ этого собранія парламента было разрѣшеніе сбора значительной суммы денегъ для покрытія финансовыхъ затрудненій государственной казны. Послѣ упомянутаго большаго парламента, который засѣдалъ въ Уэстминстерѣ и на которомъ число прибывшихъ депутатовъ отъ городовъ доходило уже до 200, приглашеніе представителей отъ графствъ и мѣстечекъ еще нѣсколько разъ повторялось въ позднѣйшіе годы царствованія того же короля *).

---

*) То значеніе, которое царствованіе Эдуарда I имѣло какъ *эпоха закладки фундамента* для будущаго государственнаго зданія, вполнѣ вѣрно оцѣнено въ Peers Report (I. 171—254), гдѣ мы находимъ подробное описаніе всего хода дѣла. Правда, уже въ 1-мъ году царствованія Эдуарда I было вызвано по четыре рыцаря отъ каждаго графства и по четыре представителя отъ каждаго города, но то была лишь депутація, имѣвшая цѣлью выразить королю вѣрноподданническія чувства по случаю его восшествія на престолъ. Въ 3-мъ году правленія Эдуарда I въ 1-мъ Уэстминстерскомъ законѣ упоминается о графахъ, баронахъ и Communitas, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе разумѣлось до сихъ поръ, т. е. въ смыслѣ всей совокупности коронныхъ вассаловъ. Субсидіи разрѣшаются одними только прелатами и баронами отъ имени allii de regno. Лишь въ 11-мъ году этого царствованія впервые формально посылаются въ парламентъ по четыре рыцаря отъ каждаго графства и по два человѣка отъ каждаго города, которые должны явиться, „съ надлежащими полномочіями отъ своихъ Communitas для выслушанья и исполненія тѣхъ дѣлъ, ко-

До сихъ поръ не существовало ни одного законоположенія, которымъ признавалась бы обязательность подобныхъ приглашеній. Но то, что было однажды сдѣлано при Генрихѣ III подъ давленіемъ суровой необходимости въ минуту общей неурядицы въ государствѣ,

---

торыя будутъ имъ указаны королемъ". При этомъ 32 графства должны выслать своихъ представителей въ *Норттэмптонъ*, а депутаты другихъ пяти графствъ должны явится въ Іоркъ. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло лишь съ первыми зачатками учрежденія, еще не успѣвшаго выработать себѣ правильныя формы. На позднѣйшій парламентъ, происходившій въ Шрьюсбери въ 11 году того же царствованія, были приглашены, для обсужденія вопроса объ устройствѣ Уэльса какъ составной части англійскаго государства, по 2 рыцаря отъ каждаго графства и представители Лондона и 20 другихъ городовъ. Но при этомъ законъ, извѣстный подъ названіемъ Статута Acton Burnell de Mercatoribus былъ изданъ королемъ и его совѣтомъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя указывали бы, что къ обсужденію его были привлечены представители общинъ. Rep. I 189—191. Въ 12-мъ году царствованія Эдуарда I статуты Уэльскій и Рутлэндскій были, повидимому, изданы властью одного короля. Rep. I. 191. 192. Въ слѣдующемъ году законъ de donis conditionabilis, второй Уэстминстерскій статутъ и постановленіе, подтверждающее хартію вольностей издаются опять-таки безъ участія общинъ, „habito super hoc cum suo concilio tractatu". Rep. I. 194. Въ 16-мъ году царствованія Эдуарда I, послѣ того, какъ бароны отказали правительству въ субсидіи, съ городовъ и государственныхъ земель былъ произведенъ сборъ tallagium просто по распоряженію лорда канцлера казначейства. Два года спустя шерифамъ было предписано прислать de discretioribus двухъ или трехъ рыцарей снабженныхъ надлежащими полномочіями, какъ отъ своего собственнаго сословія, такъ и отъ Communitas Comitatus „ad consulendum et consentiendum his quae comites et barones et proceres tum duxerint concordanda"; пять графствъ выслали при этомъ по три рыцаря, а остальныя—по два; города же не были приглашены вовсе. Цѣлью созыва по всѣмъ вѣроятіямъ было соглашеніе съ коронными вассалами на счетъ закона Quia Emptores, касавшагося отчужденія ленныхъ помѣстій. Rep. I. 197—204. Въ 22-мъ году царствованія Эдуарда I были призваны de discretioribus по два рыцаря, снабженныхъ надлежащими полномочіями, „ad consulendum et consentiendum"; вторымъ writ, разосланнымъ шерифамъ по этому же дѣлу нѣсколько позднѣе, предписывалось прислать еще двухъ рыцарей отъ каждаго графства. Rep. I. 211. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, въ виду крайне критическаго положенія, до котораго была доведена страна военными неудачами и финансовыми затрудненіями, состоялся первый правильный созывъ депутатовъ; тѣ пригласительные writs, посредствомъ которыхъ былъ произведенъ этотъ созывъ, до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ *оригиналѣ;* каждымъ изъ нихъ приглашается по два milites отъ графства и по 2 представителя городскаго сословія отъ городовъ и мѣстечекъ; общее число этихъ городовъ и мѣстечекъ, долженствовавшихъ выслать своихъ представителей простирается до 115; приглашенія заканчиваются формулой: „ad faciendum quod tunc de communi consilio ordinabitur". Цѣлью собранія было разрѣшеніе значительной субсидіи. Rep. I. 217, 218. Въ 24 году того же царствованія графствами и городами была разрѣшена новая субсидія правительству. Годомъ позднѣе былъ изданъ законъ de tallagio, о которомъ будетъ подробнѣе говорено ниже. Въ 27-мъ году Эдуардомъ I были изданы, опять-таки безъ участія представителей общинъ, два закона извѣстные подъ названіемъ „de finibus levatis" и „de falsa moneta". Въ 28-мъ году были призваны для совѣщанія по два представителя отъ графствъ, но депутатамъ отъ городовъ на этотъ разъ не было разослано приглашеній. Наконецъ въ 34-мъ году правленія того же короля состоялось разрѣшеніе всѣми сословіями новой субсидіи правительству; впрочемъ Concilium, на которомъ прошла эта мѣра, былъ созванъ безъ соблюденія обычныхъ формъ.

теперь повторялось мудрымъ монархомъ, ясно понимавшимъ требованія даннаго политическаго положенія дѣлъ. Онъ желалъ обращаться къ представителямъ общинъ, выслушивать ихъ мнѣнія и заручаться ихъ согласіемъ въ извѣстныхъ дѣлахъ, для того, чтобы они съ большею готовностью уплачивали падавшіе на ихъ долю налоги. Сообразно съ этимъ употреблялись два способа призыва депутатовъ въ парламентъ:

1) *Приглашенія въ общей формѣ*, для усиленія дѣйствія законовъ и для устраненія тѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ страна. Этотъ способъ приглашенія былъ испробованъ еще во время войны бароновъ, но тогда дѣло не получило дальнѣйшаго развитія.

2) Приглашенія съ *спеціально обозначенною цѣлью*, какъ-то: для утвержденія налоговъ, или для совѣщанія объ извѣстныхъ государственныхъ мѣрахъ. Въ этой формѣ созывы депутатовъ неоднократно производились еще въ предшествующее царствованіе.

Распредѣленіе приглашеній долгое время зависѣло всецѣло отъ усмотрѣнія правительства; особенно частыя колебанія замѣчаются въ числѣ городовъ, призываемыхъ выслать своихъ депутатовъ. Пригласительныя грамоты пишутся на имя шерифа, а иногда непосредственно на имя городскаго магистрата. Депутаты получаютъ еще спеціальныя порученія отъ своихъ согражданъ и посылаются по два отъ каждой Communitas, для того, чтобы между ними былъ возможенъ взаимный контроль; такой контроль считался особенно желательнымъ въ виду того, что въ число вопросовъ, предлагавшихся на обсужденіе депутатовъ, входили и денежные вопросы. Петиціи съѣхавшихся депутатовъ обыкновенно принимаются Королемъ въ началѣ парламентскихъ засѣданій; по окончаніи парламента, Король, отпуская депутатовъ, благодаритъ ихъ и приглашаетъ быть готовыми и впредь, къ новому призыву. Лишь въ послѣднемъ году царствованія Эдуарда I, во вступительномъ параграфѣ къ одному законодательному постановленію, упоминается объ участіи представителей общинъ въ обсужденіи этого закона. Но, начиная съ этого времени, значеніе общинъ въ парламентѣ возростаетъ постоянно, хотя и медленно, подобно тому, какъ развивалось наслѣдственное пэрство. Такое усиленіе политическаго вліянія общинъ въ парламентѣ вытекаетъ изъ увеличивающагося значенія союзовъ отдѣльныхъ общинъ для государственной службы и для государственныхъ финансовъ. Именно вслѣдствіе того, что и здѣсь сословныя права соразмѣряются съ услугами, оказанными государству, палата общинъ начинаетъ свою политическую роль не съ участія въ *судебныхъ привилегіяхъ* королевской власти, какъ перство, а пріобрѣтаетъ мало по малу въ обратномъ порядкѣ участіе въ слѣдующихъ отправленіяхъ государственной дѣятельности:

1) Въ разрѣшеніи налоговъ.

2) Въ управленіи государствомъ, путемъ петицій и предложеній, вносимыхъ въ парламентъ.

3) И, наконецъ, въ законодательной дѣятельности.

I. **Разрѣшеніе налоговъ графствами и городами** въ теченіи первыхъ десятилѣтій было несомнѣнно главною цѣлью созванія ихъ представителей. Въ царствованіе Эдуарда I не могло быть сомнѣнія въ томъ, что слѣдовало разумѣть подъ словомъ faciendum.

Уже до того, въ теченіи періода времени, ровнаго жизни двухъ поколѣній, успѣло выясниться, что обыкновенныхъ доходовъ Короля недостаточно для покрытія всѣхъ потребностей государства и что необходимо періодическое пополненіе этихъ доходовъ посредствомъ налоговъ (extraordinary revenue).

Еще ранѣе выяснилось, что въ уплатѣ субсидій этого рода могутъ и должны участвовать не одни только коронные вассалы, посредствомъ взносимыхъ ими auxilia и scutagia, но что въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ сюда должны входить и auxilia (tallagia) уплачиваемыя городами, мелкими землевладѣльцами, живущими на вольныхъ земляхъ, и крестьянами, живущими на государственныхъ земляхъ, при чемъ единицею обложенія слѣдуетъ принимать участокъ въ 100 акровъ—carucata (откуда и названіе подати, carucagia). Равнымъ образомъ, стало ясно, что и движимая собственность можетъ быть привлечена къ участію въ этихъ взносахъ въ размѣрахъ опредѣленной части съ приносимаго ею дохода (напримѣръ, одной десятой, одной пятнадцатой, и т. д.).

Со времени вступленія на престолъ Генриха III многочисленные случаи какъ согласія, такъ и отказа парламентовъ въ вопросѣ объ утвержденіи новыхъ налоговъ показали, что въ вопросахъ этого рода необходимо столковаться съ собраніемъ коронныхъ вассаловъ.

Теперь настала пора, когда всѣ прежде существовавшіе разряды налоговъ должны были слиться въ *одинъ общій поземельный и подоходный налогъ* (см. выше, стр. 287, 288, 289) и этанеобходимость обусловливалась слѣдующими соображеніями:

1) Сліяніе *всѣхъ налоговъ, взымавшихся съ поземельной собственности, въ одинъ общій поземельный налогъ*, было подготовлено введеніемъ раскладки налога по гуфенамъ, при взиманіи Саладиновой десятины, при сборѣ денегъ на выкупъ Ричарда I изъ плѣна, при сборѣ carucagium въ 1194 г. и еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, бывшихъ при Генрихѣ III (напр. въ 1220 г.). Но не легкою задачею было склонить коронныхъ вассаловъ на замѣщеніе прежнихъ налоговъ этою новою формою обложенія. Scutagia должны были служить денежною замѣною военной службы лишь въ случаѣ *дѣйствительно затѣвавшагося* похода; но всѣ достаточно уже успѣли убѣдиться, что королевскій

совѣтъ въ случаѣ надобности не затрудняется сослаться для взысканья этого сбора на походъ, выдуманный ad hoc и котораго въ сущности король и не думаетъ предпринимать.

Auxilia вассалы обязаны были уплачивать лишь въ *извѣстныхъ случаяхъ*, когда *честь* сюверена была затронута, или же онъ лично находился въ *критическихъ обстоятельствахъ*. Но дѣло въ томъ, что можно было не безъ успѣха обращаться къ патріотизму верховнаго совѣта короны и выставлять на видъ членамъ этого совѣта, что нельзя же ограничивать свою помощь такими случаями, когда сюверена постигнетъ *личная бѣда*,—что очевидныя потребности правительства страны имѣютъ неменьшее значеніе, чѣмъ личная честь и нужда монарха. При подобныхъ обращеніяхъ къ патріотизму слѣдовало только не упускать изъ виду, что вассалы и безъ того тяжко обременены высокими цыфрами relevia и другими ленными повинностями.

Для всѣхъ военныхъ ленныхъ помѣстій, въ ленныхъ матрикулахъ, была установлена *единообразная раскладка* суммъ, взимавшихся съ нихъ взамѣнъ поставки вооруженныхъ людей, а такъ же въ видѣ субсидій казнѣ; что же касается налога carucagia, падавшаго на простое землевладѣніе, то онъ въ началѣ былъ разложенъ по гуфенамъ, но впослѣдствіи соразмѣрялся съ дѣйствительной доходностью земель, по оцѣнкѣ коммиссій, учрежденныхъ съ этою цѣлью въ графствахъ. Между тѣмъ, хотя для землевладѣльцевъ и было желательно удерживать по возможности безъ всякихъ измѣненій разъ установленныя для поземельныхъ налоговъ кадастры, — противъ самаго способа оцѣнки, которая производилась общинными коммиссіями, возставалъ гоноръ крупныхъ вассаловъ. Впрочемъ оцѣнка эта, въ основаніе которой былъ положенъ дѣйствительный доходъ получаемый съ гуфена, въ общемъ была болѣе выгодна для рыцарскихъ помѣстій; новый способъ оцѣнки еще болѣе примирилъ съ собою крупныхъ землевладѣльцевъ, послѣ того, какъ для рыцарскихъ помѣстій, въ уваженіе остальныхъ ленныхъ повинностей, лежавшихъ на нихъ, была назначена нѣсколько *болѣе низкая* норма обложенія ихъ доходовъ; одновременно съ этимъ и рыцарскій гоноръ получилъ удовлетвореніе, такъ какъ для оцѣнки этихъ помѣстій были учреждены особыя коммиссіи, въ составъ которыхъ входили и сами коронные вассалы.

Ниже мы увидимъ, что сочетаніе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ фактически создало общій для всей страны поземельный налогъ, который взымался въ одинаковыхъ размѣрахъ со всѣхъ земель графства.

2) Введеніе *дополнительнаго налога съ движимаго имущества* personal property) давно уже было подготовлено тѣми tallagia, которыя королевская власть требовала съ крестьянъ, живущихъ на

коронныхъ земляхъ и съ городовъ. Для плательщиковъ было въ высшей степени важнымъ облегченіемъ, когда въ подобные поборы, путемъ обсужденія этого вопроса въ парламентѣ, была внесена равномѣрность. Безграничный произволъ государственнаго казначейства, первоначально господствовавшій въ этомъ дѣлѣ, еще до того нѣсколько умѣрялся системою такъ называемыхъ fee-farms, позволявшею замѣнять произвольно взыскываемые поборы разъ на всегда опредѣленною рентою, а такъ-же покупать себѣ гарантіи въ этомъ отношеніи за деньги, взносимыя единовременно. Съ другой стороны, благодаря развитію торговли и ремеслъ, доходы, въ особенности городовъ, такъ значительно возрасли, что они представлялись весьма выгоднымъ источникомъ податнаго обложенія, которымъ можно было воспользоваться рядомъ съ поземельнымъ налогомъ. Какъ ни мало было развито политико-экономическое пониманіе въ средніе вѣка, все же и въ то время уже сообразили, что кромѣ обложенія объектовъ, можетъ существовать еще обложеніе *субъектовъ*, обращающееся на общую сумму доходовъ, получаемыхъ лицомъ, и что этого рода обложеніе имѣетъ не менѣе раціональное основаніе, чѣмъ первое. Такой способъ распредѣленія налоговъ впервые былъ употребленъ при взысканіи Саладиновой десятины и при сборѣ денегъ на выкупъ Ричарда I изъ плѣна; король Іоаннъ, со свойственнымъ ему самоуправствомъ, распространилъ этого рода налогъ, собственной властью, на все населеніе. Затѣмъ, къ той-же мѣрѣ правительство прибѣгало неоднократно при Генрихѣ III, причемъ, однако-же, доходы духовенства оставались изъятыми отъ обложенія, а для коронныхъ вассаловъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, расчетъ производился на болѣе льготныхъ основаніяхъ. Съ соблюденіемъ подобнаго рода предосторожностей, и, главнымъ образомъ, съ принятіемъ *болѣе низкой* нормы обложенія для доходовъ tenentes in capite (въ виду другихъ тягостей, которыя они несли), подоходный налогъ весьма удобно могъ идти рука объ руку съ общимъ поземельнымъ налогомъ, въ видѣ *постояннаго дополненія* къ этому послѣднему, чѣмъ онъ и сдѣлался.

3) Распространеніе *поземельнаго и подоходнаго налога на духовенство* было уже въ предшествующій періодъ на столько подготовлено, что прелаты послѣ нѣкотораго сопротивленія, стали безпрекословно уплачивать субсидіи и щитныя деньги, слѣдовавшія съ ихъ большихъ помѣстій, по сколько они владѣли послѣдними by barony, и вмѣстѣ съ свѣтскими коронными вассалами разрѣшали въ парламентахъ сборы этого рода. Но за то они возставали противъ обложенія прочихъ доходовъ, получаемыхъ ими съ неленныхъ помѣстій, и слышать не хотѣли ни о десятинахъ, ни объ oblationes, и протестовали противъ этихъ сборовъ даже тогда, когда суммы,

долженствовавшія поступить съ нихъ, предназначались для Саладиновой десятины; выкупу Ричарда I изъ плѣна они, какъ кажется, равнымъ образомъ не желали способствовать. Между тѣмъ папская власть успѣла пріучить англійское духовенство къ значительному обложенію всей совокупности его доходовъ и въ особенности мало стѣснялось въ этомъ отношеніи съ богатыми представителями духовнаго сословія. Обложеніе болѣе мелкихъ доходовъ приходскихъ священниковъ, которые при другихъ обстоятельствахъ нельзя бы было оправдать, объяснялись въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, что въ Англіи эти доходы были не соразмѣрно высоки. Такимъ образомъ, когда въ слѣдующемъ періодѣ общій подоходный налогъ, взымаемый со свѣтскаго населенія, сталъ все болѣе и болѣе принимать форму правильнаго, постояннаго обложенія, весьма естественно было ожидать, что и для англійскаго духовенства наступитъ моментъ, когда оно, подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія, вызваннаго тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ, разсудитъ, что *ужъ коли платить* подоходный налогъ, то лучше его платить королю, чѣмъ римскому первосвященнику. И дѣйствительно, вскорѣ оказалось, что духовенство не намѣрено оказывать серьознаго сопротивленія королевской власти, понуждающей его къ этого рода взносамъ; оно требовало только, чтобы честь сословія была соблюдена и чтобы ему было предоставлено разрѣшать взымаемый съ него подоходный налогъ черезъ уполномоченныхъ, въ особыхъ засѣданіяхъ, и по возможности, по установленной разъ на всегда нормѣ.

4) Наконецъ, повышеніе *таможныхъ пошлинъ и налоговъ съ потребленія* хотя и было до извѣстной степени ограничено обычаемъ, установившимся въ предшествующій періодъ, все таки оставалось въ зависимости отъ полицейской власти короля, который къ тому же, въ качествѣ arbiter of commerce, пользовался правомъ регулировать по своему усмотрѣнію дѣла портовыхъ городовъ и внутреннихъ рынковъ. Эта-то привилегія королевской власти не рѣдко влекла за собою конфискаціи товаровъ и особыя сдѣлки какъ съ иноземными, такъ и своими купцами; между тѣмъ приходилось мало по малу убѣждаться, что всѣ суммы, вымогаемыя съ торговцевъ въ концѣ концовъ превращаются въ налогъ на потребителей. Все очевиднѣе и очевиднѣе становилось для всѣхъ, что взиманіе косвенныхъ налоговъ не можетъ быть отдѣлено отъ сбора прямыхъ налоговъ, разрѣшаемаго парламентомъ.

Таково было *положеніе страны въ дѣлѣ податнаго обложенія*, когда въ царствованіе Эдуарда I вышеописанный порядокъ вещей разразился кризисомъ, напоминавшимъ борьбу изъ за хартіи вольности, съ той, впрочемъ, разницей, что на этотъ разъ, не взирая на сопротивленіе всей страны великому монарху, дѣло съ обѣихъ сто-

ронъ обошлось болѣе миролюбиво: населеніе сохранило вѣрность престолу, а король довѣріе къ своимъ подданнымъ. Эдуардъ I, вступивъ на престолъ въ такую пору, когда еще давали себя чувствовать послѣдствія войны бароновъ и, унаслѣдовавъ отъ отца своего дѣла, запутанныя дурнымъ управленіемъ послѣдняго, очутился лицомъ къ лицу съ финансовыми затрудненіями, которыя онъ, съ своей стороны, еще болѣе увеличилъ своими непрерывными войнами. Между тѣмъ, блестящіе результаты, достигнутые его правленіемъ, давали ему возможность съ успѣхомъ обращаться къ патріотическимъ чувствамъ вѣрныхъ ему прелатовъ, бароновъ и общинъ, которые обыкновенно охотно удовлетворяли самыя широкія требованія короля.

Но вотъ въ 1294 г., военныя событія на континентѣ и обязательства принятыя на себя королемъ, по договору, съ союзниками, потребовали отъ него крайняго напряженія силъ; подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ король прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ: онъ требуетъ ни болѣе, не менѣе, какъ половины доходовъ духовенства, послѣ того какъ уже ранѣе имъ были конфискованы церковныя драгоцѣнности и шерсть, принадлежавшая купцамъ; послѣ долгихъ переговоровъ онъ соглашается нѣсколько умѣрить свои требованія и довольствуется тѣмъ, что въ слѣдующемъ году получаетъ съ духовенства $^1/_{10}$, съ бароновъ и рыцарей $^1/_{11}$ и съ городовъ $^1/_7$ ихъ доходовъ. Но въ слѣдующемъ затѣмъ году военные расходы снова увеличиваются, а папа Бонифацій VIII издаетъ буллу **Clericis laicos** (24 февраля 1296 г.) которою, безусловно запрещаетъ духовенству уплачивать какіе бы то ни было налоги съ церковныхъ имуществъ; на эту буллу Эдуардъ отвѣчаетъ конфискаціей имуществъ архіепископской каѳедры и объявляетъ все духовенство лишеннымъ его королевскаго покровительства (т. е. состоящимъ въ опалѣ). При такомъ напряженномъ положеніи дѣлъ, великіе констабли и маршалъ, являясь выразителями настроенія, господствующаго среди коронныхъ вассаловъ, отказываются служить королю въ походѣ противъ Гаскони и, послѣ бурной сцены, удаляются, готовясь къ вооруженному сопротивленію. Въ этой крайности Эдуардъ снова прибѣгаетъ къ конфискаціи всей шерсти, находящейся у купцовъ, облагаетъ графства значительными поборами натурою и затѣмъ призываетъ подъ знамена всѣхъ, способныхъ носить оружіе, какъ среди населенія, подлежащаго ленной воинской повинности, такъ и между собственниками, имущество которыхъ представляетъ стоимость не ниже 20 ф. Этими мѣрами *все населеніе*, съ гражданами Лондона во главѣ, было доведено до открытаго сопротивленія; находившееся въ опалѣ духовенство раздѣляло общее недовольство, бароны брались за оружіе, а оба верховные вождя лен-

наго ополченія еще разъ отказались нести службу своему сюверену и покинули войско. Королю однакоже удалось, путемъ переговоровъ, которые велись безъ соблюденія установленныхъ для этого формъ, добиться отъ бароновъ и рыцарей $^1/_8$ изъ доходовъ; а отъ городовъ и духовенства $^1/_5$; съ духовенствомъ, кромѣ того, шли дальнѣйшіе переговоры въ примирительномъ духѣ. Таково было положеніе дѣлъ, когда 22 августа 1297 г. король увидѣлъ себя вынужденнымъ лично отправиться къ войску, находившемуся на континентѣ; въ Англіи онъ вмѣсто себя оставилъ своего сына и совѣтъ регенства; послѣдній вскорѣ нашелъ возможность вступить въ переговоры съ недовольными графами и вооруженными вассалами, представлявшими такую грозную силу. Недовольные требовали подтвержденія хартіи вольностей и добавленія къ ней новой статьи, которой признавалось бы *право государственныхъ чиновъ на утвержденіе налоговъ*. Принцъ регентъ, по совѣту своего Council, согласился на это требованье и подписалъ соотвѣтствующее постановленіе 12 октября 1295 г. Король съ своей стороны, въ виду критическаго внутренняго и внѣшняго положенія государства, утвердилъ этотъ договоръ 5 ноября 1295 г. въ хартіи, которая была подписана имъ въ Гентѣ (Foedera I. 880) съ благородною рѣшимостью сдержать данныя въ ней обѣщанія; и точно, онъ остался до конца вѣренъ своему слову. Эта «Confirmatio Chartera», существующая въ двухъ текстахъ, французскомъ и латинскомъ, является органическимъ закономъ, подобнымъ тому, который былъ установленъ хартіей вольностей; но, въ противоположность событіямъ 1215 г., изданіе ея составляетъ неувядаемую славу англійской монархіи. Французскій текстъ, занесенный въ собраніи законовъ (Statutes of the Realm I. 124, 125) считается наиболѣе достовѣрнымъ воспроизведеніемъ первоначальнаго подлинника, но съ другой стороны, латинскій текстъ, менѣе подробный, неоднократно признавался въ судебныхъ приговорахъ за основной законъ государства, какъ statutum de tallagio non concedendo [2]).

---

[2]) Исторію происхожденія этого государственнаго акта, а такъ-же французскій и латинскій тексты его, можно найти у Стеббса (Stubbs, Select Charters p. 487—498); французскій текстъ съ англійскимъ переводомъ включенъ въ Statutes of the Realm, p. 124—125. Латинскій текстъ, съ большими пропусками по сравненію съ французскимъ, приводится подъ заглавіемъ: „Articuli incerti in Magna Charta“ у Вальтера де Гемингборга II. 153. 154. Латинскій текстъ, повидимому, есть ничто иное, какъ первоначальный проэктъ закона, предложенный на утвержденіе регента и нескрѣпленный оффиціально. Этотъ-то проэктъ, вослѣдствіи, на основаніи судебныхъ рѣшеній, былъ признанъ въ петиціи правъ, поданной Карлу I, за дѣйствительный законъ и, какъ таковой, упоминается во вступленіи къ упомянутой петиціи, въ нижеслѣдующей редакціи:

Nullum tallagium vel auxilium per nos vel haeredes nostros de cetero in regno nostro imponatur seu levitur sine voluntate et assensu communi

Право государственныхъ чиновъ утверждать налоги, причемъ теперь уже разумѣлось участіе въ этомъ дѣлѣ не однихъ прелатовъ и бароновъ, но и общинъ, — право это, говорю я, признавалось отнынѣ такъ безусловно, что и повышеніе таможенныхъ пошлинъ и налоговъ на потребленіе, безъ формальнаго согласія парламента, было объявлено незаконнымъ, какъ оно видно изъ весьма недвусмысленныхъ выраженій подлиннаго французскаго текста Confirmatio Chartera:

«E ausi avoms grante as evesques et as Contes et barons et a tote la communaute de la terre, que mes pur nul busoigne tieu manere des aides, mises, ne prises, de notre roiaume ne prendroms, fors que par commun assent de tut le roiaume, sauf les auncïennes aides et prises dues et custumees».

Такимъ образомъ, то право утвержденія налоговъ, къ которому англійскіе парламенты неизмѣнно стремились, начиная съ 1215 г., было наконецъ, по прошествіи столѣтія, отвоевано ими, и притомъ еще на такомъ широкомъ основаніи, какъ участіе въ сказанномъ правѣ всѣхъ имущихъ классовъ дѣйствительно платящихъ налоги.

Еще довольно долгое время налоги разрѣшались каждою группою плательщиковъ *отдѣльно*. Но уже начиная со времени Эдуарда II, сказывается стремленіе согласовать прямые налоги, какъ по времени взносовъ, такъ и въ размѣрахъ. Всѣ были заинтересованы въ томъ, чтобы было введено общее, однообразное мѣрило, а для достиженія этой цѣли необходимо было, чтобы всѣ элементы, составляющіе государство, сходились для совѣщанія между собою: король, какъ представитель коронныхъ земель, бароны — какъ представители своихъ помѣстій и подвластныхъ имъ городовъ, духовенство— какъ представитель своихъ имуществъ, рыцари—какъ представители своихъ интересовъ и интересовъ своихъ подвассаловъ, города—какъ представители своихъ communitas. И точно, всѣ эти классы, побуждаемые разумнымъ пониманіемъ общихъ своихъ интересовъ, стали мало по малу сближаться между собою: сначала стали сходиться рыцари и города, затѣмъ—общины и лорды, а тамъ и всѣ участники парламентской дѣятельности, при чемъ разрѣшеніе налоговъ принимаетъ ту же форму, какъ и законодательная дѣятельность. Во 2-мъ году царствованья Ричарда II такое положеніе дѣлъ уже на столько упрочилось, что Magnum Concilium,

---

achiepiscoporum, episcoporum et aliorum prealartorum, comitum, baronum, militum, burgensium et aliorum liberorum hominum in regno nostro.

По требованію бароновъ этотъ государственный актъ сопровождался неоднократными подтвержденіями хартіи вольностей [въ 1299, 1300, 1301 гг.). Подтвержденіе послѣдней, состоявшееся въ 1301 г., было по счету тридцать вторымъ.

составленный изъ прелатовъ и бароновъ, объявляетъ себя не компетентнымъ разрѣшить, безъ участія представителей общинъ, налогъ, просимый правительствомъ. Правда, въ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ позднѣйшіе короли пробовали порою обойти установленный принципъ, и съ этою цѣлью ссылались на разныя свои привилегіи, болѣе древняго происхожденія, то выступая въ качествѣ собственниковъ коронныхъ земель, то напоминая, что имъ принадлежитъ право верховной собственности на земли вассаловъ, то воскрешая свое право оберегателей портовыхъ городовъ. Но такъ какъ лорды, рыцари и города, движимые сознаніемъ общности своихъ интересовъ, давали дружный отпоръ подобнымъ притязаніямъ, то попытки королевской власти въ сказанномъ направленіи не имѣли успѣха и въ концѣ разсматриваемаго періода состоялось новое подтвержденіе парламентскихъ правъ Ричардомъ III.

Внутренній смыслъ реформы, отдавшей утвержденіе налоговъ въ руки парламента выраженъ въ словахъ Эдуарда I, который говоря о налогахъ, подлежащихъ утвержденію, заявляетъ, что это будетъ сдѣлано for the common benefit of the realm, другими словами личная королевская власть уступаетъ часть своихъ преимуществъ и въ обмѣнъ за нихъ получаетъ налогъ со *всей страны;* при такомъ порядкѣ множество возраженій, приводившихся противъ налоговъ въ прежнее время, отпадали сами собою, но за то возникало со стороны сословій притязаніе контролировать какъ цѣли, такъ и способы обложенія. Всѣ постановленія парламентовъ о взысканіи налоговъ, составлявшихъ такъ называемое Extraordinary Revenue короля, имѣли характеръ договора съ королевской властью и никогда не утрачивали этого характера. Постановленія о взиманіи налоговъ никогда не облекались въ форму, принятую для законодательныхъ рѣшеній; они не скрѣплялись формальнымъ согласіемъ короля, напротивъ того, они адресовались на имя короля въ формѣ разрѣшающей грамоты (Urkunde), которая затѣмъ заносилась въ протоколы парламента. Послѣдній случай разрѣшенія налога каждымъ изъ сословій порознь былъ въ 18-мъ году правленія Эдуарда III. Въ позднѣйшихъ протоколахъ парламента обѣ палаты упоминаются рядомъ, при чемъ нерѣдко присовокупляется замѣчаніе, что дѣло было рѣшено по общемъ совѣщаніи. Старыя названія налоговъ, auxilia, scutagia, hydagia, tallagia, удерживаются еще довольно долгое время въ употребленіи. Интересы платящихъ сословій еще сталкиваются въ различныхъ пунктахъ между собою и вызываютъ многочисленные опыты преобразованій въ податной системѣ **). Въ осо-

---

**) Длинный рядъ этихъ попытокъ, продолжавшихся до конца среднихъ вѣковъ, изложенъ подробнѣе въ приложеніи, заканчивающемъ настоящій параграфъ.

бенности землевладѣльческій интересъ пытается облегчить лежащую на немъ податную тягость введеніемъ натуральныхъ повинностей, подушныхъ налоговъ, прогрессивнаго подоходнаго налога, распредѣленіемъ налоговъ по приходамъ, и т. д. Но всѣ эти измѣненія не идутъ далѣе эфемерныхъ попытокъ и главныя основанія англійской податной системы остаются неизмѣнными. Основанія же эти состоятъ въ томъ, что

1) *Всѣ* налоги, лежащіе на землѣ, сливаются въ одинъ общій поземельный налогъ;

2) *Всѣ* личныя денежныя повинности—въ одинъ, равный для всѣхъ подоходный налогъ,

3) И *всѣ* таможенные сборы и налоги на потребленіе—въ одинъ общій тарифъ.

Сліяніе это совершается до того полно, что налоги послѣдняго изъ вышеназванныхъ разрядовъ, превращаются въ постоянный доходъ казны, пользованіе которымъ позднѣе разрѣшается королю пожизненно.

Пріобрѣтенное такимъ образомъ право утвержденія налоговъ было результатомъ совершенно нормальнаго процесса правоваго развитія. Отдѣльныя права сословій сходятся на почвѣ общихъ интересовъ и создаютъ такимъ образомъ одно общесословное право. Между тѣмъ, какъ въ Германіи группы, платящія налоги были раздѣлены по куріямъ и сходились другъ съ другомъ лишь въ случаяхъ крайности, по минованіи которой опять разъединялись, особенность Англіи состоитъ именно въ томъ, что ея сословія крѣпко и постоянно держались другъ за друга. Такъ какъ лорды, рыцари и города признавали себя подлежащими одинаковому въ главныхъ основаніяхъ податному обложенію и такъ какъ они, подъ давленіемъ нужды, научились цѣнить выгоды дружнаго дѣйствія, то между ними и удерживалось сознаніе солидарности. Здѣсь крупное землевладѣніе не освобождено отъ налоговъ; онъ не пользуется ни правомъ сеньоріальнаго суда въ своихъ владѣніяхъ, ни правомъ облагать налогами своихъ подъ-вассаловъ, поэтому то Англія и являетъ намъ примѣръ немыслимаго въ средневѣковой Германіи дружной, совокупной дѣятельности въ одномъ парламентѣ какъ *государственныхъ* такъ и *провинціальныхъ* чиновъ (лордовъ и прелатовъ королевства, съ одной стороны, и рыцарей и городовъ съ другой).

II. Участіе представителей общинъ въ текущихъ дѣлахъ правленія выработывается на почвѣ *петицій, жалобъ на то или другія неурядицы*, отъ которыхъ страдаетъ страна, *предложеній и формальныхъ обвиненій* противъ тѣхъ или другихъ лицъ.

До сихъ поръ обсужденіе обстоятельствъ, подающихъ поводъ къ жалобамъ, входило, какъ дѣла, отчасти служебные, отчасти же

административные, въ компетентность Королевскаго Council и Великаго совѣта. Жалобы эти принимались такъ называемыми receivers, затѣмъ Triers and auditors составляли по нимъ доклады и онѣ препровождались куда слѣдуетъ для надлежащаго распоряженія. Тѣ правила, на основаніи которыхъ петиціи распредѣлялись по разрядамъ, смотря по тому, куда имъ слѣдовало поступить для разрѣшенія, — къ государственному-ли канцлеру, въ казначейство, къ судьямъ, и т. д. правила эти, говорю я, заключали въ себѣ зачатокъ постоянно возроставшаго разчлененія правительственной власти на различныя вѣдомства; по крайней мѣрѣ $^1/_{10}$ петицій обыкновенно заключали въ себѣ жалобы на administration of the law. Палата общинъ долгое время признаетъ и формально, и на дѣлѣ, что она есть представительница страны, въ дѣлѣ налоговъ, но что обязанность контролировать отправленія правосудія и администрацію лежитъ прежде всего на высшемъ духовенствѣ и на магнатахъ [2a]).

Поэтому первыя заявленія представителей общинъ по дѣламъ этого рода написаны смиреннымъ слогомъ тогдашнихъ челобитныхъ: «vos humbles, pauvres communes prient et supplient pour Dieu et en oeuvre de charité» — такова наиболѣе обычная формула. Король съ его совѣтомъ по отношенію къ петиціямъ является активною государственною силою; въ его рукахъ сосредоточивается судебная власть, онъ можетъ доставить жалобщикамъ новыя юридическія средства для защиты, отъ него зависитъ рѣшить дѣло такъ

[2a]) Основаніемъ для цѣлаго длиннаго ряда петицій послужила Magna Charta и тѣ законы, которые были изданы въ видахъ примѣненія установленныхъ ею началъ. Эти законы послужили какъ-бы документальною основою конституціи и на этой-то основѣ возникли опредѣленныя требованія, предъявлявшіяся къ государственному управленію. Королевская власть признаетъ обязательство исполнять обѣщанія хартіи вольностей, столько разъ подтверждавшейся, и исполнять ихъ не по королевской своей милости, а ex debito justiciae. Само собою разумѣется, возникали неоднократно сомнѣнія въ правильности толкованія тѣхъ статей закона, на почвѣ которыхъ королевскій совѣтъ съ большою послѣдовательностью защищалъ необходимыя права государственной власти отъ предъявляемыхъ къ этой послѣдней черезмѣрныхъ требованій. Число петицій, постепенно возростая, дошло до весьма значительныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, въ 1-мъ году царствованія Ричарда II Communitates представили 69 петицій, изъ нихъ 14 были отъ духовенства, 9 — отъ города Лондона, и т. д. Каждая петиція, по которой оказано удовлетвореніе, становится прецедентомъ, на который опираются въ своихъ ходатайствахъ послѣдующія петиціи. Въ важнѣйшихъ случаяхъ удовлетвореніе оказывается посредствомъ изданія новаго законоположенія, съ тою цѣлью, чтобы новою, болѣе точною, редакціею закона предотвратить дальнѣйшіе случаи тѣхъ административныхъ злоупотребленій, которыя подали поводъ къ жалобѣ. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся примѣровъ этого рода была жалоба, поданная въ 20-мъ году царствованія Эдуарда III на такъ называемыя Commissions of array, исходившія изъ государственной канцеляріи; поводомъ къ жалобѣ послужило то, что король употреблялъ милиціи графствъ въ войнахъ за предѣлами Англіи. Въ отвѣтъ на петицію былъ изданъ, въ 25-мъ году правленія того-же короля, новый законъ. (St. 5, c. 8).

или иначе, направить его въ то или другое вѣдомство. Въ этой области даже собраніе прелатовъ и бароновъ является по отношенію къ правительству короля не болѣе, какъ королевскимъ совѣтомъ, засѣдающимъ въ увеличенномъ составѣ. Окончательная редакція рѣшеній принадлежитъ постоянному совѣту, протоколы засѣданій, такъ-же, какъ и другіе records государственнаго управленія, ведутся клерками государственнаго канцлера.

Но дѣло въ томъ, что вся эпоха среднихъ вѣковъ является фактическимъ опроверженіемъ теоріи исполнительной власти in abstracto. Предложенія палаты общинъ и вносимыя ею петиціи съ каждымъ поколѣніемъ принимаютъ тонъ все болѣе и болѣе энергическій, пока, наконецъ, право ходатайствовать, предоставленное ей, не превращается въ право участвовать въ рѣшеніяхъ, постановляемыхъ по петиціямъ. Подкладкою этой постепенно возростающей власти палаты общинъ служитъ возростающее значеніе собственности въ графствахъ и городахъ и увеличеніе платежной ихъ силы, а также права утвержденія налоговъ; пользуясь этимъ правомъ, представители общинъ постоянно старались связывать жалобу на то или другое злоупотребленіе съ вопросомъ объ утвержденіи того или другаго налога, при чемъ, конечно, биль, являвшійся на свѣтъ Божій въ сообществѣ съ вопросами «которые внушали къ себѣ такое невольное уваженіе» встрѣчалъ въ большинствѣ случаевъ благосклонный пріемъ [2в]).

[2в]) Фактическимъ Compelle, придававшимъ вѣсъ предложеніямъ палаты общинъ и заставлявшимъ правительство съ ними считаться, было *право утвержденія налоговъ*. Какъ скоро палата общинъ почувствовала, что она въ этомъ дѣлѣ имѣетъ голосъ наравнѣ съ другими сословіями, она послѣдовала примѣру бароновъ и стала связывать свое согласіе *съ исполненіемъ извѣстныхъ условій*, поставленныхъ ею. Уже во 2-мъ году царствованія Эдуарда II сборъ подоходнаго налога въ размѣрѣ $^1/_{25}$ былъ разрѣшенъ съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы король устранилъ злоупотребленія, на которыя указывала палата въ своей жалобѣ, состоявшей изъ восьми пунктовъ,—что король и обѣщался сдѣлать. Въ 18-мъ году царствованія Эдуарда III между правительствомъ и палатою состоялась подобная же сдѣлка и случаи этого рода повторялись много разъ въ теченіе долгаго царствованія упомянутаго короля. Такъ, въ 22-мъ году его правленія, сборъ подоходнаго налога въ размѣрѣ $^3/_{15}$ былъ разрѣшенъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы на будущее время совѣтомъ короля не налагалось на населеніе никакихъ tallagia, или принудительныхъ займовъ, или другихъ какихъ поборовъ безъ одобренія и согласія общинъ въ парламентѣ, и чтобы это было установлено въ формѣ закона. Во 2-мъ году царствованія Ричарда II палата общинъ, дѣйствуя смѣлѣе по отношенію къ правительству, которое въ ту пору было только регентствомъ при малолѣтнемъ королѣ, потребовало, чтобы король соблаговолилъ объяснить, на что были употреблены значительныя суммы, разрѣшенныя на военные расходы. Отвѣтъ на это требованіе былъ нижеслѣдующій: „До сихъ поръ еще не бывало примѣра, чтобы правительство давало парламенту отчетъ въ употребленіи субсидій; тѣмъ не менѣе, требованіе палаты на этотъ разъ будетъ удовлетворено; но такое снисхожденіе не должно, однако, считаться примѣромъ для будущаго". Parry. 140. Вскорѣ послѣ того, однакоже, палата общинъ была извѣщена, что чиновники государственнаго казначейства готовы представить ей свои счеты.

Вслѣдъ за этимъ Палата общинъ начинаетъ требовать, чтобы ей *сообщалось содержаніе петицій* поступающихъ съ различныхъ сторонъ. Уже въ 3-мъ году царствованія Эдуарда II входитъ въ обычай назначать receivers of petitions, пріемщиковъ петицій, также и при палатѣ общинъ. Въ 12-мъ году правленія того-же короля общинамъ, по примѣру Великаго совѣта, предоставляется также выбирать и докладчиковъ, хотя онѣ все еще не имѣютъ права ни постановлять своихъ рѣшеній, ни участвовать въ рѣшеніяхъ Великаго совѣта. Перемѣна, произшедшая въ ихъ положеніи, сказывается и въ самомъ тонѣ оффиціальныхъ оборотовъ рѣчи. При Ричардѣ II прежнія «humbles pauvres Communes» называются уже не иначе, какъ «the right wise, rigth honourable, worthy and discreet Communs» (высоко-мудрыя, высоко-почтенныя, достойныя и осмотрительныя общины). Просители, не принадлежащіе къ составу парламента, обращаются съ своими ходатайствами къ самой «высокочтимой палатѣ общинъ». Обычай вносить петиціи прямо въ Нижнюю палату съ просьбою къ этой послѣдней, чтобы она не отказала просителямъ въ своемъ предстательствѣ предъ королемъ, впервые устанавливается при Генрихѣ IV. Впрочемъ, петиціи эти адресуются то на имя короля, то на имя короля и его совѣта, то на имя короля, лордовъ и общинъ, то на имя лордовъ и общинъ, то, наконецъ, на имя одной только палаты общинъ, съ присовокупленіемъ въ послѣднемъ случаѣ просьбы о заступничествѣ передъ королемъ и его совѣтомъ. Отвѣтъ на петиціи обыкновенно давался по окончаніи всѣхъ прочихъ дѣлъ сессіи, слѣдовательно *послѣ* того, какъ субсидіи были утверждены. Попытки ввести обратный порядокъ вначалѣ встрѣчали отпоръ, но позднѣе, правительству все-таки пришлось уступать этому требованію въ случаяхъ сильныхъ денежныхъ затрудненій. Равнымъ образомъ уже довольно рано пришлось убѣдиться въ невозможности отдѣлить право палаты разрѣшать субсидіи отъ права требовать *отчета* въ употребленіи разрѣшаемыхъ ею сборовъ. Требованье этого рода было впервые заявлено въ началѣ правленія Ричарда II. и было уважено правительствомъ, съ оговоркою, что это дѣлается не въ

По требованію палаты была назначена коммиссія изъ девяти человѣкъ, на обязанность которой было возложено изслѣдовать положеніе государственныхъ доходовъ и провѣрить управленіе движимымъ имуществомъ покойнаго короля. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году палата общинъ, разрѣшая субсидію, обратилась къ королю съ ходатайствомъ, чтобы онъ не созывалъ новаго парламента для обложенія налогомъ „бѣдныхъ его общинъ“, ранѣе года, считая со дня закрытія настоящаго парламента. (Parl. History I. 357). Когда при Генрихѣ IV снова поднялся вопросъ о представленіи отчета по израсходованію субсидій, королемъ еще разъ былъ данъ гордый отвѣтъ: „*Короли отчетовъ не даютъ*“. Но уже въ слѣдующемъ году пришлось представить палатѣ общинъ отчетъ казначейства и одержанная такимъ образомъ побѣда никогда уже болѣе никѣмъ не оспаривалась. (Stubs III 267)

примѣръ будущему; затѣмъ требованье это неоднократно повторялось и въ трудныя времена правительство ему уступало, хотя періодическое предъявленіе отчета въ палатѣ и не было возведено въ систему [2c]).

Съ тѣхъ поръ какъ возрастающее вліяніе палаты Общинъ дало себя чувствовать, *правительство, уже по собственной иниціативѣ*, обращается къ совѣту этой палаты въ общегосударственныхъ дѣлахъ. Подобныя обращенія нерѣдко встрѣчаютъ, даже, противодѣйствіе со стороны палаты, которая предвидитъ, что такое совѣтодательство непремѣнно повлечетъ за собою требованье денегъ. Въ 22-мъ году царствованья Эдуарда III общины отвѣчали по поводу одного мирнаго договора, предложеннаго на ихъ разсмотрѣніе: «что королю и вельможамъ будетъ угодно, на то и общины согласны». Но въ 43-мъ году царствованья Эдуарда III палата общинъ вмѣстѣ съ палатою лордовъ рѣшила, что король по праву и съ чистою совѣстью можетъ снова принять титулъ короля Франціи; одновременно съ этимъ было рѣшено возобновленіе войны и вотирована субсидія. Послѣ такихъ обращеній къ совѣту палаты, конечно, объявлялось, «что война предпринимается съ общаго одобренія всѣхъ лордовъ и общинъ, выраженнаго въ различныхъ парламентахъ» и правительство, конечно, не упускало случая дѣлать изъ такой посылки весьма далеко идущіе выводы. Въ 7-мъ году царствованья Ричарда II па-

---

2c) *Порядокъ*, въ которомъ должны распредѣляться по отношенію другъ къ другу вопросы о субсидіяхъ и о петиціяхъ въ парламентскихъ засѣданіяхъ, рано уже сдѣлался яблокомъ раздора. Королевскій совѣтъ отъ времени до времени, смотря по настоятельности жалобъ и по степени нужды правительства въ деньгахъ, уступаетъ палатѣ, требующей, чтобы отвѣты петиціи давались *раньше* разрѣшенія субсидій. Но вообще говоря, выставлялось на видъ, что милость короля никогда не должна ставиться въ зависимость отъ такого рода условій, (5 Ric. II, Parry 145). Среди многочисленныхъ затрудненій, которыя пришлось испытать правительству Генриха IV и позднѣе, при королях изъ дома Ланкастеръ, цѣлымъ рядомъ фактическихъ уступокъ, дѣлаемыхъ правительствомъ въ различныхъ случаяхъ, было въ сущности установлено право палаты общинъ опредѣлять извѣстныя условія для расходованья субсидій, требовать въ извѣстныхъ случаяхъ отчета въ произведенныхъ расходахъ и призывать съ этою цѣлью въ парламентъ чиновниковъ государственнаго казначейства, а такъ же рекомендовать правительству экономію въ тѣхъ или другихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства и ставить разрѣшеніе субсидій въ зависимость отъ устраненія извѣстныхъ золъ, возбуждающихъ недовольство въ странѣ. (Hallam III. 84). Споръ изъ за требованья, чтобы отвѣты на петиціи давались прежде разрѣшенія субсидій, на практикѣ окончился тѣмъ, что вопросъ о субсидіяхъ обыкновенно откладывался до послѣдняго дня сессіи. Обычай разрѣшать въ общихъ выраженіяхъ субсидіи, просимыя со спеціальною цѣлью, ведетъ свое начало съ царствованій Ричарда II и Генриха IV. При разрѣшеніи наиболѣе значительныхъ суммъ обыкновенно употреблялись формулы: „для защиты государства;“—по фунтный и ластовый сборъ разрѣшались „для обороны морскаго прибрежья“; остатки старыхъ коронныхъ земель предназначаются для расходовъ королевскаго хозяйства; часть сбора съ шерсти ассигновалось на защиту Кале (Stubss III. 264).

лата Общинъ отказалась подать свое мнѣніе по вопросу о войнѣ или мирѣ и когда, послѣ долгихъ настояній со стороны правительства, она вынуждена была высказаться, то объявила, что стоитъ скорѣе за миръ, чѣмъ за войну. (Parl. Hist. I. 380).

Съ другой стороны, *непосредственное вмѣшательство палаты общинъ въ назначеніе королевскихъ министровъ* и попытки непосредственно вліять на ходъ правительственныхъ дѣлъ въ королевскомъ совѣтѣ, встрѣчаются лишь въ эпохи, отмѣченныя революціоннымъ характеромъ и въ этихъ случаяхъ палата общинъ дѣйствуетъ не иначе, какъ подъ руководствомъ вождей партій въ палатѣ лордовъ. Такъ напримѣръ, въ 5-мъ году царствованья Эдуарда II общины за одно съ лордами участвовали въ полунасильственномъ водвореніи такъ называемыхъ Ordainers въ качествѣ совѣта регентства и за тѣмъ въ смѣщеніи этого совѣта при наступившей вскорѣ реакціи. Въ 15 году царствованья Эдуарда III была составлена черезъ чуръ уже далеко хватавшая петиція, въ которой выражалось желаніе, чтобы судьи и министры назначались въ парламентѣ. Требованье это было удовлетворено королемъ, хотя королевскій совѣтъ и протестовалъ противъ такой уступчивости. Но вслѣдъ за этимъ, по закрытіи парламента, король объявляетъ въ прокламаціи, обращенной къ министрамъ, что изданный недавно законъ былъ ему навязанъ противъ его воли, а потому недѣйствителенъ; два года спустя и самъ парламентъ соглашается на отмѣну этого закона. Въ концѣ правленія Эдуарда III и при вступленіи на престолъ Ричарда II неспособность самого короля къ управленію государствомъ и образъ дѣйствій ближайшихъ къ престолу членовъ королевской фамиліи побудили палату общинъ къ предъявленію такихъ требованій, которыя заходили за предѣлы обычной ея роли. При Генрихѣ IV, поводомъ къ чрезмѣрнымъ требованьямъ послужило незаконное вступленіе на престолъ и послѣдовавшая за тѣмъ непопулярность короля. Въ 5-мъ году этого царствованья были внесены предложенія, настаивавшія на удаленіи извѣстныхъ личностей отъ двора; въ 7-мъ году состоялось постановленіе, одобряющее назначеніе извѣстныхъ личностей въ число членовъ королевскаго совѣта и только на этомъ основаніи разрѣшающее субсидіи; въ 8-мъ году проходитъ новое постановленіе, состоящее изъ 31 статьи и положительно навязывающее королю извѣстный составъ постояннаго совѣта. Но всѣ эти крайнія притязанія въ теченіе того же царствованья берутся обыкновенно назадъ. — Нѣсколько въ иномъ видѣ представляется образъ дѣйствій палаты общинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда государствомъ, по случаю малолѣтства или душевной болѣзни короля, управляетъ *регенство*; за отсутствіемъ опредѣленнаго закона на этотъ счетъ, государствомъ обыкновенно управлялъ въ такихъ случаяхъ Великій Совѣтъ, при большемъ

или меньшемъ содѣйствіи палаты общинъ. Распредѣленіе власти между этими двумя факторами государственной жизни зависѣло отъ положенія партій, отъ того, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ силы въ данную минуту, а такъ же отъ положенія дѣлъ при дворѣ. Такъ напримѣръ, въ 50-мъ году царствованья Эдуарда III палата общинъ предложила, чтобы составъ королевскаго совѣта былъ усиленъ, дабы члены его могли постоянно находиться при особѣ короля, впавшаго въ старческое разслабленіе—и требованье это, съ нѣкоторыми оговорками, было удовлетворено. При вступленіи на престолъ малолѣтняго Ричарда II, предсѣдателемъ палаты общинъ было внесено предложеніе назначить изъ среды представителей сословій восемь человѣкъ въ число членовъ королевскаго совѣта; за тѣмъ, позднѣе, состоялось другое предложеніе, требовавшее, чтобы государственный канцлеръ, казначей государственнаго казначейства, высшіе государственные сановники и члены государственнаго совѣта, назначались парламентомъ. Какъ на исключительные случаи, объясняемые особенными обстоятельствами того времени, слѣдуетъ такъ же смотрѣть на дѣйствія палаты общинъ при вступленіи на престолъ Генриха VI и во время регентства герцога Іоркскаго. Но, за исключеніемъ этихъ случаевъ личной неспособности короля къ правленію, притязанія общинъ вліять непосредственно на составъ и распоряженія высшаго правительства всегда оканчивались неудачею и, по прошествіи нѣкотораго времени, сами общины брали подобнаво рода требованья назадъ.

Но за то право Палаты общинъ вносить предложенія пріобрѣтаетъ важное значеніе въ другомъ смыслѣ: мало по малу оно расширяется въ *право обвинять* должностныхъ лицъ, руководящихъ дѣлами въ королевскомъ совѣтѣ. Норманское государственное право включило преслѣдованье преступленій, какъ дѣло, связанное съ охраненіемъ общественнаго спокойствія, въ число обязанностей общинъ и черезъ это выработалось право общинъ выступать въ качествѣ обвинителей. Послѣ того, какъ Communitas графства получили возможность придать своимъ оффиціальнымъ presentments значеніе обвинительныхъ актовъ и послѣ того, какъ со времени Эдуарда III такъ называемый grand inquest сдѣлался законнымъ органомъ обвиненія, нельзя уже было, безъ непослѣдовательности, отказывать совокупности общинъ представляемой парламентомъ, въ правѣ обвиненія. Впервые общины въ качествѣ Communitas regni начинаютъ примѣнять право обвиненія въ 51-мъ году царствованія Эдуарда III (1376) и дѣлаютъ это по образцу тѣхъ presentments, которыя производились въ графствахъ установленными для того присяжными. При Ричардѣ II обвиненія становятся весьма многочисленными. Могущество подобнаго обвинителя и высокое положеніе обвиняемыхъ

этого рода, понятнымъ образомъ, заставляли смотрѣть на такіе случаи, какъ на дѣло, подлежащее юрисдикціи высшаго судилища въ государствѣ, поэтому дѣла такого рода восходили къ королю въ Великомъ совѣтѣ и такимъ образомъ было положено начало системѣ такъ называемыхъ impeachments (обиненій) должностныхъ лицъ Нижнею палатой передъ Верхней [2d]). Право обвиненія, порожденное такъ же какъ и право петицій, усиливъ значеніе Нижней палаты, оставалось въ зависимости отъ того, какъ велико было это значеніе въ данную минуту и потому подвергалось постояннымъ колебаніямъ.

2d) *Право обвиненія* было впервые заявлено въ 5-мъ году царствованія Эдуарда III, т. е. въ такую эпоху, когда страна сильно страдала отъ административныхъ злоупотребленій при государѣ, неспособномъ по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, управлять государствомъ. При Ричардѣ II уже начинаются большіе политическіе процессы. Въ 7-мъ году его царствованія Палата Общинъ подаетъ петицію противъ епископа Норвичскаго и другихъ, и лица эти предаются суду. Три года спустя та же палата предъявляетъ обвиненіе противъ лорда Канцлера, графа Сеффолька, который и былъ арестованъ и за тѣмъ осужденъ. Вскорѣ послѣ того были обвинены палатою судьи и обвиненіе это въ результатѣ имѣло смертный приговоръ, о которомъ уже было говорено выше. (см. § 20 прим. C). Въ 21-мъ году царствованія Ричарда II, во время наставшей въ ту пору реакціи, палата обвиняетъ въ государственной измѣнѣ архіепископа Кентеберійскаго, надъ которымъ вслѣдъ за этимъ произносится приговоръ, осуждающій его на изгнаніе. Другіе лорды были осуждены по обвиненію лордовъ Appelants. Въ началѣ отъ времени до времени, въ перемежку съ этими обвиненіями отъ имени палаты Общинъ, бывали случаи обвиненій, предъявляемыхъ частными лицами, (appeal) при чемъ справедливость жалобы подтверждалась поединкомъ, или свидѣтельскими показаніями, но Генрихъ IV формально запретилъ эту процедуру. Коллегіальное обвиненіе Палатою Общинъ посредствомъ presentment, по образцу тѣхъ, которыя предъявляются въ графствахъ учрежденными тамъ жюри, повидимому съ тѣхъ поръ вошло въ правило. Между тѣмъ слѣдующія царствованія, Генриха IV и Генриха V, не давали парламенту повода къ обвиненію министровъ; напротивъ того, Генрихъ IV довольно охотно оказывалъ удовлетвореніе наиболѣе настоятельнымъ жалобамъ посредствомъ частой смѣны своихъ совѣтниковъ. Но при Генрихѣ VI обвиненія должностныхъ лицъ возобновились и въ дѣлѣ Сеффолька впервые приняли форму законодательнаго акта, bill of attainder, являвшагося уклоненіемъ отъ всѣхъ до селѣ принятыхъ формъ судебной процедуры. Собственно объ участіи палаты общинъ *въ судебной дѣятельности* королевскаго совѣта и Magnum Concilium въ ту пору еще не было и рѣчи. Правда, во время бурныхъ событій, сопровождавшихъ сверженіе съ престола Ричарда II, представители общинъ въ качествѣ членовъ назначенной въ то время коммиссіи, принимали участіе во всѣхъ ее голосованіяхъ и дѣйствіяхъ; но затѣмъ, въ 1-мъ году царствованія Генриха IV, Палатою общинъ было внесено предложеніе, въ которомъ она категорическхи заявляетъ, что не желаетъ, чтобы ее считали за одну изъ сторонъ (parties) въ томъ процессѣ, который кончился осужденіемъ Ричарда на пожизненное тюремное заключеніе, „такъ какъ право произноситъ подобные приговоры принадлежитъ только королю и лордамъ“. Отвѣтъ на это заявленіе былъ слѣдующаго содержанія: Палата Общинъ можетъ выступать лишь въ качествѣ просительницы и обвинительницы, королю же и лордамъ всегда принадлежало право произнесенія приговоровъ въ парламентѣ и это законное право произнесенія приговоровъ въ парламентѣ впредь останется, съ тою лишь оговоркой, что въ имѣющихъ быть изданными законахъ, въ дѣлахъ о разрѣшаемыхъ субсидіяхъ и въ другихъ мѣрахъ, кои воспослѣдуютъ для общей пользы государства, король желаетъ дѣйствовать съ совѣта и одобренія Палаты общинъ.

Болѣе прочнымъ пріобрѣтеніемъ было то участіе палаты общинъ въ законодательствѣ, которое равнымъ образомъ выработалось изъ права петицій.

III. **Участіе палаты общинъ въ законодательствѣ** развивалось мало по малу изъ права петицій слѣдующимъ путемъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь злоупотребленіе, возбуждавшее недовольство въ странѣ, не могло быть устранено при помощи существующихъ законовъ и когда, слѣдовательно, для устраненія обстоятельства, подавшаго поводъ къ жалобѣ, требовалось новое постановленіе, такія постановленія, по существующему до сихъ поръ порядку, издавались королемъ и его совѣтомъ, а въ важнѣйшихъ случаяхъ, начиная со временъ Эдуарда I, подобные законы издавались Великимъ совѣтомъ, съ согласія короля. О *согласіи* палаты общинъ пока еще не было и рѣчи. Но самый фактъ *предложенія*, вносимаго этой палатой уже предполагалъ такое согласіе: внося предложеніе, общины какъ бы напередъ заявляли, что одобрятъ измѣненіе въ законѣ, которое будетъ сдѣлано въ указываемомъ ими направленіи. Возрастающее вліяніе палаты Общинъ придаетъ мало но мало этому фактическому согласію такой вѣсъ, что правительство начинаетъ обращаться къ нимъ и за формальнымъ ихъ одобреніемъ, какъ оно было въ послѣдній годъ царствованія Эдуарда I и неоднократно повторялись при Эдуардѣ II. Словомъ тутъ мы видимъ тотъ же ходъ дѣла, какъ и въ собраніяхъ нотаблей, происходившихъ при Генрихахъ II и III. Упоминанія о согласіи общинъ, которое въ началѣ дѣлается только приличія ради, мало по малу становится обязательнымъ для извѣстнаго рода случаевъ, и самое число такихъ случаевъ постоянно увеличивается. Рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣло продолжительное царствованіе Эдуарда III, во время котораго Правительство постоянно нуждалось въ деньгахъ и потому изъ году въ годъ было поставлено въ необходимость созывать парламенты въ полномъ составѣ, такъ что ихъ за все царствованіе было созвано не менѣе семидесяти. Общины, о которыхъ до сихъ поръ въ парламентскихъ постановленіяхъ упоминалось лишь случайно, теперь все рѣже и рѣже обходятся молчаніемъ и имя ихъ все чаще и чаще встрѣчается во вступательныхъ параграфахъ принятыхъ рѣшеній. Въ оффиціальной терминологіи дѣлается различіе между предложеніемъ и согласіемъ. Король издаетъ законы *по предложенію* общинъ и *съ согласія* лордовъ и прелатовъ. Изъ парламентскихъ списковъ оказывается, что важнѣйшіе законы были изданы по иниціативѣ палаты Общинъ. Отъ такой иниціативы до *права* заявлять свое согласіе оставался одинъ только шагъ. Уже Эдуардъ III, тѣснимый нуждою въ деньгахъ и желая создать противовѣсъ вліянію крупныхъ бароновъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать

уступку, которая была редактирована въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Формальное признаніе права палаты Общинъ послѣдовало въ 5-мъ году царствованія Ричарда II и гласила слѣдующее:

«Королю угодно пользоваться совѣтомъ Общинъ и спрашивать ихъ *согласія* при постановленіи и регистрированіи законовъ, при разрѣшеніи субсидій и при другихъ дѣлахъ, касающихся общей пользы государства».

Начиная съ 1384 г. прекращаются такъ же созывы парламента съ обозначеніемъ спеціальныхъ цѣлей, для которыхъ онъ созывается. Теперь приглашенія редактируются въ болѣе общихъ выраженіяхъ и мотивируются обсужденіемъ общихъ государственныхъ дѣлъ. Одновременно съ этимъ, Палата Общинъ (такъ какъ-то дѣлали въ свое время и лорды) начинаетъ при заявленіи своихъ притязаній выставлять ихъ дѣломъ изстари заведеннымъ. Такъ, въ петиціи, составленной во 2-мъ году царствованія Генриха V палата общинъ заявляетъ:

Исконнымъ правомъ общинъ было, чтобы *ни одинъ законъ не могъ издаваться безъ ихъ согласія;* имъ *всегда* принадлежало право не только ходатайствовать, но и заявлять свое согласіе; по этому онѣ просятъ, чтобы и впредь къ ихъ петиціямъ ничего не прибавлялось, а равнымъ образомъ, чтобы ни что изъ сказанныхъ петицій не выкидывалось.

Въ отвѣтъ на это, король заявилъ свое согласіе на то, чтобы впредь тѣ постановленія, которыя будутъ издаваться *безъ согласія* общинъ ни въ какомъ случаѣ не имѣли для нихъ обязательной силы, (Rot. Parl. 2 Henr. V). Подобно тому, какъ, начиная съ царствованія Эдуарда II, усиленіе вліянія лордовъ сказалось введеніемъ французскаго языка въ законодательство, такъ съ 5 года царствованія Генриха IV начинаютъ учащаться случаи употребленія въ законодательствѣ англійскаго языка, какъ признакъ возрастающаго вліянія Палаты Общинъ. Уже въ парламентѣ 1362 г. англійскій языкъ былъ введенъ въ оффиціальное дѣлопроизводство; парламентъ 1365 г. былъ открытъ Эдуардомъ III рѣчью на англійскомъ языкѣ, а такъ же по всѣмъ вѣроятіямъ и при закрытіи его королемъ была произнесена рѣчь на томъ же языкѣ (Stubbs III, 478). Начиная съ Генриха VI, входитъ въ обычай вносить предложенія прямо въ формѣ законопроэкта (bill). При Генрихѣ VII для выраженія согласія Палаты общинъ начинаютъ употреблять формулу, совершенно тождественную съ той, въ которой говорилось о согласіи лордовъ. Но формула, употребляемая въ настоящее время во вступительныхъ параграфахъ къ парламентскимъ постановленіямъ, вошла въ употребленіе лишь при Маріи Тюдоръ [3а]).

[3а]) *Участіе Палаты Общинъ въ законодательствѣ* выработалось въ теченіи періода, обнимающаго продолжительность двухъ человѣческихъ жизней. Не под-

Рядомъ съ признаніемъ права Общинъ изъявлять свое согласіе при изданіи законовъ, въ долгое царствованіе Эдуарда III развивается и тотъ юридическій взглядъ, по которому постановленія, изданныя съ согласія представителей сословій, имѣютъ болѣе авторитетности и прочности: въ томъ смыслѣ, что *постановленія, изданныя королемъ съ согласія лордовъ и палаты общинъ, не могутъ быть отмѣнены однимъ королемъ, помимо двухъ другихъ факторовъ, участвовавшихъ въ ихъ изданіи.* Въ этомъ взглядѣ оказывается та же юридическая логика, которая присуща и германскому праву. Если ius terrae можетъ быть измѣнено лишь съ согласія

лежитъ никакому сомнѣнію, что при Эдуардѣ I за общинами признавался лишь *совѣщательный голосъ*. Это выражается въ самой формѣ приглашеній, разсылаемыхъ имъ: „ad faciendum quod de communi concilio ordinabitur“ (—формулѣ, употреблявшейся въ 26 и 28 г. царствованія Эдуарда I, въ 7-мъ г. Эд. II и еще довольно долгое время спустя). Въ 35-мъ г. Эд. I въ такъ называемомъ Карлейльскомъ статутѣ впервые встрѣчается слѣдующее: „Dominus Rex post deliberationem plenariam et tractatum cum Comitibus, Baronibus, proceribus, et alliis nobilibus ac communitatibus regni sui, habitum in praemissis, de consensu eorum unanimi et concordi ordinavit et statuit etc.“. Но объ этомъ согласіи, по всѣмъ вѣроятіямъ, говорится лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ началѣ норманскаго періода говорилось о согласіи прелатовъ и бароновъ, т. е. въ смыслѣ одобренія, имѣвшаго *нравственный* авторитетъ въ глазахъ страны. Для дѣйствительности постановленій такой assensus такъ же мало былъ необходимъ, какъ и упоминаемы рядомъ съ нимъ единогласіе рѣшеній. Многочисленные примѣры, бывшіе при Эдуардѣ II, показываютъ, что только совѣтъ прелатовъ и бароновъ признавался за законодательное собраніе. Начиная съ 5-го года этого царствованія магнатамъ удалось, даже, оттѣснить вліяніе Палаты Общинъ на задній планъ во всемъ, что не касалось разрѣшенія субсидій. Но, вслѣдъ за реакціей, которая наступила въ 15 году правленія Эдуарда II и завершилась казнью графа Ланкастера, въ парламентѣ было объявлено королевское повелѣніе, которое даетъ отпоръ притязаніямъ бароновъ на исключительную власть и какъ будто уступаетъ общинамъ извѣстную степень участія въ законодательной дѣятельности, хотя и не содержитъ въ себѣ никакого положительнаго признанія этого рода. Въ этомъ повелѣніи, (Revocatio novarum ordinationum a. 1223) говорится: les choses qui serount à establir, — soient trétées, accordées et establies en parlements par notre Sr. le Roi et par l'assent des Prelats, Countes et Barouns et la communalté du roialme“. Очевидно, слова эти направлены противъ притязаній магнатовъ на исключительную власть; смыслъ заявленія тотъ, что законодательная власть принадлежитъ королю подъ условіемъ согласія со стороны *всѣхъ сословій, а не однихъ только лордовъ*, которые въ теченіи длиннаго ряда годовъ оказывали постоянное сопротивленіе волѣ короля. (Rep. I 282, 283). Но заявленіе это важно въ томъ смыслѣ, что въ немъ впервые высказывается признаніе правъ парламента, какъ законодательнаго собранія. Въ немъ еще не опредѣлено, для какого рода случаевъ необходимо согласіе законодательнаго собранія въ полномъ его составѣ; но этотъ документъ косвенно напираетъ на то, что тамъ, гдѣ королевское повелѣніе издается съ согласія представителей сословій,—тамъ рядомъ съ одобреніемъ лордовъ принимается во вниманіе и Assens общинъ. При Ричардѣ II уже прямо, безъ околичностей говорится о „согласіи прелатовъ, лордовъ и общинъ“. При Генрихахъ IV и V рядомъ съ согласіемъ прелатовъ и лордовъ снова заводится рѣчь о „*просьбѣ*“ общинъ. Но при Генрихѣ IV (1422) формула эта опять замѣняется въ примѣненіи къ общинамъ словомъ „согласіе“. Въ 11-мъ году правленія Генриха IV впервые употребляется выраженіе: „By the authority of Parliament“ (властью парламента) Stubbs III. 465.

meliorum terrae, то измѣненный съ этого согласія законъ страны въ свою очередь становится ius terrae, для измѣненія котораго опять таки нужно согласіе meliorum terrae т. е. въ настоящемъ случаѣ, одобреніе палаты общинъ. Королевское право издавать декреты единоличною властью короля въ принципѣ остается нетронутымъ, но примѣненія его ограничены въ томъ, что касается отмѣны прежде изданныхъ законовъ. Это то обязательство короля уважать основные законы, существованіе которыхъ расчитано на болѣе продолжительный срокъ, хотя бы они въ данную минуту и не соотвѣтствовали его желаніямъ, уже ясно выражено въ формулѣ клятвы, произнесенной Эдуардомъ II при его коронованіи. Тутъ выражается во всей своей послѣдовательности тотъ глубоко консервативный духъ, который свойственъ англійскому парламентаризму: достоинство королевской законодательной власти вполнѣ сохранено, но *измѣненіе* уже существующихъ законовъ связано съ затрудняющимъ его условіемъ предварительнаго согласія представителей страны, безъ чего актъ, выражающій только волю короля, не можетъ имѣть силу закона. Подобная постановка дѣла до такой степени соотвѣтствуетъ потребности государства въ болѣе прочныхъ порядкахъ, что она, въ теченіи цѣлаго ряда столѣтній, не взирая на всѣ произшедшія за это время перемѣны, остается въ основной своей мысли безъ измѣненій [3b]).

[3b]) Различіе между *закономъ и декретомъ* основано лишь на томъ, что первый утверждается согласіемъ трехъ сословій. Когда введеніе къ оффиціальному собранію законовъ VI. p. XXXII) говоритъ, что различіе можду Statuta и Ordinances никогда не было вполнѣ выяснено, то это слѣдуетъ понимать лишь въ примѣненіи къ statuta vetera, (старымъ законамъ, изданнымъ до Эдуарда III) которые и безъ согласія трехъ сословій имѣютъ силу, прекращающую дѣйствіе прежде изданныхъ законовъ. Въ предшествовавшій періодъ различіе между королевскимъ декретомъ и закономъ формально упраздняется королевскою властью подобно тому, какъ это было сдѣлано въ періодѣ абсолютизма въ Германіи. Но многочисленные факты, встрѣчающіеся въ позднѣйшемъ, разсматриваемомъ нами теперь, періодѣ, уже весьма ясно устанавливаютъ существеннѣйшія черты этого различія. Такъ, въ 14-мъ году царствованія Эдуарда III впервые была составлена Коммиссія изъ рыцарей, прелатовъ, бароновъ, двѣнадцати судей графствъ и 6 городскихъ уполномоченныхъ; на обязанности этой Коммиссіи, засѣдавшей ежедневно, лежало облекать въ форму законоположенія тѣ пункты и статьи, que sont perpetuels, отдѣляя ихъ отъ такихъ, que ne sont mye perpetuels". И такъ отмѣняемость или неотмѣняемость становится рѣшающимъ признакомъ, отличающимъ королевское повеленіе отъ закона. Въ 15-мъ году царствованія Эдуарда III Grantz et Communes ходатайствуютъ, чтобы петиціи, по которымъ состоялось разрѣшеніе, когда онѣ касаются мѣръ, имѣющихъ не временный только характеръ, (p o i n t z à d u r e r)—утверждались въ формѣ закона, а остальныя въ формѣ хартіи, или патента. (Rot. Part. II 113, 132). Въ 28-мъ году царствованія Эдуарда III лорды и общины, одобряя изданное въ то время королевское повелѣніе, выразили желаніе, чтобы сказанное повелѣніе было превращено въ постоянно дѣйствующій законъ, послѣ чего оно и было занесено въ собраніе законовъ. Въ 37 году Эд. III король обратился къ обѣимъ палатамъ съ запросомъ, въ какой формѣ онѣ желаютъ видѣть изданными рѣшенія, принятыя правительствомъ,—въ формѣ ли

На основаніи всего этого устанавливается взглядъ, по которому понятія *закона* и *королевскаго повелѣнія* противуполагаются одно другому и такое противуположеніе сказывается и на законодательной, судебной и научной терминологіи. Начиная съ того времени, когда Генрихами II и III были изданы важныя повелѣнія съ согласія собраній нотаблей, вошло въ обычай отличать подобный способъ изданія законовъ, носившій названіе Assizes, отъ единоличныхъ распоряженій королевской власти. Съ этой поры законы получаютъ характеръ соглашеній между королемъ и *всѣми* тремя государственными сословіями,—прелатами, баронами и общинами; они носятъ названіе Statuta, въ смыслѣ положеній, устанавливаемыхъ по обоюдному уговору и провозглашаемыхъ въ сеймѣ представителей страны. Съ 1-го года царствованія Эдуарда III начинаются такъ называемые Statuta nova, которые обозначаются этимъ названіемъ въ англійской юриспруденціи потому, что лишь съ этой поры всѣ три сословія начинаютъ принимать правильное участіе въ законодательной дѣятельности. Statuta nova, въ качествѣ постановленій собранія представителей, приводятся одинъ за другимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ главъ. Что же касается остальныхъ законовъ, болѣе стараго происхожденія, появившихся со времени изданія хартіи вольностей, то они, подъ названіемъ Statuta vetera, сохраняютъ свою законную силу и примѣняются на практикѣ, при чемъ юриспруденція не вдается въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, чьею властью они были изданы.

Въ связи со всѣми этими перемѣнами начинаетъ прививаться обычай болѣе тщательнаго *формальнаго редактированія* законовъ. При системѣ личнаго правленія временныя административныя мѣры, распоряженія, касавшіяся какихъ нибудь единичныхъ, частныхъ слу-

---

королевскаго повелѣнія или же въ формѣ закона? На это палаты отвѣчали: „Въ формѣ королевскаго повелѣнія, дабы они могли быть исправлены впослѣдствіи, буде того пожелаетъ парламентъ“. Въ 51-мъ году царствованія Эдуарда III была подана петиція, требовавшая, чтобы *статуты* т. е. законы, выработанные въ парламентѣ, „отмѣнялись не иначе, какъ *съ общаго согласія парламента*“. Послѣдовалъ отвѣтъ: *нельзя ихъ отмѣнять инымъ путемъ*. Въ связи съ этой петиціей находилась и другая, выражавшая желаніе, чтобы по петиціямъ духовенства не было издаваемо никакихъ повелѣній или законовъ безъ согласія палаты общинъ. Отвѣтъ на это ходатайство былъ слѣдующаго содержанія: Soit ceste matir déclaré en espécial. Parry 137. Въ 1-мъ году царствованія Генриха VI клерку парламента было предписано показывать нѣкоторыя изъ постановленій судьямъ, дабы они принимали къ свѣденію тѣ изъ этихъ постановленій, которыя имѣютъ характеръ законовъ и переписывали таковыя надлежащимъ образомъ, (т. е. заносили ихъ въ собраніе законовъ) для послѣдующаго сообщенія о нихъ лордамъ и для опубликованія во всеобщее свѣденіе. Копіи съ другихъ актовъ, касающихся административной дѣятельности лордовъ, членовъ королевскаго совѣта, и вообще управленія государствомъ, должны быть доставляемы клерку совѣта, и, по исправленіи ихъ редакціи, регистрируемы въ государственной канцеляріи по заведенному обычаю. (Nicolas III p. VI).

чаевъ и декреты, расчитанные на болѣе продолжительное и постоянное дѣйствіе, образовали изъ себя пеструю, безпорядочную смѣсь. Нерѣдко петиціи, по которымъ уже состоялось рѣшеніе, лежали по цѣлымъ годамъ прежде, чѣмъ постановленная по нимъ резолюція опубликовывалась и приводилась въ исполненіе. Обыкновенно королевскій совѣтъ, при закрытіи парламентской сессіи, сортировалъ весь накопившійся разнокалиберный матеріалъ рѣшеній и заботился о ихъ исполненіи. На судей была возложена болѣе спеціальная обязанность отдѣлять постановленія, имѣвшія характеръ постоянныхъ законодательныхъ мѣръ, и заносить ихъ для свѣденія судовъ въ такъ называемый Statute Roll. Но послѣ того, какъ сословія получили право участвовать въ законодательной дѣятельности, они стали требовать, чтобы имъ предоставлено было такъ же право участвовать въ вышеупомянутой сортировкѣ постановленій. Уже въ парламентскую сессію, происходившую въ 14-мъ году Эдуарда III, была назначена коммиссія изъ нѣсколькихъ прелатовъ, бароновъ и членовъ королевскаго совѣта, которые, совокупно съ 12-ю судьями и 6-ю представителями городскаго сословія, должны были разработывать петиціи и состоявшіяся по нимъ рѣшенія и составлять изъ нихъ проэкты законовъ въ формѣ, наиболѣе пригодной для постоянно дѣйствующаго законоположенія (см. 15 Ediv. III стр. 7) [3c]).

Уже начиная съ этой эпохи король неоднократно обращается къ палатѣ общинъ съ запросомъ: въ какой формѣ онѣ желали бы имѣть разрѣшеніе на тѣ или другія петиціи: въ формѣ ли закона, или же королевскаго повелѣнія? — на что получается отвѣтъ, что послѣдняя форма желательнѣе, такъ какъ при ней легче производить исправленія, какія могутъ понадобиться впослѣдствіи. Такимъ образомъ и парламентская терминологія начинаетъ отличать два разряда законодательныхъ актовъ.

3c) Формальная редакція законовъ по конституціи все еще остается на обязанности постояннаго королевскаго совѣта. Такъ называемые Statuta въ тѣсномъ значеніи этого слова вплоть до Генриха VI все еще редактируются судьями по закрытіи парламентской сессіи, съ тѣмъ ограниченіемъ, однако, чтобы при этомъ ничего не прибавлялось къ рѣшеніямъ, принятымъ въ парламентѣ; ограниченіе это еще разъ было категорически подтверждено по ходатайству палаты общинъ при Генрихѣ VI. Но вопросъ о редакціи потерялъ свое значеніе послѣ того какъ палата общинъ съ царствованія Генриха VI начала вносить свои предложенія въ видѣ сформулированныхъ уже законопроэктовъ, — bills, (какъ petitio formam actus in se continens). Разъ эти послѣдніе, mutatis mutandis, успѣвали пройти въ обѣихъ палатахъ, король могъ только принять или отвергнуть ихъ цѣликомъ, и такой порядокъ во время правленія Генриха VI становится мало по малу общимъ правиломъ. (Hallam III. 92). Петиціи отъ частныхъ лицъ, поступавшія черезъ посредство палаты общинъ, тоже нерѣдко переходили съ одобренія лордовъ и короля въ форму законовъ; то были такъ называемые private bills, которые при Генрихахъ V и VI занимаютъ уже довольно много мѣста въ парламентскихъ Rolls.

1) Такъ называемыя Ordinances, Proclamations, т. е. повелѣнія, исходящія, по старому порядку, отъ единоличной королевской власти, хотя, обыкновенно, издаются они съ одобренія постояннаго королевскаго совѣта, а иногда и великаго совѣта.

2) Statutes, законы, которые, по новому способу, устанавливаются по соглашенію съ тремя сословіями и, какъ государственная мѣра, имѣющая болѣе постоянный и прочный характеръ, заносятся въ собраніе законовъ и публикуются во всеобщее свѣденіе.

Въ томъ, что касается текущихъ дѣлъ, конечно, еще продолжается старое смѣшеніе разнородныхъ вещей. Частныя распоряженія, административныя мѣры, предложенія, ходатайства о королевскихъ милостяхъ, пожалованія царскаго достоинства и т. п. заносятся какъ попало въ списокъ парламентскихъ дѣлъ (Roles), иногда съ упоминаніемъ о согласіи палаты, при чемъ, однакоже, постановленія эти не считаются закономъ, а потому и не публикуются во всеобщее свѣденіе. Приводятся они въ исполненіе посредствомъ хартій, патентовъ, административныхъ предписаній; иногда же они и вовсе не исполняются, или же исполняются въ измѣненномъ видѣ, такъ что нерѣдко вопросъ о томъ, къ какому разряду отнести данное постановленіе, возникаетъ лишь впослѣдствіи, при обсужденіи тѣхъ жалобъ, которымъ оно подало поводъ. Но рядомъ съ этимъ, въ области *судебной* дѣятельности королевскія повелѣнія все еще не утрачиваютъ свою силу. Судамъ и органамъ администраціи довольно еще часто сообщаютъ различныя королевскія Ordinances и Charters, руководиться которыми наравнѣ съ формальными законами имъ вмѣняется въ обязанность. Хартіи, которыми гарантируются различныя льготы отдѣльнымъ городамъ, пригласительныя грамоты, которыми города призываются въ парламентъ, наконецъ позднѣйшія хартіи, которыми избирательное право въ городахъ предоставлялось отдѣльнымъ цѣхамъ, — все это служитъ новымъ доказательствомъ живучести королевскаго права единоличнаго законодательства; право это было ограничено лишь на столько, на сколько оно могло посягать на существующіе уже законы: здѣсь ему противодѣйствовалъ вышеупомянутый принципъ, по которому законы, изданныя съ согласія всѣхъ трехъ сословій, не могли быть отмѣняемы королевскими повелѣніями. Гарантіею противъ нарушенія этого принципа со стороны королевской власти могло служить, въ крайнихъ случаяхъ, право обвиненія, предоставленное парламенту.

IV Описанный нами путь, по которому шло развитіе правъ Общинъ, неизбѣжно долженъ былъ привести въ силу логическаго хода вещей къ **раздѣленію парламента на двѣ палаты.**

Такое раздѣленіе вытекало уже изъ того положенія, которое различные элементы парламента занимали по отношенію къ королевской

власти; въ то время когда Commons впервые получили доступъ въ парламентъ и выступили въ немъ сначала въ крайне скромной роли, палата лордовъ уже успѣла добыть себѣ значительныя права. Рѣшеніе вопросовъ войны и мира, заключеніе договоровъ съ иностранными державами, предводительство вооруженными силами страны на сушѣ и на морѣ, право облагать населеніе прямыми и косвенными налогами, судебная и полицейская власть, право назначенія чиновниковъ на государственныя должности, право выдавать хартіи, franchises and liberties, словомъ, всѣ аттрибуты правительственной власти сосредоточивались въ рукахъ короля: omnis libertas Regia est et ad coronam pertinet. (I Parl. Writs p. 383). Къ этому то королевскому праву успѣли пріобщиться магнаты черезъ свое парламентское право участвовать въ рѣшеніяхъ, принимаемыхъ правительствомъ. Корона вынуждена была искать ихъ добровольнаго, энергическаго содѣйствія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оказывались недостаточными доходы, предоставленные въ постоянное пользованіе короля. Поэтому то Великій Совѣтъ являлся участникомъ правительственной власти въ полномъ ея объемѣ и дѣйствовалъ въ качествѣ:

1) верховнаго суда въ государствѣ;
2) собранія, разрѣшающаго налоги;
3) высшаго совѣщательнаго учрежденія и, наконецъ,
4) законодательнаго собранія.

Въ первомъ изъ упомянутыхъ видовъ дѣятельности Великаго Совѣта не могла участвовать палата, состоявшая изъ выборныхъ представителей, такъ какъ это противорѣчило изстари установившимся порядкамъ судебнаго дѣла. Но за то относительно разрѣшенія налоговъ палата общинъ могла предъявлять требованія наравнѣ съ баронами и прелатами и вліяніе ея въ этомъ дѣлѣ съ теченіемъ времени стало даже преобладающимъ.

И именно въ силу этого то участія палаты въ совѣщаніяхъ о петиціяхъ и о вновь издаваемыхъ законахъ становилось необходимо, такъ же, какъ и привлеченіе ея, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, къ обсужденію вопросовъ высшаго государственнаго управленія.

Вопросъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ возможно дѣйствительное участіе нѣсколькихъ сотъ выборныхъ и потому безпрестанно смѣняющихся представителей въ дѣлахъ государственнаго управленія, долженъ былъ постепенно выясниться путемъ опыта. Не взирая на сравнительную равноправность, занимаемаго обѣими составными частями парламента, совмѣстное голосованіе между ними и рѣшенія по общему большинству голосовъ были неудобны, да объ этомъ при первыхъ созывахъ общинъ никто и не думалъ. Даже при голосованіи

вопросовъ о субсидіяхъ, личности, плативпія налоги за свои собственныя помѣстья, не могли смѣшиваться съ такими личностями, которыя подавали свой голосъ въ качествѣ уполномоченныхъ отъ графства, или города. Подобное смѣшеніе въ собраніи, разрѣшающемъ налоги, шло, очевидно, въ разрѣзъ съ интересами обѣихъ группъ. Затѣмъ, дальнѣйшему разобщенію между этими двумя группами еще болѣе способствовало то обстоятельство, что въ началѣ, въ теченіи довольно продолжительнаго періода, Общины, съ формальной точки зрѣнія были лишь совѣщательнымъ собраніемъ, которое созывалось «ad faciendum, quod communi concilio ordinabitur». Какъ скоро въ залу засѣданій являлись представители общинъ, какими бы обрядами ни сопровождался ихъ пріемъ, лорды и прелаты удалялись въ совѣщательную комнату государственнаго совѣта и оставляли представителей общинъ совѣщаться однихъ [4a]).

Но смѣнилось всего одно поколѣніе и тѣ, которые оставались за порогомъ святилища, почувствовали себя тѣсно сплоченной корпораціей. Право утвержденія налоговъ мало по малу пріучаетъ представителей графствъ смотрѣть на себя, какъ на необходимое дополненіе собранія крупныхъ бароновъ, какъ на замѣстителей мелкихъ бароновъ, которые въ парламентъ не приглашались, какъ то по настоящему слѣдовало бы въ силу 14 статьи хартіи вольностей. Поэтому представители графствъ отказываются обсуждать вопросы о налогахъ

4a) Первою причиною, обусловившею *раздѣленіе парламента на двѣ палаты*, было то обстоятельство, что совѣтъ прелатовъ и бароновъ уже за два поколѣнія передъ этимъ успѣлъ фактически пріобрѣсти конституціонныя права, между тѣмъ, какъ Общинамъ еще предстояло заручиться такими правами. Пригласительная формула: ad faciendum, quod de communi consenso Concilio ordinabitur выражаетъ то положеніе, которое до сихъ поръ представители общинъ занимали въ парламентѣ, входя въ составъ послѣдняго лишь въ качествѣ элемента, призываемаго въ *чрезвычайныхъ случаяхъ* лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса. Поэтому, какъ только оканчивался пріемъ парламента въ общемъ его составѣ, при самомъ началѣ сессіи, самимъ королемъ или уполномоченнымъ на то отъ короля должностнымъ лицомъ, тотчасъ же, въ силу самой логики выше указаннаго положенія дѣлъ, происходило раздѣленіе парламента на двѣ части, при чемъ Великій Совѣтъ удалялся для совѣщаній, а представители общинъ оставались *одни*, выжидая тѣхъ предварительныхъ рѣшеній, которыя будутъ приняты въ Великомъ Совѣтѣ и затѣмъ уже представлены имъ, чтобы они могли въ свою очередь высказать о нихъ свое мнѣніе, или же подтвердить ихъ своимъ согласіемъ. Таковъ внѣшній характеръ отношеній, установившихся между двумя палатами и продолжающихся въ теченіи всего столѣтія трехъ Эдуардовъ. Въ 33-мъ году правленія Эдуарда I представители Общинъ были отпущены, какъ только закончилось обсужденіе главнѣйшихъ вопросовъ сессіи; между тѣмъ прелаты, бароны, судьи и другіе члены королевскаго совѣта оставались еще въ сборѣ и они то и составляли, собственно говоря, парламентъ. Такъ, напримѣръ, въ 3-мъ году Эд. II идетъ рѣчь о постановленіяхъ, принятыхъ „въ полномъ составѣ парламента“, не взирая на то, что представителей общинъ при этомъ приглашено не было. Въ слѣдующемъ затѣмъ году опять упоминается о полномъ составѣ парламента уже послѣ того, какъ представители графствъ и городовъ были отпущены. (Peers Raport. I. 261).

иначе, какъ въ *полномъ составѣ*; ихъ примѣру слѣдуютъ и представители городовъ, которые тоже утверждаютъ налоги не въ одиночку, а въ совокупности. Общность интересовъ въ дѣлѣ такой важности какъ налоги, заставляетъ и рыцарей графствъ примкнуть къ простымъ Burgesses. Такимъ образомъ само собою произошло, что Gentj de la Commune, которыхъ Великій Совѣтъ оставлялъ въ преддверіи своей совѣщательной комнаты, стали смотрѣть на себя, какъ на второй отдѣлъ парламента и какъ на солидарное цѣлое, въ которомъ почетное мѣсто было предоставлено рыцарямъ графствъ. Право утверждать налоги, которое въ 25 году правленія Эдуарда было признано, какъ нѣчто долженствующее принадлежать не однимъ баронамъ, а всей Communitas, повело къ тому, что выборные представители сами стали смотрѣть на себя, какъ на Communitas и требовали чтобы съ ними и обращались, какъ съ таковою, въ чемъ имъ и удалось поставить на своемъ. Уже въ 8-мъ году правленія Эдуарда III состоялось совѣщаніе, на которомъ рыцари графствъ и gentj de la commune сошлись вмѣстѣ и дали совокупный отвѣтъ. Въ 13-мъ году того же царствованья gentj qui sont cy a Parlement pour la commune дали отвѣтъ отдѣльно отъ Великаго Совѣта и при томъ въ смыслѣ несогласномъ съ мнѣніемъ послѣдняго. Въ 25-мъ году Эдуардъ III упоминается о совѣщаніи «Общинниковъ» (Commoners), происходившемъ въ Chapter House и съ тѣхъ поръ совѣщанія двухъ половинъ парламента происходили, какъ то несомнѣнно явствуетъ изъ имѣющихся документальныхъ указаній, въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ. Обѣ палаты порознь обсуждаютъ вопросы, какъ между собою такъ и съ королемъ. Въ 51-мъ году правленія Эдуарда III впервые упоминается о спикерѣ палаты Общинъ который дѣлаетъ представленія отъ лица всего собранія. При Ричардѣ II Общины являются уже вполнѣ сложившейся корпораціей. При отрѣшеніи этого короля отъ престола онѣ выступаютъ общепризнаннымъ членомъ собранія государственныхъ чиновъ [4b]).

[4b]) Рѣшающее вліяніе на эти перемѣны имѣли тѣ факты которые произошли въ царствованіе Эдуарда III и которыми былъ установленъ рядъ прецедентовъ. Такъ въ 6-мъ году его царствованія упоминается, что духовенство совѣщается *само по себѣ*, а графы, бароны и другіе Graunts *сами по себѣ*. Затѣмъ предложенныя постановленія (по вопросу о поддержаніи мира) были утверждены королемъ, графами, баронами и другими Grauntz, а такъ же и рыцарями купно съ Gentz du Commun. Но вслѣдъ за этимъ Общины и нисшее духовенство отпускаются, прелаты же, графы, бароны и Gentz du Conceil du Roi остаются, такъ какъ король желаетъ ихъ совѣта по важному дѣлу (Peers Raport. I. 304). Въ слѣдующемъ парламентѣ, который былъ созванъ въ томъ же году, прелаты совѣщаются *сами по себѣ*, графы, бароны и autres Prauntz *сами по себѣ*, а рыцари графствъ—сами по себѣ; затѣмъ въ результатѣ этихъ совѣщаній правительству разрѣшается субсидія отъ имени прелатовъ, графовъ, бароновъ и

Послѣ этого акта, незаконно достигнутый престолъ дома Ланкастеръ опирался не на одно только право рожденія, но и на признаніи парламента. Настаетъ періодъ *обоюднаго признанія* отношеній, выросшихъ на почвѣ предшествующихъ событій, и результатомъ такого признанія является болѣе точное разграниченіе общественныхъ функцій состоявшееся въ Глостерскомъ парламентѣ въ 9-мъ году царствованія Генриха IV. Въ этомъ году Общинамъ было предъявлено требованіе прислать 12 человѣкъ изъ числа ихъ членовъ для сообщенія нужныхъ свѣдѣній по нѣкоторымъ вопросамъ, которые будутъ имъ поставлены и для отвѣта на эти вопросы. Общины протѣстовали противъ этого требованія, какъ нарушающаго ихъ

---

autres Grauntz, съ одной стороны, и отъ имени рыцарей графствъ et tote la coe, съ другой стороны. (Rapp. Rep. App. IV. 411). Въ 13 году этого царствованья проходитъ постановленіе, которымъ съ общаго согласія, auxi dier as grantz come as petitz рѣшено оказать поддержку королю значительною суммою. Но представители Общинъ (Les Gentz quesount cy à Parlement pur la Commune) изъявляютъ желаніе предварительно посовѣтоваться съ Communitas своихъ графствъ, такъ какъ рѣчь идетъ о разрѣшеніи очень значительнаго налога. (Rep. IV 501). Въ 17-мъ году Ed. III прелаты, бароны и представители Общинъ сначала сходятся вмѣстѣ въ Chambre de Peynte. Затѣмъ, на слѣдующій день, прелаты и прочіе Grauntz сходятся для совѣщанія въ Chambre Blanche; рыцари же и представители Общинъ „дожидаются рѣшеній прелатовъ и лордовъ, засѣдающихъ въ Chambre Blanche и затѣмъ даютъ свой отвѣтъ черезъ Уильяма Трусселя.“ (Parry 114). На 25-мъ году Эдуардъ III король собираетъ всѣхъ Grauntz въ Chambre de Peynte и Chief Justice, объясняетъ имъ поводъ, по которому они были созваны. На слѣдующій день являются и представители общинъ, и Chief Justice „при открытіи парламента“ обращаетъ свою рѣчь преимущественно къ этимъ послѣднимъ. Для сокращенія срока ихъ пребыванія въ парламентѣ, онъ предлагаетъ имъ избрать изъ своей среды 24 или 30 человѣкъ и послать ихъ къ королю въ Chambre de Peynte, при чемъ король съ своей стороны пришлетъ имъ нѣкоторыхъ изъ Grauntz, дабы они могли сталкиваться съ избранными такимъ образомъ лицами, между тѣмъ какъ остальные будутъ собираться въ Chapter House, въ Уэстминстерѣ. Представители Общинъ отклоняютъ предложеніе и на другой день въ полномъ своемъ составѣ являются передъ королемъ и магнатами. Начиная съ этого времени рѣчи произносимыя при открытіи парламента все чаще и чаще говорятся въ присутствіи всей совокупности его членовъ; въ 36 году Эдуардъ III такая рѣчь впервые произносится на англійскомъ языкѣ. (Rep. I. 327). Въ слѣдующемъ году, послѣ открытія парламента представители общинъ остаются въ Chambre de Peynte, а король съ прелатами и лордами удаляется въ Chambre Blanche, и поясняетъ спеціально для нихъ то, что уже ранше было изложено въ рѣчи, обращенной какъ къ нимъ, такъ и къ представителямъ общинъ. Затѣмъ, въ совѣщательную комнату допускаются общины, имъ снова спеціально сообщаютъ о предметѣ, надлежащемъ ихъ обсужденію и спрашиваютъ ихъ совѣта. (Parry 129). Въ 50-мъ году царствованія Эдуарда III, общины удаляются въ обычное мѣсто своихъ совѣщаній, въ Chapter House. (Parry 134. 135). Въ слѣдующемъ году впервые упоминается о спикерѣ-предсѣдателѣ палаты Общинъ: Sir Thomas Hungerford aveit les paroles paur les Communes d'Engleterre. На обязаности президента лежитъ высказыванье заявленій отъ имени всей палаты. Для обозначенія этой должности однако еще долгое время не устанавливается разъ на всегда опредѣленнаго выраженія. Въ 1-мъ году царствованья Ричарда II президентъ палаты Общинъ называется: celui qui a la parole de par la Communanté; въ 1-мъ году Генрихъ IV Parlaur et Procuratour; въ 9-мъ году того же царствованья—Parlour Commune.

права, и тогда состоялась знаменитая Глостерская декларація, которая гласитъ:

„Отнынѣ будетъ законно для лордовъ совѣщаться въ отсутствіи короля о дѣлахъ государства и о средствахъ для устраненія возникающихъ затрудненій. А такъ же для Общинъ будетъ законно совѣщаться съ своей стороны между собою объ упомянутыхъ дѣлахъ и средствахъ, и т. д. При этомъ лорды не должны брать на себя извѣщеніе короля о резолюціяхъ, принятыхъ общинами и одобренныхъ ими, лордами, по дѣламъ, касающимся разрѣшенія субсидій, а такъ же не должны брать на себя подобныхъ извѣщеній прежде, чѣмъ вопросъ будетъ обсужденъ какъ лордами, такъ и общинами и между тѣми и другими состоится *соглашеніе* по сказанному вопросу; послѣ этого о принятомъ рѣшеніи король извѣщается въ формѣ, установленной обычаемъ, т. е. устами президента палаты Общинъ“. (Rot Parl. 9. Henr. IV. p. 610).

Въ этой декларації предполагается, что парламентъ сохраняетъ прежнее свое положеніе совѣта короля. Изъ нея вытекаетъ, что король можетъ и лично присутствовать въ великомъ совѣтѣ своихъ прелатовъ и бароновъ. Такое право короля подразумѣвается въ декларації, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда рѣчь заходитъ о субсидіяхъ. Обсужденіе этого рода дѣлъ, какъ долженствующихъ быть разрѣшенными свободнымъ согласіемъ парламента, не должно быть стѣсняемо личнымъ присутствіемъ короля; первенствующая роль, которую Общины играютъ въ дѣлахъ этого рода, до извѣстной степени уже признается декларацією, которая постановляетъ что лорды должны въ этихъ случаяхъ выражать свое согласіе съ резолюціями, исходящими отъ Общинъ, а не на оборотъ. Фактъ окончательнаго образованія двухъ палатъ въ парламентѣ сказывается и на самой терминологіи, которая около этого времени вводится въ оффиціальный парламентскій языкъ. Такъ, въ 28-мъ году Генриха VI Канцлеръ отсрочиваетъ засѣданіе «въ присутствіи *всѣхъ трехъ сословій государства*» [4c]).

[4c]) Безъ сомнѣнія, долгое царствованіе Эдуарда III, въ теченіе котораго правительству такъ часто приходилось обращаться къ парламенту за субсидіями, не мало способствовало развитію въ представителяхъ общинъ чувства самостоятельности. (см. Peers Report. I. 335, 336). За это полстолѣтіе они приблизительно на столько же подвинулись впередъ, на сколько прелаты и бароны подвинулись за пятьдесятъ лѣтъ правленія Генриха III. Во 2-мъ году Генриха IV внѣшнія рамки, въ которыхъ совершается дѣятельность парламента, соотвѣтствуютъ тому отношенію, которое и теперь существуетъ между обѣими палатами. (Rep. I. 305). Въ постановленіи изданномъ въ 7-мъ году царствованія Генриха IV и объявляющемъ старшаго сына короля наслѣдникомъ престола, о палатѣ Общинъ упоминается, какъ о Procuratores et Attornati всѣхъ графствъ городовъ и „*всего населенія королевства*“, а о самомъ законѣ говорится, какъ о состоявшемся съ согласія Universitates et Communitates упомянутыхъ графствъ, горо-

Какъ и слѣдовало ожидать, Общины съ самаго начала добивались *свободы рѣчи* въ парламентѣ,—другими словами отстаивали свое право вносить предложенія и высказывать свои взгляды во время преній, не подтвергаясь за то ни какой отвѣтственности передъ слугами короны. Такое право само собою вытекало изъ того положенія, которое они занимали въ качествѣ членовъ «высшаго совѣта короля» въ своихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ *не публично*. Когда въ 20-мъ году царствованія Ричарда II, въ разгарѣ борьбы между враждебными партіями, Гарли былъ приговоренъ къ смерти за одно предложеніе, внесенное имъ въ Нижнюю палату, исполненіе этого приговора было отсрочено по настоянію прелатовъ, а за тѣмъ, и самый приговоръ объявленъ недѣйствительнымъ, на томъ основаніи, что онъ не былъ согласенъ съ обычаями парламента [4d]).

V. Изъ описаннаго нами хода развитія правъ нижней палаты, выработались, наконецъ, и **избирательныя права ея какъ активныя, такъ и пассивныя.** Права эти были формально опредѣлены закономъ лишь по прошествіи столѣтія, что̀ объясняется тѣмъ, что первыя приглашенія представителей общинъ при Эдуардѣ I были дѣломъ доброй воли короля; что въ началѣ эти представители приглашались въ качествѣ людей имѣвшихъ только совѣщательный голосъ, а такъ же тѣмъ, что право утвержденія налоговъ было уступкою, сдѣланною лишь въ позднѣйшее время, при чемъ право это было съ намѣреньемъ предоставлено въ неопредѣлен-

---

довъ „*и всего населенія королевства*“, согласія, выраженнаго „*въ законныхъ формахъ, сообразно съ порядками и обычаями, принятыми въ государствѣ*“. Rep. I. 355. Начиная съ акта низверженія Ричарда II очевидно устанавливается тотъ взглядъ, по которому прелаты считаются первымъ государственнымъ сословіемъ, свѣтскіе лорды—вторымъ, а представители графствъ и городовъ—третьимъ сословіемъ, при чемъ сказанныя сословія являются такимъ образомъ представителями населенія всей страны. (Rep. I. 357). Переходъ къ иному политическому строю сказывается такъ же въ бо̀льшей продолжительности сессій. Такъ, въ 8-мъ году царствованія Гедериха IV сессія, со включеніемъ различныхъ отсрочекъ, продолжалась цѣлый годъ, къ немалому обремененію страны, которой приходилось платить представителямъ посуточныя деньги.

[4d]) Галламъ совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу (III. 102); „Ни одна изъ привиллегій палаты Общинъ не можетъ имѣть такого существенно-важнаго значенія, какъ свобода рѣчи. Объ этой свободѣ при каждомъ открытіи парламента напоминаетъ президентъ палаты, и сказанная привиллегія не могла быть нарушена безъ посягательства на гарантіи, служившія оплотомъ конституціи“. Въ позднѣйшіе годы царствованія Генриха VI былъ еще одинъ случай такого рода. Томасъ Юнгъ жаловался, что за одну рѣчь, произнесенную имъ въ Нижней палатѣ, онъ былъ посаженъ въ Лондонскую Башню. Мѣра эта равнымъ образомъ была признана послѣдующими парламентами незаконною и о ней ни словомъ не упоминается въ Precedents Гатселя, вѣроятно потому, что она относится къ началу той эпохи борьбы между Алой и Бѣлой Розами, когда законностью не стѣснялись.

ныхъ выраженіяхъ всей Communitas. Такъ какъ по конституціи, въ томъ видѣ, въ какомъ она до сихъ поръ существовала, приглашеніе посредствомъ королевскаго writ считалось достаточнымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, какъ дѣло шло объ утвержденіи налоговъ обязательныхъ для всего сословія коронныхъ вассаловъ, то, совершенно послѣдовательно этому взгляду, считали правомъ короля рѣшать посрѣдствомъ исходящихъ отъ него writs *приглашать ли вообще, и на какихъ условіяхъ* приглашать представителей графствъ и городовъ, въ качествѣ дополнительнаго сословія, для участія въ назначеніи налоговъ и въ совѣщаніяхъ о государственныхъ дѣлахъ. Этотъ характеръ приглашеній измѣняется лишь съ большою медленностью. Болѣе точное опредѣленіе тѣхъ группъ населенія, представители которыхъ должны быть приглашаемы, а такъ же опредѣленіе пассивнаго и активнаго избирательнаго права идетъ рука объ руку съ постепеннымъ обособленіемъ наслѣдственнаго представительства въ корпорацію, имѣющую свой постоянный, неизмѣняющійся составъ; и даже послѣ того, какъ группы населенія, пользовавшіяся представительствомъ въ парламентѣ, были опредѣлены, за королемъ оставалось его прерогатива увеличивать число этихъ группъ созданіемъ новыхъ мѣстечекъ.

Произвольный характеръ приглашеній, разсылаемыхъ представителямъ графствъ, сказывается такъ же и въ произвольно мѣняющемся числѣ рыцарей, которыхъ сказанныя графства должны были присылать въ парламентъ. Въ 18 году царствованья Эдуарда I шерифамъ предписывается прислать *двухъ или трехъ* рыцарей de discretioribus, при чемъ, очевидно, еще нѣтъ и помышленія объ избраніи этихъ рыцарей большинствомъ голосовъ (Rep. l. 197). Но уже въ видахъ экономіи, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ на посуточное вознагражденіе, которое уплачивалось представителямъ, уже довольно рано вошло въ обычай ограничиваться наименьшимъ числомъ, а именно, двумя рыцарями. Въ 28 году царствованыя Эдуарда I снова призываются «по три рыцаря, или иныхъ обывателя» для обсужденія вопроса о примѣненіи хартіи вольностей. Въ 29-мъ году Эдуарда I и въ 5-мъ году Эдуарда II шерифомъ предписывается прислать *тѣхъ же самыхъ рыцарей* и тѣхъ же burgesses, которые были избраны въ послѣдній изъ прежде созывавшихся парламентовъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, по распущеніи одного парламента и при созывѣ новаго считалось необходимымъ разсылать и новые writs и въ этихъ новыхъ writs число приглашаемыхъ нерѣдко разнится отъ того, которое было принято для предыдущихъ приглашеній. (Parry. 70). Въ 26 году царствованія Эдуарда III приказано было, въ виду того, что пора была жатвенная, прислать лишь по одному рыцарю изъ каждаго графства.

Въ 11-мъ году Ричарда II шерифамъ дается инструкція прислать такихъ благомыслящихъ рыцарей, которые были бы in debatis modernis magis indifferentes; оговорку однако, пришлось взять назадъ, какъ противорѣчащую formam electionis antiquitus usitatae et contra libertatem dominorum et communitatum, и т. д. (Parliamentary History. I 410). Съ этого времени становится неизмѣннымъ правиломъ присылать по два рыцаря отъ каждаго изъ 37 графствъ, имѣвшихъ свое представительство въ парламентѣ. Исключеніе составляли Честеръ и Дугамъ, какъ графства, находившіяся на особомъ положеніи и управлявшіяся королевскими намѣстниками, облеченными всѣми правами королевской власти. Ланкастеръ сохранилъ своихъ двухъ представителей, такъ какъ онъ пользовался правомъ парламентскаго представительства еще прежде, чѣмъ былъ подчиненъ особому управленію черезъ королевскаго намѣстника. Въ 15-мъ году царствованья Эдуарда II случилось, что было приглашено въ парламентъ 24 представителя изъ Южнаго Уэльса и столько же представителей изъ Сѣвернаго Уэльса; но въ позднѣйшіе годы того же царствованія подобное отступленіе отъ принятаго правила уже болѣе не повторялось, да и впослѣдствіи отступленія этого рода встрѣчаются лишь въ видѣ единичныхъ случаевъ.

По причинамъ, однороднымъ съ тѣми, которыя были указаны выше, долгое время не было такъ-же и рѣчи о формальномъ опредѣленіи *состава избирателей* посредствомъ закона. Когда Эдуардъ I впервые призвалъ свои вѣрныя общины, эти послѣднія существовали въ видѣ корпорацій, которыя несли извѣстныя обязанности, установленныя закономъ и обычаемъ, въ мѣстной милиціи, въ полицейской и судебной организаціи, а такъ же обязаны были уплачивать извѣстные налоги. По этому считалось дѣломъ само собою разумѣющимся, что эти корпораціи посылаютъ своихъ представителей въ парламентъ на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ онѣ вѣдаютъ свои общественныя дѣла въ судѣ графства, (countycourt) куда города первоначально обязаны были присылать своихъ представителей въ лицѣ двѣнадцати burgesses. Формальное избраніе парламентскихъ представителей городовъ происходило въ собраніи графства и результатъ этого избранія заносился въ *тотъ же* протоколъ, въ которомъ констатировалось избраніе рыцарей, являвшихся представителями графства. И такъ, подъ выборами «in pleno comitatu» подразумѣвались такъ же и города, входившіе составной частью въ организацію графства, подобно тому, какъ въ норманскій періодъ такъ называемые burghs считались особыми откупными участками, входившими въ составъ comitatus. По всѣмъ вѣроятіямъ депутація гражданъ каждаго отдѣльнаго города либо заявляла шерифу о резуль-

татѣ своихъ выборовъ, произведенныхъ тутъ же на мѣстѣ, либо сообщала имена лицъ, избранныхъ предварительно въ городскомъ собраніи. Послѣдній способъ, вѣроятно, употреблялся по преимуществу въ такихъ городахъ, которые уже обладали сколько нибудь правильной городской организаціей. (Stubbs. 414). Подача же голосовъ въ самомъ собраніи графства, само собою разумѣется, сообразовалась съ тѣми порядками, которыя были введены для судебной дѣятельности этихъ собраній. Судебная организація издавна была краеугольнымъ камнемъ всего гражданскаго устройства. Избраніе двухъ рыцарей считалось просто однимъ изъ тѣхъ разнообразныхъ дѣлъ, которыя вѣдались собраніями графства и производилось на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочія дѣла; подразумѣвалось, что оно должно производиться «in pleno comitatu de consilio et voluntate eoram de comitatu», какъ о томъ гласитъ королевскій «writ,» изданный еще въ 4-мъ году царствованія Генриха III.

Между тѣмъ тогдашнія собранія графства приходили уже, по сравненію съ предшествующимъ періодомъ, въ нѣкоторый упадокъ. Placita coronae были изъяты изъ ихъ вѣдѣнія и надлежали разбирательству другаго рода учрежденій. Въ гражданскихъ процессахъ, правда, еще могли выступать судебные мужи, но и тутъ конкурренція общегосударственныхъ судовъ и странствующихъ судей оттѣснила собраніе графства на второй планъ и оставила ему лишь болѣе мелкія дѣла. По этому періодическіе съѣзды членовъ этихъ собраній преимущественно посвящались дѣламъ, касающимся милиціи, налоговъ и другихъ административныхъ предметовъ, причемъ лица, обязанныя на нихъ являться, посѣщали ихъ крайне неправильно, такъ что собранія бывали очень малолюдны. На этихъ небольшихъ областныхъ сеймахъ рыцари пользовались почти исключительнымъ вліяніемъ и большинство дѣлъ рѣшалось не формальною подачею голосовъ, а огульнымъ выраженіемъ одобренія. Собственно судебныя обязанности, которыя однѣ являлись обременительными для населенія, перешли въ гражданскихъ дѣлахъ къ жюри, состоявшему изъ рыцарей и тѣхъ вольныхъ земледѣльцевъ (freeholders), состоятельность которыхъ была оцѣнена въ 40 шиллинговъ; уголовныя же дѣла вѣдались странствующими судьями, которые раздѣляли эту обязанность съ присяжными, избиравшимися въ сотняхъ для произнесенія приговоровъ и наложенія пеней. Начиная съ половины XIV столѣтія къ упомянутымъ учрежденіямъ присоединилось еще великое жюри, составленное преимущественно изъ владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій, и мировые судьи, персоналъ которыхъ состоялъ приблизительно изъ тѣхъ же элементовъ. При этомъ тѣ изъ судебныхъ мужей, которые вошли въ составъ упомянутыхъ жюри, въ собранія графствъ въ качествѣ *таковыхъ* уже болѣе не

призывались. За отсутствіемъ особыхъ инструкцій, шерифъ могъ разсылать приглашенія всѣмъ владѣльцамъ вольныхъ земельныхъ участковъ, которые обязаны были являться въ собранія графства для отправленія судебной повинности (suit); онъ могъ ограничиваться призывомъ лишь такихъ лицъ между ними, которыя пользовались особымъ его расположеніемъ, или же, наконецъ, могъ и никого не призывать, такъ что выборы парламентскихъ преставителей происходили на собраніяхъ графства въ присутствіи лишь немногихъ лицъ, явившихся случайно. «Вообще», говоритъ Stubbs (Ш.406) «этотъ пунктъ остается въ исторіи неразъясненнымъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, порядки, господствовавшіе въ различныхъ графствахъ, отличались большимъ разнообразіемъ». Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такая неопредѣленность благопріятствовала вліянію шерифа и небольшихъ группъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Слышались жалобы, что выборами заправляютъ нѣсколько человѣкъ магнатовъ что нерѣдко шерифъ распоряжается какъ ему вздумается, единолично. Бывали и такіе случаи, что выборы, вслѣдствіе шумныхъ столкновеній, возникавшихъ въ собраніи, вовсе не могли состояться.

Такое отсутствіе правильной организаціи въ составѣ избирателей могло не обращать на себя серьознаго вниманія только до тѣхъ поръ, пока на призывъ въ парламентъ смотрѣли скорѣе, какъ на тяжкую обязанность, лежавшую на плательщикахъ податей. Лишь по вступленіи на престолъ дома Ланкастеръ, когда борьба партій приняла характеръ болѣе глубоко захватывавшій интересы населенія, поднялся вопросъ и о томъ положеніи въ которомъ находились до сихъ поръ организація выборовъ въ графствахъ; результатомъ явилось изданіе законовъ, характеръ которыхъ самъ собою вытекалъ изъ даннаго положенія дѣлъ. Еще въ 7-мъ году царствованія Генриха IV было издано постановленіе, направленное къ тому, чтобы положить предѣлъ произволу и пристрастію ширифовъ; на основаніи этого постановленія, въ слѣдующемъ же послѣ полученія предписанія о производствѣ выборовъ cooUty court, надлежало въ *полномъ составѣ собранія* правозгласить о начинающихся выборахъ и вслѣдъ за этимъ приступить и къ самымъ выборамъ, въ которыхъ должны были участвовать какъ спеціально приглашенные судебные мужи (suitors), такъ и всѣ остальные присутствующіе члены собранія. За тѣмъ протоколъ о состоявшемся избраніи поступалъ къ шерифу не иначе, какъ скрѣпленный подписями всѣхъ присутствующихъ (suitors); протоколъ этотъ подшивался къ королевскому writ, на основаніи котораго были произведены выборы, и въ такомъ видѣ отсылался въ государственную канцелярію замѣняя собою оффиціальное донесеніе шерифа о выборахъ (return), дабы правительство

могло изъ просмотра протокола удостовѣриться въ томъ, сколько избирателей и кто именно принимали участіе въ актѣ выборовъ. Въ проэктъ закона была включена статья, требовавшая, чтобы королевскіе writs, разсылаемые шерифамъ, предписывали «оповѣщать заблаговременно, по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, имѣющимъ торговыя площади, о мѣстѣ, гдѣ должны происходить выборы». Но, не взирая на то, что статья эта была принята королемъ и утверждена совѣтомъ, въ самый законъ она почему то не попала. Такое опущеніе конечно, трудно объяснить простою случайностью.

Вскорѣ послѣ того были приняты нѣкоторыя мѣры, которыми устанавливались способы для разрѣшенія *пререканій, возникавшихъ при выборахъ*. Парламентское постановленіе, изданное въ 1410 г. (въ 11-мъ году правленія Генриха IV) предоставляло ассизнымъ судьямъ право провѣрять каждое донесеніе шерифовъ о выборахъ, облагать шерифовъ за нарушеніе закона штрафомъ въ 100 ф. ст. и лишать незаконно избранныхъ представителей права на полученіе посуточнаго вознагражденія. Впрочемъ позднѣе, въ 6-мъ году царствованія Генриха VI, былъ изданъ дополнительный законъ, дававшій обвиняемому шерифу и представителю графства, лишенному посуточнаго вознагражденія, право апеллировать на приговоръ ассизныхъ судей. Вопросъ о законности самаго избранія рѣшался повидимому окончательно самимъ королемъ въ его совѣтѣ или же при участіи судей въ разсмотрѣніи этого дѣла королевскимъ совѣтомъ. (Со стороны Нижней палаты требованье о предоставленіи ей дѣлъ подобнаго рода было впервые категорически заявлено въ 1586 г. и еще въ 1604 г. объ этомъ предметѣ тянулся споръ между Нижней палатой и государственной канцеляріей).

Между тѣмъ шаткость и хаотичность основаній, которымъ опредѣлялся *составъ лицъ, участвующихъ въ собраніяхъ графства*, оставалась та же, что и прежде. По закону въ этихъ собраніяхъ могли участвовать всѣ libere tenentes, которые по старому судебному уложенію призывались въ качествѣ судебныхъ мужей, хотя бы только въ случаяхъ исключительной надобности. Въ дѣйствительности же на собраніе являлись при обыкновенныхъ обстоятельствахъ лишь весьма немногіе. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда формально объявлялось о предстоящихъ выборахъ въ парламентъ, или когда объ этихъ выборахъ узнавали помимо оффиціальнаго извѣщенія, а такъ же, когда собранію предстояло рѣшить какой нибудь другой вопросъ, касавшійся животрепещущихъ интересовъ дня, на съѣзды эти стекались массы мелкихъ землевладѣльцевъ, которые активнаго участія въ дѣятельности судовъ присяжныхъ не принимали и являлись лишь ad hoc; вотъ почему въ глазахъ тѣхъ изъ владѣльцевъ вольныхъ земельныхъ участковъ, которые были болѣе постоян-

ными и активными дѣятелями въ судахъ графства, все это былъ народъ мелкій и никому неизвѣстный. Въ такомъ видѣ изображается положеніе дѣлъ во вступленіи къ закону, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь. Въ виду этого положенія и согласно съ стародавнымъ правиломъ, что только тѣ пользуются правомъ выборовъ, которые участвуютъ въ исполненіи судебныхъ обязанностей и въ платежѣ налоговъ, (scot and lot) въ 8-мъ году Генриха VI былъ изданъ законъ, постановлявшій, что на будущее время голосомъ на выборахъ будутъ пользоваться только такіе владѣльцы вольныхъ земельныхъ участковъ, которые платятъ государству ренту въ 40 шиллинговъ; два года спустя было издано постановленіе, добавлявшее, что право голоса принадлежитъ этой категоріи землевладѣльцевъ лишь *въ предѣлахъ* графства. Такимъ образомъ избирательное право было снова сведено на почву того нормальнаго принципа, который связывалъ его съ исполненіемъ судебныхъ обязаностей, при чемъ эти послѣднія, на сколько рѣчь идетъ объ участіи въ жюри, были уже въ предъидущее поколѣніе ограничены подобнымъ же цензомъ (см. стр. 318, 119).

На основаніи того же принципа были введены ограниченія *права избираемости*. Прежде всего было издано при Генрихѣ V постановленіе, объявлявшее дѣломъ само собою разумѣющимся, что избираемые, такъ же какъ и избиратели должны имѣть постоянное мѣстопребываніе въ графствѣ, такъ какъ именно къ этому послѣднему обращается королевская власть съ приглашеніемъ прислать своихъ представителей въ парламентъ. Но такъ какъ парламентъ былъ собраніемъ лучшихъ людей, (meliores terrae) то въ началѣ считали, что только *рыцари* графства могутъ быть избираемы, хотя при этомъ, уже по изложеннымъ выше причинамъ, не дѣлалось различія между коронными вассалами и подъ-вассалами. Но такъ какъ большинство владѣльцевъ рыцарскихъ участковъ уклонялись отъ формальнаго возведенія въ рыцарское достоинство и предпочитали платить установленный за это штрафъ, то пришлось уже въ довольно ранній періодъ удовольствоваться простыми esquires (valetti), и шерифамъ въ инструкціяхъ предписывалось допускать выборы изъ среды milites seu alios de comitatu; (такъ гласитъ, напримѣръ, предписаніе шерифамъ въ 1322 г.) Уже въ 1325 г. между рыцарями графствъ насчитывали не болѣе 27 такихъ, которые формально были возведены въ рыцарское достоинство. Не взирая на то въ избирательной терминологіи еще долгое время удержалось выраженіе: duos milites gladiis cinctos magis idoneos et discretos, при чемъ однако на практикѣ подъ этимъ выраженіемъ подразумѣваются такъ же и эсквайры. Фактически установившійся такимъ образомъ порядокъ признается за тѣмъ и закономъ; при Генрихѣ VI издается постановленіе, объявляющее,

что «представителями графствъ могутъ быть избираемы только наиболѣе уважаемыя личности между рыцарями и между тѣми изъ эсквайровъ и джентльменовъ, которые имѣютъ право на возведеніе въ рыцарское достоинство, но отнюдь не такіе, которые имѣютъ лишь званіе yeomen». Другими словами для права быть избраннымъ въ парламентъ требовались приблизительно тѣ же условія, какъ и для должности мироваго судьи, (въ эту эпоху должность custodes pacis почти всегда совпадала съ званіемъ Knightsof the shire). Порядокъ этотъ въ принципѣ удерживался въ теченіи цѣлыхъ 400 лѣтъ [5a]).

Вслѣдствіе сложности и разнообразія вышеописанныхъ условій, участіе городовъ въ парламентскомъ представительствѣ зависѣло въ теченіи цѣлаго столѣтія отъ усмотрѣнія королевской власти. Такъ при Эдуардѣ I было приглашено въ парламентъ въ различное время до 165 cities, towns и boroughs, а именно: въ 1283 г. —24, въ 1295 г. къ этому числу было прибавлено еще 94, за тѣмъ, въ 1294 г.—еще 12, въ 1299 г.—1, въ 1300 г.—9, въ 1302 г.—9, въ 1304 г.—13 и въ 1306 г. — 6. Цыфры эти мы заимствуемъ изъ Parliamentary writs. Впрочемъ, по свидѣтельству Прейна не болѣе 109 городовъ и мѣстечекъ фактически производили выборы

5a) Что касается *способа избранія рыцарей въ графствахъ*, то въ 9-мъ году царствованія Эдуарда II мы встрѣчаемъ упоминаніе о milites electi in pleno comitatu. Въ 50-мъ году правленія Эдуарда III было предписано, чтобы рыцари избирались съ общаго согласія всего графства. Повидимому это было первое правительственное распоряженіе, ставившее подобнаго рода требованіе. За тѣмъ въ 7-мъ году правленія Генриха IV было издано постановленіе, категорически требовавшее, чтобы выборы производились in pleno comitatu. Въ 1-мъ году Генриха V издается постановленіе о томъ, чтобы избирались лишь такія лица, которыя имѣютъ постоянное мѣстопребываніе въ графствѣ. Въ 24-мъ году правленія Генриха VI издается постановленіе, ограничивающее выборы лишь такими лицами, которыя имѣютъ, или могутъ имѣть рыцарское достоинство. Начиная съ этого времени (съ 1446 г.) призывъ избирателей формируется въ королевскихъ writs согласно съ текстомъ постановленій, касающихся этого предмета. Между тѣмъ и послѣ изданія въ 7-мъ году, правленія Генриха VI закона, стремившагося оградить выборы отъ произвола шерифовъ, число избирателей, скрѣпляющихъ своими надписями докладъ шерифа о состоявшихся выборахъ, остается поразительно ничтожно; нерѣдко такихъ надписей бываетъ не болѣе 12, иногда, даже, 6 и даже въ большихъ графствахъ оно не превышаетъ 24, 30, доходя лишь въ исключительныхъ случаяхъ до 40. (Stubbs III. 408). Вопросъ о томъ кого и что собственно представляютъ рыцари графствъ въ парламентѣ, въ первое время былъ поставленъ довольно неопредѣленно. Выраженія, употреблявшіяся приблизительно въ половинѣ царствованія Эдуарда II указываютъ на то, что представительство этихъ рыцарей считалось какъ бы замѣною коллективнаго приглашенія бароновъ, обѣщаннаго одною изъ статей Magna Charta. (Rep. I. 277). Вообще безконечно длившійся споръ о посуточныхъ деньгахъ свидѣтельствуетъ, до какой степени сбивчивы были еще въ то время понятія о представительствѣ; самый споръ еще болѣе способствовалъ усиленію этой сбивчивости (Rep. I. 336—338). Лишь въ теченіи XV столѣтія вводится нѣкоторое однообразіе въ способѣ взиманія денегъ на упомянутое вознагражденіе, а черезъ это и при помощи нѣкоторыхъ поясняющихъ законоположеній дѣло принимаетъ болѣе правильную форму.

и посылали своихъ представителей въ парламентъ. Въ промежутокъ между 1382 и 1454 нормальною цифрою городовъ, пользовавшихся правомъ представительства оставалось 99. (Stubbs. III. 448). Въ томъ, что касается выборовъ въ этихъ городовъ, то тутъ нельзя распознать никакого другаго руководящаго начала, кромѣ того, что приглашенія разсылались тѣмъ изъ городовъ, уплачивающихъ подати въ государственную казну, въ которыхъ раскладка tallagia производилась странствующими судьями. Во избѣжаніе безконечныхъ жалобъ вначалѣ разсылали приглашенія самымъ значительнымъ городамъ, за тѣмъ, мало по малу приглашенія были распространены на всѣ города, которые по суммѣ уплачиваемаго ими tallagia имѣли нѣкоторое значеніе для государственнаго казначейства. Тѣ города, которые на обращенное къ нимъ приглашеніе не высылали депутатовъ, считались изъявившими свое согласіе на тѣ постановленія, какія будутъ приняты въ парламентѣ. Главною причиною весьма неравномѣрнаго распредѣленія представительства было повидимому то обстоятельство, что особенное вниманіе оказывалось такимъ городамъ, которые вели значительную морскую торговлю, или обладали развитою мануфактурною промышленностью. Не малое вліяніе такъ же имѣло большее или меньшее разстояніе города отъ Лондона. Но наиболѣе рѣшающимъ соображеніемъ являлось то, что города, какъ составная часть графства, облагались обыкновенно налогомъ, представлявшимъ не болѣе $^1/_{15}$, тѣже, которые находились на положеніи городовъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, платили $^1/_{10}$. Въ способахъ приглашенія городовъ замѣчаются и разныя другія неправильности. Такъ, напримѣръ, приглашенія иногда разсылались на имя городскихъ меровъ, но чаще — на имя шерифа, который за тѣмъ уже отъ себя препровождалъ распоряженія городскимъ властямъ и при этомъ позволялъ себѣ разныя произвольныя дѣйствія. Въ 34 г. царствованія Эдуарда I приглашено было по *1 или по 2 жителя* отъ каждаго города, смотря по большей или меньшей величинѣ даннаго borough. Еще въ 26-мъ году правленія Эдуарда III мерамъ и baillifs десяти городовъ было разослано приглашеніе прислать по одному представителю: въ виду того, что пора была жатвенная. Такъ называемые пять портовыхъ городовъ вплоть до восшествія на престолъ Эдуарда III получали приглашенія лишь случайно и по спеціальнымъ вопросамъ. (Rep. I. 215). Въ позднѣйшемъ періодѣ тоже замѣчаются нѣкоторыя колебанія въ числѣ представителей: ихъ приглашаютъ то по 2, то по 3, то по 4; въ особенности эти колебанія часто допускаются въ примѣненіи къ Лондону и пяти портовымъ городамъ. Лишь послѣ того, какъ Палата Общинъ организовалась въ прочную корпорацію, имѣвшую своего собственнаго предсѣдателя, установилась и норма двухъ пред-

ставителей для каждаго города, а также начало устанавливаться и число городовъ, постоянно приглашаемыхъ и высылающихъ своихъ представителей въ парламентъ. Въ концѣ царствованія Эдуарда IV такихъ городовъ было 112, и каждый изъ нихъ высылалъ по 2 представителя. Для Лондона, послѣ нѣкоторыхъ колебаній устанавливается правило приглашать 4 депутатовъ [5b]).

И такъ Палата Общинъ къ концу средневѣковаго періода состояла изъ:

1) *Семидесяти четырехъ «рыцарей графствъ»* являвшихся представителями 37-ми графствъ и избиравшихся рыцарствомъ совокупно со всѣми землевладѣльцами и домовладѣльцами, несущими службу присяжныхъ (40 sh. freeholders).

2) *Двухсотъ слишкомъ депутатовъ, представлявшихъ болѣе 100 городовъ и мѣстечекъ*; эти депутаты, которые въ разсматриваемый нами періодъ были нѣсколько оттѣснены въ палатѣ на задній планъ, избирались, по закону, изъ среды горожанъ, несшихъ обязательную службу и платившихъ налоги, а фактически выборъ ограничивался тѣснымъ кругомъ личностей, стоявшихъ во главѣ городскаго управленія и державшихъ въ рукахъ полицейскую власть.

VI. **Парламентъ въ своей совокупности**, т. е. послѣ того, какъ первоначальный concilium Магнатовъ былъ расширенъ приглашеніемъ въ него gents de la commune, становится новымъ, болѣе широкимъ *высшимъ* «Consilium Regis», основное значеніе

[5b]) Въ 40-мъ году правленія Эдуарда и еще позднѣе раздаются неоднократно жалобы небольшихъ городовъ на навязываемое имъ представительство, которое влечетъ для нихъ за собою болѣе высокую податную раскладку и расходы на содержаніе депутатовъ. (Rep. I. 327). Распредѣленіе взносовъ на посуточное вознагражденіе депутатовъ возбуждало и въ городахъ безпрестанныя пререканія. Въ промежуткахъ между обыкновенными парламентами отъ времени до времени призывались депутаты спеціально отъ городовъ, именно вызывались обыкновенно купцы для обсужденія мѣръ, касавшихся спеціально приморскихъ городовъ и торговли. Такъ было въ 10-мъ году царствованія Эдуарда Ш, и затѣмъ снова въ 10, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 21, 23 и 30-мъ годахъ того же царствованія. Въ 10-мъ году Эд. Ш собранія такого рода носили названіе Colloquium speciale или Colloquium personale. Но по мѣрѣ того, какъ палата Общинъ пріобрѣтала право участвовать въ законодательной дѣятельности, подобныя спеціальныя собранія мало по малу совсѣмъ исчезаютъ. Способъ произведенія выборовъ въ городахъ былъ предоставленъ на усмотрѣніе самихъ муниципалитетовъ, организація которыхъ въ различныхъ городахъ отличалась большимъ разнообразіемъ (см. Gneist. Gesch. d. Selgov. 196). Указанія на обычаи, которыхъ придерживались тѣ или другіе города при избраніи своихъ депутатовъ, можно найти у Стеббса III. 416—421. Вообще вопросъ этотъ считался такимъ дѣломъ, который каждая данная мѣстность могла регулировать по своему и такъ оно продолжалось до послѣдующей эпохи, когда палата общинъ стала предъявлять требованіе, чтобы вопросы, касающіеся выборовъ и ихъ провѣрки были предоставлены ей, какъ ея право и обязанность. Изъ постановленій, касающихся избирательныхъ правъ, на города распространяется только законъ, изданный въ 1-мъ году царствованія Генриха V и требующій, чтобы избираемыя лица имѣли постоянное мѣстожительство тамъ, гдѣ ихъ избираютъ.

котораго, какъ «высшаго королевскаго совѣта» сохраняется за нимъ, какъ въ полномъ его составѣ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда выступаютъ лишь отдѣльныя его составныя части. Король по прежнему остается caput, principium et fons parliamenti. Онъ одинъ созываетъ, открываетъ и закрываетъ парламенты, при чемъ сессіи обыкновенно бываютъ непродолжительны. Сессія 1406 г., продолжавшаяся 159 дней была дѣломъ, доселѣ неслыханнымъ и возбудила сильное недовольство въ странѣ значительностью тѣхъ суммъ, которыя пришлось выдать на вознагражденіе депутатовъ. Вознагражденіе это, начиная съ 7-го года царствованія Эдуарда II, равнялось обыкновенно для представителя графства — 4 шиллингамъ, а для городскаго представителя — 2 шиллингамъ. Но всѣ депутаты, уже въ раннюю эпоху развитія парламентаризма, считались представителями не только своей мѣстности, но и *всей страны*, и именно въ этомъ смыслѣ истолковывалась самая формула приглашеній ad faciendum et consentiendum.

И дѣйствительно англійскій Parliamentum изображалъ изъ себя такой *органическій союзъ государства и общества*, съ которымъ не могла сравняться ни одна представительная организація на континентѣ, гдѣ развитіе ленной организаціи и податной системы шло совсѣмъ другимъ путемъ. Тѣсная связь Магнатовъ съ государственнымъ управленіемъ была возстановлена образованіемъ Великаго совѣта. Связь Магнатовъ съ рыцарствомъ держалась прочною организаціею управленія въ графствахъ, въ особенности же учрежденіемъ мировыхъ судей и милиціи, наконецъ связь рыцарства съ городами поддерживалась всею совокупностью мѣстныхъ учрежденій въ графствахъ, общностью судебнаго устройства и судебныхъ обязанностей, солидарностью въ податныхъ интересахъ и т. д. Единственнымъ слабымъ мѣстомъ этихъ порядковъ является неравномѣрное распредѣленіе представительства между городами и недостаточная сплоченность городовъ между собою; эти послѣдніе, по разнообразію своего внутренняго устройства, которое въ каждомъ изъ нихъ слагалось своеобразно, подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ особенностей ихъ роста, всего болѣе походятъ на германскіе города, но поэтому-то они и занимали въ парламентѣ подчиненное положеніе, не взирая на значительный численный перевѣсъ ихъ представителей (см. ниже: § 25а. III).

Между тѣмъ, не взирая на то, что вліяніе парламентовъ фактически нерѣдко одерживало верхъ, внѣшнее преклоненіе Concilium Regis передъ особой короля оставалось въ неизмѣненномъ видѣ. Въ бурныя времена царствованія Ричарда II неоднократно случалось, что парламентъ грозилъ разойтись. Но въ этотъ періодъ не было примѣра, чтобы парламентъ угрожалъ собраться помимо королев-

скаго приглашенія, или продолжить засѣдать противъ воли короля въ полномъ своемъ составѣ или избрать изъ своей среды постоянно засѣдающій комитетъ, имѣющій замѣнить его послѣ распущенія, или взять въ свои руки назначеніе должностныхъ лицъ, (какъ-то дѣлали германскія государственныя сословія). Желающихъ ознакомиться съ подробностями парламентской процедуры мы отсылаемъ къ недавно появившимся изслѣдованіямъ Стёббса, которыя содержатъ въ себѣ весьма цѣнныя указанія на этотъ счетъ. (Stubbs, Constitutional History, vol. III a. 20, Parliamentary Antiquities).

Развитіе парламентской системы налоговъ вытекало изъ медленнаго сліянія прежнихъ податныхъ дѣленій въ одно цѣлое. Поэтому не безполезно будетъ еще разъ бросить взглядъ на различныя группы плательщиковъ съ точки зрѣнія того, какъ слагались ихъ *податныя отношенія*. Весьма цѣнныя дополнительныя указанія по этому предмету даетъ намъ перечень всѣхъ налоговъ, разрѣшенныхъ парламентами, начиная съ изданія Magna Charta и до конца разсматриваемаго нами періода (въ общей сложности 130 налоговъ, разрѣшенныхъ ко взысканію на одинъ годъ). Перечень этотъ приложенъ къ вышеупомянутому сочиненію Стеббса. (Stubbs. Constitutional History. III отд. Taxes).

1) *Коронные вассалы* уже съ давнихъ поръ привыкли уплачивать взамѣнъ личной воинской службы и поставки слѣдовавшихъ съ нихъ ратниковъ, *щитныя деньги*. Но противъ превращенія этихъ взносовъ въ налогъ, уплачиваемый періодически на удовлетвореніе различныхъ *потребностей страны*, можно было возразить, что хотя всѣ рыцарскіе лены и уравнены лежащей на нихъ старой ленной податью, тѣмъ не менѣе доходы ихъ въ дѣйствительности далеко не одинаковы и различіе это съ каждымъ годомъ становится все ощутительнѣе. И такъ, scutagia могли безъ неудобствъ быть превращены въ нормальный поземельный налогъ. Если при Генрихѣ III щитныя деньги и были приняты за мѣрило при утвержденіи налоговъ парламентомъ, то это объяснялось общею привычкою къ старымъ росписямъ леннаго обложенія. Съ теченіемъ времени со стороны владѣльцевъ рыцарскихъ леновъ непремѣнно должно было возникнуть требованье, чтобы ихъ помѣстьямъ было предоставлено преимущества кадастра, т. е. чтобы они наравнѣ съ прочими землями облагались налогами въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ ихъ *теперешней* доходности. Въ началѣ правленія Эдуарда II оно такъ и случилось и съ тѣхъ поръ вся поземельная собственность въ графствахъ подвергалась обыкновенно равномѣрному обложенію. Но при этомъ надо оговориться, что утвержденіе Кока, будто, начиная съ 8-го года царствованья Эдуарда II, вообще уже болѣе не взымалось scutagia, невѣрно; въ теченіе XIV столѣтія еще раза два или три прибѣгали къ сбору щитныхъ денегъ въ такихъ случаяхъ, когда король лично выступалъ въ походъ; въ послѣдній разъ мѣра эта было принята, какъ кажется, въ 1386 г. Равнымъ образомъ съ ленныхъ владѣльцевъ, въ видѣ исключительной финансовой мѣры еще брались иногда особые денежные взносы при возведеніи сына владѣльца въ рыцарское достоинство, а такъ же, при замужествѣ дочерей брались деньги на приданое принцесамъ каролевскаго дома (Stubbs, II 522).

2) Группа плательщиковъ, состоявшая изъ *подъ-вассаловъ* и изъ *вольныхъ земледѣльцевъ*, была поставлена въ такія условія, которыя уже въ ранній періодъ создали между ею и коронными вассалами солидарность во всѣхъ вопросахъ, касающихся податнаго обложенія. Въ началѣ подъ-вассалъ долженъ былъ уплачивать причитающіяся съ него auxilia и scutagia своему непосредственному сюверену каждый разъ, какъ этотъ послѣдній платилъ королю. Но корона была заинтересована въ томъ, чтобъ получать налоги

отъ плательщиковъ прямо въ свои руки. Въ этихъ то видахъ въ 18 году правленія Эдуарда I былъ изданъ законъ, такъ называемый Quia Emptores, въ силу котораго каждое лицо, пріобрѣтавшее куплею ленное помѣстье, становилось коронным вассаломъ, т. е. непосредственнымъ плательщикомъ податей. Во все царствованіе Эдуарда I со стороны правительства очень послѣдовательно проводится стремленіе сгладить въ интересахъ короны различіе между непосредственными и косвенными вассалами. (Peers. Rep. I 248—250). Всѣ земли вольныхъ земледѣльцевъ по установившемуся обычаю тоже привлекались къ уплатѣ auxilia въ тѣхъ случаяхъ, когда была заинтересована честь короля, или наставала какая нибудь другая крайность. (Rep. 322). Такимъ образомъ, если auxilia принимались за основной типъ податнаго обложенія, то черезъ это получалась довольно равномѣрная норма обложенія для всѣхъ категорій свободныхъ землевладѣльцевъ. (Указанія на различія, существовавшія въ другихъ отношеніяхъ между такъ называемыми tenures и aids можно найти въ Peers Rep. I. 274. 275). Препятствіемъ къ соглашенію между этими различными категоріями землевладѣльцевъ, становится со времени введенія парламентомъ выборовъ, высокая цыфра посуточнаго вознагражденія, выдаваемаго депутатамъ графствъ. Подъ-вассалы могли выставить противъ платежей этого рода такое возраженіе, что они и безъ того имѣютъ своихъ представителей въ парламентѣ въ лицѣ своихъ сюверeновъ. Но отношенія ленной зависимости между подъ-вассалами и ихъ сюверенами все болѣе и болѣе отступаютъ на второй планъ, а потому возраженія, возникавшія съ этой точки зрѣнія, сами собою мало по малу устраняются. За то между мелкими владѣльцами вольныхъ земельныхъ участковъ то и дѣло возникаютъ раздоры. По мѣрѣ того, какъ вырабатывается система представительства, участіе въ платежахъ, собираемыхъ на суточное вознагражденіе депутатовъ, становится главнымъ отличительнымъ признакомъ для плательщиковъ податей, имѣющихъ право голоса; съ другой стороны рыцари графствъ все болѣе и болѣе рѣшительно выступаютъ, какъ представители всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ своими взносами въ выдаваемомъ имъ суточномъ вознагражденіи, а именно: 1) мелкихъ коронныхъ вассаловъ; 2) подъ-вассаловъ; 3) тѣхъ вольныхъ земледѣльцевъ участки которыхъ не обложены щитными деньгами, но которые *платятъ сборы въ пользу депутатовъ*. Этотъ порядокъ вещей, установившійся въ силу обычая, былъ формально признанъ закономъ, изданнымъ въ 12-мъ году царствованья Ричарда II. Пока вышеописанныя отношенія еще только слагались, между депутатами графствъ и уполномочившими ихъ избирателями происходилъ постоянный обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ, что и составляетъ отличительную черту этого ранняго періода парламентской дѣятельности въ области утвержденія налоговъ (Rep. I. 308. 309). Во многихъ графствахъ, какъ напримѣръ въ Кентѣ, получались при опредѣленіи доли участія графства въ общихъ платежахъ, такія цыфры, которыя уклонялись отъ нормы, принятой для другихъ графствъ. Еще болѣе рѣзкія уклоненія представляли пять портовыхъ городовъ, которые, такъ же, какъ и вассалы, несшіе воинскую службу, были обложены тяжкими натуральными повинностями для защиты береговъ, вслѣдствіе чего ихъ избѣгали обременять субсидіями, этимъ объясняется и то обстоятельство, что упомянутые города были позднѣе другихъ призваны къ участію въ парламентскомъ представительствѣ.

3) *Города* изстари были подчинены въ дѣлѣ податного облаженія довольно *произвольнымъ* распоряженіямъ правительства. Однако договоры, въ которые вступали съ правительствомъ города для выкупа лежавшихъ на нихъ платежей, интересъ короны въ поддержаніи ихъ благосостоянія, наконецъ практическая необходимость равномѣрнаго распредѣленія налоговъ, все это заставляла постепенно приравнивать и городскія tallagia къ auxilia, уплачиваемымъ коронными вассалами. Это было даже положительно обѣщано въ одной статьи первой Magna Charta, но затѣмъ при первомъ подтвержденіи сказанной хартіи, статья была опущена. Постановленія, разрѣшившія сборъ одной пятой, одной десятой и т. п. съ общей суммы доходовъ, въ началѣ считались положительно исходящими изъ одной „*доб-*

рой воли“ плательщиковъ. Энергичное сопротивленіе, которое города и, въ особенности, Лондонъ, оказывали произвольнымъ правительственнымъ обложеніямъ, не мало способствовало къ изданіи Confirmatio Chartorum въ 25-мъ году царствованья Эдуарда I. Къ тому же, правительство убѣдилось, что оно достигаетъ бо́льшаго, дѣйствуя путемъ полюбовныхъ соглашеній. Такимъ образомъ податная система въ городахъ представляла какую то смѣсь старинныхъ обязательныхъ платежей и доброхотныхъ взносовъ. Въ виду этого правительство нашло удобнымъ для себя распространить приглашенія въ парламентъ на города и мѣстечки по возможности широко, такъ какъ стоило прійти къ соглашенію съ наиболѣе вліятельными между ними, и второстепенныя мѣстности, имѣвшія своихъ представителей въ парламентѣ, подчинялись охотно. По видимому, начиная съ 6-го года царствованья Эдуарда III старинное право городскаго tallagia была совершенно измѣнено общей системой субсидій, разрѣшаемыхъ парламентомъ. (Rep. I. 305—306). Но пока этотъ процесъ еще не закончился, городскіе представители вынуждены бывали зачастую сноситься съ своими избирателями, испрашивая ихъ согласія на разрѣшаемые парламентомъ сборы, какъ то было, напримѣръ, въ 13-мъ году царствованья Эдуарда III. Послѣ того, какъ установилось общепризнанное, однообразное мѣрило обложенія, обычай этотъ совсѣмъ упразднился.

4) *Крестьяне старинныхъ домэнныхъ земель*, in ancient demesne, находились по отношенію къ коронѣ, на земляхъ которой они жили, въ такомъ подчиненномъ положеніи, при которомъ произвольныя обложенія со стороны правительства естественнымъ образомъ должны были всего болѣе удержаться. (Rep. I. 280). Но какъ юридическія, такъ и экономическія соображенія все таки не позволяли обременять ихъ черезъ мѣру и приходилось принять и для нихъ мѣрило, соотвѣтствующее тому, которымъ руководились при обложеніи другихъ сословій. Депутаты отъ этихъ крестьянъ неоднократно вызывались въ парламентъ, но при этомъ ихъ недопускали въ среду представителей графствъ и городскихъ общинъ и не дозволяли имъ организоваться съ своей стороны такъ, чтобы сдѣлаться составной частью парламента. Но чѣмъ болѣе привыкали ставить ихъ въ дѣлѣ налоговъ на одну ногу съ владѣльцами, живущими на вольныхъ земляхъ и съ городами, тѣмъ болѣе они сливались со всей Communitas, уплачивающей налоги, и уже въ 15-мъ году Эдуарда II государственныя чины выступаютъ въ роли представителей такъ же и крестьянъ, живущихъ на коронныхъ земляхъ. (Rep. I. 283). Однако еще нѣкоторое время держится обычай, въ силу котораго съ крестьянъ коронныхъ земель *передъ* каждымъ походомъ взымается autilia, а послѣ похода сборъ, колеблющійся между $^1/_{10}$ и $^1/_{15}$ ихъ дохода, смотря по размѣрамъ прежде взятой autilia. (Tomas. Exchequer p. 35). Даже послѣ изданія Confirmatio Chartorum Эдуардъ I продолжалъ держаться того взгляда, что обложеніе крестьянъ на коронныхъ земляхъ составляетъ особое право короля, остающееся за нимъ, какъ за владѣльцемъ этихъ земель во всей неприкосновенности и не нуждающееся въ парламентскомъ разрѣшеніи. Но уже Эдуардъ III въ 1332 г. обѣщалъ, что не будетъ на будущее время взымать tallagia иначе, какъ въ тѣ промежутки времени, когда они взымались его предшественниками и по всѣмъ вѣроятіямъ то былъ послѣдній фактъ взыманія tallagia по особой раскладкѣ спеціально примѣняемой къ крестьянамъ (Stubbs, II. 521).

5) *Духовенство* со времени изданія буллы папы Урбана въ началѣ отказывалось отъ всякаго платежа налоговъ для свѣтскихъ цѣлей. Послѣ того, какъ Эдуардъ I сломилъ это принципіальное сопротивленіе, духовенство сосредоточило свои усилія на томъ, чтобы отстоять по крайней мѣрѣ различіе въ дѣлѣ податнаго обложенія между баронскими своими помѣстьями и остальными доходами своими. На сколько рѣчь идетъ о первыхъ, прелаты въ Верхней палатѣ выступаютъ за одно съ лордами, какъ представители *военныхъ леновъ*, находящихся во владѣніи духовенства. Что касается другихъ доходовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, (десятиннаго сбора и т. п.), правительство совѣщается особо съ епископами и представителями нисшаго духовенства въ конвокаціи (см. ниже, параграфъ 24), при чемъ и въ этомъ

собраніи утверждается такъ называемый d o n u m въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ. По табели сбора, которымъ было облажено англійское духовенство папою Николаемъ въ 1291 г. доходы этого духовенства, не считая баронскихъ помѣстій, сборы съ которыхъ взымались прелатами, были предположены въ 199,311 ф. ст. Слѣдовательно одна десятая часть взымаемая съ доходовъ духовенства должна была составить круглымъ счетомъ сумму въ 20,000 ф ст., но сумма эта, вслѣдствіе многочисленныхъ изъятій отъ общаго обложенія и, въ особености вслѣдствіе того, что небольшіе приходы, представляющіе цѣнность менѣе 10 марокъ, освобождаются отъ платежей, мало по малу значительно уменьшается. При Генрихѣ III считалось, что подоходный налогъ съ духовенства даетъ не болѣе 10,000 ф. Что касается таможенныхъ пошлинъ и налоговъ на потребленіе, то нами было указано выше (стр. 283) въ какомъ положеніи находилось это дѣло къ концу разсматриваемаго періода. Финансовое управленіе все еще считаетъ себя въ правѣ, на основаніи того, что гавани, ярмарки и рынки были королевской регаліей, взымать съ купцовъ пошлины по особому съ ними соглашенію, а такъ же повышать эти пошлины съ согласія заинтересованныхъ лицъ, не спрашивая парламента. Парламентскимъ рѣшеніемъ, состоявшимся въ 1275 г. Эдуарду I было разрѣшено взымать полмарки съ мѣшка шерсти, или 300 бараньихъ шкуръ, и 1 марку съ ласта (4,000 ф. кожи). Эта пошлина получала такимъ образомъ уже легальный характеръ. Но въ 1303 г. нужда въ деньгахъ снова побудила правительство вступить въ сдѣлку съ иностранными купцами и установить пошлину въ 40 d. съ мѣшка и въ 1 марку съ ласта; въ оправданіе этой мѣры, нарушившей законъ Confirmation Chartarum, приводилось то, что она касается не своихъ купцовъ, а чужеземныхъ. При Эдуардѣ III (въ 1328 г.) пошлины, установленныя законодательнымъ порядкомъ, были включены въ число тѣхъ статей, съ которыхъ казна получала обыкновенные свои доходы и за тѣмъ были снова подтверждены въ 1353 г. закономъ, изданнымъ подъ названіемъ Statute af-staples. Неправильность, съ которою производилось обложеніе пошлинами различныхъ продуктовъ на рынкахъ страны, такъ называемыхъ „стапельныхъ“ товаровъ Staples (шерсти, свинца, олова) долгое время поддерживалась самимъ торговымъ сословіемъ, которое было заинтересовано во введеніи покровительственныхъ тарифовъ, а протекціонная система, въ свою очередь давала возможность облагать торговое сословіе болѣе высокими налогами. Насильственныя конфискаціи товаровъ цѣлыми массами, какъ, напр., та которая была произведена при Эдуардѣ I въ 1294 г., оканчивались обыкновенно возвращеніемъ этихъ товаровъ подъ условіемъ уплаты 3 или 5 марокъ за мѣшокъ шерсти, при чемъ торговцы снова наверстывали повышеніемъ цѣнъ то, что имъ пришлось уплатить. Система привиллегированныхъ мѣстностей, съ пошлиннымъ обложеніемъ,—система развившаяся при Эдуардахъ I, II и III,—была построена именно на такой круговой порукѣ фискальнаго интереса и интересовъ торговаго сословія, стоявшаго за покровительственные тарифы; при этомъ ущербъ, который несли отъ такого порядка потребители, былъ сознанъ лишь впослѣдствіи. При Эдуардѣ III торговые монополіи то отмѣнялись, то снова вводились. Между тѣмъ въ 1362 г. состоялось постановленіе парламента, которымъ запрещается увеличивать пошлины на шерсть иначе, какъ съ согласія парламента. Начиная съ 1373 г. всѣ косвенные налоги, подъ названіемъ тонныхъ и фунтовыхъ денегъ были поставлены въ постоянную зависимость отъ согласія парламента.

Послѣ того, какъ *право парламента разрѣшать налоги* было формально признано въ Confirmatio Chartarum, духовенство, бароны, графства, а иногда и крестьяне живущіе на государственныхъ земляхъ утверждали отдѣльно другъ отъ друга ту часть налоговъ, которая приходилась на долю каждаго изъ этихъ сословій, при чемъ бароны и графства обыкновенно платили по раскладкѣ, норма которой, въ уваженіе падавшихъ на нихъ значительныхъ ленныхъ повинностей, была понижена по сравненію съ другими сословіями. Обстоятельство это указываетъ на то, что при помощи коммиссій,

завѣдывавшихъ раскладкой податей, были уже введены опредѣленныя *нормы* для налоговъ, уплачиваемыхъ какъ съ поземельной собственности, такъ и съ личныхъ доходовъ. Но это не мѣшаетъ королю отъ времени до времени требовать отъ населенія поставки солдатъ, и различныхъ натуральныхъ повинностей, а такъ же облагать его тѣми или другими косвенными налогами, въ уваженіе которыхъ нормы постоянныхъ раскладокъ понижались. Въ тѣ періоды, когда королевская власть была слаба и вліяніе магнатовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ являлась преобладающимъ, эти послѣдніе дѣлали попытки примѣнять въ своихъ интересахъ систему косвенныхъ налоговъ и разъ даже пробовали ввести съ тою же цѣлью поголовный налогъ. Чтобы дать понятіе о тѣхъ колебаніяхъ, которыя вообще происходили въ этомъ дѣлѣ, достаточно будетъ привести лишь немногіе примѣры. Такъ, въ 9-мъ году царствованія Эдуарда II, бароны и графства разрѣшили брать съ каждой villa въ королевствѣ по одному солдату, съ полнымъ вооруженіемъ и содержаніемъ его; (впослѣдствіи эта повинность была превращена въ денежную и размѣръ ея опредѣленъ въ $^1/_{10}$ дохода). Въ слѣдующемъ за тѣмъ парламентѣ было постановлено, что города и крестьяне, живущіе на государственныхъ земляхъ, должны уплачивать взамѣнъ упомянутой повинности $^1/_{15}$ изъ своихъ доходовъ. Въ 10 году царствованія Эдуарда III въ дополненіе къ этой подати былъ вотированъ сборъ въ 40 шиллинговъ съ каждаго мѣшка шерсти, вывозимаго англійскими купцами за границу, и въ 5 ф. ст. съ иностранныхъ купцовъ. Въ 13 году правленія Эдуарда III графы и бароны разрѣшили за себя и за всѣхъ перовъ королевства, владѣющихъ помѣстьями „by barony“, сборъ одной десятой съ овецъ и ягнятъ, имѣющихъ въ ихъ владѣніяхъ; общины же разрѣшили сборъ 2,500 мѣшковъ шерсти Въ 14-мъ году того же царствованія бароны разрѣшаютъ на два года за себя и за своихъ вассаловъ сборъ $^1/_9$ съ овецъ и ягнятъ; тотъ же сборъ разрѣшается и рыцарями графствъ за себя и за представляемыя ими communes de la terre; города, съ своей стороны разрѣшаютъ сборъ одной девятой съ ихъ недвижимыхъ имуществъ, а купцы, не живущіе въ городахъ и другіе жители лѣсовъ и невоздѣланныхъ земель (wastes)—$^1/_{15}$ съ получаемыхъ ими доходовъ. Въ 20-мъ году Эдуарда III по случаю возведенія принца Уэльскаго въ рыцарское достоинство, былъ собранъ auxilium въ 40 шиллинговъ, хотя общины, опираясь на право, предоставленное имъ Уэстминстерскимъ закономъ, вотировали только 20 шиллинговъ и отказались утвердить налогъ въ размѣрахъ, требуемыхъ правительствомъ. Въ 45 году того же царствованія обѣ палаты утверждаютъ субсидію въ 50.000 ф. ст. При назначеніи первой изъ упомянутыхъ субсидій было постановлено, что каждый приходъ долженъ взнести 22 шиллинга 3 d.; но при этомъ произошла такая грубая ошибка въ счетѣ приходовъ, что пришлось, вскорѣ послѣ того, созвать для пересмотра этого вопроса коммиссію которая, чтобъ довести сборъ до утвержденной суммы въ 50,000 ф. ст. обложила каждый приходъ взносомъ въ 106 шиллинговъ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году шаткость существовавшихъ въ то время порядковъ снова проявилась въ томъ, что правительство, распустивъ рыцарей графствъ, удержало представителей городовъ и побудило ихъ разрѣшить еще на одинъ годъ сборы, въ извѣстныхъ размѣрахъ, съ вина и товаровъ. (Parry. 133). Даже къ концу этого царствованія, королевская власть еще не вполнѣ отказалась отъ своихъ прерогативъ и выговаривала себѣ для извѣстныхъ случаевъ право пользоваться ими. Такъ въ 57-мъ году царствованія Эдуарда III правительство объявило: „король не желаетъ возлагать на народъ тяготы безъ согласія Общинъ, за *исключеніемъ тѣхъ случаевъ*, когда того требуетъ крайняя необходимость и защита королевства, и когда онъ можетъ такъ поступать, не нарушая справедливости. (Parl. History). Но, начиная съ 8-го года этого царствованія, условились, по крайней мѣрѣ, относительно *постоянныхъ размѣровъ* той цифры налоговъ, которая должна была приходиться на долю графствъ и городовъ. По раскладкѣ этого года десятыя и пятнадцатыя доли дохода, уплачиваемыя лицами свѣтскаго званія, были выражены въ опредѣленныхъ суммахъ, раскладкою которыхъ

между отдѣльными плательщиками завѣдывали такъ называемые comittees of assessment. (Съ этихъ поръ замѣчается постоянное стремленіе переводить налоги, взымаемые съ доходовъ на опредѣленныя суммы, при чемъ въ результатѣ получается уменьшеніе доходности этихъ налоговъ для государственнаго казначейства. Уже въ XV столѣтіи десятыя и пятнадцатыя доли, взымаемыя съ имуществъ свѣтскихъ лицъ, давали болѣе 37,000 ф. ст., въ 1497 сборъ упалъ даже до 30,000 ф., а десятина, взымаемая съ духовенства—до 10,000 ф. см. Stubbs. II. 550. Вскорѣ послѣ того, палата Общинъ начинаетъ ходатайствовать о томъ, чтобы въ засѣданія ея присылали депутацію лордовъ и прелатовъ, съ которыми она могла бы предварительно обсуждать вопросы о субсидіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ 47-мъ году царствованія Эдуарда III по предложенію палаты Общинъ было назначено для этой цѣли извѣстное число епископовъ и лордовъ и вслѣдъ затѣмъ въ полномъ собраніи парламента было предъявлено письменное разрѣшеніе субсидіи, начинающееся словами: „лорды и общины Англіи разрѣшили королю въ настоящемъ парламентѣ сборъ одной пятнадцатой“ и т. д. (Rep. Ap. IV. 659—662). Совѣщаніе съ депутаціей отъ верхней Палаты становится съ этихъ поръ обычной формой. Въ большинствѣ случаевъ общины сами назначали тѣхъ членовъ Верхней Палаты, которыхъ имъ желательно было видѣть въ депутаціи. Въ 6-мъ году царствованія Ричарда II онѣ выразили желаніе, чтобы въ депутацію вошли три прелата, три графа и три барона; ходатайство это было удовлетворено съ тою, однако, оговоркой, что король предоставляетъ себѣ право назначить въ депутацію тѣхъ или другихъ епископовъ и лордовъ, по своему усмотрѣнію. (Подобный же случай былъ и въ 4-мъ году царствованія Генриха IV). Въ 7-мъ году правленія Ричарда II общины „съ согласія лордовъ“ разрѣшили сборъ $^2/_{15}$ съ доходовъ, за тѣмъ въ томъ же году лорды и общины разрѣшили добавочный сборъ одной двадцатой и одной тридцатой съ доходовъ. Въ 21-мъ году царствованія Ричарда II лорды и общины разрѣшили даже королю сборъ значительной субсидіи *пожизненно* (тоже повторилось и въ 3-мъ году царствованія Генриха V). Въ 13-мъ году правленія Генриха IV общины разрѣшаютъ субсидію съ согласія епископовъ и лордовъ, при чемъ взносы, падающіе на поземельную собственность, прямо обозначаются названіемъ поземельнаго налога (land tax) (Parl. History. II. 119). Съ этихъ поръ утвержденіе субсидій общинами *съ согласія епископовъ и лордовъ* становится наиболѣе обычною формулою для актовъ этого рода; такъ, мы встрѣчаемъ упомянутую формулу въ постановленіяхъ, изданныхъ въ 3, 4 и 5-мъ годахъ правленія Генриха V, въ 18-мъ году Генриха VI, и въ 22-мъ году Эдуарда IV. Но и независимо отъ продолжающейся измѣнчивости выраженій, неустойчивость податной системы и неопытность плательщиковъ налоговъ проявляется въ многочисленныхъ *экспериментахъ* тѣхъ или другихъ нововведеній Такъ уже выше было упомянуто о странномъ обложеніи всѣхъ приходовъ одинаковою суммою взноса,—обложеніи, состоявшемся въ 45-мъ году Эдуарда III, при чемъ парламентъ въ своемъ разсчетѣ принялъ число приходовъ въ пятеро превышавшее дѣйствительное ихъ число. Въ 51-мъ году того-же царствованія Лорды и Общины разрѣшили *поголовный* налогъ въ 4d, падавшій на всѣхъ лицъ мужскаго и женскаго пола свыше четырнадцатилѣтняго возраста, за исключеніемъ женщинъ; при этомъ они еще извинялись, что въ данную минуту не могутъ назначить больше. Эта ошибка имущихъ классовъ повторяется и въ началѣ правленія малолѣтняго Ричарда II и влечетъ за собою возстаніе рабочаго сословія, послѣ котораго злополучный поголовный налогъ уже ни разу болѣе не назначался.—Въ 5-мъ году того-же царствованія была разрѣшена субсидія съ шерсти.

При королях *дома Ланкастеръ* налоги, платимые съ земли и съ движимой собственности, сливаются и принимаютъ болѣе правильную форму. Но при Генрихѣ VI вліяніе регентства и, позднѣе, полнѣйшее безсиліе королевской власти снова даетъ себя чувствовать въ новыхъ экспериментахъ по части налоговъ. Въ парламентѣ 1427—1428 г. былъ вотированъ налогъ въ слѣдующей сложной формѣ: всѣ приходы, церкви которыхъ

оцѣнены свыше 10 марокъ, облагались 13 шиллингами и 4-мя d., болѣе мелкіе приходы платили 6 шил. 8 d.; наконецъ—самые мелкіе уплачивали только 2 шил.; суммы эти распредѣлялись между всѣми членами данной общины. Съ каждаго рыцарскаго лена взималось 6 шил. 8 d. Въ 1435 году былъ введенъ прогрессивный личный налогъ: съ доходовъ въ 100 шиллинговъ положено было взимать 2 шил. 6 d., и затѣмъ по 6 d. съ каждаго фунта свыше упомянутой суммы, вплоть до 100 ф. ст. Доходы свыше 100 платили по 8 d. съ фунта; наконецъ, доходы свыше 400 ф. ст. уплачивали по 2 шиллинга съ фунта. Подобный-же налогъ былъ вотированъ и на конвентѣ духовенства. Въ 1439 г. былъ разрѣшенъ сборъ $^1/_{15}$ и $1^1/_2$ десятыхъ съ доходовъ; въ дополненіе къ этому сбору былъ вотированъ налогъ на иностранцевъ, по 16 d. съ лицъ, живущихъ собственнымъ хозяйствомъ, и по 6 d. съ остальныхъ. Вообще при короляхъ дома Ланкастеръ цыфра обыкновенныхъ доходовъ короля значительно понизилась, благодаря введенію болѣе строгой законности въ управленіе и благодаря многочисленнымъ ограниченіямъ, которыя поставили королевскую власть въ болѣе тѣсныя рамки во всемъ касающемся ея права произвольныхъ мѣропріятій, фискальныхъ и другихъ доходныхъ правъ; герцогство Ланкастерское, доходы съ котораго были предоставлены въ пользованіе короны, давало, вслѣдствіе многочисленныхъ, лежавшихъ на немъ постоянныхъ платежей лишь незначительный излишекъ; а между тѣмъ расходы казны во время войнъ съ Франціей и, позднѣе, во время борьбы изъ-за остатковъ владѣній англійской короны на французской территоріи значительно возросли. По разсчетамъ лорда Кромвеля, относящимся къ 1433 г., *обычный* доходъ короны въ 23,000 ф. ст., понизился вслѣдствіе падавшихъ на него постоянныхъ платежей, до 8,990 ф. ст.; Ланкастерское герцогство приносило лишь 2108 ф. чистаго дохода; косвенные налоги на вино и на другіе товары давали 26,966 ф. Между тѣмъ уже одни расходы на содержаніе гарнизона въ Кале превышали всю сумму обыкновенныхъ доходовъ короны (Stubbs, III. 117). Къ этому-же времени относятся и первые примѣры полномочій, выдаваемыхъ палатой правительству на заключеніе займовъ. Съ согласія совѣта, королю давалось разрѣшеніе занимать деньги посредствомъ рескриптовъ, выпускаемыхъ за частною королевскою печатью. Нерѣдко сами члены совѣта ссужали короля деньгами изъ собственныхъ средствъ, или-же обезпечивали своимъ поручительствомъ займы, дѣлаемые у купцовъ. Въ исключительно затруднительныхъ обстоятельствахъ парламентъ уполномочивалъ членовъ совѣта заключить займы подъ обезпеченіе будущихъ налоговъ. Начиная въ 1421 г. обыкновенно парламентъ обозначалъ предѣлъ той суммы, на которую королевскій совѣтъ могъ занимать подъ обезпеченіе налоговъ; предѣлы эти колебались между 20,000 и 100,000 ф. ст. Но послѣ смерти кардинала Бофора къ средствамъ такого рода перестали прибѣгать (Stubbs, III. 258).

Во время войны *Алой и Бѣлой розы* финансовыя затрудненія правительства, какъ и слѣдовало ожидать, превратились въ явленіе постоянное. Вслѣдствіе этого при Эдуардѣ IV правительство снова начинаетъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ налогамъ. Такъ въ 1472 г. парламентъ разрѣшилъ правительству сборъ, потребный для того, чтобы содержать въ теченіи года 13,000 стрѣлковъ съ платою по 6 d. въ день. Затѣмъ Палатою Общинъ и Лордами въ двухъ отдѣльныхъ постановленіяхъ было рѣшено собрать на покрытіе военныхъ расходовъ еще одну десятую долю со всѣхъ наличныхъ имуществъ и доходовъ. Но въ слѣдующемъ-же году такой сборъ оказался слишкомъ тяжелымъ и парламентъ по старому назначилъ налогъ лишь въ одну пятнадцатую. Въ этомъ-же году начинаются столь знаменитые, впослѣдствіи принудительные поборы съ частныхъ лицъ (benevolences). Въ слѣдующемъ (1474) году парламентъ вотировалъ субсидію въ *огульной* цифрѣ.

Лишь послѣ того, какъ королевская власть оправилась, при династіи Тюдоровъ, система прямыхъ налоговъ окончательно вырабатывается въ формѣ поземельнаго и подоходнаго налога и начинаетъ въ этомъ видѣ примѣняться правильно и постоянно. При Генрихѣ VIII субсидія, разрѣ-

шенная королю, достигаетъ въ 1574 г. 160,000 фунт. стерлинговъ, при чемъ сборъ этотъ распредѣляется между плательщиками на основаніи тщательно установленной градаціи, сообразно съ количествомъ земли и съ размѣрами движимаго имущества и доходовъ. При Маріи Тюдоръ выраженія „субсидія“ и „одна десятая“ „одна пятнадцатая“ получаютъ постоянное техническое значеніе: субсидія означаетъ поземельный налогъ, взимаемый въ размѣрахъ 20 процентовъ (4 шиллинговъ съ фунта)—а одна десятая и одна пятнадцатая — подоходный налогъ въ размѣрахъ 13⅓ процентовъ (2 шил. 8 d. съ фунта) Stubbs, III. 335.

---

§ 24.

Церковь въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Коренныя измѣненія всего государственнаго строя за разсматриваемый періодъ касались лишь *свѣтской области* и правовыхъ отношеній мірянъ къ королевской власти. Церковь среди всѣхъ этихъ преобразованій остается въ прежнемъ своемъ видѣ и охватываетъ населеніе совсѣмъ особою организаціею, рѣзко отличающеюся отъ свѣтской конституціи какъ по духу, такъ и по формѣ.

Въ концѣ предшествующаго періода власть римской церкви достигла своего апогея и превратилась въ замкнутую въ самой себѣ государственную систему.

Эта система свѣтскому королю противуполагала *верховнаго главу* церкви, который въ Англіи предъявлялъ даже притязанія на право феодальнаго сюзерена и требовалъ уплаты ежегодной ленной дани.

Свѣтскому *парламенту* въ этотъ періодъ противуполагается духовный парламентъ (convocation), имѣющій тоже Верхнюю и Нижнюю Палату.

Духовное *законодательство*, *духовная система налоговъ и духовные суды* устанавливаются особнякомъ, рядомъ съ свѣтскимъ законодательствомъ, судами и налогами. Церковная юрисдикція обнимаетъ извѣстную область отношеній, подлежащихъ въ наше время вѣденію администраціи; она имѣетъ своихъ спеціалистовъ-чиновниковъ и свою бюрократическую организацію. Этого мало: даже самыя важныя должности въ свѣтскомъ управленіи, какъ-то: должность лорда-канцлера, Master of the Rolls и хранителя частной королевской печати, а также, нерѣдко, лорда-Казначея, находятся въ рукахъ лицъ духовнаго сословія.

Обѣ эти государственныя системы существуютъ такимъ образомъ бокъ о бокъ; обѣ онѣ еще нуждаются во взаимной поддержкѣ, обѣ одна другую дополняютъ и обѣ распространяютъ свое дѣйствіе на

всѣ слои населенія. Громадныя *богатства*, которыми владѣла церковь [1]) всего болѣе привлекали на службу ея людей изо всѣхъ слоевъ населенія. Поэтому число лицъ духовнаго званія было чрезвычайно велико. Въ спискахъ новыхъ посвященій въ духовный санъ нерѣдко можно найти, въ болѣе значительныхъ діоцезахъ, сотни лицъ, рукоположенныхъ въ теченіи *одного только года*. Почти не было семейства, которое не имѣло-бы родственника въ рядахъ низшаго духовенства; сельскіе дворяне имѣли родственниковъ между канониками болѣе или менѣе значительныхъ капитуловъ, а аристократія и высшіе государственные сановники добивались епископскихъ каѳедръ для тѣхъ изъ своихъ сыновей, которыхъ они предназначили къ духовному званію. Даже сословіе крѣпостныхъ, не взирая на запрещеніе закона, находило возможность проникать въ ряды духовнаго сословія. Въ низшихъ классахъ населенія вліяніе церкви успѣло расширить свое вліяніе еще болѣе, чѣмъ въ высшихъ, именно послѣ того, какъ ордена *нищенствующихъ монаховъ* дали ей возможность привязать къ себѣ узами сочувствія бѣднѣйшіе классы, которые имѣли не мало причинъ къ недовольству законодательными и податными мѣрами, изданными имущими сословіями. Персоналъ чиновниковъ церкви и постоянная армія монаховъ и духовныхъ орденовъ мало по малу выработались въ прочную и систематически дѣйствующую организацію, посредствомъ которой церковь господствовала надъ умами населенія. Ни одно правительство не въ состояніи было долгое время выдерживать борьбу съ этою силою, которая пользовалась такимъ авторитетомъ въ глазахъ массъ, и которая, внушая народу покорность передъ государемъ, поставленнымъ Богомъ, могло оказывать королевской власти такія существенныя услуги. Но санкціонируя такимъ образомъ королевскую власть, церковь, въ тоже

---

[1]) „Духовенство, какъ сословіе, было очень богато; прямые налоги, уплачиваемые имъ составляли около трети всей суммы прямыхъ налоговъ, уплачиваемыхъ населеніемъ. Духовенство пользовалось весьма значительной политической властью въ парламентѣ и въ конвокаціи; оно, кромѣ того, имѣло два законодательныя собранія въ провинціальныхъ синодахъ. Въ своихъ крупныхъ помѣстьяхъ оно пользовалось такою-же судебною властью, какъ и дворянство, а духовные его суды представляли систему юрисдикціи параллельную той, которая существовала въ свѣтскихъ судахъ, но отличавшуюся болѣе инквизиціоннымъ характеромъ и глубже проникавшую во всѣ жизненныя отношенія. Значительныя привиллегіи, которыми пользовалось духовное сословіе и сословный духъ, господствовавшій въ его средѣ, придавали даже низшимъ его членамъ извѣстную долю вліянія и извѣстное сознаніе своей силы". (Stubbs. III, 365, 366). Помѣстья епископовъ и монастырей были разбросаны почти по всѣмъ округамъ королевства. Эти помѣстья управлялись хорошо, особенно славились монахи Цистерніанскихъ монастырей, какъ искусные сельскіе хозяева и овцеводы. По отношенію къ крестьянамъ, жившимъ на ея земляхъ, церковь пользовалась репутаціею снисходительности и мягкости. Объ общемъ характерѣ отношеній церкви къ государству см. Stubbs. III, cap. 19.

время, выступаетъ на защиту правъ сословнаго представительства и, сознавая солидарность своихъ интересовъ въ этомъ отношеніи съ интересами дворянства, помогаетъ послѣднему отстаивать хартію вольностей; подтвержденія хартіи королевской властью не разъ были исторгнуты у этой послѣдней настояніями высшаго духовенства. Авторитетъ духовенства по прежнему придаетъ силу присягѣ на вѣрность конституціи; тотъ же авторитетъ при случаѣ и разрѣшаетъ отъ этой клятвы [2]).

Эта то *взаимная зависимость* между церковью и государствомъ выражалась и въ *парламентской жизни*. Парламентское представительство прелатовъ въ Англіи правда не вытекало, какъ то было на континентѣ, изъ ихъ положенія, какъ владѣльцевъ помѣстій на правахъ полусамостоятельныхъ владыкъ; здѣсь прелаты являлись въ собраніе для совѣта, суда и установленія налоговъ лишь въ качествѣ лицъ, приглашаемыхъ посредствомъ королевскаго writ. Но право короля приглашать тѣхъ или другихъ членовъ въ парламентъ имѣло, по отношенію къ духовенству, нѣсколько другой характеръ, чѣмъ по отношенію къ баронамъ. Призваніе епископовъ въ парламентъ являлось дѣломъ само собою разумѣющимся въ виду ихъ положенія какъ представителей церковной власти, и возведеніе въ прелатское достоинство, начиная съ царствованья Іоанна, уже не было дѣломъ простой королевской милости. Уже въ теченіи нѣкотораго времени свободный кононическій выборъ, руководимый сильно развитымъ сословнымъ духомъ, самъ рѣшалъ, кому стоятъ во главѣ церковнаго управленія и пожалованье свѣтскихъ отличій было простымъ утвержденіемъ этого выбора королевскою властью. Сословный духъ, созданный безбрачіемъ, поддерживалъ въ средѣ духовенства болѣе тѣсную сплоченность, чѣмъ какая существовала между свѣтскими магнатами. Правиллегированные судьи изъ духовенства гораздо ревнивѣе отстаивали свою личную независимость, чѣмъ свѣтскіе ихъ собраты. По этому, немалымъ преимуществомъ англійскаго государственнаго устройства было то, что епископы и свѣтскіе лорды, по сколько тѣ и другіе выступали въ роли судей, не обособлялись, по крайней мѣрѣ, въ два самостоятельные независимые другъ отъ друга суда, какъ то было на кон-

---

[2]) Впрочемъ, въ этомъ отношеніи роль духовенства имѣла нѣсколько другой характеръ, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Между тѣмъ, какъ прежде духовенство проповѣдывало безусловное подчиненіе королевской власти, теперь оно во время споровъ о разграниченіи власти между церковью и государствомъ, научилось въ случаѣ надобности тотчасъ-же выдвигать на первый планъ примѣры „такихъ владыкъ, какъ Саулъ и Иродъ“ и изъ рѣчей церковныхъ проповѣдниковъ не легко было установить, что, по понятіямъ этихъ проповѣдниковъ, слѣдуетъ воздавать Богу, и что—Кесарю. Очевидно, отношенія между церковью и королевской властью успѣли за это время нѣсколько охладиться. (Stubbs III. 513).

тинентѣ, гдѣ въ основѣ государственнаго представительства лежало феодальное землевладѣніе съ его верховными правами въ предѣлахъ помѣстья. Притязанія епископовъ умѣрялись голосами бароновъ, а воинственная заносчивость наиболѣе славныхъ свѣтскихъ магнатовъ сдерживалась голосами духовныхъ, которые, если считать количество разсылаемыхъ имъ парламентскихъ writs, составляли, даже, большинство, хотя приглашенные и не всегда являлись въ парламентъ въ полномъ своемъ составѣ. Но всего благотворнѣе была для обѣихъ сторонъ привычка къ совмѣстной дѣятельности, вырабатывавшаяся у прелатовъ и бароновъ въ Великомъ Совѣтѣ, при веденіи важнѣйшихъ дѣлъ государственнаго управленія, налагавшихъ на нихъ серьозную отвѣтственность.

Въ царствованіе Эдуарда I правительство, для собственной своей выгоды, начинаетъ стремиться къ тому, чтобы рядомъ съ прелатами привлечь къ парламентской дѣятельности и *капитулы съ приходскимъ духовенствомъ*, къ тому, чтобы и духовному среднему сословію дать доступъ къ представительству и возможность столковаться съ gentz de la commune. Ближайшею побудительною причиною, конечно, послужили податные вопросы. Но послѣдовательное проведеніе этой мѣры со стороны правительства и систематическое сопротивленіе, которое она встрѣтила въ духовенствѣ, доказываютъ, что королевскій совѣтъ признавалъ сказанную мѣру весьма важной и въ политическомъ отношеніи. На первыхъ порахъ цѣлью Эдуарда I было противупоставить папскому запрещенію платить налоги свѣтской власти—возвышеніе нисшаго духовенства. Создавая послѣднему въ палатѣ общинъ положеніе, аналогичное съ тѣмъ, которое прелаты занимали въ палатѣ лордовъ, онъ расчитывалъ пробудить и поддержать въ нисшемъ духовенствѣ рвеніе къ общему благу всей націи. Въ виду этого всѣмъ епископамъ разсылается начинающееся словами Praemunientes предписаніе, повелѣвающее имъ вызвать въ собраніе представителей страны діаконовъ и архидіаконовъ лично, а кромѣ того, по одному уполномоченному отъ каждаго капитула и по два уполномоченныхъ отъ приходскаго духовенства [3]). Такимъ образомъ составъ парламента сразу увели-

---

3) Начиная съ 23-го года царствованья Эдуарда I формула королевскаго writ къ архіепископу Кентерберійскому была нижеслѣдующая: „Sicut Lex justissima, providâ circumspectione sacrorum principum stabilita, hortatur et statuit ut quod omnes tangit, ab omnibus approbetur, sic et innuit evidenter, ut communibus periculus pro (per?) remedia provisa communiter obvietur... Praemunientes Priorem et Capitulum Ecclesiae vestrae, Archidiaconum, totumque Clerum vestr. Diosc. facientes, quod iidem Prior et Archidiaconus in propriis personis suis, et dictum Capitulum per unum, idemque Clerus per Procuratores duos idoneos, plenam et sufficientem potestatem ab ipsis Capitulo et Clero habentes, una vobiscum intersint, modis omnibus, tunc ibidem ad tractandum, ordinandum et faciendum, nobiscum et cum caeteris Prealatis et Proceribus, et alliis

чивался 100 новыми членами отъ духовенства, которые должны были принимать участіе въ совѣщаніяхъ на одинаковыхъ правахъ съ рыцарями и представителями городовъ. Но въ скоромъ времени со стороны духовенства возникла сильная оппозиція, направленная противъ обсужденія налоговъ представителями духовенства совокупно съ мірянами, а такъ же противъ самого способа приглашенія духовныхъ представителей. Въ 7-мъ году царствованія Эдуарда II духовенство объявило, что призывать духовенство въ парламентъ властью короля несогласно съ обычаемъ и что оно по закону не должно быть впредь призываемо такимъ образомъ. При созывѣ слѣдующаго же парламента архіепископу Кентерберійскому былъ посланъ *вторичный рескриптъ*, предписывавшій духовенству явиться въ парламентъ. Но духовенство въ томъ же году протестовало и противъ такого способа вызывать его членовъ черезъ архіепископа. Оно утверждало, что парламентъ есть ничто иное, какъ curia singularis, имѣющая какъ начало,

---

Incolis regni nostri, qualiter sit hujusmodi periculis et excogitatis malitiis obviandum. — Образцомъ формулы послужила та, которая еще въ 22-мъ году царствованія Эдуарда была употреблена для приглашеній духовенства на конвокацію. (Parl. writs. I. 19) Духовенство на этомъ послѣднемъ собраніи, при обложеніи своего сословія налогомъ, принимало за мѣрило помѣстья, находившіяся въ его владѣніи на правахъ in frakalmoign, количество гуфеновъ, которыми оно владѣло въ приходахъ, а такъ-же доходы съ движимой собственности. Прелаты на конвокаціи вотировали за себя налогъ лишь въ размѣрахъ владѣемыхъ ими духовныхъ имуществъ, обложеніе же ленныхъ своихъ помѣстій они обсуждали въ парламентѣ сообща съ баронами и суммы, причитавшіяся съ этихъ помѣстій входили въ общую сумму разрѣшаемыхъ парламентомъ субсидій. (Rep. I. 214). Вышеприведенное мѣсто королевскихъ writt къ епископамъ, начинающееся со слова Preamunientes, сохранилось безъ существенныхъ измѣненій и послѣ 23 года правленія Эдуарда I, хотя оно и не каждый разъ включалась въ пригласительный writ. Но уже съ самаго начала въ духовенствѣ стала проявляться сильная оппозиція противъ королевскихъ приглашеній и въ виду этого въ періодъ между 1314—1340 гг. вошло въ обычай посылать обоимъ архіепископамъ особые рескрипты, въ которыхъ ихъ приглашали принять с ъ с в о е й с т о р о н ы мѣры, чтобы представители духовенства являлись въ парламентъ. Послѣ 1340 г. правительство примирилось съ практикой, установившей, что десятины съ доходовъ духовенства разрѣшались на провинціальныхъ синодахъ, и съ этихъ поръ не придавало уже болѣе такого значенія появленію нисшаго духовенства въ парламентъ. (Stubbs. III. 320). Въ виду папскаго запрещенія взыскывать налоги съ доходовъ духовенства, допущена фикція, по которой этого рода налоги считались добровольными приношеніями духовенства, а такъ какъ оно наравнѣ съ городами платило по наиболѣе высокой нормѣ обложенія (одну десятую, вмѣсто одной пятнадцатой, уплачиваемой графствами) то это устраняло многіе поводы къ столкновеніямъ. Конвокаціи обыкновенно безъ околичностей постановляли, что духовенство будетъ платить по той-же нормѣ, какъ и города; вознагражденіемъ за эту высшую норму податнаго обложенія духовенству служило то, что оно избавилось отъ тяжелыхъ налоговъ въ пользу папскаго престола, налоговъ, которыя еще весьма тяжелымъ бременемъ лежали на нихъ въ столѣтіе трехъ Эдуардовъ. Со времени переселенія папы въ Авиньонъ, гнетъ этотъ сталъ менѣе ощутителенъ и Ричардъ II. имѣлъ уже возможность прямо запретить всякіе поборы въ пользу папы. (1389 г.) Ленная дань, обѣщанная папскому престолу королемъ Іанномъ, была отмѣнена парламентомъ еще въ 1366 г.

такъ и продолженіе свое въ королевской **camera**, и что въ такую **curia** духовенство не можетъ быть приглашаемо безъ явнаго нарушенія его привиллегій. Въ эту эпоху духовенство свое согласіе на уплату налоговъ приводитъ въ зависимость отъ папскаго разрѣшенія, подобнаго тому, которымъ въ 13-мъ году царствованія Эдуарда II былъ дозволенъ на одинъ годъ сборъ одной десятой съ имуществъ духовенства. Въ 15-мъ году того же царствованія духовенство вотируетъ на двухъ конвокаціяхъ субсидію, снова заявляя, что дѣлаетъ это лишь «повинуясь власти св. престола». Въ 16-мъ году царствованія Эдуарда II оно прямо отказалось отъ всякаго дальнѣйшаго разрѣшенія субсидій, если на то не воспослѣдуетъ согласіе апостолическаго престола. (Peers Rep. I. 284). Въ 17-мъ году того же царствованія король находился въ такомъ критическомъ положеніи, что ему пришлось умолять обоихъ епископовъ о созваніи конвокаціи. Кое какъ при помощи парламента удалось осилить это сопротивленіе, послѣ того, какъ король обязался рядомъ съ приглашеніемъ, обращеннымъ къ епископамъ, препроводить еще особое приглашеніе на имя архіепископа. Духовенство повиновалось лишь этому послѣднему приглашенію, какъ опиравшемуся на авторитетъ *духовной власти* и заключавшему въ себѣ призывъ не въ парламентъ, а на конвокацію; при этомъ время и мѣсто, гдѣ происходило собраніе нерѣдко назначались совсѣмъ не тѣ, какія были указаны въ королевскомъ **writ**. Представители низшаго духовенства являлись лишь членами своихъ синодовъ, а отнюдь не парламента. Съ этими ограниченіями, вышеприведенная формула приглашеній, (Preamunientis) начиная съ Эдуарда III становится постоянной [4]).

---

[4]) Въ 11-мъ году царствованія Эдуарда III впервые было употреблено въ приглашеніи къ архіепископамъ слѣдующее выраженіе: „**justum et consonum rationi, ut per communia subsidia communibus periculis occurratur**“. Слова эти, неоднократно повторявшіяся и въ позднѣйшихъ приглашеніяхъ, нашли такой отзвукъ въ странѣ, что и духовенство въ концѣ концовъ не могло устоять противъ вызваннаго ими впечатлѣнія. Въ 18-мъ году Эд. III субсидіи, вотированныя духовенствомъ на конвокаціи, впервые были занесены въ списокъ *парламентскихъ постановленій* и облечены въ форму закона. (Report. I. 317). Между тѣмъ разобщеніе между этими двумя собраніями, изъ которыхъ каждое обсуждало и вотировало налоги особо, независимо одно отъ другаго, все еще продолжало вызывать различныя столкновенія. Такъ, въ 4-мъ году правленія Ричарда II Палата Общинъ предложила субсидію въ 100,000 марокъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы духовенство, (владѣвши третью земель королевства) дало 50,000 марокъ. На это предложеніе духовенство дало слѣдующій отвѣтъ: „согласіе на уплату налоговъ никогда не давалось духовенствомъ въ парламентѣ и этого и впредь не должно быть. Міряне не должны и не могутъ связывать духовенство, такъ же, какъ и духовенство мірянъ. Пускай Общины дѣлаютъ то, что входитъ въ кругъ ихъ вѣденія, такъ же будетъ поступать и духовенство“. Въ 9-мъ году царствованія Ричарда II палата общинъ снова разрѣшаетъ субсидію подъ тѣмъ условіемъ, чтобы духовенство съ своей стороны изъявило согласіе взнести извѣстную сумму,— и это постановленіе влечетъ за собою подобный же протестъ со стороны духо-

Описанныя выше событія, представляли собою грандіозную попытку объединенія всѣхъ сословій, но они въ тоже время могли служить доказательствомъ той старой истины, что никакое собраніе сословій немыслимо тамъ, гдѣ нѣтъ равенства *юридическаго* положенія между участниками собранія. Въ верхней палатѣ такое равенство было дано тѣмъ, что какъ прелаты, такъ и бароны являлись въ палату въ качествѣ ленныхъ землевладѣльцевъ, на основаніи королевскаго writ, а, главное, благодаря той привычкѣ совокупнаго дѣйствія, которая успѣла выработаться у нихъ при общихъ занятіяхъ дѣлами государственнаго управленія. Поэтому они и держались вмѣстѣ; но именно этой то солидарности и не существовало между духовенствомъ, съ одной стороны, и рыцарями и представителями городовъ съ другой стороны.

Напротивъ, чѣмъ болѣе рыцари и представители городовъ сливаются въ палатѣ общинъ въ одну корпорацію, тѣмъ болѣе духовное среднее сословіе обособляется отъ нихъ. О сліяніи свѣтскаго средняго сословія съ нисшимъ духовенствомъ очевидно нечего было и думать при тѣхъ рѣзкихъ различіяхъ, которыя устанавливались между ними профессіональными занятіями, воспитаніемъ и всей совокупностью жизненныхъ интересовъ; всего менѣе это было возможно при безбрачіи, на которое было обречено духовенство римско-католической церкви. На сепаратистскія стремленія духовенства палата общинъ отвѣчала съ своей стороны ревнивой оппозиціей противъ господства церкви, по скольку послѣдняя олицетворяла собою власть иноземнаго владыки; съ особенною силою эта оппозиція проявляется съ тѣхъ поръ какъ папы переселились въ Авиньонъ.

Среди такихъ то напряженныхъ отношеній королевская власть успѣла снова *усилить свое вліяніе* и преимущественно во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ привилегіи церкви сталкивались съ общими законами страны. Теперь король могъ опираться на парламентъ, начинавшій ревниво отстаивать національную честь и независимость во всѣхъ вопросахъ гдѣ той и другой грозилъ какой нибудь ущербъ. Церкви, правда, предоставляли распоряжаться по своему усмотрѣнію въ тѣхъ

венства. (Parl. History. I. 384). Парламентъ, между тѣмъ, продолжалъ отстаивать за собою право скрѣплять своимъ согласіемъ налоги, вотированные духовенствомъ на конвокаціяхъ и, исходя изъ того же взгляда, потребовалъ, чтобы его постановленія имѣли такую же обязательную силу для духовенства „какую имѣли законы христіанскихъ государей въ первыя вѣка христіанской церкви". До разрѣшенія формальнымъ путемъ на почвѣ органическаго законодательства, споръ этотъ не дошелъ; въ 15-мъ столѣтіи онъ замолкъ самъ собою и духовенство продолжало утверждать падавшіе на его долю налоги въ особыхъ собраніяхъ. Но именно въ виду такого положенія дѣлъ король по необходимости долженъ былъ выводить обязанность епископовъ и аббатовъ, являться въ верхнюю палату изъ ленныхъ обязательствъ лежавшихъ на нихъ, а слѣдовательно и освобождать отъ явки въ парламентъ тѣ изъ аббатовъ, которые не имѣли коронныхъ леновъ.

областяхъ, которыя не соприкасались съ общими законами страны; таковы были, напримѣръ, вопросы о почетныхъ правахъ, присвоенныхъ лично тѣмъ или другимъ членамъ духовенства, о завѣщаніяхъ, о церковныхъ проступкахъ; равнымъ образомъ духовенство оставалось хозяиномъ въ судахъ лорда Канцлера, университета и адмиралтейства. Но каждая попытка духовенства измѣнить законы страны (какъ напримѣръ, въ вопросѣ объ узаконеніи дѣтей, о договорахъ, заключаемыхъ замужними женщинами и т. п.) встрѣчали энергичный отпоръ. «Nolumus leges Angliae mutari»— таковъ былъ отвѣтъ, данный баронами еще на Мертонскомъ собраніи государственныхъ чиновъ, происходившемъ въ 20-мъ году царствованія Генриха III. Когда духовенство въ 1296 г. начало принципіально отказываться отъ участія въ налогахъ, платимыхъ страною, Эдуардъ уже на столько сознавалъ свою силу, что не побоялся объявить духовенство стоящимъ внѣ защиты его судовъ и лишеннымъ его покровительства, какъ сюверена. Въ другомъ, подобномъ-же случаѣ, бывшемъ въ 1301 г. парламентъ объявилъ: папа не имѣетъ права вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла короны и еслибы, даже, король и расположенъ былъ уступить притязаніямъ папскаго престола, парламентъ его до этого не допуститъ. Но всего энергичнѣе, какъ и слѣдовало ожидать, дворянство и общины приняли сторону короля въ спорѣ о налогахъ. Когда Урбанъ V простеръ свою заносчивость до того, что заявилъ притязаніе на верховныя права сюверена и на ленную дань, Эдуардъ III прямо объявилъ, что упраздняетъ покровительство, изстари оказываемое духовенству королевскою властію и, въ тоже время, заявилъ о твердомъ своемъ намѣреніи отстаивать, вмѣстѣ съ своими сословіями, независимость страны и національной церкви. Въ царствованіе этого короля палата общинъ неоднократно вносила предложенія, направленныя противъ духовенства; въ числѣ прочихъ актовъ такого рода палатою была представлена петиція, ходатайствовавшая о томъ, чтобы не издавалось королевскихъ повелѣній на основаніи предложеній, исходящихъ отъ духовенства и чтобы «общины не были обязаны подчиняться распоряженіямъ, которыя духовенство дѣлаетъ въ собственныхъ своихъ интересахъ». Въ 1371 г. было даже предложено палатою Общинъ удалить лицъ духовнаго званія со всѣхъ занимаемыхъ ими высшихъ должностей и замѣстить эти должности мірянами. По отношенію къ должности канцлера и къ должностямъ въ государственномъ казначействѣ желаніе палаты было удовлетворено, хотя и на короткій лишь срокъ. Парламентъ 1399 г. объявилъ что «англійское королевство и впредь такъ-же, какъ и во всѣ предшествующія времена, должно оставаться *свободнымъ* отъ всякаго *папскаго*, или иного какого внѣшняго вмѣ-

шательства въ его дѣла». Нерасположеніе, питаемое парламентомъ къ духовенству, выразилось такъ-же въ томъ покровительствѣ, которое онъ оказалъ еретикамъ (*лоллардамъ*) въ царствованіе Ричарда II. Въ 1406 г. было внесено предложеніе, требовавшее, чтобы всѣ лица, заподозрѣнныя въ ереси, были изъяты отъ подсудности епископскимъ судамъ. Лишь при Генрихѣ IV церкви удалось добиться отъ королевской власти болѣе строгихъ распоряженій относительно еретиковъ, при чемъ парламентъ продолжалъ возставать противъ мѣръ этого рода. При Генрихѣ V еретики были объявлены преступниками, подлежащими такъ же отвѣтственности и передъ лицомъ гражданскаго закона. Свѣтская власть, такимъ образомъ, не только оказывала поддержку духовному суду, но и присвоивала своимъ собственнымъ судамъ карательную власть въ дѣлахъ этого рода; свѣтскіе суды должны были дѣйствовать бокъ о бокъ съ духовными, соперничая съ послѣдними въ преслѣдованіи еретиковъ. Короли изъ дома Ланкастеръ слишкомъ нуждались въ поддержкѣ духовенства, чтобы не идти въ этомъ пунктѣ на всевозможныя уступки.

Конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ столкновеній было то, что права свѣтской власти были *ограждены закономъ отъ захватовъ церкви* во всемъ, что касалось области внѣшнихъ правовыхъ отношеній и налоговъ. Такъ какъ церковная организація представляла замкнутое цѣлое, обособленное отъ свѣтскаго государства, то послѣднему, для огражденія себя, ничего болѣе не оставалось, какъ примѣнять карательную власть свѣтскаго закона противъ цѣлаго ряда различныхъ захватовъ со стороны духовенства, которые мало по малу принимаютъ характеръ выдержанной системы. Государство, управляемое теперь въ думѣ парламентской законности, не возвращается къ старой системѣ административнаго давленія посредствомъ amerciaments (см. стр. 174); оно стремится инымъ путемъ заставитъ церковную власть оставаться въ отведенныхъ ей придѣлахъ и съ этою цѣлью прибѣгаетъ къ рѣшеніямъ обыкновенныхъ судовъ, которыя парламентъ облекаетъ въ форму уголовныхъ законовъ; послѣдніе, согласно съ духомъ среднихъ вѣковъ, отличаются крайнею суровостью, но въ примѣненіи законовъ на практикѣ эта суровость значительно смягчалась.

1) Подъ общимъ названіемъ preamunire цѣлый рядъ *посягательствъ* церковной власти на область, подлежащую вѣденію свѣтскаго государета, возбраняется подъ угрозою строгихъ наказаній. Первый законъ, изданный въ 27-мъ государствованія Эд. III былъ направленъ противъ обычая духовенства обращаться въ Римъ по дѣламъ подсуднымъ королевскимъ судамъ. Слѣдующіе за тѣмъ writs of preamunire facias, угрожающіе опалой и строгими личными и де-

нежными взысканіями, кладутъ начало цѣлому ряду законодательныхъ мѣръ, которыя снова примѣняютъ угрозу praemunire къ слѣдующаго рода случаямъ: полученіе церковной должности въ ущербъ интересамъ короля или кого либо изъ его подданныхъ, вывозъ денегъ за предѣлы государства, доставка изъ чужихъ краевъ приговоровъ объ отлученіи отъ церкви, освобожденіе лицъ духовнаго званія отъ уплаты десятиннаго налога, допущеніе вмѣшательства папы въ церковные выборы. При этомъ, однако, не запрещалось обращаться къ папскому престолу въ такихъ случаяхъ, которые не были предусмотрѣны гражданскимъ занодательствомъ. Вообще въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, между короною и папскою куріей состоялось нѣчто въ родѣ компромиса. Король рѣдко налагалъ свое veto на рѣшеніе куріи, но, съ другой стороны, и духовенство рѣдко аппеллировало въ Римъ.

2) Законъ of provisors, изданный въ 25-мъ году царствованья Эдуарда III, угрожаетъ всякому, кто приметъ отъ папы назначеніе въ тотъ или другой церковный приходъ, тюремнымъ заключеніемъ и лишеніемъ всѣхъ доходовъ, получаемыхъ съ прихода. Но на практикѣ и тутъ между короною и куріей установился компромисъ, за который только капитулы поплатились независимостью своихъ выборовъ. Обыкновенно, какъ скоро открывалась вакансія на должность приходскаго священника, король присылалъ капитулу свое разрѣшеніе приступить къ выборамъ и, одновременно съ этимъ, списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ король готовъ съ своей стороны утвердить, въ случаѣ выборъ упадетъ на кого нибудь изъ нихъ. Въ тоже время къ папѣ обращались съ посланіемъ, въ которомъ просили, чтобы и онъ утвердилъ съ своей стороны тѣхъ же самымъ лицъ. Такимъ образомъ на практикѣ единственнымъ результатомъ вышеупомянутаго закона было то, что въ дѣлѣ назначенія приходскихъ священниковъ папа и король подѣлились властью между собою [5]).

---

[5]) Свободные каноническіе выборы, право которыхъ было даровано духовенству королемъ Іоанномъ, встрѣчали препятствіе въ плохой организаціи англійскихъ соборныхъ капитуловъ, и право это такимъ образомъ мало-по-малу утратило всякое серьезное значеніе среди длиннаго ряда препирательствъ, порожденныхъ выборами. Только въ одинъ промежутокъ времени между 1215 и 1264 гг., не менѣе 30 спорныхъ дѣлъ о выборахъ прелатовъ было перенесено для рѣшенія въ Римъ. Лишь послѣ того какъ Григорій IX въ дѣлахъ этого рода, поступавшихъ на его разсмотрѣніе, сталъ отвергать обоихъ кандидатовъ, объявляя самое право избранія утраченнымъ и назначая на спорную должность третье лицо по собственному выбору, капитулы сдѣлались осмотрительнѣе и не такъ часто стали аппелировать въ Римъ. Но вліяніе какъ короля, такъ и папы до такой степени давало себя чувствовать, что въ теченіи цѣлаго столѣтія слишкомъ избирательное право духовенства фактически было почти упразднено. Начиная съ XIV столѣтія, папское вмѣшательство въ замѣщеніе духовныхъ должностей принимаетъ даже форму непосредственнаго назначенія лицъ собственною властью (Provision). Уже Григорій IX однажды навязалъ епископамъ Линкольнскому и Салисберійскому такую

3) Къ вышеизчисленнымъ законамъ присоединились еще *дополнительныя постановленія* болѣе спеціальнаго характера. Такъ въ 1349 г. по одному частному поводу было издано съ согласія бароновъ и общинъ королевское повелѣніе, которымъ запрещалось, подъ страхомъ ареста, *ввозить въ предѣлы страны, принимать и приводить въ исполненіе папскія буллы и другіе акты*, исходящіе отъ папскаго престола. Это королевское повелѣніе не было занесено въ списокъ законовъ и осталось неисполненнымъ, но впослѣдствіи оно въ нѣсколько измѣненной редакціи было включено въ законъ Preamunire, изданный въ 25-мъ году царствованія Эдуарда.— Сюда-же слѣдуетъ отнести и рядъ другихъ мѣръ, нѣкоторыя изъ которыхъ ведутъ свое начало еще со временъ Эдуарда I. Вотъ перечень этихъ мѣръ: запрещеніе продавать или инымъ способомъ передавать въ другія руки неотчуждаемыя имѣнья (main morte); запрещенье это было издано въ 7-мъ году царствованія Эдуарда и впослѣдствіи подтверждалось неоднократно парламентскими постановленіями; articuli cleri, изд. въ 9-мъ году царствованія Эдуарда I. и содержащія въ себѣ до 16 пунктовъ жалобъ духовенства по разнымъ свѣтскимъ дѣламъ, а также отвѣты, данные на эти жалобы королемъ и его совѣтомъ; законъ, изданный въ 14-мъ году царствованія Эдуарда III объ управленіи церковными имуществами въ то время, когда должность, связанная съ пользованьемъ этими имуществами, остается вакантной; законъ de aspartatis religiosorum (изд. въ 35 г. Эд. III), направленный противъ перевода податей и вообще денежныхъ суммъ изъ англійскихъ монастырей на имя иноземныхъ духовныхъ властей. Послѣдній законъ является наиболѣе энергичнымъ выраженіемъ протеста противъ захватовъ церкви

Provision, въ которую было включено до 300 духовныхъ лицъ иностраннаго происхожденія. Позднѣе, Иннокентій IV отказался отъ этихъ притязаній, послѣ того, какъ рыцари начали просто-на-просто прогонять присланныхъ иноземныхъ духовныхъ. Но въ XIV столѣтіи папскія назначенія и резервація снова начинаютъ играть важную роль, при чемъ, однако-же, между папою и королевскою властью обыкновенно заключался компромисъ, такъ что свободные выборы капитуловъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказывались дѣйствительными. Свобода выборовъ была возвращена капитуламъ лишь Генрихомъ V, что не помѣшало однакоже папѣ Мартину V назначить въ теченіи двухъ лѣтъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 13 епископовъ собственною властью. При Генрихѣ VI снова между папою и королемъ устанавливается полюбовное соглашеніе, въ силу котораго въ большинствѣ случаевъ и король приводитъ на духовныя должности назначенныхъ имъ лицъ, и папа безпрепятственно пристраиваетъ на вакантныя мѣста своихъ кандидатовъ. При Генрихѣ VII всѣ лица, назначенныя королемъ, были безъ исключенія утверждены папою въ должностяхъ. — Для пониманія дѣйствительнаго значенія всѣхъ этихъ событій необходимо помнить, что въ подкладкѣ спора лежитъ вопросъ о томъ, „будутъ-ли король и нація принимать въ палату лордовъ то *значительное большинство членовъ*, какое составляли въ этомъ собраніи епископы,—предписанію папы, при чемъ, значитъ, рѣшеніе національныхъ вопросовъ перешло-бы въ руки иноземцевъ?“ Stubbs III, 316.

и знаменуетъ собою начало движенія, которое въ 16-мъ столѣтіи привело къ реформаціи [6]).

Внутренняя причина постоянно возраставшаго разлада заключалась въ перемѣнѣ, которая произошла въ роли самой церкви. То, что когда то было источникомъ ея могущества, теперь становится причиною ея упадка. Дѣло въ томъ, что какъ сила, такъ и слабость церкви коренились въ условіяхъ умственной и нравственной жизни народа. Въ ту пору, о которой здѣсь идетъ рѣчь, борьба между національностями, вошедшими въ составъ англійскаго государства, была позабыта, гнетъ, тяготѣвшій надъ слабѣйшими классами смягчился; крѣпостное право начинало исчезать, заботливость государства о правильномъ отправленіи правосудія усилилась; благодаря всѣмъ этимъ перемѣнамъ, извѣстная часть важнѣйшихъ задачъ церкви упразднились сами собою, такъ какъ эти задачи отошли въ

---

[6]) *Парламентскіе законы противъ захватовъ церкви*, изданные за этотъ періодъ, касаются въ большинствѣ случаевъ имущественныхъ и податныхъ вопросовъ, нѣкоторые изъ нихъ, однакоже, затрагиваютъ и вопросъ о подсудности тѣхъ или другихъ дѣлъ церковнымъ судамъ и о примѣненіи духовенствомъ принудительныхъ мѣръ противъ мірянъ. Постановленія эти важны въ принципіальномъ отношеніи, такъ какъ изъ нихъ явствуетъ, что „король въ своемъ парламентѣ“ предоставляетъ себѣ право верховнаго рѣшенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ споръ о предѣлахъ между церковной и свѣтской властью. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе знаменательными представляются законы de praemunire. Наглядный обзоръ всѣхъ узаконеній, касающихся духовенства, можно найти у Роуланда, Manual of the Engl. Constitution. 1859, стр. 137—156. Стеббсъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „Всѣ тѣ случаи, въ которыхъ духовенство переходило предѣлы, установленные для регулированья его отношеній къ мірянамъ, относятся не столько къ области законодательства, сколько къ сферѣ судебной дѣятельности. Въ дѣлахъ, касающихся законодательства common law располагалъ достаточными гарантіями противъ захватовъ. Поэтому-то петиціи, содержащія въ себѣ жалобы на превышеніе власти со стороны духовныхъ судовъ, встрѣчаются безпрестанно; столкновенія-же изъ-за законодательныхъ вопросовъ чрезвычайно рѣдки. Если сословныя симпатіи епископовъ были на сторонѣ низшаго духовенства, за то свѣтскія ихъ помѣстья создавали для нихъ много точекъ соприкосновенія съ мірянами на почвѣ общихъ интересовъ. Отъ великихъ теоретическихъ споровъ между церковью и государствомъ Англія была избавлена въ теченіе наибольшей части среднихъ вѣковъ (Stubbs. III, 326). Въ самомъ парламентѣ прелаты, правда, не забывали своихъ церковныхъ интересовъ, но въ общихъ вопросахъ, касавшихся страны, парламентская дѣятельность ихъ въ большинствѣ случаевъ отличалась патріотизмомъ и умѣренностью. При разрѣшеніи вопросовъ о компетентности, для короны оказалось весьма выгоднымъ то обстоятельство, что техника процессуальныхъ рескриптовъ (writs) успѣла выработаться въ весьма ранній періодъ во всемъ, что касалось правъ короны. Уже Гланвилла приводитъ извѣстныя формы запрещенія (Prohibitions), которыми духовнымъ судамъ возбранялось принимать къ разсмотрѣнію жалобы, касающіяся свѣтскаго лена. Въ особенности энергично вооружается одинъ изъ этихъ writs of prohibition противъ отлученій отъ церкви королевскихъ вассаловъ или кого-бы то ни было изъ слугъ короля, безъ согласія этого послѣдняго. По отношенію къ прелатамъ оставалось также въ полной силѣ право секвестрованія ленныхъ помѣстій, право, дававшее королевской власти такое удобное оружіе въ руки. Такъ въ 1381 г. Эдуардъ I строго запретилъ архіепископамъ и епископамъ затрогивать въ совѣщаніяхъ духовенства вопросы,

область свѣтскаго законодательства и управленія. Въ подобномъ же положеніи очутилась церковь и въ томъ, что касалось ея дѣятельности, какъ центра школьнаго образованія. Вплоть до XIII столѣтія, она была единственной представительницей мирныхъ искусствъ и науки, но съ этого столѣтія она начинаетъ замѣтно отставать отъ умственнаго движенія своего времени. Особенное значеніе имѣло то обстоятельство, что въ XIII вѣкѣ юридическая наука мірянъ освободилась отъ вліянія церкви и первая открыла противъ нея ту борьбу, которая вскорѣ должна была перейти въ борьбу за общія освободительныя стремленія вѣка. Университеты въ скоромъ времени переполнились мірянами. Сравнительно спокойное и правильное теченіе государственной жизни въ Англіи дѣлало людей, одаренныхъ отъ природы умственной пытливостью и починомъ, особенно воспріимчивыми къ мирнымъ искусствамъ. Церковная школа въ теченіи извѣстнаго періода перевоспитывала всѣ націи по одному шаблону; но за тѣмъ эти націи, усвоивъ себѣ образованіе, въ томъ видѣ, въ какомъ его предлагала имъ церковь и поднявшись, благодаря послѣдней, на извѣстную умственную высоту, начинаютъ мало по малу возвращаться каждая на свой собственный путь. Этимъ то законнымъ національнымъ и умственнымъ стремленіямъ церковь ничего другаго не могла противуположить, кромѣ политической власти и насилія надъ мыслію. Чѣмъ болѣе канонически избранные духовные сановники упрочивали за собою свои баронскія помѣстья, тѣмъ болѣе они начинали дорожить своимъ положеніемъ, какъ земледѣльческой аристократіи; съ другой стороны совершался обратный процесъ и множество представителей аристократическихъ родовъ поступало въ ряды духовнаго сословія. Въ описанную нами эпоху и въ Англіи, такъ же, какъ и на континентѣ, *происхожденіе* открывало доступъ къ высшимъ должностямъ, а заслуги, образованіе и способности отодвигались на второй планъ. Доходы все болѣе и болѣе сосредаточивались въ рукахъ прелатовъ, деся-

---

касающіеся короны и особы, или совѣта короля, а также дѣлать какія бы то ни было постановленія, клонящіяся къ ущербу его власти или достоинства; запрещеніе это заканчивается угрозою: „если только они желаютъ сохранить за собою свои баронскія помѣстья“. Въ числѣ другихъ средствъ борьбы, къ которымъ прибѣгала королевская власть съ цѣлью сломить сопротивленіе духовенства въ вопросѣ о налогахъ, нельзя не упомянуть объ изумительномъ военномъ приказѣ, (Roth. claus. 43. Ed. III. M. 13, a 1369) которымъ епископамъ предписывалось *вооружить* всѣхъ аббатовъ, пріоровъ, монаховъ и другихъ людей духовнаго званія, въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ, *объявить ихъ временно отрѣшенными отъ исполненія ихъ духовныхъ обязанностей и сформировать изъ нихъ полки;* повелѣніе это мотивировалось парламентскимъ постановленіемъ о вооруженіи всей страны по случаю войны съ Франціей. Курьезный документъ этотъ напечатанъ у Гросса, Military Antiquities, vol. I, 44—46. Три другіе подобные-же writs, относящіеся къ 46 и 47-му годамъ царствованія Эдуарда III и къ 1-му году царствованія Ричарда II можно найти у Реймера.

тинные сборы массами присвоивались монастырямъ, въ ущербъ той части духовенства, которая несла на себѣ обязанности преподаванія и заботу о религіозномъ наставленіи паствы. Церковь, организованная такимъ образомъ, не имѣла, конечно, ни возможности, ни желанія соперничать со свѣтской наукой, двинувшейся быстрыми шагами впередъ; напротивъ, въ томъ, что касается юриспруденціи, она сама охотно уступила свѣтскимъ юристамъ часть той области, которая когда то считалась ея достояніемъ, а противъ высшихъ и болѣе общихъ умственныхъ стремленій она оборонялась лишь обычнымъ своимъ оружіемъ,—принужденіемъ и запретами, направленными противъ всякаго самостоятельнаго изслѣдованія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого были сомнѣнія, возникавшія въ умахъ относительно правъ церкви въ области духовныхъ, а затѣмъ и гражданскихъ отношеній; усиленію этого скептицизма еще болѣе способствовали страшная испорченность нравовъ, какъ въ римской куріи, такъ и среди высшаго духовенства на материкѣ Европы. Но такъ какъ ереси направляютъ свое нападеніе прямо на догматы и организацію самой церкви, то послѣдняя, видя себя вынужденной бороться за свое существованіе, пускаетъ въ ходъ всю ту долю политической власти, которая сосредоточивается въ ея рукахъ и наказываетъ еретиковъ какъ людей, виновныхъ въ государственной измѣнѣ духовнаго свойства и въ политическомъ преступленіи. Въ Англіи, правда, примѣненіе такихъ мѣръ было обставлено бо̀льшими затрудненіями, чѣмъ на континентѣ, такъ какъ для исполненія уголовнаго приговора требовался королевскій writ. Лишь съ великимъ трудомъ удалось духовенству добиться отъ Ричарда II такого writ, которымъ разрѣшалось шерифамъ арестовывать еретическихъ священниковъ; для ареста же еретиковъ свѣтскаго званія упомянутый writ предписывалъ испрашивать каждый разъ особое королевское позволеніе. Но даже эта уступка, обставленная подобными оговорками, вызвала со стороны Нижней Палаты протестъ, въ которомъ заявлялось, что общины «не расположены принимать на себя и на своихъ наслѣдниковъ большія обязательства передъ прелатами, чѣмъ какія лежали искони на ихъ отцахъ и дѣдахъ». Лишь въ царствованіе Генриха IV церкви удалось добиться для своей уголовной юстиціи полнаго простора дѣйствій, не стѣсняемаго обязательствомъ дожидаться королевскаго writ de heretico comburendo. Тутъ начинается періодъ, въ теченіи котораго еретиковъ жгутъ на кострахъ, а съ должностныхъ лицъ отбирается присяга въ томъ, что они всячески будутъ способствовать искорененію «этихъ заговорщиковъ противъ короля и государственныхъ сословій». Но религіозныя смуты долгое время укрываются отъ вниманія, благодаря еще большимъ смутамъ борьбы,

происходящей между двумя партіями аристократіи, въ войнахъ Алой и Бѣлой Розы. Въ глубокой деморализаціи, составляющей отличительную черту того времени, значительная доля отвѣтственности падаетъ и на церковь, которая, поставивъ мірское могущество и земныя блага выше всего, уклонилось отъ своего призванія и отвратила отъ себя сердца народа.

Опредѣлить, вполнѣ точно и достовѣрно, какъ глубоко проникало въ разсматриваемый періодъ движеніе, враждебное римскому престолу, дѣло, конечно, не легкое. Всего болѣе способствовало усиленью этого движенія національное чувство, которое оскорблялось притязаніями папскаго престола, совпадавшими какъ разъ съ семидесятилѣтнимъ «вавилонскимъ плѣненіемъ» самого папы въ Авиньонѣ, при чемъ папскій престолъ въ добавокъ еще становился орудіемъ враждебной политики французскихъ королей (еще въ 1374 г., при смерти Григорія IX три четверти кардиналовъ были французы). Нѣкоторые изъ наиболѣе дальновидныхъ и добросовѣстныхъ людей того времени понимали, какъ глубоко проникла порча въ нѣдра римской церкви, но въ томъ отзвукѣ, который вторилъ имъ среди большинства общества, сказывалось скорѣе оскорбленное національное чувство, нежели убѣжденіе въ ложности догматовъ римской церкви. По крайней мѣрѣ изъ позднѣйшихъ событій реформаціи не видно, чтобы умы массы были охвачены дѣйствительно серьезнымъ движеніемъ [7]).

---

[7]) Нельзя отрицать, что въ теченіи послѣдняго столѣтія разсматриваемаго періода въ палатѣ Общинъ возникла малочисленная, но энергичная партія, которая дѣйствовала неутомимо, внося предложенія, благопріятныя новому еретическому направленію и направленныя противъ учрежденій римско-католической церкви; но усилія этой партіи не имѣли особеннаго успѣха. Къ тому же всѣ эти нападки, безъ исключенія, были направлены противъ положенія, занимаемаго прелатами, и стремились къ тому, чтобы добиться секвестра, или, даже, секуляризаціи свѣтскихъ ихъ доходовъ; нерѣдко онѣ задѣвали такъ же и монашескіе ордена, но никогда не касались приходскаго духовенства, со стороны его призванія, какъ пастыря душъ. Что духовенство, какъ сословіе и какъ факторъ, имѣющій извѣстное, спеціальное назначеніе въ духовной жизни народа, не было предметомъ нападокъ и чувствовало себя съ этой стороны еще безопаснымъ отъ посягательствъ мірянъ, явствуетъ между прочимъ, и изъ того характеристичнаго факта, что духовенство того времени было раздѣлено въ своей собственной средѣ на такое же множество враждебныхъ между собой партій, какъ и дворянство и общины. Свѣтское духовенство ненавидѣло регулярное духовенство, деканы капитуловъ терпѣть не могли монаховъ, доминиканцы и францисканцы считали другъ друга еретиками, между монахами цистерціенскаго ордена и клунійскими монастырями издавна существовало непримиримое соперничество; ко всему этому еще присоединялись многочисленныя распри изъ за выборовъ папы, при которыхъ голоса раздвоялись такъ, что самое избраніе становилось спорнымъ. (StuBbs III. 369). Всего болѣе однако повредило нравственному авторитету духовенства сжиганіе еретиковъ и поведеніе его членовъ во время войнъ Алой и Бѣлой розы.

§ 25.

Колеблющіяся отношенія короля къ парламенту.

Въ тотъ періодъ, до котораго мы дошли, государственное верховенство такъ тѣсно связано съ самоуправленіемъ графствъ и такъ искусно слито съ парламентомъ, что казалось бы, что мудрость законодателя осуществила высшій идеалъ государственнаго устройства, тотъ идеалъ, при которомъ всѣ слои общества гармонично соединяются для служенія государству и всѣ силы націи достигаютъ полнаго своего развитія; казалось-бы, что осуществлена задача правоваго, культурнаго и экономическаго прогресса. Но и народамъ, такъ же, какъ и единичнымъ личностямъ не дано достигать такихъ высокихъ цѣлей безъ тяжкихъ испытаній и безъ борьбы. Подобно тому, какъ въ предшествующій періодъ королевская власть подвергается постояннымъ колебаніямъ, то усиливаясь, то снова ослабляясь, такъ и разсматриваемая нами эпоха представляетъ, въ теченіи шести людскихъ поколѣній, безпримѣрное зрѣлище *постоянныхъ скачковъ, то вверхъ, то внизъ*; такіе скачки становятся, по видимому, особенностью, присущею англійской исторіи съ тѣхъ поръ, какъ королевская власть стала во главѣ могущественнаго представительнаго собранія, въ которомъ сталкивающіеся интересы различныхъ общественныхъ группъ обособлялись въ воинствующія партіи. Прекрасныя и грандіозныя начинанія этой эпохи представляютъ, трагическій контрастъ съ тѣмъ кровавымъ заревомъ, которымъ догораетъ ея закатъ. Эти то перипетіи, которыя для современниковъ были вопросами жизни и смерти, представляются для насъ, по конечнымъ своимъ результатамъ, простыми «precedents», которые были нужны для установленія конституціоннаго права; и точно, изо всѣхъ ожесточенныхъ битвъ того времени для послѣдующей эпохи остается одно осязаемое пріобрѣтеніе: прочно установленная организація сословнаго представительства (§ 25[a]) и упроченное положеніе королевской власти (§ 26.)

Эдуардъ I (1272—1307).

Царствованье Эдуарда I представляетъ прямой контрастъ съ предшествующимъ царствованьемъ Генриха III. При Эдуардѣ I. самымъ блистательнымъ образомъ возстановляется принципъ монархіи и вѣра въ ея призваніе. Эпоха эта является кульминаціоннымъ пунктомъ англійскихъ среднихъ вѣковъ; въ эту эпоху закладывается фундаментъ, на которомъ созидается стройный порядокъ въ

законодательствѣ и въ податномъ дѣлѣ, въ полицейской организаціи и въ отправленіяхъ правосудія; устанавливается связь между центральнымъ управленіемъ съ одной стороны, и самостоятельнымъ персоналомъ графствъ и городскими союзами съ другой стороны; разграничивается кругъ дѣятельности государственнаго совѣта отъ дѣятельности собранія магнатовъ, завершается процессъ кристаллизаціи, благодаря которому въ составъ парламента, этого «высшаго совѣта короны» включается такъ-же правильно организованное представительство общинъ, наконецъ, самыя права парламента развиваются въ *трехъ* направленіяхъ, составляющихъ основу дѣятельности этого собранія.

Законодательная инициатива въ теченіе этого періода еще принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ королю. Но ясный умъ этого реформатора, который нашелъ себѣ въ епископѣ Бёрнетѣ совѣтника рѣдкихъ достоинствъ, побудилъ его добровольно обращаться за совѣтомъ и одобреніемъ къ прелатамъ и баронамъ, и въ важныхъ случаяхъ—такъ-же и къ общинамъ. Эти созывы сословій происходятъ по собственному усмотрѣнію короля; иногда созывается только собраніе магнатовъ, въ другихъ случаяхъ приглашаются такъ-же и рыцари графствъ, иногда же вмѣстѣ съ представителями графствъ призываются и представители городовъ.

Назначеніе налоговъ парламентомъ, въ томъ, что касалось королевскихъ вассаловъ, было такою формою правовыхъ отношеній, которая существовала еще ранѣе. Но принципіальное уклоненіе духовенства отъ уплаты налоговъ и сопротивленіе, оказываемое въ этомъ отношеніи магнатами, побудили Эдуарда I сдѣлать дальнѣйшую уступку и распространить то же право и на общины. Эдуардъ I понялъ, что при соединенной оппозиціи духовенства и свѣтскихъ плательщиковъ нѣтъ уже болѣе возможности сохранить упомянутое право въ его прежнемъ, одностороннемъ видѣ. Благородная заботливость о величіи страны какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, перевѣсили у Эдуарда I династическія опасенія и разрѣшеніе налоговъ общинами королевства for the common profit of the Reolm» было признано «ut quod omnes tangit ab omnibus approbetur».

Контролированіе государственнаго управленія парламентомъ, какъ при Эдуардѣ, такъ и въ позднѣйшія нормальныя царствованія проявлялось въ формѣ петицій, предложеній и жалобъ. Какъ по намѣренью, такъ и по дѣйствительнымъ своимъ результатамъ, полномочія свои король примѣнялъ въ военныхъ дѣлахъ—къ охраненію чести и интересовъ государства, въ судебныхъ и полицейскихъ дѣлахъ — къ огражденію правосудія и мира въ странѣ, въ финансовомъ управленіи — for the common benefit uf the realm, и, наконецъ, въ церковныхъ вопросахъ—къ охраненію національной

независимости; по этому то сословія и не помышляли при немъ о непосредственномъ вмѣшательствѣ въ отправленія правительственнаго механизма.

Первая половина царствованія Эдуарда I была ознаменована важными законодательными актами и удачной войною съ Уэльсомъ; вторая же половина ознаменовалась признаніемъ права сословій разрѣшить налоги и войною съ Франціей и Шотландіей. Финансовыя затрудненія являются чертою, общею обѣимъ половинамъ царствованья Эдуарда. Тѣмъ не менѣе весь этотъ періодъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, представляетъ характеръ гармоничности. Монархъ, пользующійся популярностью среди своего народа, находитъ энергичную и добровольную поддержку каждый разъ, какъ онъ къ нему за нею обращается. Это монархическое правленіе, основанное на законахъ, опирающееся на свободное содѣйствіе сословій и, въ тоже время, стоящее на высокой степени военнаго и финансоваго могущества, составляетъ рѣзкій контрастъ съ безсильнымъ и вялымъ правленіемъ Генриха III. Царствованіе Эдуарда I оставило въ народѣ сознаніе, что бразды правленія всего лучше оставить сосредоточенными въ *одной* рукѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда это рука монарха, стоящаго на высотѣ истинно государственнаго пониманія, и что правильный ходъ государственныхъ дѣлъ не нарушается, если въ королѣ живо сознаніе королевскаго его высокаго призванія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта эпоха сохранила и въ населеніи тотъ мужественный духъ, который былъ необходимъ для того, чтобы въ будущемъ граждане могли помогать себѣ сами въ такія времена, когда личность короля не будетъ обладать упомянутыми качествами. Нелегкою, конечно, было задачею при такомъ монархѣ заявить твердый и, опредѣленный протестъ, подобный тому, который былъ поднятъ противъ короля Великимъ Констаблемъ и Великимъ Маршаломъ во главѣ всѣхъ коронныхъ вассаловъ съ цѣлью добиться общаго для всѣхъ сословій права утверждать налоги. Такимъ образомъ, здѣсь до извѣстной степени повторилось то, что уже однажды произошло при изданіи хартіи вольностей, и не далѣе какъ въ слѣдующемъ поколѣніи событія показали, до какой степени необходимъ былъ этотъ энергическій и мужественный отпоръ [1]).

---

[1]) О парламентахъ при Эдуардѣ I см. Parry, Parliaments стр. 49—69. Peers Report I стр. 171—254, Stubbs II. § 179—182. Важнѣйшіе законодательные акты этого царствованія перечислены въ настоящемъ сочиненіи, въ примѣчаніи ** къ параграфу 23. Въ редакціи законовъ за этотъ періодъ еще сохраняется прежнее представленіе о королѣ, какъ объ источникѣ всякой законодательной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, законъ Acton Burnell, изданный въ 19-мъ году царствованія Эдуарда I, начинается словами: „Самъ король и его совѣтъ повелѣли и постановили...“ 3-й Уэстминстерскій законъ гласитъ: „Король, нашъ повелитель, въ своемъ парламентѣ, по просьбѣ (instanze) великихъ

Эдуардъ II (1307—1327).

Тотчасъ же послѣ смерти Эдуарда I безразсудное отступленіе и малодушный отказъ отъ Шотландіи показали, что нѣтъ уже болѣе сильной и искусной руки, которая могла бы руководить иностранной политикой государства. Назначеніе иностранца временщики на высшія государственныя должности и награды, расточаемыя этому временщику изъ средствъ государственной и личной королевской казны, доказала неспособность Эдуарда II такъ же и въ дѣлахъ внутренняго управленія страною. Оскорбленные магнаты, опираясь на парламентъ, возстали и съ оружіемъ въ рукахъ заставили короля принять, подъ названіемъ Ordainers, особый совѣтъ, состоявшій изъ двухъ епископовъ, одного графа, одного барона и одного лица, являвшагося представителемъ графа Ланкастерскаго. Но, не взирая на то, что могущественнѣйшій изъ графовъ королевства сталъ такимъ образомъ во главѣ возстанія, въ результатѣ послѣдняго все таки оказался новый расколъ, рядъ взаимныхъ преслѣдованій и, по прошествіи не многихъ лѣтъ паденіе прежде побѣдоносной партіи и ея совѣта. Между тѣмъ, если мы сравнимъ этотъ эпизодъ, въ которомъ справедливыя требованія и несправедливыя притязанія довольно равномѣрно распредѣлялись между обѣими борющимися сторонами, если мы сравнимъ его съ эпохою Генриха III, въ которой усилія лучшихъ и наиболѣе дальновидныхъ государственныхъ мужей, какъ напримѣръ Пемброка и Монфора, разбивались о несовершенства конституціи въ ея тогдашнемъ зачаточномъ состояніи, то даже въ смутахъ позднѣйшей эпохи нельзя не замѣтить прогрессъ, который сдѣлало государство на пути къ достиженію истинно конституціоннаго образа правленія. Въ критическихъ обстоятельствахъ вожаки правящихъ классовъ становятся на брешь на собственный свой страхъ и рискъ; но за ошибки свои предводители партій платятся жизнью и имуществомъ, и этотъ порядокъ вещей продолжается и въ позднѣйшія столѣтія, сохраняя за аристократіей, вмѣстѣ съ почетнымъ и вліятельнымъ положеніемъ, такъ-же и всю отвѣтственность правящаго сословія. При помощи общинъ королю удалось и

мужей королевства, повелѣлъ...“ Въ St. Quo Warranto мы читаемъ: „Король нашъ повелитель въ парламентѣ, по особой милости и благосклонности къ своимъ прелатамъ, графамъ и баронамъ соизволилъ...“ Законъ о пошлинахъ на потребленіе и на предметы роскоши, изданный въ 21-мъ году царствованія Эдуарда I, тоже начинается словами: „Нашъ повелитель король въ своемъ парламентѣ приказалъ...“ За то, съ другой стороны, Эдуардъ I отстаивая противъ папы законъ о неотчуждаемыхъ имуществахъ, ссылается прямо на то, что законъ этотъ изданъ съ одобренія магнатовъ и безъ ихъ согласія отмѣненъ быть не можетъ.

на этотъ разъ свергнуть опеку магнатовъ. Всѣ постановленія, изданные совѣтомъ Ordainers съ цѣлью ограничить прерогативы королевской власти были отмѣнены и было торжественно привозглашено, что въ дѣлахъ, касающихся короны и государства *только самъ король* можетъ постановлять свои рѣшенія, съ согласія духовныхъ и свѣтскихъ представителей сословій. Вскорѣ, однако же, слабый и безпомощный король былъ вынужденъ открытымъ возстаніемъ своей преступной супруги отказаться отъ престола, послѣ чего онъ былъ умерщвленъ въ заточеніи. На этотъ разъ не королевская власть, а личность короля пала жертвою коалиціи, которая провозгласила о совершенномъ ею насиліи въ слѣдующихъ дерзкихъ выраженіяхъ: «король лишился короны вслѣдствіе неисправимыхъ своихъ наклонностей», между тѣмъ какъ архіепископъ Кентерберійскій, возвѣщая народу о томъ же событіи, присовокуплялъ, что «гласъ народа гласъ Божій» [2]).

Эдуардъ III (1327—1377).

Когда, по низверженіи Эдуарда II, на престолъ вступилъ его 14-тилѣтній наслѣдникъ, въ началѣ именемъ послѣдняго управляла въ качествѣ совѣта регенства преступная, но эргичная партія, которая вскорѣ, однако же, пала жертвою кроваваго возмездія. Съ Эдуардомъ III, начинается первое дѣйствительно парламентское правленіе. Король этотъ за время своего пятидесятилѣтняго царствованья созывалъ парламентъ до 70 разъ, на короткія сессіи, на которыхъ различныя государственныя дѣла и разрѣшались королемъ сообща съ представителями сословій. Уже въ первые годы этого царствованія обѣ палаты начинаютъ принимать чрезвычайно живое участіе въ дѣлахъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго государственнаго управленія, во главѣ котораго стоитъ совѣтъ регенства, избранный парламентомъ. За тѣмъ король, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, продолжаетъ

---

[2]) О парламентахъ при Эдуардѣ II стр. Perry: 70—91: II §§ §§ 245—255, а такъ-же болѣе подробное изложеніе въ Peers Report. Что касается совѣта Ordainers, учрежденнаго въ 5-мъ году царствованья Эдуарда II, (см. Statutes of the Realm. I p. 157—167) то исторія этого эпизода заслуживаетъ обстоятельнаго изученія; только ознакомившись съ ея подробностями, мы вполнѣ поймемъ какіе практическіе успѣхи были сдѣланы дворянствомъ, какъ правящимъ сословіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ обезумѣвшимъ Оксфордскимъ парламентомъ была сдѣлано первая попытка отдать управленіе государствомъ въ руки комитета составленнаго изъ дворянъ. Впрочемъ уже и въ то время конституціонная организація страны на столько подвинулась, что подобное правительство партіи не могло продержатся долго.

править, опираясь на парламентъ и править, вообще говоря, энергично, мудро и со славою, среди обстоятельствъ, нерѣдко слагавшихся въ теченіи этого долгаго царствованія крайне затруднительно. За пятьдесятъ лѣтъ правленія Эдуарда III всѣ элементы государственной власти по очереди выступаютъ временно на первый планъ, но за тѣмъ вынуждены бываютъ отступить передъ напоромъ другихъ элементовъ, дружно противодѣйствующихъ имъ въ конституціонной борьбѣ. Съ одной стороны еще встрѣчаются попытки личныхъ правительственныхъ мѣропріятій, въ видѣ произвольно взыскаемыхъ налоговъ, принудительныхъ займахъ, насильственныхъ наборовъ солдатъ, реквизицій судовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, расширенія лѣсной регаліи и произвольно налагаемыхъ пеней; замѣчается такъже стремленіе присвоить должности лордъ-канцлера права административной юстиціи. Но все это вызываетъ безконечный рядъ протестовъ, въ формѣ жалобъ со стороны представителей населенія, а за этими протестами слѣдуютъ со стороны короля новыя подтвержденія хартіи вольностей и права парламента вотировать налоги, а такъ-же ограниченье законовъ о государственной измѣнѣ и цѣлый рядъ законодательныхъ ограниченій, направленныхъ противъ примѣненія верховныхъ правъ короны. Сословія предъявляютъ весьма широкія притязанія на контроль въ вопросахъ, касающихся права короля назначать тѣхъ или другихъ лицъ на государственныя должности; но притязанія эти встрѣчаютъ весьма категорическій отпоръ, который и полагаетъ имъ конецъ. Въ 25-мъ году царствованія Эдуарда III былъ заявленъ протестъ противъ судебной власти королевскаго совѣта въ уголовныхъ дѣлахъ; но за тѣмъ, во время распри, возникавшей съ духовенствомъ, право это снова формально признается за совѣтомъ. Вообще въ эту эпоху выработывается такое отношеніе между различными элементами государственной власти, при которыхъ всѣ они представляются *взаимно-уравновѣшивающими* другъ друга, и какъ палата лордовъ, такъ и палата общинъ получаютъ возможность развить, каждая съ своей стороны, всю присущую имъ силу.

Законодательная дѣятельность идетъ обычнымъ своимъ ходомъ при участіи палаты общинъ; законодательный починъ мало по малу распредѣляется между этой послѣдней и королевской властью.

Вотированье налоговъ парламентомъ принимаетъ все болѣе и болѣе прочную форму; корона, хотя и позволяетъ себѣ отъ времени до времени незначительныя нарушенія этого права, однако обыкновенно беретъ впослѣдствіи такого рода мѣры назадъ. Къ концу царствованія упомянутое право снова подверждается.

Контролированіе государственнаго управленія парламентомъ идетъ ровнымъ, спокойнымъ ходомъ, но по временамъ оно, все-

таки, заходитъ за установленные для него предѣлы. Царствованье Эдуарда II до такой степени способствовала развитію въ сословіяхъ чувства собственнаго достоинства, что преемнику этого короля, даже по достиженіи имъ совершеннолѣтія, приходилось не разъ идти на уступки. Въ 15-мъ году царствованія Эдуарда III послѣ неудачнаго предпріятія во внѣшней политикѣ, парламентъ открывается бурными протестами противъ обложенія духовенства налогами, а также противъ того, что назначенія въ королевскій совѣтъ и на высшія государственныя должности происходятъ безъ согласія парламента. Заявляется требованье, чтобы пэръ королевства не могъ быть приговариваемъ къ лишенію правъ и имущества иначе, какъ по суду лицъ, равныхъ ему по общественному положенію. Другое требованье состояло въ томъ, чтобы всѣ высшія должностныя лица государства на время сложили съ себя свои должности и дали лордамъ отчетъ въ своемъ управленіи. Всѣ эти требованія были удовлетворены подъ тѣмъ условіемъ, чтобы парламентъ разрѣшилъ правительству субсидію въ 20000 мѣшковъ шерсти. Но, по окончаніи сессіи, король издалъ прокламацію къ шерифамъ, въ которой заявлялъ, что постановленіе это было исторгнуто у него въ ущербъ его прерогативъ и вопреки законамъ страны, при обстоятельствахъ, не оставлявшихъ ему другаго выбора какъ «притворное согласіе,» а потому онъ съ одобренія совѣта и отмѣняетъ теперь свое прежнее рѣшеніе. Два года спустя и самъ парламентъ объявилъ всѣ уступки, сдѣланныя королемъ недѣйствительными. При новой попыткѣ принять непосредственное участіе въ дѣлахъ правленія, сдѣланной сословіями въ 30-мъ году царствованія Эдуарда III, парламенту пришлось въ слѣдующимъ же за тѣмъ году, взять свои притязанія назадъ. Но при всемъ томъ послѣдніе годы царствованія этого короля, впавшаго въ старческое разслабленіе, были омрачены столкновеніями королевской власти съ парламентомъ. Въ 50-мъ году царствованія Эдуарда III внесено было предложеніе, гласившее: такъ какъ наличный персоналъ должностныхъ лицъ неспособенъ управляться съ своими обязанностями, то королевскій совѣтъ долженъ быть усиленъ десятью или двѣнадцатью постоянными членами, избранными изъ среды епископовъ, лордовъ и другихъ лицъ, при чемъ всѣ важныя дѣла должны рѣшаться всѣми членами совѣта вообще. Одновременно съ этимъ Нижняя Палата впервые выступаетъ въ роли обвинительницы. Впрочемъ въ слѣдующемъ же году парламентъ взялъ это постановленіе назадъ.

Результатомъ столѣтія трехъ Эдуардовъ было: точное разграниченіе обязанностей и власти между церковью и государствомъ, между правительствомъ и собраніемъ государственныхъ чиновъ, между парламентомъ и канвокаціей, между законодательными и судебными учрежденіями, а такъ-же,—и это было самое главное,—установле-

ніе правъ парламента во всѣхъ тѣхъ трехъ отрасляхъ, на которыя распадается его дѣятельность. Не взирая на различныя столкновенія, которыя при этомъ происходятъ, благосостояніе страны возрастаетъ, такъ-же, какъ и внѣшнее ея могущество; въ войнахъ съ Франціею Англія успѣваетъ занять первое мѣсто въ ряду европейскихъ феодальныхъ государствъ [3]).

Ричардъ II (1377—1399).

За царствованіемъ Эдуарда III, этой блистательной эпохой въ исторіи англійской монархіи, снова настаетъ пора, когда на престолѣ возсѣдаетъ *неспособная личность*. Именемъ *десятилѣтняго* короля совѣтъ прелатовъ и бароновъ взялъ бразды правленія въ свои руки. Между тѣмъ раздоры, возникшіе между придворными партіями, поощряли Палату Общинъ попытаться и съ своей стороны принять участіе въ дѣлахъ правленія и вліяніе этой палаты вскорѣ сдѣлалось весьма замѣтно. Въ совѣтъ регентства были назначены 3 епископа, 2 графа, 2 баннерета и 2 рыцаря. Было постановлено, что за все время несовершеннолѣтія короля, канцлеръ, лордъ-казначей, Chamberlain, судьи и всѣ другія высшія должностныя лица будутъ назначаться въ парламентѣ. Въ дѣйствительности, правленіе осталось въ рукахъ Великаго Совѣта. Въ виду постоянно повторявшихся жалобъ на черезмѣрныя военныя издержки, впервые было заявлено требованіе, чтобы парламенту былъ представленъ отчетъ въ государственныхъ расходахъ; впослѣдствіи требованіе это повторялось нѣсколько разъ въ теченіи того же царствованія. Уже въ 3-мъ году по вступленіи на престолъ Ричарда II, было внесено предложеніе, клонившееся къ тому, чтобы упразднить совѣтъ регентства и назначить на его мѣсто, по выбору парламента, пять лицъ изъ числа высшихъ сановниковъ государства. Но предложеніе это было отклонено. Требованія Палаты Общинъ, хва-

---

[3]) О парламентахъ при Эдуардѣ III см. Parry, стр. 92—137, и Stubbs. II § 266—364. Обширный матеріалъ, касающійся тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ создавалось парламентское право, тщательно разработанъ въ Peers Report и у Hullam'a, Middle Ages. Событія, ознаменовавшія 15-й годъ правленія Эдуарда III и описанныя выше, объясняются затруднительнымъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ этотъ король, въ значительной степени по собственной винѣ, войнами на континентѣ. Очевидно, что еслибы не 20,000 мѣшковъ шерсти, на которые нужно было получить разрѣшеніе парламента, король не сдѣлалъ бы тѣхъ уступокъ, которыя вслѣдъ за тѣмъ поспѣшилъ взять назадъ съ нарушеніемъ всѣхъ принятыхъ, легальныхъ формъ.

тавшія иногда очень далеко, объясняются слабостью правительства, обезсиленнаго раздорами, которые происходили въ собственной его средѣ, а такъ-же честолюбіемъ графа Ланкастерскаго и другихъ придворныхъ, поощрявшимъ подобныя притязанія.

Личное правленіе короля, подававшаго въ началѣ большія надежды, начинается довольно опрометчиво раздачею чрезвычайныхъ наградъ королевскимъ любимцамъ (графу Оксфордскому и Михаилу де Ла Полю). Уже въ 10 году царствованія Ричарда II палаты принимаютъ угрожающій тонъ.

Король, уступая ихъ требованіямъ, отрѣшаетъ отъ должности своего канцлера, облагаетъ его денежнымъ штрафомъ и соглашается на назначеніе коммиссіи, которая должна произвести общую ревизію всего управленія. Королевскій камергеръ предается суду. Король съ своей стороны даетъ обѣщаніе, что впредь не будетъ издавать никакихъ writs за своей ручной или частной печатью, которые клонились бы къ ущербу государства или шли въ разрѣзъ съ существующими законами. Надъ королевскими судьями произносится даже смертный приговоръ.

За этими событіями слѣдуетъ періодъ, во время котораго безпечный и сластолюбивый король правитъ государствомъ лишь номинально, изъ-за фактической-же власти идетъ борьба между герцогами Глостерскимъ, Ланкастерскимъ и Іоркскимъ. Но въ королѣ на короткое время пробуждается энергія; ему удается застигнуть своихъ противниковъ въ расплохъ; Палата Общинъ оказываетъ ему свою поддержку,—и такимъ образомъ настаетъ моментъ, когда власть, повидимому снова сосредоточивается въ рукахъ Ричарда II. Парламентъ, оцѣпленный войсками, отмѣняетъ всѣ постановленія, изданныя въ предшествующіе годы и направленныя противъ королевской прерогативы; этотъ же парламентъ разрѣшаетъ королю значительную пожизненную субсидію и оказываетъ ему свое содѣйствіе въ его кровавыхъ преслѣдованіяхъ и репрессаліяхъ; парламентъ въ угоду королю соглашается, даже, на назначеніе особой парламентской коммиссіи, долженствующей управлять государствомъ по закрытіи сессіи. Коммиссія эта, облеченная рѣшающей властью и чрезмѣрными полномочіями, какъ и слѣдовало ожидать, тотчасъ же начинаетъ злоупотреблять и тѣмъ и другимъ, такъ что въ послѣдствіи новому парламенту приходится признать недѣйствительными всѣ мѣры, распоряженія и приговоры, изданные коммиссіей. Такъ какъ Ричардъ пользовался возвращенною ему властью лишь для того, чтобъ мстить изподтишка своимъ врагамъ и давать просторъ своему произволу, при чемъ цѣлымъ рядомъ, изданныхъ имъ мѣръ заставлялъ опасаться возврата къ режиму абсолютизма,—то отъ короля, слѣдовавшаго внушеніямъ плохихъ совѣтчиковъ, разомъ отступи-

лись и парламентъ, и духовенство и народъ. При этихъ условіяхъ Ричардъ II былъ побѣжденъ герцогомъ Ланкастерскимъ, который, высадившись на берегъ въ Ревенспурѣ съ отрядомъ въ 60 человѣкъ, въ нѣсколько недѣль увидѣлъ себя во главѣ всѣхъ недовольныхъ магнатовъ и арміи въ 60,000 человѣкъ.

Результатами всего этого явилось: для лордовъ — пріобрѣтеніе весьма значительнаго вліянія въ дѣлѣ назначенія тѣхъ, или другихъ лицъ на государственныя должности, а для общинъ—цѣлый рядъ случаевъ, фактически устанавливавшихъ право Нижней Палаты контролировать государственные расходы. При этомъ, какъ та, такъ и другая палата неоднократно въ теченіи разсматриваемаго періода предавали суду высшихъ сановниковъ государственной службы. Въ развитіи административнаго права за это время замѣчается двоякаго рода теченіе. Съ одной стороны, сословія стремятся ограничить безконтрольную власть «короля и его совѣта»; съ другой стороны происходитъ расширеніе полномочій должностныхъ лицъ въ низшихъ сферахъ управленія, преимущественно въ томъ, что касается власти мировыхъ судей надъ рабочими классами. Во время большаго возстанія крестьянъ, вспыхнувшаго при Ричардѣ II, королевскій совѣтъ принимаетъ дикаторскія мѣры для подавленія возстанія и мѣры эти не встрѣчаютъ противорѣчія со стороны парламента. Въ это же царствованіе возникаетъ такъ называемая Equity Jurisdiction лорда канцлера, которая вызвана дѣйствительно насущною потребностью страны. Но фактомъ, наиболѣе чреватымъ послѣдствіями, было то событіе, которымъ заканчивается разсматриваемые годы, а именно: прямое возмущеніе и формальное *низложеніе* короля постановленіемъ, исходящимъ отъ обѣихъ палатъ парламента [4]).

---

[4]) О парламентахъ въ царствованіе Ричарда II см. Parry 138—159, а такъ же Stubbs § 265—270. При восшествіи этого короля на престолъ недостатокъ закона о регентствѣ даетъ себя чувствовать. Вслѣдствіе такого пробѣла въ законодательствѣ, государственный совѣтъ фактически выступаетъ въ роли совѣта регентства. Столкновенія и раздоры проистекающіе отъ такого положенія дѣлъ, совпадаютъ съ серьезнымъ возстаніемъ рабочаго класса. Такъ какъ правящей королевской власти въ этотъ моментъ не существовало, то имущія сословія берутъ дѣло въ свои руки и орудуютъ имъ въ своихъ сословныхъ интересахъ: возстаніе, вызванное ихъ же несправедливыми мѣрами, подавляется съ крайнею жестокостію. Съ какой исключительной точки зрѣнія парламенты смотрятъ на это дѣло, явствуетъ изъ того, что они умѣютъ только жаловаться на строптивость „вилленовъ“ и на ихъ непокорство въ отбываніи возлагаемыхъ на нихъ повинностей. Впрочемъ, какъ въ дѣлѣ обложенія народа податями, такъ и въ возрѣніяхъ на частное право и на вопросы полицейскаго благоустройства, англійское selfgovernment вскорѣ возвращается на путь того благоразумія и тѣхъ добрыхъ привычекъ, которыя вообще были свойственны англійскимъ имущимъ классамъ.

Генрихъ IV (1396—1413).

Этотъ первый король изъ дома Ланкастеръ въ самомъ началѣ своего правленія встрѣчается лицомъ къ лицу съ непреодолимыми трудностями, вытекающими изъ его положенія, какъ похитителя престола. Его окружаютъ заговоры, возстанія, опасности извнѣ. Такъ какъ магнаты, вѣчно готовые къ междоусобіямъ, смотрятъ на ланкастерскую династію, какъ на свое созданіе, то могущественные приверженцы новаго короля, вскорѣ вступаютъ съ нимъ въ борьбу, въ которой проявляютъ ничуть не меньше ожесточенія, чѣмъ старыя противники Ланкастерскаго дома. Уже изъ протоколовъ совѣта мы можемъ составить себѣ понятіе о тѣхъ тяжкихъ заботахъ, которыя прежде времени подточили жизнь энергичнаго и мужественнаго монарха. Король, поставленный въ такое положеніе и окруженный претендентами, которые имѣли не меньше, а иные, даже, больше права на престолъ, чѣмъ онъ самъ, долженъ былъ почитать себя счастливымъ, если только ему удается сохранить status quo. По этому, при Генрихѣ IV нѣтъ болѣе и помину о назначеніи податей безъ согласія парламента, какъ бы велики ни были финансовыя затрудненія правительства въ данную минуту. Въ 6-мъ году царствованія Генриха IV субсидіи были разрѣшены парламентомъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы суммы, поступающія въ государственное казначейство, принимались казначеемъ, принесшимъ присягу въ парламентѣ и чтобы въ слѣдующую же сессію объ употребленіи ихъ былъ представленъ парламенту отчетъ. То же условіе было поставлено и въ слѣдующемъ году; но на этотъ разъ король отклонилъ требованіе парламента, настаивавшаго на томъ, чтобы отвѣтъ на петиціи былъ данъ до разрѣшенія субсидій. Въ 8-мъ году царствованія Генриха IV парламентъ сформулировалъ свои требованія въ 31-й статьяхъ, касавшихся весьма серьезныхъ уступокъ, и всѣ эти статьи были приняты королемъ. Парламентъ, между прочимъ, потребовалъ, чтобы король назначилъ 16 членовъ совѣта, руководился-бы исключительно ихъ указаніями и не отрѣшалъ-бы ихъ отъ должности иначе, какъ въ томъ случаѣ, если они будутъ уличены въ какомъ нибудь преступленіи. Ни одинъ чиновникъ финансоваго, или судебнаго вѣдомства не долженъ былъ назначаться пожизненно; никакія петиціи не должны были подаваться королю помимо его совѣта. Парламентъ указывалъ такъ же на многія злоупотребленія королевскаго совѣта и судебнаго вѣдомства и требовалъ, чтобы этимъ злоупотребленіямъ былъ положенъ конецъ. Далѣе, требовалось, чтобы тѣ изъ представителей придворной камарильи, которые позволяли себѣ возстановлять короля противъ его подданныхъ, были

удалены и обложены штрафами. (Уже до этого король былъ вынужденъ удалить четырехъ человѣкъ изъ своихъ приближенныхъ и дать при этомъ обѣщаніе, что «такъ-же будетъ поступлено со всякимъ, кто возбудитъ противъ себя неудовольствіе вѣрныхъ подданныхъ его величества»). Для охраненія законовъ государства было выговорено, чтобы государственный канцлеръ и *хранитель частной печати* не пропускали никакого warrant, никакого разрѣшенія посредствомъ королевскаго патента, никакого приговора, или другаго какого правительственнаго акта, и не скрѣпляли сказанныхъ актовъ печатью, ввѣренною ихъ храненію, если таковые *противны закону и установленнымъ правамъ*; одновременно съ этимъ признавалось, что хранители частной печати могутъ быть предаваемы суду непосредственно парламентомъ. Однако, въ слѣдующую же сессію парламента король обратился къ палатѣ общинъ съ посланіемъ, въ которомъ говорилось, что въ предшествующемъ парламентѣ прошелъ законъ, нарушающій королевскую прерогативу и свободу дѣйствій, а потому король испрашиваетъ согласія парламента на отмѣну сказаннаго закона. Палата общинъ дала на это свое согласіе, за что и удостоилась благодарности короля. — Еще большее вниманіе оказывалъ Генрихъ IV притязаніямъ *церкви*. Одною изъ причинъ паденія Ричарда было его снисходительное отношеніе къ ересямъ. А потому, по настоянію духовенства, Генрихъ IV издаетъ законъ, направленный противъ Лоллардовъ; законъ этотъ былъ изданъ лишь съ одобренія великаго совѣта и встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ палатѣ Общинъ.

Перемѣна, происшедшая въ положеніи королевской власти, имѣло особенно важное значеніе для упроченыя *положенія пэровъ*. Король, престолъ котораго не имѣлъ другой точки опоры, кромѣ согласія парламента, не могъ уже болѣе относиться въ палатѣ лордовъ какъ къ такому собранію, которое созывалось по доброй волѣ короля и въ силу его полномочій. А потому за тѣми пэрами, которые призывались въ парламентъ по установившемуся обычаю, было фактически признано наслѣдственное право на такое призваніе. Палата Общинъ не протестовала, а за это лорды съ своей стороны признали за общинами право разрѣшать субсидіи и участвовать въ обсужденіи законовъ, при чемъ однако же въ пользу верхней Палаты было выговорено право суда. Что можно было сказать противъ подобныхъ взаимныхъ уступокъ? И вотъ почему то обѣ палаты признали, что Генрихъ именно такой король, какой нуженъ Англіи. Значеніе палаты лордовъ, какъ верховнаго судилища было теперь формально подтверждено, при чемъ чисто чиновничій элементъ королевскаго совѣта отступилъ на второй планъ и занялъ положеніе членовъ, имѣвшихъ лишь совѣщательный голосъ. Порядокъ дѣлопроизводства

въ обѣихъ палатахъ установился на основаніяхъ, весьма близко подходящихъ къ теперешнимъ. Но общіе результаты царствованія Генриха IV были, главнымъ образомъ, благопріятны для лордовъ, преобладаніе которыхъ, какъ военной силы даетъ себя чувствовать въ эту эпоху, благодаря большимъ войнамъ, которыя велись тогда съ Франціей *).

Генрихъ V (1413—1422).

Въ блестящее царствованіе Генриха V пользовавшагося такою любовью народа, правительство въ своихъ дѣйствіяхъ тоже оставалось вѣрно началамъ парламентаризма. Продолжительная война на французской территоріи заставляетъ правительство этого короля сосредоточивать свое вниманіе преимущественно на внѣшней политикѣ; вслѣдствіе того, въ законодательной дѣятельности и въ развитіи парламентскаго контроля настаетъ кратковременной перерывъ. Но далеко не блестящее финансовое положеніе правительства вынуждало его часто обращаться къ парламенту за разрѣшеніемъ субсидій. Въ 10-мъ году этого царствованія Общины были также созваны для обсужденія вопроса о союзѣ съ императоромъ Сигизмундомъ и о договорѣ, заключеномъ въ Труа, такъ какъ Великій совѣтъ, которому были предложены эти вопросы на разсмотрѣніе, объявилъ себя не компетентнымъ ихъ разрѣшить. За время царствованія, Генриха V, династія, находясь въ добромъ согласіи съ церковью, и

---

*) О парламентахъ въ царствованіе Генриха IV, см. Parry 159—170, и Stubbs III. 1—72. Въ самомъ началѣ этого царствованія сказалось съ какими затрудненіями сопряжена перемѣна династіи, производимая посредствомъ совѣщательныхъ собраній, созываемыхъ періодически. Парламентъ Ричарда II, какъ consilium regis этого короля, съ отрѣшеніемъ Ричарда отъ престола, долженъ былъ считаться упраздненнымъ; слѣдовательно парламентъ Ричарда легально не могъ сдѣлаться парламентомъ Генриха. По этому то хотя отдѣльные члены прежняго парламента и были созваны, но этому собранію придавалось значеніе простою „convention“ и нѣсколько дней спустя были изданы новые writs, которыми тѣ же лица приглашались отъ имени Генриха уже какъ члены парламента. Но подобными фикціями легче было успокоить юристовъ, чѣмъ импонировать Percys'амъ и воинственнымъ представителямъ знатныхъ дворянскихъ родовъ, которые, въ союзѣ съ шотландцами и валійцами, теперь такъ же дѣятельно стремились къ низверженію новой династіи, какъ они до этого усердствовали въ пользу ея возведенія на престолъ. Въ наступившей затѣмъ борьбѣ Генрихъ, движимый чувствомъ самоохраненія, не разъ нарушалъ въ отдѣльныхъ случаяхъ тѣ или другія конституціонныя формы; такъ напримѣръ, графъ Нотингэмскій и архіепископъ Іоркскій, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, были казнены безъ соблюденія установленныхъ формъ судопроизводства. Но въ томъ, что касается *интересовъ страны* и отношеній *къ обѣимъ палатамъ*, правительство такъ строго придерживалась началъ парламентаризма, что, при всей склонности обѣихъ палатъ вторгаться въ область королевскаго правосудія, ни разу за все это царствованіе не представилось повода къ обвиненію министровъ.

пользуясь живѣйшими симпатіями народа, упрочила свое положеніе главнымъ образомъ благодаря блистательнымъ успѣхамъ войны съ Франціей *).

Генрихъ VI (1422—1461).

Подъ прикрытіемъ этого имени водворяется на долго *регентство*, управляющее государствомъ вмѣсто короля — девятимѣсячняго ребенкѣ. Впрочемъ, природа такъ скудно одарила этого ребенка, что онъ всю жизнь свою оставался неспособнымъ дѣйствовать самостоятельно. Вопреки послѣдней волѣ Генриха V, герцогъ Бедфордъ былъ поставленъ во главѣ правленія не въ качествѣ регента, а въ качествѣ «Protector» и «Guardian»; намѣстникомъ его былъ назначенъ герцогъ Глостерскій. Не взирая на плохой оборотъ, который принимали обстоятельства во Франціи, Бедфордъ до самой смерти своей (въ 1434 г.) велъ дѣло твердою и опытною рукою. Внутреннимъ управленіемъ страны завѣдывалъ чрезвычайный King's Council, члены котораго назначались лордами и въ дѣйствіяхъ своихъ успѣли соблюдать извѣстную правильность и опредѣленную систему. Между тѣмъ положеніе государства успѣло сдѣлаться довольно затруднительнымъ; нужда въ деньгахъ сильно давала себя чувствовать государственному казначейству; но образъ дѣйствій дворянства, взявшаго кормило правленія въ свои руки, долгое время остается вполнѣ достойнымъ похвалъ. Изъ многочисленныхъ регламентовъ совѣта, относящихся къ этой эпохѣ (см. выше, § 21.) видно, что государственныя дѣла шли совершенно правильно, при чемъ главныя отрасли управленія возлагались, каждая, на одного отвѣтственнаго чиновника. Однако неудобства чисто аристократическаго правленія, лишеннаго противовѣса королевской власти, мало по малу начали сказываться; прежде всего они проявились въ ожесточенной распрѣ герцога Глостерскаго съ кардиналомъ Бофоромъ и его вліятельными привержен-

---

*) О парламентахъ при Генрихѣ V см. Parry 170—175, у котораго матеріалъ, относящійся до этого предмета, не особенно, впрочемъ, богатъ,—а такъ же Stubbs III. 72—91. При Генрихѣ V правительство неоднократно примѣняло личную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда принципы феодализма допускали такого рода дѣйствія; можно такъ же указать и на нѣсколько единичныхъ актовъ, въ которыхъ проявлялся произволъ короля. (см. Nicolas II. p. XXIX. XXX). Такъ, за заговоръ, направленный противъ жизни короля, многіе лорды были казнены безъ суда перовъ, по приговору судилища, составленнаго изъ коронныхъ судей и присяжныхъ. Закономъ, изданнымъ во 2-мъ году царствованія Генриха V, формально признается право королевскаго совѣта и государственнаго канцлера, по уполномоченью совѣта, творить судъ и расправу собственною властью, безъ соблюденія обычныхъ формъ правосудія тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ убійствѣ или о преступленіяхъ, сопряженныхъ съ пролитіемъ крови.

цами. Эта партія, враждебная существующему правительству, нашли въ Маргаритѣ Анжуйской не только излюбленную свою королеву, но и предводительницу, соединявшую мужскую энергію съ чисто женскою скрытностью и хитростью. Убійство герцога Глостерскаго (1447) хотя и доставило этой придворной партіи возможность управлять страною подъ именемъ короля, но въ тоже время навлекла на нее ожесточенную ненависть герцога Іоркскаго и его приверженцевъ. Заслуженная непопулярность правительства въ свою очередь влечетъ за собою преданіе герцога Суффолькскаго суду (1450) и умерщвленіе его.

Въ разгарѣ партійныхъ страстей, который охватываетъ обѣ враждующія стороны, у представителей Іоркскаго дома впервые зарождается мысль о присвоеніи себѣ престола, на которыя эта отрасль королевской фамиліи, дѣйствительно, имѣло болѣе правъ по смерти Ричарда II, нежели младшая, Ланкастерская линія. Послѣ смерти герцога Глостерскаго (1447) всѣ дѣла въ государствѣ пошли дурно: земли, завоеванныя Генрихомъ V, были потеряны для Англіи; конституція, правда, оставалась незыблемой, но за то администрація во всѣхъ отрасляхъ оказывалась негодной, корона совсѣмъ обнищала, государственное казначейство было пусто, общественная безопасность то и дѣло нарушалась, законы примѣнялись плохо; жизнь и свобода гражданъ не были обезпечены, цѣлыя округа находились въ постоянномъ страхѣ передъ разбойниками, или же страдали отъ непрерывныхъ смутъ; мѣстное управленіе либо было парализовано прерѣканіями мѣстныхъ же партій, либо сосредочивалось въ рукахъ одного какого-нибудь магната, или придворной клики. (См. Stubbs. III, 270). Уже въ 1454 г. психическое разстройство короля повлекло за собою первый протекторатъ герцога Іорскаго; послѣ того, какъ въ положеніи короля произошло кажущееся улучшеніе, протекторатъ этотъ бызъ отмѣненъ. Большая часть дворянства еще сохраняла по стародавному обычаю, вассальную вѣрность Ланкастерскому дому. Но была и другая партія, враждебная этому дворянскому большинству. Во главѣ ея стоялъ герцогъ Іорскій, самый крупный землевладѣлецъ всего королевства, а вокругъ него группировались: члены знатнаго рода Невилей, находившагося съ нимъ въ родственныхъ связяхъ, городъ Лондонъ и по видимому, такъ-же, симпатія большинства городскаго населенія. Между тѣмъ, финансовыя и другія затрудненія правительскаго, все наростали и наростали. Убійство герцога Глостерскаго, по наущенію Маргариты, окончательно опредѣлило взаимное положеніе двухъ династическихъ партій; такъ какъ королевская фамилія своими многочисленными развѣтвленіями тѣсно переплеталась, посредствомъ браковъ, съ знатными дворянскими родами, то обѣ эти

партіи представляли два, приблизительно равносильные, лагеря. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ конституція и привычка внѣшняго уваженія къ особѣ короля кое-какъ сдерживали заносчивость партій. Но какъ скоро безнадежное состояніе короля, впавшаго окончательно въ слабоуміе, сняло эту узду,— тотчасъ же вспыхнула ожесточенная война, въ которой каждая изъ сторонъ боролась не *противъ* королевской власти, а *изъ за* королевской власти для себя; въ этой борьбѣ вскорѣ становится невозможнымъ отличить дѣйствія, внушенныя чувствомъ самосохраненія, отъ актовъ насилія и мести [7]).

---

[7]) О парламентахъ при Генрихѣ VI, см. Parry, стр. 175—189, и Stubbs III. 94—181. Въ теченіи первыхъ десятилѣтій его царствованья, если принять въ соображеніе постоянно возраставшую затруднительность обстоятельствъ этого времени, дворянство стояло въ уровень съ требованьями своего положенія, какъ правящаго класса. Лишь во *второй половинѣ царствованья Генриха VI* государственный порядокъ начинаетъ мало по малу расшатываться. Уже въ 23 году по вступленіи Генриха VI на престолъ, Суффолькъ, предугадывая позднѣйшія событія, отказывается вести съ Франціей переговоры о бракѣ короля. Вслѣдъ за этимъ издается нѣчто въ родѣ билля о вознагражденіи, который получаетъ утвержденіе какъ обѣихъ палатъ, такъ и короля, что однакоже не мѣшаетъ впослѣдствіи привлечь за него министровъ къ отвѣтственности. Открытая, ожесточенная борьба, долженствовавшая вскорѣ вспыхнуть, была подготовлена тѣмъ упадкомъ въ организаціи арміи, который являлся естественнымъ послѣдствіемъ войнъ на французской территоріи. Тысячи королевскихъ наемныхъ солдатъ, возвращавшихся въ Англію, были слишкомъ расположены вступить въ союзъ съ вооруженной силой дворянства, организовавшейся съ самаго начала французскихъ войнъ въ новой формѣ,—а именно въ формѣ такъ называемыхъ liveries, благодаря которымъ и Англію не миновали междоусобія, столь свойственныя вообще духу среднихъ вѣковъ. Подъ названіемъ livery первоначально понимали снабженіе пищею и одеждою слугъ и должностныхъ лицъ, состоявшихъ на службѣ какого нибудь крупнаго землевладѣльца, прелата, монастыря, или учебнаго учрежденія. Впослѣдствіи одежда эта превратилась въ мундиръ и обозначала принадлежность даннаго лица къ домашнему штату того или другаго магната. Значительное число слугъ и челядинцевъ считалось признакомъ высокаго общественнаго положенія; поэтому livery выдавалась всѣмъ, желающимъ въ нее облечься, такъ какъ магнатамъ желательно было показать, что они имѣютъ большое число слугъ и кліентовъ. Livery становились такимъ образомъ знакомъ соединявшимъ всѣхъ носившихъ ее въ одну группу. Иногда лорды, изъ взаимной любезности, облекались въ фамильные цвѣта другъ друга. Но больше всего эти liveries служили внѣшнимъ знàкомъ, отличавшимъ различныя придворныя партіи и эмблемою, подъ которой происходили битвы обѣихъ династическихъ фракцій. (См. Stubbs. III, 531—534). Другимъ благопріятствующимъ обстоятельствомъ были многочисленныя укрѣпленія, возведенныя въ резиденціяхъ магнатовъ и въ принадлежавшихъ имъ мѣстечкахъ. Хотя для постройки такого укрѣпленія и требовалось разрѣшеніе короля, но со времени войны бароновъ, разрѣшенія эти выдавались очень легко; особенно много ихъ было выдано въ царствованье Эдуарда III. Между правильно организованною жизнью англійскаго графства и приключеніями лагерной жизни, съ которою нѣсколько лѣтъ войны съ Франціей освоили участниковъ этихъ походовъ, существовалъ рѣзкій контрастъ; но именно этотъ то контрастъ и возбудилъ въ наиболѣе воинственной части крупнаго дворянства и рыцарства ту заносчивость, то высокомѣріе и то презрѣніе къ мирнымъ, трудящимся классамъ населенія, которыя составляютъ отличительную черту среднихъ вѣковъ; эпоха, о которой мы говоримъ, было порою

Битвою при Сентъ-Альбансѣ (1445) открывается *тридцатилѣтняя борьба Алой и Бѣлой Розы.* Послѣ кратковременнаго, кажущагося затишья, король попадается въ плѣнъ къ своему противнику, который проявляетъ, сравнительно говоря, большую умѣренность и довольствуется тѣмъ, что парламентъ провозглашаетъ его протекторомъ, долженствующимъ унаслѣдовать престолъ по смерти Генриха VI. Но королева подготовляетъ въ тиши государственный переворотъ, жертвою котораго и падаетъ герцогъ Іоркскій, застигнутый этимъ переворотомъ въ расплохъ. Восторжествовавшая партія принимается казнить своихъ противниковъ по военнымъ законамъ и совершаетъ цѣлый рядъ насилій и кровопролитій, которыя уже въ слѣдующемъ году влекутъ за собою паденіе ненавистнаго правительства. Власть королевскаго совѣта, а такъ-же и самая конституція въ тѣхъ ея частяхъ, которыя еще не успѣли установиться окончательно, сильно поколебались во время этой дикой борьбы, въ которой собственно говоря не было и рѣчи о столкновеніи какихъ либо политическихъ принциповъ. Лишь по столько, по сколько домъ Ланкастерскій былъ обязанъ престоломъ своему союзу съ духовенствомъ и съ парламентомъ, можно было сказать, что на этой сторонѣ стоятъ традиціи церкви и крупнаго дворянства, а на противуположной сторонѣ—скорѣе традиціи общинъ. Впрочемъ, ни одинъ церковный и юридическій авторитетъ не могъ сказать народу, ко-

---

наивящаго расцвѣта геральдическихъ отличій и генеалогической гордости въ Англіи. И такъ, съ одной стороны имѣлись цѣлые отряды челядинцевъ, группировавшихся вокругъ представителей знатныхъ родовъ; съ другой стороны, изъ Франціи въ Англію направлялся цѣлый потокъ ветерановъ, услуги которыхъ каждая сторона могла купить за деньги; къ этимъ двумъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, шедшимъ, такъ сказать, на встрѣчу другъ къ другу, присоединялися еще навыкъ дѣйствовать массами, пріобрѣтенный въ войнахъ съ Франціей, а такъ-же умѣнье обращаться съ артиллеріей, которая уже входила въ употребленіе и начинали затмѣвать собою славу старинныхъ стрѣлковъ изъ лука. Борьба между сторонами, располагавшими всѣми этими разнокалиберными воинственными элементами, по необходимости должна была отличаться характеромъ такой неожиданости и успѣхъ въ ней до такой степени зависѣлъ отъ случайности, что бытвы наступившаго вслѣдъ за тѣмъ періода были просто кровавыми свалками, въ которыхъ дѣло рѣшалось въ нѣсколько часовъ. Въ связи съ этими событіями находится цѣлый рядъ законодательныхъ постановленій, о которыхъ будетъ подробнѣе говорено ниже; законы эти касались такъ называемыхъ liveries and maintenance и завершаются постановленіемъ, изданнымъ въ 31-мъ году царствованья Генриха VI; въ силу этого постановленія королевскому совѣту присваивается чрезвычайная карательная власть по отношенію къ наиболѣе крупнымъ riots, extortions, oppressions and grievous offences, и, въ особенности, по отношенію къ насиліямъ совершаемымъ магнатами; неповиновеніе, оказанное королевскому совѣту, приравнивается къ такъ называемому Contempt of the King (пренебреженіе, оказанное особѣ самаго короля) и влечетъ за собою для пера потерю имущества, должностей и мѣста въ парламентѣ. Постановленіе это должно было оставаться въ силѣ только семь лѣтъ, но впослѣдствіи оно послужило прецедентомъ, на который ссылались при учрежденіи Звѣздной Палаты.

торая изъ двухъ сторонъ представляетъ собою законную монархію; въ сущности каждый боролся лишь ради того, чтобы получить свою долю власти и заботился только объ отмщеніи своимъ врагамъ. Разрѣшеніе спора вмѣшательствомъ парламентовъ становилось не мыслимо, такъ какъ каждый парламентъ служилъ той побѣдившей партіи, которою онъ былъ созванъ, и произносилъ осужденіе надъ партіей, побѣжденной въ данную минуту. Съ одной стороны, свѣтскіе элементы государства порождали неурядицу военной организаціи, источникомъ которой служила многочисленная челядь, группировавшаяся вокругъ магнатовъ. Эти отряды челядинцевъ, одѣтые въ мундиры и носившіе названіе liveries образовали кадры, изъ которыхъ во всякое время могло быть импровизировано цѣлое войско; численность этихъ кадровъ безъ труда удесятерялось вербовкою наемныхъ солдатъ, которые массами возвращались изъ Франціи и этато военная сила рѣшала исходъ битвъ, большею частью самымъ непредвидѣннымъ образомъ. Милиціи графствъ не могли служить достаточнымъ противовѣсомъ такой силѣ, пока послѣдняя постоянно пополнялась наплывомъ наемныхъ солдатъ, возвращавшихся массами въ Англію и имѣвшихъ всѣ преимущества боевой опытности. Съ другой стороны и духовенство несло на себѣ долю отвѣтственности за всю эту неурядицу и его вина главнымъ образомъ заключалась въ индифферентизмѣ. Въ первыя времена христіанской церкви религія не дѣлала различія между богатыми и знатными; теперь же, наоборотъ, высшее духовенство готово было безразлично служить всякому правительству, которое поддерживало имущественные интересы церкви. Во время смутъ войны бароновъ, закончившей предъидущій періодъ, въ рядахъ высшаго духовенства встрѣчалось еще нѣсколько выдающихся личностей; теперь этого нѣтъ и перемѣна, которая съ тѣхъ поръ произошла въ умственномъ и нравственномъ строѣ общества, сказывается въ томъ, что эпоха войнъ Алой и Бѣлой Розы въ тоже время является и «эрою великихъ юристовъ». среди всеобщаго одичанія и при господствѣ самаго грубаго насилія, между государственными канцлерами и судьями выдается нѣсколько замѣчательныхъ личностей, которые однако же, какъ и слѣдовало ожидать, оказываются безсильными оградить отправленіе правосудія отъ вопіющихъ злоупотребленій [7а]).

[7а]) Первый протекторатъ герцога Іоркскаго, въ 52-мъ году царствованья Генриха VI былъ установленъ лишь на время, „доколѣ королю не будетъ благоугодно его отмѣнить“ (durante bene placitoregis). Но второй протекторатъ учреждается на опредѣленный срокъ, при чемъ вставляется оговорка, что герцогъ можетъ быть уволенъ отъ обязаностей протекторства лишь постановленіемъ лордовъ, собранныхъ въ парламентъ. Составъ совѣта становится вмѣстѣ съ этимъ болѣе измѣнчивъ. Уже въ предыдущемъ году было уволено 15 членовъ совѣта

Эдуардъ VI (1461—1483).

Побѣда, одержанная Бѣлой Розой надъ Маргаритой Анжуйской, возвела наслѣдника Іоркскаго дома на престолъ. Кровопролитныя междоусобія, въ которыхъ представители высшаго дворянства истребляли другъ друга, равнодушное отношеніе церкви и народной массы къ распрямъ дворянства, все это упрочило за Эдуардомъ, если не считать кратковременнаго перерыва, безпрепятственное господство надъ страною. Царствовать ему довелось въ періодъ глубокой деморализаціи, когда противорѣчивые элементы, уцѣлѣвшіе въ Англіи отъ средневѣковаго строя разрѣшали свой споръ путемъ кровавыхъ насилій. Продолжительная война съ Франціей, не взирая на всѣ побѣды и на славу, которой покрылось англійское оружіе, оказалась предпріятіемъ безнадежнымъ. То положеніе, которое Англія занимала въ Европѣ, ставила ее въ необходимость окончательно размежеваться такъ или иначе съ континентомъ; конечный результатъ этого размежеванья оказался въ пользу Франціи и обстоятельство это имѣло рѣшающее вліяніе на національное обособленіе Англіи и на то положеніе, которое она заняла въ ряду другихъ государствъ Европы. Въ теченіе тѣхъ десятилѣтій, которыя прошли въ войнахъ съ Франціей, успѣло вырости цѣлое поколѣніе, которое не находило себѣ болѣе мѣста въ мирныхъ графствахъ и мѣстечкахъ своего отечества. Дворяне, привыкшіе къ распущенности, грабежу и расточительности лагерной жизни, по возвращеніи въ отечество еще менѣе умѣли приспособиться къ условіямъ мирнаго су-

---

и взамѣнъ ихъ назначено пятеро новыхъ изъ числа приверженцевъ герцога. Притязанія Іоркскаго дома на престолъ высказываются уже теперь категорически. Между тѣмъ домъ Ланкастеръ уже въ теченіи 60 лѣтъ занималъ англійскій престолъ съ согласія націи и ея представителей и пользовался содѣйствіемъ парламентовъ; члены этого дома долгое время съ честью выполняли обязаности верховной власти, цѣлыя два поколѣнія успѣли вступить съ этой династіей въ союзъ, основанный на взаимной вѣрности, на покровительствѣ и защитѣ съ одной стороны, и на долгѣ подданныхъ съ другой стороны. Можно-ли было при такихъ условіяхъ заводить еще рѣчь о правахъ старшей линіи?—Но король былъ признанъ неспособнымъ управлять страною и, прикрываясь его именемъ, Маргарита, движимая жаждою мести, послѣ побѣды, одержанной ею въ 1460 г. ввела цѣлую систему казней, конфискацій, и политическихъ процессовъ, которые дому герцоговъ Іоркскихъ и ихъ приверженцамъ не оставляли ничего иного, какъ обратиться къ силѣ оружія въ интересахъ самоохраненія, а націю ставили въ необходимость стать на сторону той, или другой партіи.

ществованія, чѣмъ тѣ тысячи наемныхъ солдатъ, которыя вернулись вмѣстѣ съ ними. Но и трезвая обыденность общиннаго устройства, въ организаціи мѣстнаго ополченія, суда и полиціи, не было почвой для людей, алчущихъ только битвъ и добычи. Поэтому-то, когда Англія переполнилась подобнаго рода элементами, вернувшимися изъ-за моря, борющіяся партіи аристократіи нашли въ этихъ людяхъ, уже ранѣе привыкшихъ сражаться подъ предводительствомъ тѣхъ же магнатовъ,—совершенно готовые контингенты, изъ которыхъ каждый предводитель, располагавшій денежными средствами и пользовавшійся популярностью, могъ навербовать себѣ войска для междоусобной войны. Благодаря тому обстоятельству, что право на корону представлялось дѣломъ спорнымъ враждующимъ партіямъ нечего было заботиться о пріисканіи себѣ знамени: оно для каждой изъ нихъ было уже готово. Эти ожесточенныя битвы дворянскихъ партій получаютъ совершенно своеобразную окраску благодаря тому обстоятельству, что всѣ главнѣйшіе аристократическіе роды находились въ родствѣ съ различными отраслями королевской фамиліи, а такъ же благодаря тому, что средоточіемъ всей государственной власти являлся King in Council и King in Parliament. Глава Іоркскаго дома былъ дѣйствительно государственный умъ и понялъ, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать при такихъ условіяхъ. Онъ выступилъ представителемъ интересовъ городовъ и страны, нуждавшейся въ спокойствіи и этимъ путемъ одержалъ побѣду въ ущербъ значенію аристократіи. Опираясь на поддержку Палаты Общинъ, Эдуардъ IV объявилъ всѣхъ королей изъ дома Ланкастеръ похитителями престола, а герцоговъ Ланкастерскаго, Соммерсетскаго, Эксетерскаго, Нортумберлэндскаго, Девонширскаго, Вильтширскаго,—всего до 151 дворянъ, рыцарей и духовныхъ лицъ,—государственными измѣнниками; приговоръ надъ этими лицами, для краткости процедуры былъ произнесенъ не судебнымъ порядкомъ, а въ формѣ парламентскаго постановленія (Bill uf attainder). Одна пятая земель, вслѣдствіе конфикаціи и опалы ихъ владѣльцевъ перешла въ руки короля, который возстановилъ личное правленіе съ самою безпощадною строгостью. Но замѣчательно, что, въ противуположность прежнимъ временамъ, въ эту эпоху, не взирая на всѣ смуты раздиравшія страну, элементы новаго государственнаго устройства, по сколько они успѣли уже сложиться, оказались въ достаточной степени устойчивыми. Подъ звонъ оружія, общегосударственные суды, странствующіе судьи и присяжные продолжаютъ дѣлать свое дѣло, юрисдикція государственнаго канцлера идетъ своимъ чередомъ, направляясь противъ такихъ преступленій, какъ fraud, diceipt, violence и посягательство на чужія владѣнія, при чемъ она сообразуется съ probatio

in perpetuam rei memoiram и съ декретами Habeas Corpus. А дворянство тѣмъ временемъ ведетъ свою войну — интригами въ королевскомъ совѣтѣ, и оружіемъ на поляхъ сраженій [8]).

Эдуардъ V. Ричардъ III (1483—1485).

Королевская власть, которой Эдуардъ IV достигъ такими жестокими средствами и которою онъ пользовался такъ безпощадно, по умерщвленіи его сыновей перешла къ похитителю престола, Ричарду III, который напрасно старался загладить совершенное имъ тяжкое нарушеніе всѣхъ божескихъ заповѣдей и человѣческихъ правъ разными уступками народнымъ желаніямъ. Послѣ того, какъ организованная военная сила крупнаго дворянства была сокрушена, центромъ тяжести въ государствѣ становится на короткое время палата общинъ, но дѣятельность ея при этомъ (если не считать одного постановленія, направленнаго противъ benevolences)—проявляется исключительно въ уголовныхъ преслѣдованіяхъ и въ обсужденіи пе-

---

[8]) О парламентахъ при Эдуардѣ IV см. Parry 189—194, Stubbs III, 188—220 и III cap. 18 (Lancaster and York). Скудость историческихъ документовъ, относящихся къ этому времени, такъ велика, что даже протоколы парламентскихъ засѣданій превращаются въ простые списки петицій, внесенныхъ по торговымъ дѣламъ и по дѣламъ частныхъ лицъ. Царствованье Эдуарда IV было первымъ царствованьемъ, въ продолженіе котораго не было издано ни одного закона для огражденія личной свободы и для устраненія золъ, вызывающихъ жалобы населенія,—хотя именно при этомъ правительствѣ начинается злоупотребленіе такъ называемыми benevolences, съ цѣлью обойти необходимость испрашивать согласіе парламента для взысканія налоговъ. Цѣлая система террора, дѣйствовавшая посредствомъ чрезвычайныхъ судовъ и полицейскихъ мѣръ и не останавливавшаяся ни передъ какою крайностью, была введена для того, чтобы постоянно держать въ уздѣ опальныхъ членовъ побѣжденной партіи и зорко слѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями; впрочемъ, наслѣдники вожаковъ, подвергшихся смертной казни или конфискаціи имущества, были по большей части возстановлены въ своихъ имущественныхъ правахъ постановленіями парламента. Государство при Эдуардѣ IV въ сущности находилось на военномъ положеніи, хотя номинально и существовало правительство, признанное парламентомъ. Такимъ образомъ становится понятно примѣненіе военныхъ судовъ въ это царствованье и появленіе знаменитыхъ патентовъ 1462 и 1467 гг., которыми назначался особый генеральный прокуроръ ad cognoscendum et procedendum in omnibus et singulis causis et negotiis de et super crimine leasae maiestatis ceterisque causis, quibuscunque per preafatum comitem ut constabularium Angliae, seu coram eo, motis, movendis, seu pendentibus, etc. Лордъ Кокъ считаетъ эти патенты противными конституціи (IV Inst. pag. 127) и они послужили поводомъ къ спору о допускаемости военныхъ судовъ въ мирное время. Тѣ единичные случаи казни надъ противниками, взятыми въ плѣнъ, которые бывали при Генрихѣ IV и V, послужили примѣрами, которые нашли себѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ усердныхъ подражателей во времена Алой и Бѣлой Розы. Въ эту эпоху террора встрѣчаются такъ-же единичные случаи примѣненія пытки во время слѣдствія, хотя случаи эти и не имѣютъ характера правильной судебной процедуры.

тицій частныхъ лицъ. Ричардъ III, покинутый большинствомъ своихъ приверженцевъ, падаетъ жертвою коалиціи, соединившій остатки обѣихъ дворянскихъ партій; насиліе и измѣна лишаютъ его престола, который переходитъ къ новой династіи Тюдировъ [9]).

Изъ этой борьбы, исполненной всякихъ ужасовъ, королевская власть выходитъ съ правомъ на корону, котораго фактически никто не оспариваетъ, и нисколько не ослабленная въ своемъ могуществѣ. За то палата Общинъ, послѣ того какъ борьба между аристократическими партіями оканчивается въ потокахъ крови, достигаетъ полнаго равновѣсія съ палатою лордовъ, которая къ концу этого періода оказывается значительно ослабленной.

§ 25a.

Три государственныя сословія.

Переходъ короны изъ рукъ въ руки и династическія битвы заслоняютъ отъ насъ процессъ *правоваго развитія сословій*. А между тѣмъ этотъ процессъ за весь упомянутый періодъ шелъ своимъ чередомъ, хотя и не замѣтно для глаза; въ основѣ его по прежнему лежалъ глубоко здравый принципъ среднихъ вѣковъ, по которому правовое положеніе высшихъ сословій обусловливалось ихъ личною службою государству и платимыми ими налогами. Заслуга практи-

---

[9]) О парламентахъ при Ричардѣ III см. Perry 194 и Stubbs, III, 226. 233. 234. Все то, что съ перваго взгляда представляется намъ невѣроятнымъ въ преступленіяхъ этого тирана, психологически объясняется, какъ результатъ глубокой деморализаціи эпохи, во время которой параллельно съ исчезновеніемъ всѣхъ правовыхъ понятій, шло и нравственное разложеніе, вызванное испорченностью духовенства; деморализація эта была такъ велика, что даже заискивающій образъ дѣйствій Ричарда III встрѣчался восторженными похвалами. Всѣ попытки обѣлить характеръ Ричарда остались тщетными. Великія драматическія произведенія Шекспира, въ основѣ которыхъ лежитъ историческая традиція и глубокое пониманіе англійскаго характера, являются наиболѣе вѣрнымъ историческимъ воспроизведеніемъ той эпохи. По окончаніи войнъ Алой и Бѣлой Розы насчитывали до 12 битвъ, ознаменовавшихъ эти войны и до 80 принцевъ королевской крови, которые погибли въ битвахъ, на плахѣ или подъ рукою убійцъ. Впрочемъ и исторически провѣренныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдить насъ, что эту ужасную эпоху убійство и кровавое возмездіе образовали какой то нескончаемый круговоротъ. Нижеслѣдующія слова Стеббса (II, 306) въ общихъ чертахъ вполнѣ вѣрно характеризуетъ нравы того времени. „То былъ вѣкъ роскоши и жестокости, личныхъ и семейныхъ раздоровъ, внѣшнихъ войнъ, юридическихъ убійствъ, соціальныхъ возмущеній и религіозныхъ распрей. Бароны выступали уже не въ качествѣ феодальныхъ магнатовъ, имѣвшихъ свои сословные интересы, а въ роли вожаковъ партій въ палатѣ Общинъ, или же какъ приверженцы той или другой придворной партіи. Далеко разошедшіяся между собою вѣтви королевскаго дома становятся въ концѣ концовъ во главѣ большихъ политическихъ партій“.

ческаго осуществленія государственной организаціи на этихъ началахъ, принадлежитъ, безспорно, королевской власти. Въ тѣхъ битвахъ, которыя ей пришлось выдержать прежде, чѣмъ она упрочила за собою свои островныя владѣнія, она постоянно помнила слова Эдуарда I, приглашавшаго вѣрныя свои «communitates» противупоставить общимъ опасностямъ общія силы и держать совѣтъ съ королемъ объ усиленьи воинскихъ и денежныхъ средствъ государства (ut quod omnes tangit ab omibus approbetur). Истинно царственная мысль Эдуарда I и Эдуарда III заключалась въ томъ, чтобы соединить всѣ враждебные элементы общества въ *самодѣятельности на службѣ государства* и чтобы привлечь народъ къ участію въ разрѣшеніи великихъ государственныхъ задачъ, какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, такъ и во внѣшней политикѣ, при чемъ ни одинъ изъ слоевъ общества могущихъ съ пользою поработать надъ этими задачами, не былъ устраняемъ.

Представителями правящаго дворянства являются прелаты и свѣтскіе магнаты въ силу той службы, которую они несутъ на пользу государства, представителями же третьяго сословія, имѣющаго, по понятіямъ того времени, право на участіе въ политической дѣятельности, являются рыцари, вольные земледѣльцы и города. Таковы тѣ три Status civiles, которые признаются въ англійской парламентской организаціи и по имени которыхъ самый періодъ этотъ называется періодомъ «государственныхъ сословій». Но такъ какъ съ одной стороны духовенство и дворянство связаны между собою почти одинаковыми правами, а съ другой стороны рыцарство отдѣляется отъ остальныхъ commoners нѣкоторыми привиллегіями, то мы въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи будемъ держаться слѣдующихъ категорій:

I. Сословіе свѣтскихъ и духовныхъ перовъ.

II. Сословіе землевладѣльцевъ рыцарскаго званія.

III. Сословіе вольныхъ земледѣльцевъ и горожанъ,

къ которому затѣмъ (IV) примыкаетъ и вся остальная масса подданныхъ infra classem.

I. **Сословіе духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ** перешло изъ того положенія, котораго оно фактически достигло еще при Генрихѣ III, на положеніе государственнаго сословія, совершилось это черезъ образованіе Великаго Совѣта, который даетъ магнатамъ возможность лично участвовать въ дѣлахъ государственнаго управленія и открываетъ имъ такимъ образомъ, доступъ къ наивысшему политическому праву, какое только было возможно въ тѣ времена. Въ томъ, что касается духовныхъ лордовъ, мѣсто и право голоса въ Совѣтѣ связаны съ извѣстными должностями въ церковной іерархіи. Для свѣтскихъ же лордовъ право это въ большинствѣ случаевъ

наслѣдственно и переходитъ къ старшему сыну, или къ другому какому нибудь наслѣднику, смотря по тому, какъ эта преемственность опредѣлена въ патентѣ, дарующемъ перское достоинство. Это политическое право сословнаго представительства является новымъ правомъ, которое дополняетъ собою старыя права англійскаго леннаго землевладѣнія начиная съ эпохи образованія Magnum Concilium и даруется лично самимъ королемъ. Поэтому то судьи въ 7-мъ году царствованія Генриха VI признали, что притязанія на имя и титулъ пера (въ предѣлахъ частнаго права) подлежатъ разсмотрѣнію общегосударственныхъ судовъ; притязанія же на мѣсто въ парламентѣ должны быть разсматриваемы передъ лицомъ «короля и перовъ»; эта послѣдняя инстанція является новымъ учрежденіемъ, котораго въ прежнемъ ius publicum не существовало. (Nicolas, Privy Council III. pag. LVIII).

Духовные перы, въ нормальный составъ которыхъ въ эту эпоху входятъ 2 архіепископа, 19 епископовъ, 27 аббатовъ, пріоровъ и магистровъ духовныхъ орденовъ, пользуются, въ силу стародавняго обычая, старшинствомъ предъ свѣтскими лордами. Старшинство это распредѣляется такъ, что архіепископы идутъ впереди герцоговъ, а епископы—впереди графовъ. Но въ томъ что касается главнаго ихъ права—права засѣдать въ Великомъ Совѣтѣ,—они совершенно приравнены къ свѣтскимъ лордамъ. Ихъ привиллегія быть судимыми не иначе, какъ палатою лордовъ только потому не достигло полнаго своего развитія, что сами они не безъ основанія считали болѣе цѣнною другую привиллегію, а именно — привиллегію исключительной подсудности духовнымъ судамъ. Впрочемъ, въ томъ, что касается общественнаго ихъ положенія, то они удержались на одномъ уровнѣ со свѣтскими лордами, не взирая на то, что эти послѣдніе повысили свои притязанія по сравненію съ прошлымъ. Архіепископы въ домашней своей обстановкѣ стоятъ на одной ногѣ съ герцогами, а епископы—съ графами. Они точно такъ же окружаютъ себя маленькимъ дворомъ, съ тѣмъ же составомъ должностныхъ лицъ, слугъ и кліентовъ, путешествуютъ въ сопровожденіи такой же вооруженной свиты и съ такимъ же значительнымъ обозомъ. Если въ военныхъ дѣлахъ они имѣли менѣе значенія, чѣмъ свѣтскіе лорды, то это, съ другой стороны, вознаграждалось болѣе самостоятельнымъ положеніемъ, которое они занимали въ качествѣ членовъ церковной организаціи, а такъ-же бо̀льшею долею вліянія, которою они пользовались въ дѣлахъ управленія, благодаря своей опытности въ такого рода дѣлахъ [1]).

---

[1]) Ленныя помѣстья, находящіяся въ рукахъ духовенства, въ среднемъ выводѣ нѣсколько менѣе обширны, чѣмъ тѣ помѣстья, которыми въ эту эпоху владѣютъ

Свѣтскіе перы къ концу разсматриваемаго періода раздѣляются на пять разрядовъ, а именно: Dukes, Marquises, Earls, Viscounts и Barons, общій нормальный составъ которыхъ при Генрихѣ IV представляетъ отъ 40 до 50 голосовъ. Этимъ перамъ къ концу разсматриваемаго нами періода удалось добиться *наслѣдственнаго* права представительства, при чемъ юридическою формою, въ которую облекается право на наслѣдственное перство служитъ пожалованье посредствомъ королевскаго патента, опредѣляющаго въ тоже время и порядокъ наслѣдованія въ каждомъ данномъ случаѣ. Рядомъ съ этими наслѣдственными перами, существуетъ еще незначительное число лицъ, приглашаемыхъ въ парламентъ каждый разъ лично; такого рода приглашенія разсылаются главнымъ образомъ баннеретамъ арміи, но съ окончаніемъ упомянутаго періода обычай этотъ совсѣмъ выводится изъ употребленія. Къ концу среднихъ вѣковъ большинство наиболѣе именитыхъ родовъ страны принадлежатъ къ дворянскому сословію, пользующемуся правами представительства; но привиллегія этого сословія не идетъ далѣе старшаго сына, или другаго наслѣдника, опредѣляемаго закономъ; ни о какихъ притязаніяхъ на облагораживанье крови нѣтъ и помину; напротивъ, формально признается, что всѣ прочіе члены семейства (за исключеніемъ жены, или вдовы главы семейства)—принадлежатъ къ такъ называемымъ commones и не участвуютъ въ правѣ судиться передъ судомъ перовъ и въ остальныхъ привиллегіяхъ nobility [1a]).

Между тѣмъ *личный составъ свѣтскаго перства*, такъ же, какъ и въ предыдущемъ періодѣ, подвергается безпрестаннымъ измѣненіямъ. Знатные роды норманской эпохи частью повымерли или лишились своихъ владѣній, частью же черезъ браки и путемъ на-

---

свѣтскіе лорды. Многіе епископы и аббаты далеко не обладаютъ тѣмъ количествомъ земли, которое требуется по нормѣ, принятой казначействомъ для того, чтобы составить такъ называемое barony; рыцарскіе участки ихъ соотвѣтствуютъ лишь размѣрамъ, установленнымъ старыми матрикулами. Поразительное уменьшеніе замѣчается около этого времени въ количествѣ ихъ подвассаловъ; объясняется это тѣмъ, что духовные лорды съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пускали въ ходъ разныя средства съ цѣлью освободиться отъ обязательства ставить вооруженную силу на службу государства и многимъ изъ нихъ удавалось добиться формальныхъ увольненій отъ такого рода обязательствъ. Такъ, епископъ Линкольнскій, который при Генрихѣ II обязанъ былъ ставить 60 всадниковъ, при Эдуардѣ I ставитъ ихъ только 5, для епископа Батскаго обязательный контингентъ уменьшенъ съ 20 на 2, и т. д.

[1a]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о медленномъ, постепенномъ возникновеніи наслѣдственнаго перства были мною изложены выше, въ примѣчаніяхъ, оканчивающихъ 22-й параграфъ. См. такъ же Stubbs, II. 176. О титулѣ, который давался сыновьямъ перовъ изъ вѣжливости, я не упоминалъ, но титулъ этотъ не имѣлъ значенія въ глазахъ закона. См. Gneist, Adel und Ritterschaft in England. 1853.

слѣдства соединились съ королевской фамиліей. Начиная съ царствованія Эдуарда I, замѣчается стремленіе ограничивать пожалованіе графскихъ титуловъ и помѣстій (earldoms) ближайшими родственниками королевскаго дома; стремленіе это еще послѣдовательнѣе проводится относительно ново-учрежденнаго титула герцога. Генрихъ IV старается упрочить за своимъ родомъ похищенный престолъ основаніемъ крупнаго фамильнаго fideicommissum, юридическія особенности котораго отчасти сохранились и до сего дня. Таково было значеніе учрежденнаго этимъ королемъ «герцогства Ланкастерскаго» въ составъ котораго вошли графства Лейчестерское, Ланкастерское, Линколнское и Дерби; многочисленныя коронныя земли и ленныя помѣстья, находившіяся въ этихъ графствахъ, были соединены во едино, и эти-то земли, вмѣстѣ съ правомъ юрисдикціи, связаннымъ съ ними, должны были обезпечить за герцогскимъ домомъ Ланкастеръ весьма видную и вліятельную роль. «Пфальцграфская» юрисдикція герцоговъ упомянутаго дома распространялась такимъ образомъ на многія помѣстья, разбросанныя въ различныхъ графствахъ. Само собою разумѣется, такое скопленіе земель и вліятельныхъ родственныхъ связей въ знатныхъ семействахъ королевства, въ концѣ концовъ имѣло тотъ результатъ, что могущественные роды эти привыкли связывать свои интересы съ интересами королевскаго дома. Владѣнія такихъ магнатовъ, какъ Бекингамъ, Варвикъ, Норфолькъ, по обширности своей близко подходили къ королевскимъ владѣніямъ. Въ интересахъ защиты страны большинство крупныхъ помѣстій располагаются въ Уоркшейрѣ и на границѣ Уэльса, большинство мелкихъ помѣстій находится въ южныхъ графствахъ; въ центральной части Англіи владѣнія крупныхъ бароновъ не такъ обширны, но за то тутъ владѣльческія и судебныя права ланкастерскаго герцогства обезпечиваютъ за королевской властью преобладающее вліяніе. Съ успѣхами земледѣлія доходы крупнаго землевладѣнія возросли до поражающихъ размѣровъ. Уже въ XIV столѣтіи между крупными землевладѣльцами указываютъ такихъ, на земляхъ которыхъ пасется до 24,000 барановъ, до 500 лошадей и нѣсколько тысячъ головъ другаго скота. Но вмѣстѣ съ богатствомъ возрастаетъ и расточительность; наглядную картину господствовавшей въ то время роскоши даетъ намъ Черная книга временъ Эдуарда IV: въ ней расходы королевскаго хозяйства вычислены въ 13,000 ф. ст. ежегодно, расходы герцога—въ 4,000 ф., маркиза—въ 3,000 ф., графа—въ 2,000 ф., виконта—въ 1,000 ф., барона—въ 500 ф., баннерета—въ 200 ф., простаго knight—въ 100 ф., и эсквайра—въ 50 ф. По понятіямъ того времени, для каждаго представителя высшаго сословія обязательно было содержать многочисленный штатъ,

въ составъ котораго входили вооруженные всадники рыцарскаго званія, капеланы, клерки, стража, носившая мундиръ своего господина, и прислуга самыхъ разнообразныхъ наименованій. По даннымъ придворнаго календаря (—или, какъ его называли, Черной книги)—для эсквайра полагалось 16 человѣкъ домашняго штата, knight'a—тоже 16, для баннерета—24, для барона—26, для виконта—84, (20 сквайровъ, 40 yeomen и 24 grooms), для графа—130, для герцога—230 (6 рыцарей, 60 сквайровъ, 100 yeomen, 40 grooms и 24 stable-men). Свита самого короля предполагалась лишь вдвое болѣе многочисленною, чѣмъ свита герцога.

Возникновеніе этихъ обычаевъ совпадаетъ съ появленіемъ тѣхъ *наемниковъ*, о которыхъ было говорено выше, и такое совпаденіе не лишено было опасности. Уже при Эдуардѣ III начинаетъ развиваться кондотьерство. Воинственные магнаты набираютъ цѣлыя небольшія арміи, предводительствуютъ ими и приспособляютъ ихъ, даже, для цѣлей правильной войны. Ядромъ этихъ армій служатъ лица, принадлежащія къ домашнему штату магнатовъ, ихъ подвассалы, арендаторы и прислуга, а къ этому ядру присоединяются безпокойные элементы изъ вольныхъ земледѣльцевъ, привыкшіе еще на службѣ въ милиціи своего графства къ воинскимъ упражненіямъ. Крупные бароны въ дѣлѣ обученія войскъ и предводительствованья ими поставлены въ наиболѣе благопріятныя условія, такъ какъ помѣстья ихъ даютъ имъ и всѣ средства необходимыя для снаряженія значительныхъ отрядовъ и для обученія ихъ воинскому дѣлу посредствомъ постоянныхъ упражненій. Приближенные ихъ образуютъ кадры арміи, мобилизація которой не представляетъ никакихъ затрудненій. Правда, финансовыя средства, необходимыя для того, чтобы долгое время содержать такія массы войска, выплачивая имъ значительное жалованье, находились въ рукахъ одного только короля; но магнаты имѣли возможность, вступая въ союзы между собою, выставлять на короткій срокъ такія арміи, противъ натиска которыхъ королевская власть, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, не въ силахъ была устоять. Опасность эта сказалась уже вслѣдъ за окончаніемъ перваго періода французскихъ войскъ, при слабомъ правительствѣ Ричарда II и дѣло кончилось, послѣ цѣлаго ряда перипетій, сверженіемъ короля съ престола. При преемникѣ Ричарда происходятъ смуты, во время которыхъ недовольные бароны имѣютъ возможность въ нѣсколько недѣль набирать арміи въ 6—8000 человѣкъ и идти съ ними противъ короля. (Такъ была, напримѣръ, въ 1405 г.) Генрихи IV и V, благодаря своему собственному воинственному характеру, умѣютъ обуздывать этотъ духъ непокорства и направлять его проявленія на французскую почву.

Между тѣмъ всѣ эти нововведенія въ организаціи воинскихъ силъ,

въ связи съ укрѣпленіемъ множества замковъ и мѣстечекъ—на что правительство щедро давало разрѣшенія,—имѣли погубныя послѣдствія, какъ для династіи, такъ и для самого дворянства и для всей страны, послѣ того какъ разразилась *ожесточенная борьба Алой и Бѣлой Розы*. Отъ двухъ соперничествующихъ династій съ толпою ихъ вооруженныхъ приверженцевъ и наемныхъ солдатъ, партійная вражда переходитъ въ среду рыцарскаго сословія, охватываетъ графства, города, палату Общинъ и дѣлитъ всю страну на два равно сильные военные лагеря. Средневѣковое рыцарство снова оживаетъ въ этотъ поздній періодъ во всей необузданости порождаемыхъ имъ распрей между отдѣльными феодалами и со всею обрядностью педантической геральдики. Вооруженныя, обмундированныя дружины магнатовъ, liveries, становятся почвою на которой процвѣтаютъ кліентизмъ и узкія партійныя дѣленія; отсюда насиліе и духъ партій вторгаются и въ область суда и мировой юстиціи, вызывая въ англійскомъ законодательствѣ, все болѣе и болѣе строгія постановленія противъ liveries, maintenance и champetry, постановленія, которыя ведутъ свое начало именно съ періода войнъ Алой и Бѣлой Розы [1b]).

Это пробужденіе духа средневѣковыхъ междоусобій, безспорно, шло совершенно въ разрѣзъ съ организаціей арміи въ томъ видѣ, въ какомъ она была установлена закономъ, въ особенности же, съ учрежденіемъ милиціи въ графствахъ, а такъ же со строгимъ порядкомъ, установленнымъ въ коронныхъ судахъ, въ полицейской организаціи, въ ассизахъ и въ мировой юстиціи. Но именно противорѣчіе между наклонностями высшихъ сословій и законнымъ

1b) Фактическія данныя, касающіяся происхожденія этихъ liveries были сообщены выше (§ 25, обзоръ царствованія Генриха VI). Въ силу прежнихъ законовъ, существовавшихъ при Ланкастерской династіи, королямъ предоставлялось выдавать Лордамъ, университетамъ, лондонскому Лорду-Меру и т. п. разрѣшеніе на право имѣть свои liveries, мундиры и другіе знаки, по которымъ можно бы было распознавать всѣхъ лицъ, состоящихъ на ихъ службѣ. Съ особенною щедростью раздавались *лордамъ* эти дозволенія употреблять мундиры, шляпы особаго фасона и эмблемы для обозначенія принадлежности людей къ ихъ домашнему штату; равнымъ образомъ имъ чрезвычайно легко разрѣшалось возводить укрѣпленія въ принадлежавшихъ имъ замкахъ и такимъ образомъ правительство, само того не подозрѣвая, подготовляло катастрофу, разразившуюся междоусобной войною. Благодаря упомянутымъ отличительнымъ знакамъ, покровительство магнатовъ распространялось на черезмѣрно большое число безпокойныхъ людей, незнавшихъ удержу своимъ буйнымъ наклонностямъ; окрестное населеніе много терпѣло отъ ихъ насилій и притѣсненій и, даже, въ тѣхъ случаяхъ, когда они привлекались къ уголовной или гражданской отвѣтственности связи ихъ съ могущественными кланами и покровительство знатныхъ вельможъ (maintenance and champetry) нарушали правильный ходъ правосудія и оставляли населеніе беззащитнымъ противъ этихъ буйныхъ полчищъ. Картину всѣхъ неурядицъ, которыя влекли за собою подобная борьба партій, а такъ же обзоръ законодательства, сюда относящагося, можно найти у Стеббса III §§ 470—475.

порядкомъ побуждало воинственныхъ аристократовъ принимать относительно общихъ законовъ страны тѣмъ болѣе вызывающее положеніе и держаться тѣмъ заносчивѣе. Въ связи со всѣми этими характеристичными чертами времени, составляющими результатъ продолжительныхъ войнъ на французской территоріи, является преобладаніе французскаго языка, французскихъ нравовъ и французскихъ модъ въ высшемъ обществѣ того времени. Но само собою разумѣется, все это было безсильно пошатнуть прочно уже заложенныя основы англійскаго государственнаго устройства и положеніе третьяго сословія, а потому въ теченіи тридцатилѣтней борьбы обѣихъ Розъ эти новые элементы быстрыми шагами шли на встрѣчу собственной же погибели.

II. **Сословіе рыцарей, или, вѣрнѣе, владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій**, образовалось изъ сліянія мелкихъ коронныхъ вассаловъ съ подвассалами и наиболѣе крупными изъ вольныхъ земледѣльцевъ; въ разсматриваемый нами періодъ оно пріобрѣло видное политическое положеніе, благодаря активному и пассивному *избирательному праву*, открывшему имъ доступъ *къ представительству въ нижней палатѣ*; въ этой палатѣ они занимаютъ положеніе, нѣсколько высшее, чѣмъ представители городскихъ сословій. Права рыцарей на такое преимущество основываются, такъ же, какъ и у перовъ, на личной службѣ ихъ государству, и на платимыхъ ими налоговъ.

Вслѣдствіе постепеннаго введенія бо̀льшей равномѣрности въ распредѣленіи поземельнаго и подоходнаго налоговъ, англійское рыцарство (въ противоположность тому, что замѣчается на континентѣ) сдѣлалось *краеугольнымъ камнемъ* системы прямыхъ налоговъ, такъ какъ наибольшая часть этихъ налоговъ доставлялось тѣми 6000 помѣстій, которыя находились во владѣніи рыцарскаго сословія и были обложены платежами на основаніи мѣрила, установленнаго для feudamilitum. Хотя рыцарскія помѣстья, въ уваженіе лежавшихъ на нихъ relevia и другихъ ленныхъ повинностей, платили обыкновенно не болѣе $^1/_{10}$ тамъ, гдѣ города облагались въ размѣрѣ $^1/_{15}$ подоходнаго налога, тѣмъ не менѣе, какъ въ разсматриваемый ними такъ и въ слѣдующій затѣмъ періодъ, именно на эти помѣстья приходилось наибольшая часть изъ общей суммы прямыхъ налоговъ [2]).

---

[2]) Главнымъ источникомъ статистическихъ свѣдѣній о ленномъ землевладѣніи этой эпохи, слѣдуетъ признать ленную книгу, извѣстную подъ названіемъ Testa de Nevill, на которую мы не разъ уже имѣли случай ссылаться. Книга эта, по видимому, была составлена въ концѣ царствованья Эдуарда II, или въ началѣ царствованья Эдуарда III, но въ нее вошли матеріалы, основанные на оффиціальныхъ отчетахъ, относящихся еще къ эпохѣ Генриха III и Эдуарда I. Она со-

Еще болѣе видное и прочное положеніе занимаютъ рыцари, благодаря своему *личному* участію, въ составѣ мѣстнаго самоуправленія, достигнувшей въ эту эпоху полнаго своего развитія. Вслѣдствіе ценза въ 15 фунт. ст., принятаго въ организаціи *милиціи*, рыцари составляютъ первый разрядъ мѣстнаго ополченія и это даетъ имъ право на мѣста офицеровъ. Въ *судебной* организаціи графства рыцари искони были ядромъ учрежденія судебныхъ мужей; со введеніемъ Magna assisa и съ позднѣйшимъ расширеніемъ жюри, рыцари очутились опять-таки во главѣ списка присяжныхъ. Но еще болѣе значенія имѣли для возвышенія рыцарскаго сословія и для расширенія его дѣятельности *мировыя* учрежденія, ставившія ихъ во главѣ управленія цѣлымъ округомъ. Такимъ образомъ, право рыцарей на представительство округа въ парламентѣ какъ-бы само собою вытекало изъ положенія, занимаемаго ими въ качествѣ офицеровъ милиціи, присяжныхъ перваго разряда и блюстителей общественнаго порядка, — и это до такой степени справедливо, что зачастую въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій одни и тѣ-же лица постоянно избираются представителями графства.

Государственная власть, очевидно, была весьма сильно заинтересована въ тѣхъ *услугахъ*, которыя оказывались ей рыцарями; но государство, какъ таковое, вовсе не было заинтересовано въ томъ, чтобы ограничивать притязанія, вытекавшія изъ этихъ услугъ, извѣстными только семействами и устранять остальные классы общества отъ пріобрѣтенія подобныхъ-же правъ. Королевская власть въ Англіи была достаточно сильна и рѣшительна, чтобы охранять дѣйствительные интересы государства въ процессѣ образованія сословій и придать англійской аристократіи тотъ отпечатокъ, который рѣзко отличаетъ ее отъ дворянства въ Германіи и Франціи. Этой цѣли правительство достигло посредствомъ троякаго рода мѣръ, которыя оно еще въ предыдущемъ періодѣ начало вводить въ законодательство, а именно:

держитъ въ себѣ до 6300 именъ крупныхъ и мелкихъ коронныхъ вассаловъ и подвассаловъ. Перечень послѣднихъ, впрочемъ, не полонъ: такъ въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственный вассалъ короны уплачиваетъ налоги казначейству, суммы, взносимыя имъ, приводятся огуломъ и подвассалы подразумѣваются въ этого рода данныхъ. Достоенъ замѣчанія фактъ, что число крупныхъ владѣльцевъ увеличилось по сравненію съ временами Domesday book'a, между тѣмъ какъ число коронныхъ вассаловъ средняго достатка, т. е. такихъ, которые владѣютъ 3—10 рыцарскими участками, стало крайне незначительно. Въ вышеприведенную общую сумму помѣстій вошли многочисленныя serjeanties, а такъ-же лены, находящіеся подъ опекой или же возвратившіеся подъ управленіе короны. Изъ этихъ данныхъ, которыя были собраны исключительно для расцѣночныхъ вѣдомостей Казначейства получается картина постепеннаго дробленія ленныхъ участковъ и, одновременно, сложной группировки крупныхъ помѣстій.

1) **Допущеніемъ отчуждаемости и дробимости рыцарскихъ ленныхъ участковъ.** Какъ то, такъ и другое дозволялось еще въ норманскій періодъ съ особаго разрѣшенія короля. Magna Charta признаетъ это право за владѣльцами рыцарскихъ ленныхъ участковъ, а въ статутѣ Quia Emptores, изданномъ въ 18-мъ году царствованія Эдуарда I, порядокъ отчужденія и раздѣла участковъ опредѣляется точнѣе. Для отчужденія коронаго лена согласіе короля по прежнему считается обязательнымъ условіемъ, хотя за нарушеніе условія налагается лишь весьма умѣренный денежный штрафъ. (1. Edw. III, c. 12). Такими постановленіями правительство, очевидно, стремилось облегчить раздробленіе крупныхъ помѣстій, умножить число коронныхъ вассаловъ и вольныхъ поселенцевъ и воспрепятствовать на будущее время возникновенію новыхъ manors съ правомъ помѣстнаго суда и съ полицейскою властью, сосредоточенною въ рукахъ владѣльца. Вслѣдствіе этого въ Англіи не могло явиться того сословнаго различія между «благородными» и «неблагородными» владѣльцами рыцарскихъ помѣстій, какое существовало въ Германіи. Но если отдѣльные рыцарскіе роды, такимъ образомъ, вынуждены были отказаться отъ стремленія обособиться въ качествѣ замкнутаго помѣстнаго дворянства, то рыцарство въ общемъ своемъ составѣ выигрывало отъ усиленія политическаго вліянія имущаго класса вообще.

2) Второй разрядъ законодательныхъ мѣръ касается *доступности рыцарскаго достоинства для всѣхъ* liberi homines, обладающихъ достаточнымъ имуществомъ для того, чтобы нести тяжелую службу всадниковъ и освоиться съ верховой ѣздою. Начиная съ царствованія Генриха III въ интересѣ какъ военнаго дѣла, такъ и финансовъ государства, государственное казначейство начинаетъ понуждать всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ оффиціальными приглашеніями, подъ угрозою штрафовъ, къ исполненію обряда посвященія въ рыцари. Требованія этого рода предъявлялись ко всѣмъ владѣльцамъ вольныхъ помѣстій, при чемъ неоднократно измѣнявшаяся практика колеблется между таксою въ 10 и въ 15 фунт. стерлинговъ съ 20, 30 и 40 ф. поземельнаго дохода; послѣдняя цыфра (въ виду измѣнившейся цѣнности денегъ) было окончательно принята при королевѣ Елизаветѣ. Особеннаго успѣха эти принудительныя мѣры не имѣли, такъ какъ большинство землевладѣльцевъ предпочитало платить штрафы, лишь-бы не принимать посвященія въ рыцарское достоинство, по всѣмъ вѣроятіямъ, оно уклонялось отъ чести такого посвященія за тѣмъ, что бы не нести обязанности присяжныхъ и разныя другія тяготы, сопряженныя съ рыцарскимъ званіемъ. Но какъ-бы то ни было, при такихъ порядкахъ, которые были основаны на представленіи объ общей *обязанности* крупныхъ

землевладѣльцевъ принимать посвященіе въ рыцарское достоинство, не могли возникнуть понятія объ исключительномъ *правѣ* нѣкоторыхъ семействъ на это достоинство.

Совершенно согласно съ общимъ политическимъ направленіемъ, сказывавшимся въ вышеприведенныхъ мѣрахъ, королевская власть въ Англіи никогда также, не допускала монополизированія деканскихъ мѣстъ въ церковныхъ капитулахъ и въ ученыхъ коллегіяхъ извѣстнымъ, ограниченнымъ числомъ привиллегированныхъ семействъ; не допускало оно равнымъ образомъ введенія тѣхъ или другихъ способовъ доказательства дворянства, и никакихъ другихъ затѣй такъ называемой «автономіи», которыя въ Германіи процвѣтали, благодаря слабости государственной власти.

3) Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ рыцарское землевладѣніе въ Англіи никогда не имѣло характеръ *прирожденнаго* званія, но владѣльцы этихъ помѣстій пользовались, все таки, однимъ *сословнымъ преимуществомъ*, которое соотвѣтствовало дѣйствительнымъ услугамъ, оказываемымъ ими въ дѣлѣ мѣстнаго управленія и въ уплатѣ налоговъ; преимущество состояло въ томъ, что *они одни* могли быть *избираемы представителями графства* (Knigth of the shire). Но политическія права, вытекавшія изъ этого и сдѣлавшіяся впослѣдствіи самымъ важнымъ изъ всѣхъ почетныхъ правъ, были основаны на позднѣйшей организаціи управленія въ графствахъ и не имѣли отношенія къ тому положенію, которое рыцари занимали въ ленной милиціи. Хотя депутатовъ и продолжали называть Knights of the shire, тѣмъ не менѣе новое званіе представителя графства считалось независимымъ отъ обряда посвященія въ рыцарское достоинство. Уже въ ранній періодъ, между депутатами попадалось много простыхъ эсквайровъ, которыхъ послѣ избранія символически опоясывали въ судѣ шпагой для соблюденія формы; къ концу среднихъ вѣковъ даже большинство депутатовъ—простые эсквайры. По самой сущности дѣла вполнѣ понятно что въ депутаты избирались преимущественно такіе землевладѣльцы, которые, состоя мировыми судьями, посвящали себя земледѣлію и вообще дѣятельности въ сферѣ ближайшей окружавшей ихъ жизни и не особенно дорожили придворною службою, военными приключеніями и рыцарскимъ достоинствомъ. Легальное признаніе права, фактически уже пріобрѣтенною многими заслугами, воспослѣдовало на 23-мъ году царствованія Генриха IV; въ этомъ году (1444) былъ изданъ законъ, гласившій, что «въ депутаты могутъ быть избираемы только наиболѣе именитые между рыцарями графства, а также тѣ изъ наиболѣе уважаемыхъ эсквайровъ и джентельменовъ графства, которые имѣютъ право на полученіе рыцарскаго достоинства, но отнюдь не лица, состоящія въ разрядѣ yeomen или и того ниже».

Такимъ образомъ была создана привиллегія, столь-же скромная

по своимъ размѣрамъ, какъ и перство, привиллегія, которая давала не болѣе преимуществъ, чѣмъ это вытекаетъ изъ фактическаго обладанія землею, а также нѣкоторыя, еще болѣе скромныя, почетныя отличія, предоставляемыя старшему сыну землевладѣльца и на остальныхъ членовъ семьи не распространяющіяся. Тѣ ограниченія, которыя при этомъ налагались на честолюбіе отдѣльныхъ семействъ, вознаграждались усиленіемъ политическаго вліянія всего сословія въ его совокупности. Сельскій дворянинъ гордился древностью своего рода и своего герба и считалъ себя не хуже крупнаго барона, родъ котораго нерѣдко былъ на цѣлыя столѣтія моложе его собственнаго. Эсквайръ имѣлъ въ своемъ гербѣ шлемъ и щитъ, и чувство воинскаго призванія оставалось въ немъ живо, хотя-бы онъ и не былъ посвященъ въ рыцари и не носилъ золотыхъ рыцарскихъ шпоръ. Младшіе сыновья его обыкновенно получали воспитаніе въ домѣ какого-нибудь дворянина. Семейство эсквайровъ очень часто роднилось черезъ браки съ высшимъ дворянствомъ. Но выше всѣхъ рыцарскихъ отличій эсквайръ цѣнилъ свое вліяніе въ округѣ; здѣсь онъ занималъ видное положеніе, котораго никто и не думалъ у него оспаривать и пользовался общимъ уваженіемъ въ качествѣ шерифа и мироваго судьи, въ качествѣ члена суда своего графства и члена большаго жюри, а также въ качествѣ представителя графства въ Палатѣ Общинъ.

При Генрихѣ VI нормальное положеніе дѣлъ нарушается обстоятельствами, которыя были созданы французскою войною. Вмѣстѣ съ французскими связями и модами, съ французскимъ языкомъ и образомъ жизни, нравы «Кавалеровъ» изъ высшей аристократіи проникаютъ въ сословіе рыцарей. Распря династическихъ партій охватываетъ и графства. Во время войны Алой и Бѣлой Розы, совершаются даже такіе факты, которые напоминаютъ времена господства кулачнаго права при королѣ Стефанѣ. Не смотря на то, что судебные поединки были почти совершенно устранены законодательствомъ, рыцарскія воззрѣнія, связанныя съ этимъ обычаемъ, все еще держались. Въ описываемую нами эпоху Court of chivalry снова получаетъ нѣкоторое значеніе. Блистательные военные успѣхи, богатая добыча, привычка къ жизни, исполненной приключеній, всѣ эти послѣдствія войны съ Франціей, давшія себя чувствовать по возвращеніи войскъ въ отечество, какъ-бы воскресли на время романтику рыцарства среди эпохи въ общемъ идущей по трезвому пути. Ежедневныя соприкосновенія съ французскимъ дворянствомъ и съ его сословными взглядами, а такъ же многолѣтняя лагерная жизнь вдали отъ отечества по необходимости должны были способствовать усиленью сословнаго и корпоративнаго духа [2a].)

[2a]) Характеристика тогдашняго англійскаго рыцарства дано мною въ статьѣ, объ англійскомъ gentry, которая была напечатана въ Энциклопедіи реальныхъ

Не взирая на эти временныя уклоненія, центромъ тяжести рыцарства все-таки оставалось графство и значеніе рыцарскаго сословія по прежнему коренилось въ той самодѣятельности, которую оно проявляло въ мѣстной жизни. Именно этимъ то обстоятельствомъ и объясняется *рѣшающее* вліяніе, которымъ рыцарство съ самаго начала пользуется въ палатѣ общинъ. При Эдуардѣ I среди рыцарей графства еще преобладаютъ фамиліи норманскаго происхожденія, но мало по малу онѣ замѣняются все болѣе и болѣе англійскими именами. Все чаще и чаще въ спискахъ членовъ парламента попадаются однѣ и тѣ же фамиліи; тоже самое замѣчается какъ въ придворныхъ сферахъ, такъ и въ средѣ королевскаго совѣта. Къ концу разсматриваемаго періода возрастающее значеніе палаты Общинъ сказывается въ томъ, что въ нее наступаютъ младшіе сыновья высшаго дворянства. Въ 1549 г. Сэръ Франсисъ Россель, сынъ графа Бедфордскаго, далъ первый примѣръ наслѣдника перскаго достоинства, не пренебрегшаго мѣстомъ въ Нижней палатѣ. Представители графствъ обыкновенно играютъ руководящую роль въ парламентѣ, и именно ихъ честный, энергичный образъ дѣйствій придаетъ преніямъ Нижней Палаты ея характеристичный отпечатокъ. Вплоть до конца среднихъ вѣковъ представительство конституціонныхъ правъ

знаній Эрша и Грубера. Уже ранѣе, подъ вліяніемъ большихъ войнъ, которыя велись со временъ Эдуарда I, замѣчается нѣкоторый поворотъ въ томъ направленіи, о которомъ было говорено выше. Поворотъ этотъ становится особенно замѣтенъ въ царствованье Эдуарда III. Турниры, которые были ненавистны большинству народа и, по временамъ, подвергались даже строгому запрещенію, при Ричардѣ I сново входятъ въ моду; обычай употребленія щитовъ, какъ фамильныхъ эмблемъ, совре мени войны съ Франціей сдѣлался всеобщимъ и, даже считался наслѣдственнымъ правомъ. Такъ, напримѣръ, при Генрихѣ II нѣкоему Джону де Кингстону былъ выданъ патентъ на дворянское достоинство, гласившій: „Resceivez en l'estate de gentilhome et lui fait esquier". При Генрихѣ VI нѣкто Bernhard Augevin возводится въ классъ нисшаго дворянства формальнымъ nobilitamus. Вообще, въ эту эпоху геральдія съ своими правилами для турнировъ, щитами, гербами и родословными играетъ видную роль и многими заявляются прямо притязанія на dgentlemanly condition или degree. Въ 29-мъ году царствованья Эдуарда III нѣкто Джонъ Купландъ получаетъ патентъ на *наслѣдственное* званіе баннерета. При Эдуардѣ III и Генрихѣ IV основываются ордена Бани и Подвязки. Обрядъ посвященія въ рыцарское достоинство воскрешается во всей своей торжественности. Званіе баннерета въ теченіе извѣстнаго времени разсматривалось прямо какъ одно изъ ступеней дворянскаго достоинства и поэтому, когда правительственная власть, во время малолѣтства Ричарда II, очутилась въ рукахъ аристократіи, было объявлено, что баннеретъ не можетъ быть избираемъ представителемъ графства въ палату Общинъ. Въ нѣкоторыхъ изъ законовъ того времени появляется терминъ geverosus „a nativitate". Но далѣе этого парламентскаго законодательство не шло. Обязанности, которыя возлагались на крупное землевладѣніе законами страны въ дѣлѣ милиціи, суда, полицейскаго управленія и налоговъ, были слишкомъ важны и слишкомъ тяжелы, чтобы связывать идею дворянства съ простымъ происхожденіемъ отъ лицъ, когда либо владѣвшихъ рыцарскими помѣстьями. Указанное нами направленіе было дѣломъ временнымъ, такъ же, какъ и система наемныхъ войскъ. А рѣшающее вліяніе на образованіе сословій имѣютъ лишь прочныя учрежденія.

и вольностей правъ націи лежало цѣликомъ на сословіи рыцарей. Само собою разумѣется, президентъ Нижней палаты тоже избирался изъ среды рыцарей графствъ [25]).

Всего ближе къ рыцарству стоитъ въ Англіи, такъ-же, какъ и въ Германіи, такъ наз. «ученое сословіе». Правда, при такой организаціи сословій, когда различныя ступени общественной іерархіи опредѣляются землевладѣніемъ (или скорѣе услугами, оказываемыми землевладѣльцами государству) умственный трудъ все еще стоитъ extra classem. Но представители его принимаютъ значительную долю участія въ отправленіяхъ selfgovernment и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ себѣ право участвовать и въ почетѣ, которымъ пользуется рыцарство.

Сказанное выше примѣнимо въ особенности къ *приходскому духовенству*. Между тѣмъ, какъ прелаты съ своими tenures by barony примыкаютъ къ дворянскому сословію, приходское духовенство стоитъ на одной ногѣ съ рыцарями и имѣетъ даже въ конвокаціяхъ свое собственное парламентское представительство. Съ допущеніемъ священниковъ въ коммиссіи мировыхъ судей, духовенство пріобщилось такъ-же и къ той долѣ политическаго вліянія, которая была связана съ должностью высшихъ блюстителей мѣстнаго порядка. За приходскимъ духовенствомъ слѣдовали университеты со своими большею частью, духовными учрежденіями, и духовными отличіями. Для духовенства во всей его совокупности подсудность въ чисто уголовныхъ дѣлахъ исключительно церковному суду составляла весьма важную привиллегію, которая не рѣдко вела къ полной безнаказанности; привиллегія эта въ описываемую нами эпоху могла быть распространена и на всякаго грамотнаго человѣка, для чего доста-

---

[25]) Единственнымъ кажущимся исключеніемъ изъ этого правила было избраніе Ричарда Брука, представителя города Лондона, въ должность президента палаты (1454); объясняется это избраніе исключительнымъ положеніемъ Лондона въ ряду другихъ городовъ и многолѣтнею связью, установившеюся между лонскимъ City и графствомъ Миддлэсексъ. Странною, представляется, конечно, съ перваго взгляда та уступчивость, которая палата общинъ проявляетъ во время кровопролитной борьбы аристократическихъ партій и которая производитъ впечатлѣніе полной пассивности; еще страннѣе, по замѣчанію Стеббса (III. 550) то обстоятельство, что члены раболѣпныхъ парламентовъ этой эпохи выбирались изъ среды *того же* сословія и, нерѣдко, *тѣхъ же* семействъ, которыя давали членовъ и для независимыхъ парламентовъ. Но дѣло въ томъ, что во время династическихъ войнъ, въ особености же такихъ, какъ война Алой и Бѣлой розы для ума, непосвященнаго во всѣ юридическія тонкости, трудно было отличить на чьей сторонѣ право и даже юристамъ не легко было разобраться въ генеалогической путаницѣ, которая охватывала нѣсколько поколѣній спорившихъ между собою династій. Положеніе дѣлъ было таково, что рыцарству ничего болѣе не оставалось какъ становиться на ту или другую сторону, руководясь лишь внушеніями личной признательности и вѣрности, или же тѣмъ которая сторона была сильнѣе и обѣщала болѣе выгодъ своимъ союзникамъ въ данную минуту.

точно было простаго заявленія епископскаго коммиссира: «legit ut clericus».

Изъ духовенства выдѣлилось еще въ предшествующій періодъ сословіе юристовъ, какъ особая, ученая профессія. Такъ называемый serviens ad legem, Doctor juris и адвокатъ, прошедшій курсъ наукъ раздѣляютъ вмѣстѣ съ нисшимъ духовенствомъ почетныя права эсквайра и нерѣдко находятъ себѣ въ коммиссіяхъ мировыхъ судей возможность примѣнять свои познанія, независимо отъ землевладѣнія. Вообще же говоря, адвокатура все болѣе и болѣе получаетъ значеніе подготовительной школы, открывающей доступъ къ мѣстамъ коронныхъ судей. Въ концѣ разсматриваемаго нами періода персоналъ судей образуетъ особый классъ ученыхъ чиновниковъ, состоящихъ на жалованьи. Такимъ образомъ духовное и ученое званіе даютъ дополнительный контингентъ въ ряды средняго сословія, или вѣрнѣе, того высшаго слоя этого сословія, который впослѣдствіи слился съ рыцарствомъ въ одно цѣлое и образовалъ такъ называемое gentry [2c]).

III. Классъ вольныхъ земледѣльцевъ и городское сословіе входитъ вмѣстѣ съ рыцарствомъ въ составъ того, что въ разсматриваемую эпоху юридически признается *третьимъ* государственнымъ сословіемъ. Опредѣляется это сословіе правомъ избирать представителей въ палату общинъ, а основаніемъ такого права служатъ, такъ же какъ и у другихъ сословій, платимые налоги и личная служба обществу.

Имущественнымъ условіемъ, которымъ обставлена принадлежность къ классу вольныхъ землѣдельцевъ, является *владѣніе участкомъ вольной земли*, т. е. такой, которая не обложена ленными повинностями и платитъ лишь умѣренный денежный оброкъ, замѣняющійся въ иныхъ случаяхъ небольшими личными услугами. Первоначальный составъ вольныхъ землѣдельцевъ (такъ называемыхъ liberi homines и sochemanni, по терминалогіи Doomsday-book) уже въ предшествующій періодъ значительно увеличился, благодаря дроб-

---

[2c]) Приходское духовенство въ эту эпоху, такъ же, какъ и рыцарство, пользуется почетнымъ титуломъ sir, судьи общегосударственныхъ судовъ возводятся, путемъ королевскаго пожалованія, въ рыцарское достоинство и могутъ даже получить степень баннерета. Въ первомъ году царствованія Генриха V. было издано постановленіе, требовавшее, чтобы въ каждомъ формальномъ вызовѣ къ суду обозначались званіе „estate or degreeor mysteril“ отвѣтчика; съ этихъ поръ титулы „esquire“ и „gentleman“ получаютъ признанное закономъ значеніе и распространяются какъ на адвокатовъ, такъ и на именитыхъ членовъ городскаго сословія. Впрочемъ, какъ мѣтко замѣчаетъ Стеббсъ „въ средніе вѣка еще мало было извѣстно строгое разграниченіе профессій по спеціальностямъ. Каждый былъ до извѣстной степени воиномъ и законникомъ, каждый умѣлъ сводить свои собственные счеты, вести свою собственную тяжбу и составить свое завѣщаніе, конечно, съ помощью писца или капелана“. Stubbs III, 596.

ленію рыцарскихъ помѣстій, въ разсматриваемую же нами эпоху, классъ вольныхъ земледѣльцевъ становится еще многочисленнѣе, такъ какъ расточительный образъ жизни дворянства и рыцарства влекъ за собою безпрестанныя продажи земельныхъ участковъ, или отдачу ихъ подъ залогъ. Мелкое землевладѣніе это несло не малую долю тяготъ поземельнаго и личнаго налога какъ въ сельскихъ округахъ, такъ и въ городахъ. Но еще значительнѣе были личныя услуги, имъ оказываемыя. Въ силу Винчестерскаго статура liberi homines распредѣлялись на нѣсколько разрядовъ и всѣ эти разряды, отъ высшаго и до самаго нисшаго привлекались къ военной службѣ. Кромѣ того изъ семействъ этихъ же мелкихъ землевладѣльцевъ вербовались liveries, считавшіяся такой необходимой принадлежностью каждаго аристократическаго дома. Наконецъ они же поставляли людей для тяжело-вооруженной конницы, для отрядовъ стрѣлковъ изъ лука и для hoblers королевской арміи, сражавшейся во Франціи; побѣды, одержанныя ими надъ неповоротливыми французскими ополченіями были такъ блистательны, что уже въ виду однихъ военныхъ ихъ заслугъ нельзя было относиться къ нимъ въ Англіи, какъ къ простымъ talliables et corvéables. Но рѣшающимъ факторомъ, въ смыслѣ законнаго ценза должна была служить *періодическая* служба этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ судахъ. Съ постепеннымъ преобразованіемъ судовъ въ графствахъ, въ сотняхъ и помѣстныхъ судовъ, служба эта все болѣе и болѣе принимала характеръ присяжной повинности. Уже во время учрежденія гражданскихъ ассизовъ расчитывали на содѣйствіе не однихъ рыцарей, но и всѣхъ libere tenentes. Жюри, опредѣлявшее штрафы и произносившее приговоры въ уголовныхъ дѣлахъ съ самаго начала, вслѣдствіе своего полицейскаго происхожденія, было расчитано на привлеченіе большаго количества мелкихъ землевладѣльцевъ. И такъ, служба въ качествѣ присяжныхъ, была съ самаго своего начала построена на болѣе широкомъ основаніи чѣмъ служба судебныхъ мужей, произносившихъ приговоры; эти судебные мужи однако еще нѣкоторое время продолжали призываться въ суды графства, конечно, лишь номинально. Со вступленіемъ на престолъ Генриха IV начинаютъ издаваться постановленія, разъясняющія способъ, которымъ должны производиться выборы въ графствахъ. Въ постановленіяхъ этихъ, о которыхъ подробнѣе было говорено выше, (§ 23.) устанавливается, въ концѣ концовъ, тотъ принципъ, что политическія права опредѣляются политическими обязанностями. Постановленіями, изданными при Эдуардѣ III обязанность нести службу присяжнаго въ графствѣ была возложена на всякаго, владѣющаго наслѣдственнымъ или пожизненнымъ freehold, дающимъ 40 шиллинговъ ренты. Эти мелкіе землевладѣльцы, вмѣстѣ съ рыцарями, собственно говоря, и

составляли гражданскій судъ графства въ той преобразованной, *активной* формѣ, которую онъ принялъ въ разсматриваемую эпоху. Вышеупомянутый цензъ, довольно высокій для того времени, представлялъ тотъ крайній предѣлъ, которымъ третье сословіе графства замыкалось снизу [3]).

Въ основу *избирательнаго права въ городахъ* съ самаго начала былъ положенъ тотъ же принципъ: оно, равнымъ образомъ, соразмѣрялось съ личною службою и съ уплачиваемыми налогами. Права городовъ, какъ извѣстно, произошли изъ арендованья ими сборовъ, слѣдовавшихъ королю (firma burgi) и изъ неизмѣнно даруемаго имъ права имѣть свой собственный полицейскій судъ (court leet) а такъ же и другія судебныя учрежденія, съ болѣе широкою юрисдикціей; изъ такого происхожденія само собою вытекало и участье въ правахъ гражданства всѣхъ тѣхъ постоянно-жительствующихъ въ городѣ домохозяевъ, которые участвовали въ платежѣ налоговъ и въ личныхъ повинностяхъ (resident householders paying scot,

---

[3]) Цензъ въ 40 шиллинговъ представляется весьма значительнымъ если принять въ расчетъ, что для рыцарскихъ леновъ по прежнему удерживалась оцѣнка въ 20 ф. ст.; между тѣмъ участокъ, оцѣненный въ 40 шиллинговъ, состоялъ приблизительно изъ половины гуфена земли т. е. небольшаго крестьянскаго участка, или же изъ дома соотвѣтствующихъ размѣровъ, при чемъ Фортескью съ гордостью говоритъ, что такихъ владѣльцевъ недвижимой собственности не мало можно насчитать въ Англіи. Если мы вспомнимъ, какое значительное число присяжныхъ требовалось ежегодно для гражданскихъ ассизовъ, для большихъ жюри странствующихъ судей, для мировыхъ судовъ, для жюри, произносившихъ приговоры во всѣхъ исчисленныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, для Sheriffstourn, и для courts leet, то окажется, что нѣсколько тысячъ человѣкъ должны были ежегодно нести присяжную повинность. Такимъ образомъ на этой почвѣ рыцари, вольные земледѣльцы и городское сословіе, привыкаютъ къ оживленной и самостоятельной дѣятельности сообща. Закономъ, изданнымъ въ 1 годъ царствованія Ричарда III было постановлено, что въ Sheriffstourn, вмѣстѣ съ вольными поселенцами, имѣющими цензъ 20 шиллинговъ, должны быть привлекаемы и villani, съ цензомъ въ 28 sh. 6 д. (постановленіе это было еще разъ подтверждено въ 19 году царствованія Генриха VII). Но чрезвычайная служба въ періодическихъ полицейскихъ судахъ сельскихъ округовъ никогда не считалась регулярною судебною повинностью и ограниченіе ея какимъ либо цензомъ было тѣмъ неудобнѣе, что въ private leets крестьяне призывались лишь по мѣрѣ надобности, при чемъ призывы эти производились крайне неправильно и безъ какого либо опредѣленнаго руководящаго юридическаго принципа. Нѣкоторая неясность, существовавшая въ отношеніяхъ между *старою* обязательною службою въ судѣ графства и въ періодическихъ полицейскихъ судахъ и между службою присяжныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была организована въ позднѣйшее время,—неясность эта, говорю я, особенно дала себя чувствовать въ спорѣ, такъ и оставшемся неразрѣшеннымъ, о томъ, кто долженъ участвовать во взносѣ суммъ на поденное вознагражденіе депутатамъ, посылаемымъ отъ графства въ парламентъ. Ни законодательство, ни общегосударственные суды не въ состояніи были найти такой принципъ, на основаніи котораго вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно. За исключеніемъ Кентскаго графства, во всѣхъ остальныхъ графствахъ распредѣленіе этого рода платежей между тѣми или другими классами населенія продолжало производиться сообразно съ мѣстными обычаями.

bearing lot). Изятыми изъ этихъ правъ оставались только поденщики, пріѣзжіе и иностранцы. Благодаря превращенію неопредѣленныхъ повинностей, лежавшихъ на городахъ по отношенію къ сюверену, въ опредѣленныя денежныя суммы, городская поземельная собственность, въ качествѣ burgage tenure, была поставлена въ одинаковое положеніе съ сельскимъ свободнымъ землевладѣньемъ, socage tenure. Вопросъ о томъ, можно ли привлекать къ участію въ Seot and lot и допускать къ соотвѣтствующимъ гражданскимъ правамъ такихъ домохозяевъ, которые живутъ въ наемныхъ домахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ разрѣшался различно, смотря по обычаямъ принятымъ въ каждой данной мѣстности. Тѣ обстоятельства, которыя впослѣдствіи такъ часто выставлялись, какъ условія, открывающія доступъ къ правамъ городскаго гражданства, какъ то: рожденіе, занятіе извѣстнымъ ремесломъ, женитьба и т. п. въ началѣ просто имѣли значеніе по столько, по сколько они обусловливали возникновеніе самостоятельнаго хозяйства. Между тѣмъ, какъ организація городской судебной повинности и податной системы, такъ и различіе имущественныхъ интересовъ между горожанами, занимавшимися земледѣліемъ, ремесленниками и торговцами, не позволяли городскому избирательному праву развиваться въ стройномъ порядкѣ и отзывались на немъ постепеннымъ, но непрерывнымъ вырожденіемъ. Уклоненіе англійскихъ городовъ отъ нормальнаго процесса образованія сословій особенно рѣзко проявилось въ слѣдующихъ фактахъ:

1) *Въ упадкѣ личнаго участія гражданъ въ судебной дѣятельности*, что было вызвано измѣненіемъ самой судебной организаціи и постепеннымъ упраздненіемъ старыхъ полицейскихъ судовъ. По самой сущности дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію полицейскихъ судовъ, разбирательство ихъ гораздо удобнѣе могло производиться мировыми судьями и констеблями, чѣмъ періодическими собраніями гражданъ. Новый судъ присяжныхъ, въ которомъ уже не требовалось разрѣшенія юридическихъ вопросовъ, считался еще болѣе, чѣмъ прежде обременительною повинностью, на которую никто, конечно не напрашивался. Забота о призрѣніи бѣдныхъ въ то время еще не входила въ кругъ городскихъ обязанностей. Такимъ образомъ періодическія собранія гражданъ (courts leet) утратили мало по малу большую часть тѣхъ предметовъ, обсужденіе которыхъ могло имѣть практическую важность и лишь при исключительныхъ мѣстныхъ условіяхъ сохраняли еще тамъ и сямъ нѣкоторое значеніе. Относительно присяжной повинности законъ, изданный въ 21-мъ году царствованія Эдуарда I, предоставлялъ городамъ сообразоваться «съ обычаемъ», не устанавливая для городскихъ присяжныхъ никакого ценза. Но какъ бѣдные люди, такъ и болѣе состоятельные

ремесленники, а такъ-же многіе изъ именитыхъ гражданъ, уже въ раннемъ періодѣ всячески старались уклоняться отъ этой службы. Для завѣдыванія текущими дѣлами городскаго управленія почти повсюду возникали особыя коммиссіи, которыя либо заимствовали свой составъ изъ такъ называемыхъ leet juries, либо, по мѣрѣ надобности, составлялись изъ спеціально для того выбранныхъ довѣренныхъ людей (councillors). Но опытъ доказалъ, что подобные comitees, избираемые для тѣхъ, или другихъ единичныхъ дѣлъ, напримѣръ для раскладки налоговъ, обыкновенно стремятся стать постояннымъ учрежденіемъ, при чемъ составъ свой онѣ пополняютъ приглашеніемъ новыхъ членовъ отъ себя, такъ какъ никто съ своей стороны не выказываетъ особенной готовности принять участіе въ ихъ трудахъ.

2) Первоначальный характеръ *городскихъ постановленій о налогахъ* тоже видоизмѣняется. При обсужденіи налоговъ въ парламентѣ, городскіе депутаты въ началѣ считались лишь комитетомъ, уполномоченнымъ отъ всей communitas и дѣйствовавшимъ на основаніи обязательныхъ инструкцій, полученныхъ имъ отъ своихъ довѣрителей; по всѣмъ вѣроятіямъ, въ то время въ собраніяхъ городскихъ гражданъ вопросъ о томъ, въ какихъ размѣрахъ утверждать испрашиваемые налоги, подвергался серьезному предварительному обсужденію. Но при этомъ все таки необходимо было, чтобы въ концѣ концовъ состоялось соглашеніе между отдѣльными общинами, призванными *въ парламентъ*; вотъ почему центромъ тяжести въ вопросѣ о налогахъ становится *совокупность парламентскихъ депутатовъ*. Вообще, чѣмъ равномѣрнѣе становятся субсидіи, постоянно испрашиваемыя правительствомъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ для каждой общины устанавливается опредѣленная норма обложенія, тѣмъ болѣе вышеупомянутыя предварительныя совѣщанія городскихъ гражданъ о налогахъ утрачиваютъ свой смыслъ. Вопросъ о томъ, на сколько настоятельны тѣ нужды, для удовлетворенія которыхъ предназначается субсидія, испрашиваемая королемъ, необходимо было предоставить на конечное обсужденіе самихъ депутатовъ, собранныхъ въ парламентѣ. Такимъ образомъ, порученія, возлагаемыя на депутатовъ мало по малу, и незамѣтно переходятъ въ общее полномочіе, основанное но довѣріи къ ихъ сужденію. Когда дѣло доходило до распредѣленія разрѣшенной уже субсидіи между жителями даннаго города, для такихъ раскладокъ уже имѣлся разъ на всегда опредѣленный масштабъ, а потому главная часть задачи подала на коммиссію, завѣдывавшую раскладкой. Изъ всего этого явствуетъ, что и въ дѣлѣ назначенія и распредѣленія налоговъ собранія гражданъ утрачивали, собственно говоря, свой смыслъ. Тѣ же сборы, которые требовались на покрытія городскихъ расходовъ, были еще слишкомъ

незначительны и ими одними не могла мотивироваться необходимость выборнаго представительства и собраній гражданъ.

3) Къ двумъ вышеуказаннымъ обстоятельствамъ присоединялось еще *разнообразіе городскихъ формъ собственности*, составлявшее такой контрастъ съ однородностью интересовъ въ сельскихъ округахъ. Ремесла и торговля склонны, по самой сущности своей, организоваться въ корпораціи и цѣхи, а каждый цѣхъ, какъ только онъ возникъ, стремится устранять конкурренцію всѣхъ тѣхъ, которые къ нему не принадлежатъ. Такимъ образомъ, иногда вслѣдствіе безсилія власти (какъ напримѣръ въ Германіи) или же вслѣдствіе нежеланія ея вмѣшиваться въ дѣло (какъ то было въ Англіи) образуются группы интересовъ, которыя стремятся къ пріобрѣтенью полицейской власти, а разъ добившись ея, вырабатываютъ себѣ «автономно» торговое и ремесленное законодательство, сообразно съ своими интересами. Этотъ процессъ начинается въ описываемую нами эпоху въ Англіи, при чемъ, однако же, въ различныхъ мѣстностяхъ онъ происходитъ различно, смотря потому на чьей сторонѣ находится больше силы. Тамъ, гдѣ цѣховая организація достигла извѣстной степени вліянія, старшины цѣховъ могли образовать изъ себя болѣе тѣсный кругъ активныхъ гражданъ. Въ небольшихъ мѣстечкахъ граждане, занимавшіеся земледѣліемъ, и домовладѣльцы еще продолжали составлять нѣчто въ родѣ перства, подобно тому, какъ это было и въ крестьянскихъ общинахъ; активными гражданами являлись тутъ лица, владѣющія городской землею (qurgage tenure). Тамъ, гдѣ при городскомъ бургомистрѣ не было постояннаго совѣта, или комитета, для выборовъ въ каждомъ единичномъ случаѣ приходилось созывать всѣхъ владѣльцевъ поземельной собственности и плательщиковъ налоговъ, а иногда даже созывались и всѣ обыватели. Но чѣмъ болѣе личная дѣятельность исчезаетъ въ общественномъ цѣломъ, тѣмъ рѣзче даетъ себя чувствовать различіе имущественныхъ формъ. При такихъ условіяхъ никакой законъ и никакое обычное право не могутъ поддержать жизнедѣятельность политическаго права, въ особенности тамъ, гдѣ оно сводится на одно право выборовъ. О тенденціозныхъ злоупотребленіяхъ въ ту пору еще не можетъ быть и рѣчи. Лишь въ послѣдующемъ періодѣ сказывается сознательное стремленіе формулировать фактическое положеніе дѣло въ уставахъ цѣховъ и поставить на мѣсто общинныхъ союзовъ извращенное понятіе «корпоративныхъ» союзовъ. Но до какой степени съузился къ тому времени кругъ избирателей, можно видѣть изъ того, что уже со временъ Эдуарда IV замѣчаются попытки подкупа на выборахъ со стороны разныхъ честолюбцевъ [3а]).

3а) *О различіи экономическихъ условій въ англійскихъ городахъ* и о скрещивавшихся въ нихъ землевладѣльческихъ, торговыхъ и ремесленныхъ интересахъ

Законодательство представляетъ всѣмъ этимъ явленіямъ развиваться на свободѣ и, даже ухудшаетъ положеніе дѣлъ тѣмъ, что

4) *умножаетъ безъ всякой разумной системы число городскихъ представителей.* Скромное положеніе, которое эти представители занимали въ палатѣ общинъ, повидимому породило о нихъ такого рода мнѣніе, что на нихъ королевская власть можетъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ разсчитывать, какъ на самый преданный элементъ парламента. Поэтому-то, не взирая на сопротивленіе самихъ городовъ, число ихъ представителей къ концу среднихъ вѣковъ было такъ увеличено, что въ четыре раза превышало число рыцарей, представлявшихъ графства, между тѣмъ, какъ въ услугахъ, оказываемыхъ государству, отношеніе между тѣмъ и другимъ элементомъ, было скорѣе обратное. Этотъ черезмѣрный перевѣсъ начинаетъ отзываться и на томъ направленіи, которое принимаетъ законодательная дѣятельность. Еще при Эдуардѣ I граждане Лондона ходатайствовали о томъ, чтобы иностранные купцы были изгнаны изъ Лондона, такъ какъ они разбогатѣли благодаря обѣднѣнію гражданъ. Вліяніе городскаго элемента въ парламентѣ заставляетъ Эдуарда III снова

трактуетъ Stubbs. III p. 359—392 (Municipal History) Англійская торговля и ремесленная политика того времени весьма основательно изслѣдовано въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ, появившихся за послѣднее время, въ особености же у Георга Шанца въ его Engl. Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters, Leipzig 1881. 2. Bde. (Къ сочиненію этому приложено весьма полное собраніе историческихъ матеріаловъ). Для желающихъ имѣть наглядную общую картину этого предмета можно рекомендовать W. von Oschensky, Englands wirshschaftliche Entwickelung im Ausgang des Mittelalters. Jena 1879. (Въ томъ, что касается условій жизни въ сельской общинѣ я долженъ напомнить о замѣчельномъ изслѣдованьи Nasse: Die mittelalterliche Feldgemeinschaft, Bonn 1869). Экономическіе интересы тутъ были до такой степени различны, что въ дѣлѣ развитія своихъ городовъ Англія всего болѣе напоминаетъ ходъ развитія сословій въ Германіи: и тамъ и здѣсь государственная власть остается почти пассивной и предоставляетъ общественнымъ группамъ вырабатывать свою организацію „автономно“. Такъ называемые 5 портовыхъ городовъ, въ виду спеціальныхъ обязаностей, возложенныхъ на нихъ для защиты страны, находятся на особомъ положеніи, представляющемъ нѣчто среднее между положеніемъ рыцарства и городскаго сословія. Большіе промышленные и торговые города предоставляютъ ремесленнымъ цѣхамъ и торговымъ гильдіямъ извѣстную долю участія въ городскомъ управленіи. Въ томъ что касается ремеселъ и внутренной торговли, экономическія условія страны не особенно благопріятствовали развитію духа корпоративной замкнутости, но въ дѣлѣ внѣшней торговли нѣкоторые города издавна успѣли упрочить за собою на основаніи пошлинъ, уплачиваемыхъ съ вывозимыхъ товаровъ,монополію этой торговли,заручившись такъ называемыми stapelarivileges. Такимъ образомъ была монополизировано торговля шерстью, бараньими шкурами, кожей, свинцомъ и цинкомъ; правомъ вывозить эти товары пользовались исключительно такъ называемые merchants of the staple, корпорація, имѣвшая свои особые суды, которымъ она была подсудна. Привиллегіей staple обладали нижеслѣдующіе города: Лондонъ, Бристоль, Кентербери, Чичестеръ, Эксетеръ, Линкольнъ, Ньюкэстль-на-Тейнѣ, Норвичь, Іоркъ и въ Уэльсѣ-Кермартенъ. Привиллегіи этого рода не играли рѣшающей роли въ организаціи городскаго управленія; но онѣ въ позднѣйшій періодъ способствовали тому, что въ нѣкоторыхъ

возстановить отмѣненныя было права Staple. Высказывается требованіе, чтобы были изданы законы «для защиты честныхъ купцовъ отъ черезмѣрнаго поднятія цѣнъ на товары». Дозволеніе жить въ Лондонѣ, данное иностраннымъ ремесленникамъ, возбуждаетъ неоднократно протестъ. Предъявляется требованіе, чтобы товары привозились и вывозились не иначе, какъ на корабляхъ, принадлежащихъ подданнымъ короля. Право обучать своихъ дѣтей торговому дѣлу или ремесламъ, существующимъ въ городѣ, предоставляется лишь тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ не менѣе 20 шиллинговъ дохода (7. Henr. IV, c. 17).

Еще болѣе придирчивую регламентацію представляетъ система полицейскихъ мѣръ, касающихся рабочихъ. Чума 1348 года и послѣдовавшее за нею повышеніе цѣнъ на рабочія руки вызвали сначала королевское повелѣніе, а два года спустя, постановленіе парламента, которымъ норма заработной платы устанавливалась въ размѣрахъ, существовавшихъ за предшествующія пять или шесть лѣтъ; при этомъ нарушителямъ постановленія угрожаютъ тюремнымъ заключеніемъ и наложеніемъ клеймъ рукою палача. При Ричардѣ II издаются новые законы, запрещающія низшимъ классамъ цѣлый

городахъ нормальная организація управленія переплелась съ корпоративной организаціей. Тѣ вредныя послѣдствія, къ которымъ порою вело подобная экономическая политика всего явственнѣе сказываются въ обѣднѣніи небольшихъ городовъ внутри страны; города эти были подавлены монополіею мѣстъ, имѣвшихъ привилегію staple, что явствуетъ между прочимъ и изъ росписей налоговъ; другимъ доказательствомъ вредности упомянутой системы можетъ служить законодательство, въ которомъ замѣчаются частыя колебанья по всѣмъ вопросамъ, касающимся этого предмета. Все вышеизложенное выступаетъ въ большомъ масштабѣ въ городѣ Лондонѣ. Говоря вообще, въ эту эпоху, когда сословныя права еще только начинали слагаться, отношенія между лондонскими City и крупнымъ землевладѣніемъ были дружественныя; наиболѣе вліятельная часть дворянства проводила къ тому же извѣстную часть года въ столицѣ. Но именно въ тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, замѣчаются нѣкоторыя проявленія борьбы между этими двумя элементами. Въ Лондонѣ накопленіе промышленной собственности было такъ громадно, что союзъ лицъ, владѣющихъ однородною собственностью, стремится подавить представителей иного рода собственности и гильдейскія корпораціи выступаютъ противъ общиннаго союза. Право городскихъ выборовъ, послѣ неудавшейся попытки, объявленной еще при Генрихѣ III, было предоставлено корпораціямъ на основаніи королевскаго повеленія, состоявшагося при Эдуардѣ III. (въ 1362). Вслѣдствіе этого выборы дѣйствительно перешли изъ рукъ гражданъ въ руки торговыхъ компаній. Но нововведеніе это до такой степени противорѣчило какъ общей конституціи страны, такъ и началамъ, на которыхъ основывались организація городовъ, что вскорѣ послѣ того, въ 7-мъ году царствованья Ричарда II, появилось королевское повелѣніе, возстановлявшее старый порядокъ и возвращавшее собранію гражданъ (wardmote) его давнишнія права. Между тѣмъ борьба между городской общиной и корпораціями продолжалось и послѣ этого. Корпораціи сохраняли значительную долю вліянія и имъ удавалось отъ времени до времени добиваться новыхъ льготъ отъ короля, какъ то было, напримѣръ, при Эдуардѣ IV. Списокъ древнѣйшихъ хартій города Лондона можно найти у Merewether, III p. 2360—65. См. Gneist, Die City von London, 1868.

рядъ увеселеній и стремящихся къ тому, чтобы затруднить для нихъ переходъ изъ одного мѣста жительства на другое. Возстаніе крестьянъ при Ричардѣ II влечетъ за собою примѣненіе законовъ о государственной измѣнѣ. При Генрихѣ VI союзы между рабочими, составляемые съ цѣлью обходить полицейскіе законы, объявляются виновными въ felony. Палата Общинъ однажды обращается, даже къ королю съ петиціей о томъ, чтобы низшимъ сословіямъ было запрещено посылать своихъ дѣтей въ школу и отдавать ихъ въ духовное званіе, и это ходатайство мотивируется заботою о томъ, чтобы «не пострадала честь всѣхъ свободныхъ людей страны». Въ законахъ о роскоши преобладаетъ мысль о «сохраненіи денегъ внутри страны». Лишь благоразуміе верховной власти, магнатовъ и рыцарей парализуетъ подобныя стремленія и въ большинствѣ случаевъ обуздываетъ нелѣпыя притязанія.

Изъ разнохарактерныхъ этихъ фактовъ не трудно убѣдиться, что городскимъ элементамъ не достаетъ той взаимной связи которая дѣлала рыцарей и вольныхъ земледѣльцевъ однороднымъ цѣлымъ— communitas, дружно дѣйствовавшимъ какъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, такъ и въ дѣлѣ лежавшихъ на немъ денежныхъ повинностей, и въ то-же время не утрачивавшемъ связей съ высшимъ дворянствомъ. Городскіе депутаты являлись представителями извѣстной части городовъ, которые были произвольно возвеличены и очень неравномѣрно распредѣлены между графствами. Громадное большинство этихъ депутатовъ представляло лишь одинъ центръ торговой и промышленной дѣятельности данной мѣстности. Та часть гражданъ городовъ, которые еще продолжали играть активную роль, была распредѣлена очень неравномѣрно между отдѣльными городами и, кромѣ того, постоянно замѣтно стремленіе уменьшить численность такихъ гражданъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что въ средѣ городскихъ представителей могло выработаться лишь пониманіе мѣстныхъ и классовыхъ интересовъ; только эти послѣдніе принимались ими близко къ сердцу, высшіе-же политическіе интересы,—ardua negotia regni,—оставались имъ чужды[3b]).

[3b]) Совершенно согласно съ высказаннымъ выше, Стёббсъ замѣчаетъ: „Городское представительство отличается не столько политическою проницательностью, сколько заботою о разныхъ мѣстныхъ интересахъ, въ родѣ улучшенія внѣшняго вида города, уменьшенія налоговъ „въ видахъ расхода, произведеннаго на починку городской стѣны“ и устраненія разныхъ мѣстныхъ злоупотребленій. Купцы находятъ для себя болѣе выгоднымъ вступать съ королемъ въ переговоры частнымъ путемъ, чѣмъ поддерживать въ парламентѣ его требованія о повышеніи налоговъ. Внѣ парламента они являются покорными орудіями короля, въ парламентѣ-же они молча поддерживаютъ жалобы, заявляемыя рыцарями“. Поэтому-то почти не замѣчается попытокъ преобразовать существующее избирательное право. (Stubbs. III, 589). Во главѣ всѣхъ политическихъ движеній стоятъ исключительно рыцари. Изъ городовъ доходятъ только извѣстія о мѣстныхъ безпорядкахъ. Одни

Во внутренней жизни городовъ, правда, замѣчалось нерѣдко большое возбужденіе, доходящее даже до борьбы и насилій, и борьба эта происходитъ не между «капиталомъ и трудомъ», а между торговлей и ремеслами, или-же двумя группами торговцевъ, между ремесленниками и другими такими-же ремесленниками, между городскимъ магистратомъ и гильдіями, или, наконецъ, между магистратомъ и гражданами. Но въ династическія битвы разсматриваемой эпохи, а также въ политическую борьбу партій изъ-за отношеній королевскаго совѣта къ парламенту городскія сословія вмѣшиваются лишь по столько, по сколько ихъ увлекаетъ въ слѣдъ за собою дворянство. До самаго окончанія среднихъ вѣковъ не было ни одного примѣра, чтобы въ моментъ политической борьбы какое-нибудь предложеніе было самостоятельно внесено городскимъ представителемъ. Равнымъ образомъ, во время династическихъ распрей, хотя обѣ стороны и ищутъ поддержки городовъ, рѣшающей роли въ борьбѣ они не играютъ и не выказываютъ особенной приверженности ни къ Алой, ни къ Бѣлой розѣ.

Въ силу всего этого для установленія какого-нибудь ценза для пассивнаго *права избираемости* въ городскіе депутаты не имѣлось рѣшительно никакихъ данныхъ, за которыя можно-бы было ухватиться. Королевскія повелѣнія шерифамъ о производствѣ выборовъ продолжаютъ редактироваться въ такихъ-же неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ и прежде; въ нихъ только говорится объ избраніи de discretioribus et magis sufficientibus, — и ничего болѣе. Но кого-же можно было считать этими выдающимися представителями? То положеніе, въ которомъ находилось въ разсматриваемую эпоху судебно-полицейское и податное дѣло было таково, что большинство гражданъ, не игравшихъ уже дѣятельной роли въ мѣстномъ управленіи, весьма равнодушно относились къ единичному избирательному акту; de facto кругъ избирателей въ большинствѣ мѣстечекъ ограничивался лишь весьма небольшимъ числомъ лицъ. Весьма естественнымъ образомъ выборъ обыкновенно падалъ на кого нибудь изъ наиболѣе именитыхъ лицъ города или на джентльменовъ изъ судебно-мировыхъ коммиссій. Но такъ какъ судебно-мировыя учрежденія графства обыкновенно охватывали и города, то рыцари такимъ образомъ, черезъ находившееся въ ихъ рукахъ полицейское управленіе вступали въ прочную связь съ городами, которымъ уже начиная

только представители крупной промышленности стоятъ большею частью на сторонѣ короля. Само собою разумѣется, и у рыцарей, по временамъ, интересамъ землевладѣльца отдается предпочтеніе передъ интересами рабочаго или поденщика, но вообще говоря въ ихъ политикѣ замѣчательна послѣдовательность и вѣрность конституціоннымъ традиціямъ. (Stubbs, II. 514).

съ XV столѣтія нерѣдко приходилось останавливать свой выборъ на нихъ. Во всякомъ случаѣ, на мѣста депутатовъ попадали элементы аналогичнаго имущественнаго положенія съ тѣми, которые находились и въ судебно-мировыхъ коммиссіяхъ, и рыцари никакъ не могли отказать этимъ элементамъ въ признаніи ихъ за равныхъ. По этому то къ концу разсматриваемаго періода титулъ esquire, присвоенный рыцарямъ, распространяется и на городскихъ именитыхъ людей.

Но, какъ бы тамъ ни было, персоналъ мировыхъ судей и депутаты въ парламентѣ орудовали всѣми дѣлами, имѣвшими политическую важность; такимъ образомъ, *высшій разрядъ* городскаго сословія получалъ импульсъ, толкавшій его на почву общественной дѣятельности и дававшій ему возможность упрочить за собою политическое вліяніе. Благодаря этому, было подготовлено сліяніе высшаго класса горожанъ съ классомъ рыцарей въ однородное, gentry. Съ другой стороны, *остальные классы городскаго сословія понизились* до положенія пассивныхъ гражданъ и это то обстоятельство было причиною того преимущественно аристократическаго характера, который приняло впослѣдствіи парламентское представительство. Но въ томъ, что касается землевладѣльческихъ классовъ графства, система трехъ сословій, основанная на личныхъ услугахъ и на *платимыхъ повинностяхъ*, было заложена съ такою незыблемою прочностью, что она могла воспринять въ себя и вынести на себѣ всѣ аномаліи разнокалибернаго городскаго представительства, которыя въ ея стройномъ цѣломъ были недостатками, имѣвшими лишь второстепенное значеніе. Система эта съ изумительною стойкостью выдержала бури реформаціи и революціи и дожила до нашего, девятнадцатаго вѣка.

IV. Все то, что, *по выдѣленіи трехъ государственныхъ сословій, остается* infra classem, представляетъ собою рабочее населеніе страны, которое лично хотя и пользуется свободой, но не получило никакой доли участія въ правахъ парламетскаго представительства. И оно тоже плотитъ подати, но наибольшая масса этихъ податей уплачивается не государству, а какому нибудь землевладѣльцу, домовладѣльцу или хозяину, который несетъ на себѣ бремя непосредственныхъ государственныхъ налоговъ. Нѣкоторая часть этого класса еще могла, въ извѣстныхъ случаяхъ, нести судебно-полицейскую службу въ court leet, но служба такого рода имѣла характеръ мѣстный, случайный, ничѣмъ не регулируемый и представляла собою уже почти отжившее учрежденіе.

Болѣе благопріятное положеніе, котораго, говоря вообще, достигли рабочіе классы около этого времени, объясняется *измѣнившимися условіями сельскаго хозяйства*. Система денежнаго хозяйства съ сво-

ими освободительными послѣдствіями распространилось изъ области государственной въ сферу общиннаго хозяйства, а изъ общественной жизни проникла и въ частную жизнь. Землевладѣльцы и монастыри въ разсматриваемый періодъ уже не управляютъ болѣе своими имѣньями черезъ старостъ, (bailiifs);—большинство ихъ вводитъ у себя новую систему сдачи земель на аренду за деньги и такимъ образомъ возникаетъ новый классъ фермеровъ, занимающій средину между freeholder и сельскимъ рабочимъ. Послѣ того, какъ численность и благосостояніе фермеровъ успѣли возрасти, имъ, на языкѣ того времени, присвоивается, наравнѣ съ мелкими владѣльцами свободныхъ земель, названіе yeomen. Подобные арендаторы въ XV столѣтіи все чаще и чаще замѣняютъ старостъ, прежде завѣдывавшихъ хозяйствомъ на земляхъ лордовъ и монастырей, но зависимость ихъ отъ землевладѣльца имѣетъ иной характеръ, чѣмъ то, въ которой находились ихъ предшественниками. При обложеніи налогами арендаторы подвергаются приблизительно той же оцѣнкѣ «in bonis», какая падаетъ на freeholder'a—in terris (Stubbs III. 552. 553). Впрочемъ положеніе ихъ зависитъ отъ количества арендуемой ими земли и отъ того капитала, которымъ они располагаютъ. Съ введеніемъ системы арендъ для землевладѣльца упраздняется надобность въ крѣпостныхъ услугахъ его подданныхъ и потому эти послѣдніе получаютъ возможность массами выкупаться изъ крѣпостной зависимости.

При Ричардѣ II и Генрихѣ IV эпидеміи, неурожаи и промахи податной системы вызывали не разъ возстанія крестьянъ, ближайшимъ поводомъ къ которымъ, по видимому, служили попытки землевладѣльцевъ ввести снова крѣпостной трудъ послѣ того, какъ онъ уже былъ замѣненъ отношеніями аренадторства и наемнаго труда. Но когда система денежнаго хозяйства, посредствомъ сдачи земель въ аренду и найма рабочихъ рукъ, успѣла окрѣпнуть, то поводы къ недовольству устраняются, съ одной стороны собственнымъ интересомъ владѣльцевъ помѣстій, а съ другой отмѣною злополучной подушной подати.

Однимъ изъ благопріятныхъ результатовъ этой новой системы хозяйства было — *упраздненіе крѣпостнаго права*. То, что прежде достигалось вліяніемъ церкви, теперь дѣлалось по внушенію собственнаго интереса владѣльца, которому было выгоднѣе отпускать крѣпостныхъ на волю, такъ какъ вольно-наемные рабочіе оказывались болѣе пригодными. Юриспруденція того времени оказывала и личности крѣпостныхъ ту защиту, которою пользовалась liberi homines; зависимость крѣпостныхъ отъ господина тогдашніе юристы разсматривали, какъ исключительную форму отношеній, ограниченную предѣлами частнаго права. Тѣ немногіе крѣпостные, которые

еще оставались въ личной зависимости къ концу среднихъ вѣковъ составляютъ совершенно ничтожное исключеніе [4]).

Личное положеніе крестьянъ, живущихъ своимъ хозяйствомъ на господскихъ земляхъ (villani) равнымъ образомъ улучшилось. Черезмѣрная барщина которою были обременены участки несвободныхъ крестьянъ, съ теченіемъ времени была по большей части переведена на денежные оброки, и это было сдѣлано по тѣмъ же соображеніямъ, которыя заставили отдавать земли въ аренду (Scriven, on copyhold I, 46. 428). За высшимъ разрядомъ этихъ крестьянъ уже въ началѣ разсматриваемаго періода судебная практика признаетъ въ извѣстной степени право на занимаемый ими участокъ, требуя, чтобы удаленіе крестьянъ съ этого участка производилось не иначе, какъ сообразно съ обычаемъ, искони принятымъ въ данной мѣстности; (впослѣдствіи крестьяне, пользовавшіеся такимъ правомъ составили такъ называемый privileged villenage). Для остальныхъ крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, къ концу этого періода, знаменитымъ рѣшеніемъ суда, состоявшимся въ царствованіе Эдуарда IV по такъ называемому Taltarum case, тоже было признано, что они не могутъ быть сгоняемы съ своихъ участковъ иначе, какъ ex justa causa. Въ разсматриваемый періодъ все болѣе и болѣе входитъ въ обычай обозначать крестьянъ этого рода общимъ наименованіемъ copyhold, заимствованнымъ отъ подворнаго реестра, который замѣняетъ имъ документы на владѣніе участкомъ ихъ земли [4a]).

---

[4]) У крестьянства эпохи Ричарда II соціальныя воззрѣнія, свойственныя рабочимъ классамъ, шли рука объ руку съ еретическими стремленіями, враждебными церкви. Вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ былъ выдвинутъ на первый планъ, съ точки зрѣнія человѣческихъ правъ. Правда законъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, изданный въ то время, былъ взятъ назадъ по настоянію парламента, но собственный интересъ землевладѣльцевъ, по видимому служилъ достаточною побудительною причиною для устраненія этого зла, о которомъ съ тѣхъ поръ болѣе не заводится рѣчи въ парламентѣ. Во время возстанія Джона Кеда (1450) не было рѣчи ни о крѣпостной зависимости, ни о религіозныхъ идеяхъ; программа этого возстанія выдвигала на первый планъ интересы рабочимъ, служащимъ по найму, требовало, чтобы „семь хлѣбовъ продающихся по полпенни, стоили одинъ пенни“ требовали отмѣны денегъ, равенства одежды для всѣхъ и т. п.,—словомъ, то были требованія, сводившіяся къ формулѣ egalité et fraternité, и являвшіяся естественной реакціей противъ черезмѣрно-строгихъ полицейскихъ мѣръ, которыя принимались относительно рабочаго сословія. Съ устраненіемъ этихъ строгостей при Іоркской династіи и при Тюдорахъ волненія сами собою затихаютъ.

[4a]) Общая численность этихъ copyhold была опредѣляема лордомъ Кокомъ въ одномъ изъ его судебныхъ приговоровъ—въ $^1/_3$ всего класса сельскихъ землевладѣльцевъ; но по позднѣйшимъ статистическимъ даннымъ оно оказывается почти вдвое выше. На совершенно особомъ положеніи находились крестьяне, жившіе на старыхъ коронныхъ земляхъ—in antient demesne. Между ними иные были совершенно свободными freeholders, другіе же частью наслѣдственными villani (разрядъ соотвѣтствующій тому, что называлось privileged villenage) или же простыми copyholders, но изъятыми, по особой милости короля, отъ подсуд-

Городскіе рабочіе классы, равнымъ образомъ, находились въ экономической зависимости отъ собственниковъ, но зависимость эта обусловливалась *свободнымъ* договоромъ и выражалась въ отношеніяхъ найма. Жестокосердыя ограниченія ихъ свободы передвиженія посредствомъ законовъ о бѣдныхъ были введены лишь въ послѣдующія столѣтія. Пассивное положеніе, которое они занимаютъ въ городской организаціи, составляетъ не ихъ только исключительный удѣлъ; большинство имущихъ классовъ сами очутились въ такомъ же положеніи, благодаря тому складу, который приняло городское избирательное право въ позднѣйшій періодъ.

Все, что парламентаризмъ могъ доставить классамъ общества, не имѣющимъ своего собственнаго представительства (а такіе классы составляютъ большинство при всѣхъ формахъ представительнаго правленія)—была—*юридическая свобода подниматься въ ряды высшихъ сословій*, и въ этомъ отношеніи англійская конституція не въ примѣръ конституціямъ континента, можетъ считаться образцовой. Каждому сельскому или городскому рабочему, если онъ только человѣкъ дѣльный и трудолюбивый, открыта возможность сдѣлаться фермеромъ и даже мелкимъ поземельнымъ собственникомъ; равнымъ образомъ, трудящимся классамъ вообще не закрытъ доступъ ни къ одной отрасли прибыльныхъ занятій, такъ какъ свобода передвиженія ничѣмъ не стѣснены и мѣстныя гильдіи и ремесленные цѣхи охотно принимаютъ новыхъ членовъ, средніе классы городскаго населенія имѣютъ доступъ къ должностямъ въ городскомъ управленіи, а наиболѣе именитымъ горожанамъ открытъ путь и къ судебно-мировой дѣятельности и къ парламентскому представительству, и даже къ почетному званію эсквайра. Мелочной торговецъ можетъ во всякое время сдѣлаться freeholder'омъ, фермеръ можетъ, рядомъ съ арендуемымъ имъ участкомъ, пріобрѣсти въ собственность небольшой участокъ земли, который дастъ ему политическія права. Богатый торговецъ можетъ купить у обѣднѣвшаго дворянина его рыцарское помѣстье со всѣми тѣми почетными правами, которыя еще сохранились за такъ называемыми manors, и семейство такого тор-

---

ности обыкновеннымъ судамъ и отъ подчиненія общему управленію графства; равнымъ образомъ, они не были обязаны нести службу присяжныхъ, а слѣдовательно и не имѣли своего представительства въ графствѣ и въ парламентѣ; такъ какъ они такимъ образомъ не могли считаться связанными согласіемъ парламента въ дѣлѣ налоговъ, то они облагались особыми tallagia. Депутатовъ отъ этихъ крестьянъ нерѣдко вызывали въ парламентъ, но они никогда не засѣдали вмѣстѣ съ членами нижней палаты и не входили въ составъ парламента. Среди этихъ крестьянъ корона всего долѣе удерживала за собою право назначать налоги собственною властью Въ позднѣйшія времена, при утвержденіи налоговъ въ парламентѣ, король съ своей стороны заявлялъ согласіе за крестьянъ, живущихъ на коронныхъ земляхъ (le Roi aussi le veut).

говца обыкновенно уже во второмъ поколѣніи становилась въ ряды самыхъ ревностныхъ защитниковъ всѣхъ почетныхъ отличій рыцарства. Съ другой стороны, наоборотъ, поступленіе младшихъ сыновей дворянскихъ и рыцарскихъ семействъ въ конторы большихъ торговыхъ фирмъ вовсе не считалось унизительнымъ для ихъ званія. Въ спискахъ торговыхъ и промышленныхъ гильдій можно найти имена многихъ рыцарей графства, представители старыхъ дворянскихъ родовъ съ особеннымъ рвеніемъ добивались мѣстъ городскихъ mayors, aldermen и recorders, а также представительства городовъ въ парламентѣ. Ни одному изъ классовъ общества не возбранялось подниматься на высшіе ступени церковной іерархіи; всѣ сколько-нибудь достаточные классы могли черезъ поступленіе въ корпораціи юристовъ доходить до высокихъ и почетныхъ должностей, а за особенныя услуги, оказанныя въ этихъ должностяхъ, даже достигать званія пера [4b]). Та тѣсная связь, которую эта система, организующая сословія на почвѣ самоуправленія и податныхъ тягостей, имѣетъ съ высшими отправленіями государственной власти, простирается даже до самыхъ послѣднихъ слоевъ общества и создаетъ и всюду порождаетъ *солидарность въ общественныхъ стремленіяхъ*, при которой дѣйствительныя способности и заслуги могутъ, конечно, наталкиваться на фактическія затрудненія, но нигдѣ

[4b]) „Младшіе сыновья рыцарей графствъ искали себѣ и невѣстъ и круга дѣятельности, и богатства въ городахъ. Высшій слой городскаго населенія составлялъ аристократію, которой, какъ фамиліи de la Poles достаточно было *одного* только поколѣнія, чтобы добиться полнаго признанія со стороны родовой аристократіи. Обрядъ возведенія въ рыцарское достоинство, общность обычаевъ и формы одежды, узы родства и свойства, — все это поддерживало солидарность въ высшихъ сословіяхъ. Подобныя же отношенія существовали и между мелкими землевладѣльцами и мелкими промышленниками“ (Stubbs. II 188). Смягчающее вліяніе, которое система прямыхъ налоговъ, введенная въ очень ранній періодъ, должна была оказывать на отношеніе сословій между собою, явствуетъ уже изъ самаго положенія податнаго дѣла. Законы противъ роскоши, изданные въ 23 году царствованія Эдуарда IV, равенство частнаго и семейнаго права для всѣхъ, равенство податнаго обложенія, — все это создало въ Англіи такую общественную группировку, о которой и понятія не имѣли на континентѣ. Такъ напримѣръ подоходный налогъ даетъ слѣдующія цифры за 1359 г.: герцоги (136 шиллинга), коронные судьи (100 шил.), графы и меръ города Лондона (80 шил.), бароны, баннереты, прокуроры, члены лондонскаго городскаго совѣта и меры болѣе значительныхъ городовъ (40 шил.), рыцари, адвокаты, члены городскихъ совѣтовъ 2-го разряда (20 шил.), рыцари орденовъ и крупные торговцы ($13^1/_3$ шил.), эсквайры, адвокаты низшаго разряда, бургомистры и члены городскихъ совѣтовъ въ небольшихъ городахъ, а также вольные земледѣльцы и наиболѣе крупные фермеры ($6^2/_3$ шил.), низшіе кавалеры орденовъ, эсквайры и джентльмены, не имѣющіе поземельной собственности, мелкіе торговцы, ремесленники, фермеры ($3^1/_3$ шил.) и т. д. Что въ придворныхъ должностяхъ дѣлали отличіе между тремя разрядами: serjeants, gentlemen и yeomen, и что въ геральдіи господствовали иныя воззрѣнія на отношенія между сословіями, чѣмъ въ жизни,— это, конечно, и въ концѣ среднихъ вѣковъ было дѣломъ столь же неизбѣжнымъ, какъ и въ наши дни.

не встрѣчаютъ юридическихъ преградъ. Такимъ образомъ въ англійскомъ обществѣ былъ данъ такой могущественный толчокъ къ развитію *личной энергіи* и доблести, который имѣлъ рѣшающее вліяніе на ходъ англійской исторіи въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

---

§ 26.

Органы государственнаго управленія. Королевская прерогатива.

Рядомъ съ раздѣленіемъ общества на отдѣльныя сословія происходила въ разсматриваемый періодъ систематическая *выработка органовъ государственной власти* и процессъ этотъ незамѣтно и постепенно совершался подъ шумъ династическихъ междуусобій.

Къ великому удивленію, присяжные и странствующіе судьи, какъ свидѣтельствуютъ современники, во время войнъ обѣихъ розъ дѣлали свое дѣло. Законодательство этой эпохи вызвало къ жизни такія постоянныя учрежденія, которыя составляли совершенную противуположность со всѣми неурядицами того времени: самостоятельные большіе коммунальные союзы и постоянныя судебныя коллегіи настолько крѣпко укоренятся въ жизни, что никто не дерзаетъ дотронуться до нихъ. Но за то измѣнилось и положеніе постояннаго совѣта. Дѣятельность его регулируется теперь двумя способами:

1) *Указами* (ordinances), издаваемыми помимо парламента и подлежавшими измѣненію только съ согласія короля.

2) *Законами* (statutes)—съ согласія парламента, обязательными для короля и подлежавшими измѣненію съ согласія всѣхъ 3-хъ сословій.

Административная власть государства не только продолжала существовать въ прежнихъ размѣрахъ, но и расширилась, благодаря новымъ обязанностямъ подданныхъ; но въ *пользованіи*, соотвѣтственно съ истиннымъ назначеніемъ государства, правительство ставило для себя твердые и ясные предѣлы. Король поэтому былъ не только повелителемъ, но леннымъ военнымъ и полицейскимъ главою; королевская власть становится *учрежденіемъ*, которое беретъ на себя охрану общественной жизни и это-то даетъ ей огромное значеніе въ сознаніи народа. Законы, ограничивающіе власть короля, ограждаютъ также и его права, санкціонируя ихъ священность и неприкосновенность.

Эта *спеціализація* административной власти, составляющая переходъ къ новѣйшему государственному устройству, развивается въ XIV и XV в. во всѣхъ отрасляхъ государственнаго верховенства. Правда—въ неодинаковой степени, по мѣрѣ потребности.

Военное верховенство надъ коронными вассалами продолжало существовать на основаніи ленныхъ грамотъ и обычнаго права (Common-law); кромѣ того, расширилась и развилась система милиціи, наборъ и употребленіе которой опредѣлялись парламентскими статутами. Но недостаточно выясненные принципы производства набора оставляютъ еще просторъ злоупотребленіямъ военной властью для финансовыхъ и политическихъ цѣлей.

Судебное верховенство основано частью еще на норманской административной практикѣ, въ существенныхъ-же своихъ чертахъ — на статутахъ, болѣе или менѣе точно опредѣляющихъ положеніе судей и jury. Остается еще открытымъ вопросъ о jurisdictio extra ordinaria, которая построена на шаткихъ принципахъ старой административной системы; хотя парламенты часто ее ограничивали, но съ другой стороны она развивалась и расширялась происками партій.

Полицейское верховенство частью основано еще на common law, главнымъ же образомъ на множествѣ разныхъ законовъ о безопасности, о промышленности и о рабочихъ, законахъ, ограничивающихъ до нѣкоторой степени произволъ мѣстныхъ властей. Особыя и чрезвычайныя права королевскаго совѣта въ цѣляхъ охраненія общественнаго мира и спокойствія составляютъ вопросъ открытый.

Финансовое верховенство основано на владѣніи домэнами, на ленныхъ оброкахъ и другихъ наслѣдственныхъ доходахъ королевской власти, расширенію которыхъ сильно мѣшаетъ парламентское противодѣйствіе. Они образуютъ *нормальный* доходъ, которымъ должны быть покрыты текущіе государственные расходы и который дополняется чрезвычайными періодическими налогами съ разрѣшенія сословій, начинающихъ при этомъ ставить извѣстныя условія.

Церковное верховенство короля еще очень ограничено со времени изданія Magna Charta. Въ дуализмѣ церковнагои свѣтскаго государства статуты въ состояніи были рѣшить только внѣшніе спорные пункты. На основаніи этихъ новыхъ статутовъ права отдѣльныхъ лицъ ограждаются отъ церковнаго вмѣшательства посредствомъ writs of prohibition, а права государства—посредствомъ штрафовъ.

Органы урегулированныхъ такимъ образомъ верховныхъ государственныхъ правъ уже прежде описаны; здѣсь еще разъ обозримъ ихъ въ ихъ троякой группировкѣ.

I. *Государственные суды* и примыкающіе къ нимъ суды графствъ и мѣстные суды образуютъ jurisdictio ordinaria, *постоянную* часть

судебныхъ учрежденій. Хотя еще продолжается подчиненное положеніе королевскихъ судей, которые продолжаютъ быть Justitiarii при Council и которые обыкновенно назначаются съ правомъ смѣщенія, но духъ монархическаго правленія уменьшаетъ чувствительность этого недостатка.

Судьямъ предписано уже въ st. 2, Edw. III. c. 8 соблюдать точно законы и не подчиняться другимъ указамъ, хотя-бы скрѣпленнымъ государственной или частною королевской печатью, а st. II. Ric. III. C. 30 прибавляетъ, что не могутъ быть допущены никакія предписанія короля, хотя-бы и скрѣпленныя королевской печатью, но нарушающія правильное теченіе правосудія.

II. *Правительствующій* Continual Council есть центральное учрежденіе для пользованія верховными государственными правами во всѣхъ направленіяхъ, за исключеніемъ точно опредѣленнаго круга дѣйствій jurisdictio ordinaria и церковныхъ дѣлъ. Здѣсь средоточіе королевскаго государственнаго управленія, законномѣрность котораго охраняется парламентскимъ контролемъ, а въ крайнемъ случаѣ привлеченіемъ къ отвѣтственности министровъ и вообще высшихъ сановниковъ.

III. Magnum Concilium или парламентъ составляетъ наивысшій, періодически-созываемый коронный совѣтъ,—совѣтъ,въ который входятъ прелаты и бароны, а также и представители общинъ. Практика устанавливаетъ, что участіе въ высшей, чрезвычайной Jurisdiction ограничивается только верхней палатой.

Въ *посредствующей* роли между судомъ и парламентомъ Continual Council постепенно пріучался и привыкалъ къ законномѣрному способу управленія. Тяжелыя междуусобія этого времени доказали, однако, что судебныя учрежденія и парламентскія собранія сами по себѣ не могутъ умѣрить пыла партійныхъ страстей и скорѣе для этого необходимо развѣтвленіе верховныхъ государственныхъ правъ въ окружномъ и мѣстномъ устройствѣ. Законы объ ограниченіи произвола власти получаютъ постепенно дѣйствительное значеніе только благодаря системѣ selfgovernement, при которой имущіе классы берутъ на себя всѣ государственныя функціи и этимъ ограждаютъ каждую отдѣльную личность отъ возможныхъ злоупотребленій государственной власти, сосредоточенной въ одномъ лицѣ; система эта съ одной стороны соотвѣтствовала ленному строю, а съ другой совпадала съ старинными англо-саксонскими правовыми институтами. Благодаря смѣшенію національностей смѣшались и оба эти теченія. Приблизившись къ задачамъ высшаго государственнаго правленія, ленное и общинное право, военное и гражданское устройство, господствующіе классы (прелаты и дворянство) и средніе классы (рыцарцы и горожане) соединяются въ графствахъ и городскихъ союзахъ въ одинъ живой организмъ.

Только благодаря такого рода объединенію сдѣлалась возможной личная и политическая свобода націи. Графство и общины сдѣлались самостоятельными вслѣдствіе соединенія ихъ съ судебною организаціею, а суды получили независимость — благодаря связи съ самостоятельными выборными людьми отъ графствъ и городскихъ союзовъ (juries). Благодаря объединенію въ парламентѣ, общинное устройство сдѣлалось сильнымъ противовѣсомъ абсолютизму. Своеобразность англійскаго государственнаго устройства коренится теперь въ приспособленіи общинныхъ корпорацій къ цѣлямъ государственныхъ потребностей. Онѣ носятъ различныя названія: counties, ridings, hundreds etc.; а вмѣстѣ взятыя—communae, communitates; только въ городахъ началось образованіе «corporations», первоначальный смыслъ которыхъ впослѣдствіи извратился. Въ организаціи парламента, точно такъ какъ и въ общинномъ устройствѣ, личная служба и податныя тяготы имѣютъ рѣшающее значеніе, причемъ относительно лордовъ и прелатовъ главную роль играютъ личное участіе въ дѣлахъ государства, а относительно communae — податныя обязанности.

Соотвѣтственно всему этому устанавливается взаимное отношеніе общества и государства. Права парламента вначалѣ имѣютъ своимъ источникомъ власть короля. Всѣ парламентскія права епископовъ, лордовъ, рыцарей и горожанъ основаны на пожалованіи короля. Правильно говорилось въ то время: Tout fuit in luy et vient de lui al commencement (Ежегодникъ 24 Edw. III). Происхожденіе парламентскаго устройства изъ системы личнаго правленія проявлялось и въ томъ, что короли должны были даже въ дѣтствѣ лично совершать нѣкоторые регальные акты.

Съ другой стороны парламентъ за это время не разъ устанавливалъ *права на корону* и еще чаще парламенты защищали объемъ королевскихъ правъ. Въ правленіе ланкастерскаго дома корона зависитъ уже не только отъ наслѣдственныхъ правъ, но и отъ взаимнаго признанія. Отсюда судебный принципъ: La ley est le plus haute inheritance, que le roy ad; car par la ley il même et toutes ses sujets sont rulés, et si la ley ne fuit, nul roi nul inheritance sera (Ежегодникъ 19 Henr. VI).

Центръ тяжести расматриваемаго государственнаго устройства лежитъ въ судебной организаціи, въ selfgovernement и въ устойчивомъ церковномъ устройствѣ. Всѣ эти элементы встрѣчаются и соединяются въ верхней палатѣ—вершинѣ всего судебнаго и всей административной власти, включительно наивысшую jurisdictio extraordinaria. Права этой высшей корпораціи носятъ названія privileges, но они глубоко рознятся отъ привилегій высшихъ сословій на континентѣ. При ancien regime'ѣ высшія сословія въ ущербъ

низшимъ пользуются разными соціальными преимуществами. Въ Англіи же privileges представляютъ собою только ограничительное для королевской власти участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія. Они гарантируютъ самостоятельность верховнаго законодательнаго совѣта по отношенію къ королю и его чиновникамъ, не создаютъ неравенства семейныхъ и наслѣдственныхъ правъ и не создаютъ податныхъ льготъ и несправедливыхъ изъятій сравнительно съ другими классами общества.

Но рядомъ съ этими *постоянными* основами государственнаго строя продолжаетъ существовать *подвижная часть* государственнаго управленія, захватывающая еще болѣе обширную область. Кромѣ тѣхъ отношеній, которыя установились между судомъ, верхней палатой и церковью съ одной стороны и личнымъ правленіемъ — съ другой, остается еще обширная сфера дѣйтвія для «короля въ его совѣтѣ», для общинъ съ ихъ жалобами и ходатайствами, съ ихъ законодательной иниціативой, съ ихъ требованіями при утвержденіи податей. Сообразно съ этимъ кругъ дѣлъ государственнаго управленія расширяется съ каждымъ поколѣніемъ, по мѣрѣ того, какъ возникаютъ новыя потребности государства и общества. Нужно замѣтить, что уже въ среднихъ вѣкахъ проявляется нѣкоторая односторонность взглядовъ, изъ которыхъ одни желали бы втиснуть всю государственную власть въ неподвижную правовую рамку, а другіе—ради непосредственнаго удовлетворенія общественныхъ требованій—желали-бы уничтоженія правовыхъ границъ. Въ разсматриваемомъ государственномъ устройствѣ представлены оба направленія, подвижной элементъ—преимущественно въ палатѣ общинъ съ ея несмѣтнымъ количествомъ маленькихъ burgesses. И также какъ партійная борьба магнатовъ показываетъ непостоянство всякаго государственнаго строя, основаннаго на представительствѣ единичныхъ интересовъ, объ этомъ-же свидѣтельствуютъ безсчисленныя мелкія черты изъ внутреней жизни палаты общинъ. Непостоянство и измѣнчивость всѣхъ этихъ партійныхъ стремленій, въ связи съ произволомъ среднихъ вѣковъ, заставляетъ прибѣгать къ королю какъ представителю постоянной, безпристрастной власти. Всякое новое столкновеніе сословій между собой и съ королевской властью все болѣе и болѣе укрѣпляетъ сознаніе, что источникъ всѣхъ правъ, какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ классовъ лежитъ только въ прочной, постоянной государственной власти, во власти королевской. Послѣ каждаго захвата власти лордами пробуждается преданность общинъ, измѣняется настроеніе низшихъ слоевъ общества и церкви. Хотя общины часто помогаютъ лордамъ въ ихъ партійной борьбѣ, но короли, понимающіе свое призваніе, всегда находятъ у нихъ поддержку, потому что общины хорошо всегда помнятъ, что обязаны

свободой и льготами королевской власти. И вотъ почему парламентскій строй привелъ, сравнительно съ норманскимъ періодомъ, къ подъему и возвышенію королевскаго достоинства, не смотря на всѣ неурядицы и насиліе, господствовавшіе тогда. — «Въ немъ нѣтъ ничего республиканскаго; все выросло изъ монархіи и основано на предпочтеніи и почитаніи короля. Тонъ просителей при самомъ враждебномъ настроеніи нижней палаты — всегда покорный и признаніе королевскихъ прерогативъ выражается всегда самымъ пространнымъ и пышнымъ образомъ». (Hallam III. 153).

Правовыя воззрѣнія народа вырабатывались въ то время, какъ и всегда, подъ вліяніемъ исконныхъ правовыхъ отношеній, при чемъ сильно вліяли послѣднія впечатлѣнія. Поэтому *представленія о королевской власти* не могли быть простыми въ концѣ среднихъ вѣковъ *). Въ представленіяхъ того времени понятія о государствѣ и обществѣ соединяются въ одно для тройнаго обоснованія королевской власти.

Во-первыхъ все еще держится представленіе о королѣ какъ *верховномъ собственникѣ земли*—Dominus Angliae. Единственный собственникъ по теоріи, король былъ и въ дѣйствительности самый крупный землевладѣлецъ. Этотъ взглядъ измѣняется нѣсколько съ постепеннымъ уничтоженіемъ леннаго права и съ водвореніемъ частной собственности и сильно пошатывается при перемѣнѣ династій. Но все-таки такое принципіальное признаніе было необходимо для владѣющихъ классовъ, потому что оно сдѣлалось источникомъ всѣхъ частныхъ правъ на землю. Англійская королевская власть этимъ путемъ получила признаніе своего наслѣдственнаго характера, чего германская императорская власть никоимъ образомъ не могла добиться. Англійскіе юристы разсматриваютъ вопросъ о порядкѣ наслѣдованія престола на правахъ первородства такимъ же образомъ, какъ порядокъ наслѣдованія поземельной собственности, откуда и взятъ терминъ title. Какъ и въ порядкѣ наслѣдованія поземельной собственности, наслѣдованіе престола имѣетъ въ основаніи непосредственно и ipso jure, право владѣнія предшественника; со времени вступленія на престолъ Эдуарда I въ престолонаслѣдіи не допускается междуцарствія. (Allen, Praerogative 47).

Королевская власть считается, затѣмъ, высшимъ представителемъ всего *общества* и это рельефно проявляется въ формахъ придворной жизни, которыя, при коронаціонныхъ торжествахъ, воспроизводятъ даже домашній бытъ давно прошедшихъ столѣтій. Старинныя наслѣдственныя должности High Steward, Great Chamberlain, High Constable, Earl Marshal продолжаютъ существовать. Между этими

*) См. конецъ параграфа.

первоначально *служительскими* придворными должностями должность Kings Chamberlain теперь преобразована въ активный постъ государственнаго министра, а Steward of the Household—министра двора. Блескъ увеличился при парламентскомъ строѣ, вслѣдствіе необходимости поставить королевскую власть выше богатаго и блестящаго дворянства того времени *).

Наконецъ, королевское достоинство, *какъ наслѣдственный представитель и источникъ всей верховной власти*, является въ правовыхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ разсматриваемаго времени учрежденіемъ, для котораго всѣ экономическія и политическія отношенія служатъ только средствомъ къ цѣли. Съ развитіемъ такихъ представленій по-

*) Придворный штатъ плантагенетовъ, какъ придворный штатъ всѣхъ временъ, отражаетъ въ себѣ преданія о старинномъ порядкѣ вещей; въ особенности ярко это проявлялось въ коронаціонной церемоніи, при которой воскрешаетъ весь прежній домашній бытъ германскаго родоначальника, начиная съ самыхъ почетныхъ должностей и кончая самыми ничтожными. Должность наслѣдственнаго гофмейстера, Major Domus, Lord High Steward перестала существовать довольно рано, но всегда возобновляется къ коронаціонному торжеству или къ торжественному суду пэровъ pro hac vice. Наслѣдственная должность Lord Great Chamberlain еще и нынѣ существуетъ, какъ наслѣдственная должность и пользуется особымъ почетомъ въ день коронаціи. Должность High Constable, соединенная съ мѣстомъ въ curia militaris и съ надзоромъ надъ низшими должностями при дворѣ, при войскѣ и при судѣ, продолжаетъ существовать и при плантагенетахъ. Должность Earl Marshal то наслѣдственна, то пожизненна, то смѣняема. Иное дѣло—дѣйствительно служащіе чиновники, должности которыхъ уже въ предыдущій періодъ составляли совсѣмъ особую категорію. Подробный перечень этого штата при Эдуардѣ IV находится въ Liber niger domus Regis Angliae, опубликованномъ вмѣстѣ съ другими документами обществомъ изученія древности (1790). Какъ и теперь—частоящимъ управляющимъ двора считался Steward of the Household; между остальными придворными чиновниками, занимавшими большею частью и государственныя должности, были: епископъ—духовникъ, канцлеръ Англіи, верховный судья Common Pleas'a, камергеръ короля, баннереты, рыцари, секретари, капеланы, лейбъюнкеры, хранители гардероба, Gentelmen, Ushers, Yeomen of the Crown, Grooms of the Chamber, камерпажи, смотрители хранилища драгоцѣнностей, лекаря, аптекарь и цирульникъ короля; Henxman, герольды, serjeants at arms, minstrells, прислужники и разсыльные; деканъ капеллы, капеланы и клэрки, Yeomen и дѣти, состоящія при капеллѣ; Clerk of the Closet, master of grammar, office of vestiary, clerk of the crown, clerk of the market и clerk of the works. Сюда-же относилась цѣлая канцелярія клерковъ of the green Cloth, клерки контроля счетной части. Отдѣленія: пекарня, столовая, кухня, погреба, склады вина, пива, склады ковшей и чашъ, складъ пряностей, кондитерская, складъ освѣтительныхъ матеріаловъ, штатъ для накрыванія стола, складъ бѣлья и отдѣленіе для стирки. Насколько необходимо было подобное хозяйство по тогдашнимъ понятіямъ, видно изъ домашнихъ расходовъ королевской семьи и знатныхъ. Черная книга полагаетъ для содержанія королевы 40 sh. ежедневно и 12 d. для 100 приближенныхъ (2555 L. ежегодно), для наслѣднаго принца 30 sh. при 50 приближенныхъ (1560 L.), для герцога и 240 приближенныхъ (4000 L.) etc. (см. § 25 a). Здѣсь опять встрѣчается раздѣленіе—почти во всѣхъ частяхъ придворной жизни—на Sergeants, Gentelmen и Yeomen, служащая выраженіемъ общественныхъ представленій о сословіяхъ. Уже Ричардъ I образовалъ королевскую лейбъ-гвардію изъ 24 Sergeants at Arms, одновременно служившую почетной стражей парламента, канцлера и казначея.

явились и новыя обозначенія. Коррелатомъ термина parliament, выражающимъ новыя представленія о правахъ государственныхъ чиновъ, является теперь терминъ *королевская прерогатива*. Вначалѣ подъ этимъ понимались преимущественно финансовыя права короля, какъ леннаго владѣльца, которыя для государственныхъ чиновъ должны были быть Noli me tangere. Такъ было еще въ Statutum de Praerogativa Regis при Эдуардѣ I (прежде его относили къ царствованію Эдуарда II). Затѣмъ центромъ тяжести королевской прерогативы стала та судебная власть короля, которая ему принадлежитъ независимо отъ правящихъ классовъ. Чѣмъ больше расширялись задачи государственной власти, тѣмъ шире дѣлается и понятіе о прерогативѣ и наконецъ она получаетъ то значеніе, которое ей предаютъ Coke и Blackstone. Это представленіе тождественно съ тѣмъ, которое позднѣйшее германское государственное право связало съ понятіемъ Kaiserliche Reservatrechte, съ тою существенной разницей, что англійскія Reservatrechte обнимаютъ болѣе обширное и дѣйствительное право управленія и что англійскіе парламенты не стараются изо всѣхъ силъ принять участіе, какъ нѣмецкіе сословные представители, въ управленіи всѣми государственными функціями, которыя при урегулированномъ государственномъ строѣ должны быть сосредоточены въ *однѣхъ* рукахъ. Но, какъ всегда, нѣкоторыя новѣйшія представленія были и въ Англіи ошибочно отнесены къ среднимъ вѣкамъ. Государственный строй Англіи къ концу среднихъ вѣковъ имѣетъ два существенныхъ отличія отъ новѣйшихъ теорій конституціонализма.

1) Королю принадлежитъ *повелительная и распорядительная власть* въ государственныхъ дѣлахъ (imperium—власть управленія), что, какъ и въ государственномъ строѣ Каролинговъ, образуетъ источникъ и основаніе королевской прерогативы. Непосредственное ея слѣдствіе — право издавать законы; и въ самомъ дѣлѣ, всякое отдѣльное повелѣніе короля можетъ быть превращено въ общее для всѣхъ подобныхъ случаевъ постановленіе; если это право теперь и ограничивается парламентскими статутами, то, все-таки, *оно не ограничивается однимъ «исполненіемъ законовъ»*. И вотъ отсюда вытекаетъ право назначенія органовъ правительства. Послѣ всѣхъ попытокъ вмѣшательства парламентъ всегда добровольно возвращался къ признанію права короля назначать чиновниковъ. Только немногія и незначительныя должности занимаются въ силу феодальнаго tenure. Впрочемъ на основаніи commonlaw всѣ верховныя должности смѣняемы during King's pleasure, причемъ, однакоже, пожизненность судейской должности становится правиломъ должностной прагматики. По объему своему, правительственная власть короля охватываетъ именно то, что Blackston'омъ обозначено какъ «коро-

левскій авторитетъ»; слѣдовательно 1): внѣшнее представительство государства, рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ и международныхъ договоровъ; 2) военное начальствованіе надъ всѣми частями войска; 3) король есть источникъ правосудія и въ связи съ этимъ пользуется правомъ назначенія чиновниковъ; 4) король есть верховный хранитель внутренняго мира; 5) король есть источникъ почетныхъ должностей и привилегій; 6) король есть arbiter of commerce; 7) король пользуется церковнымъ верховенствомъ, въ расматриваемый періодъ, впрочемъ, весьма ограниченнымъ. Разница отъ порядковъ 18-го вѣка заключается тутъ въ томъ, что многія стороны государственной дѣятельности не были строго опредѣлены законодательствомъ и потому личному рѣшенію королю былъ данъ большой просторъ. Партійной окраски правительства въ духѣ восемьнадцатаго вѣка тоже не было тогда. Церковь еще тоже вполнѣ отдѣлена отъ свѣтскаго государства. Дѣйствительное управленіе государствомъ еще сосредоточено въ личности короля, его совѣтниковъ и судей. Нѣтъ еще парламентскаго хозяйства, нѣтъ вліянія сословій на распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ. Центръ тяжести финансовъ лежитъ еще въ доходахъ короля. Казначей представляетъ не парламенту, а королю status доходовъ, годовой бюджетъ (какъ объ этомъ упомянуто въ первый разъ въ 1421 г.). Съ прерогативой еще связана идея о *чрезвычайной* диктаторской власти короля, которая можетъ при исключительныхъ государственныхъ затрудненіяхъ устранить дѣйствующіе законы и создать чрезвычайныя мѣры, издать необходимыя постановленія,—чрезвычайная власть, которою впослѣдствіи пользовались Тюдоры, которою Стюарты часто злоупотребляли и которая только въ послѣдующіе вѣка опять была сокращена и доведена до minimum'а.

2) Королю, *а не парламентамъ принадлежитъ законодательная власть*. Законъ есть только *усиленное согласіемъ сословій* королевское предписаніе, которое не можетъ быть измѣнено королемъ безъ согласія сословій и потому представляетъ наивысшій регуляторъ государственной воли. Представленіе о «veto» короля есть позднѣйшій продуктъ, въ англійской конституціи нѣтъ ни слова этого, ни самаго факта. Не сословія имѣютъ законодательное право при veto короля, а послѣдній издаетъ законы съ участіемъ сословій: Que le roy fist les leis par assent dez peres et de la commune et non par lez peres et la commune. (Ежегодникъ. 23. Edw. III). Поэтому король не обязанъ созывать парламенты въ опредѣленные сроки. Обѣщанія на этотъ счетъ (4 и 36 Edw. III) даются въ намѣренно двусмысленной формѣ. Право законодательнаго участія сословій понимается такимъ образомъ, что король не долженъ *своею властью* устранять то, что было сдѣлано при участіи сословій. Но это участіе

не уничтожаетъ принципіально правъ короля издавать приказы и постановленія. Въ средніе вѣка постоянные законы все еще понимаются какъ соглашенія съ сословіями (stabilimenta). Высшая же идея о законѣ, какъ о наивысшемъ постановленіи государственной власти, обязательномъ для всѣхъ классовъ общества, только очень медленно была усвоено государствомъ отъ церкви.

Какъ англосаксонская монархія была построена на основной идеѣ Каролингской имперской власти, такъ и въ строѣ теперь завершенномъ національныя основныя понятія о государствѣ и правѣ вступаютъ въ органическую связь съ обществомъ при старомъ тройственномъ раздѣленіи (Gneist, Rechtsstaat, Cap. II):

Правящая власть и *право постановленій* какъ основа.

Судебное устройство какъ ограничительный предѣлъ.

Законъ какъ наивысшій регуляторъ государственной воли.

Границы между *законодательствомъ*, *властью постановляющій и властью правящій въ частности* были измѣнчивы и установились медленно долгимъ опытомъ. Послѣдняя законно ограничена обязанностью королевскихъ служащихъ исполнять королевскіе законы, обязанностью королевской власти отправлять правосудіе. Но провести точную математическую линію между законодательной и исполнительной властью оказалось практически—невозможнымъ. Англійскіе парламенты сдѣлались дѣйствительно законодательными учрежденіями только благодаря ихъ дѣятельному участію въ управленіи страны, благодаря постоянной дѣятельности ихъ членовъ въ окружныхъ и городскихъ учрежденіяхъ. Право участія сословій въ изданіи законовъ привело къ обычаю имѣть голосъ при исполненіи ихъ, какъ это свойственно всѣмъ германскимъ племенамъ. Право утвержденія податей парламентами оказалось вполнѣ, даже черезчуръ достаточнымъ средствомъ для поддержанія и укрѣпленія этого обычая. Парламенты 15-го столѣтія (какъ и германскіе земскіе чины) при всякомъ удобномъ случаѣ произносятъ рѣчи и вмѣшиваются во все, въ военныя и мирныя дѣла, въ дипломатическія дѣла, въ церковныя, во внутреннее управленіе двора, въ назначеніе чиновниковъ, въ отправленіе правосудія; для нихъ нѣтъ ни маловажныхъ, ни черезчуръ важныхъ дѣлъ. Это временами чрезмѣрное вмѣшательство дѣлается понятнымъ, если вспомнить первоначальное положеніе норманскаго правленія. Этотъ агрегатъ произвола могъ быть замѣненъ твердыми административными принципами только путемъ безчисленныхъ жалобъ парламентскихъ, только путемъ многовѣковыхъ парламентскихъ законодательныхъ усилій. Но тамъ, гдѣ достигнута подобная цѣль, непремѣнно наступаетъ пользующаяся общественнымъ сочувствіемъ реакція, столь же естественная какъ отливъ послѣ прилива, наступаетъ уже произвольный отказъ отъ пріобрѣтенныхъ и повидимому важныхъ правъ.

Эта благоразумная умѣренность основана не столько на провиденціальныхъ особенностяхъ англійской націи, сколько на другомъ урокѣ политическаго опыта, которымъ нѣмецкіе государственные чины никогда не пользовались. Именно, парламенты достаточно испытали на себѣ съ самаго начала пагубныя послѣдствія партійнаго управленія съ централизованнымъ правящимъ аппаратомъ на норманскій ладъ. При ежедневномъ выполненіи своихъ государственныхъ обязанностей въ Selfogovernement'ѣ, владѣющіе классы достаточно могли убѣдиться въ необходимости *прочнаго* порядка въ управленіи. Парламенты, благодаря постоянной связи съ центральнымъ правительствомъ, научены были опытомъ, что государственной власти необходимо право постановленій и что чрезмѣрное *нормированіе* правительственной власти столько-же вредно, сколько невозможно. Только въ этомъ направленіи и развивались постепенно права парламента, путемъ precedents. Впрочемъ постоянно возобновляющіяся столкновенія между законодательными собраніями и исполнительными органами составляютъ какъ слабую, такъ и сильную сторону всѣхъ конституцій. Въ этихъ столкновеніяхъ проявляется ярко очерченное индивидуальное правовое сознаніе; благодаря имъ Англія постоянно улучшала свое государственное устройство. Въ этомъ отношеніи всякое парламентское правительство идетъ путемъ опыта. Дурныя послѣдствія злоупотребленій выборнымъ началомъ и партійнаго правленія скоро приводятъ къ основному принципу, что судебныя и полицейскія власти должны быть назначаемы, а не выбираемы.

Какъ и въ новѣйшей конституціонной жизни европейскихъ странъ, всѣ эти соотношенія были очень осложнены. И тогда существовалъ раздоръ между старымъ правящимъ классомъ (прелаты и бароны) и новыми собраніями выборныхъ отъ плательщиковъ налоговъ. Притязанія первыхъ на участіе въ государственномъ управленіи были на столько же основательны, какъ и права вторыхъ, потому что государство нуждалось въ денежныхъ, военныхъ, судебныхъ полицейскихъ услугахъ однихъ настолько же, насколько въ военной силѣ и дѣловомъ опытѣ другихъ. Несомнѣнно, что Commoners 14-го вѣка были настолько же неопытны въ дѣйствительныхъ потребностяхъ большаго государства, какъ и новѣйшіе выборные 19-го вѣка. Замѣчательно, что Commoners были настолько же остроумны въ пониманіи государственныхъ затрудненій, насколько непрактичны, чтобы найти средства для помощи. Несомнѣнно, ихъ ближайшія желанія, представленія и предложенія часто впадали въ противорѣчіе съ государственнымъ строемъ и съ притязаніями прелатовъ и Seigneurs. И тѣмъ не менѣе Англія имѣла надлежащее правительство въ лицѣ короля, совѣтующагося съ Continual Council. Вопреки всѣмъ злоупотребленіямъ верхней палаты, а по временамъ и самихъ Com-

moners, при каждомъ дѣльномъ и сознавшемъ свои обязанности королѣ совершалось снова сліяніе повидимому непримиримыхъ элементовъ и водворялась гармонія интересовъ и обязанностей, создавшая, при всѣхъ неурядицахъ того времени, парламентскую свободу и могущество націи. Всѣ дѣйствительно необходимыя для государства требованія короля и совѣта признавались въ концѣ-концовъ и парламентомъ. Въ теченіи всего этого времени и (до окончательной гибели обѣихъ розъ) господствуетъ патріотическій духъ и чувство справедливости, не смотря на пристрастіе и насилія партій, и это объясняется привычкой имущихъ классовъ къ равномѣрному исполненію государственныхъ обязанностей. Здѣсь имѣются живые элементы внутренней гармоніи, въ которой имущественное владѣніе, государственная служба и право покрываютъ другъ друга и въ которой собственная воля свободнаго народа создаетъ для себя законы. Въ нормальныя царствованія Эдуарда I и III, а особенно Ланкастерскаго дома эта гармонія имѣла слѣдствіемъ могущественное развитіе внутренней и внѣшней государственной силы и вмѣстѣ съ тѣмъ это время считается самымъ славнымъ періодомъ англійскаго военнаго могущества. Слѣдовало только установить надежный и неоспоримый порядокъ *наслѣдованія престола*, чтобы этотъ государственный строй получилъ возможность выполнить новыя высокія и великія задачи.

Правовыя понятія о королевской власти существенно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ въ 15 Io англійскіе бароны возстали съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы протестотовать противъ взгляда на страну, какъ на откупную статью и съ тѣхъ поръ какъ въ 48 Henr. III, они побѣдили короля въ открытомъ полѣ. Bracton передаетъ слѣдующимъ образомъ впечатлѣнія, произведенныя этими событіями (II, 16. § 3):

Rex autem habet superiorem, Deum scilicet. Item legem, per quam factus est rex. Item curiam suam, videlicet comites, barones, pui comites dicuntur quasi socii regis, et qui habet socium, habet magistrum, et ideo si rex fuerit sine fraeno, id est sine lege, debent ei fraenum ponere.

Это мѣсто вѣрно отражаетъ воззрѣнія рыцарскихъ сословій на королевскую власть, все-равно какъ прочувствованное политическое стихотвореніе „Пахарь Петръ“ передаетъ народныя и монашескія воззрѣнія того времени на королевскую власть; въ немъ выводится заключеніе, что если король вступаетъ на ложный путь и ставитъ свою власть выше закона, то знать имѣетъ право спасать страну отъ такихъ несчастій; король долженъ совѣтоваться съ своимъ парламентомъ, который уже, конечно, хорошо знаетъ свои законы, подданные имѣютъ больше другихъ опыта въ государственномъ правѣ, но при этомъ необходимо, чтобы король имѣлъ возможность выбирать чиновниковъ, не будучи связаннымъ съ извѣстными лицами. (Lappenberg-Pauli III, 726).

Все больше и больше устанавливается представленіе относительно *обязанности* короля отправлять правосудіе и вырабатывается непріязнь къ личному управленію: Bracton III, c. q. Ipse autem rex non debet esse sub homine, sed sub Deo et sub Lege, quia Lex facit Regem; attribuat igitur Rex Legi quod Lex attribuit ei, videlicet dominationem et potestatem: non est enim Rex ubi dominatur voluntas et non Lex. Въ 12 мѣстахъ Bracton все возвращается къ *верховному значенію* закона и къ обязанностямъ короля (ad hoc creatus est,

ut justiciam faciat etc).—Эти представленія связаны съ извѣстными воззрѣніями на взаимность ленныхъ обязанностей, съ одной стороны на ленномъ покровительствѣ, съ другой—на ленной вѣрности. Но они еще глубже связаны съ германскимъ народнымъ представленіемъ относительно обязанностей власти отправлять правосудіе. Stubbs дѣлаетъ мѣткое замѣчаніе по поводу часто односторонняго взгляда на ленную вѣрность: Fealty есть вѣрность каждому личному господину, Homage—союзъ вѣрности между вассалами и лордомъ, Allegiance вѣрность поданныхъ королю. Несмотря на различіе въ происхожденіи, всѣ эти три понятія сложились въ теченіе среднихъ вѣковъ благопріятно для королевской власти. (Stubbs III, 514). Юриспруденція того времени создала на этомъ широкомъ основаніи самыя тяжелыя наказанія за измѣну (high treason)—за нарушеніе вѣрноподданства королю, такъ что парламентское законодательство было вынуждено по временамъ смягчать эти чрезмѣрныя строгости. Вслѣдствіе династическихъ междоусобій пришлось признать субъектомъ вѣрноподданства—того, кто былъ королемъ de facto, чѣмъ королевской власти и былъ преданъ характеръ государственнаго *учрежденія*. Этой покорности подданныхъ законно признанному королю соотвѣтствовала обязанность короля соблюдать изданные имъ самимъ законы, что съ Эдуарда II входитъ въ коронаціонную присягу. Парламентское законодательство образуетъ твердыя нормы для пользованія королевской прерогативой, сдѣлавшейся составной частью основныхъ законовъ страны, которыхъ король своею волею не могъ ни уничножить, ни измѣнить. Соблюденіе этихъ границъ вынуждалось отвѣтственностью исполнителей королевской воли. Парламентская практика выработала изъ всѣхъ прежнихъ положеній тотъ взглядъ, что парламентское правленіе по существу есть *правленіе, основанное на точномъ соблюденіи законовъ*. Уже Bracton противупоставляетъ римскимъ принципамъ абсолютизма: „quod principi placet, legis habet vigorem;“ англійскіе: „legis habet vigorem, quicquid de consilio et consensu magnatum et reipublicae communi sponsione, auctoritae regis, juste fuerit definitum“. Chief justice при Kings Bench въ царствованіе Генриха IV (впослѣдствіи воспитатель изгнаннаго наслѣдника ланкастерскаго дома) выражаетъ это основное представленіе противоположеніемъ political government (по законамъ) regal government'y (по собственной волѣ). Въ сочиненіи Фортескью De laudibus Legum Angliae c. g. для поученія будущихъ королей, говорится: „Король Англіи не можетъ по желанію измѣнить государственные законы, ибо характеръ его правленія не только королевскій, но и политическій. Еслибы оно было только королевскимъ, то король имѣлъ бы власть создавать новые и измѣнять старые законы страны, налагалъ-бы tallagia и другія подати безъ согласія народа, именно въ духѣ римскаго права: quod principi placet, legis habet vigorem. Но не то съ политическимъ правленіемъ короля, такъ какъ онъ не можетъ измѣнить законовъ безъ согласія подданныхъ и не можетъ облагать послѣднихъ новыми налогами противъ ихъ воли, такъ что народъ, управляемый законами, созданными съ его участіемъ и съ его одобренія, увѣренно пользуется своею собственностью, которой у него никто не отниметъ, ни король, ни кто-либо другой!“.

Не малое вышло затрудненіе вслѣдствіе того, что старыя королевскія постановленія, изданныя раньше Эдуарда III, должны были имѣть авторитетъ statuta nova—законовъ изданныхъ при участіи парламента. Bracton I, c. 2, обходитъ этотъ вопросъ утвержденіемъ, что законы страны не могутъ быть измѣнены безъ согласія сословій, но что *улучшеніе* законовъ возможно и безъ участія парламента. (Leges Angliae, cum fuerint approbatae consensu utentium et sacramento regium confirmatae, mutari non possunt sine communi consilio et consensu eorum omnium, quorum consilio et consensu fuerunt promulgatae; in m e l i u s tamen converti possunt etiam sine illorum consensu).

Въ періодъ династическихъ междоусобій по временамъ является мысль о верховныхъ правахъ народа, мысль, которая основываетъ законъ на волѣ *народа* (даже у Fortescue, de laudibus, c. 13. Rex hanc potestatem habet a populo effluxam), откуда выводятся ложныя заключенія о томъ, что король имѣетъ только ту власть, которая удѣлена ему закономъ; дальнѣйшимъ

слѣдствіемъ этого было бы отрицаніе издавать постановленія въ дѣлѣ управленія. Парламентская практика сама убѣдилась въ необходимости самостоятельныхъ ordinances и вполнѣ правильно понимала *закономѣрное* королевское правленіе какъ правленіе *въ предѣлахъ* закона, который не можетъ быть ни отмѣненъ, ни измѣненъ королемъ безъ согласія парламента.

Средніе вѣка очень бѣдны исторически-достовѣрными свѣдѣніями о далекомъ прошедшемъ. При Эдуардѣ IV всѣ судьи единогласно заявили, что „всѣ королевскіе суды существуютъ съ незапамятныхъ временъ, такъ что никто не можетъ знать какой изъ нихъ самый древній“. Столь-же достовѣрны фантастическая родословная обѣихъ палатъ, представленія о саксонскихъ законахъ, мудрыхъ учрежденіяхъ добраго короля Альфреда и традиціи объ англо-саксонскомъ государственномъ устройствѣ.

Четвертый періодъ.

ЭПОХА ТЮДОРОВЪ И РЕФОРМАЦІИ.

Генрихъ VII . . . . . 1485—1509.
Генрихъ VIII . . . . . 1509—1547.
Эдуардъ VI . . . . . 1547—1553.
Марія. . . . . 1553—1558.
Елизавета. . . . . 1558—1603.

§ 27.

Возстановленіе конституціоннаго правленія.

Причина обратнаго движенія англійскаго государственнаго строя въ теченіи послѣдняго полустолѣтія среднихъ вѣковъ и кажущагося возвращенія къ бурнымъ порядкамъ 13 столѣтія кроется прежде всего въ цѣломъ рядѣ чисто личныхъ качествъ представителей королевской власти. Правда, въ правовомъ положеніи духовенства и дворянства было еще много неустройства и дисгармоніи, но все это превратилось въ дворянско-династическія междоусобія только благодаря слабости Генриха VI. Самоубійственный образъ дѣйствій баронства и послѣдовавшее за этимъ ослабленіе его могли-бы привести только къ укрѣпленію королевской власти. Дворянство, рыцарство и горожане были большей частью противъ воли вовлечены въ эти междоусобія и чувствовали бо́льшую симпатію къ мирному развитію государственной жизни; даже все усиливающійся въ низшихъ классовъ духъ независимости склонялся больше на сторону королевскаго правленія, чѣмъ на сторону правленія дворянскаго. Вотъ почему королевская власть, которая соотвѣтствовала этому основному соціальному стремленію времени должна была встрѣтить твердую опору въ массѣ народа.

Династія Тюдоровъ, начиная съ Генриха VII, сразу ясно поняла положеніе вещей. Самымъ опаснымъ врагомъ монархіи была военная

сила бароновъ. И вотъ вновь утвердившаяся династія прежде всего взялась за рѣшеніе самой настоятельной задачи: за уничтоженіе военнаго штата (livèries) магнатовъ. Съ окончаніемъ дворянскихъ междоусобій, богатство и сила знатныхъ родовъ значительно убавились сами собой. Если многимъ наслѣдникамъ древнихъ родовъ и были возвращены ихъ титулы и почести, то все-таки они не получили обратно прежнихъ владѣній, возможности содержать вооруженную свиту и прежняго вліянія на страну. Уничтоженіе могущества бароновъ было главной задачей политики Генриха VII, ради которой онъ, какъ и современникъ его Людовикъ XI, часто забывалъ установившіяся традиціи и королевское достоинство. «Онъ положилъ на свое дворянство твердую руку», говоритъ лордъ Бэконъ, «и благоволилъ болѣе къ духовнымъ и юристамъ, которые, хотя и соблюдали народные интересы, были податливѣе по отношенію къ нему». Не вполнѣ похвальныя финансовыя ухищренія его казначея доставили ему возможность не прибѣгать больше одного раза въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ его царствованія къ созыву парламента.

Преемникъ его, Генрихъ VIII, преслѣдуетъ ту же политику, но съ бо́льшимъ достоинствомъ. Обнародованные государственные документы бросаютъ новый свѣтъ на заслуги Генриха по внутреннему управленію, такъ что новѣйшіе историки склонны скорѣе преувеличить ихъ значеніе. Вполнѣ вѣрно, что новое правительство въ первый разъ проявляетъ систематическое попеченіе о рабочихъ классахъ. Задолго до того, что впослѣдствіи было названо просвѣщеннымъ деспотизмомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь урегулированіе рабочей платы и цѣнъ на жизненные припасы, запрещеніе несоразмѣрной арендной платы и превращенія пашенъ въ пастбища, такъ какъ эти явленія сопровождаются убылью населенія въ странѣ, даже запрещеніе изобрѣтеній, имѣющихъ цѣлью удешевить ручной трудъ; серьезныя заботы о воспитаніи, развитіи трудолюбія и попеченія о бѣдныхъ, покровительство гильдіямъ, ремесленнымъ союзамъ, торговымъ компаніямъ и другія мѣропріятія, насколько они были доступны тому времени. Несомнѣнная и главная заслуга Генриха VIII — умѣніе выбирать должностныхъ лицъ. Его стремленія не только встрѣтили сочувственный отголосокъ между бѣднымъ людомъ, но и пользовались должнымъ уваженіемъ его современниковъ. Несомнѣннымъ послѣдствіемъ правленія Генриха VIII былъ внутренній миръ и благосостояніе всей страны.

Исполненіе всѣхъ этихъ задачъ не вноситъ никакихъ перемѣнъ въ управленіе страны. Вся вооруженная сила страны состоитъ теперь изъ милиціи, подъ предводительствомъ офицеровъ и сельскаго gentry. Старое ленное войско уничтожено и замѣняется поземельными пода-

тями. Въ судебномъ и полицейскомъ управленіи выдвигаются на первый планъ мировые судьи—по числу и важности разбираемыхъ ими дѣлъ. Церковные приходы превращаются въ мѣстныя общины, благодаря тому, что законодательство предоставляетъ ихъ самодѣятельности задачи общественной гуманности, которыя прежде брала на себя церковь. Только въ 16-мъ вѣкѣ заканчивается вполнѣ окружное и мѣстное общинное устройство. Вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ основъ всякаго представительнаго образа правленія продолжается связь ихъ съ парламентомъ. Основная мысль англійскаго государственнаго устройства — пользованіе королевскимъ верховенствомъ при помощи имущихъ классовъ и вытекающая отсюда система законодательства съ ихъ участіемъ ведется дальше съ полною послѣдовательностью.

Въ то время какъ свѣтское управленіе государства продолжалось на прежнемъ основаніи, къ серединѣ царствованія Генриха VIII выдвинулась новая задача, рѣшеніе которой сдѣлалось для династіи исторической миссіей. Отклоненіе церкви отъ ея нравственныхъ обязанностей достигло такихъ размѣровъ, что необходимо было разрѣшить этотъ вопросъ. Руководимый прежде всего личными побужденіями, Генрихъ VIII задумалъ уничтожить двойственность между свѣтскимъ и церковнымъ государствомъ и выполнилъ энергично, хотя и насильственно, эту задачу. Чужестранное духовное верховенство находилось, теперь больше чѣмъ кода-либо прежде, въ непримиримомъ противорѣчіи съ обособленіемъ національной жизни Англіи. Церковь могла сдѣлаться, согласно желанію народа, національной только при томъ условіи, чтобы иностранный епископъ былъ замѣщенъ туземнымъ верховнымъ лицомъ. Но какъ церковный владыка король дѣлается опять абсолютнымъ повелителемъ той половины государства, которая до сихъ поръ имѣла церковную организацію. Церковная власть переходитъ къ королю сначала въ качествѣ gouvernement personnel и затѣмъ консолидируется въ церковный государственный совѣтъ. Королю въ этомъ его совѣтѣ подчиняются епископы, которые находятся теперь въ положеніи административныхъ чиновниковъ, durante bene placito. Вмѣстѣ съ епископскимъ званіемъ и приходское духовенство подчиняется новому административному духовенству. Съ перемѣной имущественнаго и общаго положенія духовенства послѣднее теряетъ свой сословный характеръ и входитъ въ общую систему королевскаго государственнаго управленія. Прежнія прерогативы церковнаго строя, прежній авторитетъ «священной церкви», церковное подчиненіе мірянъ—все это образуетъ новые элементы королевской власти. Съ этого момента и до конца разсматриваемаго періода .играютъ главную роль отношенія между церковью и государствомъ, поэтому послѣдующее изложеніе цѣлесообразно распредѣлить на два отдѣла:

Продолженіе развитія окружнаго устройства и парламентское устройство (§§ 28—29).

А затѣмъ реформація, новая организація государственной церкви и его воздѣйствіе на основной характеръ королевскаго правленія (§§ 30—32 а).

Источники и литература:

1) *Подлинные законы* съ 4. Henr. VII—исключительно на англійскомъ языкѣ.

Обособленные Statute Roles оканчиваются 9. Henr. VII и входятъ въ составъ Rotuli Parlamentorum. Полное законодательство этого времени находится въ оффиціальномъ собраніи законовъ (Statutes of Realm. 1810 и сл.). Vol. II. p. 499—694; Vol. III и IV.

2) *Парламентскіе протоколы* — имѣются въ Rotuli Parlamentorum. Со времени 12. Henr. VII въ Parliamant Office. Со временъ I. Henr. VIII начинаются journals of the House of Lords съ General Index и съ отдѣльнымъ Calendar from I. Henr. VIII to 30 Aug. 1642. —Journals of the House of Commons начинаются съ I. Edw. VI (1548).

3) Остальныя безчисленныя State papers находятся въ архивахъ и опубликованы серіями. Протоколы государственнаго совѣта, Sir. H. Nicolas Proceedings etc., доходятъ до 33 Henr. VIII. Напечатанныя State papers относятся къ царствованію Henr. VIII. Vol. I—XI (1830—1852).—State papersa. 1571—1596, by Murdin 1750 fol. Calendar of the State papers a. 1547—1580 by R. Lemon 1857 г. съ продолженіями.

4) *Сочиненія по исторіи* Reeves, History of the English Law 1815 г. обнимаютъ эпоху Тюдоровъ въ IV и V томахъ. Sir Edw. Coke's Institutes, Part. II представляютъ собою главный авторитетъ также и для публичнаго права.

5) Для *общей политической исторіи*: Hallam, Constitutional History, Vol. I, Lingard, History of England (съ католической точкой зрѣнія); много пользовался источниками Froude, History of England, Since the fallof Wolsey etc. 1858 и сл. Vol. I—XII (талантливая апологія Тюдоровъ, особенно Генриха VIII). Ranke, Englische Geschichte, vornämlich im 16 und 17 Jahrhundert, Bd. I (1859). Отдѣльные періоды обнимаютъ Fr. Baconi, Historia regni Henrici VIII, Amst. 1662. Lord. Herbert, Life and reign of Henry VIII. 1649 (оффиціальная книга) Camden, Annales Britt. regn. Elisabeth. Th. Smith, the Commonwealth of England, Lond. 1589. (Политическое положеніе при Елизаветѣ).

---

§ 28.

Дальнѣйшее развитіе организаціи графствъ.

Дальнѣйшее развитіе и расширеніе Тюдорами основныхъ учрежденій, составляющихъ жизненную силу парламентскаго строя, служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что новая династія твердо стояла за сохраненіе прежняго государственнаго устройства. Связь между государственными верховными правами и мѣстнымъ устройствомъ не

только продолжается по всѣмъ направленіямъ, но еще болѣе развѣтвляется къ низу и все сильнѣе втягиваетъ массу народонаселенія въ систему самоуправленія.

I. *Организація милиціи* получаетъ особенное значеніе вслѣдствіе того, что милиція становится единственной законной вооруженной силой страны. Старыя ленныя милиціи силою вещей устранены теперь; стремленія Тюдоровъ направлены къ тому, чтобы уничтожить вооруженныя свиты и кондотьеровъ высшаго дворянства. Возвращеніе къ временамъ Ланкастерскаго дома сдѣлалось невозможнымъ еще и потому, что стали избѣгать внѣшнихъ большихъ войнъ, а такимъ образомъ и дворянство отвыкло отъ веденія регулярныхъ войнъ [1]).

Всѣ заботы Тюдоровъ были обращены на милицію графствъ, которая доказала свою пригодность, какъ въ шотландскихъ войнахъ, такъ и на континентѣ. Въ случаяхъ необходимости, начали опять обязывать графства выставлять опредѣленное число человѣкъ. Законодательство содѣйствовало этому отдѣльными предписаніями относительно военныхъ повинностей королевскихъ вассаловъ и чиновниковъ (19 Henr. VII, c. 1 и поздн. законы) и относительно воинскаго послушанія милиціонеровъ назначеннымъ офицерамъ. При Генрихѣ VIII въ первый разъ встрѣчаемъ для этой цѣли чрезвычайныхъ комиссаровъ, которые въ качествѣ королевскихъ лейтенантовъ (позже—Lord-Lieutenants) составляютъ отряды посредствомъ принудительнаго рекрутскаго набора. Также и въ 3. Edw. VI, во время католическихъ безпорядковъ, идетъ рѣчь о такихъ лейтенантахъ, назначенныхъ съ цѣлью «водворить въ графствахъ порядокъ». Все это окончательно утверждается закономъ о смотрахъ st. 4 et 5. Phil. et Mary c. 3. Одновременно подтверждается новымъ закономъ 4 et 5 Phil. et M. c. 2 повинность вооруженія и вводится соотвѣтственная времени перемѣна въ системѣ вооруженія. Милиціонный законъ различаетъ въ свѣтскомъ поземельномъ владѣніи слѣдующія степени: 1000L, 1000 марокъ, 400L, 200L, 100L, 100 марокъ, 40, 20, 10, 5L, затѣмъ лицъ съ движимымъ имуществомъ (доходомъ) въ 1000 марокъ, 400, 200, 100, 40, 20, 10L; сообразно съ этимъ налагается повинность вооруженія бо́льшаго или меньшаго числа солдатъ соотвѣтствующимъ оружіемъ. Не землевладѣльцы, а просто люди владѣющіе copyhold или имуществомъ, дающимъ чис-

---

[1]) Рядомъ съ государственной милиціей этого времени, ленная милиція существуетъ только спорадически. Матеріалъ, которымъ питались междуусобія Розъ, тоже уничтожался. Маркграфства на границѣ Валиса и Шотландіи—эти спеціально-военные округи уничтожены были при Генрихѣ VIII. Но какъ естественное слѣдствіе этого положенія, пограничное дворянство сохранило военныя привычки до шотландской уніи. Сохранилась и привычка народонаселенія къ военнымъ упражненіямъ, вслѣдствіе чего въ Іоркскомъ графствѣ считалось до 70000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе.

тый доходъ свыше 30L, облагаются соотвѣтственно движимому имуществу. Всѣ остальные жители, выше не упомянутые, обязуются «на общій счетъ доставлять тѣ вооруженія, которыя будутъ указаны королевскими коммиссарами». Мировые судьи обязаны наблюдать за доставкой лошадей и оружія. При общемъ сборѣ войска, командующій пользуется правомъ суммарной юстиціи относительно служебныхъ преступленій. Въ военное время, по 7 Henr. VII, c. 1; Henr. VIII, c. 5; 2 et 3 Edw. VI, c. 2, § 6. 5 Eliz. c. 5 за дезертирство назначается наказаніе какъ за felony. Впослѣдствіи Яковъ I уничтожилъ многое изъ только-что отмѣченнаго, но законъ о смотрахъ остался; уничтожены только различіе степеней повинностей и вооруженія, но оставленъ административный порядокъ набора войска, а также наказаніе за дезертированіе [1a]).

II. **Судебное устройство**, въ этомъ какъ и въ послѣдующемъ столѣтіи представляетъ собою самую устойчивую часть государственнаго строя, прогрессирующій элементъ которой составлялъ только институтъ мировыхъ судей. Кромѣ него, остальное судебное устройство остается неизмѣненнымъ, по прежнему основанное на judge и jury, на совмѣстномъ участіи королевскихъ чиновниковъ и общинныхъ выборныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ ассизахъ и четверть годичныхъ засѣданіяхъ мировыхъ судей. Списки присяжныхъ образуются по старому, необходимое число ихъ для ассизъ графства доставляется шерифомъ, въ городахъ—секретаремъ суда. Цензъ присяжныхъ соотвѣтственно измѣненію денежной стоимости, 27 Eliz

---

[1a]) Commissions of Array этого времени не вполнѣ согласуются съ прежними парламентскими статутами, ограничивающими употребленіе милиціи во внѣшнихъ войнахъ. Но парламенты, ради собственныхъ интересовъ, предоставили администраціи большій просторъ, чтобы избѣгнуть возвращенія къ старой ленной военной повинности. Впрочемъ, Тюдоры не чувствовали необходимости въ постоянныхъ войскахъ, ни для защиты страны, ни для расширенія своей власти. Примѣненіе военныхъ законовъ къ частнымъ лицамъ при Елизаветѣ заставило парламентъ нѣсколько призадуматься. Елизавета объявила военное положеніе впервые послѣ возстанія на сѣверѣ въ 1570 году, но по представленіи Совѣта отмѣнила его опять, имѣя въ виду Magna Charta. Но въ 1588 году, когда угрожала высадка испанцевъ, издано постановленіе, по которому распространители папскихъ буллъ и мятежныхъ прокламацій подвергаются наказанію по усмотрѣнію главнаго военачальника. Въ 1595 году назначается даже особый „Provost Marschall“, который, по указанію мировыхъ судей, долженъ хватать „завѣдомыхъ и неисправимыхъ бунтовщиковъ“ и въ присутствіи Magistrates подвергать ихъ повѣшенію. Королева гарантируетъ безнаказанность за это незаконное дѣйствіе. Новый законъ о милиціи 4 et 5 Phil. et M. имѣетъ главнымъ образомъ въ виду повинность вооруженія и ставитъ серьезныя требованія имущимъ классамъ. Землевладѣлецъ въ 1000 L: 6 лошадей и оружіе для столькихъ-же тяжело вооруженныхъ всадниковъ, 10 лошадей и оружіе для 10 легко вооруженныхъ всадниковъ, 40 легкихъ вооруженій, 40 тонкихъ броней, 30 длинныхъ луковъ, 30 шлемовъ, 20 галебардъ, 20 аркебузовъ, 20 легкихъ шлемовъ, и т. д. Сюда относятся не только liberi homines, но и copyhold и всякое другое движимое имущество. Cap. 3 опредѣляетъ наказаніе за уклоненіе отъ смотра.

с. 6 возвышенъ съ 40 sch. на 4L, также какъ и поземельная рента рыцарскаго лена въ это время таксировалась въ 40L вмѣсто 20L. Установленіе факта, составлявшее первоначальную задачу жюри, на практикѣ превращается въ систему судебнаго слѣдствія, т. е. присяжные постановляютъ общій приговоръ на основаніи выяснившихся доказательствъ. 1 Edw. VI, с. 1 узаконено допущеніе свидѣтелей со стороны защиты.

Эта совмѣстная дѣятельность судейскаго персонала и общинныхъ выборныхъ, причемъ дворяне, горожане и крестьяне годами встрѣчались вмѣстѣ, все еще составляло главную опору гражданскаго устройства. Въ отдѣльныхъ случаяхъ jury проявляло пристрастіе изъ боязни, или-же пристрастно составлялось услужливыми шерифами. Но, все-таки, судъ присяжныхъ до такой степени сросся съ правовыми воззрѣніями того времени, что Генрихъ VIII распространяетъ его даже на свой придворный судъ и судъ адмиралтейства. Вслѣдствіе разныхъ злоупотребленій st. Henr. VII, с. I предоставляетъ мировымъ судьямъ право налагать наказанія за concealments of inquests на присяжныхъ, нарушившихъ свой долгъ; но эта мѣра осталась безъ послѣдствій. Серьезнѣе сдѣлалась впослѣдствіи карающая власть Звѣздной Палаты, которая иногда дѣлала выговоры, штрафовала присяжныхъ и даже угрожала тюремнымъ заключеніемъ. Однако и здѣсь нѣтъ никакого стремленія къ тому, чтобы стѣснить самостоятельность присяжныхъ засѣдателей [2]).

Рядомъ съ этимъ судомъ продолжаетъ существовать и *судъ шерифа*. Статуты 2 и 3 Edw. VI, с. 25 способствуютъ его удержанію. Смыслъ этого, впрочемъ, только періодическое рѣшеніе текущихъ дѣлъ графства, рядомъ съ которыми гражданская юрисдикція суда шерифа все больше и больше мельчала. County Court, какъ собраніе судебныхъ мужей, существовало почти номинально и

---

[2]) Духъ партій въ началѣ разсматриваемой эпохи несомнѣнно коснулся и судъ присяжныхъ. Не только законы, но и историки подтверждаютъ, что борьба обѣихъ розъ оказала вліяніе на судъ присяжныхъ, что и сдѣлалось поводомъ къ вмѣшательству Звѣздной Палаты „въ виду того, что противозаконныя дѣйствія, подкупы, недобросовѣстные поступки шерифовъ при изготовленіи списковъ присяжныхъ, наконецъ, подкупность самихъ присяжныхъ—все это угрожало порядку и спокойствію государства“. Во все время Тюдоровъ Звѣздная Палата не коснулась хода обыкновеннаго судопроизводства. Единичныя попытки противъ обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ, см. у Hallam, Const. History I, с. 1. О нѣкоторой зависимости jury при Елизаветѣ см. тамъ-же, с. 5. Обыкновенно Звѣздная Палата удовлетворялась извиненіемъ. Только случай оправданія Nic Throckmorten'a при Маріи вызвало удивленіе современниковъ. Послѣ приговора присяжные были заключены въ тюрьму; четверо, признавшіе себя виновными, были освобождены, остальные, старавшіеся оправдать себя, были приговорены Совѣтомъ къ денежному штрафу отъ 1000 до 3000 марокъ, но и отъ него они частью освобождены. Странный St. II. Henry VII, с. 3 объясняется фискальными соображеніями, такъ какъ онъ давалъ мировымъ судьямъ власть денежныхъ взысканій, но послѣ того какъ это нововведеніе вызвало всеобщее озлобленіе, оно было уничтожено при вступленіи на престолъ Генриха VIII.

имѣетъ только политическое значеніе во время выборовъ[2a]). Мѣстные courts leet продолжаютъ еще существовать въ отдѣльныхъ мѣстахъ съ остатками прежней компетенціи. Въ такомъ-же ничтожномъ положеніи и патримоніальные суды, въ кругъ дѣятельности которыхъ совсѣмъ перестали входить судебныя дѣла. Предоставленная нѣкоторымъ городамъ гражданская юрисдикція практически сохраняла значеніе рядомъ съ ассизами.

III. **Полицейская организація графствъ** вызвала расширеніе дѣятельности мировыхъ судей по 3-мъ направленіямъ [3]).

1) Мировые судьи производятъ *предварительное слѣдствіе* по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ. Эта новая обязанность находится въ связи съ предоставленнымъ имъ правомъ отпускать обвиняемаго подъ поручительство (bail) (3 Henr. VII c. 3). Статутами 1 et 2 Phil. et M. c. 13; 2 et 3 Phil. et M. c. 10 это право было точнѣе опредѣлено слѣдующимъ образомъ: двое мировыхъ судей—изъ которыхъ одинъ долженъ быть юристомъ (quorum), принимаютъ поручительство и представляютъ собственноручно написанный докладъ объ этомъ ближайшей уголовной ассизѣ. Но до того, они обязаны составить письменно examination арестованнаго и information тѣхъ, которые его приводятъ, относительно факта и обстоятельствъ преступленія, насколько эти факты и преступленія могутъ служить для выясненія дѣла. Такимъ образомъ мировые судьи производятъ предварительный опросъ подсудимаго и свидѣтелей; а кромѣ того они еще берутъ съ обвинительной стороны и свидѣтелей залогъ для гарантированія того, что они явятся въ судебное засѣданіе (to bindover, to prosecute and to give evidence). Это предварительное слѣдствіе можетъ имѣть мѣсто во всякомъ случаѣ, независимо отъ того допустимо или недопостимо поручительство, и тождественно съ предвари-

---

[2a]) Соотвѣтственно закону 14, Edw. III, c. 7, шерифы ежегодно представлялись канцлеромъ, казначеемъ и судьями королю для утвержденія (State papers, I, 114). Для этой цѣли помощникъ секретаря бюро Remembrancer'a велъ списокъ лицъ, которыя были рекомендованы важными сановниками. (Thomas. Materials 12). По статуту 35 Henr. VIII, c. 16, они еще тщательнѣе должны были отдавать отчетъ казначейству.

[3]) О полицейскомъ устройствѣ см. подр. изложеніе Gneist, Gesch. des Selfgov. 291—308, гдѣ приведено въ систему все, почти необозримое законодательство, къ этому относящееся. Кое-какія матеріалы относительно расширенія обязанностей мировыхъ судей отчасти заключается въ Reeves, History of the Engligh Law, Vol. IV и V, особенно Vol. V pg. 227 и сл.). Законы этого столѣтія чрезвычайно многочисленны. Равносильно первоисточникамъ обширное сочиненіе Lambard'a Eirenarcha, or the office of a justiae of the Peace, которое въ различныхъ изданіяхъ 1579—1619 наглядно представляетъ развитіе обязанностей мировыхъ судей соотвѣтственно современному законодательству. Послѣдующее движеніе изложено у Dalton'a Justice of peace 1618. Междоусобія обѣихъ Розъ воспитали въ новомъ поколѣніи на долго духъ пристрастія и деморализаціи. Статутъ 3 Henr. VII, c. 3 о карательной силѣ Звѣздной камеры тоже былъ направленъ противъ злоупотребленій мировыхъ судей.

тельнымъ слѣдствіемъ, которое и понынѣ производится въ англійскихъ процессахъ. Рядомъ съ этой расширенной обязанностью мировыхъ судей продолжается ихъ дѣятельность въ качествѣ уголовныхъ судей въ коллегіальныхъ четверть годичныхъ засѣданіяхъ, продолжающихъ конкуррировать, благодаря слишкомъ общей редакціи своей компетенціи съ компетенціей странствующихъ судей [3a]).

2) Въ другомъ направленіи происходитъ консолидированіе средневѣковыхъ *полицейскихъ законовъ*, съ цѣлью сдѣлать ихъ понятнѣе въ примѣненіи. Даже не претерпѣвшіе значительныхъ измѣненій законы, изданные еще въ прошломъ столѣтіи, сдѣлались удобнѣе для пользованія ими мировыми судьями и распространены на *новыя важныя отрасли* народной жизни.

Рабочая полиція, въ которой мировые судьи замѣнили старыхъ justices of labourers, вырабатывается въ одну общую систему полиціи безопасности и попеченія о бѣдныхъ, которая получаетъ окончательное устройство стат. 5. Elir. c. 4. Въ ней содержится длинный рядъ денежныхъ штрафовъ, полицейское принужденіе праздныхъ

[3a]) Практическое развитіе полицейской организаціи приняло такой ходъ: всѣ первоначальныя обязанности *десятка* переходятъ къ „мѣстному старшинѣ и къ четыремъ мужамъ“, а всѣ обязанности *сотни*—къ большому jury. Послѣдній освобождаетъ такимъ образомъ общинные союзы отъ тяжелой обязанности presentments, выслушивая преслѣдующую и обвинительную сторону (informer) и настолько извлекаетъ изъ уликъ, что самъ составляетъ indictment, который прежде составлялся каждою hundred на основаніи собственныхъ свѣдѣній и справокъ, за ея присягой. Если взвѣсить съ какими облегченіями это было сопряжено для десятковъ и сотенъ, то станетъ понятнымъ, почему эти нововведенія встрѣтили такое же большое сочувствіе, какъ появленіе получающихъ жалованье чиновниковъ на континентѣ. Такимъ-то образомъ устанавливался понынѣ практикуемый порядокъ. При этой организаціи слѣдственнаго производства все болѣе и болѣе выяснялось, что коллегіальная дѣятельность примѣнима только къ постановленію приговоровъ (въ данномъ случаѣ, значитъ, рѣшеніе того, имѣетъ-ли обвиненіе достаточно основаній). Остальной порядокъ судебнаго преслѣдованія лучше всего поддается веденію единичныхъ лицъ. Поэтому выбрали тотъ же путь, которымъ шло законодательство при организаціи судебнополицейскаго дѣла, именно: отдѣлены извѣстныя функціи отъ коллегіи мировыхъ судей и переданы отдѣльнымъ мировымъ судьямъ. Каждый мировой судья поэтому вѣдаетъ сообразно съ этимъ: 1) Предварительное слѣдствіе черезъ допросъ обвиняемаго и главныхъ свидѣтелей—слѣдовательно то, что раньше служило сотенному jury подготовленіемъ къ приговору. 2) На основаніи этого они рѣшаютъ допустить ли поручительство. 3) Пересылаютъ собранный матеріалъ въ ближайшія ассизы или четвертьгодичное засѣданіе вмѣстѣ съ обвиняемымъ или безъ него, для постановленія приговора большимъ jury. Это commitment освобождаетъ общины отъ трудной обязанности, такъ какъ первоначально сотни должны были представлять обвинительный актъ чрезъ двѣнадцать членовъ своихъ. 4) Мировые судьи заботятся и о будущемъ главномъ засѣданіи, обязывая informer'a и свидѣтелей къ тому, чтобы явиться туда. Эта обязанность тоже вытекаетъ изъ старой общинной обязанности выставлять своихъ свѣдущихъ членовъ для veritatem dicere nec celare. Слѣдовательно все, что прежде входило въ обязанность общины, исполняетъ теперь Informer или свидѣтель отъ имени остальныхъ. Такимъ образомъ произошло понынѣ практикуемое предварительное слѣдствіе, которому законъ придалъ должную санкцію. Coke IV Int. 177.

людей къ домашней работѣ или къ ремесламъ, регулированіе сельскаго батрачества, предписанія относительно выдачи свидѣтельствъ для прислуги и батраковъ, полицейская юрисдикція относительно права отходить отъ хозяина и вообще пререканій между хозяевами и слугами, предписанія относительно величины заработной платы и рабочихъ часовъ.—Въ связи съ этимъ и съ закономъ о бѣдныхъ находится система *обязательнаго обученія ремесламъ*, которое приводится въ исполненіе постановленіями мировыхъ судей, какъ по отношенію къ бѣднымъ мальчикамъ, такъ и дѣвушкамъ и по отношенію ихъ хозяевъ.

Связанное съ этимъ законодательство о *бродягахъ и нищихъ* 39 Elir. c. 4 превращается въ довольно сложное право мировыхъ судей рѣшать вопросы относительно правъ на жительство въ данномъ мѣстѣ, относительно бродяжническихъ паспортовъ, уплаты судебныхъ и пересылочныхъ издержекъ.

Ремесленный уставъ Елизаветы 5, Eliz. c. 4 вводитъ обязательное семилѣтнее обученіе въ качествѣ ученика и всѣ споры между хозяиномъ и ученикомъ подчиняетъ юрисдикціи мировыхъ судей. Прежнее законодательство о способахъ веденія извѣстныхъ ремеслъ продолжается, особенно регламенты для шерстепрядиленъ, регламенты для пивоваренныхъ заведеній, для мясниковъ и пекарень; все это съ цѣлью обезпечить потребителямъ добросовѣстную работу. При Тюдорахъ начинается система *концессій на пивныя заведенія* 7. Henr. VII c. 2; 5 et 6 Edw. VI c. 25, также на право скупать хлѣбъ, масло и сыръ. 5 Eliz. c. 12 § 2. [3b]).

Реформація вызвала карательное полицейское законодательство противъ папистовъ, тайныхъ сообществъ и диссентеровъ (5 Eliz.)—своеобразное и оскорбляющее наши религіозныя представленія, также примѣненіе наказаній praemunire (въ нѣкоторыхъ случаяхъ

[3b]) Система рабочей полиціи выработалась при Тюдорахъ въ одно общее цѣлое съ полиціей безопасности и съ попеченіемъ о бѣдныхъ. Полицейская регламентація наемнаго труда достигаетъ наивысшаго пункта въ st. 5. Eliz. c. 4, обставленномъ, кромѣ того, длиннымъ рядомъ регламентовъ для Servants, labourers, artificiers.

Нова система концессіи для кабаковъ. По 5 et 6 Edw. VI c. 25 двое мировыхъ судей могутъ запретить продажу пива въ обыкновенныхъ шинкахъ и могутъ не допустить продажи пива въ случаяхъ неимѣнія подлежащаго разрѣшенія на это со стороны по крайней мѣрѣ двухъ мировыхъ судей. Хозяева должны дать обязательство въ томъ, что не будутъ допускать противозаконныхъ игръ и будутъ соблюдать порядокъ. Четвертьгодичныя собранія судей должны наблюдать за этими обязанностями хозяевъ. Нова также организація тюремнаго дѣла. Устройство Houses of Correction всегда имѣло полицейскія цѣли для исправленія бродягъ, нищенствовавшихъ, бѣглыхъ крѣпостныхъ и т. д. Coke 2, Just. 725—732. Старыя окружныя тюрьмы подъ управленіемъ уголовныхъ судовъ и теперь еще подлежатъ веденію шэрифовъ, права которыхъ подтверждаются 14 Edw. III. c. 10; 19 Henr. VII. c. 10; 23 Henr. VIII. c. 2.

даже наказанія за государственную измѣну) къ религіознымъ отступленіямъ, примѣненіе системы денежныхъ штрафовъ для вынужденія внѣшняго единобразія. Эта карательная система вначалѣ была направлена противъ папистовъ, но впослѣдствіи и противъ уклонившихся отъ государственной церкви сектъ [3c]).

Всѣ эти функціи исполняются то однимъ мировымъ судьей, то двумя, иногда же 3, 4 и даже шестью. Точка зрѣнія при этомъ была чисто эмпирическая, смотря потому, желательно ли было по обстоятельствамъ дѣла или по другимъ причинамъ присутствіе юриста (quorum) и взаимный контроль.

Но опытъ показалъ въ Англіи, какъ и въ Германіи, что принципъ коллегіальности непримѣнимъ къ рѣшенію мелкихъ дѣлъ, что невозможно на практикѣ рѣшать всѣ мелкія дѣла посредствомъ judge and jury. Предшествовавшій періодъ избѣгалъ, повозможности, подобныхъ отступленій. Суммарная юрисдикція мировыхъ судей существовала и тогда, но только въ замаскированномъ видѣ: въ формѣ расширеннаго права мировыхъ судей арестовать до слѣдующей сессіи и другихъ косвенныхъ мѣръ, представлявшихъ уже по самой сущности своей наказаніе. Въ разсматриваемый-же періодъ появляется прямо карательная власть мироваго судьи безъ jury (summary conviction). Уже въ приведенныхъ законодательныхъ группахъ содержатся многочисленныя карательныя мѣры, налагаемыя однимъ или двумя мировыми судьями и число которыхъ впослѣдствіи при Стюартахъ несмѣтно увеличивается.

3) Въ третьихъ, институтъ мировыхъ судей вырабатывается въ высшую инстанцію для новой *церковно-приходской организаціи*, съ дѣлами по мѣстной полиціей, попечительствомъ о бѣдныхъ, управленіемъ дорогъ и общинными налогами включительно. Мѣстные чиновники находятся подъ спеціальнымъ контролемъ мировыхъ судей, четвертьгодичныя засѣданія которыхъ представляютъ всеобщую апелляціонную инстанцію по административнымъ дѣламъ. Sessions мировыхъ судей все больше получаютъ значеніе Окружнаго Правленія,

---

[3c]) Преступныя рубрики того времени: Agnus Dei (Ввозъ иконъ, крестовъ и т. д. угрожало наказаніе praemunire, 13 Eliz. c. 2, 3, 7, 17; 23 Eliz. c. 1 § 2). Books and relicks: двое мировыхъ судей имѣютъ право разыскивать книги и реликвіи и уничтожать ихъ. Распятія ломались въ четвертьгодичныхъ засѣданіяхъ. Jesuits and priests (27 Eliz. c. 2 § 13). Impugning supremacy: лица старше 16 лѣтъ, не посѣщающія церкви въ теченіи одного мѣсяца, возстающія противъ верховной церковной власти короля, или посѣщающія тайныя сборища, арестуются мировымъ судьей до тѣхъ поръ, пока не исправятся. 35 Eliz. c. 4. § 1. Maintaining the pope's jurisdiction (наказаніе praemunire 5 Eliz. c. 1 § 2 и 15, 23 Eliz. c. 1 § 2). Mass: за присутствіе на обѣднѣ и за служеніе ея—200 (100) марокъ и годъ тюремнаго заключенія (23 Eliz. c. 1 § 4). Дознаніе относительно неносѣщенія церкви not repairing to church можетъ производить одинъ мировой судья (23 Eliz. c. 1 § 5).

которое посредствомъ orders управляетъ текущими дѣлами мѣстности, причемъ эти дѣла, смотря по значенію своему, вѣдаются то четвертьгодичными засѣданіями, то поручаются тремъ, двумъ, или одному мировому судьѣ. Они назначаютъ штатъ попечителей надъ бѣдными, а съ упадкомъ Courts leet и констаблей мѣстныхъ общинъ [3d]).

Всѣ эти расширенныя полномочія, въ совокупности и отдѣльно, прописываются въ періодически-изготовляемыхъ грамотахъ на званіе мироваго судьи, которыя въ 1590-мъ году были опять пересмотрѣны верховными государственными судами и которыя представляютъ собою и донынѣ употребляемый «формуляръ». Эти формуляры, подобно формулярамъ странствующихъ судей, даютъ прочное основаніе полицейской организаціи, которая сдѣлалась важной гарантіей общественнаго порядка при разнообразныхъ измѣненіяхъ политическихъ вліяній. Тѣмъ необходимѣе стало сохраненіе королевскаго права назначенія и оно дѣйствительно въ 27 Henr. VIII c. 24 было опять категорически подтверждено.

IV. Участіе графствъ и городскихъ союзовъ *въ опредѣленіи и взиманіи* парламентскихъ налоговъ сохраняется сперва въ неизмѣнномъ видѣ. Но внутренняя самостоятельность и внѣшняя замкнутость общинной жизни усиливаются новой системой общинныхъ налоговъ, которая сдѣлалась основою англійскаго мѣстнаго общиннаго устройства, о чемъ еще рѣчь будетъ впереди при разсмотрѣніи церковнаго верховенства королевской власти (въ § 32 a). Предварительно замѣтимъ только, что лишь благодаря законамъ этого времени мѣстная община сдѣлась самостоятельнымъ и живымъ членомъ государственнаго строя. Какъ церковь и приходъ были центромъ для церковной общины, такъ точно попечители о бѣдныхъ, смотрители дорогъ и соотвѣтствующіе налоги сдѣлались соединительнымъ звеномъ общины и государства.—Мѣстныя общинныя собранія (vestries), съ ихъ раскладкой податей и выборами чиновниковъ, получаютъ въ избраніи новыхъ, облекаемыхъ административною властью, общинныхъ выборныхъ новый стимулъ къ самодѣятельности въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Періодъ Тюдоровъ—былъ періодомъ разцвѣта самостоятельной жизни маленькихъ мѣстныхъ общинъ [4]).

[3d]) Организація мѣстныхъ общинъ и подчиненіе ихъ мировымъ судьямъ и центральному управленію будетъ разсмотрено ниже въ § 32 a.

[4]) О развитіи церковно-приходской организаціи ср. ниже § 32 a. Главные элементы ея: церковный староста, попечитель о бѣдныхъ, смотритель дорогъ и старые констабли — образуютъ теперь взаимнодополненную систему личной самодѣятельности въ сферѣ мелкой общинной жизни. Относительно системы общинныхъ податей слѣдуетъ отмѣтить участіе всѣхъ occupiers независимо отъ freehold или copyhold, отъ владѣнія въ качествѣ собственника, нанимателя или арендатора. На этой низшей ступени домашній хозяйственный строй привлекается, такимъ образомъ, въ общественную жизнь.

V. *Городское самоуправленіе* вмѣщаетъ въ себѣ всѣ только-что перечисленные элементы: здѣсь встрѣчаются новая церковно-приходская организація съ старою судебною и полицейскою организаціею. Какъ и въ сельскихъ, въ городскихъ церковныхъ приходахъ мы находимъ систему церковныхъ старостъ, попечителей о бѣдныхъ и смотрителей дорогъ и соотвѣтствующихъ этому налоговъ. Эта новая система развивалась независимо отъ стараго городскаго управленія, образовавшагося изъ court leet и служившаго для цѣлей судебнаго и полицейскаго дѣла, для мировыхъ судей и составленія жюри, а также для завѣдыванія земельнымъ владѣніемъ болѣе стараго происхожденія. Это разъединеніе городскаго строя сильно содѣйствовало и безъ того усилившемуся образованію тѣсныхъ, замкнутыхъ корпорацій Court leet имѣлъ мало дѣла. Текущими дѣлами занимались мировые судья. Хотя для управленія старымъ городскимъ имуществомъ были городскіе выборные, town council etc., но это управленіе въ большинствѣ городовъ играло незначительную роль.

Инкорпораціонныя хартіи придали этому фактическому положенію дѣлъ и правовую санкцію. Онѣ отдаютъ городское управленіе, зачастую и право парламентскихъ выборовъ, въ руки общинныхъ совѣтовъ или выборныхъ, которые въ первый разъ назначаются правительствомъ, а затѣмъ пополняются путемъ кооптаціи. Выборъ городскихъ чиновниковъ производится болѣе тѣснымъ кругомъ capital burgesses, governing body, select body, который тоже пополняется кооптаціей. Помимо инкорпораціонныхъ хартій, такія-же права даются городамъ и «на основаніи статутовъ или прежнихъ обычаевъ». Этотъ инкорпораціонный принципъ имѣлъ то вредное слѣдствіе, что кругъ избирающихъ горожанъ составлялся произвольно, исключались burgesses прежняго городскаго устройства и такъ же произвольно принимались иногородніе почетные члены. Этимъ подготовилось то состояніе, которое при Стюартахъ сдѣлало городскія корпораціи главной ареной для борьбы партій и разныхъ насильственныхъ притязаній [5]).

Кромѣ только-что указанной слабой стороны, созданія Тюдоровъ и въ этой области долговѣчны. Новые элементы общественной жизни примыкаютъ къ уже существующимъ учрежденіямъ, гарантирующимъ миръ и въ этой связи образуютъ весьма значительное звѣно общинной жизни, первичную основу государства, къ которой мы вернемся въ концѣ періода (§ 32 a).

---

[5]) О городскомъ устройствѣ см. Gneist, Gesch. d. Selfg. 316—325. Въ разсматриваемое время различные города получили 54 инкорпораціонныя и 43 простыя хартіи. Основа „корпораціи“—не всѣ граждане, а тѣсный кругъ, выборъ которой предоставленъ обычаю или особенному назначенію и который получаетъ права юридическаго лица.—Нельзя сказать, чтобы уже въ то время

§ 29.

Дальнѣйшее развитіе парламентскаго устройства.

Духъ свободы крѣпко пустилъ корни въ жизнь и потому онъ продолжаетъ также сильно сказываться въ парламентскомъ устройствѣ, какъ и въ общинной жизни. Нѣкоторая перемѣна замѣчается только въ усиленіи королевской власти, вызванномъ ослабленіемъ крупнаго дворянства, реформаціей и измѣненіемъ общественныхъ отношеній этого періода. Государственная-же власть по прежнему проявляется въ трехъ органахъ государственной жизни Англіи.

I. Continual Council теперь носитъ названіе Privy Council. Тутъ совѣтъ министровъ и государственный совѣтъ соединены въ одно учрежденіе подъ личныхъ предсѣдательствомъ короля. Privy Council теперь опять—средоточіе государственнаго правленія, ближайшій совѣтникъ короля при пользованіи прерогативами и составляется по его свободному выбору частью изъ свѣтскихъ и духовныхъ пэровъ, частью изъ членовъ нижней палаты, частью изъ разныхъ чиновниковъ—спеціалистовъ по различнымъ областямъ государственнаго управленія. Послѣдніе какъ *таковые* не пользуются правомъ голоса въ Magnum Consilium, но значеніе королевскаго чиновника съ возстановленіемъ монархіи настолько возросло, что въ ранговомъ порядкѣ Генриха VIII королевскій сановникъ, если онъ пэръ, предпочитается герцогу.

Съ увеличеніемъ объема королевской власти, вслѣдствіе реформаціи, Privy Council получилъ столь большое значеніе, что требуетъ особаго описанія, какъ новый органъ новыхъ административныхъ правъ (§ 32) [1]).

существовало сознательное стремленіе къ искаженію городскаго устройства. Но правительство, создавая большое число зависимыхъ отъ него „выборныхъ мѣстечекъ“, несомнѣнно думало о своихъ выгодахъ, о поддержкѣ въ парламентѣ.

1) Члены Council засѣдаютъ въ парламентѣ частью какъ пэры, частью какъ совѣщательные члены верхней палаты, частью какъ выборные члены нижней палаты. Государственные судьи, королевскіе прокуроры и другіе приглашаются еще какъ юридическіе совѣтники верхней палаты ad tractandum nobiscum et cum caeteris de consilio nostro; дѣйствительныхъ пэровъ приглашаютъ: ad tractandum nobiscum et cum caeteris Praelatis Magnatibus et Proceribus. Ихъ имена ставятся въ приглашеніяхъ непосредственно за именами пэровъ. Въ законѣ 31 Henr. VIII. C. 14 для нихъ назначается отдѣльное мѣсто въ верхней палатѣ—внѣ ряда пэровъ, подающихъ голосъ. Тѣ члены нижней палаты, которые удостоены какой-либо должности въ Privy Counsil, занимаютъ выдающееся положеніе и часто входятъ въ составъ разныхъ committee по разнымъ важнымъ госу-

II. Magnum Concilium прелатовъ и бароновъ, верхняя палата, и при Тюдорахъ былъ наслѣдственнымъ Государственнымъ Совѣтомъ. Генрихъ VII, правда, созвалъ къ первому своему парламенту только 29 свѣтскихъ членовъ, между ними много недавно произведенныхъ. Но многіе съ теченіемъ времени получили обратно свои права и владѣнія и число свѣтскихъ пэровъ значительно увеличилось до смерти Елизаветы, такъ что число графовъ (Earls) сразу возросло до 19, а бароновъ до 41. Кромѣ того еще 1, 2 или 3 Dukes, Marquises и Viscounts. Общее число вновь возведенныхъ въ званіе пэровъ при Генрихѣ VII—20, при Генрихѣ VIII—66, при Эдуардѣ VI—23, при Маріи 9, при Елизаветѣ 29. Тюдоры ограничивались почти исключительно старинными рыцарскими родами. Общее число пэровъ свѣтскихъ разъ только дошло до 60 при Тюдорахъ. Перемѣна отношеній особенно видна въ исчезновеніи организованной военной власти бароновъ. Верхняя палата, благодаря этому, заняла такое же положеніе какъ въ 14-мъ вѣкѣ. Центръ тяжести государства опять въ Privy Council,—вліяніе пэровъ ограничивается назначеніемъ ихъ на важныя мѣста. И именно въ этомъ блестящемъ, признанномъ теперь наслѣдственнымъ дворянствѣ и зависимыхъ отъ короля епископовъ нашлось потребное большинство для прикрытія насилій Генриха VIII, для игнорированія различія въ религіи Генриха, Эдуарда, католической Маріи, протестантской Елизаветы. Сильное вліяніе имѣла тутъ реформація, уничтожившая независимый голосъ 26 аббатовъ и 2-хъ пріоровъ. Въ парламентѣ 13 апрѣля 1539 года было всего 20 духовныхъ пэровъ при 41 свѣтскихъ; но и тѣ и другіе охвачены однимъ и тѣмъ же духомъ прислуживанія, ради выгодныхъ должностей. Болѣе чѣмъ на столѣтіе дворяне перестаютъ быть представителями правъ страны. Вліяніе и значеніе, т. е. все, что могло быть въ это время заманчивымъ—зависѣли отъ милости короля, которой древніе роды и вновь созданные любимцы одинаково добивались [2]).

дарственно-юридическимъ вопросамъ Въ 35 Eliz. 10 апр. 1593 г. королева выражаетъ неудовольствіе „за непочтительное обращеніе съ тайными совѣтниками, которыхъ не слѣдуетъ считать обыкновенными выборными совѣтниками; послѣдніе дѣйствуютъ только въ теченіи парламентскихъ засѣданій, а тѣ—постоянные совѣтники и выбранные въ Council of State—по своему уму и важнымъ заслугамъ“. Parry Parl. 234. Въ 6 Mary происходитъ такой случай, что появляется разъ лордъ-канцлеръ и другіе свѣтскіе и духовные лорды въ нижнюю палату и садятся на мѣста, предназначенныя для Privy Councillors, послѣ чего спикеръ (президентъ) оставляетъ свое мѣсто и вмѣстѣ съ тѣми Privy Councillors занимаетъ мѣсто на заднихъ скамьяхъ. Parry 213.

[2]) Духовные пэры со времени уничтоженія монастырей ограничиваются епископами и архіепископами. 28-го іюня 1539 г. (31 Henr. VIII) аббаты въ послѣдній разъ засѣдали въ верхней палатѣ. Вестминстерскій аббатъ, одинъ въ видѣ исключенія реставрированный при католической Маріи, съ вступленіемъ на прес-

III. *Составъ нижней палаты* перетерпѣлъ меньше всего измѣненій при Тюдорахъ. При Генрихѣ VIII присоединяется новыхъ 27 выборныхъ для Валиса и 4 члена для пфальцграфства и города Честеръ, которые теперь тоже получили парламентское устройство. Возстановлено много старыхъ выборныхъ мѣстечекъ и созданы новые: при Эдуардѣ VI 22, при Маріи 14, при Елизаветѣ 62. Постоянное увеличеніе числа членовъ нижней палаты въ теченіи разсматриваемаго періода видно изъ Parliamentary writs при началѣ правленія Якова I, который къ первому парламенту своему пригласилъ 467 членовъ, изъ нихъ 231 Knights, 140 Esquires, 71 Gentlemen, 9 Merchеants, 1 Mayor, 9 Aldermen, 4 Doctors of law, 1 Serjeant of law. Несмотря на возроставшія прерогативы короля Communae чувствуютъ себя сильнѣе свѣтскихъ и духовныхъ пэровъ, благодаря увеличивающимся потребностямъ въ налогахъ. Весь центръ тяжести общественной роли землевладѣнія и его вліянія при парламентскихъ выборахъ находится въ организаціи милиціоннаго и полицейскаго дѣла. Вліятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ имѣютъ, такимъ образомъ, мировыя учрежденія. Во главѣ ихъ обыкновенно находится въ качествѣ custos rotulorum (вмѣстѣ и лордъ-лейтенантъ милиціи) свѣтскій лордъ изъ парламента, вмѣстѣ съ большимъ числомъ gentlemen. Съ каждымъ поколѣніемъ значеніе этого gentry увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ владѣнія и общественнымъ положеніемъ, на которыхъ оно основано. Съ другой стороны возростаетъ число вольныхъ поселенцевъ вслѣдствіе секуляризаціи церковныхъ владѣній, вслѣдствіе допущенія раздѣляемости поземельнаго владѣнія и свободы завѣщаній, начавшейся съ Генриха VIII. Развивавшаяся земледѣльческая культура и сбытъ въ разбогатѣвшіе города еще больше увеличили доходность мелкихъ поземельныхъ владѣній. Городской средній классъ ростетъ благодаря развитію торговли и промышленности, благодаря гильдіямъ, ремесленнымъ союзамъ, цехамъ. Косвенное признаніе значенія нижней палаты

толъ Елизаветы всего одинъ день засѣдалъ въ парламентѣ—8 мая 1559 г. Законъ о церковномъ единствѣ I. Eliz. c. 2 изданъ вопреки несогласію всѣхъ епископовъ, вслѣдствіе чего въ началѣ статута духовные лорды обходятся молчаніемъ. Уже въ 7 Henr. VIII верхняя палата высказалась за то, что король можетъ созывать парламентъ безъ духовныхъ лордовъ. Coke II. Inst. 585—587. Замѣчательно, что свѣтскіе пэры, возведенные самимъ Генрихомъ VIII, больше всего подвергались его строгостямъ, а остальные пользовались его расположеніемъ, щедростью и любезностью. Но переломъ въ положеніи древняго правящаго класса больше всего проявляется въ томъ, что трудно пріобрѣтенное право подсудности суду пэровъ становится теперь почти privilegium odiosum. Обычный порядокъ уступаетъ мѣсто bills of attainder, посредствомъ которыхъ король имѣетъ возможность въ законной формѣ осудить своихъ падшихъ любимцевъ. Поставленная въ средину между королевской волей и палатой общинъ, верхняя палата не противодѣйствуетъ королю. Кассаціонныя права верхней палаты, на основаніи writ of error, подтверждены 27 Eliz. c. 8, хотя и потеряли практическое значеніе.

видно и въ томъ, что въ важныхъ случаяхъ Тюдоры пытаются оказывать личное вліяніе на выборы. Нововведеніемъ этого времени слѣдуетъ считать назначеніе королемъ спикера, будто бы во избѣжаніе пререканій, отнимающихъ время. (Coke 4 Inst. p. 8). Хотя государственные и церковные дѣятели стремились препятствовать возростанію значенія нижней палаты, но въ немногихъ случаяхъ серьозныхъ конфликтовъ Тюдоры уступали послѣдней, напримѣръ по вопросамъ о налогахъ и о монополіи. Тюдоры хорошо понимали, что общинные союзы, благодаря самодѣятельности и тому, что они составляютъ главную податную силу, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе возростающую самостоятельность, и что сила королевскаго правленія заключается въ связи его съ національнымъ духомъ, съ правами и съ потребностями страны [3]).

Это положеніе «короля въ его парламентѣ» можно прослѣдить и въ трехъ основныхъ подраздѣленіяхъ парламентской дѣятельности: въ *законодательствѣ*, *утвержденіи податей* и въ *контролѣ управленія*.

1) *Законодательная* дѣятельность парламента разсматриваемаго періода начинается при Генрихѣ VII актомъ о правахъ короля на корону. Престолонаслѣдіе всѣхъ 5 монарховъ изъ дома Тюдоровъ основано на парламентскихъ законахъ.

Дѣло реформаціи во всѣхъ своихъ частностяхъ, имѣвшихъ рѣшающее политическое значеніе, было осуществлено постановленіями парламента, созваннаго 3 ноября 1529 года, причемъ большинство этихъ постановленій было предложено нижней палатой. Всѣ позднѣйшіе законы, которыми устанавливалась верховная власть короля въ церковныхъ дѣлахъ и вводилось единообразіе въ богослуженіи, равнымъ образомъ были изданы путемъ парламентскаго законода-

---

[3]) Въ реформированномъ парламентѣ Генриха VIII засѣдало 298 членовъ. Въ важныхъ случаяхъ Тюдоры не задумывались надъ тѣмъ, чтобы повліять на ходъ выборовъ. Въ 7 Edw. VI даже предписывается шерифамъ различныхъ графствъ—выдвигать извѣстныхъ, назначаемыхъ королемъ личностей. Въ 2 Mary указъ шерифамъ предписываетъ посылать людей изъ графствъ и городовъ „of the wise, grave and Cattolic Sort“. При Елизаветѣ въ палатѣ было значительное число придворныхъ и вообще зависимыхъ членовъ. Ея вліятельные министры, какъ Hatton, Knollys, Robert Cecil не только засѣдали въ палатѣ, но и принимали дѣятельное участіе въ дебатахъ. Эти члены могли тѣмъ легче получить вліяніе, что засѣданія посѣщались не многими. При важныхъ дебатахъ присутствовало самое большее—200, 250 человѣкъ. Parl. History Vol. VI даетъ перечень городовъ, имѣвшихъ представителей въ парламентѣ съ 1 Henr. VIII.—Благодаря диктаторскому положенію, принятому монархіею, прекратилось вліяніе, которое имѣли въ 15 ст. рыцари графствъ. Съ прекращеніемъ политическихъ междуусобій партій, городскіе депутаты отстаиваютъ матеріальные и мѣстные интересы. Симптомомъ возраставшаго политическаго вліянія нижней палаты можетъ служить то обстоятельство, что многіе негорожане начинаютъ добиваться того, чтобы попасть въ депутаты отъ городовъ; при этомъ ограниченіе права избираемости обходилось чрезъ пожалованіе права гражданства.

тельства. Для введенія реформаціи англійская королевская власть такъ же нуждалась въ содѣйствіи парламентовъ, какъ германскіе государи—въ содѣйствіи государственныхъ чиновъ. Столѣтіе Тюдоровъ представляетъ болѣе парламентскій характеръ, чѣмъ всѣ предшествующія, такъ какъ никогда еще парламенту не приходилось рѣшать болѣе важныя дѣла, въ особенности по церковнымъ вопросамъ. Въ эту эпоху уже окончательно выработалось юридическое представленіе, что постоянную обязательную силу для сословій имѣютъ лишь такія постановленія, въ изданіи которыхъ они, сословія, принимали участіе. Еще прочнѣе установилось то представленіе, что законы, разъ уже изданные при содѣйствіи трехъ сословій, могутъ быть измѣнены не иначе, какъ съ согласія тѣхъ же трехъ сословій. Такимъ образомъ всѣ важнѣйшія мѣропріятія въ области какъ церковнаго, такъ и гражданскаго управленія, были введены въ сферу парламентскаго законодательства. Правда, проэкты законовъ, инициатива которыхъ исходила отъ королевской власти, обыкновенно принимались парламентомъ. Но когда однажды, въ 1532 г. нижняя палата позволила себѣ отвергнуть билль, предложенный королемъ, Генрихъ VII, хотя и неохотно, все-таки покорился этому рѣшенію и не дѣлалъ уже никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ издать упомянутый законъ. Нѣсколько случаевъ подобнаго рода было и при Эдуардѣ, Маріи и Елизаветѣ. Правда тоже, законъ, изданный въ 31-мъ году царствованія Генриха VIII, заключалъ въ себѣ признаніе законодательной силы за королевскими повелѣніями. Такое признаніе допускало возможность весьма широкихъ толкованій; но признанною цѣлью этого закона было — поддержать лишь въ силѣ извѣстныя распоряженія, состоявшіяся по религіознымъ дѣламъ. Что болѣе ничего здѣсь и не имѣлось въ виду явствуетъ изъ прибавленной къ закону оговорки, что «при этомъ никому не должно быть наносимо ущерба въ его имуществѣ, свободѣ или личности и что законы и обычаи страны не должны быть нарушаемы». Къ тому же вышеупомянутый законъ въ первомъ же году царствованія Эдуарда VI былъ отмѣненъ съ большою поспѣшностью. Елизавета издавала многочисленныя единоличныя повелѣнія, о конституціонности которыхъ слѣдуетъ, однако же, судить съ точки зрѣнія традиціоннаго принципа двухъ совмѣстно-дѣйствующихъ законодательныхъ властей. Стремленія обойти парламентъ путемъ королевскихъ повелѣній тутъ нѣтъ и слѣда. Сама Марія съ раздраженіемъ бросила въ огонь раболѣпную книгу, въ которой проводилась подобная тенденція. Правда, когда въ 14-мъ году правленія Елизаветы былъ прочитанъ въ третій разъ билль, касавшійся церковныхъ обрядовъ и богослуженія, королева объявила палатѣ черезъ ея президента, что «no biles concerninga Religion shall be proferred or received into this House, unless

the same be first considered and approved by the clergy». Но это заявленіе относилось лишь къ законодательной иниціативѣ, въ вопросахъ внутренняго церковнаго устройства; такого рода иниціатива дѣйствительно являлась нововведеніемъ и въ прошломъ не было примѣровъ, на которые можно бы было сослаться въ подтвержденіе права парламента принимать участіе въ изданіи подобныхъ законовъ. Напротивъ, вмѣшательство Commons во внутреннее управленіе церкви и въ обложеніе налогами церковныхъ имуществъ въ прежнія времена встрѣчало самый энергичный отпоръ. Что касается повелѣній, издававшихся Елизаветою, то изъ примѣра конституціонной практики болѣе раннихъ періодовъ можно доказать, что они были вполнѣ согласны съ конституціей. Объ измѣненіи путемъ королевскихъ повелѣній изстари установившагося частнаго или уголовнаго права никогда не заходитъ и рѣчи. Многія изъ этихъ повелѣній опираются на полномочія, категорически выраженныя въ предшествующихъ законахъ, другія, какъ напримѣръ повелѣніе, направленное противъ конвентиклей (pophesyings), или цензурныя распоряженія опираются на права королевской власти въ церковныхъ дѣлахъ, третьи, какъ напримѣръ повелѣніе о длинѣ шпагъ, или запрещеніе доставлять съѣстные припасы непріятелю,—на ленныя права и на военную прерогативу короля. Елизавета, хотя и отстаивала въ принципѣ свое право издавать законы безъ согласія парламента въ той новой области законодательства, въ которую вошли церковныя дѣла, но въ концѣ-концовъ все-таки обратилась къ парламенту за утвержденіемъ даже такъ-называемыхъ 39 статей, причемъ не переставала, однако, утверждать, что не видитъ въ этомъ въ сущности никакой надобности [a]).

---

a) Начало парламентскому законодательству разсматриваемаго періода было положено постановленіемъ парламента, изданнымъ при восшествіи на престолъ Генриха VII и гласившимъ, что „наслѣдственное владѣніе англійской короной *остается и впредь должно оставаться* за Генрихомъ и его потомствомъ“. Къ этому въ посланіи папы присовокупляется: Necnon Decreto Statuto et Ordinatione ipsius Angliae Regni trium Statutuum, in ipsu Conventu Parliamento nuncupato. И теперь, такъ же, какъ и въ прежнія времена, созваніе парламентовъ было предоставлено усмотрѣнію короны; зачастую парламенты не созываются въ теченіи цѣлаго ряда годовъ; но съ другой стороны все болѣе и болѣе входитъ въ обычай продленіе засѣданій разъ уже созваннаго парламента и на слѣдующіе года. Не ранѣе, какъ въ томъ парламентѣ, при которомъ совершилось отложеніе Англіи отъ римско-католической церкви, въ обѣихъ палатахъ начинаетъ проявляться склонность облекать короля чрезвычайными полномочіями и, даже, законодательной властью. Упомянутый парламентъ прямо заявлялъ: „Вашъ парламентъ имѣетъ полную власть не только самъ разрѣшать неповиновеніе этимъ или какимъ-либо другимъ человѣческимъ законамъ, существующимъ въ семъ королевствѣ вашего величества, но и уполномочивать то или другое лицо или лица выдавать подобныя разрѣшенія“. (Amos, on the Reformation Parl. 65. См. 25 Henъ. VIII, c. 23). Однако такъ-называемый Statute of Prerogative, изданный въ 31-мъ году царствованія Генриха VIII [Fraude III. 200] и заходившій въ своемъ признаніи правъ королевской прерогативы слишкомъ далеко, былъ отмѣненъ при восшествіи на престолъ Эдуарда VI.

2) *Право утвержденія налоговъ по прежнему остается внѣ всякихъ преканій.* Главнымъ предметомъ занятій всѣхъ семи парламентовъ, собиравшихся при Генрихѣ VII, и первыхъ пяти парламентовъ, созванныхъ при Генрихѣ VIII, было разрѣшеніе субсидій правительству. Правда, начиная съ царствованія Генриха VI, такъ-называемые тонные и фунтовые сборы разрѣшались королю пожизненно и такимъ образомъ наслѣдственные доходы короны получили приращеніе, дозволившее правительству покрывать безъ особенныхъ затрудненій текущія потребности государственнаго управленія и помимо субсидій. Впрочемъ право сословій утверждать налоги успѣло въ теченіе двухъ столѣтій такъ прочно установиться, что Генрихъ VII и VIII при первой же попыткѣ дѣйствовать въ этомъ отношеніи произвольно, вызвали опасное для себя сопротивленіе. Парламенты Генриха VIII обыкновенно проявляли такую сговорчивость, что этотъ король, какъ утверждаютъ, собралъ больше субсидій, чѣмъ всѣ его предшественники, вмѣстѣ взятые. Подъ вліяніемъ того взгляда, что король для осуществленія великихъ задачъ долженъ располагать и значительными средствами, позднѣе состоялись разрѣшенія чрезвычайныхъ субсидій, хотя сумма этихъ субсидій и была нѣсколько ниже того, что требовалъ король. Въ тѣхъ случаяхъ, когда парламентъ не давалъ прямаго разрѣшенія на требуемую сумму, онъ косвенно содѣйствовалъ королю, смотря сквозь пальцы на частныя злоупотребленія администраціи, прибѣгавшей къ такъ-называемымъ benovolences, которыя весьма энергично взимались съ капиталистовъ при посредствѣ Council'a или особыхъ коммиссаровъ. Этотъ родъ принудительныхъ займовъ (уплата которыхъ иногда обезпечивалась, иногда же и нѣтъ) ведетъ свое начало съ царствованія Эдуарда IV; при Ричардѣ III королевская власть отъ нихъ положительно отказалась; но законъ, изданный съ этою цѣлью, не соблюдался впослѣдствіи, какъ мѣра, исходящая отъ узурпатора. Таково было, по крайней мѣрѣ, категорическое объясненіе, данное кардиналомъ Вольсеемъ жителямъ Лондона. Въ 7-мъ году царствованія Генриха VII выше упомянутое злоупотребленіе снова входитъ въ обычай съ косвеннаго согласія самого парламента и къ нему начинаютъ прибѣгать довольно часто (въ 1491, 1505, 1525, 1544). Въ царствованіе Генриха VII архіепископъ Мортонъ изобрѣлъ остроумное податное правило, которое въ честь его и было названо «правилами Мортона»: тѣмъ, которые жили богато, архіепископъ говорилъ, что о состоятельности ихъ свидѣтельствуютъ производимые ими расходы, тѣмъ же, которые жили расчетливо, онъ объявлялъ, что при ихъ бережливости, они, навѣрное, накопили большія деньги. Между тѣмъ попытка подобнаго рода поборовъ, сдѣланная въ 1525 г., вызвала грозное возстаніе, передъ которымъ Генрихъ VIII вынужденъ былъ уступить. Вообще принуди-

тельные займы получали дѣйствительную силу лишь при условіи прямого или косвеннаго содѣйствія парламента. Они являлись злоупотребленіемъ, которое *допускалось сознательно* во избѣжаніе необходимости разрѣшать субсидію. Елизавета однажды отвергла подобный принудительный заемъ, который былъ предложенъ ей парламентомъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она по собственному почину прибѣгала къ этого рода мѣрамъ, она добросовѣстно выплачивала потомъ занятыя деньги, причемъ иногда замѣняла проценты пожалованьемъ рыцарскаго достоинства или милостивыми словами. Однажды она обложила пошлиной вино, въ другой разъ прибѣгла къ налогу съ духовенства, безъ созыва конвокаціи; но *въ принципѣ* право парламента назначать налоги за весь разсматриваемый періодъ признавалось какъ нѣчто, лежащее внѣ сомнѣнія [b]).

3) Наконецъ, *контроль государственнаго управленія парламентомъ былъ* обезпеченъ правомъ утвержденія налоговъ и участіемъ парламента въ законодательствѣ. Контроль этотъ такъ же иногда

---

b) Разрѣшеніе налоговъ парламентовъ въ связи съ уменьшеніемъ наслѣдственныхъ доходовъ короны, сдѣлалось одною изъ главныхъ причинъ зависимости короны отъ нижней палаты. До извѣстной степени недостаточность средствъ, которыми королевская власть располагала наслѣдственно, пополнялась тонными и фунтовыми сборами, которые при вступленіи на престолъ каждаго изъ пяти монарховъ династіи Тюдоровъ обыкновенно разрѣшались пожизненно. Генрихъ VII при помощи этихъ сборовъ и вымогательствъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ, успѣлъ поставить себя относительно парламента въ гораздо болѣе независимое положеніе, чѣмъ его предшественники (Peer's Report, I, 372); тѣмъ не менѣе, каждому изъ семи парламентовъ, которые созывались въ его царствованіе, приходилось разрѣшать субсидіи. При Генрихѣ VIII цифра разрѣшаемыхъ субсидій значительно увеличивается, причемъ, согласно съ установившеюся традиціею, палата общинъ даетъ свое разрѣшеніе „*съ согласія лордовъ*“, а налоги, падающіе на духовенство, вотируются послѣднимъ особо на конвокаціяхъ и затѣмъ утверждаются парламентомъ. Тотъ же порядокъ соблюдался и по возстановленіи католицизма въ 5-мъ году царствованія Маріи. Когда въ 14-мъ году царствованія Генриха VIII кардиналъ Вольсей съ большой помпой явился въ парламентъ для истребованія субсидій, онъ получилъ отъ президента палаты общинъ замѣчаніе: „that his comming thither was neither expedient, nor agreable to the ancient liberties of that House).“ Право лордовъ вносить поправки въ билли о субсидіяхъ признавалось еще настолько, что въ 1-мъ году царствованія Елизаветы нижняя палата приняла поправку лордовъ. Въ 27-мъ году того же царствованія палата общинъ разрѣшила сборъ въ $^2/_{15}$ и $^2/_{10}$, но лорды вычеркнули послѣднюю цифру и билль прошелъ въ этомъ видѣ. Не взирая на всю бережливость, отличавшую царствованіе Елизаветы, въ теченіи одиннадцати парламентскихъ сессій, происходившихъ въ ея царстованіе, было разрѣшено 19 субсидій— 38 сборовъ $^1/_{15}$ съ доходовъ; въ одномъ 44-мъ году правленія Елизаветы было заразъ разрѣшено четыре субсидіи и сборъ восьми пятнадцатыхъ. Даже въ періодъ наибольшей преданности престолу, президентъ палаты [онъ же и Solicitor General] въ адресѣ, обращенномъ къ Елизаветѣ, выражается такъ: „Our common law, although there be for the prince provided many princely prerogatives and royalties, yet it is not such as the prince can take money or other things, or do as he will at his own pleasure without order, but quietly to suffer his subjects to enjoy their own, without wrongful oppression; wherein other princes by their libirty do take as pleaseth them.

проявлялся въ формѣ жалобъ, заявляемыхъ на фискальныя и другія злоупотребленія администраціи. Со времени реформаціи сюда же присоединяются жалобы по религіознымъ дѣламъ, направленныя то въ одну, то въ другую сторону. Но съ самаго начала этого рода дѣятельность парламента зависѣла отъ того, который изъ элементовъ государственнаго управленія стоялъ въ наиболѣе выгодномъ положеніи въ данный моментъ, а также отъ настроенія и интересовъ минуты. Если въ предшествующемъ столѣтіи парламентъ въ своихъ притязаніяхъ знать не хотѣлъ никакихъ предѣловъ, то теперь онъ, напротивъ, оставался нерѣдко позади того, на что онъ имѣлъ законное право. Такъ верхняя палата въ дѣлѣ суда надъ провинившимися королевскими любимцами, а нижняя палата—въ дѣлѣ поощренія принудительныхъ займовъ и подавленія всякой непочтительной оппозиціи, нерѣдко выказывали себя plus royaliste que le roi. Девятнадцатому столѣтію знакомо это вліяніе интересовъ различныхъ общественныхъ группъ и настроеній минуты. При Тюдорахъ оно совершенно извратило значеніе парламентскаго права предавать суду государственныхъ сановниковъ. Вмѣсто того, чтобы пользоваться этимъ правомъ для каранія посягательствъ на конституцію въ ея цѣломъ, или частныхъ злоупотребленій государственной властью, парламенты были такъ угодливы въ примѣненіи своей карательной власти, что ни диктаторски-эгоистичное своеволіе при Генрихѣ VIII, ни партійныя страсти при Эдуардѣ VI, ни религіозный фанатизмъ при Маріи не могли наносить болѣе сильныхъ ударовъ королевскимъ врагамъ, чѣмъ-то дѣлали приговоры парламента. По нравственнымъ понятіямъ того времени несправедливость, учиняемая надъ отдѣльнымъ лицомъ, почти еще не признавалось за общественное зло. Кровавыя насилія Генриха VIII поражали лицъ, наиболѣе къ нему приближенныхъ, и дворянство, созданное самимъ же королемъ, произносило приговоры надъ членами своего собственнаго сословія, зная очень хорошо, что за конфискаціями послѣдуютъ новыя пожалованія. Но что касается массы народа, то оно искало и находило у Тюдоровъ заботу о ея интересахъ, проявлявшуюся въ хорошей администраціи. Несомнѣннымъ удовлетвореніемъ національнаго чувства было введеніе реформаціи. При этомъ, конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что пренія въ парламентѣ велись не публично, вслѣдствіе цензурныхъ условій и за отсутствіемъ періодической прессы мало были извѣстны за стѣнами палаты, а потому находили себѣ поддержку извнѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда парламентская оппозиція совпадала съ сильнымъ и общимъ движеніемъ страны. Но относительно вопросовъ, касающихся принциповъ и матеріальныхъ интересовъ, каковы, напримѣръ, вопросы о налогахъ и монополіяхъ, оппозиція выказывала достаточно упор-

ства. Правительство Тюдоровъ, отлично понимавшее сущность этого положенія дѣлъ, усвоило себѣ особый способъ обращенія съ членами нижней палаты. За весь этотъ періодъ общее согласіе съ палатою идетъ рука объ руку съ вопіющими несправедливостями относительно отдѣльныхъ ея членовъ. Весьма характеристиченъ эпизодъ, происшедшій въ 44-мъ году правленія Елизаветы, когда королева послѣ шестидневныхъ преній отказалась отъ раздачи монополій, сопровождавшейся тяжкими злоупотребленіями, и заявила о своемъ отказѣ въ прекрасныхъ и исполненныхъ достоинства словахъ, встрѣченныхъ палатою выраженіями благодарности c).

Такимъ образомъ мы видимъ, что примѣненіе правъ парламента на практикѣ представляетъ въ этомъ періодѣ многія особенности, которыя, если не принять въ разсчетъ религіозный споръ и настроеніе, свойственное обществу, находящемуся въ періодѣ переустройства, должны казаться неразрѣшимой загадкой. Но какъ бы то ни было, парламентская *конституція устояла*; Тюдоры не сдѣлали ни одной серьезной попытки въ чемъ-либо урѣзать ее, а со стороны парламента никогда не было серьознаго намѣренія уступить изъ нея чтобы то ни было иначе, какъ въ видѣ уступки временной. Мнѣніе, будто правленіе Тюдоровъ отличалось *абсолютистскимъ* ха-

---

c) Контроль надъ государственнымъ управленіемъ почти не отличается отъ того, чѣмъ онъ былъ въ предшествующія эпохи, за исключеніемъ одного только пункта, именно того, что исчезаютъ impeachments нижней палаты противъ министровъ короны. Парламентская главная процедура принимаетъ скорѣе характеръ политическаго средства для устраненія высокопоставленныхъ лицъ путемъ законодательнаго рѣшенія. Противъ этого-то способа дѣйствій въ 39-мъ году правленія Генриха VIII судьи возвысили свой голосъ въ формѣ скромнаго юридическаго сомнѣнія. „Вопросъ этотъ новый и возбуждаетъ значительныя опасенія“, — такъ гласитъ мнѣніе судей. — „Справедливость и законъ требуютъ, чтобы каждый подсудимый былъ выслушанъ. Но такъ какъ парламентъ является высшей судебной инстанціей королевства, на приговоры которой болѣе некуда аппеллировать, то законная сила его приговоровъ, каковы бы они ни были, не можетъ быть оспариваема“. Впрочемъ упрекъ въ угодливой слабости падаетъ болѣе на дворянство, чѣмъ на членовъ Палаты Общинъ, и этотъ упрекъ равно примѣнимъ какъ къ представителямъ старыхъ родовъ, какъ напримѣръ: Норфольки, Эрундели, Шрьюсбери, такъ и къ новопожалованнымъ дворянамъ въ родѣ Кромвелей, Ричей, Росселей Паулетовъ, Поджетовъ и др. (См. Hallum, Const. Hit. I, с. 2). Политическое мужество высшаго духовенства тоже, повидимому, сошло въ могилу вмѣстѣ съ Томасомъ Морусомъ и Филипомъ. Верхняя палата состоитъ изъ дворянства, очутившагося въ непривычномъ для него положеніи и лишь нѣсколько поколѣній спустя къ этому дворянству вернется старый его духъ и прежняя стойкость. Рядомъ съ раболѣпіемъ верхней палаты, нижняя палата еще проявляетъ отъ времени до времени признаки независимаго настроенія. Ея напыщенный и раболѣпный языкъ есть не болѣе, какъ форма выраженія, свойственная тому времени. Ея уступчивость въ дѣлахъ, касающихся принудительныхъ займовъ и насильственныхъ дѣйствій надъ единичными личностями, есть черта эгоизма, опять-таки свойственная тому времени. Покорность же ея въ религіозныхъ вопросахъ коренилась въ національномъ сочувствіи къ созданію самостоятельной англійской церкви.

рактеромъ, возникло впослѣдствіи, главнымъ образомъ благодаря пристрастному изложенію исторіи этого періода Юмомъ и въ настоящее время мнѣніе это признано ошибочнымъ. Доказательствомъ того, что права парламента признавались Тюдорами, можетъ, между прочимъ, служить и отношеніе этой династіи къ *личнымъ правамъ* (преимуществамъ) сказаннаго учрежденія. Въ 4-мъ году правленія Генриха VIII впервые случилось, что одинъ мѣстный судъ произнесъ карательный приговоръ надъ членомъ нижней палаты, Стродомъ, по поводу нѣкоторыхъ биллей, внесенныхъ въ парламентъ. По предложенію палаты общинъ тотчасъ-же состоялось совокупное заявленіе обѣихъ палатъ и короля (statutes of the Realm, III, p. 53), провозглашавшее, что „всѣ обвиненія, приговоры, принудительныя мѣропріятія, штрафы, наказанія и т. п., кои были возбуждены или примѣнены къ Страду, такъ же могутъ впредь быть возбуждаемы или примѣняемы къ нему, или какому другому члену настоящаго или будущаго парламента по поводу биллей или какихъ-либо другихъ заявленій въ парламентѣ, должны считаться недѣйствительными“. (May. Parl. Practice I c. 4). Въ 35-мъ году правленія Генриха VIII впервые случилось, что парламентъ потребовалъ къ своему суду шерифовъ города Лондона за арестованіе одного члена парламента и приговорилъ ихъ къ заключенію въ тюрьму, причемъ король съ своей стороны въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ одобрилъ это распоряженіе парламента (Hatsell, Precedents I, p. 53). Въ томъ же 35-мъ году правленія Генриха VIII члены парламента были признаны не подлежащими аресту по распоряженію королевскаго совѣта. (Nicolas, Proclldings VII, 306). Въ царствованіе Маріи была сдѣлана попытка привлечь къ отвѣтственности передъ судомъ King's Bench нѣкоторыхъ членовъ парламента, самовольно вышедшихъ изъ палаты изъ-за преній по религіозному вопросу; но судъ этотъ не состоялся. Попытка устранить одного члена нижней палаты изъ засѣданій путемъ королевскаго повелѣнія (въ 1575 году) не получила дальнѣйшаго хода, такъ какъ само правительство отъ нея отказалось. Вообще, всѣ возникавшіе споры этого рода разрѣшались въ смыслѣ, благопріятномъ для нижней палаты.

§ 30.

Церковная реформація [1]).

Когда нѣсколько десятилѣтій успѣло пройти послѣ войнъ Алой и Бѣлой Розы и новое поколѣніе выросло среди порядка и дисциплины нормальной государственной жизни, настала наконецъ пора снова приступить къ дѣлу преобразованія церкви, прерванному въ 15 столѣтіи.

Въ настоящее время намъ трудно представить себѣ ту средневѣковую пору, когда церковь являлась одновременно представительницей политики, дипломатіи, юриспруденціи, школы, печати и многаго другаго, когда духовныя лица были не только пастырями душъ, но и канцлерами, казначеями государственнаго казначейства, посланниками, судьями, клерками въ судахъ, адвокатами, прокурорами, чиновниками счетной палаты, секретарями, словомъ, когда они являлись однимъ изъ важнѣйшихъ составныхъ элементовъ государственной жизни и потому совмѣщали въ одномъ многочисленномъ сословіи, замкнутомъ, благодаря безбрачію, всю совокупность какъ должностныхъ, такъ и личныхъ правъ, принадлежащихъ *всевозможнымъ отраслямъ* духовнаго труда. Изъ этого-то сосредоточенія духовной жизни народа въ одномъ сословіи выросло богатство, власть и вліяніе церкви; она сдѣлалась въ средніе вѣка универсальнымъ государствомъ и это государство достигло въ предшествующій періодъ высшей точки своего развитія. Съ этого момента настаетъ постепенно усиливающаяся напряженность отношеній; большинству на-

---

[1]) Наилучшимъ руководствомъ къ изученію исторіи реформаціи до сихъ поръ все-таки остается сочиненіе Бёрнета: History of the Reformation, 1681. 3 Vol. fol. Трудъ этотъ, хотя и грѣшитъ односторонностью, но въ основаніи его положены хорошіе источники. За тѣмъ, изъ современныхъ сочиненій, можно рекомендовать: Vaughan, Revolutions in English History, Vol II, Revolutions in Religion (1861). A. Amos. Observations on the Reformation Parliament in the Reign of King Henry VIII. London, 1859. Между многочисленными новѣйшими дополненіями къ исторіи этого предмета, наиболѣе заслуживаютъ вниманіе: J. Golt Life of Cordinal Wolsey. 1846. Для періода пуританскаго движенія: Sumuel Hopkins The puritans in the Church, Court and Parliament during the reings of Edw. VI and Eliz. New. York. J. B. Marsden: The history of the early puritans. J. B. Marsden: The history of the later puritans. Но наиболѣе выдающее мѣсто въ настоящее время занимаетъ: J. A. Froude, History of England from the fall of Wolsey-to the defeat of the Spanish Armada. Vol. I—XII. Ссылки на это сочиненіе, которыя читатель встрѣтитъ ниже, сдѣланы по изданію 1870—1877 гг. Изъ богатаго матеріала, представляемаго упомянутымъ сочиненіемъ, я позволю себѣ обратить особенное вниманіе читателя на процессъ королевы Анны Болейнъ, Vol. II, с. 11 и App., на характеристику Генриха VII Vol. IV, с. 24, и на процессъ Маріи Стюартъ, Vol. XII, с. 69.

рода церковь представляется чисто внѣшнимъ учрежденіемъ, высшія сословія питаютъ къ ней по многимъ причинамъ антипатію и старинныя права церкви принимаютъ характеръ привиллегіи, возбуждающей зависть.

Высокое призваніе служить примиряющимъ посредникомъ,—призваніе, которому когда-то посвятило себя высшее англійское духовенство во время англо-норманскаго періода и въ знаменательный моментъ изданія Magna Charta, представляющій поворотный пунктъ въ англійской исторіи,—было совершенно позабыто. Высшее духовенство являлось уже не посредникомъ, а одною изъ партій, домогавшеюся для себя политической власти. Во время борьбы Алой и Бѣлой Розы оно показало себя учрежденіемъ, пользовавшимся значительнымъ нравственнымъ вліяніемъ. Послѣ того, какъ церковныя имущества, по винѣ самой корпораціи, перестали исполнять свое первоначальное назначеніе, церковь, не взирая на то, что теперешнія ея средства оказывались недостаточными, продолжала отстаивать для себя монополію тѣхъ задачъ гуманнаго свойства, которыя входятъ въ кругъ обязаностей государства. Послѣ того, какъ одно за другимъ упразднялись тѣ основанія, опираясь на которыя церковь освободила себя отъ подчиненія свѣтской власти, имѣя при этомъ въ виду оградить себя отъ грубости и раздробленности феодализма,—церковь продолжала энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, уклоняться отъ подчиненія общегосударственной власти и видѣла въ этомъ свое неотъемлемое сословное право и привиллегію. Благодаря черезмѣрной снисходительности духовныхъ судовъ этотъ benefit of the clergy въ концѣ-концовъ привелъ къ полной безнаказанности членовъ духовенства, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершали явныя преступленія или вопіющія нарушенія правилъ нравственности. Послѣ того, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, передъ европейскимъ человѣчествомъ раскрылись новые горизонты земнаго и духовнаго міра и въ умахъ всѣхъ мыслящихъ людей того времени началось неслыханное дотолѣ движеніе, церковь стала требовать, чтобы духовная жизнь остановилась на томъ лишь основаніи, что собственные представители ея, церкви, не могли и не хотѣли идти вслѣдъ за прогрессомъ. Такимъ образомъ умственная и нравственная почва, на которую до сихъ поръ опиралась церковь, была глубоко расшатана, а между тѣмъ церковь сохраняла въ своихъ рукахъ всѣ свои прежнія имущества и привиллегіи: въ человѣческомъ обществѣ часто остаются за тѣмъ или другимъ учрежденіемъ разныя преимущества еще долгое время послѣ того, какъ внутреннія причины, оправдывавшія такое исключительное положеніе, перестали существовать. Въ этомъ-то и заключается то вѣчное противорѣчіе, изъ котораго возникаютъ великія преобразовательныя задачи государства. Сказанное противо-

рѣчіе охватило теперь весь католическій міръ, втянуло папскій престолъ въ сѣть интригъ и соперничества, разыгрывавшагося между великими державами. Солидарность, нѣкогда сплачивавшая католическую церковь воедино въ борьбѣ противъ ересей, теперь исчезла и такимъ образомъ для реформаціонныхъ стремленій повсюду открылось болѣе просторное поле дѣйствій.

Въ этихъ реформаціонныхъ стремленіяхъ необходимо различать два отдѣльныхъ момента: съ одной стороны реформація являлась борьбою за *свободу мысли и совѣсти* противъ духовнаго гнета, исходившаго отъ Рима; представителями этой стороны дѣла являлись единичные смѣлые умы и незначительное меньшинство духовенства и мірянъ, которые прониклись глубокимъ убѣжденіемъ, почерпнутымъ изъ священнаго писанія, что существеннѣйшая часть католическаго вѣроученія есть дѣло человѣческое и изобрѣтено съ цѣлью возвысить власть духовенства. Съ другой стороны, въ реформаціи сказывалось стремленіе къ *національной самостоятельности*, направленное противъ верховной власти италіанскаго первосвященника и раздѣлявшееся значительнымъ большинствомъ народной массы. Это-то послѣднее стремленіе играло въ Англіи преобладающую роль. Послѣ того, какъ сословія сплотились между собою въ верхней и нижней палатѣ при Плантагенетахъ, послѣ того, какъ нація привыкла сознавать себя единымъ цѣлымъ, въ Англіи снова пробудилась старая антипатія островитянъ къ римскому примасу. Противъ церковнаго всемірнаго государства прежде всего возстало чувство національной замкнутости и самостоятельности. Между тѣмъ какъ въ германской реформаціи первенствующую роль играли умственное движеніе, глубокое убѣжденіе въ ложности догматовъ католической вѣры и за тѣмъ уже, какъ вліяніе второстепенное, производное отъ перваго, являлись соображенія государственнаго свойства, англійская реформація въ началѣ была чисто актомъ національной политики и лишь съ теченіемъ времени, нѣсколько поколѣній спустя, получила характеръ духовнаго движенія въ массѣ народа. По этому-то она съ самаго начала отличалась болѣе «практическимъ», т. е. болѣе внѣшнимъ характеромъ. Такъ какъ римская церковь секулярзировалась посредствомъ своихъ имуществъ и учрежденій государственнаго свойства, то борьба съ нею была перенесена именно на эту почву; удары были направлены противъ ея имуществъ и противъ верховнаго ея главы; ближайшею цѣлью являлось сверженіе верховной власти римскаго епископа.

Генрихъ VIII лично былъ воспитанъ въ преданности догматамъ католической вѣры, самъ принималъ участіе въ догматическихъ спорахъ своего времени, написалъ сочиненіе противъ Лютера, доставившее ему почетный титулъ Defender of the faith, самъ ревностно

преслѣдовалъ еретиковъ; но это не помѣшало ему въ клятву, которую короли давали при коронаціи въ соблюденіи неприкосновенности церковнаго устройства, вставить самовольно слѣдующія слова: nott prejudiciall to hys jurisdyction and dignity royall (Письма Ellis'a). Поскольку онъ принималъ участіе въ европейскихъ интригахъ, онъ держался въ своихъ сношеніяхъ съ папской куріей на той же ногѣ, какъ и съ остальными державами, и достаточно имѣлъ случаевъ ознакомиться съ проявленіями какъ дружбы, такъ и вражды куріи, чтобы не цѣнить ту или другую ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко. Но дѣло о расторженіи его брака поставило его въ такое запутанное положеніе, изъ котораго не было другаго выхода, какъ отказаться отъ подчиненія внѣшнему авторитету римскаго епископа. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, король не могъ опереться на ученіе тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ реформаторовъ; точку опоры ему оставалось только изыскать въ національныхъ стремленіяхъ, въ недостаточно образованномъ, но вліятельномъ приходскомъ духовенствѣ и въ массѣ народа. Симпатіи этихъ элементовъ во всемъ шли на встрѣчу его политическимъ замысламъ и личнымъ желаніямъ и доставили ему такимъ образомъ поддержку, подобную той, которую нѣкогда Плантагенеты нашли въ палатѣ общинъ противъ бароновъ. Но и при этой поддержкѣ, конечно, возмущеніе противъ всемірно признаннаго авторитета церкви было смѣлымъ шагомъ. То былъ отказъ въ повиновеніи наивысшей законной власти, разрывъ со всею системою авторитета, господствовавшею въ средніе вѣка. Но отъ того и категоричность, съ которою Генрихъ VIII провелъ разъ уже принятое рѣшеніе, придаетъ его себялюбивой личности, не останавливавшейся ни передъ какими насиліями, провиденціальное значеніе для Англіи.

Новое законодательство, возникающее при этихъ условіяхъ, отклоняетъ отъ себя всякую связь съ лютеранскими и реформатскими движеніями континента; оно начинается рядомъ общихъ мѣръ, способныхъ возбудить сочувствіе среди массы народа, отмѣною церковныхъ поборовъ и нѣкоторыхъ административныхъ злоупотребленій [2]).

Первымъ рѣшительнымъ шагомъ является полное отдѣленіе *церковныхъ должностныхъ лицъ* и освобожденіе ихъ отъ власти Рима, затѣмъ слѣдуетъ настоятельное подтвержденіе Praemunire, строгое запрещеніе всякой аппелляціи къ куріи, «въ виду того, что надъ королями Англіи никогда не стояло иной власти, кромѣ Господа Бога». Папское право диспенсацій было передано примасу, продажа отпущеній запрещена, папскія индульгенціи объявлены

---

[2]) О различныхъ эпохахъ реформаціи, см. примѣчаніе въ концѣ настоящей главы.

недѣйствительными; раздача такъ-называемаго Pallium изъята отъ вліянія куріи; каждый докторъ римскаго права, будь онъ духовный или мірянинъ, былъ объявленъ имѣющимъ право на занятіе высшихъ должностей въ церковномъ управленіи (какъ-то: генералъ-викарія, канцлера, судьи). Право назначенія епископовъ снова было объявлено принадлежащимъ исключительно королю. Весь духовный персоналъ былъ непосредственно подчиненъ свѣтскому уголовному правосудію и всѣмъ принудительнымъ мѣрамъ государственной власти.

Вторымъ рѣшительнымъ шагомъ была секуляризація церковныхъ имуществъ посредствомъ упраздненія монастырей. До сихъ поръ монастыри, по выясненію нѣкоторыхъ историковъ, владѣли около одной пятой земли всего королевства; доходы ихъ приблизительно втрое превосходили обыкновенный доходъ короны и были распредѣлены между 400—500 учрежденіями этого рода. Праздность, роскошный образъ жизни и нравственная распущенность монаховъ были фактомъ общеизвѣстнымъ; тѣмъ не менѣе король счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ положительной агитаціи, чтобы расположить цацію въ пользу такого посягательства на существующія правовыя отношенія. Черезъ упраздненіе монастырей корона получила въ свое распоряженіе на 500,000 ф. ст. движимыхъ имуществъ и, по меньшей мѣрѣ, 131,000 ф. ст. ежегоднаго дохода съ земель, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ въ 3, 4 и даже 10 разъ больше. Эти громадныя богатства были частью употреблены на покрытіе текущихъ военныхъ расходовъ, частью розданы съ чисто королевскою расточительностью, розданы представителямъ дворянства и gentry, частью превращены въ государственныя домэны, частью же употреблены на укрѣпленіе береговъ, на различныя улучшенія и на надѣленіе новыхъ епископскихъ каѳедръ надлежащими средствами. Благодаря этой мѣрѣ, имущественное положеніе знатнѣйшихъ фамилій страны было поставлено въ зависимость отъ новыхъ правовыхъ отношеній, сложившихся подъ вліяніемъ реформаціи, и бывшее до сихъ поръ большинство духовныхъ перовъ въ верхней палатѣ превратилось въ меньшинство вслѣдствіе того, что въ составъ его перестали входить аббаты и пріоры.

Частью одновременно съ этими практическими мѣрами, направленными противъ церковнаго могущества, частью нѣсколько позднѣе, состоялось формальное провозглашеніе *верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ*, и такимъ образомъ былъ установленъ тотъ принципъ, изъ котораго вытекали всѣ упомянутыя мѣры. Еще въ 25-мъ году правленія Генриха VIII было объявлено, что конвокаціи не должны издавать новыхъ каноновъ безъ королевскаго согласія, а также не должны приводить сказанные каноны въ исполненіе помимо королевскаго Placet, «ибо англійское королевство не знаетъ,

послѣ Господа Бога, другаго верховнаго владыки, кромѣ его королевской милости и всегда было и остается свободно отъ подчиненія законамъ какого-либо иноземнаго государя, или прелата, а подчинено обычнымъ, изстари существующимъ законамъ собственнаго государства.» Но формальное провозглашеніе верховенства королевской власти въ церковныхъ дѣлахъ имѣло то значеніе, что съ изданіемъ этого акта король выступалъ въ качествѣ преемника папской власти, облеченнаго законнымъ правомъ и уполномоченнаго свыше. Такимъ образомъ прежнее церковное устройство, обставленное прежними гарантіями уголовныхъ каръ за hearesis, apostasia, schisma, *продолжало существовать*, какъ составная часть королевской прерогативы. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ примѣнить средневѣковыя наказанія, установленныя за ересь къ лицамъ, отрицающимъ королевскую верховную власть въ церковныхъ дѣлахъ, Генрихъ VIII уже не задумываясь сталъ казнить, какъ государственныхъ измѣнниковъ, всѣхъ, нарушавшихъ этотъ новый долгъ подданныхъ по отношенію къ королевской власти.

До сихъ поръ реформація сохраняла чисто внѣшній характеръ и *не отдѣлялась въ догматическомъ отношеніи отъ Рима*. Въ этомъ пунктѣ всего пагубнѣе сказалось вліяніе вышеупомянутой особенности анлійской реформаціи, направленной на одну внѣшность. Между тѣмъ, какъ по отношенію къ церковному устройству и церковнымъ имуществамъ образъ дѣйствій Генриха представлялъ собою цѣлую революцію, о догматахъ рѣчь заходила лишь мимоходомъ. Парламентъ, правда, уполномочилъ короля назначить комиссію, которая «обсудила бы новую форму національной религіи.» Но къ этому дѣлу приступили нерѣшительно и не съумѣли выработать почти ничего новаго, отличнаго отъ прежняго. Въ шести статьяхъ Гардинера все еще утверждается догматъ пресуществленія, міряне не допускаются къ чашѣ, удерживается тайная исповѣдь, обѣдня по усопшимъ и безбрачіе духовенства и чтеніе библіи разрѣшается лишь «людямъ, занимающимъ хорошее общественное положеніе». Между тѣмъ, какъ на континентѣ текли цѣлые потоки крови изъ-за библейскихъ истинъ вѣры, здѣсь велись переговоры между государственными людьми съ цѣлью установить основы «національнаго» вѣроученія и переговоры эти еще не были окончены, какъ умеръ Генрихъ VIII.

Способъ, которымъ была осуществлена эта королевская реформація, представляется всего менѣе понятнымъ для континента и порой, даже, возбуждаетъ тутъ отвращеніе. Страсть или капризъ деспота были въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ; Генрихъ VIII является въ немъ предшественникомъ Ришельё и проводитъ ту систему, которая, руководясь строго обдуманнымъ raison d'état, постоянно направляетъ свои удары на людей, стоящихъ во главѣ сопротивленія, и этимъ

стремится предотвратить «заразу». Въ первый періодъ реформаціи Privy Council, послѣ долгихъ и жаркихъ преній, постановляетъ повѣсить coram populo пріора и трехъ монаховъ монастыря Charterhouse въ одеждѣ, присвоенной духовному званію: послѣ этого духовенство покорилось. Во второй стадіи топоръ палача опять-таки упалъ на головы вожаковъ сопротивленія (Канцлера, Томаса Моруса и епископа Фишера). Въ позднѣйшіе періоды съ тою же цѣлью отъ времени до времени совершались единичныя смертныя казни въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ провинціи, смотря по тому, гдѣ это представлялось наиболѣе цѣлесообразнымъ. Казнь двухъ королевъ, имѣвшая тоже связь съ реформаціей, была совершена равнымъ образомъ съ строгимъ соблюденіемъ всего церемоніала судебнаго разбирательства и приговора. Подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній государственной необходимости самый вѣрный и полезный изъ слугъ короля, лордъ Томасъ Кромвель былъ принесенъ въ жертву непримиримой ненависти высшаго духовенства и магнатовъ. Системѣ этой, дѣйствительно, удалось локализировать и подавить безъ труда междоусобія, порожденныя реформаціей, но, конечно, такой результатъ былъ купленъ цѣною отступленія отъ высшихъ принциповъ христіанской нравственности, за что вскорѣ и послѣдовало возмездіе.

Собственно говоря, дѣйствительное осуществленіе реформаціи, какъ въ догматическомъ, такъ и въ обрядовомъ отношеніи, совершилось лишь во время регентства, управлявшаго именемъ Эдуарда IV, когда было отмѣнено безбрачіе духовенства и чтеніе библіи разрѣшено всѣмъ. Эта протестантская реформа была дѣломъ архіепископа Кранмера и другихъ людей, дѣйствительно проникнутыхъ религіозными убѣжденіями. Но въ религіозныхъ понятіяхъ націи все еще существовало разногласіе. Къ религіознымъ раздорамъ примѣшивались недовольство, экономическія бѣдствія и соціальный разладъ; регентъ же, герцогъ Соммерсетскій былъ недостаточно даровитый человѣкъ, чтобы справиться со всѣми этими затрудненіями. Съ водвореніемъ регентства снова настало владычество аристократіи, которое тяжелымъ гнетомъ отзывалось на крестьянахъ, на арендаторахъ и вообще на трудящемся классѣ; государственныя средства расходовались съ безумною расточительностью въ такое время, когда страна страдала отъ голода и эпидемій, отъ финансовыхъ затрудненій и отъ ухудшенія монеты; расходы двора съ 14000 ф. ст., составлявшихъ прежнюю ихъ цифру, поднялись до 10000 ф. ст., коронныя земли, стоимостью въ 1,500,000 ф. ст., послужили для обогащенія министровъ и ихъ друзей въ формѣ пожалованій, продажъ и мѣновыхъ сдѣлокъ. При такихъ обстоятельствахъ безсильное регентство не могло устоять противъ честолюбивыхъ интригъ герцога Нортумберландскаго, который, пользуясь смутами этого времени, покушался даже измѣнить порядокъ престолонаслѣдія въ пользу собственнаго своего семейства.

Едва ли въ исторіи можно найти другой примѣръ такого быстраго уничтоженія совершившагося преобразованія, какъ кажущееся уничтоженіе англійской реформаціи при католичкѣ Маріи. Не одна только популярность, которою пользовалась законная дочь Генриха VIII, помогла ей одержать такъ быстро побѣду надъ ея соперницей, Іоанною Грей. Въ событіи этомъ играло роль и опасеніе новыхъ династическихъ войнъ и это-то опасеніе заставляло парламентъ и націю покорно исполнять волю католической королевы и приносить въ жертву мірскимъ интересамъ всѣ остальныя соображенія. Отмѣна верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ, возстановленіе безбрачія духовенства и католической формы причастія, всѣ эти мѣры чрезвычайно легко прошли въ нижней палатѣ и не встрѣтили сопротивленія даже въ палатѣ лордовъ. Тысяча пятьсотъ духовныхъ лицъ (а по другимъ свидѣтельствамъ до 3000) лишились своихъ мѣстъ, 284 человѣка были сожжены, въ томъ числѣ архіепископъ Кранмеръ, 4 епископа, 8 джентльменовъ, 60 женщинъ и дѣтей. Марія пользовалась такою силою, что могла требовать всего, что ей было угодно; одного только она не могла добиться—возврата церковныхъ земель.

Но правленіе кровожадной Маріи было лишь кратковременнымъ перерывомъ въ той системѣ, которой слѣдовала вообще династія Тюдоровъ. Въ лицѣ преемницы ея, Елизаветы, англійская монархія еще разъ явилась въ полномъ своемъ блескѣ. Сущность римской церкви еще разъ успѣла выказать себя въ предшествующее царетвованіе передъ націей съ самой ужасающей своей стороны. Протестантизмъ, закаленный тяжкими испытаніями, укрѣпленный преданностью своихъ приверженцевъ исповѣдуемой ими вѣрѣ, постепенно очищаемый той самопровѣркой, которой онъ подвергалъ себя при помощи св. писанія, отнынѣ сдѣлавшагося доступнымъ всему народу, пустилъ теперь прочные корни въ умахъ населенія; тщательнымъ пересмотромъ молитвенника, литургіи и всѣхъ церковныхъ обрядовъ ему была придана форма, соотвѣтствующая уровню пониманія и убѣжденіямъ большинства англійскаго народа, и такимъ образомъ явилась возможность создать церковное единство на почвѣ національнаго единства. Двумя законами, изданными въ первый же годъ правленія Елизаветы, такъ-называемымъ Act of Supremacy и Act of Uniformity протестантская религія провозглашалась отъ имени королевы, какъ правительницы государственной церкви, установленною въ силу *основныхъ законовъ государства* (by law established), и все населеніе объявлялось принадлежащимъ по закону къ государственной церкви. Каждый членъ духовенства, каждый англичанинъ, занимающій какую-нибудь общественную должность, каждый членъ палаты общинъ, при вступленіи въ послѣднюю, обязы-

вались принести присягу въ томъ, что будутъ признавать верховную королевскую власть въ церковныхъ дѣлахъ. 39 статей, въ которыхъ резюмировалась сущность англиканскаго вѣроисповѣданія, тоже были утверждены парламентомъ заднимъ числомъ. Позднѣйшіе законы Елизаветы являются лишь дополненіемъ къ вышеупомянутымъ. Таковы были законы: for assurance of the Queen's royal power over all estates and subjects (5 Eliz. c. 1); against Bulls from Rome, (13 Eliz. c. 1); for ministers of the Church to be of sound religion (13 Eliz. c. 12); against Mass: (23 Eliz. c. 1) for the departure of Jesuits and Priests (27 Eliz. c. 2); against Sectaries (35 Eliz. c. 1); against Popish recusants (35 Eliz. c.). Этимъ рядомъ законоположеній англійская церковь была окончательно организована, противупоставлена римскому церковному государству, какъ самостоятельное цѣлое, подчинена королю и парламенту и введена въ гражданскую жизнь, какъ органическая составная часть послѣдней. Королевская верховная власть въ церковныхъ дѣлахъ, со всѣми практическими примѣненіями, вытекающими изъ этого принципа, являлась необходимымъ условіемъ новаго государственнаго устройства. Лишь съ изданіемъ Supremacy Act королевская власть достигаетъ вершины своего могущества, на которой она и удерживается во все славное правленіе королевы дѣвственницы.

Реформація распадается на слѣдующіе періоды:

1) *Національная церковь Генриха VIII*, являющаяся продолженіемъ той внѣшней политики, которой придерживался этотъ король въ первые 20 лѣтъ своего царствованія. Генрихъ VIII особенно охотно и не безъ успѣха принималъ участіе въ сложныхъ комбинаціяхъ европейскихъ кабинетовъ того времени. Въ кардиналѣ Вольсеѣ онъ нашелъ изворотливаго государственнаго человѣка, который могъ потягаться съ министрами континентальныхъ государствъ и лживостью даже превосходилъ ихъ. Но, благодаря династическимъ и политическимъ запутаннымъ условіямъ, существовавшимъ на континентѣ, переговоры о расторженіи перваго брака короля приняли въ концѣ-концовъ безнадежный оборотъ, какъ то призналъ, по своему, самъ Генрихъ, рѣшившись пожертвовать кардиналомъ Вольсе. Тотчасъ же вслѣдъ за паденіемъ своего господина и съ согласія послѣдняго, одинъ слуга кардинала, занимавшій до сихъ поръ совсѣмъ незамѣтное положеніе, испросилъ себѣ аудіенцію у короля. На этой аудіенціи шла рѣчь о томъ, что король можетъ навѣрняка отстоять свою честь и свою независимость, если только передастъ вопросъ о своемъ разводѣ на разсмотрѣніе компетентныхъ авторитетовъ *въ предѣлахъ собственнаго своего государства*, если откажется отъ подчиненія верховной власти римскаго епископа и возстановитъ права королевской власти приблизительно въ томъ объемѣ, въ какомъ они существовали до изданія Magna Charta, чѣмъ въ то же время удовлетворитъ и національнымъ стремленіямъ и желаніямъ общинъ, высказывавшимся довольно явственно еще въ XIV и XV столѣтіяхъ. Скромный, умный и смѣлый совѣтникъ, предложившій эти планы, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появляется въ королевскомъ совѣтѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя, подъ именемъ лорда Томаса Кромвеля (впослѣдствіи графа Эссекса) становится во главѣ государственнаго управленія, въ качествѣ творца и руководителя цѣлаго ряда

парламентскихъ законовъ, королевскихъ повелѣній и правительственныхъ мѣропріятій, строго согласованныхъ между собою. Такъ-называемый *реформаціонный парламентъ*, созванный для осуществленія вышеупомянутаго плана, былъ облеченъ различными прерогативами и непрерывно работалъ надъ указаннымъ ему дѣломъ съ ноября 1529 по апрѣль 1536 г. Начало всему дѣлу было чрезвычайно искусно положено адрессмъ палаты общинъ, въ которомъ, съ одной стороны, высказывалась жалоба на усиленье ложныхъ вѣроученій (frantic and seditions books, contrary to the true Catholic faith), съ другой стороны, указывалось на цѣлый рядъ вопіющихъ церковныхъ злоупотребленій какъ на зло, возбуждающее недовольство въ странѣ, при чемъ особенно подчеркивалось то соображеніе, что „подобные церковные законы и мѣропріятія являются посягательствомъ на прерогативу вашего величества и причиняютъ тяжкія обиды вашимъ подданнымъ“. Защищать церковь противъ подобнаго рода обвиненій было дѣло нелегкое и защита эта велась въ довольно нерѣшительномъ тонѣ; главнымъ образомъ она сводилась на оправданіе такого рода, что „еслибы обвиненіе въ столь тяжкихъ преступленіяхъ и оказалось справедливымъ примѣнительно къ нѣкоторымъ членамъ духовенства, то этого отнюдь нельзя сказать про всѣхъ“. Какъ обвиняющій адресъ, такъ и оправданіе епископовъ приведены цѣликомъ у Froude Vol. I, cap. 3. Весьма характеристиченъ тотъ фактъ, что одряхлѣвшіе прелаты при такомъ положеніи дѣлъ думали возстановить доброе имя церкви сожженіемъ нѣсколькихъ еретиковъ! Лишь послѣ того, какъ новые законы поставили вопросъ болѣе круто, прелаты нашли себѣ энергичнаго и краснорѣчиваго оратора въ лицѣ семидесятишестлѣтняго епископа Фишера. „Милорды, говорилъ онъ, остерегайтесь ради собственной безопасности и безопасности вашей страны; оберегайте вашу мать, католическую церковь. Въ народѣ вводятся новшества и лютеранство распространяется между нами. Вспомните примѣръ Германіи и Богеміи, вспомните, какія бѣдствія разразились надъ этими странами и пускай горящіе домы нашихъ сосѣдей научатъ насъ охранять собственный домъ отъ напасти. Поэтому-то, милорды, я вамъ прямо выскажу то, что я думаю: если вы не противустанете мужественно всѣмъ авторитетомъ своей власти тѣмъ беззаконіямъ, которыя затѣваются палатою общинъ, вы увидите, какъ исчезнетъ всякое уваженіе сначала къ духовенству, а за тѣмъ и къ вамъ самимъ. И когда вы начнете доискиваться причинъ всего этого зла, вы убѣдитесь, что корень его въ недостаткѣ вѣры“.—Но въ палатѣ лордовъ (состоявшей изъ 44 свѣтскихъ и 46 духовныхъ перовъ) не нашлось достаточно энергіи для противодѣйствія начинавшемуся движенію. Чувствуя, что они имѣютъ противъ себя и дворъ, и палату общинъ, и массу мірянъ, лорды скрѣпляли своимъ согласіемъ предлагаемыя мѣры одну за другой. Порядокъ, въ которомъ слѣдовали эти мѣры, входитъ въ область парламентской исторіи; выше въ текстѣ, указанныя мѣры были мною сгруппированы приблизительно въ той связи, въ какой онѣ вытекаютъ изъ общаго, строго обдуманнаго плана. Лишь при первомъ провозглашеніи верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ обѣ палаты еще сдѣлали робкую попытку оставить себѣ лазейку и прибѣгли къ оговоркѣ: Sole and Supreme head of the church, as far, as is allowed by the law of Christ. Провозглашеніемъ верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ англійская національная церковь становилась въ положеніе непримиримаго антагонизма къ римско-католической церкви, но при этомъ все еще категорически заявляется, что отнюдь не имѣется намѣренье отрѣшиться отъ „единства христіанской церкви въ какихъ-либо догматахъ католической христіанской вѣры, или иныхъ предметахъ, кои въ священномъ писаніи и въ словѣ Божіемъ признаются необходимыми для спасенія въ будущей жизни“. *Внутреннее противорѣчіе* такого образа дѣйствій вскорѣ дало себя почувствовать. Генрихъ VIII вскорѣ убѣдился, что съ церковнымъ Римомъ нельзя заключать такихъ компромиссовъ, какіе оказывались возможными съ политическимъ Римомъ. Онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ такою системой, которая должна была царить абсолютно, либо вовсе не существовать. Ему нужно было выбирать одно изъ двухъ:

или быть побѣдителемъ, или-же признать себя побѣжденнымъ. Онъ не захотѣлъ допустить, чтобы относительно его выбора могла оставаться хотя бы тѣнь сомнѣнія. Чтобы сломить сопротивленіе принципу королевской верховной власти, въ церковныхъ дѣлахъ между лицами, занимавшими высшія должности на государственной службѣ, онъ предоставилъ примѣнить новые законы во всей ихъ кровавой послѣдовательности къ канцлеру, Томасу Морусу и епископу Фишеру. Съ другой стороны вопросъ о догматахъ становился для него вопросомъ чести и пробнымъ камнемъ его рѣшимости. Всѣ католическія державы Европы, признававшія вѣроученіе Рима, выступали сомкнутой стѣной на защиту установленнаго авторитета и начала, искони признававшагося законнымъ, противъ протестантовъ, отрицавшихъ упомянутые догматы. Являлся вопросъ: неужели же Генрихъ, вопреки своему воспитанію, своимъ убѣжденіямъ, своему собственному участію въ богословскихъ спорахъ, словомъ, вопреки всѣмъ традиціямъ своего прошлаго, станетъ на сторону протестантства. Правда, незадолго передъ закрытіемъ монастырей, въ десяти статьяхъ, предложенныхъ на утвержденіе конвокаціи, а именно, въ тѣхъ статьяхъ, которыя касались ученія о таинствахъ, королемъ былъ сдѣланъ шагъ къ сближенію съ аугсбургскимъ исповѣданьемъ. Но окончательное отрѣшеніе отъ старыхъ догматовъ было для Генриха нравственной невозможностью. Къ тому же и большинство населенія въ вопросѣ о догматахъ держалось еще пассивно. Если единичной личности недостаточно нѣсколько дней или мѣсяцевъ, чтобъ измѣнить свои вѣрованья, то тѣмъ болѣе это примѣнимо, по счастью, къ цѣлымъ народамъ. Перемѣны въ народныхъ вѣрованьяхъ ведутъ свое начало отъ глубокихъ убѣжденій единичныхъ личностей, убѣжденій, устоявшихъ среди тяжкихъ испытаній и получившихъ черезъ это силу убѣдительности и для другихъ. Слѣдовательно перемѣны подобнаго рода исходятъ отъ меньшинства. Генрихъ VIII не хотѣлъ оставлять ни съ той, ни съ другой стороны никакого сомнѣнія въ томъ, до какихъ предѣловъ онъ намѣренъ идти съ своею системой; а потому онъ предоставлялъ дѣйствовать уголовному правосудію, которое сожгло нѣсколько еретиковъ за католическія лжеученія; этого мало: онъ не задумался даже принести своего честнаго, вѣрнаго слугу Кромвеля въ жертву смертельной ненависти аристократіи и приверженцевъ ортодоксіи. Этимъ-то двойственнымъ настроеніемъ объясняются тѣ шесть статей Гардинера, которыя утверждаютъ присутствіе истинной плоти и истинной крови Христовой „въ формѣ, но не въ субстанціи“ хлѣба и вина, а такъ же сохраняютъ мессу, безбрачіе духовенства и обѣты цѣломудрія. „Въ Генрихѣ VIII напрасно стали бы мы искать безкорыстной преданности идеѣ, возвышенныхъ душевныхъ порывовъ, дѣйствительнаго участія къ живой, человѣческой личности; все это служитъ ему лишь орудіемъ, которымъ онъ пользуется и которое онъ потомъ разбиваетъ. Но въ дѣлѣ практическаго пониманія онъ не имѣетъ себѣ равнаго, энергичная его дѣятельность направлена въ сторону общихъ интересовъ; онъ соединяетъ подвижность намѣреній съ твердостью воли въ каждомъ данномъ моментѣ. Слѣдя за исторіей его царствованья мы испытываемъ смѣшанное чувство удивленія и отвращенія“. (Ranke Engl. Gesch. I, 224). Параллель Генриха VIII съ Ришелье, о которой было говорено выше, напрашивается сама собою. Реформація, проведенная такъ умно съ государственной точки зрѣнія, не могла конечно избавить англійскую націю отъ напряженной и тяжкой борьбы изъ-за истинъ христіанства, все, что она въ состояніи была сдѣлать, это—отодвинуть борьбу и предоставить ее позднѣйшимъ поколѣніямъ. Равнымъ образомъ подобная система могла привести лишь къ полумѣрамъ (въ родѣ закона 32 Henr. VIII, c. 26, или закона 34 Henr. VIII, c. 1), которыя съ величайшею легкостью были отмѣнены въ послѣдующее царствованье, еще разъ подтверждается та вѣчная истина, что безъ глубокаго, сердечнаго убѣжденія нельзя быть реформаторомъ въ церковныхъ дѣлахъ.

2) *Догматическая реформація, совершившаяся при Эдуардѣ VI*, пыталась создать то внутреннее ядро, котораго все еще не доставало. Главными дви-

гателями этой реформаціи были Ридли и, въ особенности, архіепископъ Крамеръ, въ правдивости и въ искренномъ желаніи котораго содѣйствовать торжеству добра не можетъ быть ни тѣни сомнѣнія. Не смотря на уступчивую мягкость его характера, ему суждено было смертью доказать искренность своихъ убѣжденій. Тѣ же черты характера преобладаютъ и въ регентѣ, герцогѣ Соммерсетскомъ, а также въ самомъ юномъ королѣ. Изъ этихъ-то глубокихъ личныхъ убѣжденій начинаютъ теперь вырабатываться ученія, составляющія краеугольный камень протестантизма, а именно: ученіе объ оправданіи вѣрою, о нравственномъ самоопредѣленіи и о томъ, что каждый человѣкъ отвѣчаетъ самъ за себя и можетъ достигнуть внутренняго мира собственнымъ образомъ дѣйствій, не нуждаясь въ посредничествѣ священника. Англійскій молитвенникъ, такъ-называемый Common prayer book является непреходящимъ памятникомъ какъ-національнаго чувства, такъ и религіознаго настроенія того времени. Протестантское ученіе о таинствахъ, отмѣна тайной исповѣди и безбрачія духовенства, реформа богослуженія и литургіи, все это окончательно формулируется въ такъ-называемыхъ 42 статьяхъ. Но при всемъ томъ, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что большинство народа видѣло въ совершившихся преобразованіяхъ не столько перемѣну религіи, сколько перемѣну системы управленія. Нововведенія въ богослуженіи и литургіи никогда не бываютъ мѣрою популярною. Масса населенія воспитана въ иныхъ догматахъ, совѣсть многихъ была смущена новыми вѣроученіями; другіе же, напротивъ того, не довольствовались ими и желали идти дальше въ томъ же направленіи. Въ средѣ имущихъ классовъ интересы, видѣвшіе въ реформѣ новый источникъ обогащенія, боролись съ политическими опасеніями, возбуждаемыми новымъ порядкомъ вещей. Къ этой сумятицѣ, господствовавшей въ умахъ, присоединялись тяжкія соціальныя бѣдствія, для устраненія которыхъ нужна была твердая рука. А между тѣмъ, именно въ такую эпоху, когда монархическая диктатура была нужнѣе, чѣмъ когда-либо, во главѣ государства стоялъ слабый регентъ, который, при своей склонности къ личному управленію, отнюдь не обладалъ необходимыми для того дарованіями. Протекторъ, герцогъ Соммерсетскій (дядя короля) упразднилъ совѣтъ регентства, который былъ учрежденъ послѣднимъ предсмертнымъ распоряженіемъ Генриха VIII, а самъ онъ былъ лишенъ тѣхъ качествъ, которыя требовались отъ преемника диктаторской власти такого монарха, какъ Генрихъ. Неудачи во внѣшней политикѣ шли рядомъ съ еще болѣе затруднительными обстоятельствами внутренней жизни государства. Снова настала пора легкомысленнаго владычества аристократіи, которая ожесточала сельское населеніе отнятіемъ у общинъ земель, находившихся въ ихъ владѣніи или пользованіи (commons) и включеніемъ этихъ земель въ черту помѣстій крупныхъ землевладѣльцевъ, различными притѣсненіями, учиняемыми надъ copyholders, арендаторами и трудящимися классами, — а ко всему этому еще присоединялись голодъ и эпидеміи. Общему недовольству способствовали еще болѣе такія мѣры, какъ непростительная конфискація имуществъ, принадлежавшихъ госпиталямъ и гильдіямъ, урѣзываньe значительныхъ участковъ отъ земель, приписанныхъ къ епископствамъ, и расхищеніе значительной массы коронныхъ земель, на сумму въ 1,500,000 ф. ст., двѣ трети которыхъ по меньшей мѣрѣ были распредѣлены въ формѣ пожалованій, продажи, или мѣны между „друзьями“ министровъ. (Fraud, V, 128). Дѣло реформаціи снова переплеталось со свѣтскими интересами государства къ обоюдному вреду и того и другого; въ эту злополучную пору воскресли всѣ интриги, неразлучныя съ господствомъ аристократическихъ партій. Выскочка Нортумберландъ, честолюбіе котораго не знало границъ, довелъ регента до эшафота; кормило правленія очутилось въ рукахъ самого Нортумберланда, при чемъ онъ лелѣялъ еще болѣе смѣлый планъ упрочить престолонаслѣдіе въ своемъ собственномъ родѣ.

3) *Католическая реставрація* при Маріи объясняется политическимъ положеніемъ дѣлъ. На юной соперницѣ Маріи, Жаннѣ Грей, этой „королевѣ девяти дней“, тяготѣла кровавая вина ея тестя. Воспоминаніе объ аристо-

кратической суровости, съ которою онъ относился къ бѣдному населенію, возстановило противъ Нортумберланда всѣ умы. Никто не довѣрялъ этому человѣку. Вообще въ безсердечномъ, своекорыстномъ совѣтѣ регентства, существовавшемъ въ моментъ смерти Эдуарда VI, не было ни одного человѣка, ни одного семейства, ни одной партіи, которые пользовались бы общественнымъ довѣріемъ. Поэтому-то, подъ вліяніемъ всѣми сознаваемой необходимости монархическаго правленія, чувства населенія почти единодушно обратились къ законной наслѣдницѣ престола, къ дочери Генриха VIII, вынесшей такія тяжкія испытанія. Религіозныя мнѣнія въ эту пору еще не успѣли выясниться. Въ новоизбранномъ парламентѣ оказалось около одной трети протестантовъ и почти двѣ трети приверженцевъ „національной церкви“, которые были склонны смотрѣть на тѣ или другіе догматы вѣры, какъ на открытые вопросы. Что касается приверженцевъ папскаго церковнаго управленія, то они пока еще составляли въ парламентѣ ничтожную дробь. Но не взирая на это, большинство парламента, слишкомъ склонное уступать требованьямъ минуты, такъ легкомысленно пожертвовало всѣми реформаціонными законами, изданными въ царствованіе Эдуарда VI, что римско-католическое направленіе самымъ недвусмысленнымъ образомъ выступаетъ уже во второмъ парламентѣ, созванномъ въ царствованіе Маріи; передъ выборами въ этотъ парламентъ шерифамъ было въ категорическихъ выраженіяхъ предписано присылать людей of the wise, grave and catholic sort. Это-то достопочтенное собраніе, за одно съ лордами, дошло до того, что составило прошеніе, въ которомъ высказываетъ глубокое сожалѣніе о всѣхъ предъидущихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ папы, и отмѣняетъ всѣ парламентскіе законы, изданные въ такомъ духѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы папа „утвердилъ за владѣльцами земель, отобранныхъ у монастырей и другихъ богоугодныхъ учрежденій, право на эти земли“. За такую уступку мудрые мужи предоставили королевѣ и ея фанатичнымъ совѣтникамъ полную свободу сжечь архіепископа и другихъ наиболѣе выдающихся представителей протестантизма. Отъ времени до времени этой несчастной вѣнценосной женщинѣ казалось, что надежда ея на рожденіе наслѣдника сбывается въ награду за богоугодную жертву, принесенную ею сожженіемъ нѣсколькихъ еретиковъ. Въ третьемъ парламентѣ Маріи, такъ-называемомъ Reconciliation Parliament, разыгралась слѣдующая унизительная сцена: лорды и comons смиренно пали на колѣни, каясь въ грѣхѣ своего духовнаго отпаденія отъ римской церкви, при чемъ кардиналъ Поль объявилъ имъ отъ имени папы полное отпущеніе ихъ грѣховъ, съ оговоркою относительно сохраненія имуществъ, отобранныхъ у церкви. Такимъ образомъ національная партія, проявившая столько прежде мудрости, съ государственной точки зрѣнія, въ своемъ обратномъ отъ протестантизма движеніи, дошла до того, что снова подчинилась папству и при этомъ совершенно пала въ уваженіи націи. Еще характеристичнѣе былъ образъ дѣйствій католической реакціи противъ реформы. Гланвила уже однажды провозгласилъ, обращаясь къ декану Кэнтерберійскаго капитула: Solam Romam quaeritis, sola Roma destruet vos. Но для англійскаго протестантизма эта пора, когда женщинъ и дѣтей сжигали на кострахъ и всюду разыгрывались ужасающія сцены, напоминавшія испанскую инквизицію, была порою внутренняго очищенія и именно въ царствованіе „кровожадной Маріи“ англиканская церковь впервые пустила корни въ сердцахъ народа.

4) *Англиканская государственная церковь временъ Елизаветы* совмѣщаетъ въ себѣ и внутреннюю и внѣшнюю сторону реформаціи. Проникнутая искреннимъ убѣжденіемъ и, въ то же время, ясно сознавая королевское свое призваніе, правительница эта возстановила въ одномъ великомъ актѣ и принципъ королевской верховной власти въ церковныхъ дѣлахъ, провозглашенный ея отцомъ, и реформаціонное дѣло, совершившееся въ царствованіе ея брата. За рѣшительнымъ шагомъ королевы послѣдовала и санкція парламента, выразившаяся въ такъ-называемыхъ Supremacy Act и Uniformity Act. (1 Eliz, c. I. 2). Въ верхней палатѣ теперь нашлось только 9 свѣтскихъ перовъ, которые вмѣстѣ съ 9-ю епископами подали голосъ

противъ Общаго Молитвенника; изъ 9400 лицъ духовнаго званія, насчитывавшихся въ Англіи, не болѣе 189 сочли нужнымъ вслѣдъ за этою реформою отказаться отъ своихъ приходовъ. Съ этихъ поръ католицизмъ, какъ искреннее убѣжденіе, продолжалъ существовать лишь среди незначительнаго меньшинства, болѣе и болѣе убывавшаго. Отношеніе массы населенія къ реформѣ теперь рѣзко отличается отъ того, чѣмъ оно было въ царствованіе Эдуарда VI. Представленіе о такой церкви, которая отдѣлившись отъ католическаго христіанства въ политическомъ отношеніи, осталась бы католической въ дѣлѣ догматовъ, теперь исчезаетъ безслѣдно. Тѣ вѣроученія, которыми англиканизмъ отличается отъ католицизма,—отрицаніе безбрачія духовенства и тайной исповѣди, а также основной догматъ объ оправданіи посредствомъ вѣры, являются не условными, заученными формулами исповѣданія, а идеями, соотвѣтствующими энергичному и мужественному характеру англійскаго народа. Поэтому-то они всего ближе стоятъ къ вѣроученію Лютера и Меланхтана; по трезвости своей догматики они порой еще болѣе напоминаютъ Цвингли и Кальвина, и лишь въ сравнительно слабой степени носятъ на себѣ отпечатокъ церковнаго ученія Августина. Въ нихъ нѣтъ мѣста кастовой системѣ средневѣковой церкви, во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ они самымъ положительнымъ образомъ подчиняютъ церковь государственной власти и отвергаютъ всякій земной посторонній авторитетъ за предѣлами морей, омывающихъ берега Англіи. Англійская церковь уже не есть болѣе система, построенная на государственныхъ соображеніяхъ; она является честнымъ протестантскимъ вѣрованіемъ, организовавшимся въ церковь, при чемъ приверженцы его, поступая такимъ образомъ, были твердо убѣждены, что дѣлаютъ доброе и христіанское дѣло. Всепобѣждающая сила религіознаго убѣжденія устояла среди самыхъ тяжкихъ испытаній противъ всѣхъ ухищреній государственной власти. Этими-то данными опредѣляется и то положеніе, въ которое англійская церковь отнынѣ становится относительно протестантскихъ государствъ континента: съ ними Елизавета и ея государственные дѣятели вступаютъ въ открытый, честный и прочный союзъ. Все, что есть существеннаго въ англиканской церкви, завершается въ первый же годъ царствованія Елизаветы. Позднѣйшіе законы, изданные въ ея царствованіе, представляютъ лишь дополненіе, имѣющее цѣлью упрочить положеніе государственной церкви относительно тѣхъ противниковъ, которыхъ на имѣетъ съ двухъ сторонъ.

---

§ 31.

Верховный церковный совѣтъ и органы управленія государственной церкви.

Система управленія государственной церкви сама собою вытекала изо всѣхъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ предыдущемъ параграфѣ. Церковь въ средніе вѣка была наставницей народовъ и все развитіе ея шло согласно съ этимъ ея назначеніемъ: какъ для государства, такъ и для народа существовала одна только церковь *повелѣвающая*, возвѣющая слово Божіе и имѣющая свою прочную государственную организацію. Въ теченіи тысячи лѣтъ всѣ воззрѣнія народовъ срослись съ тѣмъ воззрѣніемъ, что церковь можетъ быть только

единою. И это воззрѣніе имѣло свое естественное основаніе въ томъ фактѣ, что брачное право и право родства, право наслѣдства по закону и всѣ нравственныя семейныя отношенія отъ колыбели и до могилы, публичное преподаваніе на всѣхъ ступеняхъ, вся духовная жизнь націи, всѣ учрежденія, служлщія культурнымъ и гуманитарнымъ цѣлямъ общежитія,—все это до такой степени тѣсно срослось въ теченіи столѣтій съ церковнымъ законодательствомъ, администраціей и судопроизводствомъ, что для *двухъ* церквей въ одномъ и томъ же государствѣ въ сущности не оставалось и мѣста. Такимъ образомъ, на той ступени, на которой стояло міросозерцаніе разсматриваемаго времени, религіозныя представленія не могли оставаться исключительно духовными идеалами. Насколько римско-католическая церковь приняла внѣшній, мірской характеръ, настолько же и государственная церковь, отдѣлившаяся отъ нея, могла создать себѣ прочное положеніе лишь на почвѣ поземельной собственности, при помощи церковныхъ должностей, облеченныхъ правами власти и въ лицѣ государя той страны, въ которой она возникла. Положеніе англиканской церкви, этого великаго цѣлаго, созданнаго націей въ разсматриваемую нами эпоху, имущественные интересы многихъ тысячъ пасторскихъ приходовъ и новыхъ видовъ собственности, возникшихъ на секуляризированныхъ земляхъ,—все это было тѣсно связано съ нижеслѣдующими государственными учрежденіями:

1) Для *высшаго управленія церковью* былъ созданъ верховный церковный судъ, такъ-называемый High Commission court, или верховный церковный совѣтъ. Права этого учрежденія были признаны въ принципѣ парламентомъ еще при Генрихѣ VIII и состояли въ томъ, чтобы «to visit, repress, redress, reform, order, correct, restrain and amend all errors, heresies, abuses, contempts and enormities, which fall under any spiritual authority or jurisdiction.» Генрихъ VIII весьма разумно ввѣрилъ первоначальную организацію этого дѣла *одному* человѣку, а именно своему генералъ-викарію. При Эдуардѣ VI были учреждены общіе періодическіе осмотры церковныхъ учрежденій смѣшанными коммиссіями, и осмотры эти были устроены по образцу тѣхъ, которые производились въ шести округахъ (circuits) свѣтской юрисдикціи. Въ окончательной своей, коллегіальной, формѣ высшее учрежденіе это сложилось лишь въ царствованіе Елизаветы. Въ первое время оно существовало раздѣльно, въ каждой изъ двухъ большихъ церковныхъ областей, но и при этомъ дѣйствовало какъ въ той, такъ и въ другой отъ имени верховной королевской власти. «Всѣ тѣ юрисдикціи и привиллегіи, каковыя въ прежнее время были присвоены той или другой духовной или церковной власти для надзора за церковью и для исправленія въ ней замѣчаемыхъ злоупотребле-

ній, отнынѣ должны быть навсегда неразлучно связаны съ верховною королевскою властью сего государства (1 Eliz. c. 1. § 16). Въ прежнее время церковь, считавшая епископовъ и верховнаго своего главу, папу, поставленными отъ самого Бога, весьма послѣдовательно таковому взгляду объявляли эти власти независимыми отъ всякой другой (сословной) воли или вліянія. По установившемуся теперь воззрѣнію управленіе церковью, во всей полнотѣ вышеупомянутыхъ аттрибутовъ, перешло отъ папы къ королю и Генрихъ VIII началъ съ того, что уполномочилъ своего генералъ-викарія примѣнять эти аттрибуты въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно оказывалось необходимымъ для «осуществленія реформаціи». Послѣ того какъ дѣло это было исполнено, сочли необходимымъ, по образцу средневѣковой церкви, довѣрить высшую юрисдикцію и общій надзоръ за церковными дѣлами коллегіальному учрежденію. Законы, провозглашавшіе верховную власть короля въ церковныхъ дѣлахъ, уполномочивали Елизавету образовать такой High Court of Commission изъ должностныхъ лицъ, назначаемыхъ королевскимъ патентомъ и смѣняемыхъ по усмотрѣнію королевской власти; High Court of Commission долженъ былъ играть роль, соотвѣтствующую той, которую Privy Council игралъ въ свѣтскихъ дѣлахъ. Связь между свѣтскимъ и духовнымъ управленіемъ поддерживалась тѣмъ, что у насъ въ Германіи извѣстно подъ названіемъ *консисторіальной организаціи*; мы разумѣемъ рядъ учрежденій смѣшаннаго характера, въ составъ которыхъ входятъ юристы, чиновники, обладающіе опытностью въ административныхъ дѣлахъ, и лица духовнаго званія; по этому же образцу было устроено въ Англіи и центральное учрежденіе, вѣдавшее дѣло церковнаго управленія; въ составъ этого учрежденія входили епископы, члены Privy Council и другія свѣтскія должностныя лица. Ближайшею, категорически формулированною цѣлью первой Commission, назначенной въ 1559 г., была «общая ревизія (visitation) всѣхъ церквей», при чемъ комиссіи было предоставлено право временно или навсегда отрѣшать духовныхъ лицъ отъ должности, а также подвергать ихъ и иного рода наказаніямъ. Тѣмъ приходскимъ священникамъ, которые добровольно подавали въ отставку, назначались пенсіи. Духовныя лица, лишенныя своихъ приходовъ при Маріи, снова возвращались на прежнія мѣста; всѣ арестованные по вѣроисповѣднымъ дѣламъ, по суммарномъ разсмотрѣніи дѣла, отпускались на свободу. Изъ этого перечня задачъ, возложенныхъ на первую коммиссію, можно видѣть, что необходимость подобнаго учрежденія была вызвана уже тѣми неурядицами, которыя происходили въ царствованіе Маріи. Но затѣмъ верховный церковный совѣтъ былъ облеченъ также правомъ вѣдать дѣла инквизиціоннаго характера, придерживаясь при этомъ

изстари установленнаго порядка (т. е. обходясь безъ содѣйствія жюри); такимъ образомъ совѣтъ производилъ разслѣдованья по дѣламъ, касающимся ересей, лжеученій, безпорядковъ и разныхъ уклоненій отъ установленныхъ правилъ въ церковныхъ вопросахъ, при чемъ совѣтъ пользовался правомъ присуждать виновныхъ къ денежнымъ штрафамъ и къ тюремному заключенію. Составъ этого учрежденія имѣлъ довольно измѣнчивый характеръ. Въ пору наивящаго своего разцвѣта (въ 1583 г.) оно состояло изъ 44 коммиссаровъ; — въ эту цыфру входили 12 епископовъ, еще большое число членовъ государственнаго совѣта и разныя другія лица духовнаго и свѣтскаго званія. «Совѣтъ сей обязанъ отъ времени до времени производить посредствомъ жюри или на основаніи свидѣтельскихъ показаній разслѣдованья по различнымъ преступленіямъ и проступкамъ, совершоннымъ противъ закона о верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ, противъ закона о единообразіи въ церковномъ богослуженіи, а также противъ двухъ другихъ законоположеній; равнымъ образомъ на его обязанности лежитъ разсмотрѣніе всѣхъ еретическихъ мнѣній, бунтовскихъ книгъ, случаевъ неповиновенія властямъ, заговоровъ, распространяемыхъ ложныхъ слуховъ, лживыхъ и оскорбительныхъ отзывовъ и т. п. посягательствъ, направленныхъ противъ сказанныхъ законовъ». Каждые три члена совѣта, если въ числѣ ихъ находится одинъ епископъ, уполномочиваются подвергать наказанію всѣхъ лицъ, не посѣщающихъ церковь, какъ того требуетъ законъ о единообразіи въ церковномъ богослуженіи; они имѣютъ также право разсматривать и пресѣкать всяческія ереси и уклоненія отъ церковнаго единомыслія, могутъ смѣщать съ занимаемыхъ ими мѣстъ тѣхъ пасторовъ, которые позволили себѣ проповѣдывать ученіе, несогласное съ 39-ю статьями установленнаго исповѣданья вѣры; наконецъ имъ дается право налагать наказанія за преступленіе плоти, допрашивать всѣхъ подозрительныхъ лицъ подъ присягою, непокорныхъ подвергать церковному покаянію, денежнымъ штрафамъ и тюремному заключенію, измѣнить уставы коллегій, школъ и богоугодныхъ заведеній и требовать отъ всякаго, по своему усмотрѣнію, клятвеннаго признанія принципа верховной королевской власти въ церковныхъ дѣлахъ [1]).

---

1) О High Commission Court см. Burnet, History of Reform. II. 358; Reev History of English Law. V. 216—218. Такъ же, какъ и въ звѣздной палатѣ, въ этомъ учрежденіи тоже съ самаго начала установилась чисто должностная форма дѣлопроизводства,— другими словами,—иквизиціонная процедура, какъ по формѣ, такъ и по духу. Такимъ образомъ и въ Англіи подтвердилась та истина, что въ учрежденіи, состоящемъ исключительно изъ чиновниковъ и для поддержанія дисциплины среди чиновничьяго персонала, эта форма представляется наиболѣе подходящею. Правда, со стороны свѣтскихъ судовъ высказывалось нѣкоторое сомнѣніе въ соотвѣтствіи подобнаго порядка съ основными за-

Рядомъ съ этимъ церковнымъ Privy Council въ новую организацію было перенесено изъ старой и сословное представительство средневѣковой церкви. Въ *обѣихъ палатахъ конвокаціи* были удержаны въ прежней формѣ періодическія собранія, соединявшія прелатовъ съ приходскимъ духовенствомъ. Собранія эти были удержаны уже потому, что они являлись единственною конституціонною формою, позволявшею облагать духовенство налогами. Такимъ образомъ, рядомъ съ верховнымъ церковнымъ совѣтомъ и въ подчиненномъ положеніи относительно его, существуетъ *синодальная организація*, въ которой епископы, вмѣстѣ съ представителями капитуловъ и съ делегатами отъ приходскаго духовенства, образуютъ парламентскую корпорацію; эта послѣдняя, оставаясь подчиненною правительственной власти и законамъ страны, пользуется правомъ издавать законодательныя постановленія (jus statuendi) и разрѣшать вопросы о налогахъ; при этомъ она сохраняетъ постоянную связь съ верхнею палатою свѣтскаго парламента черезъ епископовъ, которые засѣдаютъ въ обоихъ парламентахъ. Совокупная дѣятельность и общеніе на почвѣ этой организаціи придала духовенству, еще колебавшемуся во времена Елизаветы въ вопросахъ догматовъ и богослуженія между противуположными крайностями, болѣе твердое направленіе и воспитало въ немъ сознаніе истинной сущности и правъ англійской церкви. Необходимость королевскаго согласія на созывъ этихъ собраній и на принимаемыя ими рѣшенія, а еще болѣе, положеніе епископовъ, какъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, способствали удержанію сказанныхъ церковныхъ парламентовъ въ томъ подчиненіи государственной власти, котораго требовала общая конституція страны. Правда, въ позднѣйшій періодъ своего развитія, конвокація сдѣлалась опаснымъ органомъ кастовыхъ стремленій, снова проснувшихся среди духовенства. Но въ періодъ Тюдоровъ эта опасность была еще мало замѣтна, пока назначеніе членовъ конвокаціи и руководство дѣятельностью сказаннаго учрежденія происходили въ такомъ духѣ, который умѣрялъ вышепомянутую тенденцію.

конами страны и выражались жалобы на инквизиціонный характеръ присяги, введенной нѣсколько позднѣе въ процедуру сказаннаго учрежденія (oath ex officio). Но большинство тогдашняго общества все-таки считало High Commission Court необходимымъ послѣдствіемъ реформаціи. Оппозиція Лейстера, Берлея и другихъ совѣтниковъ Елизаветы, по видимому, объясняется просто соперничествомъ, существовавшимъ въ то время между свѣтскими и духовными государственными людьми. Верховный судъ этотъ пользовался (коллегіально) лишь тою долею власти, которая искони была присвоена церковному управленію, а строгость, съ которою онъ примѣнялъ эту власть, долгое время была необходима для упроченья дѣла реформаціи и потому въ массѣ народа встрѣчалось съ сочувствіемъ.

II. *Эпархіальное управленіе* англиканской церкви осталось въ существеннѣйшихъ чертахъ безъ измѣненій. Въ этой промежуточной инстанціи церковнаго управленія, вліяніе реформаціи сказалось не столько въ измѣненіи формъ, сколько въ измѣненіи самого духа должностныхъ лицъ. Архіепископы и епископы сохраняютъ традиціонныя свои полномочія и юрисдикцію, но при этомъ они подчинены королю, отъ котораго зависитъ назначеніе ихъ на должность и который смѣщаетъ ихъ по своему усмотрѣнію. (30 Henr. VIII, c. 9). Какъ скоро та или другая епископская каѳедра становится вакантною, король посылаетъ декану и капитулу такъ-называемый congé d'elire, съ приложеніемъ посланія, въ которомъ обозначено имя желательнаго для правительства кандидата.

Если выборы не состоятся въ теченіи двѣнадцати дней, король прямо назначаетъ епископа посредствомъ патента. Уже въ царствованіе Генриха VIII, Кранмеръ и нѣсколько епископовъ согласились принять назначеніе, обставленное условіемъ durante bene placito. При восшествіи на престолъ Эдуарда VI епископы были вынуждены, наравнѣ съ другими чиновниками администраціи, испрашивать себѣ «новыя полномочія, въ силу которыхъ они сохраняютъ свои должности лишь въ качествѣ делегатовъ короля, дѣйствующихъ отъ его имени», и могутъ быть смѣняемы по его усмотрѣнію. Порядокъ этотъ, послѣ кратковременнаго перерыва, былъ возстановленъ Елизаветою и королева отстояла за собою лично право временнаго или окончательнаго отрѣшенія прелатовъ отъ должности. Такой персоналъ должностныхъ лицъ понятнымъ образомъ не могъ сохранить ту сословную самостоятельность, которою отличались члены римско-католическаго высшаго духовенства. Одновременно съ этимъ церковное государство, съ уничтоженіемъ монастырей и монашескихъ орденовъ, лишилось своей постоянной арміи и своихъ крѣпостей; матеріальная сила, которою оно располагало, благодаря своимъ богатствамъ, значительно была ослаблена секуляризаціей церковныхъ имуществъ; всѣ должности, имѣвшія наибольшее значеніе для поддержанія политическаго могущества церкви, были поставлены подъ контроль королевской власти. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ епископами, весь персоналъ церковныхъ должностныхъ лицъ оказался теперь въ подчиненіи у примаса, назначаемаго королемъ [2]).

---

[2]) Число епархій было увеличено при Генрихѣ VIII шестью новыми эпархіями, образованными изъ монастырскихъ владѣній; то были: Глостерская, Бристольская, Питербороуская и Оксфордская эпархія въ Кэнтерберійскомъ архіепископствѣ и—Честерская, Содорская и Мэнская—въ Іоркскомъ. Юрисдикція епископовъ надъ мірянами въ тѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, на которыя она искони простиралась, оставась въ прежнемъ видѣ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что разбирательство дѣлъ о ересяхъ было иначе регулировано новымъ законодательствомъ. Полагалось, что для удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ

Ш. Во внѣшнемъ положеніи самой *низшей ступени церковной іерархіи* (я разумѣю должность ректора или викарія въ мѣстечкахъ) не произошло никакихъ измѣненій; но реформація, къ сожалѣнію, не возвратила должности приходскаго пастора то, что ей слѣдовало бы возвратить по всей справедливости. Десятинные сборы, присвоенные въ прежнее время монастырямъ, по упраздненіи послѣднихъ, не были употреблены на покрытіе приходскихъ нуждъ; такимъ образомъ во многихъ мѣстностяхъ роль пастырей душъ исполнялась викаріями, получавшими скудное содержаніе, и этимъ-то главнымъ образомъ объясняется та сравнительно низкая ступень образованія, на которой оставалась масса духовенства. Въ этомъ обстоятельствѣ коренится причина того аристократическаго направленія, которое характеризуетъ англиканскую церковь. Благодаря весьма широкому праву патронатства, присвоенному сельскому джентри, приходское духовенство находится въ весьма тѣсной связи съ послѣднимъ, но въ то же время и въ извѣстной зависимости отъ него. Подобно тому, какъ на высшихъ ступеняхъ церковнаго управленія, свѣтское и духовное государство сливаются въ одномъ учрежденіи смѣшаннаго характера, такъ и на этой низшей ступени между двумя упомянутыми элементами устанавливается связь посредствомъ приходскихъ учрежденій [3]).

Такимъ образомъ церковная организація представляла чиновничье государство, всѣ ступени котораго были подчинены королевской власти. Но за то этому государству въ свою очередь *подчинялись всѣ міряне въ церковныхъ вопросахъ*. Бывшіе подданные церковнаго государства были поставлены реформаціей въ отношенія подчиненности къ *коронѣ*; отношенія эти были основаны на томъ вѣками сложившемся представленіи о церковной власти, въ силу котораго каждый христіанинъ считался подданнымъ намѣстника св. Петра. Теперь къ присягѣ свѣтской вѣрноподданности присоединялась еще присяга духовной вѣрноподданности; отреченіе отъ власти папы становится теперь долгомъ вѣрноподданныхъ, а нарушеніе этого долга считается государственной измѣной. Закономъ, изданнымъ въ 28-мъ году царствованія Генриха VШ, защита власти римскаго епископа въ рукописномъ или печатномъ произведеніи, въ церковной проповѣди или въ школѣ, въ документахъ или актахъ какого бы то ни было рода объявляется преступленіемъ, наказуемымъ наравнѣ

требованій данной минуты достаточно ввести въ духовные суды нѣкоторыя преобразованія. Во всякомъ случаѣ, ни помѣстные свѣтскіе суды, пришедшіе въ совершенный упадокъ, ни періодическія ассизы, ни съѣзды мировыхъ судей, происходившіе черезъ каждые три мѣсяца, не годились для передачи имъ этого рода юрисдикціи.

[3]) О развитіи приходскихъ учрежденій будетъ подробно разсказано въ § 32 а.

съ преступленіями, входящими въ категорію Preamunire; отказъ принести присягу отреченія отъ папской власти наказывается какъ государственная измѣна; то же наказаніе распространяется и на разныя другія дѣянія, которыя были точнѣе опредѣлены послѣдующимъ законодательствомъ. Законъ, изданный въ царствованье Елизаветы, требуетъ клятвеннаго признанія верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ отъ всѣхъ лицъ, посвящаемыхъ въ духовное званіе, отъ всѣхъ, получающихъ университетскую ученую степень, отъ всѣхъ преподавателей, обучающихъ юношество въ школахъ или въ частныхъ домахъ, отъ адвокатовъ и членовъ корпорацій юристовъ (Juns), отъ стряпчихъ и нотаріусовъ, отъ шерифовъ, отъ низшихъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства и отъ всѣхъ чиновниковъ или служителей какого бы то ни было правительственнаго учрежденія, при чемъ, за неисполненіе этого требованья, законъ угрожаетъ карами Preamunire. Таково уже было изстари сложившееся убѣжденіе этой эпохи, пустившее глубокіе корни во всѣхъ слояхъ общества, что исповѣданье истинной христіанской вѣры есть необходимое условіе для пользованья политическими правами и что несоблюденіе этого условія влечетъ за собою гражданскую смерть. Одно поколѣніе не могло измѣнить этотъ взглядъ, уничтожить раздоръ между духовенствомъ и мірянами, сломить кастовый духъ римско-католическаго духовенства и слить въ одно цѣлое общецерковныя начала съ національною своеобразностью, такая задача могла быть разрѣшена лишь продолжительнымъ вліяніемъ учрежденій, проникнутыхъ другимъ духомъ. Законы о верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ и о единообразіи въ церковномъ богослуженіи являлись, правда, тяжкимъ стѣсненіемъ личной свободы, но они составляли необходимый противовѣсъ системѣ римской іерархіи, еще болѣе суровой и исключительной, которую не мыслимо было побѣдить путемъ компромиссовъ и терпимости. Государственную церковь въ тѣхъ мѣрахъ, которыя она принимала для борьбы съ враждебными ей мнѣніями, никакъ нельзя ставить на одну доску съ римско-католическою церковью, всѣ мѣропріятія которой отличались такимъ кровавымъ, фанатическимъ характеромъ. Съ другой стороны нельзя отрицать, что государственная церковь, съ своимъ длиннымъ рядомъ денежныхъ взысканій и угрозъ тюремнымъ заключеніемъ, со своими изгнаніями и безчисленными статьями закона, угрожающими карами Preamunire, производитъ впечатлѣніе чего-то болѣе мелочнаго, полицейскаго, придирчиваго и стѣснительнаго. Но какъ бы ни было, отнынѣ ересью считается уже не все то, что покажется еретичнымъ власти, завѣдующей въ данную минуту церковнымъ управленіемъ, а лишь то, «что формально было осуждено, какъ

ересь, признаннымъ общимъ соборомъ, каноническими книгами или же парламентскимъ постановленіемъ» [4]).

Наслѣдьемъ, завѣщаннымъ этого рода воззрѣніями, является и цензура, которая въ рукахъ церкви и короны служила могущественнымъ орудіемъ для упроченья ихъ господства. Порожденная борьбою церкви противъ свободныхъ мыслителей въ концѣ средневѣковаго періода, теперь цензура представляется естественнымъ выводомъ изъ принципа верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, оправданіе ея можно было также вывести изъ права верховной власти охранять общественную тишину и спокойствіе, а потому со времени реформаціи цензурныя дѣла преимущественно вѣдаются королемъ и его совѣтомъ. Тотъ фактъ, что правомѣрность и необходимость цензуры всѣми признавалась, можетъ служить наиболѣе яркимъ доказательствомъ того, до какой степени представленіе

---

[4]) *Понятіе о церковномъ подданствѣ* сложилось исторически и уже за нѣсколько вѣковъ до реформаціи успѣло пустить глубокіе корни въ умахъ. Между тѣмъ правленіе Елизаветы въ первые годы не проявляло склонности примѣнять этого рода законы буквально, предполагалось придерживаться только общаго, опекающаго духа этого управленія, примѣняя и не примѣняя частныя законоположенія, смотря по обстоятельствамъ. Въ первыя 20 лѣтъ не было исполняемо ни одного смертнаго приговора надъ папистами, довольствовались лишь денежными штрафами и тюремнымъ заключеніемъ; въ результатѣ, въ большинствѣ случаевъ, получилось внѣшнее подчиненіе требованьямъ англиканской церкви, чѣмъ правительство и удовлетворялось. Католическіе пэры были освобождены отъ присяги, требуемой закономъ и верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ. Лишь во второй половинѣ царствованія Елизаветы начинается суровое примѣненіе существующихъ законовъ; поворотъ этотъ объясняется непримиримою ненавистью всей католической партіи въ Европѣ къ личности королевы, рядомъ покушеній на ея жизнь, заговоровъ и интригъ, направленныхъ противъ ея правительства. Личность королевы отождествлялась съ реформаціей, религіозный вопросъ и политическій вопросъ тѣсно переплетались между собою. Католическіе государи Европы еще крѣпко держались того воззрѣнія, которое имъ было внушено ихъ духовниками и по которому протестантизмъ оказывался тождественнымъ съ анархіей, съ уничтоженіемъ всякой религіи и съ разрушеніемъ всѣхъ общественныхъ основъ. Добрымъ католикамъ того времени протестантизмъ представлялся приблизительно тѣмъ же, чѣмъ въ концѣ XVIII столѣтія были республиканскія тенденціи въ глазахъ высшаго французскаго общества. Такимъ образомъ въ этотъ позднѣйшій періодъ своего царствованія Елизавета вынуждена была руководиться требованьями самообороны и соображеніями государственной необходимости. Въ оправданіе свое она ссылалась на тѣ неистовства, которыя католицизмъ въ ту пору чинилъ въ Нидерландахъ и въ романскихъ земляхъ, а главнымъ образомъ—на законы своего государства, въ чемъ она была совершенно права, какъ то и указываетъ Лордъ Берлей въ слѣдующихъ категоричныхъ выраженіяхъ: „The allegation of the Popish ministers noting that her Majesty did promse favour, and afterwards did show extremities to the Catholics, is false For her Majesty, ah her entry, prohibited all change in the form of religion as she faund it by law; and when by law it was otherwise ordered by Parliament she did command the observation of the law newly established, punishing only the offenders according to law. So her Majesty's actions are justifiable at all times, having never punished any evil subject but by warrant of law". Murden's state Papers 666.

о необходимости единой церкви въ единомъ государствѣ пустило глубокіе корни въ сознаніи націи [5]).

Такимъ образомъ отношенія духовнаго подданства приняли окончательно сложившуюся форму. Старыя и новыя права церковнаго управленія, авторитетъ, которымъ издавна пользовалась «святая церковь,» привычка мірянъ подчиняться церкви, все это создаетъ рядъ условій, усиливающихъ прерогативы короны новыми элементами власти. Духъ заботливой опеки, свойственный церковному управленію, сообщается теперь и правительству, неизбѣжно отражаясь и на характерѣ общаго государственнаго управленія (см. § 32).

---

§ 32.

Privy Council. Звѣздная палата. Общегосударственные суды.

Съ ослабленіемъ власти аристократіи, начинающемся въ царствованіе Генриха VII, Continual Council занялъ снова первоначальное свое положеніе. Такъ же, какъ и въ XIV столѣтіи, онъ сдѣлался опять совѣщательнымъ собраніемъ, при помощи котораго король управляетъ всею совокупностью государственныхъ дѣлъ, поскольку они не подлежатъ вѣдѣнью:

Общегосударственныхъ судовъ и судебныхъ учрежденій низшей инстанціи, при нормальномъ порядкѣ судопроизводства.

---

[5]) Послѣ изобрѣтенія книгопечатанья Privy council неоднократно издавалъ постановленія, касавшіяся ввоза книгъ и регулировавшія книжную торговлю. Однимъ Ordinance, изданнымъ католической Маріей, имѣніе у себя еретическихъ сочиненій и такихъ, которыя проникнуты духомъ государственной измѣны, приравнивается къ преступленію бунта и судится по законамъ военнаго времени. На основаніи королевскаго повелѣнія 1559 г. никто не имѣетъ права печатать книгу или какое-либо иное письменное произведеніе безъ разрѣшенія Privy Council или епископа; теперь какъ разъ на оборотъ, имѣнье у себя полемическихъ сочиненій въ духѣ католицизма признается особенно-тяжкимъ преступленіемъ. Въ 1585 государственный совѣтъ издаетъ еще болѣе строгія постановленія противъ печати; повелѣвается составить списокъ всѣмъ типографскимъ станкамъ, книгопечатанье запрещается вообще во всѣхъ мѣстностяхъ, кромѣ Лондона, и только двумъ университетскимъ городамъ разрѣшается имѣть по одному типографскому станку. Никто не имѣетъ права напечатать книгу, или какое-либо другое произведеніе, прежде нежели оно было просмотрѣно, прочтено и одобрено архіепископомъ Кэнтерберійскимъ, или епископомъ Лондонскимъ. Типографщики, печатающіе законы, должны заручаться разрѣшеніемъ судей. Продажа сочиненій, напечатанныхъ безъ соблюденія этихъ условій, влечетъ за собою тюремныя заключенія и ассоціація типографщиковъ уполномочивается производить обыски въ домахъ и лавкахъ типографщиковъ и книжныхъ торговцевъ, отбирать книги, напечатанныя вопреки установленнымъ правиламъ, ломать типографскіе станки, арестовывать нарушителей закона и представлять ихъ на судъ королевскаго совѣта. Такимъ образомъ, уже при Тюдорахъ оружіемъ цензуры пользовались въ направленіи, обратномъ тому, для котораго оно первоначально предназначалось.

Государственнаго казначейства и постоянныхъ административныхъ учрежденій при нормальномъ теченіи административныхъ дѣлъ.

И парламента, въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

I. *Персоналъ и ходъ дѣлъ въ Совѣтѣ* снова постановлены въ зависимость отъ воли короля и парламентъ не имѣетъ ни на то, ни на другое никакого рѣшающаго вліянія. The King's will is the sole constituent of a Privy Councillor.» (Coke). Этимъ-то объясняется и самое названіе Privy Council, которое уже въ концѣ среднихъ вѣковъ начинаетъ входить въ употребленіе, а теперь становится официальнымъ названіемъ. Въ спискѣ членовъ совѣта, конечно, попадаются имена многихъ лордовъ, которые засѣдаютъ въ этомъ учрежденіи частью въ качествѣ лицъ, занимающихъ высшія должности въ государствѣ, частью же просто въ видѣ почетнаго назначенія; есть тутъ и нѣсколько герцоговъ и графовъ, фигурирующихъ въ качествѣ наиболѣе выдающихся представителей перства; но того наводненія королевскаго совѣта членами верхней палаты, какое было при Генрихѣ VI, теперь уже не замѣчается [1]). Признакомъ, указывающимъ на усилившееся снова значеніе чиновничьяго элемента, можетъ служить изданіе закона, которымъ опредѣляется положеніе государственныхъ чиновниковъ. «Въ виду того, что въ королевскую прерогативу входитъ право короля жаловать своимъ совѣтникамъ и подданнымъ такія достоинства и отличія, какія онъ въ своей мудрости сочтетъ за лучшее имъ присвоить»,— въ 31-мъ году правленія Генриха издается законъ, опредѣляющій мѣсто различныхъ должностныхъ лицъ въ служебной іерархіи. Гене-

---

[1]) При восшествіи на престолъ Генриха VIII, персоналъ Privy Council состоялъ изъ архіепископа Кентерберійскаго (онъ же и лордъ Канцлеръ), изъ епископа Уинчестерскаго (бывшаго въ то время хранителемъ Privy Seel), графа Сурей (Лордъ Казначей), графа Шревьюсберга (Lord Steward), Лорда Герберта [Chamberlain], сэра Томаса Ловеля, сэра Генри Уианта, доктора Роузэля, сэра Эдуарда Пайнингса, сэра Генри Марни и сэра Томаса Дарси. [State Papirs I p. 510]. Позднѣе въ 1526 и 1540 гг. мы видимъ, что элементъ чиновниковъ по профессіи имѣетъ въ королевскомъ совѣтѣ еще болѣе значительное число представителей. [Nicolas VII, p. IV]. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, представлявшихъ тогдашнюю Вандею Англіи, обстоятельство это было однимъ изъ поводовъ къ недовольству и вызвало возстаніе 1536 г. Одна изъ жалобъ населенія, заявленныхъ въ заведенномъ порядкѣ, заключалась въ томъ, что „въ тайный совѣтъ короля попадаетъ слишкомъ много людей низкаго происхожденія, между тѣмъ какъ въ прежнее время въ составъ правительства входило гораздо большее число членовъ дворянскаго сословія“. Генрихъ на это отвѣчалъ: при восшествіи его на престолъ въ составѣ совѣта находилось лишь два благородныхъ лорда, другіе же были возведены въ рыцарское и перское достоинство имъ. Генрихомъ; остальные члены совѣта были юристы и лица духовнаго званія, за исключеніемъ двухъ прелатовъ архіепископовъ Кентерберійскаго и Уинчестерскаго. Въ настоящее время въ составѣ совѣта находится много дворянъ, герцоги Норфолькскій и Сэффолькскій, маркизъ Экетерскій, графы Оксфордскій и Сусекскій и др. Въ заключеніе король объявилъ, что не дѣло его подданныхъ назначать членовъ въ его совѣтъ и вмѣшиваться въ дѣла, до нихъ не касающіяся [State Parers, I. 507, 501].

ралъ-викарію, какъ представителю верховной власти короля въ церковной іерархіи присвоивается мѣсто впереди архіепископа Кентерберійскаго, подобно тому, какъ нѣкогда верховный судья занималъ первое мѣсто въ свѣтской іерархіи. Затѣмъ мѣста такъ-называемыхъ Officers of the State, въ собственномъ значеніи этого слова, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) Впереди всѣхъ стоитъ *лордъ канцлеръ* или хранитель большой печати, который исполняетъ слѣдующія должности, ведущія свое начало отъ различныхъ эпохъ: онъ считается Keeper of the King's conscience, стоитъ во главѣ суда of Equity и государственной канцеляріи, большею частью предсѣдательствуетъ въ верхней палатѣ и несетъ нѣкоторыя другія обязаности, возложенныя на него новѣйшимъ законодательствомъ [2]).

2) *Лордъ казначей*, который теперь управляетъ финансовымъ вѣдомствомъ, а иногда играетъ уже роль перваго министра. Состоящій при немъ помощникъ лорда казначея ежегодно представляетъ королю отчетъ о состояніи государственныхъ доходовъ; до насъ дошелъ отчетъ этого рода, относящійся къ 1507 г., и еще цѣлый рядъ другихъ, относящихся къ царствованью Генриха VIII.

3) *Лордъ президентъ государственнаго совѣта*, должность которая все еще не имѣетъ существеннаго значенія. По временамъ формальное предсѣдательство въ государственномъ совѣтѣ ввѣряется лорду канцлеру, лорду хранителю печати, или же одному изъ должностныхъ лицъ придворнаго вѣдомства, но въ случаѣ назначенія особаго президента, онъ занимаетъ третье мѣсто.

4) Лордъ Privy Seal; до 30-го года царствованья Генриха VIII должность эта постоянно замѣщалась лицами духовнаго званія; съ этого же года на нее необыкновенно назначается свѣтскій лордъ.

5) Лордъ Chamberlain, или оберъ-камергеръ; это наслѣдственная должность, не сопряженная съ какою-либо спеціальною сферою административной дѣятельности.

---

[2]) Лорду канцлеру впервые было присвоено наименованіе Concellarius Magnus въ царствованье Генриха VIII, при открытіи парламента. Foss Judges V. 5. Положеніе лорда хранителя печати, представлявшееся съ исторической точки зрѣнія довольно неопредѣленнымъ, было выяснено декларацією, изданной въ 5-мъ году царствованья Елизаветы и объявлявшей, что впредь обѣ вышеупомянутыя должности должны совмѣщаться въ одномъ лицѣ. Канцлеру поручается также теперь надзоръ за благотворительными учрежденіями, такъ-называемыми Charities. 43 Eliz. c. 4. Благодаря реформаціи, должность эта мало-по-малу секуляризируется. Со временъ Томаса Моруса канцлерами попеременно бывали лица, то духовнаго, то свѣтскаго званія. Начиная съ лорда хранителя печати Пикеринга (1532) и до нашихъ дней должность эту занимали исключительно юристы; было одно только изъятіе изъ этого общаго правила (епископъ Уильямсъ); къ многочисленнымъ бюро государственной канцеляріи теперь еще было прибавлено такъ-называемое Six Clerks Office, состоявшее изъ 6 Notarii, на обязаности которыхъ лежало регистрированіе документовъ и которые при Генрихѣ VIII и при Елизаветѣ получили формальныя права карпораціи.

6) Лордъ High Constable; въ 1521 г. наслѣдственность этой должности была упразднена; съ тѣхъ поръ Lord High Constable назначался лишь во время коронаціи, на одинъ день.

7) Earl Marshal; эта должность относится къ придворному вѣдомству и къ герольдіи; въ государственномъ управленіи ей не присвоено никакой сферы дѣятельности.

8) Лордъ High Admiral; начиная съ 7-го года царствованія Ричарда II, должность эта считается наслѣдственной и ей присвоено завѣдываніе дѣлами адмиралтейства, въ то время еще незначительными.

9) Лордъ Steward of the Household, управляющій придворнымъ вѣдомствомъ.

10) King's Chamberlain, камергеръ—лицо весьма вліятельное, на него нерѣдко возлагаются различныя спеціальныя порученія, но своего особаго вѣдомства въ государственномъ управленіи лордъ камергеръ не имѣетъ.

11) The King's Secretary, секретарь; въ началѣ должность эта считалась въ числѣ второстепенныхъ, хотя уже и въ то время была сопряжена съ значительнымъ вліяніемъ въ администраціи; но начиная съ царствованья Елизаветы King's Secretary вступаетъ въ ряды министровъ. Вскорѣ послѣ 1539 г., постоянно возрастающая масса дѣлъ заставила назначать двухъ секретарей, исполнявшихъ одинаковыя обязанности. Каждый изъ нихъ получалъ ручную печать для приложенія къ кабинетскимъ рескриптамъ (warrants) и письменнымъ распоряженіямъ, разсылаемымъ отъ того же кабинета; печать прилагалась «извнѣ и снаружи, какъ то было изстари заведено». Каждый изъ двухъ упомянутыхъ должностныхъ лицъ ведетъ журналъ, который обязанъ держать постоянно открытымъ для обоюднаго контроля. При Елизаветѣ мы видимъ снова одного только секретаря кабинета сэра Вальтера Сесиля, который въ занимаемой имъ должности считается вліятельнымъ членомъ высшей администраціи. Позднѣе, когда сынъ его былъ назначенъ на ту же должность въ 1601 г., впервые было употреблено выраженіе: Our principal Secretary of Estate, при чемъ наименованіе это очевидно понималось въ смыслѣ министра [3]).

---

[3]) Исторія возникновенія должности Secretary of State изложена сэромъ Г. Николасомъ (IV, p. CXVII), а также въ знаменитомъ юридическомъ мнѣніи лорда Кэмдена (Entick v. Carrington, Howel, State Trials. T. 19). Тѣ Secretarii Regis, которые изрѣдка назначались въ прежнее время, были не болѣе, какъ лица, на которыхъ возлагалось то или другое спеціальное порученіе. Такова была роль, которую играли Д. Моунзель въ 37-мъ году парствованья Генриха III, или Франциск Аккурси Болонскій въ 6-мъ году правленія Эдуарда I. Съ тѣхъ поръ какъ „хранитель частной печати“ сдѣлался важнымъ сановникомъ, секретарь кабинета снова становится въ положеніе лица, близко стоящаго къ королю

Одновременно съ возникновеніемъ этой должности издаются новыя распоряженія касательно порядка дѣлопроизводства при употребленіи королевской печати. Уже въ той инструкціи, которая была составлена для членовъ тайнаго совѣта, въ 18-мъ году царствованья Генриха VI, опредѣлялись правила, которыми слѣдовало руководиться при употребленіи трехъ видовъ королевской печати: ручной, частной и большой королевской печати (Nicolas VI, p. CLXXXVII—CXCIII). Повелѣніями Генриха VIII былъ установленъ троякій контроль. Эти повелѣнія требуютъ: чтобы каждое пожалованіе, или дарственный актъ, скрѣпляемый ручной печатью короля и долженствующій за тѣмъ, по приложеніи большой печати, быть приведеннымъ въ исполненіе въ Англіи, Ирландіи и т. д., или же исходящій инымъ какимъ порядкомъ изъ государственнаго казначейства, былъ до приложенія къ нему оказанныхъ печатей передаваемъ главному секретарю короля или же одному изъ секретарей кабинета. Секретарь обязанъ въ теченіе 8 дней составить отъ имени короля letters of warrant, которыя за подписью короля и за ручной его печатью препровождаются къ лорду,—хранителю частной печати. За тѣмъ одинъ изъ клерковъ, состоящихъ при лордѣ-хранителѣ частной печати, по надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла этимъ послѣднимъ, изготовляетъ въ восьмидневный срокъ новый warrant, препровождаемый на имя лорда-канцлера 3a).

и пользующагося его довѣріемъ, словомъ, занимаетъ то мѣсто, которое нѣкогда занималъ лордъ Privyseal, а еще ранѣе лордъ канцлеръ. Но по оффиціальному своему положенію, этотъ секретарь въ средніе вѣка есть не болѣе, какъ чиновникъ третьяго разряда. При династіи Ланкастеръ, ему былъ данъ въ помощники второй, *французскій секретарь*, должность котораго, и послѣ того какъ Англія утратила свои французскія владѣнія, продолжала существовать подъ наименованіемъ „секретарь для французскаго языка“. Въ 1514 г. для латинской корреспонденціи былъ назначенъ также и *латинскій секретарь* (должность эта была упразднена только въ 1832 г.). При Тюдорахъ первый секретарь кабинета возвысился до значенія члена (совѣтника) кабинета. Въ 1489 г. при заключеніи мирнаго договора съ Португаліей, онъ занимаетъ въ числѣ свидѣтелей, подписавшихся подъ договоромъ, мѣсто на ряду съ баронами и докторъ Роузель оставался даже въ этой должности шесть лѣтъ спустя послѣ назначенія своего епископомъ Дургамскимъ. При Генрихѣ VIII секретарь кабинета является главнымъ членомъ королевскаго совѣта; должность эту нерѣдко занимаетъ епископъ, но послѣ реформаціи на нее обыкновенно назначаютъ мірянъ. Секретарь совѣта все еще числится придворнымъ чиновникомъ, помѣщеніемъ пользуется во дворцѣ, при чемъ ему полагается 3 человѣка прислуги, 8 лошадей и т. д. Назначеніе его происходитъ посредствомъ передачи ему ручной печати (Signet). Въ 1558 г. къ этому присоединяется еще и королевскій патентъ. О принесеніи присяги при вступленіи на эту должность упоминается лишь въ 1649 г.

3a) Отъ дѣйствія этого закона изъяты всѣ warrants, издаваемые лордомъ-канцлеромъ ex officio, непосредственно отъ своего лица, и касающіеся должностей и денегъ, раздача которыхъ предоставлена лорду-канцлеру. Усмотрѣнію этого сановника предоставляется также, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, обходиться безъ взыманія пошлинъ, установленныхъ за пожалованья, скрѣпленныя большой, малой или частной печатью. Кромѣ того королю предо-

Въ іерархіи, которая устанавливается между высшими государственными сановниками, мы замѣчаемъ смѣшеніе двухъ элементовъ, сословнаго и должностнаго. Важнѣйшіе сановники (лордъ-канцлеръ, лордъ-казначей, лордъ-президентъ и лордъ-хранитель частной печати) въ парламентѣ занимаютъ мѣсто выше герцоговъ, если только сами они прирожденные перы или были возведены въ перское достоинство. Статсъ-секретарь (секретарь кабинета), если онъ перъ, по рангу считается выше остальныхъ бароновъ. Въ остальномъ соблюдается тотъ традиціонный порядокъ, который издавна установился въ палатѣ лордовъ. «Если лордъ-канцлеръ, лордъ-казначей, лордъ-хранитель частной печати или статсъ-секретарь не имѣютъ баронскаго достоинства, а потому не пользуются правомъ голоса въ парламентѣ, они должны сидѣть во время преній на верхнемъ концѣ мѣшковъ, по срединѣ залы засѣданій, при чемъ размѣщаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они поименованы выше». Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначается два статсъ-секретаря, оба они обязаны присутствовать въ засѣданіяхъ верхней палаты, коль скоро тамъ присутствуетъ король или спикеръ. Въ остальное же время они должны чередоваться между собою, поперемѣнно присутствуя въ теченіи недѣли то въ верхней, то въ нижней палатѣ; но въ случаѣ особенно важныхъ преній оба статсъ-секретаря обязаны присутствовать въ нижней палатѣ.

О порядкѣ дѣлопроизводства въ королевскомъ совѣтѣ Генрихомъ VIII былъ тоже изданъ особый регламентъ. На основаніи правилъ, установленныхъ въ 1526 г., собраніе, завѣдующее дѣлами общаго государственнаго управленія, должно состоять изъ 20 членовъ, а именно изъ 14 государственныхъ и придворныхъ должностныхъ лицъ, 4 перовъ и 2 епископовъ. Болѣе тѣсный совѣтъ, который долженъ постоянно находиться при особѣ короля, состоитъ изъ 10 членовъ. Для ежедневной службы при особѣ короля назначаются секретарь кабинета (статсъ-секретарь) и два клерка. Council, организованный такимъ образомъ, завѣдывалъ дѣлами внутренняго управленія приблизительно въ томъ же видѣ, какъ это дѣлается теперь совѣтомъ министровъ, при чемъ разъ принятый порядокъ

ставляется право издавать какъ въ государственныхъ, такъ и въ частныхъ дѣлахъ категорическія повелѣнія отъ своего имени, безъ наложенія печати и безъ взысканія пошлинъ съ частныхъ лицъ, въ пользу которыхъ эти повелѣнія относятся (Nicolas, VI, p. CCI—CCII). Позднѣе къ упомянутымъ постановленіямъ о государственной печати присоединилась отвѣтственность статсъ-секретаря передъ парламентомъ. Уже въ то время, одинъ секретарь кабинета, какъ бы предчувствуя грядущія событія, жаловался на неопредѣленность своего положенія съ точки зрѣнія основныхъ законовъ государства: All Officersand councillors of Princes have a prescribed authority, by Patent, by Custom, or by Oath, the Secretary only excepted;—only a Secretary hath no warrant of commission etc.“ (Thoms, book of the Court 257).

соблюдался довольно правильно. Однако, усиленіе личной власти короля оказывалось между прочимъ и въ томъ фактѣ, что отнюдь не всѣ правительственныя мѣры исходили отъ совѣта и даже не всѣ подобныя мѣры доводились до обсужденія совѣта. На обыкновенныхъ засѣданіяхъ Генрихъ VIII большею частью не присутствовалъ и предоставлялъ себѣ только утверждать постановленія совѣта своею подписью. Важныя мѣры по иностранной политикѣ всецѣло исходили отъ короля, употреблявшаго для письменнаго формулированья этихъ мѣръ секретарей, которые вели его корреспонденцію, а иногда пользовавшагося для этого услугами и другихъ лицъ. Въ конфиденціальныхъ дѣлахъ онъ велъ свою переписку собственноручно и самъ прочитывалъ полученныя письма. Главными совѣтчиками его были Вольсей и Кромвель, пока тотъ и другой оставались въ милости; послѣ паденія Кромвеля, онъ обращался съ своими повелѣніями то къ одному, то къ другому министру, но никто изъ нихъ уже не могъ занять при немъ выдающееся положеніе. Но ради соблюденія порядка дѣлопроизводства сношенія между королемъ и начальникомъ того или другаго вѣдомства происходили при посредствѣ одного изъ членовъ Privy Council. При Елизаветѣ особенно вліятельное положеніе занималъ Уильямъ Сесиль. Вообще въ царствованье этой королевы Council достигаетъ апогея своего могущества. Въ томъ, что касается внутренняго управленія страною, эта эпоха можетъ быть названа лучшей порою дѣятельности King in Council и ей Англія обязана многими мудрыми законами. Многіе изъ этихъ законовъ, нравственная инициатива которыхъ принадлежитъ государственнымъ людямъ, окружавшимъ Елизавету, были такъ хороши, что законодательство, 200 лѣтъ спустя, не нашло въ нихъ почти ничего, подлежащаго исправленію [4]).

---

[4]) Порядокъ дѣлопроизводства, установленный Генрихомъ VIII для Privy Council вошелъ, какъ составная часть, въ регламентъ королевскаго дома, изданный въ 1526 г. „Для нахожденія при особѣ короля должно быть избрано извѣстное число честныхъ, добродѣтельныхъ, серьезныхъ, мудрыхъ, опытныхъ и умѣющихъ хранить тайны мужей совѣта, кои и поименованы ниже. (Въ перечень этотъ вошли 14 лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, или въ придворномъ вѣдомствѣ, 4 пера и 2 епископа). Но такъ какъ лордъ канцлеръ, лордъ-казначей и другія должностныя лица, вслѣдствіе необходимости присутствовать на судебныхъ засѣданіяхъ и заниматься другими дѣлами своей службы, нерѣдко вынуждены бываютъ отлучаться отъ двора, въ особенности во время сессій судовъ, то въ видахъ того, чтобы его королевское величество никогда не оставался безъ совѣтниковъ, съ коими онъ, по своему благоусмотрѣнію, могъ бы совѣщаться о разныхъ дѣлахъ, повелѣвается: чтобы нижеслѣдующія лица постоянно присутствовали при обсужденіи дѣлъ въ совѣтѣ, гдѣ бы его величество ни находился: лордъ-камергеръ, епископъ Батскій, казначей и контролеръ придворнаго вѣдомства, секретарь кабинета, канцлеръ герцогства Ланкастерскаго, деканъ королевской капеллы, вице-камергеръ, капитанъ гвардіи и, по дѣламъ благотворительности, докторъ Уольманъ“. „А такъ какъ можетъ случиться, что нѣкоторыя изъ вышепоименованныхъ лицъ, по уважительнымъ причинамъ, тоже вынуждены

Делегаціи и коммиссіи совѣта, которымъ уже въ предшествующій періодъ была присвоена *гражданская и уголовная юрисдикція въ чрезвычайныхъ случаяхъ*, въ разсматриваемый нами періодъ приняли новую, своеобразную форму, о которой необходимо повести рѣчь отдѣльно.

II. Privy Council *выдѣлилъ изъ себя звѣздную палату.* Возникновеніе этого учрежденія, оставившаго по себѣ такую неизгладимую память во всемірной исторіи, было вызвано сначала различными соціальными неурядицами, а затѣмъ она сложилась въ окончательномъ своемъ видѣ подъ вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя существовали въ эпоху реформаціи.

Неурядицы, завѣщанныя предшествующею ожесточенною борьбою партій, пристрастіе и продажность шерифовъ и присяжныхъ, заносчивость магнатовъ и вооруженной ихъ челяди,—все это еще при Генрихѣ VII потребовало усиленія полицейскаго вмѣшательства въ отправленіе правосудія. Законъ, изданный въ 3-мъ году царствованія Генриха VII, «въ виду происходящихъ шумныхъ безпорядковъ и противузаконныхъ сборищъ, а также въ виду существующей продажности и лицепріятія», уполномочиваетъ лорда-канцлера, лорда-казначея и хранителя частной печати, при содѣйствіи одного епископа, одного свѣтскаго члена королевскаго совѣта и двухъ судей общегосударственныхъ судовъ, производить на основаніи королевскаго повелѣнія, даваемаго черезъ кабинетъ, разслѣдованія по дѣламъ извѣстнаго рода и налагать на виновныхъ наказанія. Проступки, къ которымъ прилагается этотъ законъ, распредѣлены на семь категорій, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, перечислены: мятежъ, противузаконныя сборища, составленіе партійныхъ союзовъ, отличающихся особою формою одежды и особыми значками. Въ этомъ учрежденіи такимъ образомъ дѣйствуетъ чрезвычайная уголовная власть «короля въ его совѣтѣ» (см. стр. 367, 368),—власть, которая никогда, собственно говоря, не была упразднена и теперь только провозглашалась съизнова и передавалась особой коммиссіи. Король только возвѣщаетъ, что, въ виду требованій времени, онъ

будутъ отлучиться, то повелѣвается далѣе, чтобы трое изъ нихъ: епископъ Батскій, секретарь кабинета, сэръ Томасъ Моръ и деканъ капеллы, или по крайней мѣрѣ двое изъ нихъ, постоянно присутствовали при королѣ и не отлучались безъ особаго разрѣшенія; они обязаны каждый день два раза, не позже 10 часовъ утра и 2 часовъ пополудни, являться въ столовую короля или въ иное какое мѣсто, гдѣ будетъ назначено засѣданіе совѣта". (Nicolas, VII, p. V—VII). При голосованіи дѣлъ въ совѣтѣ по заведенному обычаю первымъ подаетъ свой голосъ младшій изъ членовъ совѣта, а король вотируетъ послѣднимъ. (Coke 4, Inst. 55). Въ протоколахъ засѣданій королевскаго совѣта, которые дошли до насъ, въ особенности за періодъ 1540—1542 г., въ очень обстоятельномъ видѣ, насъ поражаетъ странное смѣшеніе крупныхъ и мелкихъ дѣлъ, особенно странную картину представляетъ судебная дѣятельность тогдашней звѣздной палаты.

намѣренъ воспользоваться своимъ правомъ чинить судъ и расправу и исполеніе этой задачи довѣряетъ небольшому числу членовъ совѣта, съ прикомандированіемъ къ нимъ двухъ судей. Генрихъ VIII сохранилъ это учрежденіе, присовокупивъ только, что въ разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ этого рода долженъ также участвовать президентъ совѣта, на правахъ непремѣннаго члена суда (Quorum). Таково было содержаніе закона, изданнаго въ 21-мъ году царствованія Генриха VIII. Позднѣе состоялось новое постановленіе, по которому судьи въ дѣлахъ подобнаго рода пользовались только *совѣщательнымъ* голосомъ, что обезпечивало бо̀льшую свободу дѣйствія чисто административному элементу. Въ 31-мъ году царстованія Генриха VIII былъ изданъ новый законъ, аналогичный по своей тенденціи съ только-что приведенными. На основаніи этого закона дѣла объ «ослушаніи королевскихъ повелѣній» должны были разбираться особой коммиссіей, составлявшейся изъ извѣстнаго числа сановниковъ государственной службы, епископовъ и судей. И такъ, звѣздная палата была ничто иное, какъ комитетъ Privy Council, вслѣдствіе чего каждый членъ королевскаго совѣта могъ сдѣлаться членомъ звѣздной палаты, а иногда и весь государственный совѣтъ въ полномъ своемъ составѣ могъ засѣдать на правахъ звѣздной палаты. Такъ оно и дѣлалось, въ началѣ лишь въ особенно важныхъ случаяхъ; но впослѣдствіи, а именно, начиная съ царствованія Эдуарда VI, это вошло въ обычай и такимъ образомъ описанное нами уголовное правосудіе вошло въ сферу обыкновенныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію совѣта министровъ. Названіе «звѣздная палата», какъ терминъ, обозначающій особое, самостоятельное учрежденіе, не встрѣчается ни въ одномъ изъ законовъ; это названіе произошло отъ того помѣщенія, въ которомъ происходили засѣданія и въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ употреблялось для обозначенія королевскаго совѣта, дѣйствующаго въ качествѣ административнаго уголовнаго суда. Кокъ тоже опредѣляетъ звѣздную палату, какъ «Curia coram Rege et Concilio», и какъ собраніе, образующееся изъ членовъ совѣта при содѣйствіи «двухъ судей». Вся разница только въ томъ, что въ этотъ позднѣйшій періодъ со стороны многихъ лордовъ заявлялось притязаніе участвовать въ засѣданіяхъ звѣздной палаты на правахъ Magnum Concilium, причемъ какъ обоснованіе такихъ притязаній приводились аналогичные примѣры изъ XV столѣтія [5]).

---

[5]) Для ознакомленія съ дѣятельностію Privy Council, какъ звѣздной палаты, я могу рекомендовать слѣдующіе источники: Hale's Jurisdicton of the House of Lords. c. V, Palgrave's Essay on the King's Council, p. 104. У Галлама [Const. Hist. I cap. I a. E] изложеніе этого предмета грѣшитъ слишкомъ большою искусственностью. О старомъ спорѣ, касавшемся уголовной власти коро-

Между тѣмъ, во второй половинѣ XVI столѣтія, представились слѣдующія новыя осложненія. Прежде всего предъявила свои требованія реформація, захватившая въ свою пользу такую значительную долю церковной власти и церковныхъ имуществъ и нуждавшаяся, какъ и всякое преобразованіе радикальнаго характера, въ диктаторскихъ полномочіяхъ, законодательное ограниченіе которыхъ было возможно только впослѣдствіи. Затѣмъ, благодаря гоненіямъ и произволу, порожденнымъ религіозными распрями, полицейскій духъ проникъ и во всѣ отправленія государственной жизни. Наконецъ, между парламентомъ и королевскимъ совѣтомъ установилось молчаливое соглашеніе относительно расширенія правъ административной юстиціи «сообразно потребностямъ времени.» Объясненіе того новаго духа, который сказывается въ законѣ, изданномъ въ 5-мъ году правленія Генриха VII и связи этого закона со старинной jurisdictio extraordinaria едва ли съ точки зрѣнія юридической техники. Во всякомъ случаѣ королевская диктатура Тюдоровъ пользовалась этими широкими полномочіями, предоставленными ея произволу, умѣреннѣе и съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ то стало-бы дѣлать правительство партіи, будь эта партія церковная или политическая. О томъ, до чего могли довести подобныя полномочія въ рукахъ правящей политической партіи или церковнаго режима, мы можемъ судить по кратковременнымъ, злополучнымъ царствованіямъ Эдуарда VI и Маріи [58]).

левскаго совѣта, см. выше стр. 367,368. Во временномъ законѣ, изданномъ въ 31-мъ году царствованія Генриха VI, всѣ случаи, подлежащіе юрисдикціи королевскаго совѣта, обозначались, какъ great riots, extortions, oppressions and grivous offences. Новый законъ, изданный въ 3-мъ году царствованія Генриха VII, идетъ далѣе и перечисляетъ такія преступленія, какъ: unlawful maintenance, givind of signs, and liveries, tokens and retainers, embracery, untrue demeaning of sheriff in the returns and pannals of juries, great riots, unlawfull assemblies,—во всѣхъ дѣлахъ этого рода, по утвержденію закона, присяжные, призываемые для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей. Обвиненіе это и дѣйствительно не было лишено основанія. До какой степени еще было сильно мѣстное вліяніе магнатовъ, можно судить изъ того, что понадобилось особое постановленіе, запрещающее имъ назначать на должность шерифовъ лицъ, состоящихъ у нихъ на частной службѣ. Продажность шерифовъ и присяжныхъ, насилія и плутни всякаго рода были обыденными явленіями, какъ о томъ свидѣтельствуютъ лѣтописи судебныхъ дѣлъ и сказанія историковъ. Была сдѣлана попытка расширить уголовную юрисдикцію мировыхъ судей за предѣлы прежней ихъ власти, но мѣра эта оказалась недостаточною для борьбы съ злоупотребленіями магнатовъ.

[58]) Уголовная юрисдикція эта была сопряжена съ нѣкоторыми особенностями, представляющими большія юридическія затрудненія. Особенности эти заключаются въ томъ: 1) что при Генрихѣ VIII и позднѣе юрисдикція звѣздной палаты была распространена на множество случаевъ, не опредѣленныхъ точно въ законѣ; 2) что участіе членовъ совѣта въ дѣятельности палаты не ограничивается тѣми лицами, которыя перечислены въ законѣ Генриха VII, но распространяется на совѣтъ въ полномъ его составѣ, то-есть на непосредственно участвующихъ чле-

Судопроизводство звѣздной палаты никогда не было опредѣлено законодательнымъ порядкомъ. Практика выработала правила, схожія съ тѣми, которыхъ придерживалась административная юстиція въ гражданскихъ дѣлахъ, слѣдовательно, аналогичныя съ порядками въ судѣ лорда-канцлера по дѣламъ, которыя подлежали юрисдикціи of Equity. Судъ, состоящій исключительно изъ чиновниковъ, разбирательство, построенное на свидѣтельскихъ показаніяхъ, письменныхъ документахъ и протоколахъ, безъ участія присяжныхъ, — все это само собою приводитъ къ тому, что судопроизводство принимаетъ инквизиціонный характеръ, а отсюда недалеко и до возобновленія пытки [5b]).

Такимъ образомъ возникаетъ высшій государственный судъ, на приговоры котораго нѣтъ аппелляціи и карательная власть котораго не имѣетъ точно обозначенныхъ границъ. Такъ какъ судъ этотъ является грозою для сильныхъ, то среди народа онъ долгое время пользуется популярностью и современники отзываются о немъ съ уваженіемъ. Сэръ Томасъ Смитъ (будучи самъ министромъ Елизаветы) восхваляетъ звѣздную палату, какъ полезное учрежденіе, которымъ Анг-

---

новъ, безъ привлеченія судей. Такое положеніе дѣла объясняется съ одной стороны недостатками, которые искони были присущы чрезвычайной юрисдикціи совѣта именно потому, что она были чрезвычайна и, не взирая на возбуждаемыя ею неудовольствія, постоянно удерживалась парламентами въ законодательствѣ и эксплуатировалась ими сообразно съ требованіями минуты (см. стр. 368); съ другой стороны выше указанныя аномаліи объясняются самымъ характеромъ религіозныхъ распрей. Положеніе королевской власти въ церковныхъ дѣлахъ отнюдь не допускало такого точнаго опредѣленія въ законодательствѣ, какое существовало относительно старой области свѣтскаго управленія. Между тѣмъ этотъ пробѣлъ въ опредѣленіи границъ личнаго произвола распространился, какъ это всегда бываетъ, изъ той области, въ которой онъ первоначально образовался, и на другія сферы. (Nicolas. VII. p. XXVI). Если неудобство такого порядка вещей не было особенно ощутительно для массы населенія, то это объясняется отчасти тѣмъ, что центральной власти приходилось бороться съ большими затрудненіями для того, чтобы вызвать обвиняемыхъ изъ отдаленныхъ мѣстностей черезъ своихъ приставовъ и предавать ихъ суду звѣздной палаты. См. статью Маркардсена въ Münchener Kritische Vierteljahrschrift. 1860. S. 213—219.

[5b]). Судопроизводства звѣздной палаты, въ существенныхъ своихъ чертахъ, то же, что и въ судѣ государственной канцеляріи и, такъ же, какъ и въ послѣдней, построено по образцу каноническаго процесса; первоначально даже предсѣдательство въ звѣздной палатѣ принадлежало лорду-канцлеру. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того инквизиціоннаго характера, который свойственъ учрежденіямъ, имѣющимъ чисто-чиновничій составъ, является желаніе добиться признаній во что-бы то ни стало, а это влечетъ за собою на практикѣ употребленіе пытки; хотя всѣ англійскіе юристы и отрицаютъ существованіе этой послѣдней, какъ общаго правила, тѣмъ не менѣе, оно допускалось всѣми для чрезвычайныхъ случаевъ. Томасъ Смитъ и сэръ Эдуардъ Кокъ, которые въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ возставали противъ пытки, сами неоднократно прибѣгали къ ней въ качествѣ слѣдователей; въ этихъ случаяхъ пытки пускались въ ходъ на основаніи спеціальнаго повеленія короля или Privy Council. Единичные случаи примѣненія пытки, въ силу особаго королевскаго повелѣнія, бывали и въ предшествующія столѣтія.

лія обязана Кардиналу Вольсею. Непримиримый врагъ всякой административной юстиціи, сэръ Эд. Кокъ (принимавшій, однако же, самъ участіе въ дѣятельности звѣздной палаты въ качествѣ Attorney General) говоритъ о ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Какъ по личному составу судей, такъ и по способу судопроизводства, это самое почтенное судебное учрежденіе изо всѣхъ, существующихъ въ христіанскомъ мірѣ, за исключеніемъ нашего только парламента; этотъ судъ, если только будетъ сохранено правильное его устройство и старый, заведенный въ немъ порядокъ, обезпечиваетъ спокойствіе цѣлой Англіи». За учрежденіемъ подобнаго рода, дѣйствительно, нельзя было не признать стремленія къ защитѣ угнетенныхъ; но въ то же время оно заключало въ себѣ зародыши многихъ другихъ стремлентій, несравненно болѣе серьезныхъ по своимъ послѣдствіямъ и пагубныхъ по своей сущности. Совмѣщая въ себѣ и совѣтъ министровъ и государственный судъ, звѣздная палата могла пользоваться своей громадной властью надъ личностью и имуществомъ гражданъ для подавленія всякой самостоятельной силы, которая только осмѣлится оказать сопротивленіе правительству, и для уничтоженія, въ концѣ концовъ, всякаго права. То, что первоначально было вызвано требованіями времени и что во время борьбы за реформацію представлялось, быть можетъ, необходимой переходной ступенью, превратилось уже въ послѣдніе годы царствованія Генриха VIII въ арену, на которой разыгрывалась борьба мелкихъ страстей, пользовавшихся орудіемъ доносовъ, въ родѣ безпрестанно повторяющагося обвиненія въ «disaffection» (недовольствѣ) королемъ или существующими законами. Существованіе этой административной юстиціи было возможно, главнымъ образомъ, благодаря тому равнодушію, съ которымъ къ ней относился парламентъ. Если-бы контроль парламента могъ быть совсѣмъ упраздненъ, то это открыло-бы брешь, которою неминуемо должны были воспользоваться всѣ направленныя къ возстановленію абсолютизма [5c]).

[5c]) Впрочемъ характеръ этого суда въ каждое царствованіе представляется различнымъ: при Генрихѣ VII онъ олицетворяетъ въ себѣ защиту государствомъ обиженныхъ отъ притѣснителей. При Генрихѣ VIII, Эдуардѣ VI и Елизаветѣ онъ является могущественнымъ орудіемъ для осуществленія реформаціи. Въ этой сферѣ современники признаютъ пользу, принесенную звѣздной палатой, и дѣлаютъ исключеніе только для „политическихъ дѣлъ“, разбиравшихся въ ней. Но если всмотрѣться поближе, то окажется, что и важнѣйшія изъ политическихъ дѣлъ, разбиравшихся звѣздною палатой, были въ сущности лишь случаями сопротивленія противъ власти государственной церкви, а всѣ умы того времени были глубоко убѣждены въ томъ, что правительство обязано защищать истинную вѣру. Даже крайняя церковная оппозиція того времени все еще требовала, чтобы народъ былъ „всѣми мѣрами понуждаемъ къ принятію и исповѣданью ученій истинной вѣры“. Въ процессѣ Уэнтворта даже сама Палата Общинъ предписала произвести разслѣдованіе въ этомъ смыслѣ. Reeves History V. 231. 232. Недальновидность, съ которою пользуются учрежденіями подобнаго рода для осуществленія пользующихся популярностью цѣлей, во всѣ времена одинакова.

III. Что касается **остальныхъ делегацій королевскаго совѣта** и *образованныхъ въ недавнее время правительственныхъ учрежденій*, то они по общему характеру своему примыкаютъ къ періоду сословнаго представительства. Судъ of Equity, въ которомъ юрисдикція принадлежитъ лорду-канцлеру и принципъ котораго первоначально вытекалъ изъ полномочій, присвоенныхъ королю въ его совѣтѣ, продолжаетъ существовать и теперь; въ разсматриваемый нами періодъ судъ этотъ, благодаря постоянному характеру, присвоенному должности Master of the Rolls, и всего персонала канцеляріи, а также благодаря болѣе точному опредѣленію его компетентности и порядка дѣлопроизводства, въ сущности получаетъ характеръ jurisdictio ordinaria.

Но рядомъ съ этимъ учрежденіемъ все еще удерживается понятіе о *придворномъ судѣ*, который въ гражданскихъ дѣлахъ долженъ быть доступенъ для каждаго подданнаго и представляетъ нѣчто въ родѣ forum miserabilium personarum. Гражданскія дѣла все еще продолжали поступать на разсмотрѣніе королевскаго совѣта, который, спеціально въ случаяхъ этого рода, дѣйствовалъ подъ названіемъ Ordinary Council. Эта-то коммиссія совѣта, существовавшая спеціально для судебныхъ дѣлъ, удержалась и въ періодѣ Тюдоровъ (Nicolas VII. p. XVI, XXII). Потребность въ учрежденіи подобнаго рода преимущественно давала себя чувствовать въ тяжбахъ, возникавшихъ между англійскими и иностранными купцами, въ спорахъ между корпораціями, въ вопросахъ морского права и въ такихъ дѣлахъ, гдѣ тяжущіеся были бѣдняки. Англійскіе суды уже въ то время были гораздо менѣе доступны для бѣдныхъ, чѣмъ бы слѣдовало. Дороговизна адвокатовъ и стряпчихъ, поборы, взимаемые шерифами и разными второстепенными чиновниками, крайняя сложность формъ процесса, все это дѣлало упомянутую судебную коммиссію благодѣтельнымъ учрежденіемъ, облегчавшимъ для населенія возможность добиться правосудія.

Въ тѣсной связи съ только-что описаннымъ учрежденіемъ находился такъ-называемый Court of Requests, который состоялъ изъ нѣсколькихъ Masters of Requests, подъ предсѣдательствомъ лорда-хранителя частной печати. Masters of the Requests были доктора гражданскаго права, занимавшіе положеніе, однородное съ тѣмъ, въ которое были поставлены Masters of Chancery. Возникновеніе этого суда изъ административной практики совѣта неясно. Во время регентства Сомерсета и, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще во время царствованія Генриха VIII было положено первое начало этому учрежденію. Но такъ какъ образовавшаяся такимъ образомъ судебная коммиссія не имѣла никакой опоры ни въ законѣ, ни въ прочно установившемся обычаѣ, то въ 41-мъ году царствованія Ели-

заветы, судъ королевской скамьи высказалъ такого рода мнѣніе, что сказанное учрежденіе не есть законный судъ и не имѣетъ права принимать дѣла къ своему разбирательству. Послѣ этого корона не стала поддерживать упомянутую коммиссію *).

Большею долговѣчностью отличались такія судебныя коммиссіи королевскаго совѣта, которыя къ участію въ своей дѣятельности привлекали жюри; таковы были образованные въ недавнее время суды подъ предсѣдательствомъ гофъ-маршала, Court of the London Steward, Treasurer and Comptroller of the Household (3 Henr. VII c. 14) и Courtof of the Lord Steward (35 Henr. VIII c. 12); суды эти пользовались уголовною властью для преслѣдованія такихъ преступленій, какъ измѣна, убійство, кровопролитіе и т. п., если сказанныя преступленія были совершены въ предѣлахъ королевской резиденціи.

Подобнымъ же образомъ организуется при Генрихѣ VIII и судъ адмиралтейства для разбирательства уголовныхъ дѣлъ. На имя лорда High-Admiral и нѣсколькихъ судей выдается полномочіе, въ силу котораго они обязываются творить судъ и расправу на основаніи общихъ законоположеній и при содѣйствій жюри; полномочія эти носятъ названіе commissions of Over and Terminer of the Admiralty at the Sessions House in the Old Bailey.

Вторая группа новыхъ учрежденій организуется на ряду съ казначействомъ *нѣкоторыхъ особыхъ отраслей наслѣдственныхъ доходовъ*. Это—Court of Augmentations and Revenues of the Crown, который по 27 Henr VIII, с. 27—28, былъ учрежденъ для завѣдыванія секуляризированными монастырскими имѣніями. Къ этому Court'у было позднѣе присоединена высшая инспекція надъ государственными домэнами, состоявшая изъ особаго канцлера, какъ хранителя большой и малой печати, двухъ генералъ-инспекторовъ и многочисленнаго прочаго служебнаго персонала [6]). Далѣе въ Court

---

*) Довольно своеобразнымъ учрежденіемъ, чѣмъ-то въ родѣ коммерческаго суда, *является судъ для разбирательства страховыхъ дѣлъ*, созданный закономъ, который былъ изданъ въ 43-мъ году царствованія Елизаветы. Въ составъ этого суда входили: судья адмиралтейства, лондонскій городской судья [Recorder], два доктора гражданскаго права, два юриста, свѣдущіе по общему праву и восемь купцовъ; апелляціонною инстанціею для этого суда являлся лордъ-канцлеръ. Учрежденіе это впрочемъ уже давно упразднилось; вообще надо замѣтить, что въ Англіи никогда не имѣли успѣха попытки создать торговые, ремесленные и другіе спеціальные суды для извѣстныхъ классовъ населенія или профессій.

[6]) Послѣ того какъ st. 27 Henr. VIII, с. 27—28, уничтожилъ мелкіе монастыри съ доходомъ въ 200 ф. ст., былъ организованъ особый Court of Augmentations для завѣдыванія секуляризированными землями, подъ предсѣдательствомъ особаго канцлера съ большой и малой печатью. Позднѣе секуляризація распространилась на большіе монастыри и другія духовныя учрежденія (всего на 2374). Вслѣдствіе этихъ расширеній первоначальный Court of Augmentations былъ особымъ патентомъ уничтоженъ и учрежденъ новый, соединенный въ одно учрежденіе съ орга-

of Wards and Liveries было выдѣлено отъ Exchequer завѣдываніе ленными опеками и ему-же была предоставлена раздача ленныхъ инвеституръ; послѣднее, по видимому, имѣло своимъ источникомъ благое желаніе смягчить строгіе финансовые принципы казначейства въ этой области управленія [6a]).

Третью группу образуютъ *новыя провинціальныя учрежденія*, которыя составляютъ вѣтвь центральнаго управленія, основанную не на старой системѣ selfgovernement, но на болѣе бюрократическомъ принципѣ.

Подъ главнымъ управленіемъ Privy Council они являлись провинціальными делегаціями Council'я въ такихъ графствахъ, гдѣ имѣлось безпокойное сосѣдство или происходили внутренніе безпорядки. Такимъ образомъ появился сперва *президентъ и совѣтъ*, Валлиса, завѣдывавшій Валлисомъ и марками, а также графствами Herreford, Worcester, Salop и Gloucester. То же самое происходитъ въ Іоркширѣ, Доргамѣ, Нортумберландѣ и Вестмореландѣ, подчиненныхъ теперь *президенту сѣвернаго совѣта*. Одновременно съ сѣвернымъ совѣтомъ дѣйствуютъ еще *3 суда шотландскихъ марокъ* (восточной, западной и средней марки), вѣдающіе Нортумберландъ, Кумберландъ и Вестмореландъ. Подобно Council'у они облечены юрисдикціею уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, «когда одна изъ сторонъ слишкомъ бѣдна, чтобы искать правосудія установленнымъ путемъ». Судьи были уполномочены постановлять приговоръ или *по мѣстному праву и обычаямъ* или по совѣсти, на основаніи ихъ благоразумія и свободнаго усмотрѣнія

низованной тѣмъ временемъ генеральной инспекціей надъ государственными домэнами (Court of General Surveyor of the lands be longing to the Crown). Но такъ какъ возникло сомнѣніе относительно законномѣрности такого уничтоженія государственнаго учрежденія путемъ патента, то оно было St. 7 Edw. VI. c. 2. возстановлено. Однако-же Генрихъ VIII въ огромномъ количествѣ распродалъ и раздарилъ секуляризованныя помѣстья, а католичка Марія возвратила десятины, приходскія земли и пр. старымъ священникамъ и сообразно съ этимъ уничтожила все это вѣдомство. Остальное государственное имущество и лѣсоводство снова переходитъ въ вѣдѣніе Exchequer'a (1 Mar. sess. 2 c. 10).

[6a]) Court of Wards and Liveries есть также часть финансоваго управленія, которая получаетъ характеръ самостоятельной административной юстиціи. Генрихъ VIII учреждаетъ *вѣдомство ленной опеки*, на обязанности котораго лежала главная опека надъ опекаемыми и душевно больными; оно даетъ королевскимъ вдовамъ разрѣшеніе на вторичное замужество и взыскиваетъ денежные штрафы за браки, совершонные безъ его разрѣшенія. Оно представляетъ собою Court of records, во главѣ котораго стоитъ Master of the Wards, онъ-же одновременно и хранитель печати вѣдомства. Внутренній распорядокъ Court'a of Wards заимствованъ у Ланкастерской герцогской камеры, съ ея четверть годичными Terms и правомъ по своему усмотрѣнію карать тюремнымъ заключеніемъ. Годъ спустя послѣ учрежденія Court of Wards and Liveries, ему была передана ленная инвеститура (liveries). Въ такомъ видѣ онъ продолжалъ существовать до уничтоженія рыцарскихъ леновъ при Карлѣ II.

(значитъ съ присяжными или безъ нихъ). Послѣднее было уступкою настоятельнымъ требованіямъ возставшихъ сѣверянъ [6b]).

Наконецъ *Ланкастеръ* удержалъ свою особую канцелярію и звѣздную палату, благодаря тому, что онъ былъ присоединенъ на особыхъ правахъ частнаго достоянія короны.

Противоположность всѣмъ этимъ перемѣнамъ и колебаніямъ, въ которыхъ ясно сказалось вліяніе реформаціи и расширенной бюрократической власти, составляютъ теперь:

IV. *Общегосударственные суды* въ совершенно невидоизмѣненномъ о пользующемся прежней популярностью видѣ. Три инстанціи King's Bench, Commons Pleas, Court of Exchequer, какъ и прежде, замѣщаются, смотря по надобности, 3, 4 или 5-ю судьями. Увеличеніе числа судебныхъ дѣлъ было въ 1579 году причиной того, что членъ Court of Exchequer—Robert Schute былъ пожалованъ «рангомъ и достоинствомъ», равными съ таковыми судей 2-хъ другихъ инстанцій. Вслѣдъ затѣмъ и остальныхъ членовъ суда казначейства начинаютъ назначать изъ числа высшаго разряда адвокатовъ, что прежде дѣлалось только относительно суда королевской скамьи и Common Pleas. Благодаря этому судьи суда казначейства начинаютъ принимать участіе въ предсѣдательствованіи на ассизахъ и такимъ образомъ іерархическое положеніе всѣхъ трехъ инстанцій сравнивается.

Высшей инстанціей надъ этими коронными судами продолжаетъ быть *верхняя палата*. Но тѣмъ не менѣе подача аппеляцій въ палату (путемъ Writ of error) мало-по-малу выходитъ изъ употребленія. Подобно тому, какъ въ прошлыхъ періодахъ была установлена подача аппеляцій на Court of Exchequer въ коммитетъ Council'я, такъ по st. 27 Eliz. c. 8, учреждена высшая судебная инстанція для приговоровъ, исходящихъ отъ King's Bench, именно аппеляціи на King's Bench идутъ въ соединенное присутствіе Court of Commons Pleas и Court of Exchequer. Подъ именемъ Court of Exchequer Chambre и эта высшая инстанція получила чисто судебный харакаеръ. Вообще замѣщенія судейскихъ мѣстъ, равно какъ и личное положеніе судей, не смотря на смѣняемость ихъ и зависимость ихъ положенія, какъ юстиціаріевъ Council'я, является весьма почетнымъ и въ теченіе всего разсматриваемаго періода судьи трехъ высшихъ судовъ сохраняютъ за собой высокое уваженіе и репутацію безпристрастія. Тюдоры никогда

[6b]) Въ этой новой провинціальной инстанціи сильно сказывается бюрократическій духъ, который въ данномъ случаѣ, впрочемъ, имѣлъ свое оправданіе въ мѣстныхъ потребностяхъ. Аналогично сѣверному совѣту былъ учрежденъ *совѣтъ запада* по st. 32 Henr. VIII. c. 50, съ такими же правами. Ему были подчинены графства Devon и Cornwalles. Совѣтъ этотъ существовалъ лишь короткое время.

не навязывали своихъ личныхъ желаній дѣлу правосудія и вообще очень мало вмѣшивались въ обыкновенный ходъ судебной дѣятельности. Ихъ достойное поведеніе въ этой области напоминаетъ собою лучшія времена Германской монархіи [7]).

Дополненіемъ извѣстныхъ областей гражданской юрисдикціи является Court of Equity, подвѣдомственный лорду-канцлеру (выше § 21), который также мало-по-малу получилъ чисто судебный характеръ. Тюдоры не высказываютъ никакого стремленія къ расширенію этой области правосудія. St. Eliz. c. I, напротивъ того, расширяетъ всякое «application to other jurisdictions to impeer or impede the jurisdiction of the King's Courts» и теперь налагаются безъ протеста короны взысканія praemunire за присвоеніе себѣ Court'омъ of Equity компетенціи общихъ судовъ.

Эта сторона государственнаго управленія дополняетъ собою *общую картину эпохи Тюдоровъ*. Судебный, парламентскій и общинный строй въ своей совокупности представляютъ собою систему правленія, въ которое хорошее и дѣльное рѣшительно преобладаетъ. Новая династія застала государство потрясеннымъ и обезсиленнымъ дворянскими междоусобіями. Возстановить королевскую власть и справедливость въ странѣ, уничтожить произволъ магнатовъ—все это Тюдоры сдѣлали своей ближайшей задачей и исконнія прерогативы королевской власти давали имъ для этого достаточную возможность. Въ дальнѣйшемъ ходѣ реформаціи переходятъ къ коронѣ права церковной власти, являясь обильнымъ источникомъ новыхъ правъ. Со времени соединенія церковной іерархіи съ

---

[7]) Courts of Comon Law въ ихъ внѣшней обстановкѣ разбирается Foss'омъ. Judges V. 8. 405. 409. Практиковавшееся прежде пожалованіе государственныхъ судей рыцарскимъ достоинствомъ происходитъ теперь рѣже. Елизавета, по обыкновенію всѣхъ разумныхъ монарховъ, скупо раздававшая почести и титулы, жаловала рыцарскимъ достоинствомъ обыкновенно лишь президентовъ судовъ. Но за то Тюдоры старались оградить личную самостоятельность и внѣшнюю независимость своихъ судей тѣмъ, что значительно увеличили судейское жалованіе. Изъ таксаціи въ 15 Henr. VIII видно, что Chef Justice King's Bench'a получалъ 1000 марокъ, Common Pleas'a 650 марокъ, Chef Baron 400 ф. ст., простые судьи по 400 ф. ст. 500 мар., 240 ф. ст., 200 ф. ст. Sergeants получаютъ 100 до 250 ф. ст., Attorney General 500 ф. ст. Foss. Judges V, 99. О визитаціонномъ правѣ см. Reeves V, 250. Если часто утверждаютъ, что судьи разсматриваемаго времени высказывали большую угодливость коронѣ, то при этомъ совершенно забываютъ принимать во вниманіе общій уровень тогдашней верхней палаты. О честномъ поведеніи судей въ ихъ оппозиціи совѣту изъ-за незаконныхъ арестовъ въ 1591 г. см. Hallam. Const. Hist. III. c. 5. Столь-же достойно поведеніе судей по отношенію къ кабинетному рескрипту отъ 21 апрѣля 1581 года въ Report'ѣ Андерсона 154, которымъ королева постановила неправильное рѣшеніе относительно одной должности: опираясь на свою присягу судьи отказываются отъ повиновенія и королева уступаетъ. Государственнымъ судьямъ, какъ юрисконсультамъ верхней палаты, предлагались нѣкоторые юридическіе вопросы, какъ напр. при восшествіи на престолъ Генриха VII. И въ этой функціи поведеніе судей исполнено достоинства.

королевской властью новый монархическій духъ, особенно при Елизаветѣ, проникаетъ во всѣ свѣтскія установленія. Тюдоры достойно пользовались внутри и внѣ страны этимъ приращеніемъ своей власти, энергически проводя реформацію, экономически и политически развивая внутреннія силы націи. Если въ Генрихѣ VIII религіозный элементъ былъ совершенно подчиненъ политическому, то его 3 дѣтей искренности своихъ убѣжденій, хотя и въ противоположномъ направленіи, возстановили въ религіозныхъ чувствахъ народа доброе отношеніе къ королевской власти. Переходъ отъ старой къ новой церкви требовалъ единоличнаго энергическаго образа дѣйствій, и своевольная, эгоистическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющая на своей сторонѣ всѣ преимущества свѣтлаго ума, личность Генриха VIII была здѣсь вполнѣ на мѣстѣ. Генрихъ VIII и Елизавета часто очень надменно относились къ попыткамъ оказать сопротивленіе ихъ волѣ. Но пусть ихъ поведеніемъ руководило властолюбіе или эгоизмъ, все-таки они *никогда не желали править помимо парламента и всегда поступали согласно съ законами.* Слова Елизаветы, сказанныя ею въ концѣ ея царствованія по поводу монополій: that never thought was cherisched in my heart, that tended not to my people's good (Parl. Hist. IV p. 480), довѣрчивымъ эхомъ отозвалось въ чувствахъ ея народа. — Недостатки Тюдоровъ были недостатки времени, въ которомъ имъ пришлось дѣйствовать, и народа, съ которымъ они жили одною общею жизнью, искренно заботясь о его благѣ [8]).

---

[8]) *Общій характеръ правленія Тюдоровъ* можетъ быть только тогда оцѣненъ, если рядомъ съ поведеніемъ ихъ относительно отдѣльныхъ лицъ, рядомъ съ образомъ дѣйствія звѣздной палаты и законами о государственной измѣнѣ Тюдоровской эпохи сопоставить общій строй судебной, общинной и парламентской жизни того времени.

Законы о государственной измѣнѣ были сначала смягчены st. Henr. c. I, по которому присяга королю, de facto завладѣвшему престоломъ, не разсматривается какъ нарушеніе вѣрноподданнической присяги (см. надлежащую оцѣнку этого у Галлама III. 196). Законъ Эдуарда VI установилъ требованіе не менѣе двухъ свидѣтельствъ для доказательства факта государственной измѣны. Примѣненіе законовъ о государственной измѣнѣ къ отрицанію церковнаго главенства короля коробитъ современнаго человѣка. Но для 16-го столѣтія тутъ не было ничего особеннаго.

Въ 1-мъ году царствованія Эдуарда VI были отмѣнены эти жестокіе законы по преступленіямъ государственной измѣны, хотя для нѣкоторыхъ случаевъ такого рода были снова установлены тяжкія наказанія. Католичка Марія объявила недѣйствительными всѣ новѣйшія законоположенія по такъ-называемымъ felonies, но это не помѣшало ей дѣйствовать въ церковныхъ дѣлахъ еще безпощаднѣе, чѣмъ Генрихъ VIII и въ свѣтскихъ дѣлахъ—давать большій просторъ полицейскому произволу. Крутыя перемѣны, совершившіяся въ церкви и въ обществѣ, отразились въ народѣ такъ же, какъ то было и во время германской реформаціи, ослабленіемъ сознанія того, что справедливо и что несправедливо и сдѣлали націю склонной приносить права личности въ жертву государственной власти, какъ скоро послѣдняя задавалась великими цѣлями и успѣвала достигать ихъ. Въ такія эпохи даже среди правящаго сословія исчезаетъ гордость и чувство собственнаго достоинства; то и другое возстановляется лишь послѣ того, какъ различные общественные эле-

§ 32 a.

Развитіе мѣстныхъ, общинныхъ учрежденій.

По мѣрѣ того, какъ жизнь въ разсматриваемый нами періодъ шла по пути своего развитія, отмѣченнаго порою трагическими эпизодами, но, во всякомъ случаѣ, имѣвшаго величественный характеръ, и подъ конецъ, поражающаго своимъ блескомъ,— *въ нижнихъ слояхъ* государства и общества возникали и сплочивались новые элементы, на которые, среди бурныхъ событій того времени, почти никто не обращалъ вниманія. Подобно тому, какъ въ предшествующій періодъ, подъ шумъ династическихъ войнъ, образованіе государственныхъ чиновъ, долженствовавшихъ играть такую рѣшительную роль въ будущемъ, шло своимъ незамѣтнымъ, но безостановочнымъ ходомъ, точно также и теперь, среди волненій, вызванныхъ реформаціей, вырабатывались *мѣстныя учрежденія*, которыя придали своеобразную организацію низшимъ слоямъ общества и совершенно неожиданно наложили новый отпечатокъ на борьбу, ознаменовавшую собою слѣдующее столѣтіе.

Вслѣдъ за реформаціей, слившей королевское и церковное управленіе во едино, королевская верховная власть въ церковныхъ дѣлахъ, движимая свойственнымъ ей духомъ предусмотрительной заботливости, перенесла на свѣтское государство тѣ *обязанности человѣколюбія*, которыя прежде входили въ сферу дѣятельности церкви, но для которыхъ теперь у церкви не хватало

менты снова придутъ въ болѣе устойчивое равновѣсіе. Какъ въ частностяхъ такъ и въ общемъ, условія того времени привели къ усиленію личной королевской власти и сдѣлали націю склонной многое переносить терпѣливо. Примиреніе обѣихъ Розъ въ лицѣ Генриха VII знаменовало собою давно желаемое всѣми возстановленіе правильнаго престолонаслѣдія. Тридцатилѣтняя кровопролитная война, раздоры и деморализація внутри государства, таковы были грозные призраки прошлаго, которые нація имѣла передъ глазами и которые предостерегали ее отъ опасностей, сопряженныхъ съ перемѣною династіи. Поэтому Генрихъ VIII съ дѣтства былъ „a humoured and spoiled piece of royalty“. Но въ то же время онъ выступалъ и въ роли „majestic Lord, who broke the bonds of Rome“. Реформація сдѣлала его противовѣсомъ другаго, еще болѣе ненавистнаго деспотизма и личность его являлась необходимою представительницею великаго національнаго дѣла. Эта форма абсолютизма, будучи противупоставлена какому-нибудь кардиналу Поль и его единомышленникамъ, получала своего рода обновленіе. Большинство націи не колебалось въ выборѣ между тѣмъ и другимъ абсолютизмомъ. Въ сравненіи съ кровожадною Маріей и съ испанскимъ Филиппомъ, Елизавета казалась ангеломъ-избавителемъ, надѣленнымъ всѣми тѣми свойствами, которыя дѣлаютъ монархію любезною народу. Реформація олицетворялась болѣе достойнымъ образомъ въ королевѣ-дѣвственницѣ, нежели въ Генрихѣ VIII, и отсюда та мнительная заботливость, съ которою англійскій народъ оберегалъ личность королевы. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, содѣйствовали усиленію монархизма.

ни персонала, ни средствъ; обязанности эти были возложены на общины отдѣльныхъ мѣстечекъ и включены въ число постоянныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнью общинъ. Эта новая система примыкала къ существовавшимъ уже ранѣе учрежденіямъ, цѣлью которыхъ было сохраненіе общественной тишины и спокойствія. Но между тѣмъ, какъ эти старыя учрежденія дѣйствовали преимущественно отрицательнымъ образомъ, ставя своей задачею предотвращеніе зла, новыя учрежденія восприняли въ себя *положительную* государственную идею церкви,—идею попеченія о слабѣйшихъ членахъ общества, наиболѣе нуждающихся въ посторонней помощи. Подъ вліяніемъ этого-то рода взглядовъ, общинныя учрежденія отдѣльныхъ мѣстечекъ, игравшія до сихъ поръ весьма подчиненную роль, становятся со временъ Тюдоровъ весьма важнымъ элементомъ общегосударственной жизни и превращаются въ фундаментъ, на которомъ зиждется все государственное зданіе. Съ этой поры развитіе общинныхъ учрежденій происходитъ, такъ-сказать, въ обратномъ порядкѣ, направляясь снизу вверхъ.

I. *Организація прихода* (P a r i s h), которая въ средніе вѣка примыкала къ государству лишь постолько, посколько послѣднее соприкосалось съ церковью, теперь становится первою низшею ступенью въ ряду учрежденій свѣтскаго государства. При англо-норманскихъ порядкахъ десятки являлись лишь такими подраздѣленіями округовъ, въ которыхъ provost, tithingman обязанъ былъ, въ качествѣ старшины по полицейскимъ и судебнымъ дѣламъ, исполнять предписанія шерифовъ, бальифовъ и Chief-Constables. Эта слабость административной единицы, носившей названіе десятка и не представлявшей, даже, какую-либо разъ навсегда опредѣленную торриріальную величину, обусловливалась самыми особенностями землевладѣнья; въ Англіи, собственно говоря, села, состоящія изъ крестьянскихъ усадебъ и образующія связное и замкнутое въ самимъ себѣ цѣлое, во всѣ времена попадались лишь въ видѣ исключенія; за крупнымъ землевладѣніемъ съ поконъ вѣку признавался перевѣсъ надъ самостоятельными крестьянскими хозяйствами, а также надъ лавочниками, фермерами, мелкими ремесленниками и рабочими. Такимъ образомъ душою и центромъ общинной жизни мѣстечка становится церковный погостъ. Еженедѣльныя воскресныя сходбища для богослуженія, церковные обряды и празднества, общее мѣсто погребенія — все это служило несравненно болѣе прочнымъ связующимъ звѣномъ между обывателями даннаго мѣстечка, нежели учрежденія, касавшіяся милиціи, судебной дѣятельности и полицейскаго устройства, такъ какъ во всѣхъ учрежденіяхъ этой послѣдней категоріи Villata играла лишь подчиненную роль. По этому-то мало-по-малу устанавливается молчаливое соглашеніе, по

которому понятіе «десятка» вытѣсняется и замѣняется, какъ въ общемъ представленіи, такъ и въ разговорномъ языкѣ, понятіемъ о приходѣ. Въ большей части такъ-называемыхъ Villatae границы прихода и десятка совпадали. Но наиболѣе крупныя мѣстечки состояли изъ нѣсколькихъ приходовъ и, наоборотъ, случалось нерѣдко, что одинъ приходъ вмѣщалъ въ себѣ нѣсколько десятковъ; послѣднее особенно часто можно было видѣть въ сѣверной Англіи. По мѣрѣ того, какъ въ высшихъ сферахъ управленія церковное и свѣтское государства все ближе и ближе придвигались другъ къ другу, на низшей ступени государственной лѣстницы, церковная и свѣтская общины тоже сближались все болѣе и болѣе и все тѣснѣе переплетались между собою. Элементы этой связи, устанавливавшейся между тою и другою, заключались частью въ церковныхъ должностяхъ чисто мѣстнаго характера, частью въ церковныхъ налогахъ, но всего болѣе въ тѣхъ *новыхъ должностяхъ и новыхъ налогахъ*, въ основу которыхъ законодательство эпохи Тюдоровъ положило приходъ.

1) *Паспортъ мѣстечка*, такъ-называемый Rector,—или же (въ случаяхъ, когда онъ не пользуется десятиннымъ сборомъ) Vicar, является съ точки зрѣнія церкви главою данной общины. Правда, съ точки зрѣнія свѣтской власти, во всемъ, что касается поземельной подати и общественныхъ повинностей, онъ есть не болѣе, какъ одинъ изъ членовъ общины, хотя и занимающій въ ней выдающееся положеніе, но все-таки обязанный нести на себѣ какъ податную тягость, такъ и остальныя общественныя повинности. Со временъ изданія Марльбриджскаго статута однако же приходское духовенство было освобождено отъ обязанности нести личную судебную службу при sheriff's tourn и заняло такимъ образомъ до извѣстной степени привиллегированное положеніе. Съ другой стороны, послѣ того, какъ были учреждены судебно-мировыя должности, наиболѣе вліятельные пасторы, стоявшіе во главѣ наиболѣе богатыхъ приходовъ, назначались обыкновенно на должности этого рода; такимъ образомъ и свѣтское государство съ своей стороны способствовало тому, чтобы создать властное положеніе для приходскаго духовенства. Къ этому законодательство Тюдоровъ присоединило еще кое-какія обязанности полицейскаго характера: такъ, духовенству было поручено слѣдить за тѣмъ, чтобы паписты исправно навѣщали церковь; оно обязано было доносить объ извѣстныхъ нарушеніяхъ законовъ, изданныхъ въ интересахъ реформаціи; на немъ же лежала обязанность записывать показанія слугъ противъ господъ и, даже, приводить въ исполненіе приговоры, которыми бродяги приговорялись къ извѣстному числу палочныхъ ударовъ. Впрочемъ позднѣйшее законодательство не пошло далѣе въ томъ же направленіи.

2) *Двое церковныхъ старостъ*, Churchwardens [1]), съ точки зрѣнія церкви являются лишь помощниками пастора, подчиненными послѣднему. Въ большихъ приходахъ рядомъ съ этими должностными лицами, въ подмогу имъ, полагаются еще «синодскіе свидѣтели», synodsmen, sidesmen, questmen. Обязанность этихъ лицъ состоитъ въ томъ, чтобы «заявлять обо всѣхъ выдающихся проступкахъ, совершаемыхъ противъ церкви, духовенства или прихожанъ;» обязательство это было включено и въ формулу присяги, даваемой ими при вступленіи въ должность, и подтверждено снова въ канонахъ 1603 г. Такъ какъ содержаніе церковныхъ зданій въ исправности падаетъ на общину, то послѣдняя черезъ это получаетъ неоспоримое право участвовать въ управленіи церковными имуществами и въ дѣлахъ этого рода судебная практика признаетъ церковныхъ старостъ за легальную корпорацію. По мѣрѣ того, какъ должность constable приходила въ упадокъ и представлялась недостаточно надежною,

---

) Главнымъ источникомъ, въ которомъ можно найти всѣ практическія свѣдѣнія, уясняющія положеніе церковныхъ старостъ, служитъ сочиненіе Джона Стира, но трудъ этотъ бѣденъ историческими указаніями. Въ книгѣ Бёрнса, Ecclesiasticlaw, предметъ этотъ особенно подробно разработанъ въ статьяхъ, озаглавленныхъ Churchwarden, Vol. I, и Parish, Vol.III. Весьма серьозныя услуги по разработкѣ этого предмета оказалъ также Т. Смитъ (The Parish, 1857, in 8°). Въ книгѣ этой авторъ, который имѣлъ возможность пользоваться наиболѣе старинными источниками по исторіи даннаго вопроса, весьма убѣдительно доказываетъ преимущественно *свѣтскій* характеръ учрежденія Churchavardens и старинное право *самой общины* располагать этою должностью. Уже съ 1343 г. о церковныхъ старостахъ говорится въ оффиціальныхъ документахъ, какъ о Wardens of the goods,—т. е. какъ объ охранителяхъ церковнаго имущества (Rot. Parl. 15 Edw. III. и Yearbooks, 11 Hen. IV). Позднѣйшіе Yearbooks, относящіеся къ 37-му году царствованья Генриха VI, называютъ ихъ хранителями свѣтскаго имущества церкви. Выраженіе churchwarden лишь постепенно пріобрѣтаетъ характеръ техническаго, постояннаго термина. Судебная практика признавала ихъ въ самыхъ категоричныхъ выраженіяхъ чиновниками, состоящими на службѣ прихода, а не пастора,—она видѣла въ нихъ t e m p o r a l officers. (См. Cokes Repports, p. 70.). „Of common right, the c h o i c e of churchwardens is in the parishioners, and if the incumbent chooses one in anyplace, it isbut by usage". (Cases temp. Hardwicke, p. 275). „Архидіаконъ не имѣетъ власти избирать старостъ, или контролировать ихъ избраніе". (1. Salked's Reports, p. 166). „Пасторъ никогда не созываетъ собранія прихожанъ, ибо это есть дѣло церковныхъ старостъ". (Strange's Reports, p. 1045). Юрисдикція духовнаго суда не распространяется на отчеты, представляемые церковнымъ старостою". (Тамъ же. стр. 974, 1133 и т. д.). Поэтому община можетъ во всякое время смѣнить церковнаго старосту по своему усмотрѣнію. (Yearbooks, 26. Henr. VIII, fol. 5)". Прихожане имѣютъ права избирать новыхъ церковныхъ старостъ въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ прежнихъ старшинъ, отрѣшенныхъ отъ должности, имѣется въ виду поднять искъ. (Yearbooks, Edw. IV, fol. 6). Въ старѣйшихъ церковныхъ канонахъ, относящихся къ 1571 г., еще упоминается въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ объ избраніи старостъ самими членами общины. Законъ, изданный въ 27 году правленія Генриха III, тоже признаетъ необходимость *ежегоднаго* избранія церковнаго старосты, изъ чего слѣдуетъ заключить, что должность эту законодательство приравнивало къ остальнымъ общиннымъ должностямъ и не считало ее церковною должностью.

для того, чтобы ей можно было присвоить различныя обязанности мѣстнаго старшины, цѣлый рядъ обязанностей этого рода мало-помалу возлагался на церковныхъ старостъ. Во времена Тюдоровъ сюда включались преимущественно такія дѣла, которыя имѣютъ какое-нибудь касательство къ церковной дисциплинѣ, надзору, какъ-то: взысканіе штрафовъ за непосѣщеніе церкви, за несоблюденіе постовъ, за нарушеніе святости воскреснаго дня,—а также посѣщеніе такъ-называемыхъ conventicles. Но впослѣдствіи на церковныхъ старшинъ былъ также возложенъ сборъ штрафовъ за бражничество и пьянство, за нарушеніе законовъ объ охотѣ, за употребленіе неправильныхъ мѣръ и вѣсовъ, присмотръ за старьевщиками и карабейниками и т. д. Эти-то обязанности, въ связи съ тѣмъ положеніемъ, которое церковные старосты занимали въ качествѣ надсмотрщиковъ по исполненію закона о бѣдныхъ, придавали имъ значеніе первыхъ должностныхъ лицъ въ общинѣ; при чемъ участіе ихъ въ мѣстномъ управленіи получило правильный и постоянный характеръ. По установившемуся обычаю право избранія церковныхъ старостъ принадлежало самой общинѣ, но по канонамъ 1606 г. въ случаѣ, еслибы между пасторомъ прихода и общиной не состоялось добровольнаго соглашенія, одинъ изъ старостъ долженъ былъ избираться общиной, а другой — назначаться пасторомъ [1а]).

1а) Лишь послѣ того, какъ государственная церковь почувствовала себя окончательно окрѣпшею, она рѣшилась заявить болѣе широкія притязанія въ этомъ дѣлѣ и включила въ каноны 1603 г. нижеслѣдующую статью:

„Церковные старосты избираются по возможности путемъ обоюднаго соглашенія между пасторомъ и прихожанами. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда таковаго соглашенія не состоится, одного изъ старостъ выбираетъ пасторъ, а другой назначается по выбору прихожанъ".

Правда, съ точки зрѣнія общаго права, каноны эти имѣютъ обязательную силу лишь для духовенства. Но вліяніе, которымъ государственная церковь пользовалась со временъ Стюартовъ, было настолько сильно, что ему удалось отстоять за пасторомъ перевѣсъ: въ большей части приходовъ Англіи вышеуказанный способъ избранія церковныхъ старшинъ успѣлъ войти въ обычай и лишь въ приходахъ Лондона еще держится старый обычай, по которому оба старосты выбираются прихожанами. Должность эта, впрочемъ, имѣетъ несомнѣнно *двойственный* характеръ; церковные старосты съ одной стороны, въ качествѣ блюстителей исправности церковнаго зданія, кладбища и прилегающихъ къ церкви дорогъ, а также въ качествѣ хранителей движимаго имущества церкви, являются должностными лицами по меньшей мѣрѣ смѣшаннаго типа,—на половину церковнаго и на половину гражданскаго; но сколько они пользуются правомъ полицейскаго надзора въ церкви и на погостѣ, а также слѣдятъ за благочиніемъ церковнаго богослуженія, за соблюденіемъ воскреснаго дня и за сохранностью церковныхъ книгъ, должность ихъ имѣетъ даже чисто церковный характеръ. Но, съ другой стороны, они являются чисто гражданскими должностными лицами въ качествѣ сборщиковъ церковнаго налога, въ качествѣ надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія, а также въ тѣхъ низшихъ полицейскихъ обязанностяхъ и мелкихъ дѣлахъ мѣстнаго управленія, которыя возложены на нихъ законодательствомъ позднѣйшаго времени.

3) *Низшія причетническія должности*—sexton и beadle были сопряжены съ церковной службой, въ которой присоединялись и различныя обязанности по отношенію къ мірской общинѣ. Должность *приходскаго писца* (parish clerk) нерѣдко замѣщалась молодымъ человѣкомъ духовнаго званія, который одновременно съ этимъ пѣлъ во время богослуженія тѣ стихи, которыми клиръ отвѣчаетъ на возгласы священнодѣйствующаго, а также помогалъ пастору при исполненіи и другихъ его обязанностей по приходу. Но по мѣрѣ того, какъ кругъ дѣятельности общины расширялся, приходскій становился весьма дѣятельнымъ членомъ общиннаго управленія и въ качествѣ таковаго назначался самой общиной и свое вознагражденіе получалъ отъ нея же.

Въ связи съ вышеуказаннымъ личнымъ составомъ церковнаго управленія находится и система *церковныхъ налоговъ*. Происхожденіе этихъ налоговъ, такъ-называемой Churchrate, объясняется необходимостью найти средства для покрытія расходовъ по постройкѣ и ремонту церковныхъ зданій. Издавна было заведено, чтобъ для этой цѣли отчислялась извѣстная часть изъ общихъ доходовъ церкви, но уже начиная съ XIII столѣтія собственныхъ доходовъ церкви, какъ ни богато она была надѣлена имуществами, не хватало на этого рода нужды, такъ какъ содержаніе монастырей и высшихъ сановниковъ поглощало все большія и большія доли десятиннаго сбора и доходовъ съ церковныхъ помѣстій. Поэтому духовенство стало обращаться къ «доброхотнымъ даяніямъ» прихожанъ, приношенія которыхъ такимъ образомъ въ началѣ не имѣли принудительнаго характера. Но по всѣмъ вѣроятіямъ послѣ того, какъ въ самомъ духѣ церковнаго управленія стала сказываться постоянно возроставшая неурядица, и духовенство стало прибѣгать къ принудительнымъ средствамъ, какими оно располагало въ качествѣ церковной власти, свѣтскіе суда съ своей стороны издавали, для огражденія прихожанъ, запретительныя постановленія (prohibition). Между тѣмъ въ 285 г. Эдуардъ I обратился къ судьямъ общегосударственныхъ судовъ съ инструкціей, которая извѣстна подъ названіемъ Statute Circumspecte agatis и содержитъ въ себѣ, между прочимъ, статью, предписывающую «королевскимъ судамъ не подвергать церковныя учрежденія никакимъ взысканіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сказанныя учрежденія творятъ судъ и расправу по дѣламъ духовнымъ, а именно: si prealatus puniat pro cemeterio non clauso, ecclesia discooperta, vel non decenter ornata». На основаніи тогдашняго государственнаго устройства, инструкція эта получила силу закона и позднѣйшій законъ, изданный при Эдуардѣ VI, такъ и упоминаетъ о ней, какъ о statute. Такимъ образомъ за церковными учрежденіями было

косвенно признано право употреблять принудительныя мѣры и духовная власть получила возможность дѣйствовать посредствомъ отлученія отъ церкви единичныхъ личностей, а въ крайнихъ случаяхъ и цѣлыхъ общинъ. Но на практикѣ дѣло обыкновенно улаживалось посредствомъ миролюбиваго соглашенія. Каждый разъ, когда пасторъ, черезъ церковныхъ старостъ, приглашалъ свою паству къ пожертвованіямъ, между членами общины, привычными къ несенію общихъ тягостей, проявлялась полная готовность доставить суммы, требовавшіяся для ремонта или украшенія церковныхъ зданій. Насколько извѣстно, первое, древнѣйшее по времени документальное свидѣтельство объ этой подати, сдѣлавшейся впослѣдствіи извѣстною подъ названіемъ Churchrate, мы встрѣчаемъ въ yearbooks, относящихся къ 44-му году правленія Эдуарда III; въ этомъ документѣ объ упомянутой подати говорится, какъ о дѣлѣ изстари заведенномъ въ одномъ изъ приходовъ. Такимъ образомъ, въ ту самую эпоху, когда свѣтскія судебныя собранія (courts leet) начинали приходить въ упадокъ, является постоянно возобновляющійся поводъ для собиранья *церковной* общины. Взиманіе вышеупомянутыхъ сборовъ сдѣлалось главнѣйшею обязанностью церковныхъ старостъ; но такъ какъ въ памяти населенія сохранялся первоначальный, доброхотный характеръ этихъ сборовъ, то и признавалось необходимымъ, прежде чѣмъ облагать ими прихожанъ, созывать послѣднихъ для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ; сохраненіе подобнаго обычая было тѣмъ болѣе необходимо, что въ ту пору развитіе идеи представительства пріучило каждаго англичанина смотрѣть на уплату тѣхъ или другихъ сборовъ какъ на нѣчто неразлучное съ правомъ участвовать въ обсужденіи дѣла, ради котораго производятся эти сборы; такой взглядъ проникалъ во всѣ юридическія представленія народа и изъ области государственныхъ отношеній распространялся и на всевозможныя мелочи и частности. Такимъ образомъ уже въ XV столѣтіи обычай созывать приходскія собранія былъ по видимому распространенъ почти повсемѣстно [1b]).

Къ общинѣ, насколько она есть церковная община, принадлежатъ всѣ лица, входящія въ составъ паствы, слѣдовательно и женщины, и дѣти, и слуги,—словомъ всѣ inhabitants въ ши-

---

[1b]) О происхожденіи церковнаго налога, извѣстнаго подъ названіемъ Churchrate, въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ велась оживленная полемика, создавшая цѣлую обширную литературу предмета. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ на трудъ сэра Джона Кемпбелля, бывшаго впослѣдствіи лордомъ главнымъ судьею Англіи; трудъ этотъ озаглавленъ: Letter to Lord Stanley on the Law of Church Rates, 1837 г. Впрочемъ въ томъ, что касается этого спеціальнаго вопроса, я могу отослать читателя къ тѣмъ подробностямъ, которыя онъ найдетъ въ моей исторіи англійскаго selfgovernement.

рокомъ значеніи этого слова. Но вслѣдствіе тѣхъ положительныхъ обязательствъ, которыя несутъ на себѣ нѣкоторые изъ обывателей, удовлетворяя потребностямъ церкви личною службою и деньгами, вырабатывается понятіе объ *активной* общинѣ, о прихожанахъ, въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова; къ этого рода церковной общинѣ могутъ принадлежать только тѣ, которые участвуютъ въ несеніи общихъ тягостей. Основной принципъ, выражавшійся въ формулѣ: paying scot, and bearing lot, проникалъ собою въ Англіи всѣ юридическія представленія и сказывался какъ въ организаціи городской общины, такъ и въ церковной организаціи прихода. Единицею обложенія для церковной подати считалась семья. Такимъ образомъ церковная подать съ самаго начала была личнымъ налогомъ, соразмѣрявшимся съ численностью семьи и со способомъ владѣнія или пользованья землею (при чемъ дѣлалось различіе между землевладѣніемъ on copyhold и on freehold, между постояннымъ и временнымъ пользованьемъ участкомъ, между полною собственностью и арендою). При этомъ, понятнымъ образомъ, никто не спрашивалъ, участвуетъ ли прихожанинъ въ судебныхъ и полицейскихъ повинностяхъ, или въ платежѣ парламентскихъ субсидій, а спрашивали только, пользуется ли онъ благодѣяніями церкви въ качествѣ постояннаго члена общиннаго союза. По примѣру порядковъ, заведенныхъ для остальныхъ общинныхъ налоговъ, на практикѣ члены, жившіе внѣ предѣловъ прихода, тоже привлекались къ уплатѣ церковныхъ сборовъ. Jeffreys Case 5. Co 67. Но между тѣмъ, какъ свѣтскіе налоги явились замѣною или видоизмѣненіемъ первоначально существовавшей *личной службы* въ милиціи, въ судѣ и въ полицейскихъ учрежденіяхъ, а потому политическія права обусловливались прежде всего несеніемъ личной службы,—въ тѣхъ церковныхъ повинностяхъ, которыя падали на общину, первенствующую роль играли денежные сборы. Поэтому рѣшающимъ моментомъ, обусловливавшимъ право прихожанина въ дѣлахъ церковнаго управленія, являлось исключительно *участіе въ платежѣ* церковнаго налога; доказательствомъ же такого участія служили приходскія книги (parishbooks), куда заносились имена плательщиковъ. Исполненіе упомянутой повинности давало право голоса въ дѣлахъ церковной общины. (Smith, Parish. Стр. 63, 94 и слѣд,).

Собираніе церковнаго налога, разъ размѣры послѣдняго были опредѣлены по совѣщаніи съ прихожанами, были главнѣйшею обязанностью церковныхъ старостъ. Собранія прихожанъ, сообразно съ цѣлью, ради которой они созывались, происходили большею частью въ церковной ризницѣ; отсюда самое названіе этихъ собраній— vestry. Созывъ производился обыкновенно черезъ церковныхъ ста-

ростъ; предсѣдательство обыкновенно предоставлялось либо пастору, какъ хозяину vestry, либо, въ видѣ почетнаго отличія, тому изъ членовъ, который считался первымъ лицомъ въ приходѣ. Указаній же на то, за кѣмъ слѣдуетъ признать положительное право на предсѣдательство въ этихъ собраніяхъ, не имѣлось вовсе, такъ какъ не существовало никакихъ прецедентовъ и никакихъ аналогій, изъ которыхъ его можно бы было вывести. Если судить по аналогіи съ палатою общинъ въ дѣлѣ утвержденія налоговъ, то за собраніемъ прихожанъ слѣдовало признать право самостоятельнаго распоряженія какъ въ выборѣ президента, такъ и въ дѣлѣ отсрочки своихъ засѣданій. При голосованіи вопросовъ всѣ голоса считались равными, подобно тому, какъ это было въ старинныхъ судебныхъ собраніяхъ, при парламентскихъ выборахъ и при постановкѣ парламентскихъ рѣшеній. Голосованье обыкновенно производилось посредствомъ поднманія руки, въ затруднительныхъ же случаяхъ производился счетъ голосовъ.

Число приходовъ въ 1371 г., по вычисленіямъ, которыя дѣлаетъ **Stowe**, основываясь на отчетахъ шерифовъ, доходило до 632. Въ 1520 г. оно возросло, какъ утверждаютъ, до 9407. Приходъ, сложившійся вышеуказаннымъ путемъ, представлялся законодательству Тюдоровъ такимъ органомъ, который весьма удобно было приспособить къ исполненію новыхъ и важныхъ обязанностей въ общинѣ.

II. Наиболѣе важнымъ и прочнымъ результатомъ этого союза между церковнымъ и свѣтскимъ государствомъ является организація **приходской помощи бѣднымъ**. Положительная забота о бѣдныхъ въ средніе вѣка падала на церковь и для этой цѣли въ Англіи ассигновалась одна треть десятинныхъ сборовъ. Позднѣе вспомоществованіе бѣднымъ сдѣлалось главною задачею монастырей, что объясняется частью ихъ происхожденіемъ, возлагавшимъ на нихъ обязанность гостепріимства, частью же тѣмъ обстоятельствомъ, что именно монастыри присвоили себѣ огромную часть десятинныхъ сборовъ. Что касается свѣтскаго законодательства, то оно принимало лишь отрицательныя мѣры для предотвращенія нищенства и бродяжничества (23 Edw. Ш, с. 7; 12 Ric. П, с. 7). На основаніи закона, изданнаго въ 12-мъ году правленія Генриха Ш, нищіе, неспособные къ работѣ, должны были отправляться въ ту сотню, откуда они были родомъ или въ которой они имѣли мѣстопребываніе за послѣдніе три года, во всякомъ другомъ мѣстѣ имъ воспрещалось просить милостыню. Закономъ, изданнымъ въ 22-мъ году царствованія Генриха VШ, мировымъ судьямъ предоставляется распредѣлять между собою данную мѣстность на участки, при чемъ каждому нищему отводится опре-

дѣленный участокъ для прошенія милостыни; переступившій же за черту указаннаго ему района, заковывается въ кандалы и сажается на хлѣбъ и на воду. Тѣхъ же нищихъ, которые были способны къ работѣ, законъ предписывалъ подвергать тѣлесному наказанію и препровождать на родину или въ ту мѣстность, гдѣ они проживали за послѣдніе три года [2]).

Но, начиная съ разсматриваемаго періода государственная власть беретъ на себя и *положительную сторону* дѣла общественнаго призрѣнія. Закономъ, изданнымъ въ 27-мъ году правленія Генриха VIII сотнямъ, городамъ, обладающимъ инкорпораціонными хартіями, приходамъ и мызамъ предписывается содержать своихъ бѣдныхъ посредствомъ доброхотныхъ пожертвованій такъ, чтобы они не имѣли надобности прибѣгать къ публичному прошенію милостыни, при чемъ каждый, кто отказывается отъ участія въ расходахъ этого рода, облагается ежемѣсячнымъ штрафомъ въ 20 шилинговъ. Церковные старосты и другіе достаточные обыватели обязываются по воскресеньямъ производить сборы въ пользу бѣдныхъ, обходя прихожанъ съ кружками или инымъ какимъ способомъ, а пасторамъ вмѣняется въ обязанность при каждомъ удобномъ случаѣ убѣждать прихожанъ, чтобы они не скупились на дѣло благотворенія. Обязанность же пріискивать занятія для лицъ, способныхъ къ работѣ, и оказывать помощь тѣмъ, которые работать не могутъ, возлагается на церковныхъ старостъ или же «на два другія лица, выбранныя отъ прихода». Такимъ образомъ было положено въ главнѣйшихъ чертахъ основаніе той организаціи, которая впослѣдствіи разрослась въ приходскія попечительства о бѣдныхъ. Причиною, вызвавшею этого рода мѣропріятія, было то обстоятельство, что въ Англіи обязательный крѣпостной трудъ очень рано исчезъ и устроилъ мѣсто вольному труду, что вызывало на время значительныя колебанья въ положеніи трудящихся классовъ и породило между послѣдними большую нужду. При Генрихѣ VIII изданіе новаго закона о бѣдныхъ, какъ то явствуетъ изъ самаго года его изданія, было вызвано

---

[2]) Исторія англійскаго законодательства о бѣдныхъ разработана въ нижеслѣдующихъ сочиненіяхъ: Potter's, observations on the poor laws, on the present state of the poor and on houses of industry, London, 1755. Burn's, History of the Poor Law, 1764. F. M. Eden, state of the poor, or a history of the labouring classes in England 3 vol. 4-o 1796. Sir George Nicholl's, History of the englisch Poor Law. 1854, 2-vol. 8-o R. Pashley's Pauperism and poor laws, 1854, v. Kries, Die engl. Armenpflege, 1865. Въ теченіи среднихъ вѣковъ задачи положительнаго и отрицательнаго общественнаго призрѣнія строго разграничивались между собою, при чемъ задачи первой категоріи возлагались на государство, а задачи второй категоріи исполнялись церковью. (23 Edw. III, с. 7; 12 Ric. II, с. 7). Законодательство первыхъ королей изъ династіи Тюдоровъ было тоже лишь продолженіемъ этой чисто полицейской системы (St. 19 Henr. III, с. 12; 22 Henr. VIII, с. 12).

не столько закрытіемъ монастырей, сколько критическими обстоятельствами текущей минуты; какъ бы то ни было, однако, секуляризація церковныхъ имуществъ возлагала на корону нравственную обязанность взять на себя положительную сторону заботы о бѣдныхъ, такъ какъ отобраніе десятинныхъ сборовъ церковныхъ учрежденій мотивировалось именно этою цѣлью. Между тѣмъ значительная часть бывшихъ церковныхъ имуществъ была роздана королевскимъ любимцамъ или перешла въ руки частныхъ лицъ; расходы же на содержаніе бѣдныхъ ложились теперь на общину болѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ прежде, и равномѣрное распредѣленіе этихъ расходовъ снова должно было привести къ превращенію ихъ въ повинность, уплачиваемую сообразно дѣламъ каждаго.

Въ виду такого положенія дѣлъ законодательство неизмѣнно держалось однажды принятаго имъ направленія. Правда, при господствѣ аристократіи во время несовершеннолѣтія короля (Эдуарда VI), направленіе это доходитъ до крайне безчеловѣчнаго отношенія къ бѣднякамъ, которые просятъ милостыню, будучи въ состояніи работать; изданный въ это царствованіе законъ угрожаетъ нищему способному къ работѣ, наложеніемъ клейма каленымъ желѣзомъ, отдачею въ работы и, даже, смертною казнью. Но три года спустя этотъ законъ былъ отмѣненъ и на мѣсто его возстановленъ болѣе мягкій законъ Генриха VIII. На основаніи закона, изданнаго въ 6-мъ году царствованья Эдуарда VI, сборщики церковныхъ налоговъ обязаны назначать одно какое-нибудь воскресенье въ году и въ это воскресенье, тотчасъ же послѣ богослуженія, составить списокъ, въ коемъ было бы обозначено, сколько каждый изъ прихожанъ можетъ давать еженедѣльно на вспомоществованіе бѣднымъ въ предстоящемъ году». Если же кто изъ прихожанъ будетъ уклоняться отъ этого рода взносовъ, то пасторъ обязанъ «кротко увѣщать его» и т. п. Но законъ, изданный въ 5-мъ году правленія Елизаветы, для усиленія дѣйствія, ожидаемаго отъ «кроткихъ пастырскихъ увѣщаній», предписываетъ призывать провинившагося передъ ближайшею сессіею мировыхъ судей, которые, въ свою очередь, должны кротко увѣщать его; если же убѣжденія не дѣйствуютъ, судьи облагаютъ упрямца сообразнымъ съ его средствами сборомъ въ пользу бѣдныхъ, а въ случаѣ отказа взнести этотъ сборъ, заключаютъ его въ тюрьму впредь до уплаты наложенной суммы. Закономъ, изданнымъ въ 14-мъ году царствованія той же королевы, мировымъ судьямъ вообще было предоставлено право облагать обывателей, сообразно съ ихъ средствами, сборами въ пользу бѣдныхъ и, въ случаѣ нодобности, для побужденія къ исправному взносу этихъ суммъ, пускать въ ходъ угрозу тюремнымъ заключеніемъ. Но въ концѣ XVI столѣтія возрастаніе числа нищихъ по профессіи и всякаго другаго праздно-

шатающагося сброда приняло такіе угрожающіе размѣры, что обстоятельство это вызвало образованіе парламентской коммиссіи, въ составъ которой, между прочими, вошелъ и сэръ Фрэнсисъ Бэконъ; эта-то коммиссія и приступила къ разсмотрѣнію всей совокупности мѣръ, какія представлялись желательными для разрѣшенія вопросовъ объ общественной помощи бѣднымъ, объ организаціи принудительныхъ работъ, о наказаніяхъ за нищенство и бродяжничество и т. п. Къ этому времени дѣла общественнаго призрѣнія и полицейская организація успѣли уже въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній срости въ одно нерасчленимое цѣлое и образовали систему, державшуюся на четырехъ нижеслѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) полицейскія мѣры взысканія, принимаемыя противъ нищихъ и бродягъ, принудительная отдача лицъ, принадлежащихъ къ рабочему классу, въ работы, при чемъ нѣсколько позднѣе къ мѣрѣ этой присоединяется 2) устройство исправительныхъ и рабочихъ домовъ, а также пріютовъ для призрѣнія мѣстныхъ бѣдняковъ и, наконецъ, 3) система общественной благотворительности, обнимающая цѣлый приходъ [2a]). Указанная система въ результатѣ своемъ породила шесть

[2a]) Въ первоначальномъ церковномъ законодательствѣ, какъ извѣстно, употребленіе десятиннаго сбора распредѣлялось между четырьмя статьями расхода. Но въ Англіи обыкновенно этотъ сборъ дѣлится только на три части, такъ какъ содержаніе епископовъ было съ избыткомъ обезпечено изъ другихъ источниковъ. Одна треть употреблялась на fabrica ecclesiae, другая шла на бѣдныхъ, а третья на содержаніе духовенства. Вслѣдствіе этого секуляризація монастырскихъ имуществъ при Генрихѣ VIII и, еще болѣе, конфискація имуществъ корпорацій и госпиталей при Эдуардѣ VI сдѣлали весьма ощутительные пробѣлы въ бюджетѣ церкви. Впрочемъ, значеніе монастырей въ дѣлѣ оказанія помощи неимущимъ зачастую преувеличивалось съ предвзятою мыслію. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу Галламъ (Const. Hist. I. 108): безспорно, многіе бѣдные получили въ монастыряхъ пособіе; но эта система раздаванія милостыни съ завязанными глазами, усвоенная римскою церковію, скорѣе размножила нищенство, чѣмъ служила средствомъ къ уврачеванію зла, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ множества фактовъ, бьющихъ въ глаза: монастыри, разбросанные какъ попало въ различныхъ графствахъ, никоимъ образомъ не могли удовлетворять требованіямъ правильно организованнаго общественнаго призрѣнія и бѣдные, которые стучались въ ворота этихъ монастырей, съ одной стороны получали отъ нихъ средства къ поддержанію своего существованія, а съ другой стороны пріучались ими къ бродяжничеству". Церковь и монастыри, въ томъ видѣ, въ какомъ они тогда существовали, не располагали ни достаточнымъ персоналомъ, ни необходимыми денежными средствами для устройства дѣла общественнаго призрѣнія на такихъ началахъ, при которыхъ оказываемая помощь была бы не воображаемая, а дѣйствительная. Къ тому же и развитіе общества достигло уже той степени, на которой невозможно было отдѣлить дѣло общественнаго призрѣнія отъ полицейскихъ мѣръ, касавшихся бѣдныхъ. Лишь при помощи свѣтскаго законодательства и при содѣйствіи общинъ, можно было съ успѣхомъ сочетать систему чисто-полицейскихъ мѣропріятій съ мѣрами гуманной заботливости о нуждающихся; что касается полицейской системы, то она носила на себѣ лишь слишкомъ явственный отпечатокъ той жестокости, которая такъ свойственна учрежденіямъ среднихъ вѣковъ, не взирая на многія черты величія, представляемыя ими. Такъ по закону, изданному въ 27 году правленія

законовъ, находящихся въ тѣсной связи между собою и имѣвшихъ весьма важное вліяніе на общинное управленіе. Изъ этихъ законовъ къ предмету настоящаго параграфа относится лишь st. 39. Eliz. c. 3, который воспроизводитъ въ себѣ всѣ существеннѣйшія черты законодательства о бѣдныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ это послѣднее замыкается царствованіемъ Елизаветы [2b]). Изданный 4 года спустя st. 43 Eliz. c. 2, представляетъ собою лишь новую редакцію того же закона, который въ теченіи двухъ слишкомъ столѣтій регулировалъ дѣло общественнаго призрѣнія въ Англіи. Основныя черты этого главнѣйшаго закона о бѣдныхъ заключаются въ нижеслѣдующемъ:

1. Призрѣніе бѣдныхъ составляютъ общую *равномѣрно-распредѣляющуюся* обязанность всѣхъ обывателей каждаго прихода. Но бѣднякъ не имѣетъ право обращаться за помощію въ тотъ приходъ, какой ему вздумается; въ этомъ отношеніи удерживаются постановленія прежнихъ законовъ, по которымъ лица, не могущія или

Генриха VIII, праздные бродяги подлежали смертной казни въ качествѣ „felons и враговъ государства“. По закону, изданному при Эдуардѣ VI, всякій человѣкъ, способный къ работѣ, если онъ не хочетъ заняться какимъ-нибудь честнымъ промысломъ, а также не желаетъ поступать въ услуженіе, долженъ быть наказанъ, какъ бродяга, наложеніемъ клеймъ на плечахъ, отданъ въ рабство на два года первому, кто пожелаетъ его взять, при чемъ пищею ему должны служить хлѣбъ да вода; въ случаѣ бѣгства, онъ дѣлается пожизненнымъ рабомъ, а при вторичномъ бѣгствѣ подвергается смертной казни, какъ felon. Законъ этотъ, впрочемъ, былъ отмѣненъ другимъ закономъ, состоявшимся въ 3-мъ и 4-мъ году царствованія того же короля. Это не помѣшало, однако, изданію въ четырнадцатомъ году царствованія Елизаветы новаго закона, который требовалъ, чтобы разные rogues, vagabonds и безпокойные попрошайки, въ случаѣ рецидива, были предаваемы смертной казни. Всѣ эти слѣды варварства исчезли лишь послѣ того, какъ все полицейское законодательство о рабочихъ и о бѣдныхъ пришло въ болѣе стройный и прочный видъ

[2b]) Та группа постановленій, которая была издана въ 39-мъ году царствованія Елизаветы и которою замыкается законодательство эпохи по соціально-оптическимъ вопросамъ, для своего времени является мастерскимъ произведеніемъ; cap. 1 касается мѣръ, направленныхъ against the decaying of towns and houses of husbandry; cap. 2 — for the maintenance of husbandry and tillage; cap. 3—for the relief of the poor; cap. 4 — for punishment of rogues, vagabonds and sturdy beggars; cap. 5—for erecting of hospitals and working houses for the poor; cap. 6 — touching lands given to charitable uses; cap. 12 — concerning labourers. Двѣсти лѣтъ послѣдующаго парламентскаго законодательства, проникнутаго партійнымъ духомъ, не могло внести никакихъ существенныхъ улучшеній въ главнѣйшія положенія этого закона. Но изъ-за конечнаго результата, къ которому привелъ этотъ великій законодательный опытъ, критики его слишкомъ легко забывали прежде пройденныя ступени. Ламбартъ, Кокъ, Дальтонъ умалчиваютъ о прежнихъ законахъ, изданныхъ до Елизаветы, и такимъ образомъ связь исторической послѣдовательности нарушается въ ихъ изложеніи. Этимъ-то незнакомствомъ съ древнѣйшими порядками объясняется и то, что до сихъ поръ въ Англіи раздаются голоса, совѣтующіе, съ наилучшими намѣреніями, быть можетъ, но весьма необдуманно, передать дѣло призрѣнія бѣдныхъ „церкви“.

не желающія работать, силою водворяются въ томъ приходѣ, къ которому они принадлежатъ, т. е. въ которомъ они родились или прожили въ теченіи трехъ лѣтъ. Это же условіе принимается за основаніе для права приписки къ общинѣ (натурализаціи), но при этомъ принято за правило, на основаніи точнаго смысла закона, доставлять бѣднякамъ содержаніе, правда въ возможно скудныхъ размѣрахъ, на мѣстѣ временнаго ихъ пребыванія и только rogues и vagabonds препровождаются для водворенія на мѣстѣ ихъ осѣдлости [a]).

2) Для исполненія тѣхъ *личныхъ* обязанностей, которыя связаны съ дѣломъ призрѣнія бѣдныхъ, учреждается должность надсмотрщика за дѣлами общественнаго призрѣнія. Въ каждомъ приходѣ главное попечительство о бѣдныхъ возлагается прежде всего на церковныхъ старостъ, а за тѣмъ въ подмогу имъ даются два или нѣсколько Overseers of the poor, которые ежегодно назначаются мировыми судьями изъ числа наиболѣе состоятельныхъ постоянныхъ жителей данной мѣстности. Эти надсмотрщики обязаны «принимать мѣры съ цѣлью занять какой-нибудь работой всѣхъ тѣхъ лицъ, кои, не имѣя собственныхъ средствъ къ существованію, въ то же время не имѣютъ постояннаго ремесла или промысла, дозволяющаго имъ прокормить себя.» Съ упомянутою цѣлью надсмотрщики уполномочиваются «собирать денежныя суммы въ тѣхъ размѣрахъ, какіе имъ могутъ понадобиться для закупки достаточнаго запаса льна, конопли, шерсти и другихъ товаровъ или матеріаловъ, требующихся для доставленія бѣднымъ работы; разрѣшается имъ также собирать денежныя суммы, необходимыя для пособія безногимъ, слѣпымъ, дряхлымъ и неспособнымъ къ работѣ, а также для помѣщенія дѣтей въ обученье какому-нибудь ремеслу». Лицъ, отказывающихся отъ работы, надсмотрщики имѣютъ право отсылать въ рабочій домъ или въ тюрьму; наконецъ, имъ дозволяется принимать мѣры къ сооруженію особаго пріюта для тѣхъ изъ приходскихъ бѣдныхъ, которые неспособны къ работѣ [b]).

---

a) Райономъ управленія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общественнаго призрѣнія, первоначально былъ приходъ; но позднѣе законодательство эпохи реставраціи сдѣлало уступку стремленію къ обособленію, проявлявшемуся между обывателями, и предоставило заинтересованнымъ въ дѣлѣ обывателямъ дѣлить приходы на болѣе мелкія единицы и въ этихъ болѣе мелкихъ участкахъ заводить самостоятельную организацію по дѣламъ общественнаго призрѣнія, насколько это вообще окажется осуществимо.

b) *Назначенія* надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія по закону Елизаветы было предоставлено мировымъ судьямъ. Мѣра эта, должно полагать, была нововведеніемъ. Старѣйшій законъ, изданный въ 27-мъ году правленія Генриха VIII, предоставлялъ приходамъ на выборъ, либо поручать церковнымъ старостамъ дѣло вспомоществованія бѣднымъ, неспособнымъ къ работѣ, и пріі-

3) Для собиранья *денежныхъ суммъ*, необходимыхъ для вспомоществованія бѣднымъ, законъ уполномочиваетъ церковныхъ старостъ и надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія «производить раскладку упомянутыхъ суммъ, собирая слѣдующіе по раскладкѣ взносы съ каждаго обывателя, пастора, викарія и другихъ лицъ, а также съ каждаго, владѣющаго землями, домами, десятинными сборами и другими доходными статьями въ предѣлахъ прихода». Такимъ образомъ былъ учрежденъ формальнымъ, законодательнымъ порядкомъ *приходскій налогъ въ пользу бѣдныхъ*. За основу этого новаго обложенія, также какъ и въ системѣ церковной подати, введенной задолго передъ этимъ, принималась семья, какъ таковая, каждый occupier, независимо отъ того, владѣлъ ли онъ своимъ участкомъ на правѣ freehold или copyhold, на условіяхъ вѣчнаго или временнаго пользованья, или на условіяхъ найма или аренды; члены данной общины, проживающія внѣ ея, тоже привлекаются къ участію въ этихъ сборахъ и земли ихъ облагаются наравнѣ съ прочими. Такимъ образомъ былъ введенъ налогъ, захватывавшій все имущее населеніе; ему суждено было сдѣлаться вскорѣ основаніемъ всей системы общиннаго обложенія c).

исканіе занятій для такихъ, которые могутъ трудиться,—либо возлагать это дѣло на двухъ особыхъ должностныхъ лицъ, при чемъ, конечно, общинѣ предоставлялось самой и выбирать подъ своею отвѣтственностью своихъ уполномоченныхъ. Измѣненіе этого порядка, введенное въ законѣ Елизаветы, объясняется, по всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ, что путемъ назначенія надсмотрщиковъ черезъ мировыхъ судей надѣялись достигнуть большей равномѣрности и правильности въ дѣлѣ оказанія пособій нуждающимся, а также тѣмъ, что въ виду недовольства, возбуждаемаго новой повинностью, считали болѣе цѣлесообразнымъ сдѣлать такъ, чтобы назначенія на упомянутую должность исходили отъ полицейской власти и получали черезъ это большую авторитетность. Позднѣйшая практика избрала средній путь, предоставивъ собраніямъ общины право предлагать своихъ кандидатовъ и оставивъ за мировыми судьями лишь право утверждать лицъ, указываемыхъ имъ общиной.

c) Та форма, въ которой церковная подать является въ законѣ Елизаветы, совмѣщаетъ существеннѣйшія черты всѣхъ прежнихъ законодательныхъ попытокъ этого рода, но только въ ней черты эти согласованы въ болѣе правильную и равномѣрную систему. Церковь все еще сохраняла для духовенства, въ виду получаемаго ею десятиннаго сбора, обязательство удѣлять часть получаемыхъ доходовъ въ пользу бѣдныхъ. На основаніи Injunctions, изданныхъ въ 1547 и 1559 гг., „всѣ пасторы, викаріи, владѣвшіе пребендами, и другія лица духовнаго званія, получающія доходы съ своихъ приходовъ, если они не живутъ въ сказанныхъ приходахъ, разъ они получаютъ ежегоднаго дохода не менѣе 20 ф. ст., обязаны впредь раздавать бѣднѣйшимъ изъ прихожанъ или изъ другихъ обывателей той же мѣстности сороковую часть всѣхъ плодовъ и другихъ сборовъ, получаемыхъ ими съ прихода, при чемъ раздача должна производиться въ присутствіи церковныхъ старшинъ или другихъ благонадежныхъ лицъ изъ обывателей". Такимъ образомъ объясняется, почему въ числѣ лицъ, обязанныхъ платить налогъ для бѣдныхъ, упоминается имя пастора и викарія, а также почему десятинный сборъ включенъ въ перечень облагаемыхъ статей. Пока законъ Елизаветы примѣнялся въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, по которому всѣ усилія должны были преимущественно сосредоточиваться на пріисканіи „произ-

III. Въ томъ же духѣ была регулирована законодательствомъ Тюдоровъ и *дорожная и мостовая повинность*. Еще въ англо-саксонскій періодъ повинность эта считалась лежащею на обязанности общины (trinoda necessitas); въ то время для работъ по исправленію дорогъ употреблялось ополченіе, организованное еще по старой системѣ и превратившееся просто въ крестьянскій ландштурмъ. Въ теченіи норманскаго періода для побужденія обывателей къ исправному содержанію дорогъ и мостовъ были введены штрафы, взыскивавшіеся обыкновеннымъ полицейскимъ порядкомъ, въ видѣ americaments. Дальнѣйшее проведеніе дорогъ, загражденіе старыхъ путей и прокладываніе новыхъ—все это регулировалось декретами королевскаго кабинета, исходившими изъ государственной канцеляріи, writ ad quod damnum; этимъ путемъ шерифу предписывалось удостовѣриться черезъ слѣдственную коммиссію, не будетъ ли предполагаемое измѣненіе клониться къ ущербу публики. Въ программу тѣхъ предметовъ, по которымъ наводились справки во время Sheriffs tourn и Court-leet, неизмѣнно входитъ и вопросъ объ исправномъ содержаніи дорогъ и мостовъ. При этомъ выработалась весьма раціональная практика, по которой собственно дорожная повинность падала на общины мелкихъ мѣстечекъ, а сооруженіе большихъ мостовъ производилось иждивеніемъ всего графства во всей его совокупности. Такъ какъ путями сообщенія пользовались всѣ, то отсюда вытекало и обязательство для всѣхъ обывателей способствовать содержанію путей въ исправности (Coke II. Inst. 700). Таковы были начала, введенныя еще норманской администраціей и считавшіяся впослѣдствіи составною частью «обычнаго права». Санкціею, гарантировавшею соблюденіе этихъ требованій, служило право возбужденія уголовнаго преслѣдованія, присвоенное полицейской власти; дѣла этого рода возбуждались посредствомъ служебнаго донесенія (presentment), представляемаго либо въ судъ King's Bench, либо странствующему судьѣ лично, либо въ уголовныя ассизы. Въ прежнее время дѣла подобнаго рода могли, по особому уполномоченью (commissorium), разсматриваться и шерифомъ, но закономъ, изданнымъ въ 28 г. правленія Эдуарда III; у шерифовъ была отнята юрисдикція дѣлъ этой категоріи. Рядомъ съ вышеуказаннымъ порядкомъ обвиненія не возбранялось и частнымъ лицамъ возбуждать путемъ обыкновеннаго Indictement иски противъ общины, не исполнившей своихъ обязательствъ по содержанію путей сообщенія. Закономъ, изданнымъ въ 22-мъ году правленія Генриха VIII, «presentments», обращае-

---

водительнаго занятія" для бѣдныхъ, налогъ въ пользу бѣдныхъ, по видимому, оставался въ предѣлахъ довольно умѣренной цифры. По свидѣтельству Куда и Никольса онъ составлялъ въ 1650 г.—188,811 ф. ст.

мые въ генеральные съѣзды мировыхъ судей, были признаны равнозначущими съ тѣми presentments, которые направлялись въ ассизы. Наконецъ допускался уголовный искъ со стороны фискальнаго вѣдомства, которое ex officio имѣло право обращаться съ подобнымъ criminal information въ общегосударственные суды.

Всѣ эти начала были весьма удачно дополнены и упрощены законодательствомъ Тюдоровъ.

Законъ о мостахъ, изданный въ 22-мъ году царствованія Генриха VIII, возлагаетъ мостовую повинность на всѣхъ householders, независимо отъ того, обладаютъ-ли онѣ поземельною собственностью или нѣтъ, а также на всѣ земельные участки, независимо отъ того, живутъ ли ихъ владѣльцы въ графствѣ, или нѣтъ. Обременительность и нецѣлесообразность порядковъ обжалованія по этого рода дѣламъ заставила нѣсколько позднѣе при Маріи Тюдоръ учредить *новую общинную должность* Surveyor of the Highvays, которая была основана на принципѣ раздѣленія труда. На этотъ-то органъ мѣстнаго управленія возлагается обязанность непосредственно слѣдить за тѣмъ, чтобы дороги содержались въ порядкѣ и съ этою цѣлью законъ уполномочиваетъ надсмотрщика за дорогами привлекать къ натуральной повинности по починкѣ дорогъ какъ владѣльцевъ земельныхъ участковъ, такъ и каждаго владѣвшаго подводою и лошадью, а также вообще всѣхъ householders, не исключая лавочниковъ и рабочихъ, живущихъ собственнымъ хозяйствомъ. Повинность эта, состоявшая въ пѣшей или конной работѣ, отбывалась съ извѣстными, градаціями, устанавливавшимися сообразно съ размѣрами владѣемой земли. Такимъ образомъ дорожная повинность была основана на тѣхъ же началахъ, какъ и призрѣніе бѣдныхъ: округомъ для нея служилъ приходъ, надсмотрщики, какъ должностныя лица мѣстнаго управленія, избирались членами общины, на которыхъ лежала дорожная повинность, и являлись отвѣтственными представителями общины въ дѣлахъ этого рода, работа натурою, сообразовавшаяся съ размѣрами хозяйства и недвижимой собственности, мало-по-мало переходила въ денежную подать, которая опредѣлялась по той же нормѣ обложенія, какъ и налогъ въ пользу бѣдныхъ [3]).

---

[3]) Въ законѣ о дорогахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ выработанъ во 2 или 3 году царствованія Маріи Тюдоръ, повинность, лежавшая на общинѣ, распредѣлялась по слѣдующимъ ступенямъ: всякій, владѣлецъ пахатной земли одной сохѣ, обязанъ былъ поставить въ опредѣленный день и въ опредѣленное мѣсто одну телѣгу, запряженную волами, лошадьми или инымъ рабочимъ скотомъ, смотря по обычаю каждой данной мѣстности; при этомъ онъ долженъ былъ поставить двухъ вполнѣ пригодныхъ для дѣла рабочихъ и всѣ необходимые инструменты. Каждый изъ жителей прихода, владѣвшій одной подводою или одной сохою, равнымъ образомъ долженъ былъ поставить одну телѣгу и двухъ

Рука объ руку съ этими измѣненіями въ способѣ отбыванія дорожной повинности, идутъ преобразованія и въ организаціи *дорожной полиціи*. На основаніи стараго закона разслѣдованіе всѣхъ дѣлъ по нарушенію постановленій о дорогахъ и наложеніе различныхъ fines и amerciaments по дѣламъ этого рода возлагалось на courts leet. Въ случаѣ же, если бы эти послѣдніе небрежно исполняли возложенную на нихъ обязанность, мировые судьи должны были принимать такія дѣла къ разсмотрѣнію на своихъ сессіяхъ. Между тѣмъ въ силу закона, изданнаго въ 5-мъ году правленія Елизаветы, каждому оффиціальному заявленію мироваго судьи о неисправномъ состояніи дороги, присваивается значеніе «presentment», сдѣланнаго отъ лица двѣнадцати человѣкъ, и постановляется, чтобы вслѣдъ за такимъ «conviction» немедленно налагалось соотвѣтствующее взысканіе. Полицейскія постановленія о ширинѣ дорогъ и о расчисткѣ лѣсовъ имѣются уже въ Винчестерскомъ статутѣ, изданномъ въ 13 году царствованья Эдуарда I. Закономъ, изданнымъ въ 5-мъ году правленія Елизаветы постановленія эти были разработаны еще подробнѣе, а также устанавливались правила, касавшіяся осушки дорогъ, столбовъ, съ указаніемъ поворотовъ, камней, съ обозначеніемъ разстоянія отъ того или другаго пункта и устраненія различныхъ «nuisances». За исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ должны были наблюдать мировые судьи. Еще Винчестерскимъ статутомъ было постановлено, чтобы констабли представляли періодическіе отчеты о состояніи дорогъ. Позднѣе обязанность эта была возложена на особыхъ дорожныхъ надсмотрщиковъ.

Нѣсколько иначе слагались порядки, касавшіеся водяныхъ путей сообщенія. Въ постановленіяхъ, издававшихся въ различныя вре-

---

рабочихъ; по требованію надсмотрщика лица эти, взамѣнъ телѣги, должны были ставить еще двухъ рабочихъ. Что-же касается остальныхъ жителей прихода, какъ-то: hauseholders, cottagers и labourers, то всѣ они, если только не служили годовыми рабочими у другаго лица, обязаны были являться на работу лично, или ставить вмѣсто себя другаго рабочаго. Люди средняго состоянія (т. е. имѣвшіе 40 шиллинговъ поземельнаго дохода или на 5 фунтовъ стерлинговъ движимой собственности) обязывались ставить двухъ рабочихъ (законъ, изданный въ 18-мъ году царствованія Елизаветы). И такъ, основою дорожной повинности служила натуральная повинность. Въ силу постановленій, изданныхъ въ 5 и 29 годахъ правленія Елизаветы, для исправленія дорогъ назначались мировыми судьями шесть рабочихъ дней въ году Но въ случаѣ, еслибы того количества рабочихъ силъ, которое опредѣлено въ законѣ, оказалось недостаточно, обстоятельство это не ограждаетъ общину отъ обвиненія въ неисправномъ содержаніи дорогъ, такъ какъ законодательныя постановленія считаются изданными лишь in aid of the common law. (Dalton Juctice, c. 26). А потому въ случаяхъ такого рода полагается назначеніе добавочныхъ платежей.

мена по этому предмету, замѣчается извѣстная однородность общаго ихъ характера. Правила, касавшіяся гаваней и судоходства, состояли въ связи съ особой организаціей такъ-называемыхъ пяти портовыхъ городовъ. При Елизаветѣ былъ изданъ регламентъ относительно маяковъ и лоцманской части и, въ то же время, образовались привиллегированныя корпораціи для завѣдыванія тѣмъ и другимъ дѣломъ, такъ какъ права и обязанности этого рода неудобно было связать съ мѣстными обывательскими союзами. Нѣчто подобное вышеописаннымъ учрежденіямъ представляли корпораціи, завѣдывавшія содержаніемъ плотинъ; эти корпораціи, по мѣрѣ надобности, образовывались изъ заинтересованныхъ лицъ. Подобныя commissions of sewers существовали еще въ средніе вѣка; въ 23-мъ году царствованія Генриха VIII имъ была придана болѣе тщательно разработанная организація, въ которой, однако, былъ сохраненъ духъ старыхъ учрежденій этого рода [3а]).

IV. Вышеописанными учрежденіями была придана **окончательная** *организація какъ общинамъ, такъ и системѣ общинныхъ налоговъ*. Въ организаціи этой замѣчаются слѣдующія три главныя черты:

Предѣлами общины считается приходъ, который все болѣе и болѣе отодвигаетъ на задній планъ старыя дѣленія на Tithings и Townships, а также утратившую свое прежнее значеніе должность констабля. Должностныя лица, завѣдующія призрѣніемъ бѣдныхъ и путями сообщенія, налогами въ пользу бѣдныхъ и на исправленіе дорогъ,—вотъ что отнынѣ становится связующимъ звеномъ между церковной общиной и свѣтскимъ государствомъ. За-

---

[3а]) Эти „comissions of sewers“ были организованы на началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя были положены въ основаніе дорожной повинности. Сохраненіе плотинъ въ исправномъ состояніи является условіемъ, увеличивающимъ цѣнность даннаго участка и въ этомъ дѣлѣ заинтересована не совокупность обывателей извѣстной мѣстности, образующая общину, а то лицо, которому принадлежитъ участокъ. Поэтому расходы на поддержаніе плотинъ, такъ-называемые sewers rates, возлагаются закономъ на землевладѣльца, а не распредѣляются наравнѣ съ остальными общинными налогами, между лицами, проживающими на данной землѣ и имѣющими ее только во временномъ своемъ пользованіи,—такъ-называемыми occupiers (законъ, изданный въ 6-мъ году царствованія Генриха VI). Полномочія, требующіяся для завѣдыванія этимъ дѣломъ, выдаются посредствомъ королевской commission. Члены этой commission образуютъ изъ себя court of record, слѣдовательно пользуются дискреціоннымъ правомъ налагать взысканія и приводить въ исполненіе свои рѣшенія; въ дѣйствіяхъ своихъ они руководились, смотря по обстоятельствамъ, или простымъ осмотромъ мѣстности или рѣшеніемъ присяжныхъ, или по обычаямъ, издавна установившимся въ корнораціяхъ, завѣдывавшихъ плотинами, или же по собственному усмотрѣнію (discretion) и соображаясь съ потребностями минуты. Одновременно съ этимъ, въ рукахъ коммиссіи сосредоточивается и полицейская власть по дѣламъ, касающимся плотинныхъ сооруженій, и она опредѣляетъ наказанія суммарнымъ способомъ.

тѣмъ, *въ системѣ мѣстныхъ должностей* намѣренно устанавливается связь между церковными старшинами и надсмотрщиками за дѣлами общественнаго призрѣнія, связь эта служитъ фактическимъ выраженіемъ того принципа, что церковь не есть нѣчто отдѣльное отъ государства. Въ церковныхъ дѣлахъ церковные старосты подчинены духовной власти, а въ дѣлахъ, касающихся бѣдныхъ—свѣтской полицейской власти (мировымъ судьямъ)—при чемъ они, однакоже, въ правахъ и обязанностяхъ уравнены съ надсмотрщиками за дѣлами общественнаго призрѣнія. Рядомъ съ правомъ мировыхъ судей назначать этихъ надсмотрщиковъ, сохраняется право общины избирать церковныхъ старшинъ. Право общины назначать налоги въ пользу церкви и право лицъ, завѣдующихъ дѣлами общественнаго призрѣнія назначать налоги въ пользу бѣдныхъ дѣйствуютъ взаимно умѣряющимъ образомъ, такъ какъ между тѣми и другими сборами необходимо установить соотвѣтствіе по обоюдному соглашенію. Къ этой организаціи, въ видѣ, впрочемъ, побочныхъ факторовъ, примыкаютъ надсмотрщики за дорогами и констабли.

Общинные налоги съ этой эпохи пріобрѣтаютъ чрезвычайное значеніе. Въ средніе вѣка, пока значительная часть рабочихъ классовъ не составляла самостоятельныхъ хозяйствъ, требованья, предъявляемыя общинѣ, были очень немногосложны. Средневѣковая общинная жизнь слагалась къ тому же изъ такихъ отправленій, въ которыхъ преобладающую роль играли личная служба и повинности натурою (милиція, суды, полиція, пути сообщенія). Но въ новой общинной организаціи вводится денежное хозяйство. Правда, церковная подать все еще нерѣдко назначалась самымъ патріархальнымъ образомъ въ видѣ сборовъ на извѣстныя отдѣльныя цѣли, при чемъ населеніе облагалось поголовно взносомъ въ одинъ пенни съ души и т. п., но налогъ для бѣдныхъ уже представлялъ весьма значительную, правильно распредѣленную подать, взысканіе которой производилось особыми должностными лицами. Точно также обстояло дѣло и со сборами на сооруженіе мостовъ. Дорожная повинность хотя и отбывалась еще натурою, но въ отбываньи ея участвовали, собственно говоря, тѣ же разряды обывателей, какъ и въ вышепоименованныхъ налогахъ, а именно: землевладѣльцы и лица, проживающія на чужихъ земляхъ въ качествѣ простыхъ occupiers. Такимъ образомъ, типомъ всѣхъ общинныхъ налоговъ становится такая система обложенія, при которой за податную единицу принимается отдѣльное хозяйство, а мѣриломъ обложенія служитъ the visible profitable property in the Parish. Нѣкоторыя уклоненія отъ этой системы, существовавшія въ церковныхъ налогахъ, въ дорожной повинности и во взносахъ на полицейскіе расходы, не шли въ счетъ, какъ

потому, что уклоненія эти были весьма незначительны, такъ и потому, что устранить ихъ можно было лишь при помощи процедуры, сложность которой не соотвѣтствовала важности дѣла. Налогъ на бѣдныхъ, во всякомъ случаѣ, могъ считаться нормою, а всѣ остальныя повинности являлись лишь придаткомъ или дополненіемъ къ нему. Стремленіе къ аналогичности принциповъ въ законахъ, удобства, представляемыя упрощеніемъ въ способѣ раскладки, привычка, постепенно усваиваемая плательщиками налоговъ, сосредоточеніе главнаго завѣдыванія дѣломъ въ рукахъ высшей инстанціи, представляемой мировыми судьями, все это, вмѣстѣ взятое, способствовало постепенному видоизмѣненію всѣхъ мѣстныхъ налоговъ по образцу налога для бѣдныхъ.

Многосложныя эти обязанности, надавшія на общину, вносили въ жизнь послѣдней значительную долю активности и были стимуломъ, побуждавшимъ ее вырабатывать въ своей средѣ новыя учрежденія— коммиссіи, составлявшіяся изъ выборныхъ членовъ общины и завѣдывавшія различными общинными дѣлами. Коммиссіи для раскладки повинностей, такъ-называемые Commitees of assessment, существовали еще въ средніе вѣка. Въ разсматриваемую нами эпоху къ нимъ присоединяются еще Commitees of jurats, т. е. коммиссіи изъ 4 или 8 присяжныхъ третейскихъ судей, которыя избираются для улаженія споровъ, возникающихъ между сосѣдями. Въ историческихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ, неоднократно упоминается также объ учрежденіи, которое изображаетъ изъ себя нѣчто въ родѣ совѣта, управляющаго текущими дѣлами общины. Учрежденіе это носитъ названіе committee of assistance и состоитъ изъ 13 членовъ, которые выбираются изъ среды лицъ, занимавшихъ до этого должность церковныхъ старшинъ, или констаблей; впослѣдствіи изъ тѣхъ-же лицъ образуются такъ-называемыя select vestries.

Изъ этой-то общей системы новаго управленія вырабатывается нѣсколько позднѣе право на изданіе *мѣстныхъ обязательныхъ постановленій* bye laws, первоначальнымъ источникомъ котораго служила практика старинныхъ courts leet. Разъ община принимала на себя расходы на извѣстныя общеполезныя цѣли, признаваемыя законодательствомъ, какъ напримѣръ церковные расходы, или разъ на нее были возложены самимъ закономъ извѣстныя обязанности, какъ-то: содержаніе дорогъ или призрѣніе бѣдныхъ,—то ей необходимо было предоставить и полномочія для изданія распоряженій, способствующихъ наилучшему исполненію этихъ обязанностей. Поэтому судебная практика уже въ ранній періодъ признавала обязательность постановленій, принятыхъ большинствомъ: Byelaws for the repa-

ration of the church or a highway, or any such thing which is for the general good of the public. Coke 5 Reports p. 63a. Но при этомъ ограничительнымъ условіемъ ставилось, чтобы сборы назначались не иначе, какъ для цѣлей, разрѣшаемыхъ закономъ, или для такихъ, которыя имѣли свое оправданіе въ изстари установившемся обычаѣ и въ косвенномъ признаніи ихъ законодательствомъ; требовалось также, чтобы постановленія, издаваемыя общиной, отнюдь не шли въ разрѣзъ съ общими законами страны [4]).

Совокупностью всѣхъ этихъ условій опредѣлялось положеніе *общиннаго собранія* такъ-называемой vestry. Законнымъ правомъ подавать свое мнѣніе члены общины пользовались только въ вопросахъ, касавшихся церковнаго налога, что объясняется самымъ происхожденіемъ этого рода сборовъ. Сюда присоединилось другое, тождественное ему по происхожденію право, а именно: право избирать церковныхъ старшинъ, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, ко-

---

[4]) Весьма замѣчательное изслѣдованіе организаціи прихода мы находимъ у Тульмина Смита, который съ любовью занялся историческимъ возстановленіемъ всѣхъ особенностей приходской организаціи, успѣвшей уже въ XVIII столѣтіи придти почти въ полный упадокъ. (The Parish, its Powers and Obligations at Law. London. 1857. 8) Историческія заслуги изслѣдованья Смита не умаляются односторонностью многихъ юридическихъ воззрѣній автора; эти послѣднія объясняются реакціей противъ общепринятаго пренебрежительнаго отношенія къ общинной жизни и противъ крайностей новѣйшей централизаціи. Въ числѣ упомянутыхъ ошибочныхъ воззрѣній особенно бросается въ глаза то чрезмѣрное значеніе, которое авторъ придаетъ общинной автономіи. Право издавать обязательныя постановленія и облагать своихъ членовъ налогами въ англійскихъ общинахъ существовало лишь въ предѣлахъ тѣхъ цѣлей и тѣхъ отраслей дѣятельности, которыя возлагались закономъ на общину. Тѣ цитаты, которыя приводитъ Смитъ, относятся, если ихъ разсмотрѣть во взаимной ихъ связи, къ старинному праву общины распредѣлять въ своей средѣ по своему усмотрѣнію какъ наложенные на нее полицейскіе штрафы, такъ и субсидіи, вотированныя въ парламентѣ. (Smith. 552, 563). Чрезвычайный интересъ представляетъ въ этомъ изслѣдованіи описаніе различныхъ коммиссій, возникавшихъ въ средѣ общинъ по мѣрѣ надобности: Committee of Jurats, 229, Committee of Assistance 229, Committee of Watch and ward 230, Committee for Assessment 230, Committee for raising and distributing poor relief, for audit (т. е. для провѣрки отчетовъ) for destruction of vermin (для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ) 230. Съ многотруднымъ дѣломъ этого общиннаго управленія были связаны также различныя мѣстныя празднества, о которыхъ епископъ Батскій, въ своемъ донесеніи отъ 5 ноября 1663 г. пишетъ, что по мнѣнію его приходскаго духовенства празднества эти необходимо сохранить, такъ какъ они служатъ напоминовеніемъ о дняхъ освященія церквей, цивилизуютъ народъ, доставляютъ ему отдыхъ отъ трудовъ, способствуютъ прекращенію споровъ и раздоровъ, усиливаютъ чувства любви и доброжелательства, побуждаютъ къ дѣламъ благотворительности, приносятъ пользу бѣднымъ и достигаютъ многихъ другихъ полезныхъ результатовъ. (Smith 499, 500). Такія церковныя, судебныя и т. п. празднества, соотвѣтствовавшія тѣмъ, которыя у нѣмецкихъ крестьянъ были извѣстны подъ названіемъ „Kindelbier“, назывались въ англійскихъ общинахъ Ales; такъ, напримѣръ, существовали Bridge-Ales, Church-Alers, Clerk-Ales, Give-Ales, Lamb-Ales, Leet-Ales, Midsummer-Ales, Scot-Ales, Withsun-Ales и другія.

торое было даровано общинамъ закономъ, изданнымъ въ царствованіе Маріи Тюдоръ. Какъ естественное дополненіе возникло право общины *предлагать кандидатовъ* на должность надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія. Право предлагать или избирать констаблей по установившемуся изстари обычаю принадлежало прежнимъ courts leet, но это право вытекало изъ особой привиллегіи, обнимало иной кругъ лицъ, чѣмъ тотъ, который входилъ въ составъ прихода, и съ пятнадцатаго столѣтія начало приходить въ упадокъ. При такихъ обстоятельствахъ, понятнымъ образомъ, не могло возникнуть принципіально признаннаго права общинъ на избраніе констаблей. Между тѣмъ, естественный ходъ вещей велъ къ тому, что многіе вопросы мѣстнаго управленія предлагались должностными лицами на обсужденіе общины, хотя они по закону и не обязаны были это дѣлать. Начиная съ воцаренія Стюартовъ, развитіе описанныхъ основныхъ началъ общиннаго управленія идетъ въ различныхъ мѣстностяхъ весьма различно. Тамъ гдѣ имѣется классъ болѣе состоятельныхъ арендаторовъ или мелкихъ землевладѣльцевъ въ сельскихъ приходахъ и горожанъ-хлѣбопашцевъ въ городскихъ приходахъ, общинныя собранія, происходящія съ участіемъ всѣхъ членовъ общины, такъ-называемыя open vestries, занимаются еще довольно дѣятельно общинными дѣлами. Въ другихъ же мѣстностяхъ активное участіе въ мѣстномъ управленіи принималъ лишь изстари существовавшій комитетъ или административный совѣтъ, въ составъ котораго входили бывшіе констабли и надсмотрщики за дѣлами общественнаго призрѣнія; въ случаѣ надобности, совѣтъ этотъ легко могъ дополнять свой составъ привлеченіемъ въ свою среду новыхъ членовъ путемъ кооперації. Нѣсколько десятилѣтій спустя, учрежденіе это, носившее названіе select vestry, получило уже характеръ установившагося обычая. Наконецъ, были и такія мѣстности, въ которыхъ все сводилось на ежегодное назначеніе и избраніе должностныхъ лицъ. Такое различіе порядковъ обусловливалось не столько политическими соображеніями, сколько мѣстными потребностями, привычками и удобствами.

V. Преобразованная такимъ образомъ община вступаетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ *окружнымъ полицейскимъ управленіемъ*. въ особенности съ институтомъ *мировыхъ судей*, а черезъ этихъ послѣднихъ и съ центральнымъ управленіемъ.

Тотчасъ-же вслѣдъ за устройствомъ приходскаго управленія, законодательство позаботилось о томъ, чтобы создать *высшую инстанцію* какъ для дѣлъ, касающихся общинныхъ повинностей, такъ и для дѣлъ управленія.

Въ области налоговъ наиболѣе полный контроль былъ учрежденъ

надъ налогомъ для бѣдныхъ. Налогъ этотъ долженъ быть утверждаемъ, по представленію надсмотрщиковъ за призрѣніемъ бѣдныхъ, двумя мировыми судьями. Въ случаѣ, еслибы приходъ оказался не въ состояніи содержать своихъ бѣдныхъ, другое мѣстечко въ предѣлахъ той-же сотни можетъ быть привлечено по постановленію двухъ мировыхъ судей къ пополненію недостающей суммы; если-же это и окажется недостаточнымъ, то періодическій съѣздъ мировыхъ судей, происходящій черезъ каждые три мѣсяца, можетъ обложить налогомъ «для воспособленія» какое-нибудь мѣстечко въ предѣлахъ графства. На тѣхъ-же четвертьгодичныхъ съѣздахъ мировыхъ судей разсматриваются жалобы на несправедливое обложеніе. Распоряженія о продажѣ имущества несостоятельныхъ плательщиковъ должны исходить отъ лица двухъ мировыхъ судей. Равнымъ образомъ, двое мировыхъ судей принимаютъ отчеты надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія по истеченіи срока ихъ службы и, въ случаѣ надобности, понуждаютъ плательщиковъ къ уплатѣ слѣдующихъ съ нихъ взносовъ, налагая съ этою цѣлью запрещеніе на ихъ имущество; жалобы на такого рода распоряженія могутъ быть подаваемы въ четвертьгодичные съѣзды мировыхъ судей графства. Съѣзды мировыхъ судей облагаютъ также приходы, соразмѣрно съ ихъ средствами, взносами въ пользу наиболѣе нуждающихся лицъ, находящихся въ тюрьмахъ и больницахъ. Наконецъ, мировые-же судьи издаютъ постановленія, такъ-называемыя orders, для разрѣшенія споровъ, возникающихъ между различными приходскими попечительствами о бѣдныхъ по вопросамъ о правѣ приписки къ той или другой мѣстности, о водвореніи бѣдныхъ на прежнее мѣсто жительство и о возмѣщеніи понесенныхъ расходовъ. Въ дѣлахъ, касающихся путей сообщенія, мировые судьи назначаютъ рабочіе дни, требующіеся для исправленія дорогъ, разрѣшаютъ жалобы, возникающія по поводу этой повинности, а впослѣдствіи назначаютъ и дополнительные денежные сборы на починку дорогъ, придерживаясь при этомъ нормы, установленной для налога въ пользу бѣдныхъ. Денежные сборы на починку мостовъ назначаются прямо съѣздами мировыхъ судей, происходящими черезъ каждые три мѣсяца.

Въ томъ, что касается *контроля надъ дѣйствіемъ должностныхъ лицъ*, то контроль этотъ выражается въ слѣдующихъ формахъ. Назначеніе на должность overseers of the poor производятся двумя мировыми судьями. Точно также двое мировыхъ судей слѣдятъ за тѣмъ, чтобы эти должностныя лица ежемѣсячно являлись на засѣданія и ежегодно представляли свои отчеты. За нарушеніе перваго изъ упомянутыхъ требованій они облагаютъ ихъ денежнымъ штрафомъ, а за нарушеніе втораго подвергаютъ тюремному заклю-

ченію. Работы, назначенныя для приходскихъ бѣдныхъ надсмотрщиками, должны быть утверждаемы двумя мировыми судьями. Точно также требуется письменное распоряженіе отъ имени двухъ мировыхъ судей для задержанія бѣдныхъ съ подчиненіемъ ихъ принудительной работѣ, для принудительной отдачи дѣтей въ обученіе какому-нибудь мастерству и для понужденія отцовъ незаконнорожденныхъ дѣтей или родственниковъ, на которыхъ падаетъ обязанность заботиться о прокормленіи безпомощныхъ бѣдняковъ. Мировые судьи, въ случаяхъ крайней необходимости, могутъ дѣлать распоряженія о немедленной выдачѣ пособій нуждающимся. Они съ помощью дисциплинарныхъ взысканій понуждаютъ констаблей и надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія къ точному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей. Наконецъ, четвертьгодичные съѣзды мировыхъ судей являются общею аппеляціонною инстанціей для жалобъ «всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя считаютъ себя обиженными какимъ-нибудь дѣйствіемъ или упущеніемъ со стороны церковныхъ старостъ или надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія». (43 Eliz. c. 2, § 6). По отношенію къ надсмотрщикамъ за дорогами, которые въ этотъ періодъ еще избираются общиной, съѣзды мировыхъ судей и единичные мировые судьи служатъ контролирующей инстанціей, которая наблюдаетъ за исполненіемъ дорожнаго регламента и разрѣшаетъ на своихъ собраніяхъ возникающіе въ этой области юридическіе вопросы.

Завѣдыванье мостами графства возложено непосредственно на четвертьгодичные съѣзды мировыхъ судей. Подчиненіе констеблей мировымъ съѣздамъ и обязанность являться на эти послѣдніе для подачи заявленій по дѣламъ своей службы (presentments) и отчетовъ о состояніи дорогъ, вытекали еще изъ старой полицейской организаціи. По мѣрѣ того, какъ старинные Courts leet приходили въ упадокъ, назначеніе констаблей переходило постепенно къ мировымъ судьямъ, а право назначать лицъ на эту должность повлекло за собою на практикѣ и право увольненія отъ должности. Такъ-называемые coroners въ силу закона, изданнаго въ 1-мъ году царствованья Генриха VIII, были подчинены дисциплинарной юрисдикціи мировыхъ судовъ. Одни церковные старшины сохраняли нѣкоторую самостоятельность относительно мировыхъ судей и подчинялись имъ лишь въ качествѣ приходскихъ попечителей о бѣдныхъ.

Такимъ образомъ весь персоналъ общинныхъ должностныхъ лицъ былъ поставленъ въ строго подчиненныя отношенія къ мировымъ судьямъ. Но рядомъ съ этимъ *сами мировые судьи были подчинены центральному управленію и черезъ это устанавливалось единство управленія*, техника котораго въ государствахъ континентальной Европы выработалась нѣсколько позднѣе съ образованіемъ государ-

ственнаго совѣта и цѣлой «системы правительственныхъ учрежденій» въ провинціяхъ и округахъ. Полицейскій механизмъ, въ особенности все, касающееся ремесленной, рабочей полиціи и общественной тишины и спокойствія, система государственныхъ и общественныхъ налоговъ, организація милиціи и остальныхъ важнѣйшихъ отраслей свѣтскаго управленія — все это въ описываемый нами періодъ было уже обстоятельно регулировано законодательствомъ и королевскими декретами и совѣтники короны считались отвѣтственными передъ королемъ и парламентомъ за сохраненіе и практическое осуществленіе этой административной системы. Королевскому Privy Council и его уполномоченнымъ необходимо было доставить средства для управленія страною согласно съ этими законами. Въ виду такой необходимости при короляхъ изъ дома Тюдоръ была выработана цѣлая система *административнаго контроля* надъ всѣми тремя отраслями управленія, преобразованнаго въ вышеописанномъ направленіи. Она состояла въ нижеслѣдующемъ.

1. *Весь персоналъ* мировыхъ судей, шерифовъ и коммиссаровъ при милиціи, а черезъ нихъ и констабли вмѣстѣ съ прочими должностными лицами приходскаго управленія были подчинены *дисциплинарно-карательной власти*, которая дѣйствовала, опираясь на право отставлять отъ должности всѣхъ упомянутыхъ чиновниковъ, такъ какъ всѣ лица, состоявшія на государственной службѣ, отъ государственнаго канцлера и до послѣдняго деревенскаго старосты, были смѣняемы и занимали свою должности лишь до тѣхъ поръ, пока то будетъ угородно королю (durante bene placito). Независимо отъ этого существовало еще право суммарныхъ дисциплинарныхъ взысканій, которое вело свое начало отъ норманскаго періода и отъ котораго короли съ тѣхъ поръ никогда не отказывались. Въ предшествующій періодъ право это примѣнялось даже къ членамъ общегосударственныхъ судовъ, и лишь постепенно съ упроченіемъ понятія о несмѣняемости судейскаго званія вывелось изъ употребленія относительно членовъ коронныхъ судовъ. Странствующіе же судьи и позднѣе мировые судьи, замѣнившіе ихъ въ роли custodes pacis et justiciarii, были подчинены и подавно этого рода суммарному правосудію. Поэтому, когда въ 3-мъ году царствованія Генриха VII закономъ о Звѣздной палатѣ былъ учрежденъ комитетъ изъ нѣсколькихъ членовъ королевскаго совѣта и комитету этому была предоставлена карательная власть въ дѣлахъ, касающихся злоупотребленій по службѣ, такая мѣра была лишь формальнымъ указаніемъ порядка, существовавшаго уже до этого. Подобное же значеніе имѣло и воззваніе, съ которымъ Генрихъ VII въ 4-мъ году своего царствованья обратился къ мировымъ судьямъ, убѣждая ихъ въ энергич-

ныхъ выраженіяхъ добросовѣстно исполнять возложенныя на нихъ обязанности подъ страхомъ навлечь на себя тяжскій его гнѣвъ и грозя въ случаѣ какихъ-либо неправильныхъ дѣйствій съ ихъ стороны немедленною отставкою и карами за ослушаніе. Если на дѣлѣ эта карательная власть примѣнялась, сравнительно говоря, довольно рѣдко, то это объясняется тѣмъ, что уже одно право отрѣшенія отъ должности давало въ руки правительства достаточно дѣйствительное орудіе противъ злоупотребленій.

2. Изъ самаго положенія мировыхъ судей, какъ делегатовъ королевской власти по дѣламъ судебнымъ и касающимся общественнаго порядка, вытекала необходимость такой инстанціи, которая представляла бы собою надзоръ центральнаго правительства за существомъ orders и precepts, исходящими отъ мировыхъ судей. Подобно тому, какъ дѣйствія странствующихъ судей были съ самаго начала подчинены контролю высшаго правительства, такъ и теперь подразумѣвалось, что полномочія мировыхъ судей дѣйствительны лишь подъ условіемъ постояннаго вмѣшательства королевскаго правительства supplendi et corrigendi causa, при чемъ такое вмѣшательство могло исходить или отъ постояннаго королевскаго совѣта (Privy Council), или же отъ кабинета короля. Изъ этого же положенія дѣлъ для должностныхъ лицъ, имѣвшихъ полномочія по дѣламъ мѣстнаго управленія, вытекало обязательство представлять отчеты о своихъ дѣйствіяхъ (certiorari facias) и исполнять повелѣнія, непосредственно исходящія отъ королевскаго двора. Равнымъ образомъ странствующимъ судьямъ на ассизахъ, какъ верховнымъ Custodes pacis и представителямъ общегосударственныхъ судовъ (за каковыхъ они считались, начиная съ царствованья Генриха VI), было представлено право снабжать мировыхъ судей инструкціями, дѣлать имъ замѣчанія и, даже, угрожать имъ отставкою, чѣмъ они и пользовались весьма нерѣдко. Поводы къ примѣненію этой контролирующей власти представлялись оченъ часто, благодаря пристрастію и деморализаціи, господствовавшимъ среди поколѣнія, которое выросло въ эпоху битвъ между партіями Алой и Бѣлой Розы и продолжало жить въ эпоху партійной борьбы изъ-за реформаціи. Предложенія, вносимыя въ парламентъ съ цѣлью устранить административныя злоупотребленія и ошибки, могли имѣть дальнѣйшій ходъ лишь благодаря той контролирующей власти, которою пользовался король и королевскій совѣтъ по отношенію къ дѣятельности мировыхъ судей, шерифовъ и мѣстныхъ учрежденій.

3. Этотъ высшій правительственный надзоръ за ходомъ управленія по необходимости принимаетъ двоякій юридическій характеръ: независимо отъ контроля, практикумаго по собственному почину власти,

онъ служитъ и *апелляціонной инстанціей для защиты подданныхъ*, какъ скоро къ нему обращаются съ жалобами тѣ или другія корпораціи и частныя лица. Тѣ безчисленныя петиціи, съ которыии частныя лица обращались къ королю, къ королевскому совѣту или парламенту, были основаны именно на томъ предположеніи, что король и его совѣтъ могутъ и обязаны противупоставлять свое вмѣшательство corrigendi causa различнымъ orders и другимъ мѣропріятіямъ, исходящимъ отъ мѣстныхъ властей въ графствахъ и ихъ подраздѣленіяхъ. Существованіе административной высшей инстанціи является непремѣннымъ условіемъ для успѣшной дѣятельности парламента по устраненію злоупотребленій и непорядковъ, возбуждающихъ недовольство въ странѣ. Поэтому-то, хотя историки того времени и парламенты жалуются на жестокость и пристрастный характеръ нѣкоторыхъ мѣропріятій королевскаго совѣта, тѣмъ не менѣе въ принципѣ они далеки отъ того, чтобъ возставать противъ этихъ контролирующихъ полномочій, которыми пользовалась королевская власть во времена Тюдоровъ [5]).

Изъ описаннаго нами строя всей системы управленія, отъ сельской общины до звѣздной палаты и кабинета короля включи-

---

[5]) Новѣйшіе историки, въ особенности Галламъ, впали въ весьма серьозную по своимъ послѣдствіямъ ошибку, утверждая, что дѣятельность королевскаго совѣта въ качествѣ контролирующей, аппелляціонной и дисциплинарно-карающей инстанціи, была съ его стороны лишь злоупотребленіемъ и превышеніемъ власти. Историки, парламенты и юристы описываемаго нами періода совсѣмъ не раздѣляли этого воззрѣнія, основаннаго скорѣе на смѣшеніи порядковъ предыдущаго періода съ тѣми, которые господствовали въ XVII столѣтіи. Когда лордъ Кокъ (4 Inst. 17) говоритъ, что подъ „наказаніемъ“, которымъ законъ Генриха VII грозитъ мировымъ судьямъ за ослушаніе, слѣдуетъ разумѣть наказаніе, налагаемое не иначе, какъ съ соблюденіемъ обыкновенной судебной процедуры,—то это мнѣніе выражаетъ не болѣе, какъ личное благое пожеланіе почтеннаго верховнаго судьи; понудить королевскій совѣтъ къ исполненію такого желанія онъ не имѣлъ никакой возможности и не было примѣра, чтобы совѣтъ уступилъ подобнаго рода взглядамъ. Лишь ко вступленію на престолъ династіи Стюартовъ, послѣ того, какъ королевская власть ознаменовала себя цѣлымъ рядомъ злоупотребленій, положеніе дѣлъ измѣняется. Съ одной стороны значеніе королевскаго совѣта (министерства) какъ контролирующей и аппелляціонной инстанціи, почти совершенно утрачивается (см. ниже, § 45); съ другой стороны рядомъ съ признаніемъ неотвѣтственности присяжныхъ за принимаемыя ими рѣшенія, вырабатывается и сознаніе необходимости обезпечить независимое положеніе какъ судьямъ коронныхъ судовъ, такъ и мировымъ судьямъ, посколько обязанности послѣднихъ сопряжены съ отправленіемъ правосудія. Тульминъ Смитъ развиваетъ этотъ взглядъ еще дальше и доходитъ въ своемъ черезмѣрномъ мѣстномъ патріотизмѣ до того, что считаетъ по отношенію къ приходу чуть не узурпаціей общинной автономіи всякій контроль со стороны судей, королевскаго совѣта, парламента, и, даже, парламентскаго законодательства вообще, съ негодованіемъ противупоставляя этотъ „ложный парламентаризмъ“ доброму старому common law. Какъ будто современное государство мыслимо безъ законовъ, регулирующихъ управленіе страною и какъ будто такіе законы могутъ обходиться безъ системы серьознаго контроля, обезпечивающей ихъ исполненіе.

тельно, вытекаетъ, что организація постоянныхъ общегосударственныхъ судовъ могла гарантировать права частныхъ лицъ лишь въ предѣлахъ извѣстнаго, довольно тѣснаго круга отношеній, что личная воля короля и королевскаго совѣта, представляемая звѣздной палатой, могла съ одной стороны въ значительной степени предотвращать неправосудіе и пристрастный образъ дѣйствій, но съ другой стороны и сама порождала то и другое, какъ скоро королевскія полномочія переходили въ руки, не умѣвшія пользоваться ими согласно съ началами истиннаго монархизма, что̀ случилось послѣ смерти Елизаветы. Вотъ почему лишь съ воцареніемъ Стюартовъ парламентъ начинаетъ стремиться къ ограниченію правъ административнаго контроля. Съ другой стороны очевидно, что судебная независимость, будучи присвоена почетнымъ членамъ мѣстнаго selfgovernement, входящимъ въ составъ послѣдняго, благодаря имущественному своему положенію, заключаетъ въ себѣ элементъ силы, обезпечивающій успѣхъ въ дѣлѣ сопротивленія деспотическому правительству. Наконецъ мало-по-малу выяснился и тотъ фактъ, что именно сплоченность, которую общинная организація придала низшимъ классамъ населенія, какъ членамъ церковной и общегосударственной организаціи, воспитали въ нихъ мужественный духъ, сдѣлавшій ихъ способными выйти побѣдителями изъ наставшей вслѣдъ за тѣмъ конституціонной борьбы противъ абсолютизма въ церкви и государствѣ.

Періодъ пятый.

Стюарты и конституціонная борьба.

Іаковъ I . . . . . 1603—1625.
Карлъ I . . . . . 1625—1649.
Республика . . . . . 1649—1660.
Карлъ II . . . . . 1660—1665.
Іаковъ II . . . . . 1665—1688.

§ 33.

Раздвоеніе въ государственной организаціи *).

Англійская реформація сдѣлала королевскую власть единственной наслѣдницей всего достоянія папской власти. Если съ одной стороны

---

*) Источники и литература, относящіеся къ періоду Стюартовъ, такъ богаты, что затрудненіе можетъ быть развѣ только въ выборѣ матеріала. По части *законодательныхъ актовъ*, относящихся къ этому времени, мы имѣемъ the Statutes of the Realm, Vol. IVa. V. VI. VIIa. Дополненіемъ къ этимъ томамъ въ томъ, что касается періода республики, могутъ служить: Acts and Ordinances during the Usurpation from 1640 to 1656, by Henry Scobell. London, 1658 fol. *Парламентскія пренія* приведены въ довольно подробныхъ извлеченіяхъ у Парри, Parliaments. 1839. Стр. 240—603. Между трудами *историковъ*, разрабатывавшихъ этотъ періодъ, на первомъ планѣ стоятъ въ настоящее время блистательная History of England Маколея и трудъ Галлама: Constitutional History. Vol. I. II. По обилію историческаго матеріала особеннаго вниманія заслуживаетъ Rushworth, Historical Collections from James I to the death of Charles I (1659—и до 1701). Вопросы государственнаго права, возникшіе въ періодъ революціи, разсматриваются въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Clarendon, the History of the Rebellion. Oxf. 1705. Bas. 1798. Brodie, Constitutional History of the British Empire from the accession of Charles the I to the Restauration, etc. Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, Histoire de la République d'Angleterre и многія другія. Слѣдуетъ упомянуть также о книгѣ Дальмана: Englische Revolution. О внѣшней политикѣ Англіи за этотъ періодъ наиболѣе подробныя указанія можно найти у Ранке: Englische Geschichte. Bd. I — VII. О политическихъ памфлетахъ Прайна, Сельдена, Брэди и другихъ см. у Роберта фонъ Моля: Die Litteratur der Staatswissenschaft, Bd. I. S. 325—330. II S. 70, 80. Особенно интересныя указанія по этому предмету мы находимъ у Сэра Роберта Туиздена, Certain Considerations upon the Guvernement of England, editedby I. M. Kemble, London 1849. 4°. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій заслуживаютъ упоминовенія нижеслѣдующія: I. Langton Lanford, Illustrations of the Great Rebellion. London 1858. Vaughan, Revolutions in English Histor. Vol. III. 1863.

избавленіе отъ иноземнаго владычества италіанскаго первосвященника,—владычества, противъ котораго борьба велась издавна,—представляло весьма важный шагъ впередъ на пути къ освобожденію умовъ, то съ другой стороны этотъ же шагъ угрожалъ серьозными опасностями тому государственному устройству, которое успѣло выработаться въ Англіи. Тотъ разладъ, который такъ долго и такъ глубоко волновалъ средневѣковой міръ, теперь былъ внесенъ въ самыя нѣдра государственной организаціи. До этого разграничительная черта между церковью и государствомъ оберегалась національнымъ соперничествомъ; но послѣ реформаціи грань между тою и другою областью пала, такъ какъ обѣ они слились въ лицѣ верховнаго главы церкви и государства. Тѣ два направленія человѣческаго духа, которыя до сихъ поръ воплощались съ одной стороны въ церкви, съ другой стороны въ государствѣ, теперь стали элементами внутренняго противорѣчія въ самомъ государствѣ.

Народы западной Европы въ теченіи цѣлой тысячи лѣтъ жили въ томъ убѣжденіи, что можетъ существовать только *одна* церковь; но поколѣніе, жившее въ тотъ періодъ, который мы теперь разсматриваемъ, вело ожесточенный споръ о томъ, какая же церковь должна считаться истинною, католическо-христіанскою. Возможность равноправности между различными вѣроисповѣданіями, или хотя-бы простой терпимости для всѣхъ исповѣданій въ предѣлахъ одного и того же государства, совершенно не входило въ понятія того времени, да въ сущности такой возможности и не могло существовать, пока каждая церковь разсматривала бракъ и всѣ важнѣйшія основы личнаго и семейнаго права, а также общественное образованіе и безчисленное множество другихъ правовыхъ отношеній гражданской жизни дѣломъ, подлежащимъ ея законамъ и управленію, и считала себя въ правѣ дѣйствовать въ области этихъ отношеній принудительно, при чемъ она, какъ и всякая другая государственная власть, должна была оставаться единою и нераздѣльною.

Римско-католическая церковь, повсюду, гдѣ преобладаніе было за нею, отстаивала свою власть огнемъ и мечемъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи церковь эта успѣла заново укрѣпить свое могущество серьозными преобразованіями внутренняго своего строя и сильными союзами извнѣ. Папа и континентальные государи агитировали противъ англійской короны и ея главенства въ церковныхъ дѣлахъ, посылая съ этою цѣлью своихъ эмиссаровъ, организуя заговоры и разрѣшая подданныхъ отъ присяги на вѣрность королю. Съ такими противниками нельзя было бороться орудіемъ терпимости. Воспоминанія о парижской кровавой свадьбѣ и объ испанскомъ владычествѣ въ Нидерландахъ дѣлали терпимость, основанную на отвлеченныхъ

принципахъ, невозможною въ шестнадцатомъ столѣтіи. Англійская королевская власть могла оградить и упрочить существованіе національной церкви не иначе, какъ объявивъ ее единственно истинною церковью передъ Богомъ и правильною передъ лицомъ людскаго закона; большее соотвѣтствіе новаго вѣроисповѣданья съ началами христіанства могло проявляться лишь въ томъ, что королевская власть умѣреннѣе и человѣколюбивѣе пользовалась своимъ правомъ понужденія.

Но уже во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія начинаются раздоры *въ нѣдрахъ самой реформаціи*. Идея просто національной церкви съ безразличными догматами оказалась въ царствованіе Маріи Кровожадной вполнѣ несостоятельной. Сама королевская власть должна была убѣдиться, что новое дѣло безъ внутренней вѣры не будетъ прочно и что во многихъ частяхъ страны населеніе еще не понимаетъ сущности реформаціи. Поэтому, не взирая на серьозныя опасенія, которыя внушало подобное средство, пришлось взяться за то оружіе, которое собственно и было главнымъ оружіемъ реформаціи,—разрѣшить чтеніе библіи. Результатомъ этого было то, что народъ началъ толковать библію, такъ долго остававшуюся для него запретнымъ плодомъ, съ тѣмъ своеобразнымъ предубѣжденіемъ, «съ какимъ англійское жюри обыкновенно относится къ такому доказательству, которое одна изъ тяжущихся сторонъ пытается устранить во время судебныхъ преній». Какъ скоро дѣло дошло до толкованія и изслѣдованія библіи, такъ начались и сомнѣнія въ авторитетѣ *новой іерархіи*. Немедленно послѣ догматической реформаціи, провозглашенной при Эдуардѣ VI, начались раздоры между болѣе умѣренными приверженцами реформаціи, которые удовлетворялись вѣроученіемъ и литургіей въ томъ видѣ, въ какомъ та и другая были установлены властями, и тѣми болѣе суровыми послѣдователями новаго ученія, которые развивали его въ духѣ Цвингли и Кальвина. Произошло нѣчто однородное съ тѣмъ споромъ, который велся между лютеранами и реформатами и несогласія эти поддерживались соприкосновеніемъ англійскаго протестантизма съ протестантскимъ духовенствомъ континента. Само правительство дало толчекъ критицизму въ области религіозныхъ вопросовъ, предавши католическую церковь на общее посмѣяніе за ея чудеса, мощи и процедуру отпущенія грѣховъ. Послѣ того, какъ чтеніе Библіи было разрѣшено, къ тому недовѣрію, которое возбуждали учителя церкви, облеченные оффиціальнымъ авторитетомъ, присоединялось еще возбуждающее вліяніе самостоятельнаго изысканія истины, а также то стремленіе къ личной самостоятельности, которое составляетъ черту національнаго характера англичанъ. Оба

эти фактора привели къ тому убѣжденію, что одно священное писаніе совершенно достаточно не только въ дѣлахъ вѣры, но и для внѣшней дисциплины и формъ богопочитанія, и что каждая единичная личность имѣетъ право толковать священное писаніе по собственному усмотрѣнію и по внушенію своей совѣсти.

Между тѣмъ изъ этихъ взглядовъ естественно вытекало, какъ дальнѣйшій выводъ, отрицаніе законности конвокаціи и обязательной силы такъ-называемыхъ «Canones», а черезъ это споръ переносился уже въ область государственныхъ вопросовъ. Весьма воспріимчивую почву для этой оппозиціи, которая отводила личности болѣе почетное положеніе, представляли именно тѣ классы, которые въ ту эпоху стремились выбиться изъ своего подчиненнаго положенія, а именно такъ-называемое Yeomanry, извѣстная часть Gentry и главнымъ образомъ та часть низшаго духовенства, которая получила богословское образованіе. Какъ и всегда, религіозныя представленія разныхъ классовъ общества находились въ тѣсной связи съ ихъ соціальными взглядами и смотря по тому, каковы были эти послѣдніе, диссентерство слагалось то въ пресвитеріанскій идеалъ церковной организаціи, то въ болѣе радикальныя ученія позднѣйшихъ пуританъ, то, наконецъ, въ ученіе индепендентовъ, которые отрицаютъ церковь, какъ учрежденіе, а духовенство хотятъ низвести на положеніе должностныхъ лицъ, избираемыхъ общиной и вполнѣ зависимыхъ отъ избирателей, отъ которыхъ они получили свои полномочія. При Елизаветѣ всѣ эти различныя направленія проявлялись лишь спорадически и среди довольно малочисленныхъ группъ населенія; но и тутъ уже они давали о себѣ знать попытками образовать новыя секты, противузаконными религіозными митингами, столкновеніями между паствою и оффиціально назначеннымъ приходскимъ духовенствомъ и спорами между самими членами общины; но всего рѣзче сказывалось это разногласіе въ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ уклоненіяхъ отъ установленнаго образца, которыя встрѣчались во внѣшнемъ устройствѣ храмовъ и въ формахъ богослуженія.

Елизавета, смотрѣвшая на эти явленія съ точки зрѣнія государственной церкви, рѣшила положить конецъ всѣмъ, наиболѣе выдающимся уклоненіямъ въ церковной службѣ, принять мѣры противъ религіозныхъ митинговъ, отрѣшить отъ должности духовныхъ, примкнувшихъ къ диссентерству, и строго преслѣдовать печатные памфлеты, написанные въ рѣзкомъ тонѣ. Но именно эти-то мѣры и заставили всѣхъ искренно убѣжденныхъ людей оказать противодѣйствіе королевской власти. Картрайтъ въ своихъ смѣлыхъ тезисахъ теперь доходилъ до того, что возставалъ противъ самаго принципа королевскаго гла-

венства въ церковныхъ дѣлахъ. «Церковные вопросы, говорилъ онъ, должны разрѣшаться служителями церкви и духовенству должно быть предоставлено право придерживаться тѣхъ или другихъ церковныхъ порядковъ или обрядовъ, не испрашивая на то согласія власти». За этой оппозиціей, безспорно, нельзя не признать извѣстную долю справедливости, если принять во вниманіе характеръ англійской реформаціи, чисто внѣшній въ исходной ея точкѣ и остававшійся долгое время столь же внѣшнимъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Но Елизавета, въ тѣхъ мѣрахъ, которыя она принимала для подавленія возникшей оппозиціи, руководилась какъ соображеніями государственнаго интереса, такъ и религіознаго своего чувства. При той популярности, которою она пользовалась лично, а также благодаря тому, что разногласіе относительно существенныхъ догматовъ вѣры было весьма незначительно, указанная нами сторона оппозиціоннаго движенія не имѣла рѣшающаго вліянія [1]).

Между тѣмъ различныя направленія реформаціи, не взирая на постоянные раздоры ихъ между собою, оставались единодушны въ стремленіи создать національную церковь, а слѣдовательно, были единодушны и въ ненависти своей къ «папистамъ», на которыхъ проснувшееся національное чувство смотрѣло теперь какъ на измѣнниковъ своему отечеству, державшихъ сторону чужеземнаго владыки. О томъ, какъ бы дѣйствовалъ парламентъ, если-бы былъ предоставленъ самому себѣ, мы можемъ судить по нѣкоторымъ отдѣльнымъ крупнымъ мѣрамъ, принятымъ имъ по собственному почину, а также по тѣмъ непрерывнымъ жалобамъ, которыя раздавались въ его

---

[1]) Многіе историки, писавшіе объ этомъ періодѣ характеризуя отношенія королевской власти въ протестантской оппозиціи, недостаточно принимали въ разсчетъ условія того времени. Если-бы англійская національная церковь руководилась современными нами началами широкой терпимости, то она оказалась бы безоружной и безпомощной передъ грозною силою Рима. Церковь не можетъ обходиться безъ единства внѣшней организаціи даже въ томъ случаѣ, если кругъ ея дѣятельности съуженъ государственною властью и ограничивается заботою о церковныхъ школахъ и о религіозномъ назиданіи паствы. А послѣ того, какъ римская церковь раздвинула сферу своего вліянія далеко за эти предѣлы и превратилась въ замкнутую государственную систему, улучшенная церковная организація съ своей стороны тоже могла упрочить свое положеніе, лишь создавъ церковную іерархію и обезпечивъ за собою церковныя имущества; для достиженія такой цѣли недостаточно было возстановить условія внутренней, духовной жизни въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ первые вѣка христіанства—идеалъ, который постоянно имѣла въ виду протестантская оппозиція. На континентѣ реформація тоже была вынуждена выйти изъ области внутреннихъ стремленій духа на поприще внѣшней дѣятельности и озаботиться созданіемъ учрежденій, которыя были различны, смотря по тому, каковъ былъ государственный строй данной страны, но которыя вездѣ сохраняли тѣсную связь съ государственнымъ. Елизавета старалась установить равновѣсіе между двумя направленіями, изъ которыхъ каждое грѣшило односторонностью. И дѣйствительно, ей удалось создать это равновѣсіе, которое въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій предохраняло церковь и государство отъ новыхъ столкновеній.

средѣ на послабленія правительства папизму. Правительство съ своей стороны дѣлало все, что могло, какъ законодательнымъ, такъ и административнымъ путемъ, для подавленія католицизма. Тѣмъ не менѣе, начиная съ царствованія Елизаветы и до Іакова II, не было ни одного періода, когда энергія правительственныхъ мѣропріятій въ томъ отношеніи удовлетворила-бы требованія парламента и общественнаго мнѣнія. Всѣ настаивали на крутыхъ мѣрахъ: пресвитеріанцы находили, что недостаточно преслѣдуютъ католиковъ; приверженцы епископальной церкви требовали большей строгости какъ относительно католиковъ, такъ и относительно пресвитеріанцевъ. Всѣ были готовы одобрять всевозможныя превышенія власти со стороны правительства, посколько такой образъ дѣйствій наносилъ удары противной партіи.

Въ этой-то области государственной дѣятельности впервые выяснилось, что съ реформаціей королевская власть стала въ *новое самостоятельное положеніе*, что главенство въ церковныхъ дѣлахъ измѣнило значеніе королевской прерогативы подобно тому, какъ въ Германіи такъ-называемое jus reformandi измѣнило положеніе государей. Въ области церковныхъ дѣлъ, король является самодержавнымъ владыкой, управляющимъ посредствомъ персонала назначаемыхъ имъ должностныхъ лицъ; въ области же свѣтскаго управленія онъ не болѣе, какъ конституціонный государь и имѣетъ дѣло съ парламентами, постановляющими рѣшенія по государственнымъ дѣламъ и съ самостоятельными Communitates. Но правительство, выступившее на правахъ неограниченной власти въ сферѣ церковныхъ дѣлъ, которымъ до сихъ поръ предавалось значеніе высшей жизненной функціи, естественнымъ образомъ было склонно стремиться къ тому, чтобы и въ свѣтскихъ дѣлахъ освободить себя отъ необходимости сообразоваться съ рѣшеніями лордовъ и общинъ. Такъ какъ всякая государственная власть носитъ въ самой себѣ склонность въ объединенію своихъ началъ, то и въ англійскомъ правительствѣ стало теперь проявляться несомнѣнными признаками стремленіе устроить государственное управленіе по образцу церковнаго.

Среди этихъ условій Елизавета заняла свое положеніе съ такою рѣшительностью и опредѣленностью, которая не оставляла мѣста никакимъ недоразумѣніямъ. Ея правительство, опираясь на королевскій совѣтъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ является послѣдовательнымъ принципу королевскаго верховенства въ церковныхъ дѣлахъ. Законъ объ этомъ верховенствѣ отдалъ все церковное законодательство и церковный судъ въ распоряженіе королевской власти. Духовная присяга на вѣрность королю равно обязательна для всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не исключая второстепенныхъ и низшихъ чиновниковъ. Такъ-называе-

мые Uniformity Acts вводятъ строгое единообразіе богослуженія и церковной дисциплины во всемъ королевствѣ. Послѣдующее законодательство цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ мѣръ стремиться сломить возникающее сопротивленіе во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ оно проявляется [1a]). Эти мѣры носятъ характеръ постепенно усиливающейся строгости по отношенію къ обѣимъ сторонамъ оппозиціи; онѣ нерѣдко отличались суровостью по отношенію къ единичнымъ личностямъ, но въ нихъ не было нарушенія формальнаго права; послѣднее, даже въ процессѣ Маріи Стюартъ, который былъ вызванъ исключительно политическими соображеніями, было на сторонѣ Елизаветы. Но Елизавета въ то же время умѣла столь же строго соблюдать и конституціонныя *границы* своей власти. Она знала, что ея верховенство въ военныхъ, судебныхъ, полицейскихъ

[1a]) Хорошо ли дѣлала Елизавета, что съ такою строгостью преслѣдовала въ своихъ Injunctions ту оппозиціонную группу, которая оставалась вѣрна королевской власти въ свѣтскихъ дѣлахъ и въ своихъ вѣроученіяхъ стояла на той же почвѣ, какъ и государственная церковь? Нельзя-ли было нѣкоторою уступчивостью относительно умѣренныхъ предложеній, высказанныхъ въ палатѣ общинъ 1584 г., смягчить до извѣстной степени грозившее столкновеніе? По этому вопросу мнѣнія самихъ министровъ королевы расходились. Между тѣмъ примѣръ Шотландіи не могъ предрасполагать королеву къ принятію того взгляда, который стоялъ за бо́льшую мягкость въ церковныхъ дѣлахъ, какъ за лучшее средство обезпечить міръ и согласіе. Среди самихъ диссидентовъ энергическая и мужественная борьба противъ заблужденій считалась обязательною для всякаго, кто глубоко убѣжденъ въ истинности исповѣдуемаго имъ ученія. Еще менѣе можно было игнорировать энергичное сопротивленіе римско-католической церкви, которая съ помощью іезуитовъ успѣла навербовать себѣ многочисленныхъ союзниковъ между католическими государями Европы. По этому-то даже протестантская оппозиція отнюдь не отрицала необходимости для англійской церкви дружно сомкнуться противъ внѣшняго врага. Оппозиція требовала не религіозной терпимости, а признанія ея идеала церковной организаціи *единственнымъ, имѣющимъ право на существованіе*; добившись этого признанія, она и съ своей стороны стала требовать единообразія государственной церкви. Замѣчательнымъ выраженіемъ наибольшей высоты, до которой могли подняться взгляды того времени, служитъ сочиненіе Гукера, цитируемое Галламомъ (Ecclesiastical Politic, 1594). Даже Картрайтъ, въ своей энергичной оппозиціи противъ государственной церкви, требуетъ, чтобы правительство наказывало атеистовъ и папистовъ, если они отказываются внимать проповѣдуемому имъ слову Божію. Если бы Елизавета предоставила полную свободу дѣйствія диссидентамъ своего времени, то изъ этого навѣрное возникла бы лишь раздвоенная система церковной организаціи, отличающаяся еще большею нетерпимостью. То была бы „церковь апостолическихъ временъ“ съ еще болѣе строгими правилами въ дѣлахъ церковной дисциплины и обрядовъ. Позднѣйшій успѣхъ оппозиціи лишь подтверждаетъ такое предположеніе. Нельзя сказать, что Елизавета была неправа, когда она писала Фердинанду, что „не можетъ оказать терпимость тѣмъ, которые уклонились отъ ея вѣроисповѣданія; что это было бы противно законамъ ея парламента, посѣяло бы разномысліе среди ея націи, дало бы пищу раздорамъ партій и повлекло бы за собою нарушенія тишины и спокойствія въ государствѣ“. Нужно было по меньшей мѣрѣ еще одно поколѣніе для того, чтобы государственная церковь, послѣ событій, ознаменовавшихъ царствованіе католической Маріи, пріобрѣла необходимую устойчивость и успѣла-бы пустить корни въ нравахъ и учрежденіяхъ Англіи.

и финансовыхъ дѣлахъ уже нельзя болѣе отдѣлить отъ законно пріобрѣтеннаго, конституціоннаго участія имущихъ классовъ въ этихъ дѣлахъ. Она никогда не упускала изъ виду, что ея собственныя права на корону основаны на свѣтскомъ законодательствѣ и на признаніи парламента. Что же касается ея божественнаго призванія, въ которомъ она была глубоко убѣждена и о которомъ она любила говорить, то она считала, что оно вполнѣ согласимо съ особымъ характеромъ ея свѣтской власти. Новыя полномочія, пріобрѣтенныя королевскою властью, она умѣла сочетать съ правами парламента при помощи слѣдующихъ пріемовъ: 1) Въ законодательствѣ о внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ она оставляла инициативу за собою и за своимъ духовенствомъ. 2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковная распря требовала расширенныхъ административныхъ полномочій, она обращалась къ парламенту за утвержденіемъ послѣднихъ. 3) Во время войны или внутреннихъ смутъ въ странѣ она издавала собственною властью повелѣнія, облекавшія тѣхъ или другихъ лицъ чрезвычайными полномочіями и иногда даже освобождала своихъ чиновниковъ отъ обязательства соблюдать существующіе законы; но къ такого рода мѣрамъ она прибѣгала съ большой осмотрительностью и лишь въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ даже парламенты XVIII вѣка не отказались бы утвердить заднимъ числомъ сдѣланное отступленіе отъ конституціоннаго порядка. Предоставленіе самой себѣ законодательной инициативы въ церковныхъ дѣлахъ она оправдывала тѣмъ, что измѣненія въ предметахъ, касающихся вѣры, не должны зависѣть отъ рѣшеній большинства и что парламентъ въ этой области не имѣетъ никакихъ традиціонныхъ правъ, на которыя онъ могъ бы ссылаться.

Но такова уже была сущность этой системы государственнаго управленія, что образъ дѣйствій, котораго придерживалась королева, не могъ вполнѣ удовлетворять многихъ изъ ея приближенныхъ. Въ средѣ королевскаго совѣта уже при Елизаветѣ раздавались голоса, утверждавшіе, что рядомъ съ обыкновенною прерогативою королевской власти, существуетъ еще «верховный суверенитетъ», который иногда даже прямо называли абсолютною властію и изъ котораго выводили законность чрезвычайныхъ мѣропріятій въ чрезвычайныхъ критическихъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ чиновники по профессіи были слишкомъ склонны видѣть въ каждомъ препятствіи, на которое наталкивались та или другая правительственная мѣра, чрезвычайное и критическое обстоятельство, въ которомъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ прибѣгнуть къ верховному суверенитету. Еще дальше заходили эти воззрѣнія среди должностныхъ лицъ новой церковной организаціи. Епископы, превратившіеся теперь въ простыхъ уполномоченныхъ королевской власти, утратили свою прежнюю, сослов-

ную самостоятельность. Высшая ихъ инстанція, такъ-называемая High Commission Court, стала теперь чисто бюрократическимъ учрежденіемъ, въ которомъ духовенство, какъ сословіе, не имѣло ни права голоса, ни права контроля, и которое располагало дисциплинарною карательною властью, служившею нѣкотораго рода дополненіемъ къ полномочіямъ звѣздной палаты. Система подобныхъ бюрократическихъ учрежденій раскинулась и далѣе, по всей странѣ, въ видѣ большихъ провинціальныхъ совѣтовъ. Всѣ эти учрежденія заимствовали какъ формы управленія, такъ и руководящія правила, отъ своего церковнаго прототипа, построеннаго, какъ мы уже видѣли, на началахъ абсолютнаго, бюрократическаго государства. Понятно, что среди этой новой администраціи должны были выработаться и новыя юридическія понятія. Между тѣмъ какъ въ Германіи изъ новыхъ юридическихъ воззрѣній возникаетъ современное бюрократическое государство, въ Англіи, наоборотъ, существующія уже бюрократическія учрежденія порождаютъ новые юридическіе взгляды. Эти-то новые взгляды совпали съ давнишнимъ соперничествомъ, существовавшимъ между парламентомъ и духовенствомъ и съ весьма понятнымъ нежеланіемъ духовенства подчиняться парламентамъ, въ которыхъ все зависѣло отъ измѣнчиваго численнаго соотношенія между партіями. При ежедневныхъ соприкосновеніяхъ между дѣлами свѣтской и духовной администраціи юридическое представленіе о верховномъ главѣ церкви само собою распространялось и на отношенія короля къ парламенту и свѣтскому государству. Въ средніе вѣка учрежденія вырабатывались не путемъ отвлеченнаго разсужденія, а согласно съ существовавшими въ то время интересами, установившимися традиціями и чувствомъ справедливости; но въ разсматриваемый нами періодъ впервые появляются теоретическія системы королевскаго права, основанныя преимущественно на богословскихъ взглядахъ и богословской аргументаціи. Собранія духовенства въ обѣихъ палатахъ конвокаціи становятся отнынѣ центромъ, изъ котораго преимущественно и исходятъ абсолютистскія ученія. Прошло еще нѣсколько десятилѣтій и клерикальные взгляды на власть успѣли ясно сформулироваться въ канонахъ конвокаціи, собиравшейся въ 606, при чемъ, однако же, отъ опубликованія этихъ каноновъ воздержались. Тезисы, выработанные на упомянутомъ собраніи духовенства, начинаются съ того, что разсматриваютъ происхожденіе правительствъ въ средѣ людскихъ обществъ и выводятъ начало правительства изъ семейно-патріархальныхъ порядковъ и изъ быта, изображеннаго въ ветхомъ завѣтѣ. «Въ тѣ золотые дни, «говорится далѣе въ канонахъ,» обязанности государя и священника являлись по-истинѣ прирожденными прерогативами. И такъ было до тѣхъ поръ, пока людская испорченность не по-

влекла за собою узурпацію и не помутила чистыя воды, струившіяся изъ первоначальнаго источника, примѣсью тины, которую она внесла съ своей стороны въ потокъ, такъ что мы теперь вынуждены оглядываться назадъ во мракъ временъ для отысканія права, которое мы уже не можемъ связать съ первородствомъ». Изъ этихъ положеній каноны выводятъ обязанность безусловнаго повиновенія волѣ короля и за тѣмъ продолжаютъ въ слѣдующемъ тонѣ: «И такъ, власть короля исходитъ отъ Бога, власть же парламентовъ исходитъ лишь отъ людей и была достигнута, быть можетъ, путемъ возмущенія. Но какое же право можетъ вытекать изъ возмущенія? Или, если мы даже предположимъ, что власть парламента произошла путемъ добровольной уступки, спрашивается, могъ ли король отчуждать то, что было ему даровано Богомъ, и нарушать порядокъ, установленный Промысломъ? Могли ли его уступки, если бы даже онѣ не были сами по себѣ лишены всякой дѣйствительной силы, имѣть какое-нибудь обязательное значеніе для его потомковъ, которые, подобно ему самому, были лишь наслѣдниками леннаго владѣнія въ великой вассальной системѣ мірозданія?» [2]).

---

[1]) Новыя государственныя воззрѣнія, проповѣдуемыя такъ-называемой высокой церковью, и взгляды пуританской оппозиціи представляли два противуположные полюса. Генрихъ VIII и Елизавета сохранили епископство не потому, чтобы смотрѣли на него, какъ на o r d o, освященное свыше, а просто потому, что видѣли въ немъ привычный органъ церковнаго управленія, доказавшій свою пригодность на практикѣ. Но послѣ того, какъ епископство сдѣлалось предметомъ жестокихъ нападеній со стороны пуританъ, епископы въ отвѣтъ на эти нападенія стали ссылаться на то, что „они поставлены свыше“. Они перенесли борьбу на собственную почву пуританъ, противуполагая свое jus divinum тому, на которое ссылались ихъ противники, и черезъ это стали въ нѣсколько болѣе самостоятельное положеніе относительно гражданской власти. Вообще епископы вовсе не были расположены оставаться навсегда простымъ орудіемъ правительства. Чѣмъ болѣе государственная церковь сознавала свое положеніе упроченнымъ, тѣмъ независимѣе держалась она относительно свѣтской власти и тѣмъ сильнѣе пробуждались въ ней воспоминанія о томъ положеніи, которое церковь занимала когда-то. Но цѣли, которую себѣ намѣтило такимъ образомъ духовенство, при существующихъ условіяхъ можно было достигнуть лишь согласовавъ божественное происхожденіе епископства съ тѣмъ фактомъ, что епископы назначались королевскою властью. Со времени вступленія Стюартовъ на престолъ независимости церкви угрожали не столько короли, сколько парламенты. Между тѣмъ, клерикально-абсолютистская теорія коренилась во всѣ времена въ той роли, которую духовенство играло въ качествѣ наставниковъ и учителей. Привычка поучать мірянъ въ предметахъ не отъ міра сего порождаетъ склонность поучать ихъ и въ земныхъ вопросахъ, въ области которыхъ міряне способны ничуть не хуже духовенства, и даже лучше его, распознавать то, что справедливо и отличать добро отъ зла. Требованіе, чтобы государственная власть была „христіанскимъ правительствомъ“ имѣетъ свое основаніе, если подъ нимъ разумѣть требованіе, чтобы правительство въ своихъ дѣйствіяхъ руководилось нравственными заповѣдями христіанства, которыя для всѣхъ церквей одинаковы и которыя должны жить какъ въ монархѣ, такъ и въ слугахъ государства, насколько и тотъ, и другіе—члены своей церкви. Но это еще отнюдь не означаетъ, чтобы персоналъ духовенства той или другой церкви долженъ

Участь королевской власти и конституціи страны зависѣла отъ того, какъ будетъ относиться къ этимъ теоріямъ та династія, которая въ началѣ XVII столѣтія вступила на престолъ. Если съ одной стороны англійская реформація, начавшись чисто внѣшними измѣненіями, перешла затѣмъ въ умы населенія, то, съ другой стороны, той духовной борьбѣ, которая велась между пуританизмомъ и системой высокой церкви, суждено было снова перенестись на почву свѣтскаго государства. Сами короли изъ дома Стюартовъ, ставъ на сторону одного изъ этихъ крайнихъ направленій, довели противоположную сторону до того, что она низвергла королевскую власть. Реформація, какъ внѣшнее измѣненіе церковнаго устройства, началась въ шестнадцатомъ столѣтіи, а какъ измѣненіе государственной конституціи она завершается въ XVII столѣтіи. Споры объ основныхъ догматахъ христіанства, а также о пресуществленіи никогда не принимали

былъ играть господствующую и руководящую роль въ государственныхъ дѣлахъ, внося въ нихъ свои партійные и имущественные интересы и разсчеты своего властолюбія. Много поучительнаго въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ воззрѣнія на упомянутый вопросъ, которыя съ самаго начала парламентовъ высказывались при открытіи большихъ парламентскихъ сессій, въ разгаръ ожесточенной борьбы между партіями и среди революціонныхъ переворотовъ (подробности о происходившемъ на подобныхъ сессіяхъ приведены у Стеббса—изъ періода среднихъ вѣковъ и у Фроуда—изъ эпохи Стюартовъ). Въ этихъ парламентскихъ заявленіяхъ самымъ настоятельнымъ образомъ напоминалось духовенству, чтобы оно въ своихъ политическихъ рѣчахъ не сходило съ почвы христіанской этики и не принимало непосредственнаго участія въ борьбѣ партій изъ-за конституціонныхъ вопросовъ дня. Когда церковную оппозицію обвиняли въ томъ, что она имѣетъ политическую подкладку, то упрекъ этотъ всего болѣе былъ примѣнимъ къ государственной церкви, въ которой ревность къ священному дѣлу церкви въ описываемый нами періодъ перешла въ ревностную защиту свѣтской власти того, кто былъ верховнымъ главою церкви. Такъ же, какъ и у нѣмецкихъ правительственныхъ чиновниковъ, здѣсь тоже подъ избыткомъ усердія, съ которымъ отстаивалась власть государя, таилось желаніе увеличить значеніе собственнаго сословія. Чисто-абсолютистскіе взгляды на королевскую власть стали высказываться въ печати тотчасъ же по воцареніи Іакова I. Такъ, Cowell's Interpreter (1607), подъ рубрикой „Король“, содержитъ въ себѣ слѣдующее мѣсто: „Онъ (король) поставленъ абсолютною своею властью выше закона и хотя онъ, въ видахъ болѣе удовлетворительнаго и равномѣрнаго хода законодательныхъ дѣлъ, и допускаетъ всѣ три сословія до совѣщаній объ этихъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе, на это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на актъ королевской милости, а не какъ на ограниченіе королевской власти. И хотя онъ при коронованіи и даетъ клятву не измѣнять законы своей страны, онъ все же, не взирая на эту клятву, можетъ измѣнять или объявлять временно недѣйствительнымъ всякій законъ, который онъ находитъ вреднымъ для блага государства.“ Въ параграфѣ о парламентѣ въ томъ же сочиненіи говорится, что король стоитъ выше парламента, другими словами, выше положительно выраженныхъ законовъ своей страны, потому что „иначе онъ не былъ бы абсолютнымъ монархомъ“. Въ виду сильнаго недовольства, которое подобныя заявленія вызвали въ парламентѣ, Іаковъ I былъ вынужденъ издать повелѣніе, запрещавшее эту книгу. О дальнѣйшемъ развитіи клерикально-абсолютистскихъ теорій, въ послѣдующемъ поколѣніи, о канонахъ 1640 г. и о сочиненіи Фильмера см. ниже, примѣчаніе главы 34.

въ Англіи особенно ожесточеннаго характера. Нѣсколько большимъ оживленіемъ отличается тотъ споръ, который ведется на почвѣ литургіи и церковныхъ обрядовъ. Но наибольшую страстность, склонную переходить даже въ насиліе, мы замѣчаемъ въ спорахъ о конституціонныхъ вопросахъ и о предѣлахъ власти, другими словами, въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ на одной сторонѣ стоитъ самоуправленіе церкви и общины, а на другой—королевское главенство въ церковныхъ дѣлахъ и High Commission Court, и гдѣ стремленія низшаго духовенства сталкиваются со стремленіями епископовъ. Англійскому народу тоже суждено было извѣдать бѣдствія междоусобной войны изъ-за религіозныхъ вопросовъ; но именно страстности и насиліямъ сектъ англійская церковь обязана тѣмъ, что вполнѣ выработала внутреннее свое содержаніе, которое въ нѣмецкой реформаціи имѣлось съ самаго начала.

---

§ 34.

Борьба королевской власти, опирающейся на Jus divinum съ сословіями.

Таково было напряженное положеніе дѣлъ при вступленіи Стюартовъ на престолъ. Именно въ эту эпоху во всѣхъ государствахъ континентальной Европы конституціи, основанныя на представительствѣ сословій, приходили въ упадокъ. Если Англія избѣгла подобнаго же результата, то коренная причина этого лежала не въ личныхъ качествахъ Стюартовъ, не въ отсутствіи постоянной арміи, а въ равноправности и сплоченности сословій, въ самоуправленіи и въ прочномъ устройствѣ тѣхъ низшихъ учрежденій, которыя служили базисомъ для англійской конституціи. Во Франціи королямъ приходилось еще создавать «государство» и «націю» при помощи личной своей власти; въ Германіи абсолютизмъ государей имѣлъ дѣло съ разрозненностью сословныхъ правъ и его задачею было слить эти права въ какое ни на есть единство. Въ обѣихъ странахъ все содержаніе исторіи и все величіе королевской власти сводились на борьбу съ феодальнымъ землевладѣніемъ, которое въ Англіи утратило свое значеніе еще во время норманскаго періода. Англія прошла черезъ фазисъ абсолютизма еще на сравнительно низшей ступени развитія, въ XI и XII столѣтіяхъ. Усиленіе королевской власти при Тюдорахъ было вызвано лишь смутами XV столѣтія и единственнымъ назначеніемъ этой усиленной власти было—осуществленіе національ-

ныхъ задачъ реформаціи. Послѣ того, какъ эта цѣль была достигнута, англійская королевская власть все же уцѣлѣла и осталась самостоятельною силою. Она была однимъ изъ краеугольныхъ камней конституціи, наслѣдственной носительницей верховныхъ правительственныхъ полномочій, источникомъ, изъ котораго истекали всѣ права высшихъ сословій; при этомъ на ней лежали великія обязанности, какъ на защитницѣ крестьянскаго сословія и городовъ въ ихъ стремленіяхъ занять болѣе высокую ступень въ государственной организаціи; еще важнѣе была падавшая на нее задача поднять благосостояніе рабочаго класса и уровень духовной жизни націи; наконецъ, въ области внѣшней политики, ей выпала великая роль защитницы протестантизма въ Европѣ, которому въ тотъ моментъ угрожала серьозная опасность.

Но короли изъ дома Стюартовъ не съумѣли понять ни одной изъ этихъ задачъ. До сихъ поръ въ исторіи Англіи и между представителями королевской власти замѣчалось изъ поколѣнія въ поколѣніе приблизительно правильное чередованіе способностей и бездарности; но тутъ цѣлая династія, въ трехъ поколѣніяхъ подъ рядъ, представляетъ постепенное пониженіе уровня дарованій. Едва ли можно отыскать въ исторіи другую династію королей, въ которой до такой степени отсутствовало бы сознаніе королевскихъ своихъ обязанностей. Взгляды и образъ дѣйствій Стюартовъ не имѣютъ, можно сказать, ничего общаго съ характеромъ англійской королевской власти и англійскаго народа и цѣликомъ обусловливаются семейною политикою Гизовъ и религіозными распрями въ Шотландіи. Стюартамъ нѣтъ дѣла ни до славы и величія страны, ни до побѣды вѣроисповѣданія, упрочившагося въ умахъ націи, ни до огражденія изстари установившихся законовъ, ни до великодушнаго покровительства слабѣйшимъ сословіямъ; всѣ ихъ стремленія сводятся на то, чтобъ управлять страною по своему династическому произволу. Короли этой династіи съумѣли испортить дѣло во всѣхъ тѣхъ задачахъ внутренней и внѣшней политики, которыя были поставлены имъ обстоятельствами. Задачею внѣшней политики была защита протестантизма въ великой борьбѣ, происходившей въ это столѣтіе; Стюарты покинули дѣло протестантизма и подъ конецъ отреклись отъ него. Внутри страны имъ надлежало примирить притязанія духовенства съ духомъ самоуправленія, упрочить національную церковь и, въ то же время, провести начало терпимости относительно иновѣрцевъ; но во всѣхъ этихъ вопросахъ они постоянно придерживались какъ разъ противоположнаго образа дѣйствій. Такъ или иначе, Англія въ эпоху Стюартовъ успѣла сдѣлаться во всѣхъ отношеніяхъ противуположнымъ полюсомъ романскаго міра. Ея положеніе въ ряду остальныхъ европейскихъ государствъ указывало на необходимость

сильнаго развитія морскихъ ея силъ и энергической поддержки дѣлу реформаціи. Но вмѣсто этого Іаковъ I впутался въ интриги, сѣть которыхъ охватывала континентальные дворы, но для Англіи имѣла второстепенное значеніе и легко могла быть порвана прямодушнымъ заступничествомъ за реформацію. Доктринерскія заблужденія Іакова I и безцѣльность политики Карла I не могли не испортить ихъ отношенія къ парламенту и не внести горечь въ эти отношенія. При всемъ различіи въ личномъ характерѣ государей династіи Стюартовъ, всѣ четыре царствованія имѣютъ одну общую отрицательную черту; черта эта — непониманіе и неуваженіе законовъ страны. Ни одинъ изъ этихъ королей не сознавалъ себя «Англіей», не смотрѣлъ на себя, какъ на нѣчто, составляющее единое, нераздѣльное цѣлое съ честью, правами и интересами страны. Даже религіозныя ихъ убѣжденія чужды искренней приверженности къ національной церкви и не проявляются ни въ вѣрности даннымъ клятвамъ, ни въ исполненіи христіанской обязанности милосердія и прощенія обидъ; религіозныя убѣжденія служатъ имъ лишь полемическими аргументами для защиты своихъ династическихъ притязаній. Церковь въ ихъ глазахъ — не болѣе, какъ средство для усиленія ихъ власти. Тѣ симпатіи къ англійскому дворянству, которыя они выставляютъ на показъ, сводятся въ сущности на торговлю пэрскимъ достоинствомъ и патентами на дворянство. Съ воцареніемъ Стюартовъ прекращается прежняя широкая система общественной помощи, обнимавшая своей заботливостью призрѣніе бѣдныхъ, дѣло народнаго образованія и различныя мѣры къ увеличенію благосостоянія низшихъ сословій; нѣтъ болѣе и помину ни о покровительствѣ наукамъ, ни о поощреніи талантовъ. Если мы къ этому еще прибавимъ бездарность Стюартовъ, какъ полководцевъ, и ихъ неспособность къ какимъ бы то ни было широкимъ политическимъ замысламъ, разсчитаннымъ на болѣе продолжительный періодъ времени, то для насъ станетъ понятнымъ, какимъ образомъ могло случиться, что менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе, вѣра націи въ королевскую власть была совершенно разрушена *).

---

*) Эти черты, отличающія правленіе всѣхъ королей изъ династіи Стюартовъ, безспорно объясняются ихъ происхожденіемъ: „Въ государяхъ изъ дома Стюартовъ мы напрасно стали бы искать того трезваго готскаго прямодушія, которымъ отличается населеніе шотландскихъ низменностей; напротивъ, мы видимъ въ нихъ значительную долю тщеславія, непостоявства и двоедушія, свойственныхъ той Италіанской и Галльской отрасли, отъ которой они произошли. (Vaughan, III, 13). По всѣмъ вѣроятіямъ самыя колебанія позднѣйшей ихъ семейной политики между французскими и испанскими союзами, колебанія, отклонявшія ихъ отъ естественнаго союза съ протестантскими государями, объясняются въ значительной степени ихъ генеалогическимъ тщеславіемъ. Ихъ отношеніе къ богословскимъ вопросамъ обусловливается въ царствованіе перваго поколѣнія этой династіи ожесточеннымъ характеромъ, который приняла реформаціонная борьба въ

Какъ бы то ни было, первый фазисъ начинающейся борьбы скорѣе походитъ на одну изъ тѣхъ комическихъ сценъ, которыя въ геніальныхъ твореніяхъ Шекспира обыкновенно предпосылаются трагической развязкѣ. Въ лицѣ Іакова I на престолъ вступилъ ученый педантъ, не имѣвшій ничего царственнаго ни въ манерахъ, ни въ наружности, ни въ способѣ выражаться и смотрѣвшій по видимому на обсужденіе церковныхъ и парламентскихъ вопросовъ, какъ на школьные диспуты, въ которыхъ слѣдуетъ доказывать невѣрующимъ право монарха на абсолютную верховную власть; въ то же время педантъ этотъ былъ малодушно уступчивъ передъ всякимъ серьознымъ сопротивленіемъ и не задумывался отдавать своихъ министровъ на жертву мщенія парламента. Все его правленіе является какимъ-то длиннымъ рядомъ обоюдныхъ протестовъ, что не помѣшало, однако же, парламенту снова отвоевать себѣ право преданія должностныхъ лицъ суду, добиться признанія монополій незаконными и отстоять за палатою общинъ право самостоятельнаго рѣшенія вопросовъ о законности выборовъ *).

Но то, въ чемъ «правительственное искусство» Іакова I потерпѣло неудачу, при Карлѣ I сдѣлалось поводомъ къ открытой борьбѣ. Королевская власть, выводившая свое право изъ jus divinum, не замедлила направить свои дѣйствія на тотъ пунктъ, который въ

Шотландіи; позднѣйшая склонность ихъ къ католицизму была отчасти вызвана постоянными связями ихъ съ католическими государями и вліяніемъ женщинъ. Но главная вина ихъ, благодаря которой историки и политическіе писатели всевозможныхъ партій постоянно относились къ Стюартамъ отрицательно, заключалась въ томъ, что въ ихъ рукахъ монархическій принципъ подвергался систематическому извращенію. При этомъ нерѣдко упускаютъ изъ виду, что многія изъ ихъ мѣропріятій были болѣе согласны съ тогдашнимъ формальнымъ правомъ, нежели то можетъ казаться съ точки зрѣнія современной конституціи; мѣры эти не заключали въ себѣ какихъ-либо небывалыхъ притязаній; они являлись лишь дальнѣйшими шагами на томъ пути, на который еще ранѣе вступили Тюдоры. Но въ то время какъ Тюдоры поступали диктаторски, опираясь на сознаніе своихъ королевскихъ обязанностей, для Стюартовъ отстаиванье своего произвола было само по себѣ цѣлью, лишенною всякаго иного содержанія.

*) Ко всѣмъ прочимъ достоинствамъ въ Іаковѣ I присоединялась еще генеалогическая фантазія, на основаніи которой онъ воображалъ, будто сынъ Маріи Стюартъ и Дарнлея совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ преемственныя права англосаксонской династіи, норманскихъ королей, Плантагенетовъ и Тюдоровъ. Сколько бы кто ни былъ расположенъ признать, какъ смягчающее обстоятельство, его антипатію къ пуританству, вызванную шотландскими религіозными раздорами, и сколько бы мы ни принимали въ разсчетъ общую въ то время грубость богословскихъ препирательствъ, все же нельзя отрицать, что отсутствіе всякаго царственнаго величія въ личности этого короля не мало способствовало поколебанію авторитета его власти. Ученость, сказывающаяся въ его сочиненіяхъ, какъ напримѣръ въ „Basilicon Doron“, посвященномъ имъ своему сыну, несомнѣнные признаки остраго и даже изворотливаго ума и, рядомъ, отсутствіе всякаго здраваго пониманія окружающихъ обстоятельствъ,—все это представляло какую-то удивительную смѣсь въ характерѣ этого страннаго человѣка, котораго льстецы его величали Британскимъ Соломономъ, а герцогъ Сюлли называлъ „мудрѣйшимъ изъ дураковъ въ Европѣ“.

практическомъ отношеніи имѣлъ рѣшающее значеніе, мы разумѣемъ право парламента *разрѣшать субсидіи*. Эти періодически утверждаемыя субсидіи предполагали систему постоянныхъ соглашеній между королевскою властью и парламентомъ по вопросамъ законодательства и внѣшней политики, — систему, при которой существованіе абсолютной королевской власти было невозможно. На оппозицію первыхъ двухъ парламентовъ, собиравшихся въ его царствованіе, и на отказъ ихъ въ субсидіяхъ, Карлъ I отвѣчалъ поспѣшнымъ распущеніемъ этихъ парламентовъ и изданіемъ королевскихъ повелѣній, исходившихъ отъ него единолично; то и другое имѣло цѣлью запугать оппозицію. Звѣздная палата послужила орудіемъ для декретированья принудительныхъ займовъ, которые за тѣмъ вымогались посредствомъ военныхъ экзекуцій, насильственнаго захвата жителей на службу во флотѣ и произвольныхъ арестовъ. Но это не помѣшало оппозиціи усилиться въ скоромъ времени до такихъ размѣровъ, при которыхъ уже нельзя было болѣе запугать. Нужда въ деньгахъ заставила короля созвать третій парламентъ, а въ этомъ послѣднемъ соединенная оппозиція обѣихъ палатъ вынудила у него признаніе «петиціи правъ» и изданіе постановленія, которымъ принудительные займы, произвольные аресты и военно-ссудная процедура были объявлены недѣйствительными, какъ въ прошломъ, такъ и на будущее время*). Вплоть до этого момента борьба сохраняла тотъ же характеръ, какой она имѣла и въ прежнія времена. Злоупотребленія администраціи и протесты страны не выходятъ за предѣлы старинныхъ столкновеній между королевской властью и парламентомъ.

Между тѣмъ король, съ заранѣе рѣшеннымъ намѣреніемъ не сдержать своего слова, добился субсидіи и распустилъ парламентъ, твердо рѣшившись *никогда болѣе не созывать новаго парламента*. «Стыдясь того, что его французскіе и испанскіе родственники уже успѣли завершить то дѣло, къ которому онъ только-что еще приступалъ», — Карлъ I съ марта 1629 г. ввелъ такую систему личнаго правленія, которая была дѣломъ неслыханнымъ въ Англіи, — систему, которая по напередъ составленному плану подкапывается подъ всѣ основы парламентскаго образа правленія и вырабатываетъ новые

---

*) Петиція правъ касалась четырехъ пунктовъ, которые состояли въ слѣдующемъ: 1) чтобы ни одинъ свободный человѣкъ не былъ принуждаемъ ко взносу какого-либо займа, дара, benevolence или налога *безъ согласія на то народныхъ представителей*, выраженнаго въ формѣ парламентскаго постановленія. 2) Чтобы ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію или аресту вопреки законамъ страны. 3) Чтобы солдатъ и матросъ не расквартировывали по домамъ частныхъ лицъ. 4) Чтобы были отмѣнены нѣкоторыя постановленія военныхъ судовъ, которыми солдаты и матросы приговаривались къ извѣстнымъ наказаніямъ, и чтобы впредь такихъ приговоровъ больше не было.

пріемы церковной и гражданской администраціи съ единственною цѣлью уничтожить упомянутыя основы. Для осуществленія этой цѣли имѣлись на лицо три готовыя средства: подчиненіе церковнаго управленія королевской власти, Privy Council и назначеніе персонала судей по усмотрѣнію короля.

1. Съ подчиненіемъ церковнаго управленія королевской власти, назначеніе персонала какъ высшей церковной инстанціи, такъ и епископовъ перешло къ королю, но цѣлью этой мѣры было — сохраненіе національной церкви въ томъ видѣ, въ какомъ она была признана парламентомъ. Правда, при Іаковѣ I уже настало такое время, когда церковь не нуждалась въ поддержаніи того строгаго единообразія, которое было необходимо при Елизаветѣ для упроченія ея положенія. Но уже Іаковъ I не скрывалъ, что въ его глазахъ епископство и власть архіепископовъ имѣютъ преимущественнымъ своимъ назначеніемъ пріучать подданныхъ къ надлежащему повиновенію королевской власти и поддерживать въ нихъ привычки такого повиновенія. Карлъ I, хотя и былъ по личнымъ своимъ убѣжденіямъ протестантъ, тѣмъ не менѣе считалъ, что всего вѣрнѣе можетъ достигнуть превращенія своего церковнаго главенства въ свѣтскій абсолютизмъ возвратомъ къ ученіямъ и формамъ римско-католической іерархіи, пригодность которыхъ была доказана опытомъ. Таковъ былъ смыслъ католическихъ реформъ, которыя были введены архіепископомъ Лоудомъ: признаніе догмата пресуществленія въ выраженіяхъ, допускавшихъ двоякаго рода толкованіе; тайная исповѣдь, предпочтеніе, оказываемое холостымъ священникамъ передъ женатыми, возстановленіе поклоненія иконамъ, распятія, блестящаго церковнаго облаченія, алтаря при таинствѣ евхаристіи, молитвенныхъ колѣнопреклоненій и, рука объ руку со всѣмъ этимъ, невыносимое притѣсненіе и преслѣдованіе пуританскихъ сектъ. Благодаря систематическому замѣщенію высшихъ церковныхъ должностей личностями этого направленія, роялизмъ въ церкви и кастовый церковный духъ были до такой степени усилены, что конвокація 1640 г. высказала въ своихъ канонахъ слѣдующія положенія: «объявляется государственной измѣною учить и проповѣдывать, что рядомъ съ королевскою властью можетъ существовать какая-нибудь другая, независимая coactive power, either popular or papal; всякая уплата налоговъ есть повинность, которую подданные обязаны нести по всѣмъ божескимъ, естественнымъ и человѣческимъ законамъ; ни одно духовное лицо не должно говорить о власти его величества иначе, какъ согласно съ предписаніями настоящаго канона» [1]).

---

[1]) Приспособленіе церковнаго механизма къ политическимъ цѣлямъ выражается какъ нельзя лучше въ слѣдующемъ изрѣченіи, которое было девизомъ

2) Назначеніе Privy Council состояло въ томъ, чтобы въ качествѣ коллегіальнаго учрежденія и пользуясь совѣтами судей общегосударственныхъ судовъ, руководить дѣлами высшаго управленія на основаніи существующихъ законовъ и пополнять пробѣлы этихъ законовъ тамъ, гдѣ права верховной власти не опредѣлены въ точности, удовлетворяя такимъ способомъ нуждамъ государства и общества въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Но для Стюартовъ эти пробѣлы законодательства сдѣлались архимедовою точкою опоры, которою они рѣшили воспользоваться съ цѣлью ниспровергнуть самую конституцію. Подъ вліяніемъ такихъ-то побужденій выборъ министровъ, отъ Бёкингама и до Страфорда, представляетъ какую-то постепенно возрастающую прогрессію въ направленіи извѣстнаго рода качествъ, пока, наконецъ, не доходитъ до той безсовѣстности и дерзкаго пренебреженія ко всѣмъ законамъ страны, которыя сказались въ политическомъ ренегатствѣ Страфорда. Такъ какъ динас-

---

Іакова I: „тамъ, гдѣ нѣтъ епископа, нѣтъ и короля“. Въ 1595 г. диссентерство выступаетъ впервые на сцену подъ названіемъ „саббаторіанизма“ и сектантство уже въ царствованіе Іакова I успѣло достигнуть значительной степени развитія. Но все населеніе еще не доходило до яснаго сознанія противорѣчій въ основахъ государственной жизни во всей ея совокупности. Столкновенія двухъ противуположныхъ системъ все еще происходили лишь на почвѣ тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ; такъ, со стороны церкви все громче и громче раздавались жалобы на то, что свѣтская судебная власть позволяетъ себѣ вмѣшиваться посредствомъ своихъ prohibitions въ дѣла, подлежащія церковной юрисдикціи. Начиная съ 1616 завязалась борьба между такъ-называемыми Equity Courts лорда-канцлера и обыкновенными судами; въ то время споръ этотъ принялъ характеръ сословной борьбы между духовенствомъ и юристами. Но при Карлѣ I церковная власть служитъ уже не дѣлу реформаціи, а дѣлу расширенія королевскихъ полномочій въ ущербъ власти парламентовъ. Церковь, сдѣлавшаяся при архіепископѣ Лаудѣ арміанской, превратилась въ орудіе для увеличенія могущества какъ короля, такъ и духовенства. Постоянно усиливающаяся суровость приговоровъ High Commission court и безпощадное преслѣдованіе пуританъ вызвали въ этихъ послѣднихъ то ожесточеніе, которое прорвалось впослѣдствіи въ междоусобной войнѣ. Вообще, повидимому, во всѣхъ конституціонныхъ битвахъ такова уже судьба наиболѣе крайней партіи, что она сама помогаетъ слагаться той партіи, которая представляетъ противуположную ей крайность. Въ тотъ злополучный моментъ, когда Карлъ I снова распустилъ 1 мая 1640 г. „короткій парламентъ“, отличавшійся умѣренностью, духовные лорды остались въ сборѣ и результатомъ ихъ совѣщаній были тѣ каноны, которыми признаніе какой бы то ни было coactive power рядомъ съ королевскою властью объявлялось государственною измѣною. Но наиболѣе полнымъ выраженіемъ взглядовъ „высокой церкви“ въ эту эпоху является сочиненіе Фильмера Patriarca, которое считалось содержащимъ въ себѣ основы всей системы: „Всякое правительство, читаемъ мы въ этомъ сочиненіи, есть непремѣнно абсолютная монархія; никто не рождается свободнымъ, а слѣдовательно никто и не могъ когда-либо пользоваться свободой избирать правителя или форму правленія. Отецъ семейства управляетъ своими домочадцами лишь по собственнымъ своимъ законамъ. Короли въ своей верховной юрисдикціи являются преемниками родительскаго права. Они стоятъ выше всѣхъ законовъ. Они имѣютъ божественное право на абсолютную власть и не подлежатъ отвѣтственности передъ какимъ бы то ни было человѣческимъ авторитетомъ“. Сочиненіе это, однако, сочли за лучшее не предавать гласности до поры до времени. Оно было опубликовано лишь послѣ реставраціи.

тическая, фамильная политика Стюартовъ видѣла въ коллегіальной организаціи королевскаго совѣта, въ умѣренномъ характерѣ, свойственномъ формамъ его дѣлопроизводства, и въ необходимости спрашивать мнѣніе спеціалистовъ законовѣденья, лишь препятствіе къ осуществленію своихъ цѣлей, то королевская власть уже при Іаковѣ I начала отстранять этотъ мѣшающій механизмъ и обсужденіе правительственныхъ дѣлъ переносила въ «кабинетъ» короля, т. е. въ тѣсный, интеллигентный кружокъ приближенныхъ, въ собраніяхъ котораго совѣты придворныхъ партій, имѣвшихъ съ нимъ наиболѣе близкое соприкосновеніе, вскорѣ получили болѣе рѣшающее вліяніе, нежели мнѣнія отвѣтственныхъ министровъ. Этотъ-то персоналъ приближенныхъ въ описываемую нами эпоху носитъ названіе королевскаго совѣта и, какъ таковой, пользуется дискреціонною властью «звѣздной палаты», которая въ началѣ была облечена такою властью съ совершенно иными, законными и почтенными цѣлями. Изъ этого учрежденія исходятъ теперь тѣ полицейскія мѣры, въ которыхъ нуждается новый образъ правленія и которыя, встрѣчая повсюду постоянно усиливающееся сопротивленіе, превращаются въ цѣлую систему административныхъ ссылокъ, домовыхъ обысковъ, конфискацій и пріостановокъ дѣйствія закона habeas corpus. Изъ этого же центра исходитъ та система управленія, которая, по выраженію Кларендона, «дѣйствовала посредствомъ королевскихъ повелѣній, предписывая то, что не было предписано закономъ, и запрещая то, чего законъ не запрещалъ, а затѣмъ карая ослушаніе королевскихъ повелѣній тяжкими денежными штрафами и заключеніемъ въ тюрьмы» [2]).

3) Комплектованіе состава коронныхъ судовъ путемъ королевскихъ назначеній, при чемъ выборъ долженъ былъ падать на наиболѣе выдающихся юристовъ, имѣло первоначальною цѣлью сдѣлать ту

---

[2]) Извращеніе первоначальнаго назначенія Privy Council произошло при помощи систематическаго сочетанія единоличныхъ королевскихъ повелѣній съ административнымъ давленіемъ. Благодаря этому образу дѣйствій, возникло особое законодательство, которое не только соперничало съ законами страны и съ парламентской конституціей, но и прямо дѣйствовало на нихъ разрушающимъ образомъ. Снова настали порядки нормандскаго періода, когда королевское право карать административнымъ путемъ посредствомъ amerciaments фактически превратилось въ законодательную власть. Отъ королевскаго совѣта исходятъ повелѣнія, предписывающія сборъ такъ-называемыхъ корабельныхъ денегъ. Этого мало: фискальная изобрѣтательность совѣта выкапывала давно вышедшіе изъ употребленія штрафы за уклоненіе отъ обряда посвященія въ рыцарское достоинство, воскрешала даже старые лѣсные законы и все это обращало въ источникъ для полученія денежныхъ средствъ. Вопреки закону Іакова I монополіи снова были обращены въ доходную статью, такъ же, какъ и взносы, взысканные въ наиболѣе состоятельныхъ цехахъ съ новыхъ членовъ при ихъ поступленіи въ корпорацію. Королевскія повелѣнія вторгались даже въ область частнаго права, декретируя срытіе домовъ и закрытіе лавокъ въ видахъ приданія большаго благообразія мѣстности, окружающей соборъ св. Павла.

часть юридической организаціи, которой присвоенъ былъ характеръ постояннаго учрежденія, независимой отъ преходящихъ политическихъ системъ. До сихъ поръ королевская власть пользовалась этою своей привиллегіей съ такимъ достоинствомъ и такъ нелицепріятно, что ни перемѣны династій въ пятнадцатомъ столѣтіи, ни перемѣны государственнаго вѣроисповѣданія въ шестнадцатомъ столѣтіи не отзывались на судебномъ персоналѣ, который и во время кризисовъ оставался неизмѣннымъ. При Іаковѣ I такой порядокъ впервые былъ нарушенъ и лордъ верховный судья, Сэръ Эдуардъ Кокъ былъ отставленъ отъ должности по причинамъ политическаго свойства; въ это же царствованіе была введена система самаго безсовѣстнаго торга судебными должностями, поколебавшая ту безукоризненную репутацію, которую судебное сословіе успѣло стяжать себѣ при Тюдорахъ. Въ царствованіе Карла I такой способъ назначенія превращается въ политическую систему. Уже въ 1626 г. лордъ верховный судья Крью былъ уволенъ отъ должности за то, что не хотѣлъ признать законность принудительныхъ займовъ; въ 1630 г. Chief Baron Уальтеръ былъ временно отрѣшенъ отъ исполненія обязанностей своей должности на томъ основаніи, что онъ высказалъ сомнѣніе относительно законности судебнаго преслѣдованія, которому были подвергнуты нѣкоторые изъ представителей страны за рѣчи и поступки ихъ въ парламентѣ; въ 1634 г. сэръ Robert былъ уволенъ за сопротивленіе сбору корабельныхъ денегъ и за оппозицію архіепископу Лауду. На мѣсто его былъ назначенъ верховный судья Финчь, уже успѣвшій показать себя человѣкомъ сговорчивымъ. То небольшое число судебныхъ мѣстъ, которыя могли имѣть политическое значеніе, замѣщались «людьми надежными» такъ систематически, что вскорѣ настала такая пора, когда ни одинъ изъ основныхъ принциповъ конституціи и никакой законъ не былъ гарантированъ отъ толкованій коронныхъ судей, превращавшихъ эти законы и эти принципы въ ничто. Въ графствахъ назначеніе шерифовъ и подборъ состава мировыхъ судей производились въ томъ же направленіи [3]).

---

[3]) Извращеніе роли судебныхъ учрежденій становится отличительною чертою правленія Стюартовъ тотчасъ же по вступленіи на престолъ этой династіи. Іаковъ I объявилъ своимъ судьямъ, что онъ самъ будетъ рѣшать возникающіе юридическіе вопросы, такъ какъ онъ слыхалъ, что основою правовѣдѣнія служитъ разумъ, а онъ одаренъ разумомъ ничуть не меньше своихъ судей. Король нерѣдко требовалъ, чтобы судьи, прежде чѣмъ высказать оффиціально свое мнѣніе по тому или другому вопросу, вступали съ нимъ въ личныя объясненія, auricular saking of opinions, какъ выражается лордъ Кокъ. Между его совѣтчиками уже въ то время находились приверженцы теоріи верховнаго главенства короля, которые совѣтовали ему „явить примѣръ строгаго наказанія дерзости со стороны судей, дабы все судебное сословіе пребывало въ страхѣ“. Совѣтъ былъ преподанъ тѣмъ самымъ лордомъ Бэкономъ, который позднѣе стоялъ

Заручившись этимъ аппаратомъ насильственныхъ средствъ, Карлъ I приступилъ къ устраненію трехъ основныхъ парламентскихъ правъ, которыя всего болѣе стояли ему поперегъ дороги.

Прежде всего надо было уничтожить *финансовыя права* парламента. Уже Іаковъ I пытался примѣнить свою теорію верховнаго главенства королевской власти къ дѣлу назначенія новыхъ таможенныхъ пошлинъ, но впослѣдствіи вынужденъ былъ уступить. При Карлѣ I попытка эта была возобновлена по отношенію къ «корабельнымъ деньгамъ», столь знаменитымъ во всемірной исторіи. При прежнихъ королях изрѣдка бывали примѣры, что правительство въ военное время, пользуясь правомъ королевской верховной власти въ военныхъ дѣлахъ, взымала въ приморскихъ графствахъ деньги на защиту береговъ. Но теперь всѣ графства, какъ приморскія, такъ и лежащія внутри страны, среди полнаго мира были обложены денежными сборами, при чемъ королевскій совѣтъ присвоилъ себѣ право собственною властью декретировать эти сборы, распредѣлить взносы между отдѣльными графствами и городами и употребить полученныя суммы на общія государственныя нужды по своему усмотрѣнію. Налогъ, вводимый такимъ образомъ, составлялъ около 200,000 фунтовъ стерлинговъ, т.-е. столько же, если не болѣе, какъ и размѣръ обыкновенныхъ субсидій, вотируемыхъ парламентомъ. Для оправданія этой мѣры заручились прежде всего единогласнымъ одобреніемъ двѣнадцати судей, мнѣніе которыхъ было спрошено предварительно. Но послѣ

за удаленіе верховнаго судьи Кока отъ должности на томъ основаніи, что эта мѣра „будетъ способствовать упроченію дисциплины, такъ какъ упомянутый судья оказывалъ противодѣйствіе интересамъ короля и примѣрное его наказаніе нагонитъ страхъ и на остальныхъ“. Эллесмиру было предписано пріостановить судебное преслѣдованіе противъ одного обвиненнаго въ виду того, что онъ въ парламентѣ показалъ себя весьма усерднымъ на службѣ короля“. Foss VI, 2. Необходимо, однако же, замѣтить, что при Іаковѣ I принципы правительственной дѣятельности постоянно оказывались хуже практическаго ихъ примѣненія, потому что у короля не хватало смѣлости быть послѣдовательнымъ этимъ принципамъ на дѣлѣ. Но особенно пагубныя послѣдствія имѣла продажа судебныхъ должностей и должностей Attorney General Serjeant, продажа, производившаяся безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, при чемъ цѣна мѣстамъ доходила до 4000 и 10000 фунтовъ стерлинговъ. (Foss VI. 3.) При Карлѣ I въ этой области тоже начинаетъ сказываться система „сильной правительственной власти“. Отнынѣ руководящей нитью для дѣятельности судовъ должны служить не законы страны, а личная воля короля. Всѣ судьи, оказывающіе сопротивленіе королевской волѣ, отрѣшаются отъ должности, или подвергаются временному отрѣшенію; тѣ не многія должности, съ которыми сопряжена вліятельная роль, замѣщаются „надежными людьми“, въ родѣ сэра Джона Финча, который за усердіе, оказанное имъ въ качествѣ президента нижней палаты, былъ назначенъ верховнымъ судьею. Въ то время, когда король изъявилъ согласіе на удовлетвореніе требованій, изложенныхъ въ петиціи правъ, судьи, къ которымъ онъ въ тайнѣ обращался за совѣтомъ, высказали такого рода мнѣніе, что можно утвердить этотъ биллъ и на практикѣ придерживаться прежняго образа дѣйствій.

того, какъ отказъ Гампдена уплатить причитавшуюся съ него сумму сбора, заставилъ перенести вопросъ на почву судебнаго разбирательства, нашлось снова такое большинство судей, которое не задумалось высказаться in judicando въ пользу законности этого налога. Дѣло это послужило главной исходной точкой всѣхъ дальнѣйшихъ нападеній правительства на парламентскую конституцію и въ то же время стало поворотнымъ пунктомъ въ конституціонной борьбѣ, такъ какъ въ немъ явственно сказались для всѣхъ, какъ стремленія правительства, такъ и испорченность систематически развращаемаго судебнаго сословія. Даже такой ревностный роялистъ, какъ лордъ Кларендонъ, говорилъ объ этомъ дѣлѣ: «Когда оказалось, что въ судебномъ учрежденіи, основанномъ на началахъ общаго права, того права, которое еще продолжало служить единственною гарантіею для неприкосновенности всего, что люди называютъ своимъ,— когда оказалось, что въ такомъ судебномъ учрежденіи могутъ играть рѣшающую роль соображенія государственной необходимости, когда всѣ убѣдились, что судьи дѣйствуютъ точно министры, что судебный приговоръ основывается на предположеніяхъ, ничѣмъ не доказанныхъ, что ради уплаты какихъ-нибудь тридцати шиллинговъ (корабельныхъ денегъ) провозглашаются принципы, ниспровергающіе всѣ права личности, — тогда исчезла всякая надежда, чтобы подобныя теоріи и ихъ представители могли удержаться въ какихъ бы то ни было границахъ. Между тѣмъ невозможно исчислить весь тотъ ущербъ, который понесла королевская власть, а съ нею и государство, благодаря заслуженному порицанію и презрѣнію, съ какими на нихъ стало смотрѣть общество. Достоинство законовъ, страхъ передъ ними и уваженіе къ нимъ могутъ существовать лишь при томъ условіи, чтобы персоналъ судей сохранялъ свою неподкупность и незапятнанную репутацію». Послѣ приговора суда по дѣлу Гампдена, необходимыя денежныя средства продолжали взыматься посредствомъ дополнительныхъ королевскихъ повелѣній [a]).

---

a) Главная услуга, которой королевская власть въ періодъ конституціонной борьбы добивалась отъ судей, состояла въ томъ, чтобы они признали сборъ корабельныхъ денегъ законнымъ. Правительство начало съ того, что созвало двѣнадцать судей подъ предсѣдательствомъ сэра Джона Финча и заставило ихъ,—если вѣрить собственнымъ ихъ показаніямъ, — посредствомъ обѣщаній и угрозъ, высказать такого рода мнѣніе, что „въ случаяхъ, когда благо и безопасность государства того требуютъ и когда всей странѣ угрожаетъ бѣдствіе, его величество имѣетъ право издавать за большой печатью повелѣнія, предписывающія всѣмъ его подданнымъ снаряжать такое число судовъ съ полнымъ комплектомъ людей, боевыхъ запасовъ и продовольствія, какое, по обстоятельствамъ времени, будетъ найдено нужнымъ для защиты и безопасности государства; въ случаѣ отказа и сопротивленія онъ по закону имѣетъ право принимать принудительныя мѣры съ цѣлью заставить непокорныхъ исполнять упомянутое

Законодательное право парламентовъ имѣло одно, легко уязвимое мѣсто; мы разумѣемъ отсутствіе строгихъ границъ для королевскаго права издавать повелѣнія единоличною властью; хотя право это и не противуполагалось парламентскимъ законамъ, тѣмъ не менѣе оно существовало рядомъ съ послѣдними, въ качествѣ нормальной формы правительственной дѣятельности и имѣло обязательную силу. Послѣ того, какъ правительство перестало созывать парламенты и превратило звѣздную палату въ новый исполнительный органъ административной власти, всѣ преграды, сдерживавшія упомянутое право въ извѣстныхъ предѣлахъ, рушились. Всѣ полицейскія и финансовыя мѣры правительства отнынѣ стали проводиться посредствомъ цѣлаго ряда королевскихъ повелѣній, которыми устанавливались цѣны на съѣстные припасы, декретировалось принятіе купцовъ и ремесленниковъ въ цехи подъ усло-

---

повелѣніе, при этомъ король является единственнымъ судьею, рѣшающимъ, дѣйствительно ли существуетъ опасность, а также какія мѣры и въ какой моментъ должны быть приняты для ея предотвращенія". Лишь двое изъ двѣнадцати судей высказали несогласіе съ этимъ мнѣніемъ, въ концѣ-концовъ, однако же и ихъ уговорили подписаться подъ нимъ. За то судьи выслушали отъ лорда Уэнтуорта слѣдующую похвалу: „Въ наши дни еще ни разу судебное сословіе не сослужило правительству такой важной службы, какъ въ настоящемъ случаѣ". Послѣ этого шерифомъ были разосланы за большой печатью повелѣнія отъ имени кабинета короля, предписывавшія имъ обложить всѣ графство сборами на снаряженіе судовъ. Такъ, напримѣръ, графство Бёксъ, въ которомъ жилъ Гампденъ, должно было поставить военный корабль въ 450 тоннъ съ экипажемъ въ 150 человѣкъ, съ пушками, порохомъ, двойнымъ такелажемъ, провіантомъ и всѣми необходимыми принадлежностями. Корабль этотъ долженствовалъ быть доставленъ къ извѣстному сроку въ Портсмутъ и, начиная со дня этой доставки, въ теченіе 26 недѣль, пополненіе провіанта, уплата жалованья экипажу и прочіе необходимые расходы по содержанію корабля должны были производиться изъ средствъ графства. Но такъ какъ въ сущности правительство вовсе не имѣло въ виду дѣйствительно снаряжать военныя суда, то шерифу была послана инструкція, предписывавшая ему собрать при содѣйствіи бургомистра требующіяся суммы со всѣхъ freeholders и городскихъ обывателей по одиночкѣ, а за тѣмъ доставить центральному правительству отчетъ о произведенной раскладкѣ. Въ случаѣ отказа со стороны обывателей, шерифамъ повелѣвалось прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ и это предписаніе было исполнено шерифами съ такою строгостью, которая ни передъ чѣмъ не останавливалась. Масса населенія безпрекословно подчинилась диктаторскому распоряженію звѣздной палаты. Лишь одинъ сэръ Джонъ Гампденъ своимъ отказомъ платить причитавшагося съ него налога, довелъ дѣло до разсмотрѣнія общегосударственныхъ судовъ. Процессъ Гампдена разбирался въ полномъ составѣ палаты казначейства. На этотъ разъ судьи, въ виду состязательнаго характера процесса, призадумались; совѣщательную процедуру, предшествовавшую постановкѣ рѣшенія, они тянули цѣлые три мѣсяца. Наконецъ, семеро изъ судей высказались за рѣшеніе, благопріятное для королевской власти, Крукъ и Геммонъ подали голоса въ пользу оправданія Гампдена на основаніи принципіальныхъ соображеній, а остальные трое судей присоединились къ нимъ, мотивируя свое рѣшеніе чисто формальными доводами. Нравственное вліяніе этого процесса имѣло рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго хода междоусобной борьбы. Подробное изложеніе эпизода съ корабельными деньгами можно найти у Рёшуорта II, 335, 334, 352, 364, 453, 480—605, 727, 975, 985, 991, 1395 и App. 159—225, а также у Галлама II, cap. 8.

віемъ уплаты ими высокихъ входныхъ пошлинъ и открывались нѣкоторые другіе источники доходовъ; въ подмогу королевскимъ повелѣніямъ была введена цѣлая система полицейскихъ арестовъ и ссылокъ. Кромѣ того безсмысленно суровыя наказанія звѣздной палаты сдѣлались и сами по себѣ непосредственнымъ источникомъ доходовъ. Благодаря системѣ королевскихъ повелѣній, направленныхъ противъ лицъ, отказывавшихся уплачивать незаконныя подати, противъ присяжныхъ, произносившихъ неугодные правительству приговоры противъ строптивыхъ членовъ парламента, а также благодаря дѣятельности звѣздной палаты всякое сопротивленіе было на долгое время подавлено [b]).

Что касается права парламента контролировать государственное управленіе и предавать министровъ суду, то правительство упразднило это право просто тѣмъ, что перестало созывать парламенты. Ко всѣмъ заблужденіямъ Карла I въ немъ еще присоединилось неумѣнье понять истинный характеръ тѣхъ элементовъ, въ которыхъ онъ встрѣчалъ сопротивленіе. Всего менѣе сознавали при дворѣ то значеніе, которое въ эту эпоху палата общинъ имѣла для равновѣсія различныхъ органовъ государственной власти. До сихъ поръ въ исторіи Англіи еще не было примѣра серьезнаго движенія, которое исходило бы отъ нижней палаты. Члены этой палаты, какъ въ качествѣ отдѣльныхъ личностей, такъ и въ качествѣ корпораціи считались въ правящихъ придворныхъ сферахъ какимъ-то второстепеннымъ элементомъ, противодѣйствіе котораго можетъ быть сломлено самыми простыми средствами. Уже вслѣдъ за закрытіемъ третьяго парламента, въ видахъ устрашенія оппозиціи было начато судебное преслѣдованіе противъ Джона Элліота и двухъ другихъ депутатовъ за рѣчи, произнесенныя ими въ парламентѣ; прежде, чѣмъ принять эту мѣру, правительство созвало судей посредствомъ

---

[b]) Исполненія королевскихъ повелѣній, противорѣчившихъ закону, добивались посредствомъ карательныхъ декретовъ звѣздной палаты, посредствомъ арестовъ и полицейскихъ принудительныхъ мѣръ. Кромѣ денежныхъ штрафовъ и тюремнаго наказанія, звѣздная палата налагала теперь и такія наказанія, какъ выставленіе къ позорному столбу, палочные удары и отрѣзаніе ушей. Только смертная казнь и конфискація имуществъ оставались еще предоставленными юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ. Карательная власть звѣздной палаты становилась сама по себѣ источникомъ доходовъ, благодаря значительнымъ штрафамъ, которые ею назначались; штрафы въ 20,000, въ 10,000 въ 5,000 фунтовъ стерлинговъ сдѣлались въ ту пору самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Общая сумма денегъ, взысканныхъ такимъ образомъ, по разсчету современниковъ доходила до невѣроятной цыфры 6,000,000 ф. ст. (Rushworth II. 2 9). Гнетъ былъ до такой степени нестерпимъ, что до 5000 эмигрантовъ покинули свое отечество. Король и архіепископъ Лоудъ въ этомъ явленіи видѣли одну только прискорбную сторону, именно, что церковная дисциплина не можетъ послѣдовать за выселяющимися на чужбину. Было издано королевское повелѣніе, запрещавшее впредь принимать эмигрантовъ на суда.

королевскаго рескрипта на совѣщаніе, въ которомъ они должны были изложить свое мнѣніе на вопросы, предложенные имъ по этому дѣлу генералъ-прокуроромъ. Затѣмъ на основаніи этого мнѣнія, судъ королевской скамьи издалъ постановленіе о преданіи упомянутыхъ лицъ суду (information) и дѣло окончилось въ томъ же судѣ, приговорившемъ обвиненныхъ къ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ и къ тюремному заключенію. Элліотъ такъ и умеръ въ темницѣ [c]).

Главнымъ виновникомъ и совѣтчикомъ, создавшимъ эту систему «сильной правительственной власти» (vigorous government) былъ, послѣ архіепископа Лауда, Уэнтуортъ, графъ Страффордъ, который, со всѣмъ неукротимымъ рвеніемъ, свойственнымъ католическому ренегату, и съ своимъ излюбленнымъ девизомъ: «иди на проломъ!» принялся насаждать на англійской почвѣ тѣ самыя начала, которыя были испробованы имъ на опытѣ въ Ирландіи. Сопротивленіе графствъ считали возможнымъ устранить посредствомъ назначенія надежныхъ людей на должности шерифовъ и мировыхъ судей, посредствомъ подкупа и запугиванья городскаго самоуправленія, посредствомъ административныхъ каръ звѣздной палаты, а въ крайнихъ случаяхъ и посредствомъ военныхъ судовъ. Въ такомъ взглядѣ, конечно, сказывалось грубое непониманіе истиннаго характера тѣхъ мѣстныхъ учрежденій, которыя являлись фундаментомъ англійской конституціи и въ которыхъ военное, финансовое, судебное и полицейское управленіе такъ тѣсно были связаны съ организаціей графствъ и городовъ. При томъ устройствѣ милиціи, которое было создано закономъ, при существованіи мировыхъ судей и присяжныхъ, какъ необходимыхъ органовъ судебной и полицейской власти, нечего было и думать о проведеніи такой системы, которая предполагала цѣлую армію солдатъ и чиновниковъ, состоящихъ на жалованьи и зависящихъ отъ одного только правительства. Возрастающее недовольство тѣхъ органовъ мѣстнаго управленія, которые, благодаря имущественному своему положенію, были независимы отъ правительства, а также недостатокъ чиновниковъ для непосредственнаго исполненія мѣръ, декретируемыхъ свыше, по необходимости должны были въ скоромъ времени парализировать административный произволъ и обратить въ ничто попытки насильственнаго взиманія

---

[c]) Послѣ приговора по дѣлу Гампдена, это обвиненіе сэра Джона Элліота, Дензиля Голлиса и Веньямина Валентейна за рѣчи, произнесенныя ими въ парламентѣ,—обвиненіе, предшествовавшее по времени вышеупомянутому дѣлу, было самымъ наглядымъ доказательствомъ, констатировавшимъ на общепонятномъ юридическомъ примѣрѣ испорченность судей и упраздненіе законности въ дѣйствіяхъ правительства. По единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ, съ этого момента въ настроеніи страны замѣчается рѣшительный поворотъ въ сторону сопротивленія.

податей. По сравненію съ зачатками постоянной арміи, созданными съ такимъ трудомъ, милиція, хотя и начинавшая приходить въ упадокъ, была все еще слишкомъ сильна, чтобы можно было прибѣгнуть къ силѣ оружія. Шерифовъ и мировыхъ судей можно было, конечно, назначать и смѣщать сколько угодно, но все же ихъ приходилось брать изъ среды населенія того же графства, а въ мѣстномъ населеніи незаконность правительственнаго дѣйствія ощущается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ рядахъ дисциплинированнаго чиновничества. По всѣмъ этимъ причинамъ сила нападенія, направленная противъ парламентской конституціи, ослабѣвала по мѣрѣ своего распространенія отъ центра къ графствамъ, гдѣ деспотизмъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ органовъ, на которые онъ могъ бы разсчитывать. Организація общины и на этотъ разъ спасла англійскую свободу отъ управленія, построеннаго на началахъ абсолютизма. Сила, поддерживавшая молчаливое, но несокрушимое сопротивленіе, заключалась въ единодушіи имущихъ классовъ, въ прочной организаціи всѣхъ частей англійскаго графства и въ той сплоченности, которая къ этому времени успѣла установиться между городскимъ и приходскимъ управленіемъ. Средства новой правительственной системы истощились; критическое положеніе, вызванное войною, и возстаніе въ Шотландіи вынудили короля по прошествіи 11 лѣтъ снова созвать парламентъ. Правда, то былъ лишь такъ-называемый «короткій парламентъ», который черезъ нѣсколько недѣль былъ распущенъ, но прошло еще немного времени и открылся «долгій парламентъ» 3 ноября 1640 г.

Мѣры парламента направились по порядку противъ всѣхъ злоупотребленій правительственной власти и поэтому они обратились одинъ за другимъ на всѣ три органа власти, которые служили орудіемъ этихъ злоупотребленій.

1) Испорченности судовъ парламентъ противупоставилъ рѣшеніе, объявлявшее сборъ корабельныхъ судовъ незаконнымъ, и другое рѣшеніе, которымъ кассировался приговоръ надъ Гампденомъ; одновременно съ этимъ судьи, участвовавшіе въ этихъ беззаконіяхъ, были преданы суду †).

2) Противъ королевскаго совѣта парламентъ принялъ слѣдующія мѣры: Страфордъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и при этомъ произошелъ эпизодъ, характеризующій нравственный уровень

---

†) Отвѣтомъ „долгаго парламента“ на то извращеніе, которое было внесено въ отправленія правосудія, послужило обвиненіе въ государственной измѣнѣ лорда хранителя государственной печати и остальныхъ шести судей, бывшихъ его сообщниками. Одинъ изъ этихъ судей былъ арестованъ въ самомъ Уэстминстертонѣ, во время отправленія имъ обязанностей своей должности. Единогласнымъ рѣшеніемъ обѣихъ палатъ было постановлено, что впредь судьи должны быть назначаемы на свои должности пожизненно—quamdiu bene se gesserint.

бюрократіи, служившей орудіемъ правительства: тѣ самые двѣнадцать судей, которые были призваны высказать свое мнѣніе въ вышеупомянутомъ сомнительномъ казусѣ, теперь не задумались признать правильность такой мѣры, какъ преданіе суду премьеръ-министра по обвиненію въ государственной измѣнѣ; король, съ своей стороны, былъ настолько малодушенъ и себялюбивъ, что изъявилъ свое согласіе на bill of attainder противъ Страффорда и затѣмъ на казнь своего любимца. Между тѣмъ парламентъ издалъ постановленіе, которымъ административная карательная власть и гражданская юрисдикція королевскаго совѣта отмѣнялись на будущее время. Законъ St. 16 Car. I c. 10 категорически заявляетъ, что „ни его величество, ни совѣтъ его не имѣютъ и не должны имѣть никакой юрисдикціи, власти или полномочій въ дѣлахъ, касающихся земельныхъ участковъ, помѣстій или иной какой недвижимой или движимой собственности кого-либо изъ ихъ подданныхъ; въ дѣлахъ этого рода они не имѣютъ права разсматривать или оспаривать правильность владѣнія имуществомъ, постановлять рѣшенія или какъ бы то ни было распоряжаться сказаннымъ имуществомъ, будь то посредствомъ билля, петиціи, декрета, заявленія или инымъ какимъ произвольнымъ способомъ, дѣла эти должны вѣдаться въ обыкновенныхъ судахъ, кои разсматриваютъ ихъ и постановляютъ по нимъ свои рѣшенія на основаніи общаго законодательства“. Чтобы предотвратить на будущее время уклоненіе отъ созыва парламента съ цѣлью устранить парламентскій контроль, былъ изданъ такъ-называемый Triennial Act, которымъ постановлялось, что парламентъ долженъ быть непремѣнно созываемъ по меньшей мѣрѣ черезъ каждые три года. Тому легкомыслію, съ которымъ Карлъ I пользовался своей прерогативой закрывать сессію когда ему вздумается, парламентъ противупоставилъ знаменательное рѣшеніе, которымъ онъ объявлялъ себя на этотъ разъ не подлежащимъ распущенію не иначе, какъ съ собственнаго его согласія; даже отсрочка сессіи могла состояться не иначе, какъ на основаніи парламентскаго постановленія ††).

---

††) Противъ злоупотребленій правомъ королевскихъ повелѣній въ ущербъ конституціи не существуетъ другихъ юридическихъ санкцій, кромѣ преданія суду министровъ. Поэтому парламентъ смѣло и послѣдовательно приступилъ къ обвиненію архіепископа Лауда и графа Страффорда въ государственной измѣнѣ и къ заарестованію ихъ. Обвинительная формула гласила: „За покушеніе къ ниспроверженію основныхъ законовъ страны“, что и было совершенно согласно съ истиной. Правда, во время разбирательства этого дѣла явилось сомнѣніе, дѣйствительно ли можно на основаніи буквы законовъ о государственной измѣнѣ и прежней судебной практики подвести такое преступленіе подъ понятіе объ измѣнѣ [treason] относительно особы короля, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ все дѣлалось по повелѣнію или, по крайней мѣрѣ, съ согласія короля. Но если распространеніе наказаній, которыми законъ угрожаетъ за high treason, на

3) Противъ злоупотребленія церковною властью были приняты слѣдующія мѣры. Закономъ St. 16 Par. I c. 11 High Commission Court былъ объявленъ закрытымъ навсегда. 12 епископовъ были преданы суду. За тѣмъ 1 сентября 1842 г. палата общинъ приняла единогласно слѣдующую резолюцію: „Управленіе церковью посредствомъ архіепископовъ и епископовъ, ихъ канцлеровъ и уполномоченныхъ, декановъ и капитуловъ, архидіаконовъ и другихъ церковныхъ должностныхъ лицъ оказалось, послѣ долгаго опыта, большимъ препятствіемъ къ полному преобразованію и процвѣтанію религіи, а также весьма стѣснительнымъ для государства и правительства сей страны, а потому палата рѣшила упразднить всѣ сказанныя должности». Вскорѣ послѣ того было издано королевское повелѣніе въ томъ же смыслѣ; этимъ повелѣніемъ въ то же время предписывалось взять всѣ церковныя имущества подъ секвестръ въ пользу Commonwealth. Затѣмъ дошла очередь и до архіепископа Лауда, который былъ преданъ суду и казненъ †††).

Карлъ I вынужденъ былъ уступить передъ этими крутыми, но послѣдовательными мѣрами парламента. Въ сущности «петиція правъ», получившая силу закона въ 3 году царствованія Карла I, и законы, изданные въ 16-мъ году того же царствованія, имѣютъ значеніе новой Magna charta. Конституціонная борьба вступила

случаи этого рода являлось дѣломъ небывалымъ до сихъ поръ, то вѣдь и образъ дѣйствій Карла I являлся столь же небывалымъ дѣломъ. Поэтому рѣшили обратиться за совѣтомъ къ тѣмъ раболѣпнымъ судьямъ, о которыхъ было говорено выше, и всѣ они *единогласно* отвѣчали, что „буде обвиненіе будетъ доказано, Страффордъ подлежитъ тѣмъ карамъ, которыя установлены закономъ за государственную измѣну“ [Parl. History. II. 751]. Обвинительный приговоръ состоялся, при чемъ противъ обвиненія высказалось въ палатѣ общинъ 59 голосовъ, а въ палатѣ лордовъ—19 голосовъ. Съ еще болѣе упорною энергіей и такимъ же единодушіемъ обратились затѣмъ обѣ палаты противъ пагубнаго орудія этой правительственной системы. Упраздненіе административной власти звѣздной палаты, ея уголовной и гражданской юрисдикціи и также тѣхъ отраслей ея, которыя были извѣстны подъ названіемъ провинціальныхъ совѣтовъ, были чрезвычайно важнымъ шагомъ, имѣвшимъ рѣшающее значеніе для всей будущности Англіи.

†††) На рѣшенія, принятыя духовенствомъ на конвокаціяхъ, долгій парламентъ отвѣчалъ прежде всего закономъ St. 16, Cor. I c. 11, которымъ Court of High Comission былъ упраздненъ, причемъ заявлялось, что „и впредь не должно быть учреждаемо никакого новаго суда этого рода съ подобными же полномочіями, властью и юрисдикціей, и что всякіе патенты, имѣющіе быть изданными съ этою цѣлью должны быть признаны недѣйствительными“. Нижняя палата объявила каноны, возбуждавшіе такой соблазнъ, тоже недѣйствительными и необязательными, даже для духовенства, и предала суду архіепископа Лауда, а нѣсколько позднѣе и 19 епископовъ О силѣ оппозиціоннаго настроенія, господствовавшаго въ палатѣ, можетъ дать понятіе тотъ фактъ, что рѣшеніе это было принято единодушно, за исключеніемъ одного только голоса, предлагавшаго отправить епископовъ въ сумасшедшій домъ. Резолюціей, состоявшейся 21 февраля 1642 г., всѣ 12 епископовъ были приговорены къ конфискаціи свѣтскихъ и духовныхъ ихъ имуществъ и къ пожизненному тюремному заключенію.

теперь въ такой фазисъ, который, еслибы дѣло происходило въ средніе вѣка, завершился бы заключеніемъ мира съ торжественными клятвами, скрѣпленными церковью. Но вскорѣ оказалось, что такой исходъ въ описываемую нами пору уже болѣе невозможенъ ни для той, ни для другой стороны. Раздоръ между королемъ и парламентомъ обострялся все болѣе и болѣе. Безразсудная попытка короля арестовать лично въ парламентѣ пятерыхъ изъ членовъ оппозиціи и споръ о томъ, кому начальствовать надъ милиціей послужили въ началѣ 1642 г. сигналомъ, по которому обѣ стороны взялись за оружіе *).

Въ загорѣвшейся междоусобной войнѣ партіи, по чисто случайнымъ поводамъ, приняли наименованіе «кавалеровъ» и «круглыхъ головъ». Дворянство, рыцари, горожане и крестьяне распались на два лагеря, такъ же, какъ и весь государственный строй, элементы котораго вступили между собою въ борьбу. На сторонѣ короля сражались большинство дворянъ и крупнаго gentry, движимые от-

---

*) „Исторія долгаго парламента", написанная современникомъ этихъ событій и секретаремъ парламента Томасомъ Меемъ (Th. May, History of the Long Parliament), въ настоящее время появилась въ новомъ изданіи, London, 1854; см. также Parry, Parliaments, стр. 340—533. Знаменитый долгій парламентъ, открывшійся 3 ноября 1640 г., состоялъ въ нижней палатѣ изъ 480 представителей Англіи и 24 депутатовъ отъ Уэльса Въ верхнюю палату были приглашены: 1 герцогъ, 1 маркизъ, 63 графа, 5 виконтовъ, 54 барона, 2 архіепископа и 24 епископа. Нижняя палата по своему была однимъ изъ самыхъ блестящихъ и богатыхъ собраній, какія когда-либо были видны въ Англіи. Карлъ I попытался было снова пустить въ ходъ свою тактику льстивой уступчивости, но словамъ его никто уже болѣе не давалъ вѣры. Такимъ образомъ реакція не могла найти себѣ никакой точки опоры. Послѣ опрометчивой попытки короля арестовать лично въ парламентѣ пятерыхъ членовъ оппозиціи не могло болѣе оставаться никакихъ сомнѣній относительно намѣреній придворной партіи. Положеніе дѣлъ въ Шотландіи и Ирландіи было таково, что правительству необходимо было получить разрѣшеніе парламента на субсидію; король не скрывалъ, что онъ намѣренъ употребить эти деньги на вербовку постоянной арміи. Парламентъ же, съ своей стороны, требовалъ, чтобы ему было предоставлено назначать лорда-намѣстника, стоящаго во главѣ милиціи графствъ. Король отказался удовлетворить это требованіе и вслѣдъ за этимъ обѣ стороны взялись за оружіе. Тутъ сказались важныя послѣдствія мѣры, принятой еще Іаковомъ I и отмѣнявшей тѣ градаціи милиціонной повинности, которыя были установлены стариннымъ закономъ (1 Jac. I c. 25 § 46). Въ общемъ убѣжденіи снова установился тотъ взглядъ, что при островномъ положеніи страны регулярное войско не составляетъ необходимости. Со времени принятія вышеупомянутой мѣры, правительство предоставило себѣ призывать ополченія лишь по мѣрѣ надобности. Вслѣдствіе этого вся военная организація страны пришла въ полный упадокъ и съ такими-то вооруженными силами началась междоусобная война. Если и до этого милиція въ большинствѣ графствъ успѣла отвыкнуть отъ требованій военной дисциплины, то теперь она, когда междоусобная война разрушила связь между составными ея частями, окончательно распалась. Между тѣмъ, какъ большинство мелкихъ землевладѣльцевъ и горожанъ стало на сторону парламента, наибольшая часть дворянства и стариннаго gentry съ своими арендаторами и прислугой держало сторону короля; такимъ образомъ въ иные моменты междоусобной войны дѣло принимало такой видъ, какъ будто старая ленная милиція и новая милиція графствъ воюютъ другъ съ другомъ.

части убѣжденіемъ, отчасти же честолюбіемъ; за парламентъ стояли большинство наиболѣе процвѣтающихъ, промышленныхъ городовъ и мелкіе землевладѣльцы, предводительствуемые отчасти лордами, отчасти же представителями старыхъ рыцарскихъ фамилій изъ коренныхъ жителей графства, какъ напримѣръ: Гэмпденъ, Диггсъ, Венъ и другіе, титулы которыхъ на континентѣ давали бы имъ право сопричислять себя къ высшей аристократіи, или просто члены хорошихъ, но не титулованныхъ фамилій, какъ напримѣръ: Блэкъ, Брэдшау, Кромвель и др. Масса войска, сражавшаяся какъ на той, такъ и на другой сторонѣ, состояла изъ милиціи, распавшейся равнымъ образомъ на двѣ партіи. Словомъ, въ этой борьбѣ выступали всѣ господствующіе элементы общества, раздвоившіеся, но еще склонные съ обѣихъ сторонъ къ примиренію. Кавалеры даже нерѣдко вступали въ переговоры съ своими противниками вопреки волѣ короля. Война съ обѣихъ сторонъ велась честно, условія капитуляцій и заключаемыя перемирія соблюдались добросовѣстно; только дисциплина между роялистами оставляла многаго желать. Ничего похожаго на сословную ненависть въ этихъ междоусобіяхъ не проявляется, напротивъ, мы видимъ, что въ число условій мирнаго договора, состоявшагося въ 1646 г., было включено и такое условіе, какъ возведеніе Кромвеля и шести другихъ лицъ въ перское достоинство **).

**) *Внѣшнее* распаденіе парламента на два лагеря произошло въ 1642 г., когда король призвалъ всѣхъ „вѣрныхъ ему“ членовъ парламента въ Оксфордъ для дальнѣйшей сессіи. На призывъ короля откликнулось 118 членовъ палаты общинъ. Оставшееся большинство состояло главнымъ образомъ изъ умѣренныхъ пресвитеріанцевъ и небольшаго числа индепендентовъ. Большинство лордовъ въ началѣ тоже осталось при парламентѣ, засѣдавшемъ въ Уэстминстерѣ, и лишь позднѣе перебралось въ Оксфордъ (Rushworth, V. 559). Но даже и это роялистское большинство лордовъ и джентльменовъ крѣпко держалось за свое парламентское право, между тѣмъ какъ король обращался съ своимъ оксфордскимъ парламентомъ (Mongrel-Parliament) почти пренебрежительно. Беря среднія цифры, можно сказать, что партія роялистовъ въ парламентѣ составляла около двухъ третей, а въ населеніи около одной трети. Въ обоихъ лагеряхъ мы видимъ и дворянство, и gentry, и городское сословіе, и сельское населеніе, хотя пропорція, въ которой распредѣляются эти различные элементы между двумя воюющими сторонами, и не одинакова. Одна только государственная церковь, съ своимъ персоналомъ должностныхъ лицъ, проникнутыхъ духомъ абсолютизма, стояла всецѣло на сторонѣ короля. На этой же сторонѣ стояли преимущественно сѣверныя графства, въ которыхъ Gentry и Jeomanry не утратили своихъ воинственныхъ привычекъ и наклонностей. Это-то обстоятельство и сосредоточеніе главнаго начальства въ однихъ рукахъ составляли преимущество роялистской партіи, – преимущество, ослаблявшееся, однако, въ значительной степени тѣмъ, что отряды, состоявшіе изъ рыцарей-землевладѣльцевъ съ ихъ арендаторами, не легко было удерживать въ надлежащей субординаціи и еще труднѣе было превратить въ регулярное войско. Парламентская партія превосходила роялистовъ численностью, располагала бо́льшими финансовыми средствами, отличалась лучшимъ управленіемъ и, главное, имѣла на своей сторонѣ преимущество упорной энергіи и того религіознаго воодушевленія, которое секты вносили въ борьбу за дѣло свободы.

Парламентъ въ своемъ образѣ дѣйствій сообразовался съ тѣмъ, что оказывалось возможнымъ при данныхъ обстоятельствахъ. Такъ какъ ему приходилось облагать населеніе налогами, платить жалованье войскамъ и творить судъ и расправу, то для всѣхъ этихъ отправленій понадобилось учредить нѣчто въ родѣ исполнительной власти. Но при этомъ въ принципѣ все еще признавалась власть короля. Для огражденія себя парламентъ предложилъ королю условія мира, сформулированныя въ 19 статьяхъ и сводившіяся къ тому, чтобы король призналъ на извѣстное время существованіе вышеупомянутаго учрежденія. Предложенная сдѣлка не имѣла характеръ конституціоннаго прецедента; парламентъ просто стремился оградить себя ею отъ мести Карла и его приближенныхъ. Даже въ тотъ Covenant, который былъ заключенъ съ шотландскими инсургентами и содержалъ въ себѣ болѣе значительныя уступки, все же было включено клятвенное обязательство охранять «особу короля и неприкосновенность его власти».

Но именно поэтому-то партія, игравшая до сихъ поръ руководящую роль въ парламентѣ, была не въ силахъ довести борьбу до конца. Оставаясь на почвѣ выдвинутаго ею принципа, она не могла, безъ подрыва себѣ-же самой, низвергнуть короля, власть котораго она признавала непремѣннымъ условіемъ конституціи. Ея принципъ правоваго соглашенія, принципъ, теоретически вѣрный и практически осуществленный въ предѣлахъ признанной конституціи,— разбивался о невозможность соглашенія относительно конституціи, которая была уже нарушена. А эта невозможность коренилась въ самой личности короля.

Карлъ былъ воспитанъ въ такую эпоху и при такой обстановкѣ, которыя отождествляли вѣроломство съ искусствомъ государственнаго управленія. При его понятіяхъ о королевской власти, о королевскихъ обязанностяхъ и клятвахъ, никакая вообще конституція не могла устоять. Двадцатилѣтній опытъ показалъ, насколько можно полагаться на коронные суды и на присягу чиновничьяго персонала. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что король, какъ только онъ упрочитъ за собою безконтрольную власть, съ удвоенной энергіей возвратится къ прежней своей системѣ. Хорошо всѣмъ извѣстный терпераментъ его, чувство оскорбленной чести, вліяніе высокомѣрной и злопамятной супруги, все это дѣлало для него возвратъ къ конституціи невозможнымъ. Во всѣхъ противорѣчивыхъ поступкахъ политической жизни проходитъ одна неизмѣнная черта: лживость и отсутствіе вѣрности данному слову. Но самою основною причиною этого положенія было то возрѣніе на *божественное право* короля, которое господствовало и при дворѣ, и въ церкви, и въ чиновничьей средѣ. Въ тѣсной и душной сферѣ, которую обнимала эта

богословская юриспруденція, считалось непререкаемо установленной истиной, что «между королемъ и его подданными не можетъ существовать ничего подобнаго взаимному договору; что король, если-бы онъ даже захотѣлъ, не можетъ ничего уступить изъ своей абсолютной власти, что въ каждомъ обѣщаніи и въ каждой клятвѣ короля сама собою подразумѣвается оговорка относительно salvo jure regis; что поэтому король, въ случаѣ необходимости, можетъ нарушить данное слово, и что онъ одинъ является судьею въ вопросѣ о существованіи такой необходимости». Непосредственною основою неограниченной власти короля выставляется божественная воля и, при помощи такого объясненія, власть эта выдается за нѣчто непостижимое для человѣческаго разума безъ помощи благодати и божественнаго откровенія. Совершенно послѣдовательно этимъ посылкамъ, право окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, что должно считаться священнымъ въ государствѣ и что не согласно съ волей Божіей, предоставлялось церкви и верховному ея главѣ. Церковь связываетъ и разрѣшаетъ не только совѣсть единичныхъ лицъ, но и совѣсть государей и народа въ вещахъ, касающихся взаимныхъ ихъ конституціонныхъ отношеній. Такова была система, которую духовенство государственной церкви проводило при помощи короля, а король проводилъ при помощи духовенства. Въ предѣлахъ этой системы нѣтъ мѣста для вѣрности данному слову или клятвѣ со стороны короля; а такъ какъ Карлъ I, въ противуположность своему отцу, обладалъ достаточной отвагою и несокрушеннымъ упорствомъ воли, чтобы отождествлять эти теоріи съ собственной своей особой, то не могло быть и рѣчи о какомъ-либо соглашеніи съ такимъ монархомъ ***).

***) Сдѣлки, заключавшіяся между обѣими партіями въ періодъ этой борьбы, въ особенности вышеупомянутыя 19 статей, предложенныя парламентомъ, не представлялись по внѣшней своей формѣ чѣмъ-либо небывалымъ; примѣры подобныхъ сдѣлокъ можно найти и въ исторіи прежнихъ столкновеній королевской власти съ парламентомъ; но на этотъ разъ онѣ проникнуты духомъ той религіозной распри, которая разрѣшалась въ эту эпоху. Особенно рѣзко проявляется присутствіе новаго элемента въ томъ договорѣ (Covenant), который былъ заключенъ съ шотландцами. Главною причиною, дѣлавшею примиреніе невозможнымъ, была личность Карла, которую всѣ успѣли хорошо распознать за двадцать лѣтъ его правленія. Съ самаго восшествія его на престолъ онъ щедро расточалъ обѣщанія на словахъ и нарушалъ данныя слова своими поступками, и это было съ его стороны не простою опрометчивостью, а цѣлою обдуманною системою. Въ этомъ отношеніи вполнѣ заслуживаетъ довѣрія свидѣтельство лорда Кларендона о мнѣніи, господствовавшемъ при дворѣ, что „всѣ уступки, сдѣланныя его величествомъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, могутъ быть взяты имъ назадъ при первомъ же удобномъ случаѣ.“ (Clarendon. II, 252). „Слѣдующее же посѣщеніе, которымъ его величество не замедлилъ бы почтить свои вѣрныя общины въ ближайшемъ будущемъ, безъ сомнѣнія, имѣло бы болѣе серьозныя послѣдствія, чѣмъ то, которымъ онъ уже почтилъ ихъ, или чѣмъ то, которое было сдѣлано имъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя собственнымъ ихъ пол-

Такимъ образомъ оппозиція, сохранявшая вѣрность конституціи, имѣла передъ собою слѣдующую дилемму: или поступиться конституціей и собственной личной безопасностью въ придачу, или же, нарушивъ собственные принципы, направить свое нападеніе на королевскую власть. Такъ какъ они не хотѣли ни того, ни другаго, то вожди ея были парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ и роль ихъ въ виду дѣйствительнаго положенія дѣлъ съ каждымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе нерѣшительной. Очевидно было, что партія такъ-называемаго «Covenant», взявшаго на себя клятвенное обязательство «охранять личную неприкосновенность и власть короля», не въ состояніи была довести до конца предстоявшую рѣшающую борьбу противъ короля. Партія эта, правда, пробовала успокоить себя фикціей такого рода, что «король въ парламентѣ ведетъ войну противъ короля въ лагерѣ роялистовъ». Но подобная фикція годилась развѣ только для парламентской программы, а не для войны на жизнь и на смерть съ реальною арміей «кавалеровъ».

Лишь теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ междоусобицы, не приприведшей ни къ какому рѣшительному результату, изъ рядовъ парламентской партіи выдѣляются элементы, которые въ своихъ идеалахъ церковнаго и государственнаго устройства заходятъ далеко за предѣлы существующаго строя. Лишь теперь настаетъ пора людей, проникнутыхъ *религіозною* вѣрою въ свободу, и изъ такихъ-то людей, «сильныхъ внутреннимъ спокойствіемъ своей совѣсти и хорошо вооруженныхъ извнѣ желѣзными доспѣхами, людей, умѣвшихъ стоять за свое дѣло, какъ одинъ человѣкъ», Оливеръ Кромвель впервые составляетъ свою дружину. То были члены различныхъ сектъ, доведенные до фанатизма продолжительнымъ административнымъ гнетомъ и стремленіемъ государственной церкви окатоличить насильно страну. Система абсолютизма, въ силу логической необходимости, привела въ конечныхъ своихъ выводахъ къ крайнему усиленію принципа самовластія какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ, при чемъ церковь утрачивала свое значеніе связующаго элемента и распадалась на отдѣльныя группы, руководившіяся принципомъ такъ-

---

ководцемъ". (Macaulay, Essays). Вплоть до конца царствованія Карла I парламенты вынуждены были руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ необходимостью самосохраненія. Съ горечью, которая, безъ сомнѣнія, еще живѣе ощущалась современниками, Маколей добавляетъ къ вышеприведенному замѣчанію: „Такіе короли существуютъ и понынѣ, позоря собою престолы въ государствахъ южной Европы: они равно вѣроломны, какъ относительно сообщниковъ, услугами которыхъ пользуются, такъ и относительно противниковъ, оказывающихъ имъ пощаду; въ минуту опасности они готовы идти на какія угодно уступки, готовы въ чемъ угодно клясться, переносить всевозможныя униженія, выдавать головою всѣхъ тѣхъ, которые служили орудіемъ тиранніи, и при этомъ съ привѣтливой, улыбающейся непримиримостью выжидать того блаженнаго дня, когда месть сдѣлается для нихъ возможной.

называемаго voluntarism'a; такимъ образомъ основныя начала парламентской конституціи разлагались, уступая мѣсто пуританскому индивидуализму. Партіи, занимавшія средину между этими двумя крайностями, отчасти по доброй волѣ, частью же въ силу необходимости должны были отступить на задній планъ. Война теперь началась съ помощью регулярной арміи, организованной «по новѣйшему образцу» (т. е. состоявшей изъ кирасировъ, драгуновъ и регулярной пѣхоты) и предводительствуемой искусными вождями. Война эта окончилась пораженіемъ короля, бѣгствомъ его и взятіемъ въ плѣнъ. Также, какъ и во время прошлыхъ войнъ съ Франціей, армія мелкихъ землевладѣльцевъ, организованная по новой системѣ, одержала верхъ надъ войскомъ, составленнымъ изъ дворянъ и изъ домашней челяди, такъ какъ храбрость этого рода войска могла имѣть рѣшающее значеніе лишь въ иррегулярныхъ конныхъ сваткахъ †).

Рядомъ съ побѣдою вооруженной силы, въ парламентѣ, въ арміи и во всевозможныхъ петиціяхъ шла пропаганда тѣхъ доводовъ, заимствованныхъ изъ библіи, на основаніи которыхъ сектанты отвергали королевское право; дѣло велось съ ихъ стороны съ тою же остроумной находчивостью, діалектикой и настойчивостью, какъ и со стороны придворныхъ богослововъ. Теперь въ этой библейской діалектикѣ выдвигается идеалъ республиканскаго образа правленія, о которомъ въ первые годы борьбы не было и рѣчи. До сихъ поръ пуритане были чисто религіозною партіей; они требовали себѣ право свободнаго самоопредѣленія въ области предметовъ, касавшихся ихъ, какъ христіанской общины; ихъ идеалы не шли далѣе идеаловъ извѣстнаго церковнаго устройства. Въ борьбѣ, которую они вели противъ королевской власти, они въ королѣ видѣли папу, а не монарха. Лишь послѣ того, какъ конституція была нарушена, выяснилось, что церковное государство и государственная церковь отнынѣ стали неразлучны, при чемъ республика, почти противъ воли пуританъ, сама собою сдѣлалась цѣлью ихъ стремленій. Еретическій догматъ, утверждавшій, что право верховной власти основано на благодати и что слѣдовательно гражданская власть теряетъ свое право, если впадаетъ въ грѣхъ, теперь преобразился въ свѣтское

---

†) Въ теченіе междоусобной войны парламентъ замѣнилъ милицію системою постоянныхъ войскъ, состоявшихъ на жалованьи, системою, которая еще раньше была введена въ Шотландіи. Въ рѣшающей битвѣ при Нэзби на сторонѣ парламента сражались рекруты, большинство которыхъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ поступили подъ знамена и изъ всего состава офицеровъ только девять человѣкъ участвовали въ прежнихъ войнахъ на континентѣ, между тѣмъ какъ въ королевской арміи такихъ офицеровъ числилось болѣе тысячи человѣкъ. Но при всемъ томъ, благодаря организаціи пуританскихъ войскъ и духу, оживившему ихъ, дѣйствіе ихъ на непріятеля было сокрушающее. Въ отношеніи дисциплины „бунтовщики“ съ самаго начала стояли выше „злонамѣренныхъ“.

понятіе о «государственной измѣнѣ, совершонной королемъ по отношенію къ народу». (Парламентское постановленіе отъ 1 января 1649 г.) Уильямъ Алленъ, генералъ-адъютантъ пуританской арміи, свидѣтельствуетъ, что уже въ началѣ 1648 г. «совѣтъ офицеровъ по долгомъ совѣщаніи между собою и послѣ усердной молитвы пришелъ къ тому заключенію, что по единодушному и категорическому рѣшенію, ихъ обязанность, — привлечь Карла Стюарта, этого человѣка, забрызганнаго кровью, къ отчету за всю кровь, пролитую имъ, и за все великое зло, которое онъ учинилъ передъ Господомъ и народомъ». Между тѣмъ какъ болѣе умѣренныя фракціи побѣдившей партіи колебались приступить къ суду надъ королемъ и вели переговоры о мирѣ, Карлъ, остававшійся неисправимымъ при всевозможныхъ условіяхъ, пустилъ въ ходъ и въ плѣну свою обычную лукавую тактику и старался внести разъединеніе между парламентомъ и шотландцами, между арміей и народомъ. Одновременно съ этимъ открылся и получилъ широкую огласку цѣлый рядъ новыхъ его обмановъ, подтверждавшихся неотразимыми доказательствами. Все это заставило наконецъ болѣе умѣренную партію уступить безъ особеннаго сопротивленія и предоставить короля возмездію арміи и пуританскихъ святыхъ. Но замѣчательною чертою, характеризующею борьбу принциповъ, которые сталкивались въ этотъ періодъ, является та неизмѣнная вѣрность своимъ правовымъ убѣжденіямъ, которую при всемъ возбужденіи страстей и среди самыхъ ожесточенныхъ схватокъ сохранили какъ единичныя личности, такъ и цѣлыя партіи. Еще 22 апрѣля 1648 г. палата общинъ принимаетъ резолюцію, въ которой объявляетъ, что не «согласна измѣнить основной порядокъ государственнаго управленія посредствомъ короля, лордовъ и общинъ». Еще въ декабрѣ 1648 г. большинство нижней палаты отстаиваетъ личную неприкосновенность короля. Еще 2 января 1649 г. палата лордовъ (т. е. уцѣлѣвшій остатокъ прежняго ея состава, изображающій изъ себя крайнюю лѣвую этого собранія) отвергаетъ единогласно предложеніе о преданіи короля суду ††).

---

††) Богословскій характеръ партійной борьбы того времени, столь чуждый теперешнимъ нашимъ понятіямъ, объясняется всѣми предыдущими событіями, въ которыхъ королевское верховенство въ церковныхъ дѣлахъ послужило орудіемъ для ниспроверженія парламентскаго образа правленія. Богословы того времени сдѣлались государственными людьми, а государственные люди богословами. Другаго діалектическаго оружія, кромѣ тѣхъ доводовъ, которые можно было почерпнуть изъ библіи, въ области тогдашней политики вообще не существовало. Такимъ образомъ взгляды на отношеніе народа къ королевской власти, ставшей въ то же время и папскою властью, встрѣчались на этой общей почвѣ, равно признанной обѣими спорящими сторонами, и представлявшей какъ той, такъ и другой партіи доводы для защиты ея положеній. Если крайнія партіи получили перевѣсъ надъ всѣми остальными, то этимъ онѣ были обязаны своей твердой рѣшимости не вступать ни въ какія компромиссы, такъ какъ на королевскую

Между тѣмъ въ палату поступило заявленіе (remonstrance) арміи. Въ этомъ заявленіи «его превосходительство, лордъ главнокомандующій и главный совѣтъ офицеровъ выставляютъ палатѣ на видъ опасности предполагавшагося мирнаго договора съ королемъ и требуютъ, чтобы личность короля была подвергнута судебному преслѣдованію на основаніи существующихъ общихъ законовъ». Когда палата общинъ, не взирая на это требованіе, большинствомъ 129 противъ 83 голосовъ постановила 5 декабря 1648 принять условія мирнаго договора, армія выступила противъ большинства палаты съ оружіемъ въ рукахъ; 47 членовъ палаты были взяты въ плѣнъ, а 96 объявлены исключенными (secluded). Послѣ того, какъ всѣ несогласные съ арміей представители были разогнаны, въ палатѣ, по послѣднему счету голосовъ, произведенному въ декабрѣ 1648 г., оказалось на лицо не болѣе 51 члена. На мѣсто изгнанныхъ теперь, какъ въ парламентѣ, такъ и на театрѣ военныхъ дѣйствій выступило на первый планъ и получило преобладающее вліяніе прежнее меньшинство, состоявшее изъ индепендентовъ, республиканцевъ и такъ-называемыхъ levellers (уравнители). Не взирая на заявленные протесты, оставшееся меньшинство продолжаетъ засѣдать въ качествѣ палаты общинъ и предаетъ короля суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ противъ англійскаго народа †††).

власть онѣ вообще смотрѣли какъ на нѣкотораго рода первосвященничество, присвоенное себѣ человѣкомъ вопреки волѣ Божіей. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, онѣ упускали изъ виду, что королевская власть въ то же время была свѣтскою основою всѣхъ правъ, которыми пользовались сословія, и необходимою посылкою, которая сама собою предполагалась при существующемъ общественномъ строѣ. Для сектантовъ, чувствовавшихъ себя жестоко оскорбленными въ религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ, не существовало средняго пути между водвореніемъ цезаризма, являвшагося въ то же время и папизмомъ,—и между ниспроверженіемъ самой монархіи. Подобно тому, какъ единичныя личности въ борьбѣ за свободу не думаютъ о своей семьѣ и имуществѣ, точно также цѣлый народъ въ борьбѣ этого рода забываетъ, что онъ есть ничто иное, какъ общество, въ которомъ послѣ одержанной побѣды неизбѣжно предстоитъ нескончаемый рядъ новыхъ битвъ. Между тѣмъ король, съ своей стороны, уже находясь въ плѣну, пытался противуположить и этимъ противникамъ ту тактику, въ которой онъ видѣлъ высшее искусство правителя. „Я не теряю надежды“, говоритъ онъ въ письмѣ къ Дигби, „привлечь на свою сторону либо пресвитеріанцевъ, либо индепендентовъ и добиться такимъ образомъ, чтобы одна партія истребила другую, а я снова сдѣлался дѣйствительно королемъ“. Но на этотъ разъ „юридически-клерикальная“ натура Карла [Ранке II, 565) имѣла дѣло съ противниками одинаковаго съ ней закала.

†††) Армія настояла на томъ, чтобы былъ данъ дальнѣйшій ходъ обвиненію, которое было заявлено Джономъ Кукомъ „отъ имени англійскаго народа противъ Карла Стюарта, какъ противъ тирана, государственнаго измѣнника, человѣкоубійцы и отъявленнаго, неумолимаго врага всей совокупности англійскаго населенія“ Пріискать подходящую форму процедуры и предсѣдателя для подобнаго процесса было дѣло нелегкое, король съ достоинствомъ велъ свою защиту передъ этимъ противузаконнымъ судилищемъ и закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Такъ вотъ за что я очутился здѣсь. Если бы я уступилъ своему произ-

Преданіе короля суду, назначеніе судебной коммиссіи для этого процесса, обвиненіе и казнь короля, все это представляетъ рядъ наиболѣе тяжкихъ насильственныхъ актовъ во всей исторіи англійской конституціи; такіе акты въ исторіи того или другаго европейскаго народа могутъ совершиться не болѣе одного раза. Нарушеніе всѣхъ коренныхъ основъ государственной жизни, исходившее отъ личности короля, въ концѣ-концевъ пало на его же голову. Его власть, которую онъ выводилъ изъ jure divino и во имя которой онъ приносилъ въ жертву всѣ права своего народа толкованіямъ своихъ придворныхъ богослововъ и тому, что онъ считалъ своимъ болѣе высокимъ, божественнымъ правомъ, пала сраженная религіознымъ убѣжденіемъ, которое, безъ сомнѣнія, въ основѣ своей имѣло болѣе вѣрную мысль, нежели та, которою руководился король. Для подобнаго рода актовъ въ предѣлахъ нормальнаго государственнаго строя не существуетъ мѣрила правоты или неправоты, ихъ можно судить лишь прилагая къ нимъ мѣрило нравственнаго добра или зла, становясь на точку зрѣнія общества, вынужденнаго необходимостью снова вернуться къ *самозащитѣ*. На поставленный такимъ образомъ вопросъ лордъ Чэдамъ отвѣтилъ слѣдующими словами: «There was ambition, there was s dition, there was violence»; but no man shall persuade me that it was not the cause of liberty on one side, and of tyranny on the other».

Два наивысшіе идеала человѣческихъ стремленій въ средніе вѣка, наслѣдственная монархія и христіанская церковь руководили англійскимъ народомъ въ теченіе его тысячелѣтней исторіи и подняли его на высшую ступень нравственности, правоваго развитія и культуры. Одно изъ этихъ учрежденій дѣйствовало на внѣшнюю сторону жизни, т. е. на юридическій бытъ, второе же вліяло на внутреннюю сторону, ея т. е. на нравственное настроеніе и совѣсть; дополняя одно другое и поддерживая другъ друга своимъ взаимнодѣйствіемъ, они преобразили и возвысили общество. Какъ то, такъ и другое учрежденіе, имѣя своими представителями людей, далекихъ отъ непогрѣшимости, были и подвержены злоупотребленіямъ и искаженіямъ, доводившимъ ихъ до пародіи на все, что только есть самаго священнаго. Монархія при королѣ Іоаннѣ, безспорно, была болѣе глубоко унижена, чѣмъ при Карлѣ I. Римская церковь, въ то время, когда противъ нея возсталъ Лютеръ, пала ниже, чѣмъ англиканская церковь при

волу и дѣйствительно хотѣлъ измѣнить всѣ законы страны посредствомъ меча, то мнѣ не пришлось бы явиться сюда, а потому я говорю вамъ, что умираю мученикомъ англійскаго народа". Онъ съ твердостью выслушалъ свой смертный приговоръ и такъ же твердо отправился на казнь, которая была совершена передъ дворцомъ Уайтголь, при чемъ въ толпѣ присутствовавшаго народа были проявленія состраданія къ его участи.

Карлѣ и архіепископѣ Лоудѣ. Но во времена Іоанна, рядомъ съ унизившею себя королевскою властью, стояла церковь, сохранявшая еще во всей полнотѣ свою нравственную силу и олицетворявшаяся такими людьми, какъ архіепископъ Лэнстонъ и его сотоварищи по служенію. Въ эпоху реформаціи, наоборотъ, рядомъ съ выродившейся римско-католической церковью, мы встрѣчаемъ геройскія личности религіозныхъ реформаторовъ и монарховъ, способныхъ поддержать достоинство своего званія. Между тѣмъ, при Карлѣ I, правленіе котораго было смѣсью *цезризма и папизма*, оба учрежденія являлись одинаково недостойными своего назначенія. Это-то и обострило разладъ до такой степени, что общество вернулось къ своему законному праву, которое при самомъ возникновеніи монархіи было сохранено за нимъ для крайнихъ случаевъ (см. стр. 124–5). Оно снова увидѣло себя вынужденнымъ вернуться къ тому первоначальному состоянію, въ которомъ само себѣ помогало, какъ знало; только этимъ путемъ оно могло фактически доказать негодность королевскаго папизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился въ описываемую эпоху. На почвѣ провозглашенной такимъ образомъ верховнаго суверенитета власти самого общества предстояло теперь возвести заново зданіе государственнаго и церковнаго управленія; при этомъ обществу и государству предстояло пережить новую тяжкую борьбу и подвергнуться новымъ серьознымъ опасностямъ (см. § 35), какъ то и предвидѣли болѣе умѣренныя партіи.

---

§ 35.

Республика.

Государство, въ которомъ престолъ упразднился, превратилось въ республику, или въ Commonwealth of England, какъ его назвали во избѣжаніе чужеземнаго, непопулярнаго слова. Парламентскимъ актомъ отъ 19 мая 1649 г. англійскій народъ былъ объявленъ составляющимъ «свободное общественное и государственное цѣлое». Королевская власть и палата лордовъ, какъ «ненужныя и опасныя для народной свободы», были формально упразднены парламентскими постановленіями.

Упорная и дѣятельная энергія партіи, достигшей такого успѣха, воплотилась съ одной стороны въ побѣдоносной арміи и мужественномъ ея Lieutenant-General Кромвелѣ, съ другой стороны — въ парламентѣ, который, по изгнаніи представителей умѣренныхъ фрак-

ціи, состоялъ лишь изъ членовъ бывшей крайней лѣвой. Этотъ-то парламентъ избралъ государственный совѣтъ, въ которомъ фактически руководящую роль взялъ на себя лично Кромвель. Отдѣльныя мѣропріятія правительства исходили въ началѣ частью отъ государственнаго совѣта, частью отъ парламента, частью отъ совѣта офицеровъ, частью же отъ самого лорда-главнокомандующаго лично.

Вскорѣ выяснилось, что взгляды на вопросы управленія какъ въ парламентѣ, такъ и въ средѣ управленія рѣзко расходятся между собою. Но опасное положеніе страны, единство стремленій во всемъ, что касалось внѣшнихъ противниковъ, необходимость обороны отъ роялистовъ и приверженцевъ епископальной церкви, наконецъ посредничество лорда-главнокомандующаго, все это въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ удерживало неправильно составленное правительство отъ распаденія. Кромвель видѣлъ въ этомъ парламентѣ единственное юридическое звѣно, связывавшее настоящее съ прошлымъ. Не ранѣе 20 апрѣля 1653 г. рѣшился онъ разогнать вооруженною силою это собраніе, успѣвшее сдѣлаться ненавистнымъ, благодаря своимъ мѣропріятіямъ и той несмѣняемости, которую оно себѣ присвоило. Правленіе, установившееся послѣ этого, носитъ, не взирая на нѣкоторыя послѣдующія перемѣны въ формахъ, характеръ *военной дикатуры Кромвеля* и воплощаетъ въ себѣ духъ пуританства.

Сохраняя извѣстную долю безпристрастія, нельзя не признать, что Кромвель съ достоинствомъ выдержалъ свою роль представителя государственной власти. Между тѣмъ, какъ Стюарты сдѣлали Англію безсильною во внѣшней политикѣ, Кромвель стоялъ въ ряду наиболѣе уважаемыхъ правителей своего времени, Нидерланды, Франція и Испанія преклонялись передъ могуществомъ Англіи. Коронованныя главы европейскихъ государствъ одинъ за другимъ спѣшили заявить протектору свое уваженіе. Войско и флотъ, Шотландія и Ирландія покорствовали правительству, какъ никогда. Торговля и промышленность процвѣтали, торговая политика протектора была такова, что и позднѣе въ теченіе длиннаго ряда годовъ на нее смотрѣли, какъ на образецъ, достойный подражанія. Въ податную систему была введена бо̀льшая правильность; была организована почта. Протекторъ былъ первымъ правителемъ, ясно сознавшимъ, что Англія призвана преимущественно развивать свое могущество на моряхъ. Въ отправленіяхъ гражданскаго правосудія соблюдалась строгая добросовѣстность; «никогда еще», сознается самъ лордъ Кларендонъ, «Уэстминстеръ-Гиль не могъ похвалиться составомъ такихъ ученыхъ нелицепріятныхъ судей, какъ при Кромвелѣ и никогда еще гражданское правосудіе, какъ въ регулярныхъ судахъ, такъ и въ судѣ Equity, не отличалось такимъ безпристрастіемъ». Различныя отрасли управленія ввѣрялись людямъ способнымъ и безупречнымъ, наукамъ и

талантамъ оказывалось покровительство. Къ этому остается прибавить еще то начало религіозной терпимости, введеніемъ котораго въ правительственную дѣятельность Англія обязана пуританамъ. Религіозная партія, основанная не на сословныхъ интересахъ духовенства, а на томъ, что для нея было живою религіозною истиною, могла смѣло отказаться отъ примѣненія насилія въ дѣлахъ вѣры. Теперь настала пора для осуществленія принципа религіозной терпимости, такъ какъ протестантизмъ въ Европѣ уже успѣлъ отвоевать себѣ окончательно упроченное положеніе. Отмѣна уголовныхъ законовъ, направленныхъ противъ католиковъ, оказывалась еще невозможной въ виду національнаго недовѣрія, стоявшаго за эти законы, но на католиковъ, все-таки, была распространена такая же терпимость, какая оказывалась и протестантскимъ сектамъ. Даже евреямъ, послѣ трехвѣковаго почти изгнанія, было снова разрѣшено селиться въ Англіи. Все это и многое другое указывало въ протекторѣ человѣка, умѣвшаго пользоваться аттрибутами королевской власти согласно съ истиннымъ назначеніемъ послѣдней и посрамлявшаго своимъ примѣромъ представителей выродившейся династіи.

Но не взирая на все это, въ странѣ *не было довольства*, не было его даже среди господствующей партіи. Эта послѣдняя, также какъ и всякая другая побѣдившая партія, почувствовала, что вслѣдъ за достиженіемъ ею государственной власти, положенія ея значительно измѣнились. Власть дѣйствительно была у нея въ рукахъ, но состояніе окружающаго общества было таково, что господствующая партія очутилась съ нимъ въ антагонизмѣ. Англійское общество въ томъ видѣ, въ какомъ оно сложилось еще въ средніе вѣка, съ его расчлененіемъ на сословныя группы лордовъ, gentry, мелкихъ землевладѣльцевъ и ремесленниковъ, горожанъ и промышленниковъ, духовенства и юристовъ, съ глубоко укоренившимися традиціонными воззрѣніями, свойственными каждой изъ этихъ группъ,— общество это, говоримъ мы, стояло въ непримиримомъ противорѣчіи съ государственными идеалами пуританскихъ партій. Члены послѣднихъ преимущественно принадлежали къ наиболѣе респектабельной части англійскихъ среднихъ сословій; поскольку они были мірянами, они по житейскому своему положенію не имѣли случая пріобрѣсти опытъ, необходимый для управленія государственными дѣлами. Поскольку они принадлежали къ духовенству, продолжительный гнетъ, подъ которымъ они находились, развилъ въ нихъ привычку къ оппозиціи, но не умѣнье править государствомъ. Воззрѣнія ихъ, благодаря которымъ они явили себя великими и побѣдоносными въ вооруженной борьбѣ, были непригодны для созданія прочнаго государственнаго устройства. Оказалось, что требованія «народа» распадаются на множество отдѣльныхъ мнѣній и интересовъ. Без-

численныя петиціи, поступавшія въ парламентъ, даютъ намъ картину общественнаго мнѣнія, столь же измѣнчиваго, сколько и разъединеннаго въ своихъ стремленіяхъ.

Роялистскія и епископальныя группы, составлявшія до сихъ поръ большинство господствующаго класса, теперь, будучи побѣждены, подъ гнетомъ общаго несчастія тѣснѣе примыкали другъ къ другу и откладывали въ сторону свои внутреннія партійныя разногласія, включая сюда и чисто-абсолютистскія и католическія стремленія. Партія, которая такъ долго была предметомъ гоненій, а теперь одержала верхъ, требовала наказанія всѣхъ тѣхъ, которые были соучастниками въ противузаконныхъ мѣрахъ Карла I, или, какъ ихъ теперь называли, всѣхъ «преступниковъ» (delinquents). Республика, съ своими, неслыханными до сихъ поръ, финансовыми потребностями, для удотвлетворенія этихъ потребностей издавала декреты, по которымъ масса имуществъ бралась подъ секвестръ, взымала значительныя штрафныя суммы съ тѣхъ, которымъ имущества ихъ оставлялись (сдѣлки такого рода назывались соглашеніемъ — compounding), наконецъ, относительно наиболѣе компрометтированныхъ личностей, прибѣгала даже къ продажѣ ихъ имуществъ. Сдѣланъ разсчетъ, что въ періодъ отъ 1640 до 1659 гг. отъ трехъ до четырехъ тысячъ gentlemen уплатили штрафовъ въ общей сложности до 1.305,299 ф. ст., 4 шилл. и 7 d.; секвестрированныя имущества тѣхъ, которые не захотѣли пойти на эту сдѣлку или не были до нея допущены, оцѣниваются въ сумму, превышающую впятеро только-что приведенную. Изъ рядовъ духовенства государственной церкви до 2000 лицъ были лишены своихъ приходовъ. Всѣ эти группы, побѣжденныя и ослабленныя, но при этомъ озлобленныя и сохранявшія извѣстное личное вліяніе на окружающихъ, дышали враждою противъ правительства.

Средняя партія пресвитеріанцевъ, которая когда-то составляла парламентское большинство и была силою удалена изъ парламента побѣдившею партіей, питала къ теперешнему правительству по меньшей мѣрѣ столь же ожесточенную ненависть, какъ и роялисты. Пресвитеріанская партія не желала паденія монархіи. Присяга на вѣрность республикѣ казалась ей еще болѣе, чѣмъ «кавалерамъ», дѣломъ противнымъ совѣсти; духовенство этой партіи отказывалось провозглашать обычнымъ порядкомъ декреты парламента съ церковныхъ каѳедръ. Неутомимое рвеніе, съ которымъ пресвитеріанцы заботились объ осуществленіи своей программы новой церковной организаціи, дѣлали ихъ еще болѣе, чѣмъ прежде, нетерпимыми въ церковныхъ вопросахъ и равнодушными къ политической свободѣ и къ гражданскимъ правамъ. Послѣ того, какъ имъ удалось осуществить номинально свой церковный идеалъ, этотъ послѣдній

оказался слишкомъ непрактичнымъ, что и изолировало среднюю партію, которая замкнулась въ какомъ-то безпредметномъ недовольствѣ.

Что касается болѣе *радикальныхъ фракцій* лѣвой стороны, за которыми, благодаря Кромвелю и арміи, осталась побѣда, то въ ихъ средѣ, какъ только онѣ добились дѣйствительнаго значенія и дѣятельной роли въ государствѣ, начинается постепенное разложеніе. Въ извѣстной части этихъ фракцій пуританское рвеніе приняло болѣе мірской характеръ, при чемъ на первый планъ выдвинулся отвлеченный республиканскій идеалъ государственнаго устройства, а въ церковныхъ вопросахъ господствовала терпимость или же индифферентизмъ. Другая часть пуританской партіи сохранила свое религіозное рвеніе, но ратовало преимущественно противъ поклоненія иконамъ и противъ епископской іерархіи. Весьма естественнымъ образомъ, новое свѣтское направленіе пуританства имѣло наиболѣе многочисленныхъ представителей въ арміи; политическій радикализмъ служитъ теперь до извѣстной степени противовѣсомъ религіозному радикализму. Но какъ тотъ, такъ и другой, будучи одинаково нетерпимы, каждый въ своей области, непригодны были для дѣйствительнаго опредѣленія тѣхъ формъ, которыя должна была принять конституція въ Англіи, и того хода, которымъ надлежало идти государственному управленію въ этой странѣ. Исключительное господство этихъ партій превратилось бы въ деспотизмъ по отношенію къ значительному большинству народа. Поэтому-то рѣшающее вліяніе осталось за тѣмъ элементомъ, который вообще-то индиферентно относился къ власти, именно за постоянной арміей.

Нѣчто новое для Англіи въ этомъ положеніи дѣлъ представляло то преобладаніе, которое теперь получили среднія сословія. Никогда еще до сихъ поръ въ исторіи Англіи не было примѣра движенія, которое исходило бы отъ самостоятельнаго начина одной палаты общинъ, а и того менѣе изъ низшихъ слоевъ средняго сословія. На этотъ разъ королевская власть была побѣждена не отрядами, составленными изъ приближенныхъ и домочадцевъ бароновъ, а мужественными и убѣжденными людьми средняго общественнаго положенія, которыми предводительствовали офицеры, избранные изъ собственной ихъ среды, арміей, въ составъ которой, правда, входила часть дворянства и gentry, но въ которой эти общественные элементы играли лишь роль вождей, солидарныхъ между собою и съ остальнымъ войскомъ въ дѣлѣ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій. Таковы были обстоятельства, возвысившія среднее сословіе какъ въ собственномъ ихъ сознаніи, такъ и въ общественномъ ихъ положеніи на такую степень, что отнынѣ всякое существующее правительство волей-неволей должно было съ ними считаться и не могло уже ихъ игнорировать, подобно тому, какъ оно не могло

игнорировать настроеніе арміи. Вскорѣ послѣ казни Карла I и провозглашенія республики, со всѣхъ сторонъ стали поступать петиціи отъ представителей тѣхъ фракцій, за которыми осталась побѣда, или, какъ ихъ теперь называли, отъ «благомыслящихъ» (well affected); въ петиціяхъ этихъ высказывалось стремленіе провести въ государственную жизнь тѣ начала, которыя признавались за лучшія петиціонерами. Такъ, они требовали ежегодныхъ парламентовъ, особожденія верховной власти «народа» отъ вліянія короля и лордовъ, упраздненія государственнаго совѣта и высшаго церковнаго совѣта, сокращенія судебной процедуры, отмѣны десятиннаго сбора, монополіи акциза, пошлинъ, превращенія всѣхъ налоговъ въ непосредственно уплачиваемую субсидію, продажи имуществъ «преступниковъ», отмѣны всякихъ принудительныхъ мѣръ въ религіозныхъ вопросахъ, назначенія служителямъ слова Божія ежегоднаго содержанія въ 100 ф. ст. и т. д. Предварительный парламентъ, созванный нѣсколько позднѣе Кромвелемъ, формулировалъ нижеслѣдующія требованія: упраздненіе канцлерскаго суда, введеніе гражданскаго брака, отмѣна церковной десятины и патроната; требованія эти, шедшія въ разрѣзъ съ интересами правящихъ классовъ, навлекли на предъявившее ихъ собраніе, прозванное Bareбone Parliament, насмѣшки и раздраженіе со стороны тѣхъ, чьи интересы были затронуты.

Спрашивается, возможно ли было вообще создать изъ подобныхъ элементовъ парламентское правленіе, сообразное съ законами страны и традиціонными учрежденіями? Прежнее парламентское правленіе было основано не на томъ, что одна изъ палатъ составлялась изъ депутатовъ, выбранныхъ въ извѣстныхъ округахъ, а другая—изъ представителей дворянства, назначаемыхъ правительствомъ. Основою его служила тѣсная связь высшихъ правъ государственной власти съ имущими классами, при чемъ эта власть въ свою очередь опиралась на общины, самостоятельно завѣдывавшія своими дѣлами на основаніи законовъ страны. Эти сословныя основы государственнаго устройства успѣли окрѣпнуть въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній. Наивысшая личная служба государству была связана съ наиболѣе крупными размѣрами собственности, участіе въ судѣ присяжныхъ и служба въ мѣстныхъ общинныхъ должностяхъ—съ среднею собственностью. И то и другое срослось такъ прочно, что истинно національное государственное устройство было мыслимо только въ формѣ парламента, составленнаго частью изъ представителей городскихъ и сельскихъ группъ, частью же изъ лицъ, вступающихъ въ него по праву наслѣдія или занимаемой ими должности. Послѣ того, какъ старыя формы были разрушены междоусобною войною, выяснилась невозможность достигнуть путемъ какой бы то ни было иной

группировки точнаго выраженія общей воли. Приходъ, графство и парламентъ стали другъ для друга disjectamembro съ той самой минуты, когда государственная церковь и епископство были отмѣнены, наслѣдственное перство устранено отъ участія въ государственной дѣятельности роялистская часть gentry лишена своихъ политическихъ правъ и имуществъ, мелкіе городскіе избиратели отстранены и цензъ обоснованъ на новыхъ началахъ. Уничтоженіе всѣхъ этихъ основъ прежней государственной жизни дѣлало самоуправленіе невозможнымъ какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ его ступеняхъ.

Милиціонная организація графства была невозможна рядомъ съ постоянною арміей, заслуги, слава и достоинства которой вели за собою (какъ это и всегда бываетъ) пренебреженіе къ системѣ милиціи, во время междоусобной войны оказавшейся несостоятельной. Милиція за все время республики занимала совершенно подчиненное положеніе и ей уже потому не были расположены придавать серьозное значеніе, что какъ скоро милиція стала бы дѣйствительно живою силою, съ нею вмѣстѣ ожило бы и мѣстное вліяніе той части gentry, которая была враждебной республикѣ [1]).

Въ судебной дѣятельности дальнѣйшее существованіе judge и jury оказывалось возможнымъ лишь въ области гражданскаго судопроизводства. Но въ дѣлахъ уголовныхъ «большое жюри», составленное изъ представителей gentry, и рѣзкій партійный антагонизмъ въ средѣ присяжныхъ, представляли весьма опасный элементъ противодѣйствія правительству. Отъ такихъ органовъ республиканское правительство едва ли могло ожидать карательной санкціи для своихъ декретовъ [2]).

---

[1]) Военная организація, начиная съ 1645 года, перешла въ систему постоянной арміи. Порядки въ этой арміи могли считаться образцовыми; въ томъ, что касается дисциплины и мужества, ни до этого, ни послѣ не было арміи, которая превзошла бы тогдашнюю англійскую. Протекторъ равнымъ образомъ понялъ призваніе Англіи какъ морской державы и умѣлъ принять такія мѣры, которыя положили начало могуществу ея флота. Но уже начиная съ 1647 г. постоянная армія не терпѣла никакихъ попытокъ къ ея распущенію или сокращенію ея численности и каждую такую попытку встрѣчала открытымъ возмущеніемъ. Милиція, уже и безъ того пришедшая въ упадокъ, не могла, конечно, окрѣпнуть бокъ о бокъ съ такой закаленной арміей и употреблялась лишь для полицейскихъ цѣлей и для сбора податей.

[2]) Отправленіе правосудія встрѣчало затрудненія уже въ самомъ наличномъ персоналѣ юристовъ, среди которыхъ роялисты составляли такое преобладающее большинство, что въ октябрѣ 1649 г. парламентъ постановилъ отрѣшить отъ должности и отъ профессіональныхъ ихъ занятій всѣхъ судей, Sergeants at Law, адвокатовъ, прокуроровъ и клерковъ, заявившихъ себя враждебными дѣйствіями относительно парламента и оказывавшихъ поддержку его противникамъ. Но новые судьи, назначенные протекторомъ, были личности до того безукоризненныя, что даже реставрація частью оставила ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ, частью же возстановила ихъ въ прежнемъ почетномъ званіи Sergeants. Изъ пятнадцати судей, которые были на лицо въ моментъ реставраціи,

Центромъ тяжести всей полицейской дѣятельности были шерифы и мировые судьи. При этомъ республиканскому правительству оставалось одно изъ двухъ: либо замѣщать должности мировыхъ судей наиболѣе подходящими для того личностями, согласно съ заведеннымъ обычаемъ, и быть напередъ готовымъ къ тому, что большинство судей, назначенныхъ такимъ образомъ, будетъ принадлежать къ партіи, враждебной правительству, или же брать людей новыхъ, неопытныхъ въ веденіи дѣлъ и неспособныхъ внушить къ себѣ надлежащее уваженіе. Поэтому-то полицейское управленіе съ самаго начала было Ахилесовой пятою республиканскаго правительства. Въ городахъ, болѣе преданныхъ республикѣ, дѣло еще кое-какъ шло на основаніи особыхъ уложеній, которыми пользовались города. Но въ графствахъ протекторъ не имѣлъ возможности устранять массу представителей старыхъ порядковъ, измѣнить же ихъ настроеніе было и того невозможнѣе. Поэтому-то самый характеръ республиканскаго правленія, отличавшагося военною строгостью порядковъ, повлекъ за собою въ области полицейскаго благоустройства грубую систему произвола вмѣсто прежняго selfgovernemen, основаннаго на законахъ [3]).

Что касается финансовъ, то республика требовала неслыханныхъ дотолѣ расходовъ на содержаніе значительной наемной арміи, которая оказывалась необходимой, помимо другихъ соображеній, также въ виду положенія дѣлъ въ Шотландіи и Ирландіи. Ста-

---

не менѣе девяти были признаны новымъ правительствомъ достойными утвержденія въ занимаемыхъ ими должностяхъ, или перемѣщенія на соотвѣтствующія должности (Foss. II, 3); въ числѣ этихъ девяти человѣкъ находился и сэръ Мэтью Гэль, именемъ котораго можетъ гордиться все судебное сословіе. Принципъ, въ силу котораго персоналъ судей назначался правительствомъ, а не путемъ выборовъ, былъ сохраненъ и республикой; при этомъ, само собою разумѣется, была оставлена во всей неприкосновенности и формальная процедура, требовавшая, чтобы при каждой перемѣнѣ правительства полномочія судьямъ выдавались заново; такимъ образомъ за разсматриваемый періодъ судейскія полномочія пришлось возобновлять до восьми разъ. Правосудіе по гражданскимъ дѣламъ улучшилось сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было при Стюартахъ. Равнымъ образомъ введеніе англійскаго языка въ судоговореніе было прогрессомъ, которымъ Англія обязана республикѣ (Foss. VI, 412). Но, съ другой стороны, никакъ нельзя отозваться съ похвалою объ образѣ дѣйствій республиканскаго правительства въ тѣхъ случаяхъ, когда правосудіе сталкивалось съ личною властью протектора: тутъ судьи безъ дальнихъ околичностей увольнялись „for not observing his pleasure," назначались особыя судебныя коммиссіи, прокуроры арестовывались и т. д.

[3]) При республикѣ верховная полицейская власть правительства была несовмѣстима съ сохраненіемъ судебно-мировыхъ учрежденій въ первоначальномъ ихъ видѣ. По крайней мѣрѣ въ графствахъ мировые судьи, принадлежавшіе къ сословію gentry, были самыми неподходящими орудіями полицейскаго управленія для Кромвеля. Поэтому республика принуждена была прибѣгнуть къ системѣ зависимыхъ отъ центральнаго правительства провинціальныхъ управленій, которыя, къ тому же, своимъ черезмѣрнымъ пуританскимъ рвеніемъ въ вопросахъ нравственности шли въ разрѣзъ съ привычками населенія.

рая система налоговъ, съ ея раскладками, производимыми въ средѣ каждой общины самими членами послѣдней, была теперь недостаточна; къ тому же приходская организація, вплоть до самыхъ низшихъ своихъ ступеней, и безъ того была расшатана раздорами политическихъ и религіозныхъ партій. Въ 1649 г. парламентъ, на основаніи прежде бывшихъ примѣровъ, издалъ постановленія, которымъ графства облагались ежемѣсячнымъ взносомъ въ 90000 ф. ст. и цѣлый рядъ предметовъ потребленія облагался акцизомъ въ 5 процентовъ. Эта податная система, говоря вообще, соотвѣтствовала требованіямъ времени, но она до крайности напрягала платежныя силы населенія и, кромѣ того, способъ обложенія былъ такъ неправиленъ съ точки зрѣнія закона, что приходилось насиловать судебныя и полицейскія учрежденія для того, чтобы заставить ихъ поддерживать новую податную систему. Новые налоги ложились на массы населенія болѣе тяжелымъ бременемъ, нежели корабельныя деньги и ордонансы Карла I; законность же ихъ была столь же сомнительна, какъ и законность корабельныхъ денегъ. Поэтому правительству не оставалось другаго выхода, какъ обратиться и въ этомъ дѣлѣ къ содѣйствію новой военной и полицейской силы, поставивъ ее на мѣсто прежняго самоуправленія [4]).

Въ области церковнаго верховенства, перемѣна, происшедшая съ водвореніемъ республики, состояла въ томъ, что мѣсто низвергнутой государственной церкви заняли пресвитеріанцы, столь же нетерпимые въ своихъ понятіяхъ и планахъ церковнаго устройства, при чемъ имъ приходилось постоянно наталкиваться на антагонизмъ старыхъ партій и болѣе мелкихъ сектъ. При водворившихся новыхъ порядкахъ, каждый приходъ долженъ былъ имѣть своего пастора и нѣсколькихъ старостъ изъ мірянъ; нѣсколько такихъ приходовъ образуютъ «классъ» (окружной синодъ), имѣющій свое «пресвитерство», въ составъ котораго входятъ духовные и міряне, нѣсколько классовъ

---

[4]) Республика предъявляла неслыханныя дотолѣ финансовыя требованія. Sinclair (Revenue I. 285) разсчитываетъ, по видимому нѣсколько преувеличивая цифры, что государственные доходы съ 3 ноября 1640 г. по 5 ноября 1649 г. доходили до 83,331,198 ф. ст., въ томъ числѣ 32,172,321 ф. поземельнаго налога, который взимался по большей части путемъ раскладокъ, возобновлявшихся ежемѣсячно,—7,600,000 ф. тонныхъ и фунтовыхъ сборовъ, — 8,000,000 акциза, — 2,529,000 ф съ секвестрованныхъ имуществъ,—10,035,663 ф. ст. съ продажи церковныхъ имуществъ,—4,564,986 ф. ст. съ секвестра имуществъ, принадлежавшихъ gentlmen'амъ роялистской партіи, а также съ заключенныхъ съ ними сдѣлокъ по выкупу имуществъ отъ секвестра—2,245,000 ф. ст. съ продажи имуществъ „преступниковъ.“ Нужды постоянной арміи по видимому поглощали всѣ государственные доходы. При открытіи парламента въ 13-мъ году царствованія Карла II лордъ канцлеръ Кларендонъ имѣлъ возможность выразиться такъ: „Эта чудовищная республика (that monstrer Commonwealth) за тѣ немногіе годы, въ теченіе которыхъ она продержалась, обошлась англійской націи дороже, нежели монархія за всѣ шестьсотъ лѣтъ своего существованія“.

образуютъ «провинцію» съ провинціальнымъ собраніемъ, а во главѣ всей этой организаціи стоитъ національное церковное собраніе. Но эта система выборныхъ собраній, группировавшихся въ восходящемъ порядкѣ, оказалась практически неосуществимой и сопряженной съ серьозными опасностями какъ для учебной дѣятельности церкви, такъ и для ея отношеній къ государству. Въ церковныхъ выборныхъ корпораціяхъ вскорѣ проявился тотъ же духъ изувѣрства и нетерпимости, какимъ отличалась и епископальная система. Эти корпораціи то-и-дѣло имѣли столкновенія съ парламентомъ, который не былъ расположенъ признавать «божественное право пресвитерства» и сохранилъ право апелляціи къ свѣтскимъ судамъ противъ рѣшеній духовныхъ судовъ. Различныя учрежденія и стремленія такъ переплетались и скрещивались въ области церковныхъ дѣлъ, что терпимость, которой протекторъ придерживался въ силу своихъ принциповъ, обусловливалась въ то же время соображеніями практической необходимости. Путаница въ области церковныхъ отношеній стала такъ велика, что всякому разумному правительству ничего болѣе не оставалось, какъ примѣнять въ этой области политику самой крайней терпимости [5]).

Всѣ эти обстоятельства указывали на необходимость сосредоточить государственную власть въ рукахъ одной личности, и такою личностью, совмѣщавшею въ себѣ всѣ требующіяся при данномъ положеніи качества и какъ бы предназначенною Провидѣніемъ для такой роли, оказался Оливеръ Кромвель. Внѣшняя неуклюжесть этого человѣка, въ связи съ неутомимою дѣятельностью, личнымъ мужествомъ и энергіей, сухая и суровая рѣшимость, съ которою онъ всегда шелъ прямо къ цѣли, — все вмѣстѣ дѣлало его олицетвореніемъ англійскаго національнаго характера. Но главною, наиболѣе существенною чертою въ немъ была глубокая правдивость и непоколебимая вѣрность своимъ убѣжденіямъ, хотя многіе изъ позднѣйшихъ

---

[5]) Положеніе правительства, какъ верховнаго главы церкви, было сопряжено съ наибольшими затрудненіями. Послѣ упраздненія епископальной церкви пресвитеріанцамъ удалось осуществить свой завѣтный идеалъ. Около 2000 духовныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ государственной церкви, должны были уступить новому, восторжествовавшему направленію. Большинство этихъ лицъ, впрочемъ, были удалены за недостойное свое поведеніе или же вслѣдствіе своего невѣжества; на содержаніе духовенства бывшей государственной церкви была оставлена $^1/_5$ доходовъ, присвоенныхъ въ прежнее время различнымъ духовнымъ должностямъ. Мѣста, сдѣлавшіяся вакантными, были заняты лицами, утверждавшимися синодами духовенства, по указанію самихъ прихожанъ. Вліяніе новаго направленія въ средѣ парламента было еще настолько сильно, что пресвитеріанская организація могла быть установлена путемъ парламентскаго декрета, но на дѣлѣ организація эта была осуществлена лишь въ Лондонѣ, Ланкашейрѣ и еще въ двухъ-трехъ графствахъ. Пресвитеріанство выказало себя до такой степени нетерпимымъ и притязательнымъ, что тѣмъ самымъ подготовило путь къ возстановленію епископальной церкви.

историковъ и не съумѣли распознать въ немъ этихъ качествъ изъ-за библейской елейности его способа выраженія, которая была въ духѣ времени и составляла основную черту фразеологіи партіи *). Лишь полнымъ непониманіемъ дѣйствительнаго положенія тогдашнихъ дѣлъ объясняется тотъ взглядъ, по которому неудача протекторства въ дѣлѣ достиженія правильнаго государственнаго строя и парламентскаго образа правленія приписывается честолюбію и властолюбію протектора, тогда какъ въ дѣйствительности неудача эта обусловливалась внутреннимъ распаденіемъ всѣхъ тѣхъ сплоченныхъ группъ, изъ которыхъ органически слагалось англійское государственное устройство.

И точно, невозможно было изъ англійскихъ графствъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали во время республики, возстановить старыя корпораціи избирателей, посылавшія депутатовъ въ парламентъ. Еще невозможнѣе было это въ графствахъ Шотландіи и Ирландіи, которыя были включены республикой въ общую организацію государства и которыя между тѣмъ внутри были полны раздоровъ и неурядицы. При такихъ условіяхъ немыслимо составить англійскую верхнюю палату и выработать гармоничную, государственную волю, которая заправляла бы законодательствомъ и податнымъ дѣломъ. Парламентская конституція Англіи выросла изъ той системы, при которой политическія права (разсматриваемыя, какъ примѣненіе верховныхъ правъ государства) вытекали изъ единоличной королевской власти. Вотъ почему послѣ паденія этой послѣдней, разрозненнымъ членомъ государственнаго тѣла недоставало той правовой основы, которая могла бы послужить общею, всѣми признаваемою почвою для согласованія противурѣчивыхъ идеаловъ государ-

*) Англійскіе историки позднѣйшаго періода, писавшіе въ то время, когда конституціонная борьба уже закончилась, вообще непріязненно относятся къ дѣятельности протектора. Англичанамъ, даже до нынѣшняго столѣтія включительно, всегда было очень трудно отнестись съ надлежащимъ безпристрастіемъ къ этому человѣку и его партіи. Лишь современный „культъ героевъ“ пытается исправить эту ошибку прошлаго. Такою же несправедливостью, съ окраской личнаго и національнаго предубѣжденія, отличается и взглядъ Гизо, которому, быть можетъ, не мѣшаетъ противупоставить здѣсь слѣдующее сужденіе о Кромвелѣ, высказанное однимъ современнымъ англійскимъ докторомъ богословія: „Тотъ вѣкъ былъ вѣкомъ вѣры,—можно сказать, дѣтски простодушной и любящей вѣры. Такіе люди, какъ Элліотъ и Гампденъ, Кромвель и Вэнъ, вѣровали въ Бога и въ Христа, въ существованіе грѣха и діавола, въ рай и въ адъ, совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ изображаетъ библія и въ значительной степени такъ, какъ они описаны Мильтономъ. Міръ для нихъ былъ наполненъ вліяніями духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, — и, прежде всего, они видѣли повсюду Божественный промыслъ. Тамъ, гдѣ долгъ призывалъ подобнаго рода людей, они могли идти на встрѣчу всевозможнымъ опасностямъ и въ тоже время не сознавать ничего рискованнаго въ своей рѣшимости. Для нихъ случайности не существовало. Всѣмъ заправляла высшая воля“ (Vaughan III. 132). Большой объективностью отличаются сужденія Ранке о дѣятеляхъ этой эпохи. (III. 435—584).

ственнаго и церковнаго устройства. Каждая партія взваливала на противную партію отвѣтственность за такое положеніе дѣлъ. Часть высшихъ сословій, руководясь теоретически вѣрнымъ построеніемъ, желала, чтобы Кромвель принялъ королевскую корону. Дворянство и gentry считали, что вмѣстѣ съ возстановленіемъ королевской власти воскреснутъ и ихъ высшія права; духовенство смотрѣло на это дѣло съ точки зрѣнія возстановленія государственной церкви. Юристы, на всякій случай, въ виду возможной реставраціи, подумывали о законахъ, обезпечивающихъ безнаказанность тѣмъ, которые служили лицу, бывшему de facto королемъ. «Англійскій король можетъ унаслѣдовать, вступая на престолъ, лишь ограниченную прерогативу и долженъ править на основаніи существующихъ законовъ; протекторъ же, хотя и пользуется номинально меньшею властью, имѣетъ все то, что онъ можетъ взять своимъ мечемъ», говорилъ Thurloe. Но республиканская строгость совѣта офицеровъ не допустила Кромвеля до принятія королевскаго титула. Онъ по видимому и самъ сознавалъ, что королевское достоинство будетъ изолировать его отъ собственной его партіи и внесетъ отчужденіе между нимъ и ею, что исторически слагавшаяся королевская власть не можетъ быть замѣнена въ такой короткій промежутокъ времени, какъ жизнь одного поколѣнія, новою династіею, вышедшею изъ среды народа. Онъ предпочелъ титулъ протектора: при этомъ однако за нимъ были сохранены многіе весьма важные атрибуты власти, присущей прежней формѣ правленія. Предполагалось, что всѣ важнѣйшіе государственные акты должны быть скрѣпляемы его согласіемъ; иныя постановленія сопровождались даже такого рода оговоркой: «и сіе не должно быть измѣняемо безъ согласія трехъ сословій парламента». Кромвель былъ доволенъ тѣмъ, что получилъ полномочія, необходимыя для веденія текущихъ государственныхъ дѣлъ. Соблюдая принятыя имъ на себя обязательства, онъ отъ времени до времени дѣлалъ попытку созвать нижнюю палату согласно съ изстари установленными для этого формами и пробовалъ добиться полномочія для образованія верхней палаты, не взирая на то, что отъ существующихъ выборныхъ собраній было весьма не легко получить согласіе на созданіе такой палаты, составъ которой зависѣлъ отъ правительственныхъ назначеній. Но при всей осмотрительности и добросовѣстности, съ которою Кромвель выбиралъ людей для возведенія ихъ въ перское достоинство, назначенія эти только возбуждали недовольство со всѣхъ сторонъ. Въ сущности, верхней палаты, какъ постоянной представительницы существовавшаго въ то время правоваго строя, никто не желалъ, такъ какъ никто не вѣрилъ въ прочность тогдашняго строя. Поэтому-то всѣ старанія протектора создать такой парламентъ, съ которымъ была бы возможна гармоничная и дружная правитель-

ственная дѣятельность, оставались безуспѣшны. Наскучивъ парламентскими преніями и постановленіями большинства, изъ которыхъ не выходило ни положительной правительственной системы, ни положительной оппозиціи, онъ распускалъ свои парламенты одинъ за другимъ, напутствуя ихъ бранными рѣчами на прощанье. По видимому онъ и самъ не понималъ тѣхъ внутреннихъ причинъ, благодаря которымъ парламентъ не могъ быть подвигнутъ ни строгостью, ни уступчивостью къ дружной работѣ за одно съ правительствомъ **).

Но за то о потребностяхъ государства и о томъ пути, которымъ надлежитъ идти правительству въ своей дѣятельности, протекторъ имѣлъ вполнѣ ясное представленіе. Всѣ изстари установленныя должности онъ старался сохранить, насколько это вообще оказывалось возможно, и замѣщалъ ихъ людьми достойными. Центральное управленіе въ существеннѣйшихъ чертахъ не отступало отъ прежнихъ формъ King in Council. Въ различныхъ административныхъ комитетахъ, необходимая уступчивость по отношенію къ людямъ собственной партіи умѣрялась энергичнымъ образомъ дѣйствій главы правительства, насколько это вообще было возможно для власти, еще недавно ставшей у кормила правленія. Все то, что королевская власть въ качествѣ центральнаго правительства могла осуществить во внѣшней и внутренней политикѣ, осуществилось Кромвелемъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ то дѣлали Стюарты. Но было нѣчто неосуществимое для правительства Кромвеля уже въ силу самаго происхожденія его: мы разумѣемъ невозможность пользоваться правами верховной власти при посредствѣ правильно организованныхъ communitates и традиціоннаго selfgovernement; къ этому послѣднему правительство протектора вскорѣ стало въ столь же враждебное отношеніе, какъ и правительство Карла I. Населеніе отказывалось уплачивать налоги, назначавшіеся декретами регента, и противъ ослушниковъ не было возможности добиться обвинительныхъ приговоровъ отъ присяжныхъ. Поэтому пришлось снова учредить «верховный судъ», нѣчто въ родѣ звѣздной палаты; нѣсколько человѣкъ за неповиновеніе, сопряженное съ насильственными дѣйствіями, были даже приговорены къ смертной казни. Тѣ же соображенія заставили возстановить провинціальныя управленія. Государство было раздѣлено на округи, во главѣ которыхъ было поставлено 11 генералъ-майоровъ; то были, по большей части, заклятые враги роялистовъ, державшіе себя грубо и заносчиво относительно гражданскихъ властей. Каждый такой военный губернаторъ былъ отвѣтственъ за покорность своего округа и

**) Всѣ эти попытки имѣли характеръ такого преходящаго и невыдержаннаго опыта, что о каждомъ изъ шести или семи парламентовъ республики, исторія которыхъ будетъ изложена подробнѣе въ концѣ настоящаго отдѣла, приходится говорить отдѣльно.

пользовался полномочіями для набора рекрутъ въ армію и для сбора податей; онъ имѣлъ также право отбирать оружіе у католиковъ и приверженцевъ короля, слѣдить за образомъ жизни духовныхъ лицъ и школьныхъ учителей и арестовывать людей опасныхъ или подозрительныхъ. Всѣ эти мѣры оправдывались необходимостью управлять государствомъ такъ или иначе. Но чѣмъ дальше существовало это правительство, шедшее въ разрѣзъ съ основами англійскаго общества, тѣмъ тяжелѣе ощущали его гнетъ. Жалобы на все громче и громче раздавались къ концу протектората.

Такимъ образомъ общее положеніе дѣлъ все болѣе и болѣе приближалось къ временамъ абсолютистскаго правленія Карла I, и высшія сословія, изъ году въ годъ, все болѣе и болѣе сходились въ единодушномъ антагонизмѣ такому порядку вещей. Старые лорды, удаленные изъ верхней палаты, либо находились въ изгнаніи, либо проживали въ своихъ помѣстьяхъ въ угрюмомъ уединеніи; старое gentry находилось въ подобномъ же положеніи; часть его подвергалась преслѣдованіямъ въ качествѣ «преступниковъ» и была лишена своихъ имуществъ, а все сословіе вообще было лишено своего прежняго вліянія въ графствахъ и въ парламентѣ. Духовенство государственной церкви было по большей части лишено своихъ приходовъ; остальная-же часть его подчинялась пресвитеріанскому церковному устройству лишь скрѣпя сердце. Юристы, корпораціи которыхъ представляли такую силу въ странѣ, не призывались болѣе къ занятію высшихъ государственныхъ должностей и чувствовали себя задѣтыми въ своихъ интересахъ реформами, которыя вводились въ судебномъ вѣдомствѣ. Семейства и классы, пользовавшіеся до сихъ поръ наибольшимъ почетомъ въ странѣ, вынуждены были проститься съ своимъ вліятельнымъ положеніемъ и со всѣми сопряженными съ нимъ выгодами и удобствами. Вмѣсто нихъ всѣ высшія должности въ арміи и въ гражданскомъ управленіи были заняты почти исключительно новыми людьми. Образованіе, краснорѣчіе и парламентская опытность оттѣснялись на второй планъ военными заслугами и качествами совсѣмъ иного разбора нежели тѣ, которыя цѣнились прежде; на всѣхъ поприщахъ только «благомыслящимъ» оказывалось по принципу предпочтеніе. Такимъ образомъ становится понятно, почему въ результатѣ всѣхъ великихъ дѣлъ, совершонныхъ пуританскою партіей, оказалась ожесточенная ненависть имущихъ классовъ противъ этой партіи. Крутое устраненіе всѣхъ традиціонныхъ порядковъ вызывало даже въ людяхъ, признавшихъ въ принципѣ правоту революціи, смутное сознаніе какой-то несправедливости, допущенной въ практическомъ примѣненіи тереотически справедливаго начала. По этой-же причинѣ періодъ республики прошелъ совершенно безслѣдно для внутрен-

ной жизни государства или общинъ. Нельзя указать ни одного учрежденія, ни одной общинной должности, ни одного руководящаго начала въ мѣстномъ самоуправленіи, которыя вели бы свое начало отъ временъ республики. Даже церковную подать приходилось поддерживать правительственными декретами и принудительными мѣрами. Существованіе такой системы можно было продлить при помощи того-же средства, которое дало возможность водворить ее, т. е. при помощи постоянной арміи. Теперь, вмѣсто короля и его царедворцевъ, властвовалъ протекторъ, окруженный своими офицерами, и уже простое чувство самосохраненія вынуждали эту партію упорствовать на томъ пути, на который они разъ ступили. Неизбѣжнымъ результатомъ каждой насильственной перемѣны государственнаго устройства является то, что преемниками государственной власти выступаютъ не «народъ и дѣйствительное право», а одна какая нибудь партія и тѣ общественные интересы, съ которыми она всего ближе соприкасается.

И благодаря чему все это произошло? Англія хотѣла дать отпоръ абсолютизму. Она возстала съ оружіемъ въ рукахъ противъ вѣроломнаго короля, дѣйствовавшаго путемъ насилія; цѣлью этого возстанія было отстоять протестантскую свободу вѣры, изстари установленныя права страны въ парламентѣ и въ графствахъ, свободу личности и неприкосновенность собственности. Но вмѣсто того страна увидѣла себя подъ господствомъ террора, во власти правителя, еще болѣе суроваго, чѣмъ прежній, и опиравшагося постоянно на армію явную и на военно-полицейскій режимъ, съ устраненіемъ парламента и всѣхъ свободныхъ учрежденій страны. Такой порядокъ вещей могъ держаться лишь временно и ни одна партія не желала, чтобъ онъ упрочился навсегда. Смерть протектора естественнымъ образомъ должна была повлечь за собою возстановленіе вліянія того большинства, за которымъ былъ перевѣсъ въ средѣ старыхъ партій, а отсюда столь же естественнымъ представлялся переходъ къ реставраціи.

Попытки республики въ области организаціи государственнаго строя выражались въ нижеслѣдующемъ:

1) Первымъ опытомъ была *республика періода „долгаго парламента“, а съ выборнымъ государственнымъ совѣтомъ*. Уже 4-го января 1649 г. палата общинъ заявила, что „ей, какъ выборной представительницѣ народа, принадлежитъ наивысшая власть среди націи и что всѣ принятые ею законы имѣютъ обязательную силу для населенія, хотя-бы они и не были утверждены согласіемъ короля и палаты перовъ“. Для всѣхъ законодательныхъ постановленій была принята нижеслѣдующая формула: Authoritate Parliamento Angliae. Палата лордовъ была упразднена какъ учрежденіе „безполезное и опасное“; королевская власть тоже упразднялась на томъ основаніи, что она „не нужна, обременительна и угрожаетъ свободѣ, безопасности и общимъ интересамъ народа“. 15 февраля былъ назначенъ временный государственный совѣтъ, въ который отъ времени до времени повелѣнія палаты „поступали для надлежащаго исполненія“. Въ промежутокъ отъ 1650 до

1653 гг. существовалъ правительствующій совѣтъ изъ сорока членовъ, въ составъ котораго назначались большею частью однѣ и тѣ же личности. Но этотъ совѣтъ встрѣчалъ постепенно усилившееся противодѣйствіе со стороны „великаго совѣта офицеровъ“, который въ 1648 г. игралъ такую рѣшающую роль. Армія за это время успѣла выработать въ своей средѣ нѣчто въ родѣ самостоятельнаго государственнаго устройства: штабъ-офицеры составляли верховный совѣтъ; каждая рота или каждый эскадронъ выбирали двухъ адъютантовъ или „агитаторовъ“, которые образовали изъ себя нижнюю палату. Такъ какъ при полкахъ не было полковыхъ священниковъ, то офицеры и солдаты взяли произнесеніе проповѣдей и чтеніе молитвъ на себя. Во главѣ описанныхъ учрежденій стоялъ совѣтъ изъ девяти лицъ военнаго и гражданскаго званія. Вся эта организація, представляющая такую странную смѣсь заимствованій частью изъ парламентскихъ порядковъ, частью же изъ церковнаго устройства, образовала замкнутое цѣлое, которое удерживалось отъ постоянно грозившаго разрыва съ парламентомъ только благодаря перевѣсу, оставшемуся за вліяніемъ Кромвеля. 19 мая 1649 г. состоялось парламентское постановленіе, объявлявшее англійскій народъ „a Commonwealth and free state“. Каждый членъ палаты долженъ былъ давать присягу въ вѣрности „англійскому Commonwealth въ томъ видѣ, въ какомъ оно нынѣ существуетъ, т. е. безъ короля и безъ палаты лордовъ“. 9 января 1650 г. парламентскою резолюціею было заново опредѣлено на будущее время число депутатовъ отъ графствъ и городовъ, при чемъ представительство было такъ распредѣлено, что впредь палата должна была состоять изъ 400 членовъ. А въ ожиданіи будущаго парламента незначительное число наличныхъ депутатовъ было нѣсколько увеличено дополнительными выборами. Въ февралѣ 1650 г. число это достигло 108; въ ноябрѣ 1652 г. оно разомъ увеличилось до 122. Но, не взирая на то, что палата формально пользовалась всею полнотою политическаго вліянія, она никакъ не могла дойти до постановленія о распущеніи самой себя. Къ дѣлу этому приступали неоднократно, но каждый разъ снова его откладывали. Такимъ образомъ, собраніе это, вслѣдствіе черезмѣрной продолжительности своего существованія, вслѣдствіе малочисленности своего состава и благодаря упраздненію палаты лордовъ все болѣе и болѣе утрачивало характеръ представительнаго учрежденія. Оно фактически было лишь комитетомъ, составленнымъ изъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ республиканской и строго пуританской партіи; между тѣмъ эти партіи и теперь, такъ же, какъ и прежде, составляли меньшинство въ странѣ и удерживали за собою преобладаніе лишь благодаря поддержкѣ арміи. Въ арміи республиканское направленіе было рѣзче и имѣло болѣе многочисленныхъ приверженцевъ, чѣмъ въ палатѣ депутатовъ, въ государственномъ же совѣтѣ отношеніе было какъ разъ обратное. Изъ сорока членовъ, входившихъ въ первоначальный составъ государственнаго совѣта, всего только 19 дали свое согласіе на преданіе Карла I суду. Но при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ палата депутатовъ была единственнымъ связующимъ звѣномъ между настоящимъ и прошлымъ. Среди цѣлаго ряда столкновеній съ большимъ парламентомъ Кромвель сохранялъ выжидательное положеніе, давая назрѣвать недовольству, которое не могло не возбуждать противъ себя палата своими суровыми мѣрами, тяжестью назначаемыхъ ею налоговъ, различными промахами и, главное, отказомъ принять резолюцію о прекращеніи своего существованія. Наконецъ 20 апрѣля 1653 г. онъ нашелъ, что удобный моментъ насталъ; въ строгихъ выраженіяхъ объявилъ онъ парламентъ распущеннымъ, велѣлъ войскамъ очистить залу засѣданій и распорядился запереть ее на ключъ. Съ этой минуты настаетъ

2) *періодъ военной диктатуры.* Диктаторскую власть взялъ въ свои руки Кромвель въ качествѣ главнокомандующаго (Captain General) арміи. Нѣсколько недѣль спустя, однако, отъ имени лорда-главнокомандующаго и за его печатью, были разосланы пригласительныя письма, которыми созывалось извѣстное число довѣренныхъ людей, по выбору совѣта офицеровъ (а также, какъ кажется, по указанію духовныхъ лицъ). Соб-

раніе это открылось 4 іюля 1653 г., присвоило себѣ наименованіе парламента и между современниками сдѣлалось извѣстно подъ названіемъ „Малаго парламента“ или Barebone Parliament *). Максимумъ членовъ, присутствовавшихъ въ этомъ парламентѣ, простирался по видимому до 113. Послѣ того, какъ сказаннымъ собраніемъ было внесено нѣсколько предложеній, касавшихся перемѣнъ въ устройствѣ церкви и государства, и по избраніи имъ государственнаго совѣта, оно объявило 12 декабря, что считаетъ „продолженіе своихъ засѣданій несогласнымъ съ благомъ страны“ и возвращаетъ свои полномочія въ руки лорда главнокомандующаго. Это благочестивое и почтенное собраніе, преобладающимъ элементомъ котораго являлись представители средняго сословія, занималось за время своего существованія вопросами объ улучшеніяхъ въ сферахъ, наиболѣе близко соприкасавшихся съ интересами того общественнаго слоя, къ которому члены его принадлежали. Такъ, оно требовало отмѣны суда лорда-канцлера, мотивируя это требованіе крайне медленнымъ ходомъ дѣлопроизводства въ сказанномъ судѣ и отсутствіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ, руководящихъ правилъ въ постановляемыхъ имъ рѣшеніяхъ (говорили, что до 23,000 дѣлъ лежитъ нерѣшенными въ судѣ лорда-канцлера); далѣе, парламентъ этотъ требовалъ кодификаціи законовъ страны, назначенія новыхъ предсѣдателей судовъ (при чемъ кандидатами были предложены лишь два адвоката), введенія гражданскихъ браковъ, которые заключались бы передъ мировыми судьями, такъ какъ церковный бракъ въ виду большаго числа диссентеровъ становился неудобнымъ; одновременно съ этимъ было высказано намѣреніе отмѣнить впослѣдствіи десятинный сборъ и церковный патронатъ. Были сдѣланы также предложенія о введеніи большей правильности въ акцизные сборы, объ упраздненіи окладовъ жалованья. Какъ ни естественны были всѣ эти требованія, они вызывали въ средѣ высшихъ сословій, въ особенности же въ рядахъ духовенства и юристовъ, насмѣшки и ярую ненависть къ предъявлявшему ихъ собранію. Протекторъ могъ удовлетворить лишь весьма немногія изъ вышеисчисленныхъ требованій. Между тѣмъ въ исполненіе конституціонныхъ постановленій, изданныхъ еще долгимъ парламентомъ, 3 сентября 1654 г. были разосланы приглашенія въ новый парламентъ и это положило начало

3) новому государственному устройству, *съ пожизненнымъ лордомъ-протекторомъ во главѣ и съ парламентомъ изъ выборныхъ представителей, безъ верхней палаты.* При разсылкѣ пригласительныхъ writs было обойдено множество мелкихъ мѣстечекъ, за то количество рыцарей, представлявшихъ графство, было значительно увеличено. При открытіи собранія на лицо оказалось около 300 членовъ. (Подробныя свѣдѣнія объ этомъ парламентѣ можно найти въ сочиненіи, озаглавленномъ: A Diary of Thomas Burton Esq., by John Towell Rutt, London 1828). Лордъ-протекторъ въ рѣчи, которою онъ открылъ новый парламентъ, указывалъ на „необходимость прочнаго устройства“ (a settled establishment), при чемъ, однако же, оговаривался, что такого „устройства нельзя ожидать ни отъ „уравнителей“ (levellers), которые домогаются полнаго равенства во всемъ и хотятъ ввести правительство партіи въ гражданскихъ дѣлахъ, ни отъ сектантовъ, которые хотятъ ниспровергнуть всякій порядокъ и всякое управленіе въ церковныхъ дѣлахъ.“ Но уже въ первыхъ засѣданіяхъ парламента проявился демократическій духъ, склонный оказывать сопротивленіе протекторату. Въ виду этого Кромвель уже 12 сентября 1654 г. объявилъ, что „онъ получилъ свою должность отъ Бога и отъ народа; нарушать привиллегіи парламента онъ не имѣетъ намѣренія, но необходимость не знаетъ никакихъ законовъ; а потому онъ, протекторъ, распорядился, чтобы двери парламента были заперты и требуетъ, чтобы члены, прежде чѣмъ войти въ залу, дали письменное удо-

*) Слово bareBone въ буквальномъ переводѣ означаетъ исхудалый до того, что всѣ кости обнажены,—это выраженіе соотвѣтствуетъ русскому: кости да кожа.

стовѣреніе въ томъ, что признаютъ его власть, безъ чего они не будутъ допущены въ залу засѣданій.“ Парламентъ покорился, но въ дальнѣйшихъ своихъ преніяхъ все-таки сохранилъ характеръ учредительнаго собранія. Было постановлено, что впредь парламенты должны быть созываемы въ опредѣленные промежутки времени на короткія сессіи. Право голоса на выборахъ было предоставлено въ графствахъ мелкимъ землевладѣльцамъ, получающимъ не менѣе 40 шиллинговъ годоваго дохода, или же лицамъ, владѣющимъ движимой или недвижимой собственностью стоимостью въ 200 ф. ст., въ городахъ были оставлены въ прежней силѣ старые обычаи, хартіи и привиллегіи, насколько ими опредѣлялась избирательная правоспособность. Число представителей для Англіи и Уэльса было опредѣлено въ 400 человѣкъ; къ нимъ было прибавлено 30 представителей для Шотландіи и столько же для Ирландіи. Представительство это было такъ распредѣлено между различными мѣстностями, чтобы уравнять по возможности избирательные округа. Армія еще 16 іюня 1647 года внесла петицію, въ которой требовала, чтобы распредѣленіе депутатовъ между избирателями различныхъ мѣстностей сообразовалось съ извѣстнымъ rule of equality, а именно, чтобы принималась въ разсчетъ масса платимыхъ налоговъ, при чемъ мелкіе избирательные округа подлежали упраздненію, а число представителей отъ графствъ и городовъ должно было увеличить. Въ исполненіе этихъ требованій было постановлено, что впредь графства будутъ имѣть 270 представителей, а города—130. Законодательная власть и права назначенія были предоставлены исключительно палатѣ депутатовъ. Лорду протектору было предоставлено право раздавать почетные титулы, съ тѣмъ однако же, чтобы титулы эти не были наслѣдственные и чтобы пожалованія рода не были дѣйствительны безъ согласія парламента. Объ учрежденіи верхней палаты или какого-либо другаго постояннаго собранія, которое охраняло бы существующую конституцію, даже вопроса не поднималось. Да и едва ли въ исторіи можно найти примѣръ, чтобы парламентъ, избранный такимъ образомъ, призналъ необходимость какого-либо другаго законодательнаго собранія, помимо себя самого. Персоналъ государственнаго совѣта, который долженъ былъ состоять изъ 21 члена, назначается протекторомъ, но не иначе, какъ съ утвержденія парламента. На вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли парламенту, до окончательнаго утвержденія этой конституціи, имѣть совѣщаніе съ лордомъ-протекторомъ, съ цѣлью достигнуть соглашенія съ нимъ, послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, за который высказалось 107 голосовъ противъ 90; послѣ чего, 22 января 1655 г. Кромвель объявилъ парламентъ распущеннымъ.

4) Новая конституція, съ *несмѣняемымъ лордомъ-протекторомъ во главѣ управленія и съ двумя палатами*, была выработана третьимъ парламентомъ, который былъ созванъ Кромвелемъ 17 сентября 1656 г Но тутъ протекторъ заявилъ требованіе, чтобы къ участію въ засѣданіяхъ были допущены только тѣ члены, которые „будутъ одобрены совѣтомъ и представятъ письменное удостовѣреніе въ томъ.“ Такимъ образомъ до 93 членовъ этого парламента оказались исключенными; однако, послѣ долгихъ препирательствъ, они снова были допущены въ собраніе. 1 октября 1656 г. была принята статья конституціи, въ силу которой для каждаго законодательнаго постановленія требуется согласіе лорда-протектора; впрочемъ статья эта заключаетъ въ себѣ оговорку, что если въ теченіе 20 дней такого согласія не воспослѣдуетъ, то постановленіе и безъ него получаетъ силу закона. Въ теченіе преній, происходившихъ въ этомъ собраніи, выяснилось, что имущіе классы и старыя парламентскія воззрѣнія снова поднимаютъ голову. Уже заходитъ снова рѣчь о томъ, чтобы „въ основу управленія положить старыя испытанныя начала.“ Протектору предоставляется право назначать себѣ преемника. Постановляется, что парламентъ долженъ состоять изъ двухъ палатъ, при чемъ составъ „другой“ палаты опредѣляется въ 40—70 членовъ, назначаемыхъ протекторомъ и утверждаемыхъ „этою“ палатою. 25 марта 1657 года 123 голосами противъ 62 была принята резолюція, выражавшая желаніе, чтобы „его высочество соблаговолилъ принять наиме-

нованіе, титулъ и должность короля Англіи, Шотландіи и Ирландіи и пользовался правами, сопряженными съ этимъ званіемъ, согласно съ законами англійской націи.“ Право распустить настоящій парламентъ по своему усмотрѣнію было категорически признано за протекторомъ. Кромвель, однако, по нѣкоторомъ размышленіи, объявилъ 12 мая, что рѣшительно отказывается принять корону. 26 мая конституція вступила въ силу. 24 іюня нижняя палата постановила, что the other house parliament должна, „не дожидаясь дальнѣйшаго одобренія“, вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, установленныхъ конституціей. 10 декабря 1657 г. протекторъ воспользовался своимъ правомъ назначенія членовъ въ эту палату и призвалъ въ нее пожизненно 63 человѣка, которые всѣмъ были извѣстны за людей вполнѣ достойныхъ уваженія; тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе отказало имъ въ томъ почетѣ, которымъ прежде пользовалась палата лордовъ. Такъ какъ наслѣдственные пэры колебались принять новое пожизненное званіе, то протектору пришлось ограничивать свой выборъ при этого рода назначеніяхъ преимущественно такими личностями, которыя были выдвинуты впередъ имущественными и партійными условіями послѣдняго времени. Наконецъ 20 января 1658 г. обѣ палаты открылись совмѣстно, при чемъ протекторъ въ своей привѣтственной рѣчи обратился къ нимъ со слѣдующей вступительной формулой: My Lords and you Knights, Citizens and Burgesses of the Commons.“ При первомъ же посланіи, составленномъ отъ имени „лордовъ,“ поднялись однакоже споры изъ-за этого титула и онъ въ концѣ-концовъ былъ отвергнутъ. Пренія продолжались нѣсколько дней, пока, наконецъ, 4 февраля Кромвель не распустилъ палату, заявивъ, что „онъ не желалъ брать на себя бремя правленія, не имѣя извѣстнаго числа лицъ, которыя могли бы служить посредниками между нимъ и палатою общинъ, въ предотвращеніе попытокъ нарушить благочиніе и вызвать народныя смуты. Но сказанная попытка ни къ чему не привела, кромѣ безплодныхъ препирательствъ и никого не удовлетворила А потому онъ, протекторъ, распускаетъ настоящій парламентъ „и да будетъ Богъ судьею между вами и мною.“ 3-го сентября того же года Кромвель умеръ, истощивъ свои силы въ заботахъ правленія, обставленнаго такими страшными трудностями. Онъ былъ погребенъ съ царственными почестями.

5) Затѣмъ слѣдуетъ *протекторатъ Ричарда Кромвеля* съ двумя палатами, избранными въ 1659 г. Выборы въ нижнюю палату были на этотъ разъ произведены по старому способу; мелкіе boroughs, которые въ предшествующій періодъ были лишены избирательнаго права, теперь снова его получили; въ настроеніи парламента стали сильнѣе проявляться старыя парламентскія традиціи. Протекторъ и новая конституція хотя и были признаны, но дѣло не обошлось безъ жаркихъ преній, во время которыхъ между прочимъ былъ поставленъ вопросъ: чьею властью была упразднена старая конституція. О долгомъ парламентѣ отзывались какъ „о горсти членовъ нижней палаты и олигархіи, ненавистной всѣмъ тѣмъ, кому дорога свобода въ странѣ“. „Другая палата“ была признана на эту сессію законною составною частью парламента, при чемъ была сдѣлана оговорка, что вовсе не имѣется въ виду лишать тѣхъ изъ старыхъ перовъ, которые оставались вѣрны парламенту, ихъ привиллегіи быть членами этой палаты. Особенно ожесточенныя пренія вызвалъ вопросъ о принятіи или непринятіи 30 членовъ, представлявшихъ Ирландію. 22 апрѣля парламентъ, по требованію арміи, былъ распущенъ. Протекторатъ Ричарда Кромвеля болѣе не признавался. Офицеры потребовали, чтобы были снова созваны члены долгаго парламента, распущеннаго Кромвелемъ.

6) Вслѣдствіе этого требованія въ маѣ 1659 г. *долгій парламентъ снова открывается.* Прежній президентъ Лентель и около 50 человѣкъ представителей (число ихъ впослѣдствіи возросло приблизительно до сотни) занимаютъ свои прежнія мѣста и объявляютъ, что имъ „милостью Божіею возвращены свобода и права ихъ представительства, коихъ они были лишены во время перерыва, послѣдовавшаго за 20 апрѣля 1653 г.“ Парламентъ этотъ избралъ государственный совѣтъ, но никакихъ фактическихъ рѣше-

ній не выработалъ. Въ октябрѣ возникли сильные раздоры съ арміей изъ-за вопроса о положеніи гражданскихъ властей. Уволенные изъ службы офицеры съ оружіемъ въ рукахъ воспрепятствовали членамъ парламента собраться въ засѣданіе. Насталъ промежутокъ насильственнаго господства арміи и такъ-называемаго Committee of Safety. Хотя уплатою просроченнаго жалованья и посредничествомъ генерала Монка и удалось возстановить внѣшній порядокъ, но парламентъ все таки вынужденъ былъ согласиться на то, чтобъ въ его среду снова вступили члены, насильственно изгнанные въ декабрѣ 1648 г.

7) Сессія долгаго парламента въ этомъ видоизмѣненномъ составѣ продолжалась еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но 16 марта 1660 г. состоялось третье чтеніе билля, которымъ распускался парламентъ, „созванный 3 декабря 1640 г.“, и созывалось на 25-е апрѣля 1660 года новое собраніе „лордовъ, рыцарей, горожанъ и представителей мѣстечекъ.“ Это собраніе было такъ-называемый „Convention Parliament,“ которымъ и было рѣшено возстановить королевскую власть и призвать на престолъ Карла II. Относительно выборовъ въ будущую нижнюю палату 4 февраля 1660 г. была поставлена слѣдующая резолюція: „комплектъ членовъ сей палаты долженъ доходить за 400 представителей для Англіи и Уэльса, распредѣленіе же ихъ должно быть произведено согласно съ правилами, установленными въ 1653 г.“

---

§ 36.

Реставрація.

Если единичная личность, въ вопросахъ права, возникающихъ въ ея время и среди окружающей ее обстановки, судитъ прежде всего, сознательно или безсознательно, съ точки зрѣнія собственныхъ своихъ интересовъ, то еще болѣе примѣнимо это правило къ цѣлымъ общественнымъ классамъ. Поэтому-то общество (общественное мнѣніе) въ своихъ сужденіяхъ о той или другой партіи руководится не соображеніями о формальной правильности ея происхожденія, а характеромъ ея дѣйствій въ текущую минуту. Партіи даютъ образоваться, расти, дѣйствовать и достигать высшей степени могущества, а за тѣмъ предаютъ ее проклятію и отрекаются отъ нея. И этотъ поворотъ бываетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе побѣдившія партіи посягали на права высшихъ сословій. Въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій ни разу еще лорды, старое gentry, духовенство господствующей церкви и сословіе юристовъ не были такъ жестоко задѣты въ своихъ общественныхъ преимуществахъ, какъ при республикѣ. Опасность абсолютизма была устранена трагическимъ концомъ Карла I; казалось, что на будущее время подобнаго рода поползновенія сдѣлались окончательно невозможными. Съ этого момента во взглядахъ общественнаго общества замѣчаются признаки близкой перемѣны. Уже смерть Карла I оттолкнула людей съ болѣе

мягкими чувствами отъ побѣдившей партіи. Многимъ современникамъ начинало казаться, что умѣренность и справедливость теперь очутились на сторонѣ противоположной партіи. Развѣ король не уступилъ еще въ 1640 г. все то, что по справедливости можно было отъ него требовать? Послѣ казни его осталось лишь воспоминаніе о томъ королевскомъ величіи, которое онъ проявилъ въ послѣдніе часы своей жизни, да о нѣкоторыхъ добродѣтеляхъ его семейной жизни. Все то, что произошло, должно было казаться поколѣнію, выросшему подъ впечатлѣніями пуританской военной диктатуры, лишь дурнымъ сномъ *).

Вѣрнымъ мѣриломъ этого настроенія и существовавшаго въ ту пору соотношенія различныхъ партій можетъ служить свободно избранный парламентъ, вотировавшій возведеніе Карла II на престолъ; около половины членовъ были роялисты, другая половина принадлежала къ пресвитеріанской партіи, республиканцевъ же можно было насчитать 50 человѣкъ. При въѣздѣ молодаго короля въ Лондонъ, ликованье было такъ велико, что Карлъ II, со свойственной ему привѣтливостью, замѣтилъ: «Должно быть я самъ былъ виноватъ въ томъ, что не вернулся ранѣе, сегодня я рѣшительно не видѣлъ ни одного человѣка, который не увѣрялъ бы меня, что всегда желалъ моего возвращенія». Явленія, сопровождающія реставрацію имущихъ классовъ, всегда и вездѣ имѣютъ одну и ту же психологическую подкладку. Тамъ, гдѣ интересы общества выступаютъ на первый планъ, двигающею пружиною можетъ быть только эгоизмъ, такъ какъ въ этомъ-то послѣднемъ и заключается сущность общества. Но въ потокѣ адресовъ, которые въ то время поступали ото всюду, прежде всего бросается въ глаза то странное положеніе, которое заняли англійскіе университеты въ качествѣ представителей богословской юриспруденціи. Оксфордскій университетъ заявлялъ, что онъ «никогда не от-

*) Медленность и нерѣшительность дѣйствій въ дѣлѣ возстановленія королевской власти (см. у Ранке, т. IV, стр. 1—122) объясняется съ одной стороны страхомъ передъ вооруженнымъ республиканизмомъ арміи, съ другой стороны опасеніемъ тѣхъ крайностей, до которыхъ могли дойти реакціонныя попо.новенія. Всѣ, конечно, понимали, что возстановить въ прежнихъ правахъ семейство казненнаго короля, окруженное толпою жестоко обиженныхъ и жаждущихъ мести приближенныхъ, что возвратить господство побѣжденной партіи, потери которой не могли быть вознаграждены безъ нарушенія чужихъ имущественныхъ правъ, дѣло далеко не легкое. Несогласимыя между собою и равно упорныя притязанія англиканской и пресвитеріанской церковныхъ партій были слишкомъ хорошо извѣстны; припоминались также тѣ спорные пункты между короною и парламентомъ, которые такъ и остались неразрѣшенными. Всѣ эти соображенія заставляли медлить реставраціей и потому для этого переходнаго времени самымъ подходящимъ дѣятелемъ оказался осторожный генералъ Монкъ. Стремленія приверженцевъ низвергнутой династіи прорвались съ полною неудержимостью лишь послѣ того, какъ выяснилась окончательно безопасность открытаго заявленія роялисткихъ симпатій.

ступитъ отъ тѣхъ религіозныхъ принциповъ, въ силу которыхъ онъ обязанъ повиноваться королю безъ какихъ бы то ни было оговорокъ или ограниченій». Въ особомъ постановленіи, принятомъ въ этомъ университетѣ нѣсколько позднѣе, теорія Фильмера о патріархальной монархіи и о правѣ первородства была провозглашена основою правительственной власти, установленной самимъ Богомъ. Карлъ II былъ объявленъ «благоуханнымъ дыханіемъ, исходящимъ изъ ноздрей Господнихъ». Кембриджскій университетъ порицалъ въ строгихъ выраженіяхъ «насиліе и измѣну тѣхъ необузданныхъ людей, которые злонамѣренно пытались отклонить потокъ престолонаслѣдія отъ стараго его русла». Ожесточеніе реставраціи противъ пуританства находило себѣ пищу повсюду, осмѣивая его въ свѣтской жизни, въ области искусства, науки, театра и даже домашнихъ нравовъ. Въ высшихъ слояхъ общества «война, которую остроуміе вело противъ пуританизма, на долгое время превратилась въ войну между остроуміемъ и добрыми нравами». Но и народъ соперничалъ съ высшими классами въ строгомъ осужденіи революціи и ея принциповъ; такъ какъ эти послѣдніе представляли нѣчто не вполнѣ уловимое въ матеріальномъ своемъ воплощеніи, то ихъ отыскивали въ гробахъ, подвергая поруганію трупы Кромвеля, Эйртона и Брэдшоу. Слово «республика», которое и всегда звучало чуждо для народа, теперь было связано съ воспоминаніемъ о продолжительномъ періодѣ правительственныхъ насилій, о секвестрахъ, конфискаціяхъ, непомѣрно тяжелыхъ налоговъ, о военно-полицейскомъ режимѣ и объ угрюмой строгости пуританскихъ нравовъ. Одна только умѣренная пресвитеріанская партія, въ силу религіозныхъ своихъ убѣжденій и подъ вліяніемъ серьезныхъ опасеній за будущее, еще старалась сдержать эти крайности реакціи [1]).

Въ теченіе *перваго періода реставраціи* обѣ партіи, стоявшія за нее, еще дѣйствовали довольно единодушно, оставаясь по необхо-

---

1) Такъ-называемый „Convention Parliament“ открылся въ Вестминстерѣ 25 апрѣля 1880 г. 1 іюня, когда король впервые лично появился въ верхней палатѣ, въ этой послѣдней уже засѣдали 3 герцога, 2 маркиза, 36 графовъ, 5 виконтовъ и 33 барона. Но въ нижней палатѣ пресвитеріанская партія была еще настолько сильна, что 12 мая 1660 г. Ленталь подвергся строгому порицанію за то, что онъ позволилъ себѣ отозваться неодобрительно о дѣйствіяхъ лордовъ и общинъ въ послѣднемъ парламентѣ до 1648 г., а также за то, что людей, обнажившихъ свой мечъ въ защиту законной своей свободы, онъ приравнялъ къ тѣмъ, которые казнили короля. Пренія объ амнистіи, послѣ длиннаго ряда перипетій, привели къ тому конечному результату, что участвовавшіе въ смертномъ приговорѣ надъ Карломъ I были, въ извѣстной степени, децимированы. Изъ десяти казненныхъ Regicides всѣ, за исключеніемъ одного, умерли, не переставая до конца мужественно и твердо высказывать убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла.

димости въ предѣлахъ умѣренности, такъ какъ нельзя было не считаться съ пуританизмомъ арміи, которая была еще въ силѣ. Задачею, которую преслѣдовала совокупная дѣятельность этихъ двухъ партій, было возстановленіе парламентскаго образа правленія, что и было осуществлено рядомъ слѣдующихъ актовъ:

Торжественнымъ провозглашеніемъ *наслѣдственной монархіи* и огражденіемъ ея неприкосновенности посредствомъ карательной санкціи, выразившейся въ наказаніи тѣхъ «цареубійцъ», которые участвовали въ смертномъ приговорѣ надъ королемъ.

Возстановленіемъ *верхней палаты*, т. е. наслѣдственнаго перства, при чемъ, однако же, нѣсколько позднѣе католики были лишены права участвовать въ засѣданіяхъ этой палаты.

Возстановленіемъ *нижней палаты*, т. е. представительства графствъ и городовъ на старыхъ основаніяхъ, при чемъ тѣмъ мѣстечкамъ, которыя при республикѣ были лишены избирательнаго права, оно было возвращено и у большихъ городовъ, какъ напримѣръ: Манчестера, Лидса, Галифакса, снова отняты.

Возстановленіемъ *прежняго устройства графствъ*, съ упраздненіемъ системы губернаторствъ и съ преобразованіемъ милиціи въ томъ смыслѣ, что она превратилась въ ополченіе имущихъ сословій [1a]).

1a) Въ законодательствѣ о милиціи (13 Car. II, c. 6; 13 и 14 Car. II, c. 3; 15 Car. II, c. 4) эта послѣдняя является лишь организаціей, предназначенной служить противовѣсомъ республиканской арміи, лишь системою для вооруженія имущихъ сословій. Право, предоставленное лорду намѣстнику (Lord Lieutenant) назначать своихъ помощниковъ (Deputy-Lieutenants) и офицеровъ милиціи клонится къ тому, чтобы замѣстить всѣ офицерскія мѣста въ милиціи, а также всѣ административныя должности въ ней лицами, принадлежащими къ составу мѣстнаго gentry въ графствѣ. Крупные землевладѣльцы рыцарскаго сословія (получившіе не менѣе 500 ф. ст. дохода съ своихъ помѣстій) и наиболѣе богатые городскіе собственники (т. е. такія имущества, которыхъ представляла стоимость не ниже 5000 ф. ст.) поставляли конницу; богатые же крестьяне (имѣвшіе не менѣе 50 ф. ст. дохода съ своихъ земель) и достаточные горожане ставили пѣхоту. Остальное же населеніе въ дѣлѣ милиціонной повинности занимало положеніе infra classem. Констебли однако пользовались правомъ понуждать болѣе мелкихъ собственниковъ, получавшихъ менѣе 50 ф. ст. дохода съ своихъ участковъ, или же владѣвшихъ движимымъ имуществомъ въ размѣрѣ ниже 600 ф. ст., къ доставкѣ въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ имуществу, средствъ для покрытія вооруженія, жалованья и другихъ побочныхъ статей схода. Паписты и другія лица, уклонявшіяся отъ присяги на вѣрность существующему государственному строю, могли быть облагаемы ежегоднымъ взносомъ въ 11 ф. ст. на одного всадника, или въ 30 шиллинговъ на одного пѣхотинца, со включеніемъ въ эту сумму и полнаго вооруженія того и другого. Личною же службою въ милиціи никто не былъ обязанъ и каждому предоставлялось предъявить вмѣсто себя замѣстителя, утвержденіе котораго возлагалось на капитана отряда. Для покрытія расходовъ на боевые запасы и другія потребности милиціи, администрація послѣдней могла назначать ежегодный сборъ, годовой размѣръ котораго, однако-же, не долженъ былъ превышать одной четверти ежемѣсячнаго поземельнаго налога, установленнаго еще въ 12 году царствованія Карла II въ 70,000 ф. ст. Всѣ эти мѣры были задуманы съ цѣлью подорвать пуританскую армію, но при Іаковѣ II онѣ обратились противъ самой королевской власти.

Возстановленіемъ *верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ*, слѣдствіемъ чего въ дальнѣйшемъ ходѣ реставраціи является возвратъ къ епископальной организаціи церкви, къ законамъ, устанавливающимъ единообразіе въ церковныхъ обрядахъ, къ юрисдикціи духовныхъ судовъ и къ литургіи государственной церкви; при этомъ, само собой разумѣется, епископамъ было возвращено право голоса въ верхней палатѣ.

Рядомъ съ этими органическими мѣропріятіями слѣдуетъ еще упомянуть о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ законодательныхъ постановленіяхъ, затрогивавшихъ общіе интересы. Таковы, напримѣръ, были: общая амнистія, изъ которой были изъяты одни только «цареубійцы»; освобожденіе рыцарскихъ помѣстій отъ ленныхъ тягостей; возвращеніе секвестрированныхъ и проданныхъ имуществъ казнѣ, церкви и частнымъ лицамъ. Впрочемъ, такъ какъ относительно этого послѣдняго пункта оказалось невозможнымъ придти къ такому соглашенію различныхъ мнѣній, которое позволило бы издать законъ, то прежніе владѣльцы помѣстій сами возстановили себя въ правахъ владѣнія, прогнавъ новыхъ хозяевъ, при чемъ, конечно, большинство потерпѣвшихъ не получило никакого вознагражденія. Послѣ того, какъ всѣ эти затрудненія были улажены, приступили къ распущенію пуританской арміи, которое и совершилось въ наилучшемъ порядкѣ безъ малѣйшей попытки къ сопротивленію. Такимъ образомъ высшимъ классамъ было возвращено все ихъ прежнее значеніе и владѣльцамъ бывшихъ рыцарскихъ леновъ были даже дарованы значительныя льготы [2]).

Но первое употребленіе, которое классы, возстановленные въ своихъ привиллегіяхъ, сдѣлали изъ возвращеннаго имъ вліянія и по устраненіи послѣдней преграды, удерживавшей ихъ въ границахъ умѣренности (арміи), было — начать систематическую войну противъ умѣренной

---

[2]) Въ Англіи упраздненіе военныхъ леновъ было вопросомъ не объ отмѣнѣ привиллегій, а о снятіи тягостей. Ленныя повинности, взимавшіяся при переходѣ помѣстья изъ однихъ рукъ въ другія, при установленіи опекъ, при бракосочетаніяхъ и т. п. давно уже сдѣлались непосильнымъ бременемъ, благодаря тому, что взиманіе ихъ было случайностью, наступленіе которой нельзя было предвидѣть заранѣе. Республиканское правительство уже болѣе не взимало ихъ, а потому о возстановленіи ихъ при реставраціи, не взирая на все стремленіе послѣдней вернуть старые порядки, не могло быть и рѣчи. Равнымъ образомъ не подлежало сомнѣнію, что корона должна была быть вознаграждена за лишеніе этой главнѣйшей статьи ея наслѣдственнаго дохода. Но вмѣсто того, чтобы установить это возмѣщеніе въ формѣ постоянной ренты или увеличеннаго поземельнаго налога, взимаемаго со всей совокупности рыцарскихъ помѣстій, рѣшили ввести налогъ на солодъ, тяжесть котораго пала на лицъ, совершенно постороннихъ. Рѣшеніе это прошло въ палатѣ общинъ большинствомъ всего только двухъ голосовъ. Что-же касается всей совокупности рыцарскихъ помѣстій, то они были объявлены на будущее время free and common socage (12 Car. II, c. 24). Но при этомъ само собою разумѣется они должны были по прежнему участвовать въ платежѣ подоходныхъ, поземельныхъ и общинныхъ налоговъ.

пресвитеріанской партіи, которая уже сослужила реставраціи свою службу и была ей болѣе не нужна, а также противъ городовъ, которые были ненавистны рыцарскому сословію. Руководясь вѣрнымъ разсчетомъ, правительство поспѣшило распустить парламентъ 25 апрѣля 1660 г., состоявшій на половину изъ пресвитеріанцевъ. Новые выборы дали почти исключительно роялистскій составъ парламента. Не взирая на то, что реставрація могла осуществиться лишь при содѣйствіи умѣренной, средней партіи, новое парламентское большинство не задумалось объявить заднимъ числомъ пресвитеріанцевъ, вмѣстѣ съ пуританами, анархистами и издать цѣлый рядъ законодательныхъ постановленій, клонившихся къ систематическому преслѣдованію всѣхъ партій «сопротивленія» въ церкви и государствѣ. Первоначально реставрація въ репрессивныхъ своихъ мѣрахъ не намѣревалась доходить вплотную до тѣхъ крайностей, въ которыя республика впадала относительно роялистовъ; но теперешнее парламентское большинство, подражая своимъ противникамъ въ систематичности и послѣдовательности дѣйствій, настояло на вытѣсненіи этихъ противниковъ изо всѣхъ высшихъ должностей въ церковной ерархіи и на очищеніи персонала чиновниковъ. Такъ какъ большинство свѣтскихъ должностей въ мѣстномъ управленіи были основаны на корпоративномъ началѣ, то такое очищеніе было возможно лишь при помощи установленія служебной присяги, которая сдѣлала бы дальнѣйшую службу невозможною для всѣхъ *откровенныхъ* противниковъ господствующей партіи. Законъ «о регулированіи корпорацій» поставилъ признаніе беззаконности сопротивленія непремѣннымъ условіемъ для допущенія къ службѣ въ какихъ бы то ни было городскихъ должностяхъ, а также для дальнѣйшаго пребыванія на службѣ этого рода. Кромѣ того было постановлено, чтобы впредь на эти должности были избираемы лишь такія лица, которыя могутъ доказать, что за годъ до этого приняли причастіе по англиканскому обряду. Равнымъ образомъ, въ силу новаго закона о единообразіи церковныхъ обрядовъ, признаніе англиканскаго молитвенника было сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ церковныхъ должностныхъ лицъ; сдѣлано это было съ тою цѣлью, чтобы лишить все пресвитеріанское духовенство, не взирая на данныя ему торжественныя обѣщанія, занимаемыхъ имъ приходовъ. И точно, когда насталъ день, назначенный для приведенія означенной мѣры въ исполненіе, 2000 духовныхъ лицъ разомъ отказались отъ своихъ мѣстъ. Затѣмъ было постановлено, чтобы впредь всякій, посвящаемый въ духовное званіе, приносилъ очистительную присягу въ томъ, что признаетъ теорію такъ-называемаго non resistance; отказавшіеся принести такую присягу не допускались къ преподаванію въ школахъ и имъ кромѣ того воспрещалось пребываніе въ данномъ городѣ и его окрестно-

стяхъ на разстояніи ближе пяти миль. Дополнительные полицейскіе законы, изданные противъ такъ-называемыхъ Conventicles, т. е. противъ богослуженія диссентеровъ, законы, ограничивающіе право петицій и усиливающіе строгость цензуры—все это входитъ въ разрядъ тѣхъ обычныхъ мѣръ, которыми сопровождается всякая политическая реакція; на этотъ разъ реакція имѣла лишь ту особенность, что исходила изъ самостоятельнаго почина обѣихъ палатъ [2]).

Ультра-роялистскіе лозунги восторжествовавшей партіи, насильственный характеръ мѣръ, направленныхъ къ подавленію всякой оппозиціи, противъ печати и права союзовъ,—все это легко можетъ быть принято за такой регресъ, при которомъ конституціонное, парламентское правленіе становилось немыслимымъ. Именно такого рода взглядъ на англійскую реставрацію и высказывался неоднократно, но онъ крайне несправедливъ. Ни избытокъ усердія въ преслѣдованіи всего, напоминавшаго революцію, ни велерѣчивыя заявленія преданности со стороны университетовъ, ни патріархальныя теоріи не могли упразднить тотъ фактъ, что возстановленіе монархіи, именуемой реставраціей, было дѣломъ имущихъ классовъ, которые по этой самой причинѣ и выступали въ обѣихъ палатахъ съ такими притязаніями и съ такимъ сознаніемъ своей силы, какимъ

---

2) Второй парламентъ, прозванный тоже долгимъ или *парламентомъ пенсіонеровъ*, собрался 8 мая 1661 г., онъ нѣсколько разъ прерывалъ свои сессіи и издавалъ резолюціи о продленіи срока своего существованія; такимъ образомъ онъ продержался до 24 января 1679 г., т. е. безъ малаго 18 лѣтъ. Съ открытіемъ этого парламента реставрація перешла въ необузданную реакцію противъ прежнихъ республиканскихъ и умѣренныхъ партій. Но какъ оно и всегда бываетъ, боевые клики охранителей, стоявшихъ на стражѣ твердынь церковнаго и государственнаго устройства, раздавались всего громче въ ту минуту, когда уже не было опасности, съ которой предстояло бы бороться, и когда на сцену выступили своекорыстные инстинкты, принявшіеся эксплуатировать въ свою пользу побѣду, одержанную другими. Правящіе классы, производя реставрацію, были правы въ томъ смыслѣ, что то, къ чему они стремились и что они успѣли отвоевать себѣ обратно, дѣйствительно принадлежало имъ по справедливости. Но реставрація была не права въ томъ ближайшемъ употребленіи, которое gentry и духовенство государственной церкви сдѣлали изъ своей заново пріобрѣтенной власти и въ которое они съ необузданною страстностью внесли духъ партіи. Всѣ дѣйствія ихъ дышутъ непримиримою ненавистью и одна притѣснительная мѣра слѣдуетъ за другой. Таковы были законы о корпораціяхъ (B. Cor. II. с. 12), изданные съ цѣлью очистить персоналъ должностныхъ лицъ въ городахъ и закрыть всѣмъ диссентерамъ по возможности на долгое время доступъ къ этимъ должностямъ; законы о единообразіи въ церковныхъ обрядахъ (13 и 14 Car. II с. 4), отличавшіеся еще большею строгостью, нежели при Карлѣ I, и направленные къ тому, чтобы вытѣснить противниковъ изъ ихъ приходовъ и изъ занимаемыхъ ими должностей въ церковномъ управленіи; законъ о печати и о цензурѣ (13—14 Car. II. с. 33; 16 Car. II с. 7), законы, направленные противъ Conventicles (16 Car. II с. 4; 22 Car. II с. 1). Но съ другой стороны законъ, извѣстный подъ названіемъ „Test Act“ (которымъ послѣдовательно проводился принципъ, требовавшій, чтобы всѣ высшія должности имѣли строго англиканскій характеръ), былъ уже реакціей противъ мысли о примиреніи съ Римомъ, исходившей изъ придворныхъ сферъ.

въ Англіи со временъ феодальныхъ парламентовъ не бывало примѣра. Вопреки всѣмъ теоріямъ, ни одно изъ преимуществъ, отвоеванныхъ революціей, не было уступлено этими классами, ни одно изъ реальныхъ парламентскихъ правъ, признанныхъ во время борьбы съ Карломъ Первымъ, не было снова подвергнуто сомнѣнію. Пресловутое non resistance, о которомъ теперь такъ много толковали, формулировало лишь оборонительную сторону роялистской теоріи. Равнымъ образомъ существованіе государственной церкви не могло упразднить того факта, что имущіе классы вернули этой церкви прежнее ея положеніе, а не наоборотъ. Самостоятельно — іерархическія стремленія епископальной церкви съ этого момента теряютъ свою силу и такъ какъ церковь эта въ Карлѣ II съ самаго начала не находила искренняго защитника и покровителя, то ей по неволѣ приходилось искать поддержки парламента. На свою бѣду или на свое счастье, церковь отнынѣ видитъ себя тѣсно связанной съ интересами имущихъ сословій. Революція, не взирая на всю ненависть, которую она послѣ себя оставила, расчистила дорогу для парламентскаго образа правленія. Твердость характера, проявленная Гэмпденами, Пимами и Элліотами, ни передъ чѣмъ не останавливавшаяся рѣшимость пуританскихъ борцовъ, все это оставило въ сознаніи общества глубоко вкоренившееся убѣжденіе, что границы королевской власти впредь не могутъ быть преступаемы ни однимъ министромъ безъ опасности для его жизни и ни однимъ королемъ безъ опасности для его престола. Въ томъ, что касалось этого пункта, Карлъ II и его министры какъ нельзя лучше понимали положеніе конституціоннаго вопроса въ данный моментъ. Въ этихъ конституціонныхъ рамкахъ роялистской партіи можно было предоставить и ей дѣйствительно предоставили полную свободу дѣйствій, при чемъ, однако же, и сама она не покушалась расшатывать основы существующаго государственнаго устройства. Изъ-за теоретическихъ своихъ принциповъ партія эта никогда не упускала изъ виду практической почвы своихъ правъ и всего менѣе была расположена поступиться ими въ палатѣ лордовъ. Подъ возстановленіемъ королевской власти понимали возстановленіе старой королевской прерогативы, ограниченной представительствомъ сословій, какъ то было до захватовъ, сдѣланныхъ Стюартами. Magna Charta, петиція правъ, старые конституціонные законы, все это было заново подтверждено, частью въ категорическихъ, формальныхъ заявленіяхъ, частью же безъ словъ, самымъ дѣломъ [2a]).

[2a]) Парламентскую исторію этой эпохи со всѣми ея запутанными подробностями можно найти у Галлама (Constitutional History, II с. 11, 12), а также у Парри (Parliaments, стр. 533—587). Эта же исторія въ ея связи съ иностранной политикой Англіи очень искусно изложена у Ранке (т. VI, стр. 174 и до

Такимъ образомъ правленіе Карла II является нормальнопарламентскимъ правленіемъ въ новѣйшемъ значеніи этого слова. Всѣ законодательныя мѣры того времени безспорно вытекали изъ воли большинства законно-избранныхъ парламентскихъ представителей. Не было ни одной попытки чрезвычайныхъ мѣръ законодательнаго характера со стороны королевскаго совѣта; даже одно маловажное королевское повелѣніе, касавшееся кофеенъ, было взято назадъ, въ виду возникшихъ сомнѣній относительно конституціонной правильности его. Столь же незыблемо стояло и право парламента вотировать налоги: не было ни одной попытки обойти это право путемъ незаконнаго взиманія таможенныхъ пошлинъ, benevolences или принудительныхъ займовъ. Право парламента контролировать администрацію и предъявлять обвиненія противъ должностныхъ лицъ примѣнялось на практикѣ дѣйствительнѣе, чѣмъ когда-либо. Случаи нарушенія законныхъ формъ со стороны администраціи стали гораздо рѣже, чѣмъ при Тюдорахъ. Къ тому же и возможность такихъ нарушеній была почти устранена, такъ какъ самые фанатич-

---

т. V, стр. 92). Дѣятельность, которою ознаменовалъ себя долгій парламентъ 1661 г., заставляетъ невольно задуматься надъ вопросомъ: въ какой формѣ опаснѣе партійныя страсти,—въ формѣ ли законодательнаго собранія, или же въ формѣ правительства, не связаннаго никакимъ закономъ? Которому изъ двухъ положеній королевской власти грозитъ наибольшими опасностями духъ партій,—тому ли, которое выражается въ формулѣ King in Parliament, или же тому, при которомъ король является King in Council? Болѣе глубоко захватывающее дѣйствіе, безспорно, имѣла дѣятельность партій, насколько она проявлялась на законодательной почвѣ. Но при правленіи, основанномъ на законахъ, также и ошибки господствующей партіи ощущались всѣми сильнѣе, и это по необходимости дѣлало сказанную партію болѣе сговорчивою и склонною къ уступкамъ. Еще сильнѣе вліяло въ этомъ же направленіи англійское selfgovernement. Среди населенія, группировавшагося вокругъ учрежденій данной общины, каждый несправедливый и жестокій законъ сильнѣе и осязательнѣе затрогивалъ всѣхъ и каждаго, нежели среди дисциплинированной арміи чиновниковъ. Въ этомъ-то и коренилась причина той постепенной и медленной перемѣны, которая совершалась въ общемъ настроеніи за время существованія долгаго парламента. То чувство мѣры, котораго не съумѣла внушить господствующему классу королевская власть, пренебрегавшая своими обязанностями, эти классы сами почерпнули изъ своихъ соприкосновеній съ жизнью графства, городской общины и прихода. Отсрочки, продлившія существованіе парламента на такой большой періодъ времени, въ началѣ были разсчитаны на то, чтобы дать время роялистской партіи извлечь изъ своей побѣды возможно большія выгоды. Но среди этого положенія, упроченнаго отъ внѣшнихъ опасностей, въ самомъ парламентѣ вскорѣ начинаются столкновенія между верхней и нижней палатой. Въ періодъ между 1667—1670 гг. настроеніе партій доходитъ до поворотнаго своего пункта. Съ этого момента внутренній расколъ побуждаетъ парламентъ къ болѣе умѣренному образу дѣйствій, чему съ своей стороны способствуютъ и дополнительные выборы, безъ которыхъ, конечно, нельзя было обойтись въ теченіи 17 лѣтъ. Подъ конецъ существованія этого парламента многочисленныя обвиненія, предъявленныя противъ министровъ, и важные законы, изданные для огражденія личной свободы, представляютъ разительный контрастъ съ настроеніемъ того-же самаго собранія въ первые годы.

ные приверженцы ученія о божественномъ правѣ короны и принципа non resistance не хотѣли и слышать ни о звѣздной палатѣ, ни о чрезвычайныхъ судахъ. Учрежденіе новаго High Commission Court было категорически запрещено закономъ, а при возстановленіи юрисдикціи духовныхъ судовъ была сдѣлана оговорка, въ которой весьма недвусмысленно говорилось, что «мѣрою этою отнюдь не имѣется въ виду возстановлять сказанный трибуналъ или придавать законную силу канонамъ 1640 г. или расширять власть церкви».

И при всемъ томъ, по единогласному приговору историковъ, никогда еще Англія, со временъ безчестнаго Іоанна, не управлялась такъ дурно, какъ въ этотъ періодъ нормально дѣйствующей парламентской конституціи и столь же нормальной церковной организаціи. Дѣйствительная сущность положенія дѣлъ въ государствѣ, безспорно обусловленная характеромъ королевскаго правительства въ эту эпоху, состояла въ томъ, что высшіе классы, вернувъ себѣ прежнее свое вліяніе, пользовались имъ лишь для систематическаго преслѣдованія своихъ противниковъ въ церкви и государствѣ. Явленіе это было дѣломъ не новымъ; но въ прежнія времена дѣйствіе его не распространялось далѣе отдѣльныхъ высокопоставленныхъ личностей; теперь же оно съ послѣдовательностью, присущею всякому легальному образу дѣйствій, было направлено противъ цѣлыхъ партій и классовъ общества. Въ прежнія времена оно преимущественно исходило изъ палаты лордовъ, теперь же его главнымъ центромъ стала палата общинъ. Именно это обстоятельство указываетъ, до какой степени центръ тяжести конституціи успѣлъ уже передвинуться въ сторону нижней палаты и насколько вліяніе партій на законодательство и управленіе становится опаснѣе, когда оно проявляется въ избирательномъ собраніи, обуреваемомъ партійнымъ пристрастіемъ.

Правда, существовала еще одна власть, которая могла бы сдержать эти крайности партій. Король, лично пользовавшійся популярностью и вліяніемъ, теперь снова стоялъ въ такомъ положеніи, что могъ пользоваться своимъ королевскимъ правомъ покровительства слабѣйшимъ и снова упрочить за собою то, что собственно и составляло сущность правъ монархической власти; онъ тѣмъ болѣе былъ обязанъ это сдѣлать, что своимъ престоломъ былъ столько же обязанъ преслѣдуемой средней партіи, сколько и преслѣдующей. Рѣчь шла о томъ, чтобы дѣйствительно оказать торжественно обѣщанное покровительство той партіи, которая въ декабрѣ 1648 г., въ качествѣ большинства нижней палаты, а въ январѣ 1649 г. въ качествѣ послѣдняго уцѣлѣвшаго остатка палаты лордовъ мужественно отстаивала права короны и личную неприкосновенность короля противъ насильственныхъ дѣйствій арміи. Но и въ эту рѣшительную минуту духъ Стюартовъ снова проявляется съ исконными своими

свойствами. Правленіе Карла II было отрицаніемъ истиннаго королевскаго призванія, съ безпримѣрнымъ въ англійской исторіи легкомысліемъ и отсутствіемъ чувства долга занялъ онъ тотъ постъ, который былъ указанъ ему Провидѣніемъ. Обходительный во внѣшнемъ своемъ обращеніи, но суетный внутри, безсовѣстный и безнравственный, онъ прежде всего видѣлъ въ высокомъ своемъ положеніи средство удовлетворять свой вкусъ къ удовольствіямъ свѣтской жизни. Напрасно сталъ бы историкъ во всемъ его двадцатипятилѣтнемъ правленіи отыскивать хоть одну черту, которая свидѣтельствовала бы о существованіи въ его образѣ дѣйствій дѣйствительно царственныхъ воззрѣній на вопросы государственнаго и церковнаго управленія, на вещи и на людей. Надъ богослуженіемъ онъ не стѣсняясь издѣвался въ легкомысленныхъ шуткахъ; перство онъ обезчестилъ, возведя въ это достоинство шестерыхъ своихъ незаконнорожденныхъ сыновей; къ партіямъ въ верхней и въ нижней палатѣ онъ относился лишь съ точки зрѣнія собственныхъ своихъ удобствъ. Крайности, въ которыя впадали роялисты и ихъ пресса подъ вліяніемъ своекорыстныхъ побужденій, онъ порою старался отклонить отъ себя лично, какъ дѣло докучное. Позднѣе его раздражала критика, осмѣливавшаяся касаться того, что дѣлалось при его дворѣ (that a set of fellows should inquire into his conduct. Burnet.). Но ни разу не приходила ему въ голову мысль о серьозныхъ обязанностяхъ королевской власти. Онъ предоставлялъ партіямъ и министрамъ возвышаться и падать или отдавать другъ друга подъ судъ, а самъ тѣмъ временемъ орудовалъ интересами Англіи такъ, чтобы наполнять этимъ путемъ свою денежную шкатулку. Единственнымъ твердымъ убѣжденіемъ, признаки котораго можно отыскать въ его дѣйствіяхъ, было въ немъ убѣжденіе въ наслѣдственномъ правѣ королевской власти; единственное опасеніе, которое для него существовало, было опасеніе, какъ бы снова не проснулся пуританскій духъ непокорства. Карлъ I подорвалъ вѣру въ королевскую власть въ политическомъ смыслѣ, Карлъ II подорвалъ ее нравственно. Что касается тѣхъ пробѣловъ конституціи, которые дѣлали возможнымъ подобное правленіе, то о нихъ будетъ рѣчь въ нижеслѣдующемъ параграфѣ [3]).

---

3) Позднѣйшіе, болѣе кратковременные парламенты царствованія Карла II тѣсно связаны со споромъ о порядкѣ протестантскаго престолонаслѣдія, о чемъ будетъ говорено нѣсколько ниже (§ 38).

Третій парламентъ присутствовалъ съ 6 марта до 12 іюля 1679 г. и отличался крайне бурнымъ настроеніемъ обѣихъ палатъ; такое настроеніе было вызвано вопросомъ объ устраненіи герцога Іоркскаго отъ престолонаслѣдія. Предложеніе это было принято въ нижней палатѣ 207 голосами противъ 128 г., что и вызвало сначала отсрочку засѣданій, а тамъ и распущеніе парламента. (Ранке, V. 93—111).

§ 37.

„King in Council“ и „King in Parliament“.

Съ реставраціей снова возстановляется старое строеніе англійскаго государственнаго тѣла. Король снова окруженъ двойнымъ кругомъ ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ совѣтниковъ, но въ обоюдномъ положеніи тѣхъ и другихъ въ эту эпоху происходитъ перемѣна, которая клонится къ ущербу королевской власти и къ выгодѣ парламента.

I. **Privy Council** само собою разумѣется, тотчасъ же воскресаетъ, какъ только королевская власть была возстановлена въ своихъ правахъ. Въ составъ его снова входятъ должностныя лица, лорды и «другія лица», призываемыя по усмотрѣнію короля. Положеніе высшихъ должностныхъ лицъ опредѣляется тѣмъ іерархическимъ порядкомъ, который былъ установленъ еще при Генрихѣ VIII. Во главѣ совѣта все еще стоитъ лордъ-канцлеръ, который со временъ лорда Эллесмира (1603) все чаще и чаще возводится въ перское достоинство.

Лордъ казначей становится въ новое положеніе министра, участвующаго въ государственномъ управленіи и спеціально завѣдующаго министерствомъ финансовъ. При Карлѣ II такъ называемое Treasury, какъ учрежденіе, сосредоточивающее въ себѣ высшее финансовое управленіе, было отдѣлено отъ стараго Exchequer, въ вѣдѣніи котораго осталось общее управленіе государственною кассою. Treasury былъ переведенъ въ новое помѣщеніе въ Cockpit, откуда и исходили всѣ декреты, повелѣнія, отчеты и инструкціи. Личное присутствіе лорда-казначея въ Exchequer съ этой поры прекращается. Подъ вліяніемъ духа партій уже въ эту эпоху права и обязанности, связанныя съ должностью лорда-канцлера, вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться въ одномъ лицѣ неоднократно распредѣлялись между нѣсколькими лицами, образовавшими коммиссію [a]).

Четвертый парламентъ открылся 17 октября 1680 г. и былъ распущенъ 18 января 1681 г. Дѣятельность этого парламента очять-таки ознаменовалась крайне рѣзкими постановленіями, направленными противъ папистовъ противъ членовъ Privy Council и противъ престолонаслѣдія герцога Іоркскаго.

Пятый парламентъ, просуществовавшій съ 21 до 28 марта 1681 г., былъ закрытъ тотчасъ же послѣ того, какъ въ нижней палатѣ состоялось чтеніе билля объ устраненіи герцога Іоркскаго отъ престолонаслѣдія (Ранке V. 138—179).

a) Въ теченіи семнадцатаго столѣтія Lord Treasurer неоднократно выступаетъ въ роли перваго министра, а то временами должность эта не имѣла вовсе единоличнаго представителя и обязанности, съ ней сопряженныя, возлагались на коммиссію. Такъ было въ 1612, 1618, 1635, 1641, 1654, 1658, 1659, 1660, 1667,

При Карлѣ I назначался особый *президентъ королевскаго совѣта*, но Карлъ II, въ интересахъ личной своей власти, оставлялъ эту должность незанятой вплоть до 1679 г., когда ей былъ приданъ характеръ постояннаго учрежденія.

Въ число высшихъ государственныхъ должностей была теперь также включена должность *фельдцейхмейстера*, состоявшая въ завѣдываніи всѣмъ военнымъ матеріаломъ; лицамъ, занимавшимъ эту должность, былъ присвоенъ, начиная съ 1603 г., чинъ генерала. Послѣ реставраціи она была поставлена въ положеніе отдѣльнаго министерства, а королевскимъ warrant, изданнымъ въ 1680 г., этой части была придана та организація, которую она сохраняетъ и понынѣ [b]).

Затѣмъ, все большее и большее значеніе пріобрѣтаетъ при Карлѣ II должность двухъ *статсъ-секретарей*, изъ которыхъ каждый имѣлъ опредѣленную сферу дѣлъ, подлежавшихъ его управленію. Къ этимъ двумъ статсъ-секретарямъ въ 1666 г. былъ присоединенъ еще особый Secretary of War, завѣдывавшій финансовымъ управленіемъ арміи и занимавшій нѣсколько подчиненное положеніе [c]).

Но наиболѣе важное вліяніе на положеніе королевскаго совѣта имѣлъ законъ, изданный въ 16 году царствованія Карла I и упразднявшій звѣздную палату. Такъ какъ ни одно указаніе опыта въ области государственнаго права не пропадало для парламентовъ безслѣдно, то и реставрація сохранила въ полной силѣ эту мѣру, которая вмѣстѣ со звѣздной палатой полагала конецъ и всякой ад-

---

1679, 1684 и 1687 гг. Въ этомъ же періодѣ финансовое управленіе было дополнено должностью главноуправляющаго акцизными сборами, которая впервые была установлена долгимъ парламентомъ въ 1643 г. Закономъ, изданнымъ при Карлѣ II (St. 12. Car. II c. 23, 24), акцизъ былъ превращенъ въ регулярный налогъ, взысканіемъ котораго завѣдывало такъ-называемое Chief Excise Office, находившееся въ Лондонѣ.

b) Учрежденіе должности фельдцейхмейстера состоитъ въ связи съ попытками Стюартовъ ввести постоянную армію. Королевскій warrant 1683 г. ставитъ во главѣ этого вѣдомства такъ-называемаго Master of the Ordnance, а въ непосредственномъ подчиненіи ему одного Lieutenant Peneral и четырехъ высшихъ чиновниковъ; въ такомъ видѣ учрежденіе это существовало вплоть до 1854 г. Постоянная армія (такъ-называемая гвардія), которую сохранили послѣ реставраціи, состаяла изъ 5,000 человѣкъ, но цифра эта въ 1685 г. была увеличена до 8,700 человѣкъ, къ которымъ присоединялось еще 7,000 человѣкъ для Ирландіи. О новомъ устройствѣ, которое было введено реставраціей для милиціи, см. ниже, § 38 a.

c) Должность статсъ-секретарей и въ эту эпоху еще сохраняетъ нѣсколько неопредѣленный характеръ. Между тѣмъ, какъ въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы сэръ Уильямъ Сесиль былъ единственнымъ статсъ-секретаремъ, въ 1617 г. число лицъ, носящихъ это званіе, доходитъ даже до трехъ; затѣмъ нормальнымъ числомъ становится два статсъ-секретаря. Въ аттрибутахъ этой должности сохраняются еще кое-какія воспоминанія о менѣе значительномъ положеніи члена королевскаго кабинета. Наконецъ при реставраціи статсъ-секретари окончательно приравниваются къ министрамъ.

министративной юрисдикціи, какъ оно и было весьма категорично выражено въ текстѣ вышеупомянутаго закона. Законъ этотъ прямо постановляетъ, что звѣздная палата и всякое другое учрежденіе съ *такою* же или *подобною* юрисдикціей не должны впредь существовать; тотъ же законъ отрицаетъ всякую jurisdiction power or authority of the Council, въ какихъ бы то ни было доселѣ принятыхъ формахъ (см. ниже, § 43), и угрожаетъ значительными денежными штрафами каждому должностному лицу, которое приметъ участіе въ попыткѣ возстановить этого рода юрисдикцію. Полномочія звѣздной палаты, посколько они касались высшаго контроля надъ дѣятельностью судовъ и судебно-мировой юрисдикціи, перешли теперь къ суду King's Bench; что же касается особенно важныхъ, исключительныхъ случаевъ, то для нихъ впредь былъ оставленъ лишь одинъ путь частныхъ биллей, такъ-называемыхъ bills of pains and penalties, или же bills of restitution, — другими словами, чрезвычайныя полномочія этого рода перешли отъ короля въ его совѣтѣ къ королю въ парламентѣ. Съ нововведеніями упразднялась одна изъ главныхъ причинъ, обусловливавшихъ необходимость прочнаго, коллегіальнаго устройства королевскаго совѣта. Для чисто совѣщательныхъ цѣлей могло считаться нелишеннымъ цѣлесообразности образованіе нѣсколькихъ спеціальныхъ комитетовъ. И этому, дѣйствительно, было положено начало еще при Карлѣ I образованіемъ военнаго совѣта и комитета по иностраннымъ дѣламъ. Въ началѣ реставраціи существовало намѣреніе образовать цѣлый рядъ спеціальныхъ департаментовъ по различнымъ отраслямъ управленія. Въ англійскомъ архивѣ государственныхъ бумагъ есть одна рукопись, относящаяся, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ періоду, непосредственно слѣдующему за 1660 г.; въ этой рукописи мы находимъ слѣдующій перечень предположенныхъ къ образованію комитетовъ:

1) Комитетъ по *иностраннымъ дѣламъ*, который долженъ, въ то же время, завѣдывать и перепиской съ мировыми судьями и другими должностными лицами графства.

2) Комитетъ по дѣламъ, касающимся *адмиралтейства*, *арміи* и укрѣпленій, посколько дѣла эти восходятъ до королевскаго Совѣта.

3) Комитетъ *жалобъ* (Petitions of complaint and grievance), до котораго однако не касаются жалобы по дѣламъ частнаго права.

4) Комитетъ *по торговымъ дѣламъ*, а именно по дѣламъ колоній, со включеніемъ также Шотландіи и Ирландіи.

Въ каждомъ изъ этихъ комитетовъ долженъ былъ засѣдать статсъ-секретарь. Кромѣ постоянныхъ комитетовъ (Established Commitees) предполагалось еще для чрезвычайныхъ дѣлъ, требующихъ спеціальнаго обсужденія, назначать особые комитеты, «какъ то дѣла-

лось и до сихъ поръ.» Комитеты этого рода должны составлять письменные доклады на имя короля и предъявлять таковые его величеству въ ближайшемъ засѣданіи совѣта. Но изъ всѣхъ этихъ задуманныхъ отдѣленій практически осуществился лишь такъ-называемый Council Board, который, хотя и считался отдѣленіемъ иностранныхъ дѣлъ, но въ сущности руководилъ всѣми дѣлами правленія. Послѣ паденія Кларендона, однако, вся эта организація распалась и была замѣнена хаотическимъ кабинетнымъ управленіемъ Карла II. Комитетъ продолжалъ существовать лишь по имени, этимъ названіемъ обозначались болѣе интимныя совѣщанія по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, происходившія въ кабинетѣ короля; вскорѣ этимъ совѣщаніямъ было присвоено прозвище «Cabale», болѣе соотвѣтсвовавшее тому дѣйствительному характеру, который они пріобрѣли. Изъ остальныхъ комитетовъ только торговое бюро успѣло сложиться въ нѣчто имѣющее опредѣленную организацію. Реставрація, имѣя передъ собою примѣръ торговой политики Кромвеля, считала, что нельзя оставлять торговлю и колоніи безъ управленія, обставленнаго болѣе или менѣе прочно. Поэтому 7 ноября 1660 г. былъ изданъ королевскій патентъ, которымъ учреждался такъ-называемый Council far the generus state and condition of trade; 1 декабря 1660 г. новымъ патентомъ былъ созданъ Council of foreign plantations, которому отчасти былъ присвоенъ характеръ министерства колоній, наконецъ въ 1672 г. оба эти совѣта были соединены въ одинъ Council of trade and plantations. Но уже въ 1675 г. учрежденіе это снова было упразднено и не ранѣе 1695 г. образовалось опять новое бюро, завѣдывавшее дѣлами торговли.

II. *Верхняя палата*, въ которой съ 20 ноября 1661 г. снова заняли свои мѣста также и епископы, видоизмѣнила свой прежній характеръ благодаря значительному увеличенію числа свѣтскихъ перовъ. Уже при Іаковѣ I число перовъ было удвоено, къ концу же разсматриваемаго нами періода оно утроилось. Разсчитываютъ, что случаевъ возведенія въ перское достоинство и назначенія новыхъ перовъ было при Іаковѣ I—98, при Карлѣ II—130, при Іаковѣ II—11, слѣдовательно въ общей сложности при Стюартахъ перское достоинство получили 376 лицъ, тогда какъ при Тюдорахъ число такихъ пожалованій не превосходило 146 *Новыхъ* перовъ при Іаковѣ I было пожаловано 62, при Карлѣ I—59, при Карлѣ II—64, при Іаковѣ II—8, (May, Const. inst. c. 5),—итого 193 человѣка; при чемъ, съ другой стороны, нужно принять въ разсчетъ 99 пресѣкшихся перскихъ родовъ. Іаковъ I одно время даже просто продавалъ достоинства барона, виконта и графа по таксѣ въ 10,000, 15,000 и 20,000 ф. ст. Лорды эти уже не были средневѣковымъ сословіемъ феодаловъ; они

являлись лишь высшими представителями того gentry, въ рукахъ котораго находилось управленіе страны и которое, благодаря своей многолѣтней дѣятельной роли въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ и въ милиціи, повліяло на перство снизу вверхъ, возвысивъ его политическое значеніе и укрѣпивъ его нравственно. Уже при Іаковѣ I удается достигнуть признанія того принципа, что перъ обязательно долженъ быть приглашаемъ на каждую парламентскую сессію; палата лордовъ снова получаетъ и упрочиваетъ за собою значеніе высшаго судилища въ государствѣ. Во время междоусобныхъ войнъ поведеніе лордовъ въ обоихъ лагеряхъ было, за немногими исключеніями, исполнено достоинства и внушало къ себѣ невольное уваженіе. Какъ представители и оплотъ правоваго порядка, они съ честью выдержали искусъ 2 января 1649 г., когда перство, не взирая на грозный натискъ арміи, послѣ обвинительнаго приговора надъ королемъ, имѣло достаточно мужества, чтобы отвергнуть единогласно резолюціи нижней палаты. Послѣ реставраціи, палата лордовъ является постояннымъ органомъ правящаго класса; въ началѣ она, правда, поддается ультра-роялистскому теченію, но за тѣмъ снова оказывается во главѣ оппозиціи. Благодаря многочисленнымъ новымъ пожалованіямъ перскаго достоинства, состоявшимся въ эту эпоху, въ верхнюю палату съ каждымъ десятилѣтіемъ притекаютъ изъ графствъ новыя силы и новыя вліянія; такимъ образомъ именно въ ту пору, когда деморализація и своеволіе господствующей партіи въ парламентѣ достигаютъ наивысшаго своего предѣла, въ палатѣ лордовъ происходитъ поворотъ и она выступаетъ въ роли нравственно обуздывающаго фактора; при постоянной смѣнѣ министерствъ, ея вліяніе получаетъ рѣшительный перевѣсъ. Вообще перство сдѣлалось въ эту эпоху умѣряющимъ элементомъ и ограждаетъ существующую конституцію отъ крайнихъ требованій партійнаго духа, стремящагося къ непрерывнымъ перемѣнамъ [2]).

---

[2]) Характеръ верхней палаты сильно измѣнился уже вслѣдствіе того обстоятельства, что въ составъ этой палаты вошло много новыхъ перовъ. Перство, численный составъ котораго Елизавета по возможности ограничивала при Іаковѣ I, количественно начинаетъ замѣтно возврастать. Въ четвертомъ году правленія этого короля были разосланы королевскіе writs нижеслѣдующему числу лицъ: 1 маркизу, 32 графамъ, 3 виконтамъ и 46 баронамъ. Поколѣніе спустя пригласительные writs въ долгій парламентъ получили 1 герцогъ, 1 маркизъ, 63 графа, 5 виконтовъ, 54 барона, 2 архіепископа и 24 епископа; итакъ общее число перовъ къ этому времени дошло до 150 и составъ свѣтскихъ перовъ почти удвоился. Въ долгій парламентъ, открывшійся при Карлѣ II въ 1661 г., были приглашены 5 герцоговъ, 4 маркиза, 56 графовъ, 69 бароновъ; однихъ только свѣтскихъ перовъ теперь числится 142. Въ 31-мъ году царствованія Карла II общая цифра перовъ доходитъ до 181 (въ томъ числѣ 14 малолѣтнихъ и 7 такихъ, которые были устранены отъ пользованія своими правами за отказъ признать главенство короля въ церковныхъ дѣлахъ и обрядъ англиканской церкви), въ 1-мъ году царствованія Іакова II число перовъ простирается до 178. При

III. Что касается *нижней палаты*, то составъ ея при Стюартахъ подвергся лишь незначительнымъ перемѣнамъ, которыя были обусловлены принятіемъ графства Дергамъ, находившагося до сихъ поръ на особомъ положеніи, въ число мѣстъ, пользующихся парламентскимъ представительствомъ, а также увеличеніемъ числа депутатовъ отъ мелкихъ мѣстечекъ. Въ парламентахъ республики голоса городскихъ представителей, составлявшіе прежде $^4/_5$ общаго числа представителей Англіи, были низведены до $^1/_3$; но теперь представительство городовъ снова было усилено, численность его даже превысила прежнюю цифру. Послѣ реставраціи сельское дворянство, церковь и королевская власть единодушно стремились къ тому, чтобы подавить духъ самостоятельности въ городскомъ среднемъ сословіи. Законы о корпораціяхъ (13 и 14 Car. II c. 2) въ теченіи цѣлаго ряда годовъ дѣйствовали въ такомъ именно направленіи. Но уже за время существованія долгаго парламента снова сталъ проявляться въ этомъ отношеніи оппозиціонный духъ, сказывавшійся при отдѣльныхъ дополнительныхъ выборахъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, въ 1681 г. Карлъ II рѣшилъ ввести въ организаціи городовъ новыя, искажающія ее измѣненія, съ цѣлью усилить въ нихъ вліяніе придворной партіи. Такъ-называемымъ writ of quo warranto былъ установленъ новый принципъ, въ силу котораго города могли быть лишены своихъ городскихъ учрежденій за злоупотребленіе ими и несоблюденіе установленныхъ формъ. Множество городскихъ хартій было такимъ образомъ уничтожено и замѣнено другими, основанными на олигархическихъ началахъ. Іаковъ II продолжалъ этотъ походъ, повсюду создаетъ олигархическаго характера комитеты для завѣдыванія городскими дѣлами; комитеты эти, точно такъ же, какъ и разныя городскія должности могли быть упраздняемы по усмотрѣнію короны. Въ одномъ Лондонѣ Джеффризъ лишилъ 1900 избирателей, принадлежавшихъ къ классу такъ-называемыхъ freemen, права голоса на выборахъ и еще получилъ выговоръ отъ короля за то, что не произвелъ эту очистку основательнѣе. Въ теченіи немногихъ лѣтъ было выдано

всѣхъ этихъ измѣненіяхъ въ численности свѣтскаго перства, число епископовъ остается неизмѣнно (24). Вліяніе новыхъ перовъ имѣло свои корни въ самоуправленіи графствъ, въ той выдающейся роли, которую они играли въ мѣстной милиціи и полицейскомъ управленіи; этой-то роли соотвѣтствовало въ центральномъ управленіи то положеніе, которое они занимали въ качествѣ наслѣдственныхъ совѣтниковъ короны. По окончательномъ упраздненіи всѣхъ остатковъ ленныхъ обязательствъ, послѣдовавшимъ въ 12 году царствованія Карла II, это новое положеніе перовъ обозначилось еще рѣзче и яснѣе. Въ 22-мъ году царствованія Карла II король возобновилъ старинный обычай и сталъ лично принимать участіе въ засѣданіяхъ палаты, при чемъ однако же нельзя сказать, чтобы высокое присутствіе его возвышало достоинство преній.

городамъ до 200 хартій, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ. Со включеніемъ городскихъ представителей, избранныхъ при этой изуродованной системѣ управленія, число депутатовъ для Англіи и Уэльса простиралось при реставраціи до 512 [3]).

Независимо отъ всѣхъ этихъ измѣненій, конституціонная борьба

---

[3]) Составъ нижней палаты былъ увеличенъ при Іаковѣ I 27-ю членами, при Карлѣ I—18 и при Іаковѣ II — 6 членами. Черезмѣрное число городскихъ представителей уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій было вопросомъ, озабочивавшимъ законодательство. Явленіе это вело свое начало еще съ той поры, когда общины занимали подчиненное положеніе и дѣятельность ихъ главнымъ образомъ состояла въ разрѣшеніи налоговъ. Но теперь нижняя палата составляла однородное цѣлое, члены котораго, послѣ долгаго періода борьбы, давно уже смотрѣли на себя, какъ на уполномоченныхъ всей страны, а не одного только своего избирательнаго округа. Со вступленіемъ на престолъ Стюартовъ начинается *тенденціозное* измѣненіе порядковъ управленія въ городахъ. Уже Іаковъ I считалъ сословную организацію и образованіе замкнутыхъ городскихъ корпорацій (clase boroughs) дѣломъ весьма „политичнымъ“ и на двѣнадцатомъ году своего правленія, при созданіи новаго мѣстечка Денганнонъ велѣлъ объявить черезъ своихъ судей, „что король можетъ посредствомъ даруемой имъ хартіи образовать изъ жителей того или другаго рода корпорацію, распадающуюся на отдѣльные классы (select classes), которые всѣ вмѣстѣ и составляютъ городскую общину (Communalty); при чемъ депутаты посылаются въ парламентъ отъ всей совокупности упомянутыхъ группъ, а пользованіе правомъ выбора ограничивается отдѣльными классами“. На этихъ основаніяхъ въ царствованія Іакова I и Карла I до 17 старыхъ мѣстечекъ получили снова утраченное ими право парламентскаго представительства и были созданы четыре новые избирательные центра. Самый парламентъ, который со временъ Іакова I отстоялъ за собою право быть единственнымъ судьею въ вопросахъ, возникающихъ по поводу выборовъ, равнымъ образомъ признаетъ въ резолюціи, составлявшейся въ 1663 г. въ одномъ изъ его комитетовъ, что ограниченіе права выборовъ болѣе тѣснымъ кругомъ избирателей,“ на основаніи давности и стариннаго обычая“ можетъ имѣть законную силу. Съ другой стороны, въ одномъ получившимъ громкую извѣстность, комитетѣ 1640 г., засѣдавшемъ подъ предсѣдательствомъ Serjeant'а Гланвиля, было признано, что старинное правило, въ силу котораго каждый, участвующій въ scot and loht, имѣетъ право голоса на выборахъ, должно считаться рѣшающимъ въ сомнительныхъ случаяхъ. Послѣ событій революціоннаго періода вопросъ этотъ сдѣлался вопросомъ о томъ, въ чьихъ рукахъ должно находиться политическое вліяніе и обѣ стороны равно понимали важное его значеніе. Городскіе выборы открывали для землевладѣльческаго gentry, при его общественномъ положеніи и при той роли, которую оно играло въ судебно-мировой юстиціи, возможность еще болѣе сильнаго вліянія, чѣмъ выборы въ графствахъ; но такое вліяніе было доступно не каждому gentlemen безразлично, а лишь такому, который умѣлъ до извѣстой степени сообразиться съ настроеніемъ городскихъ классовъ и старался расположить ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ, города остались главнымъ очагомъ политической и диссентерской оппозиціи, изъ котораго оппозиціонная партія въ парламентѣ почерпала преимущественно свои силы. Но королевская власть, вмѣсто того, чтобы ввести преобразованіе въ организаціи городовъ, ограничилась тѣмъ, что урѣзала ихъ избирательное право посредствомъ октроированныхъ хартій, составленныхъ по олигархическому образцу. Кромѣ того, королевская власть эта оставляла за собою право отъ времени до времени производить измѣненія въ новыхъ хартіяхъ, по усмотрѣнію правительственныхъ коммиссаровъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы создать самодѣятельное и самостоятельное городское сословіе, организація котораго была бы согласована съ учрежденіями, дѣйствовавшими въ графствахъ, Стюарты лишь примѣнили къ городамъ свою обычную правительственную тактику.

въ значительной степени усилила въ палатѣ общинъ сознаніе собственнаго достоинства. Мѣстная общественная жизнь въ приходахъ успѣла стать на прочную ногу и среднія сословія, участвовавшія въ этой жизни, пріобрѣли большую долю вліянія на парламентскіе выборы. Съ другой стороны новыя городскія хартіи, устранившія массы мелкихъ городскихъ избирателей, создали и для городовъ одинаковыя условія съ сельскими округами въ томъ, что касалось вліянія gentry какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ. Въ особенности то широкое значеніе, которое получила должность мировыхъ судей, упрочило вліяніе gentry, сгладило до извѣстной степени различіе между крупнымъ и болѣе мелкимъ дворянствомъ и привило всей совокупности имущихъ, образованныхъ классовъ сознаніе ихъ солидарности, какъ правящаго сословія. Во всѣхъ сферахъ духовной жизни народа замѣчается глубокое проникновеніе началъ реформаціи. Въ виду всего этого становится вполнѣ понятнымъ, какимъ образомъ послѣ реставраціи палата общинъ получила возможность выступить на поприще политической дѣятельности съ небывалою дотолѣ увѣренностью въ своихъ силахъ. Восемнадцатилѣтнее существованіе долгаго парламента, вопреки всѣмъ разсчетамъ Карла II, въ конечномъ своемъ результатѣ лишь возвысило авторитетъ палаты, наиболѣе выдающіеся члены которой теперь почувствовали, что какъ по общественному своему положенію, такъ и по опытности въ государственныхъ дѣлахъ они стоятъ ничуть не ниже многочисленныхъ новыхъ перовъ, вышедшихъ изъ одной съ ними среды. Этимъ-то и объясняются частыя пререканія, возникавшія между обѣими палатами изъ-за вопросовъ о компетентности и объ этикетѣ.

Въ особенности усилилось значеніе нижней палаты въ вопросахъ финансовыхъ. Уже въ 1626 г. палата общинъ отстояла за собою рѣшающій голосъ въ дѣлахъ о разрѣшеніи налоговъ, теперь она въ дѣлахъ такого рода даже по оффиціальной терминологіи является *единственной* инстанціей, дающей разрѣшеніе. Притязаніямъ этимъ придаетъ еще большую силу отмѣна тѣхъ особыхъ ленныхъ сборовъ, которые составляли наслѣдственный доходъ короля, подведеніе подъ одну систему всей совокупности прямыхъ налоговъ, постоянно возраставшія денежныя потребности двора, государства и арміи, а больше всего—дурное финансовое хозяйничанье Карла II. Все это влекло за собою постоянное расширеніе права утвержденія налоговъ. Начиная съ 1664 г. уже нѣтъ болѣе и рѣчи о прежнихъ сборахъ одной десятой или одной пятнадцатой съ дохода; законодательная власть возвращается къ республиканской системѣ подоходнаго и поземельнаго налога, опредѣляемаго in concreto. Такимъ образомъ было сохранено и предпринятое во время республики исправленіе податныхъ кадастровъ и окладныхъ списковъ. Въ эту общую

систему налоговъ были также включены и сборы, слѣдовавшіе съ церковныхъ имуществъ. Особыя разрѣшенія налоговъ, дававшіяся со стороны духоненства, давно уже утратили сословный характеръ, а потому логическимъ и лишь нѣсколько запоздавшимъ выводомъ изъ такого положенія дѣлъ было упраздненіе и самой формы утвержденія налоговъ конвокаціями духовныхъ лицъ; мѣра эта состоялась въ 1664 г. путемъ простаго соглашенія между лордомъ-канцлеромъ и архіепископомъ, при чемъ, само собою разумѣется, духовенству, какъ владѣющему землями на правахъ freehold, было предоставлено право голоса на выборахъ въ парламентѣ. Впервые эта система была примѣнена на практикѣ при взиманіи субсидій, вотированныхъ въ 16 и 17 году царствованія Карла II. Самая сила вещей, помимо чьего-либо произвола, привела медленный процессъ сліянія духовенства съ свѣтскими элементами къ этому результату. Еще болѣе способствовало упроченію вліянія нижней палаты введеніе въ резолюціи, утверждающія налоги, такъ-называемыхъ appropriations-cluses. Такъ, въ самый разгаръ интригъ двора и партій, въ 17 году царствованія Карла II, полагается начало важному нововведенію: къ резолюціи, утверждающей субсидію, присовокупляется оговорка относительно того употребленія, которое должно быть сдѣлано изъ вотированныхъ денегъ; такимъ образомъ контроль нижней палаты распространяется и на бюджетъ расходовъ, а черезъ это оно пріобрѣтаетъ менѣе замѣтное съ перваго взгляда, но весьма важное средство вліять на дѣло государственнаго управленія [3а]).

[3а]) Любопытно, что это измѣненіе такъ-называемаго бюджетнаго права произошло благодаря одной придворной интригѣ. Сэръ Джорджъ Доунингъ, одинъ изъ такъ-называемыхъ tellers въ Exchequer, поставилъ на видъ королю, что не худо было бы ввести въ bill of supply, обсужденіе котораго предстояло въ палатѣ, оговорку, обязывающую правительство расходовать деньги, собранныя на основаніи этого билля, не иначе, какъ для тѣхъ цѣлей, ради которыхъ субсидія была вотирована. Предложеніе это Доунингъ вотировалъ тѣмъ, что сказаннымъ способомъ лордъ High Treasurer будетъ устраненъ и король получитъ возможность лично распоряжаться дѣлами государственнаго казначейства, при чемъ Exchequer сдѣлается лучшимъ мѣстомъ для прибыльнаго помѣщенія капиталовъ, а слѣдовательно превратится въ самый крупный банкъ въ Европѣ. Все это состояло въ связи съ существовавшимъ до сихъ поръ обыкновеніемъ обращаться для удовлетворенія текущихъ денежныхъ нуждъ правительства къ банкирамъ (роль которыхъ въ то время исполняла корпорація лондонскихъ ювелировъ) и дѣлать у нихъ займы подъ личный кредитъ короля и лорда казначея. По всѣмъ вѣроятіямъ король такъ же разсчитывалъ при помощи вышеупомянутой оговорки въ биллѣ избавиться отъ необходимости уплачивать изъ суммъ разрѣшенной субсидіи деньги по займамъ этого рода. Министры всячески старались предотвратить опасное нововведеніе (см. Life of Clarendon, Continuation, p. 315), но биль уже прошелъ въ нижней палатѣ и хотя въ палатѣ лордовъ его и задержали, но взять его назадъ уже было нельзя, не рискуя лишиться всей субсидіи (1.250,000 ф. ст.). Поэтому король объявилъ, что оговорка къ биллю была предложена съ его согласія. Послѣ этого билль дѣйствительно прошелъ съ добавочной статьей, гласившей, что суммамъ, которыя будутъ собраны на осно-

Характеристиченъ также и тотъ фактъ, что именно въ ту пору, когда преданность королевскому престолу доходила, по видимому, до своего аппогея, обѣ палаты съ небывалымъ дотолѣ жаромъ заботятся объ упроченіи и расширеніи *личныхъ своихъ привиллегій*. Въ 15-мъ году правленія Карла II палата приступила къ пересмотру процесса сэра Джона Элліота, судившагося при Карлѣ I въ формахъ, несогласныхъ съ основными законами страны. Съ полнаго согласія верхней палаты прежній приговоръ суда King's Bench былъ кассированъ и состоялась резолюція, которая въ самыхъ категоричныхъ выраженіяхъ провозглашала безусловную свободу членовъ парламента отъ всякой отвѣтственности за рѣчи и дѣйствія ихъ въ парламентѣ. (Hatsell Preced. I. p. 86. 208 fl. 251 fl.). Послѣ этого свобода парламентскаго слова никогда уже болѣе никѣмъ не оспаривалась.

Положеніе королевской власти, поставленной лицомъ къ лицу съ возросшими до такихъ размѣровъ притязаніями парламента, было далеко не такъ благопріятно, какъ можно было бы заключить изъ проповѣдывавшихся въ то время ультра-роялистскихъ теорій. Между тѣмъ, не взирая на упраздненіе звѣздной палаты и High Commission Court, въ существующемъ государственномъ устройствѣ оставалось еще много пунктовъ, доступныхъ весьма энергичному воздѣйствію королевской власти, которая могла проводить свое вліяніе путемъ своего верховенства въ церковныхъ дѣлахъ и свѣтской своей прерогативы, путемъ назначенія членовъ совѣта и судей въ общегосударственные суды, путемъ различныхъ пожалованій и милостей, наконецъ путемъ личнаго воздѣйствія на членовъ обѣихъ

ваніи этого постановленія, долженъ быть веденъ особый счетъ, отдѣльный отъ счета остальныхъ доходовъ короля и что „no moneys, leviable under the act should be issued out of the Exchequer during the war, but by order or warmentioning that they were payable for the Service of the war (и „чтобы изъ суммъ, собранныхъ въ силу настоящаго закона, не производилось казначействомъ никакихъ выдачъ въ теченіи войны иначе, какъ на основаніи предписанія или warrant, въ которомъ было бы упомянуто, что выдача производится для надобностей войны"). Въ слѣдующемъ году палата общинъ разрѣшила субсидіи съ подобной же стѣснительной оговоркой, которую король принялъ, хотя и весьма неохотно; при этомъ онъ за своей большой печатью обѣщалъ назначить особую коммиссію и точно, коммиссія вскорѣ была учреждена, больше, впрочемъ, для формы. Но въ слѣдующемъ же за тѣмъ году пришелъ новый законъ, озаглавленный „An Act for taking the accounts of the several Sums therein mentioned"; закономъ этимъ весьма основательно примѣнялось къ дѣлу право, которымъ палата общинъ пользовалась въ единичныхъ случаяхъ еще въ XV столѣтіи, а именно право провѣрять, на какіе спеціальные предметы употребляются государственные доходы; такимъ образомъ палата отстояла за собою участіе въ распредѣленіи бюджета расходовъ. Съ этихъ поръ все болѣе и болѣе входитъ въ обычай включать въ вотируемый билль о субсидіяхъ статью, касающуюся употребленія вотированныхъ денегъ; въ восемнадцатомъ столѣтіи билли, не содержащіе въ себѣ подобнаго рода статьи, встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія.

палатъ и на важнѣйшихъ представителей мѣстнаго управленія. Будущее королевской власти зависѣло отъ того, какъ она въ данную минуту будетъ пользоваться личными своими правами. Но Карлъ II въ своемъ роковомъ непониманіи требованій будущаго сдѣлалъ изъ своихъ правъ такое употребленіе, которое наложило вѣчное пятно на его имя. Чѣмъ тѣснѣе становилась область, въ которой могла быть примѣняема королевская прерогатива, тѣмъ съ бо́льшимъ забвеніемъ своихъ обязанностей пользовались этой прерогативой и Карлъ II и Іаковъ II.

1) *Право назначенія членовъ королевскаго совѣта* привело въ рукахъ Карла къ превращенію почтеннаго совѣта министровъ въ безсовѣстный кабинетъ. Уже Іаковъ I послѣ смерти старыхъ министровъ временъ Елизаветы отбросилъ обычай постояннаго обсужденія государственныхъ дѣлъ въ королевскомъ совѣтѣ, находя болѣе удобнымъ проводить свои личныя воззрѣнія на церковные и государственные вопросы въ интимныхъ, кабинетныхъ совѣщаніяхъ. Карлъ I, раздражительный и неопытный въ государственныхъ дѣлахъ, продолжалъ править тѣмъ же способомъ при содѣйствіи легкомысленныхъ совѣтниковъ и такимъ образомъ въ критическія минуты рѣшающее вліяніе получалъ голосъ королевы и царедворцевъ. При Карлѣ II выступаетъ на сцену уже второе поколѣніе дѣятелей кабинетной формы правленія, которая становится окончательно дѣломъ личнаго произвола короля. Этотъ кабинетъ, даже послѣ того, какъ у королевскаго совѣта были отняты судебныя его полномочія, все еще сохранялъ рѣшающій голосъ во многихъ важныхъ дѣлахъ внутренней политики и во всѣхъ дѣлахъ иностранной политики, — вообще въ такихъ вопросахъ, которые по самой своей сущности не могли быть разрѣшаемы на почвѣ юридическихъ принциповъ и парламентскихъ законовъ. Изъ исторіи извѣстно, какъ воспользовалось этимъ правительство при министерствѣ интригановъ, а также при управленіи Дезбери и Данби. При тѣхъ запутанныхъ отношеніяхъ, которыя господствовали въ европейской политикѣ того времени, Франція не могла имѣть другой цѣли, какъ препятствовать упроченію государственныхъ учрежденій въ сосѣднихъ странахъ, парализуя внутренними раздорами участіе этихъ странъ въ европейской политикѣ и склоняя монарховъ во имя личнаго ихъ интереса къ династическимъ союзамъ и мирнымъ договорамъ. Относительно Англіи это дѣйствительно удалось великому Людовику. Положеніе дѣлъ во внѣшней политикѣ приняло во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія болѣе сложный характеръ, чѣмъ въ первой половинѣ. Вопросъ о протестантизмѣ стоялъ не одинъ на первомъ планѣ, а переплетался съ вопросами европейскаго равновѣсія. Естественному союзу Англіи съ Голландіей по временамъ противодѣйствовалъ духъ мелкаго, тор-

гашескаго соперничества. Обстоятельство это создавало благопріятную почву для дипломатическихъ осложненій. Съ отставкой Кларендона въ политикѣ замѣчается крутой поворотъ. Когда король въ 1668 г. увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ опустѣвшею кассою казначейства и съ напряженнымъ настроеніемъ парламента, онъ задумалъ начать тайные переговоры съ Франціей, въ надеждѣ, что это доставитъ ему тѣ денежныя средства, въ которыхъ онъ нуждался. Въ той конфиденціальной перепискѣ, которая вслѣдъ за этимъ завязалась между англійскимъ и французскимъ дворомъ, къ денежному вопросу вскорѣ примѣшался и религіозный вопросъ. Въ январѣ 1669 г. король призвалъ Клиффорда, Эрлингтона и Эрунделя на тайное совѣщаніе у герцога Іоркскаго и на этомъ совѣщаніи высказалъ имъ, что ему крайне тяжело таить отъ всѣхъ истинное свое религіозное убѣжденіе. Со слезами на глазахъ молилъ онъ ихъ помочь ему своимъ совѣтомъ въ пріисканіи наилучшаго способа возвратить католической религіи права въ государствѣ. Это совѣщаніе повлекло за собою нѣсколько времени спустя заключеніе тайнаго договора съ Франціей (1670), въ которомъ Карлу предоставлялось выбрать наиболѣе удобный по его усмотрѣнію моментъ, чтобы открыто объявить себя исповѣдующимъ католическую вѣру; Франція же, съ своей стороны, обязывалась выдавать ему ежегодно сумму въ 200,000 ф. ст. на покрытіе расходовъ экспедиціи, которую онъ обѣщался предпринять противъ Голландіи для поддержанія военныхъ дѣйствій Франціи противъ этой страны, а также на подавленіе смутъ, которыя могли возникнуть въ самой Англіи. При этомъ обѣ стороны обязывались не начинать сепаратныхъ переговоровъ о мирѣ. (Ранке IV. 358). Когда деньги, полученныя отъ французскаго правительства, истощились, Карлъ въ 1674 г. потребовалъ новаго пособія въ 400,000 ф. ст. и при этомъ выставилъ на видъ, что въ случаѣ отказа, онъ вынужденъ будетъ созвать парламентъ, который тотчасъ же выскажется за войну въ союзѣ съ Голландіей противъ Франціи. Но на этотъ разъ Людовикъ сослался на недостатокъ денежныхъ средствъ и далъ лишь около четвертой части просимой суммы, взявъ за это съ Карла обѣщаніе отложить сессію парламента съ ноября 1674 г. до апрѣля 1675 г. Въ переговорахъ, происходившихъ позднѣе (1678), Карлъ постоянно держался такой тактики, чтобы продавать свой нейтралитетъ за наивысшую сумму, какую только можно было взять съ Франціи. Между тѣмъ усиленіе Франціи возбуждало опасенія во всей Европѣ, и парламентъ, настроенный очень воинственно, настаивалъ въ 29 году царствованія Карла на заключеніи союза съ Голландіей. Король раздражительно отвѣчалъ на адресъ, въ которомъ высказывалось это требованіе, что «палатѣ не подобаетъ вмѣшиваться въ такія

дѣла, такъ какъ этимъ она посягаетъ на основное право короля рѣшать вопросы войны и мира по своему усмотрѣнію». Въ виду такого положенія дѣлъ Людовикъ согласился уплатить Карлу еще 2.000,000 ливровъ на 1681 г. и выдавать ему кромѣ того ежегодное пособіе въ 500,000 кронъ въ теченіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ. Между тѣмъ Карлъ, высказывая передъ парламентомъ готовность объявить войну съ Франціей и требуя себѣ на этомъ основаніи субсидію, въ переговорахъ, которые одновременно ведетъ съ Франціей, всячески старается продать свои услуги французскому королю по возможно высокой цѣнѣ. Законъ, установившій отвѣтственность министровъ за противузаконныя дѣйствія министровъ, былъ, конечно, безсиленъ противъ измѣны, исходившей отъ самого короля. Въ виду этого становится понятнымъ, какимъ образомъ парламентъ пришелъ къ мысли распространить свое право преданія министровъ суду и на политическое ихъ поведеніе, поднимая вопросъ о томъ, насколько дѣйствія министровъ были «честны, справедливы и полезны». Принципъ этотъ впервые былъ выраженъ въ обвиненіи, направленномъ противъ Дэнби; вообще, всѣ вышеизложенныя обстоятельства привели къ тому, что выработалось понятіе о такъ-называемой политической отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ [1]).

2) *Право короля назначать судей общегосударственныхъ судовъ* еще при Карлѣ I служило средствомъ для замѣщенія этихъ должностей лицами, пользовавшимися довѣріемъ короля и стоявшими за

---

1) Кабинетъ Карла II и его иностранная политика были лишь дальнѣйшимъ развитіемъ системы, существовавшей еще до него. Уже при Іаковѣ I торжественныя засѣданія королевскаго совѣта, правильныя совѣщанія, съ участіемъ судей общегосударственныхъ судовъ и веденіе формальныхъ протоколовъ засѣданій, становятся все болѣе и болѣе. Карлъ I во время междоусобной войны окончательно отбросилъ всѣ формальности. Это-то отсутствіе формальныхъ ограниченій, которое Карлъ II нашелъ при вступленіи своемъ на престолъ, предоставляло всю область иностранной политики въ распоряженіе ничѣмъ не стѣсняемаго произвола. Суетный отъ природы характеръ короля находилъ для себя самую подходящую дѣятельность въ устраиваньи союзовъ, договоровъ и разныхъ политическихъ комбинацій съ иностранными государствами. Къ превратнымъ семейнымъ традиціямъ въ Карлѣ II присоединялось еще вліяніе полученнаго имъ французскаго воспитанія и французскихъ нравовъ. Иностранная политика этого времени, мастерскую картину которой можно найти у Ранке (IV. 196—496. V. 1—92), чрезвычайно трудно поддается изложенію, такъ какъ въ ней кабинетныя и иноземныя интриги тѣсно переплетаются съ дѣятельностью партій въ парламентѣ. О первыхъ попыткахъ примиренія съ Римомъ, см. у Ранке: IV. 232—256; о происхожденіи Test-Act—тамъ же, IV. 411—425; о тайномъ договорѣ съ Франціей, состоявшемся въ 1670 г.—тамъ же, IV. 358—376. Лишь при позднѣйшихъ осложненіяхъ Людовикъ XIV вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ парламентской оппозиціей (Ранке: V, 55—73)—сношенія, относительно которыхъ Карлъ точно такъ же былъ введенъ въ обманъ, какъ самъ онъ обманывалъ парламентъ. Впрочемъ общая сумма французскихъ денегъ, переплаченныхъ различнымъ членамъ парламента, не превышала, какъ полагаютъ, 16,000 ф. ст.

ученіе о верховномъ главенствѣ короля; вліяніе кабинета и двора превращало такихъ судей въ послушное орудіе правленія, противнаго основнымъ законамъ страны. Второй періодъ правленія Стюартовъ и въ этомъ отношеніи превзошелъ то, что дѣлалось при первыхъ двухъ короляхъ династіи. Съ 1665 г. судебныя должности снова замѣщаются судьями, которые могутъ быть назначаемы и смѣняемы по произволу короля. Въ царствованіе Карла было уволено по политическимъ соображеніямъ, ни для кого не составлявшимъ тайны, 3 лорда-канцлера, 3 chief-justices и 6 судей: при этомъ всѣ сколько-нибудь важныя мѣста были заняты покладистыми слугами власти. Теперь снова царило то правило, котораго, по словамъ Бекона, придерживался еще Генрихъ VII, «управляя своими подданными посредствомъ законовъ, а законами посредствомъ юристовъ». Болѣе утонченные вкусы Карла II заставляли его избѣгать слишкомъ громкой огласки подобныхъ продѣлокъ съ правосудіемъ. Но въ процессѣ сэра С. Барнардистона для всѣхъ было вполнѣ ясно, почему король, передъ самымъ разбирательствомъ этого дѣла въ апелляціонной инстанціи, назначилъ нѣсколькихъ адвокатовъ, участвовавшихъ въ веденіи процесса, членами суда. Равнымъ образомъ, какъ только начались процессы по мнимому заговору папистовъ, chief justice Ренсфордъ былъ тотчасъ же уволенъ и на мѣсто его назначенъ Скроггсъ, который и не замедлилъ оправдать выказанное ему довѣріе, придавъ ложнымъ обвиненіямъ желательный ходъ, направленный сначала въ одну сторону, а потомъ въ другую, и выпутавъ герцога Іоркскаго отъ тяготѣвшаго надъ нимъ серьознаго обвиненія внезапнымъ распущеніемъ большаго жюри. Но такъ какъ этотъ явный скандалъ слишкомъ уже уронилъ его въ общественномъ мнѣніи, то нашли умѣстнымъ дать ему преемника, который еще ранѣе успѣлъ, въ подобномъ же дѣлѣ, показать себя столь же безсовѣстнымъ судьею. На должность chief justice былъ назначенъ Пембертонъ; первымъ возложеннымъ на него порученіемъ былъ процессъ лорда Росселя; хотя онъ и повелъ дѣло такъ, что подсудимый окончилъ жизнь на эшафотѣ, однако онъ все же не съумѣлъ угодить всѣмъ требованіямъ двора. Поэтому онъ вскорѣ былъ замѣненъ другимъ еще болѣе надежнымъ лицомъ. Въ эту эпоху своего царствованія король придавалъ наибольшее значеніе тѣмъ рѣшеніямъ судовъ, которыя касались отмѣны городской организаціи Лондона и уничтоженія хартій другихъ городовъ. Съ этою цѣлью, по распущеніи послѣдняго парламента (28 марта 1681 г.) на основаніи writ of quo warranto было приступлено къ судебному разсмотрѣнію, которымъ руководилъ Саундерсъ, считавшійся самымъ искуснымъ special pleader своего времени. Послѣ того, какъ предварительное разсмотрѣніе дѣла было завершено по всѣмъ прави-

ламъ искусства, тотъ же Саундерсъ возведенъ въ должность chief-justice of the Bench. (Amos. 141 и 263). Не довольствуясь этимъ, Карлъ еще лично убѣждалъ судей, чтобы они произнесли благопріятный для него приговоръ; въ результатѣ всего городъ Лондонъ былъ приговоренъ къ лишенію своихъ привиллегій и къ уплатѣ 70,000 ф. ст. штрафа. Іаковъ II дѣйствовалъ еще безцеремоннѣе: въ три года онъ смѣстилъ до 12 судей и возвелъ олицетворенную безчестность (Лорда Джефисса) въ должность верховнаго судьи суда King's Bench, затѣмъ сдѣлалъ его лордомъ канцлеромъ и президентомъ высшаго церковнаго совѣта, учрежденнаго по произволенію самого короля. Въ 1685 сэръ Эдуардъ Гербертъ и сэръ Франсисъ Уизерсъ были уволены за то, что отказались издать по приказанію короля декретъ, долженствовавшій имѣть силу закона. Въ 1686 г. той же участи подверглись chief justice Джонсъ, chief baron Монтегью и судьи Чарльтонъ и Невиль, за то, что колебались признать право короля освобождать кого ему вздумается отъ присяги, установленной закономъ (test act). Въ 1688 году были уволены судьи Поуэль и Голуэй за то, что въ процессѣ семи епископовъ подали свой голосъ за рѣшеніе, неугодное королю. Въ вопросѣ о правѣ короля освобождать отъ присяги, — вопросѣ, имѣвшемъ рѣшающее значеніе, Іаковъ II началъ съ того, что заручился мнѣніемъ судей о правѣ короля пріостанавливать дѣйствіе test act. Затѣмъ, формы ради, было начато въ судѣ King's Bench уголовное преслѣдованіе противъ одного католическаго офицера; по устраненіи несговорчивыхъ судей и по назначеніи на ихъ мѣсто новыхъ (въ томъ числѣ двухъ католиковъ) состоялось рѣшеніе, объявлявшее, что законы суть не что иное, какъ «собственные законы короля» (King's own laws), а отсюда выводилось и право короля освобождать отъ присяги. Іаковъ называлъ такой способъ дѣйствія «простымъ средствомъ» сдѣлать такъ, чтобы всѣ судьи «были въ своихъ мнѣніяхъ единодушны» [2]).

---

2) Замѣщеніе судебныхъ должностей послѣ реставраціи стало производиться старымъ порядкомъ. Въ монографіи, озаглавленной: The constitution under Charles II, Amos, London 1857, отдѣльные факты, касающіеся порядковъ управленія, по большей части вѣрны, но группировка ихъ грѣшитъ преувеличеніями. Начиная съ 1665 г., Карлъ II по видимому стремился утилизировать затянувшуюся сессію парламента съ тою цѣлью, чтобы подъ шумокъ снова ввести смѣняемость судей по произволу королевской власти. Одинъ за другимъ, въ короткіе промежутки времени, смѣняются по политическимъ соображеніямъ: лордъ-канцлеръ Кларендонъ, Шефтсбери и Бриджмэнъ, затѣмъ въ должности chief-justices: Ренсфордъ, Скроггсъ и Пембертонъ, а также шестеро судей. По видимому тѣ же причины вынудили судей Эткинса и Лика подать въ отставку. (Foss, VII. 4). Поводомъ къ отставкѣ Эткинса послужило то обстоятельство, что онъ во время объѣзда мѣстныхъ судебныхъ учрежденій протестовалъ противъ мнѣнія Скроггса, утверждавшаго, что „ходатайствовать въ петиціяхъ о созывѣ парла-

Съ такимъ-то персоналомъ судей велись, по указаніямъ двора, политическіе процессы, пускались въ ходъ растяжимыя обвиненія въ государственной измѣнѣ и мятежѣ, а также примѣнялись законы и королевскія повелѣнія о печати. Всего болѣе облегчался такой образъ дѣйствій неопредѣленностью старыхъ законовъ о государственной измѣнѣ,—неопредѣленностью, которая была еще увеличена законодательнымъ постановленіемъ 1661 г., гласившимъ: «печатное или письменное произведеніе, проповѣдь, а также злонамѣренныя или необдуманныя выраженія въ разговорѣ» достаточны для признанія наличности преступнаго дѣянія. Столь же благопріятнымъ для произвольныхъ толкованій оказалось понятіе о мятежѣ послѣ того, какъ еще Кларендонъ по поводу одного процесса пояснилъ, что «опубликовать такую книгу совершенно то же, что собрать цѣлую армію противъ престола и короля». Въ числѣ другихъ дѣлъ и въ процессѣ 7 епископовъ было пущено въ ходъ обвиненіе въ мятежѣ, понятіе котораго, по выраженію лорда Гильфорда, «напоминало собою мягкость воска». Но наиболѣе благодарною почвою для эксплуатаціи оказывалось понятіе о диффамаціи (libel). Толкованія всѣхъ этихъ понятій были дополнены новыми законами о печати. Важнѣйшій изъ нихъ (13 et 14 Car. II, c. 33) первоначально былъ изданъ, въ видѣ временной мѣры, на три года, но затѣмъ срокъ этотъ два раза былъ продленъ и законъ оставался въ дѣйствіи до 1679 г. Послѣ того, какъ онъ утратилъ свою силу, въ сборникѣ распоряженій правительства было опубликовано 17 мая 1680 г. королевское повелѣніе, сдѣлавшееся за тѣмъ предметомъ сильныхъ нападокъ въ парламентѣ. Это не помѣшало однако же возобновить во время новаго приступа реакціи въ 1685 г. всѣ старые цензурные законы. При широкихъ полномочіяхъ, которыми обладали судьи, карательные приговоры, въ особенности въ дѣлахъ по обвиненію въ диффамаціи, превосходили всякую мѣру. Признанныхъ виновными въ дѣлахъ такого рода не только присуждали къ уплатѣ штрафовъ, доходившихъ до 40,000 ф. ст., но и приговаривали къ тѣлесному наказанію девятихвостой плетью (такъ, одинъ пасторъ Джонсонъ за диффамацію былъ приговоренъ къ 317 ударамъ этого

мента есть государственная измѣна и что король можетъ путемъ королевскихъ повелѣній предписывать все, что ему угодно". За отставкою Пембертона послѣдовало назначеніе Саундерса, возбудившее еще большій скандалъ. Затѣмъ, послѣ смерти Саундерса на должность chief justice былъ назначенъ Джеффрисъ, главнымъ образомъ въ виду предстоявшаго въ то время политическаго процесса противъ Эльджернона Сидни. Но во время судебнаго преслѣдованія, возбужденнаго парламентомъ противъ министра Дэнби, лордъ Джеффрисъ оказалъ еще болѣе важную услугу, освободивъ министра изъ-подъ ареста на поруки, безъ объясненія причинъ такого распоряженія; то былъ „первый примѣръ молчаливаго постановленія суда въ Уэстминстерголѣ", какъ выразился впослѣдствіи одинъ solicitor general (Amos, 56).

рода. Amos, 253). Въ пользу герцога Іоркскаго три раза было присуждено вознагражденіе въ 100,000 ф. стерлинговъ.

Отъ этого же судебнаго персонала исходили грубыя запугиванья присяжныхъ, составляющія характеристичную черту того времени. Съ другой стороны вразумительнымъ отвѣтомъ на такого рода дѣйствія послужило изданіе закона Habeas Corpus и признаніе принципа неотвѣтственности присяжныхъ. Въ знаменитомъ мнѣніи, которое было высказано общегосударственными судами въ 1679 г., присяжные провозглашались впредь неотвѣтственными за юридическую правильность ихъ приговора. При Іаковѣ II оправданіе епископовъ, преслѣдуемыхъ деспотическимъ монархомъ, упрочило въ общемъ сознаніи убѣжденіе, что единогласный приговоръ присяжныхъ представляетъ самую надежную гарантію, какую только могутъ дать судебныя учрежденія противъ деспотизма и партійныхъ пристрастій. Но весь персоналъ судей былъ до такой степени испорченъ, что послѣ Іакова II можно было только приступить къ очисткѣ его посредствомъ преданія виновныхъ суду и увольненій отъ должности. Послѣ опыта послѣднихъ годовъ казалось даже несовсѣмъ безопаснымъ признать принципъ несмѣняемости судей; общее мнѣніе склонялось, скорѣе, въ пользу того, чтобы не ставить законность правительственныхъ дѣйствій въ зависимость отъ добросовѣстности извѣстнаго числа чиновниковъ судебнаго вѣдомства, а искать гарантій законности въ такой, широко развѣтвляющейся организаціи, которая установила бы связь между судебными должностями и имущими классами [2a]).

[2a]) Важнымъ препятствіемъ на пути того направленія, которое Карлъ II старался придать дѣятельности судовъ, явился институтъ присяжныхъ. Въ теченіи цѣлаго ряда годовъ приводился тонко задуманный планъ, главными орудіями котораго служили chief justice Норсъ и два его брата; съ помощью разныхъ недостойныхъ средствъ Карлу II удалось добиться назначенія такихъ шерифовъ для города Лондона, которые были готовы на всевозможныя услуги; обстоятельство это имѣло для короля большую важность, такъ какъ оно находилось въ связи съ назначеніемъ присяжныхъ большаго жюри. Въ перепискѣ, которая велась по этому предмету, цѣль всѣхъ оказанныхъ махинацій опредѣляется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „устраненіе того чудовища, которое свирѣпствовало въ Лондонѣ въ 1680—1682 гг. подъ именемъ ignoramus“ (т. е. тѣхъ оправдательныхъ приговоровъ, которые произносились большимъ жюри). Для короны прямо поставленъ вопросъ о томъ, наказуемы или нѣтъ измѣна и мятежъ въ предѣлахъ Лондона и Мидльсекса“. Подробности этого эпизода см. у Амоса, стр. 256. Устраненіе самостоятельныхъ шерифовъ и магистратуръ, на обязанности которыхъ лежало составленіе списковъ присяжныхъ, было также одною изъ цѣлей, которыя имѣлись въ виду при уничтоженіи городскихъ хартій. Въ 1683 г. при помощи жюри, составленныхъ по новой системѣ, удалось, дѣйствительно, отправить на эшафотъ Эльджернона Сидни.—При такихъ-то обстоятельствахъ былъ изданъ habeas corpus act, послѣ нѣсколькихъ попытокъ провести подобную мѣру, дѣлавшихся въ 1668, 1670, 1674 и 1675 гг. (См. у Амоса, стр. 180—190). Главнымъ виновникомъ этого закона слѣдуетъ считать Шефтсбери. Причины, побудившія Карла II къ его принятію, заключались въ томъ, что какъ

3) *Личное вліяніе двора на парламентъ и право назначенія на различныя должности*, которымъ располагала королевская власть, оставались все еще въ полной силѣ и Карлъ II пользовался этими преимуществами такъ безцеремонно, что долгій парламентъ получилъ прозвище парламента пенсіонеровъ. (Pensionery Parliament). При такихъ условіяхъ для человѣка, состоявшаго членомъ парламента, было, конечно, дѣломъ не легкимъ сохранить свою личную честь незапятнанной и оставаться вѣрнымъ разъ избранной имъ партіи. Въ спискѣ лицъ, получавшихъ пенсіи отъ короля, подъ видомъ жалованья, присвоеннаго той или другой должности, мы встрѣчаемъ первыхъ людей того времени. Порою можно подумать, что и среди оппозиціи сохранилась только вѣра въ цѣнность денегъ и должностныхъ отличій,—этихъ единственныхъ благъ, за которыми въ ту пору признавалось существенное значеніе. Тогдашнія высшія должности были сопряжены съ окладами, состоявшими изъ одного до двухъ процентовъ всей суммы государственныхъ доходовъ и превышавшими доходы самыхъ богатыхъ лордовъ. Такимъ образомъ борьба изъ-

---

разъ въ это время онъ собирался распустить парламентъ, съ цѣлью добиться болѣе благопріятныхъ выборовъ, которые позволили-бы вести борьбу противъ билля объ устраненіи герцога Іоркскаго отъ престолонаслѣдія. При такихъ условіяхъ понятными становятся исполненныя горечи слова Марвелля, относящіяся къ послѣднимъ годамъ правленія Карла II: „то, чего не могли сдѣлать внушенія со стороны Франціи, постоянныя арміи, парламентскіе подкупы, всенародно даваемыя клятвы и другія козни злыхъ людей,—то надѣлали двѣнадцать человѣкъ, одѣтыхъ въ красную одежду“ (Амосъ, 265). Между тѣмъ при Іаковѣ II правленіе отличается еще большею безсовѣстностью. Лордъ канцлеръ Джеффрисъ, котораго въ дѣлахъ этого рода, какъ кажется, можно признать достаточно компетентнымъ судьею, съ обычною своею откровенностью характеризуетъ своихъ тогдашнихъ сотоварищей по должности въ слѣдующихъ словахъ: „Что же касается судей, то большая часть ихъ—мошенники (Foss VII. 201). Непривлекательный трудъ написать біографію этого chief justice, лорда канцлера и президента главнаго церковнаго совѣта взялъ на себя опять-таки Фоссъ (VII, 226—66). По изгнаніи Іакова II ни одинъ изъ десяти судей, оказавшихся на лицо, не былъ признанъ достойнымъ оставаться въ должности, лордъ Джеффризъ былъ приговоренъ къ гражданской смерти и конфискаціи имущества, относительно шестерыхъ другихъ было категорически высказано, что на нихъ распространяется дѣйствіе Act of indemnity. Всѣ эти факты научили Англію цѣнить персоналъ должностныхъ лицъ, служившихъ въ самоуправленіи изъ-за чести и сохранявшихъ, благодаря имущественному своему положенію, не взирая на смѣняемость, распространявшуюся и на нихъ, всю ту независимость, которая подобаетъ судьямъ. Послѣ того, какъ реставрація устранила гнетъ Кромвелевскихъ военныхъ губернаторовъ, мировые судьи, не взирая на нѣкоторую патріархальность, еще сохранявшуюся въ ихъ пріемахъ, и на черезмѣрную строгость въ преслѣдованіи браконьеровъ, упрочили все-таки за собою репутацію правосудія въ такую эпоху, когда порча нравовъ проникала повсюду. Къ числу злоупотребленій, которыми ознаменовалось кратковременное царствованіе Іакова II, слѣдуетъ отнести и ту систематическую послѣдовательность, съ которою вычеркивались изъ списковъ мировые судьи, отказывавшіеся мирволить интригамъ придворныхъ партій. Мѣры эти, однако, не могли похвалиться особеннымъ успѣхомъ. Какъ мировые судьи, такъ и институтъ присяжныхъ сохранили свою репутацію незапятнанной и въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ ихъ и въ восемнадцатомъ столѣтіи.

за должностей, въ тѣсной связи съ интригами партій въ парламентѣ, принимала характеръ борьбы на жизнь и на смерть. Вокругъ коноводовъ данной минуты тѣснилась толпа пріятелей и приближенныхъ и все это облѣпляло государственное казначейство точно полипы. Для занятія должностей на государственной службѣ требовалась только готовность признать политическій символъ вѣры господствующей фракціи (это называлось благонадежнымъ образомъ мыслей) и содѣйствовать этой фракціи въ достиженіи ея цѣлей, а также ловкость въ интригахъ и зоркость, способная уловлять во-время признаки перемѣнъ въ положеніи придворныхъ и парламентскихъ партій. Явленія, ознаменовавшія эту эпоху въ области внутренняго управленія, также подтверждаютъ, что правильность и добросовѣстность государственнаго управленія зависятъ не отъ королевской власти, а отъ парламента и, всего болѣе, отъ характера самой страны. Въ противовѣсъ придворной партіи образовалась «партія страны». Внутренно распавшійся королевскій совѣтъ въ лицѣ единичныхъ отвѣтственныхъ министровъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе сближается съ парламентскимъ большинствомъ, при чемъ замѣчается также постоянно возростающее участіе нижней палаты преимущественно въ дѣлахъ статсъ-секретаріата и въ коммиссіяхъ казначейства. Во всемъ сказывается несомнѣннымъ образомъ переходъ къ системѣ управленія, зависимаго отъ парламентскихъ партій [3]).

---

3) Общій характеръ государственнаго управленія и чиновничества того времени объясняется крайнимъ ожесточеніемъ партій, между которыми чиновничество видѣло себя поставленнымъ, не имѣя никакой опоры въ королевской власти. Но характеристичною особенностью партійныхъ программъ того времени является то обстоятельство, что никогда еще имя короля и воля Божія не бывали такъ часто на устахъ людей, представлявшихъ собою государственную и церковную власть, какъ именно при господствѣ этой безчестной системы, которую Маколей характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ, едва ли грѣшащихъ преувеличеньемъ: „Почести и государственныя должности, званіе пера и баронета, начальство надъ полками и фрегатами, посольскія и губернаторскія мѣста, коммиссіи, аренды казенныхъ земель, контракты на поставку обмундированія для арміи, продовольствій и боевыхъ запасовъ, помилованія за учиненныя убійства, грабежи и поджоги,—все это продавалось въ Уайтголѣ почти также открыто, какъ спаржа въ Конвентгарденѣ или селедки въ Биллингетѣ. Въ придворныхъ прихожихъ постоянно толпились маклера, выискивающіе себѣ кліентовъ, а между этими маклерами наибольшимъ успѣхомъ пользовались во времена Карла II—женщины распутной жизни, во времена же Іакова—духовныя лица. Изъ дворца, который былъ главнымъ очагомъ заразы, эпидемія проникала во всѣ правительственныя учрежденія, охватывая персоналъ ихъ сверху до низу и повсюду порождая безсиліе и разложеніе“. Политическихъ дѣятелей и чиновниковъ того времени Маколей описываетъ въ своей исторіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Характеръ этихъ людей слагался подъ вліяніемъ насильственныхъ переворотовъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, безпрестанной смѣны революцій и контръ-революцій. Они были свидѣтелями, какъ въ теченіи немногихъ годовъ церковное и гражданское устройство ихъ отечества измѣнялось нѣсколько разъ. Они видѣли наслѣдственную монархію упраздненною и затѣмъ снова возстановленною, при нихъ долгій парламентъ три раза ста-

§ 38.

Изгнаніе Стюартовъ.

Среди безотраднаго положенія дѣлъ, которымъ ознаменовалась реставрація, первые признаки поворота къ лучшему замѣчаются въ общинной жизни графствъ и городовъ. Прежде всего недовольство

новился высшею властью въ государствѣ и три раза былъ разгоняемъ, осыпаемый насмѣшками и проклятіями милліоновъ населенія. Они видѣли, какъ новая система представительства была задумана, испробована и брошена. Они видѣли какъ значительныя массы собственности путемъ насилія переходили отъ „кавалеровъ“ къ „круглоголовымъ“, а отъ этихъ—опять, обратно, къ кавалерамъ. При такихъ условіяхъ только тотъ могъ преуспѣть на политическомъ поприщѣ, кто напередъ былъ готовъ при каждой перемѣнѣ фортуны мѣнять и окраску своихъ убѣжденій. Человѣкъ, задавшійся въ такую эпоху цѣлью достигнуть высокихъ ступеней въ государствѣ, долженъ былъ оставить всякое помышленіе о стойкости и вѣрности разъ принятому направленію въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ долженъ умѣть легко приспособляться къ тону, принятому въ той партіи, къ которой онъ примыкаетъ. Онъ долженъ быть готовъ, безъ зазрѣнія совѣсти, не краснѣя, принимать участіе въ защитѣ или въ разрушеніи всего того, что въ данную минуту считаютъ нужнымъ защищать или разрушать въ государствѣ. Вѣрность своимъ убѣжденіямъ или своимъ друзьямъ должны казаться такому человѣку просто ограниченностью и тупымъ упрямствомъ. Въ политикѣ онъ видитъ не науку, имѣющую своимъ предметомъ счастье человѣчества, а азартную игру, въ которой все зависитъ частью отъ случая, частью же отъ ловкости, въ которой счастливый игрокъ можетъ выиграть помѣстье, дворянскій титулъ, можетъ статься, даже королевскую корону, и въ которой за одно необдуманное движеніе можно поплатиться благополучіемъ и даже, самою жизнью“. Безвыходно запутанное положеніе дѣлъ, порожденное такими условіями, а также сознаніе того факта, что распаденіе королевскаго совѣта повлекло за собою лишь усиленное вліяніе парламента, было, по видимому, главною причиною, заставившею въ 1676 г. оказать благосклонное вниманіе проектамъ реформы, предложеннымъ сэромъ У. Темплемъ. По этимъ проектамъ королевскій совѣтъ долженъ былъ впредь состоять изъ 30 членовъ и въ него на половину должны были входить высшіе государственные сановники; другая половина назначалась изъ вожаковъ оппозиціи въ верхней и въ нижней палатѣ. Члены совѣта должны были въ общей своей совокупности имѣть не менѣе 300,000 ф. ст. дохода, чтобы составить противовѣсъ нижней палатѣ, общая состоятельность которой въ то время оцѣнивалась въ 400,000 ф. ст. Такимъ образомъ долженствовало снова возникнуть прочное государственное учрежденіе, способное служить противовѣсомъ и двору, и парламенту и государственный умъ, составившій этотъ планъ, былъ въ правѣ надѣяться, что серьозный характеръ обсуждаемыхъ дѣлъ и самыхъ совѣщаній снова создаетъ среди членовъ этого учрежденія коллегіальный духъ. Но для управленія текущими дѣлами предположенное число членовъ было слишкомъ велико; во всякомъ случаѣ, подобнаго рода попытка, послѣ трехъ такихъ правительствъ, какія пережила передъ этимъ Англія, являлась слишкомъ поздно. Какъ король, такъ и партіи не относились къ ней серьозно. Изъ королевскаго совѣта вскорѣ снова выдѣлился тайный комитетъ и не прошло и года, какъ учрежденіе это существовало уже только по имени. (Ранке, V. 101 etc. Маколей: Essay on W. Temple).

подобнымъ образомъ правленія проявляется въ сословіи рыцарей изъ старыхъ, коренныхъ землевладѣльцевъ графства, людей неотесанныхъ, грубыхъ, исполненныхъ предразсудковъ, но горячо принимавшихъ къ сердцу честь страны. Въ городахъ началъ тоже-мало по-малу пробуждаться подавленный было пуританскій духъ. Роялистская партія хотѣла возстановить идеалъ, заимствованный ею изъ прошлаго Англіи. Ея идеаломъ была монархическая власть, какою она являлась въ достославныя времена Елисаветы. Но вмѣсто Елисаветы на престолъ былъ возведенъ Стюартъ, окруженный развратнымъ дворомъ и испорченнымъ чиновничествомъ. Не мало было еще людей, которые думали, что король просто обманутъ ничтожною горстью злонамѣренныхъ людей, удерживающихъ его въ отчужденіи отъ народа, но что обманъ этотъ не можетъ долго продолжаться. Однако онъ продолжался и дурныя министерства смѣнялись другими, еще худшими. Притомъ-же, за всякимъ періодомъ исключительнаго господства одной какой-нибудь партіи, слѣдуетъ періодъ разочарованій. Позабытый кавалеръ, преслѣдуемый пуританинъ, уволенный въ отставку офицеръ арміи имѣли, каждый съ своей стороны, причины считать себя обиженными и чувствовали себя въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Правленіе Карла II не стѣснялось въ тѣхъ требованіяхъ, которыя оно предъявляло плательщику податей. Между тѣмъ объ употребленіи народныхъ денегъ, о сношеніяхъ съ иностранными государствами и о безпутныхъ нравахъ, царившихъ въ Уэстминстерѣ, кое-какія свѣдѣнія не могли не проникать въ графства и этого было достаточно, чтобы возбуждать тамъ сильное недовѣріе. Настроеніе это могло оказывать свое воздѣйствіе на долгій парламентъ Карла II лишь косвеннымъ образомъ и въ единичныхъ, разрозненныхъ случаяхъ, путемъ дополнительныхъ выборовъ: но все же вліяніе его, начиная съ 1665 г., начинаетъ сказываться на преніяхъ и постоянно, хотя и медленно, усиливается. На злоупотребленія администраціи начинаютъ обращать больше вниманія, снова появляются петиціи съ указаніемъ тѣхъ или другихъ золъ, возбуждающихъ недовольство въ странѣ, опять возбуждаются въ парламентѣ обвиненія противъ министровъ, высшихъ должностныхъ лицъ и къ концу періода обвиненія эти доходятъ до небывалой до сихъ поръ цифры 40. Во всемъ этомъ проявляется непоколебимый духъ законности и справедливости, присущій англійскому народу; духъ этотъ, воспитанный самодѣятельностью, ежедневно обновляется и почерпаетъ новыя силы въ отправленіи обязанностей правящей власти, преимущественно въ судебныхъ и полицейскихъ дѣлахъ. На почвѣ ежедневныхъ сосѣдскихъ отношеній, порождаемыхъ жизнью общины, смягчается мало-помалу антагонизмъ между приверженцами государственной церкви

и диссентерами. Обѣ партіи еще остаются единодушными въ своей ненависти къ папизму, этому непримиримому врагу національной церкви и парламентскаго образа правленія. Роялисты, скрѣпя сердце, вынуждены признать, что между ихъ противниками, расходящимися съ нѣкоторыми положеніями англиканской церкви, могутъ быть люди благочестивые и добрые подданные. Въ отпоръ злоупотребленіямъ администраціи, въ парламентахъ 1679 и 1680 гг. возрождается духъ законности и свободы, напоминающій первое время долгаго парламента 1640 г. Не смущаясь ученіями Оксфордскаго университета, парламентъ требуетъ правленія, основаннаго на законахъ. Онъ требуетъ, чтобы слуги короля повиновались законамъ и чтобы король не разрѣшалъ ихъ отъ обязанности этого повиновенія и не оказывалъ помилованья министрамъ, осужденнымъ за нарушеніе законовъ. Не только разрѣшеніе налоговъ должно исходить отъ парламента, но и употребленіе ихъ должно быть указываемо и контролируемо тѣмъ же парламентомъ. Никто не долженъ быть арестуемъ безъ точно опредѣленнаго законнаго повода или удерживаемъ подъ арестомъ безъ постановленія суда, или присуждаемъ къ наказанію иначе, какъ по приговору независимаго жюри. Въ этотъ періодъ, не взирая на интриги партій и на всѣ перемѣны, происходящія въ ихъ взаимномъ положеніи, чувствуется вѣянье гражданской свободы, который изданіемъ закона Habeas Corpus, провозглашеніемъ неотвѣтственности присяжныхъ, присвоеніемъ палатѣ общинъ права контролировать бюджетъ и борьбою противъ цензуры отвоевываетъ новую Magna Charta; заслуга завоеванія на этотъ разъ не органичивалась одними баронами, но распространялась на болѣе широкій кругъ всего gentry и была преимущественно дѣломъ нижней палаты. Вмѣстѣ съ возстановленнымъ гражданскимъ порядкомъ вернулось и довѣріе и гражданская свобода. Крайнія направленія истощили всю свою силу при кровожадной Маріи, при Страффордѣ и архіепископѣ Лаудѣ, при Кромвелѣ и при господствѣ пуританской арміи; послѣ того, какъ безсиліе ихъ сдѣлалось очевидно, болѣе свободныя воззрѣнія вступаютъ въ свои права и общество доростаетъ до сознанія, что представленія о Богѣ и о религіозныхъ вопросахъ и политическія представленія о гражданской власти не могутъ быть подчиняемы абсолютному veto посредствомъ цензуры. Крутой поворотъ къ примѣненію этого орудія въ обратномъ направленіи нанесъ рѣшительный укоръ самому принципу цензуры, которую отнынѣ и королевская власть и парламенты оставляютъ лишь въ видѣ исключительной мѣры, примѣняемой въ крайнихъ обстоятельствахъ и на кратковременные сроки *). Этотъ-то

*) Паденіе цензуры въ Англіи было вызвано именно примѣненіемъ ея на

духъ, который, не взирая на всѣ заблужденія партій, въ концѣ-концовъ стремится какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ осуществить лишь то, что справедливо, дѣлаетъ разсматриваемую эпоху, по выраженію Фокса, «эрою хорошихъ законовъ и дурнаго управленія». Англіи суждено было еще разъ пережить моментъ, въ которомъ граница справедливаго, т.-е. законнаго, была нарушена.

Вопросъ объ устраненіи герцога Іоркскаго, какъ католика, отъ престолонаслѣдія, поднятый парламентскими фракціями, повлекъ за собою въ 1681 г. расколъ въ средѣ парламента и поворотъ въ настроеніи партій. Оппозиція шла въ этомъ вопросѣ смѣло впередъ и достигла такого крайняго пункта, за которымъ уже начиналась опасность для наслѣдственной монархіи. Тутъ впервые проявилось то колебаніе партій, которое періодически повторяется въ Англіи и до сего дня. Возгорѣлась неслыханная дотолѣ избирательная борьба, въ которой борящіяся партіи были извѣстны подъ названіемъ petents и recusants. Но ненависть противниковъ присвоила роялистамъ прозвище *торіевъ*, заимствованное отъ одной ультра-католической партіи, существовавшей въ низшихъ слояхъ населенія въ

службу реакціи. Декретомъ звѣздной палаты, изданнымъ при Карлѣ I, 11 іюня 1637 г. былъ созданъ самый обширный цензурный уставъ, какой только можно себѣ представить, и уставъ этотъ весь былъ проникнутъ духомъ цезаризма, облеченнаго аттрибутами папской власти. Между тѣмъ долгій парламентъ, въ своей борьбѣ противъ деспотизма, продолжалъ придерживаться тактики звѣздной палаты. Въ 1643 г. обоими парламентами, враждебно стоявшими другъ противъ друга, были изданы однородныя постановленія и назначены цензора. Послѣ побѣды, одержанной надъ королемъ, лордъ-генералъ Фэрфоксъ, а позднѣе Кромвель, приводятъ въ исполненіе декреты парламента. Въ 1653 г. является повелѣніе совѣта, подтверждающее съ большой настоятельностью запрещеніе публиковать какія бы то ни было политическія новости или сообщенія помимо согласія и одобренія статсъ-секретаря. Въ 1654 и 1656 гг. назначаются новыя коммиссіи для примѣненія еще болѣе строгихъ мѣръ противъ политической печати, причемъ, однако же, Кромвель старается умѣрить духъ религіознаго преслѣдованія. Послѣ двухъ десятилѣтій, въ теченіи которыхъ запретительныя мѣры примѣнялись въ направленіи, противуположномъ роялистскому, реставрація издаетъ законъ (13 и 14 Car. II, с. 33), который въ сущности лишь повторяетъ въ главнѣйшихъ чертахъ декреты парламента о разрѣшеніяхъ на устройство типографій, внося съ своей стороны еще большую строгость въ проведеніи той же тенденціи. Число содержателей типографій на основаніи этого закона не должно превышать 20; они должны вносить залоги и, по требованію цензора, указывать автора того или другаго печатнаго произведенія. Печатаніе книгъ разрѣшалось только въ Лондонѣ, въ Іоркѣ и въ обоихъ университетскихъ городахъ. При изданіи этого закона, правда, было оговорено, что онъ долженъ оставаться въ силѣ только три года, но позднѣе срокъ его дѣйствія былъ два раза продленъ и просуществовалъ такимъ образомъ до 1676 г.; затѣмъ въ 1680 г. онъ былъ еще разъ возобновленъ, не взирая на сильную оппозицію парламента. Въ 1685 г., во время свирѣпствовавшей въ ту пору реакціи, срокъ этого закона былъ продленъ на семь лѣтъ, наконецъ, послѣ новой отсрочки, оставлявшей его въ силѣ еще на два года (4 Will. et M. с. 24), т. е. до 1694 г., *цензура окончательно перестаетъ существовать*.

Ирландіи; съ другой стороны роялисты называли своихъ противниковъ *вигами*,—прозвище, подъ которымъ была извѣстна крайняя, простонародная фракція шотландскихъ ковенантеровъ. Партіи вскорѣ освоились съ этими обоюдными кличками и въ пылу борьбы сами стали называть себя именами, которыя были даны имъ противниками и сохранились и до нашихъ дней. Между тѣмъ приверженцы устраненія герцога Іоркскаго отъ престолонаслѣдія (petents) потеряли большинство вслѣдствіе того, что они стали нападать на основы королевской прерогативы, этого источника правъ высшихъ сословій. Духовенство приняло горячее участіе въ борьбѣ и вело положительно крестовый походъ противъ оппозиціи. Со всѣхъ церковныхъ каѳедръ раздавалась снова проповѣдь теорій пассивнаго повиновенія, неизмѣняемости наслѣдственнаго права короны, божественнаго происхожденія и патріархальной преемственности королевской власти. Столбцы London Gazette снова были переполнены вѣрноподданническими адресами. Правительство поспѣшило воспользоваться этимъ, благопріятнымъ для него, поворотомъ общественнаго настроенія, чтобъ нанести рѣшительный ударъ городскимъ учрежденіямъ, въ которыхъ въ то время видѣли главное препятствіе вліянію двора на нижнюю палату. Вмѣсто того, чтобы устранить дѣйствительное зло путемъ легальной реформы, Стюарты предпочли еще болѣе увеличить неурядицу вмѣшательствомъ во внутреннюю жизнь городовъ и орудіями для упраздненія городскихъ учрежденій избрали своихъ развращенныхъ судей. За приговоромъ, направленнымъ противъ Лондона, послѣдовали подобныя же informations, направленныя противъ другихъ городовъ. Большинство городовъ спѣшило предупредить нападеніе добровольными отказами отъ своихъ хартій, взамѣнъ которыхъ имъ выдавались новыя, составленныя по «консервативному» шаблону. Особенно злоупотребляли при этомъ ассизные судьи властью, присвоенной ихъ должности; Джеффризъ, при объѣздѣ сѣверныхъ округовъ, «дѣйствовалъ такъ, что всѣ городскія хартіи падали передъ нимъ, точно стѣны Іерихонскія, и вернулся нагруженный, точно военною добычей, отказами городовъ отъ этихъ хартій» **).

**) Положеніе партій при восшествіи на престолъ Іакова II требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. За роялистами, въ тѣсномъ значеніи этого слова, стояла, какъ крайняя фракція этой партіи и какъ скрытый очагъ, откуда преимущественно исходила агитація, римско-католическая партія. Ту же роль въ оппозиціи играли остатки республиканской партіи. Чтобы пріобрѣсти точку опоры въ имущихъ классахъ, большинство которыхъ стояло за существующій порядокъ, первое изъ упомянутыхъ направленій вынуждено было выставить на своемъ знамени монархію, а второе протестантизмъ. Эти всесильные лозунги неизмѣнно оказывали при выборахъ свое дѣйствіе. Стремленія оппозиціи, которая теперь требовала гражданской свободы и протестантской терпимости, воплотились въ такихъ людяхъ, какъ

Въ самый разгаръ этого теченія на престолъ вступилъ Іаковъ II, при обстоятельствахъ, напоминающихъ восшествіе на престолъ католички Маріи. Значительное большинство народа было довольно, что правильный порядокъ престолонаслѣдія одержалъ верхъ надъ затѣями политическаго авантюризма. Первыя заявленія Іакова, послѣ того, какъ онъ сдѣлался королемъ, произвели чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе среди тѣхъ, которые теперь называли себя «вѣрною частью націи». Оксфордскій университетъ снова заявилъ о своей готовности къ неограниченному, безусловному повиновенію. Парламентъ, избранный подъ вліяніемъ новыхъ городскихъ хартій, объявилъ государственнымъ измѣнникомъ всякаго, кто внесетъ въ парламентъ предложеніе о перемѣнѣ въ престолонаслѣдіи, и разрѣшилъ расходъ въ 700,000 ф. ст. на содержаніе постоянной арміи послѣ того, какъ возстаніе Монмоута было подавлено. Преданность сельскаго gentry престолу, отсутствіе независимости въ запуганныхъ городскихъ корпораціяхъ, существованіе постоянной арміи съ надежнымъ составомъ офицеровъ (боль-

---

Шефтсбери, Уильямъ Россель, Эльджернонъ Сидни, изъ которыхъ послѣдніе двое, благодаря Карлу II, устроившему ихъ юридическое убійство, пали мучениками за свободу своей родины. Но этой оппозиціи приходилось имѣть дѣло съ однимъ очень серьознымъ затрудненіемъ: дѣло въ томъ, что измѣнническіе передъ страною переговоры двора съ Франціей и составляемые имъ планы для ниспроверженія государственной церкви были извѣстны, и то лишь отчасти, предводителямъ партій; партія, стоявшая за государственную церковь, не хотѣла вѣрить въ существованіе этихъ фактовъ и не было никакой возможности съ достаточною убѣдительностью изложить послѣдніе передъ большинствомъ избирателей. Среди такихъ-то затрудненій оппозиція, въ избыткѣ горячности, сдѣлала нѣсколько крупныхъ ошибокъ. Не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, она не безъ успѣха пустила въ ходъ, съ агитаціонными цѣлями, папистскій заговоръ, разоблачить который взялся Титусъ Отсъ съ своими сотоварищами. Но за лжесвидѣтелями, изобличавшими заговоръ, явился цѣлый рядъ лжесвидѣтелей, показывавшихъ какъ разъ обратное; такимъ образомъ вѣра въ изобрѣтенный оппозиціей заговоръ была подорвана, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая партія въ глазахъ многихъ утратила свой кредитъ. Положительнымъ авантюризмомъ отзывался отчаянно смѣлый планъ вожака оппозиціи, Шефтсбери, задумавшаго устранить отъ престолонаслѣдія герцога Іоркскаго, какъ католика, и возвести на престолъ безхарактернаго незаконнорожденнаго сына короля Монмоута. Затѣя эта справедливо возмутила всѣхъ тѣхъ членовъ партіи, которые считали законную дочь герцога Іоркскаго, Марію (супругу штатгальтера Нидерландскаго, впослѣдствіи Вильгельма III) единственною личностью, имѣющую право на престолонаслѣдіе въ случаѣ устраненія ея отца. Вступленіе на престолъ Іакова, который, будучи всего лишь нѣсколькими годами моложе Карла II, могъ умереть и раньше послѣдняго, представлялось и безъ того дѣломъ гадательнымъ. Поэтому черезмѣрно раздутая агитація въ пользу билля объ исключеніи отъ престолонаслѣдія должно было совершенно естественно возбуждать недовѣріе тѣхъ, которые, послѣ всего, испытаннаго страною во время республики, съ удвоеннымъ рвеніемъ стояли за наслѣдственную монархію. Всѣми этими ошибками оппозиція вызвала то обратное теченіе 1681 г., которое впервые въ исторіи Англіи сдѣлало возможнымъ исключительное господство въ управленіи государствомъ систематически торійской партіи, которая и не замедлила направить свои дѣйствія противъ того оплота, который оппозиція находила въ городскихъ учрежденіяхъ.

шая часть которыхъ была изъ ирландскихъ и англійскихъ католиковъ), безсовѣстность и раболѣпіе судей, усердіе англиканскаго духовенства съ его проповѣдью догмата non resistance, раздоры протестантскихъ сектъ между собою, все это открывало въ будущемъ неутѣшительную перспективу. Между тѣмъ походъ противъ городскихъ хартій продолжался, запугиваніе избирателей и систематическое замѣщеніе всѣхъ городскихъ должностей людьми «благомыслящими» шли своимъ чередомъ. Побѣда, одержанная Іаковомъ II надъ опрометчивымъ возстаніемъ Монмаута, лишь ускорила созрѣваніе плана, составленнаго королемъ лично и сводившагося на то, чтобъ отплатить своему народу за его преданность ниспроверженіемъ конституціи.

Событія, ознаменовавшія царствованіе Карла I, разъ навсегда доказали, что Англія не выноситъ гнетъ абсолютизма и въ церковныхъ, одновременно и въ гражданскихъ дѣлахъ. Но Іаковъ полагалъ, что при помощи церкви можно воспитать новую породу людей, что для этого стоитъ только возстановить авторитетную систему католической церкви, послѣ чего не трудно будетъ привести народъ, воспитанный въ церковной дисциплинѣ, къ безусловному повиновенію верховной власти въ свѣтскихъ дѣлахъ. Іаковъ I однажды выразился: «Всего любезнѣе было бы мнѣ папство, такъ какъ оно имѣетъ такъ много власти надъ умами; жаль только, что папа требуетъ себѣ власти и надъ государями». Внукъ Іакова I думалъ, что можетъ подѣлить абсолютизмъ, возвративъ духовную половину послѣдняго папѣ. До сихъ поръ придворное богословіе служило для Стюартовъ замѣною духовниковъ изъ іезуитовъ, которые, въ своемъ полномъ непониманіи правъ народа вели династіи континентальной Европы на встрѣчу собственной ихъ гибели. Но Іаковъ II, съ увлеченіемъ, свойственнымъ новообращеннымъ, думалъ, что ему слѣдуетъ черпать указанія для своихъ дѣйствій изъ чистаго кладезя іезуитскихъ совѣтовъ. Правда, онъ торжественно клялся сохранить во всей неприкосновенности организацію государственной церкви и права духовенства. Но вѣдь эти клятвенно подтвержденныя привиллегіи,—такъ выходило, по крайней мѣрѣ, по его іезуитской морали,—были тѣ самыя, которыя были дарованы Эдуардомъ Исповѣдникомъ, «а никто понятно не станетъ оспаривать, что Эдуардъ былъ католикъ».

Между тѣмъ, благодаря законодательной дѣятельности въ царствованія Карловъ I и II, не только поле, на которомъ велись аттаки противъ конституціи, значительно съузилось, но и самый объектъ нападенія существенно измѣнился. Англиканская церковь вышла изъ борьбы съ папистами и съ «уравнителями» сильно окрѣпшей и срослась съ воззрѣніями правящаго класса и націи, какъ такая

форма христіанства, которая наиболѣе соотвѣтствовала понятіямъ англійскаго народа. Съ парламентомъ она въ концѣ-концовъ вступила въ миролюбивое соглашеніе; она сдѣлалась, именно благодаря реставраціи, лозунгомъ роялистской партіи и положеніе ея было во всѣхъ отношеніяхъ упрочено основными законами государства. Съ другой стороны способность сопротивленія правящихъ классовъ значительно возросла благодаря дальнѣйшему развитію selfgovernement и правъ парламента. Весь арсеналъ печальныхъ средствъ самозащиты перешолъ въ руки правящаго класса, противъ котораго армія, набиравшаяся посредствомъ вербовки, не могла быть болѣе употребляема съ успѣхомъ уже потому, что ей недоставало надлежащаго состава офицеровъ ***).

То уязвимое мѣсто, которое Іаковъ II все-таки нашолъ, какъ ему казалось, въ существующихъ учрежденіяхъ и которымъ онъ разсчитывалъ воспользоваться для осуществленія своихъ плановъ, заключалось въ верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ и въ его правѣ освобождать отъ присяги. Что касается послѣдняго, то оно никѣмъ не оспаривалось въ дѣлахъ уголовныхъ, въ которыхъ оно считалось тождественнымъ съ правомъ помилованія; но и за этими предѣлами, нѣкоторые прецеденты изъ практики прежняго времени оставляли открытымъ вопросъ о примѣненіи этого права въ области отношеній иного рода. Всего болѣе смутнымъ представлялся упомянутый вопросъ въ области церковнаго законодательства, въ которомъ парламентъ начиналъ участвовать лишь съ недавнихъ поръ. Въ этомъ пунктѣ, слѣдовательно, рамки конституціи оставляли еще, повидимому, достаточно простора для воздѣйствія королевской власти. Правда, нельзя уже было болѣе найти ни одного министра и ни одного судьи, который рѣшился бы признать за королемъ право *положительной* законодательной власти въ дѣлѣ измѣненія common law и гражданскихъ законовъ, но еще не было недостатка въ совѣтникахъ и судьяхъ, готовыхъ отстаи-

---

***) О новомъ устройствѣ милиціи, основанномъ на принципѣ вооруженія имущихъ сословій какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, см. выше, примѣчаніе a § 36. Карлъ II, правда, заботился о сформированіи войска изъ навербованныхъ солдатъ, такъ-называемой гвардіи, но мысль эта не могла привести къ серьознымъ результатамъ уже вслѣдствіе того, что король постоянно нуждался въ деньгахъ. Войска, навербованныя на скорую руку при Іаковѣ II (извѣстныя въ народѣ подъ названіемъ „черной гвардіи“) и поставленныя подъ начальство католическихъ офицеровъ, очутились въ совершенно изолированномъ положеніи среди народа, который, съ своей стороны, отнюдь не могъ считаться безоружнымъ. Во многихъ графствахъ мобилизація милиціи еще не была произведена, а между тѣмъ всѣ склады оружія находились въ рукахъ мѣстнаго gentry. Въ случаѣ попытки вступить въ борьбу съ населеніемъ при этихъ условіяхъ, черной гвардіи въ наилучшемъ случаѣ развѣ только осталась бы возможность отступленія, подобнаго отступленію Ксенофонта.

вать за королемъ отрицательную прерогативу, при помощи которой можно было, опираясь на вышеупомянутое право разрѣшенія отъ обязательной присяги, упразднить все церковное законодательство и самую организацію англиканской церкви. Что касается матеріальной силы, необходимой для подобныхъ драгонадъ, то Іакову II казалось, что онъ ее имѣетъ въ своей постоянной арміи, поставленной подъ начальство католическихъ офицеровъ, и на содержаніе которой парламентъ, даже послѣ пораженія Монмоута, вотировалъ необходимыя средства. Дисциплинарную же власть, нужную для того, чтобы сдѣлать господствующую церковь снова католической, Іаковъ разсчитывалъ упрочить за собою при содѣйствіи имъ же самимъ назначеннаго верховнаго совѣта, предсѣдательствуемаго лордомъ Джеффисомъ. Повсюду снова начинаетъ показываться монашествующая братія и католическая форма священнической одежды. И въ заключеніе путемъ королевскихъ декретовъ была упразднена государственная церковь, при чемъ мѣра эта была облачена въ форму «Декларації свободы совѣсти».

Но какъ ни вѣрно былъ разсчитанъ этотъ образъ дѣйствій съ точки зрѣнія іезуитскихъ ученій, онъ оказался совершенно несостоятельнымъ въ виду тѣхъ учрежденій, которыя служили фундаментомъ англійской конституціи, и благодаря тѣмъ условіямъ, которыми опредѣлялись права и вліяніе сословій и церкви въ Англіи. Англиканское духовенство при той роли, которую оно играло въ церковной и въ политической жизни страны, рыцарство, съ его преданностью «церкви Англіи» и милиціоннымъ учрежденіямъ города съ ихъ пуританскими воспоминаніями, наконецъ, вся нація въ ея ревнивой гордости своей національной церковью,—всѣ чувствовали себя смертельно оскорбленными. Первые признаки сопротивленія, проявившіяся какъ разъ въ той партіи, которая стояла за принципъ non resistance,—а именно, отказъ епископовъ въ повиновеніи,—должны бы были служить предостереженіемъ королю. Но Іаковъ, непреклонный, фанатично вѣрующій въ непогрѣшимость іезуитскихъ совѣтовъ, проникнутый пессимизмомъ въ своихъ воззрѣніяхъ на людей, суровый и упрямый до безразсудства, идетъ прямо къ своей цѣли, ни передъ чѣмъ не останавливаясь †).

†) Абсолютизмъ прежде всего былъ несовмѣстимъ съ существованіемъ національной церкви. Іаковъ II, на первыхъ же порахъ, оскорбилъ приверженцевъ господствующей церкви, возстановивъ, вопреки ясно выраженному закону, High Commission Court. Другою мѣрою, столь же недвусмысленно направленною противъ торіевъ, было временное упраздненіе милиціи въ графствахъ, явившееся въ сущности обезоруженіемъ имущихъ классовъ. 16 лордовъ-намѣстниковъ были лишены занимаемыхъ ими должностей и 12 изъ освободившихся такимъ образомъ вакансій, а также одна треть изъ общаго числа должностей шерифовъ были замѣщены католиками. Но рѣшающимъ ударомъ было устраненіе всѣхъ законовъ,

Въ результатѣ всего этого, если откинуть нѣкоторые частные эпизоды драматическаго характера, получилось слѣдующее: соединеніе обѣихъ партій, изъ которыхъ до сихъ поръ одна стояла за сопротивленіе, а другая отстаивала теорію несопротивленія, и которыя теперь обѣ стали сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ, призваніе штатгальтера Вильгельма Оранскаго, бѣгство короля, покинутаго всѣми, созваніе парламента-конвента, возведеніе принца Оранскаго на престолъ, сдѣлавшійся «вакантнымъ», заключеніе формальнаго договорнаго соглашенія между принцемъ и парламентомъ,—соглашенія, которымъ всѣ практиковавшіяся доселѣ превышенія королевской прерогативы объявляются незаконными.

Сознаніе правоты этой борьбы еще и до сихъ поръ живо сохра-

касавшихся церковнаго устройства. Мѣра эта была осуществлена въ силу такъ-называемаго права короля освобождать кого ему заблагоразсудится отъ исполненія требованій закона. Такимъ образомъ всѣ законы, изданные съ цѣлью упрочить положеніе англиканской церкви, были лишены обязательной силы, всѣ нарушенія этихъ законовъ были объявлены не подлежащими наказанію, клятвенное признаніе догмата королевскаго главенства въ церковныхъ дѣлахъ и предписанія Test-Act о присягѣ при вступленіи въ должность, провозглашались необязательными. Уже при Карлѣ II была сдѣлана попытка издать такъ-называемое Declaration of Indulgence, которое было составлено въ смыслѣ, благопріятномъ для католиковъ, а отднюдь не для протестантскихъ сектъ. Но заявленіе это было сформулировано съ обычною осторожностью; ему былъ приданъ характеръ акта, истекающаго изъ обычнаго королевскаго права помилованія и оно было взято назадъ послѣ того, какъ парламентъ заявилъ противъ него серьозный протестъ. Декларація же Іакова II, напротивъ, имѣла характеръ прямаго устраненія церковныхъ законовъ въ силу королевскаго полновластія, при чемъ самое выраженіе это, такъ шокировавшее общественное мнѣніе, было употреблено въ декларации, изданной для Шотландіи. Декларація Іакова II была основана на томъ іезуитскомъ правилѣ, которое во всѣ времена готово призывать основныя права и законы гражданской „свободы“, не прочь, даже, противупоставлять правительствамъ и законамъ страны самые крайніе принципы народовластія съ тѣмъ, чтобы устранить всѣ преграды, мѣшающія владычеству церкви, а устранивъ ихъ, водворить собственное господство, основанное на насиліи. Англиканское духовенство, послѣ всего, что ему уже было извѣстно о воззрѣніяхъ римскаго престола, выраженныхъ въ параграфѣ non obstante, очень скоро поняло истинный смыслъ этой декларации. Юристы, правда, еще затруднялись, гдѣ провести точную границу между всѣми признаннымъ королевскимъ правомъ помилованія и принципіальнымъ упраздненіемъ обязательной силы законовъ простымъ дѣйствіемъ королевской власти. Но для массы общества уже одно публичное выставленіе на показъ католическихъ монашескихъ одеждъ служило достаточно яснымъ указаніемъ на то, куда мѣтитъ упомянутая мѣра. Соединеніе между обѣими большими партіями, раздѣлявшими страну, становилось при этихъ условіяхъ неизбѣжнымъ. По странной прихоти судьбы именно наиболѣе ревностные проповѣдники ученія о безусловной покорности должны были дать первый примѣръ неповиновенія. Семь епископовъ, подавшіе петицію, въ которой выражался протестъ противъ декларации, были преданы суду, какъ виновные въ мятежѣ, но судъ присяжныхъ оправдалъ ихъ. Вслѣдъ за этимъ приговоромъ, который вызвалъ несказанное ликованіе народа, увлекшее за собою даже „черную гвардію“, вспыхнуло открытое возстаніе. Бѣгство короля и дальнѣйшія событія, завершившіяся вступленіемъ на престолъ Вильгельма Оранскаго, быстро слѣдовали одно за другимъ.

нилось среди англійскаго народа и выражается въ самомъ наименованіи ея «достославной революціей». «Ни одно изъ событій того времени», говоритъ Галламъ, «не было дѣломъ толпы; новые люди, солдаты, или демагоги, не имѣли случая развить свои таланты во время этой мирной революціи, совершавшейся съ такой поражающей быстротою. Она обошлась безъ крови, безъ нарушенія какихъ бы то ни было правъ и дѣйствіе ея отозвалось едва замѣтно на обычномъ теченіи правосудія. Словомъ, то было событіе, въ которомъ характеръ независимости, свойственный дѣйствительно національному акту, совмѣщался съ правильностью и дисциплиною военной оккупаціи».

«Достославная» сторона этого переворота заключается не столько въ воинственныхъ подвигахъ личностей, его совершавшихъ, сколько въ политической мудрости и благоразуміи партій, примкнувшихъ къ ней. Подобно тому, какъ когда-то, во времена хартіи вольностей, обѣ великія партіи среднихъ вѣковъ, прелаты и бароны, соединились для дружнаго дѣйствія, подобно тому, какъ во времена реставраціи 1660 г. пресвитеріанская партія вынуждена была помогать роялистской, такъ и въ 1688 г. торіи увидѣли себя вынужденными содѣйствовать вигамъ въ изгнаніи Стюартовъ. Въ основѣ этой революціи лежитъ не программа какой-нибудь партіи, а обоюдное признаніе извѣстныхъ предварительныхъ условій, въ предѣлахъ которыхъ обѣ партіи впредь будутъ дѣйствовать, каждая съ своей стороны. Общая почва, на которой сошлись два противуположные идеала государственнаго устройства, заключалась въ слѣдующемъ: требованіе такого *управленія государствомъ и церковью, которое было бы согласно съ законами страны*. На этой почвѣ обѣ партіи единодушно сформулировали тѣ принципы, которыми отнынѣ должно было неизмѣнно руководиться правительство въ своей дѣятельности и которые были выражены въ такъ-называемой «декларацiи правъ», гласившей:

1) Что мнимое право пріостанавливать дѣйствіе законовъ, или исполненіе законовъ королевскою властью, безъ согласія парламента, объявляется незаконнымъ.

2) Что мнимое право разрѣшить силою королевской власти отъ повиновенія законамъ или отъ приведенія ихъ въ исполненіе, въ томъ видѣ, въ какомъ это право присвоивалось и примѣнялось королемъ за послѣднее время, противозаконно.

3) Что полномочіе на образованіе недавно созданнаго суда комиссаровъ по церковнымъ дѣламъ, а также всякія другія полномочія и учрежденія этого рода противозаконны и вредны.

4) Что взиманіе денегъ на нужды правительства на основаніи мнимой прерогативы, безъ согласія парламента, разрѣшающаго таковые сборы на долгій срокъ или въ иной какой-либо формѣ, противозаконно.

5) Что подданные имѣютъ неотъемлемое право обращаться къ королю съ петиціями и что всякіе аресты и судебныя преслѣдованія по этому поводу противозаконны.

6) Что наборъ и содержаніе постоянной арміи въ предѣлахъ королевства въ мирное время, если на то не послѣдовало согласія парламента, противозаконно.

7) Что протестантскіе подданные королевства имѣютъ право держать при себѣ оружіе для своей защиты, сообразно съ ихъ званіемъ и въ такомъ видѣ, въ какомъ это разрѣшено закономъ.

8) Что выборы членовъ въ парламентъ должны производиться свободно.

9) Что свобода рѣчи и преній въ парламентѣ не должна быть оспариваема или подвергаема преслѣдованію какимъ бы то ни было судомъ, или въ иномъ мѣстѣ, помимо самого парламента.

10) Что запрещается требовать чрезмѣрно высокихъ суммъ въ видѣ залога при судебныхъ преслѣдованіяхъ, а также назначать черезъ-чуръ высокіе штрафы или же жестокія и необычайныя наказанія.

11) Что присяжные должны быть надлежащимъ образомъ заносимы въ списки и призываемы къ исполненію своихъ обязанностей, при чемъ въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ присяжные должны принадлежать къ сословію freeholders.

12) Что всякія пожалованія и обѣщанія денежныхъ штрафовъ, ожидаемыхъ съ отдѣльныхъ лицъ или имущества сказанныхъ лицъ, подлежащаго отобранію, противузаконны, коль скоро таковыя пожалованія или обѣщанія дѣлаются судомъ.

13) Что въ видахъ устраненія золъ, возбуждающихъ недовольство въ странѣ, и для улучшенія, укрѣпленія и сохраненія въ силѣ существующаго законодательства, парламенты должны быть часто созываемы.

Статьи эти обнимали всѣ тѣ важнѣйшіе случаи, въ которыхъ проявлялось злоупотребленіе правами короны за послѣднія десять лѣтъ, какъ то и было объяснено по пунктамъ въ мотивахъ, предпосланныхъ этимъ требованіямъ ††). Перечисленныя статьи пред-

††) Декларація правъ заканчивается слѣдующимъ категорическимъ заявленіемъ, выражающимъ сущность конституціонныхъ принциповъ: „Они (т. е. лица, примкнувшія къ упомянутой деклараціи) предъявляютъ вышеизложенныя положенія, настаиваютъ на нихъ, какъ въ общей ихъ совокупности, такъ и на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности и требуютъ ихъ признанія, какъ несомнѣнно имъ принадлежащихъ правъ и вольностей; они требуютъ, чтобы впредь ни изъ какихъ деклараціи, приговоровъ, дѣйствій или процедуръ не было дѣлаемо выводовъ или прецедентовъ, клонящихся, въ ущербъ народу, къ нарушенію котораго-либо изъ упомянутыхъ правъ“. Формулированныя такимъ образомъ положенія, которыя, конечно, какъ кодексъ основныхъ правъ или какъ декла-

полагаютъ и констатируютъ въ сжатой формѣ всю сущность національной правовой организаціи англійскаго государства въ томъ видѣ, въ какомъ она постепенно слагалась, начиная съ англо-норманскаго періода, и въ какомъ она со времени реформаціи подчинила себѣ и сплотила съ собою церковное устройство. Въ эту организацію входятъ слѣдующіе элементы:

Королевская власть, какъ *источникъ* всѣхъ остальныхъ формъ власти.

Судъ, какъ ограничивающій и *сдерживающій факторъ*.

Законодательство, какъ *высшій регуляторъ* государственной воли.

Всѣ формы государственной власти исходятъ отъ королевской власти и сосредоточиваются въ ней tout fuit in luy et vient de lui al commencement, но власть эта умѣряется тѣми предѣлами, которые она сама себѣ ставитъ и которые обязываютъ короля въ отношеніи прошлаго—сообразоваться съ правами, установленными обычаемъ, и съ законами, изданными имъ самимъ и его предшественниками; въ отношеніи же будущаго—заручаться согласіемъ обѣихъ палатъ для каждаго измѣненія въ установленномъ правѣ и для каждаго уклоненія отъ послѣдняго. То былъ еще невиданный доселѣ въ исторіи опытъ установленія началъ государственнаго управленія; послѣдующимъ поколѣніямъ оставалось разрѣшить задачу, завѣщанную имъ этой первой попыткой (см. ниже, параграфъ 48), и выяснить, можетъ ли форма правленія, основанная на такихъ началахъ, удовлетворять во всѣ времена реальнымъ потребностямъ государства и общества.

Въ борьбѣ ознаменовавшей это столѣтіе, въ безконечно разнообразныхъ фазисахъ ея передъ всѣми общественными слоями націи ярко выступили всѣ внутреннія противорѣчія ея государственнаго

рація правъ человѣка были бы весьма недостаточны, имѣютъ значеніе лишь въ связи съ традиціонными началами и законами, которыми въ Англіи опредѣлялось примѣненіе на практикѣ верховныхъ правъ королевской власти. Эти положенія касаются тѣхъ пробѣловъ, которые до нихъ еще существовали въ опредѣленіи правъ сказанной власти въ области военной (6, 7), судебной (3, 10, 11, 12), полицейской (5, 10), финансовой (4, 12) и церковной (1, 2, 3). Они были предъявлены штатгальтеру, какъ условіе, которымъ было обставлено его избраніе на престолъ. Лишь послѣ того, какъ всѣ эти условія, подъ названіемъ декларації правъ, были приняты обѣими палатами, прочтены и приняты принцемъ, состоялось 13 февраля 1689 г. провозглашеніе новаго короля. При окончательной редакціи, придававшей декларації форму законодательнаго парламентскаго постановленія, было принято еще одно видоизмѣненіе, касавшееся того мѣста, гдѣ говорится о правѣ короля разрѣшать отъ исполненія требованій закона. Предполагалось въ ту же сессію издать законъ, опредѣляющій границы, въ которыхъ сказанная власть можетъ быть примѣняема. Но законъ этотъ такъ и не былъ никогда изданъ. Въ виду перехода престола къ Вильгельму III, партіи согласились принять формулу, по которой весь образъ дѣйствій Іакова II выставлялся какъ отказъ отъ престола.

устройства и это не могло не взволновать глубоко умы и сердца населенія. Во время этой борьбы снова ожили средневѣковыя традиціи въ жизни церкви и государства и сдѣлались неистощимымъ матеріаломъ, изъ котораго обѣ стороны черпали аргументы для спора. Для той же цѣли послужили и догматы религіи, основанной на откровеніи. Въ духовной жизни націи пора эта была эпохою колоссальнаго роста самосознанія во всемъ, касавшемся государства и вообще человеческихъ отношеній. Но наиболѣе рѣзкою, характеристичною чертою разсмотрѣнной борьбы было непосредственно практическое отношеніе къ дѣлу, сводившее все къ вопросамъ государства и его управленія. Ясное пониманіе того, на что сводится вопросъ въ данную минуту, пониманіе, которое мы встрѣчаемъ еще у дворянства временъ изданія Magna Charta, теперь проявляется снова, уже на высшей ступени развитія, въ поколѣніи, жившемъ и дѣйствовавшемъ въ XVII столѣтіи. Какъ на кавалерахъ, такъ и на пуританахъ, какъ на Гоббсѣ, такъ и на Локѣ отражаются результаты практическаго опыта, вынесеннаго изъ всего, что было пережито въ реальной государственной жизни. Общинная жизнь и тѣсно связанная съ послѣдней жизнь парламентская послужили для партій школою, изъ которой онѣ вынесли пониманіе задачъ государства и умѣнье отстоять за собою вліятельную роль въ государственной жизни. Привычка къ дѣятельности въ средѣ общины съ ея нравственно-укрѣпляющимъ вліяніемъ, была тѣмъ факторомъ, который противодѣйствовалъ снизу разложенію, внесенному въ государство, сверху дворомъ Стюартовъ. Въ рѣзкой противоположности съ позднѣйшими революціями континентальной Европы, въ которыхъ воодушевленіе идеями свободы въ концѣ-концовъ порождало насиліе и порабощеніе, въ Англіи эпоха, ознаменованная правленіемъ наихудшей королевской династіи, вліяніемъ наиболѣе испорченнаго двора, а временами и продажностью парламентовъ, сдѣлалась эпохою изданія великихъ законовъ, положившихъ прочныя основы гражданской и нравственной свободы. Борьба, которая происходила въ предѣлахъ этого государственнаго строя между главными факторами государственной жизни, останутся на всѣ времена поучительнымъ примѣромъ, и то указаніе основныхъ условій политической свободы, которое явствуетъ изъ этого примѣра, можетъ считаться прочнымъ пріобрѣтеніемъ для всего европейскаго общества. Къ концу разсматриваемаго періода въ относительномъ положеніи различныхъ факторовъ государственной власти происходятъ нѣкоторыя перемѣны, едва замѣтныя съ перваго взгляда. Но если откинуть этотъ фактъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ цѣлое столѣтіе революцій и реставрацій прошло, повидимому не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ ни въ прочныхъ основахъ государственной жизни, ни въ общинныхъ учрежденіяхъ, ни въ отношеніяхъ сословій между собою.

§ 38 a).

Положеніе сословій въ концѣ XVII столѣтія.

Правленіе Тюдоровъ и Стюартовъ заняло промежутокъ времени, въ теченіи котораго шесть поколѣній успѣло смѣниться,— другими словами, періодъ, одинаковой приблизительно продолжительности съ тѣми, которые еще въ средніе вѣка соотвѣтствуютъ главнѣйшимъ перемѣнамъ въ положеніи сословій европейскаго культурнаго міра. Во время реформаціи и революціи процессы, свойственные сословнымъ наслоеніямъ англійскаго общества, продолжали идти своимъ незамѣтнымъ и неотвратимымъ ходомъ, который не мѣшаетъ изложить здѣсь въ сжатомъ видѣ, такъ какъ именно этого рода факты составляютъ въ XVIII столѣтіи основу парламентскаго правленія, достигшаго полнаго своего развитія, и играютъ въ немъ рѣшающую роль.

Многочисленныя перемѣны, происшедшія въ жизни общинъ, болѣе дѣятельное участіе высшихъ и среднихъ сословій какъ въ приходскомъ, такъ и въ окружномъ управленіи, въ связи съ процвѣтаніемъ земледѣлія и съ развитіемъ промышленности и торговли, все это обусловило *передвиженіе сословій снизу вверхъ*, при чемъ сломанное могущество воинственныхъ бароновъ дало просторъ, необходимый для такого передвиженія. Къ концу описываемаго періода размѣщеніе различныхъ классовъ по ступенямъ общественной лѣстницы представлялось въ слѣдующемъ видѣ: тотъ классъ, который въ періодъ образованія государственныхъ сословій былъ среднимъ сословіемъ, занялъ положеніе gentry, непосредственно вслѣдъ за лордами, а прежнее «третье сословіе», пользовавшееся правомъ голоса на выборахъ, стало теперь среднимъ сословіемъ; другими словами, всѣ классы передвинулись, такъ-сказать, вверхъ, на одну ступень.

1. *Лорды* и gentry въ этотъ періодъ шагъ за шагомъ придвинулись другъ къ другу такъ близко, что наслѣдственное дворянство уже не представляетъ собою исключительно правящаго сословія; оно является лишь классомъ лицъ, обладающихъ извѣстнымъ почетнымъ положеніемъ въ рядахъ другаго, несравненно болѣе многочисленнаго класса, которому собственно говоря и принадлежитъ рѣшающая роль и который въ юридической терминологіи, въ геральдикѣ и въ обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ обозначается названіемъ gentry, имѣющимъ довольно точно опредѣленный смыслъ.

Что касается того элемента власти, который представляется землевладѣніемъ, то тутъ еще въ началѣ описываемаго періода произошла весьма важная перемѣна: старыя помѣстья, конфискованныя еще при Эдуардѣ IV у перовъ, занимавшихъ положеніе полунезависимыхъ владыкъ, раздавались заново уже не въ прежнемъ видѣ, а раздробленными и съ уменьшенною доходностью. Съ другой стороны права наслѣдственнаго представительства въ парламентѣ все чаще и чаще даривались такимъ землевладѣльцамъ, помѣстья которыхъ, независимо отъ того, перешли ли они къ нимъ по наслѣдству или же были имъ пожалованы въ недавнее время, преимущественно изъ бывшихъ монастырскихъ имуществъ, рѣзко отличались отъ бывшихъ «бароній», обозначавшихся по старой привычкѣ и въ государственномъ казначействѣ подъ названіемъ «honours». Въ тѣхъ помѣстьяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не было уже болѣе той связи съ окружающимъ населеніемъ, при которой сосѣдніе «джельтмэны» и арендаторы привыкали смотрѣть на себя, какъ на «retainers» стариннаго помѣстья и его «милостиваго владыки». То были такія же помѣстья, какъ и многія другія, принадлежавшія мѣстному рыцарству. Благодаря общему развитію страны, лишь изрѣдка нарушаемому внѣшними войнами, и вслѣдствіе оживленныхъ сношеній съ городами поземельный доходъ, получаемый землевладѣльцами, наиболѣе близко стоявшими къ дворянству, вообще значительно увеличился. Когда въ 1640 г. открылся долгій парламентъ, общая сумма доходовъ, получаемыхъ членами палаты общинъ, была вычислена въ 400000 ф. ст., а стоимость принадлежащихъ имъ земель по разсчету въ три раза превысила общую стоимость владѣній лордовъ. За то съ другой стороны размѣры землевладѣнья среди духовныхъ перовъ въ парламентѣ значительно уменьшились вслѣдствіе секуляризаціи духовныхъ имуществъ; тѣ немногія новыя епископства, которыя учреждались за послѣднее время, были надѣлены землями далеко не такъ щедро, какъ старыя.

Вмѣстѣ съ перемѣною имущественныхъ условій измѣнились и *правовыя* отношенія въ предѣлахъ общины и округа. Прежнее значеніе бароновъ, какъ личныхъ властелиновъ надъ челядью, облеченною въ мундиры и умѣющею владѣть оружіемъ, давно упразднилось. Вслѣдствіе этого центромъ тяжести для общественной дѣятельности землевладѣльческаго элемента и источникомъ его вліянія становится милиція и полицейское управленіе. Лица, занимающія высшія почетныя должности въ этихъ двухъ отрасляхъ дѣятельности, теперь играютъ ту роль, которую въ средніе вѣка играли такъ - называемые Seigneurs. Прежде всего они выступали вліятельными факторами государственной жизни на почвѣ судебно-миро-

выхъ учрежденій, персоналъ которыхъ большею частью былъ тотъ же самый, какъ и въ милиціонныхъ учрежденіяхъ. Поэтому обычнымъ составомъ судебно-мировыхъ Commissions должны были на долгое время обусловливаться и самыя правовыя представленія о сословіи, подобно тому, какъ они въ прежнее время обусловливались ленными милиціями. Главнымъ же элементомъ, входившимъ въ составъ судебно-мировыхъ учрежденій, было крупное землевладѣніе и должность мироваго судьи переходила отъ отца къ старшему сыну почти также неизмѣнно, какъ и земельная собственность. Во главѣ мировыхъ судовъ графства постоянно находился, въ качествѣ custus rotulorum, одинъ изъ свѣтскихъ лордовъ парламента (онъ же обыкновенно занималъ должность и лорда-намѣстника милиціи). Число лордовъ при Тюдорахъ удерживалось въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ числомъ графствъ, такъ что мѣсто въ верхней палатѣ и коммиссія, ставившая лорда во главѣ управленія графства, такъ-сказать, покрывали другъ друга. На этого рода мѣстныхъ должностяхъ наслѣдственный совѣтникъ короны являлся лишь «первымъ между равными» и стоялъ, какъ въ отношеніи правъ, такъ и въ отношеніи обязанностей своей должности на одинаковой силѣ съ остальными. При всемъ почтеніи, которое оказывалось «Милорду», здѣсь положеніе наиболѣе крупнаго землевладѣльца было совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе прежняго крупнаго барона, который творилъ судъ, окруженный своими приближенными. На мѣсто стариннаго подчиненія и личной преданности выступаетъ понятіе простаго преимущества внѣшняго общественнаго положенія, формальнаго первенства (precedence).

Въ эпоху Стюартовъ этотъ новый взглядъ проявился въ многочисленныхъ пожалованіяхъ перскаго достоинства различнымъ лицамъ [1]). Въ эпоху Тюдоровъ число перовъ, пользовавшихся этимъ

---

[1]) О пожалованіяхъ перскаго достоинства при Тюдорахъ см. выше. При Стюартахъ число перовъ доходила до 98 при Іаковѣ I, до 130 при Карлѣ I, до 137 при Карлѣ II и до 11 при Іаковѣ II,—въ общемъ, слѣдовательно, до 376 назначеній за все время, пока на престолѣ находилась династія Стюартовъ (тогда какъ при Тюдорахъ общая цифра не превышала 146). За время правленія Тюдоровъ въ среднемъ выводѣ въ составѣ перства происходило не болѣе одного измѣненія въ годъ, за время же правленія Стюартовъ такихъ измѣненій приходилось по три въ годъ. *Новыхъ* перовъ было назначено при Іаковѣ I—62, при Карлѣ I—59, при Карлѣ II—64, при Іаковѣ II—8, итого — 193. (Въ слѣдующемъ столѣтіи, съ 1700 по 1800 г., общее число новыхъ пожалованій было слѣдующее: титулъ герцога получили 34 лица, титулъ маркиза —29, титулъ графа—109, титулъ виконта—85 и барона—248). Уже въ началѣ долгаго парламента (см. Rushwasth II, 1156) высчитывали, что около 2—3 графовъ и бароновъ, созванныхъ въ парламентъ, получили свои титулы лишь въ теченіе послѣдняго полустолѣтія. Іаковъ I, какъ уже было упомянуто выше, одно время прямо продавалъ титулы барона, виконта и графа по таксѣ въ 10,000, 15,000 и 20,000 ф. ст., при чемъ въ теченіи одного только года до четырехъ графовъ

званіемъ одновременно, возвысилась до максимума 59. Но уже Іаковъ I увеличиваетъ это число 62 новыми назначеніями, при Карлѣ первомъ цифра новыхъ назначеній доходитъ до 59, при Карлѣ II—до 64, при Іаковѣ II—до 8, итого 193 новыхъ назначеній; если изъ этой цифры вычесть 99 угасшихъ перскихъ родовъ, то получится 150 свѣтскихъ перовъ. Уже одно это измѣненіе въ численности состава должно было повлечь за собою тотъ новый взглядъ на значеніе перства, по которому послѣднее разсматривалось какъ почетное наслѣдственное званіе, даруемое королевскимъ патентомъ, а отнюдь не какъ самостоятельное, правящее сословіе. Реставрація завершила перемѣну въ политическомъ положеніи лордовъ и сдѣлала это отмѣною ленныхъ обязательствъ закономъ, изданнымъ въ 12-мъ году царствованія Карла II. Съ превращеніемъ ленныхъ помѣстій въ простыя, вольныя земли, возстановилась и свобода завѣщаній относительно такихъ помѣстій. Уже при Генрихѣ VIII были изданы законы (32 Henry VIII с. 1, 34 Henry VIII, с. 5), которыми землевладѣльцамъ разрѣшалось свободно располагать by willand testament двумя третями принадлежащей имъ земли, если они владѣли ею на правахъ рыцарскаго лена, и всею землею, если она принадлежала ему на правахъ free socage. Превращеніемъ всѣхъ рыцарскихъ леновъ въ free and common socage право свободно располагать помѣстьями по завѣщанію становится общимъ правиломъ [1a]). Правда, во главѣ перства все

получили свое достоинство этимъ способомъ. [Franklyn's Annals, p. 33]. При преемникахъ Іакова I вмѣстѣ съ возрастающей деморализаціей правительства усиливается и легкомысленная раздача высшихъ отличій въ государствѣ. Кромѣ англійскаго gentry, въ ряды англійскихъ лордовъ были приняты и шотландскіе перы; при этомъ надо замѣтить, что численность шотландскаго перства, за царствованія Іакова I, Карла I, Карла II и Іакова II, увеличилась 214 новыми назначеніями,—другими словами, болѣе чѣмъ за все предшествующее теченіе шотландской исторіи, считая со временъ Малькольма III. Когда Карлъ I, тѣснимый критическими обстоятельствами, въ 1640 г., попробовалъ снова созвать лордовъ въ качествѣ Magni um Consilium, то это было съ его стороны анахронизмомъ. Верхняя и нижняя палата давно уже успѣли слиться въ одно неразрывное великое цѣлое и при теперешней организаціи государства отдѣлить ихъ одну отъ другой было такъ же невозможно, какъ отдѣлить право на занятіе извѣстныхъ должностей отъ обложенія извѣстнымъ налогомъ. Лорды послѣ событій, ознаменовавшихъ послѣднее столѣтіе, утратили какъ вліятельность имущественнаго своего положенія, такъ и нравственный авторитетъ, а потому не могли образовать вмѣстѣ съ королевскимъ совѣтомъ [cabinet] самостоятельное государственное учрежденіе. Въ виду такого положенія дѣла они и сами поспѣшили объявить, что признаютъ себя некомпетентными. По этой же причинѣ и въ послѣдующихъ междоусобныхъ войнахъ лорды не выступаютъ самостоятельнымъ факторомъ, а дѣлятся, также какъ и gentry, на два лагеря и на два парламента.

[1a]) Въ виду тѣхъ измѣнившихся условій, которыми опредѣлялось положеніе сословій въ реальной жизни, ленныя обязательства являлись устарѣвшимъ учрежденіемъ, утратившимъ свой смыслъ, и, какъ таковое, были отмѣнены. Еще

еще стоитъ нѣсколько семействъ, владѣющихъ царственными помѣстьями и состоящихъ въ родствѣ съ королевской фамиліей; но масса англійской аристократіи уже стала тѣмъ же gentry, только болѣе именитымъ, чѣмъ остальное.

Между тѣмъ самое gentry съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе расширяетъ свои предѣлы, по мѣрѣ расширенія землевладѣнія и доступа къ общественнымъ должностямъ,—этихъ двухъ условій, составляющихъ его основу. Въ концѣ средневѣковаго періода ядро gentry составляли рыцари, проживающіе въ своихъ помѣстьяхъ; владѣнія этихъ рыцарей, не смотря на отчуждаемость, сохранялись, благодаря праву первородства и такъ-называемымъ entails, приблизительно въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ. Между тѣмъ законъ о свободѣ завѣщаній, изданный при Генрихѣ VIII, и позднѣе междоусобныя войны семнадцатаго столѣтія повлекли за собою, въ весьма обширныхъ размѣрахъ, переходъ помѣстій изъ однѣхъ рукъ въ другія, при чемъ въ ряды землевладѣльцевъ вступили массами представители разбогатѣвшихъ городскихъ сословій. Эти новые землевладѣльцы, становясь мировыми судьями и членами парламента, сливаются мало-по-малу со старымъ gentry, сначала въ политическомъ, а затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, и въ общественномъ отношеніи. Но такъ какъ доступъ къ судебно-мировымъ должностямъ и къ парламентскому представительству открытъ и для именитыхъ лицъ городскаго сословія, то и эти лица все болѣе и болѣе увеличиваютъ собою составъ gentry. Почетное наименованіе Esquire, которое, къ концу среднихъ вѣковъ предоставлялось лишь единичнымъ личностямъ, теперь распространяется на всѣхъ достаточныхъ членовъ городскаго сословія, получившихъ образованіе и занимающихся тою или другою либеральною профессіею; наименованіе это обнимаетъ приблизительно тотъ же кругъ лицъ, который считаетъ себя въ правѣ домогаться назначенія на должности мировыхъ судей и изъ среды котораго дѣйствительно назначаются мировые судьи. При этомъ приходское ду-

---

Іаковъ I и Карлъ I имѣли объ этомъ предметѣ переговоры съ парламентомъ. Долгій парламентъ сразу упразднилъ всѣ ленныя повинности [въ февралѣ 1645] и мѣра эта была въ числѣ тѣхъ немногихъ нововведеній, которыя реставрація приняла отъ революціи безъ всякихъ ограниченій. Законъ объ отмѣнѣ ленныхъ обязательствъ, изданный при Карлѣ II, составленъ настолько радикально, насколько вообще могъ быть составленъ подобный законъ. Всѣ ленныя помѣстья объявляются на будущее время вольными землями, free and common socage, и въ категорическихъ выраженіяхъ приравниваются къ крестьянскимъ и городскимъ землямъ, съ которыми они отнынѣ сливаются въ одну общую категорію freehold. При этомъ законъ оговаривается, что и тѣ помѣстья, которыя будутъ впредь жалуемы королемъ, отнюдь не должны быть раздаваемы на ленныхъ условіяхъ [all future grants of lands by the King should be in free and common socage].

ховенство, само собою разумѣется, сохранило свое прежнее почетное положеніе, благодаря которому многіе изъ его членовъ получили доступъ въ судебно-мировыя учрежденія; сюда же относится высшій классъ адвокатовъ, получившихъ правильное юридическое образованіе (они выступаютъ въ мировыхъ судахъ въ качествѣ quorum) докторовъ, прошедшихъ курсъ медицинскихъ наукъ, наконецъ, должностныя лица высшаго разряда въ военномъ и гражданскомъ управленіи. Что же касается наименованія gentleman, имѣвшаго нѣсколько низшее значеніе, чѣмъ esquire, то оно давалось въ общежитіи съ чрезмѣрною почти щедростью [1в]).

Такимъ образомъ возникъ въ государствѣ и въ обществѣ многочисленный первенствующій классъ людей, пользовавшихся частью наслѣдственными, частью же личными почетными наименованіями.

1в) Приравненіе именитыхъ членовъ городскихъ сословій къ тѣмъ лицамъ, которыя искони пользовались правомъ именоваться „esquires“ и „gentleman“ ведетъ свое начало главнымъ образомъ съ царствованія Генриха VIII. Въ ту пору впервые начали употреблять выраженіе gentleman приблизительно въ современномъ значеніи этого слова, т. е. въ томъ, по которому „джентльменъ юридически отличается отъ дворянина и нравственно отъ необразованнаго плебея“. (Mackintosh, Hist. 269). Это включеніе горожанъ въ разрядъ джентльменовъ идетъ медленно, но постоянно увеличиваясь. Богатый городской rentier, банкиръ или крупный торговецъ, а также членъ ратуши въ большихъ городахъ сопричисляются почти безпрекословно къ этому разряду. Мировые суды графства и городовъ служили приблизительнымъ мѣриломъ для опредѣленія тѣхъ классовъ, которые признавались способными къ дѣламъ совѣта, если можно такъ выразиться, заимствуя терминологію изъ быта германскихъ городовъ. Отличительнымъ признакомъ и здѣсь, какъ и среди сельскаго gentry, служатъ болѣе крупные размѣры собственности, образованіе и служба въ должностяхъ, сопряженныхъ съ болѣе или менѣе высокою степенью власти. Такъ, напримѣръ, купецъ, торгующій въ лавкѣ, разнощикъ или ремесленникъ не причислялись къ джентльменамъ, хотя бы они были и богаче инаго дворянина. Дѣятельность въ почетныхъ должностяхъ войска (милиція), суда (судебно-мировыя должности) и церкви (наука) является тѣмъ связующимъ звеномъ, которое сплачиваетъ gentry въ одно цѣлое, при чемъ однако-же въ предѣлахъ этого цѣлаго древность происхожденія, крупные размѣры собственности и высокое служебное положеніе выдѣляются наслѣдственными званіями, титулами и предоставленнымъ имъ внѣшнимъ почетомъ. Въ этомъ-то смыслѣ, начиная съ царствованія Генриха VIII, начала вырабатываться изъ существующихъ законоположеній и изъ практики судовъ и герольдіи весьма обширная табель о рангахъ, въ которой подъ общую рубрику джентльменовъ и эсквайровъ подведенъ весьма многочисленный разрядъ людей, которые по своему происхожденію, званію или служебному положенію выдвигаются изъ остальной массы въ качествѣ высшаго класса (См. Gneist, Adel und Rittersch. S. 47—50). Тѣ градаціи, которыя отзываются на нашъ современный взглядъ такимъ педантизмомъ, въ свое время оказали свою службу, удовлетворивъ притязанія старѣйшихъ высшихъ сословій, по крайней мѣрѣ настолько, что побудили ихъ довольствоваться болѣе скромнымъ правомъ на внѣшній, формальный почетъ и не стремиться къ сословному обособленію. Правда, въ томъ болѣе тѣсномъ понятіи о gentry, котораго придерживаются герольдическія книги и которое не совпадаетъ со значеніемъ, придаваемымъ этому слову въ юридическихъ сочиненіяхъ, сильнѣе выдвигаются на первый планъ преимущества рожденія; но герольдическія книги никогда не имѣли никакого вліянія на государственную жизнь.

На высшихъ ступеняхъ перства преимущества болѣе высокаго положенія распространяются и на внуковъ, на низшихъ же ступеняхъ перства и въ тѣхъ рыцарскихъ родахъ, которые могутъ быть избираемы въ представители графства, преимущества эти переходятъ къ сыну. При этомъ отличія, установленныя закономъ или обычаемъ, принадлежатъ не цѣлому семейству съ его потомствомъ, а лишь представителю семейной собственности и связаннаго съ этой послѣдней призванія къ общественной дѣятельности. Нужда въ деньгахъ побудила Іакова I еще умножить эти почетныя отличія установленіемъ наслѣдственнаго званія баронета, которое, вопреки правилу, принятому въ Англіи, имѣло значеніе простаго титула, не связаннаго ни съ какою общественною обязанностью. Уже при Стюартахъ это званіе было послѣдовательно даровано 900 лицамъ и образовало нѣчто въ родѣ связующей промежуточной ступени между перствомъ и остальнымъ, болѣе многочисленнымъ gentry [1c]). Къ концу разсматриваемаго нами періода средній доходъ пера обыкновенно опредѣлялся въ 3,000 ф. ст., средній доходъ баронета въ 900 ф. ст. и члена палаты общинъ въ 800 ф. ст.

II. Послѣ того какъ gentry поднялось такимъ образомъ на болѣе высокую ступень общественной лѣстницы, *мелкіе землевладѣльцы* въ графствахъ, пользовавшіеся правомъ голоса на выборахъ, а также *городскіе*, занимаютъ теперь положеніе политически правоспособнаго *средняго сословія*. Старая разграничительная черта, къ

1c) Наслѣдственный дворянскій титулъ баронета долженъ былъ служить въ нѣкоторомъ родѣ замѣною званія Banneret, которое въ послѣдній разъ было пожаловано въ 1642 г., послѣ битвы при Эджгилѣ. По первоначально установленнымъ правиламъ, для пріобрѣтенія новоучрежденнаго достоинства прежде всего требовалось взнести деньги, а именно 1095 ф. ст., но при этомъ ставилось также условіемъ, чтобы кандидатъ на званіе баронета принадлежалъ къ хорошему семейству и происходилъ отъ такого рода, въ которомъ уже дѣдъ съ отцовской стороны имѣлъ дворянскій гербъ и получалъ не менѣе 1000 ф. ст. дохода съ своей земли; эти основныя условія дополнялись еще нѣкоторыми, болѣе подробными правилами. Между тѣмъ оказалось, что сбыть при такихъ условіяхъ всѣ заготовленные 200 патентовъ не такъ-то легко, а потому на практикѣ были допущены отступленія отъ вышеупомянутыхъ правилъ, которыя, къ тому же, какъ ограничивающія королевскую прерогативу, считались необязательными для преемниковъ установившаго ихъ короля. Первымъ баронетомъ былъ сэръ Фрэнсисъ Бэконъ, которому это званіе было пожаловано 22 мая 1611 г.; затѣмъ при Іаковѣ I состоялось еще 200 такихъ пожалованій, при Карлѣ I—253, при Карлѣ II—426, при Іаковѣ II—20. Общее число патентовъ, выданныхъ на баронетское званіе вплоть до настоящаго времени, простирается до 1700 слишкомъ, при чемъ около 750 лицъ носятъ это званіе и понынѣ; къ этимъ цифрамъ надо еще присоединить небольшое число шотландскихъ и ирландскихъ баронетовъ, отдѣльныя пожалованія которыхъ послѣ того, какъ Англія, Шотландія и Ирландія стали соединеннымъ королевствомъ, прекратились. Наиболѣе богатыя изъ старыхъ рыцарскихъ семействъ перешли въ перство и получили титулъ баронетовъ. Но и до сихъ поръ существуетъ еще значительное число семействъ изъ коренныхъ землевладѣльцевъ графствъ, которыя обозначаютъ свое происхожденіе только простымъ фамильнымъ гербомъ.

которой классы, несшіе присяжную повинность, другими словами freeholders, доходъ которыхъ оцѣненъ былъ въ 40 шиллинговъ, представляли въ то же время и корпорацію избирателей,—разграничительная черта эта, говоримъ мы, оставалась въ графствѣ на прежнемъ мѣстѣ. Въ ряды новаго средняго сословія слѣдуетъ также включить констаблей, церковныхъ старшинъ, надсмотрщиковъ за дорогами и инспекторовъ приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ; хотя служба этого рода и не соотвѣтствуютъ цензу freeholders, тѣмъ не менѣе, фактически, лица, ее несущія, принадлежатъ приблизительно къ тому же классу. Налоги въ пользу бѣдныхъ, а также дорожная и мостовая повинность служатъ съ своей стороны нѣкотораго рода цензомъ, опредѣляющимъ принадлежность къ среднему сословію; повинности этого рода возросли въ разсматриваемый нами періодъ до значительныхъ размѣровъ и упомянутые классы несутъ не малую долю ихъ на себѣ. Приблизительно то же отношеніе существовало и въ службѣ по милиціи; если цензъ, установленный здѣсь, приходится брать нѣсколько ниже, то не слѣдуетъ забывать, что въ другихъ сферахъ онъ значительно превышаетъ указанную нами норму, такъ какъ закономъ, изданнымъ въ 29 году царствованія Елизаветы, цензъ для службы присяжныхъ былъ удвоенъ. Вообще, въ среднемъ выводѣ можно принять, что 40 шиллинговъ представляютъ приблизительно ту норму состоятельности, которою опредѣляется личная служба. Поэтому и не замѣчается стремленія измѣнить что-либо въ старомъ порядкѣ [2]).

---

2) Въ теченіи семнадцатаго столѣтія среднія сословія, пользующіяся правомъ голоса на выборахъ, достигаютъ такой высоты политическаго самосознанія и пріобрѣтаютъ такой вѣсъ въ государствѣ, какихъ они не имѣли ни до этого, ни послѣ этого. Свидѣтельство современниковъ о численности и благосостояніи такъ-называемаго yeomanry въ эпоху междоусобныхъ войнъ подтверждаются и тѣми денежными суммами, которыя этотъ классъ доставлялъ на покрытіе военныхъ издержекъ, а также его вліяніемъ на выборахъ. Жилище англійскаго крестьянина не отличалось удобствами обстановки и вплоть до царствованія Елизаветы не имѣло даже дымовой трубы; но объ обильномъ питаніи среднихъ и низшихъ сословій и о здоровомъ, бодромъ ихъ видѣ мы имѣемъ много вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Заслуги Генриха VIII въ поднятіи уровня народнаго благосостоянія, правда, нѣсколько преувеличены Фроудомъ, который говоритъ о нихъ съ такимъ преувеличеніемъ въ своемъ недавнемъ трудѣ; точно также упомянутый авторъ нѣсколько идеализируетъ цѣли и учрежденія существованія для огражденія интересовъ рабочихъ. Но въ томъ, что онъ говоритъ объ усиленіи экономической независимости среднихъ классовъ въ предѣлахъ тогдашняго экономическаго строя, его едва ли можно упрекнуть въ преувеличеніи. Уже въ нѣкоторыхъ законоположеніяхъ экономическаго характера, изданныхъ при Елизаветѣ, явственно сказывается намѣреніе содѣйствовать сохраненію земледѣльческаго средняго сословія посредствомъ дробимости земельныхъ участковъ. Къ entails, дѣйствующимъ въ противоположномъ направленіи, мы еще вернемся, когда рѣчь будетъ идти о слѣдующемъ періодѣ. Къ упомянутымъ вліяніямъ присоединилась еще перемѣна въ общественныхъ нра-

За то въ городахъ граница, отдѣляющая среднее сословіе отъ остальныхъ, отличается большой неопредѣленностью. Здѣсь ограниченіе активнаго права участія въ управленіи постоянно отзывалось и на правѣ участвовать въ парламентскихъ выборахъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ въ выборахъ принимаютъ участіе лишь такъ-называемые select bodies, capital burgesses etc. и старое правило, въ силу котораго всѣ участвовавшіе въ scot and lot должны были пользоваться правомъ голоса, превратилось въ исключеніе. Равнодушіе, развивающееся вслѣдствіе утраченной привычки къ личному участію въ общественной дѣятельности, отсутствіе статистики, которая наглядно указывала бы на общее положеніе дѣлъ, затаенная, не высказывавшаяся мысль, что такое ограниченіе избирателей, въ виду совокупности данныхъ условій, не заключаетъ въ себѣ въ сущности ничего несправедливаго,—всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, содѣйствовали вышеупомянутому результату. Юридическою формою для такого съуженія избирательнаго права въ болѣе тѣсномъ кругѣ сдѣлалась такъ-называемая «инкорпорація» городовъ; въ нѣкоторыхъ городскихъ хартіяхъ такое ограниченіе оговаривалось въ категорическихъ выраженіяхъ; относительно же другихъ считалось, что оно въ нихъ подразумѣвается само собою. Воззрѣніе это, начиная съ царствованія Іакова I, въ такой степени преобладало въ практикѣ судовъ, въ юридической наукѣ и въ рѣшеніяхъ нижней палаты по вопросамъ, касавшимся выборовъ, что въ немъ нельзя видѣть рядъ однихъ только злоупотребленій, а слѣдуетъ признать невысказанное стремленіе уравновѣсить ненормально многочисленное представительство столь же ненормальнымъ ограниченнымъ числомъ избирателей.

Въ этомъ отношеніи даже грубый произволъ, съ которымъ Іаковъ II ласкалъ городскія учрежденія, не игралъ существенной роли.

вахъ того времени, благодаря которой средства высшихъ сословій, затрачивавшіяся до сихъ поръ на широкое хлѣбосольство по отношенію къ сосѣдямъ, кліентамъ и прислугѣ, теперь стали употребляться инымъ способомъ, вслѣдствіе чего непосредственное вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ и духовенства на среднія сословія уменьшилось. При этихъ условіяхъ старинная клятва превратилась въ простую формальность. Тѣ классы, большинство которыхъ въ прежнія времена ютилось въ качествѣ праздной челяди около магнатовъ, теперь вели болѣе трудовую, но за то болѣе независимую жизнь. Впрочемъ, новизна положенія и отсутствіе разграничительныхъ граней въ предѣлахъ средняго сословія сказывается въ отсутствіи всякихъ спеціальныхъ наименованій, которыми обозначалась бы эта ступень общественной лѣстницы. Названіе yeomen, которымъ обозначаются всѣ сельскіе freeholders, служитъ приблизительно замѣною средневѣковаго probus et legalis homo. Выраженіе mystery или magisterium и производное отъ него mistier, употреблялось и въ юридическихъ актахъ, какъ общее названіе для наиболѣе почитаемыхъ представителей торговаго и ремесленнаго сословій. (Coke II, Inst. p. 668.) Въ табеляхъ о рангахъ все среднее сословіе сплошь обозначается наименованіемъ yeomen.

Въ самый послѣдній моментъ своего царствованія 17 октября 1688 г., этотъ король издалъ повелѣніе, которымъ городскія корпораціи возстановлялись, отказы отъ прежнихъ правъ, вынужденные у городовъ, объявлялись недѣйствительными и сила старыхъ хартій возобновлялась. Большинство городовъ воспользовались уступкой, но прежній порядокъ, къ которому они такимъ образомъ вернулись, имѣлъ уже теперь чисто искусственный характеръ, а о серьезномъ его преобразованіи никто не думалъ. Послѣ того, какъ городскіе представители въ парламентѣ вошли въ составъ правящаго класса и его партій, почина такой реформы нельзя было ожидать и отъ парламента. Мѣстечки (boraughs), также какъ и укрѣпленные замки въ средніе вѣка, превратились въ твердыни, поддерживавшія политическое вліяніе вигскаго или торійскаго дворянства, и въ извѣстной степени особаго городскаго патриціата. «Конвенціонный» парламентъ въ категорическихъ выраженіяхъ санкціонировалъ всѣ злоупотребленія такъ-называемыхъ selectbodies; наиболѣе пламенные виги вскорѣ оказались самыми ревностными защитниками тѣхъ искаженій, которыя были внесены въ первоначальныя корпоративныя права городовъ, и за всѣ послѣдующія сто лѣтъ не было сдѣлано ни одной чистосердечной попытки возстановить правильное избирательное право въ городахъ. Въ конечномъ результатѣ такое положеніе дѣлъ обезпечило вліянію gentry преобладающую роль, которая и подобала этому классу за услуги, оказываемыя имъ въ жизни округа и общины. Не взирая на нѣкоторые частные случаи грубыхъ аномалій, общее соотношеніе голосовъ не нарушало jus aequum, но такой порядокъ готовилъ трудно разрѣшаемую задачу для позднѣйшаго времени, когда это равновѣсіе утратилось [2a]).

Между тѣмъ, кругъ избирателей, ограниченный такимъ образомъ, если на него взглянуть съ экономической точки зрѣнія, представляется совсѣмъ инымъ. Число freeholders, благодаря переходу черезмѣрно крупныхъ монастырскихъ помѣстій въ частную собственность, а также благодаря дробимости поземельной собственности и свободѣ завѣщаній, существовавшей со временъ Генриха VIII, безспорно возросло. Еще большее вліяніе имѣли успѣхи земледѣлія и увеличеніе сбыта земледѣльческихъ продуктовъ въ разбогатѣвшіе города, вслѣдствіе чего увеличился доходъ даже наиболѣе мелкихъ землевладѣльцевъ. Позднѣйшія извѣстія, по которымъ выходило, что

[2a]) Отношеніе городскихъ учрежденій и городскаго избирательнаго права къ парламенту въ концѣ этой эпохи представляется уже до такой степени запутаннымъ, что я вынужденъ отослать читателя къ болѣе подробному изложенію сказаннаго предмета, которое онъ найдетъ въ „Gneist, Geschichte des Selfgovernement“ (стр. 217, 325) и къ общему обзору этого же предмета въ „Gneist, Selfgovernement“, III. Aufl. 1871, §§ 100.

въ Англіи 17-го столѣтія было до 160,000 freeholders, получившихъ въ среднемъ выводѣ доходъ отъ 60 до 70 ф. ст., по всѣмъ вѣроятіямъ, преувеличены такъ же, какъ и всѣ статистическія указанія, касающіяся того времени. Но существованіе многочисленнаго и достаточнаго сословія свободныхъ крестьянъ-землевладѣльцевъ не подлежитъ сомнѣнію, хотя отдѣльныя графства и представляли значительныя различія между собою въ этомъ отношеніи. Въ городахъ тоже можно было найти среднее сословіе, пользовавшееся достаткомъ, благодаря постоянному развитію торговли, мореплаванія и ремеселъ. Если откинуть единичные періоды, неблагопріятные для развитія благосостоянія, и упадокъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, то въ общемъ нельзя не признать, что богатство и матеріальныя средства страны въ 17-мъ столѣтіи, не взирая на междоусобныя войны, все-таки еще возрастали. Это-то экономическое положеніе, въ связи съ сознаніемъ политическихъ правъ, съ дѣятельнымъ участіемъ въ приходскомъ управленіи и съ умственнымъ прогрессомъ, совершившимся на почвѣ церковной реформаціи, дѣлало средніе классы представителями независимаго образа мыслей и главнымъ ядромъ оппозиціи противъ династически-клерикальныхъ стремленій церкви Стюартовъ, вслѣдствіе чего и реставрація въ лицѣ городскихъ среднихъ сословій боролась какъ противъ религіознаго диссентерства, такъ и противъ политическаго вольнодумства, не имѣя однако же возможности поставить серьозныя преграды матеріальному развитію этихъ сословій.

3) Тѣ классы въ городахъ и селахъ, которые *не пользовались избирательнымъ правомъ*, хотя и являются свободнымъ сословіемъ, уравненнымъ въ семейныхъ и имущественныхъ правахъ съ высшими классами, тѣмъ не менѣе не принимаютъ *активнаго участія* въ опредѣленіи государственной воли. Положеніе этого класса въ области соціальныхъ отношеній и частнаго права тоже нѣсколько повысилось въ описываемую нами эпоху.

Среди мелкихъ freeholders, лишенныхъ права голоса на выборахъ, сказанное повышеніе совершалось само собою, благодаря сильному пониженію монетной нормы и цѣнности денегъ, которое замѣчается въ особенности начиная съ царствованія Генриха VIII. Шиллингъ падаетъ до одной трети прежней своей цѣны, доходъ съ земельныхъ участковъ, выраженный въ деньгахъ, постоянно возрастаетъ и такимъ образомъ множество мелкихъ землевладѣльцевъ постоянно вдвигается въ разрядъ избирателей.

Такъ-называемые copyholders частью превратились изъ арендаторовъ въ наслѣдственныхъ землевладѣльцевъ, частью же стали въ такія условія, которыя, по крайней мѣрѣ, ограждаютъ ихъ отъ опасности быть произвольно согнанными съ занимаемыхъ ими участковъ.

Обязательства, дѣлавшія эти земли несвободными, существовали теперь лишь въ поземельной подати и пошлинъ, вымаемыхъ при переходѣ участка въ другія руки. Необходимость испрашивать согласія сюзерена на продажу участка и пошлины, которыя платились при переходѣ земли въ другія руки, на практикѣ способствовала лишь къ тому, чтобы сдѣлать этого рода поземельную собственность еще болѣе прочною, чѣмъ вольныя земли. Чѣмъ болѣе подобные участки пріобрѣтались между прочимъ и лицами высшихъ сословій, тѣмъ болѣе понятіе о несвободномъ крестьянствѣ исчезало въ понятіи объ особой формѣ землевладѣнія, сопряженной съ нѣкоторыми ограниченіями. Благосостояніе ремесленниковъ, не имѣвшихъ земли, увеличивалось, благодаря развитію общаго благосостоянія, а также благодаря корпораціямъ, ограждавшимъ ихъ интересы и которымъ законодательство Тюдоровъ покровительствовало съ цѣлью вознаградить ремесленниковъ за стѣсненія, налагаемыя рабочей и ремесленной полиціей.

Къ неимущимъ рабочимъ классамъ законодательство Тюдоровъ относилось, тоже по традиціи, съ отеческой заботливостью, которая проявлялась въ регулированіи заработной платы и цѣнъ на всѣ необходимые жизненные продукты. На основаніи достовѣрныхъ свѣденій можно сказать, что поденная заработная плата въ $3^1/_2$ d. представляла, по сравненію съ существовавшими въ то время цѣнами на съѣстные припасы, довольно высокую норму вознагражденія [3]). Реставрація, съ своей стороны, направляла свои

---

[3]) Тотъ классъ, который былъ лишенъ избирательнаго права и который, собственно говоря, представлялъ третье сословіе, не обозначается этимъ названіемъ ни на юридическомъ, ни на обиходномъ языкѣ, такъ какъ всѣ наименованія сословій того времени были заимствованы изъ терминологіи предшествующихъ періодовъ. Но по сущности дѣла упомянутый классъ занимаетъ именно это третье мѣсто въ качествѣ liberi homines, въ старѣйшемъ значеніи послѣдняго слова, поставленныхъ въ отношеніи частнаго права въ одинаковыя условія съ остальными классами.—Объ исчезновеніи послѣднихъ остатковъ крѣпостничества въ царствованіе Елизаветы свидѣтельствуетъ сэръ Томасъ Смитъ, de Rep. Ш. с. 10. Единичные случаи упоминанія о крѣпостныхъ въ судебныхъ приговорахъ временъ Іакова I представляютъ архаическій курьезъ, не болѣе. При общихъ условіяхъ наемнаго труда, существовавшихъ въ то время, правящіе классы не имѣли ни интереса, ни желанія сохранять этотъ изолированный обломокъ средневѣковаго варварства. О положеніи copyholders, о „privileged villenage и о „pure villenage“ см. Blackstone, II, 92. Поземельные платежи, взимавшіеся съ copyholds и соотвѣтствовавшіе прежнимъ феодальнымъ повинностямъ, не были отмѣнены закономъ 12 Car. II с. 24, такъ какъ они считались относящимися къ области частнаго права въ качествѣ jura quaesita. Такимъ образомъ были сохранены въ пользу бывшихъ феодальныхъ владыкъ пошлины, взносимыя при продажѣ или переходѣ участковъ по наслѣдству, такъ-называемые heriots, и т. д. О ремесленномъ законодательствѣ того времени см. выше, стр. 328. О томъ, какой взглядъ существовалъ на политическое значеніе этого класса во времена Елизаветы, можно судить изъ слѣдующаго свидѣтельства Гаррисона, относящагося къ 1586 г.: „четвертый и послѣдній

притѣснительныя мѣры лишь противъ политическихъ стремленій, а не противъ тѣхъ условій, которыми опредѣлялось общественное положеніе низшихъ и, въ особенности, городскихъ классовъ. Такъ, напримѣръ, въ дѣйствіяхъ реставраціи незамѣтно стремленіе расширить сферу дѣйствія рабочей полиціи.

Англійское общество, взятое во всей его совокупности, представляется въ концѣ разсматриваемаго періода пирамидою, въ которой различныя степени власти и зависимости идутъ понижаясь съ большою постепенностью. Наверху этой пирамиды мы видимъ перство, опирающееся на болѣе широкомъ основаніи землевладѣльческаго джентри, которое имѣетъ свои корни въ графствѣ. Джентри, въ свою очередь, стоитъ во главѣ еще болѣе широко раскинувшагося общественнаго слоя, представляемаго мѣстными именитыми людьми; затѣмъ вся совокупность правящихъ классовъ господствовала своимъ вліяніемъ надъ среднимъ сословіемъ, пользовавшимся правомъ голоса на выборахъ. Общимъ базисомъ, сплачивавшимъ всю націю во едино, служило равенство имущественныхъ и семейныхъ правъ, благодаря которому даже такое учрежденіе, какъ entails, было въ равной степени доступно какъ крестьянину, владѣвшему всего однимъ только дворомъ, такъ и богатѣйшему перу королевства. Что совокупность этихъ условій всѣми признавалась за справедливое распредѣленіе гражданскихъ правъ и обязанностей, это явствуетъ уже изъ самаго хода революціи, которая, не взирая на страстное отстаиваніе правъ личности и на осуществленіе республиканскаго идеала, въ конечномъ своемъ результатѣ все-таки привела, можно сказать, къ повышенію ценза. Сословный фундаментъ этого государственнаго устройства былъ заложенъ такъ прочно, что насилія Карла II и Іакова II, насилія Кромвеля и пуританъ, двѣ роялистскія, одна республиканская и одна сословная революція прошли, не оставивъ на немъ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ.

классъ населенія въ Англіи состоитъ изъ поденщиковъ, бѣднѣйшихъ поселянъ, нѣкоторыхъ мелкихъ торговцевъ (не владѣющихъ вольными землями), copyholders и всѣхъ ремесленниковъ (безземельныхъ), какъ-то: портныхъ, сапожниковъ, плотниковъ, кирпичниковъ, каменьщиковъ и т. п.; этотъ *четвертый* и послѣдній классъ не имѣетъ, слѣдовательно, ни голоса, ни власти въ дѣлахъ общественныхъ и долженъ быть управляемъ, а не управлять другими. Впрочемъ, онъ не совсѣмъ остается въ пренебреженіи, ибо въ cities и въ городахъ, обладающихъ хартіями, приходится, за недостаткомъ yeomen'овъ, составлять слѣдственные жюри (leet juries) изъ этого рода людей, а въ деревняхъ они зачастую избираются въ церковные старшины, въ sidesmen, въ надсмотрщики за пивовареніемъ, а иногда и въ констебли".

Шестой періодъ.

Парламентское правленіе XVIII столѣтія.

Вильгельмъ и Марія.	1689—1695.	Георгъ I . . .	1714—1727.
Вильгельмъ III. . . .	1695—1702.	Георгъ II . . .	1727—1760.
Анна.	1702—1714.	Георгъ III . . .	1760—1820.

§ 39.

Организмъ Англійскаго государства послѣ революціи *).

Реформація, революція, реставрація и изгнаніе Стюартовъ твердо установили разграничительные передѣлы между различными органа-

---

*) Источники и литература этой эпохи, относящіеся частью къ политической исторіи, частью же къ юриспруденціи, такъ обширны, что я вынужденъ былъ сдѣлать выборку изъ нихъ для цитатъ, слѣдующихъ ниже.

Законодательство того времени представляетъ матеріалъ, разрастающійся въ такихъ размѣрахъ, что его почти нѣтъ возможности обнять однимъ взглядомъ. Оффиціальное собраніе законовъ заканчивается со смертью королевы Анны. Но и въ позднѣйшихъ сборникахъ, служившихъ для текущихъ надобностей, текстъ законовъ изложенъ вѣрно и всѣ существеннѣйшія постановленія приведены съ достаточною полнотою.

Отчеты о *парламентскихъ засѣданіяхъ* можно найти въ Parlamentary History томъ V—XXXVI. Томы эти обнимаютъ періодъ отъ 1668 г. до 12 апрѣля 1803 г. На этомъ году сказанное изданіе заканчивается и продолженіемъ его являются уже новые выпуски, выходящіе подъ заглавіемъ Hansard's Parliamentary Debates.

Сочиненій, въ которыхъ была бы разработана правовая исторія того времени, не имѣется вовсе. Приблизительно къ половинѣ разсматриваемаго періода появился знаменитый трудъ Блэкстона, Commentaries on the Laws of England; первое изданіе относится къ 1765 г., а до конца восемнадцатаго столѣтія вышло еще одиннадцать изданій. Первый томъ этого сочиненія (rights of persons) содержитъ въ себѣ превосходное изложеніе публичнаго права,—изложеніе, въ которомъ съ большою наглядностью выступаютъ существеннѣйшія стороны предмета въ этомъ отношеніи и позднѣйшіе труды (Стефана, Боуера, Уаррена, Керра и др.), не прибавили ничего новаго къ тому, что было сдѣлано Блэкстономъ. За то историческій очеркъ, служащій введеніемъ къ этой части труда, представляетъ не болѣе какъ легковѣсную компиляцію. Общій обзоръ богатой литературы по отрасли государственныхъ знаній, относящейся къ данной эпохѣ, можно найти у Р. ф. Моля, т. II, стр. 3—236.

Главнымъ источникомъ для свѣдѣній, касающихся общинной жизни того времени, служитъ Burn's Justice of the Peace, изд. 1-е, 1755 г., два небольшихъ тома; затѣмъ слѣдуетъ рядъ новыхъ изданій, которыя выходятъ подъ тѣмъ же заглавіемъ и возрастаютъ къ 1800 г. до четырехъ томовъ (изданіе девятнадца-

ми государственной власти въ Англіи и придали государственнымъ учрежденіямъ окончательную форму. Внѣшнее измѣненіе было внесено въ этотъ строй еще присоединеніемъ Шотландіи (1706) и Ирландіи (1801). Но независимо отъ этихъ послѣдующихъ перемѣнъ, восшествіе на престолъ Вильгельма III и декларація правъ знаменуютъ собою начало партійно-парламентскаго образа правленія; прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію этого періода, намъ необходимо бросить общій взглядъ на ту картину, которую представляло строеніе англійскаго государственнаго дѣла въ XVIII столѣтіи.

Какъ и всѣ великія свободныя государства, англійское государство опирается на прочную *конструкцію* государственныхъ властей. Посколько рѣчь идетъ о томъ, что заставить личность и личное имущество служить на пользу государству, эта конструкція обладаетъ бо́льшимъ могуществомъ, чѣмъ самые абсолютные владыки, какіе только существовали въ Европѣ. Начиная съ англо-норманскаго періода въ англійскомъ государственномъ устройствѣ замѣчается даже черта военно-полицейской дисциплины, совершенно отсутствующая въ странахъ материка и начинающая проявляться въ нихъ лишь въ періодъ новѣйшей исторіи.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи такъ же, какъ и въ предшествующія эпохи, *королевская власть* является источникомъ, изъ котораго исходятъ эти различные виды государственной власти, *судъ* держитъ ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ, а *законъ* служитъ верховнымъ регуляторомъ ихъ дѣятельности. Но четырехсотлѣтнее дѣйствіе законодательства, начиная со временъ Эдуарда I, создало между этими элементами отношеніе взаимности, которое обхватывало прочно установленными правовыми гранями государство и общество, церковь и государство, мѣстное управленіе и сословное представительство. Эти

тое); новѣйшее тридцатое изданіе состоитъ изъ пяти большихъ томовъ, содержащихъ въ себѣ болѣе 8.000 страницъ.

Изъ сочиненій общеисторическаго и политическаго характера особеннаго вниманія заслуживаютъ: Hallam, the Constitutional History England, vol. III (доведенная до смерти Георга II).—Lord Mahon, History from the peace of Utrecht etc. 1836—54. 6 vol. (исторія эта написана въ торійскомъ духѣ). W. Massey, History of England under George III vol. I, II. 1855 г.—Th. Erskine May, Constitutional History since the acession of George III, vol. I. 1861 (нѣмецкій переводъ Опенгейма).—Ch. Duke Yonge, the Constitutional History from 1760 to 1860. London, 1882. Безконечно богатая литература этого предмета во многихъ пунктахъ соприкасается такъ близко съ семейными и партійными отношеніями нашихъ дней, что это едва ли не составляетъ ея недостатокъ.

По части статистики и подробностей, касающихся порядковъ управленія въ XVIII столѣтіи, можно найти весьма цѣнный матеріалъ у John Adolphus, the political state of the British Empire. London, 1818. 4 vol. 8°; сочиненія Мэкъ Куллоха и другихъ политико-экономическихъ писателей, содержатъ въ себѣ также весьма богатый матеріалъ, въ особенности по исторіи учрежденій для призрѣнія бѣдныхъ.

грани, которыя королевская власть сама себѣ ставила, въ то же время сдерживали въ законныхъ предѣлахъ парламентъ и партіи и служили правовой гарантіей для сословій, корпорацій и отдѣльныхъ личностей. Священный характеръ и неприкосновенность такого порядка вещей были признаны формальнымъ соглашеніемъ, состоявшимся между обѣими великими партіями послѣ удаленія Іакова II и съ тѣхъ поръ въ основѣ всѣхъ партійныхъ комбинацій постоянно лежали слѣдующія начала, которыя не подлежали какому-бы то ни было оспариванію:

I. Законъ признаетъ *наслѣдственную монархію* основнымъучрежденіемъ страны и устанавливаетъ прочный порядокъ престолонаслѣдія посредствомъ такъ-называемаго Act of setllement.

II. Законъ регулируетъ *верховныя права государственной власти*, возлагаетъ на подданныхъ соотвѣтствующія обязательства и точно опредѣляетъ эти обязательства, дабы они не могли быть обращаемы произволомъ въ ущербъ единичнымъ личностямъ.

III. Законъ регулируетъ пользованіе правами верховной государственной власти со стороны *графствъ*, *городовъ*, *приходовъ и корпорацій*, которые такимъ образомъ становятся надежными органами извѣстныхъ государственныхъ отправленій, дѣйствующими по своеобразной системѣ англійскаго selfgovernement.

IV. Для огражденія неприкосновенности этого порядка управленія законъ создаетъ юридическія гарантіи посредствомъ обширной системы обжалованій ex debito justitiae, — то, что теперь называется *административной юрисдикціей*.

V. За одно съ обязанностями подданныхъ законъ регулируетъ и *права сословій*, между которыми теперь выдающееся положеніе занимаетъ правящій классъ, участвующій на правахъ рѣшающаго фактора въ отправленіяхъ государственной власти.

VI и VII. Законъ регулируетъ организацію этого класса съ одной стороны въ видѣ представительства communitates въ нижней палатѣ, съ другой стороны въ видѣ духовнаго и свѣтскаго перства въ верхней палатѣ, при чемъ онъ опредѣляетъ и долю участія каждаго изъ этихъ органовъ въ дѣлахъ государственнаго управленія и ихъ отношеніе какъ другъ къ другу, такъ и къ королевской власти.

VIII. Законъ горантируетъ ту долю самоуправленія *государственной церкви*, которая необходима для церковной жизни, и примиряетъ такимъ образомъ, наконецъ, антагонизмъ, существовавшій между церковью и государствомъ.

IX. На этихъ основахъ возникаютъ новыя отношенія между «королемъ и его совѣтомъ» съ одной стороны и парламентомъ съ другой стороны, — отношенія, которыя и носятъ названіе парламентскаго образа правленія.

Таковы были рамки**), въ которыхъ послѣ того, какъ онѣ были установлены, слагались англійскія политическія партіи, вырабатывалась практика парламентскихъ правительствъ и совершался переходъ къ общественному устройству XIX столѣтія (§§ 49—53).

---

§ 40.

1. Возстановленіе наслѣдственной монархіи.

Съ низложеніемъ Іакова II снова открывался въ перспективѣ тотъ рядъ переворотовъ и неурядицъ, которыя со временъ норманновъ каждый разъ сопровождали всякій перерывъ въ законномъ порядкѣ престолонаслѣдія. Въ памяти современниковъ еще слишкомъ живы были тѣ послѣдствія казни Карла I, отъ которыхъ ихъ отдѣляло всего только одно поколѣніе. Въ предотвращеніе подобныхъ же послѣдствій, обѣ партіи, послѣ долгихъ колебаній и споровъ, приняли слѣдующую резолюцію:

«Король Іаковъ II послѣ сдѣланной имъ попытки ниспровергнуть конституцію королевства черезъ нарушеніе первоначальнаго договора между королемъ и народомъ, а также послѣ того, какъ онъ, по совѣту іезуитовъ и другихъ злокозненныхъ людей, нарушилъ основные законы государства и самъ удалился изъ нашей страны, отказался отъ правленія и престолъ черезъ это сдѣлался вакантнымъ».

Фактъ сверженія короля съ престола былъ такимъ образомъ замаскированъ фикціей добровольнаго отреченія, которая до извѣстной степени оправдывалась обстоятельствами, сопровождавшими удаленіе короля изъ Англіи; за тѣмъ, съ тою же цѣлію, была принята другая фикція, по которой рожденный уже наслѣдникъ престола считался, согласно съ весьма распространеннымъ въ народѣ мнѣніемъ, незаконнорожденнымъ; наконецъ, для обозначенія совершившагося факта, была пріискана такая терминологія, которая, насколько могло простираться человѣческое предвидѣніе, была непримѣнима къ какимъ-либо инымъ событіямъ, могущимъ совер-

**) Одною изъ самыхъ поучительныхъ и любопытныхъ параллелей, какія только можно себѣ представить, является сравненіе государственнаго строя Англіи въ XVIII столѣтіи съ тою картиною, которую предстявляло это государство въ XV столѣтіи (§ 26).

шиться въ будущемъ, а потому и не создавала для будущаго опаснаго прецедента.

На основаніи вышеупомянутыхъ фикцій престолъ перешолъ къ старшей дочери Іакова II, которая вмѣстѣ съ своимъ супругомъ была признана законною наслѣдницею. Переходъ короны къ младшей сестрѣ, Аннѣ, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ отъ брака Вильгельма и Маріи, являлся совершенно логическимъ выводомъ изъ вышеуказаннаго перваго шага, хотя въ 1688 г. нельзя было предусмотрѣть такой комбинаціи *).

Возведеніе на престолъ Вильгельма и Маріи, рѣшенное ex necessitate rei, являлось комбинаціей, возможно близко подходившей къ традиціонному порядку престолонаслѣдія; при этомъ была принята во вниманіе и необходимость, въ виду глубоко расшатаннаго положенія дѣлъ въ королевствѣ, ввѣрить дѣла правленія мужской рукѣ, вслѣдствіе чего Вильгельмъ былъ провозглашенъ королемъ вмѣстѣ съ своей супругой и даже поставленъ впереди ея.

Опытъ, вынесенный изъ прошлаго, дѣлалъ необходимымъ еще одно ограниченіе въ порядкѣ престолонаслѣдія. Переходъ королевской власти къ католичкѣ — Маріи повергъ страну въ кровопролитную реакцію противъ реформаціи; переходъ престола къ католику Іакову II повлекъ за собою новую революцію. Не слѣдовало снова подвергать страну пагубнымъ послѣдствіямъ, грозившимъ въ случаѣ восшествія на престолъ католическаго государя. Поэтому-то въ первомъ же году царствованія Вильгельма и Маріи былъ изданъ законъ, которымъ «всякое лицо, исповѣдующее католическую религію или вступающее въ бракъ съ католикомъ или католичкой», устранялось навсегда отъ престолонаслѣдія, при чемъ народъ въ такомъ случаѣ разрѣшался отъ вѣрноподданнической присяги и престолъ переходилъ къ ближайшему протестантскому наслѣднику.

Затѣмъ, когда къ концу царствованія Вильгельма III сдѣлалось очевидно, что ни у Вильгельма, ни у принцессы Анны не будетъ наслѣдниковъ мужскаго пола, былъ изданъ заключительный Act of settlement (12 et 13 Will c. d.), которымъ постановлялось, что въ случаѣ мужское потомство Карла I пресѣчется, престолъ переходитъ къ супругѣ курфюрста, Софіи Гановерской, какъ къ дочери принцессы Елизаветы, дочери Іакова I и къ ея потомству мужскаго пола **).

---

*) Декларація 12 февраля 1688 г. предусматриваетъ слѣдующій порядокъ престолонаслѣдія: сначала Вильгельмъ и Марія вмѣстѣ, за тѣмъ—тотъ изъ супруговъ, который переживетъ другаго, далѣе—потомство королевы Маріи, въ случаѣ неимѣнія таковаго—принцесса Анна и ея потомство, а въ случаѣ Анна останется бездѣтною — потомство Вильгельма, какъ внука Карла I и какъ племянника и зятя Іакова II.

**) Юридическое построеніе, съ помощью котораго были оформлены всѣ эти укло-

Правовой и нравственный приговоръ потомства съ замѣчательнымъ единодушіемъ призналъ справедливость «достославной революціи». Если нація послѣ опыта трехъ поколѣній отступилась отъ мужскихъ представителей династіи, не умѣвшей понять ни одной изъ задачъ времени и королевской власти, то въ этомъ нельзя было усмотрѣть никакого сопротивленія божескимъ и человѣческимъ законамъ. Въ теченіи предшествующихъ столѣтій англійскіе короли не разъ кончали жизнь при обстоятельствахъ, представлявшихъ гораздо болѣе рѣзкіе признаки нарушенія легальнаго порядка, чѣмъ то было при сверженіи Іакова II. Если англійская нація въ теченіи трехъ поколѣній выносила дурное управленіе этой династіи, если она подъ конецъ, въ отвѣтъ на безумный актъ насилія, совершонный Іаковомъ II, пріискала фикцію добровольнаго отреченія отъ престола, которою бережно замаскировала дѣйствительный фактъ, то такая умѣренность объяснялась зрѣлой опытностью народа, достигшаго полной своей возмужалости. Тутъ мы не видимъ той неопытности народа, отвыкшаго отъ всякой общественной дѣятельности, которая сказалась во французской революціи и во всѣхъ другихъ, за нею послѣдовавшихъ; англійскій народъ ясно сознавалъ, какое глубокое потрясеніе всѣхъ нравственныхъ и правовыхъ основъ влечетъ за собою паденіе наслѣдственной монархіи и предвидѣлъ, что вслѣдъ за такимъ паденіемъ государство сдѣлается жертвою разнузданнаго эгоизма и партійнаго духа общества,— и этимъ-то объяснялось то долготерпѣніе, съ которымъ онъ сносилъ столько тяжкихъ испытаній. Впервые онъ съ полнымъ сознаніемъ всѣхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою перемѣна династіи, принялъ мужественное рѣшеніе все-таки пойти на встрѣчу этимъ послѣдствіямъ.

И точно, положеніе дѣлъ, вызванное этимъ переходомъ королевской власти въ другія руки, напоминало первый періодъ, слѣдовавшій за изданіемъ Magna charta. Никогда еще недовольство не было такъ велико, какъ именно теперь, когда казалось все было достигнуто. Партійныя интриги аристократіи, руководившейся запу-

---

ненія отъ законнаго порядка престолонаслѣдія, съ замѣною мужскаго потомства женскимъ, вынуждено было прибѣгнуть къ правовымъ фикціямъ и къ ссылкѣ на ex necessitate rei для низведенія до возможнаго минима совершившагося нарушенія въ установленномъ порядкѣ наслѣдственности и для того, чтобы предотвратить возникновеніе опаснаго прецедента, насколько это вообще было доступно для человѣческой мудрости и предусмотрительности. Блэкстонъ изо всего этого выводитъ слѣдующія четыре положенія, касающіяся королевскихъ правъ: 1) корона наслѣдственна; 2) наслѣдственность ея обставлена своеобразными условіями (подобно праву наслѣдія въ примѣненіи къ поземельной собственности); 3) право престолонаслѣдія можетъ отъ времени до времени быть видоизмѣняемо и ограничиваемо парламентскимъ постановленіемъ; съ этими оговорками 4) королевская власть всегда бываетъ, есть и остается наслѣдственною.

танными программами и не имѣвшей передъ собою никакихъ великихъ цѣлей, причудливая смѣна господствующихъ мнѣній — вотъ чѣмъ знаменуется первый періодъ новой эпохи. Виги, главную силу которыхъ составляла значительная часть дворянства и высшіе городскіе классы, продолжали, на зло всѣмъ юридическимъ фикціямъ, смотрѣть на короля, какъ на свое созданіе; торіи же упорствовали считать его чѣмъ-то въ родѣ регента. Рабочіе классы съ тупымъ безучастіемъ отнеслись къ паденію своей естественной защиты, законной монархіи; столь же равнодушно встрѣтили они и новаго короля. Парламентъ, церковь и законы страны были возстановлены въ прежнемъ видѣ; но побѣдившая партія считала это такимъ успѣхомъ, который подразумѣвался самъ собою. Никто не чувствовалъ, чтобы общественное положеніе его улучшилось; но торіи, къ великой своей досадѣ, видѣли, что власть очутилась въ рукахъ ненавистныхъ противниковъ ихъ и государя изъ иноземцевъ. Эта монархія, не взирая на то, что созданіе ея являлось актомъ политической необходимости и мудрости, была и оставалась чѣмъ-то искусственнымъ; она не имѣла за себя сердца народа, а потому, быть можетъ, и у короля не было сердечной привязанности къ Англіи. Главная цѣль, которою руководился Вильгельмъ въ своей политикѣ, борьба противъ черезмѣрнаго могущества Франціи, поддержаніе независимости Голландіи и европейскаго равновѣсія, оставалась совершенно чуждою основнымъ воззрѣніямъ англичанъ. Грандіозныя стремленія этого государственнаго человѣка не пользовались ни одобреніемъ той или другой партіи, ни сочувствіемъ народной массы. Парламентъ, безспорно, выигралъ то, что можно было выиграть при такомъ государственномъ устройствѣ: королевская власть сдѣлалась теперь ни болѣе, ни менѣе, какъ «an espensive, but otherwise inoffensive capital to the social column». Но въ результатѣ являлось не радостное ощущеніе гражданской свободы, а рядъ непрерывныхъ столкновеній государственной власти съ заносчивой и безпокойной аристократіей, съ буржуазіей, гордой своимъ богатствомъ, и съ духовенствомъ, склоннымъ къ интригамъ и раздорамъ.

Урокъ, вынесенный англійской націей изъ достославной ея революціи и оставшійся для нея на вѣки памятнымъ ***), заклю-

***) Разгадка тѣхъ явленій, которыми всегда сопровождаются великія возстанія народовъ, по видимому, можетъ быть найдена только въ свойствахъ, присущихъ „самой природѣ общества“. Послѣ сильнаго напряженія благороднѣйшихъ способностей человѣка и по достиженіи самыхъ возвышенныхъ цѣлей, настаетъ упадокъ силъ, а съ этимъ вмѣстѣ разнуздываются и всѣ интересы общества, которые подъ „свободою“ понимаютъ лишь ничѣмъ не ограниченный просторъ собственныхъ своихъ стремленій. Вслѣдъ за блистательнѣйшимъ успѣхомъ, доставшимся на долю всего общественнаго цѣлаго, человѣкъ начинаетъ подводить итоги того, что пришлось на долю его собственнаго *я*, служащаго

чался въ томъ, что самое справедливое возмущеніе общества противъ законной государственной власти все-таки составляетъ величайшее несчастіе, какое только можетъ постигнуть націю. Послѣ достославной революціи приходилось еще вѣдаться съ безконечнымъ рядомъ затрудненій, то-и-дѣло всплывавшихъ на поверхность изъ самой глубины народной жизни,—затрудненій, отъ которыхъ справедливая и мудрая монархическая власть, проникнутая сознаніемъ своихъ обязанностей, могла бы избавить англійскій народъ. Мы видимъ еще во второмъ поколѣніи, жившемъ при новомъ порядкѣ вещей, попытку открытаго возстанія. Лишь въ третьемъ поколѣніи настаетъ дѣйствительное исцѣленіе отъ золъ, вызванныхъ перемѣною династіи.

---

§ 41.

Регулированіе закономъ государственнаго верховенства.

Весь средневѣковой періодъ германской исторіи отмѣченъ стремленіемъ націи установить рядомъ съ наслѣдственной монархіей прочныя нормы, которыя регулировали бы отправленія королевской власти и обоюдно связывали бы какъ монарха, такъ и народъ. Къ концу среднихъ вѣковъ разработка этихъ нормъ настолько уже подвинулась на континентѣ, что создала *легальныя основы управленія* страною, что̀ и является главнѣйшимъ отличіемъ новѣйшаго государства какъ отъ среднихъ вѣковъ, такъ и отъ древняго міра. Въ Англіи продолжительная борьба противъ абсолютизма норманской королевской власти и цѣлое столѣтіе дурнаго управленія Стюартовъ были причиною особенно сильнаго развитія всякихъ законодательныхъ ограниченій власти, которыя въ XVIII столѣтіи достигаютъ крайняго своего предѣла. Эта законодательная регламентація обни-

---

средоточіемъ собственнаго его міра, и спрашиваетъ себя, много ли досталось на долю этого *я* изо всего блеска и благополучія, достигнутаго великимъ общественнымъ цѣлымъ. И недовольный тѣмъ, что итогъ этотъ оказывается такъ ничтоженъ, что въ немъ даже получается минусъ вмѣсто плюса, онъ поддается свойствамъ своей общественной природы, платитъ дань общечеловѣческому несовершенству и, послѣ того, какъ еще недавно умѣлъ возвыситься до пониманія самыхъ высокихъ и священныхъ предметовъ, теперь о великихъ вопросахъ судитъ съ самой низменной точки зрѣнія". (Gneist Preus. Finanzreform, 1881. S. 247).

маетъ всѣ сферы внутренней жизни государства и доходитъ, можно сказать, до крайней границы возможнаго.

I. Законъ, регулирующій *верховную власть государства въ военныхъ дѣлахъ*, основанъ на различіи, между двумя формами вооруженной силы: милиціей, представляющей собою обыкновенную организацію военныхъ силъ страны, и постоянной арміей, являющейся формою чрезвычайной.

Законы о милиціи въ XVIII столѣтіи являются лишь продолженіемъ той системы, которая была введена реставраціей, и въ нихъ явственно сказывается стремленіе поставить имущіе классы во главѣ вооруженныхъ силъ страны. Законы эти въ большинствѣ случаевъ съ однообразною обстоятельностью буквально повторяютъ статьи прежнихъ законовъ. Послѣ печальнаго опыта, доказавшаго малую пригодность милиціонныхъ войскъ, законъ, изданный въ 30-мъ году царствованія Георга, уменьшилъ численность этихъ войскъ до 30,740 человѣкъ. Но уже во 2-мъ году царствованія Георга III составъ милиціи снова былъ расширенъ, законъ былъ изданъ въ новой редакціи и милиція, послѣ нѣсколькихъ дополнительныхъ узаконеній, снова получила прежнюю организацію, которую и сохранила до 1802 г. Въ этихъ позднѣйшихъ законахъ численность милиціонныхъ войскъ, несущихъ дѣйствительную службу, опредѣлена въ 120,000 человѣкъ, численность же запасныхъ (дополнительныхъ) ополченій ограничена. При этомъ, само собою разумѣется, законъ устанавливаетъ не только правила для отбыванія личной милиціонной повинности, способъ жеребьевки и обстоятельства, дающія права на освобожденіе отъ службы, но также и составъ полковъ, батальоновъ и ротъ, образованіе штаба и сроки призыва войскъ для учебныхъ упражненій. Но прежде всего законъ устанавливаетъ правила, опредѣляющія составъ административныхъ коммиссій и цензъ для офицеровъ. На основаніи законовъ, изданныхъ во 2-мъ и 26-мъ годахъ правленія Георга III, лордъ-намѣстникъ въ каждомъ графствѣ назначаетъ 20 или болѣе Deputylieutenants съ цензомъ въ 200 ф. ст. поземельной собственности (freehold); въ менѣе значительныхъ графствахъ цензъ этотъ понижается до 150 фунтовъ. Онъ же назначаетъ полковниковъ съ цензомъ въ 1000 фунтовъ. или вдвое большимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда состоятельность ихъ опредѣляется только ожидаемымъ наслѣдствомъ. Цензъ для подполковника полагается въ 600 ф. стерлинговъ, для майора и капитана—въ 200 ф. (или въ 400 ф. для наслѣдника помѣстья и въ 600 ф. для младшаго сына землевладѣльца). Цензъ для поручика 50 ф. и въ 1000 ф. движимаго имущества (или 2000 ф. съ того и другаго рода имущества вмѣстѣ, или же 600 ф. для сына умершаго землевладѣльца); цензъ для прапорщика—20 ф. ст. или

500 ф. движимаго имущества. Нельзя представить себѣ болѣе рѣзкаго контраста, чѣмъ эту систему національнаго ополченія, если ее сравнить съ современной ей кантональной системой, существовавшей въ Германіи и сваливавшей все бремя личной военной службы на крестьянское сословіе и на низшіе слои городскаго населенія, при чемъ источникомъ для покрытія расходовъ по содержанію арміи служили сборы, взимавшіеся съ крестьянскихъ земельныхъ участковъ, и акцизные сборы въ городахъ [1]).

Столь же рѣзкій контрастъ со всѣми потребностями и воззрѣніями континента представляетъ и устройство *постоянной арміи* въ Англіи. Суровое военное управленіе Кромвеля, также какъ и попытки Іакова II низвергнуть конституцію страны, оставили послѣ себя неизгладимое предубѣжденіе противъ постоянной арміи, какъ противъ такого учрежденія, которое постоянно угрожаетъ конституціи и находится въ непримиримомъ антагонизмѣ съ правами государственныхъ чиновъ. Но такъ какъ постоянная армія все-таки была нужна для охраненія колоній и внѣшняго могущества Англіи, то, начиная съ 1688 г., армія, комплектовавшаяся посредствомъ вербовки, *была терпима* при нижеслѣдующихъ условіяхъ:

---

[1]) Насколько польза отъ милиціи, организованной по такой системѣ, была сомнительна, оказалось при вторженіи претендента въ Англію, въ 1745 г. Подобныя указанія опыта, въ связи съ продолжавшимся недовѣріемъ къ системѣ постоянныхъ армій, вызывали отъ времени до времени улучшенія въ организаціи милиціи и усиленіе ея состава. Но по минованіи обстоятельствъ, возбудившихъ тревогу, прежняя безпечность снова вступаетъ въ свои права. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка призывы ополченій и учебныя занятія ихъ снова были допущены во всѣхъ милиціяхъ, кромѣ Лондонской, пока опасеніе новаго непріятельскаго нашествія не привело въ 1756 г. къ рѣшенію образовать милицію менѣе многочисленную, но болѣе годную для боя. Вскорѣ послѣ того, однако, численность милиціи снова была увеличена до 120,000 человѣкъ. Организованное такимъ образомъ ополченіе все же было и оставалось непригоднымъ для непосредственнаго употребленія на полѣ сраженія; тѣмъ не менѣе ополченіе продолжало быть настолько многочисленнымъ, а постоянная армія оставалась такою ничтожною по своей численности, что между обоими этими элементами сохранялось приблизительное равновѣсіе какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Милиція еще разъ проявила себя въ качествѣ живой силы въ періодъ французскихъ войнъ. Въ 1793 и 1796 г. для усиленія ея состава была введена такъ-называемая supplementary militia. Но высшіе классы выказывали больше склонности къ образованію отрядовъ волонтеровъ. Первый законъ о волонтерахъ былъ изданъ въ 38-мъ году правленія Георга Ш. Четыре года спустя былъ изданъ законъ о формированіи конныхъ волонтерскихъ отрядовъ, такъ-называемой „yeomanry cavalry“. Впрочемъ, какъ въ организаціи дополнительныхъ милицій, такъ въ волонтерскихъ отрядахъ была удержана связь вооруженной силы страны съ собственностью: всѣ патенты на офицерскіе чины выдавались лордомъ-намѣстникомъ. Въ то время, когда Англіи угрожало вторженіе со стороны Франціи, крупные собственники собирали и вооружали даже цѣлые отряды волонтеровъ на свои собственныя средства. Дополнительная милиція, организованная на основаніи закона 1796 г., была мобилизирована весною 1798 г., но милиціонеры въ скоромъ времени были превращены въ источникъ, изъ котораго вербовались солдаты для постоянной арміи, на что парламентъ далъ свое разрѣшеніе съ извѣстными оговорками.

1) Требовалось ежегодное заявленіе, которымъ признавалось бы, что существованіе постоянной арміи въ мирное время *несогласно съ конституціей* (against law).

2) Требовалось также ежегодно повторяемое заявленіе, что армія эта ненужна для поддержанія государственнаго порядка, а лишь признается „подходящимъ средствомъ“ (convenient) для «сохраненія европейскаго разновѣсія».

3) Расходы на содержаніе этой арміи должны покрываться изъ ежегодно испрашиваемой субсидіи и такимъ образомъ они ставились въ зависимость отъ свободнаго *согласія нижней палаты*, которая вольна была въ нихъ и отказать.

4) Полномочія распоряженія этой арміей, для поддержанія въ ней дисциплины, ежегодно вотировались въ видѣ чрезвычайной мѣры парламентомъ, облекавшимъ ими короля посредствомъ такъ-называемаго Mutiny Act (порядокъ этотъ ведетъ свое начало со 2 года царствованія Вильгельма и Маріи); въ случаѣ отказа въ вотированіи этихъ полномочій со стороны парламента армія подлежала ipso jure распущенію.

5) Наконецъ, посредствомъ системы *покупки офицерскихъ патентовъ*, выработавшейся въ теченіи восемнадцатаго столѣтія, было достигнуто то, что всѣ офицерскія мѣста какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи были предоставлены младшимъ сыновьямъ правящихъ классовъ.

При этихъ ненормальныхъ условіяхъ ежегодный комплектъ арміи зависитъ отъ рѣшеній парламента, который изъ года въ годъ постановляетъ, какое количество солдатъ должно быть *навербовано* и содержимо подъ ружьемъ.

Главная цѣль каждой военной организаціи, огражденіе національной независимости отъ непріятельскихъ нападеній извнѣ, въ Англіи, благодаря ея островному положенію, достигается *военнымъ флотомъ*, который въ теченіи XVIII столѣтія по своимъ размѣрамъ и своей дѣятельности достигаетъ, наконецъ, того развитія, которое соотвѣтствуетъ географическимъ особенностямъ страны. Поэтому-то во флотѣ, представляющемъ въ Англіи нормальную систему обороны страны, и были приняты нѣкоторыя изъ тѣхъ началъ, которыя свойственны нормальной военной организаціи; тутъ основныя учрежденія, имѣющія постоянный характеръ, устанавливались законодательнымъ порядкомъ (начиная съ закона, изданнаго во 2-мъ году царствованія Вильгельма и Маріи)—и техническія частности опредѣлялись путемъ королевскихъ декретовъ, кабинетскихъ повелѣній и инструкцій [1a]).

[1a]) Англійское военное устройство, столь различное отъ того, что мы видимъ

II. Въ основѣ тѣхъ законовъ, которыми регулировалось *судебное верховенство*, было положено принципіальное различіе между административною стороною правосудія—судоустройствомъ и непосредственными отправленіями правосудія, завершающимися въ судебныхъ приговорахъ; выражаясь языкомъ римскаго права, то было различіе между imperium и jurisdictio.

Административная сторона судебнаго дѣла регулировалась закономъ лишь въ томъ, что касается немногихъ основныхъ учрежденій; рядомъ съ этими нормами, устанавливаемыми закономъ, существуетъ право короны издавать повелѣнія отъ своего лица и право лорда-канцлера, министра внутреннихъ дѣлъ и общегосударственныхъ судовъ издавать регламенты, что находитъ себѣ довольно широкое примѣненіе даже въ XIX столѣтіи.

За то все, что относится къ отправленіямъ правосудія въ непосредственномъ значеніи этого слова (нормы частнаго и уголовнаго права, составъ суда и порядокъ судоговоренія) основано частью на изстари существовавшихъ законахъ страны и на судебной практикѣ (common law), частью же на цѣломъ рядѣ законовъ, которые со временъ Эдуарда I издавались въ дополненіе къ common law и, подобно этому послѣднему, могли быть измѣнены лишь законодательнымъ порядкомъ. Организація судебнаго дѣла является и въ эту эпоху наиболѣе прочно установленной частью конституціи. Для высшихъ судебныхъ учрежденій, начиная съ царствованія Вильгельма III, снова вводится обычай пожизненнаго назначенія судей и обычай

на континентѣ, имѣетъ въ основѣ своей три аномаліи, которыя до извѣстной степени уравновѣшиваютъ одна другую: 1) англійская система, по которой цифра воинскаго контингента подлежитъ ежегодному измѣненію и въ которую входятъ Mutiny Bill, комплектованіе арміи посредствомъ вербовки и продажа офицерскихъ патентовъ, примѣнима только въ такой странѣ, которая употребляетъ свою армію главнымъ образомъ въ отдаленныхъ колоніяхъ и лишь изрѣдка принимаетъ активное участіе въ борьбѣ, возникающей на почвѣ европейскихъ междугосударственныхъ отношеній. 2) Милиція, которая во всякой другой странѣ не имѣла бы никакого значенія въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ Англіи, до извѣстной степени заключала въ средѣ своихъ офицеровъ военные элементы, благодаря тому, что колоніи и Остъ-Индскія владѣнія Англіи открывали англійскому джентри поприще для практической военной службы, на которомъ могли вырабатываться даже выдающіеся военные таланты. Не смотря на то, что внутреннія условія жизни страны легко могли способствовать изнѣженности нравовъ, въ правящемъ классѣ, такимъ образомъ, сохранялся военный духъ, поддержанію котораго способствовала также и система покупки мѣстъ въ арміи. 3) Нормальныя условія жизненности военной организаціи,—условія, безъ которыхъ въ концѣ-концовъ ни одна страна не можетъ обойтись, встрѣчаются въ Англіи въ устройствѣ флота, и тутъ связаны даже съ весьма крутою системою конскрипціи. Что же касается взгляда, по которому система ежегодно возобновляемыхъ mutiny bills считалась примѣнимою къ континентальнымъ государствамъ Европы и принималась даже за образцовое „конституціонное“ учрежденіе, то такой взглядъ можетъ служить образчикомъ грубыхъ заблужденій, встрѣчающихся при попыткахъ пересадить учрежденія одной какой-либо страны на другую почву.

этотъ былъ освященъ закономъ посредствомъ такъ-называемаго Act of settlement.

Институтъ присяжныхъ упрочивается законодательными постановленіями, регулирующими порядокъ составленія списковъ и возлагающими завѣдываніе этимъ дѣломъ на должностныхъ лицъ общины (Will. III c. 32; 3 Geo. II, c. 25). Цензъ присяжныхъ былъ установленъ закономъ, изданнымъ въ 4 и 5 годахъ царствованія Вильгельма и Маріи, въ 10 ф. земельной собственности freehold или copyhold; позднѣйшимъ закономъ былъ также введенъ цензъ, которымъ къ званію присяжныхъ допускались фермеры, арендующіе пожизненно участокъ земли стоимостью не менѣе 20 ф. Принципъ, что судьи должны постановлять свои рѣшенія лишь на основаніи *законовъ* и что они имѣютъ право *самостоятельно* толковать тѣ законы, которыми мотивируются эти рѣшенія, признается и въ Англіи такъ же, какъ и въ Германіи [2]).

III. Что касается регулированія *полицейской власти* путемъ закона, то въ этой области законодательство еще во времена Тюдоровъ и Стюартовъ разрослось въ цѣлую массу спеціальныхъ постановленій, обнимавшихъ полицію безопасности, промысловъ, нравовъ, рабочую полицію, законы противъ роскоши, призрѣніе бѣдныхъ, пути сообщенія и т. п.; по своей обширности законодательство этого рода можетъ поспорить съ нѣмецкими полицейскими постановленіями, общеимперскими и областными. Широко заложенное основаніе съ теченіемъ времени расширяется все болѣе и болѣе, такъ какъ каждое измѣненіе можетъ совершаться лишь путемъ парламентскихъ постановленій. Но при всемъ томъ, законодательство это оказывается недостаточнымъ и во множествѣ пунктовъ требуетъ дополненій, для чего приходится возстановлять стариинныя полицейскія полномочія, которыми административная практика и common law облекали мировыхъ судей, коронеровъ, констаблей и другихъ должностныхъ лицъ судебно-мировой организаціи. Стремленіе устранить, по возможности, произволъ должностныхъ лицъ въ этой области было осуществимо лишь отчасти, а потому даже въ спеціальныхъ полицейскихъ законахъ нельзя было избѣжать введенія такихъ статей, которыми въ извѣстныхъ случаяхъ должностныя лица облекались дискреціонными полномочіями (empowering clauses). Тѣ общія статьи (General clausel), которыя считались необходимыми въ германскомъ полицейскомъ управленіи, въ Англіи большею частью воспроизводятся въ полномочіяхъ мировыхъ судей,

---

[2]) О подробностяхъ организаціи судебнаго дѣла см. Gneist, Engl. Verwaltungsrecht II, cap. 6. О дальнѣйшемъ развитіи права регламентаціи въ области судебно-административной см. Gneist, Verwaltungsjustiz, § 6.

основанныхъ на common law. Спеціальныя потребности полицейскаго управленія, имѣющія чисто мѣстный характеръ, удовлетворяются посредствомъ законовъ, относящихся только до этихъ мѣстностей, а также, въ ограниченныхъ размѣрахъ, обязательными постановленіями, издаваемыми мѣстными учрежденіями въ округахъ и мѣстечкахъ (bye laws). Такъ напримѣръ въ Лондонѣ и во многихъ провинціальныхъ городахъ было издано множество мѣстныхъ постановленій, имѣвшихъ силу закона и направленныхъ къ удовлетворенію настоятельнѣйшихъ потребностей по пожарной и строительной части, по мощенію и освѣщенію улицъ, по очисткѣ городовъ отъ нечистотъ, по водоснабженію, устройству ночныхъ карауловъ и украшенію городовъ.

Характеристичною чертою разсматриваемаго времени является то вліяніе, которое *сословный интересъ правящаго джентри* оказываетъ на полицейское законодательство. Особенно замѣтно это вліяніе въ *законахъ объ охотѣ*, которые отличаются крайней ни съ чѣмъ несообразной суровостью, доходящею въ примѣненіи къ наиболѣе тяжкимъ случаямъ браконьерства до угрозы смертною казнью. Затѣмъ то же вліяніе сказывается и въ *законодательствѣ о бѣдныхъ*, которое, уже начиная съ царствованія Карла II, въ видахъ облегченія крупныхъ землевладѣльцевъ отъ падающихъ на нихъ расходовъ по призрѣнію бѣдныхъ, допускаетъ дѣленіе приходовъ на мелкія мѣстечки и поселки. Безсердечное отношеніе къ бѣднымъ въ законахъ, регулирующихъ права приписки къ общинамъ и права общинъ изгонять членовъ изъ своей среды, сказывается въ законахъ изданныхъ въ 13 и 14 гг. правленія Карла II; затѣмъ та же тенденція преобладаетъ и при Іаковѣ II и окончательно упрочивается закономъ, изданнымъ въ 12 году правленія Анны. Дальнѣйшій рядъ законодательныхъ постановленій тоже имѣетъ предметомъ своимъ право приписки къ общинѣ, которое обставляется все большими и большими стѣсненіями. Совершенно тѣмъ же духомъ проникнутъ и законъ, изданный въ 3—4-мъ году царствованія Вильгельма и Маріи и отнимающій отъ общины право избранія надсмотрщиковъ за дорогами, чтобы передать назначеніе на эту должность въ руки мировыхъ судей. Впрочемъ и въ сводѣ постановленій о путяхъ сообщенія, изданномъ въ 13-мъ году правленія Генриха III, сохранена смѣшанная система повинности натурою (конной и пѣшей) и денежныхъ сборовъ на содержаніе дорогъ.—Наконецъ, одною изъ характеристичныхъ особенностей этой эпохи является стремленіе установить порядокъ инстанцій для мировыхъ судовъ и процедуру послѣднихъ, при чемъ приговорамъ мировыхъ судей 1-й и 2-й инстанціи въ большинствѣ случаевъ придается характеръ *окончательныхъ* рѣшеній, а содѣйствіе констеблей и другихъ чиновниковъ при исполненіи этихъ рѣшеній

обезпечивается рядомъ карательныхъ мѣръ, угрожающихъ за упущенія подобнаго рода случаяхъ; благодаря упомянутымъ постановленіямъ, масса полицейскихъ законовъ разростается еще болѣе [3]).

IV. Въ основѣ законовъ, регулирующихъ *финансовое* верховенство, все еще лежитъ различіе между обыкновенными и чрезвычайными доходами короля (Blackstone I, c. 8).

Въ такъ-называемое ordinary revenue входятъ старинныя наслѣдственныя статьи дохода короля и доходы съ государственныхъ имуществъ, которыми король можетъ пользоваться независимо отъ разрѣшенія парламента. Эти государственныя имущества, правда, значительно уменьшились, вслѣдствіе отчужденія коронныхъ земель, совершившагося въ громадныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе отмѣны ленныхъ податей и т. п.; теперь они представляютъ лишь слабое подобіе исчезнувшаго величія. И все же они были бы достаточны для содержанія королевскаго двора, еслибы въ управленіе ими былъ введенъ строгій порядокъ; но вслѣдствіе неразсчетливаго хозяйничанья этими доходами, коронныя имущества при Георгѣ III оказались обремененными такими громадными долгами, что король предпочелъ формальнымъ договоромъ предоставить управленіе этими имуществами парламенту и взамѣнъ ихъ выговорить себѣ опредѣленную

---

[3]) Полицейское законодательство Англіи представляетъ такое необъятное поле, что дать о немъ понятіе читателю можно лишь представивъ картину судебно-мировыхъ учрежденій въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь дѣйствуютъ. (См. Gneist, Selfgovernement, III, изд. 1871 г., гл. 5, стр. 189 — 517, а также относящіеся къ этому предмету отдѣлы главы о полицейскомъ управленіи въ городахъ (§ 107), о полиціи общественнаго призрѣнія (§ 119), о санитарной полиціи (гл. 11) и о дорожной полиціи (§ 140). Обширность этого законодательства объясняется особенностями административной юрисдикціи въ Англіи. При томъ юрисдикціонномъ характерѣ, который придавался распоряженіямъ полицейскаго свойства, необходимо устанавливать весьма точныя нормы для рѣшеній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; съ другой стороны, для практическихъ надобностей мировыхъ судей, ихъ клерковъ и подчиненныхъ имъ мелкихъ должностныхъ лицъ, необходимо было, чтобы въ области каждаго даннаго конкретнаго вопроса нормы, которыми надлежало руководиться примѣнительно къ тому или другому случаю, были изложены по возможности полно, наглядно и притомъ такъ, чтобы ихъ безъ труда можно было отыскать. Законодательство о бѣдныхъ въ эту эпоху до такой степени сложно, что оно становится понятнымъ лишь при подробномъ изложеніи. Сводъ постановленій о дорожномъ дѣлѣ, изданный въ 1773 г., хотя и удерживаетъ еще пѣшую и конную повинность натурою, но уже допускаетъ замѣнъ повинности необременительными денежными взносами, а вмѣсто поставки необходимыхъ матеріаловъ прямо вводитъ дорожную подать. (Сохранилась смѣта, относящаяся къ 1814 г., въ которой стоимость работы натурою разсчитана въ 551,095 ф. ст., цифра взносовъ, уплачиваемыхъ за освобожденіе отъ натуральной повинности, предположена въ 287,000 ф., а дорожная подать—621,504 ф.) Потребность въ шоссейныхъ дорогахъ, уже дававшая себя чувствовать, вызвала рядъ мѣстныхъ постановленій, которыми учреждались коммиссіи для завѣдыванія этими сооруженіями; въ составъ коммиссій входятъ мировые судьи и лица, заинтересованные въ проведеніи сказанныхъ дорогъ. Кромѣ того, на 13-мъ году царствованія Георга III, былъ изданъ общій законъ о шоссейныхъ путяхъ сообщенія.

сумму изъ государственныхъ доходовъ (liste civile 1 Geo III, c. 1). Эта сдѣлка, долженствовавшая оставаться въ силѣ лишь при жизни Георга, при восшествіи на престолъ его преемника была возобновлена на видоизмѣненныхъ условіяхъ, но все же она имѣла характеръ лишь временнаго договора, сохраняющаго за короною право, при каждой перемѣнѣ царствованія, взять управленіе наслѣдственными доходами короля снова въ свои руки. (May. Const. Hist. c. 4).

Что касается extraordinary revenue, то сюда входятъ всѣ вотируемые парламентомъ доходы съ прямыхъ налоговъ, пошлинъ и акцизовъ. Между тѣмъ значительное возрастаніе постоянныхъ потребностей государства въ XVIII столѣтіи и возникновеніе государственнаго долга не дозволяли уже болѣе ставить хозяйство государства въ зависимость отъ субсидій, періодически утверждаемыхъ парламентомъ; къ тому же сама нижняя палата не нуждалась больше въ правѣ такого утвержденія субсидій, какъ въ средствѣ для обезпеченія за собою вліянія. Поэтому, въ теченіи XVIII столѣтія всѣ виды субсидій, бывшіе до сихъ поръ въ ходу, мало-по-малу перешли въ постоянные налоги; тѣ подати и пошлины, которыя подлежатъ взиманію на этомъ основаніи, уже не «разрѣшаются» парламентомъ, а прямо поступаютъ въ государственное казначейство *въ силу закона*. Лишь послѣ того, какъ былъ введенъ подоходный налогъ въ его новѣйшемъ видѣ, а таможенныя пошлины подверглись регулированію въ законодательномъ порядкѣ, была снова допущена колеблющаяся цифра для извѣстной части прямыхъ налоговъ и для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей таможенныхъ пошлинъ, такъ что отъ $^1/_{10}$ до $^1/_7$ доходовъ были поставлены въ зависимость отъ періодическихъ разрѣшеній парламента.

Регулированіе пошлинъ и налоговъ посредствомъ закона внесло самую строгую спеціализацію и въ финансовые законы, въ которыхъ предметы обложенія, его цѣли, способы взиманія налоговъ и размѣры послѣднихъ были опредѣлены съ точностью, доходившею до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Вліяніе правящихъ классовъ сказывается въ этой области отклоненіемъ всякой попытки введенія новаго кадастра; благодаря этой мѣрѣ старая land tax постепенно упраздняется. Съ другой стороны то же вліяніе правящихъ сословій умножаетъ и усиливаетъ не въ мѣру налоги на предметы потребленія и таможенныя пошлины; послѣднія усиливаются такъ же въ интересахъ крупной промышленности и землевладѣнія [4]).

---

[4]) Таможенныя пошлины были превращены въ постоянные легально утвержденные налоги закономъ, изданнымъ въ 9-мъ году правленія Анны, въ 1-мъ году цар-

Строгое регулированіе налоговъ путемъ закона распространяется также на общинные налоги, въ которыхъ какъ субъекты и объекты и обложенія, такъ и способъ взиманія налоговъ съ величайшею точностью опредѣлены нѣсколькими сотнями законодательныхъ постановленій и судебною практикой; органы общиннаго управленія не пользуются никакой автономіей въ дѣлѣ установленія податныхъ нормъ; имъ предоставляется только составлять ежегодную смѣту расходовъ и участвовать въ раскладкѣ податей.

V. Наконецъ церковное верховенство, главенство короля продолжаетъ регулировать законами «Supremacy» и «Uniformity Acts», изданными при Елизаветѣ, а также дополнительными законами реставраціи; при этомъ, въ видахъ огражденія государственной власти отъ возможныхъ захватовъ со стороны органовъ церковнаго управленія были сохранены законы, касавшіеся такъ-называемаго praemunire и отчужденія помѣстій de main morte, а также нѣкоторыя другія, сюда относящіяся законоположенія. Законъ о соединеніи Шотландіи съ Англіей присовокупляетъ къ этому статью, обезпечивающую неизмѣняемость организаціи англиканской церкви [5]).

Не взирая на обширность сферы, охватываемой этимъ законодательствомъ, право королевской власти издавать повѣленія, стоявшее первоначально въ отношеніяхъ соперничества къ закону, сохранилось

ствованія Георга I и въ 3-мъ году правленія того же короля. Съ закономъ, изданнымъ въ 27-мъ году царствованія Георга III, начинается введеніе систематическихъ таможенныхъ тарифовъ. Старыя субсидіи, сборы одной десятой и одной пятнадцатой были обращены въ 4-мъ году царствованія Вильгельма и Маріи въ постоянную подать, при чемъ обложеніе движимаго имущества было почти совсѣмъ упразднено и лишь такъ-называемая Land Tax была распредѣлена между графствами и 63 городами. Въ 1797 г. эта подать была замѣнена такъ-называемой property and income tax, норма которой была установлена закономъ, но пропорціи подлежали измѣненіямъ. Налогъ съ домовъ и съ оконъ былъ обращенъ въ постоянную подать еще въ 7-мъ году царствованія Вильгельма III. Равнымъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ возрастали финансовыя потребности, вводились такъ-называемыя assessed taxes [т. е. особая группа налоговъ на предметы потребленія, на роскошь и на промыслы); налоги этого разряда были сгруппированы и окончательно установлены закономъ, изданнымъ въ 47 году правленія Георга III. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть объ особо существовавшихъ штемпельныхъ сборахъ. [См. Bocke, Gesch. der Steuern des Brit. Reichs. Leipzig]. Что касается того мнимо-конституціоннаго принципа, въ силу котораго будто бы всѣ доходы, получаемые государственною властью, должны быть ежегодно утверждаемы парламентомъ, то происхожденіе этого принципа въ Германіи объясняется нестолько примѣромъ Англіи, сколько смѣшеніемъ старыхъ субсидій, періодически вотировавшихся государственными чинами, съ современною системою налоговъ, регулируемыхъ закономъ; только эта послѣдняя система можетъ быть допущена и представляется практически осуществимой при теперешнихъ экономическихъ условіяхъ и при современномъ строѣ государственной жизни. Постоянное смѣшеніе системы разрѣшенія субсидій съ законами, касающимися налоговъ, является неистощимымъ источникомъ смѣшенія понятій.

[3]) См. Gneist, Engl. Verw. Recht, II сар. VIII, и ниже § 47.

по прежнему. Дѣятельность высшаго правительства при всевозможныхъ стараніяхъ никогда не можетъ быть исчерпывающимъ образомъ опредѣлена въ законодательствѣ; общество постоянно нуждается въ предписывающей или воспрещающей дѣятельности государственной власти, при чемъ самые поводы въ такого рода вмѣшательства измѣняются смотря по условіямъ времени и мѣстности. Эти предписанія и запрещенія, издаваемыя въ примѣненіи къ единичнымъ случаямъ, правительство можетъ распространить путемъ королевскихъ повелѣній и на однородные случаи. И такъ потребности гражданской жизни остаются неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго право королевской власти издавать повелѣнія постоянно заново почерпаетъ свою силу. Но вслѣдствіе недовѣрія, порожденнаго дурнымъ управленіемъ Стюартовъ, во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ правительственная власть приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ личностью или имуществомъ гражданъ, англійское законодательство страдаетъ такой черезмѣрной спеціализаціей и область внутренняго управленія до такой степени загромождена законами, разросшимися несоразмѣрно съ требованіями жизни, что для права повелѣній, издаваемыхъ по самостоятельному почину королевской власти, остается весьма мало простора и даже англійскіе юристы были недалеки отъ ошибочнаго воззрѣнія, по которому право издавать повелѣнія считается примѣнимымъ лишь тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ „исполненіи законовъ“. Вслѣдствіе этого благодѣтельныя стороны управленія, регулированнаго закономъ, превращались въ тяжкое стѣсненіе, придававшее англійской административной машинѣ весьма неуклюжій ходъ. Неудобство это устранялось лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ между парламентомъ и министерствомъ устанавливались отношенія, проникнутыя большимъ взаимнымъ довѣріемъ (§ 48) *).

*) Что соотношеніе между закономъ и королевскимъ повелѣніемъ осталось и въ Англіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно успѣло выработаться къ концу среднихъ вѣковъ—это доказано въ моемъ сочиненіи: Verwaltung, Justiz, Rechtsweg (1869 г.) § 6, стр. 69. Лишь отправленія гражданскаго и уголовнаго правосудія вращаются исключительно въ предѣлахъ, указанныхъ законодательствомъ, въ области же административныхъ задачъ королевское повелѣніе сохраняетъ и для подданныхъ и для различныхъ правительственныхъ учрежденій обязательную силу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законодательство еще не успѣло ихъ предусмотрѣть. Но предусмотрительность этого рода была въ Англіи такъ детальна, что даже у Блэкстона о правѣ королевскихъ повелѣній говорится лишь какъ о второстепенномъ, дополняющемъ факторѣ. Что касается формъ, въ которыхъ издавались королевскія повелѣнія, то онѣ приблизительно соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя были приняты въ Германіи. Сказанныя повелѣнія появляются либо въ торжественной формѣ королевскаго декрета, контрассигнованнаго всѣми министрами (Order in Council), либо въ формѣ распоряженія, исходящаго изъ кабинета и контрассигнованнаго главою одного какого-нибудь министерства (warrant),

§ 42.

III. Связь государственнаго верховенства съ общинными учрежденіями. Система самоуправленія.

Такъ какъ верховная власть въ примѣненіи своихъ правъ должна была сообразоваться съ географическими округами, на которые дѣлилась страна, то государство нуждалось въ исполнительныхъ органахъ, которые дѣйствовали бы во всѣхъ этихъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ дѣленіяхъ,—въ графствахъ, сотняхъ, городахъ, приходахъ и мѣстечкахъ. Въ Англіи, еще начиная съ англо-норманскаго періода, правительство постоянно стремилось возложить обязанности этого рода вмѣсто префектовъ—областныхъ, окружныхъ и завѣдывавшихъ отдѣльными мѣстечками (Viecsomites, bailffs)--на самыя общины, а при дальнѣйшемъ развитіи учрежденій, сказанныя обязанности преимущественно возлагались на единичныхъ чиновниковъ, избираемыхъ изъ числа постоянныхъ жителей данной мѣстности. Между тѣмъ англійскія общины не имѣютъ права распоряжаться въ дѣлахъ, касающихся полицейскаго благоустройства, общественнаго призрѣнія, налоговъ и т. п., по собственному усмотрѣнію пользуются закономъ установленными правами власти, лишь въ качествѣ посредствующихъ должностныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ государства; взысканіе и расходованіе налоговъ производится ими на основаніи нормъ, предписанныхъ закономъ, и для цѣлей, указанныхъ тоже законодательствомъ. Такимъ образомъ англійское selfgovernement выработало систему *должностей* и *налоговъ*, регулированныхъ закономъ.

Хотя эту систему и принято обозначать выраженіемъ selfgovernement (выраженіе, смыслъ котораго и въ самой Англіи никогда не былъ точно опредѣленъ закономъ), но все же необходимо дѣлать различіе между самоуправленіемъ на правахъ власти, уполномоченной центральнымъ правительствомъ (что преимущественно и подразумѣвалось, когда рѣчь идетъ объ англійскомъ selfgoverne-

---

либо, наконецъ, въ формѣ полномочія на изданіе обязательныхъ постановленій (Ministerial regulative)—полномочія, всего чаще выдаваемаго на имя Secretary of State. Равнымъ образомъ дѣленіе актовъ этого рода на самостоятельныя повелѣнія, на повелѣнія, касающіяся примѣненія законовъ и на такія, которыя спеціально оговорены въ законодательствѣ для случаевъ извѣстнаго рода, имѣетъ въ Англіи то же значеніе, какъ и въ Германіи. За то область повелѣній, касающихся полицейскаго благоустройства въ мѣстечкахъ и округахъ, гораздо болѣе съужена чѣмъ къ Германіи.

ment) и такимъ *экономическимъ* самоуправленіемъ, центръ тяжести котораго лежитъ въ системѣ общинныхъ налоговъ, назначаемыхъ и расходуемыхъ по усмотрѣнію самой общины.

I. **Самоуправленіе на правахъ власти**, уполномоченной центральнымъ правительствомъ, связано съ системою высшихъ должностей, которыя возникли отчасти еще въ средніе вѣка и компетентность которыхъ опредѣлялась частью на основаніи comma и law, частью же посредствомъ законоположеній, издаваемыхъ парламентомъ. Англійское центральное правительство, вплоть до новѣйшихъ временъ, не имѣло другихъ органовъ въ провинціальномъ, областномъ, окружномъ управленіи и въ отдѣльныхъ мѣстечкахъ, кромѣ этихъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ въ то же время членами общиннаго союза данной мѣстности. Поэтому-то всѣ сказанныя должности имѣютъ ту общую черту, что въ нихъ нѣтъ никакой примѣси патримоніальной юстиціи или помѣстной полицейской власти, онѣ разсматриваются какъ чисто *государственная служба*; лица, занимающія ихъ, подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности, подчинены надзору высшаго правительства, подчинены его дисциплинарной власти, обязаны повиноваться его повелѣніямъ и могутъ быть увольняемы по его усмотрѣнію; словомъ, они поставлены въ положеніе, довольно близко напоминающее то, что въ Германіи извѣстно подъ названіемъ «посредствующихъ должностныхъ лицъ государственной службы». Должности эти вижеслѣдующія:

1) Должность шерифа, Vicecomes, насчитывающая тысячелѣтнюю давность. Хотя она съ вѣками и утратила многія важныя функціи, которыя были присвоены ей первоначально, но все же она продолжаетъ существовать въ качествѣ низшей судебной инстанціи, на которой лежитъ обязанность вызововъ къ суду, продажи имущества по судебнымъ приговорамъ и приведенія въ исполненіе приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ; при этомъ шерифу же предоставлено предсѣдательство въ «судѣ графства», все еще продолжающемъ существовать номинально; ему принадлежитъ первое почетное мѣсто въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ оффиціальной жизни и онъ сохраняетъ многія другія преимущества, напоминающія о томъ положеніи, которое онъ когда-то занималъ въ качествѣ намѣстника королевской власти. Должность шерифа ежегодно замѣщается кѣмъ-нибудь изъ наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ графства *).

*) „Гражданскій судъ“ шерифа, въ томъ, что касается главнѣйшихъ его отправленій, возведенъ на степень низшей инстанціи, завѣдывающей вызовами къ суду, исполненіемъ судебныхъ приговоровъ и созывомъ жюри. Для этихъ текущихъ дѣлъ шерифъ назначаетъ съ своей стороны, на тотъ годичный срокъ, въ теченіи котораго самъ онъ остается въ должности такъ-называемаго Undersheriff, который является его замѣстителемъ. Камера Undersheriff'a пред-

2) Lord Lieutenant, къ которому теперь перешла роль намѣстника королевской власти въ графствѣ. На должность эту назначаются знатнѣйшіе изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и на практикѣ назначенія бываютъ пожизненныя. Лорду-намѣстнику присвоено право назначать офицеровъ милиціи, а также коммиссаровъ, завѣдующихъ административною частью милиціи графства; эта послѣдняя должность большею частью совпадаетъ съ должностью мироваго судьи; съ другой стороны и лордъ-намѣстникъ постоянно имѣетъ званіе *старшаго* мироваго судьи, такъ-называемаго custos rotulorum.

3) Должность *мироваго судьи*, Justice of the Peace, исправляемая на основаніи королевскаго полномочія завѣдывать дѣлами полицейскаго благоустройства. Должность эта является, собственно говоря, душою окружнаго управленія и обязанности, присвоенныя ей, охватываютъ такую массу дѣлъ, что ихъ почти невозможно перечислить; мировой судья руководитъ предварительными слѣдствіями, творитъ судъ и расправу по дѣламъ судебно-полицейскаго свойства, разсматриваетъ въ качествѣ высшей инстанціи дѣла общинъ въ мѣстечкахъ; онъ же завѣдуетъ управленіемъ округа, наконецъ, съѣзды мировыхъ судей, происходящіе черезъ каждые три мѣсяца, дѣйствуютъ въ качествѣ уголовнаго суда съ присяжными.

4) Должность «coroner'a», главная обязанность котораго состоитъ въ произведеніи разслѣдованья въ случаяхъ смерти, наступившей при необычайныхъ условіяхъ. Въ этого рода слѣдствіяхъ coroner'у помогаетъ жюри, составленное изъ обывателей, ближайшихъ къ мѣсту происшествія. По странной аномаліи coroner'ы не назначаются королемъ, а избираются всею совокупностью freeholders въ графствѣ.

Въ подчиненномъ отношеніи къ этимъ высшимъ должностямъ мѣстнаго selfgovernement стоитъ должность констэбля **). Затѣмъ,

---

ставляетъ нѣчто въ родѣ центральнаго бюро, изъ котораго исходятъ всѣ распоряженія по текущимъ дѣламъ, приводимыя въ исполненіе такъ-называемыми bailliffs of hundreds; но вмѣсто этихъ послѣднихъ опять-таки большинство отдѣльныхъ обязанностей исполняются судебными приставами, которые принимаются на службу по договору, имѣющему характеръ вольнаго найма (bound-bailliffs). Такимъ образомъ устанавливается порядокъ дѣлопроизводства, напоминающій тотъ, исполнителями котораго служатъ французскіе huissiers. На отвѣтственности шерифа равнымъ образомъ лежитъ назначеніе персонала служащихъ при тюрьмахъ графства. Изъ вышесказаннаго видно, что главное значеніе должности шерифа состоитъ въ томъ, что онъ назначаетъ по своему выбору извѣстное число низшихъ чиновниковъ, персоналъ которыхъ черезъ это изъятъ отъ вліянія смѣняющихся министерствъ.

**) Въ непосредственномъ подчиненіи персоналу мировыхъ судей состоитъ въ качествѣ окружнаго старосты такъ-называемый high constable, главная обя-

въ роли чиновниковъ низшаго разряда, хотя и сохраняющихъ извѣстную самостоятельность, выступаютъ церковные старосты, надсмотрщики по дѣламъ общественнаго призрѣнія и надсмотрщики за дорогами; всѣ эти лица, по лежащимъ на нихъ обязанностямъ, принадлежатъ къ сферѣ экономическаго самоуправленія.

Весьма важнымъ связующимъ звеномъ въ этой системѣ должностей являются нижеслѣдующіе факторы:

Непосредственное участіе среднихъ классовъ въ *гражданскомъ* жюри, а также въ жюри, *постановляющемъ приговоры* во время уголовныхъ ассизовъ и періодическихъ съѣздовъ мировыхъ судей.

Участіе жюри въ постановленіяхъ о *преданіи суду* на ассизахъ и на четверть-годичныхъ съѣздахъ мировыхъ судей.

Участіе всего населенія въ обязанности *являться обвинителями* нарушеній закона и *свидѣтельствовать* на судѣ, при чемъ мировыми судьями противъ лицъ, уклоняющихся отъ этой обязанности, принимаются принудительныя мѣры.

Наконецъ, сюда же относится дѣятельность въ коммиссіяхъ, производящихъ *раскладку* land-tax; со времени междоусобной войны какъ персоналъ этихъ коммиссій, такъ и дѣлопроизводство въ нихъ все болѣе и болѣе сливаются съ судебно-мировыми учрежденіями. Та же система распространяется и на assessedtaxes, а также и на подоходный налогъ, введенный въ концѣ восемнадцатаго столѣтія Питтомъ.

Самостоятельность высшихъ должностныхъ лицъ selfgovernement'a, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая независимость управленія общинъ основаны не на свободѣ, предоставленной рѣшеніямъ тѣхъ и другихъ и не на автономіи въ томъ видѣ, въ какомъ она въ предшествующія столѣтія сложилась въ Германіи для провинцій и округовъ, для городскихъ и сельскихъ общинъ. Самостоятельность англійскаго selfgovernement опирается главнымъ образомъ на то *почетное положеніе*, которое занимаютъ лица, исполняющія вышеуказанныя должности; благодаря имущественнымъ своимъ усло-

---

занность котораго заключается въ исполненіи такихъ приказаній мировыхъ судей, которыя обращаются къ нѣсколькимъ констэблямъ низшаго разряда. Что касается старостъ въ мѣстечкахъ, petty constables, то хотя они и сохраняютъ старые аттрибуты своей должности, въ качествѣ самостоятельно-дѣйствующихъ охранителей общественной тишины и спокойствія, имѣющихъ даже право производить аресты собственною властью, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ роль мировыхъ судей въ управленіи получаетъ все большее и большее значеніе, petty constables все болѣе превращаются въ простыхъ исполнителей декретовъ, приказаній и приговоровъ, исходящихъ какъ отъ отдѣльныхъ мировыхъ судей, такъ и отъ мировыхъ съѣздовъ, на которые констэбли обязаны регулярно являться для представленія своихъ presentments и отчетовъ. Послѣ того, какъ старые courts leet пришли въ упадокъ, было принято за правило, чтобы констэбли постоянно назначались мировыми судьями.

віямъ, должностныя лица эти въ большинствѣ случаевъ сохраняютъ полную судейскую независимость; это-то обстоятельство въ связи съ административной юрисдикціей, успѣвшей выработаться къ концу восемнадцатаго столѣтія (§ 43), сдѣлало то, что должностныя лица, служившія единственно изъ-за чести, могли быть въ большинствѣ случаевъ привлекаемы къ отвѣтственности лишь на основаніи закона и судебнымъ порядкомъ.

II. Что касается *экономическаго самоуправленія*, то оно прежде всего коренится въ общности экономическихъ интересовъ небольшихъ сельскихъ общинъ и въ церковныхъ нуждахъ, религіозной общины, группирующейся вокругъ приходской церкви; при этомъ необходимо замѣтить, что именно церковная община въ Англіи служила ядромъ всей организаціи общиннаго управленія. Тѣмъ не менѣе законодательство уже очень рано начало регулировать путемъ общихъ постановленій важнѣйшія и наиболѣе существенныя изъ отправленій полиціи экономическаго благоустройства, въ особенности же все, касавшееся призрѣнія бѣдныхъ, дорогъ и мостовъ. Въ связи съ этимъ находится и введеніе *денежнаго хозяйства*, совершившееся въ англійскихъ общинахъ уже довольно давно. Такимъ образомъ центромъ тяжести экономическаго самоуправленія является система *общинныхъ налоговъ*, которые въ восемнадцатомъ столѣтіи распадаются на слѣдующія пять категорій:

1) Church Rate,—церковный налогъ, сохранившій еще нѣсколько болѣе автономный характеръ, чѣмъ остальные; налогъ этотъ ежегодно утверждается собраніемъ всѣхъ членовъ общины сообразно со смѣтою необходимыхъ расходовъ, вычисленныхъ на этотъ годъ; по образцу церковнаго налога впослѣдствіи выработалась и система налога для бѣдныхъ.

2) Poor Rate по закону Елизаветы; размѣры этого налога устанавливаются, смотря по надобности, надсмотрщиками по дѣламъ общественнаго призрѣнія. Въ 1748—1750 гг. онъ доходилъ уже до средней цифры 730,000 ф. ст. въ годъ; въ періодъ между 1783—1785 гг. цифра эта возрасла до 2,000,000 ф. ст., а въ 1801 г. до 4,000,000 ф. ст.

3) Country Rate; налогъ этотъ былъ окончательно установленъ въ 12-мъ году царствованья Георга II какъ источникъ для покрытія расходовъ по содержанію окружныхъ судовъ и полиціи; взимался онъ на основаніи той же нормы, какъ и налогъ для бѣдныхъ и цифра его къ концу столѣтія доходила приблизительно до 200,000 ф. ст.

4) Boroagh Rate,—налогъ, взимавшійся на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и предыдущій и предназначавшійся на содержаніе судовъ и полиціи въ городахъ.

5) Highway Rate, служившій дополненіемъ къ пѣшей и конной натуральной повинности по исправленію дорогъ; въ восемнадцатомъ столѣтіи онъ достигъ уже значительныхъ размѣровъ, во всякомъ случаѣ превышавшихъ 500,000 ф. ст.

Нѣсколькими сотнями законоположеній, а также судебною практикою всѣмъ этимъ налогамъ былъ приданъ характеръ податей съ недвижимаго имущества, взимаемыхъ «со всякой явной, приносящей доходъ собственности, которую плательщикъ имѣетъ въ общинѣ». По вычисленію, произведенному позднѣе (въ одномъ Report 1843 г.) раскладкою этихъ налоговъ было занято ежегодно не менѣе 180,000 должностныхъ лицъ общиннаго управленія. Общая же сумма этихъ налоговъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія превышала болѣе, чѣмъ въ четыре раза прежній государственный поземельный сборъ, уже успѣвшій къ тому времени устарѣть, и доходила въ 1803 г. до 5,348,000 ф. ст.

Въ связи съ только-что отмѣченными налогами находятся должности *надсмотрщиковъ за дорогами и за дѣлами общественнаго призрѣнія*, возникшія еще въ періодъ Тюдоровъ и сохранившія нѣсколько болѣе самостоятельное положеніе именно въ виду тѣхъ платежей, которые лежали на общинахъ мѣстечекъ. Главная обязанность упомянутыхъ должностныхъ лицъ состояла въ раскладкѣ, взиманіи и расходованіи мѣстныхъ налоговъ, а также въ созывѣ приходскихъ собраній для постановленія рѣшеній по этимъ сборамъ.

Затѣмъ, рядомъ съ этими общинными должностями и въ связи съ общинными налогами существуютъ *собранія членовъ общины*, которыя и служатъ органами экономическаго самоуправленія. Возникновеніе приходскихъ собраній первоначально было обусловлено церковною податью, такъ какъ послѣдняя имѣла въ началѣ характеръ добровольныхъ приношеній. Пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, которыя въ первое время тоже были добровольнымъ сборомъ, вскорѣ были превращены законодательствомъ Тюдоровъ въ обязательный взносъ, уплачиваемый на основаніи нормъ обложенія, установленныхъ закономъ. Такимъ образомъ, посколько рѣчь шла о дѣлахъ этого рода, не представлялось никакой надобности созывать болѣе многолюдныя собранія общины: у нихъ не было бы матеріала для совѣщаній, тѣмъ болѣе, что и надсмотрщики по дѣламъ общественнаго призрѣнія не выбирались общинами, а назначались мировыми судьями. То же самое относится къ дѣламъ, касающимся путей сообщенія, такъ какъ главнѣйшимъ изъ текущихъ дѣлъ являлась раскладка общинныхъ налоговъ, то въ самоуправленіи общинъ замѣчается то же явленіе, которое мы уже видѣли въ жизни городовъ: собранія всѣхъ членовъ общины все болѣе и болѣе замѣняются коммиссіями *выборныхъ*. Законодательство и практика придали развитію этого учрежденія слѣдующій характеръ:

Коммиссіи, составлявшіяся первое время на основаніи *обычая*, при чемъ членами ихъ дѣлались бывшіе церковные старосты и надсмотрщики по дѣламъ общественнаго призрѣнія и причемъ составъ этотъ лишь отчасти пополнялся лицами, приглашаемыми по выбору самихъ первоначально назначаемыхъ членовъ коммиссіи, — были признаны судебною практикою «добрымъ обычаемъ» и законными представительницами общины.

Путемъ отдѣльныхъ распоряженій для извѣстныхъ мѣстностей все чаще и чаще образовывались подобныя select vestries, по образцу той, которая была утверждена для Спитсфильдса закономъ, изданнымъ во 2 году правленія Георга II. По этому закону vestry должно было состоять изъ пастора, церковныхъ старостъ, надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія и изъ такихъ лицъ, которыя прежде занимали двѣ послѣднія упомянутыя должности, или же уплатили взносъ, установленный за отказъ отъ должности въ случаѣ назначенія на нее. По этому-то образцу состоялся впослѣдствіи цѣлый рядъ мѣстныхъ законодательныхъ постановленій.

При сооруженіи *новыхъ церквей*, издававшимися спеціальными законами всего чаще учреждались подобныя vestries исключительно для церковныхъ дѣлъ, безъ всякой связи съ мірскими дѣлами общины. Такъ, закономъ, изданнымъ въ 10 году правленія Анны, была учреждена коммиссія для сооруженія 50 новыхъ церквей въ Лондонѣ и его окрестностяхъ; коммиссія эта была уполномочена, съ согласія епископа, «избрать соотвѣтствующее число состоятельныхъ обывателей въ каждомъ приходѣ и образовать изъ нихъ select vestry», составъ которой впослѣдствіи долженъ былъ пополняться новыми членами, приглашаемыми по выбору лицъ, первоначально избранныхъ въ упомянутую vestry *).

Наконецъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія возростаніе налога для бѣдныхъ и жалобы, заявлявшіяся на многіе порядки управленія, вызвали знаменитый Gilbert's Act, изд. въ 22 году царствованія Георга III. Закономъ этимъ вводились новыя начала, на которыхъ могло быть устраиваемо дѣло общественнаго призрѣнія въ тѣхъ общинахъ, которыя пожелаютъ устроиться на основаніи сказаннаго закона. Дѣло взиманія податей совершенно отдѣлялось отъ обязанностей текущаго управленія и исполненіе этихъ послѣднихъ возлагалось на такъ-называемыхъ guardians, получавшихъ жалованье. Нѣсколько приходовъ могли соединяться между собою для совокупнаго веденія дѣлъ по призрѣнію своихъ бѣдныхъ и для

*) Обзоръ условій, существовавшихъ въ цѣломъ рядѣ приходовъ въ нѣсколько позднѣйшій періодъ, можно найти въ Reports on select and other vestries 1830. № 25,215.

устройства общаго рабочаго дома, въ которомъ въ замѣнъ денежныхъ пособій нуждающихся занимали бы какимъ-нибудь производительнымъ трудомъ. Такіе союзы приходовъ назывались unions of parishes **).

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что центромъ тяжести экономическаго самоуправленія тоже служатъ извѣстныя общинныя *должности*; чтобы воспрепятствовать лицамъ, назначеннымъ на эти должности, уклоняться отъ принятія ихъ, законъ допускаетъ извѣстныя принудительныя мѣры.

III. *Соединеніе* обѣихъ вышеописанныхъ формъ самоуправленія *въ одно цѣлое* достигается тѣмъ, что высшія должностныя лица самоуправленія являются въ то же время и высшею инстанціею для общинъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для того, чтобъ обезпечить въ мѣстномъ управленіи мѣстечекъ исполненіе законовъ, касающихся административнаго порядка. Это право высшей инстанціи, присвоенное сказаннымъ должностямъ, входитъ необходимою составною частью во всѣ законоположенія, опредѣляющія общій порядокъ государственнаго управленія и черезъ него мѣстное самоуправленіе примыкаетъ къ центральнымъ учрежденіямъ и къ общегосударственнымъ судамъ. Система общинныхъ налоговъ является составною частью общегосударственнаго хозяйства и при этомъ отношеніе ея къ государственнымъ сборамъ регулировано на очень раціональныхъ началахъ. Оба элемента, изъ которыхъ слагается selfgovernement, неразрывно связаны между собою, но такъ, что въ одномъ изъ нихъ преобладаетъ характеръ административной дѣятельности на правахъ власти, уполномоченной отъ высшаго правительства, а во второмъ—на первый планъ выступаетъ все соприкасающееся съ налогами, при чемъ эта послѣдняя сторона лишь поставлена подъ контроль высшихъ должностныхъ лицъ, завѣдующихъ мѣстными административными дѣлами.

Центръ тяжести всего этого цѣлаго безспорно лежитъ въ полицейскомъ управленіи. Такъ или иначе, полицейская власть сдѣлалась непосредственнымъ звеномъ, связывающимъ сложную совокупность европейскихъ обществъ въ одно цѣлое, и по этому оно и въ Англіи

**) Gilbert's Act послужилъ образцомъ, по которому было произведено коренное преобразованіе всего дѣла призрѣнія бѣдныхъ въ XIX столѣтіи. Съ другой стороны, въ городскомъ управленіи представительство плательщиковъ посредствомъ выборнаго собранія городскихъ гласныхъ было введено въ Англіи лишь новымъ городскимъ уложеніемъ, изданнымъ въ 1835 г. Въ новѣйшихъ законопроектахъ неоднократно была дѣлаема попытка ввести выборное представительство плательщиковъ налоговъ въ графствахъ, другими словами,—выборный окружной сеймъ, который существовалъ бы рядомъ съ институтомъ мировыхъ судей, назначаемыхъ правительствомъ, но попытки эти до сихъ поръ не имѣли успѣха.

является столь же всеобъемлющею, многообразною въ своихъ проявленіяхъ и проникающею во всѣ отношенія гражданской жизни, какъ и на континентѣ. Въ Англіи имѣются на лицо всѣ отправленія нашего такъ-называемаго полицейскаго государства, съ тою только разницею, что полицейское управленіе находится не въ рукахъ агентовъ центральной администраціи, а въ рукахъ должностныхъ лицъ, исполняющихъ эти обязанности ради сопряженнаго съ ними почета, въ рукахъ людей, обезпеченныхъ въ имущественномъ отношеніи и обладающихъ образованіемъ; въ городахъ дѣлами этого рода завѣдуютъ члены городскаго совѣта, служащіе безвозмездно; въ принципѣ считается, что они назначаются на свою должность королемъ, при чемъ назначенія не ограничены кратковременнымъ срокомъ службы. Благодаря дѣятельности и добросовѣстности, которыми вообще отличался персоналъ мировыхъ судей, право надзора, принадлежащее центральной администраціи, было оттѣснено на второй планъ, прежняя роль общегосударственныхъ судовъ, какъ высшей инстанціи для судебно-мировыхъ учрежденій, была ограничена лишь разрѣшеніемъ принципіальныхъ вопросовъ, а все остальное сведено на простую переписку между лордомъ-намѣстникомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но важнѣйшимъ результатомъ этой системы мѣстнаго управленія,—результатомъ, сказывающимся и на парламентской дѣятельности, слѣдуетъ признать то обстоятельное практическое знакомство съ общественными дѣлами, которое сказанная система даетъ лицамъ, участвующимъ въ этого рода дѣятельности. Можно положительно сказать, что $^3/_4$ членовъ палаты общинъ, до изданія закона о парламентской реформѣ, состояли должностными лицами мѣстнаго управленія, но при этомъ они не состояли на службѣ партійной администраціи и сохраняли всѣми признанную независимость, благодаря которой они, и при смѣнѣ партій у кормила высшаго правленія, являлись представителями честности и неподкупности въ области административныхъ дѣлъ, а въ качествѣ высшей инстанціи для экономическаго самоуправленія умѣли оставаться чуждыми всякихъ пристрастій.

Слабою стороною этой системы являются ея исполнительные органы и должностныя лица, состоящія на службѣ экономическаго самоуправленія — въ особенности констабли, которые уже въ XVIII столѣтіи были низведены до такого подчиненнаго положенія, что зачастую приходилось принуждать людей къ этого рода службѣ посредствомъ штрафовъ, установленныхъ законами за отказъ отъ нея. Жалобы на надсмотрщиковъ за дорогами и по дѣламъ общественнаго призрѣнія за нерадивое, небрежное и механическое исполненіе ими своихъ обязанностей тоже сдѣлались въ XVIII столѣтіи самымъ заурядным явленіемъ. По этой-же причинѣ

въ управленіи городовъ замѣчается нѣкоторый недостатокъ самодѣятельности *). Но какъ бы то ни было, многочисленность и разнообразіе мелкихъ должностей, а также присяжная повинность поддерживали въ среднихъ классахъ, пользующихся правомъ избирательнаго голоса, интересъ къ общественнымъ дѣламъ и знакомство съ ними.

Какъ ни скудны статистическія данныя XVIII столѣтія, все же мы имѣемъ возможность вывести изъ нихъ нѣкоторыя цифры. Такъ мы видимъ, что къ концу этого столѣтія число активныхъ мировыхъ судей въ Англіи и Уэльсѣ простиралось до 3800 человѣкъ (въ числѣ которыхъ находились герцоги королевской крови и множество лордовъ); число джентльменовъ, служившихъ офицерами въ милиціи, помощниками лорда-намѣстника (deputy-lieutenants) и шерифами, по меньшей мѣрѣ вдвое больше; до 10,000 присяжныхъ принимали участіе въ ассизахъ графствъ и являлись четыре раза въ годъ на съѣзды мировыхъ судей. Затѣмъ въ каждомъ изъ приходовъ и мѣстечекъ, число которыхъ простиралось приблизительно до 14,000, ежегодно смѣняясь, функціонировали: одинъ полицейскій староста, одинъ надсмотрщикъ за дорогами, два церковныхъ старосты, отъ двухъ до четырехъ надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія и нѣсколько другихъ должностныхъ лицъ и коммиссій; однѣ коммиссіи по раскладкѣ налоговъ занимали персоналъ, доходившій въ общей сложности приблизительно до 100,000 человѣкъ. Сумма всей этой дѣятельности представляетъ наиболѣе существенный элементъ въ общемъ управленіи страною, развившемся изъ болѣе простыхъ началъ средневѣковаго государства. Тутъ мы видимъ «государство» именно

---

*) Въ городскихъ приходахъ дѣйствуетъ та же система церковныхъ старостъ, надсмотрщиковъ за дорогами и за дѣлами общественнаго призрѣнія, какъ и въ сельскихъ приходахъ, а съ нею вмѣстѣ и та же система налоговъ. Но тутъ еще разъ необходимо напомнить читателю, что это новое учрежденіе развивалось совершенно независимо и безъ всякой связи со старой организаціей городскаго управленія; послѣдняя, выработавшаяся изъ стариннаго court leet, продолжала дѣйствовать въ области судебнаго и полицейскаго управленія во всемъ, касавшемся судебно-мировыхъ учрежденій и формированія жюри, а также примѣнялась къ управленію старыми городскими имуществами. Въ городахъ состоявшихъ изъ нѣсколькихъ приходовъ, это раздѣленіе системъ выступило весьма наглядно, такъ какъ каждый приходъ въ дѣлахъ, касавшихся призрѣнія бѣдныхъ и путей сообщенія, являлся не простымъ городскимъ кварталомъ, а самостоятельною общиною, несшимъ свои собственныя общинныя обязательства. Персоналъ обывателей, пользовавшихся правами гражданства для этихъ различныхъ цѣлей, тоже былъ не одинъ и тотъ же. Поскольку рѣчь шла о приходскихъ обязательствахъ и о правѣ голоса въ Vestry, въ томъ и другомъ участвовали всѣ прихожане; участіе же въ городскомъ управленіи въ собственномъ значеніи этого слова предоставлялось, въ наилучшемъ случаѣ, лишь тѣмъ лицамъ, которыя въ качествѣ судебныхъ мужей входили въ составъ стариннаго court leet; въ большинствѣ же городовъ это управленіе находилось въ рукахъ такъ-называемыхъ capital burgesses или другихъ, столь же малочисленныхъ корпорацій.

въ тѣхъ его отправленіяхъ, посредствомъ которыхъ оно упрочиваетъ за собою власть въ обществѣ и заставляетъ промышленника, собственника и человѣка, живущаго для собственнаго удовольствія, усвоивать себѣ практическое пониманіе общихъ нуждъ и надлежащее отношеніе къ этимъ нуждамъ **).

Само собою понятно, какъ сильно эта самодѣятельность на поприщѣ служенія дѣлу общественнаго порядка должна была отзываться на настроеніи парламентскихъ избирателей, численность которыхъ въ восемнадцатомъ столѣтіи не превышала 200,000 человѣкъ. Именно эта-то самодѣятельность сдѣлала общины графствъ и городовъ основою, опредѣлявшею характеръ и самой палаты общинъ, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай говорить въ § 45.

---

§ 43.

IV. Развитіе по дѣламъ административнымъ юрисдикціи.

Со времени изданія Magna Charta въ Англіи высказывалось не мало новыхъ административныхъ принциповъ, сначала въ королевскихъ хартіяхъ, позднѣе въ Assisae и въ парламентскихъ законоположеніяхъ, причемъ высказывавшіе были твердо убѣждены, что разъ провозглашенный принципъ будетъ примѣняться и въ жизни. То же явленіе замѣчаемъ мы и въ новѣйшихъ конституціяхъ, въ которыя тоже введенъ перечень различныхъ «основныхъ правъ» въ увѣренности, что они будутъ добросовѣстно охранены. Но Англія рано узнала на опытѣ, что при партійномъ правленіи, которое

**) Selfgovernement является прямою противуположностью идеѣ XIX столѣтія о „представительствѣ интересовъ“, которые сами по себѣ взятые никоимъ образомъ не могутъ привести къ единству государственной воли. Англійскія общины отнюдь не могутъ быть разсматриваемы, какъ провинціальные парламенты. Эти промежуточныя звенья между государствомъ и отдѣльными личностями вовсе не предназначены для представительства интересовъ единичнаго лица; напротивъ, назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы пріучить личность къ исполненію общественныхъ обязанностей. Равнымъ образомъ и англійское selfgovernement является прямымъ контрастомъ *автономіи*, въ томъ видѣ, въ какомъ она выработалась на континентѣ для провинцій, небольшихъ областей, городовъ и мелкихъ общинъ, благодаря безсилію и пассивности государственной власти, причемъ плодомъ такой автономіи является крайній партикуляризмъ. Тѣ, которые по поводу всякаго стремленія къ самоопредѣленію толкуютъ о самоуправленіи, забавляются пустою игрою словъ. Англійское selfgovernement предоставляетъ единичной и мѣстной волѣ довольно ограниченный просторъ, но за то даетъ тѣмъ болѣе широкія политическія права черезъ соединеніе одинаково организованныхъ общинныхъ случаевъ въ одно цѣлое въ парламентѣ.

всегда наступало, какъ только одна изъ борющихся партій получала верхъ, никакіе принципы не соблюдались, а нѣсколько столѣтій спустя дурное управленіе Стюартовъ показало, что и для выродившейся королевской власти самыя торжественныя санкціи закона не имѣютъ сдерживающей силы, что министерской отвѣтственности недостаточно и что публичное право нуждается въ гарантіяхъ, которыя обезпечили бы законность правительственныхъ дѣйствій во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ частныхъ случаяхъ, когда представляется необходимость активнаго вмѣшательства власти, безпрестанно приходящей, такимъ образомъ, въ соприкосновеніе съ областью гражданскихъ правъ.

Обыкновенные суды оказывались недостаточными для этой цѣли, такъ какъ ordo judiciorum съ самаго начала ограничивался традиціонными формами судопроизводства (legis actiones) для защиты частныхъ правъ и для удовлетворенія требованій карательнаго правосудія. Новыя правовыя нормы, выработавшіяся въ области примѣненія верховныхъ правъ государственной власти, никогда не входили въ сферу компетентности судей и шеффеновъ, или англійскихъ judge and jury.

Правда, *косвенно*, и обыкновенные *гражданскіе суды* способствуютъ охраненію границъ публичнаго права, такъ какъ они признаютъ право взыскивать протори и убытки съ чиновниковъ, превысившихъ ввѣренную имъ власть extra officium въ ущербъ интересамъ частнаго лица. Затѣмъ имущественныя претензіи государства въ отношеніи частныхъ лицъ сведены на легальную почву, благодаря существованію Court of Exhequer, которому приданъ характеръ судебнаго мѣста. Правда, иски противъ фискальнаго вѣдомства (actiones adversus fiscum) вчинаются въ Англіи не иначе, какъ путемъ петицій на имя лорда-канцлера, но тѣмъ не менѣе по установившемуся обычаю такія петиціи разсматриваются ex debita justiciae и, какъ средства обжалованья неправильныхъ дѣйствій чиновниковъ, вполнѣ достигаютъ своей цѣли.

Еще болѣе широкій районъ дѣйствія имѣютъ *уголовные суды* въ дѣлѣ разъясненія вопросовъ публичнаго права и регулированія его границъ; рѣшенія этихъ судовъ въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ, бунтѣ, сопротивленіи властямъ и другихъ политическихъ преступленіяхъ создаютъ важные прецеденты для разрѣшенія различныхъ вопросовъ юридически-административнаго свойства и прецеденты эти таковы, что ни одно правительство не могло ихъ игнорировать. Вліяніе уголовныхъ судовъ простирается еще далѣе и приговорами, приносимыми имъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ по должности, они рѣшаютъ вопросъ объ отвѣтственности всѣхъ органовъ государственной власти. Идя еще далѣе, они, благодаря системѣ

такъ-называемыхъ «превышеній» являются толкователями всѣхъ полицейскихъ и таможенныхъ законовъ, а также и тѣхъ, которые касаются налоговъ и управленія государственными имуществами. Дѣло въ томъ, что и въ Англіи выработался особый родъ суммарной юрисдикціи, по которой каждый мировой судья, единолично или совмѣстно съ другимъ мировымъ судьею, имѣетъ право разбирать дѣла, входящія въ обширную область полицейскихъ превышеній власти, хищеній и проступковъ противъ таможенныхъ, податныхъ, почтовыхъ и штемпельныхъ законовъ; благодаря этому, добрая половина полицейскаго и финансоваго законодательства подчинена контролю, дѣйствующему вполнѣ удовлетворительно *).

Но эти юридическія гарантіи остаются недостаточными для потребностей конституціоннаго государства при могущественномъ вліяніи духа партій на государственное управленіе. Превышенія власти со стороны чиновниковъ, злостныя злоупотребленія по должности и тому подобныя дѣла, подлежащія юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ, составляютъ лишь ничтожное меньшинство случаевъ въ длинномъ рядѣ тѣхъ злоупотребленій и беззаконій, которыя можетъ учинить партійное правительство, располагая полицейскими, финансовыми и военными полномочіями, присвоенными государственной власти. Англія уже испытала въ средніе вѣка, до чего могутъ доходить злоупотребленія этого рода, но всего сильнѣе дали они себя почувствовать ей при беззаконномъ управленіи Стюартовъ. Образъ дѣйствій, котораго придерживалось правительство Стюартовъ, имѣлъ рѣшающее вліяніе и въ этой сферѣ и способствовалъ окончательной выработкѣ цѣлой системы удовлетворительно дѣйствующаго контроля надъ всѣми тѣми частями административнаго права, которыя наиболѣе открыты для партійныхъ злоупотребленій.

Юридическія гарантіи, предназначенныя для этой цѣли, составляютъ то, что въ настоящее время извѣстно въ нѣмецкомъ правѣ подъ названіемъ Verwaltungsjuridiction эта часть англійскаго государственнаго устройства представляетъ наиболѣе трудностей для яснаго и полнаго изложенія.

---

*) Въ Англіи во всѣ времена понимали значеніе этого рода дѣятельности обыкновенныхъ судовъ и строго придерживались принципа, который лежитъ въ основѣ и германской юриспруденціи—я разумѣю тотъ принципъ, что судъ долженъ *самостоятельно* разсматривать данныя, по которымъ онъ постановляетъ свои рѣшенія и не долженъ смущаться при этомъ никакими рѣшеніями, ранѣе состоявшимися въ томъ или другомъ административномъ учрежденіи. Свойственныя французскому праву ограниченія судебныхъ исковъ, вчинаемыхъ противъ чиновниковъ или противъ такъ-называемыхъ actes administratifs, совершенно чужды англійскому законодательству. Въ Англіи потому и не представлялось надобности въ учрежденіи особаго суда, разрѣшающаго вопросы о подсудности (Competenzgerichtshof), тамъ общегосударственный судъ является въ то же время и высшимъ судомъ по дѣламъ администраціи.

Подобно тому, какъ въ Германіи первоначальныя учрежденія этого рода опирались на право юридическаго контроля, присвоенное имперскимъ судамъ и выражавшееся въ томъ, что суды эти могли истолковывать по своему усмотрѣнію общеимперскія полицейскія постановленія и рѣшать вопросы о примѣненіи послѣднихъ, такъ и въ Англіи юридическій контроль преимущественно выработывался на почвѣ полицейскихъ законовъ, которые являются ядромъ всей системы и по образцу которыхъ сложились законоположенія, касающіяся другихъ, менѣе важныхъ предметовъ.

Но административная юрисдикція по полицейскимъ вопросамъ предполагаетъ два существенно различныхъ между собою разряда нормъ административнаго права: полицейско-уголовные законы и полицейско-административные законы.

Что касается законовъ первой категоріи, т. е. полицейско-уголовныхъ, то они обращены къ *подданнымъ* и обнимаютъ тѣ части полицейскаго управленія, въ которомъ можно дѣйствовать простыми и непосредственными приказаніями и запрещеніями. Для обширной области полицейскаго права, въ основѣ которой лежатъ потребности гражданскаго порядка, дающія себя чувствовать ежедневно и равномѣрно, не представлялось надобности въ новыхъ учрежденіяхъ. Въ этой области дѣйствуетъ въ Англіи суммарная карательная процедура мировыхъ судовъ, придерживающаяся сокращеннаго порядка уголовнаго судопроизводства; дѣла этого рода вчинаются по жалобамъ, исходящимъ отъ населенія и рѣшенія, постановляемыя по нимъ, извѣстны подъ названіемъ convictions. Система юридическихъ способовъ защиты противъ подобныхъ правонарушеній въ Англіи довольно ограничена и къ тому же не отличается никакими характерными особенностями.

Другой разрядъ законовъ, а именно административно-полицейскій, обращенъ не къ подданнымъ, а къ *правительствующимъ учрежденіямъ*; эта категорія обнимаетъ тѣ потребности гражданскаго порядка, которымъ нельзя удовлетворить простыми приказаніями и запрещеніями, обращенными къ подданнымъ, и для которыхъ необходимо дѣйствовать посредствомъ начальственныхъ приказовъ, распоряженій и мѣропріятій, примѣняемыхъ къ единичнымъ случаямъ и основанныхъ на предварительномъ изслѣдованіи положенія даннаго дѣла; такія дѣйствія облекаются въ форму декрета и предполагаютъ высшее административное полномочіе; въ Англіи этого рода дѣйствія обозначаются техническимъ терминомъ orders.

Дѣятельность мировыхъ судей распадается потому, согласно этому, на convictions и orders.

Дополняющая административная юрисдикція требовалась лишь для послѣдней области; нужны были только административные законы

въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. такіе, которые могли бы служить руководствомъ для дѣятельности различныхъ правительственныхъ учрежденій. Между тѣмъ многолѣтній опытъ показалъ, что установленіе надлежащаго юридическаго контроля надъ дѣятельностью такихъ учрежденій возможно лишь въ предѣлахъ самой системы этихъ учрежденій. Съ этою цѣлью уже во время норманскаго періода возникъ цѣлый рядъ *административнаго* контроля, который достигаетъ наивысшей ступени возможнаго для него развитія въ періодъ Тюдоровъ. (См. выше, стр. 617).

Путемъ *дисциплинарныхъ взысканій*, опредѣляемыхъ закономъ, устанавливается легальный способъ преслѣдованія должностныхъ лицъ за совершонные ими проступки, чѣмъ устраняется необходимость увольненій отъ должности и произвольно налагаемыхъ штрафовъ.

При помощи тѣхъ инстанцій, на которыя возложенъ непосредственный надзоръ за различными учрежденіями, всякое неумѣстное или противузаконное дѣйствіе того или другаго учрежденія можетъ быть отмѣнено или видоизмѣнено надзирающей инстанціей.

Наконецъ создается и такая инстанція, куда недовольные дѣйствіями правительственныхъ учрежденій могутъ обращаться съ своими жалобами. Возникновеніе такихъ инстанцій обусловливается двоякимъ характеромъ практикующагося надзора; лица, которымъ порученъ послѣдній, могутъ отмѣнять противузаконныя или неумѣстныя распоряженія правительственныхъ учрежденій не только по собственному почину, ex officio, но и по заявленію заинтересованныхъ сторонъ, и послѣдній способъ практикуется всего чаще.

Въ эпоху Тюдоровъ, кромѣ общегосударственнаго суда, который контролировалъ дѣятельность Justiciarii pacis, общею инспектирующею и разбирающею жалобы инстанціей служитъ еще Privy Council, который ревизовалъ всѣ административныя распоряженія, исходившія изъ низшихъ правительственныхъ учрежденій и, въ случаѣ надобности, отмѣнялъ или видоизмѣнялъ таковыя. (См. выше, стр. 619). Между тѣмъ крайнія злоупотребленія этими полномочіями въ царствованіе Карла I повлекли за собою уничтоженіе звѣздной палаты въ 16 году правленія упомянутаго короля; вслѣдствіе этого юрисдикція короля и его совѣта была упразднена и у Privy Council было отнято право постановлять какія бы то ни было юридическія рѣшенія по поступавшимъ въ него жалобамъ (complaints), петиціямъ или иного рода заявленіямъ; воспрещеніе это было выражено въ такой категорической формѣ, что ни одинъ изъ министровъ не могъ контрасигнировать рескриптъ, содержащій въ себѣ рѣшеніе какого-нибудь спорнаго юридическаго вопроса, не рискуя быть преданнымъ за это суду по постановленію парламента.

Но такъ какъ королевская власть все-таки оставалась въ общемъ мнѣніи высшей инстанціей, къ которой заинтересованныя стороны продолжали обращаться съ жалобами, и такъ какъ такого рода инстанція была необходима для исправленія такихъ дѣйствій администраціи, которыя порождали справедливое недовольство, то правѳ издавать именемъ короля рескрипты (writs) по наступавшимъ жалобамъ было предоставлено исключительно судьямъ общегосударственныхъ судовъ *). Что касается хода новаго дѣлопроизводства, то

*) Такое ограниченіе административной юрисдикціи основано на томъ толкованіи, которое общегосударственные суды придавали вышеупомянутому законоположенію, состоявшемуся въ 16-мъ году царствованія Карла I и отличающемуся крайней сложностью затрогиваемыхъ имъ предметовъ. Во введеніи къ этому закону говорится о „petitions“ и „suggestions mode to the King or to his Council“; далѣе рѣчь идетъ о запрещеніи by English bill, petition, articles, libell, or any arbitrary way, to determine or dispose of lands, goods, etc. — to determine any matter or thing in the said Court by any jugement, sentence, order or decree, etc. — при чемъ въ категорическихъ выраженіяхъ дѣлается оговорка относительно habeas corpus для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о личномъ задержаніи; слѣдовательно тутъ разумѣется поданіе жалобъ на такія распоряженія администраціи, которыя ограничиваютъ имущественныя права или личную свободу гражданъ. При этомъ надо замѣтить, что общегосударственные суды оставляли чрезвычайно широкій просторъ для своихъ усмотрѣній въ практическихъ надобностей управленія, и т. п., а въ сомнительныхъ случаяхъ придерживались правила: boni judicis est, ampliare jurisdictionem. Англійскіе общегосударственные суды такимъ образомъ стали въ то же положеніе, которое въ эту же эпоху занимали въ Германіи такъ-называемые Reichshofrath и Reichskammergericht въ качествѣ высшей инстанціи для подачи жалобъ на дѣйствія имперской или областной полиціи. И тамъ и здѣсь эти спорные административные вопросы образуютъ совершенно особый циклъ дѣлъ, который отличается отъ обыкновенной гражданской и уголовной юрисдикціи слѣдующими особенностями.

Такъ-называемый Order (полицейское постановленіе, распоряженіе или иной какой актъ, издаваемый на основаніи полученнаго отъ правительства административнаго полномочія) — есть ничто иное, какъ рѣшеніе даннаго правительственнаго мѣста, касающееся предметовъ, которые по закону входятъ въ сферу дѣятельности сказаннаго учрежденія. Сообразно съ этимъ характеромъ самыхъ дѣйствій, обозначаемыхъ терминомъ orders, слагаются и юридическія мѣры, принимаемыя противъ нихъ въ случаѣ надобности.

Такимъ образомъ дѣйствія, предпринимаемыя судомъ при обжалованіи дѣйствій администраціи, сводятся къ разсмотрѣнію того или другаго decretum, по изданіи его надлежащею властію, съ точки зрѣнія его законности (revisio in jure-

Поэтому въ дѣлахъ этого рода нѣтъ „actio“, клонящагося къ признанію какого-нибудь индивидуальнаго права, а есть „querela“, вчинаемая въ виду неправильнаго примѣненія юридическихъ нормъ, установленныхъ для административныхъ дѣйствій. При этомъ непримѣнимо: tot sunt actiones, quot sunt jura,—такъ какъ тутъ мы имѣемъ передъ собою actio пострадавшей стороны, остающееся однороднымъ во всевозможныхъ случаяхъ и состоящее въ томъ, что сторона эта призываетъ себѣ на помощь высшую инстанцію.

Именно потому, что въ дѣлахъ этого рода рѣчь идетъ о разсмотрѣніи правильности дѣйствій даннаго учрежденія, — разсмотрѣніи, происходящемъ уже послѣ того, какъ дѣйствіе совершилось, вліяніе инспектирующаго учреженія сохраняетъ характеръ противовѣса и состоявшееся рѣшеніе не можетъ имѣть юридическую силу рѣшенія inter partes.

По этой же причинѣ въ подобныхъ дѣлахъ нѣтъ мѣста для обыкновенной исковой процедуры и разрѣшаются они (такъ же, какъ и въ германскихъ им-

установить его не представляло особенныхъ затрудненій, благодаря той постоянной связи, которая постоянно существовала въ лицѣ канцлера между королевскимъ совѣтомъ и общегосударственными судами; черезъ канцелярію канцлера и проходили всѣ такъ-называемые process-writs. Жалобы на дѣйствія учрежденій высшей инстанціи поступали на разсмотрѣніе всей совокупности Justiciarii Regis, которые и постановляли по нимъ рѣшеніе. Такимъ образомъ судъ высшей инстанціи (роль котораго обыкновенно исполнялъ King's Bench) сдѣлался въ то же время высшей судебной инстанціей для разсмотрѣнія дѣйствій администраціи. Произошло это не въ силу той обычной компетенціи, которая была присвоена судамъ, а въ силу того юридическаго контроля, который былъ созданъ въ позднѣйшее время надъ дѣятельностью правительственныхъ учрежденій, возникшею лишь подъ конецъ средневѣковаго періода (дѣло произошло совершенно такъ же, какъ и въ Германіи).

Но какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи, опытъ вскорѣ привелъ къ убѣжденію, что судъ, далеко отстоящій отъ мѣста, гдѣ произошло обжалованное злоупотребленіе, не имѣетъ возможности постановлять свои рѣшенія иначе, какъ на основаніи отчетовъ, доставляемыхъ ему обжалованными учрежденіями, а потому можетъ лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ противодѣйствовать злоупотребленіямъ полицейской власти. Для приданія большей дѣйствительности этому контролю, необходимо было позаботиться о развитіи системы учрежденій въ провинціальныхъ или *мѣстныхъ инстанціяхъ* на подобіе той, которая, начиная съ XVII столѣтія, возникаетъ въ болѣе крупныхъ германскихъ территоріяхъ черезъ образованіе постоянныхъ административныхъ коллегій.

Но въ Англіи для достиженія этой цѣли не представлялось надобности въ «отдѣленіи правосудія отъ администраціи». Должность мироваго судьи при своемъ возникновеніи была одновременно и судебной и полицейской должностью, такъ какъ судья считался custos et justiciariu pacis. Дальнѣйшее ея развитіе происходило въ томъ же направленіи. Теперь она совмѣщала въ себѣ обязанности предварительнаго слѣдствія, судебно-полицейскія отправленія и роль высшей инстанціи для приходскаго управленія. Періодическіе

перскихъ судахъ) путемъ рескриптовъ или повелѣній, посредствомъ такъ-называемыхъ writs of certiorari, writs of mandamus и нѣкоторыхъ другихъ дополнительныхъ writs.

Наконецъ разсмотрѣніе подобныхъ жалобъ судомъ ограничивается сообразно съ требованіями практической необходимости лишь наиболѣе важными случаями (такъ-называемыми случаями causae duriores vel atrociores, какъ обозначаетъ случаи этого рода въ практикѣ германскихъ имперскихъ судовъ) — т. е. тою областью, въ которой, какъ то указываетъ опытъ, всего чаще встрѣчаются злоупотребленія, обусловливаемыя духомъ партій.

съѣзды мировыхъ судей были одновременно и уголовнымъ судомъ и административнымъ учрежденіемъ, завѣдывавшимъ управленіемъ округа. Для измѣненія этой системы не представлялось достаточныхъ основаній. Мировой судья стоитъ достаточно близко къ полицейскому управленію мѣстечка, чтобы имѣть возможность вникать во всѣ обстоятельства, обусловливающія необходимость той или другой полицейской мѣры; но въ то же время онъ тѣсно связанъ съ гражданскою жизнью и это предохраняетъ его отъ полицейско-бюрократической односторонности. Съ другой стороны имущественное его положеніе обезпечиваетъ ему полную независимость при отправленіи судейскихъ его обязанностей; наконецъ ему гарантирована прочность занимаемой имъ должности, такъ какъ лицо, служащее изъ-за одной чести, не можетъ быть смѣнено въ угоду партійнымъ соображеніямъ. Урокъ, вынесенный въ этомъ отношеніи изъ періода правленія Стюартовъ, остался навсегда памятнымъ и ни одно министерство въ Англіи послѣ того не покушалось увольнять мировыхъ судей въ угоду духу партій. Постоянное дѣятельное и коллегіальное совмѣстное исполненіе обязанностей, сопряженныхъ съ властью, сочетаютъ такъ-сказать въ этой почетной должности и совмѣщаютъ въ *одномъ лицѣ* какъ чувства чести и чувства долга, присущее высшимъ сословіямъ, такъ и то чувство чести и чувство долга, которое свойственно чиновнику по профессіи; все вмѣстѣ взятое и вырабатываетъ типъ судьи, наиболѣе соотвѣтствующій требованіямъ этого званія **).

Вслѣдствіе удержавшагося такимъ образомъ совмѣщенія полицейскихъ и судебныхъ обязанностей въ одной должности, въ Англіи административнымъ полномочіямъ были присвоены и названіе, и характеръ jurisdiction. Вмѣстѣ съ терминомъ jurisdiction, заимствованнымъ изъ каноническаго права и сохранившимся для обоз-

---

**) Въ Германіи развитіе системы административныхъ учрежденій шло рука объ руку съ отдѣленіемъ судебной дѣятельности отъ администраціи, такъ какъ опытъ показалъ, что привычки, воззрѣнія и способы дѣйствій, свойственныя судебному сословію, несовмѣстимы съ административною дѣятельностью и наоборотъ. На мѣсто querela имперскихъ судовъ въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ были учреждены тайный государственный совѣтъ, провинціальныя административныя коллегіи, областные совѣты т. п. Но дѣйствительная необходимость отдѣленія судебной дѣятельности отъ администраціи существуетъ только въ примѣненіи къ чиновникамъ *по профессіи* и къ тому раздѣленію труда, которое должно соблюдаться въ ихъ спеціальныхъ занятіяхъ. Правило это отнюдь не можетъ быть распространяемо на систему почетныхъ, безвозмездныхъ должностей, на которой зиждется уже столько вѣковъ вся система англійскихъ правительственныхъ учрежденій и при которой сказанныя учрежденія достигли полнаго своего развитія. Что касается тѣхъ причинъ, которыя, послѣ двухвѣковаго опыта, сдѣлали невозможнымъ вносить духъ партій въ дѣло увольненія и назначенія персонала высшихъ почетныхъ должностей, то объ этомъ см. Gneist, Selfgovernement, стр. 485, 486.

наченія административныхъ функцій, въ этихъ послѣднихъ сохранились и формы и духъ, свойственные судопроизводству.

Всѣ декреты полицейской власти, предписывающіе какое-нибудь рѣшительное мѣропріятіе противъ имущества или личности гражданина (въ отличіе отъ чисто формальныхъ декретовъ, касающихся простаго дѣлопроизводства и носящихъ названіе precepts, warrants и т. п.), издаются въ формѣ «order», т. е. въ видѣ составленнаго въ надлежащей формѣ письменнаго постановленія, подписаннаго, кромѣ судьи, еще и клеркомъ, а въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, скрѣпленнаго подписью еще другаго мироваго судьи.

Для контроля надъ подобными orders, обжалованіе которыхъ въ періодъ Тюдоровъ происходило въ большинствѣ случаевъ путемъ обращенія къ центральной инстанціи съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ состоявшагося распоряженія (writ of cetiorari etc.), при чемъ обращеніе съ жалобой къ коллегіямъ мировыхъ судей практиковалось лишь въ видѣ исключенія, въ XVIII столѣтіи цѣлымъ рядомъ парламентскихъ постановленій была создана аппелляціонная инстанція при такъ-называемыхъ General and Quarter Sessions мировыхъ судей. Съ тѣхъ поръ контрольная инстанція, представляемая общегосударственными судами, отступаетъ на второй планъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что стороны въ большинствѣ случаевъ лишаются возможности обращаться съ своими жалобами въ общегосударственные суды.

Между тѣмъ, при той системѣ, которая дѣйствовала въ XVIII столѣтіи, большая часть «orders», издаваемыхъ мировыми судьями, по вопросамъ второстепенной важности имѣютъ характеръ *окончательныхъ* рѣшеній. По болѣе важнымъ дѣламъ мировые судьи постановляютъ рѣшенія коллегіально на своихъ большихъ и малыхъ съѣздахъ, при чемъ большинство рѣшеній этого рода тоже признаются *окончательными*.

Число спорныхъ административныхъ дѣлъ, кончающихся аппелляціей къ Quarter Session, сравнительно говоря, весьма незначительно (въ настоящее время такихъ случаевъ не наберется и 100 въ теченіе года). Столь же ничтожно и число случаевъ, восходящихъ на разсмотрѣніе общегосударственныхъ судовъ. Порядокъ инстанцій для полицейскаго управленія слагается такимъ образомъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) Текущими административными дѣлами заправляютъ въ качествѣ первой инстанціи *единичные мировые судьи* посредствомъ «orders», издаваемыхъ ими по всевозможнымъ отраслямъ полицейскаго управленія; сюда входятъ полиція общественной безопасности и порядка, полиція нравственности, санитарныя мѣропріятія, общественное призрѣніе, дороги, рѣчная, полевая, лѣсная полиція, промыслы, строи-

тельная и пожарная часть и т. п. Особенно усиленную дѣятельность проявляютъ мировые судьи въ дѣлѣ преслѣдованія хищничества и бродяжничества, а также въ сферѣ рабочей полиціи, регулируя своими orders, на основаніи закона Елизаветы, заработную плату и все касающееся положенія ремесленныхъ учениковъ, домашней прислуги и поденщиковъ. При этомъ во многихъ случаяхъ требуется такой order, который былъ бы скрѣпленъ подписью двухъ мировыхъ судей, и въ этихъ случаяхъ процедура принимаетъ формы суммарнаго судопроизводства.

2) Для болѣе важныхъ мѣропріятій въ области полицейскаго благоустройства первою инстанціей являются такъ-называемыя Special Sessions мировыхъ судей одного и того же участка (hundred); эти съѣзды играютъ роль какъ бы промежуточнаго звена въ цѣпи мировыхъ учрежденій и приняли правильный, періодическій характеръ лишь въ XVIII столѣтіи. Уже въ самыхъ старинныхъ законахъ для дѣлъ извѣстнаго рода требовалось совокупное дѣйствіе трехъ или болѣе мировыхъ судей. Для назначенія надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія требовались даже собранія всѣхъ судей данной сотни и т. д. Такимъ образомъ было положено начало періодическимъ съѣздамъ всѣхъ мировыхъ судей одного и того же участка, и эти-то сборища впослѣдствіи нашли умѣстнымъ утилизировать и для другихъ цѣлей. Обыкновенно сборнымъ пунктомъ назначали главное мѣстечко мироваго участка; съѣхавшіеся судьи избирали себѣ предсѣдателя, также такъ-называемаго Clerk to justices и устанавливали порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ. На эти-то спеціальныя засѣданія, начиная съ XVIII столѣтія, закономъ было возложено назначеніе и утвержденіе общинныхъ должностныхъ лицъ, разсмотрѣніе споровъ, касавшихся дорожнаго дѣла, выдача патентовъ на открытіе питейныхъ домовъ и другія дѣла, такъ что эти малые съѣзды стали важною промежуточною ступенью административной организаціи.

3) Большіе четвертьгодичные съѣзды всѣхъ мировыхъ судей округа (Quartal Sessions), которые должны происходить по меньшей мѣрѣ четыре раза въ годъ, служатъ, во-первыхъ, аппелляціонной инстанціей противъ уголовныхъ приговоровъ; но въ то же время они играютъ роль и административнаго учрежденія, вѣдающаго важнѣйшія общія дѣла округа, какъ-то: раскладку налога County rate, назначеніе лицъ, завѣдующихъ кассой округа, попечительство надъ тюрьмами и исправительными учрежденіями графства, изданіе полицейскихъ регламентовъ, устанавливающихъ норму заработной платы, цѣну жизненныхъ припасовъ и т. п., выдача патентовъ на устройства пороховыхъ заводовъ, живодерень и пр., наконецъ регистрированіе диссентерскихъ молелень (1 Will. et Mar. c. 18); вся

эта масса дѣлъ на языкѣ, установившемся въ практикѣ, обыкновенно называется county business.

Большіе съѣзды мировыхъ судей, завѣдующіе этой county business, въ то же время, какъ уже было упомянуто выше, служатъ *аппелляціонной инстанціей*, въ которую поступаютъ жалобы на приговоры единичныхъ мировыхъ судей и малыхъ сессій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ категорически допускаетъ аппелляцію; впрочемъ, послѣднее въ законахъ XVIII столѣтія по дѣламъ административнымъ было принято за правило относительно всѣхъ наиболѣе важныхъ случаевъ, при чемъ было оговорено, что впредь обращеніе къ общегосударственнымъ судамъ посредствомъ writ of certiorari не будетъ допускаемо ***).

Эти-то съѣзды мировыхъ судей всего округа, рѣшенія которыхъ для большинства дѣлъ признаются окончательными, все болѣе и болѣе оттѣсняютъ на задній планъ обращеніе общегосударственнымъ судамъ, дѣятельность которыхъ отнынѣ ограничивается пересмотромъ лишь какой-нибудь сотни дѣлъ въ годъ, при чемъ соблюдается слѣдующее различіе:

1) Наиболѣе нормальнымъ юридическимъ средствомъ считается такъ-называемый writ of certiorari,—процедура, сводящаяся къ отмѣнѣ состоявшагося неправильнаго административнаго постановленія. Сказанная процедура состоитъ въ томъ, что обжалываемый полицейскій order препровождается вмѣстѣ съ поясняющимъ донесеніемъ въ высшій административный судъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдній разсмотрѣлъ, насколько этотъ актъ согласенъ съ существующими законами, было-ли данное учрежденіе компетентно издавать его и вѣрно-ли примѣненъ тотъ законъ, которымъ мотивируется сказанное распоряженіе; словомъ, тутъ происходитъ нѣчто въ родѣ revisio in jure. Средствомъ этимъ обыкновенно предоставляется пользоваться всякой недовольной сторонѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, для которыхъ оно категорически возбранено закономъ. Но и тамъ, гдѣ законъ ставитъ

*** Это возведеніе большихъ съѣздовъ мировыхъ судей въ аппелляціонную инстанцію, облеченную правомъ *окончательнаго* рѣшенія спорныхъ вопросовъ, объясняется отчасти стремленіемъ правящихъ классовъ къ увеличенію своей власти. Въ то время, какъ въ законодательствѣ предшествующаго періода большимъ съѣздамъ мировыхъ судей лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ присваивается роль аппелляціонной инстанціи, законы, изданные со времени реставраціи, все чаще и чаще упоминаютъ объ аппелляціи къ General Sessions, которыя подъ конецъ становятся регулярною аппелляціонною инстанціею для чисто-уголовныхъ дѣлъ и обжалованья всѣхъ orders. А между тѣмъ даже въ наши дни еще существуетъ правило, имѣющее свое объясненіе въ историческомъ ходѣ дѣла, по которому обращеніе къ четвертьгодичному съѣзду можетъ имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно категорически *допускается* закономъ, а обращеніе къ общегосударственному суду посредствомъ writ of certiorari не допускается только въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ оно категорически *упразднено* закономъ.

оговорку «no certiorari», право обжалованія остается съ силѣ для случаевъ абсолютной некомпетентности учрежденія, издавшаго order, или явной недѣйствительности этого акта. Затѣмъ то же право обжалованія допускается безъ оговорокъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда страдаетъ общественный интересъ, слѣдовательно имъ можетъ воспользоваться черезъ генералъ-прокурора или иного представителя и министерство, находящееся въ данную минуту у кормила правленія [a]).

2) Для огражденія отъ *принудительныхъ* мѣръ, неправильно принимаемыхъ администраціей, общимъ легальнымъ средствомъ служитъ такъ-называемый Writ of habeas corpus, который сдерживаетъ администрацію въ предѣлахъ законности не только при арестахъ во время производства предварительнаго слѣдствія, но и при всякихъ другихъ принудительныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ съ полицейскими, финансовыми и иными цѣлями. Такъ какъ арестъ по англійскимъ законамъ является нормальнымъ принудительнымъ средствомъ противъ уклонявшихся отъ исполненія законныхъ предписаній администраціи, то habeas corpus въ общегосударственныхъ судахъ превратился въ средство контролировать, съ точки зрѣнія ихъ законности, распоряженія администраціи въ тотъ моментъ, когда дѣло доходило уже до принятія принудительныхъ мѣръ къ ихъ исполненію [b]).

---

[a]) Изъятіе этой процедуры изъ области тѣхъ средствъ, которыя предназначены для защиты частныхъ интересовъ, начинается лишь со временъ реставраціи. Закономъ, изданнымъ въ 12-мъ году царствованія Карла II, Certiorari отмѣняется въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, касающихся налоговъ. По закону, изданному въ 3 и 4 г. царствованія Вильгельма и Маріи, всѣ споры по дѣламъ о путяхъ сообщенія должны окончательно разрѣшаться въ графствѣ и состоявшіяся по этимъ дѣламъ indictements или orders не могутъ быть отмѣняемы путемъ certiorari. То же самое постановляетъ законъ, изданный въ первомъ году правленія Анны, относительно спорныхъ вопросовъ, касающихся починки мостовъ; но тамъ, гдѣ „споръ возникаетъ о правѣ на починку“, вопросъ можетъ быть представляемъ, путемъ донесенія, на разсмотрѣніе суда King's Bench. [5 et Will et M. c. 11]. Въ этомъ же направленіи законодательство продолжаетъ развиваться и далѣе. Затѣмъ возможность добиться отмѣны состоявшихся постановленій была въ значительной степени стѣснена высокими цифрами денежнаго поручительства и введеніемъ другихъ обязательныхъ формальностей [8 et 9 Will. III c. 33; 5 Geo. II c. 19, etc.]. Въ позднѣйшихъ законоположеніяхъ неизмѣнно присовокупляется статья, отмѣняющая certiorari. Исключенія изъ этого правила, встрѣчающіяся, напримѣръ, въ „bastardy, excise, poor, turnpike acts“ и т. п. указываютъ на стремленіе оставить инстанцію высшихъ судовъ открытою для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ затрогиваются крупные имущественные интересы, основныя права и важнѣйшія начала публичнаго права. Сложность процедуры certiorari на практикѣ повела къ тому, что низшая инстанція обыкновенно препровождала въ общегосударственный судъ такъ-называемое status causae [special case], на основаніи котораго и разрѣшался юридическій вопросъ. Въ позднѣйшемъ законодательствѣ эта упрощенная процедура очень часто встрѣчается.

[b]) Въ common law существуетъ правило такого рода: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ уполномочиваетъ мирового судью принуждать лицо къ какому-ни-

3) Вышеисчисленные способы дополняются еще такъ-называемыми writs of mandamus, которые служатъ для побужденія городскихъ управленій, корпорацій и единичныхъ должностныхъ лицъ къ соблюденію нормъ, установленныхъ для административныхъ дѣйствій, и употребляются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда контроль регулярной высшей инстанціи, система дисциплинарныхъ взысканій и другія легальныя средства оказываются недостаточными. Этого рода writ выполняетъ всѣ пробѣлы, какіе еще существуютъ, благодаря тому, что развитіе полицейскаго управленія шло не одинаковымъ путемъ въ различныхъ мѣстностяхъ, въ особенности же въ городахъ; упомянутые writs служатъ также замѣною тѣхъ полицейски-принудительныхъ мѣръ, которыя встрѣчаются въ германской системѣ управленій [c]).

Развившаяся такимъ образомъ система юрисдикціи въ области полицейскаго права, становится, какъ уже было упомянуто выше, ядромъ всей юрисдикціи по дѣламъ административнымъ. Богатый опытъ, вынесенный Англіей изъ эпохи ожесточенной борьбы между партіями, показалъ тѣ больныя мѣста англійскаго государственнаго устройства, гдѣ вліяніе духа партій можетъ нарушить порядокъ управленія и гдѣ слѣдовательно дѣйствіе обыкновенной инстанціи, контролирующее данныя учрежденія, нуждается въ усиленіи судебными элементами. Областью, наиболѣе нуждающеюся въ подобномъ огражденіи отъ злоупотребленій, во всѣ времена оказывалась область полицейско-административная, а въ этой послѣдней опять-таки самымъ слабымъ пунктомъ, наиболѣе открытымъ для происковъ партій, являлись дѣла, соприкасающіяся съ выдачей разныхъ полицейскихъ *разрѣшеній*. Остальныя сферы юрисдикціи по дѣламъ административнымъ примыкаютъ къ вышеуказанной области и по характеру входящихъ въ нихъ законовъ однородны съ областью

будь дѣйствію, а лицо это отказывается повиноваться, мировой судья имѣетъ право заключить его въ тюрьму и продержать тамъ до тѣхъ поръ, пока сказанное лицо не изъявитъ покорности". [2 Hawkins, c. 16. § 2]. Во избѣжаніе необходимости прибѣгать слишкомъ часто къ такой суровой принудительной мѣрѣ, англійскіе административные законы вводятъ въ нѣсколькихъ тысячахъ статей угрозу штрафами и денежными залогами; благодаря этимъ статьямъ дѣла подобнаго рода сводятся на легальную почву, хотя и путемъ суммарной процедуры. На все же арестъ оставляется въ видѣ дополнительной мѣры къ подобнымъ взысканіямъ, а habeas corpus служитъ средствомъ для контроля надъ законностью производимыхъ арестовъ.

c) Въ системѣ англійскаго selfgovernement нѣтъ ни одного пункта, въ которомъ принудительное исполненіе законовъ, касающихся административной сферы, не было бы обезпечено соотвѣтствующими мѣропріятіями. Въ дополненіе къ вышеописаннымъ способамъ правоваго контроля существуютъ еще writs of prohibition, of quo warrante и др., употребляемые преимущественно въ области финансовой и церковной, насколько послѣдняя подчинена верховнымъ правамъ государства.

полицейскихъ законовъ, служа въ то же время дополненіемъ къ послѣднимъ.

Въ области завѣдыванія *милиціей*, помощники лорда-намѣстника (Deputy Lieutenants) на своихъ частныхъ и общихъ засѣданіяхъ пользуются юрисдикціей по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, касающимся воинской повинности, права на увольненіе отъ отбыванія этой повинности, требованій о возвращеніи лицъ, неправильно взятыхъ на службу, и т. п.; права, которыми Deputy-Lieutenants пользуются въ этой области, совершенно тождественны съ административной юрисдикціей мировыхъ судей по дѣламъ административнымъ.

Въ дѣлахъ, касающихся *постоянной арміи*, обязанность мировыхъ судей ограничивается удостовѣреніемъ подлинности условія, заключаемаго при вербовкѣ, и нѣкоторыми другими побочными пунктами.

Въ дѣлахъ, касающихся *общинныхъ налоговъ*, малые и большіе съѣзды мировыхъ судей служатъ регулярной инстанціей для разсмотрѣнія жалобъ по неправильному обложенію.

Въ области *государственныхъ налоговъ* раскладочныя коммиссіи служатъ гарантіей безпристрастнаго распредѣленія тѣхъ налоговъ, которые взимаются по раскладкѣ, производимой in concreto.

Относительно *городскаго управленія* writ of mandamus во многихъ отрошеніяхъ служитъ хорошимъ средствомъ дополнительнаго контроля, преимущественно въ случаяхъ противузаконныхъ постановленій городскаго представительства.

Въ области *церковной администраціи* правовой контроль въ видѣ recursus ab abusu обезпеченъ частью особо назначаемымъ церковнымъ судомъ (Court of Delegates), частью же издаваемыми общегосударственными судами writs †).

---

†) Объ юрисдикціи въ церковно-административныхъ дѣлахъ см. Gneist, Engl. Verwaltungsrecht, Bd. II, cap. VII. То, что въ Германіи извѣстно подъ названіемъ „Verwaltungsjuridiction“, было вызвано исключительно потребностью усиленія контроля надъ администраціей съ цѣлью предотвратить злоупотребленія властью въ политическихъ, партійныхъ интересахъ. Что же касается обыденныхъ, текущихъ дѣлъ администраціи, то для нихъ и въ Англіи надзоръ высшихъ инстанцій и другія средства контроля надъ администраціей признаются достаточными. Объ юрисдикціи по дѣламъ административнымъ, какъ о всеобъемлющей системѣ никто до сихъ поръ не помышлялъ. Одинъ перечень дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію съѣздовъ мировыхъ судей [см. Leeming and Cross, Quarter Sessions 2. изд. 1876 г. стр. 354—476], обнимаетъ болѣе ста рубрикъ различныхъ appeals, по дѣламъ административнымъ и представляетъ безконечное разнообразіе какъ сроковъ обжалованія, такъ и установленныхъ для разбирательства процедуръ. Перечень тѣхъ легальныхъ способовъ дѣйствія, которыми располагаетъ общегосударственный судъ въ качествѣ высшей инстанціи надъ дѣйствіями администраціи, и списокъ тѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть предметомъ постановленій, вышли бы разъ въ десять длиннѣе. Попытку систематическаго перечисленія всѣхъ этихъ предметовъ можно найти въ моемъ трудѣ Selfgovernement, III, изд. 1871 г., гл. V отд. VII. Англійская юрисдикція по дѣламъ административнымъ, также какъ и французская, не шла далѣе эмпирическаго нормированія, совершавшагося по мѣрѣ надобности.

Въ общемъ своемъ результатѣ юрисдикція по дѣламъ административнымъ ставитъ примѣненіе контроля во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ возможны злоупотребленія въ патрійныхъ, преимущественно избирательныхъ иртересахъ, внѣ вліянія министерства, находящагося въ данную минуту у кормила правленія. Благодаря такому порядку вещей все внутреннее управленіе страны находится въ условіяхъ, независимыхъ отъ смѣны министерствъ и отъ того партійнаго давленія, которое безъ этого то или другое парламентское большинство могло бы оказывать на персоналъ и на принципы администраціи. Опытъ многихъ столѣтій, показавшій тѣ пагубныя послѣдствія, которыми духъ партій отзывается на внутреннемъ управленіи страны, создавалъ камень за камнемъ зданіе правоваго контроля, завершившееся наконецъ въ XVIII столѣтіи; англійская конституція черезъ это была утверждена на такомъ фундаментѣ, при которомъ веденіе высшихъ государственныхъ дѣлъ можно было предоставить безпрерывно смѣняющимся партійнымъ министерствамъ, безъ опасеній за прочность администраціи, за персоналъ должностныхъ лицъ и за неприкосновенность индивидуальныхъ правъ.

Благодаря всему этому, Англія является единственной страной въ мірѣ, которой удалось при существованіи министерствъ, выдвигаемыхъ тою или другою господствующей партіей, сохранить безпристрастіе и добросовѣстность въ дѣлахъ какъ государственнаго, такъ и мѣстнаго управленія,—результатъ, къ которому напрасно стремились достигнуть всѣ позднѣйшія конституціи именно потому. что имъ недоставало необходимаго фундамента. Ни въ одной области не доказала англійская аристократія такъ блистательно свое признаніе къ власти, какъ именно въ этой. Недостатокъ политически подготовленной аристократіи на континентѣ ни въ чемъ не давалъ себя такъ явственно чувствовать, какъ именно въ этомъ непониманіи необходимости вышеуказанныхъ условій, необходимыхъ для правильнаго дѣйствія конституціонныхъ учрежденій.

---

§ 44.

V. Окончательная организація правящаго класса.

Если вліяніе господствующаго класса успѣло упрочиться уже благодаря реставраціи, то безразсудное посягательство Іакова II въ конечномъ результатѣ своемъ повело лишь къ еще большему усиленію этой прочной позиціи, основанной на личныхъ услугахъ государству и

на участіи въ платежѣ налоговъ. Англійскіе магнаты со времени изданія хартіи вольностей не разъ являлись представителями и защитниками правъ народа; но никогда еще они не играли этой роли съ такимъ полнымъ и блистательнымъ успѣхомъ, какъ именно во время «достославной революціи.» Революція эта, какъ и всякій другой государственный переворотъ, повлекла за собой усиленіе власти для господствующаго класса общества.

Оставаясь, сравнительно говоря, въ предѣлахъ умѣренности, англійское gentry спѣшитъ теперь воспользоваться своимъ вліяніемъ на законодательство, чтобы обезпечить за собою посредствомъ ценза господство въ палатѣ депутатовъ. По закону, изданному въ 9-мъ году правленія Анны, для представительства графства въ палатѣ общинъ полагается цензъ въ 600 ф. ст. дохода, полученнаго съ земли on freehold или on copyhold, а для городскаго депутата— 300 ф. ст. годоваго дохода съ недвижимой собственности. Еще большее значеніе придается цензу, дающему право на занятіе должности мироваго судьи, такъ какъ при этомъ имѣется въ виду обезпечить за крупнымъ землевладѣніемъ то вліяніе въ графствѣ, которое сопряжено съ полицейскою властью. Для Justices, число которыхъ уже доходило до нѣсколькихъ тысячъ, закономъ, изданнымъ въ 5-мъ году правленія Георга II и другимъ закономъ, изданнымъ въ 18-мъ году того же царствованія, устанавливался цензъ въ 100 ф. ст. годоваго дохода съ земли, владѣемой on freehold или on copyhold, наслѣдственно или пожизненно; для арендующихъ же чужую землю кромѣ того требовалось, чтобы срокъ аренды былъ не менѣе 21 года. Правомъ занятія должности мироваго судьи безъ ценза пользуются лорды, ихъ старшіе сыновья и наслѣдники, а также старшіе сыновья и наслѣдники лица, имѣющаго 600 ф. ст. поземельнаго дохода. Въ разсматриваемую эпоху въ семействахъ, занимавшихъ почетное положеніе, возникъ обычай посылать старшаго сына въ Оксфордъ и другія высшія школы для пріобрѣтенія той образовательной подготовки, которая черезъ должность мироваго судьи открываетъ доступъ и къ дальнѣйшей карьерѣ въ парламентѣ. Мировые судьи, получившіе такую подготовку, не нуждались болѣе въ содѣйствіи сотоварищей, обладавшихъ спеціальными юридическими познаніями (quorum)—и вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе входитъ въ обычай присвоивать всѣмъ мировымъ судьямъ при ихъ назначеніи преимущества болѣе высокаго разряда, связанныя со званіемъ quorum; въ то же время назначеніе на должности этого рода юристовъ, получившихъ спеціальное образованіе, становится излишнимъ. Наконецъ, для офицеровъ и коммиссаровъ, завѣдующихъ административною частью милиціи, удерживается цензъ, представляющій многочисленныя градаціи. Что касается про-

чихъ условій, опредѣляющихъ принадлежность къ gentry и почетныхъ наименованій, присвоенныхъ этому сословію, то они предоставляются судебной практикѣ и обычаю.

Какъ ни умѣрены кажутся эти привилегіи по сравненію съ сословными преимуществами континента, они основаны на глубоко обдуманной системѣ, стремящейся къ тому, чтобы сосредоточить *всѣ* элементы политической власти въ одномъ сословіи, однородномъ по своему составу, и не оставить ни одной незащищенной позиціи, на которую могло бы быть направлено нападеніе съ цѣлью подорвать могущество сословія. Смыслъ этихъ учрежденій, если ихъ взять во всей ихъ совокупности, выступаетъ такъ явственно и осязательно, что тутъ никакихъ недоразумѣній быть не можетъ.

1) *Военная власть* обезпечена прежде всего за правящимъ сословіемъ, благодаря организаціи ополченія, въ которомъ административною частью завѣдуютъ коммиссары съ цензомъ въ 300 ф. ст., а военное начальство принадлежитъ офицерамъ, получающимъ отъ 50 до 1000 ф. поземельнаго дохода. (См. выше, § 41 отд. I). Рядомъ съ этой милиціей постоянная армія поставлена въ крайне ненадежное положеніе, такъ какъ существованіе ея зависитъ отъ ежегоднаго утвержденія парламентомъ расходовъ, необходимыхъ для ея содержанія, полномочія на высшее начальство надъ нею исходятъ тоже отъ нижней палаты, а мѣста офицеровъ, при стоимости патентовъ въ 450—6000 ф. ст. за чины отъ прапорщика до подполковника, доступны только сыновьямъ gentry, служа въ то же время средствомъ для устройства карьеры младшихъ сыновей [1]).

2) Упроченіе *гражданской власти* за правящимъ сословіемъ было достигнуто установленіемъ ценза въ 200 ф. ст. земельнаго дохода для должности мироваго судьи, при чемъ значеніе этой мѣры было еще усилено молчаливымъ отказомъ мировыхъ судей отъ полученія назначавшагося имъ по закону суточнаго вознагражденія. Чтобы оцѣнить все значеніе этого права на занятіе судебно-мировыхъ

---

[1]) Недовѣрчивость правящаго класса во всемъ, касавшемся военной власти, понятнымъ образомъ возрастала по мѣрѣ того, какъ увеличивалась постоянная армія. Численность этой послѣдней, простиравшаяся при Георгѣ I до 16,000 человѣкъ, возросла весьма значительно во время семилѣтней и американской войнъ. По окончаніи американской войны въ Англіи и Ирландіи содержался контингентъ арміи въ 40000 человѣкъ, но вслѣдствіе войнъ съ Франціей цифра эта опять значительно возросла. Въ ту же эпоху милиція находилась въ весьма плачевномъ состояніи, хотя упадокъ этотъ былъ только временный. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ становится понятнымъ, почему уже въ регламентѣ 1763 г. система покупки офицерскихъ патентовъ достигаетъ полнаго своего развитія. Затѣмъ, отъ времени до времени, въ системѣ милиціи производились улучшенія, во всякомъ случаѣ достаточныя для охраненія внутренняго порядка и для поддержанія военнаго духа въ средѣ имущихъ классовъ, въ которыхъ личное мужество и хорошее вооруженіе могло до извѣстной степени выполнять недостатокъ военнаго образованія и дисциплины.

должностей, которое правящій классъ такимъ образомъ отстоялъ за собою, необходимо помнить обширные размѣры полномочій, присвоенныхъ сказанной должности—полномочій, охватывавшихъ всю внутреннюю жизнь графства и общинъ. При этомъ мировые судьи изъ сословія gentry вытѣсняютъ профессіональныхъ юристовъ изъ судебно-мировыхъ учрежденій и представляютъ предсѣдательство въ уголовныхъ дѣлахъ и при разсмотрѣніи административныхъ спорныхъ вопросовъ на Quartalssessions такому chairman, который избирается изъ среды ихъ же собственнаго сословія. Ко всему сказанному присоединяется еще политическое вліяніе, оказываемое большимъ жюри, которое на ассизахъ неизмѣнно составляется изъ мировыхъ судей и однородныхъ съ ними общественныхъ элементовъ; наконецъ то же значеніе имѣетъ и должность шерифа, которая, по сопряженнымъ съ нею значительнымъ расходамъ представительства, доступна только для лицъ, принадлежащихъ къ сословію gentry [2]).

3) Дальнѣйшимъ средствомъ упрочить вліятельное положеніе высшаго сословія явилось учрежденіе такъ-называемыхъ entails, закрѣплявшее помѣстья за извѣстными родами. Учрежденіе это, существовавшее и въ прежнія столѣтія, выступило лишь въ XVIII столѣтіи во всей полнотѣ своего политическаго и экономическаго значенія. Правда, стремленіе землевладѣльческаго сословія упрочить путемъ завѣщаній (Fidei commisum) поземельную собственность въ своемъ потомствѣ на вѣки вѣчные и закрыть для другихъ лицъ доступъ къ этой собственности на правахъ благопріобрѣтенія, никогда не имѣло въ Англіи полнаго простора для своего проявленія, такъ какъ королевская власть удерживала въ принципѣ отчуждаемость рыцарскихъ леновъ (см. § 25 a от. II. 1.). Но изобрѣтательность юристовъ нашла способъ, извѣстный подъ названіемъ entails, при помощи котораго неотчуждаемость помѣстья устанавливалась въ пользу какого-нибудь наслѣдника и могла быть продолжена изъ рода въ родъ посредствомъ возобновленія завѣщанія въ каждомъ поколѣніи. Эта привиллегія, сама по себѣ черезмѣрная, стала задерживать въ Англіи естественный ходъ развитія землевладѣнія послѣ того какъ въ XVIII столѣтіи, благодаря всемірной торговлѣ и колоніальнымъ владѣніямъ, произошло громадное накопленіе капиталовъ, которые gentry, въ видахъ пріобрѣтенія поли-

---

2) Цензъ въ 100 ф. дохода съ поземельной собственности не исключаетъ, правда, и городскихъ именитыхъ людей, лицъ духовнаго званія и т. п.; къ тому же онъ не обязателенъ для занятія должности мироваго судьи въ городахъ; но въ общей совокупности онъ даетъ сельскому gentry рѣшительный перевѣсъ и прочную политическую организацію, которая при помощи судебно-мировыхъ полномочій проникаетъ со своимъ вліяніемъ и во всѣ отправленія городской жизни.

тическаго вліянія, пристраивало преимущественно въ поземельной собственности, скупая съ этою цѣлью уцѣлѣвшія еще земли среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ. Лишь вслѣдствіе *совпаденія* этихъ обоихъ условій произошло существующее и до сихъ поръ сосредоточеніе поземельной собственности, при которомъ $^4/_5$ всѣхъ годныхъ для обработки земель находятся въ рукахъ 7000 человѣкъ, принадлежащихъ къ nobility и landed gentry [3]).

4) Gentry, уже успѣвшее такимъ образомъ упрочится на надежномъ фундаментѣ, отстаиваетъ за собою право исключительнаго замѣщенія нижней палаты членами своего сословія. Достигаетъ оно этого посредствомъ ценза въ 600 ф. дохода съ поземельной собственности для представителя графства и въ 300 ф. для городскаго представителя. Еще болѣе способствуютъ достиженію этой цѣли тѣ значительные расходы, съ которыми сопряжено каждое избраніе въ парламентъ и система безвозмездной службы депутатовъ, которая, начиная съ XVII столѣтія молчаливымъ соглашеніемъ депутатовъ, не бравшихъ посуточнаго вознагражденія, слѣдовавшаго имъ по старинному закону, успѣла войти въ правило и стать дѣломъ чести. Черезъ это доступъ въ самую могущественную корпорацію королевства столь возможенъ лишь для самыхъ богатыхъ элементовъ gentry [4]).

5) Наконецъ это вліятельное положеніе было упрочено еще болѣе второю степенью представительства правящаго класса въ лицѣ наиболѣе выдающихся его членовъ, т. е. *наслѣдственнымъ перствомъ*. Уже въ предшествовавшемъ столѣтіи перство стало не болѣе, какъ высшимъ слоемъ gentry; въ промежутокъ между 1700 и 1800 гг.

---

[3]) Обстоятельное изложеніе системы entails, пониманіе которой довольно трудно усвоить себѣ, нѣмецкій читатель найдетъ въ сочиненіи Th. Solly, Grundsätze des englischen Rechts über Grundbesitz und Erbfolge, Berlin, 1880, Bd. 46. § 401. Статистическія данныя о результатахъ этой системы собраны въ сочиненіи Артура Арнольда, Free Land. 1880. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ: 7000 землевладѣльцевъ, владѣющіе 10,900 помѣстьями свыше 1000 экровъ, являются собственниками такого количества земли, которое составляетъ болѣе $^4/_5$ всѣхъ годныхъ земель въ королевствѣ; однимъ перамъ принадлежитъ около $^1/_4$ всѣхъ земель, въ Шотландіи 5 перовъ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ добрую четверть всей почвы страны; половина Англіи находится во владѣніи 150 лицъ; половина Шотландіи—во владѣніи 75 лицъ; половина Ирландіи—во владѣніи 35 лицъ. Остальная пятая часть земель распредѣляется между ста тысячами съ небольшимъ такихъ владѣльцевъ, которые обладаютъ участками свыше 1 экра!

[4]) Тутъ опять-таки сказывается система, ставившая преимущества аристократіи въ зависимость отъ оказываемыхъ государству болѣе значительныхъ услугъ и заставлявшая, такъ-сказать, *покупать* эти привиллегіи. Именно это-то стремленіе и заставило со времени реставраціи смотрѣть на отказъ отъ суточнаго вознагражденія, какъ на обязательство, налагаемое честью. То же стремленіе побуждало намѣренно оставлять безъ противодѣйствія тѣ серьезныя злоупотребленія, которыми сопровождались парламентскіе выборы и благодаря которымъ и понынѣ каждое новое избраніе составляетъ статью расхода, оцѣниваемую многими свѣдущими людьми въ 1000 ф. ст.

новыхъ патентовъ на это достоинство было выдано ни болѣе, ни менѣе, какъ 34 герцогамъ, 29 маркизамъ, 109 графамъ, 85 виконтамъ и 284 баронамъ. Реальное значеніе этой привиллегіи заключалось въ томъ, что она обезпечивала привиллегированному классу на долгія времена вліяніе на законодательство; все, что въ ней отзывалось феодализмомъ, было не болѣе, какъ пустое названіе и юридическая фикція, имѣвшая цѣлью упрочить за наиболѣе выдающимися фамиліями правящаго класса наслѣдственныя мѣста въ парламентѣ и регулировать способъ наслѣдованія. Сложившееся такимъ образомъ перство есть ничто иное, какъ добавочное и независимое отъ выборныхъ случайностей почетное представительство того самаго gentry, изъ рядовъ котораго оно выходитъ и въ рядахъ котораго по прежнему остается все семейство пера, кромѣ его самого. Назначеніе при Георгѣ III 268 перовъ и 528 баронетовъ было крайнимъ предѣломъ, до котораго дошло развитіе правящаго сословія въ указанномъ нами направленіи [5]).

Нельзя отрицать, что рядомъ съ усиленіемъ могущества правящаго класса замѣчается сравнительный *упадокъ* политическаго и экономическаго значенія *англійскаго средняго сословія* и процессъ этотъ

---

[5]) То упорство, съ которымъ на перство продолжаютъ смотрѣть, какъ на продолженіе средневѣковаго магнатства, служитъ характеристичнымъ образчикомъ отношенія общества ко всевозможнымъ родословнымъ. Во время изданія биля о парламентской реформѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ 188 перовъ заявляли притязаніе на происхожденіе отъ средневѣковаго дворянства; между тѣмъ серьозное изслѣдованіе сэра Гарриса Николаса показало, что изо всего состава англійскаго Peerage, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ 1830 г., не болѣе одной трети семействъ, рыцарское происхожденіе которыхъ можетъ быть доказано, ведутъ свой родъ съ царствованія Елизаветы, а изъ этого числа опять-таки лишь ничтожная часть можетъ по праву заявлять притязаніе на baronial descent. Въ числѣ тѣхъ 9458 семействъ, которыя по парламентскому разслѣдованію, произведенному въ 1798 г., имѣли право на фамильный гербъ, безъ сомнѣнія, не мало было элементовъ, соотвѣтствовавшихъ низшему дворянству континента, тоже умѣло въ свое время отстоять за собою право участвовать на турнирахъ и другія дворянскія привиллегіи, но въ число этихъ семействъ попало и большинство фамилій новѣйшаго gentry, успѣвшаго регистрировать свой гербъ, согласно съ установленнымъ для этого порядкомъ. Въ Англіи, кромѣ того, никогда не существовало особыхъ рыцарскихъ корпорацій и союзовъ, а также самостоятельныхъ семейныхъ, имущественныхъ наслѣдственныхъ правъ, которыя въ Германіи съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе расширяли пропасть между имущественнымъ положеніемъ высшаго сословія и услугами, оказываемыми имъ государству. Популярность и политическое вліяніе знатныхъ родовъ предохраняли людей, стоявшихъ во главѣ общества, отъ этой формы самообольщенія и, въ то же время, умѣряли притязанія болѣе мелкаго gentry. Такъ, напримѣръ, всѣмъ и каждому было извѣстно, что старинный и гордый родъ Перси вымиралъ ни болѣе, ни менѣе, какъ три раза, при чемъ фамильное имя переходило къ мужу дочери, оставшейся единственной наслѣдницей; всѣ знали, что сэръ Гёгъ Смитсонъ, получившій при Георгѣ II имя Перси, герцога Нортумберландскаго, былъ просто-на-просто сыномъ аптекаря. Дѣйствительнымъ родословнымъ деревомъ перства являются тѣ услуги, продолжавшіяся изъ рода въ родъ, которыя крупное землевладѣніе оказывало странѣ.

идетъ, постоянно прогрессируя, въ теченіе всего XVIII столѣтія. Правда, вліяніе средняго сословія на выборахъ отзывается на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ правящій классъ держалъ бразды государственной власти, и на самомъ характерѣ примѣненія сказанной власти; но вліяніе это остается лишь умѣряющимъ элементомъ. Что касается состава средняго сословія, то въ него по прежнему входятъ всѣ тѣ элементы, которые несутъ службу присяжныхъ и занимаютъ должности въ общинномъ управленіи. Сословіе это, какъ и въ средніе вѣка, замыкается въ графствахъ въ предѣлахъ ценза, установленнаго для службы присяжныхъ (40 шил. годоваго дохода съ земли владѣльческой on freehold), а въ городахъ активнымъ участіемъ въ городскомъ управленіи. Цензъ для службы присяжныхъ въ началѣ разсматриваемаго періода былъ повышенъ до 10 ф. ст., но при этомъ избирательное право мелкихъ freeholders было оставлено на прежнемъ основаніи. Что касается copyholders, имѣющихъ цензъ въ 10 ф., то они, наоборотъ, были привлечены къ присяжной повинности, но права голоса на выборахъ не получили. Вслѣдствіе скупки уцѣлѣвшихъ еще мелкихъ земельныхъ участковъ и вслѣдствіе того, что тѣ сквайры, которые еще продолжаютъ играть дѣятельную роль въ политической жизни, перестали лично заниматься земледѣліемъ, число арендаторовъ такъ непомѣрно возрастаетъ, что входитъ въ обычай все сельское сословіе, находящееся въ зависимости отъ землевладѣльцевъ, обозначать названіемъ farmers. Въ связи съ этой экономической зависимостью находится и постоянно усиливающійся упадокъ самодѣятельности средняго сословія въ приходахъ и городскихъ corporations; все болѣе и болѣе образованіе select bodies и vestries и, въ то же время, какъ законодательство, такъ и практика оказываютъ опасное послабленіе этой наклонности, освобождая массами именно представителей наиболѣе интеллигентныхъ промысловъ и профессій отъ присяжной повинности и отъ службы въ общинныхъ должностяхъ. Среднимъ сословіямъ, взятымъ во всей ихъ совокупности, недоставало той связи, которая дается организованными корпораціями и которая существовала для высшаго сословія въ видѣ четвертьгодичныхъ съѣздовъ мировыхъ судей, большихъ juries и corporations. Число избирателей, пользовавшихся правомъ голоса, составляло по вычисленіямъ, относящимся къ 1768 году, не болѣе 160.000 человѣкъ (Massey I, 998), а въ среднемъ выводѣ за все столѣтіе, по всѣмъ вѣроятіямъ, не превосходило 200.000 человѣкъ. Но вліяніе правящаго класса въ сильной степени перевѣшивало то значеніе, которое этотъ составъ избирателей имѣлъ по своей численности. Избирательное право продолжаетъ дѣйствовать какъ средство, предотвращающее введеніе въ законодательство принципа неравно-

правности и противодѣйствующее сословной замкнутости правящаго класса. Сознаніе такого значенія избирательнаго права сказывается, между прочимъ, и въ долгомъ спорѣ, возникшемъ по поводу избранія позорно-знаменитаго Уильсеса въ парламентъ. Но весь политическій починъ и вся сущность партійныхъ дѣленій коренятся въ правящемъ классѣ. Избирательные округа, закрѣпленные, можно сказать, за извѣстными фамиліями, и преобладающее вліяніе въ мѣстномъ самоуправленіи дѣлали среднія сословія чѣмъ-то въ родѣ свиты (retinue) при имущихъ классахъ; голосъ этихъ избирателей оказывалъ свое вліяніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ средѣ самыхъ высшихъ сословій происходило столкновеніе партій; тамъ же, гдѣ рѣчь шла объ общихъ интересахъ высшаго класса, этотъ голосъ былъ безсиленъ противодѣйствовать интересамъ правящаго класса.

Само собою разумѣется, что все вышесказанное примѣнимо и даже, въ еще большихъ размѣрахъ, къ положенію остальнаго населенія infra classem, къ мелкимъ freeholders, *лишеннымъ избирательнаго права*, ко всему сословію простыхъ copyholders и къ рабочимъ, не имѣвшимъ никакой собственности. Между тѣмъ полное отсутствіе какихъ-либо однообразно установленныхъ нормъ для городскаго представительства въ парламентѣ повело къ тому, что въ небольшомъ числѣ мѣстечекъ удерживалось старинное право всѣхъ участвующихъ въ scot and lot, на избирательный голосъ; такимъ образомъ въ этихъ мѣстечкахъ избирательныя собранія имѣли вполнѣ демократичный характеръ, до того, что въ нихъ участвовали даже рабочіе, не имѣвшіе никакой собственности. Правящій классъ, не желая возбуждать въ низшихъ слояхъ народа мысли о томъ, что извѣстнымъ сословіямъ намѣренно закрывается доступъ къ представительству, оставлялъ во всей неприкосновенности различныя аномаліи, проявлявшіяся въ подобныхъ избирательныхъ округахъ, и смотрѣлъ сквозь пальцы на народныя безчинства, происходившія при выборахъ въ парламентъ. Бурныя движенія 1780 г. и предложеніе ввести всеобщую подачу голосовъ, исходившее отъ оппозиціи видовъ, были предвѣстниками билля о парламентской реформѣ, которому суждено было пройти лишь полвѣка спустя. То были слишкомъ раннія, еще незрѣлыя попытки и поэтому-то упомянутое движеніе затихаетъ и о немъ въ теченіи цѣлаго поколѣнія нѣтъ болѣе и помину *).

---

*) Вплоть до конца восемнадцатаго столѣтія положеніе правящаго класса остается вполнѣ прочнымъ и обезпеченнымъ. Основы, на которыхъ созидалась эта аристократія, оставались непоколебимою до тѣхъ поръ, пока она дѣйствительно изображала изъ себя лишь aristodoulie, всѣ притязанія которой ограничивались лишь притязаніемъ на первое мѣсто при исполненіи общественныхъ обязанностей, которая каждое изъ своихъ преимуществъ (въ милиціи, въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ, въ важнѣйшихъ должностяхъ военнаго и гражданскаго управле-

§ 45.

VI. Составъ нижней палаты.

Нижняя палата, представляющая собою всю совокупность Communitates, соединенныхъ между собою посредствомъ selfgovernement (§ 42), состоитъ въ своей, теперь уже окончательно сложившейся формѣ, изъ нижеслѣдующихъ элементовъ:

80	членовъ,	представляющихъ	40 графствъ Англіи.
12	»	»	12 графствъ Уэльса.
50	»	»	25 Cities.
339	»	»	172 сельскихъ избирательныхъ округа и мѣстечка.
16	»	»	8 приморскихъ городовъ.
4	»	»	2 университетскіе города.

Къ этому числу прибавилось.

45	»	»	Шотландію съ 1706 г.
100	»	»	Ирландію съ 1801 г.

Эти корпораціи избирателей за тѣ четыре вѣка, въ теченіе которыхъ вырабатывалась ихъ организація, сохранили ту внутреннюю сплоченность, которая сдѣлала англійскую нижнюю палату могущественнѣйшимъ собраніемъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ и дала ей возможность, не взирая на всѣ случайныя, повидимому, смѣны партій, съ успѣхомъ вести управленіе міровою державою. И если мы сравнимъ внѣшніе размѣры англійскихъ избирательныхъ корпорацій, начиная съ обширнаго іоркскаго графства и кончая какимъ-нибудь захолустнымъ мѣстечкомъ, то онѣ представляютъ приблизительно тотъ же рядъ постепенно понижающихся степеней, какъ и старогерманскія группы, входившія въ составъ имперскаго представительства, начиная съ курфюрства Саксоніи и кончая какимъ-нибудь вольнымъ имперскимъ городомъ Паленъ или Бопфингенъ. Но если мы сопоставимъ то значеніе, котораго совокупность подобныхъ согрога пріобрѣла въ англійскомъ государствѣ, съ тѣмъ, которое она имѣла въ старой Германской имперіи, то для насъ сдѣлается яснымъ, что сила и значеніе національнаго представительства зави-

---

нія, а также въ верхней и въ нижней палатѣ) оплачивала деньгами или личною службою, въ чемъ низшія сословія съ ней соперничать не могли или не хотѣли, между тѣмъ какъ во всѣхъ тѣхъ существенныхъ пунктахъ, въ которыхъ общество, наиболѣе ревнивое въ отстаиваніи своихъ правъ, могло только требовать равноправности, такая признавалась вполнѣ. Только рядъ коренныхъ измѣненій, произошедшихъ въ условіяхъ *пріобрѣтенія собственности* и *владѣнія ею* могъ пошатнуть въ XIX столѣтіи исключительное господство такой аристократіи.

ситъ исключительно отъ крѣпости той *внутренней связи*, которая сплачиваетъ подобныя корпораціи какъ между собою, такъ и съ государствомъ въ его совокупности. Если бы все дѣло было въ томъ, чтобы соединить возможно большее число интеллигентныхъ и дѣльныхъ людей по избирательнымъ округамъ по возможности одинаковыхъ размѣровъ, то многія представительныя учрежденія, созданныя въ позднѣйшее время по образцу англійскаго парламента, дали бы такіе же блестящіе результаты, какъ и ихъ англійскій прототипъ. Но въ томъ и дѣло, что та внутренняя сплоченость, о которой мы говоримъ, основана въ Англіи не на демократическомъ принципѣ мѣстныхъ выборовъ (городскаго, окружнаго и провинціальнаго представительства), а также и не на феодальномъ принципѣ раздѣленія по сословіямъ (окружные и провинціальные штаты); равно далекая какъ отъ того, такъ и отъ другаго, она имѣетъ въ основѣ своей систему общинныхъ налоговъ и selfgovernement; и вотъ почему намъ необходимо здѣсь еще разъ остановиться на этихъ двухъ краеугольныхъ камняхъ парламента.

I. *Система общинныхъ налоговъ* въ формѣ такъ-называемой County-, Hundred-, или Tithing-Rate, возникла еще во времена Плантагенетовъ. Нѣсколько позднѣе къ ней присоединилась Church-Rate для членовъ одного и того же прихода. Законодательство Тюдоровъ дополняетъ эту систему перенесеніемъ на приходъ расходовъ по призрѣнію бѣдныхъ, по содержанію въ исправности дорогъ и нѣкоторыхъ другихъ обязанностей, соприкасающихся съ вышеназванными; при чемъ за базисъ системы принимается такое широкое основаніе, какъ всякая «христіанская семья», платящая налоги. Цифра общинныхъ налоговъ къ концу XVIII столѣтія возросла до 5 слишкомъ милліоновъ фунтовъ стерл. въ годъ и превышала цифру прямыхъ государственныхъ налоговъ, доходя порою до того, что равнялась половинѣ всѣхъ доходовъ государства. При такомъ положеніи дѣлъ, законодательство не могло закрывать глаза на тотъ фактъ, что государственные и общинные налоги не могутъ долѣе слагаться независимо другъ отъ друга, что, слѣдовательно, для автономіи общинъ и округовъ въ дѣлѣ налоговъ нѣтъ мѣста въ современномъ государствѣ, и что отнынѣ вся совокупность государственныхъ потребностей и вся совокупность податнаго обложенія должны быть регулируемы закономъ и согласованы по одному общему плану. Приступивъ къ упорядоченію системы налоговъ на этихъ началахъ, парламентское законодательство изъ трехъ существующихъ категорій налоговъ оставило двѣ въ исключительномъ вѣдѣніи государства: подоходный налогъ и таможенныя пошлины, а также пошлины, взимаемыя съ предметовъ потребленія; эти государственные налоги, вслѣдствіе быстраго возростанія финансовыхъ потребностей Велико-

британскаго государства, достигли уже въ XVIII столѣтіи весьма значительной цифры, а во время войнъ съ Франціей были доведены даже до неслыханной прежде высоты. За то государство отказалось отъ стараго поземельнаго налога съ тѣмъ, чтобы сохранить всю производительную силу и растяжимость, на какую только способна система предметнаго обложенія, для цѣлей сельскаго, городскаго, участковаго, окружнаго и провинціальнаго хозяйства *). При этомъ законодательство руководилось нижеслѣдующими принципами:

Признавалось, что въ основѣ сельскаго хозяйства долженъ лежать такой источникъ доходовъ, который представлялъ бы нѣчто *постоянное и равномѣрное*, независимое отъ перемѣнъ, ежегодно происходящихъ въ личномъ составѣ и имущественныхъ условіяхъ населенія, пользующагося свободою передвиженія, такъ какъ иначе общинное хозяйство, при своихъ незначительныхъ размѣрахъ, не могло бы существовать.

Далѣе, въ виду этого признавалось, что общинныя тяготы должны быть распредѣляемы между всѣми *видами недвижимой собственности*, имѣющимися на лицо (пашнями, строеніями, промышленными заведеніями, рудниками и т. п.), сообразно съ доходностью облагаемаго *предмета*, а не съ имущественнымъ положеніемъ лица.

Признавалось также, что въ видахъ сохраненія принципа личной связи между членами общины, общинный налогъ долженъ быть взимаемъ съ лица, пользующагося данною собственностью и *имѣющаго постоянное мѣстопребываніе въ общинѣ* (occupier), при чемъ раскладка налога должна быть ежедневно производима заново.

Въ виду этого-же соображенія, а также для болѣе уравнительнаго распредѣленія общинныхъ налоговъ между болѣе крупными и мелкими союзами, признавалось, что poor rate закона Елизаветы должно быть равномѣрно раскладываемо между общинами, участками и округами **).

---

*) Рядомъ съ системою свѣтскихъ общинныхъ налоговъ въ XVIII столѣтіи оставался еще въ силѣ церковный налогъ и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока было возможно поддерживать исключительное положеніе національной церкви, принуждая и диссидентовъ къ участію въ этомъ налогѣ и разсматривая весь приходъ, какъ однородный по своему составу, церковно-свѣтскій союзъ. Когда впослѣдствіи Church rate, вслѣдствіе отказа диссидентовъ въ ней участвовать, встрѣтила оппозицію и мало-по-малу начала приходить въ упадокъ, законодательство стало тѣмъ энергичнѣе поддерживать систему имущественнаго сближенія *свѣтской* общины.

**) Вопросъ о томъ, должны ли подати съ недвижимаго имущества быть уплачиваемы такъ-называемымъ occupier (арендаторомъ-съемщикомъ) или же собственникомъ—другими словами, слѣдуетъ ли въ городахъ взимать налогъ съ домовъ или съ нанимаемыхъ помѣщеній, или же слѣдуетъ распредѣлить этого рода сборъ въ извѣстной пропорціи между домовладѣльцами и квартирантами, является вопросомъ относительнымъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ имущественныхъ и экономическихъ условій, а также отъ установившагося обычая. Въ Англіи уже

Таковы тѣ принципы, которыми законодательство, судебная и административная практика руководились въ теченіи цѣлаго ряда десятилѣтій, поколѣній и вѣковъ въ дѣлѣ выработки системы общинныхъ налоговъ и при помощи которыхъ была созвана *матеріальная* связь, приспособившая эти communitates къ роли избирательныхъ корпорацій, посылавшихъ представителей въ нижнюю палату.

Благодаря вышеописанному порядку старинное vicinetum связывалось во едино сознаніемъ, что всѣ тѣ денежныя средства и услуги, которыя необходимы для охраненія гражданскаго порядка, для призрѣнія бѣдныхъ, для содержанія путей сообщенія, для многочисленныхъ задачъ общественнаго благосостоянія и благотворительности, лежащихъ на общинномъ союзѣ,—словомъ, для всего того, чѣмъ общество, формируясь снизу вверхъ, дорабатывается до государства, что всѣ эти средства и услуги, говоримъ мы, должны быть постоянно и равномѣрно распредѣлены между наличными видами недвижимой собственности, которая черезъ это становится такою же существенною основою общиннаго союза, какою вся земля данной страны служитъ для государства. Чѣмъ болѣе англійскому обществу грозила опасность распаденія, идущаго снизу вверхъ, благодаря свободѣ передвиженій, свободѣ ремеселъ, космополитическимъ началамъ торговли, стремленію рабочаго населенія къ бродячей жизни и постоянно возрастающему дробленію мѣстныхъ союзовъ по приходамъ и вѣроисповѣданіямъ, тѣмъ крѣпче законодательство инстинктивно держалось за систему обложенія недвижимой собственности, какъ за единственную матеріальную связь, которая могла въ періодъ преобразованія, переживаемый обществомъ, сохранить избирательнымъ корпораціямъ необходимую для нихъ сплоченность. Въ этомъ отношеніи англійское законодательство не дозволяло никакимъ сословнымъ интересамъ сбивать себя съ пути. Въ особенности крупному землевладѣнію приходилось вслѣдствіе такого стремленія законодательства нести черезмѣрную податную тягость (общинные налоги порой доходили иногда до 20, 40 и, въ единичныхъ случаяхъ, даже до 100 процентовъ съ цифры доходности имуществъ). Зло это, впрочемъ, по прошествіи нѣкотораго времени было устранено перенесеніемъ налоговъ съ черезмѣрно обремененныхъ мелкихъ союзовъ на болѣе крупныя группы, а также ежегодно усиливаемымъ привлеченіемъ жилыхъ домовъ и промышленныхъ предпріятій къ участію въ общинныхъ налогахъ ***).

самое скопленіе крупной недвижимой собственности въ немногихъ рукахъ ставило въ необходимость взимать общинные налоги съ occupier. Тамъ, гдѣ сотни домовъ и массы земельныхъ участковъ, сданныхъ въ аренду, принадлежали одному ландлорду, жившему въ другомъ мѣстѣ, немыслимо было взимать налоги, причитавшіеся съ этихъ домовъ и участковъ иначе, какъ съ личности арендатора или наемщика.

***) Опыты введенія такихъ системъ налоговъ, которыя соотвѣтствовали бы

II. *Вторымъ связующимъ звеномъ избирательныхъ корпорацій*, на этотъ разъ имѣющимъ личный характеръ, является самоуправленіе, дѣйствующее на правахъ государственной власти; другими словами, исполненіе высшихъ функцій государства въ округѣ,

---

интересамъ крупнаго землевладѣнія, дѣлались вплоть до конца среднихъ вѣковъ (см. стр. 443), но послѣ Тюдоровъ эти эксперименты прекращаются. Вмѣсто нихъ подъ названіемъ „разрѣшенія субсидій“ выступаетъ на сцену: 1) равномѣрное обложеніе *объекта* податныхъ обложеній или поземельный налогъ; 2) равномѣрное обложеніе *субъекта* податныхъ обложеній или имущественный, подоходный налогъ, сборы одной десятой или одной пятнадцатой; 3) равномѣрный *тарифъ* для таможенныхъ пошлинъ и для налоговъ на предметы потребленія. При Кромвелѣ были произведены новые кадастры и раскладки, которые были сохранены и реставраціей. Въ XVIII столѣтіи старая система періодически разрѣшаемыхъ субсидій перешла въ систему налоговъ, *разъ навсегда* утверждаемыхъ закономъ; тѣ обычныя субсидіи, которыя составляли *постоянную*, изъ году въ годъ повторяющуюся потребность государства, и до сихъ поръ разрѣшались періодически, теперь стали изъ года въ годъ взиматься въ пользу государственнаго казначейства на основаніи закона, безъ особаго разрѣшенія парламента; къ этимъ сборамъ отъ времени до времени присоединялись новые налоги, утверждаемые закономъ. Нельзя не сознаться, что при этомъ новомъ направленіи, которое приняло законодательство о налогахъ, таможенныя пошлины и налоги на предметы потребленія были доведены въ интересѣ правящаго класса до чрезмѣрной высоты. Новый подоходный налогъ (взамѣнъ сбора одной десятой и одной пятнадцатой, перешедшаго съ теченіемъ времени въ land-tax) былъ введенъ лишь во время большихъ войнъ съ Франціей (въ періодъ между 1798 и 1815 г.) и притомъ въ качествѣ временной мѣры. Этого рода налоги, а также косвенные налоги абсолютно изъяты изъ вѣдѣнія общинъ. За то парламентское законодательство закрыло ту книгу, въ которую заносился государственный поземельный сборъ; съ 1692 г. не предпринималось болѣе новыхъ кадастровъ, государственный поземельный сборъ, пришедшій въ совершенный упадокъ, былъ даже объявленъ подлежащимъ выкупу (1792) и продолжаетъ существовать лишь въ видѣ остатка, составляющаго около 1,050,000 ф. ст. Все свободное мѣсто, очистившееся такимъ образомъ, было занято общинными налогами, которые уже въ 1803 г. достигаютъ 5,348,000 ф. ст., въ теченіе нынѣшняго столѣтія удвоились и утроились и все еще продолжаютъ рости. Вскорѣ послѣ изданія билля о парламентской реформѣ, невыносимая тягость этого обложенія, обусловливаемая малыми размѣрами участковъ, на которыхъ лежала дорожная повинность и обязанность призрѣнія бѣдныхъ, вызвала агитацію въ пользу облегченія податныхъ тягостей, лежащихъ на поземельной собственности; агитація эта впрочемъ утихла послѣ того, какъ упомянутыя тягости были разложены на болѣе крупные союзы, такъ что въ настоящее время даже тяжкая повинность по содержанію народныхъ школъ входитъ въ систему налоговъ, взимаемыхъ съ недвижимой собственности. Отъ междусословнаго спора о томъ, не слишкомъ ли обремененo землевладѣніе и не слишкомъ ли мало несетъ съ своей стороны движимая собственность, Англія была избавлена. Въ фоліантахъ тѣхъ Reports, которые относятся къ этому предмету, мнѣ лишь изрѣдка попадался намекъ, свидѣтельствующій о подобной податной завистп, и, напротивъ, на каждой страницѣ сказывалось яснымъ пониманіе той безспорной истины, что въ экономически-свободномъ обществѣ имущіе классы могутъ по собственному усмотрѣнію становиться землевладѣльцами или капиталистами. Вполнѣ справедливыя жалобы заявляются лишь противъ того, что, благодаря непомѣрному дробленію союзовъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія, нестерпимое податное бремя падало на *нѣкоторыя* крупныя помѣстья и на *нѣкоторыя* общины. Критическій обзоръ положенія дѣлъ въ этой области государственной жизни былъ составленъ бывшимъ президентомъ бюро общественнаго призрѣнія, впослѣдствіи морскимъ ми-

участкѣ и мѣстечкѣ должностными лицами, принадлежащими къ имущему классу и исполняющими эти обязанности ради сопряженной съ ними чести, а также присяжная повинность и возложеніе болѣе мелкихъ должностей на лицъ, принадлежащихъ къ среднимъ сословіямъ, при чемъ этотъ персоналъ самоуправленія по мѣрѣ надобности дополняется чиновниками по профессіи, получившими юридическое образованіе, и многочисленными канцелярскими и другими чиновниками низшаго разряда, состоящими на жалованьи. Эта система внутренняго управленія основана вовсе не на какомъ-либо особомъ, присущемъ англійскимъ нравамъ пристрастіи къ замѣщенію должностей диллетантами изъ обывателей, не принадлежащихъ къ чиновничьему міру, она вытекаетъ изъ опыта, показавшаго, что обязанности, сопряженныя съ высшими полицейскими должностями, дѣйствительно хорошо исполняются людьми, занимающими независимое общественное положеніе и получившими образованіе, при чемъ сказанныя лица вносятъ въ свою дѣятельность болѣе свободный взглядъ на вещи, нежели персоналъ, набираемый исключительно изъ числа чиновниковъ по профессіи; тотъ же опытъ показалъ, что недостатокъ умѣлости въ вещахъ, касающихся служебной рутины, легко можетъ быть восполняемъ «клерками» и юристами низшаго разряда, классъ которыхъ въ Англіи такъ многочисленъ, и что вообще съ недостаткомъ этимъ на практикѣ легче справиться, нежели съ отсутствіемъ необходимыхъ качествъ въ личномъ характерѣ служащихъ. Другая, не менѣе важная сторона этихъ почетныхъ должностей состоитъ въ томъ, что, не взирая на существующую въ принципѣ смѣняемость всѣхъ должностныхъ лицъ, служащихъ въ администраціи, все же собственность обезпечиваетъ должностному лицу мѣстнаго самоуправленія полную независимость въ отправленіи ею судейскихъ обязанностей; лишь при этихъ гарантіяхъ *судейской* независимости могла выработаться та юрисдикція по дѣламъ административнымъ, которая служитъ опорою парламентской системы управленія, чего не могло бы быть, еслибы въ Англіи, какъ на континентѣ, и имѣлись-бы простые совѣты префектуръ, состоящіе изъ чиновниковъ по профессіи и испытывающіе на себѣ вліяніе смѣны министровъ и давленіе могущественныхъ партій. Но важнѣе всего соціальная сторона этого порядка: само-

---

нистромъ, Geo. Goshen, Reports and speeches on local taxation 1875. Доходность недвижимой собственности въ 1868 г. оцѣнивалась въ 143,872,000 ф. ст. (для общинныхъ налоговъ оцѣнка была понижена до 100,612,000 ф. ст.). Совокупность общинныхъ налоговъ, взимаемыхъ съ этихъ доходовъ, въ скоромъ времени дойдетъ до 20,000,000 ф. ст., тогда какъ въ 1803 г. весь доходъ съ поземельной собственности оцѣнивался не болѣе, какъ въ 34,864,000 ф. ст. См. Gneist, Selfgovernement (1871) §§ 25, 152, 164.

дѣятельность связывала воедино разнородные общественные элементы на почвѣ тѣхъ интересовъ, которые общи всѣмъ имъ, на почвѣ отправленій правосудія, поддержанія гражданскаго порядка и заботъ объ общемъ благѣ. Въ виду того, что жизнь общества не столько соединяетъ людей, сколько разъединяетъ ихъ, внося, какъ въ мелкія, такъ и въ болѣе обширныя группы антагонизмъ имущественныхъ, промышленныхъ и трудовыхъ интересовъ, различіе вѣроисповѣданій и профессій, въ высшей степени важно, чтобы люди сходились между собою для исполненія общихъ гражданскихъ и человѣческихъ обязанностей и въ этой совокупной работѣ узнавали и научались уважать другъ друга. Эта сторона придавала самодѣятельности въ предѣлахъ общиннаго союза такую цѣну, которая дѣлаетъ ее незамѣнимою никакимъ инымъ учрежденіемъ изо всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ. Въ этого рода дѣятельности низшіе слои общества узнаютъ представителей высшихъ сословій за людей, которые не только пользуются высшею мѣрою жизненныхъ благъ и наслажденій, но и на пользу общественнаго цѣлаго въ большей мѣрѣ работаютъ за людей, которыхъ чувство чести, независимость и сила характера, воспитываемыя въ человѣкѣ честно пріобрѣтенною собственностью, дѣлаютъ способными добросовѣстно и съ честію исполнять обязанности власти; фактъ этотъ, проникая въ общее сознаніе, вноситъ примиряющій элементъ въ тѣ сословные контрасты, которые въ Англіи были созваны и поддерживаются основными учрежденіями страны [1]).

Ш. Но значеніе communitas для парламентскихъ учрежденій проявляется во всей своей полнотѣ лишь благодаря той *прочной, органической связи*, которая существуетъ между selfgovernement и системою общинныхъ налоговъ, благодаря лишь тому сліянію правительственной власти и самоуправленія въ *однихъ и тѣхъ же личностяхъ*, которое мы находимъ и въ системѣ германскихъ общинъ. И такое-то сліяніе двухъ вышеуказанныхъ началъ въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ создаетъ для соціальнаго антагонизма имущественныхъ, промышленныхъ, трудовыхъ и вѣроисповѣдныхъ интересовъ *противовѣсъ*, который снова связываетъ всѣ эти противурѣчивые интересы

---

[1]) *Личное* вліяніе англійскаго самоуправленія особенно подробно выяснено въ моемъ сочиненіи о Selfgovernement (3-е изд. 1871). Именно эта-то сторона совершенно упущена изъ виду во французскихъ муниципальныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ отведено мѣсто лишь представительству плательщиковъ податей, административная же власть всецѣло предоставлена префектамъ въ департаментахъ, округахъ и общинахъ. За то надлежащее вниманіе было обращено на вышеуказанную сторону дѣла въ прусскомъ городовомъ положеніи 1808 г. и въ другихъ учрежденіяхъ, возникшихъ по образу послѣдняго, въ особенности въ прусской организаціи округовъ по закону 1872 г. (См. Gneist, Preus. Kreisordnung, Berlin 1871).

воедино, замѣняетъ общественный предразсудокъ политическимъ разумомъ и воспитываетъ чувство законности, дѣлающее націю способною управлять своими собственными судьбами. Прежде всего способствуетъ поддержанію единства, гражданскаго порядка и сознанія гражданской солидарности почетная должность мироваго судьи, которому предоставлено руководство всей совокупностью отправленій мѣстной жизни. Постоянное исполненіе гражданскихъ обязаностей способствуетъ выработкѣ общественнаго міросозерцанія въ избирательныхъ корпораціяхъ, внѣдряетъ это міросозерцаніе въ привычки и воспитываетъ въ лицахъ, участвующихъ въ самоуправленіи, сознаніе того вліянія, которымъ они по праву пользуются въ сферѣ своей дѣятельности, при чемъ они однако же ни на минуту не забываютъ, что вліяніемъ этимъ они пользуются лишь въ силу полномочій, данныхъ имъ государствомъ и подъ условіемъ подчиненія обязательному для нихъ закону, а отнюдь не по праву рожденія или не на основаніи имущественнаго ихъ положенія. Общественная жизнь графства и общинъ, благодаря такому сознанію, проникалась и оплодотворялась такимъ чувствомъ преданности общему благу, которое абсолютизмъ, даже въ наилучшей своей формѣ, можетъ воспитать лишь въ отборномъ меньшинствѣ чиновничества.

Лишь благодаря тому умѣряющему и преобразующему вліянію, которое общинная жизнь оказываетъ на антагонизмъ сословныхъ интересовъ, вырабатываются тѣ умѣренныя партіи, которыя дѣлаютъ возможнымъ парламентское управленіе по англійскому образцу. Выборы такой избирательной корпораціи представляютъ собою, такъ-сказать, «діагональ» всей совокупности общественныхъ стремленій, — діагональ, которой всѣ крайніе предразсудки и стремленія различныхъ общественныхъ классовъ уже осилены. Лишь изъ этого процесса выходятъ тѣ два коренныя политическія направленія, которыя въ наши дни обозначаются названіями консервативнаго и либеральнаго, въ противуположность направленіямъ непосредственныхъ, чисто общественныхъ (крайнихъ) партій. Изъ привычекъ ежедневнаго, сосѣдскаго общенія въ предѣлахъ мѣстныхъ самодѣятельныхъ союзовъ, члены которыхъ подчинены одинаковымъ обязанностямъ, вырабатывается единое государственно-общественное сознаніе, которое претворяетъ естественное многообразіе мнѣній и стремленій въ одну совокупную волю. Большинство избирательныхъ communitates получаетъ даже черезъ это особенную духовную физіономію, остающуюся неизмѣняемой въ существенныхъ своихъ чертахъ, нѣчто въ родѣ индивидуальнаго характера. Совокупная воля корпораціи не можетъ быть выражена иначе, какъ въ рѣшеніяхъ большинства голосовъ, при чемъ всякое представительство мнѣній меньшинства является абсурдомъ *).

*) Votum корпораціи почерпаетъ свое значеніе именно изъ вышеуказаннаго

Но все это признавалось въ Англіи лишь съ извѣстными оговорками, допускавшимися въ пользу *городскихъ избирательныхъ округовъ*. Англійскіе города въ своей окончательно сложившейся организаціи распадаются теперь на двѣ группы.

Около 200 городовъ Англіи и Уэльса въ качествѣ особыхъ избирательныхъ округовъ посылаютъ въ парламентъ своихъ представителей на правахъ такъ-называемыхъ parliamentary boroughs; около половины изъ этого числа въ свое время была облечена правами городской корпораціи посредствомъ особой хартіи, слѣдовательно можетъ быть отнесена и ко второй группѣ, о которой рѣчь будетъ ниже.

Около трехсотъ городовъ, съ другой стороны, получили въ концѣ средневѣковаго періода, на основаніи хартій или мѣстныхъ законовъ, положительную организацію, въ большинствѣ случаевъ съ бургомистрами и городскими совѣтами, которая придаетъ имъ характеръ такъ-называемыхъ municipal boroughs; сюда же относятся еще 19 городовъ, пользующіеся болѣе широкими правами такъ-называемаго county corporate; это даетъ имъ такое же право имѣть собственнаго шерифа, coroner'a и свою особую городскую милицію **).

процесса переработки противурѣчивыхъ общественныхъ стремленій въ одну совокупную волю, а отнюдь не изъ суммы единичныхъ мнѣній, изъ которыхъ она слагается. Можно сказать, что наибольшая сумма интеллигентныхъ лицъ, проникнутыхъ наилучшими намѣреніями, со временъ Іакова I вотировали отъ имени Кембриджскаго и Оксфордскаго университетовъ, а между тѣмъ именно эти-то университеты посылали въ парламентъ самыхъ диковинныхъ представителей. То же самое можно сказать и о выборахъ въ большихъ городахъ. Именно потому, что внутренняя сплоченность избирательной корпораціи играетъ рѣшающую роль, законодательство въ принципѣ было право, оставляя существовать равное представительство для большихъ и малыхъ графствъ, для крупныхъ и мелкихъ избирательныхъ мѣстечекъ, до тѣхъ поръ, пока при этомъ въ общемъ соблюдалась пропорціональность въ представительствѣ различныхъ общественныхъ классовъ.

**) Хотя произвольныя мѣры, которыми при Іаковѣ II была изуродована организація многихъ городовъ, впослѣдствіи и были отмѣнены, но неправильности, порожденныя старинными хартіями, въ силу которыхъ существовали городскія корпораціи, въ принципѣ продолжали существовать во всей неприкосновенности. Рѣшенія нижней палаты, касавшіяся спорныхъ городскихъ выборовъ, по прежнему отличались то пристрастнымъ характеромъ, то отсутствіемъ какого-либо руководящаго начала, вслѣдствіе чего рѣшенія эти колебались то въ ту, то въ другую сторону; позднѣйшій законъ могъ только предписать шерифамъ, чтобы они постоянно руководились послѣднимъ рѣшеніемъ нижней палаты. Многочисленнымъ мѣстнымъ нуждамъ городскаго управленія старались удовлетворить посредствомъ мѣстныхъ постановленій, издаваемыхъ при содѣйствіи парламента; такихъ постановленій было издано при Вильгельмѣ III—1, при Аннѣ—10, при Георгѣ I—15, при Георгѣ II—46, при Георгѣ III—не менѣе 400; этого рода мѣрами опять-таки создавались новыя, произвольно организованныя административныя единицы и городскія представительства. О тѣхъ народіяхъ на городское уложеніе, которыя при этомъ получались, см. Gneist, Selfgovernement (1871) § 73.

Вышеописанное городское устройство во всякомъ случаѣ было и оставалось скопленіемъ аномалій, которыя лишь случайно приводились тамъ и сямъ въ нѣкоторое согласованіе между собою. Съ одной стороны продолжало существовать старинное городское уложеніе, ограничивавшее права городовъ полицейскимъ управленіемъ и завѣдываніемъ старыми городскими имуществами; при этомъ такая обременительная и дорого стоющая статья городскаго хозяйства, какъ призрѣніе бѣдныхъ и пути сообщенія, была отдана въ руки приходовъ, стоявшихъ совершенно особнякомъ отъ городскаго управленія. За тѣмъ нѣкоторыя стороны городской жизни находились опять-таки въ вѣдѣніи особыхъ commissions или trusts. Часть городовъ, имѣвшихъ своихъ представителей въ парламентѣ, пользовалась инкорпораціонными хартіями, придавшими имъ тѣ формы городскаго устройства, какія уже успѣли въ это время окончательно сложиться, остальные же въ основѣ своей организаціи сохраняли старинный средневѣковой court leet, уже успѣвшій придти въ упадокъ; часть городовъ, пользовавшихся правами городскихъ корпорацій, имѣла своихъ представителей въ парламентѣ, другая же часть была лишена представительства, мелкія мѣстечки, пришедшія въ совершенный упадокъ, имѣли по два представителя наравнѣ съ самыми большими графствами, а нѣкоторые города, успѣвшіе уже сдѣлаться весьма значительными, не посылали въ парламентъ ни одного представителя.

Таковы были послѣдствія городскаго представительства, слагавшагося безъ всякаго плана и болѣе чѣмъ въ десять разъ превышавшаго своею численностью дѣйствительную потребность,—послѣдствія, успѣвшія явственно сказаться лишь въ конечномъ результатѣ. Неизбѣжнымъ плодомъ такого порядка вещей было подчиненіе дѣйствительныхъ мѣстныхъ интересовъ парламентскимъ интересамъ партій, такъ какъ партіи, боровшіяся въ парламентѣ, старались вліять на выборы преимущественно въ мелкихъ мѣстечкахъ, которыя, начиная съ царствованія Георга III, сдѣлались ареною систематическихъ избирательныхъ подкуповъ. Чѣмъ многочисленнѣе и чѣмъ ничтожнѣе по своему значенію были избирательные центры, тѣмъ болѣе они подпадали подъ вліяніе сосѣднихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Не даромъ на статистику выборовъ въ XVIII столѣтіи избѣгали проливать слишкомъ яркій свѣтъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ этого столѣтія «Общество друзей народа» въ поданной имъ петиціи прямо утверждало, что до 200 городскихъ депутатовъ обязаны своимъ избраніемъ такимъ континентамъ избирателей, въ которыхъ число голосовъ не доходило и до ста, и что вообще 354 члена нижней палаты избираются 154 такъ-называемыхъ patrons; показаніе это не встрѣтило серьозныхъ опроверженій. Такое положеніе дѣлъ явилось своего рода противовѣсомъ городскому пред-

ставительству, вдесятеро болѣе многочисленному, чѣмъ было бы нужно; правда, противовѣсъ этотъ достигался цѣною развращенія нравовъ въ мелкихъ мѣстечкахъ и въ ущербъ интересамъ среднихъ сословій; но энергія и вліяніе сельскаго gentry еще болѣе усиливались, благодаря этимъ аномаліямъ, врѣзавшимся какимъ-то совершено стороннимъ клиномъ въ конституцію. Какъ бы то ни было, парламентское представительство городовъ оставалось Ахилесовою пятою великой парламентской корпораціи, которая въ остальныхъ своихъ частяхъ отличалась гармоничнымъ строеніемъ; позднѣйшіе билли о реформѣ были правы, направивъ свои удары на это слабое мѣсто *).

---

§ 46.

VII. Положеніе верхней палаты.

Верхняя палата является необхадимымъ дополненіемъ палаты общинъ, какъ представительница *существующаго* правоваго порядка, назначеніе которой—служить защитою меньшинства отъ большинства и ограждать *постоянные* интересы государства отъ ежедневно измѣняющихся интересовъ общества. Съ такою-то цѣлью правящему классу было дано дополнительное представительство въ лицѣ главъ наиболѣе выдающихся семействъ этого класса, при чемъ сказанное представительство поставлено въ условія, дѣлающія его независимымъ отъ вліянія выборовъ. Къ составу 166 перовъ, уже имѣвшихся на лицо при восшествіи на престолъ Вильгельма III, въ теченіе XVIII столѣтія было прибавлено: 34 герцога, 29 маркизовъ, 109 графовъ, 85 виконтовъ и 248 бароновъ. Въ общей

---

*) Если за всѣмъ тѣмъ, читатель пожелаетъ узнать, чѣмъ же объясняется та разумная умѣренность, которою англійскій парламентъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ учрежденій, созданныхъ по его образцу,—если онъ спроситъ, почему этотъ парламентъ лучше умѣлъ уважать публичное право страны, чѣмъ то дѣлала до него королевская власть, отчего при паденіи министерства той или другой партіи, всѣ перемѣны служебнаго персонала ограничиваются лишь какою-нибудь полсотнею лицъ, занимющихъ такъ-называемые political offices, а въ остальныхъ сферахъ управленія составъ чиновничества остается постояннымъ и неподкупность администраціи была гарантирована вполнѣ,—почему, наконецъ, смѣна министерствъ, выдвигаемыхъ тою или другою партіей, не отзывается ни на положеніи судей, ни на интересахъ собственности, ни на самостоятельности государственной церкви, — то отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ быть только одинъ: причина всѣхъ сказанныхъ явленій заключается въ томъ духѣ, которымъ проникнуты корпораціи избирателей, опредѣляющія составъ нижней палаты своимъ голосованіемъ, въ той внутренней сплоченности, которая придала этимъ корпораціямъ надлежащимъ образомъ направленную волю и научила ихъ надлежащимъ образомъ пользоваться политическою свободою.

цифрѣ перовъ (простиравшейся при восшествіе на престолъ Георга IV до 372, а въ настоящее время дошедшей даже до 512), представительство государственной церкви посредствомъ двухъ архіепископовъ и 24 епископовъ становится меньшинствомъ, все болѣе и болѣе незначительнымъ, представительство это есть не болѣе, какъ придатокъ къ учрежденію, имѣющему преимущественно свѣтскій характеръ и которое съ одной стороны даетъ правящему классу наивысшее изъ его почетныхъ правъ, а съ другой стороны сообщаетъ государственному управленію необходимую устойчивость *).

Уже начиная съ восемнадцатаго столѣтія, всѣ люди, компетентные въ вопросахъ государственнаго права, къ какой бы національности они ни принадлежали, и за весьма немногими исключеніями, пришли къ тому убѣжденію, что рядомъ съ народнымъ представительствомъ и его колеблющимся большинствомъ, должно существовать болѣе прочное учрежденіе; смотря по особеностямъ общественнаго строя и по основамъ государственной жизни въ данной странѣ, такое учрежденіе составляется либо изъ пожизненныхъ, либо изъ наслѣдственныхъ членовъ или же изъ представителей, корпорацій, имѣющихъ не измѣняющійся составъ. Такъ или иначе, учрежденіе такого рода должно носить постоянный характеръ для того, чтобы служить точкою опоры для существующаго государственнаго и общественнаго строя **). Къ сожалѣнію, этотъ разумный взглядъ теряетъ свой авторитетъ въ мнѣніи народа именно въ такія минуты, когда современное общество наиболѣе нуждается въ его умѣряющемъ вліяніи.

Англія, въ теченіе долгой борьбы, которая происходила между королевскою властью и сословіями, *эмпирически* дошла до

---

*) При восшествіи на престолъ Георга I верхняя палата состояла изъ 22 герцоговъ, 2 маркизовъ, 64 графовъ, 10 виконтовъ, 67 бароновъ и 16 шотландскихъ перовъ; но изъ этихъ перствъ ко времени смерти Георга IV уцѣлѣло только 52. Именно благодаря тѣмъ многочисленнымъ пожалованіямъ перскаго достоинства, которыя состоялись при Георгѣ III, явилось то сознаніе внутренней связи между правительствомъ съ одной стороны и правящимъ классомъ и communae избирателей съ другой стороны, а также то полное единство дѣйствія въ парламентской корпораціи, какого Англія ни до этого, ни послѣ этого не видала. Правда nobility, въ безрасудной своей заносчивости, сдѣлало было попытку ограничить королевское право назначенія перовъ разъ навсегда опредѣленнымъ числомъ, но палата общинъ поняла, какими послѣдствіями грозила подобная мѣра и отклонила ее (въ 1719 г.).

**) Мелкое государство, въ которомъ не достаетъ элементовъ для верхней палаты, тѣмъ самымъ доказываетъ, что оно есть не болѣе, какъ civitas imperfecta. Въ дѣйствительности такія государства могутъ существовать лишь въ качествѣ подчиненныхъ частей болѣе крупнаго государственнаго цѣлаго. Какое бы названіе ни носила подобная комбинація, назовемъ ли мы ее союзомъ государствъ или союзнымъ государствомъ (Staatenbund oder Bundesstaat), но несомнѣнно, что только при ея помощи сказанныя мелкія единицы становятся способными исполнять задачи государственной жизни.

того устройства, которое въ восемнадцатомъ столѣтіи было признано наиболѣе естественнымъ и само собою разумѣющимся. При самомъ своемъ возникновеніи верхняя палата явилась на свѣтъ въ видѣ королевскаго совѣта, усиленнаго вліяніемъ землевладѣльческаго элемента. Въ составъ Permanent Council вступили наиболѣе выдающіяся личности изъ крупныхъ вассаловъ и прелаты, другими словами—представители крупнаго землевладѣнія, а не просто собственности; изъ духовныхъ званіе лордовъ получали тѣ, которые активно стояли во главѣ церковнаго управленія, а изъ свѣтскихъ магнатовъ—тѣ, которые были готовы и способны взять на себя совокупно съ высшими сановниками короны ardua negotia regni и которые кромѣ того въ дѣлѣ налоговъ и другихъ повинностей стояли во главѣ остальнаго населенія. Позднѣе эта аристократія (въ противоположность тому, что происходило въ старыхъ французскихъ парламентахъ), благодаря превосходству нравственныхъ своихъ качествъ, оттѣснила на задній планъ чисто чиновничій элементъ, оставивъ королевскихъ Justiciarii и чиновниковъ по профессіи лишь въ качествѣ помощниковъ, содѣйствовавшихъ дѣлу своими знаніями. Въ періодическихъ засѣданіяхъ королевскаго совѣта, духовное и свѣтское перство, по молчаливому соглашенію всѣхъ сторонъ, мало-помалу превращалось въ постоянную корпорацію, становилось необходимымъ факторомъ законодательства и главою всей судебной организаціи. Въ восемнадцатомъ столѣтіи большинство высшихъ сановниковъ короны состоитъ изъ наиболѣе выдающихся представителей перства, которые, подъ названіемъ Privy Council, руководятъ всѣми дѣлами государственнаго управленія.

Тамъ, гдѣ верхняя и нижняя палата дѣйствуютъ *такимъ образомъ*, рука объ руку исполняя всѣ существенныя задачи государственнаго управленія, не требуется теоретическихъ доказательствъ необходимости системы двухъ палатъ, необходимость эта явствуетъ сама собою изъ ежедневной дѣятельности парламента.

Безъ верхней палаты *законодательство* вскорѣ потеряло бы свою точку опоры или, вѣрнѣе, его вовсе не существовало бы. Мѣсто его заняли бы постановленія нижней палаты, которыя получили бы то же значеніе, какъ и рѣшенія всякаго отдѣльнаго конвента (такой результатъ былъ бы неизбѣженъ при той власти, которою нижняя палата пользуется въ финансовыхъ вопросахъ и при рѣшающемъ ея вліяніи на перемѣну министерствъ); различіе между законами и постановленіями палатскаго большинства, мѣняющимися изо дня въ день, вскорѣ превратилось бы въ пустую, безсодержательную форму и существовало бы лишь только по имени.

Безъ верхней палаты управленіе страною на основаніи законовъ въ скоромъ времени сдѣлалось бы невозможнымъ, такъ какъ каждую

минуту любое постановленіе большинства нижней палаты могло бы отмѣнять существующіе законы, пріостанавливать ихъ дѣйствіе или же освобождать отъ повиновенія имъ въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ.

Равнымъ образомъ въ скоромъ времени были бы упразднены и тѣ гарантіи права частныхъ лицъ, которыя даются судебными учрежденіями, такъ какъ высшая власть, представляемая постановленіями большинства, могла бы каждую минуту устранять суды, смѣнять ихъ персоналъ и отмѣнять ихъ приговоры.

Таковъ скоротечный процессъ, путемъ котораго всѣ конституціи, созданныя согласно съ идеалами чистой демократіи и построенныя на доктринерскихъ системахъ верховной власти народа, переходятъ въ диктатуру и даже въ необузданный абсолютизмъ, ниспровергающій всѣ учрежденія, которыми государственная власть удерживается въ надлежащихъ границахъ. Англія въ кратковременный періодъ правленія Кромвеля успѣла ровно настолько ознакомиться на опытѣ съ системою одной палаты, чтобы болѣе къ ней не возвращаться. Убѣжденіе въ необходимости верхней палаты должно было тѣмъ болѣе крѣпнуть въ народѣ, что уже въ XVIII столѣтіи быстрые колебанія въ направленіи парламентскаго большинства и частыя смѣны министерствъ наглядно доказывали необходимость найти для судебнаго и административнаго порядка ту прочную точку опоры, которою уже не могла болѣе служить королевская власть ***).

Одновременно съ этимъ опытъ нѣсколькихъ столѣтій привелъ Англію къ тому заключенію, что государственное учрежденіе, для того, чтобы сохранить свою устойчивость, существуя бокъ о бокъ съ такой могущественной корпораціей, какъ **House of Commons**, должно быть основано не на одной собственности, а имѣть свои корни, также какъ и **communitates**, въ общемъ строеніи государственной жизни. Въ сущности каждая **communitas** содержитъ въ себѣ тѣ элементы, которые, будучи сосредоточены въ парламентѣ, образуютъ палату лордовъ. Перы, которые обыкновенно въ качествѣ лордовъ-намѣстниковъ и **Custodes Rotulorum** стоятъ во главѣ управленія графствомъ, его администраціи и милиціи, насколько

***) Любопытною чертою, характеризующею тѣ *практическія* воззрѣнія, которыя и понынѣ еще вырабатываются на почвѣ реальнаго участія въ государственной дѣятельности, является нижеслѣдующій фактъ: даже новѣйшая англійская политико-экономическая школа, которая пытается выводить существованіе государства исключительно изъ однихъ только интересовъ и отошла такъ далеко, какъ только можно себѣ представить, отъ понятія о необходимости права въ государствѣ, даже эта школа, говорю я, и самъ Стюартъ Милль признаютъ необходимость двухъ палатъ. Но подъ вліяніемъ идеи о верховной власти народа, порядокъ старшинства между палатами измѣняется: первая палата по теоріи школы должна стать второю.

послѣдняя еще оказывается пригодною въ XVIII столѣтіи, продолжаютъ играть ту же руководящую роль и соединившись въ верхней палатѣ. Тотъ же принципъ назначенія высшихъ должностныхъ лицъ королевскою властью, который существовалъ въ области военнаго, судебнаго и полицейскаго управленія, проводится и въ палатѣ лордовъ, такъ какъ пожалованія перскаго достоинства исходятъ отъ короля †). За тѣмъ обычай, дѣлавшій представителей крупнаго землевладѣнія главными факторами въ самоуправленіи графствъ, естественно повлекъ за собою признаніе перскаго достоинства наслѣдственнымъ, подобно тому, какъ въ бюрократическомъ государствѣ, построенномъ на принципѣ абсолютизма, самая сущность чиновничества влечетъ за собою необходимость оставлять высшихъ должностныхъ лицъ пожизненно на занимаемыхъ ими должностяхъ и вообще заставляетъ заботиться о сохраненіи болѣе постояннаго личнаго состава высшихъ чиновниковъ. Именно связь частнаго съ общимъ и равномѣрная, дружная дѣятельность всѣхъ элементовъ по одной общей системѣ придаетъ англійской верхней палатѣ ея устойчивое положеніе среди англійскаго государственнаго и общественнаго строя.

И такъ, аристократическая верхняя палата, такъ же, какъ и нижняя палата представляетъ собою *органическое сочетаніе собственности* и *должностныхъ занятій*. Она не есть простая фикція, основанная на мнимомъ существованіи давно упраздненныхъ должностей и опирающаяся лишь на буквальный первоначальный смыслъ дворянскихъ титуловъ (что мы видимъ въ дворянствѣ континента); она неразлучна съ живою дѣятельностью въ области высшаго государственнаго управленія и съ непрерывною работою въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія; она несетъ дѣйствительную службу, службу общегосударственную и всю отвѣтственность, сопряженную со всякою общественною должностью. Равнымъ образомъ она отнюдь не можетъ считаться представительницей *привилегированнаго* землевладѣнія, которое исчезло въ Англіи вмѣстѣ съ ленными отношеніями, утратившими свой смыслъ; верхняя палата есть пред-

---

†) Практичность, свойственная англійскому міровоззрѣнію, сказывается также и въ этомъ вопросѣ и дѣлаетъ то, что даже англійскіе радикалы признаютъ необходимость назначенія высшихъ должностныхъ лицъ королевскою властью. При томъ отчужденіи отъ всякой самодѣятельности въ дѣлахъ государственнаго управленія, въ которомъ воспитано общество на континентѣ, необходимость назначенія членовъ верхней палаты королевскою властью въ монархическомъ государствѣ, составляющемъ единое нераздѣльное цѣлое, не могла быть понята обществомъ. Съ точки зрѣнія общественной, палата эта тоже должна быть выборною, равно какъ и всѣ элементы самоуправленія, начиная съ низшихъ ступеней и сходя до самыхъ верхнихъ. Лишь тамъ, гдѣ участіе въ военномъ, судебномъ и полицейскомъ управленіи вошло въ привычку, необходимость замѣщенія начальственныхъ должностей въ этихъ сферахъ управленія не путемъ выборовъ, а путемъ назначенія верховною властью становится дѣломъ общепонятнымъ.

ставительница всякой собственности, наполняющей свои податныя и личныя обязательства передъ государствомъ. Роль перовъ въ законодательствѣ и въ дѣлѣ утвержденія налоговъ столь же естественно вытекаетъ изъ положенія, которое они занимаютъ въ качествѣ лицъ, несущихъ наибольшія податныя тягости, какъ и роль gentry въ собраніяхъ округа. И благодаря этой-то тѣсной связи со всѣмъ остальнымъ государственнымъ устройствомъ, положеніе верхней палаты было достаточно прочно еще и въ XVIII столѣтіи ††).

---

§ 47.

Положеніе государственной церкви въ системѣ парламентскаго управленія.

Медленно и съ большими усиліями дошла государственная церковь въ теченіе XVIII столѣтія до примиренія съ парламентскимъ государствомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно сложилось за послѣднія два вѣка. Справедливость требуетъ признать, что во время борьбы парламентовъ со Стюартами, церковь была очень близка къ тому, чтобы сдѣлаться орудіемъ смѣняющихся парламентскихъ партій. По этому-то она съ своимъ ученіемъ объ абсолютномъ характерѣ королевской власти такъ горячо вступилась за монархію Іакова I и его преемниковъ, съ ихъ принципомъ jure divino. Оппозиція сектъ, расходившихся съ государственной церковью, была подавлена строгими запретительными законами реставраціи. Съ этой поры англиканское духовенство, встрѣчая впрочемъ, въ данномъ случаѣ, опасную конкурренцію римско-католическаго духовенства, старается въ своихъ проповѣдяхъ

---

††) Именно та значительная подвижность, которою отличается личный составъ англійскаго перства, и тѣ новыя пожалованія, которыя продолжаются изъ года въ годъ, служатъ доказательствомъ того, что почести, присвоенныя этому сословію, пріобрѣтались имъ такъ же, какъ и въ среднихъ вѣкахъ. Подобно тому, какъ крупныя помѣстья въ графствахъ были пунктами, куда, по привычкѣ, обращались всѣ взоры, отыскивая мироваго судью или плательщика, взносящаго наибольшую долю налоговъ, подобно тому, какъ совокупность всего этого образовала ядро окружнаго и провинціальнаго управленія, такъ окончательнымъ ихъ средоточіемъ является палата лордовъ. И такое положеніе дѣлъ продолжается, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, еще и въ XIX столѣтіи. Въ спискахъ за 1855 г. я нашелъ между членами верхней палаты: 61 пера, стоявшихъ въ качествѣ Lordlieutenants во главѣ управленія графствъ, 116 перовъ, занимавшихъ офицерскія должности въ милиціи, 58 въ регулярной арміи, 67 бывшихъ или еще стоящихъ у кормила правленія министровъ и товарищей министровъ, 108 бывшихъ членовъ палаты депутатовъ и т. д. Нельзя впрочемъ отрицать, что типъ лорда, ведущаго чисто частную жизнь, типъ, который въ XVIII столѣтіи составлялъ очень рѣдкое исключеніе изъ общаго правила, въ настоящее время быстро распространяется.

и печатныхъ произведеніяхъ расположить въ свою пользу обоихъ царственныхъ братьевъ, при чемъ представители той и другой церкви наперерывъ другъ передъ другомъ стараются выставить себя единственною опорою престола и общественнаго порядка. Отъ этой-то привычки къ политиканству англиканская церковь никакъ не могла освободиться. Поперемѣнно переходя то на сторону власти, то на сторону оппозиціи, она такъ или иначе была вовлечена въ борьбу партій всѣхъ послѣднихъ десятилѣтій правленія Стюартовъ. Церковная каѳедра превратилась въ политическую трибуну и дѣйствовала тѣмъ успѣшнѣе, что ни откуда не встрѣчала противорѣчій, такъ какъ пресса была подчинена цензурѣ. Какъ духовенству, такъ и обоимъ университетамъ, находившимся въ его завѣдываніи, забота о спасеніи душъ паствы и преподавательская дѣятельность, повидимому, представлялись далеко не столь важными, какъ участіе въ текущей политической борьбѣ, обличеніе и оспариваніе ненавистныхъ имъ взглядовъ. Но оно такъ часто было оскорбляемо и обманываемо Стюартами въ своей преданности королевской власти и въ особенности Іаковомъ II ему были нанесены такія тяжкія обиды, что наконецъ оно само примкнуло къ партіи сопротивленія и даже своимъ образомъ дѣйствій подало сигналъ къ диженію, которое привело къ «достославной революціи».

Между тѣмъ вторая революція и перемѣна династіи поставили церковь въ такое положеніе, при которомъ она болѣе, чѣмъ когда-либо, подвергалась опасности подпасть подъ перемежающееся господство парламентскихъ партій. Духовенство, которому подобный исходъ внушалъ неодолимое отвращеніе, поспѣшило снова стать подъ знамя Стюартовъ. Политическій расколъ такъ-называемыхъ non jurors длился болѣе полустолѣтія и за все это время стоялъ въ открытой, упорной оппозиціи царствующей династіи; нѣкоторые остатки его уцѣлѣли даже до начала настоящаго столѣтія. Но такъ какъ министерства, состоявшія изъ виговъ, назначили и епископовъ, принадлежавшихъ къ той же партіи, что вслѣдъ за отчужденіемъ между церковью и государствомъ произошло отчужденіе между высшимъ и низшимъ духовенствомъ, а это въ свою очередь повлекло за собою ожесточенную распрю между High Church и Low Church.

Такое положеніе дѣлъ объясняется тѣмъ, что въ самой сущности церкви имѣется нѣчто, ставящее ее въ антагонизмъ съ парламентскою системою управленія и дѣлающее церковь и парламентаризмъ двумя противуположными полюсами. Приходы въ мѣстечкахъ, капитулы, университеты и colleges не могли быть управляемы по образцу свѣтскихъ communitates, каѳедра не можетъ быть замѣщаема по тому же способу, какъ должность по полицейскому управленію. Всѣ попытки перенести парламентскіе порядки въ область

церковнаго устройства, приводили къ преобладанію крайнихъ направленій и къ ожесточеннымъ столкновеніямъ между партіями,— столкновеніямъ, которыя не могли быть улажены постановленіями парламентскаго большинства, такъ какъ касались вопросовъ вѣры; а главное, такія попытки постоянно влекли за собою столкновенія со свѣтскими парламентами. Самый духъ и цѣль церковной дѣятельности требуютъ, въ отличіе отъ парламентскаго режима, существующаго для цѣлей selfgovernement и для завѣдыванія налогами, такого устройства, которое имѣло бы болѣе постоянный характеръ, стояло бы независимо отъ интересовъ свѣтскихъ партій и было бы облечено обширными полномочіями надзора. Поэтому-то примѣненіе представительныхъ и парламентскихъ учрежденій въ дѣлахъ церковнаго управленія во всѣ времена оказывалось возможнымъ лишь подъ условіемъ подчиненія сказанныхъ учрежденій сильной церковной власти и ограниченія ихъ дѣятельности лишь вопросами внѣшняго управленія *). Правящіе классы Англіи имѣли передъ глазами живой примѣръ тѣхъ опасностей, съ которыми сопряжена система парламентаризма въ церковныхъ дѣлахъ; такимъ примѣромъ имъ могла служить не только неудача пресвитеріанской церковной системы при Кромвелѣ, но и позднѣйшая исторія развитія церковныхъ учрежденій въ Шотландіи, и нельзя не удивляться той осмотрительности, съ которою дѣйствовали правящіе классы, отыскивая пути соглашенія съ церковною организаціею. Этотъ modus vivendi былъ найденъ при помощи нижеслѣдующихъ мѣръ:

1) *Іерархія англиканской церкви была признана на основаніи епископальной системы*, начиная съ епископа и кончая должностью приходскаго пастора; за епископами были сохранены ихъ мѣста въ верхней палатѣ, свѣтская власть воздерживалась отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла церкви. Высшей аппелляціонной инстанціей по церковнымъ дѣламъ, которою признавался «король въ его совѣтѣ», была придана форма постоянной коммиссіи (Court of Delegates), получившей, впослѣдствіи, названіе постояннаго

*) Правда, синодальное устройство такъ-называемыхъ convocations, введенное при Тюдорахъ, кое-какъ продолжалось, но это объясняется лишь слѣдующими его особенностями: 1) Коронѣ были предоставлены обширныя права въ дѣлѣ назначенія членовъ въ общій синодъ и королевскій коммиссаръ пользовался весьма широкими полномочіями. 2) Считалось дѣломъ само собою разумѣющимся, что король можетъ не стѣсняясь пользоваться своимъ правомъ назначенія должностныхъ лицъ въ духѣ христіанской терпимости. 3) Въ добавокъ, генеральный синодъ былъ подчиненъ королевскому верховному совѣту по церковнымъ дѣламъ, который являлся высшей инстанціей церковнаго управленія (§ 38). Второе изъ исчисленныхъ нами условій исчезло со вступленіемъ на престолъ династіи Стюартовъ, третье было упразднено реставраціей и наконецъ въ XVIII столѣтіи ни одного изъ указанныхъ условій уже не было на лицо, а обязательство не возстановлять верховный церковный совѣтъ было даже облечено въ форму закона.

«отдѣленія государственнаго совѣта». Одни лишь періодическіе общіе съѣзды духовенства, такъ-называемыя конвокаціи, въ которыхъ кастовый духъ проявлялся съ неисправимымъ упорствомъ, были въ концѣ-концовъ найдены несовмѣстными съ церковнымъ миромъ, а потому съ 1717 г. свѣтская власть бережно приступила къ ихъ устраненію; дѣятельность ихъ была прекращена слѣдующимъ способомъ. Конвокаціи созывались обычнымъ порядкомъ, засѣданія ихъ открывались королевскимъ коммиссаромъ, но затѣмъ тотчасъ же закрывались подъ тѣмъ предлогомъ, что на обсужденіе собранія не внесено никакихъ предложеній. (Процедура эта продолжалась вплоть до половины настоящаго столѣтія). Связь свѣтскаго государства съ церковью была возстановлена на верхнихъ ступеняхъ—участіемъ епископовъ въ дѣятельности верхней палаты, а та низшихъ ступеняхъ—организаціей прихода. Оставалось только примирить съ новымъ порядкомъ вещей промежуточныя ступени церковной организаціи и это было достигнуто нижеслѣдующими дальнѣйшими уступками.

2) Неприкосновенность *церковныхъ имуществъ* была обезпечена парламентскимъ правительствомъ и охранялась имъ гораздо добросовѣстнѣе, нежели то дѣлалось въ предшествующія столѣтія; при королевѣ Аннѣ имущества эти даже были значительно увеличены отводомъ въ пользу церкви крупныхъ земельныхъ участковъ. Церковныя имущества въ Англіи и по настоящее время равняются по своимъ размѣрамъ доходамъ иного королевства континентальной Европы. (По переписи 1851 г. они давали 5,000,000 ф. ст. дохода и простирались до 1,500,000 экровъ земли). Подобное положеніе признавалось въ Англіи необходимымъ для того, чтобы дать возможность церкви поддержать свое достоинство рядомъ съ правящимъ классомъ, обладающимъ такими громадными богатствами.

3) Постоянство личнаго состава церковныхъ бенефицій поддерживалось правовымъ понятіемъ о такъ-называемомъ **sole corporation** и вмѣстѣ съ неподвижностью университетскихъ корпорацій, входившихъ въ составъ церковныхъ учрежденій, способствовало огражденію церковныхъ должностей отъ вліянія парламентскихъ партій. Съ другой стороны право раздачи этихъ должностей (патронатъ) распредѣляется между королемъ, духовными и свѣтскими лордами, джентльменами-землевладѣльцами, капитулами, университетами и другими корпораціями, въ пропорціи, соотвѣтствующей приблизительно современному распредѣленію политической власти въ рядахъ правящаго класса.

4) За государственной церковью была оставлена значительная доля *судебной власти* по дѣламъ церковнымъ, которая, конечно, была подчинена высшей свѣтской инстанціи. Юрисдикція эта во многихъ пунктахъ простиралась и на диссидентовъ.

5) Принадлежность къ государственной церкви по прежнему была оставлена *необходимымъ условіемъ для занятія должностей на государственной службѣ.* Благодаря глубоко обдуманной системѣ, положенной въ основаніе закона Test-Act (25 Car. II c. 2), этотъ союзъ между государственной церковью съ одной стороны и правящими классами и государствомъ съ другой стороны, союзъ, заключенный почти на цѣлыя полтора столѣтія, распространился на все, что только можетъ служить источникомъ политическаго вліянія (bear any office, civil or military, or recei pay, salary, fee, or wages, by patent or grant, etc.) Съ другой стороны церковныя имущества, начиная съ самыхъ мелкихъ и кончая самыми крупными, были привлечены къ участію въ повинностяхъ, лежащихъ на общинахъ; духовенство являлось дѣятельнымъ членомъ vestry, играло видную роль въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ и сближаясь такимъ образомъ все болѣе и болѣе съ правящимъ классомъ, постепенно укрѣпляло органическую свою связь съ парламентскимъ образомъ правленія **).

**) Объ организаціи государственной церкви см. Gneist, Verwaltungsrecht, Bd. II, cap. VIII. Въ общемъ, организація эта представляетъ картину тѣсно переплетающихся отношеній взаимности между церковью и государствомъ, между духовенствомъ и правящимъ классомъ, при чемъ церковь сохраняетъ, при извѣстныхъ, своеобразныхъ условіяхъ, существеннѣйшія части своей организаціи и независимость своей преподавательской дѣятельности. Правящій классъ съ своей стороны такъ хорошо понялъ важность подобнаго союза для упроченія собственнаго его положенія среди остальныхъ классовъ народа, что девизъ: „церковь и корона“ сдѣлался лозунгомъ торійской партіи и остался таковымъ и до сихъ поръ. Съ политической точки зрѣнія система эта имѣла большія преимущества, такъ какъ только благодаря ей сдѣлалось возможнымъ управленіе посредствомъ парламентскихъ партій, хотя, конечно, достигалось это не безъ нѣкотораго ущерба для дѣятельности церкви, какъ духовной руководительницы паствы и не безъ послѣдствій, отзывающихся парализующимъ образомъ на воспитаніи народа и вообще на духовной жизни націи. Послѣ того, какъ церкви была обезпечена ея корпоративная самостоятельность, снова насталъ, какъ и въ предшествующія эпохи, періодъ ослабленія ея энергіи въ дѣлѣ исполненія того, что составляло спеціальное ея призваніе. Не было уже болѣе ни одной секты, которая могла бы считаться серьозной ея соперницей; католики находились подъ гнетомъ строгихъ уголовныхъ законовъ. Вслѣдствіе этого высокопоставленные обладатели церковныхъ доходовъ утратили значительную часть тѣхъ стимуловъ, которые побуждали ихъ заботиться о душахъ своей паствы. Уже при королевѣ Аннѣ высчитывали, что болѣе, чѣмъ въ половинѣ приходовъ пасторскія обязанности исполняются викаріями и curates, получающими скудное содержаніе (среднимъ числомъ не болѣе 50 ф. ст. въ годъ). Во многихъ мѣстахъ населеніе разрослось, несоразмѣрно съ тѣми средствами, которыми могъ располагать приходъ; но вмѣсто того, чтобы основывать новые приходы, пользуясь для этого богатыми средствами церкви, духовенство оставляло населеніе мѣстностей безъ вниманія и предоставляло методизму вербовать себѣ между ними приверженцевъ; такимъ образомъ народъ цѣлыми массами начинаетъ переходить въ методизмъ, отдѣляясь отъ церкви, замкнувшейся въ своемъ аристократизмѣ. Этимъ-то путемъ возникаетъ диссентерство XVIII вѣка, вызванное неудовлетворенными потребностями душевной жизни, между тѣмъ, какъ старыя секты, порожденныя борьбою противъ государственной церкви при Стюартахъ, отступаютъ на второй

Такимъ образомъ снова былъ достигнутъ идеалъ *единой церкви въ единомъ государствѣ*. На практикѣ дальнѣйшія отношенія сложились приблизительно въ томъ же видѣ, въ какомъ они существуютъ въ континентальныхъ государствахъ, гдѣ одна какая-нибудь церковь признается господствующей и гдѣ, вслѣдствіе этой системы, либо римско-католическая, либо лютеранская, либо реформатская, либо греко-восточная церковь такъ тѣсно сплетается со всѣми государственными учрежденіями, съ семьею, со школою, съ нравами и обычаями народа, что становится существеннымъ элементомъ государства. Правда, духъ терпимости и индефферентизма былъ свойственъ и англійскому высшему сословію въ XVIII вѣкѣ и благодаря этому настроенію законы, направленные противъ католиковъ и диссидентовъ, почти не примѣнялись на практикѣ. Въ пользу диссидентовъ издавался, ежегодно возобновляемый Indemnity Act, открывавшій имъ доступъ къ общественнымъ должностямъ и предоставлявшій имъ политическія права; каждой *единичной личности*, независимо отъ различія вѣроисповѣданій обезпечивалась равноправность во всѣхъ существеннѣйшихъ правоввыхъ отношеніяхъ обыденной гражданской жизни,—но при всемъ томъ привилегированное положеніе государственной церкви сохранялось по всей неприкосновенности. Она оставалась церковью короля и парламента, выступала *церковью по преимуществу* во всѣхъ государственныхъ актахъ и постановленіяхъ и, пользуясь своей церковной юрисдикціей, своимъ правомъ взимать десятинный сборъ и церковный налогъ, своимъ правомъ церковнаго бракосочетанія, закрѣпленнымъ за ней такъ-называемымъ marriage act 1753 г., разсматривали всѣ остальныя вѣроисповѣданія какъ несуществующія. Для правящаго класса принадлежность къ государственной церкви, также какъ и для King in council и King in parliament, остается необходимою посылкою, безъ которой была бы немыслима и самая конституція,—и это одинаково признается какъ вигами, такъ и торіями.

Включеніе государственной церкви въ зданіе парламентскаго государства было послѣднимъ рѣшительнымъ шагомъ, направленнымъ къ установленію гармоніи и сплоченности всѣхъ частей государственнаго цѣлаго; съ этой минуты жизненный пульсъ націи снова начинаетъ биться правильно и ровно. Духовенство, съ своей стороны, перестаетъ быть агитирующимъ элементомъ въ борьбѣ за власть и за привилегированное общественное положеніе и не выдаетъ уже себя болѣе за единственную «истинную опору» престола

планъ и продолжаютъ влачить свое существованіе въ безплодномъ сепаратизмѣ, не пользуясь почти никакимъ вліяніемъ. Государственная церковь лишь въ XIX столѣтіи дѣлаетъ попытку наверстать все то, что ею было упущено ранѣе.

и порядка, а снова стало искать исполненія охранительнаго своего призванія въ заботѣ о душахъ своей паствы и въ наставнической дѣятельности, являясь представителемъ христіанской нравственности, посколько послѣдняя воплощалась, наиболѣе понятнымъ для большинства англійскаго народа образомъ и наиболѣе соотвѣтственно духу этого большинства въ ученіи англиканской церкви ***).

Въ добросовѣстномъ и исполненномъ достоинства исполненіи обязанностей своего званія, въ патріотизмѣ и въ уваженіи къ гражданскому быту едва ли какое другое духовенство европейскаго міра можетъ сравняться съ англиканскимъ и если дѣятельность послѣдняго находилась въ слишкомъ тѣсной связи съ положеніемъ правящаго класса, то все же она въ своей соціальной сферѣ сохраняла высокое значеніе и оказывала рѣшающее вліяніе на современный правовый строй государства, которому она обезпечивала прочную основу въ общемъ признаніи законовъ христіанской нравственности. Государственная церковь въ томъ видѣ, въ какомъ она окончательно сложилась, является, по времени своего развитія, послѣднею частью парламентскаго организма, но она отнюдь не можетъ быть поставлена на послѣднее мѣсто по значенію своей дѣятельности.

---

§ 48.

VI. Отношеніе королевскаго правительства къ парламенту, King in Council и King in Parliament.

На упрочившемся такимъ образомъ фундаментѣ наслѣдственной монархіи, самоуправленія и правящаго класса, дѣйствующаго въ верхней и въ нижней палатѣ (§§ 40—47), начинаютъ вырабатываться *новыя отношенія королевскаго совѣта къ парламенту* и эти-

---

***) Это признаніе равноправности отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ системою *равенства двухъ церквей*,—системою, которая была бы несовмѣстима съ англійскимъ парламентаризмомъ. Правда, въ Шотландіи государственною церковью считалась пресвитеріанская, но это значеніе ея не распространялось за предѣлы чисто мѣстныхъ, провинціальныхъ отношеній, къ тому же пресвитеріанство имѣетъ много родственныхъ чертъ съ англиканскою церковью. О томъ, въ какомъ видѣ двѣ равноправныя церкви должны быть организованы для того, чтобы уживаться въ одномъ и томъ же государствѣ (подобная двойственность возникла въ Германіи послѣ Вестфальскаго міра, соединившаго въ одно государственное цѣлое католическія и евангелическія территоріи) англійское общественное мнѣніе повидимому и до сихъ поръ не имѣетъ яснаго представленія; это слѣдуетъ заключить изъ того, что со времени возстановленія католическихъ епархій (въ 1850 г.) Англія стоитъ лицомъ къ лицу съ тѣми же затрудненіями какъ и Германія.

то отношенія вотъ уже болѣе столѣтія стоятъ передъ всѣми народами цивилизованнаго міра какъ идеалъ монархически-конституціоннаго образа правленія.

Революція сохранила королевскую власть не въ видѣ божественнаго учрежденія, а въ видѣ наслѣдственной монархіи, имѣющей чисто человѣческое происхожденіе и опирающейся на права, признанныя за нею парламентомъ; нѣчто подобное произошло уже ранѣе, при восшествіи на престолъ Генриха VII. И такъ, англійское государство осталось монархіей и приняло форму конституціонной монархіи съ двойственнымъ организмомъ, олицетворяемымъ «королемъ въ парламентѣ» и «королемъ въ его совѣтѣ». Это значитъ, что король въ дѣлѣ пользованія своею государственною властью обязанъ руководиться либо согласіемъ парламента, либо мнѣніями своего совѣта, контрасигнующаго его повелѣнія. Старыя правительственныя полномочія продолжаютъ существовать, постоянно расширяемыя, ограничиваемыя, видоизмѣняемыя законодательствомъ, другими словами, «королемъ въ парламентѣ». Полномочія эти, развѣтвляясь, образуютъ цѣлый рядъ учрежденій, входящихъ въ общій составъ конституціи страны, какъ-то: courts, commissions, boards, но въ концѣ концовъ они опять сосредоточиваются въ лицѣ «King in Council», т. е. въ лицѣ короля, какъ главы того, что теперь носитъ названіе исполнительной власти. Но событія 1688 г. все-таки повлекли за собою измѣненія во взаимномъ отношеніи властей и перемѣны эти въ свою очередь отзываются на характерѣ государственнаго управленія.

1) Privy Council по прежнему остается законнымъ центромъ *государственнаго управленія*, но при этомъ онъ подвергается важнымъ ограниченіямъ, какъ въ отношеніи дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, такъ и въ отношеніи состава лицъ, въ него входящихъ.

Право короля издавать повелѣнія купно со своимъ совѣтомъ,— право, являющееся дополненіемъ къ законодательной власти и соперничествующее съ послѣдней, — удерживается и въ позднѣйшей конституціи; но такъ какъ теперь права верховной власти въ дѣлахъ внутренняго управленія опредѣлены относительно громаднаго большинства случаевъ законодательствомъ и продолжаютъ подвергаться дальнѣйшимъ, болѣе точнымъ опредѣленіямъ законодательнымъ путемъ, то королевскія повелѣнія все болѣе и болѣе ограничиваются дѣлами, касающимися колоніальнаго управленія, или иностранной политики, или же принимаютъ характеръ чисто исполнительныхъ распоряженій и инструкцій должностнымъ лицамъ.

Право королевскаго совѣта постановлять рѣшенія о чрезвычайныхъ мѣрахъ, предлагаемыхъ правительствомъ, не отмѣнено формально; но такъ какъ теперь у королевской власти отняты всѣ пол-

номочія, дававшія ей возможность пріостанавливать дѣйствіе парламентскихъ законовъ или освобождать отъ повиновенія имъ въ извѣстныхъ, спеціальныхъ случаяхъ, то важнѣйшія изъ указанныхъ, чрезвычайныхъ мѣропріятій переходятъ въ вѣдѣніе парламента въ формѣ такъ-называемыхъ private bills и т. п.

Юрисдикція королевскаго совѣта въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ само собою прекращается вслѣдъ за упраздненіемъ звѣздной палаты; отъ этой юрисдикціи удержалось лишь право предварительнаго слѣдствія.

Къ вышеисчисленнымъ перемѣнамъ слѣдуетъ прибавить еще нижеслѣдующія:

Несмѣняемость судей, признанную въ принципѣ закономъ, изданнымъ въ 13 году царствованія Вильгельма III.

Длинный рядъ законоположеній, которыми полицейское управленіе, высшая инстанція общиннаго управленія, милиція и вообще всѣ тѣ области мѣстной жизни, въ которыхъ возможны злоупотребленія власти со стороны высшихъ правительственныхъ сферъ, были децентрализованы.

Огражденіе независимости *церкви* отъ вліянія министерства, стоящаго въ данную минуту у кормила правленія.

Наконецъ, такое упроченіе организаціи *верхней палаты*, при которомъ она снова можетъ, какъ въ XV столѣтіи, занять положеніе независимаго государственнаго совѣта.

Центромъ тяжести государственнаго управленія теперь является совѣщаніе короля съ своимъ совѣтомъ о созывѣ и распущеніи парламента и о тѣхъ предложеніяхъ, которыя надлежитъ внести въ парламентъ. Въ засѣданіяхъ королевскаго совѣта, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь сложился, рѣчь идетъ о мѣропріятіяхъ иностранной и колоніальной политики, о новыхъ законопроектахъ, имѣющихъ быть внесенными въ парламентъ, о замѣщеніи ваканцій, открывающихся по государственной службѣ, словомъ, все о такихъ дѣлахъ, для обсужденія которыхъ торжественныя засѣданія въ полномъ составѣ многочисленнаго собранія оказываются ненужными и неумѣстными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ выдѣленія *совѣта министровъ*, который составляется изъ пяти, семи или болѣе членовъ королевскаго совѣта и представляетъ собою въ данный моментъ «правительство его величества» (cabinet).

Этотъ способъ управленія, возникшій изъ тѣхъ cabinets, которые образовались еще при Іаковѣ I и Карлѣ I, а также изъ тѣхъ cabinets и cabales, которые играли такую роль при Карлѣ II и Іаковѣ II, оказался уже въ началѣ разсматриваемаго нами періода единственною возможною формою активнаго управленія, при

чемъ выяснилась необходимость сообразоваться при составленіи кабинета съ тою партіею, которая въ данный моментъ преобладала въ парламентѣ. Даже такой крупной личности, какъ Вильгельмъ III оказалось не подъ силу составить смѣшанное министерство изъ виговъ и торіевъ; въ 1793—96 гг. тѣ элементы министерства, которые расходились съ большинствомъ, молча выдѣлялись изъ его состава до тѣхъ поръ, пока не образовалось однородное министерство виговъ. Вильгельмъ III былъ послѣднимъ королемъ, предсѣдательствовавшимъ на коллегіальныхъ засѣданіяхъ *всего* королевскаго Council. Практика привела къ тому убѣжденію, что новые законопроекты и мѣропріятія, предложеніемъ которыхъ въ парламентѣ ограничивалась теперь вся дѣятельность королевскаго совѣта, должны исходить отъ правительства принципіально *солидарнаго въ своемъ внутреннемъ составѣ*. Поэтому-то и не дѣлалось болѣе ни одной серьозной попытки вернуться къ старому способу обсуждать дѣла въ формальныхъ собраніяхъ государственнаго совѣта, засѣдающаго въ полномъ составѣ *). Но такъ какъ по закону въ этомъ отношеніи не было произведено никакихъ измѣненій, то въ тѣхъ случаяхъ, когда конституція или законъ требовали такъ-называемаго order in Council, созывалось номинальное засѣданіе королевскаго совѣта, на которое, кромѣ министровъ, ради соблюденія формальности, приглашались нѣкоторые члены совѣта, изъ приверженцевъ министерства, стоявшаго въ данную минуту у кормила правленія. Такимъ образомъ Privy Council продолжалъ существовать лишь въ видѣ торжественнаго засѣданія министерства, управляющаго въ данный моментъ,—засѣданія, созывавшагося для утвержденія и опубликованія такихъ мѣръ, которыя по конституціи должны исходить отъ «короля въ его совѣтѣ».

Съ этою-то формою государственнаго управленія неразрывно связано *рѣшающее вліяніе парламента* на составъ правительства и на направленіе его дѣятельности.

II. Къ «King in Parliament» перешли теперь всѣ тѣ аттрибуты власти, которые были отняты у King in Council; другими словами, министры короны, стоящіе у кормила правленія въ данный

---

*) Такъ-называемымъ Act of Settlement была сдѣлана еще разъ попытка возстановить прежній порядокъ; сказанный законъ требовалъ, чтобы „впредь всѣ дѣла, касающіяся управленія сего государства и долженствующія по заведенному порядку на основаніи закона и обычая рѣшаться въ Privy Council, обсуждались въ ономъ и принятыя рѣшенія подписывались тѣми членами, которые участвовали въ совѣщаніи и изъявили на сказанное рѣшеніе свое согласіе“. Но статья эта была отмѣнена еще прежде, чѣмъ успѣла вступить въ дѣйствіе, такъ какъ всѣ убѣдились въ практической ея неосуществимости. Относительно вопроса о томъ, насколько новый порядокъ дѣлопроизводства былъ согласенъ съ конституціей, отсылаю читателя къ примѣчанію въ концѣ настоящей главы.

моментъ, теперь нуждаются въ согласіи парламента для цѣлаго длиннаго ряда дѣлъ, которыя прежде разрѣшались самостоятельно королевскимъ совѣтомъ.

Этотъ новый способъ управленія, сложившійся въ Англіи, былъ основанъ отнюдь не на тѣхъ нормальныхъ правахъ, которыя были присвоены парламенту; онъ вытекалъ не изъ участія парламента въ законодательной дѣятельности, не изъ права его утверждать налоги и контролировать администрацію, словомъ, онъ не имѣлъ никакого отношенія къ тѣмъ аттрибутамъ парламентскаго представительства, которые слагались исторически, начиная съ XIV столѣтія и были установлены на практикѣ цѣлымъ рядомъ прецедентовъ. Династіи Тюдоровъ и Стюартовъ, не взирая на существованіе этихъ парламентскихъ правъ, все-таки продолжали управлять въ чисто монархическомъ духѣ и даже послѣ многочисленныхъ дальнѣйшихъ ограниченій королевской власти, произведенныхъ при Карлахъ I и II, конституція предоставляла монарху, добросовѣстно соблюдающему свои обязанности, достаточно широкія полномочія. Лишь то новое положеніе королевской власти, которое было создано декларацiей правъ, совершенно измѣнило соотношеніе между полномочіями King in Council и King in Parliament.

Рѣшающую роль въ данномъ случаѣ играла та непреложная истина, что всякое государственное устройство должно оставлять извѣстныя открытыя мѣста. Какъ бы мы ни называли эти открытыя мѣста,— чрезвычайными полномочіями, диктаторскою властью или потенціальною властью, пребывающею при нормальномъ положеніи дѣлъ въ состояніи косности,—фактъ тотъ, что необходимость такой власти или такихъ полномочій постоянно заново возникаетъ изъ самой сущности отношеній общества и государства. Никакая человѣческая мудрость и предусмотрительность не можетъ исчерпывающимъ образомъ опредѣлять посредствомъ законовъ или статей конституціи границы верховной власти въ государствѣ, такъ какъ въ обществѣ то-и-дѣло непредвидѣнно возникаютъ такія потребности и даже такія критическія обстоятельства, которыя требуютъ принятія новыхъ мѣръ, не подходящихъ подъ существующія нормы. Какъ въ республикѣ, такъ и въ монархіи, эта диктаторская власть кому-нибудь да должно принадлежать. Тѣ націи, которыя воспитались подъ вліяніемъ монархическихъ учрежденій и сохранили довѣріе къ монархической власти, предоставляютъ сказанныя полномочія государю, побуждаемыя тѣмъ основательнымъ соображеніемъ, что всего безопаснѣе оставлять эту власть въ рукахъ того, чьи личные и семейные интересы тождественны съ прочнымъ благомъ и процвѣтаніемъ страны. Эту-то монархическую традицію сохранила и англійская нація до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Даже послѣ самыхъ неблагопріят-

ныхъ опытовъ предшествующихъ столѣтій (см. стр. 521, 523), англичане лишь съ величайшею нерѣшимостью, можно даже сказать робостью, съуживали по немногу сферу потенціальныхъ полномочій короля посредствомъ законодательнаго опредѣленія ихъ въ томъ или другомъ частномъ пунктѣ. Нужно было безпримѣрное забвеніе долга и извращеніе нравственныхъ понятій, отличавшее династію Стюартовъ въ цѣлыхъ трехъ поколѣніяхъ подъ рядъ для того, чтобы пошатнуть въ націи ея довѣріе и вызвать тотъ переворотъ, который подъ названіемъ достославной революціи отнялъ у королевской власти всѣ остававшія у нея чрезвычайныя полномочія, послужившія поводомъ къ такимъ тяжкимъ злоупотребленіямъ. Каждая статья декларації правъ болѣе чѣмъ оправдывается всѣми предыдущими событіями и неудивительно, если въ совокупность этой цѣпи отрицательныхъ явленій, начавшихся съ царствованія Карла I, повлекла за собою способъ управленія, существенно разнившійся отъ прежняго. Полномочія королевской власти, выполнявшія открытыя мѣста конституціи, были упразднены и всякая попытка возстановить таковыя на практикѣ была признана законнымъ поводомъ для преданія министерства суду **).

**) Въ этомъ рѣшающемъ пунктѣ такъ-называемаго парламентаризма напрасно стали-бы мы искать какихъ-либо „всеобщихъ конституціонныхъ истинъ;“ англійская нація и тутъ дѣйствовала медленно и осторожно, руководствуясь собственнымъ опытомъ, вынесеннымъ ею изъ исторіи собственной страны. Петиція правъ, уничтоженія звѣздной палаты, декларація правъ, всѣ эти акты упраздняли лишь единичные виды королевской прерогативы, подававшіе поводъ къ наиболѣе вопіющимъ злоупотребленіямъ. Нужно было безсовѣстное хозяйничанье средствами государственной казны при Карлѣ I, чтобы вызвать строгое примѣненіе статьи закона, дававшей право нижней палатѣ контролировать правительство не только въ расходованіи имъ средствъ государства по новымъ статьямъ бюджета, но и по старымъ статьямъ (посколько послѣднія законно не обоснованы). Нужны были планы государственнаго переворота, замышлявшагося Іаковомъ II, чтобы вызвать ежегодное утвержденіе постоянной арміи посредствомъ такъ-называемаго mutiny bill. Наконецъ, лишь жестокія злоупотребленія администраціи заставили передвинуть границу между законодательной и административной дѣятельностью настолько, чтобы все, косвенно затрогивающее денежные интересы страны, или соприкасающееся съ правами частной собственности, или носящее характеръ отступленія отъ началъ общаго законодательства, было включено въ область такъ-называемыхъ private или local bills и такимъ образомъ было поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія парламента. Но такъ какъ, въ концѣ-концовъ, оказалось, что не было ни одной изъ прерогативъ королевской власти, которою не злоупотребили-бы Стюарты, то вышеупомянутыми законами была упразднена вся та подвижная часть правительственныхъ полномочій, которая еще оставалась за King in Council. Лишь послѣ уроковъ такого суроваго опыта, пережитаго тремя поколѣніями подъ рядъ, сложилось убѣжденіе, что *въ Англіи* партійное правительство, взятое изъ рядовъ правящаго класса, представляетъ болѣе гарантій сильнаго и справедливаго государственнаго управленія и менѣе опасностей для свободы, нежели старый способъ управленія посредствомъ „короля въ его совѣтѣ.“ Рѣшающее значеніе имѣютъ въ данномъ случаѣ не формальныя учрежденія (подражать которымъ легко), а тѣ динамическія силы, которыя присущи самой жизни. Когда народы перестаютъ

По доктринамъ демократизма такое упраздненіе королевскихъ полномочій должно было послужить на пользу народной свободѣ. Но на дѣлѣ оказалось иначе. Такъ же, какъ и самая «верховная власть народа», полномочія, отнимаемыя у королевской власти, всегда въ сущности переходятъ въ руки господствующаго класса въ обществѣ; слѣдовательно въ Англіи они должны были перейти къ правящему классу, достигшему теперь кульминаціоннаго пункта своего развитія и олицетворяемому парламентомъ съ его окончательно довершившейся организаціей. Но такъ какъ потребности націи постоянно перерастаютъ существующее въ данный моментъ законодательство, и такъ какъ государство изъ года въ годъ нуждалось въ предоставленіи новыхъ полномочій правительственной власти, то ничего болѣе не оставалось, какъ перемѣстить фактическую правительственную власть отъ King in Council къ King in Parliament, при чемъ король получалъ возможность *ежегодно* испрашивать себѣ у парламента необходимыя средства и полномочія и стать къ парламенту въ отношенія постояннаго «довѣрія», другими словами, въ отношенія непрерывной зависимости отъ парламента.

Между тѣмъ, въ половинѣ XVШ столѣтія произошло такое совпаденіе цѣлаго ряда обстоятельствъ, которое усилило до крайнихъ предѣловъ эту зависимость правительства отъ уступокъ парламента. Изъ упомянутыхъ обстоятельствъ достаточно будетъ остановиться на нижеслѣдующихъ:

Существованіе *постоянной арміи* во всемъ, касающемся денежныхъ средствъ и легальныхъ условій, безъ которыхъ оно было немыслимо, зависѣло отъ ежегодно возобновляемаго согласія парламента, который былъ совершенно свободенъ дать это согласіе или отказать въ немъ; между тѣмъ въ разсматриваемую нами эпоху ни одинъ англійскій король не могъ обойтись безъ этой вооруженной силы; она была необходима ему какъ для поддержанія англійскаго владычества въ Ирландіи, такъ и для обезпеченія положенія Англіи въ ряду другихъ европейскихъ державъ и для охраненія ея могущества, простиравшагося теперь на всѣ части свѣта.

Затѣмъ, непомѣрно детальное разграниченіе всего административнаго права законодательнымъ путемъ требовало изъ года въ годъ для самомалѣйшихъ измѣненій въ административныхъ порядкахъ изданія новыхъ законовъ, такъ - называемыхъ local или private bills, для которыхъ нужно было согласіе парламента, тогда какъ

вѣрить въ династіи, способныя къ управленію, они начинаютъ вѣрить въ способность къ управленію извѣстныхъ классовъ, партій или единичныхъ представителей партій. Эта-то *вѣра*, сохранивъ всѣ монархическія формы и понятія, перемѣстила въ Англіи центръ тяжести государственной власти изъ королевскаго совѣта въ палату общинъ.

при нормальномъ ходѣ дѣлъ текущія потребности удовлетворялись бы простыми повелѣніями правительства, дарованіемъ корпоративныхъ правъ тѣмъ или другимъ союзамъ и т. п.

Наконецъ, хотя право парламента утверждать налоги само по себѣ при нормальныхъ условіяхъ и было совмѣстимо съ сохраненіемъ королевской прерогативы, тѣмъ не менѣе, войны Англіи съ континентомъ, а позднѣе американская война и, еще болѣе, ожесточенная борьба, предпринятая противъ французской революціи, требовали такихъ громадныхъ денежныхъ средствъ и государственныхъ кредитовъ, что и при прежнемъ государственномъ устройствѣ это поставило бы временно королевскую власть въ большую, чѣмъ обыкновенно, зависимость отъ нижней палаты, утверждающей налоги.

При этихъ-то затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ очутилась такая міровая держава, какъ Англія, вскорѣ окончательно выяснилось, что никакой королевскій совѣтъ не въ состояніи будетъ, хотя бы даже въ теченіи самаго короткаго промежутка времени, вести дѣла государства вопреки желаніямъ парламента. По этимъ-то причинамъ

III. Отношенія кабинета къ парламенту, сложившіяся при вышеописанныхъ условіяхъ, должны были принять характеръ постояннаго соглашенія между тѣмъ министерствомъ, которое въ данный моментъ завѣдывало государственными дѣлами, и «верховнымъ совѣтомъ» короля въ парламентѣ, при чемъ соглашеніе это, посколько оно касалось иниціативы правительственныхъ мѣропріятій, по самой своей сущности не могло облекаться ни въ какую опредѣленную форму и должно было имѣть конфиденціальный характеръ.

Новыя эти отношенія были обусловлены тою зависимостью всякой административной власти отъ парламента, которая успѣла сдѣлаться неустранимымъ фактомъ, и особенно сильно давали себя чувствовать въ финансовыхъ дѣлахъ. Между тѣмъ, зависимость отъ парламента въ сущности означаетъ лишь зависимость отъ парламентскаго большинства, другими словами, отъ тѣхъ партій, которыя преобладаютъ въ данный моментъ.

Чѣмъ затруднительнѣе становилось проведеніе новыхъ законовъ и мѣръ въ такомъ большомъ законодательномъ учрежденіи, тѣмъ неизбѣжнѣе было приступать къ такому проведенію не иначе, какъ при содѣйствіи крѣпко сплоченныхъ партій, пользуясь совѣтомъ и помощью лучшихъ вожаковъ этихъ партій. Поэтому-то, не взирая на все противодѣйствіе королевской власти, система управленія въ духѣ наиболѣе сильной изъ парламентскихъ партій даннаго момента не перестаетъ господствовать и развивается все болѣе и болѣе, какъ, наконецъ, при безпрерывно возникающихъ и постоянно усиливающихся затрудненіяхъ въ общемъ положеніи дѣлъ не остается другаго вы-

бора, какъ поручать дальнѣйшее веденіе государственныхъ дѣлъ непосредственно предводителямъ той партіи, которая въ данную минуту обладаетъ наиболѣе сильной организаціей.

Главнѣйшая опасность, которую подобное управленіе посредствомъ партій представляло въ предшествующія эпохи, была теперь устранена, благодаря тѣмъ формамъ, которыя приняло развитіе административнаго права: управленіе посредствомъ партій развилось лишь послѣ того, какъ была обозначена *независимость всего внутренняго управленія страны* отъ тѣхъ или другихъ началъ, которыхъ могла придерживаться партія, господствующая въ данный моментъ. Министерство виговъ или торіевъ знаменовало собою лишь новые законопроекты, новыя финансовыя мѣры, новое направленіе иностранной политики; что же касается отправленій правосудія, полицейскаго, финансоваго, военнаго и церковнаго управленія, то тутъ все продолжало идти своимъ прежнимъ, обычнымъ ходомъ, какое бы министерство ни стояло во главѣ управленія.

Такимъ образомъ, по прошествіи столѣтія на мѣсто прежнихъ «довѣренныхъ людей», изъ которыхъ составлялись кабинеты Стюартовъ, въ совѣтъ министровъ вступаютъ довѣренные люди парламента, что и составляетъ «кабинетъ» въ новѣйшемъ значеніи этого слова. Въ теченіи перваго поколѣнія роль эта предоставлялась почти исключительно благороднымъ членамъ верхней палаты, что̀ продолжается до тѣхъ поръ, пока вліяніе знатныхъ дворянскихъ родовъ, порожденное революціей, преобладаетъ и въ нижней палатѣ; но за тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ возростаетъ соперничество такъ-называемыхъ principal debaters нижней палаты съ лордами и вообще по мѣрѣ того, какъ сознаніе своего могущества все болѣе и болѣе проникаетъ членовъ палаты общинъ, отношеніе это измѣняется, хотя и тутъ вліяніе старинныхъ и обширныхъ фамильныхъ связей, неизбѣжно образующихся въ средѣ прочно поставленнаго господствующаго сословія, даетъ себя чувствовать.

Центръ тяжести государственной власти, благодаря непомѣрно увеличившейся при Георгѣ III потребности государства въ деньгахъ, безспорно перешелъ къ нижней палатѣ и вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ въ Англіи уже невозможно опасаться злоупотребленій государственной власти *въ ущербъ* большинству, а можетъ быть рѣчь лишь объ опасности злоупотребленія государственной властью *посредствомъ* большинства. Парламентъ и въ особенности нижняя палата, вмѣсто того, чтобы ограничиваться контролемъ государственнаго управленія и привлеченіемъ министровъ къ отвѣтственности, все болѣе и болѣе самъ становится управляющимъ учрежденіемъ. Юридическая отвѣтственность*) отступаетъ на задній планъ передъ «политической» отвѣт-

*) Тутъ тоже сказывается измѣнившееся соотношеніе различныхъ органовъ

ственностію, другими словами, передъ системою смѣны министровъ, основанною на соотношеніи партій въ нижней палатѣ.

Быстрая смѣна этихъ партійныхъ министерствъ объясняется отнюдь не какимъ-либо непреложнымъ «конституціоннымъ» принципомъ, а просто своеобразными особенностями англійской государственной жизни. Съ самаго начала парламентскаго образа правленія лишь крайне рѣдко встрѣчались такія совпаденія обстоятельствъ, при которыхъ государственная власть имѣла бы напередъ ясно и твердо намѣченный путь дѣятельности, разсчитанный продолжительный срокъ. Такъ было только въ эпоху упроченія системы партійнаго управленія при гановерской династіи, при чемъ государственной власти и не предстояло рѣшать никакихъ задачъ особенной государственной важности (министерство Уальполя), а также во время борьбы противъ французской революціи и гегемоніи Наполеона (министерство Питта). А вообще говоря, положеніе Великобританіи, какъ міровой державы, политическія и торговыя отношенія которой какъ съ иностранными государствами, такъ и съ собственными колоніями подвергались безпрестаннымъ важнымъ перемѣнамъ, — положеніе это, говоримъ мы, въ связи съ крайне разнороднымъ составомъ частей государственнаго тѣла, влекло за собою такую частую смѣну мѣропріятій, что программы, выработанныя партіями и ихъ вожаками и являвшіяся результатомъ не безъ труда достигнутаго соглашенія, не могли удовлетворять требованіямъ новаго положенія дѣлъ. По этому-то кратковременное существованіе министерствъ должно было сдѣлаться правиломъ уже въ XVIII столѣтіи. Но при каждой новой смѣнѣ опытъ снова подтверждалъ, что единство дѣйствія можетъ быть достигнуто лишь при томъ условіи, чтобы совѣтъ министровъ, стоящій въ данную минуту у кормила правленія, состоялъ изъ людей, согласныхъ между собою относительно главнѣйшихъ мѣропріятій, которыя правительству надлежитъ провести, а также имѣющихъ за себя большинство въ обѣихъ палатахъ или способныхъ заручиться поддержкою такого большинства.

Ни въ одномъ изъ описанныхъ нами фазисовъ развитія новый образъ правленія не опирался на законъ; точкою опоры его постоянно служило молчаливое соглашеніе между государственными людьми, стоящими у кормила правленія, и оппозиціей, другими словами, онъ

власти между собою. При переходѣ къ системѣ управленія посредствомъ партій, въ теченіи перваго поколѣнія послѣ революціи было 15 случаевъ преданія суду высшихъ сановниковъ короны; затѣмъ такихъ случаевъ можно насчитать не болѣе двухъ или трехъ. Это объясняется тѣмъ, что съ перемѣною положенія, занимаемаго совѣтомъ министровъ, непосредственное злоупотребленіе государственною властью со стороны послѣднихъ сдѣлалось почти невозможнымъ, да и соблазнъ къ такого рода злоупотребленіямъ, въ виду временнаго характера парламентскаго большинства, былъ слишкомъ ничтожный.

былъ основанъ на сознаніи той истины, что парламентское управленіе Великобританіи возможно лишь въ этой формѣ.

Вопросъ о томъ, насколько способъ управленія посредствомъ кабинета министровъ *согласенъ или не согласенъ съ общими принципами англійской конституціи* порождаетъ оживленные споры. Тщательное изслѣдованіе этого вопроса можно найти у Галлама, Constitutional History III. с. XV a, E. Несомнѣнно, что въ Англіи не существуетъ такого закона, который признавалъ бы кабинетъ министровъ какъ государственное учрежденіе и что члены кабинета, ни въ общемъ своемъ составѣ, ни каждый въ отдѣльности не имѣютъ никакихъ закономъ установленныхъ правъ и обязанностей, какъ члены совѣта министровъ; такія права и обязанности они имѣютъ лишь въ качествѣ членовъ Privy Council. Существованіе кабинета не констатируется никакимъ оффиціальнымъ актомъ, о немъ не оповѣщаютъ формально ни публику, ни правительственныя мѣста, ни парламентъ. Блэкстонъ и де Лольмъ въ своихъ сводахъ даже не упоминаютъ слово „кабинетъ“. Несомнѣнно также и то, что отвѣтственность министровъ до извѣстной степени ослабляется отсутствіемъ всякихъ опредѣленныхъ формъ въ засѣданіяхъ совѣта министровъ; засѣданіямъ этимъ даже не ведется оффиціальныхъ протоколовъ. Но дѣло въ томъ, что законной нормы, которая опредѣляла бы какія лица, въ какомъ количествѣ и въ какихъ формахъ должны быть приглашаемы въ Council, никогда не существовало, да и по самой сущности дѣла нельзя было установить такихъ законодательныхъ предписаній для учрежденія, которое было *частнымъ* совѣтомъ (Privy Council) короля. Что же касается политической отвѣтственности за дѣйствія такого совѣта, то градація, установленная между ручной печатью короля, частной его печатью и государственной печатью, служила ручательствомъ въ томъ, что никогда не будетъ недостатка въ личности, на которую могла бы быть возложена упомянутая отвѣтственность. Народившійся способъ переговоровъ, происходившихъ между министерствомъ и большинствомъ обѣихъ палатъ парламента объ иниціативѣ правительственныхъ мѣропріятій, столь же мало, по самой своей сущности, подлежала регламентаціи путемъ закона, какъ и переговоры и трактаты съ иностранными державами, касающіеся заключенія союзовъ и мирныхъ договоровъ. Безспорно такая форма правленія заслуживала бы самого строгаго осужденія, еслибы, какъ мы это видимъ на континентѣ, примѣненіе публичнаго права находилось въ какой бы то ни было зависимости отъ подобныхъ полюбовныхъ соглашеній между представителями партій. Но, благодаря совершенно иному ходу англійской государственной жизни, вопросъ о министерскомъ управленіи въ Англіи принимаетъ совсѣмъ иной видъ, чѣмъ на континентѣ. Не взирая на существованіе кабинета, управленіе было и оставалось управленіемъ, *основаннымъ на законахъ* и огражденнымъ отъ партійныхъ вліяній. Противодѣйствіе, которое Вильгельмъ III въ началѣ оказывалъ образованію министерствъ изъ представителей той или другой парламентской партіи, естественнымъ образомъ вытекало изъ традиціи и духа монархической власти. Но самому ему съ теченіемъ времени пришлось убѣдиться, что въ такомъ государствѣ, какъ Англія, починъ новыхъ мѣръ можетъ исходить только отъ партійныхъ министерствъ съ однороднымъ составомъ и таковою же программою. Установилось молчаливое соглашеніе, по которому король допускалъ, чтобы на засѣданія Privy Council приглашались лишь активные министры, да еще для соблюденія формы два или три члена совѣта, пользовавшіеся довѣріемъ министерства; противная партія равнымъ образомъ подчинилась этому порядку вещей. Съ того времени на практикѣ вошло въ обычай не допускать на засѣданія совѣта тѣхъ членовъ, которые не пользовались довѣріемъ министерства. Когда королева Анна лежала на смертномъ одрѣ, была сдѣлана попытка воскресить старый порядокъ управленія. Вопросъ о престолонаслѣдіи Стюартовъ уже былъ рѣшенъ Болингброкомъ и его приверженцами въ совѣщаніи кабинета, какъ вдругъ въ комнату засѣданій явились герцоги Аргайльскій и Соммерсетскій, заняли

свои мѣста и объявили, что хотя имъ и не было послано приглашенія, но они, въ виду опаснаго положенія королевы, сами сочли нужнымъ присутствовать на совѣщаніи министровъ. Затѣмъ они предложили призвать лейбъ-медиковъ королевы и, руководствуясь показаніями послѣднихъ, тотчасъ же замѣстить должность лорда казначея, предложивъ ея величеству назначить на эту должность герцога Шрьюсбери. Изъ этого примѣра явствуетъ, что случаи, подобные вышеописанному, не были предусмотрѣны законодательствомъ и въ нихъ потенціальная власть, сохранявшаяся за King in Council и остававшаяся обыкновенно въ бездѣйствіи, могла проявляться безпрепятственно. При восшествіи на престолъ Георга I прежній составъ Privy Council былъ распущенъ и на мѣсто его былъ образованъ новый, изъ 33-хъ членовъ; но вслѣдъ за этимъ было постановлено, что въ составъ кабинета должны войти лишь 8 членовъ (Нотингэмъ, Сендерлэндъ, Сомерсъ, Галифаксъ, Тоунцендъ, Стэнгопъ, лордъ Канцлеръ и Мальборо). Затѣмъ опять число номинальныхъ членовъ королевскаго Council постоянно возрастало, такъ какъ въ списокъ членовъ обыкновенно включались всѣ лица, входившія въ составъ прежнихъ министерствъ, а также тѣ Privy Councillors, которые получали это званіе въ видѣ почетнаго отличія; при восшествіи на престолъ новаго монарха всѣ упомянутыя лица обыкновенно съизнова утверждались въ своемъ званіи. Такимъ образомъ число членовъ совѣта въ настоящее время простирается до 200 человѣкъ, что уже само по себѣ дѣлаетъ практически невозможнымъ коллегіальное обсужденіе дѣлъ упомянутымъ собраніемъ. О теперешнихъ обязанностяхъ Privy Council читатель найдетъ свѣдѣнія въ моемъ сочиненіи: Das Englische Verwaltungsrecht, Bd. II, S. 726—761; о современномъ персоналѣ сказаннаго учрежденія см. стр. 737—738; о засѣданіяхъ его, происходящихъ въ полномъ составѣ при восшествіи на престолъ новаго монарха, см. стр. 730.

---

§ 49.

Упраздненіе высшихъ коронныхъ должностей. Переходъ къ современной министерской системѣ.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ превращенія Privy Council въ совѣтъ министровъ съ измѣняющимся составомъ было медленное, но постоянно прогрессирующее измѣненіе характера исторически сложившихся высшихъ коронныхъ должностей, которыя мало-по-малу поглощаются новѣйшею системою министерскаго управленія; эта же послѣдняя все болѣе и болѣе принимаетъ рѣзко бюрократическій характеръ, при чемъ, однако же, рядомъ съ министромъ еще одинъ или два члена парламента берутъ на себя представительство даннаго вѣдомства въ той или другой палатѣ.

Первоначально въ составъ совѣта министровъ входили почти исключительно только личности, принадлежавшія къ знатнѣйшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Преимущественное вниманіе, которое при образованіи кабинета оказывалось палатѣ лордовъ, обусловливалось не только необходимостью заручиться согласіемъ этой палаты на каждую изъ предполагавшихся важныхъ мѣръ, но, еще болѣе, вліяніемъ знатныхъ фамилій, которое значительно усилилось въ періодъ рево-

люціи, такъ что эти фамиліи, стоя во главѣ правящаго класса, представляли, благодаря тѣсной связи ихъ между собою, а также благодаря вліятельной роли, которую они играли въ графствахъ, самую сплоченную силу въ государствѣ. Но мало-по-малу дала себя чувствовать необходимость принимать также во вниманіе и палату общинъ и Уальполь, въ началѣ назначенный лишь на второстепенную должность, съ 1721 г. сдѣлался даже главою кабинета. Съ этихъ поръ вошло въ обычай предоставлять въ каждомъ министерствѣ тотъ или другой портфель какому-нибудь изъ такъ-называемыхъ principal debaters палаты общинъ и выработалась система распредѣленія должностей, основанная въ главныхъ чертахъ на слѣдующихъ началахъ:

Придворныя должности остались за главами знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій той партіи, которая въ данную минуту господствовала, или же за лицами, близко стоявшими къ этимъ представителямъ аристократическихъ родовъ. Должности подобнаго рода хотя и не давали никакого непосредственнаго вліянія на дѣла управленія, были однако-же сопряжены съ большимъ почетомъ, окладами жалованья и значительною долею вліянія при дворѣ.

Высшія государственныя должности большею частью доставались наиболѣе вліятельнымъ членамъ господствующей партіи, принадлежавшимъ по своему происхожденію къ дворянскому сословію. При назначеніи на эти должности рѣшающее вліяніе оказывало однако положеніе партій въ нижней палатѣ, вслѣдствіе чего мы видимъ, что уже въ XVIII столѣтіи значительное число министерскихъ мѣстъ занимается такими *членами нижней палаты*, которые не принадлежатъ къ перскимъ фамиліямъ.

Каждая перемѣна министерства, по установившемуся обычаю, влечетъ за собою и перемѣну въ персоналѣ важныхъ придворныхъ должностей, а также смѣну товарищей министровъ (under-secretaries of state) и нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ должностныхъ лицъ (всего числомъ около пятидесяти). Что же касается постояннаго персонала чиновничества по профессіи, то тутъ patronage министерства и лицъ, близко стоящихъ къ послѣднему, можетъ проявляться лишь въ замѣщеніи *вакансій*, открывающихся въ теченіе того періода, когда то или другое министерство находится у власти *).

*) Объ организаціи отдѣльныхъ отраслей министерскаго управленія у Блэкстона и у писателей, разработывавшихъ его руководство, мы находимъ лишь тѣ указанія, которыя имѣются въ законахъ, изданныхъ по этому предмету; между тѣмъ, такой способъ изложенія не даетъ намъ полнаго понятія о дѣйствительномъ порядкѣ управленія. Центральная администрація уже въ XVII столѣтіи отличалась крайнею запутанностью. Въ ней еще сохранялось извѣстное число старинныхъ, почти безполезныхъ должностей, сопряженныхъ съ высокими окладами; къ нимъ было прибавлено еще нѣсколько новыхъ съ единственною цѣлью

Всѣ частныя распоряженія, касающіяся назначенія должностныхъ лицъ, исходятъ, на основаніи постепенно устанавливающагося обычая, отъ главы партіи, который уполномочивается на то королемъ и въ выборѣ должностнаго персонала принимаетъ, само собою разумѣется, во вниманіе и заслуги такихъ членовъ парламента, которые своими собственными достоинствами выдѣляются изъ толпы; при оцѣнкѣ этихъ достоинствъ на первомъ планѣ стоятъ услуги, оказанныя упомянутыми лицами во время парламентскихъ преній, а за тѣмъ уже ихъ дѣятельность въ качествѣ администраторовъ. Съ тѣхъ поръ какъ участіе членовъ нижней палаты въ государственной жизни Англіи усилилось, иногда случалось, что въ ряды вождей партіи попадалъ тотъ или другой homo novus.

Для приданія совѣту министровъ большей подвижности и солидарности, было признано полезнымъ провести еще одну новую мѣру, а именно, *упразднить и видоизмѣнить старинныя высшія коронныя должности.*

1) *Лордъ-канцлеръ* въ придачу къ тѣмъ полномочіямъ, которыя были присвоены этой должности съ самаго начала, получилъ еще многія другія. Вслѣдствіе этого, само собою разумѣется, онъ могъ лишь въ важнѣйшихъ, исключительныхъ случаяхъ лично исполнять свои судейскія обязанности. Вотъ почему рядомъ съ лордомъ канцлеромъ Master of the Rolls, въ качествѣ вице-канцлера, становится особою судебною инстанціей; подчиненные послѣднему Masters of Chancery исполняютъ роль докладчиковъ по всѣмъ важнѣйшимъ судебнымъ и бюрократическимъ дѣламъ. Что же касается всей остальной громадной массы дѣлъ, то они разрѣшаются изстари установившимся порядкомъ въ постоянно дѣйствующихъ бюро. Канцлеры, смѣняющіеся вмѣстѣ со смѣною партій у кормила правленія, не имѣютъ, въ качествѣ канцлеровъ, особеннаго вліянія на ходъ правительственныхъ дѣлъ, но за то они пользуются правомъ замѣщать по своему усмотрѣнію значительное число должностей, сопряженныхъ съ очень высокими окладами *).

доставить возможность членамъ верхней и нижней палаты занимать эти должности, пока партія ихъ будетъ находиться у кормила правленія, и получать соотвѣтствующіе оклады. Въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ читатель найдетъ нѣкоторыя важнѣйшія цифровыя данныя, относящіяся къ срединѣ разсматриваемаго нами періода (къ 1755 г.) и могущія служить для характеристики этой системы центральнаго управленія.

*) Перемѣна министерствъ почти не отражается на вѣдомствѣ лорда-канцлера и на подчиненныхъ ему постоянныхъ бюро. Къ чести правящаго сословія и корпораціи адвокатовъ надо сказать, что лорды-канцлеры всегда умѣли сохранить въ своемъ управленіи духъ, подобающій судьямъ. Въ настоящее время лордъ-канцлеръ, изъ уваженія къ верхней палатѣ, въ которой онъ предсѣдательствуетъ, обыкновенно возводится въ наслѣдственное перское достоинство. Иногда обязанности этой должности возлагаются не на единичное лицо, а на цѣлую

II. Лордъ-казначей въ XVIII столѣтіи обыкновенно является главою министерства. Такъ какъ право распоряжаться такъ-называемымъ national purse принадлежало нижней палатѣ, то въ этомъ вѣдомствѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо оказывалось необходимымъ участіе членовъ палаты общинъ. Поэтому-то, начиная съ царствованія Георга I, права и обязанности лорда-казначея были присвоены коллегіальному учрежденію, состоявшему изъ нижеслѣдующихъ лицъ:

1) Изъ такъ-называемаго First lord-commissioner, на должность котораго иногда назначался перъ, иногда же членъ палаты общинъ.

2) Изъ 3 или 4 Junior lords, среди которыхъ по возможности долженъ былъ находиться одинъ шотландецъ и одинъ ирландецъ.

3) Изъ *канцлера казначейства*, который являлся вторымъ главнымъ членомъ вѣдомства и, въ то же время, обыкновенно состоялъ членомъ палаты общинъ. Но надо замѣтить, что этотъ коллегіальный характеръ, приданный центральному финансовому учрежденію, былъ пока не болѣе какъ формою, изобрѣтенною съ цѣлью создать нѣсколько новыхъ высшихъ должностей. Обыкновенно First-lord завѣдывалъ общимъ контролемъ управленія на правахъ министра-президента и не имѣлъ особеннаго касательства къ должностнымъ лицамъ финансоваго вѣдомства. Что касается Junior lords, то они являлись довѣренными лицами отъ парламента и роль ихъ ограничивалась тѣмъ, что они скрѣпляли своею подписью важнѣйшія финансовыя распоряженія. Главою финансоваго управленія оставался исключительно канцлеръ казначейства. Если Premier (First lord) состоялъ членомъ нижней палаты, то онъ могъ въ то же время быть и канцлеромъ казначейства, если же былъ перомъ, то въ такомъ случаѣ обѣ эти должности не могли совмѣщаться въ одномъ лицѣ [2]).

комиссію и тогда изъ среды членовъ этой комиссіи назначается президентъ верхней палаты. Большой „судъ лорда-канцлера“ состоялъ въ 1755 г. изъ самого лорда-канцлера, графа Гардунка (получавшаго 2100 ф. ст. жалованья, а вмѣстѣ съ прочими, присвоенными его должности окладами, свыше 7000 ф. ст.), изъ Master of the Rolls, двѣнадцати Masters of Chancery, одного principal Register, герцога Сентъ-Альбанъ, съ двумя замѣстителями, одного клерка of the Hannaper (герцога Чэндосъ) съ состоявшими при немъ замѣстителями и т. д. и т. д. (всего болѣе 100 должностныхъ лицъ, состоявшихъ на постоянной службѣ.) Ланкастерская герцогская палата представляла въ малыхъ размѣрахъ копію съ канцлерства и въ ней имѣлось около тридцати синекуръ.

[2]) Въ такъ-называемомъ Departament of the Treasury должность перваго лорда казначейства (First lord of the Treasury) исправляетъ обыкновенно премьеръ-министръ, положеніе же министра финансовъ занимаетъ канцлеръ казначейства. Старинный Exchequer продолжаетъ существовать въ видѣ крайне тяжеловѣснаго и неповоротливо дѣйствующаго механизма, назначеніе котораго состояло въ томъ, чтобы руководить общимъ управленіемъ всѣхъ государственныхъ кассъ; при Exchequer существовали многочисленныя бюро, въ которыхъ большинство должностей были частью синекурами для членовъ парламента, частью же феодальными, наслѣдственными должностями. Въ 1755 г. составъ Treasury былъ ниже-

III. Лордъ-президентъ государственнаго совѣта утрачиваетъ свое прежнее значеніе вмѣстѣ съ учрежденіемъ, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ. Его должность становится просто почетнымъ отличіемъ; она есть нѣчто въ родѣ министерскаго званія безъ портфеля и не даетъ само по себѣ никакого вліянія на государственныя дѣла.

IV. Лордъ Privy seal прилагаетъ королевскую печать ко всѣмъ королевскимъ повелѣніямъ или уполномочивающимъ грамотамъ, выходящимъ за большою печатью; слѣдовательно на немъ лежитъ контроль всего министерскаго дѣлопроизводства, своего же спеціальнаго вѣдомства въ управленіи онъ не имѣетъ.

V. Лордъ оберъ-камергеръ, дѣйствуетъ въ качествѣ директора театровъ и стоитъ во главѣ театральной цензуры. *VI.* Должность лорда High Constable упразднена. *VI.* Такъ-называемый Earl Marshal стоитъ во главѣ геральдическаго бюро.

VIII. Судебныя функціи, сопряженныя съ должностью *генералъ-адмирала*, перешли къ суду адмиралтейства; для административныхъ же дѣлъ учреждается коллегія адмиралтейства, въ составъ которой входятъ одинъ First Lord of the Admiralty и шесть Under Lords, пользующіеся правомъ совѣщательнаго голоса; персоналъ этотъ мѣняется съ каждою перемѣною министерства [3]).

слѣдующій: First lord — герцогъ Ньюкестльскій (8000 ф. ст. содержанія), трое Junior lords (графъ Дарлингтонъ, виконтъ Дёпплинъ, Р. Рёджентъ) и канцлеръ казначейства, Легъ. Exchequer состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Аудиторъ (графъ Линкольнъ), такъ-называемый Clerk of the Pells (сэръ Эдуардъ Уальполь) четыре Tellers (графъ Макльсфильдъ, достопочтенный гр. Тоунсендъ, виконтъ Ройстонъ и Г. Уальполь) четыре замѣстителя, по одному на каждаго Teller, двое (казначеевъ), сэръ Стюартъ Бартъ и сэръ В. Эшбернгэмъ Бартъ, при нихъ двое замѣстителей, затѣмъ нѣсколько чиновниковъ изъ счетнаго отдѣленія Usher of the Eschequer (Г. Уальполь) счетчики и т. п. Въ 1780 г. Auditor of the Eschequer получалъ 14,060 ф. ст. жалованья, каждый изъ четырехъ Tellers—по 7038 ф. ст., Clerk of the Pells—7597 ф. ст., счетною частью завѣдывали 12 большихъ бюро, часть которыхъ была очень древняго происхожденія. Еще многочисленнѣе были различныя подраздѣленія Treasury, какъ-то: главное бюро таможенныхъ сборовъ, главное бюро акцизныхъ сборовъ, соляная коммиссія, штемпельное бюро, коммиссія по поземельному налогу, главный почтамтъ, монетный дворъ. Начальникамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ второстепенныхъ вѣдомствъ предоставлялись иногда мѣста въ совѣтѣ министровъ, какъ напримѣръ начальнику бюро, завѣдывавшаго государственными имуществами и лѣсами, или же лицу, стоявшему во главѣ Board of Works. Если принять въ расчетъ всѣ второстепенныя вѣдомства, подчиненныя Treasury, то оказывается, что этотъ громадный служебный персоналъ, представляетъ собою около половины всего чиновничества, состоящаго на гражданской службѣ.

[3]) Вѣдомство адмиралтейства состояло въ 1755 г. изъ 7 Lodrs Commissioners (получившихъ по 1000 ф. ст. жалованья). Въ этомъ же вѣдомствѣ состояло 6 адмираловъ и 237 капитановъ. Флотская „коммиссія“ состояла изъ одного Comptroller of the Navy, 9 чиновниковъ высшаго разряда и 13 мѣстныхъ управленій, завѣдывавшихъ арсеналами; провіантскою частью во флотѣ завѣдывали 7 Commissioners, одинъ Treasures of the Navy и т. д.

IX. X. Лордъ High steward, какъ главный распоряди-тель придворнаго вѣдомства и *лордъ* Chamberlain, какъ завѣ-дующій гардеробомъ, дворцовою церковью, медицинскою частью и т. п. принадлежитъ исключительно къ придворному штату.

XI. Фельдцейхмейстерское вѣдомство осталось въ томъ же видѣ, въ какомъ оно существовало при Карлѣ II, и состоитъ изъ генералъ-фельдцейхмейстера и пяти членовъ, которые обыкновенно назна-чаются изъ числа членовъ парламента. Всѣ эти лица смѣняются при каждой смѣнѣ министерства[4]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ прежнихъ высшихъ долж-ностей, съ сохраненіемъ старыхъ названій, титуловъ и окладовъ содержанія, образовалось четыре главныхъ министерства, а именно:

1) Руководящее общимъ ходомъ управленія *премьеръ министер-ство, или министерство финансовъ.*

2) Вѣдомство *лорда-канцлера.*

3) *Морское* министерство (Admiralty).

4) *Фельдцейхмейстерское* вѣдомство (Ordnance).

Къ этимъ министерствамъ присоединяются еще нѣкоторыя другія, образовавшіяся изъ распаденія тѣхъ функцій, которыя нѣкогда были присвоены должности *статсъ-секретаря.* Дѣло въ томъ, что перво-начальное положеніе, которое secretary of state занималъ въ ка-чествѣ члена кабинета, повлекло за собою для этого сановника необходимость постоянныхъ сношеній какъ съ мѣстными органами власти по дѣламъ, касавшимся внутренняго управленія и полицей-скихъ мѣръ, такъ и съ послами, аккредитованными при иностран-ныхъ дворахъ и съ иноземными кабинетами. Всѣ эти обязанности, при измѣнившемся значеніи кабинета, тоже видоизмѣняются. Непо-средственно вслѣдъ за революціей мѣсто статсъ-секретаря получило характеръ важной должности, на которую обыкновенно назначался перъ, принадлежавшій къ господствующей партіи, при чемъ обязанности этой должности дѣлились между такъ-называемымъ первымъ и вторымъ

---

4) Вѣдомство генералъ-фельдцейхмейстера находилось въ описываемый нами періодъ подъ управленіемъ герцога Марльборо и организація этого вѣдомства можетъ дать понятіе объ общемъ характерѣ тогдашней вигской администраціи. Герцогъ состоялъ въ званіи фельдцейхмейстера и получалъ 3000 ф. ст. жало-ванья, 1825 ф. ст. на путевыя издержки, 1000 ф. ст. столовыхъ денегъ и 2000 ф. ст. въ качествѣ командира гвардейскаго пѣхотнаго полка. (Къ этому еще слѣдуетъ присовокупить 7000 ф. ст., которые онъ получалъ въ качествѣ уполно-моченнаго союзныхъ государствъ 10000 ф. ст.—какъ главнокомандующій двумя арміями, 10000 ф. ст. — какъ главнокомандующій Нидерландскими войсками, 15000 ф. ст. процентнаго вознагражденія съ комплекта наемныхъ войскъ и 5000 ф. ст. пенсіи; герцогиня съ четырехъ занимаемыхъ ею придворныхъ должностей, со включеніемъ назначенной ей пенсіи, получала 9500 ф. ст.). Военная часть фельдцейхмейстерскаго вѣдомства состояла въ завѣдываніи начальника инжене-ровъ, восьми директоровъ и т. д.; сюда же причислялось и все артиллерійское вѣдомство.

secretary. При Георгѣ I первый статсъ-секретарь, Тоуншендъ, занималъ, даже, положеніе министра-президента. Послѣ присоединенія къ Англіи Шотландіи была учреждена должность третьяго секретаря для завѣдыванія спеціально шотландскими дѣлами, но въ 1746 г. эта послѣдняя должность была снова упразднена. Въ 1768 г. должность третьяго секретаря была возстановлена для завѣдыванія дѣлами американскихъ колоній, но въ 1781 г. она вторично упраздняется. Между тѣмъ по соглашенію, состоявшемуся между первымъ и вторымъ статсъ-секретарями, всѣ дѣла были распредѣлены на два департамента, называвшіеся сѣвернымъ и южнымъ. Въ 1781 послѣдовало раздѣленіе на департаментъ внутреннихъ и департаментъ иностранныхъ дѣлъ, Home Department и Foreign Department. Въ 1794 война съ Франціей вызвала третьяго статсъ-секретаріатства для военныхъ дѣлъ Secretary of War, къ которому въ 1807 г. было присоединено завѣдываніе колоніями. Такимъ-то путемъ къ концу разсматриваемаго періода изъ первоначальнаго единичнаго статсъ-секретаріата образовались три дальнѣйшія министерства:

5) *Министерство внутреннихъ дѣлъ*, во главѣ котораго стоитъ Principal Secretary of State for the Home Departement [5]).

6) *Министерство иностранныхъ дѣлъ*, которымъ управляетъ Principal Secretary of State for the Foreign Departement. Ему подчинены всѣ посольства и консульства [6]).

7) *Военное министерство, завѣдующее и колоніями*; во главѣ этой отрасли управленія стоитъ Principal Secretary of State for War and Colonies (съ 1816 г. дѣятельность этого министерства преимущественно ограничивается управленіемъ колоніями [7]).

---

[5]) Въ половинѣ XVIII столѣтія статсъ-секретаріатъ составлялъ еще одно нераздѣльное цѣлое, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что въ немъ преобладаетъ чисто географическое дѣленіе дѣлъ. Сѣверному департаменту подчинены 9 посланниковъ и пословъ, южному—столько же посланниковъ и пословъ и, кромѣ того, 25 консуловъ, 20 колоніальныхъ агентовъ и т. д. Содержаніе, получаемое статсъ-секретаремъ въ 1795 г., простиралось до 6000 ф. ст., между тѣмъ, какъ при Елизаветѣ оно не превышало 100 ф. ст. при готовомъ столѣ. Послѣ того, какъ состоялось систематическое разграниченіе между статсъ-секретарскими обязанностями по внутреннимъ и по внѣшнимъ дѣламъ, такъ-называемый Home Departament (министерство внутреннихъ дѣлъ), начиная съ 1782 г., получилъ весьма несложную организацію, состоящую изъ одного principal Secretary, двухъ его помощниковъ и довольно малочисленнаго персонала канцелярскихъ чиновниковъ. Въ сферу дѣйствія этого вѣдомства входитъ цѣлый рядъ дѣлъ, касающихся отправленія уголовнаго правосудія. Въ Германіи такія дѣла считаются подлежащими вѣдѣнію министерства юстиціи, между тѣмъ какъ въ Англіи власть лорда-канцлера преимущественно ограничивается областью гражданскаго правосудія. Подчиненіемъ этого рода дѣлъ министерству внутреннихъ дѣлъ имѣлось въ виду придать большую подвижность всему механизму уголовнаго преслѣдованія и исполненія уголовныхъ приговоровъ.

[6]) Foreign Departement состоитъ, начиная съ 1782 г., равнымъ образомъ изъ одного Principal Secretary, двухъ Under-Secretaries и т. д.

[7]) Въ министерствѣ, которымъ завѣдывалъ статсъ-секретарь по военнымъ и

Каждому статсъ-секретарю обыкновенно были подчинены два помощника, которые носили названіе Under-Secretaries. Но, не взирая на всѣ эти перемѣны, законъ все еще продолжалъ разсматривать статсъ-секретарей, какъ одно лицо. Поэтому распредѣленіе дѣла между ними являлось результатомъ простаго административнаго соглашенія.

Въ *девятнадцатомъ столѣтіи* (позволяю себѣ забѣжать впередъ) описанный выше процессъ пошелъ еще далѣе: статсъ-секретаріатъ распадается на новыя отрасли управленія и образуются новыя центральныя учрежденія (parliamentary boards), вызванныя кореннымъ преобразованіемъ, внесеннымъ въ администрацію путемъ парламентскаго законодательства. Къ описаннымъ уже выше должностямъ присоединяются:

8) Должность статсъ-секретаря *по военнымъ дѣламъ*, Secretary for War, къ которому переходятъ обязанности прежняго фельдцейхмейстера и подъ управленіемъ котораго нѣкоторыя второстепенныя вѣдомства сливаются въ одинъ департаментъ, получающій характеръ министерства.

9) Должность статсъ-секретаря по *Остъ-Индскимъ дѣламъ*, учрежденная послѣ того, какъ прежнее контрольное учрежденіе, завѣдывавшее управленіемъ Остъ-Индіи, преобразовалось на бюрократическихъ началахъ и приняло характеръ министерскаго вѣдомства.

10) Должность Chief Secretary по Ирландскимъ дѣламъ.

За послѣднее время расширившаяся организація общественнаго призрѣнія породила новое центральное учрежденіе, такъ-называемый Local - Governement Board, который вѣдаетъ экономическую сторону окружнаго и общиннаго управленія. Подъ названіемъ Со-

---

колоніальнымъ дѣламъ, попеременно то управленіе колоніями выдвигалось на первый планъ, а военное управленіе получало побочное значеніе, то наоборотъ. Въ 1755 г. въ составъ колоніальнаго управленія входили: одинъ Auditor General of the Plantations (Г. Уольполь) 21 губернаторъ съ вице-губернаторами, нѣсколько офицеровъ, командующихъ отдѣльными частями, судьи и прокуроры. Наемная сухопутная армія состояла въ 1755 г. подъ управленіемъ двухъ гражданскихъ начальниковъ втораго разряда — секретаря военнаго министерства и военнаго цальмейстера. Secretary at War (Генри Фоксъ) и генеральный цальмейстеръ образовали вдвоемъ такъ-называемый общій военный департаментъ. Здѣсь, какъ и вообще во всѣхъ учрежденіяхъ, завѣдывавшихъ управленіемъ кассъ, оклады были чрезвычайно высоки и увеличивались еще фондами кассы, которые нерѣдко, вслѣдствіе замедленій въ расходованіи накоплявшихся въ нихъ суммъ, по цѣлымъ годамъ находились въ распоряженіи завѣдующаго чиновника, такъ что послѣдній могъ эксплоатировать ихъ въ свою пользу; такъ напримѣръ генеральный цальмейстеръ въ 1781 г. получалъ 3061 ф. ст. содержанія, но его balances за предшествующія 12 лѣтъ простирались до 558,898 ф. ст. Старшій кассиръ получалъ 460 ф. ст. жалованья, но благодаря побочнымъ доходамъ вознагражденіе его увеличивалось до 7159 ф. ст. Недурное описаніе военнаго управленія въ этотъ періодъ можно найти у Гейслера, Geschichte der Grosbritanischen Kriegsmacht, 1784 г

mitties of the Privy Council учреждены министерства торговли и народнаго просвѣщенія. Всѣ эти новѣйшія учрежденія организованы по строго бюрократическому типу и имѣютъ характеръ министерствъ. Впрочемъ, отъ усмотрѣнія кабинета, стоящаго въ данный моментъ у кормила правленія, зависитъ допустить въ совѣтъ министровъ, съ правомъ голоса, также и директора почтъ, генералъ-цальмейстера канцлера Ланкастерскаго герцогства и нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ чиновниковъ; равнымъ образомъ, составъ министерства можетъ быть увеличиваемъ назначеніемъ министровъ безъ портфелей; такимъ образомъ, въ теченіе послѣдняго столѣтія численность членовъ, пользовавшихся правомъ голоса въ совѣтѣ министровъ, колебалась между 10 и 17; большею частью такихъ членовъ имѣлось отъ 12 до 15. Въ видахъ большаго удобства при распредѣленіи министерскихъ мѣстъ, а также съ цѣлью сохранить за министерскимъ управленіемъ болѣе подвижную организацію, представлявшуюся необходимой въ эпоху реформъ, въ Англіи по возможности избѣгали опредѣлять путемъ закона компетенцію различныхъ органовъ центральнаго управленія. Распредѣленіе дѣлъ между различными «статсъ-секретарями» разсматривалось какъ дѣло чисто внутренняго, административнаго распорядка и вообще старались обходиться безъ такихъ законовъ, которыми министерскія вѣдомства устанавливались бы разъ навсегда **).

---

§ 50.

Образованіе парламентскихъ партій.

Подобно тому, какъ зависимость центральнаго управленія отъ парламента въ логическомъ развитіи этого принципа привела къ смѣнѣ министерствъ, точно такъ же перевѣсъ нижней палаты повлекъ за собою прочную *организацію двухъ парламентскихъ партій*, которыя съ самаго начала разсматриваемой нами эпохи попеременно держали бразды правленія, образованіе-же коалиціоннаго министерства изъ представителей обѣихъ партій всегда оказывалось возможнымъ лишь на короткій промежутокъ времени.

Эта организація партій является выраженіемъ того прочнаго государственнаго и общественнаго порядка, который достигъ теперь

**) Объ этомъ вопросѣ конституціоннаго государственнаго права, возбуждавшемъ въ Германіи большое разногласіе мнѣній, см. Gneist, Gesetz und-Budget, 1879. Abhandlung II.

окончательнаго своего развитія. Сказанная организація предполагаетъ существованіе всѣми партіями признанной конституціи, а также правящій классъ, у котораго никто не оспариваетъ занимаемое имъ положеніе, гармонію въ строеніи промежуточныхъ звѣньевъ общиннаго управленія и тѣсную связь государственной власти съ системою церковнаго управленія, признанною въ качествѣ національной церкви. Какъ только достигнуто это единство между отдѣльными членами государственнаго цѣлаго, *наипростѣйшею формою*, въ которой можетъ выразиться неизбѣжное въ каждомъ человѣческомъ обществѣ различіе воззрѣній на вопросы государственной жизни, является ихъ воплощеніе въ *двухъ* партіяхъ.

Философскіе идеалы такой совершенной формы государственнаго устройства, которая безъ борьбы партій сливала бы естественное многообразіе стремленій, существующихъ въ средѣ народа, въ единую волю, будь то монархія или республика, демократія или аристократія,—идеалы эти, говорю я, основаны на непониманіи свойствъ человѣческой природы. Человѣкъ, какъ чувственно-животное существо, во всѣ времена и при всевозможныхъ условіяхъ вынужденъ былъ за удовлетвореніемъ своихъ потребностей обращаться къ благамъ внѣшней природы. Пріобрѣтеніе этихъ благъ, обладаніе и наслажденіе ими неизбѣжнымъ образомъ создавали цѣлый рядъ отношеній взаимной зависимости, а эти отношенія, въ безконечно сложныхъ своихъ сочетаніяхъ, образовали прочно осѣвшіе общественные слои, въ которыхъ единичная личность, съ своею семьею и близкими своими, чувствуетъ себя внѣдренной и связанной, безпрерывно приходя въ столкновеніе съ интересами другихъ. Въ этой-то вѣчной борьбѣ за существованіе, въ этомъ постоянномъ стремленіи индивидуума обладать и наслаждаться самому и оттѣснить отъ обладанія и наслажденія другихъ, въ этомъ неизмѣнномъ побужденіи упразднить или ослабить собственную зависимость и закрѣпить или увеличить зависимость другихъ, каждая нація достигаетъ и упрочиваетъ за собою возможную мѣру человѣческой свободы лишь при томъ условіи, чтобы она подчинялась абослютнымъ велѣніямъ нравственнаго закона, олицетворяемаго церковью и абсолютнымъ велѣніямъ прочно установленнаго правоваго порядка, олицетворяемаго государственнымъ союзомъ.

Англійской націи послѣ долгой и упорной борьбы наконецъ удалось примирить путемъ внутренной организаціи всѣхъ частей государственнаго тѣла антагонизмъ между обществомъ, государствомъ и церковью. Связанное такимъ образомъ цѣлое было и осталось *двойственнымъ* организмомъ, въ составъ котораго входили какъ государственные, такъ и общественные элементы; цѣлое это, какъ въ своей совокупности, такъ и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ находилось въ

такомъ же непрерывномъ движеніи, какъ и жизнь единичной личности и поэтому въ существовавшихъ воззрѣніяхъ на него и въ присущихъ ему стремленіяхъ оказывалось двоякое направленіе, зависѣвшее отъ того, какъ разсматривалось государство въ каждомъ данномъ случаѣ: сверху ли внизъ, или же снизу вверхъ, а также оттого, что принималось за исходную точку: необходимость ли единства государственной воли или же свободная воля единичной личности, и какой принципъ признавался наивысшимъ и наиболѣе существеннымъ для блага цѣлаго: верховныя ли права власти или же права и вольности народныя. Разграниченіе между двумя большими партіями, олицетворяющими въ себѣ эти два направленія, совершилось еще во время долгаго парламента при Карлѣ II. Сталкивающіяся церковныя и государственныя воззрѣнія, остававшіяся еще довольно смутными во время междоусобной войны и республики, обособились въ двѣ главныя системы, которыя, начиная съ 1680 г., нашли себѣ выраженіе въ двухъ партіяхъ, сдѣлавшихся извѣстными подъ названіемъ виговъ и торіевъ. Еще со временъ изданія Magna charta, по мѣрѣ того, какъ развивалось Selfgovernement и увеличивалось значеніе великаго совѣта и парламентовъ, англійское міросозерцаніе отличалось *практичностью* своего направленія и сосредоточеніемъ на ближайшихъ задачахъ; теперь послѣ того, какъ два поколѣнія вынесли на своихъ плечахъ борьбу между двумя теоретическими крайностями, — пуританствомъ и такъ-называемой High-Church, — въ настроеніи большинства снова сказалось это реалистическое міросозерцаніе, которое въ разсмотрѣніи и постановкѣ всѣхъ вопросовъ государственной жизни руководится исключительно указаніями собственнаго прошлаго опыта.

Дружнымъ усиліямъ gentry удалось сломить сопротивленіе Іакова II. Конституція, опредѣлявшая устройство парламента, графствъ и городскихъ корпорацій, была объявлена неприкосновенною для королевской прерогативы. *Взаимность* правовыхъ отношеній между народомъ и королевскою властью снова еще явственнѣе запечатлѣлась въ общемъ сознаніи, благодаря тому явному нарушенію ея, которое позволила себѣ одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, и теперь эта взаимность была провозглашена, какъ original contract между королемъ и народомъ. Неприкосновенность народныхъ правъ была даже санкціонирована изгнаніемъ династіи и правомѣрность этого дѣйствія являлась необходимою посылкою, которая предполагалась всѣмъ существующимъ государственнымъ устройствомъ. Въ глазахъ одной изъ сторонъ наивысшимъ принципомъ гражданской свободы въ государствѣ являлось *право сопротивленія* королевской власти въ случаѣ нарушенія послѣднею конституціонныхъ правъ. Resistance сдѣлалось лозунгомъ партіи *виговъ*.

Но съ другой стороны правами власти фактически пользовался только правящій классъ. При посредствѣ парламента классъ этотъ господствовалъ надъ центральнымъ управленіемъ, а при посредствѣ судебно-мировыхъ учрежденій — надъ графствами. Слѣдовательно этотъ классъ нуждался въ санкціи извѣстнаго авторитета, опираясь на который онъ могъ бы требовать себѣ повиновенія отъ остальныхъ слоевъ населенія. Не въ немъ самомъ лежитъ то право, во имя котораго онъ является повелителемъ надъ цѣлыми милліонами народа; пользуясь своей властью, онъ дѣйствуетъ лишь именемъ **King in Parliament** и **King in Council**. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой правящій классъ самъ подчиняется нравственному закону, равно обязательному для всѣхъ сословій и воплощающемуся въ англиканской церкви, можно считать обезпеченнымъ и нравственное употребленіе этимъ классомъ принадлежащей ему власти; съ другой стороны для массы народа повиновеніе не столько обусловливается требованіями разума, сколько вытекаетъ изъ чувства долга и является дѣломъ вѣры. Такимъ образомъ, въ глазахъ другой партіи, наивысшимъ принципомъ являлись «*тронъ и алтарь*», — или вѣрнѣе, вслѣдствіе намѣренной перестановки словъ — **Church and Crown**. Эти слова и сдѣлались девизомъ партіи *торіевъ* *).

Оба эти принципа, лежащіе въ основѣ партійныхъ дѣленій, вытекали изъ одного и того же порядка вещей и были связаны между собою такою же связью взаимной необходимости, какъ и само государство и общество въ Англіи. Это тѣ же раздвоенныя воззрѣнія средневѣковаго періода, которыя теперь, достигнувъ высшей ступени развитія, оживаютъ въ парламентскихъ партіяхъ; въ торіяхъ живетъ унаслѣдованная отъ церкви мысль о необходимости твердой и постоянно дѣйствующей государственной власти, какъ основы гражданскаго порядка; въ вигахъ же сказывается корпоративный духъ германской общинной жизни и изъ этого духа вырабатываются понятія о конституціонныхъ вольностяхъ. Тѣ государственныя понятія, которыя въ средніе вѣка раздвоялись между **imperium** и **sacerdotium**, теперь стали принципами, легшими въ основу единаго государства. Поэтому-то обѣ партіи признаютъ одна другую, какъ бы далеко ни расходились ихъ воззрѣнія на дальнѣйшее развитіе конституціи и на то направленіе, которому должна слѣдовать правительственная дѣятельность.

---

*) Во время междоусобной войны партіи распадались на „кавалеровъ“ и **Roundheads**; при реставраціи онѣ назывались роялистами и пресвитеріанцами, придворной и сельской партіей; во время борьбы изъ-за билля объ устраненіи герцога Іоркскаго отъ престолонаслѣдія были **Petitioners** и **Abhorers**; вслѣдъ за тѣмъ появились виги и торіи. Названія эти были употреблены впервые какъ бранныя клички во время выборовъ 1680 г.

Итакъ, подъ именемъ виговъ и торіевъ въ теченіе всего XVIII столѣтія имущіе классы придавали правительственной дѣятельности направленіе, тѣсно связанное съ семейными традиціями и общественными интересами самого gentry. Боевыми кликами этихъ партій въ началѣ столѣтія были resistance и non resistance; за тѣмъ—Стюарты и «Гановеръ»; позднѣе боевымъ кликомъ партій становится американская война, а еще позднѣе—французская революція. Въ теченіе наибольшей части этого столѣтія воспоминанія о захватахъ королевской власти еще такъ живы, что правительственная власть преимущественно ввѣряется вигамъ; но въ послѣднія десятилѣтія, когда возникаютъ опасенія относительно дальнѣйшей готовности низшихъ классовъ къ повиновенію, рѣшительный перевѣсъ въ правительственныхъ сферахъ оказывается на сторонѣ торіевъ. Обѣ партіи являются лишь подраздѣленіями правящаго класса и во главѣ ихъ стоятъ знатнѣйшія дворянскія фамиліи страны. Во время парламентскихъ выборовъ большинство голосовъ въ рядахъ gentry и той части средняго сословія, которая обладаетъ правомъ голоса, переходитъ то на ту, то на другую сторону, при чемъ колебанія эти имѣютъ не случайный характеръ, а состоятъ въ очевидной связи съ различными движеніями въ законодательствѣ, съ финансовой и внѣшней политикой государства. Воззрѣнія отдѣльныхъ личностей на государственные вопросы всегда опредѣляются опытомъ личной жизни и общими теченіями въ умственной жизни человѣчества; въ этомъ смыслѣ, въ каждой общественной группѣ и въ каждой отдѣльной личности можно найти склонность либо къ вигскому, либо къ торійскому міросозерцанію. Прошлое Англіи представляетъ чрезвычайное разнообразіе жизненныхъ формъ, въ которыхъ воплощалась эта двойственность міросозерцанія, поперемѣнно давая перевѣсъ то страху передъ «необузданностью» народнаго своеволія, то «опасенію» со стороны власти.

Аргументація, которою пользовались эти теоріи, соотвѣтствуетъ той ступени, на которой стояло образованіе въ разсматриваемую нами эпоху. Богословскій способъ доказательствъ, котораго придерживались приверженцы какъ епископальнаго, такъ и пуританскаго воззрѣнія, принялъ уже въ теченіе междоусобной войны и республики значительно болѣе свѣтскій характеръ. То, что уцѣлѣло еще отъ этихъ споровъ послѣ реставраціи, является не столько выраженіемъ религіозныхъ убѣжденій, сколько искусственной партійной фразеологіей, принятой политиканствующимъ духовенствомъ. Воззрѣніе преобладающее выводитъ теперь, сущность государства изъ самой *природы человѣка*. Съ одной стороны изъ принципа свободной воли развивается теорія «государственнаго договора», которая у Лока является абстракціей, выведенной изъ парламентской конституціи

и изъ учрежденій, завѣдующихъ управленіемъ въ графствахъ; съ другой стороны система наслѣдственнаго «авторитета» выводится изъ того чувства зависимости, изъ той потребности подчиняться чьему-нибудь господству, которые неизмѣнно присущи самой природѣ общества. Вліяніе на государственный строй того склада, который приняла жизнь помѣстнаго дворянства, еще не было, даже въ Англіи, оцѣнено настолько, чтобы изъ этого могла возникнуть строго сформулированная система;, но сознаніе этого вліянія, какъ рѣшающаго фактора, все-таки не могло не существовать въ умахъ англійской націи послѣ событій междоусобной войны. Воззрѣнія Гоббса, въ главнѣйшихъ своихъ основаніяхъ, самымъ несомнѣннымъ образомъ воспроизводятъ въ отвлеченной формѣ то положеніе дѣлъ, которое существовало во время междоусобной войны. Это-то эмпирически національное направленіе обѣихъ партій, начиная съ XVIII столѣтія, ищетъ себѣ оправданія въ *исторіи* прошлаго, при чемъ съ одной стороны выдвигается на первый планъ первоначальная власть англо-норманскихъ королей, а съ другой стороны напираютъ на традиціонную свободу саксонскаго общиннаго устройства. Но число фактовъ прошлаго, на которые ссылались та и другая сторона, было такъ безконечно велико, что ихъ можно было группировать какъ угодно, сообразно съ той или другой предвзятой точкой зрѣнія; такимъ образомъ самая исторія мѣняла свой обликъ въ рукахъ представителей партій и опытъ прошлаго не могъ дать никакой надежной руководящей нити для настоящаго **).

**) Относительно пріемовъ богословской аргументаціи, я могу отослать читателя къ § 32 настоящаго сочиненія; восемнадцатое же столѣтіе становится въ этихъ вопросахъ преимущественно на почву раціонализма. Преобладающія въ разсматриваемую эпоху воззрѣнія, строющія свои выводы на свойствахъ свободной воли, въ Англіи не до такой степени какъ на континентѣ упускаютъ изъ виду тотъ фактъ, что государство не есть продуктъ отвлеченной свободы воли, а такъ же, какъ и конкретный человѣкъ, опирается на собственность и на трудъ и на обусловливаемые этими двумя факторами потребности, интересы, классы и сословія. Поэтому-то мы видимъ, что въ Англіи уже съ 17 столѣтія существующія политическія воззрѣнія обращаются за подкрѣпленіемъ къ исторіи. Изъ изслѣдованія этого рода до сихъ поръ не утратили своего значенія труды Сельдена, Принна, Коттона и др., хотя надо сказать, что всѣ эти изслѣдователи слишкомъ исключительно держатся внѣшней стороны тѣхъ фактовъ, на которые они ссылаются. Такъ, напримѣръ, односторонніе выводы, которые Бреди и его единомышленники дѣлали изъ фактовъ, не подлежащихъ самихъ по себя переканію, возводили путемъ подтасованной аргументаціи, въ національную задачу отрицаніе, всего строя норманскаго государства; съ этою цѣлью старинным, неопредѣленнымъ выраженіямъ придавался тотъ парламентскій смыслъ, который они могли бы имѣть лишь въ позднѣйшую эпоху; отдѣльныя фразы, относящіяся къ различнымъ эпохамъ, выхватывались, внѣ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ и соединялись между собою посредствомъ логическихъ пріемовъ позднѣйшей юриспруденціи. И эта-то группировка фактовъ безъ всякой исторической перспективы называлась и въ Англіи тоже исторіей права. Такого рода исторія права создала какъ для нижней, такъ и для верхней палаты весьма почтенное

Если умы, игравшіе руководящую роль въ церкви и государствѣ, неизмѣнно поддавались въ направленіи своей дѣятельности духу партій, то все же существовала прочно установленная граница, за которую партіи не рѣшались переступать съ своими программами, — то была граница, за которою лежала область *судопроизводства* и, какъ дальнѣйшее развитіе этого послѣдняго, наука права. Англійскому парламентаризму присуща консервативная черта, въ силу которой обычаи и законоположенія накопляются изъ поколѣнія въ поколѣніе и могутъ быть отмѣняемы не иначе, какъ съ согласія всѣхъ трехъ факторовъ законодательной дѣятельности. Благодаря этой-то особенности въ Англіи успѣло образоваться извѣстное ядро положительныхъ юридическихъ принциповъ, которые, правда, по части опредѣленности многаго оставляли желать, но за то въ отношеніи обстоятельности удовлетворяли самымъ строгимъ требованіямъ. Это-то готовое основаніе и служило точкою опоры для программъ партій. Обѣ стороны единодушно осудили тотъ образъ дѣйствія, котораго Стюарты придерживались относительно судебныхъ учрежденій, и между партіями установилось молчаливое соглашеніе, положившее конецъ злоупотребленіямъ судебною властью для политическихъ цѣлей. Съ восемнадцатаго столѣтія для Англіи начинается «a new era of judicial purity». Горькій опытъ прошлаго воспиталъ въ обѣихъ партіяхъ чувство законности, заставлявшее ихъ воздерживаться отъ посягательствъ на всѣми уважаемую организацію судебныхъ учрежденій и корпорацій юристовъ. Эти-то учрежденія и корпораціи сдѣлались точкою опоры для публичнаго и частнаго права и въ нихъ такъ же выработалась та судейская стойкость характера, которая среди борьбы различныхъ элементовъ формулировала существующія правовыя отношенія и вела далѣе разработку юриспруденціи. Писатели-юристы старались привести въ порядокъ имѣвшійся въ ихъ распоряженіи

родословное дерево; въ подлогахъ своихъ, подсказываемыхъ наилучшими намѣреніями, она доходила до того, что въ поискахъ за вышеупомянутой родословной забиралась даже въ тринадцатое столѣтіе (Modus tenendi parliamentum). „Въ нашемъ отечествѣ, говоритъ Маколей, нерѣдко самые дорогіе интересы ставились въ зависимость отъ результатовъ археологическихъ изслѣдованій. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что англійскіе изслѣдователи, приступая къ своимъ изысканіямъ, руководились духомъ партій. Поэтому нечего удивляться, что писатели, разрабатывавшіе вопросъ о границахъ между правами верховной власти и свободою въ англійскомъ государственномъ устройствѣ, выказывали себя въ этомъ дѣлѣ не судьями, а гнѣвными и недобросовѣстными адвокатами. Таково было настроеніе, съ которымъ обѣ партіи рылись въ хроникахъ среднихъ вѣковъ. Какъ та, такъ и другая сторона чрезвычайно легко находили то, чего искали и упорно отказывались видѣть то, чего не искали". Главнѣйшимъ источникомъ для желающихъ ознакомиться съ этимъ способомъ аргументаціи можетъ служить Tyrrell, Bibliotheca juridica 1694. Объ англійской партійной литературѣ см. R. v. Mohl, Litteratur der Staatswissenschaften, Bd. II, S. 38.

сырой матеріалъ и освѣтить его съ точки зрѣнія извѣстныхъ общихъ принциповъ. Такимъ образомъ изъ существующихъ законовъ и прецедентовъ выводилось и непрерывно развивалось юристами научное право, подобно тому, какъ римская юриспруденція нѣкогда вырабатывала свое право изъ ratio и изъ имѣвшагося на лицо, въ началѣ крайне скуднаго законодательства. Наконецъ, всѣ эти попытки были приведены въ систему и англійская юриспруденція получила прочный фундаментъ въ знаменитыхъ «commentaries» Блэкстона***). Главная заслуга этого труда заключается въ безпристрастіи, съ которымъ авторъ устанавливаетъ свои положенія, въ наглядности и легкости изложенія, а также въ своеобразномъ оптимизмѣ, дышащемъ душевною чистотою и умѣвшимъ возвести англійскую конституцію въ идеалъ въ такую эпоху, когда администрація витовъ отличалась явною испорченностью. Хотя въ этомъ сочиненіи именно тѣ стороны англійскаго государственнаго устройства, которыя представляютъ на практикѣ основу всей государственной жизни, изложены лишь въ отрывочномъ видѣ, тѣмъ не менѣе, книга Блэкстона, благодаря той связи, которую она имѣетъ съ классическимъ образованіемъ и съ дѣленіемъ властей, установленнымъ Монтескьё, до сихъ поръ оказываетъ решающее вліяніе на тѣ представленія объ англійской конституціи, которыя распространены на континентѣ.

---

§ 51.

Теорія и практика парламентскаго управленія посредствомъ партій.

Идеалы отдѣльныхъ партій, такъ же, какъ и идеалъ единой народной воли, могутъ быть осуществлены лишь при постоянномъ

***) Сословіе юристовъ, стоявшее особнякомъ отъ обоихъ университетовъ, обязано тѣмъ высокимъ значеніемъ, которое оно получило въ области публичнаго права, именно той партійной окраскѣ, которою отличались всѣ философскія, историческія и религіозныя воззрѣнія. Но такъ какъ объемистыя сочиненія, въ которыхъ были собраны рѣшенія англійскихъ juris auctores и подробно изложены мотивы этихъ рѣшеній, оставались недоступными для континента, то рѣшающее значеніе для всего европейскаго міра имѣлъ почти исключительно трудъ Блэкстона, представляющій систематизированное и сокращенное изложеніе этого предмета. Достоинство сочиненія Блэкстона заключается не въ обширности историческихъ изысканій, не въ глубинѣ философскихъ взглядовъ, а въ безпристрастіи, съ которымъ авторъ относится къ защитникамъ обоихъ существующихъ воззрѣній на англійскія государственныя учрежденія; спокойно взвѣшиваетъ онъ всѣ pro и contra, сопоставляетъ факты и мотивы, разсматриваетъ прецеденты глубокой старины, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени,—и за тѣмъ, съ привычнымъ безпристрастіемъ судьи произносятъ свой приговоръ. Ясность и изящество изложенія сдѣлали Блэкстона центральною личностью въ той области, которая называется англійскимъ государственнымъ правомъ. Даже современная наука англійскаго государственнаго права ушла не особенно далеко отъ толкованій Блэкстона.

содѣйствіи общественныхъ силъ и интересовъ, весьма трудно согласимыхъ во всѣ времена. Для каждой важной мѣры, требуемой положеніемъ государства и общества въ данный моментъ, совѣтъ министровъ, при вышеописанномъ соотношеніи партій, нуждается въ согласіи большинства обѣихъ палатъ, а это въ свою очередь требуетъ значительной степени самоограниченія, умѣнья подчиняться и дисциплины; способности этого рода вырабатываются въ парламентахъ путемъ непрерывной дѣятельности въ области arduа negotia regni, а въ избирательныхъ корпораціяхъ результатъ этотъ можетъ быть достигнутъ лишь при крѣпкой солидарности между избирателями, при однородности признаваемыхъ ими началъ и при выработавшейся привычкѣ къ совокупному дѣйствію.

Поэтому-то революція, даже самая справедливая и успѣшная, является величайшимъ бѣдствіемъ, какое только можетъ постигнуть націю; она глубоко расшатываетъ, а частью и совсѣмъ нарушаетъ ту солидарность и тѣ привычки, о которыхъ было говорено выше, и влечетъ за собою борьбу противуположныхъ общественныхъ элементовъ, проявляющуюся въ рѣзкихъ, почти стихійныхъ формахъ; волненіе этой борьбы долго даетъ себя чувствовать и обыкновенно проходитъ жизнь цѣлаго поколѣнія прежде, чѣмъ всколыхнувшіяся волны улягутся. Для англійской націи было большимъ счастіемъ, что величайшій изъ государственныхъ людей того времени, Вильгельмъ III, могъ въ теченіи цѣлаго ряда годовъ управлять колеблющимся кораблемъ государства съ холодною и проницательною осмотрительностью опытнаго кормчаго. Въ эти трудныя времена королевская власть еще сохраняла за собою право иниціативы министровъ, хотя Вильгельму и пришлось шесть разъ перемѣнить составъ своего кабинета, при чемъ онъ, волей-неволей, вынужденъ былъ сообразоваться съ комбинаціями партій въ верхней и въ нижней палатѣ. Но великому Оранскому принцу не суждено было дождаться ни благодарности и признанія его заслугъ со стороны партій, ни симпатій со стороны народа, ни даже простаго пониманія принциповъ, положенныхъ въ основу его политики.

Со смертью Вильгельма прекращается и эта руководящая роль королевской власти и на сцену снова выступаетъ безконтрольное господство дворянскихъ партій, имѣвшее такіе роковые результаты въ прошлые вѣка; только теперь это господство осложняется группировкою партій въ нижней палатѣ, всесильной въ финансовыхъ дѣлахъ. При слабой безхарактерной Аннѣ программы партій такъ тѣсно переплетаются съ интересами отдѣльныхъ дворянскихъ семействъ и малочисленныхъ группъ, ведущихъ ту или другую политическую интригу, что изслѣдователь тщетно старается выяснить себѣ, въ чемъ же заключались конституціонные идеалы той и другой

партіи. На знамени виговъ стоятъ: семилѣтніе парламенты, война съ Франціей, возвратъ къ старой торговой политикѣ, No Popery. На знамени же торіевъ выставлены: трехлѣтніе парламенты, противодѣйствіе войнѣ съ Франціей, охранительнымъ тарифамъ и мѣрамъ, стѣсняющимъ торговлю, союзъ съ католической фракціей въ Англіи и съ національной партіей въ Ирландіи. Даже слава англійскаго оружія является для обѣихъ партій лишь факторомъ, на которомъ онѣ строятъ свои разсчеты. Люди, играющіе роль вожаковъ, либо отличаются полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ доблестей, либо, какъ Марльборо, представляютъ какую-то странную смѣсь великихъ качествъ и низменныхъ пороковъ. У смертнаго одра Анны можно подумать, что возвращеніе Стюартовъ зависитъ почти исключительно отъ успѣха интриги, которую ведетъ одна дворянская партія и которая подрывается другою такою же интригой.

Лишь со вступленіемъ на престолъ *Брауншвейгъ-Ганноверской* династіи (1714) перевѣсъ упрочивается окончательно за тою большой дворянской партіей, которая стояла во главѣ оппозиціи противъ возвращенія Стюартовъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ окончательно одержанной побѣды, въ этомъ обширномъ союзѣ дворянъ просыпается снова и чувство лежащей на нихъ отвѣтственности за судьбы страны. Но для обезпеченія за собою парламентскаго большинства, необходимаго для веденія правительственныхъ дѣлъ, этотъ союзъ дворянъ уже не имѣлъ болѣе въ своемъ распоряженіи тѣхъ путей и средствъ, которыми располагала прежняя монархія; онъ могъ дѣйствовать лишь посредствомъ умѣлаго пользованія принадлежавшаго ему права раздавать должности и почетныя отличія, а также стараясь привлекать на свою сторону мѣстные и личные интересы и вводить въ ряды своей партіи строгую дисциплину, безъ которой не могло ни составиться, ни удержаться большинство въ обѣихъ палатахъ. Не легкое дѣло было пріучить англійскихъ политическихъ дѣятелей по части индивидуалистическихъ наклонностей и упрямства, не уступающихъ нѣмцамъ, къ тому подчиненію вожакамъ партіій, безъ котораго немыслима система парламентскаго управленія посредствомъ партій. Прошло цѣлое поколѣніе прежде, чѣмъ парламентскя партіи дисциплинировались настолько, что стали способны подчиняться руководству одного вождя. Осуществленію этого результата въ значительной степени способствовалъ такъ-называемый Septennial Act (1 Geo. I, st. 2. c. 38), которымъ продолжительность парламентскихъ періодовъ была увеличена съ 3-хъ лѣтъ на 7. Но вплоть до министерства младшаго Питта, фрондерство, интриги и перебѣганье изъ одного лагеря въ другой оставались явленіемъ обычнымъ въ рядахъ партій. Лишь практическая необходимость единой воли въ управленіи

государственными дѣлами и заманчивость политической власти въ концѣ-концовъ помогли-таки осилить эту задачу *).

Около пятидесяти лѣтъ продолжалось господство виговъ, которые, благодаря умѣнью систематически пользоваться правительственною властью для своихъ интересовъ, успѣли подавить торійскую оппозицію мелкаго помѣстнаго дворянства и духовенства. Правда, при этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, виги сошли съ той идеальной почвы, на которой была построена программа ихъ партіи, принципъ «сопротивленія» утратилъ свой смыслъ, послѣ того, какъ не стало объекта сопротивленія. Они уже не были болѣе тѣмъ союзомъ знатныхъ дворянскихъ фамилій, который, вступивъ въ соглашеніе съ интересами городовъ, образовалъ большинство въ нижней палатѣ; партія ихъ мало-по-малу распадается на мелкіе кружки, занятые интригами. Между тѣмъ нація привыкала мало-по-малу къ способу управленія посредствомъ парламентскихъ партій. Министерство Уальколя снова возвело въ систему содѣйствіе матеріальнымъ интересамъ страны и оказало многія услуги дѣлу торговли, финансовъ и общаго благосостоянія. Но въ личныхъ отношеніяхъ по прежнему продолжала преобладать интрига и торгашескій духъ. Парламентскіе подкупы, къ которымъ прибѣгало министерство, первоначально производились въ формѣ вознагражденія за присутствованіе въ засѣданіяхъ (retaining fees), выдававшагося шотландскимъ депутатамъ; позднѣе система эта развилась до того, что прямо раз-

*) Съ каждою перемѣною въ общемъ положеніи дѣлъ, опытъ подтверждалъ, что въ предѣлахъ того публичнаго права, которое успѣло отлиться въ Англіи въ окончательную форму, не поддающуюся измѣненіямъ, кабинетъ, солидарный въ своей собственной средѣ и опирающійся на обѣ палаты парламента, былъ дѣломъ самой неизбѣжной необходимости; онъ былъ необходимъ потому, что безъ этого условія вообще нельзя было сдѣлать ни одного шага въ государственной жизни. Громадныя затрудненія, съ которыми сопряжена задача заручаться для каждой важной мѣры согласіемъ нѣсколькихъ сотъ интеллигентныхъ, вліятельныхъ и независимыхъ людей, придаютъ парламентскому механизму такую неповоротливость, съ которою только англійская энергія могла справиться, употребивъ цѣлыя два поколѣнія на то, чтобы ввести въ ряды партій надлежащую дисциплину. Даже и при этой дисциплинѣ, значительно облегчающей дѣло, каждый дѣйствительный шагъ впередъ и до сихъ поръ дается очень нелегко; всякій, знакомый съ ходомъ англійской политической жизни, знаетъ, съ какими неимовѣрными трудностями приходится всесильному повидимому министру бороться и въ наши дни такъ же какъ и въ тѣ далекія времена, о которыхъ мы говоримъ; онъ долженъ осилить не только то противодѣйствіе, которое идетъ снизу или сверху, но и то, которое онъ встрѣчаетъ въ средѣ своихъ собственныхъ сотоварищей, прежде, чѣмъ ему удается склонить въ пользу того или другаго солидарнаго рѣшенія совѣтъ министровъ, состоящій изъ цѣлой дюжины талантливыхъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ *свою* систему, *свое* собственное прошлое и *свою* личную будущность. Въ англійскомъ совѣтѣ министровъ сосредоточивается, можно сказать, какъ въ фокусѣ вѣчно настоятельная проблема, согласованія огромнаго въ каждомъ свободномъ государствѣ многообразія индивидуальныхъ желаній и выработать изъ нихъ единую государственную волю.

давались денежныя суммы, пенсіи и синекуры. Королевская власть при Георгахъ I и II совершенно равнодушно относилась къ этому способу составлять парламентское большинство. Обоимъ упомянутымъ королямъ ихъ положеніе, какъ нѣмецкихъ курфюрстовъ, было гораздо понятнѣе мудренныхъ порядковъ англійскаго парламента. Георгъ I не умѣлъ даже объясняться на языкѣ той страны, королемъ которой онъ былъ. Суммы, назначенныя въ бюджетѣ на королевскіе расходы, уплачивались аккуратно, кромѣ того министерство виговъ не пренебрегало награждать каждую изъ любовницъ Георга I кушемъ въ 10,000 ф. ст. Характеристичными явленіями этого періода, когда господство партій дошло до своего апогея, представляются увеличеніе продолжительности парламентовъ съ трехъ лѣтъ на семь, безмѣрное развитіе личныхъ притязаній со стороны members of Parliament и безконечныя пререканія о привиллегіяхъ, напоминающія времена реставраціи. Между тѣмъ внутри страны мѣстное управленіе шло своимъ обычнымъ, размѣреннымъ ходомъ и воспитанныя имъ привычки начинаютъ снова оказывать свое воздѣйствіе и на парламентъ. Георгъ III (1760—1820) вступилъ на престолъ съ твердою рѣшимостью сломить партійное правительство, съ которымъ онъ очутился лицомъ къ лицу при своемъ воцареніи, и отстоять значеніе личной воли монарха въ государствѣ. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, имѣя дѣло съ партійнымъ правительствомъ, успѣвшимъ упрочить свое положеніе въ теченіе двухъ поколѣній, нужно было обладать могучимъ умомъ, взяться за разрѣшеніе какой-нибудь великой національной задачи и умѣть выбрать въ исполнители своихъ замысловъ людей выдающихся, дѣйствительно способныхъ играть руководящую роль въ парламентѣ. Между тѣмъ молодому монарху именно въ первыя десятилѣтія, посвященныя этимъ попыткамъ, не удавалось напасть ни на подходящихъ людей, ни на надлежащія мѣры. Поэтому-то Георгъ III, хотя и успѣлъ сгруппировать вокругъ себя кружокъ личныхъ приверженцевъ (такъ-называемые друзья короля), сообща съ которымъ онъ постоянно противодѣйствовалъ господству парламентскихъ партій, причемъ не разъ намѣренно дѣйствовалъ въ ущербъ истиннымъ интересамъ государства, но ему все же не удавалось пошатнуть прочно установившееся могущество дворянскихъ партій; неудачи, которыя онъ потерпѣлъ въ этомъ отношеніи, вынудили его даже пойти на уступки и въ 1782 г. впервые Георгъ III, вопреки своему публично заявленному желанію, долженъ былъ принять навязанное ему министерство, солидарное съ парламентскимъ большинствомъ. Но какъ скоро король, въ союзѣ съ обновленными партіями, сталъ преслѣдовать цѣли, сочувственныя всему народу, онъ снова сдѣлался положительнымъ факторомъ государственной воли. Такого рода за-

дачи возникли для англійскаго правительства во время борьбы съ американскими колоніями и, еще болѣе, во время грандіозной борьбы съ французской революціей. Во всякомъ случаѣ, лишь послѣ того, какъ королевская власть снова примкнула къ борьбѣ партіи, настала *эпоха великихъ государственныхъ людей*, слава которыхъ тѣсно связана со взглядами на англійскую конституцію, сложившимися въ настоящее время въ Европѣ. Конечно, и въ эту эпоху положеніе партій представляло цѣлый лабиринтъ личныхъ отношеній и система подкуповъ со вступленіемъ на престолъ Георга Ш распространяется съ парламента на всю страну, до самаго послѣдняго избирательнаго мѣстечка. Собственно говоря, жизненная задача для Георга Ш и окружавшихъ его государственныхъ людей нашлась лишь въ великой борьбѣ противъ Франціи, соціальная революція которой стояла въ такомъ рѣзкомъ антагонизмѣ со всею сущностью англійскаго общества. Во время этой борьбы Питъ, съ своимъ спокойнымъ и проницательнымъ умомъ, стоитъ во главѣ строго дисциплинированной партіи, которая, въ союзѣ съ королемъ и значительнымъ большинствомъ англійскаго народа, располагаетъ надежнымъ большинствомъ въ Нижней Палатѣ и пользуется громадною властью вплоть до окончательнаго торжества національнаго дѣла (1815).

Правда, со всѣмъ вышесказаннымъ трудно согласить тотъ фактъ, что каждое новое обогащеніе историческихъ знаній и литературы мемуаровъ выводитъ наружу новыя слабости той эпохи и людей, стоявшихъ на самой высшей ступени парламентскаго управленія. Но объясненіе этого страннаго противорѣчія приходится искать въ самой природѣ общества, построеннаго на началахъ самоуправленія; однородные факты встрѣчаются во всѣ періоды, подобные тому, который переживала въ то время Англія, и повторяются въ эпохи наибольшаго разцвѣта каждой республики. Партійное правительство того времени, будучи вынуждено для каждаго важнаго правительственнаго акта обращаться за содѣйствіемъ къ обществу и требовать отъ послѣдняго значительнаго напряженія силъ, очутилось лицомъ къ лицу съ необходимостью, грозившею серьезными опасностями. Благодаря значительно усилившемуся вліянію печати, въ ту пору представлялось уже неудобнымъ покупать голоса отдѣльныхъ членовъ парламента, а потому партіи принимаются за избирателей и пускаютъ въ ходъ искусственныя средства съ цѣлью перетянуть ихъ на свою сторону и удержать ихъ голоса за собою. Что касается простѣйшаго и наиболѣе дѣйствительнаго средства, состоящаго въ томъ, чтобы проводить министерскихъ кандидатовъ при помощи полицейской власти и «права надзора», принадлежащаго государству, то это средство, которымъ конституціонные министры

на континентѣ вскорѣ послѣ того научились пользоваться для сохраненія власти за собою, было недоступно для англійскихъ правителей. Такъ какъ система selfgovernement и юрисдикціи по дѣламъ административнымъ не дозволяли министерству, стоявшему въ данную минуту у кормила правленія, вліять на избирателей посредствомъ *угрозъ*, то оставалось только дѣйствовать обѣщаніемъ различныхъ *выгодъ*; то былъ особый видъ подкупа, употреблявшійся конечно не въ видахъ личной выгоды, а для проведенія той правительственной системы, которая считалась наилучшею. Широкую арену для подобнаго рода образа дѣйствій представляли мелкія мѣстечки и шотландскіе избирательные округи; къ концу столѣтія расходы такъ-называемыхъ boroughmongers простирались, по произведеннымъ вычисленіямъ, до 1,260,000 ф. ст., при чемъ съ помѣстнымъ дворянствомъ уже на этомъ поприщѣ начинали соперничать и разбогатѣвшіе представители городскихъ сословій (такъ-называемые Nabobs). Эта система, запятнавшая собою самую блистательную эпоху парламентскаго управленія, можетъ служить новымъ подтвержденіемъ той несомнѣнной истины, что англійскій парламентъ въ дѣйствительности никогда не могъ считаться вмѣстилищемъ всѣхъ добродѣтелей и что непосредственная исторія партій, въ которой мы знакомимся съ перипетіями внѣшняго ихъ положенія, съ біографіей ихъ дѣятелей и съ сложною сѣтью отношеній между семействами, входившими въ ихъ составъ, причемъ на каждомъ шагу наталкиваемся на всевозможныя человѣческія слабости и мелкія соперничества,— что такая исторія партій, говорю я, не можетъ дать намъ даже приблизительнаго понятія о величіи этой государственной формы въ общемъ ходѣ ея развитія. А между тѣмъ едва ли можно указать страну, обладающую свободными государственными учрежденіями, гдѣ не повторялось бы то же самое. При существованіи этого рода учрежденій, какъ сохраненіе существующаго, такъ и дальнѣйшій прогрессъ, требуютъ отъ каждой партіи такой дѣятельности и также борьбы съ противною партіей, которая отзывается на всѣхъ слояхъ общества, то повергая ихъ въ состояніе недовольства, то возбуждая въ нихъ страсти. Эта необходимость постоянно согласовать многообразіе стремленій такъ, чтобы изъ него получалась единая воля, заставляетъ прибѣгать партіи къ цѣлому ряду искусственныхъ средствъ; она требуетъ такого подчиненія единичной воли желѣзной дисциплинѣ партіи и такого самоотрѣченія со стороны индивидуума, она порождаетъ столько обидъ и неудовлетворенныхъ желаній съ одной стороны и столько разочарованій съ другой, что эпохи, когда свобода процвѣтаетъ въ государствѣ, никогда не бываютъ эпохами спокойствія и удовлетворенности для общества. Обоюдная публичная критика партійныхъ взглядовъ можетъ правда привести къ едино-

душному порицанію того или другаго дѣятеля, но никогда не приводитъ къ единодушному признанію какого-нибудь дѣятеля безупречнымъ, и это объясняется тѣмъ, что искусъ, которому подвергается каждая личность въ борьбѣ партій, выдерживается даже наилучшими людьми даннаго времени лишь въ той мѣрѣ, въ какой это возможно для человѣческихъ силъ. Поэтому-то партійное правительство и партійные дѣятели данной эпохи не могутъ служить мѣриломъ для оцѣнки упомянутаго способа управленія. О немъ слѣдуетъ судить по *общему направленію* государственной жизни, по общему характеру народа и по совокупности результатовъ, къ которымъ оно приводитъ.

Результатами англійской системы управленія являются: во *внѣшнемъ положеніи государства*—колоссальный ростъ великобританскаго могущества во всѣхъ частяхъ свѣта и развитіе военныхъ и торговыхъ силъ страны, непрерывно прогрессирующее при тѣсномъ союзѣ между той и другой; что касается *внутренней жизни*, то и тутъ разсматриваемая нами эпоха относительно постоянства и вѣрности разъ признаннымъ принципамъ сдѣлала, говоря вообще, такъ много, что никакая другая эпоха и никакая другая нація не могутъ съ ней сравняться. Поэтому-то мы видимъ, что въ ней на первый планъ выступаютъ тѣ свойства характера, которыя у грековъ назывались ἀρχαῖος πλοῦτος и ἀρχαία ἀρετή. Мы имѣемъ передъ собою безспорно рѣзко выраженную форму аристократическаго образа правленія, со всѣми его свѣтлыми и тѣневыми сторонами. Но это, можно сказать, наилучшая изъ аристократій, когда-либо управлявшихъ государствомъ въ теченіе всей всемірной исторіи, и такая форма правленія отнюдь не можетъ быть перенесена на почву другихъ странъ помимо тѣхъ условій, изъ которыхъ она возникла.

Воззрѣнія континента на сущность парламентскаго управленія всегда носили на себѣ отпечатокъ того домашняго положенія дѣлъ, которое существовало въ данный моментъ у народа, разсматривавшаго этотъ вопросъ. Поэтому сказанныя воззрѣнія имѣютъ свою собственную исторію. У писателей, излагавшихъ ихъ, слѣдуетъ обращать вниманіе не только на то, что они нашли, но и на то, что они искали. „Была пора, когда на Англію смотрѣли, какъ на образцовое въ политическомъ отношеніи государство, въ конституціонныхъ учрежденіяхъ котораго заключалась вся тайна его свободы и его благополучія. За тѣмъ настала другая пора, когда въ тѣхъ же учрежденіяхъ стали открывать одни недостатки, на которые прежде закрывали глаза, и когда вообще стали подвергать сомнѣнію свободы, возникновеніе которой такъ трудно было объяснить. Преувеличенное удивленіе смѣнилось столь же преувеличенно пренебрежительнымъ отношеніемъ къ Англіи. Дѣло въ томъ, что прежде въ поискахъ за хорошими сторонами обращались именно туда, гдѣ ихъ не было, а теперь считали себя въ правѣ отрицать существованіе хорошихъ сторонъ вообще на томъ основаніи, что ихъ не нашлось тамъ, гдѣ ихъ ошибочно искали. По странной случайности вышло такъ, что иностранецъ де Лольмъ первый указалъ, даже англичанамъ, на тѣ достоинства и благодѣянія ихъ конституціи, которыя всего

глубже сокрыты отъ поверхностнаго наблюденія". (Jochmanns Reliquien II. 134). Необходимо замѣтить, что то огромное впечатлѣніе, которое англійская конституція произвела на умы континента, ведетъ свое начало не столько отъ эпохи великихъ партій и великихъ вождей, сколько отъ другаго, менѣе блестящаго періода; проявленія этого впечатлѣнія замѣчаются уже съ половины XVIII столѣтія, столь богатаго всякими треволненіями. Въ этомъ сказываются первыя порыванія высшихъ сословій къ участію въ государственной дѣятельности; всего рѣзче сказывается оно именно тамъ, гдѣ бюрократія сложилась всего ранѣе и въ наиболѣе непривлекательныхъ формахъ, а именно во Франціи. Сужденія объ Англіи вслѣдствіе этого по необходимости принимали односторонній характеръ, какъ оно всегда бываетъ тамъ, гдѣ люди ищутъ у другихъ того, чего имъ самимъ недостаетъ. Такъ, у англичанъ французы находили могущественное и уважаемое дворянство, выборные парламенты, свободу общиннаго управленія, свободу слова и печати. Таковы-же были desiderata самихъ французовъ. О дѣйствительномъ происхожденіи англійской конституціи и о соціальныхъ ея основахъ Монтескьё не имѣлъ понятія. Но онъ восполнялъ эти пробѣлы со всею блестящею многосторонностью своего таланта и чисто-французскаго остроумія, заимствуя кое-что изъ античныхъ и кое-что изъ средневѣковыхъ идей, и такимъ образомъ получалась система „раздѣленія и равновѣсія властей", которая, благодаря Блэкстону и де Лольму, въ самой Англіи вошла въ традицію. Стали разсуждать такъ: вѣдь и у насъ на континентѣ еще въ средніе вѣка имѣлись на лицо всѣ элементы парламента,—дворянство и прелаты, рыцарство и города, — и все это существовало въ еще болѣе внушительныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ Англіи; сословныя представительныя учрежденія имѣли въ основѣ своей вполнѣ заслуженное право разрѣшенія налоговъ; къ раздѣленію властей приступить было не трудно, почему же бы, значитъ, континенту не пользоваться тѣмъ, что въ Англіи съ такою честью выдержало искусъ опыта, обезпечивъ правовой порядокъ и процвѣтаніе страны? Не смотря на многочисленныя разочарованія у германскихъ и романскихъ народовъ Европы и до сихъ поръ сохранилось убѣжденіе, что безъ учрежденій, *аналогичныхъ* съ англійскими, не можетъ установиться довольство и немыслимъ никакой дальнѣйшій прогрессъ въ развитіи государства. И точно, перенесеніе на почву континента выборнаго народнаго представительства, основаннаго на широкихъ или даже самыхъ широкихъ началахъ, и облаченіе такого представительства абсолютными полномочіями въ дѣлѣ финансовъ, а слѣдовательно и въ дѣлѣ назначенія министровъ, — все это не представляло особеннаго затрудненія. Но все это было лишь копіей, воспроизводившей внѣшнія формы англійской конституціи, а не сущность и не внутреннее ея содержимое, и въ этомъ народамъ южной Европы пришлось убѣдиться на опытѣ, къ немалому ущербу ихъ управленія и народнаго благосостоянія. Германія-же, благодаря своей монархической формѣ правленія и болѣе глубокому антагонизму партій, увидѣла себя вынужденной заняться сначала закладкой сколько-нибудь удовлетворительнаго фундамента и лишь затѣмъ перейти къ формамъ парламентаризма.

Довольно безпристрастное изложеніе того, чѣмъ было въ дѣйствительности правительство партій въ первой половинѣ XVIII столѣтія, можно найти у Галлама, Constitutional History, III, с. 15, 16; что же касается талантливаго описанія Маколея, то оно доведено вполнѣ удачно лишь до начала XVIII столѣтія. Отношеніе партійныхъ правительствъ къ королевской власти, начиная съ Георга III, изображено подробно и съ образцовымъ безпристрастіемъ у Мея, Const. Hist. I. с. I. 2. 78. Тотъ же предметъ разсматривается съ торійской точки зрѣнія въ History лорда Мэгона, болѣе безпристрастно трактуется онъ въ W. Massey's History of England under George III. См. также v. Norden: „die parlamentarische Partieregierung in England" въ Зибелевской Historische Zeitschrift, XIV. 45—118. Для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ необходимо, во всякомъ случаѣ, ознакомиться съ историческими трудами писателей обоихъ направленій, а также, по возможности, и съ мемуарами и лите-

ратурою спеціальныхъ изслѣдованій. Изъ сочиненій, посвященныхъ спеціально исторіи партій, можно указать на нижеслѣдующія: Th. Sommerville, History of political transactions from the Restoration to the death of William III. London 1794. Wingrove Cooke, History of Party, from 1666—1832, 3 Vol. 1836—1837 (авторъ этого сочиненія принадлежитъ къ партіи виговъ). C. Lewis, Essais on administrations of Great Britain 1783—1830, by Head. London 1864. Medlyn. Chief of Parties. Lond. 1859, 2 Vol. См. также Fischel, die Englische Verfassung, Bd. VII, c. 12, и Bucher, der Parlamentarismus, 2 Aufl. 1881.

---

§ 52.

Ростъ и упадокъ англійской конституціи.

Попытка подвести *итоги* тысячелѣтнему развитію англійскаго государства является задачею такихъ громадныхъ размѣровъ, что даже англійскіе историки передъ нею отступали. Насколько подобная задача вообще можетъ считаться разрѣшимой, она требуетъ обстоятельнаго изложенія всего современнаго положенія дѣлъ въ области соціальныхъ, государственныхъ и церковныхъ отношеній.

Но есть другая, болѣе скромная задача, которою мы можемъ заняться въ заключеніе нашей исторіи англійскихъ государственныхъ учрежденій, а именно: попытаемся указать на основной характеръ этихъ учрежденій при переходѣ въ девятнадцатое столѣтіе; что же касается переживаемаго нами столѣтія, съ его соціальными преобразованіями и биллями о парламентской реформѣ, то оно въ качествѣ текущей современности лежитъ внѣ области историческаго изслѣдованія.

Въ теченіи XVIII столѣтія Англія въ ряду европейскихъ государствъ была единственною свободною великою державою; во всѣхъ остальныхъ царилъ въ полной силѣ абсолютизмъ и такъ-называемый ancien régime. Если не считать нѣкоторыя болѣе мелкія государства, то во всей семьѣ народовъ стараго свѣта англійская нація одна только успѣла въ долгой и честной борьбѣ побѣдить государственный и церковный абсолютизмъ, а также ту форму самовластія, которую представляла собою царившая въ Римѣ смѣсь цезаризма и папизма. Казалось, англійская отрасль германскаго племени была предназначена самимъ Провидѣніемъ къ тому, чтобы сохранить для европейскаго міра въ восемнадцатомъ столѣтіи идею свободнаго государства, долженствовавшую въ девятнадцатомъ столѣтіи сдѣлаться общимъ достояніемъ этого міра.

Въ Англіи свобода общества и лица не была принесена въ жертву политической свободѣ, какъ мы то видимъ въ древнемъ мірѣ. Здѣсь впервые въ исторіи мы видимъ идею свободы въ примѣненіи къ

большому государству и притомъ впримѣненіи полномъ, а именно:

Въ видѣ *соціальной* свободы, т. е. закономѣрной возможности, предоставленной каждому, какъ бы скромно ни было его происхожденіе, достигнуть собственными заслугами и талантами почестей и имущественнаго обезпеченія.

Въ видѣ *личной* свободы, которая, безъ ущерба полнотѣ государственной власти, гарантируетъ личную и имущественную неприкосновенность отдѣльныхъ гражданъ.

Въ видѣ *политической* свободы, т. е. способности народа издавать самому для себя законы и приводить ихъ въ исполненіе путемъ свободнаго самоуправленія.

Разъ свобода понята такимъ образомъ, ее можно желать только въ *полномъ* ея объемѣ. То, что наиболѣе односторонній взглядъ можетъ казаться ограниченіемъ свободы, здѣсь являлось лишь наиболѣе полнымъ ея осуществленіемъ *).

Внутренняя сила такого общежитія основана на томъ, что оно, не взирая на весь антагонизмъ и борьбу общественныхъ интересовъ, направляетъ воспитаніе народа въ сторону *государства* и что оно пробуждаетъ общественный духъ не только въ лордахъ и gentry, но и въ среднихъ сословіяхъ; въ этомъ смыслѣ оно связываетъ всѣ классы общества во едино; но главная его заслуга заключается въ томъ, что оно прививаетъ высшимъ сословіямъ мужественныя стремленія и то возвышенное честолюбіе, при которыхъ человѣкъ цѣнитъ себя по стольку, по сколько онъ приноситъ пользу государству. Здѣсь самое скромное признаніе заслугъ со стороны государства становится гордостью и цѣлью цѣлой человѣческой жизни, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ, гдѣ подобнаго настроенія не существуетъ, самыя высокія почести теряютъ всякую цѣну среди той безсодержательной суеты пустоты, въ которой проходитъ жизнь высшихъ сословій.

Не права парламента и не формы парламентскаго управленія, а личная дѣятельность, проявлявшаяся какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы въ ежедневной работѣ на пользу государства, создало величіе Англіи, подобно тому, какъ

---

*) Уже къ концу среднихъ вѣковъ въ Англіи проявляется то своеобразное движеніе, которое, упразднивъ сословныя рамки, такъ много способствовало этимъ свободному развитію *личности*. Выборы и избирательное право, печать и свобода ассоссіацій служили сильными связующими звеньями, скрѣплявшими эту свободу, сущность которой есть самодѣятельность въ государствѣ. При такихъ условіяхъ сказанные факторы стали могущественными рычагами свободы и сплочивали во едино понятія населенія, успѣвшаго, благодаря ежедневному, можно сказать, упражненію, воспитать въ себѣ сознаніе общественныхъ своихъ обязанностей и пріобрѣсти какъ практическое знакомство съ государственными дѣлами, такъ и надлежащее пониманіе ихъ.

она нѣкогда создала величіе Рима. Отдѣльныя подробности этой организаціи отличаются однообразнымъ, трезвымъ и строгимъ характеромъ, совсѣмъ не соотвѣтствующимъ тѣмъ яркимъ представленіямъ, которыя когда-то были распространены по всей Европѣ авторомъ Esprit des Lois. Но эти трезвыя учрежденія *прямы* и надежны и въ часы опасности или въ моментъ испытанія, которому подвергаетъ ихъ наставшая для націи та или другая великая историческая задача, въ этихъ самыхъ учрежденіяхъ проявляется все то величіе духа, на которое способна гордая и свободная нація. Въ борьбѣ за американскія колоніи и, еще болѣе, въ борьбѣ противъ французской революціи, успѣхъ показалъ, что можетъ сдѣлать народъ, воспитанный для государства. Изъ Старой Англіи, на пространствѣ, равняющемся приблизительно тремъ прусскимъ провинціямъ, выросло государство, которое поглотило Уэльсъ, Шотландію и Ирландію, колонизировало Америку, подчинило своему владычеству самую роскошную часть Азіи и цѣлую новую часть свѣта и подвигами своего оружія упрочило за собою господство на всѣхъ моряхъ земнаго шара, ставъ и на сушѣ на ровной ногѣ съ остальными державами. И что, быть можетъ, еще важнѣе,—государство это воспитало народъ, который посредствомъ всемірной торговли стянулъ къ себѣ богатства и роскошь со всего земнаго шара, народъ, въ каждомъ поколѣніи котораго масса выскочекъ и набобовъ входитъ въ составъ gentry и который, тѣмъ не менѣе, среди процвѣтанія и блеска своего всемірнаго господства, съумѣлъ сохранить простоту нравовъ, правдивость, богобоязненность, любовь къ справедливости и умѣренность сильныхъ относительно пользованія привиллегіями по отношенію къ слабымъ.

Въ долгой и тяжкой борьбѣ отвоевывались основныя положенія этой конституціи англійской *аристократіей*, начиная со временъ Magna Charta. Лишь въ XVII столѣтіи перевѣсъ успѣли пріобрѣсти на короткій срокъ средніе классы, выступившіе на борьбу за протестантскую свободу, которая не могла составлять привиллегію однихъ только имущихъ классовъ. Но и этотъ короткій промежутокъ торжества средняго сословія въ результатѣ своемъ имѣлъ лишь упроченіе положенія правящаго класса, который въ новыхъ битвахъ, завязавшихся послѣ того, отстоялъ еще разъ національную церковь и гражданскую свободу. Такъ какъ всѣ тѣ начала англійской конституціи, которыя благопріятствовали дѣлу свободы, были преимущественно обязаны своимъ происхожденіемъ высшимъ классамъ общества, то и развитіе этихъ началъ шло преимущественно на пользу упомянутыхъ классовъ. Понятно въ силу самой природы общества, что условія эти создали въ англійскомъ государственномъ строѣ и тѣ *тѣневыя* стороны, которыя неразлучны со всякимъ ари-

стократическимъ устройствомъ государства. При пирамидальномъ строеніи общества, чѣмъ ярче сіяетъ верхушка, тѣмъ рѣзче оттѣняется мракъ, въ которой остается погружено широкое основаніе пирамиды, и мы въ нашемъ изложеніи не скрывали отъ читателя эти темныя стороны.

Хотя англійское государство XVIII столѣтія управлялось наилучшею изъ европейскихъ аристократій, тѣмъ не менѣе въ немъ замѣчалось отсутствіе заботы *о. благѣ слабѣйшихъ общественныхъ классовъ*. Надо сказать правду, что Стюарты не оставили въ этомъ отношеніи никакихъ примѣровъ, достойныхъ подражанія.

Для поддержанія мелкаго землевладѣнія и для освобожденія его отъ лежащихъ на немъ тягостей въ эту пору не дѣлалось почти ничего.

Исчезновеніе въ Англіи послѣднихъ остатковъ свободнаго крестьянскаго сословія было результатомъ основнаго недостатка, присущаго тѣмъ правовымъ основамъ, на которыхъ была пастроена такъ-называемая real property, но въ неудовлетворительности такого порядка вещей трудно убѣдить правящее gentry.

Само gentry никогда не уклонялось отъ несенія своей доли податныхъ тягостей, но лишь благодаря его вліянію на законодательство могла возникнуть та въ высшей степени обременительная система косвенныхъ налоговъ и покровительственныхъ тарифовъ для земледѣлія и торговли, которая наносила большой ущербъ рабочему классу, а также та расточительность въ государственномъ хозяйствѣ и та неумѣренность въ заключеніи государственныхъ займовъ, которая пагубно отзывалась на всемъ населеніи.

Лишь при господствѣ правящаго gentry могла удерживаться система гражданскаго правосудія, которая по своей дороговизнѣ была почти недоступна для низшихъ классовъ, а также—рядомъ съ превосходными формами уголовнаго судопроизводства, такое уродливое уголовное право, обезображенное разными случайно иданными законами.

Ко всему этому надо прибавить недостатокъ хорошо организованной санитарной системы и такое законодательство о бѣдныхъ, которое все сводилось на рядъ безсердечныхъ мѣръ, и благодаря которымъ положеніе рабочихъ классовъ, не взирая на высокіе налоги въ пользу бѣдныхъ, еще болѣе ухудшалось, а среди этихъ классовъ усиливалось ожесточеніе.

Эти и другія подобныя имъ неустройства въ значительной степени смягчались островнымъ положеніемъ и естественнымъ богатствомъ страны и громадными успѣхами англійской торговли, подавлявшей всѣ соперничающія морскія державы. А равнымъ образомъ наиболѣе вопіющія злоупотребленія партій включались въ

кругъ тѣхъ вопросовъ, на почвѣ которыхъ происходила борьба партій, и такимъ путемъ мало-по-малу устранялись.

Менѣе благопріятно слагались условія *духовной жизни*.

Тотъ способъ, которымъ былъ заключенъ миръ между англиканскою церковью и парламентской конституціей, правда, былъ выгоденъ для послѣдней, такъ какъ помогъ ей сохранить единство организаціи; но съ другой стороны корпоративная самостоятельность богатой государственной церкви могла удержаться лишь цѣною весьма ощутительныхъ неудобствъ для низшихъ классовъ, которые предоставлялись церковью, принявшею не въ мѣру аристократическій характеръ, въ жертву духовному одичанію или же методизму.

Въ подобномъ же положеніи очутились и университеты, которые отстояли свою корпоративную самостоятельность въ ущербъ научной своей продуктивности и тѣмъ преобразованіямъ, которыхъ требовалъ въ ихъ устройствѣ духъ времени.

Наука, по сколько центрами ея служили корпораціи и учрежденія, была поставлена въ зависимость отъ энергіи единичныхъ усилій и отъ покровительства вельможъ; для массы среднихъ сословій пути къ ней оставались недоступными, да эти сословія и не стремились къ ней.

Но болѣе всего соперничала богатая англиканская церковь съ могущественной римской церковью въ томъ полнѣйшемъ пренебреженіи, съ которымъ она относилась къ дѣлу элементарнаго народнаго образованія.

Итакъ, въ той величественной пирамидѣ, которую представляло строеніе англійскаго общества, именно тѣ слои, которые образовали широкій базисъ зданія, оставались заброшенными и предоставленными на жертву нищетѣ и деморализаціи.

Я уже ничего не говорю объ управленіи Ирландіей, трудно было ожидать, чтобы правящій классъ съумѣлъ соблюсти справедливость по отношенію къ странѣ, которая своей религіей, національностью и народными обычаями была поставлена къ нему въ такой непримиримый антагонизмъ. Тотъ же упрекъ, который англійское управленіе заслужило въ Ирландіи, примѣнимъ, хотя и въ значительно слабѣйшей степени, къ его образу дѣйствій въ Остъ Индіи и въ колоніяхъ.

Вопросъ будущаго сводился на то, способна ли эта аристократія настолько отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ интересовъ, чтобы исполнить обязанности государства относительно страждущихъ классовъ.

Въ античномъ мірѣ подобное аристократическое государственное устройство продолжало-бы все болѣе пригнетать и уничижать низшіе классы, пока не довело бы ихъ до состоянія илотовъ. Если-же англійское общество изъ такого положенія дѣлъ перешло въ столѣтіе,

ознаменованное *соціальными преобразованіями* и *биллями о парламентской реформѣ*, то этотъ фактъ служилъ блистальнымъ подтвержденіемъ высокихъ моральныхъ качествъ англійскаго племени, особенно сильныхъ въ англійскомъ правящемъ классѣ.

---

§ 53.

Переходъ въ столѣтіе соціальныхъ реформъ и билей.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, когда парламентская конституція достигла апогея своего развитія, замѣчаются симптомы внутреннихъ измѣненій, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ концу столѣтія приведутъ къ весьма существенному преобразованію всего государственнаго устройства и управленія.

Во время великихъ войнъ съ Франціей внутри самой Англіи происходилъ цѣлый рядъ измѣненій, едва замѣтныхъ въ началѣ, но благодаря которымъ девятнадцатое столѣтіе сдѣлалось новою эпохою въ государственной жизни этой страны. Изобрѣтеніе *машинныхъ двигателей* начало привлекать нѣкоторыя отрасли сельской промышленности въ города; въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ процессъ этотъ замѣчается первоначально въ хлопчато-бумажномъ, шерстяномъ, льяномъ и шелковомъ производствѣ; за тѣмъ онъ отозвался усиленнымъ истребленіемъ угля, желѣза и сырья, вызвалъ небывалую дотолѣ централизацію промышленности и торговли. Послѣ заключенія мира въ 1815 г. онъ начинаетъ распространять свое вліяніе и на земледѣліе и въ связи съ усовершенствованными способами сообщенія мало-по-малу видоизмѣняетъ всѣ экономическія условія страны. Съ каждымъ десятилѣтіемъ эта перемѣна въ системѣ производства становится замѣтнѣе и ходъ ея ускоряется силою пара, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Земельная собственность и движимая собственность, промышленная дѣятельность и умственный трудъ вступаютъ между собою въ новыя, безконечно разнообразныя комбинаціи, которыя медленно, но безостановочно перемѣщаютъ центръ тяжести власти, присвоенной имущему классу вообще, отъ поземельныхъ собственниковъ къ собственникамъ, владѣющимъ капиталомъ. Производство, потребленіе и обмѣнъ перестраиваются на совершенно новыхъ началахъ единообразныхъ во всѣхъ своихъ частяхъ и приспособленныхъ къ требованіямъ всемірнаго рынка; эти-то начала въ Англіи, благодаря всемірной торговлѣ ея

и колоніальнымъ владѣніямъ, достигаютъ самаго колоссальнаго и чрезвычайно быстраго развитія *).

Параллельно съ перемѣнами въ положеніи собственности идетъ и *новое размѣщеніе общественныхъ элементовъ* въ ихъ отношеніяхъ *къ государству* и процессъ этотъ до сихъ поръ еще не можетъ считаться законченнымъ.

Вслѣдствіе накопленія капиталовъ образуется значительное и постоянно возростающее количество такихъ семействъ, которыя, самостоятельно владѣя капиталомъ, по доходамъ своимъ стоятъ на равной ногѣ съ среднимъ уровнемъ сословія, игравшаго до сихъ поръ роль правящаго класса, а между тѣмъ не участвуютъ въ политической дѣятельности наравнѣ со старымъ gentry. Новыя сочетанія, въ которыя вступаютъ между собою собственность и трудъ, усиливающаяся потребность въ умственныхъ силахъ и въ техническихъ знаніяхъ, все это увеличиваетъ численность *людей средняго класса*, которые однако, еще менѣе, чѣмъ представители болѣе старыхъ сословій, расположены участвовать въ общинной жизни.

Наконецъ *рабочіе классы*, благодаря развитію крупной промышленности, попадаютъ цѣлыми массами въ зависимость отъ промышленнаго капитала, подобно тому, какъ они нѣкогда стояли въ зависимости отъ крупнаго землевладѣнія; но зависимость эта основана на чисто соціальныхъ отношеніяхъ и представители рабочаго класса въ большинствѣ случаевъ не принимаютъ никакого участія въ жизни сосѣднихъ общинныхъ союзовъ, не имѣютъ съ ними никакой общности интересовъ и не играютъ въ нихъ никакой самодѣятельной роли.

Этотъ-то новый порядокъ вещей въ «*промышленномъ обществѣ*» не могъ не придти въ столкновеніе съ англійской парламентской конституціей, которая была принаровлена къ устройству общества въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ XVIII столѣтіи.

Первымъ бросавшимся въ глаза результатомъ новаго положенія дѣлъ было скопленіе людей въ городахъ; затѣмъ оказалась перемѣна и въ положеніи рабочаго класса, который, благодаря возникновенію денежнаго хозяйства, по внѣшности, получилъ большую самостоятельность, чѣмъ прежде, но въ дѣйствительности остался въ той же зависимости отъ имущихъ сословій. Въ теченіе одного только поколѣнія рабочіе классы были доведены во всѣхъ условіяхъ своей домашней жизни,—въ отношеніи жилища, питанія, одежды, санитарной обстановки, а также въ томъ, что касается положенія женщинъ и дѣтей, обреченныхъ на одичаніе и вырожденіе, — до

*) Въ числѣ новѣйшихъ изслѣдованій этого предмета въ нѣмецкой литературѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ Ad. Held, Zwei Bücher Socialergeschichte 1881.

такого состоянія, которое легло мрачнымъ пятномъ на новѣйшемъ обществѣ и продолжало существовать въ этомъ видѣ въ теченіи многихъ десятилѣтій.

Въ конституціонномъ зданіи, построенномъ съ виду такъ прочно, начали теперь показываться трещины именно въ тѣхъ двухъ пунктахъ, ненадежность которыхъ можно было распознать еще въ XVIII столѣтіи, а именно: въ *политическомъ* положеніи средняго сословія, въ особенности въ томъ, что касалось представительства этого сословія въ парламентскихъ избирательныхъ центрахъ, и *въ соціальномъ* положеніи рабочаго класса.

Новые элементы имущаго класса чувствовали себя на положеніи *обдѣленнаго* слоя общества, такъ какъ большіе города играли въ парламентѣ ничтожную роль по сравненію съ многочисленнымъ представительствомъ, приходившимся на долю мелкихъ, зависимыхъ мѣстечекъ и вслѣдствіе этого сказанные элементы были лишены подобающаго значенія въ государственной жизни. Уже въ началѣ столѣтія основной законъ исторіи, управляющій государственной жизнью, требовалъ новаго, болѣе равномѣрнаго распредѣленія политическихъ правъ и общественныхъ обязанностей. Но, не смотря на то, что общество все болѣе и болѣе выростало изъ рамокъ избирательныхъ законовъ, что старыя избирательныя мѣстечки приходили все въ большій и большій упадокъ, что самые значительные города оставались безъ представительства въ парламентѣ и что цензъ утрачивалъ свое первоначальное значеніе, торійское министерство долгое время всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій продолжало показывать, что смотритъ на себя исключительно, какъ на представителя стараго общественнаго строя кончилось, однако, тѣмъ, что враждебная торіямъ партія примкнула къ требованіямъ городскаго gentry и среднихъ сословій и, въ союзѣ съ тѣми и другими элементами, рѣшилась понудить правительство къ уступкамъ.

Наиболѣе *страдающею* частью общества являлся пролетаріатъ. Поэтому-то рука объ руку съ политическимъ движеніемъ идутъ и *соціальныя* требованія того класса, на которомъ такъ тяжко отозвались перемѣны, создавшія новый общественный строй. Долголѣтнее пренебреженіе, въ которомъ оставляли дѣло элементарнаго образованія бѣднѣйшихъ классовъ, недостатки въ организаціи дѣла общественнаго призрѣнія и законовъ, опредѣлявшихъ права по постоянному мѣсту жительства,—недостатки, крайне тяжело отзывавшіеся на бѣднѣйшемъ населеніи,—отсутствіе санитарной полиціи, экономическая убыточность непомѣрно развитой системы покровительственныхъ тарифовъ и косвенныхъ налоговъ, разрушительное вліяніе индустріи на семейную жизнь рабочаго класса,—все это было выяснено въ Англіи и выставлено въ безпощадно яркомъ ос-

вѣщеніи какъ печатью, такъ и политическими дебатами въ парламентѣ. Новый классъ собственниковъ-капиталистовъ долгое время эгоистически противуполагалъ этимъ обличеніямъ свою теорію laisser aller, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока противная сторона не начала мало-по-малу включать въ свою программу исполненіе государствомъ обязанностей, лежащихъ на немъ по отношенію къ страждущей части общества, и не добилась постепеннаго удовлетворенія этихъ требованій.

Оба направленія нѣкоторое время занимали довольно неопредѣленное положеніе какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ своимъ собственнымъ, еще не ясно сформулированнымъ стремленіямъ, и могли указать въ результатѣ своей дѣятельности лишь на немногіе единичные успѣхи.

Торіи, въ рукахъ которыхъ со времени французскихъ войнъ находилась правительственная власть, пробовали даже послѣ мира, заключеннаго въ 1815 г., удержать за собою эту власть путемъ самаго крутаго примѣненія принциповъ, лежащихъ въ основѣ торизма и такъ-называемой High Church, и съ этою цѣлью прибѣгли къ цѣлой системѣ репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ противъ печати и противъ свободы ассоціацій. Въ эту эпоху снова подтвердилась истина, столько разъ уже потвержденная опытомъ, что каждое сословіе выказываетъ наилучшія свои стороны во время борьбы за свою свободу и наихудшія—въ пользованіи этой свободой и въ отстаиваніи за собою преимуществъ.

Но здравый смыслъ, свойственный англійскому правящему классу, заставилъ его мало-по-малу вернуться въ предѣлы, указываемые конституціей, и съ этой минуты правительство вступаетъ на путь серьезныхъ *реформъ* **).

Почти одновременно съ французской іюльской революціей второе поколѣніе девятнадцатаго столѣтія выступаетъ на сцену политической дѣятельности внесеніемъ билля о парламентской реформѣ 1832 г. Мѣра эта исходила отъ той партіи, на знамени которой когда-то

**) Такъ же какъ и въ эпоху реформаціи, только, можно сказать, въ обратномъ направленіи,—преобразовательная дѣятельность начинается съ того, что пробиваетъ въ нѣкоторомъ родѣ брешь въ зданіи конституціи. И иниціативу этого посягательства на неприкосновенность парламентской конституціи беретъ на себя именно та сила, которая отличается наибольшею сплоченностью и наилучшею организаціей, а именно римско-католическая церковь; послѣ ожесточенной борьбы ей удается отстоять свою эмансипацію, попытки которой дѣлались и прежде, въ интересахъ Ирландіи, но были въ теченіе цѣлаго поколѣнія отражаемы королевскою властью и партіей торіевъ. Одновременно съ этимъ, само собою разумѣется, была признана и равноправность дисентеровъ. Въ эту-то брешь, проломленную въ конституціи, вторгся потокъ того соціальнаго движенія, починъ котораго былъ данъ Франціей и которое было направлено противъ привиллегированнаго положенія стараго правящаго класса.

стоялъ лозунгъ: «resistance», и была проведена ею съ замѣчательнымъ мужествомъ, выдержкой и тактомъ, съ цѣлью доставить разбогатѣвшимъ городамъ, а съ ними вмѣстѣ собственникамъ промышленнаго класса и среднимъ сословіямъ надлежащее значеніе въ парламентѣ. Избирательныя права мелкихъ мѣстечекъ были упразднены или ограничены въ такой пропорціи, чтобы обезпечить большимъ и среднимъ городамъ, до сихъ поръ почти не представленнымъ въ парламентѣ, сравнительно болѣе сильное представительство. Прежній цензъ, утратившій свой смыслъ вслѣдствіе перемѣнъ въ податномъ обложеніи и въ характерѣ личной службы, былъ замѣненъ новымъ, болѣе умѣреннымъ цензомъ. Едва ли въ цѣлой исторіи можно указать примѣръ политической реформы, которая была бы предпринята и осуществлена правящимъ классомъ съ такимъ умѣньемъ и обдуманностью, какъ эта.

Биллемъ о реформѣ открывается цѣлый рядъ преобразованій, съ помощью которыхъ зданіе старой конституціи перестраивается въ духѣ и въ интересахъ возникшаго новаго общества: вводится новый порядокъ городскаго управленія, новая организація призрѣнія бѣдныхъ, безконечный рядъ мѣръ, реформирующихъ экономическую сторону общинной жизни и привлекающихъ плательщиковъ налоговъ къ участію въ избраніи административныхъ совѣтовъ; рядомъ съ этимъ идутъ важныя и своевременныя преобразованія въ государственномъ управленіи и въ финансовомъ вѣдомствѣ; въ системѣ общинныхъ налоговъ, въ личныхъ налогахъ, въ таможенныхъ пошлинахъ и въ налогахъ на потребленіе вводятся измѣненія, сообразныя съ потребностями государства, наконецъ устраняются всѣ тѣ стѣсненія, которыми до сихъ поръ государство задерживало развитіе крупной промышленности, крупной торговли и крупнаго капитала.

Съ другой стороны законодательство серьезно и систематически приступаетъ къ тому, чтобы наверстать все упущенное до сихъ поръ государственною властью въ дѣлѣ *защиты слабѣйшихъ классовъ общества*. При этомъ образуется обновленная консервативная партія, которая, проникнувшись сознаніемъ истиннаго своего назначенія, благоразумно отказывается отъ принципіальной неподатливости старыхъ торіевъ и, соперничая съ вигами на почвѣ соціальныхъ реформъ, не только принимаетъ участіе въ осуществленіи послѣднихъ, но и присвоиваетъ себѣ мало-по-малу починъ во всѣхъ важнѣйшихъ преобразованіяхъ соціально-политическаго характера. Фабричное законодательство, все глубже и глубже проникающее во всѣ подробности быта рабочихъ, начиная съ защиты женщинъ и дѣтей и кончая постановленіями, направленными противъ всевозможныхъ пагубныхъ вліяній фабричной работы, серьозная заботливость объ улучшеніи санитарной и строительной полиціи, о жилищахъ и пищѣ трудящихся

классовъ, болѣе гуманная система призрѣнія бѣдныхъ, — болѣе гуманная по крайней мѣрѣ по сравненіи съ системою восемнадцатаго столѣтія, построенною на строгой замкнутости,—серьезныя и цѣлесообразныя мѣры для поднятія народнаго образованія, — все это свидѣтельствуетъ, что правящій классъ умѣлъ достойнымъ образомъ понять лежащія на немъ обязанности.

Если первоначально избирательная реформа въ принципѣ являлась задачею виговъ, а соціальная реформа представлялась задачею торіевъ, то вскорѣ какъ въ той, такъ и въ другой области между обѣими партіями возникло оживленное соревнованіе. Даже болѣзненная на первыхъ порахъ операція отмѣны покровительственныхъ тарифовъ и пошлинъ на привозный хлѣбъ, а также законовъ о навигаціи и нѣкоторыхъ старинныхъ повинностей, обременявшихъ землевладѣніе, была совершена съ согласія обѣихъ сторонъ, которыя послѣ нѣкотораго сопротивленія примирились съ этими мѣрами, хотя и сознавали, что тѣмъ самымъ уступаютъ стратегическіе пункты, имѣющіе немаловажное значеніе въ той системѣ укрѣпленій, которыми защищалась позиція правящихъ классовъ.

Положеніе всемірнаго рынка, въ среднемъ выводѣ весьма благопріятное въ эту пору, являлось добрымъ предзнаменованіемъ для обновленной конституціи. Возрастаніе общаго благосостоянія, уменьшеніе нужды въ средѣ пролетаріата, лучшее образованіе подростающихъ поколѣній народа — все это можно было доказать посредствомъ статистическихъ цифръ, дававшихъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе благопріятные итоги. Во всѣхъ отдѣльныхъ сферахъ общественной жизни замѣчался несомнѣнный прогрессъ; въ управленіе какъ отдѣльныхъ частей, такъ и всего государственнаго цѣлаго была введена большая цѣлесообразность. Въ одномъ лишь отношеніи ощущался регрессъ: ослабѣла та *внутренняя сплоченность между отдѣльными частями государства и общества*, которая есть жизненный нервъ англійскаго государственнаго устройства.

Если въ добросовѣстныхъ и неутомимыхъ преобразовательныхъ попыткахъ этого времени, происходившихъ подъ руководствомъ лучшихъ людей цѣлой націи, были сдѣланы ошибки, то оно объясняется не черезмѣрной торопливостью и не ошибочностью въ самомъ направленіи реформъ, а такого рода *опущеніями*, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ самой сущности партійнаго правительства.

Министерства, вышедшія изъ рядовъ партіи, могутъ проводить задуманныя ими мѣры не иначе, какъ при содѣйствіи общественныхъ силъ, а эти послѣднія можно склонить въ пользу той или другой единичной мѣры лишь во имя интересовъ текущей минуты, а не во имя какихъ-либо соображеній, обнимающихъ дальнѣйшее будущее государственнаго цѣлаго; интересы послѣдняго рода могутъ быть

ограждены лишь монархическою властью, стоящею на высотѣ своего призванія ***).

Новаго въ биллѣ о реформѣ 1832 г. было то, что онъ представлялъ попытку видоизмѣнить *органическія основы государства* путемъ борьбы между партіями, и это послѣ того, какъ правящій классъ успѣлъ самымъ положительнымъ образомъ упрочить за собою господство. Всѣ прежнія попытки этого рода вели свое начало отъ того времени, когда починъ мѣропріятій составлялъ еще прерогативу королевской власти. Англійскіе органическіе законы были составлены въ чисто монархическомъ духѣ и внушены заботою о томъ, что нужно для государства,—заботою, проявлявшеюся въ *двухъ* направленіяхъ: съ одной стороны они обусловливали каждое политическое право исполненіемъ той или другой личной обязанности, а съ другой стороны черезъ это самое удерживали на службѣ государства собственниковъ всѣхъ слоевъ общества. Партійныя правительства виговъ и торіевъ стали у кормила государства, обладавшаго уже готовыми основами и не имѣвшаго передъ собою въ XVIII столѣтіи ни соціальныхъ задачъ, которыя ему надлежало бы разрѣшать, ни необходимости создавать новыя общинныя учрежденія.

При теперешнемъ же партійномъ правительствѣ новыя основы государственной жизни могли выработаться лишь путемъ борьбы за новыя *права*, такъ какъ соперничество изъ-за возложенія на себя личныхъ служебныхъ и должностныхъ обязанностей совсѣмъ непонятно для общества и чуждо его природѣ. Билль о реформѣ 1832 г. послѣ многотрудной борьбы осуществилъ болѣе справедливое распредѣленіе избирательныхъ правъ, но возложить на избирателей соотвѣтствующія обязанности, которыя требовали бы отъ нихъ самодѣятельности, сочли излишнимъ; къ тому же въ пользу такой мѣры во время партійной борьбы не могло бы образоваться даже меньшинства, не говоря уже о большинствѣ.

Равнымъ образомъ соціальныя реформы предъявляли къ общинамъ усиленныя требованія относительно общественнаго призрѣнія, санитарной полиціи, улучшенія путей сообщенія, народнаго образованія и многихъ другихъ дѣлъ, долженствовавшихъ возвысить мѣстное благосостояніе. Между тѣмъ англійскіе midlle-classes, подъ влія-

---

***) Для посторонняго наблюдателя легче замѣтить подобныя опущенія, нежели для тѣхъ, которые сами принимаютъ горячее участіе въ борьбѣ, происходящей между партіями изъ-за той или другой частной мѣры; въ особенности легче это для насъ, нѣмцевъ, такъ какъ Германія со временъ Штейна и Гарденберга обязана своимъ превосходствомъ въ дѣлѣ соціальныхъ реформъ именно монархическимъ основамъ своего государственнаго устройства. Именно монархія могла вѣрнѣе распознать то, что нужно для *прочнаго* блага государства, нежели то, что въ состояніи было сдѣлать общественное мнѣніе и періодическая печать въ Англіи.

ніемъ усвоенныхъ ими дѣловыхъ привычекъ, понимали подъ этими требованіями лишь денежные взносы; возлагать для упомянутыхъ цѣлей на общинные союзы обязанности *личной* самодѣятельности общественное мнѣніе не считало нужнымъ и въ пользу такого предложенія не нашлось бы большинства среди борющихся партій.

Еще до внесенія билля о реформѣ составъ *городскихъ* избирателей не представлялъ сплоченной массы и былъ лишенъ всякой принципіальной подкладки. Новыя же избирательныя корпораціи, составъ которыхъ былъ увеличенъ вдвое биллемъ о реформѣ, страдали бо́льшею разрозненностью, чѣмъ когда-либо и всего болѣе сказывалось такое отсутствіе связи между избирателями въ быстро возраставшемъ населеніи большихъ городовъ, фабричныхъ и промышленныхъ центровъ. Поэтому политическія воззрѣнія этихъ округовъ весьма близко подходятъ къ тому складу понятій, съ которымъ до сихъ поръ народы континента приступали къ своимъ попыткамъ парламентскаго управленія. Тамъ, гдѣ нѣтъ самодѣятельности и привычки къ личному участію въ общей работѣ на пользу ближайшаго мѣстнаго союза, тамъ связь между людьми основана лишь на общности тѣхъ воззрѣній, которыя вырабатываются на почвѣ пріобрѣтенія и наслажденія внѣшними жизненными благами и находятъ въ ежедневной прессѣ органъ, способствующій ихъ соглашенію между собою. Для негоціанта ближайшимъ, наиболѣе доступнымъ его пониманію прототипомъ общиннаго устройства была акціонерная компанія съ своимъ выборнымъ совѣтомъ, управляющимъ предпріятіемъ. Въ нашъ вѣкъ, проникнутый духомъ индустріальнаго общества и всецѣло подчиненный ему, это представленіе всюду примѣшивается къ понятію о «самоуправленіи». Старый *государственный* принципъ, при которомъ податная обязанность и представительство должны уравновѣшивать другъ друга, превращается въ отдѣльныхъ частяхъ государственнаго цѣлаго въ чисто механическую систему избранія совѣтовъ, завѣдующихъ управленіемъ и директоровъ, несущихъ исполнительныя обязанности. За тѣмъ та же идея распространяется и на общее представленіе о парламентѣ. Нижняя палата разсматривается не какъ представительница общинныхъ союзовъ, являющихся въ свою очередь органами самоуправленія, облеченнаго правами власти, но лишь какъ представительница «интересовъ»; при чемъ допускается, что рядомъ съ нею можетъ существовать и вторая палата, какъ представительница «консервативныхъ интересовъ». Воззрѣнія Стюарта Милля на этотъ предметъ наиболѣе вѣрно передаютъ тотъ складъ понятій, который выработался въ новѣйшемъ обществѣ. Между тѣмъ, какъ именно въ Англіи въ общинѣ и въ округѣ, въ парламентѣ и въ церкви цѣлыя столѣтія замѣчается стремленіе выработать изъ себя такую организацію, которая

была бы противуположнымъ полюсомъ общественныхъ интересовъ, замѣчается стремленіе пріучить и понудить людей вопреки естественнымъ внушеніямъ собственныхъ ихъ интересовъ такъ понимать и исполнять свои личныя обязанности въ жизни, какъ того требовала польза государственнаго цѣлаго, новое направленіе разсматриваетъ и патріотизмъ, и самоограниченіе и духъ справедливости, какъ результатъ свободнаго соперничества интересовъ.

Сообразно съ этимъ взглядомъ новые элементы, вошедшіе въ составъ избирателей, считаютъ дѣломъ само собою разумѣющимся, что избирательное право, доставшееся имъ такъ легко, дѣлаетъ ихъ и участниками въ великомъ правительствующемъ совѣтѣ страны. Но всюду, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобы самому что-нибудь сдѣлать на пользу ближайшаго сосѣдства и принять на себя отвѣтственныя обязанности въ какой-нибудь отрасли общественнаго управленія, тотчасъ же по какому-то молчаливому соглашенію самъ собою выплываетъ принципъ: право избирать пускай будетъ за нами, а то, что нужно дѣлать, пускай дѣлаютъ наши выборные †). Въ Англіи такимъ образомъ безсознательно вступили на тотъ же путь, которымъ шла Франція, гдѣ «конституціонное государство» плохо держится на фундаментѣ общиннаго представительства, не подкрѣпляемаго самодѣятельностью членовъ общины. Внѣшній успѣхъ, которымъ увѣнчался этотъ образъ дѣйствій, въ сущности и въ Англіи сводится на постепенное угасаніе общиннаго духа (parochial mind), на замѣну прежнихъ Parish Constables жандармеріей, усилившейся

†) Руководствуясь такимъ принципомъ ничего не было легче, какъ образовать цѣлый рядъ окружныхъ, городскихъ и деревенскихъ парламентовъ и распространить такимъ образомъ, какъ то думали, парламентскую систему на самыя низшія ступени государственной жизни. Новому городскому положенію 1835 г., такъ же, какъ и новому закону о дѣлахъ общественнаго призрѣнія, изданному въ 1834 г., предшествовалъ цѣлый рядъ еще болѣе основательныхъ подготовительныхъ работъ, которыя пытались преодолѣть всѣ представлявшіяся юридическія и экономическія затрудненія. Но дальнѣйшіе преобразовательные законы отличаются все большею и большею легковѣсностью конструкціи и этотъ недостатокъ въ нихъ былъ еще усиленъ безчисленными поправками, которымъ они подвергались въ парламентѣ. То, что имѣетъ наиболѣе существенное значеніе въ основахъ государственной жизни, а именно сплоченность communitates, все болѣе и болѣе утрачивается въ этомъ механизмѣ чисто экономическаго муниципальнаго устройства. (То же самое явленіе видимъ мы и во Франціи). Въ обществѣ, пользующемся свободою передвиженія и въ которомъ какъ сельскіе, такъ и городскіе рабочіе все болѣе и болѣе превращаются въ бродячія массы, система такъ-называемыхъ реальныхъ налоговъ является почти единственнымъ факторомъ, еще поддерживающимъ осязательную связь между группами избирателей, совокупностью воззрѣній которыхъ опредѣляется составъ нижней палаты. Поэтому-то мы видимъ, что и въ Англіи число проэктовъ улучшенія народнаго представительства разростаются въ необъятную массу, но нисколько не подвигаютъ вопроса къ его разрѣшенію. Дошло до того, что идеи о дарованіи женщинамъ права голоса, о представительствѣ меньшинства и о другихъ способахъ ариѳметической группировки интересовъ находятъ себѣ защитниковъ даже въ палатѣ лордовъ!

до того, что она составила цѣлый армейскій корпусъ, на оттѣсненіе надсмотрщиковъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія десятитысячной арміей бухгалтеровъ и писцовъ, на преобладаніе бюрократизма въ главнѣйшихъ отрасляхъ городскаго управленія и на самоустраненіе лучшихъ силъ отъ общинной жизни. Дѣло управленія при этихъ условіяхъ могло поддерживаться лишь постояннымъ расширеніемъ сферы дѣятельности правительственныхъ комиссаровъ и министерскихъ рескриптовъ, что съ точки зрѣнія нѣмецкой, лучше сохранившейся общинной жизни представляется почти непонятнымъ и, во всякомъ случаѣ, не можетъ долгое время уживаться съ системою перемѣнныхъ, партійныхъ правительствъ.

Такимъ образомъ изъ года въ годъ распадается все болѣе и болѣе живой организмъ тѣхъ communitates, на *личную сплоченность* которыхъ опирался парламентъ какъ при своемъ возникновеніи, такъ и во всѣ позднѣйшіе періоды своего развитія. Такая перемѣна въ воззрѣніяхъ избирателей не можетъ, конечно, не отражаться и на палатѣ общинъ, на характерѣ партій, на положеніи вождей партій, на печати и на общественномъ мнѣніи, которое въ томъ, что касается этого вопроса вращается въ какомъ-то заколдованномъ кругу, не находя удовлетворительнаго разрѣшенія. Въ нашъ быстро живущій вѣкъ понадобилось не болѣе одного поколѣнія для того, чтобы эти воззрѣнія новыхъ middleclasses принесли плодъ, созрѣвшій съ изумительной быстротою; плодомъ этимъ является новый билль о реформѣ, которымъ всѣ послѣдствія перваго билля возводятся, можно сказать въ квадратъ. Съ третьимъ поколѣніемъ девятнадцатаго столѣтія выступаетъ на сцену билль о реформѣ 1867 г., построенный на основаніяхъ, весьма различныхъ отъ предыдущаго. Правящіе классы въ теченіи двухъ десятилѣтій умѣли противустоять радикальнымъ предложеніямъ, требовавшимъ тайной помочи голосовъ, право голоса для всѣхъ квартирохозяевъ и уравненія избирательныхъ округовъ. Но съ 1852 г. начинается рѣшительное состязаніе между обѣими партіями, изъ которыхъ каждая ищетъ одобренія «общественнаго мнѣнія». (1852, 1854, 1857, 1858, 1859, 1860, 1864, 1865, 1866, 1867). Въ результатѣ этого состязанія, послѣ того, какъ были отвергнуты всѣ болѣе умѣренныя предложенія, составленныя въ духѣ предшествующаго билля о реформѣ, побѣда осталась за Дизраэли, какъ взявшимъ наиболѣе высокую ноту. При помощи многочисленныхъ поправокъ, внесенныхъ со стороны либераловъ, избирательное право городовъ, продолжающихъ располагать большинствомъ представителей въ нижней палатѣ, принимаетъ теперь характеръ такого избирательнаго права, которымъ пользуются всѣ, имѣющіе самостоятельное хозяйство. На первыхъ же выборахъ оказывается, что число избирателей возросло вдвое. Послѣ изданія этого закона, введеніе тайной

подачи голосовъ не заставило себя долго ждать. Эта мѣра, вполнѣ соотвѣтствующая тѣмъ взглядамъ, которые господствуютъ въ обществѣ, была принята въ 1872 г.

Подобная организація избирательнаго права въ государствахъ, гдѣ монархическая власть сохранила за собою иниціативу и руководство, была не разъ испробована безъ особенно опасныхъ послѣдствій. Но оно имѣетъ совершенно другое значеніе въ Англіи, гдѣ существованіе министерствъ и ходъ государственнаго управленія поставлены въ зависимость отъ House of Commons, а House of Commons зависитъ *исключительно* отъ внутренней жизни общинъ.

При этомъ-то коренномъ измѣненіи основъ государственной жизни, когда правящій классъ, увлекшись партійной борьбою подъ предводительствомъ Дизраэли и Гладстона, утратилъ свою обычную осмотрительность, отъ старой сплоченности общинъ ничего болѣе не осталось, кромѣ лежавшихъ на ней налоговъ съ недвижимой собственности, да необходимости той или другой формы налога въ пользу бѣдныхъ; то былъ послѣдній слѣдъ, напоминавшій о томъ, что съ самаго возникновенія парламентовъ служба на пользу государства считалась необходимымъ условіемъ для участія въ парламентской дѣятельности.

Когда такимъ образомъ *личный* союзъ, соединяющій общину въ одно цѣлое, близится къ своему распаденію и когда черезъ это упраздняется факторъ, исправляющій и умѣряющій дѣйствіе общественныхъ контрастовъ и борьбы между сталкивающимися интересами, партійное правительство становится въ безпомощную зависимость отъ различныхъ непредвидѣнныхъ комбинацій общественныхъ интересовъ, отъ тѣхъ или другихъ предразсудковъ, преобладающихъ въ данную минуту, отъ политической агитаціи и отъ ухищреній партійной тактики, могучимъ и измѣнчивымъ орудіемъ которой сдѣлалась въ настоящее время ежедневная пресса. Относительно послѣдствій этого новаго порядка вещей большинство очень легко поддается иллюзіямъ, такъ какъ такія послѣдствія сказываются не тотчасъ же при первыхъ же выборахъ въ парламентъ, а выясняются лишь постепенно и окончательно даютъ себѣ знать при вторыхъ, третьихъ выборахъ и т. д. Но достаточно вспомнить, какія начала были положены въ основаніе англійской конституціи въ XVIII столѣтіи, чтобы отвѣтить на вопросъ о томъ, можетъ ли при такихъ условіяхъ парламентское правительство, выходящее изъ рядовъ той или другой партіи, въ самомъ себѣ почерпать свою силу и устоять на ногахъ безъ внѣшней точки опоры. Между тѣмъ изъ всего хода государственной жизни Англіи вытекаетъ тотъ выводъ, что эпоха третьяго поколѣнія нашего столѣтія сдѣлается «эрою радикальнаго воздѣйствія» и протечетъ въ энергичной реакціи

противъ тѣхъ элементовъ, которые были до сихъ поръ правящимъ классомъ.

Подобно тому, какъ въ Англіи церковная реформа при своемъ началѣ отличалась совсѣмъ другимъ характеромъ, чѣмъ на континентѣ, а по прошествіи столѣтія должна была выдержать ту-же борьбу съ которою было сопряжено ея водвореніе въ континентальныхъ государствахъ, точно такъ же и политическая жизнь этой страны, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ концу нашего столѣтія станетъ лицомъ къ лицу съ тѣми же задачами и должна будетъ выдержать тѣ же политическія схватки, какъ и конституціонныя государства континентальной Европы, прошедшія черезъ этотъ процессъ еще въ началѣ столѣтія. Англіи тоже придется извѣдать на собственномъ опытѣ, что переходъ къ новому порядку вещей, созданному индивидуалистическимъ обществомъ, совершается не иначе, какъ путемъ предварительнаго разложенія тѣхъ старыхъ, сплоченныхъ группъ, которыя прежде служатъ фундаментомъ парламентской конституціи. Потокъ непосредственно общественныхъ стремленій, который теперь размываетъ фундаментъ англійской конституціи, остановится лишь тогда, когда дойдетъ до всеобщей подачи голосовъ и до полнаго уравненія избирательныхъ округовъ, что повлечетъ за собою еще большее разложеніе избирательныхъ корпорацій.

Между тѣмъ ходъ англійской государственной жизни можетъ служить ручательствомъ въ томъ, что имущіе классы въ Англіи примутъ эту борьбу и поведутъ себя въ ней иначе, чѣмъ то дѣлали имущіе классы во Франціи. Мы видимъ что при всей однородности въ направленіи соціальнаго движенія въ средней Европѣ, исходъ этого движенія былъ весьма различенъ, смотря по характеру данной національности и по особенностямъ всей предшествующей исторіи того или другаго государства. Основныя черты англійскаго національнаго характера, личное мужество, осмотрительность и политическая опытность правящаго класса, добрыя традиціи парламентской практики,—все это служитъ ручательствомъ въ томъ, что и этотъ кризисъ будетъ пережитъ Англіей безъ серьезной опасности для цѣлости государства и безъ ущерба для *существеннѣйшихъ началъ* парламентскихъ учрежденій. По видимому есть основаніе ожидать, что въ виду приближающейся бури старыя партіи въ скоромъ времени до извѣстной степени сольются между собою. Само собою разумѣется, что онѣ вначалѣ, при защитѣ занимаемой ими позиціи, проявятъ отнюдь не наилучшія качества имущихъ сословій. За тѣмъ, такъ какъ дальнѣйшее существованіе ихъ въ видѣ двухъ строго разграниченныхъ партій вообще немыслимо, то онѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, распадутся на нѣсколько фракцій, какъ мы то видимъ въ парламентахъ континента, а вслѣдъ за этимъ и

условія, рѣшающія смѣну министерствъ, измѣнятся въ томъ смыслѣ, что корона въ скоромъ времени будетъ поставлена въ невозможность ограничиваться простою передачею кормила правленія въ руки предводителя того или другаго парламентскаго большинства. Тогда по всѣмъ вѣроятіямъ настанетъ такой періодъ, когда King in Council снова будетъ вынужденъ взять дѣйствительное управленіе государственными дѣлами въ свои руки.

Народамъ, такъ же, какъ и отдѣльнымъ личностямъ, суждено переживать подобные періоды испытаній; но, насколько мы можемъ судить изъ опыта *прошлаго*, это еще не даетъ намъ права сомнѣваться въ благополучномъ конечномъ исходѣ. Тѣ тысячи лѣтъ англійской исторіи, которыя лежатъ позади насъ, вполнѣ оправдываютъ надежду, что нація эта устоитъ въ предстоящей борьбѣ и лучшіе матеріалы для возведенія своего новаго государственнаго званія найдетъ въ собственномъ же прошломъ, какъ то сдѣлала и германская нація.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Англосаксонская эпоха.

Стр.

§ 1. *Англосаксонскія основы.* Завоеваніе Британіи саксами, англами и ютами. Распаденіе родоваго быта у завоевателей. Дѣлежъ земли. Boc-land и Folk-land. Съемка земли у крупныхъ владѣльцевъ и личная служба у нихъ. Образованіе высшаго класса. Военная организація. Сотни. Вооруженныя дружины. Англосаксонское судебное устройство. Судъ сотни (hundred gemote). Судъ графства (Shir gemote). Витаны. Церковь. Она защищаетъ низшіе классы. Національное направленіе англосаксонской церкви. Просвѣтительное значеніе ея. Сословныя отношенія. Hlâford и Hlâfaet. Танство. Вотчинная власть землевладѣльца. Витенагемотъ . . . . . 1— 11

§ 2. *Англосаксонская королевская власть.* Почетныя права королевской власти. Вира за короля. Вира за королевскаго дружинника. Придворныя должности. Правительственныя права короля. Высшее начальствованіе на войнѣ. Рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. Различіе между войскомъ и личной дружиной короля. Упадокъ военнаго дѣла. Судебное главенство короля. Судебные дни суда сотни. Ширгерефа. „Король на собраніи земскаго сейма“. Право помилованія. Полицейская власть короля какъ охранителя „королевскаго мира“. Всеобщее объявленіе мира. Употребленіе милиціи для цѣлей сохраненія королевскаго мира. Поручители для лицъ, угрожающихъ общественному миру. Обязательная приписка къ „десятку“. Взаимное ручательство. Доходы англосаксонскихъ королей. Частное королевское имущество. Пошлины и поборы. Пользованіе государственными имуществами. Доходы съ наслѣдствъ, опеки, выхода замужъ. Судебные штрафы. Ярмарочные сборы. Сборы за защиту купцовъ и иностранцевъ. Отсутствіе прямыхъ податей. Патронатъ короля надъ церковью. Назначеніе епископовъ. Утвержденіе постановленій церковныхъ соборовъ. Наслѣдственныя права королевскаго семейства. Провозглашеніе короля всѣмъ народомъ. . . . . 11— 33

§ 3. *Соединеніе отдѣльныхъ королевствъ въ одно государство и его подраздѣленія.* Первоначальное образованіе многихъ маленькихъ государствъ. Гептархія. Bredwalda. Гегемонія Вессекса. Эгбертъ. Альфредъ. Государственное единство Британіи. Образованіе графствъ. 3 группы графствъ. Сотни. Десятки. Другія низшія территоріальныя единицы. Приходъ. Burhs. . . . . 33— 47

§ 4. *Должность эальдормена и ширгерефа.* Эальдормены. Ихъ первоначальное значеніе. Iarls и Erals. Ширгерефа. Его обязанности при призывѣ народнаго ополченія, въ судебныхъ дѣлахъ, въ дѣлѣ сохраненія королевскаго мира. Герефы незначительныхъ территоріальныхъ дѣленій. Swangerefa. Postgerefa. Wicgerefa. Tungerefa. Общее значеніе системы королевскихъ герефовъ. „Король въ витенагемотѣ“. . . . . 47— 0

Стр.

§ 5. *Англосаксонская церковь.* Національный характеръ ея. Епископства. Монастыри и духовныя корпораціи. Приходскія церкви. Церковныя земли. Десятина. Другіе церковные доходы. Общественно-политическое положеніе англо-саксонскаго духовенства. Участіе въ повинностяхъ общинной жизни, въ несеніи воинской и судебной повинности. Духовная юрисдикція. Сословное положеніе духовенства. Единство свѣтской и духовной власти. Нравственное значеніе англо-саксонской церкви. Отношенія ея къ римскому престолу . . . . . 60— 76

§ 5а. *Англосаксонскія сословныя отношенія и земскіе сеймы.* Зависимость безземельныхъ классовъ. Распредѣленіе сословій по вирѣ. Вотчинная власть землевладѣльцевъ. Юридическое обособленіе сословій. Великіе таны. Таны графствъ. Мелкіе землевладѣльцы. Ceorl'ы и Eorl'ы. Liberalis homo. Участіе народа въ проявленіи общей воли. Прекращеніе всенародныхъ собраній. Земскіе сеймы. Совѣщанія съ отдѣльными сословіями. Витенагемотъ и его значеніе . . . . . 67— 90

§ 6. *Упадокъ и паденіе англосаксонскаго государства.* Національная рознь между кельтобритами и завоевателями—германцами. Вторженіе датчанъ и норвежцевъ и новая рознь національностей, порожденная имъ. Соціальная рознь сословій. Рознь между духовной и свѣтской властью. Упадокъ національнаго самосознанія и чувства національной мощи. Свѣтлыя стороны англосаксонской государственной и общественной жизни . . . . . 90—100

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

Англонорманское ленное государство.

§ 7. *Основы землевладѣнія въ норманскомъ ленномъ государствѣ.* Право Вильгельма Завоевателя на Англію. Вражда франковъ и саксовъ. Обусловленная ею необходимость постояннаго войска. Новыя земельныя отношенія на ленныхъ основаніяхъ. Условная наслѣдственность пожалованія. Relevium за полученіе лена. Ленная опека и бракъ. Вспомогательныя деньги, Auxilia. Возвращеніе лена. Отношенія короля къ вассаламъ. Положеніе англійскихъ подвассаловъ. Domesdaybock. Королевскій резерватъ. Новое распредѣленіе землевладѣнія. Коронные вассалы, tenentes in capite. Subtenentes. Liberi homines. Sochemanni. Burgenses. Villani. Bordarii.

Король какъ владѣлецъ всѣхъ земель государства. Землевладѣніе равномѣрно подчиняется нуждамъ государства. Ошибочное мнѣніе о томъ, что уже Вильгельмъ I раздѣлилъ всю земельную собственность на военные лены. Redemption для старыхъ владѣльцевъ земли. Равномѣрная поставка ленныхъ милиціонеровъ. Servitium unius militis. Всеобщая ленная присяга. Внутренняя политика первыхъ норманскихъ королей . . . . . 100—120

§ 7. *Нормандская администрація графствъ.* Должность эрла. Vicecomes и его обязанности въ качествѣ военнаго фохта, представителя королевскаго правосудія, полицейскаго чиновника и завѣдующаго королевскими домэнами. Возникновеніе чиновничества. Мѣстное управленіе. Manor, Honor, Burghs. Ихъ административная организація . . . . . 120—135

§ 9. *Развитіе норманскихъ понятій о военномъ верховенствѣ.* Вопросъ о войнѣ и мирѣ. Снаряженіе воиновъ и распредѣленіе кад-

Стр.

ровъ. Главное командованіе надъ леннымъ войскомъ. Общій характеръ англійскаго леннаго войска. Отсутствіе въ немъ территоріальной связи между подвассалами и крупными ленниками. Народное ополченіе . . . . . 135—144

§ 10. *Развитіе норманскаго судебнаго верховенства.* Въ общемъ удерживается старая судебная организація. Расширеніе вотчинной юрисдикціи. Корыстолюбіе и своеволіе норманскаго суда. Централизація правосудія. Король въ качествѣ верховнаго судьи. Сотенный судъ графства. Curia regis. Королевскіе Iusticiarii. Король какъ „источникъ правосудія“. . . . . 144—160

§ 11. *Развитіе норманскаго полицейскаго верховенства короля.* Объявленіе королевскаго мира. Полицейская порука. Ежегодныя ревизіи. Круговая порука десятка и сотни. Обязательное участіе общинъ въ слѣдственномъ производствѣ. Indictatio. Petty jury. Court leets. Cout baron. Turnus vicecomitis. Сумарное правосудіе. Система штрафовъ за неисполненіе приказаній короля. Amerciaments . . . . . 160—176

§ 12. *Развитіе финансовыхъ прерогативъ норманской королевской власти.* Непосредственные доходы. Королевскіе домэны и лѣса. Возвращающіеся въ казну лены. Случайные доходы съ леновъ, Reliefs. Откупныя деньги. Fines и Amerciaments. Fines за liberties и franchises. Fines за процессуальныя льготы. Fines за разрѣшенія и пожалованія. Fines за возобновленіе ленныхъ пожалованій. Aids, tallages, scutages. Щитныя деньги, scutagia. Случайные доходы. Равномѣрное обложеніе землевладѣнія для всѣхъ классовъ . . . . 176—189

§ 13. *Норманское казначейство*, Exchequer. Возникновеніе Exchequer. Его отдѣленія. Операціи казначейства. Бухгалтерія. Финансовая отчетность. Судебныя засѣданія казначейства и юрисдикція его. Персоналъ. Спеціальныя мѣстныя казначейства. Еврейское казначейство . . . . . 189—200

§ 14. *Развитіе и упадокъ церковнаго верховенства въ норманскій періодъ.* Благосклонность Вильгельма завоевателя къ духовенству. Матеріальное положеніе церкви. Духовная юрисдикція. Суверенныя права короля по отношенію къ церкви. Постепенное усиленіе значенія духовенства и римскаго вліянія. Борьба Генриха II съ могуществомъ церкви. Перипетіи дальнѣйшей борьбы королевской власти съ духовенствомъ. Историческій обзоръ хода церковныхъ несогласій въ норманскій періодъ. Безбрачіе, инвеститура, назначеніе епископовъ, духовная юрисдикція, вопросъ о папскихъ легатахъ и монастыряхъ. Окончательное крушеніе церковнаго верховенства короля при Іоаннѣ . . . . . 200—219

§ 15. Curia regis. *Крупнѣйшіе сановники.* Curia regis въ качествѣ придворныхъ съѣздовъ, замѣнившихъ прежніе витенагемоты. Curia regis какъ закономѣрный государственный судъ. Curia regis какъ высшее правительствующее учрежденіе. Высшіе сановники. Iusticiarius totius Angliae, сенешаль, первый камергеръ, конетабль, маршалъ, канцлеръ, казначей. Общій характеръ высшихъ государственныхъ должностей . . . . . 219—243

§ 16. *Переходные моменты. Странствующіе судьи. Судейскія коллегіи. Зачатки государственныхъ судовъ.* Централизація управленія при помощи странствующихъ судей. Ихъ значеніе въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ. Учрежденіе коллегіальнаго придворнаго суда подъ общимъ наименованіемъ curia regis. Коро-

Стр.

левскіе justiciarii. Гражданское отдѣленіе curia regis. Связь curia regis съ казначействомъ. Первые зачатки государственныхъ чиновъ, состоящихъ покамѣсть изъ крупныхъ бароновъ. Barones Majores и Minores. . . . . 243—282

§ 17. Magna Charta. Правленіе Іоанна. Оппозиція церкви, окрѣпшаго баронства и другихъ сословій, не разъединенныхъ уже теперь національною рознью. Побѣда надъ Іоанномъ. Magna Charta. Ея содержаніе. Ограниченіе леннаго военнаго верховенства короля, его судебнаго верховенства въ области какъ гражданской такъ и уголовной юстиціи, верховенства полицейскаго, финансоваго. Правовая санкція этихъ ограниченій. Комитетъ сопротивленія. Регулированіе созыва коронныхъ вассаловъ. Дѣйствительное значеніе Magna Charta. . . . . 262—277

§ 18. *Первыя попытки конституціоннаго правленія.* Вѣроломство Іоанна. Изъ хартіи опускаются нѣкоторыя статьи, наиболѣе ограничительнаго характера. Конституціонная борьба въ правленіе Генриха III. Зародыши представительства графствъ и городовъ. 277—294

§ 18 a. *Сословныя отношенія англо-норманскаго времени.* Классъ крупныхъ вассаловъ. Отличіе его отъ континентальныхъ бароновъ. Мелкіе коронные вассалы. Отчуждаемость и дѣлимость рыцарскихъ помѣстій. Почему англійское средневѣковое рыцарство не обратилось въ замкнутое наслѣдственное сословіе? Свободные и несвободные земледѣльцы. Постепенное улучшеніе ихъ общественнаго положенія . . . . . 294—304

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

Эпоха государственныхъ чиновъ.

§ 19. *Вѣкъ организующихъ законовъ. Соединеніе государственнаго управленія съ устройствомъ графствъ.* Потребность въ третьемъ сословіи и возникновеніе его. Начало органическаго единенія государства и страны. Соединеніе военнаго дѣла съ устройствомъ графствъ. Милиція и ея организація. Остальное войско. Единеніе судебнаго верховенства короны съ графствомъ. Судъ присяжныхъ и его организація. Гражданское жюри, жюри уголовное. Широкое развитіе судебной повинности. Судъ графства. Юрисдикція шерифа. Сотенные и вотчинные суды. Полицейское верховенство и внутренняя жизнь графствъ. Мировые судьи. Расширеніе полицейской регламентаціи. Таксы, законодательство о рабочихъ, о нищихъ, полиція нравовъ, ходъ возникновенія института мировыхъ судей. Персоналъ мировыхъ судей. Низшія полицейскія обязанности. Связь финансоваго верховенства съ самоуправленіемъ графствъ. Взыманіе податей, налоговъ и другихъ поборовъ, государственныхъ и общественныхъ. Организація городскихъ союзовъ въ военномъ, судебномъ, полицейскомъ и податномъ отношеніи. Общій характеръ англійскаго selfgovernement въ ту эпоху . . . . 304—339

§ 20. *Центральные общегосударственные суды.* Courts of Common Law. Судъ королевской скамьи (Courts of Kings Bench). Court of Common Pleas. Court of Exchequer. Прогрессъ въ организаціи судебнаго сословія. Судебный персоналъ. Корпорація ученыхъ юристовъ. Положеніе судей по отношенію къ королевской власти. Юридическая профессія и ея подраздѣленія. Канцлеръ и его значеніе. Спеціальные суды, военный, гофмаршальскій, лѣсной. 339—355

Стр.

§ 21. *Правительствующій государственный совѣтъ.* Continual Councіl. *Государственная канцелярія.* Возникновеніе постояннаго государственнаго совѣта. Дѣла, въ немъ разсматриваемыя. Резолюціи по нимъ. Регламентъ государственнаго совѣта. Личный составъ его. Лордъ канцлеръ, хранитель личной печати короля. Другіе члены. Неопредѣленность состава, постепенно исчезающая. Государственный совѣтъ какъ постоянное учрежденіе. Коммиссіи и делегаціи совѣта. Апелляціонный комитетъ казначейства. Court of Equity. Столкновенія государственной канцеляріи съ парламентами. Значеніе должности лорда-канцлера. Персоналъ должностныхъ лицъ при канцлерѣ . . . . . 355—372

§ 22. *Парламентъ прелатовъ и барановъ.* Нотабли отъ духовенства и бароновъ. Великій совѣтъ. Періодичность его созыва. Компетенція великаго совѣта. Его роль какъ судебнаго учрежденія, разрѣшающаго взыманіе налоговъ. Magnum Concilium какъ высшее совѣщательное учрежденіе по государственнымъ дѣламъ и какъ законодательное собраніе. Составъ парламента магнатовъ. Число членовъ. Способы приглашеній въ великій совѣтъ. Образованіе пэрства. Происхожденіе наслѣдственности въ сословіи свѣтскихъ пэровъ . . . . . 372—399

§ 23. *Участіе* Commoners *въ парламентской дѣятельности. Происхожденіе нижней палаты.* Депутаты отъ Communitates. Приглашеніе ихъ первоначально необязательно. Участіе общинъ въ разрѣшеніи налоговъ. Положеніе податнаго дѣла. Окончательное признаніе права юстицій и жалобъ. Вмѣшательство въ другія государственныя дѣла. Участіе общинъ въ законодательствѣ. Раздѣленіе парламента на двѣ палаты. Соотношеніе парламента и королевской власти. Свобода рѣчи въ парламентѣ. Активныя и пассивныя избирательныя права нижней палаты. Избираемые. Избиратели. Парламентъ въ своей совокупности. Развитіе парламентской системы налоговъ. Исторія ея . . . . . 399—449

§ 24. *Церковь въ концѣ среднихъ вѣковъ.* Конвокація. Обособленность духовенства. Его могущество. Участіе въ парламентской жизни. Привлеченіе къ парламентской дѣятельности низшаго духовенства. Оппозиція противъ этого со стороны духовенства. Парламентъ поддерживаетъ короля въ борьбѣ съ обособительными стремленіями духовенства. Юридическое огражденіе свѣтской власти отъ захватовъ церкви. Внутренній упадокъ церкви. Враждебныя римскому престолу теченія . . . . . 449—464

§ 25. *Колеблющіяся отношенія короля къ парламенту.* Историческій обзоръ соотношенія королевской власти и парламента въ царствованія Эдуарда I, Эдуарда II, Эдуарда III, Ричарда II, Генриха IV, Генриха V, Генриха VI, Эдуарда IV, Эдуарда V, Ричарда III. . . . . 464—485

§ 25а. *Три государственныя сословія.* Правовое развитіе сословій. Сословіе духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ. Духовные пэры. Свѣтскіе пэры. Измѣненія въ личномъ составѣ свѣтскаго перства. Возрастаніе доходовъ крупнаго землевладѣнія. Наемники и вооруженныя дружины крупныхъ бароновъ. Борьба Алой и Бѣлой Розы. Сословіе рыцарей или, вѣрнѣе, владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій. Ихъ видное участіе въ мѣстномъ самоуправленіи. Отчуждаемость и дробимость рыцарскихъ ленныхъ участковъ. Доступность рыцарскаго достоинства для всѣхъ liberi homines. Оно не есть прирожденное званіе. Политическія привиллегіи рыцарскаго землевладѣнія. Рѣшающее вліяніе рыцарства въ палатѣ Общинъ. Ученое сословіе и

Стр.

приходское духовенство вмѣстѣ съ рыцарствомъ образуютъ gentry. Классъ вольныхъ землевладѣльцевъ и городское сословіе. Уклоненіе англійскихъ городовъ отъ нормальнаго процесса образованія сословій. Упадокъ личнаго участія гражданъ въ судебной дѣятельности. Видоизмѣненія въ первоначальномъ характерѣ городскихъ постановленій о налогахъ. Разнообразіе городскихъ формъ собственности. Ничѣмъ не вызываемое увеличеніе числа городскихъ представителей. Исключительный характеръ городскаго представительства. Борьба между трудомъ и капиталомъ. Упадокъ низшихъ классовъ городскаго населенія. Рабочіе классы страны, крестьяне. Юридическая возможность подняться въ ряды высшаго сословія. Солидарность общественныхъ стремленій всѣхъ классовъ. . . . . 485—517

§ 26. *Органы государственнаго управленія. Королевская прерогатива.* Выработка органовъ государственной власти. Спеціализація административной власти. Органы урегулированныхъ правъ государственнаго верховенства. Государственные суды. Continual Council. Magnum Concilium. Взаимное отношеніе общества и государства. Подвижная часть государственнаго управленія. „Король въ его совѣтѣ“. Представленія народа о королевской власти. Король какъ верховный собственникъ земли, какъ наслѣдственный представитель и источникъ всей верховной власти. Королевская прерогатива. Историческій обзоръ правовыхъ понятій англійскаго народа о королевской власти . . . . . 514—527

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Эпоха Тюдоровъ и Реформаціи.

§ 27. *Возстановленіе конституціоннаго правленія.* Соотвѣтствующая народнымъ стремленіямъ политика первыхъ Тюдоровъ. Заслуги Генриха VIII въ дѣлѣ внутренняго управленія. Реформація. Источники и литература для изученія эпохи . . . . . 527—531

§ 28. *Дальнѣйшее развитіе организаціи графствъ.* Организація милиціи. Судебное устройство. Полицейская организація графствъ. Расширеніе дѣятельности мировыхъ судей въ области производства предварительнаго слѣдствія, въ сферѣ рабочей полиціи и новой церковно-приходской организаціи. Участіе графствъ и городскихъ союзовъ въ опредѣленіи и взысканіи налоговъ. Городское управленіе. Инкорпораціонныя хартіи. . . . . 531—540

§ 29. *Дальнѣйшее развитіе парламентскаго устройства.* Continual Council, носящій теперь названіе Privy Council. Magnum Concilium. Составъ нижней палаты. Законодательная дѣятельность парламента. Право утвержденія налоговъ по прежнему остается внѣ всякихъ пререканій. Контроль парламента надъ государственнымъ управленіемъ. Своеволіе Генриха VIII поражаетъ отдѣльныхъ лицъ, но не наноситъ ущерба народной массѣ и не касается основныхъ правъ англійскаго парламента. . . . . 540—551

30. *Церковная реформація.* Значеніе церкви въ средніе вѣка. Постепенный упадокъ ея. Реформація какъ борьба за свободу мысли и совѣсти. Національный характеръ реформаціи. Первоначальный „практическій“ характеръ англійской реформаціи. Генрихъ VIII и его вражда къ континентальной реформаціи. Отдѣленіе отъ Рима. Секуляризація церковныхъ имуществъ. Верховная власть короля

Стр.

въ церковныхъ дѣлахъ. Догматическая связь съ католичествомъ удерживается. Дѣйствительное осуществленіе реформаціи происходитъ послѣ Генриха VIII. Историческій обзоръ хода англійской реформаціи . . . . . 551—565

§ 31. *Верховный церковный совѣтъ и органы управленія государственной церкви.* High Commission Court и его компетенція. Рядомъ съ нимъ синодальная организація. Эпархіальное управленіе англиканской церкви. Низшее духовенство. Принципъ верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ. Цензура . . . . . 565—574

§ 32. Privy Council. *Звѣздная палата. Общегосударственные суды.* Персоналъ и ходъ дѣлъ въ тайномъ совѣтѣ. Лордъ канцлеръ, лордъ-казначей, лордъ-президентъ государственнаго совѣта и другіе члены совѣта. Новый порядокъ дѣлопроизводства. Сословные и должностные элементы совѣта. Выдѣленіе изъ тайнаго совѣта звѣздной палаты. Сфера ея компетенціи. Судопроизводство въ звѣздной палатѣ. Остальныя делегаціи королевскаго совѣта. Придворный судъ. Court of Requests и другія Courts. Провинціальныя делегаціи совѣта. Общегосударственные суды. Kings Bench, Common Pleas, Court of Exchequer. Courtof Equity. Общая картина эпохи Тюдоровъ. 574—591

§ 32а. *Развитіе мѣстныхъ общинныхъ учрежденій.* Организація прихода. Пасторъ. Церковные старосты. Низшія причетническія должности. Система церковныхъ налоговъ и сборовъ. Организація приходской помощи бѣднымъ. Система общественнаго призрѣнія. Дорожная и мостовая повинность. Дорожная полиція. Окончательная организація общинъ и общинныхъ налоговъ. Общинные налоги и ихъ значеніе. Участіе въ общественной жизни. Мѣстныя обязательныя постановленія. Общинныя собранія, vestry. Связь общинной жизни съ окружнымъ полицейскимъ управленіемъ и съ институтомъ мировыхъ судей. Контроль мировыхъ судей надъ дѣйствіями общинныхъ должностныхъ лицъ. Мировые судьи, въ свою очередь, подчинены центральному управленію и чрезъ это устанавливается единство управленія. Система административнаго контроля . . . 591—620

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ

Стюарты и конституціонная борьба.

§ 33. *Раздвоеніе въ государственной организаціи.* Раздоры въ нѣдрахъ реформаціи. Появленіе сектъ. Самостоятельное положеніе королевской власти въ дѣлахъ церковныхъ. Идея „верховнаго суверенитета“ короля, проповѣдуемая „высокою церковью“ . . . . . 620—632

§ 34. *Борьба королевской власти, опирающейся на* Jus divinum, *съ сословіями.* Напряженное положеніе дѣлъ при вступленіи Стюартовъ на престолъ. Ихъ отреченіе отъ протестантизма и непониманіе своего положенія. Jus divinum. Карлъ I твердо рѣшается никогда не созывать парламента. Назначеніе на церковныя должности исключительно лицъ абсолютистскаго образа мыслей. Новая роль тайнаго совѣта. Тенденціозное комплектованіе состава коронныхъ судовъ. Борьба съ финансовыми правами парламента. „Корабельныя деньги“. Борьба съ прочими сторонами парламентскаго контроля. Система „сильной правительственной власти“. Долгій парламентъ и его борьба съ Карломъ. „Петиція правъ“. Междоусобная война. Личность Карла. Оливеръ Кромвель и его партія. Ходъ борьбы и ея завершеніе. . . . . 632—658

Стр.

§ 35. *Республика.* Военная диктатура Кромвеля. Достоинство, съ которымъ онъ выдержалъ роль главы верховной власти. Внѣшнее могущество Англіи при Кромвелѣ. Внутренній порядокъ. Тѣмъ не менѣе въ странѣ не было довольства. Группировка партій. Роялистскія и епископальныя группы. Средняя партія пресвитеріанцевъ. Радикальныя фракціи. Преобладаніе среднихъ сословій. Противоположность новой правительственной формы и прежней системы selfgovernement. Огромные расходы на армію. Необходимость диктатуры. Непреодолимыя трудности, въ которыя попало правительство Кромвеля. Военные губернаторы и ихъ обширная власть. Общее недовольство. Историческій обзоръ попытокъ республиканскаго правительства передѣлать общій строй государства. . . . . 658—677

§ 36. *Реставрація.* Единодушіе призванія Карла II. Возстановленіе наслѣдственной монархіи, верхней и нижней палаты, прежняго устройства графствъ, верховной власти короля въ церковныхъ дѣлахъ. Преслѣдованіе пресвитеріанцевъ. Несмотря на реакцію и антиреспубликанское направленіе, регресса не было и правленіе Карла II является вполнѣ конституціоннымъ. Распущенность и легкомысліе Карла II и его времени. . . . . 677—688

§ 37. „King in Council“ и „King in Parliament“. Возстановленіе тайнаго совѣта и нѣкоторыя измѣненія въ его организаціи. Уничтоженіе звѣздной палаты. Верхняя палата. Значительное увеличеніе числа перовъ. Составъ нижней палаты. Усиленіе ея значенія. Личныя привиллегіи депутатовъ. Карлъ II и Іаковъ II дурно пользуются королевской прерогативой. Недостойное поведеніе Карла II въ международныхъ дѣлахъ. На судейскія должности назначаются недостойные и презрѣнные люди, благодаря которымъ грубѣйшимъ образомъ нарушается правосудіе. Дурное вліяніе двора на парламентъ путемъ раздачи должностей. 688—707

§ 38. *Изгнаніе Стюартовъ.* Недовольство беззаконнымъ правленіемъ Стюартовъ. Оппозиція парламента. Тори и виги. Незаконныя дѣйствія Джефриза. Борьба съ вольностями городовъ. Католическія стремленія Іакова II. Упраздненіе государственной церкви. „Достославная революція“. „Декларація правъ“. Соотношеніе властей. . . . . 707—720

§ 38а. *Положеніе сословій въ концѣ XVII столѣтія.* Передвиженіе сословій снизу вверхъ. Лорды и gentry придвигаются другъ къ другу. Измѣненіе правовыхъ отношеній въ предѣлахъ общины и округа. Роль землевладѣльческаго элемента. Расширеніе понятія о джентри и политическая роль его. Мелкіе землевладѣльцы вступаютъ въ составъ средняго сословія. Select bodies городовъ. Классы, не пользовавшіеся избирательнымъ правомъ. Соотношеніе классовъ англійскаго общества XVII столѣтія . . . . . 721—733

ШЕСТОЙ ПЕРІОДЪ.

Парламентское правленіе XVIII столѣтія.

§ 39. *Организмъ англійскаго государства послѣ революціи.* Конструкція государственныхъ властей. Основы государственной жизни. 734—737

40. *Возстановленіе наслѣдственной монархіи.* Фактъ сверженія Іакова II замаскировывается фикціей добровольнаго отреченія его

Стр.

отъ престола. Принципъ наслѣдственности королевской власти. Король не можетъ быть католикомъ. Боязнь безначалія и отсюда преданность наслѣдственной монархіи. . . . . 737—741

§ 41. *Регулированіе закономъ государственнаго верховенства.* Военное верховенство. Милиція. Постоянная армія Англіи. Вербовка. Ее не больше какъ терпятъ. Иначе относятся къ флоту. Судебное верховенство. Административная сторона правосудія и непосредственное отправленіе его. Полицейское законодательство. Вліяніе на него сословныхъ интересовъ правящаго джентри. Финансовое верховенство. Коронныя имущества, пошлины, налоги. Церковное верховенство. Неповоротливость англійской административной машины. . . . . 741—751

§ 42. *Связь государственнаго верховенства съ общинными учрежденіями. Система самоуправленія.* Система административнаго и экономическаго самоуправленія. Самоуправленіе на правахъ власти, уполномоченной центральнымъ правительствомъ. Шерифъ. Lord-lieutenant. Мировой судья. Коронеръ. Участіе населенія въ постановленіи приговоровъ, производствѣ слѣдствія и раскладкѣ land-tax. Почетное положеніе должностныхъ лицъ самоуправленія, что и составляетъ сущность англійскаго Selfgovernement. Экономическое самоуправленіе. Система общинныхъ налоговъ и должности, съ ними связанныя. Собранія членовъ общины. Соединеніе административнаго и экономическаго самоуправленія въ одно цѣлое. Число людей, принимавшихъ участіе въ англійскомъ самоуправленіи. . . . . 751—762

§ 43. *Развитіе юрисдикціи по дѣламъ административнымъ.* Сознаніе необходимости гарантій, которыя обезпечили-бы законность правительственныхъ дѣйствій. Система англійской юрисдикціи по дѣламъ административнымъ. Контроль надъ дѣйствіями администраціи и должностными лицами самоуправленія. Центральныя и мѣстныя инстанціи контроля. . . . . 762—776

§ 44. *Окончательная организація правящаго класса.* „Достословная революція“ усиливаетъ власть господствующаго класса. Высокій цензъ для представительства въ палатѣ, званія мироваго судьи и другихъ мѣстныхъ должностей. Учрежденіе entails. Усиленіе перства, являющагося теперь только высшимъ слоемъ джентри. Сравнительный упадокъ средняго сословія. Населеніе infra classem. . . 776—783

§ 45. *Составъ нижней палаты.* Число представителей. Въ чемъ состоитъ внутренняя связь избирательныхъ корпорацій? Она имѣетъ въ основѣ систему общинныхъ налоговъ и selfgovernement. Значеніе общинной жизни для хода парламентской дѣятельности. Городскіе избирательные округа. Аномаліи въ избирательныхъ правахъ мелкихъ мѣстечекъ. . . . . 784—794

§ 46. *Положеніе верхней палаты.* Верхняя палата какъ представительница существующаго правоваго порядка и противовѣсъ колебаніямъ народнаго представительства. Верхняя палата какъ органическое соединеніе собственности и должностныхъ занятій. 794—799.

§ 47. *Положеніе государственной церкви въ системѣ парламентскаго управленія.* Церковь примиряется съ парламентскимъ государствомъ. Распря между High Church и Law Church. Епископальная система англиканской церкви. Церковныя имущества. Юрисдикція по дѣламъ церковнымъ. Test-act. Единая церковь въ единомъ государствѣ. . . . . 799—805

Стр.

§ 48. *Отношеніе королевскаго правительства къ парламенту.* King in Council и King in Parliament. Новыя отношенія королевскаго совѣта къ парламенту. Privy Cuncil, какъ центръ государственнаго управленія. Выдѣленіе совѣта министровъ. Солидарность членовъ кабинета. King in Parliament. Крайняя зависимость отъ парламента. Отсюда полная зависимость кабинета отъ парламентскихъ партій. Постоянная смѣна партійныхъ министерствъ. Способъ управленія посредствомъ кабинета министровъ согласенъ-ли съ общими принципами англійской конституціи? . . . . . 805—815.

§ 49. *Упраздненіе и видоизмѣненіе высшихъ коронныхъ должностей. Переходъ къ современной министерской системѣ.* Измѣненіе характера исторически сложившихся высшихъ коронныхъ должностей. Придворныя должности. Замѣщеніе высшихъ должностей, какъ средство вознагражденія вліятельныхъ парламентскихъ дѣятелей. Лордъ-Канцлеръ. Лордъ-казначей. Канцлеръ-казначейства. Лордъ-президентъ государственнаго совѣта. Лордъ Privy Seal. Лордъ оберъ-каммергеръ. Первый лордъ адмиралтейства. Лордъ High Steward. Фельдцейхмейстерское вѣдомство. Статсъ-секретари. Министерство внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ, военное и колоній. Секретарь по Остъиндскимъ дѣламъ, по дѣламъ Ирландскимъ и др. должности. . . . . 815—824.

§ 50. *Образованіе парламентскихъ партій.* Организація двухъ парламентскихъ партій. Тори и Виги. Ихъ аргументація и историческое обоснованіе. Значеніе и заслуги англійской юриспруденціи. . . . . 824—831.

§ 51. *Теорія и практика парламентскаго управленія посредствомъ партій* въ правленіе Вильгельма III, Георга I, II и III. Темныя стороны партійной жизни. Подкупы депутатовъ. Безуспѣшная попытка Георга III сломить партійное правительство. Подкупы избирателей. Внѣшнее и внутреннее положеніе страны. Воззрѣнія континента на сущность парламентскаго управленія и дѣйствительное положеніе аглійскаго парламентаризма. . . . . 831—841.

§ 52. *Ростъ и упадокъ англійской конституціи.* Основной характеръ англійскихъ государственныхъ учрежденій при переходѣ въ XIX столѣтіе. Идея свободы въ Англіи. Личная дѣятельность и инціатива гражданъ главнымъ образомъ создаютъ величіе Англіи. Характеръ англійскаго аристократизма. Отсутствіе заботы о благѣ слабѣйшихъ общественныхъ классовъ. Малоблагопріятныя условія духовной жизни. Способность англійскаго правящаго класса отвлечься отъ своихъ интересовъ, когда въ этомъ есть надобность. . 841—845.

§ 53. *Переходъ въ столѣтіе соціальныхъ реформъ и билей.* Эпоха машинныхъ двигателей и произведенныя ею перемѣны въ соціальной жизни Англіи. Новое размѣщеніе общественныхъ элементовъ. Численное усиленіе средняго сословія. Рабочіе классы. Скопленіе людей въ городахъ. Тяжелое положеніе неимущихъ классовъ. Реформы. Заботы о низшихъ классахъ. Ослабленіе внутренней сплоченности между отдѣльными частями государства и общества. Билль о реформѣ 1832 г. Ослабленія личнаго участія въ общинной жизни. Предстоящая „эра радикальнаго воздѣйствія“ и вѣроятное нарожденіе новыхъ парламентскихъ партій. Прогностика будущаго на основаніи опыта прошлаго. . . . . 845—857.

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАГО
В.О.5 лин.54
СКЛ.ВЛАДИМІРСК.ПР.4

Р. Гнейстъ

ИСТОРІЯ

Государствен. Учрежденій

Англіи

М. Ф.